

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Ps/aw 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

Class of 1817,

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ПРОТЪ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-Я.

МАРТЪ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1903.

Стр.

I.—ДВОРИНСТВО И ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.—О. Г. Тернера	3
II.—НА РАЗВАЛИНАХЪ. —Романъ. —Часть первая: XIV-XXV. —Л. Е. Обо- ленскаго	56
III.—НОВАЯ КНИГА О ФРАНЦІИ.—Emile Faguet, Le Libéralisme.—В. Д. Спа- совича	150
IV.—ИЗЪ СОНЕТОВЪ ЕЛІЗ. ВРОУНИНЪ. —Г. Ушнѣв. —II. Неудовлетворен- ность.—III. Слезы.—IV. Непоправимое.—О. Михайловой	163
V.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг. — —VI-VII.—А. В. Романовича-Славянскаго	163
VI.—ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ ВЪ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІИХЪ. —I-XVI. —Евг. А. Липскаго	215
VII.—ЦЕРЬ УЛЬ.—Осмысл. по роману Р. Френсесма.—XVI-XXV. —Окончаніе.— Съ нѣк. II—ны С—ной	264
VIII.—КНЯЗЬ БИСМАРКЪ И ПОДОБЪ ОСВЕЩЕНІИ. —Bismarck und seine Welt, v. Klein-Hattungen.—Л. З. Слонимскаго	329
IX.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Все было своимъ.—С. Р. Фруга	347
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Труды губерскихъ сельско-хо- зяйственныхъ комитетовъ. —Три обрисовывающія до сихъ поръ группы.— Контрасты между губерніями земскими и не-земскими.—Источники разно- гласій. —Главныя изюды работы. —Вопросъ о правовомъ положеніи кре- стьянъ. —Умеленіи словомъ—или явное поминаніе дѣла? —Царицынская городская дума.—Поправка.	349
XI.—ВТОРАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕВИЗИЯ С-ПЕТЕРБУРГСКАГО ГОРОД- СКОГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ 1902 ГОДУ.—М. Ст.	363
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —Правительственное сообщеніе по македон- скому вопросу. —Турецкія реформы и европейская дипломатія. —Мирная программа балканской политики.—Концы венеццальскаго кризиса.—Полити- ческія дѣла Англіи и Франціи.	370
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —I. Н. Мясотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. —Н. Карбева. —II. Э. Паркеръ, Китай, съ англ. подл. Гру- лева. —Евг. Л.—III. Собраніи сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. — IV. А. Вессловскій, Этюды и характеристики. —V. Лангуга, Викиминдіа, перев. и. р. Н. Карбева.—Н. Г.—англ. —VI. Шлакинтъ, Н. А., Изъ неза- данныхъ бумагъ Пушкина.—VII. Къ столѣтію Комитета министровъ, т. III и IV. —Наша желѣзно-дорожная политика по дѣл. Ком. министровъ.— А. П.—Новыя книги и брошюры	391
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. —I. Ellen Key, Еммуа. — II. Clara Viebig, Das Weibendurf.—З. В.	413
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. —Празднованіе дѣя освободенія кре- стьянъ. —Противъ сего ли смертный приговоръ изъа столѣчаніи обще- ственнымъ самоуправленіемъ?—Вѣрность „призывамъ рабства“.—Рѣшеніе сената и комитетарій къ нему въ „Гражданинѣ“.—Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова.—Юбилей Н. А. Гомдеса.—А. А. Гомдатель ф.	428
XVI.—ПРИВѢЩЕНІЯ. —I. Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія. —II. Отъ Императорскаго Женскаго Патриотиче- скаго Общества.	442
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. —Очерки Брика, Евг. Маркова. —Со- браніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. —Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселенъ внутр. губ. Россіи, состав. Г. Савать.— Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, П. Маслова.	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. —I-IV; I-XII стр.	

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCXCV. — ¹/₁₄ МАРТА 1903.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

1035-46

PSlav 176. 25

~~Slav 302~~

Sever fund

3224

ДВОРЯНСТВО

я

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Весь сельско-хозяйственный строй Россіи основанъ на взаимодѣйствіи двухъ по преимуществу землевладѣльческихъ сословій—дворянскаго и крестьянскаго.

Мы рассмотрѣли (см. 1898, іюль, 5; 1899, янв., 83; 1900, янв., 5) условія быта и землевладѣнія крестьянскаго сословія; теперь остается еще обратиться къ изслѣдованію положенія дворянскаго землевладѣнія и связаннаго съ нимъ дворянскаго вопроса.

За послѣдніе годы вопросъ объ упадѣѣ дворянскаго землевладѣнія и объ опасности разложенія всего дворянскаго сословія занималъ всеобщее вниманіе. Дворяне разныхъ губерній представляли записки, въ которыхъ излагались причины бѣдственнаго, по ихъ мнѣнію, положенія дворянства, и указывались мѣры, необходимыя для поднятія дворянскаго благосостоянія.

Всѣ эти заявленія и ходатайства были подвергнуты затѣмъ рассмотрѣнію и обсужденію въ правительственныхъ сферахъ; результатомъ всего этого явилось изданіе ряда законовъ и мѣропріятій, клонящихся къ огражденію дворянскаго сословія и дворянскаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ, острый періодъ дворянскихъ стяжаній окончился; все, что правительство считало возможнымъ сдѣлать въ удовлетвореніе желаній дворянства,—сдѣлано, и дворянскій вопросъ можно считать получившимъ, по крайней мѣрѣ временно, свое завершеніе.

Поэтому именно теперь полезно окинуть общимъ взглядомъ всю эту минувшую эпоху, составить себѣ общую картину хода дворянскаго вопроса и подвергнуть совершившееся безпристрастной оцѣнкѣ.

I.

Первоначально общественный бытъ слагался совершенно естественнымъ путемъ. Въ каждой группѣ людей, будь это родъ или племя, или народъ, выдвигались впередъ наиболѣе энергическіе и способные люди, становясь подъ тѣмъ или другимъ названіемъ во главѣ рода, или племени, или народа. Въ общественныхъ дѣлахъ они привлекали обыкновенно къ совѣту старшинъ, — такимъ образомъ при правителѣ устанавливался совершенно естественнымъ путемъ правительственный совѣтъ. Но такъ какъ при первоначальномъ развитіи общественности между отдѣльными племенами происходили постоянныя войны, то правителямъ приходилось избирать, кромѣ того, изъ народа лицъ, наиболѣе храбрыхъ и способныхъ, изъ которыхъ такимъ образомъ составлялась ихъ дружина. При дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни, старшины и дружинники, со временемъ, начинаютъ составлять изъ себя нѣкоторымъ образомъ высшее сословіе, естественную аристократію. Таковъ, приблизительно, былъ естественный ходъ развитія почти во всѣхъ странахъ.

Но затѣмъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, въ этомъ положеніи происходитъ существенное измѣненіе. Являются посторонніе завоеватели, подчиняютъ себѣ все мѣстное населеніе и обращаютъ его въ совершенное рабство. Въ такой завоеванной странѣ правители — уже не личности, вышедшія изъ самого народа, а посторонніе люди, совершенно другого племени. Вслѣдствіе того, они начинаютъ смотрѣть на прежнихъ обитателей покоренной земли какъ на низшее племя, естественно обреченное на рабство. Такъ, напримѣръ, норманны, покорившіе англо-саксовъ, образовали изъ себя высшее правящее сословіе, а весь англо-саксонскій народъ обратили въ рабовъ, лишенныхъ всякихъ правъ, какъ лицъ низшаго племени; отсюда — родовая теорія о *бллой* и *черной кости*. Таковъ былъ ходъ дѣла почти во всѣхъ феодальныхъ странахъ.

Въ Россіи племенного различія не существовало потому, что страна не подпадала власти чужеземныхъ завоевателей ¹⁾; не

¹⁾ Татарское владѣтельство не затрогивало внутреннего устройства страны.

существовало потому долгое время и чисто-сословныхъ привилегій. Власть была въ рукахъ высшаго класса; низшій классъ, крестьяне хотя и терпѣли по временамъ разныя притѣсненія, но на нихъ все-же смотрѣли не какъ на людей другой породы, не какъ на рабовъ, а какъ на народъ.

Къ сожалѣнію, такое отношеніе между высшимъ и низшимъ классами и у насъ не сохранилось вполне. Вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ при Борисѣ Годуновѣ, приписки ихъ къ разнымъ заводамъ при Петрѣ Великомъ и раздачи крестьянъ во владѣніе разныхъ лицъ при Екатеринѣ II — крестьяне постепенно стали переходить въ положеніе рабовъ. Кромѣ того, введенная Петромъ Великимъ подушная подать положила глубокую сословную рознь между податнымъ классомъ и свободными людьми. Дѣло дошло до того, что въ теченіе довольно продолжительнаго времени крестьянъ продавали и дарили какъ рабовъ, отдѣльно отъ земли и даже съ разлученіемъ семействъ. При такомъ положеніи дѣла и у насъ въ нѣкоторой степени установились тѣ же отношенія между высшимъ и низшимъ сословіями, какъ и въ феодальныхъ государствахъ, и у насъ явилось нѣчто въ родѣ понятія бѣлой и черной кости, только отчасти смягчаемое принадлежностью и высшаго, и низшаго класса къ одной и той же религіи. Вотъ почему, между тѣмъ какъ въ феодальныхъ государствахъ бракъ дворянина съ рабыней былъ совершенно немыслимъ, у насъ нерѣдко встрѣчались случаи брака помѣщика на крѣпостной дѣвкѣ, обыкновенно послѣ пріизитія съ нею дѣтей.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, эти печальныя отношенія между двумя классами одного и того же народа прекратились сами собою.

Измѣнились, однако, не только социальныя отношенія дворянства къ земледѣльческому классу народа, — измѣнилось и самое административное положеніе дворянства.

До 1861 г. все внутреннее управленіе страны, за исключеніемъ сферы городскихъ интересовъ, находилось въ рукахъ дворянства. Помѣщики держали въ своихъ рукахъ значительную долю административныхъ, полицейскихъ и даже судебныхъ функцій по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. За исключеніемъ дѣлъ, подпадавшихъ подъ уголовный законъ, крестьянское населеніе почти не знало другой административной власти, кромѣ своего помѣщика. Въ эти взаимныя отношенія включалась вся мѣстная жизнь въ деревнѣ. Но, кромѣ того, значительная часть такъ-

называемыхъ коронныхъ функцій, касавшихся административной и судебной практики, находилась также въ рукахъ выборныхъ отъ дворянства. Однимъ словомъ, дворянство въ лицѣ помѣщиковъ и выборныхъ чиновъ сосредоточивало въ себѣ все мѣстное управление.

Такое положеніе дѣла рѣзко измѣнилось съ отмѣною крѣпостного права, и затѣмъ естественно возникъ вопросъ: какая будетъ въ будущемъ роль русскаго дворянства.

Создалась цѣлая литература по этому вопросу, при чемъ съ самаго начала выдѣлились два рѣзко противоположныя направленія.

Почти никто въ нашей литературѣ не отрицалъ необходимости дальнѣйшаго существованія дворянства въ качествѣ государственнаго и общественнаго фактора. Но относительно того, какія мѣры необходимы для поддержанія значенія дворянства и въ чемъ должна выразиться въ будущемъ его роль—мнѣнія раздѣлились.

По мнѣнію однихъ, дворянству грозитъ въ будущемъ, если ему не оказать существенной поддержки, опасность полнѣйшаго разложенія. Далѣе всѣхъ шли въ этомъ отношеніи „Московскія Вѣдомости“, восклицавшія: „неужели мы должны спокойно смотрѣть на гибель дворянства, если мы знаемъ, что за нимъ должно послѣдовать крушеніе и монархіи“... Усматривая въ дворянствѣ главную опору престола и отечества, сторонники этого мнѣнія ратовали за предоставленіе дворянству разныхъ исключительныхъ правъ и за поддержаніе этого сословія дарованіемъ ему различныхъ вспомоствованій. Сторонники этого мнѣнія стояли, вмѣстѣ съ тѣмъ, за усиленіе корпоративной обособленности дворянства и мѣстами доходили до такой крайности, что упрекали тѣхъ изъ дворянъ, которые посвящаютъ свою дѣятельность земскому дѣлу, въ ихъ равнодушномъ отношеніи къ исключительно дворянскимъ, кастовымъ интересамъ.

Другіе,—несомнѣнно болѣе значительная группа писателей, въ числѣ которыхъ можно указать на Б. Чичерина, Евреиннова, Новикова, Маркова,—подтверждая, что всюду, гдѣ существовало дворянство, оно являлось вѣрнымъ и цѣннымъ слугою престола и отечества, возражали, однако, основываясь на указаніяхъ всей нашей исторіи, что безграничною преданностью отечеству всегда отличался весь русскій народъ безъ различія состояній. Эта группа писателей усматривала условія дальнѣйшаго полезнаго вліянія дворянства на судьбы Россіи не въ усиленіи сословной, кастовой обособленности, а напротивъ, въ просвѣти-

тельномъ воздѣйствіи дворянства на остальное населеніе, какъ сословія, поглощающаго въ себѣ всю интеллигенцію страны, вслѣдствіе постепеннаго включенія въ свой составъ индивидуальностей, чѣмъ-либо выдающихся какъ на служебномъ поприщѣ, такъ и въ другихъ областяхъ дѣятельности. Дворянство—сословіе, призванное вліять въ воспитательномъ отношеніи на низшіе классы народа въ силу какъ высшаго своего развитія и образованія, такъ и въ силу того административнаго положенія, которое за нимъ оставлено правительствомъ. Такъ Г. А. Евреиновъ заключаетъ свою монографію: „Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства“—словами: „область мѣстнаго управленія представляетъ широкое поле для развитія и усиленія политическаго значенія помѣстнаго дворянства. Въ этомъ направленіи, а не въ развалинахъ видимо разрушающагося прежняго сословнаго строя слѣдуетъ искать пути, на которомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, помѣстному дворянству могутъ быть предоставлены болѣе широкіе способы полезнаго служенія государству“.

Исторія показываетъ намъ, что дворянство только тамъ сохраняло свое значеніе, гдѣ оно принимало живое участіе въ развитіи благосостоянія страны, сохраняя связь и съ землею, и съ народомъ, и проявляя, въ качествѣ интеллигентнаго и наиболѣе состоятельнаго класса землевладѣльцевъ, свое цивилизующее вліяніе на низшій земледѣльческій классъ—участіемъ въ мѣстной администраціи и содѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства. Обладая большими передъ крестьянами-земледѣльцами свѣдѣніями и большими средствами, оно имѣетъ, между прочимъ, возможность производить разные агрономическіе опыты, часто дорого стоящіе и не приносящіе немедленнаго дохода, но обѣщающіе въ будущемъ благотѣльные для сельскаго хозяйства результаты. Играть такую роль дворянство способно только при условіи постояннаго обновленія своего состава, привлеченіемъ въ свою среду выдающихся дѣятелей изъ разныхъ сферъ общественной дѣятельности. Напротивъ того, тамъ, гдѣ дворянство заботилось исключительно и эгоистически о сохраненіи своихъ привилегій на счетъ благосостоянія другихъ классовъ народа, крѣпко держась своего кастоваго устройства, оно неизбежно было обречено на гибель.

Первоначально, преимущественныя права дворянства совершенно не имѣли характера привилегій, а представляли естественную принадлежность класса людей, на которомъ зиждилось все внутреннее управленіе страны. Затѣмъ, по мѣрѣ перехода

разныхъ мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ функцій въ руки должностныхъ лицъ центральнаго правительства, — преимущественныя права высшаго сословія начинали терять отчасти свою естественную цѣлесообразность и превращались въ привилегіи. Несмотря на то, вездѣ, гдѣ дворянство продолжало принимать участіе въ мѣстной жизни страны, по своей связи со всѣмъ земледѣльческимъ сословіемъ, его преимущественное положеніе (насколько оно не нарушало естественныхъ правъ другихъ сословій) — сохранялось, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, т.-е. съ устраненіемъ изъ числа привилегій такихъ остатковъ прежнихъ временъ, которые уже были совершенно несовмѣстны съ развитіемъ государства. Преимущественное право высшаго сословія по участію, напримѣръ, въ мѣстномъ управленіи могло сохраняться безвредно, какъ справедливое условіе той дѣятельности, которая ожидалась отъ дворянства.

Живой примѣръ оскудѣнія дворянства, не понявшаго своихъ обязанностей по отношенію къ народу, представляетъ Франція; тамъ сохранились еще дворянскія фамиліи, принадлежавшія къ высшей аристократіи, — но значеніе дворянства, какъ высшаго сословія, въ жизни страны совершенно уничтожилось. Произошло это потому, что французское дворянство постепенно утратило всякую живую связь съ народомъ и отказалось отъ всякаго общественнаго служенія на пользу страны. Поглощенное придворною жизнью, дворянство жадно держалось своихъ востовыхъ привилегій и въ своихъ отношеніяхъ къ низшему земледѣльческому классу проявляло только эксплуатаціонныя стремленія, истощая народъ обязательными послугами въ свою пользу и ничего не дѣлая для поднятія его благосостоянія и развитія. Вотъ почему французская революція могла совершенно упразднить значеніе дворянства, какъ сословія, не имѣвшаго уже живыхъ корней въ странѣ. И въ Англіи была революція, и тамъ Кромвель опирался на низшіе классы, — но такъ какъ тамъ дворянство было органически связано съ жизнью и интересами всего сельскаго сословія, то ни революція, ни Кромвель, не могли окончательно сломить значенія дворянства въ странѣ. То же самое какъ въ Англіи, въ противоположность Франціи, мы видимъ и въ Германіи.

По какому же направленію пойдетъ русское дворянство?

Вся его предшествующая историческая жизнь и самая эпоха послѣднихъ пятидесяти годовъ, при всемъ различіи, внесенномъ ими въ проявленія нашей бытовой жизни, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что роль дворянства въ Россіи не закончена, что ему предстоитъ еще дальнѣйшая дѣятельность на пользу го-

сударства и народа, и что оно составляет естественное, необходимое звено въ составѣ русскаго организма. Никакъ нельзя согласиться потому съ пессимистическимъ взглядомъ на будущность дворянства, который нашелъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ дворянскихъ запискахъ; никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что всему дворянскому сословію грозитъ разложеніе.

Наше дворянство до сихъ поръ тѣсно связано съ землей, какъ мы увидимъ дальше; несмотря на всѣ измѣненія, происшедшія за послѣднее время въ дворянскомъ землевладѣніи, ему принадлежитъ еще въ сельской средѣ выдающееся значеніе. Россія до сихъ поръ преимущественно земледѣльческая страна; уже это одно создаетъ неразрывную связь между дворянскимъ землевладѣніемъ и сельскимъ классомъ народа. Нѣкоторое время послѣ освобожденія крестьянъ, въ средѣ нашего дворянскаго землевладѣнія сильно развился абсентеизмъ. Между тѣмъ, только оставаясь на мѣстахъ, живя въ своихъ имѣніяхъ, дворянство можетъ приносить ожидаемую отъ него пользу въ смыслѣ вышлага класса, направляющаго мѣстные интересы ¹⁾. Этотъ абсентеизмъ объяснялся естественно трудностью хозяйничанья и разными неудобствами жизни въ деревнѣ, которыя проявились послѣ освобожденія крестьянъ; переходныя эпохи въ жизни народовъ всегда не легко переживаются. Но въ послѣднее время абсентеизмъ начинаетъ у насъ уменьшаться, особенно молодое поколѣніе дворянъ начинаетъ возвращаться къ землѣ.

Точно также наше дворянство не лишено и другого условія преуспѣянія—восполненія своего состава выдающимися личностями изъ другихъ классовъ народа. Это восполненіе имѣетъ до сихъ поръ специально служилый характеръ. Только чрезъ посредство чина или ордена лица другихъ сословій могутъ проникать въ дворянство. Между тѣмъ, по мѣрѣ развитія страны, несомнѣнно желательно, чтобы дворянство пополнялось выдающимися элементами и изъ другихъ общественныхъ сферъ. Знаменитый англійскій министръ, сэръ Робертъ Пиль, происходилъ изъ семейства богатыхъ мануфактуристовъ. Особенно желателенъ въ этомъ отношеніи переходъ въ дворянство богатыхъ и образованныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и принимающихъ участіе въ мѣстной общественной жизни. Отсутствие возможности приобщенія къ дворянству означенныхъ сельскихъ хо-

¹⁾ Мы здѣсь говоримъ исключительно о сельскихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ несомнѣнно дворянство представляетъ наиболѣе развитой и интеллигентный классъ.

заявъ, какъ *таковыхъ*, восполняется отчасти косвеннымъ путемъ. Во-первыхъ, бываютъ, хотя и рѣдкіе, случаи возведенія подобныхъ семействъ въ дворянство непосредственнымъ актомъ Высочайшей воли. Кромѣ того, такія личности, занимая выдающееся экономическое положеніе, путемъ участія въ земской и благотворительной дѣятельности могутъ приобрѣтать чины и ордена, и такимъ образомъ достигать дворянства. Слѣдуетъ, однако, ожидать, что, рано или поздно, имъ будетъ открытъ прямой доступъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ среду дворянъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что наше дворянство обладаетъ уже двумя изъ вышеуказанныхъ условій преуспѣянія—оно связано и съ землей, и съ другими классами народа, изъ которыхъ оно постоянно восполняется, перетягивая въ свою среду выдающихся и полезныхъ дѣятелей изъ другихъ сословій.

Наконецъ, относительно третьяго условія—готовности блюсти интересы народа и содѣйствовать развитію народнаго благосостоянія—наше дворянство также проявило не мало задатковъ стремленія къ дѣятельности въ этомъ смыслѣ. Кружокъ лицъ, усматривающихъ интересы дворянства главнымъ образомъ въ сохраненіи кастовой обособленности, составляетъ несомнѣнно ничтожное меньшинство въ средѣ нашего дворянства, но даже и эта небольшая группа считаетъ необходимымъ прикрыть свои кастовыя вождѣнія яко бы преимущественнымъ предъ другими сословіями служеніемъ престолу и отечеству. Но, затѣмъ, подавляющее большинство дворянъ усматриваетъ задачу дворянства—какъ высшаго и наиболѣе образованнаго сословія—въ дѣятельности на пользу народа и вмѣстѣ съ народомъ, сохраняя какъ бы традиціи знаменитаго представителя дворянства—князя Пожарскаго, который посвятилъ себя спасенію отечества и пошелъ на этотъ подвигъ, соединившись съ представителемъ народа—мясникомъ Кузьмою Мининымъ.

И въ послѣдующее время наше дворянство продолжало проявлять акты патріотическаго служенія на пользу народа. Одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русскаго дворянства представляетъ, между прочимъ, дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Несмотря на то, что освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно было произведено, не пользовалось сочувствіемъ значительной части нашего дворянства,—когда пришлось приводить крестьянское Положеніе въ дѣйствіе, по царскому зову явились дворяне со всей Россіи, которые, принося въ жертву односторонніе дворянскіе интересы, съ замѣчательнымъ

безкорыстіемъ и даже самоотверженіемъ, свято исполнили порученіе, возложенное на нихъ царемъ и отечествомъ.

Наконецъ, въ томъ же смыслѣ продолжаетъ проявляться дѣятельность дворянства въ земскомъ служеніи.

Можно ли послѣ того говорить объ оскудѣніи нашего дворянства? Еще недавно предсѣдатель рязанской губернской управы слѣдующими словами почтилъ память одного изъ выдающихся земскихъ дѣятелей губерніи: „Немного было въ земствѣ такихъ людей, какъ Д. Д. Дашковъ. Кто слышалъ его въ земскихъ собраніяхъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія, которое производили его слова. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которыми дворянство расплатилось за всѣ привилегіи, какими оно въ прежнее время несправедливо пользовалось. Онъ отдалъ всѣ свои силы, всего себя обществу, земству“.

Много ли, мало ли, но такіе дѣятели всегда были и всегда будутъ на Руси. Д. Д. Дашковъ, Д. Θ. Самаринъ, Б. Н. Чичеринъ и самъ князь Волконскій—все это имена, близко связанная съ земскою дѣятельностью. Нѣтъ, не оскудѣла людьми русская земля, не оскудѣло ими и русское дворянство. Такие люди невольно увлекаютъ все сословіе на полезную дѣятельность, на благо общее, закрѣпляя такимъ образомъ необходимую органическую роль дворянства въ жизни русскаго народа и живую связь дворянства съ народомъ.

II.

Прежнее до-реформенное дворянское самоуправленіе было, несомнѣнно, неудовлетворительно, но не отъ того, что оно руководилось дворянствомъ, а отъ общаго строя всей тогдашней жизни. Съ освобожденіемъ крестьянъ, разомъ измѣнился весь гражданскій порядокъ; всѣ отношенія общественныя и частныя сдвинулись и перепутались. При такихъ условіяхъ корпоративная связь, созданная вѣками въ средѣ дворянства, получала существенное значеніе, служа твердымъ жизненнымъ центромъ для группировки общественныхъ силъ.

Какъ же велика та сфера административной и общественной дѣятельности, въ средѣ которой дворянство можетъ въ настоящее время проявлять еще свое вліяніе и свое участіе въ дѣлахъ?

Связь съ дворянства ярмо крѣпостного права, великій преобразователь указалъ на земство, какъ на поприще, въ которомъ дворянство широко могло проявлять свою дѣятельность. За

дворянствомъ фактически осталось руководство въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправления; въ лицѣ предводителей дворянства ему было предоставлено прямое и непосредственное вліяніе на мѣстныя дѣла. Затѣмъ, въ началѣ прошлаго царствованія, съ высоты престола къ дворянству былъ обращенъ положительный призывъ къ широкому участию въ дѣлахъ страны. „Благодарю васъ,—говорилъ императоръ Александръ III,—сердечно за ваши чувства и вѣрную службу. Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорой престола, и искренно цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянъ въ мѣстныхъ дѣлахъ“... Всѣ виды народнаго образованія были ввѣрены руководительству дворянства чрезъ посредство уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, поставленныхъ подъ предсѣдательство уѣздныхъ предводителей дворянства. Наконецъ, при учрежденіи должности земскихъ начальниковъ, было установлено, что на эти мѣста должны быть назначаемы исключительно мѣстные дворяне и самое назначеніе должно было происходить изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ предводителями дворянства.

Съ теченіемъ времени этотъ широкій объемъ круга дѣятельности дворянства былъ нѣсколько суженъ. Закономъ 1884 года церковныя школы были изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ, и были поставлены нѣкоторымъ образомъ въ привилегированное положеніе, потому что имъ однимъ оказывается пособіе изъ государственнаго казначейства. По новому земскому Положенію, съ одной стороны, большинство въ земскихъ собраніяхъ было обезпечено за дворянствомъ, но, съ другой стороны, самая сфера земской дѣятельности была существенно сужена,—такъ, между прочимъ, значительная часть продовольственнаго дѣла была изъята изъ сферы земской, а потому, можно сказать, и дворянской дѣятельности. Наконецъ, даже право самообложенія земства было ограничено извѣстными предѣлами.

Такимъ образомъ, въ отношеніи правительства къ земской дѣятельности нельзя было усмотрѣть строгой послѣдовательности. Послѣ широкаго призыва дворянства къ участию въ мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ, послѣдовалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію мѣстной самодѣятельности.

По нѣкоторымъ признакамъ позволительно, однако, предполагать, что правительство начинаетъ вновь склоняться къ поощренію земскаго дѣла. Это предположеніе подтверждается слѣдующими словами, сказанными еще недавно Государемъ Императоромъ представителямъ вурскаго земства.

„Земское хозяйство — дѣло первѣйшей важности, и Я надѣ-

юсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказывать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моёмъ къ вамъ благоволеніи“.

Итакъ, не закрыта возможность полезнаго примѣненія дворянскихъ силъ къ мѣстному дѣлу. Государь призываетъ вновь земскихъ дѣятелей къ *мѣстному устройству въ области хозяйственныхъ нуждъ*, а главные дѣятели въ земскихъ учрежденіяхъ—преимущественно дворяне, хотя они здѣсь дѣйствуютъ на всесословной почвѣ. Они являются руководителями земскаго дѣла, и если не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ они проявляютъ энергическое стараніе къ поднятію народнаго благосостоянія. Благодаря имъ, въ разныхъ мѣстностяхъ начинаютъ учреждаться кассы дешеваго кредита, склады земледѣльческихъ орудій и т. п. подспорья народному хозяйству. Допуская даже, что подобныя мѣропріятія не представляютъ еще всеобщаго явленія, можно сказать, что вездѣ, гдѣ земская дѣятельность получила подобное направленіе, инициаторами дѣла явились дворянскіе ея члены.

Не въ обособленности, а въ живомъ единеніи съ другими классами общества—настоящее призваніе русскаго дворянства, какъ это хорошо понимаютъ тѣ здоровые элементы въ его средѣ, которые, по словамъ Чичерина, обращаются не къ прошлому, а къ будущему.

Такое стремленіе не означаетъ, однако, отказа дворянства отъ собственной организаціи и отъ своихъ сословныхъ связей. Дворянство, по удачному выраженію Чичерина, должно образовывать ядро для новыхъ формацій. Завѣщанная прошлымъ, корпоративная организація дворянства не только не вредитъ, но приноситъ существенную пользу естественному развитію жизни государства. Безмездная общественная служба въ различныхъ ея формахъ, и особенно въ роли столь важнаго учрежденія предводителей дворянства, составляетъ принадлежность необходимаго во всякомъ обществѣ высшесословнаго элемента и самое надежное условіе мѣстнаго вліянія этого передового сословія. Оставаясь при своей корпоративной организаціи, дворянство можетъ тѣмъ существеннѣе проявлять свою дѣятельность и свое вліяніе въ средѣ земскихъ учреждений, гдѣ оно, сливаясь съ другими сословіями, можетъ образовывать, какъ говорилъ Чичеринъ, ядро новыхъ формацій, т.-е. земскихъ дѣятелей. При такихъ условіяхъ дворянство, какъ наиболее развитой и наиболее состоятельный

классъ сельскаго населенія, можетъ и должно остаться руководящимъ элементомъ въ будущемъ процессѣ нашей мѣстной жизни.

III.

Если такимъ образомъ несомнѣнно, что и при существующихъ условіяхъ дворянство призвано принимать широкое участіе въ мѣстной жизни государства, то, съ другой стороны, является вопросъ, насколько его настоящее экономическое положеніе позволяетъ ему посвятить свои силы общественной дѣятельности?

Въ этомъ смыслѣ было замѣчено, что дворянскій вопросъ прежде всего—вопросъ экономическій.

Обстоятельства, послѣдовавшія за освобожденіемъ крестьянъ, и наступившій, вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, кризисъ хлѣбной торговли повліяли несомнѣнно крайне неблагоприятно на экономическое положеніе дворянскаго землевладѣнія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, критическое положеніе дворянскаго землевладѣнія дошло до того, что дворянству, если ему не придти на помощь, грозитъ полнѣйшее разореніе. Исходя изъ такого положенія, писатели, раздѣляющіе это пессимистическое воззрѣніе, приходили къ естественному заключенію, что если дворянство представляетъ дѣйствительно необходимый организационный элементъ въ общественной жизни государства, если ему предстоитъ еще дальнѣйшая полезная дѣятельность, то несомнѣнно необходимо принять мѣры къ устраненію этой опасности, необходимо придти ему на помощь, и что весь вопросъ заключается только въ томъ, каковаго рода должны быть эти мѣропріятія.

Въ числѣ различныхъ сужденій высказывалось, впрочемъ, и противоположное мнѣніе, а именно, что дворянство должно собственными усиліями выйти изъ настоящаго затруднительнаго положенія и что оно, въ сущности, не нуждается въ искусственной поддержкѣ со стороны государства. Такъ, напримѣръ, Е. Марковъ, въ статьѣ „Соль земли“, развивалъ слѣдующія соображенія.

Напрасно проповѣдуютъ у насъ, что матеріальное положеніе дворянства подорвано въ корнѣ и не можетъ возстановиться. Изъ того, что большой процентъ дворянскихъ земель уже ускользнулъ и продолжаетъ уходить изъ дворянскихъ рукъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы это означало крушеніе дворянства. До 19-го февраля одно дворянство владѣло населенными землями, а кромѣ сельскаго хозяйства, въ Россіи стараго порядка почти не существовало сферъ,

въ которыхъ дворянство могло приложить свои средства и свое знаніе. Послѣ великихъ реформъ распредѣленіе богатства и профессій должно было существенно измѣниться. Сельское хозяйство перестало быть безпечнымъ и безпечальнымъ полученіемъ работъ и оброковъ, а обратилось въ коммерческое и техническое предприятие, потребовавшее оборотнаго капитала, серьезнаго труда и специальныхъ знаній. При такихъ условіяхъ, нѣкоторая часть дворянъ нашла болѣе выгоднымъ ликвидировать свои недвижимыя имущества и обратиться къ предпріятіямъ болѣе выгоднымъ. Другая часть дворянъ, хотя и не прекратила своей сельской дѣятельности, нашла, однако, при новыхъ условіяхъ, выгоднѣе сократить размѣръ земель и хозяйничанья, и нѣкоторую долю земель обратить въ деньги.

Несомнѣнно, многіе дворяне ликвидировали свои вотчины далеко не ради болѣе доходныхъ профессій и болѣе выгодныхъ способовъ эксплуатаціи своихъ имуществъ, а просто по невозможности для нихъ справиться съ новыми условіями экономическаго быта.

Слѣдуетъ признать, что ходъ исторіи произвелъ, такъ сказать, естественный подборъ тѣхъ болѣе надежныхъ элементовъ дворянства, которые были болѣе богаты внутренними силами, чтобы устоять на собственныхъ ногахъ и примѣниться къ новой эпохѣ. Въ концѣ-концовъ дворянское землевладѣніе очутилось въ болѣе прочныхъ рукахъ. Помимо того, самая цѣнность дворянской недвижимости росла сильнѣйшимъ образомъ.

Дворянство не даромъ всегда было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ, — ему должно теперь внести свѣтъ просвѣщенія въ среду сельскаго хозяйства, которое немислимо тащить по истертымъ колеямъ патріархальной и мужицкой рутины. Впрочемъ, это отчасти уже осуществилось. Рядомъ съ малодушными жалобщиками на мнимую невозможность вести сельское хозяйство — не мало почтенныхъ тружениковъ, терпѣливо изучающихъ дѣло, улучшающихъ хозяйство всякими доступными имъ способами.

Дворянство должно быть сильно собственными своими силами, безъ разсчета на государственныя подачки. Только настойчивымъ трудомъ въ своихъ деревенскихъ хозяйствахъ, только заботами о воспитаніи и образованіи дѣтей и честнымъ отправленіемъ своей общественной службы дворянство отстоитъ свои законныя права руководительнаго класса.

Съ своей стороны Чичеринъ, не отрицая пользы оказанія дворянству воспособленія на почвѣ кредита въ разумныхъ размѣрахъ, замѣчаетъ, что тѣ имѣнія, которыя спасаются при по-

мощи благотворительныхъ капиталовъ или милостей правительства, запутываются все въ большіе долги, и вмѣсто того, чтобы разомъ покончить съ положеніемъ, которое нельзя удержать, — владѣльцы этимъ путемъ только окончательно разоряются.

Но посмотримъ теперь, какъ по этому вопросу высказывалось само дворянство?

Настоящее положеніе дворянскаго землевладѣнія почти во всѣхъ запискахъ, излагавшихъ дворянскія пожеланія, рисовалось большею частью крайне темными красками. „Большинству дворянскихъ семей, — говорилось въ одной изъ этихъ записокъ, — грозитъ полнѣйшее разореніе, а всему сословію — разложеніе“. Такой пессимистическій взглядъ проходилъ красною нитью черезъ значительную часть дворянскихъ заявленій.

Временный упадокъ цѣнъ и нѣкоторый застой хлѣбной торговли, по отзывамъ дворянъ, несомнѣнно усугубилъ тягостное положеніе дворянства, но коренныя причины разстройства дворянскаго землевладѣнія слѣдовало искать глубже. Первую причину, по мнѣнію большинства дворянскихъ заявленій, слѣдуетъ искать въ отмѣнѣ обязательнаго труда, въ томъ видѣ, какъ эта отмѣна была проведена, то-есть съ лишеніемъ землевладѣнія на первое время всякаго пособія поземельнаго кредита.

Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости дворяне лишились обязательныхъ рабочихъ съ ихъ инвентаремъ. Немедленно потребовались средства какъ для пріобрѣтенія инвентаря, такъ и для веденія хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ, такъ какъ оборотнаго капитала почти ни у кого въ наличности не было.

Между тѣмъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, была прекращена выдача ссудъ изъ сохранный казны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгосрочные долги помѣщиковъ были разомъ погашены вычетомъ ихъ изъ выкупной суммы. Въ этомъ многіе усматривали нарушеніе самыхъ условій займа, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, часть долга, по крайней мѣрѣ, могла быть переведена на оставшуюся за надѣломъ крестьянъ землю. Такимъ образомъ, выкупная ссуда была почти для всѣхъ значительно уменьшена; кромѣ того, землевладѣльцы получили ее спустя довольно продолжительное время послѣ введенія въ дѣйствіе крестьянской реформы и притомъ не наличными деньгами, а процентными бумагами, которыя приходилось продавать на биржѣ значительно ниже ихъ номинальной цѣны, такъ что въ окончательномъ результатѣ помѣщики получили крайне небольшую сумму. Вотъ почему имъ пришлось по неволѣ обращаться къ займамъ у частныхъ лицъ по высокимъ процентамъ.

Наконецъ, стали образовываться кредитныя учрежденія. Возникли частныя поземельныя банки, большею частью акціонерныя, учредилось общество взаимнаго поземельнаго кредита, такъ называемый „золотой банкъ“. Кредитъ въ частныхъ банкахъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись, обходился крайне дорого, и потому дѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на землевладѣльцевъ. Но особенно разорительныя для нихъ послѣдствія имѣли операціи „золотого банка“. Съ пониженіемъ курса, пришлось платить проценты и погашеніе совершенно несоразмѣрно съ тѣмъ капиталомъ, который въ дѣйствительности былъ полученъ заемщиками. Займы въ „золотомъ банкѣ“ прямо обратились въ разореніе заемщиковъ.

Такъ прошли тяжкія двадцать-пять лѣтъ въ отчаянной борьбѣ за существованіе, въ продолженіе которыхъ благосостояніе дворянъ существенно пострадало.

Наконецъ, въ 1886 году былъ учрежденъ государственный дворянскій земельный банкъ, съ цѣлью воспособленія „дворянамъ сохранить и поддержать ихъ имѣнія“. Къ сожалѣнію, говорится въ дворянскихъ запискахъ, уставъ его былъ составленъ по образцу частныхъ банковъ, и въ основу его были положены чисто коммерческія начала. Банкъ бралъ проценты за каждое полугодіе впередъ, и за невзносъ ихъ уже начислялъ пеню и во второе полугодіе публиковалъ о продажѣ имѣнія. Неисправные заемщики за одну публикацію принуждены были платить вдвое болѣе противъ того, что эта публикація въ дѣйствительности стоила. Назначалось въ продажу значительное число имѣній, причемъ публикація происходила формально за всякій неплатежъ, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ; полугодовой платежъ составлялъ всего $2\frac{1}{8}\%$, а потому недоимка одной седьмой и даже одной шестой части этого платежа, по своей незначительности, никакого ущерба причинить банку не могла, тѣмъ болѣе, что нерѣдко подобная незначительная недоимка представляла не что иное, какъ начеты за публикацію, о которыхъ заемщики не могли даже знать своевременно. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянскому банку было предоставлено право покупать продаваемыя дворянскимъ банкомъ имѣнія. Такимъ образомъ, дворянская земля передавалась крестьянамъ простымъ перечисленіемъ. Считая вѣроятно дворянъ безвозвратно погибшими, рѣшено было поддерживать крестьянское землевладѣніе на счетъ дворянскаго.

Въ дополненіе къ долгосрочному кредиту для воспособленія дворянъ, имъ былъ открытъ еще краткосрочный кредитъ подъ *соло-векселя*. Но и при этомъ вначалѣ были изданы крайне

стѣснительныя правила. Требовалось залоговое свидѣтельство отъ старшаго нотаріуса, кромѣ того копія съ залоговаго свидѣтельства банка, въ которомъ имѣніе было заложено. Учетный комитетъ состоялъ изъ восьми купцовъ и четырехъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ,—жаловались дворяне,—купцамъ было предоставлено учитывать дворянскіе векселя и притомъ съ преобладающимъ числомъ голосовъ. Производя оцѣнку дворянскихъ имѣній, купцы могли знакомиться съ хозяйственнымъ и денежнымъ положеніемъ владѣльцевъ и, подбарауливъ затруднительное ихъ денежное положеніе, купить имѣніе за полъ-цѣны, тѣмъ болѣе, что средства на это они могли получить подъ свои векселя въ государственномъ банкѣ. Купцамъ было предоставлено право судить о личной благонадежности дворянъ, съ требованіемъ при этомъ сообщенія даже такихъ свѣдѣній, которыя трудно было провѣрить,—напримѣръ, сколько корова даетъ кринковъ молока.

Разъ соло-вексельный кредитъ былъ обезпеченъ недвижимымъ имуществомъ, слѣдовало заемщику предоставить право распоряжаться полученными деньгами по своему усмотрѣнію, такъ какъ соло-вексельный кредитъ не имѣлъ характера кредита меліоративнаго. Когда помѣщикъ, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, не имѣя возможности своевременно заплатить проценты банку, бралъ для того ссуду подъ соло-вексель, чтобы спасти имѣніе отъ продажи, то было ли справедливо лишать его кредита за то, что онъ спасъ имѣніе, а не употребилъ деньги на увеличеніе инвентаря? Между тѣмъ на банкъ была даже возложена обязанность посылать чиновниковъ для удостовѣренія посредствомъ личнаго осмотра ими имѣнія,—употребляются ли ссуды по назначенію.

Проценты за соло-вексельный кредитъ взимались съ дворянъ въ большемъ размѣрѣ— $6\frac{1}{4}\%$,—тѣмъ съ купцовъ, которые платили по своимъ векселямъ по $4\frac{1}{2}\%$ за три мѣсяца и $5\frac{1}{2}\%$ за шесть мѣсяцевъ.

Самыя правила ссудъ часто измѣнялись, такъ что заемщики не могли ни на что разсчитывать. Мѣнялись проценты, мѣнялись сроки, мѣнялись и самыя основанія ссудъ. По первоначальнымъ правиламъ кредитъ подъ соло-векселя назначался безсрочно; въ 1892 г. были опредѣлены сроки, а по правиламъ 1894 г. кредитъ сталъ открываться уже только на одинъ годъ. По истеченіи каждаго срока, кредитъ подлежалъ пересмотру. Въ случаѣ неправильнаго пользованія кредитомъ или выборки, вмѣсто частныхъ позаймствованій, кредита полностью, кредиты сокращались. Но особенно стѣснительными оказались правила 1896 года.

Краткосрочный кредитъ отличается отъ долгосрочнаго тѣмъ, что правительство, если найдетъ нужнымъ, можетъ прекратить его, не нарушая займа; ссуда, обеспеченная залогомъ, всегда будетъ уплачена. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе то тяжелое положеніе, въ которомъ находилось дворянство, слѣдовало, по мнѣнію дворянъ, не принимать такихъ стѣснительныхъ мѣръ безъ всякой надобности, предоставляя заемщику пользоваться ссудой по его усмотрѣнію.

Банкъ не обращалъ вниманія и на особенное положеніе дворянъ какъ сельскихъ дѣятелей. Погасить ссуду можно было посылкой денегъ по почтѣ, но чтобы получить ссуду, надо было ѣхать въ городъ,—поѣздки же стоютъ денегъ, да и не всегда можно было отлучиться изъ имѣнія по хозяйству.

При столь затруднительныхъ условіяхъ, хотя дворяне-земле-владѣльцы и силились увеличивать доходность своихъ имѣній и оживить дѣла при помощи оборотнаго капитала, легко получаемого, но въ большинствѣ случаевъ всѣ ихъ старанія оказывались напрасными и надежды на подъемъ не осуществлялись. Положеніе ихъ затруднялось еще тѣмъ, что, кромѣ специальныхъ своихъ невзгодъ, они страдали, вмѣстѣ со всѣми другими сословіями, отъ проявившагося экономическаго и финансоваго кризиса. Отъ него страдали всѣ, но дворяне болѣе всѣхъ, и въ особенности люди предприимчивые. До начала кризиса они пріобрѣтали земли дешево, пользуясь банковымъ кредитомъ; когда же наступилъ кризисъ, когда цѣны упали и доходы съ имѣнія перестали поступать—они лишились возможности платить проценты по занятымъ деньгамъ. Въ мѣстностяхъ, близко затрогиваемыхъ иностранною торговлей, какъ, напр., въ харьковской губерніи, кризисъ отозвался съ особенною силою. Пока русская торговля занимала выдающееся положеніе на европейскихъ рынкахъ и сбытъ нашихъ сельскихъ произведеній происходилъ оживленно по хорошимъ цѣнамъ (т.-е. до 1885 г.),—мѣстная производительность двигалась быстро впередъ и сельское хозяйство видимо развивалось. Были сдѣланы значительныя затраты для устройства имѣній, пріобрѣтенія сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. п. Многія изъ этихъ затратъ, съ своей стороны, потребовали кредита и обременили такія имѣнія банковыми обязательствами, заключенными въ расчетъ на будущее развитіе хозяйства. Но затѣмъ все измѣнилось, и розовыя надежды рушились. Дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ было остановлено, вслѣдствіе упадка нашего хлѣба на заграничныхъ рынкахъ. Тѣмъ не менѣе, пришлось отпускать хлѣбъ по разорительнымъ цѣнамъ, причемъ хлѣбная торговля

оставалась въ рукахъ аферистовъ, которые сознательно портили качество нашего хлѣба. Не помогъ землевладѣльцамъ и урожайный 1887—1888 г., совпавшій даже съ неурожаемъ за границею. При дороговизнѣ рабочихъ рукъ, вслѣдствіе нашего обильнаго урожая, потребовалось особое напряженіе силъ,—а это понуждало продавать хлѣбъ по низкой цѣнѣ,—такъ что и столь благопріятныя повидимому обстоятельства не могли помочь дѣлу.

Мѣры, принимавшіяся правительствомъ для облегченія экономическаго кризиса въ видѣ ссудъ, выдававшихся подѣ отправляемый хлѣбъ, покупокъ хлѣба для военнаго вѣдомства прямо у производителей и т. п., были обставлены излишними формальностями, которыя препятствовали проявленію тѣхъ полезныхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать отъ вышеуказанныхъ предпріятій.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединилось еще сокращеніе сельскаго винокуренія, вслѣдствіе введенія акцизной системы, дороговизна сельско-хозяйственныхъ машинъ, вслѣдствіе обложенія заграничнаго привоза ихъ высокими таможенными пошлинами, и вредъ, нанесенный нѣкоторымъ мѣстностямъ желѣзно-дорожными тарифами и неисправностью желѣзно-дорожнаго движенія.

Столь затруднительное положеніе дворянскаго землевладѣнія естественно вызвало постепенное его сокращеніе. Изъ рукъ дворянъ земли переходятъ въ руки другихъ лицъ. Небольшая часть переходитъ въ руки крестьянъ при помощи крестьянскаго банка, но болѣею частью земли переходятъ въ руки новыхъ лицъ, не имѣющихъ съ землею ничего общаго, а потому стремящихся какъ можно скорѣе возратить затраченныя деньги, чтобы затѣмъ бросить ее, если невозможно продать. Хищники подобнаго рода ведутъ только къ обнищанію края, къ уничтоженію производства страны, которая въ концѣ концовъ должна будетъ обратиться въ пустыню. Сельское хозяйство есть дѣло преимущественно долготѣе, требующее въ самомъ основаніи многихъ затратъ и лишеній, прежде чѣмъ оно станетъ на прочную независимую ногу; поэтому здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, важна увѣренность владѣльца, что плодами его трудовъ воспользуется лицо ему близкое, которое будетъ продолжать его труды и заботы по дѣлу устройства имѣнія. О новыхъ людяхъ, въ руки которыхъ переходитъ земля, потому до сихъ поръ добра не слышно; они придерживаются правилъ выжиманія сока до послѣдней капли изъ мужаика и изъ земли, чтобы только возратить въ возможно короткій срокъ затраченныя деньги съ процентами.

Упадокъ дворянства отражается потому и на упадкѣ крестьянства. Такъ какъ у насъ фермерство не существуетъ, а аренда не представляетъ, болѣею частью, обезпеченія въ вѣрности поступленія, то только личное усиленное хозяйство помѣщика можетъ спасти его отъ разоренія, а между тѣмъ всѣ условія такъ сложились, что въ деревнѣ приходится трудно жить. По мѣрѣ того какъ исчезаетъ дворянское землевладѣніе, крестьянство все болѣе отдается во власть деревенскому кулаку и міроѣду. При настоящемъ крестьянскомъ устройствѣ въ деревнѣ всѣмъ руководить на сходѣ кулакъ, буянъ или кабатчикъ съ писаремъ; вслѣдствіе того народъ все болѣе и болѣе теряетъ уваженіе къ праву собственности, къ праву семейному и даже къ власти. Всякій авторитетъ пересталъ существовать, правда въ судѣ не проявляется, о сиротахъ и вдовахъ никто не заботится; подъ давленіемъ грубой силы нынѣшнихъ руководителей народа, мѣстное дворянство бѣжитъ отъ земли...

Вотъ та печальная картина положенія дѣла, которая сложилась на основаніи мозаики, составленной изъ содержанія различныхъ дворянскихъ записокъ, и которая потому представляла взглядъ нѣкоторой части дворянъ на тогдашнія ихъ условія жизни.

Кромѣ экономической стороны вопроса, дворянство указывало еще на нѣкоторыя положенія гражданскихъ законовъ, вредно отызывающіяся на дворянскомъ сословіи.

Наше наследственное право прямо вызываетъ дробленіе дворянскихъ имѣній. Соответствующія статьи X-го тома, хотя и направлены, съ одной стороны, къ сохраненію въ родѣ родового имущества, не допуская свободы перехода его по завѣщанію, — съ другой стороны, устанавливая обязательную дѣлимость всякаго родового имущества поровну между сонаследниками, прямо ведутъ къ уничтоженію родового имущества путемъ крайняго его дробленія.

Другое неблагоприятное для дворянскаго землевладѣнія постановленіе новѣйшаго законодательства—это устраненіе права выкупа родовыхъ имѣній, лишаящее дворянство давнишняго преимущества, которое ему было предоставлено до-реформеннымъ законодательствомъ.

Изъ этого права въ прежнее время были выдѣлены только ненаселенныя имѣнія. Послѣ освобожденія крестьянъ прежній характеръ населенныхъ земель упразднился, и потому возникъ вопросъ, примѣняется ли по прежнему къ дворянскимъ землямъ право выкупа. Сенатъ, по разсмотрѣніи этого вопроса, нашелъ,

что бывшія помѣщичьи земли, разъ крестьянскій надѣлъ въ нихъ выкупленъ, теряютъ прежнее свойство населенныхъ имѣній, а потому, при переходѣ изъ рукъ одного сословія въ руки другого, уже выкупу не подлежатъ. Такое рѣшеніе сената поставило другія сословія въ привилегированное положеніе по отношенію къ дворянству. Родовое дворянское имѣніе, приобрѣтенное по купчей крѣпости мѣщаниномъ или крестьяниномъ, становится неотъемлемою собственностью приобрѣтателя и выкупу въ родъ уже не подлежитъ. То же имѣніе, однако, проданное дворянину, подлежитъ въ теченіе трехъ лѣтъ отчужденію по выкупу. Такое положеніе включаетъ въ себѣ очевидно несообразность и несправедливо по отношенію къ интересамъ дворянства.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ вышеприведенныхъ жалобъ и сѣтованій, интересно отмѣтить, что тѣ же самыя опасенія относительно упадка дворянства и тѣ же требованія исключительныхъ мѣропріятій для поддержанія этого сословія, какъ и у насъ, проявлялись въ разное время и въ другихъ государствахъ. То, что происходитъ у насъ въ настоящее время, вовсе не составляетъ потому исключительнаго явленія.

Такъ, напримѣръ, въ Баваріи ¹⁾ это стремленіе высказалось съ особенною силою послѣ тридцатилѣтней войны. Военныя событія отозвались весьма тягостно на имущественномъ положеніи дворянства. Большинство дворянскихъ имѣній оказалось обремененнымъ тяжелыми долгами; вмѣстѣ съ тѣмъ, доходы этихъ имѣній, вслѣдствіе разоренія всей страны, уменьшились до крайности. При такихъ условіяхъ отчужденіе дворянскихъ владѣній получило столь сильное развитіе, что можно было опасаться за дальнѣйшее существованіе дворянства, и потому дворянство стало усиленно требовать принятія разныхъ мѣръ для поддержанія его владѣній.

Главными кредиторами дворянства и главными приобрѣтателями его имѣній въ то время были монастыри и разныя церковныя учрежденія. Потому имѣнія не только ускользали изъ рукъ дворянъ, но и получали, кромѣ того, какъ церковныя имущества, характеръ неотчуждаемости (*main morte*). Вотъ почему прежде всего дворянство стало требовать права выкупа отчужденныхъ родовыхъ дворянскихъ имѣній (*Einstandsrecht*), — которое ему и было предоставлено закономъ 1669 года. Затѣмъ, нѣсколько

¹⁾ См. ст. д-ра А. Корева: „Der Verfall des Adels“, „Allg. Zeit.“, № 15—1902.

лѣтъ спустя, послѣдовало воспрещеніе вообще продажи дворянскихъ имѣній не-дворянамъ. При изданіи этихъ законовъ указывалось, какъ и у насъ, что необходимость поддержанія дворянства вызывается не кастовыми соображеніями, а интересами всего государства.

Съ другой стороны, противъ этихъ мѣропріятій, со стороны представителей церкви, приводились также тѣ же доводы, какъ и у насъ, а именно, что дворянскія имѣнія переходятъ въ руки церкви, потому что церковь можетъ платить за нихъ выспія цѣны.

Затѣмъ дворянству было предоставлено право учреждать маіораты; женскіе члены дворянскихъ семей были лишены права наслѣдованія земельного имущества, — имъ могли быть завѣщаемы только денежныя капиталы. Этимъ имѣлось, между прочимъ, въ виду предупрежденіе крайняго дробленія дворянскихъ владѣній.

Такимъ образомъ, то, что происходитъ у насъ въ настоящее время, есть только повтореніе того, что происходило въ другихъ странахъ въ концѣ XVII столѣтія.

IV.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ всѣ вышеизложенныя жалобы и сѣтованія дворянства представляются основательными, и остановимся прежде всего на послѣдствіяхъ отмѣны крѣпостного права и на кредитныхъ стѣсненіяхъ, на которыя жаловалось дворянство.

При прекращеніи крѣпостныхъ отношеній, прежніе крестьянскіе надѣлы были во многихъ мѣстностяхъ значительно уменьшены; спеціально въ черноземной земледѣльческой полосѣ надѣлы были сокращены болѣе чѣмъ на одну пятую часть. Затѣмъ, оцѣнка отошедшей крестьянской земли была произведена не по одной лишь ея доходности, но и по соображенію съ тѣми повинностями, которыя сельское населеніе несло въ пользу помѣщиковъ за предоставленныя ему земли. Оцѣнка эта была такъ значительна, что превысила даже платежныя силы крестьянъ. По истеченіи двадцати лѣтъ, вслѣдствіе значительнаго накопленія недоимокъ, пришлось понизить выкупныя платежи, а затѣмъ, въ самое послѣднее время — допустить еще новое облегченіе посредствомъ разсрочки не только недоимокъ, но и самыхъ окладовъ, не говоря уже о неоднократныхъ сложеніяхъ недоимокъ, происходившихъ въ теченіе всего этого времени. Первоначально

же установленный размѣръ вознагражденія помѣщиковъ оставался неизмѣннымъ, и всѣ жертвы всецѣло ложились на казну.

Обращаясь къ жалобамъ на потери при реализаціи выкупныхъ бумагъ, необходимо принять въ соображеніе, что Положеніе о крестьянахъ предусматривало переходный періодъ, въ теченіе котораго помѣщикамъ предоставлялось право пользованія обязательнымъ трудомъ крестьянъ въ точно опредѣленныхъ предѣлахъ. Расторженіе всѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами путемъ выкупа имѣлось въ виду только какъ послѣдующій фазисъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Такимъ образомъ, можно было надѣяться, что, имѣя возможность пользоваться обязательнымъ трудомъ, помѣщики на первое время не особенно будутъ нуждаться въ кредитѣ.

Ожиданія эти, однако, не оправдались на практикѣ. Опредѣленіе времени прекращенія обязательныхъ отношеній путемъ выкупа было предоставлено самимъ помѣщикамъ, или по добровольному соглашенію съ крестьянами, или требованіемъ обязательнаго выкупа, съ отказомъ отъ нѣкоторой части вознагражденія. Обстоятельства сложились, однако, такимъ образомъ, что переходный періодъ почти нигдѣ не былъ всецѣло выдержанъ; большинство землевладѣльцевъ самою силою вещей было поставлено въ необходимость идти на ускореніе выкупа.

Послѣ происшедшаго переворота, освободившаго крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, отношенія между помѣщиками и обязанными рабочими, прежними ихъ крѣпостными, сдѣлались до того затруднительными, что по неволѣ пришлось ихъ насильно развязывать. Съ одной стороны, сами помѣщики не легко привыкали къ измѣнившемуся положенію прежнихъ крѣпостныхъ, съ правами которыхъ приходилось теперь считаться при требованіи отъ нихъ обязательной работы, а съ другой стороны, и рабочіе, начиная считать себя вольными людьми, очень невнимательно относились къ своимъ обязанностямъ, такъ что работа ихъ часто оказывалась крайне неудовлетворительною, а платежъ оброка происходилъ весьма неаккуратно.

Такимъ образомъ, силою вещей большинство помѣщиковъ были поставлены въ необходимость идти на выкупъ, и само правительство, по истеченіи двадцати лѣтъ, рѣшилось обратиться къ всеобщему обязательному выкупу, съ помощью отъ казны, для окончательнаго расторженія всякихъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами.

На продажѣ выкупныхъ свидѣтельствъ землевладѣльцы понесли несомнѣнно значительныя потери. Но эти потери были

вызваны массовымъ предложеніемъ ихъ на рынокъ, чего, какъ мы видѣли, вначалѣ нельзя было ожидать, тѣмъ болѣе, что въ предупрежденіе подобнаго громаднаго появленія кредитныхъ бумагъ на рынокъ (вознагражденіе помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю было разсчитано приблизительно въ одинъ миллиардъ рублей)¹⁾, которое не могло не имѣть самыхъ вредныхъ послѣдствій для кредита, выкупнымъ бумагамъ не было придано даже характера биржевыхъ цѣнностей, а характеръ скорѣе обезпеченія извѣстнаго дохода за ихъ владѣльцами; съ этою цѣлью самое отчужденіе ихъ было допущено только нотаріальнымъ порядкомъ. Въѣсть съ тѣмъ, предусматривая, что землевладѣльцы все-же будутъ нуждаться въ нѣкоторомъ количествѣ наличныхъ денегъ, имъ было предоставлено право часть выкупной ссуды получать банковыми билетами, реализуемыми на биржѣ подобно всякой другой биржевой бумагѣ. Имъ было даже предоставлено получать стоимость этихъ билетовъ наличными деньгами, по нарицательной цѣвѣ, причемъ курсовой убытокъ относился на казну. Всего по 1874 г., когда, съ возвышеніемъ курса билетовъ, вышеприведенное распоряженіе оказывалось уже безцѣльнымъ,—въ обмѣнъ на банковые билеты было выдано помѣщикамъ 28 милліоновъ рублей.

Въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ мѣропріятій и можно было ожидать, что наибольшая часть крупнаго вознагражденія, причитавшагося помѣщикамъ за крестьянскіе надѣлы, не будетъ ими скорѣ израсходована, а въ формѣ имущественной бумаги будетъ служить имъ источникомъ постояннаго дохода. Дѣйствительность, однако, какъ мы видѣли, не оправдала этого предположенія;—массовое появленіе выкупныхъ бумагъ на рынокъ не могло не вызвать значительнаго упадка ихъ цѣны.

Въѣсть съ жалобами на происшедшія отъ того потери, правительство обвинялось въ неисполненіи заключеннаго съ помѣщиками условія при залогѣ ихъ имѣній, установивъ, безъ согласенія съ ними, досрочное погашеніе долга, вычетомъ его изъ причитавшейся имъ суммы за отчуждаемую крестьянамъ землю. Правда, этотъ вычетъ вступалъ въ силу только при обязательномъ выкупѣ, но, какъ мы видѣли, этотъ выкупъ, предоставленный первоначально на волю землевладѣльцевъ, въ сущности становился неизбѣжнымъ исходомъ, для расторгненія неудовлетворительныхъ отношеній, возникшихъ между помѣщиками и крестьянами по винѣ обѣихъ сторонъ.

¹⁾ Въ дѣйствительности на эту операцію потребовалось нѣсколько менѣе.

Но все-же это была не абсолютная необходимость, а только условная; были помѣщики, которые, считая предлагаемый имъ рассчетъ маловыгоднымъ, вовсе не приступали къ обязательному выкупу.

Правило объ удержаніи долговъ сохранной казны не противорѣчило въ то время и желанію самихъ дворянъ. Губернскіе комитеты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ почти единогласно требовали перевода на крестьянъ при выкупѣ прежнихъ банковыхъ долговъ, дабы тѣмъ освободить отъ залога остальную часть имѣнія. Только въ послѣднее время, на ряду съ прочими жалобами дворянства, стали жаловаться на такое якобы нарушеніе ихъ правъ.

Наконецъ, когда, въ 1883 году, выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ, правительство, согласно требованіямъ строгой справедливости, отказалось отъ обязательнаго удержанія прежнихъ банковыхъ долговъ, предоставивъ землевладѣльцамъ право переводить эти долги на закладную землю. Замѣчательно, что всего поступило только одно ходатайство о такомъ переводѣ долга.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что, при установленіи обязательнаго выкупа въ 1883 г., помѣщикамъ были предоставлены разныя другія не малозначительныя преимущества, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ увеличеніи вознагражденія помѣщиковъ за отходящую землю на одну двѣнадцатую часть выкупной ссуды, противъ исчисленія ея по Положенію 1861 года.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, землевладѣльцамъ, нуждавшимся въ обратномъ капиталѣ, пришлось обратиться къ ипотечному кредиту, а такъ какъ одновременно съ крестьянской реформой была приостановлена выдача ссудъ изъ сохранной казны и опекунскихъ совѣтовъ, то это обстоятельство, по утвержденію составителей дворянскихъ записокъ, и послужило главнымъ образомъ къ разоренію дворянства.

Кредитныя операціи сохранной казны были прекращены, вслѣдствіе безусловной необходимости переустроить наши кредитныя учрежденія, которыя выдавали ссуды на продолжительное время, принимая вклады до востребованія; такое положеніе грозило имъ несостоятельностью, въ случаѣ значительнаго востребованія вкладовъ. Несомнѣнно, что превращеніе этихъ учреждений въ нормальные ипотечные банки консолидаціею краткосрочныхъ вкладовъ не могло представлять большихъ затрудненій. Къ такому преобразованію, однако, не было приступлено, потому что, съ одной стороны, предполагалось, какъ мы уже видѣли, что на

первое время, за всѣми припѣтыми мѣрами, землевладѣльцы не будутъ нуждаться въ кредитѣ,—а съ другой стороны ожидалось, что когда настанетъ въ томъ потребность, то образуются частные земельные банки, имѣющіе нѣкоторое преимущество передъ казенными кредитными учрежденіями.

Отчасти эти предположенія и не были лишены основанія. Дѣйствительно, въ первое время по освобожденіи крестьянъ большинство землевладѣльцевъ и не нуждалось особенно въ постоянномъ кредитѣ; это подтверждается небольшимъ числомъ кредитныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ въ теченіе перваго пятилѣтняго періода, послѣдовавшаго за 1861 годомъ. Въ теченіе этого времени поступленіе крѣпостныхъ пошлинъ не только не повысилось, но даже уменьшилось противъ предшествовавшаго пятилѣтія,—закладныхъ же у частныхъ лицъ совершалось за это время отъ 11 до 37 милліоновъ въ годъ.

Затѣмъ, дѣйствительно, послѣдовало открытіе цѣлаго ряда частныхъ ипотечныхъ учреждений, какъ это и предвидѣлось съ самаго начала. Но, разумѣется, этотъ кредитъ обходился гораздо дороже прежнихъ ссудъ изъ казенныхъ учреждений.

Частные акціонерные банки устроивались на основаніи положенія подобныхъ учреждений за границей,—ни въ какихъ аномальныхъ условіяхъ ихъ нельзя было упрекнуть. Но они принуждены были, какъ и всякіе акціонерные банки, оперировать на заняты капиталы; а такъ какъ, при недостаткѣ у нихъ въ то время свободныхъ капиталовъ, приходилось платить за нихъ высокій процентъ, то очевидно ссуды акціонерныхъ банковъ не могли обходиться дешево.

Это обстоятельство и вызвало мысль обратиться къ иностранному капитальному рынку, что, съ своей стороны, послужило побужденіемъ къ устройству такъ-называемаго „золотого банка“. Между тѣмъ, оказалось, что мысль, повидимому совершенно правильная, привела къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Идея „золотого банка“ вышла изъ среды дворянства. Это не было акціонерное предпріятіе, рассчитанное на наживу; оно было рассчитано исключительно на доставленіе не слишкомъ дорогого кредита землевладѣльцамъ. Между тѣмъ, ни одинъ изъ акціонерныхъ банковъ, на которые такъ жаловались, не причинилъ такого ущерба владѣльцамъ, какъ „золотой банкъ“.

Учредители его исходили, какъ мы видѣли, изъ правильнаго, повидимому, соображенія, что для сбыта закладныхъ листовъ, при бѣдности у насъ капиталовъ, необходимо обратиться къ заграничнымъ рынкамъ. А такъ какъ нашъ курсъ стоялъ въ то

время крайне низко и притомъ подвергался постояннымъ колебаніямъ, то на размѣщеніе за границей закладныхъ листовъ, писанныхъ на кредитную валюту, нельзя было рассчитывать. Чтобы найти покупателей за границей, нужно было фиксировать курсъ, другими словами—выпускать закладные листы, писанные на золотую валюту. На первое время это не представляло какого-либо неудобства; если заемщику приходилось платить проценты и погашеніе на золото, то зато онъ получалъ ссужаемый капиталъ также золотомъ. Учредители банка не предвидѣли, однако, дальнѣйшаго паденія вексельнаго курса; когда же это паденіе наступило, то результаты его оказались прямо разорительными для заемщиковъ. Получивъ ссуду золотою валютою при сравнительно болѣе высокомъ курсѣ, имъ приходилось вносить ежегодно платежи по курсу постоянно падавшему; другими словами—платить все болѣе и болѣе, такъ что въ моментъ наибольшаго паденія курса, годовые платежи доходили до 10⁰/. И тутъ не было бы никакого исхода, еслибы правительство не пришло имъ на помощь. Жертвою почти 19 милліоновъ оно облегчило досрочное погашеніе металлическаго долга возможностью превращенія его въ долгъ кредитный. Вслѣдствіе того, съ 7 руб. 15 коп., которые заемщикамъ приходилось вносить въ моментъ операціи, ихъ платежи были понижены до 6 руб. 15 коп. и впоследствии даже до 5 руб. 90 копѣекъ.

Обратимся теперь въ дворянскому банку, учрежденному въ 1885 году, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ дворянскихъ землевладѣльцевъ на дороговизну кредита въ частныхъ акціонерныхъ банкахъ.

Первоначальная цѣль учрежденія государственнаго дворянскаго банка заключалась въ предоставленіи дворянамъ-землевладѣльцамъ болѣе дешеваго, именно пяти-процентнаго кредита. Несомнѣнно, первоначально имѣлось въ виду построить дворянскій банкъ на совершенно нормальныхъ основаніяхъ рациональнаго кредитнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, однако, оказалось невозможнымъ въ дѣйствительности исполнѣ сохранить за нимъ такой типъ. Вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ дворянства на стѣснительность дѣйствій банка, не только были отмѣнены разныя формальности, которыя не имѣли характера безусловной необходимости, и жалобы на стѣснительность которыхъ не были лишены основанія, но затѣмъ заемщикамъ была предоставлена такая масса льготъ, что дворянскій банкъ совершенно утратилъ значеніе нормальнаго учрежденія, служащаго посредникомъ между капитальнымъ рынкомъ и заемщиками.

Четыре года спустя послѣ его учрежденія, ссудный процентъ былъ пониженъ съ 5 на $4\frac{1}{2}$; вмѣстѣ съ тѣмъ банку было вмѣнено выдавать ссуды не закладными листами, какъ первоначально было постановлено, а наличными деньгами, съ прекращеніемъ отчисленія 2% за реализацію листовъ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1885 по 1889 г., принудительныя мѣры взысканія съ заемщиковъ просроченныхъ по ссудамъ платежей не принимались, за невыработкой надлежащихъ по этому предмету правилъ. Такимъ образомъ, фактически былъ какъ бы допущенъ тотъ *мораторіумъ*, о которомъ ходатайствовали нѣкоторые дворяне. Къ чему же это привело на практикѣ? Оно привело къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ, причувъ заемщиковъ съ самаго начала къ неаккуратному внесенію обязательныхъ платежей. Когда, наконецъ, въ 1889 г. послѣдовало утвержденіе правилъ производства означенныхъ взысканій, то оказалось, что за это время на дворянахъ накопились столь значительныя недоимки, что возникли опасенія за послѣдствія, которыя могло бы вызвать полное примѣненіе установленныхъ правилъ взысканія. Вотъ почему было признано необходимымъ, предварительно назначенія имѣній въ продажу, нѣсколько измѣнить расчеты банка съ его недоимщиками, распространивъ на нихъ за все предъидущее время тѣ двѣ льготы, которыя имъ были дарованы только въ 1889 году, именно погашеніе процентовъ на $4\frac{1}{2}$ и устраненіе взиманія 2% за реализацію банковыхъ листовъ. Въ пользу всѣхъ должниковъ банка, какъ недоимщиковъ, такъ и исправныхъ плательщиковъ, было засчитано, вслѣдствіе того, по 2 рубля на каждыя 100 рублей ссуды, удержанные у нихъ въ прежнее время за реализацію листовъ и, кромѣ того, по 25 коп. со 100 рублей ссуды за каждое полугодіе, соотвѣтственно допущенному пониженію процентовъ.

Такая обратная льгота представляетъ совершенное исключеніе въ исторіи учреждений ипотечнаго кредита, и едва-ли гдѣ-либо и когда-либо до того было допущено нѣчто подобное.

Зачисленныя на этомъ основаніи въ пользу заемщиковъ суммы были обращены на покрытіе послѣдняго платежа 1889 года и всѣхъ недоимокъ, накопившихся за предшедшее время. Исправные же заемщики воспользовались этимъ зачисленіемъ полностью, въ смыслъ уменьшенія на нѣсколько сроковъ послѣдующихъ платежей. Опять своего рода мораторіумъ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ послѣднему платежу 1889 года.

Но и этого еще оказалось недостаточнымъ. Въ пользу лицъ,

наиболѣе обремененныхъ недоимками, была допущена еще особая, совершенно исключительная льгота. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вышеуказанный зачетъ оказывался недостаточнымъ для покрытія недоимки заемщика сполна, была допущена записка непокрытой части недоимки прибавочнымъ къ капиталу долгомъ, раздѣливъ ее на двѣ неравныя половины. Одна половина причислялась къ капитальной суммѣ въ такомъ размѣрѣ, чтобы срочный платежъ по увеличенному долгу не превышалъ опредѣленнаго первоначально (до 1889 г.) годового взноса, а остальная половина была отсрочена безъ начисленія процентовъ до конца срока займа, для погашенія ея послѣ того полугодовыми платежами въ размѣрѣ взносовъ, которые тогда будутъ установлены.

Только такими, можно сказать, героическими льготами оказалось возможнымъ устранить массовую продажу дворянскихъ имѣній за недоимочность. Въ результатѣ оказалось, что изъ 7.149 бывшихъ въ то время заемщиковъ банка, съ ссудами на 200 милліоновъ рублей—2.372 заемщика (ссуда—61 милл.) воспользовались уменьшеніемъ на будущее время годовыхъ платежей на 50 коп. съ сотни ссуды. Менѣ чѣмъ на 50 коп. платежи понизились для 4.342 заемщиковъ (ссуда—119 милл.), остались же при прежнихъ платежахъ только 435 самыхъ неисправныхъ заемщиковъ (ссуда—20 милл.). *Такимъ образомъ, для всѣхъ заемщиковъ вся накопившаяся недоимка была ликвидирована, и, несмотря на то, всѣ заемщики, за исключеніемъ 0,7, воспользовались большимъ или меньшимъ пониженіемъ ежегодныхъ платежей, причемъ около пяти милліоновъ недоимки были капитализированы и записаны прибавочнымъ долгомъ.*

По случаю неурожая въ 1891 и 1892 годовъ дворянамъ-земле-владѣльцамъ, пострадавшимъ отъ неурожая, несмотря на то, были допущены новыя льготы: 1.577 заемщикамъ наступившій платежъ и вновь накопившіяся недоимки были вновь разсрочены на десять лѣтъ (три съ половиною милліона рублей), а затѣмъ, въ 1894 году означенныя суммы были пересрочены на весь срокъ займа. Кроме того, въ томъ же 1894 году, проценты по ссудамъ были уменьшены съ $4\frac{1}{2}$ на 4^0 %, что дало заемщикамъ ежегодное сбереженіе въ 1.800.000 рублей.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, число окончательно проданныхъ имѣній за недоимки въ теченіе шестилѣтняго періода послѣ неурожайнаго 1891 года составило всего:

	Снято съ торговъ:	Продано:
въ 1891 г.	677 имѣній	66 имѣній.
„ 1892 „	732 „	36 „
„ 1893 „	22 „	34 „
„ 1894 „	944 „	16 „
„ 1895 „	216 „	62 „
„ 1896 „	436 „	34 „

Такимъ образомъ, несмотря на громадное нарастаніе недоимки въ теченіе означенныхъ шести лѣтъ, всего въ совокупности было продано только 248 имѣній, т.-е. нѣсколько болѣе 3⁰/₁₀ всѣхъ состоявшихъ въ залогъ имѣній.

Дворянскій банкъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ возможнаго оказанія льготъ недолжничавшимъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, безъ обращенія соотвѣтственнаго расхода непосредственно на государственное казначейство.

Кромѣ долгосрочныхъ ссудъ изъ дворянскаго банка, землевладѣльцамъ былъ еще открытъ краткосрочный кредитъ, въ формѣ соло-вексельнаго. Допуская, что въ началѣ нѣкоторые изъ положеній соло-вексельнаго кредита могли имѣть нѣсколько стѣснительный характеръ, надо, однако, принять въ соображеніе, что это былъ дополнительный кредитъ, предоставлявшійся землевладѣльцамъ, и безъ того уже крайне обремененнымъ долгами, — а потому, при открытіи этой новой операціи, было необходимо отнестись къ ней вначалѣ съ крайнею осторожностью.

V.

Обращаясь къ предмету другихъ сѣтованій дворянства, мы соглашаемся съ тѣмъ, что низкая расцѣнка хлѣбовъ, господствовавшая съ 1885 по 1896 годъ, ставила въ очень затруднительное положеніе значительную часть нашего частновладѣльческаго и особенно дворянскаго сельскаго хозяйства. Но это неблагоприятное явленіе зависѣло отъ міровыхъ условій, съ которыми поневолѣ приходилось считаться.

Вполнѣ справедливы были также жалобы на стѣсненіе винокурения. Винокуренные заводы представляютъ естественную принадлежность всякаго нормальнаго сельскаго хозяйства. Переработывая сырой продуктъ въ болѣе цѣнное произведеніе, они служатъ необходимымъ подспорьемъ доходности хозяйства; вмѣстѣ съ тѣмъ,

заводскіе отбросы — барда — служатъ очень хорошимъ кормомъ для скота.

Въ 1863 г. у насъ было приступлено къ замѣнѣ дѣйствовавшей до того времени откупной системы системою акцизною; при этомъ пришлось ввести довольно сложный контроль за винокурениемъ, въ виду опасности злоупотребленій, которыя могли быть вызваны дороговизною акциза и громадной выгодой отъ выпуска безакцизного спирта. Кромѣ того, въ видахъ улучшенія системы винокурения, была примѣнена система перекура, прямо вызывавшая улучшение акцизной техники.

Требованіямъ новой системы могли, однако, отвѣчать только большіе заводы, которые пришлось совершенно переустроить, для примѣненія ихъ ко всѣмъ требованіямъ улучшенной техники и усиленнаго контроля, — и это въ такое время, когда кредитъ былъ крайне дорогъ, а на переустройство заводовъ требовались большія средства. вмѣстѣ съ тѣмъ, сельскимъ заводчикамъ явился опасный конкурентъ въ лицѣ чисто-коммерческихъ заводовъ, которые стали устраиваться въ городахъ. Но еще въ гораздо худшемъ положеніи оказались мелкіе сельско-хозяйственные заводы; они просто не могли продолжать своего существованія при такой системѣ. Сельскіе хозяева, владѣвшіе мелкими заводами, которые пришлось закрыть, лишились такимъ образомъ этого крайне необходимаго подспорья сельскаго хозяйства, что не могло не поставить ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ мелкіе заводы принесены были въ жертву введенію акцизной системы. Правительство не могло не отдавать себѣ отчета въ томъ, что акцизная система, въ той формѣ, какъ она вводилась, должна была имѣть подобныя послѣдствія, но оно не видѣло на первое время возможности другимъ путемъ обезпечить себѣ надъ винокурениемъ необходимый контроль, отъ котораго нельзя было отказаться, такъ какъ малѣйшія послабленія могли повести къ значительному упадку этого важнаго государственнаго дохода. Отмѣну же старой откупной системы, дѣйствовавшей на народъ самымъ развращающимъ образомъ, считали настолько важнымъ дѣломъ, что не останавливались даже передъ необходимостью принесенія въ жертву этой реформѣ мелкаго сельско-хозяйственнаго винокурения.

Мелкіе сельско-хозяйственные заводы существовали при откупной системѣ въ такъ называемыхъ привилегированныхъ губерніяхъ, т.-е. бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и новороссійскихъ, а также въ губерніяхъ прибалтійскихъ и губерніяхъ сѣверо-западныхъ и

нѣкоторыхъ великороссійскихъ: петербургской, новгородской, смоленской, тверской и др.

Въ привилегированныхъ губерніяхъ, при существовавшей тамъ свободѣ торговли виномъ и слабымъ акцизномъ обложеніи, винокурение развилось въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Въ рѣдкомъ изъ имѣній не существовало мелкаго винокуреннаго завода (броварни), перекуривавшаго на аппаратѣ самаго примитивнаго устройства свои запасы хлѣба и картофеля. Въ сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ скудость почвы, не дававшая возможности вести хозяйство безъ большого удобренія, т.-е. безъ содержанія большого количества скота, единственнымъ средствомъ пропитанія котораго являлась барда съ винокуреннаго завода, — побуждала къ устройству многочисленныхъ мелкихъ сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Наконецъ, тотъ же характеръ, но въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, представляло винокурение въ вышеуказанныхъ губерніяхъ великороссійскихъ, гдѣ винокуренные заводы являлись, хотя и не въ столь значительномъ числѣ, важнымъ подспорьемъ для содержанія скота и для удобренія почвы.

Помѣщичье винокурение стояло вообще въ то время на самой низкой степени развитія; оно довольствовалось самымъ примитивнымъ техническимъ устройствомъ при даровомъ трудѣ крѣпостныхъ и при обезпеченіи сбыта своихъ произведеній въ казну для потребностей откупа. Несмотря на это, винокурение, хотя и самое примитивное, служило существеннымъ подспорьемъ сельскому хозяйству.

Вся эта широкая полоса Россіи, съ введеніемъ новой акцизной системы, лишилась вдругъ этого важнаго подспорья, что не могло не причинить ей землевладѣльцамъ важнаго ущерба.

Большіе заводы, которые, хотя и съ значительными пожертвованіями, могли переустроиться на новый ладъ, существовали только въ губерніяхъ центральныхъ и черноморскихъ.

Такъ продолжалось до 1890 г., когда эти неблагоприятныя для сельскаго хозяйства условія были въ значительной мѣрѣ устранены новымъ положеніемъ, даровавшимъ мелкимъ сельско-хозяйственнымъ заводамъ возможность существованія, вслѣдствіе отмены безакцизнаго перекура и допущенія безакцизнаго отчисленія въ пользу сельско-хозяйственныхъ заводовъ, въ обратномъ пропорціональномъ размѣрѣ къ объему производства.

Законоположеніе 1890-го года дало сильный толчокъ развитію сельско-хозяйственныхъ заводовъ. Несмотря на то, что вслѣдъ за изданіемъ означеннаго закона проявился недородъ 1891 и 1892 годовъ, задержавшій временно ихъ дальнѣйшее распростра-

неніе,—уже въ 1895 году въ губерніяхъ Европейской Россіи слишкомъ 90% всѣхъ винокуренныхъ заводовъ были связаны съ сельскимъ хозяйствомъ, находясь не въ городахъ, а въ имѣніяхъ.

Жалобы на вредное вліяніе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ были гораздо менѣ основательны.

Признавая существовавшіе тарифы высокими, землевладѣльцы полагали цѣлесообразнымъ смотрѣть на хлѣбные тарифы не какъ на источникъ дохода, а какъ на могущественное въ рукахъ правительства орудіе борьбы на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Примѣняемый же принципъ дифференціальности, вызывая широкое хлѣбное производство въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде совсѣмъ не существовало, подавлялъ, по ихъ мнѣнію, этимъ соперничествомъ давно существовавшія производства, нанося прямой ущербъ центральной Россіи.

До какой степени первый упрекъ несправедливъ — доказывается тѣмъ, что до половины девяностыхъ годовъ желѣзно-дорожное дѣло не только не служило для страны источникомъ дохода, но что, напротивъ того, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, отъ 1880 до 1894-го года, пришлось израсходовать 640 миліоновъ руб. на покрытіе недоборовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Польза хорошаго желѣзно-дорожнаго движенія несомнѣнна. Но для того, чтобы желѣзно-дорожная сѣть могла развиваться, необходимо, чтобы доходы покрывали по крайней мѣрѣ расходы эксплуатаціи и проценты на затраченный капиталъ. Въ противномъ случаѣ постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ должна бы прекратиться, а отъ этого пострадало бы прежде всего само сельское хозяйство тѣхъ мѣстностей, которыя нуждаются еще въ искусственныхъ путяхъ сообщенія.

Что же касается дифференціаціи, то слѣдуетъ замѣтить, что наши дифференціальные тарифы девяностыхъ годовъ не произвели никакой коренной ломки въ дѣйствовавшей до того тарифной системѣ. Они задавались лишь цѣлью упорядоченія и упрощенія сложной дѣйствовавшей системы и облегченія сбыта хлѣбовъ именно изъ центральныхъ губерній. Если бы не было допущено пониженія хлѣбныхъ тарифовъ для дальнѣйшихъ пробѣговъ, то сооруженіе цѣлага ряда дорогъ оказалось бы невозможнымъ. Тѣмъ не менѣ, тарифы девяностыхъ годовъ не предоставляли окраинамъ какихъ-либо особыхъ льготъ въ ущербъ центральной Россіи; напротивъ того, послѣдняя получила значительныя преимущества по сбыту хлѣбовъ, въ особенности на внутренніе

потребительные рынки. Чтобы обезпечить послѣдніе за хлѣбомъ изъ центральныхъ губерній, были допущены значительныя пониженія провозныхъ платъ на разстоянія до 300 верстъ, и менѣе значительныя—на разстоянія отъ 1.000 до 1.500 верстъ. Благодаря этому, былъ существенно обезпеченъ центральному району сбытъ хлѣбовъ на ближайшіе рынки орловской, тульской, рязанской, московской, калужской и смоленской губерній, пониженіе же тарифа до 1.500 верстъ дало этимъ мѣстностямъ возможность использовать и привислянскій районъ.

Относительно же окраинныхъ губерній тарифъ былъ построенъ такимъ образомъ, чтобы весь почти хлѣбъ этихъ губерній искалъ выхода за границу, не угнетая внутренняго рынка. Тарифъ былъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобы, при среднихъ мѣстныхъ цѣнахъ на окраинѣ и средней цѣнѣ его въ Москвѣ, хозяевамъ окраинныхъ губерній не представлялось никакого разсчета отправлять свои продукты на внутренніе рынки.

Статистическія данныя о перевозкахъ въ 1893 и 1894 годахъ вполне оправдали этотъ разсчетъ. Оказалось, что около двухъ третей перевозокъ во внутреннихъ сообщеніяхъ приходилось на разстоянія до 400 верстъ, а въ вывозныхъ сообщеніяхъ до 40.5% приходилось на разстоянія до 1.300 верстъ (т.-е. изъ центральныхъ губерній), а на слѣдованія изъ Заволжья приходилось всего 7% всѣхъ перевозокъ.

Такимъ образомъ, нельзя было утверждать, что за послѣднее время обнаружился какія-либо угнетенія центральныхъ рынковъ окраинами Заволжья и Сѣвернаго Кавказа.

Основательны были жалобы на случавшіяся залежи, наносившія большой ущербъ торговлѣ хлѣбомъ, отъ котораго должны были страдать и сельскіе хозяева. Въ настоящее время, благодаря принятымъ мѣрамъ, залежи на желѣзныхъ дорогахъ являются уже болѣе рѣдкими явленіями, такъ что это существенное неудобство можно считать отчасти устраненнымъ.

Наконецъ, что касается жалобъ на высоту пошлинъ по привозу сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, то несомнѣнно этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе для сельско-хозяйственной промышленности. Въ ея интересѣ весьма желательно удешевленіе этихъ орудій производства.

VI.

Изъ всего вышесказаннаго можно усмотрѣть общій характеръ и степень основательности сѣтованій дворянъ-землевл-

дѣльцевъ. Но для того, чтобы составить себѣ совершенно ясное понятіе о дѣлѣ, необходимо подвергнуть еще изслѣдованію два главных признака, позволяющихъ судить о дѣйствительномъ положеніи дворянскаго землевладѣнія, — а именно, степень задолженности дворянъ-землевладѣльцевъ и размѣръ перехода дворянскихъ земель въ другія руки.

Въ какой же мѣрѣ дворянская собственность дѣйствительно обременена кредитомъ?

Въ настоящее время около трехъ-пятыхъ, или 58⁰/₁₀₀, площади всѣхъ дворянскихъ земель Европейской Россіи свободны отъ всякаго ипотечнаго долга, между тѣмъ какъ въ моментъ реформы въ залогѣ состояло около 70⁰/₁₀₀ всѣхъ крѣпостныхъ душъ.

Слѣдуетъ, однако, принять въ соображеніе, что въ число трехъ-пятыхъ площади дворянскихъ имѣній, свободныхъ отъ ипотечнаго долга, входятъ многія весьма обширныя имѣнія сѣверной мѣстности. Если вмѣсто площади земли взять число отдѣльныхъ имѣній, свободныхъ отъ ипотечнаго долга, то процентъ послѣднихъ значительно понизится. Но все-же можно предположить, что около половины дворянскихъ имѣній въ Россіи свободны отъ ипотечныхъ долговъ. Эта часть имѣній едва ли можетъ быть значительно обременена и частными долгами по закладнымъ, такъ какъ пользованіе относительно болѣе дешевымъ ипотечнымъ кредитомъ представляется несомнѣнно болѣе выгоднымъ.

Степень задолженности дворянскихъ имѣній, однако, чрезвычайно различна по различнымъ мѣстностямъ.

Наибольшая свобода отъ залоговъ оказывается въ сѣверныхъ губерніяхъ, а также въ губерніяхъ черниговской, таврической и астраханской. Въ этихъ мѣстностяхъ площадь земли, свободная отъ залога въ ипотечныхъ учрежденіяхъ, составляетъ свыше 61⁰/₁₀₀, т.-е. приблизительно три-пятыхъ всей площади.

Около половины дворянскихъ земель свободны отъ залога въ губерніяхъ самарской, воронежской, волынской, полтавской, курской, рязанской, нижегородской, гродненской, смоленской и с.-петербургской.

Изъ остальныхъ губерній, преимущественно черноземныхъ, въ 12 губерніяхъ свободны отъ залога отъ 37 до 45⁰/₁₀₀, и только въ двухъ восточныхъ губерніяхъ, саратовской и пензенской, свободны отъ залога около одной трети земель; наконецъ, въ казанской губерніи число заложенныхъ земель доходитъ до 90⁰/₁₀₀.

Но если вмѣсто губерній взять уѣзды, то разница оказывается гораздо значительнѣе.

Изъ 570 уѣздовъ, въ 178 уѣздахъ заложено отъ 50 до 99% всей площади дворянскихъ имѣній. Въ томъ числѣ въ пяти уѣздахъ отъ 90 до 99%, въ семи уѣздахъ — отъ 82 до 88%, и въ остальныхъ — отъ 50 до 80%.

Въ 205 уѣздахъ заложено отъ 30 до 50%, и въ остальныхъ 187 заложено менѣе 30%.

Такимъ образомъ, приблизительно въ одной четверти уѣздовъ недвижимая собственность заложена въ размѣрѣ отъ 50 до 99%, и въ трехъ-четвертяхъ уѣздовъ болѣе половины земельной собственности свободна отъ залога.

На 42,6 милліонахъ заложенныхъ десятинъ всей частной недвижимой собственности въ 1900 году лежало ипотечнаго долга 1.358.202.000 р., что составляетъ на десятину около 32 рублей. Если же исключить обширныя сѣверныя лѣсныя пространства, на которыя приходится очень небольшая задолженность, то окажется, что въ земледѣльческой полосѣ, въ двадцати губерніяхъ приходится отъ 50 до 76 руб. на десятину, а въ остальныхъ двадцати-шести губерніяхъ — отъ 30 до 48½ р. Считая по 6% срочныхъ платежей, это составитъ отъ 2 до 6 р. ежегоднаго платежа съ заложеной десятины.

Два года спустя, общая задолженность всей недвижимой собственности возросла до 1.681 милл. р., чѣмъ увеличилась, приблизительно, на 330 милл. руб.

Данныя эти относятся до залога всей частной недвижимой собственности; какую въ ней составляетъ часть специально дворянская задолженность — съ точностью опредѣлить невозможно, потому что частные земельные банки не отдѣляютъ въ своихъ отчетахъ дворянъ-должниковъ отъ остальныхъ.

Болѣе точную характеристику дворянской задолженности можно почерпнуть изъ свѣдѣній дворянскаго банка. Число заложенныхъ десятинъ къ концу 1900-го года составляло около 16 милліоновъ, съ капитальнымъ долгомъ въ 630 милл. руб., такъ что на одну десятину приходилось, въ среднемъ, около 39 рублей.

Развитіе операций дворянскаго банка происходило въ слѣдующей постепенности. Въ 1889 г. число заложенныхъ имѣній составляло около 6.000; эта цифра возросла въ 1894 г. до 12.500, вслѣдствіе перехода въ дворянскій банкъ значительнаго числа имуществъ изъ Особаго Отдѣла, и затѣмъ, въ 1900 году, дошла до 18.700 имуществъ. Число заложенныхъ десятинъ составляло въ соотвѣтствующіе три года 5, 10 и 16 милліоновъ, общій же лежащій на нихъ долгъ возросъ съ 173 милліоновъ

въ 1889 году до 344 миллионѣвъ въ 1894-мъ и до 631 миллиона къ 1-му января 1901 года.

Движеніе ежегодно разрѣшенныхъ ссудъ за эти послѣднія шесть лѣтъ происходило въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Разрѣш. ссудъ.	2.274	2.447	2.391	3.298	2 206	1.914
Подъ зал. дес.	2.200.000	2.800.000	2.500.000	2.900 000	2.000.000	1.900.000
Выдано рублей	82 милл.	98 милл.	89 милл.	120 милл.	71,5 милл.	76 милл.

Такимъ образомъ, и въ числѣ разрѣшенныхъ ссудъ, и въ числѣ заложенныхъ десятинъ замѣчается регрессивное движеніе за два послѣдніе года. Что же касается выданныхъ ссудъ рублями, то тоже послѣдніе два года стоятъ значительно ниже всѣхъ предшествующихъ лѣтъ, хотя въ 1900 году и выдано на 4,5 милл. рублей болѣе противъ предшествующаго года.

Число свободныхъ отъ долговъ имѣній, которыя закладывались въ дворянскомъ банкѣ, колебалось въ періодѣ отъ 1894 до 1899 г. между 22 и 27⁰/₀; остальные ссуды выдавались по имѣніямъ, уже обремененнымъ долгами, изъ которыхъ значительная часть имѣла характеръ разсрочекъ или перезалоговъ. Перезалоги большею частью вызывались переходомъ къ специальной оцѣнкѣ. Вообще, можно принять, что въ послѣднее время оцѣнка десятины, составлявшая, въ среднемъ, отъ 52 до 64 р., возвысилась по специальной оцѣнкѣ, въ среднемъ, до 67—85 рубл. за десятину.

Изъ общаго числа заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ къ концу 1896 года—12.865 имѣній, по нормальной оцѣнкѣ было заложено нѣсколько болѣе одной трети, а именно—4.532 имѣнія; долговое бремя этихъ имѣній никакъ еще нельзя считать тяжелымъ. По болѣе высокой специальной оцѣнкѣ заложены остальные 8.333 имѣнія. Но изъ нихъ только 4,3⁰/₀, т.-е. 373 имѣній—такія, задолженность которыхъ превышаетъ 75⁰/₀. Въ сущности, вотъ эти имѣнія только и можно признать подавленными тяжестью долговъ.

По нормальной оцѣнкѣ имѣнія заложены большею частью въ черноземной мѣстности; нѣсколько менѣе половины обремененныхъ ипотечнымъ долгомъ имѣній въ этой мѣстности заложены по специальной оцѣнкѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній, напр. въ тамбовской, воронежской, рязанской и пензенской,—число имѣній, заложенныхъ по нормальной оцѣнкѣ, значительно превышаетъ даже половину, составляя около 63⁰/₀ всѣхъ заложенныхъ имѣній.

Нерѣдко, однако, въ одной и той же губерніи преобладаютъ ссуды по нормальной оцѣнкѣ, и параллельно съ ними встрѣчаются имѣнія, заложенные свыше 75⁰/. Такъ, напримѣръ, въ тамбовской губерніи оказывается тридцать такихъ имѣній, въ воронежской, рязанской и пензенской—около двадцати имѣній. Въ промышленныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ по нормальной оцѣнкѣ заложено не болѣе 15⁰/% имѣній. Зато есть губерніи, какъ, напримѣръ, ярославская, смоленская, виленская, гдѣ совершенно не встрѣчается ссуды свыше нормальной оцѣнки.

Итакъ, рядомъ съ имѣніями, крайне обремененными долгами и находящимися дѣйствительно почти въ безнадежномъ положеніи, большинство имѣній дворянъ обременено ссудами въ среднемъ размѣрѣ и даже въ размѣрѣ ниже средняго.

Сообразно съ этимъ и недоимочность заложенныхъ дворянскихъ имѣній, въ настоящее время, послѣ всѣхъ оказанныхъ имъ льготъ, не представляетъ ничего ужасающаго. Разумѣется, есть и крайнія исключенія.

По даннымъ дворянскаго банка, за всѣми льготами и отсрочками, которыя дарованы были землевладѣльцамъ и которыя несомнѣнно достигли очень значительныхъ размѣровъ, средняя недоимочность имѣній равнялась, приблизительно, годовому окладу платежа. Разумѣется, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ недоимка значительно удаляется отъ этого размѣра, то въ ту, то въ другую сторону. Такъ, она была значительно ниже этой средней нормы въ губерніи кievской и въ губерніяхъ юго-западныхъ. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ направленіи размѣръ недоимки значительно возвышается. Въ тульской губерніи она доходила до 103⁰/% годового платежа, въ курской—до 144⁰/%, въ симбирской и казанской губерніяхъ она превышала даже 180⁰/%, въ пензенской—достигала 217⁰/%, а въ пермской—доходила даже до 506⁰/%. Эта высота недоимки была частью вызвана неурожаами.

Замѣчательное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ пензенская губернія. Несмотря на высоту недоимокъ, убыль дворянскихъ имѣній въ этой губерніи не только не увеличивалась, но стала даже уменьшаться въ послѣднее время. Вообще, пензенское дворянство менѣе другихъ жаловалось на обремененіе долгами. Такимъ образомъ, даже значительная недоимочность не всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ разоренія имѣній въ данной мѣстности.

Затѣмъ, въ большей части губерній, за исключеніемъ вышепоименованныхъ, недоимка почти ни въ одной не достигаетъ даже до размѣра годового оклада.

Въ послѣднее время ростъ недоимокъ по дворянскому банку почти прекратился; такъ, въ 1899 году онѣ возросли всего съ 25 милліоновъ до 25,1 милліоновъ, т.-е. увеличились всего на сто тысячъ рублей.

За все время дѣйствія дворянскаго банка всего выдано ссудъ нѣсколько менѣе одного милліарда—979 милліоновъ рублей. Такъ какъ изъ нихъ было погашено въ теченіе этого времени около ста милліоновъ, а между тѣмъ въ 1891-му году оставалось капитальнаго долга всего около 632 милліоновъ рублей, то, очевидно, значительная часть ссуженнаго милліарда представляетъ не новую задолженность, а только пересрочку или перезалогъ по предшествующимъ долговымъ обязательствамъ.

Принимая, затѣмъ, въ соображеніе, что изъ числа ссудъ, полученныхъ заемщиками изъ дворянскаго банка, около 555 милліоновъ пошли на погашеніе старыхъ ипотечныхъ долговъ другимъ кредитнымъ учрежденіямъ, можно придти къ заключенію, что за все время существованія дворянскаго банка, по операціямъ послѣдняго, задолженность дворянства возросла всего только на 77 милліоновъ (632—555).

VII.

Ко времени освобожденія крестьянъ (въ 1861 г.), во владѣніи дворянъ въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи числилось 111.559.802 десятины ¹⁾.

Изъ нихъ по крестьянской реформѣ во владѣніе крестьянъ перешло 33.755.759 десятинъ, а во владѣніи дворянства оставалось 77.804.643 десятины.

Въ настоящее время во владѣніи дворянства состоитъ нѣсколько болѣе пятидесяти милліоновъ десятинъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ послѣднія сорокъ лѣтъ, протекшія послѣ освобожденія крестьянъ, дворянская собственность уменьшилась, приблизительно, на 25 милліоновъ десятинъ, или на 33%.

Несмотря на то, дворяне продолжаютъ еще владѣть, приблизительно, половиной всей частной недвижимой собственности въ странѣ.

Уменьшеніе числа помѣщичьихъ владѣній за этотъ періодъ

¹⁾ Т.-е., за исключеніемъ архангельской губ., области Войска донскаго, прибалтійскихъ губерній, царства польскаго, Кавказа, ставропольской губ. и Бессарабій.

времени представляется менѣе значительнымъ, тѣмъ уменьшеніе площади владѣнія. Число дворянъ-помѣщиковъ уменьшилось вообще съ 123.500 до 102.000, или всего только на 20%.

До послѣдняго времени отчужденіе дворянскихъ имѣній шло въ возрастающей прогрессіи.

Въ теченіе первыхъ одиннадцати лѣтъ по освобожденіи крестьянъ, дворянская собственность уменьшилась, приблизительно, всего на 0,65% въ годъ; въ послѣдующія затѣмъ пятнадцать лѣтъ уменьшеніе достигаетъ 1,06%, а съ 1892 по 1896 г.г. оно доходитъ до 1,34%.

По числу десятинъ преобладающее мѣсто въ дворянскомъ землевладѣніи занимаютъ большія имѣнія, на долю которыхъ приходится около 40,5% всего дворянскаго землевладѣнія; затѣмъ слѣдуютъ средне-большія имѣнія—отъ 1.000 до 5.000 дес.—30,5%; затѣмъ, среднія—отъ 500 до 1.000—12%; затѣмъ, меньшія имѣнія—отъ 100 до 500 дес.—13,5%, и наконецъ, самыя мелкія—ниже 100 дес.—3,5%.

Менѣе всего подвержены уходу изъ дворянскихъ рукъ самыя мелкія имѣнія; отчужденіе увеличивается соотвѣтственно росту имѣній. Такъ, напримѣръ, въ теченіе времени съ 1877 по 1895 годъ, отчужденіе мелкихъ имѣній составляло не болѣе 3,4% всего. Процентъ этотъ возвышался съ увеличеніемъ размѣра имѣній и доходилъ до 28% для самыхъ большихъ имѣній, свыше 5.000 дес.

Такимъ образомъ увеличивается относительное число имѣній мелкой и средней дворянской собственности, по отношенію къ большимъ имѣніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался, однако, размѣръ среднихъ имѣній. Въ 1877 г. на имѣнія средняго размѣра приходилось около 613 дес., а въ настоящее время ихъ средній размѣръ доходитъ только до 470 дес.

Не все уменьшеніе большой дворянской собственности слѣдуетъ считать уходомъ земли изъ рукъ дворянства. Нѣкоторая часть большихъ имѣній исчезаетъ вслѣдствіе ихъ дробленія: они разбиваются на мелкія владѣнія.

Уменьшеніе дворянской собственности распределяется, разумѣется, чрезвычайно различно на разныя мѣстности Россіи.

Самое сильное уменьшеніе приходится на сѣверныя лѣсныя губерніи: олонецкую, вологодскую, вятскую, псковскую и новгородскую. Процентъ уменьшенія дворянскаго землевладѣнія за весь этотъ періодъ времени, съ 1861 года, доходилъ отъ 60%—для псковской и новгородской губ.—до 85% для вятской губерніи. Въ настоящее время въ вятской и вологодской губерніяхъ дво-

рянству принадлежитъ не болѣе 1⁰%, а въ олонеккой — 0,5⁰% всей недвижимой собственности. Это губерніи преимущественно лѣсныя. Веденіе лѣсного хозяйства оказалось мало подходящимъ для дворянъ-землевладѣльцевъ, а потому эти земли стали усиленно переходить въ руки лѣсопромышленниковъ. Впрочемъ, въ этихъ губерніяхъ дворянскихъ имѣній и до того было немного.

По быстротѣ уменьшенія дворянской собственности за этими губерніями слѣдуютъ подмосковныя губерніи. Въ московской, тверской, костромской, ярославской, владимірской и калужской — процентъ сокращенія дворянской собственности колеблется въ предѣлахъ 52—55⁰%. Въ настоящее время въ подмосковныхъ губерніяхъ потомственнымъ дворянамъ принадлежитъ всего только около одной шестой всей площади земли.

Въ этихъ губерніяхъ имѣнія состояли болѣею частью на оброкѣ, — помѣщики не имѣли своего хозяйства. Съ освобожденіемъ крестьянъ, пришлось заводить самостоятельныя хозяйства или сдавать землю въ аренду. Къ собственному хозяйству помѣщики оказывались недостаточно подготовленными, а на арендованіе земель въ первое время оказывалось мало охотниковъ, вслѣдствіе малоплодородности земель этого района.

Почти съ такою же быстротою уменьшается дворянское землевладѣніе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ черноземнаго Поволжья — казанской, самарской, затѣмъ — въ новороссійскомъ краѣ и губерніяхъ екатеринославской, таврической и херсонской. Причины тому, однако, — совершенно другія. Въ казанской губерніи слабость дворянскаго землевладѣнія объясняется крайнею задолженностью земли. Уже во времени освобожденія крестьянъ въ казанской губерніи состояло въ залогѣ 85⁰% помѣщичьихъ крестьянъ, а къ 1890 году площадь заложенной земли доходила даже до 90⁰%. И тогда, и теперь, дворяне этой губерніи были обременены долгами въ такомъ размѣрѣ, до котораго не доходила общая дворянская задолженность ни въ одной изъ другихъ губерній. Вотъ причина, по которой дворянское землевладѣніе уменьшилось въ казанской губерніи на половину. Въ 1861 году, за надѣломъ крестьянъ, казанскимъ дворянамъ принадлежало 13⁰% всей земельной площади губерніи, и нынѣ остается въ ихъ владѣніи только 7⁰%.

Въ самарской губерніи значительная часть дворянскаго землевладѣнія состояла изъ земель, пожалованныхъ дворянамъ въ срединѣ прошлаго столѣтія. Правильнаго хозяйства новыми владѣльцами на нихъ не было заведено, и подъ вліяніемъ неурожаевъ семидесятихъ годовъ большинство дворянъ отчудили свои земли,

не успѣвъ даже войти въ составъ мѣстнаго дворянства. Въ настоящее время въ самарской губерніи дворянскія имѣнія составляютъ только одну десятую часть всей площади. Наконецъ, въ новороссійскомъ краѣ значительное уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія слѣдуетъ приписать развитію спекулятивной промышленности въ этой мѣстности. Происходившій вслѣдствіе того постоянный, мѣстами поразительный ростъ стоимости земли, иногда совершенно не оправдывавшійся размѣромъ получаемого отъ земли дохода, побуждалъ значительное число землевладѣльцевъ къ ея отчужденію, въ виду крупныхъ барышей, ожидавшихся отъ промышленнаго употребленія вырученныхъ денегъ. Хотя дворянское землевладѣніе уменьшилось, такимъ образомъ, въ этомъ районѣ на половину,—оно составляетъ, однако, все еще около 17⁰/₀ въ таврической, и 26⁰/₀ въ екатеринославской губерніи.

Болѣе устойчивымъ дворянское землевладѣніе оказывается въ черноземныхъ губерніяхъ средней Россіи: полтавской, курской, орловской, тульской, воронежской, тамбовской, пензенской и симбирской. Въ этихъ губерніяхъ убыль идетъ, сравнительно, медленно. Въ среднемъ, за 35 лѣтъ дворянской земли убывало въ воронежской, тульской и полтавской губерніяхъ около 0,5⁰/₀ въ годъ, въ орловской и симбирской—0,7⁰/₀. За послѣднее время убыль нѣсколько усилилась, не превышая, однако, 1⁰/₀. За все время съ 1861 года убыль дворянскаго землевладѣнія въ этихъ губерніяхъ составляетъ около 26⁰/₀. Дворянское землевладѣніе занимаетъ теперь третью часть земли въ губерніяхъ полтавской и тульской и около четвертой части—въ остальныхъ изъ этихъ губерній.

Еще благоприятнѣе положеніе оренбургской, воронежской и пензенской губерній,—въ нихъ за все время убыло не болѣе 15—16⁰/₀. Пензенская губернія выдается при этомъ тѣмъ, что убыль землевладѣнія дворянъ въ послѣднее время стала даже уменьшаться. Изъ этого можно заключить, что пензенскіе землевладѣльцы приспособились къ измѣненнымъ условіямъ сельскохозяйственной производительности. Замѣчательно, что, по сообщеніямъ пензенскаго дворянства, наибольшее сокращеніе дворянскаго землевладѣнія происходило въ этой губерніи не въ самое трудное для дворянства время упадка цѣнъ, а въ періодъ 1876—1883 гг., самаго сильнаго подъема цѣнъ на хлѣбъ, подъема, вызвавшаго какъ возвышеніе цѣны на землю, такъ и возвышеніе арендныхъ цѣнъ. Вторично дворянское землевладѣніе стало усиленно убы-

вать въ 1884—1886 гг. по той же причинѣ, т.-е. вслѣдствіе вздорожанія земли въ связи съ открытіемъ крестьянскаго банка.

Устойчивѣ всего дворянская собственность держится въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ вообще дворянство владѣетъ сравнительно болѣею площадью земли.

Наконецъ въ губерніяхъ пермской, астраханской и уфимской дворянская недвижимая собственность даже возросла въ послѣднее время.

Изъ всего вышеприведеннаго оказывается, что хотя дворянская собственность и уменьшилась довольно значительно въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, но это уменьшеніе нельзя приписывать исключительно крайнему истощенію экономическихъ силъ дворянства, вслѣдствіе угнетенія кредитомъ и упадка цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Во многихъ случаяхъ отчужденіе дворянскихъ земель было вызываемо сильнымъ возвышеніемъ ихъ рыночной стоимости, такъ что при несоотвѣтствіи ренты цѣнѣ земли оказывалось выгоднымъ продавать землю; въ другихъ мѣстностяхъ оно вызывалось преобладаніемъ лѣсного хозяйства, съ чисто торговымъ характеромъ, въ которому дворяне-землевладѣльцы не могли приспособиться; наконецъ, мѣстами, какъ въ саратовской губерніи, отчужденіе коснулось не земель, исконно принадлежавшихъ дворянамъ, а земель, дарованныхъ имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и на которыхъ они не сумѣли завести разумнаго хозяйства.

Мы видѣли выше, что за послѣдніе два, три года и число разрѣшенныхъ дворянскимъ банкомъ ссудъ, и число заложенныхъ десятинъ стало уменьшаться. Въ ростъ задолженности дворянской недвижимости стало проявляться такимъ образомъ нѣкоторое регрессивное движеніе. То же самое явленіе замѣчается и по отношенію отчужденія дворянскихъ имѣній крестьянскому банку.

Въ теченіе всего времени съ 1895 г., когда крестьянскому банку было предоставлено приобрѣтать за счетъ своего капитала дворянскія имѣнія, имъ приобрѣтено:

въ 1895 г.	1 имѣніе	въ 16.300 дес.	стоимостью 1.500.000 р.
" 1896 "	11 имѣній	" 48.300 "	" 4.000.000 "
" 1897 "	60 "	" 91.500 "	" 5.400.000 "
" 1898 "	63 имѣнія	" 175.500 "	" 6.200.000 "
" 1899 "	53 "	" 72.400 "	" 4.300.000 "
" 1900 "	48 имѣній	" 94.600 "	" 6.000.000 "

Всего. . . 236 имѣній въ 499.600 дес. стоимостью 27.400.000 р.

Въ первое время послѣ начала этой операціи, какъ число приобрѣтаемыхъ имѣній, такъ и число десятинъ и стоимость—постоянно росли; послѣ же 1898 года ростъ останавливается, число приобрѣтаемыхъ имѣній начинаетъ даже прогрессивно уменьшаться. Что же касается нѣкотораго увеличенія въ 1900 г., въ сравненіи съ предшествующимъ, и числа десятинъ и стоимости приобрѣтенныхъ имѣній, то это объясняется тѣмъ, что въ 1900 г. въ число купленныхъ имѣній вошло нѣсколько большихъ имѣній.

Для полнаго освѣщенія положенія дѣла необходимо бросить еще взглядъ на самый процессъ мобилизаціи дворянскихъ имѣній.

Одновременно съ отчужденіемъ дворянской собственности идетъ и приобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній дворянами.

По даннымъ за 1892—1895 гг. въ сорока-четырехъ губерніяхъ Европейской Россіи дворянами приобрѣтено дворянскихъ имѣній на 172 милл. рублей, что составляетъ около 43 милліоновъ въ годъ.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ дворянами было приобрѣтено за это время недвижимыхъ имѣній:

	на сумму:	количество десятинъ:	Приобрѣтенныя имѣнія состав- ляютъ % воз- мѣщенія убыли:
Въ юго-западн. губ. . . .	8.180 тыс. р.	127.000	70%
„ сѣв.-западн. „ . . .	6.039 „ „	289.000	61
„ центр. черноземн. губ.	5.783 „ „	58.000	59
„ степн. черноземн. „ .	3.995 „ „	67.000	59
„ малороссійск. губ. . .	5.449 „ „	66.000	50
„ центр. промышл. губ. .	4.233 „ „	121.000	41
„ новороссійск. губ. . .	3.628 „ „	52.000	47
„ сѣв. озерныхъ „ . . .	1.534 „ „	79.000	49
„ средне-поволжск. губ.	1.239 „ „	30.000	49
„ приуральск. губ. . . .	859 „ „	112.000	66
„ сѣв. дѣсныхъ губ. . .	74 „ „	11.000	35

Если еще взять для примѣра одинъ 1893 годъ, относительно котораго мы имѣемъ наиболѣе подробныя и точныя данныя о процессѣ мобилизаціи земли, то оказывается, что въ этомъ году дворянами—

продано	2.091.412 дес. на сумму	87.212.512 руб..
а куплено	1.104.411 „ „ „	44.533.035 „
Разница	987.001 „ „ „	42.679.477 руб.

Въ этомъ году, въ восточныхъ губерніяхъ, самарской, уфимской и оренбургской, почти вся проданная дворянами земля пе-

решла въ руки дворянъ, такъ что произошла только мобилизація земли въ средѣ дворянскаго сословія.

Въ десяти центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земли крайне дороги, около двухъ третей всей проданной дворянами земли перешло въ руки дворянъ.

Въ восьми центральныхъ не-черноземныхъ губерніяхъ болѣе половины проданной земли осталось въ рукахъ дворянства.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ, въ какія руки перешла остальная проданная дворянами земля въ 1893 г.

Купцами куплено.	529.000,	а продано 295.000;	разница 234.000 дес.
Отдѣльными крестьянами,			
участками до 25 дес. . . .	57.000, „	„	41.000 „
Сельскими обществами . . .	64.000, „	„	23.000 „
Крестьянск. товариществами.	332.000, „	„	41.000 „
			291.000 „

Такимъ образомъ, оказывается, что число десятинъ, приобрѣтенныхъ крестьянами (348.000 дес.), на 50% превосходитъ число десятинъ, купленныхъ разночинцами.

Вообще же, за послѣднія пять лѣтъ крестьянами приобрѣтено до 2.700.000 дес. земли, стоимостью около 163 милліоновъ рублей.

До освобожденія крестьянъ, населенными имѣніями могли владѣть только дворяне; съ освобожденіемъ крестьянъ, это ограниченіе перестало существовать, и потому естественно, что часть дворянской земли стала переходить въ руки другихъ сословій и особенно крестьянъ, тѣмъ болѣе что съ развитіемъ благосостоянія и промышленности въ странѣ изъ низшихъ сословій стали выдѣляться энергическіе и способные люди, изъ которыхъ образовалась группа приобрѣтателей земли.

Съ другой стороны, экономическій переходный кризисъ, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, не могъ не отозваться на положеніи дворянскаго сословія, мало подготовленнаго къ примѣненію въ хозяйствѣ свободнаго труда. Лишивъ дворянство даровыхъ рабочихъ, крестьянская реформа пошатнула устои стариннаго помѣщичьяго быта, поставивъ прежнихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ въ необходимость заводить совершенно новое хозяйство, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде помѣщики ограничивались полученіемъ оброковъ, предоставляя всю землю въ пользованіе крестьянъ. Требовалось много выдержки, любви къ родной землѣ, даже иногда своего рода самоотверженія, чтобы смѣло идти на встрѣчу этимъ измѣнившимся условіямъ жизни, полнымъ

затрудненій, которыя неизбѣжно должны были произтечь отъ столь коренного переустройства помѣщичьей жизни. Съ отрицательною вотчинной властью, произошло умаленіе внѣшняго престижа помѣщика въ своей мѣстности—обстоятельство, которое, независимо отъ всякихъ экономическихъ причинъ, могло на первыхъ порахъ порождать стремленіе ликвидировать свое хозяйство. Перейти вдругъ отъ прежнихъ привычекъ жизни на распаху къ новому строю было не легко. Въ короткій рядъ лѣтъ отъ дворянина потребовалось превратиться изъ крѣпостного владѣльца въ европейскаго рациональнаго хозяина съ наемнымъ трудомъ, машинами и т. п. Не удивительно потому, что многіе помѣщики, глубоко сроднившіеся съ прежнею жизнью и съ прежними традиціями, не могли освоиться съ новыми бытовыми условіями.

Происшедшее послѣ крестьянской реформы поразительное возвышеніе цѣнности земли, съ своей стороны, побуждало многихъ дворянъ къ отчужденію своей недвижимой собственности—и не только тѣхъ, которые, какъ мы видѣли, не могли освоиться съ новыми экономическими и социальными порядками, но и цѣлую категорію лицъ, просто желавшихъ увеличить свои доходы, такъ какъ доходность земли часто не соотвѣтствовала ея высокой капитальной стоимости. И вотъ почему во многихъ мѣстностяхъ отчужденіе дворянской недвижимости росло параллельно съ ростомъ цѣнъ на землю.

Все это, вмѣстѣ взятое, должно было имѣть послѣдствіемъ сокращеніе дворянскаго землевладѣнія,—и дѣйствительно мы видѣли, что оно уменьшилось за это время съ 78 милліоновъ на 55,5 милліоновъ десятинъ, т.-е., приблизительно, на 30%, и продолжаетъ еще убывать. Но можно ли изъ этого выводить заключенія о разореніи дворянства и постепенномъ его разложеніи?

Слѣдуетъ, прежде всего, замѣтить, что жалобы на разореніе дворянства не представляютъ новаго явленія въ нашей исторіи.

Мы встрѣчаемся съ ними уже во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Еще въ 1754 году императрица Елисавета Петровна указывала на то, что многіе ея подданные изъ дворянства „приходятъ отъ долговъ въ убожество и разореніе“. Затѣмъ, по мѣрѣ открытія дворянству кредита изъ казенныхъ учрежденій, начинаютъ возникать жалобы на легкомысленное имъ пользованіе. Далѣе, императоръ Павелъ говоритъ уже въ манифестѣ: „съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ, что многіе роды дворянскіе, стѣная подъ бременемъ долговъ изъ рода въ родъ, не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверстыми, но большая часть усугу-

была свои долги". Наконецъ, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій кредитомъ со стороны дворянъ, банкротскимъ уставомъ имъ было безусловно воспрещено обiazываться векселями. При такомъ положеніи дѣла рѣдкое имѣніе оставалось въ родѣ болѣе трехъ поколѣній, и тогда уже являлись новыя личности, которыя, съ обходомъ закона, умудрялись переводить въ свои руки дворянскія имѣнія.

Итакъ, повторяемъ, жалобы на разореніе дворянства и на переходъ дворянской собственности въ другія руки—не новы. Если, несмотря на то, что эти жалобы раздаются уже болѣе полутора вѣка, наше дворянство стѣмѣло сохранить свое положеніе и свое вліяніе, то позволено надѣяться, что оно переживетъ и настоящій кризисъ.

Въ рукахъ дворянства остается еще около 56. милліоновъ десятинъ, составляющихъ около половины всей частной поземельной собственности въ Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что уменьшеніе дворянской собственности происходитъ далеко не равномерно въ разныхъ мѣстностяхъ, находясь въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а потому валовыя и среднія цифры процента уменьшенія дворянской собственности не могутъ дать точнаго понятія о ходѣ этого процесса.

Самое значительное уменьшеніе дворянской собственности приходится, какъ мы видѣли, на сѣверныя, преимущественно лѣсныя губерніи. Веденіе лѣсного хозяйства оказалось мало подходящимъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, имѣя преимущественно коммерческій характеръ, и потому дворянскія земли стали переходить въ этихъ мѣстностяхъ въ руки лѣсопромышленниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ самарская губернія, въ которой главная часть дворянскаго землевладѣнія состояла изъ земель, пожалованныхъ дворянству въ срединѣ прошлаго столѣтія. Новые землевладѣльцы, не заводя собственнаго хозяйства, стали сдавать дарованныя земли въ аренду разнымъ промышленникамъ, и затѣмъ, подъ вліяніемъ неурожаевъ семидесятыхъ годовъ, стали ихъ отчуждать въ значительномъ количествѣ. Эти временные землевладѣльцы даже не успѣли войти въ составъ мѣстнаго дворянства, которое въ самарской губерніи всегда было крайне малочисленно. Въ Новороссійскомъ краѣ значительное уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія слѣдуетъ приписать развитію спекулятивной дѣятельности въ краѣ, значительно поднявшей стоимость земли.

За этими губерніями по быстротѣ уменьшенія дворянской собственности слѣдуютъ подмосковныя губерніи, въ которыхъ имѣнія состояли большею частью на оброгѣ. Съ освобожденіемъ

крестьянъ пришлось заводить собственное хозяйство или сдавать землю въ аренду. Къ собственному хозяйству многіе помѣщики оказывались не достаточно подготовленными, а на арендование земель, въ первое время, оказывалось мало охотниковъ, вслѣдствіе малопродуктивности земель этого района.

Болѣе устойчивымъ дворянское землевладѣніе оказывается, какъ мы видѣли, въ черноземныхъ губерніяхъ средней Россіи, затѣмъ въ губерніяхъ оренбургской, воронежской, пензенской и въ западныхъ губерніяхъ. Наконецъ, въ губерніяхъ пермской, астраханской и уфимской дворянская собственность стала даже увеличиваться въ послѣднее время.

Относительно будущаго можно ожидать, что съ пріостановкою роста цѣнъ на землю, который не можетъ продолжаться безпредѣльно, и съ постепеннымъ улучшеніемъ экономическаго положенія дворянъ-землевладѣльцевъ, дальнѣйшій переходъ дворянской земли въ постороннія руки все болѣе и болѣе будетъ сокращаться.

Жалобы на чрезмѣрное обремененіе остающейся въ рукахъ дворянъ земли кредитомъ, также, какъ мы видѣли, оказываются значительно преувеличенными.

Въ моментъ реформы 70% всѣхъ крѣпостныхъ душъ состояли въ залогѣ; въ настоящее же время около половины дворянскихъ имѣній свободны отъ залога въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Эти цифры указываютъ не на ухудшеніе, а скорѣе на улучшение положенія дворянскаго землевладѣнія.

Разумѣется, въ этомъ отношеніи проявляется также значительная разниа между различными мѣстностями. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ мы видѣли, болѣе 60 процентовъ земли свободны отъ залога. Затѣмъ, въ значительномъ числѣ губерній, свободныхъ отъ залога имѣній оказывается около половины, въ остальныхъ—свободной земли отъ 37 до 45%; только въ губерніяхъ саратовской, пензенской и казанской—не болѣе одной трети.

Если отъ губерній обратиться къ уѣздамъ, то оказывается, что въ 392 уѣздахъ заложено менѣе половины имѣній, а въ 178—болѣе половины.

Обращаясь теперь къ размѣру задолженности, оказывается, что въ настоящее время рядомъ съ небольшимъ числомъ имѣній, которыя находятся еще въ положеніи близкомъ къ несостоятельности, большая часть имѣній обременена ссудами только въ размѣрѣ среднемъ и даже ниже средняго. Изъ 12.865 заложенныхъ имѣній, такихъ, которыя чрезмѣрно обременены кредитомъ, всего оказывается 373. Въмѣстѣ съ тѣмъ и общій раз-

мѣръ недоимочности по долговымъ платежамъ нельзя признать сколько-нибудь опаснымъ, такъ какъ, въ среднемъ, эта недоимочность не превышаетъ годового платежнаго олада, и въ послѣднее время ростъ недоимочности даже остановился. Уменьшился, наконецъ, и размѣръ вновь испрашиваемыхъ въ дворянскомъ банкѣ ссудъ. А дворянскій банкъ представляетъ въ настоящее время главнаго кредитора дворянъ-землевладѣльцевъ.

Итакъ, число дворянской земли уменьшилось, но имѣнія, остающіяся въ рукахъ дворянства, въ настоящее время слабѣе отягчены кредитомъ, чѣмъ была отягчена имъ дворянская собственность до момента реформы, когда, какъ мы видѣли, до 70% всѣхъ крѣпостныхъ душъ состояли въ залогъ.

Для имѣній, крайне обремененныхъ долгами, единственнымъ средствомъ оздоровленія можетъ быть только ликвидація части имущества, съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ освободить отъ долговъ остальную часть, или вполнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы остающееся долговое обязательство соразмѣрилось съ доходностью имѣнія.

Подобная ликвидаціонная операція значительно облегчена закономъ, по которому крестьянскому банку предоставлено приобрѣтать дворянскія имѣнія. Такъ какъ эти приобрѣтенія большею частью происходили по условіямъ крайне выгоднымъ для продавцовъ, то этимъ путемъ не мало дворянъ-землевладѣльцевъ получили возможность поправить свое имущественное положеніе. Самый ходъ этой операціи указываетъ несомнѣнно на улучшеніе положенія дворянскаго землевладѣнія въ послѣднее время. Въ 1895 г., когда была открыта эта операція, крестьянскимъ банкомъ приобрѣтено всего одно имѣніе; въ 1896 г. крестьянскій банкъ приобрѣлъ уже 11 имѣній, въ 1897 г. — 60 имѣній; въ 1898 г. — 63 имѣнія; въ 1899 г. — 53 имѣнія; а въ 1900 г. — всего 48 имѣній. Такимъ образомъ, отчужденіе дворянскихъ имѣній въ руки крестьянскаго банка, происходившее въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ въ возрастающей пропорціи, съ 1899 года стало замѣтно уменьшаться, — что очевидно указываетъ на уменьшеніе потребности въ ликвидаціи, вслѣдствіе улучшенія общаго положенія.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ г. Е. Марковъ, ходъ исторіи производитъ нѣкоторымъ образомъ естественный подборъ тѣхъ болѣе надежныхъ элементовъ дворянства, которые оказались достаточно обладающими внутренними силами, чтобы устоять и примѣниться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Отпадаютъ большею частью элементы безсильные, безъ задатковъ бу-

дущаго, т.-е. элементы, не придающіе особой вѣрности и особаго значенія дворянскому владѣнію. Горькій опытъ долженъ былъ научить дворянъ-землевладѣльцевъ благоразумію, осторожности, расчету; деревенская Россія стала вырабатывать постепенно новыя формы хозяйственной дѣятельности.

Разные признаки указываютъ на то, что такое перерожденіе у насъ уже начало совершаться. Абсентеизмъ въ имѣніяхъ уменьшается; молодое поколѣніе, и притомъ въ лицѣ наиболѣе развитыхъ своихъ представителей, начинаетъ посвящать себя хозяйничанью въ имѣніяхъ и мѣстной дѣятельности, вмѣсто служебной карьеры. Самый характеръ мобилизаціи дворянской собственности можетъ, съ своей стороны, служить указаніемъ въ томъ же смыслѣ. Дворяне не только продаютъ, но и покупаютъ землю. Такъ, напримѣръ, уже въ 1893 году ¹⁾ въ губерніяхъ самарской, уфимской и оренбургской всѣ проданныя дворянами земли перешли въ руки дворянъ. Въ десяти центральныхъ губерніяхъ двѣ трети всей проданной земли перешли въ руки дворянъ, въ восьми не-черноземныхъ губерніяхъ—болѣе половины. По даннымъ за 1892—1895 годъ, въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи дворянами приобрѣтено дворянскихъ имѣній на 172 милліона рублей.

Нельзя не остановить вниманія также на поразительномъ ростѣ стоимости земли. Съ момента освобожденія крестьянъ по 1894 г. въ центральныхъ губерніяхъ стоимость десятины земли возвысилась съ 38 до 96 рублей, т.-е. на 63%. Въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ десятина земли возвысилась съ 22 до 68 руб.; въ южныхъ губерніяхъ она возросла съ 26 на 111 руб., т.-е. на 327%,—приростъ же населенія составляетъ всего 104%. Въ юго-западныхъ—съ 41 на 127 руб., т.-е. на 210%. Но особенно поразителенъ ростъ стоимости земли, проявившійся въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерніяхъ. Въ костромской стоимость десятины поднялась на 400%, въ новгородской—на 700%, а въ таврической—даже до 1.000%.

Хотя такое возвышеніе цѣнности земли и представляло для землевладѣльцевъ нѣкоторую опасность, давая имъ возможность получать кредиты, не вполне соотвѣтствующіе доходности земли, однако все-же въ результатѣ оказывается, что въ рукахъ землевладѣльцевъ-дворянъ находится въ настоящее время земельная цѣнность, вдвое превышающая тотъ земельный капиталъ, который находился въ рукахъ дворянства до освобожденія крестьянъ,

¹⁾ За который имѣются наиболѣе подробныя данныя.

и это—за выдѣломъ крестьянскихъ надѣловъ, за которые дворянствомъ, кромѣ того, получено около 800 милліоновъ рублей. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ площадь дворянскаго землевладѣнія уменьшилась съ 78 до 55¹/₂ милліоновъ десятинъ, цѣнность дворянской земли возросла съ 1¹/₄ до 2¹/₂ милліардовъ рублей. Это такая земельно-капитальная сила, на которую дворянство можетъ опираться безъ всякаго опасенія за свою будущность.

Переломъ хозяйственнаго быта, вызванный освобожденіемъ крестьянъ, несомѣнно, особенно въ первое время, нанесъ существенный ущербъ помѣщичьему быту. Но безъ жертвы подобной реформы осуществить было невозможно. Жертва потребовалась отъ всѣхъ: и отъ дворянъ, и отъ крестьянъ, и отъ государства. Идя по призыву государя на встрѣчу этой колоссальной реформѣ, дворянство не могло не сознать, что оно идетъ на встрѣчу существеннымъ жертвамъ. Крестьянское положеніе было начертано исключительно дворянскими руками; ими же оно было приведено и въ исполненіе.

Такимъ образомъ, можно сказать, что дворянство произвело реформу, которая послужила исходной точкой широкаго обновленія нашей общественной и экономической жизни. Только съ этого момента открылась возможность всѣхъ остальныхъ реформъ, которыя, создавъ твердое обезпеченіе имущественнымъ оборотамъ, вызвали поразительное развитіе экономическаго движенія въ Россіи. Россія XX вѣка стала неузнаваема, по сравненію съ Россіей половины XVIII вѣка,—и это не смотря на тѣ различные экономическіе кризисы, которые ей пришлось переживать за это время. Натуральное хозяйство, обусловливавшее патріархальный складъ всей производительной дѣятельности страны, начало постепенно смѣняться денежнымъ хозяйствомъ, открывшимъ широкій просторъ развитію промышленности. Мануфактуры и фабрики стали распространяться въ странѣ; за ними послѣдовала и торговля.

Вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ составлялъ въ пятидесятыхъ годахъ около 52 милл. пудовъ разнаго зерна, стоимостью нѣсколько болѣе 25 милліоновъ рублей. Возвышаясь постепенно, вывозъ зерновыхъ продуктовъ достигаетъ въ девяностыхъ годахъ цифры 430 милліоновъ пудовъ, цѣнностью свыше 300 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, по количеству нашъ вывозъ зерновыхъ продуктовъ увеличился за этотъ періодъ времени въ восемь разъ, и по цѣнности—въ двадцать разъ.

Наше сельское хозяйство, представляя главную отрасль на-

родной производительности, не могло оставаться незатронутымъ подобнымъ развитіемъ экономическихъ силъ страны. Ростъ хлѣбнаго вывоза служитъ прямымъ указаніемъ роста сельско-хозяйственной производительности.

Если дворянское землевладѣніе по всему вышеизложенному и не находится въ столь отчаянномъ положеніи, какъ на это указываютъ пессимисты, то все-же несомнѣнно, что по разнымъ причинамъ, а не только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, ему пришлось перенести довольно тяжелый кризисъ, послѣдствія котораго продолжаютъ проявляться по настоящее время.

При такомъ положеніи дѣла, правительство рѣшилось, вслѣдствіе ходатайствъ дворянства, придти ему на помощь рядомъ мѣропріятій, разсмотрѣнію которыхъ будетъ посвящена слѣдующая статья.

Ө. ТЕРНЕРЪ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV ¹⁾.

Квартира, отведенная Рогову, была не изъ удобныхъ. Черезъ корридоръ помѣщалась аптечка, изъ которой комната доктора постоянно наполнялась запахомъ лекарствъ. Въ тотъ же корридоръ выходила дверь изъ каморки фельдшера, большого любителя гитары, чувствительныхъ романсовъ и деревенскихъ красавицъ, смѣхъ которыхъ каждый вечеръ доносился оттуда до Рогова.

Впрочемъ, послѣ студенческой каморки въ Москвѣ, это жилище могло даже казаться роскошнымъ. А главное, Роговъ весь былъ охваченъ новостью своего положенія, обстановки и радостнымъ сознаніемъ, что наконецъ-то очутился „среди народа“ и можетъ „работать“.

Смирново было большое село, тянувшееся почти на полверсты по бокамъ большой дороги. Приемный покой находился въ одномъ его концѣ, саженьяхъ въ пятидесяти отъ послѣдней крестьянской избы, т.-е. почти въ полѣ. На другомъ концѣ, на берегу рѣки, стояла внизу фабрика купца Петренки, а надъ нею взбирался вверхъ по отлогому, высокому берегу старый барскій паркъ. Изъ-за его деревьевъ выглядывалъ дворецъ, принадлежавшій прежде графамъ Зюдерзее. Онъ былъ купленъ Пе-

¹⁾ См. февраль, стр. 513.

тренкой нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ паркомъ, усадьбой и окружающими землями.

Съ устройствомъ фабрики эта часть села обратилась въ маленькій городокъ: здѣсь были отдѣльные домики для управляющаго, для техника, садовника, мастеровъ и прислуги... Тутъ свистѣли паровики, грохотали машины; дымъ изъ высокихъ фабричныхъ трубъ застилалъ черными тучами блѣдное осеннее небо; безпрестанно ревѣли гудки, приходили и уходили толпы людей, двигались подводы длинными рядами... Отвратительный запахъ каменно-угольнаго дыма наполнялъ воздухъ.

А въ концѣ, гдѣ жилъ Роговъ, на своемъ „пунетѣ“, была деревенская тишина. Изъ оконъ его квартиры разстилались широкія перспективы холмистой мѣстности. По пологимъ дальнимъ холмамъ мелькали деревеньки и села съ бѣлыми точками церквей.

Рано утромъ, когда вставалъ Роговъ, надъ деревеньками вились голубоватыя ленты „дымковъ“, и въ открытую фортеку вѣтерокъ доносилъ тонкій запахъ соломеннаго дыма. Роговъ любилъ этотъ запахъ: онъ напоминалъ ему дѣтство, проведенное въ деревнѣ.

До двухъ часовъ Иванъ Захаровичъ возился съ больными въ приемномъ покоѣ. Ихъ приходило съ каждымъ днемъ больше, такъ какъ по окрестнымъ деревнямъ быстро распространился слухъ, что новый докторъ очень ласковъ и внимателенъ.

Въ два часа, торопливо пообѣдавъ, Роговъ ѣхалъ къ труднымъ больнымъ, приславшимъ звать его изъ деревень. Осенью много эпидемій особенно дѣтскихъ, и онъ такъ былъ занятъ, что въ теченіе двухъ недѣль не успѣлъ побывать ни у члена управы Лопатина, ни у Рахмарова и Вѣры Павловны Лядовой. Ему удалось только сдѣлать визиты управляющему и технику Зинovieву, съ которыми читатель уже знакомъ немного по его рѣчи на студенческой вечеринкѣ 8-го февраля.

Управляющій англичанинъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего родного, а по-русски изучилъ только самый отборный лексиконъ крѣпкихъ словъ. Визитъ къ нему былъ поэтому, коротокъ, а бесѣда ограничилась восклицаніями и руко-трясеніями.

У Зинovieва, жившаго въ особомъ флигелѣ на дворѣ фабрики, Роговъ пробылъ дольше. Его встрѣтила высокая, совсѣмъ сѣдая старушка, еще бодрая и державшаяся прямо. Ея строгое, но симпатичное лицо понравилось Рогову. На ней было сѣрое шерстяное платье; въ рукахъ—какое-то шитье. Это была мать Зинovieва.

— Не будете скучать въ деревнѣ?—спросила она, пригласивъ его сѣсть и объяснивъ, что сынъ сейчасъ придетъ съ фабрики завтракать.

— Некогда скучать,—отвѣтилъ Роговъ.—А вотъ вамъ здѣсь, пожалуй, скучновато и безпокойно: стукъ, свистки, грохотъ молотовъ...

— О, я къ этому привыкла!—сказала Зиновьева съ доброй улыбкой:—вѣдь я два года прожила съ сыномъ за-границей, куда онъ ѣздилъ послѣ технологическаго института. Мы почти все время пробыли на фабрикахъ и заводахъ...

— Вы его никогда не покидаете! Счастливый человѣкъ!

— Могу ли я его оставить!—горячо сказала она:—въ немъ вся моя жизнь! Да и онъ бы этого не допустилъ... Мы очень привыкли другъ къ другу: когда отецъ умеръ (онъ тоже былъ химикъ,—профессоръ университета),—моему Володѣ было всего лишь девять лѣтъ, и я сама приготовила его въ гимназію, репетировала съ нимъ уроки... Даже лингвисткой ради него стала!—прибавила она съ улыбкой. — А вотъ и Володя! — сказала она почти съ благоговѣніемъ, услышавъ стукъ двери, и пошла на встрѣчу къ сыну, въ прихожую. Оттуда донесся звукъ поцѣлуя и слова старушки:

— Усталъ? Завтракъ готовъ! У тебя гость...

Зиновьевъ узналъ Рогова.

— Помню, помню! — сказалъ онъ ласково: — вы тогда на вечеринкѣ такую рѣчь горячую сказали, что бѣда! Но меня, впрочемъ, очень одобрили... Будемъ завтракать вмѣстѣ... Я днемъ только въ эти полчаса и свободенъ.

Отъ завтрака Роговъ отказался, но выразилъ согласіе посидѣть и побесѣдовать, пока Зиновьевы будутъ ѣсть.

— Пива не хотите ли? Мы съ мамой пиво пьемъ. Привыкли въ Германіи.

Онъ заговорилъ о пьянствѣ рабочихъ и крестьянъ, замѣтивъ вскользь, что это—самое огромное препятствіе для какого бы то ни было прогресса въ бытѣ и умственномъ развитіи рабочихъ. Весьма трудно провести мысль о какихъ-нибудь сбереженіяхъ или кассахъ, какъ у западныхъ рабочихъ. А это было бы лучшимъ способомъ вѣвотораго духовнаго объединенія ихъ.

— И читаютъ мало по этому же: свободные часы — пьютъ или пьяны. Какое ужъ тутъ чтеніе! Конечно, есть и исключенія. Я отобралъ человѣкъ шесть и занялся съ ними технической химіей: дѣлаемъ опыты, бесѣдуемъ... У меня недурная лабора-

торія. Пришлось заняться отвлеченіемъ отъ водки! Вотъ не ожидалъ, что въ Россіи придется начинать съ этого!

— Ну, и интересуются наукой?

— Очень! Жажда знанія въ нихъ огромная! И какіе способности!

— Когда же вы успѣваете заниматься этимъ?

— А по вечерамъ... Они охотно, вмѣсто отдыха, идутъ ко мнѣ... Даже отъ сна урываютъ время... Есть очень симпатичные!... Ахъ, еслибы въ Россіи не водка!..

Завтракъ кончился, и они простились, обѣщаясь посѣщать другъ друга.

Роговъ собрался, наконецъ, сдѣлать визитъ Лопатину и Рахмарову съ Лядовой. Но когда его тарантасъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ дорога сворачивала въ усадьбу Петра Григорьевича и откуда видѣлся на горѣ его барскій домъ, онъ замѣтилъ въ себѣ непріятное чувство, свойственное очень застѣнчивымъ и самолюбивымъ людямъ: у него сжалось сердце при мысли о встрѣчѣ съ Рахмаровымъ и Вѣрой Павловной: онъ считалъ ихъ аристократами; у нихъ въ усадьбѣ должна быть роскошная обстановка, лакеи въ перчаткахъ... И посреди всего этого великолѣпія явится онъ, въ своемъ дешевомъ сюртукѣ и скверныхъ сапогахъ... Когда онъ былъ студентомъ, онъ менѣе конфузился: студенческий сюртукъ придавалъ смѣлости и даже сообщалъ нѣкоторую гордость... „Правда,—думалъ онъ,—Вѣра Павловна очень мила и проста, и едва-ли обращаетъ вниманіе на виѣшность, а все-же она — свѣтская дѣвушка, и извѣстныя привычки вѣялись у нея въ плоть и кровь“.

Смущало его и то, что въ первую встрѣчу съ Рахмаровымъ онъ былъ грубъ съ нимъ, а тотъ отплатилъ ему изысканной вѣжливостью и даже доброй услугой. Для людей съ сильнымъ самолюбіемъ нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ сознавать свою вину: они сердятся не столько на себя, сколько на тѣхъ, передъ кѣмъ виноваты.

Какъ ни было сильно желаніе Рогова—увидѣть Вѣру Павловну, которая произвела на него очень сильное впечатлѣніе, но въ послѣдній моментъ онъ рѣшилъ, что лучше къ Рахмарову не ѣхать, пока тотъ не позоветъ, или какой-нибудь случай не столкнетъ съ нимъ и Вѣрой Павловной. „Съ какой стати я явлюсь къ нимъ въ ихъ роскошныя палаты? Быть можетъ, они и не желаютъ совсѣмъ меня видѣть! Мой визитъ покажется навязчивостью, желаніемъ продолжать случайное знакомство!... Во всякомъ случаѣ, лучше подождать съ этимъ визитомъ“..

И онъ велѣлъ кучеру ѣхать прямо къ члену управы Лопатину.

Дорога шла пруселекомъ и была такъ испорчена постоянными дождями, что лошади едва вытаскивали ноги и тащили тарантасъ шагомъ.

Крупныя, частыя капли барабанили въ будку земскаго тарантаса.

— Одея! А нельзя ли поскорѣй! — сказалъ Роговъ парню, сидѣвшему на козлахъ и съ которымъ уже успѣлъ подружиться въ теченіе своихъ ежедневныхъ поѣздокъ. — Вѣдь намъ сегодня нужно быть еще въ Веневитинѣ. А съ такой ѣздой не успѣемъ, пожалуй, засвѣтло.

— Тяжело лошадямъ: глина! — отвѣтилъ тотъ. Его лицо едва видѣлось изъ-за высокаго, поднятаго воротника свиты, которымъ онъ защищался отъ ливня.

Но вотъ дождь пріутихъ.

Одея сѣлъ въ полуоборотъ къ сѣдоку и старался завести разговоръ.

— Ну, ужъ и должность ваша докторская, Иванъ Захарычъ! — сказалъ онъ: — не лучше нашей будетъ. Во всякую погоду поѣзжай! Теперь хорошій хозяинъ и собаки со двора не выпустить.

— Да, братъ Одея, погода! А только должность наша — хорошая: людямъ помогаемъ, — сколько можемъ.

— Это-то оно правильно. Да только, я такъ полагаю, что господа зовутъ докторовъ больше по пустякамъ.

— А почему ты это думаешь?

— У господъ эта самая болѣзнь очень скоропалительна. Особенно у женскаго сословія. Я на это достаточно наблюдательности имѣлъ, живя по усадьбамъ. Чуть что не по нимъ, сейчасъ барышня — брыкъ на кровать: „Ахъ, охъ, дайте мнѣ стаканъ самой холодной воды“!.. Ну, и гонять нашего брата за докторомъ. А то и проще: скучно господамъ; хочется въ карты поиграть, — и опять за докторомъ!..

— Ну, за мной еще ни отъ кого изъ помѣщиковъ такъ не присылали.

— Это познакомиться не успѣли! Вотъ передъ вами докторъ Крыловъ здѣсь былъ, такъ тотъ и дома почти не жилъ. Закатится на недѣлю, на двѣ, да изъ одной усадьбы въ другую и переѣзжаетъ: все въ карты играть!

— А больные-то какъ же?

— Мужика можно и въ шею наладить! Потому: не безпо-

кой, дурачина, когда господинъ докторъ сурьезнымъ дѣломъ занять, — вторья сутки въ карты вникаетъ!..

— Да ты, Одея, ядовитый и презлой!

— Нѣтъ, Иванъ Захарычъ, я не золь, а только смѣшливъ насчетъ умору.

Одея любилъ пустить пыль въ глаза „образованнымъ сѣдокамъ“ какимъ-нибудь книжнымъ словомъ или именемъ писателя: онъ учился въ земской школѣ и, по окончаніи, много читалъ, пользуясь книгами изъ бібліотеки Рахмарова.

— А у Лопатина кто же боленъ?—спросилъ онъ.

— Я туда не къ больнымъ, а познакомиться, — сказалъ Роговъ.

— И сурьезный же господинъ этотъ Лопатинъ! — насмѣшливо сказалъ парень. — Копѣйки своей не упустить, а коли гдѣ можно, такъ и чужую оттянетъ. Жилъ я у него вучеромъ. И съѣли у насъ крысы кусокъ экипажного сала. Такъ что же вы думаете? Съ меня вычелъ! Цѣлый мѣсяцъ я за эту подлую крысу у него прослужилъ! Точно я самъ съѣлъ экипажное сало!.. Тьфу!

Роговъ слушалъ Одея на этотъ разъ не очень внимательно: онъ думалъ о старшей дочери Лопатина; грубыя сплетни о ней его заинтересовали. „Это—недюжинная личность!“ — думалъ онъ. Интересовали его и венеитинскіе крестьяне, о которыхъ онъ слышалъ, что они занимаются кустарными промыслами. „Сколько, бывало, о кустаряхъ спорилъ, а видѣть не видѣлъ, какіе такіе кустари бываютъ“.

Онъ сталъ спрашивать у Оеди о томъ, много ли тамъ дѣлаютъ чашекъ, сколько получаютъ за нихъ; но тотъ не могъ дать точныхъ свѣдѣній.

Закуривъ папиросу и вспомнивъ, что Одея тоже курить, Иванъ Захаровичъ предложилъ ему.

— Я теперь, Иванъ Захаровичъ, и курить бросаю, и водки не пью.

— Что такъ? Давно ли?

— Да ужъ дня три порѣшилъ. Человѣкъ хорошій научилъ. У насъ тутъ вернулся одинъ мужичокъ изъ херсонской губерніи. Ну, значить, тамъ онъ всего навидался, со всякимъ народомъ разговоры имѣлъ. И встрѣтились ему такіе народы, которые все могутъ вычитать изъ божественныхъ книгъ, — что и къ чему... Ну, и онъ отъ нихъ научился: убѣдительно читаетъ! Стали вникать и наши мужики нѣкоторые... Онъ имъ прочитаетъ, а они вникаютъ... И тоже, значить, чтобы не курить и не пить, и

дурными словами не ругаться, и другъ дружкѣ помогать... Убѣдительно онъ это вычитываетъ!

— Ну, и ты вникъ?

— Ну, я-то еще мало. Потому—времени нѣтъ, а все-таки кое что понялъ. И удивительный этотъ человѣкъ!.. Познакомился я съ нимъ очень антиресно. Собственно сказать, собрались нѣсколько нашихъ парней его бить. Ну, и я съ ними увязался.

— Постой, постой! За что же бить? За то, что читаетъ?

— Не за то! А пошелъ, значить, разговоръ у насъ: „Какой такой, молъ, мудрецъ проявился? Умнѣе самого отца Ивана хочеть быть? Тотъ, значить, ни противъ цыгарки, ни противъ водки ничего не говоритъ, а этотъ осуждаетъ“... Ну, и по правдѣ сказать, одинъ человѣкъ насъ на него науськалъ: онъ у насъ по секрету водку продаетъ. Ну, и пошли мы. „Такъ и такъ,—говоримъ,—желаемъ у тебя поучиться, почему ты настаиваешь противъ водки, напимѣръ, и табаку“? Хотѣли мы его на словѣ какомъ ни на есть поймать и задать хорошую клячку, чтобы помнилъ долго. А вышло по другому. Сталъ онъ это объяснять, сталъ вычитывать, и ушли мы отъ него въ сумлѣніи, а тамъ и на другой день пошли, и на третій, — ужъ просто послушать... Удивительный человѣкъ!

Оеда хотѣлъ рассказать что-то еще объ „удивительномъ“ человѣкѣ, но въ это время дождь снова полилъ, какъ изъ ведра, а изъ-за сѣрой пелены ливня совсѣмъ близко показалась усадьба Лопатина: одноэтажный деревянный домъ съ очень высокой тесовой крышей, почернѣвшей отъ времени. Вокругъ виднѣлись новыя надворныя постройки, желтѣвшія свѣжими бревнами и соломой своихъ крышъ.

Лопатинъ встрѣтилъ Рогова, стоя въ дверяхъ передней. Это былъ мужчина высокаго роста, широкій въ плечахъ и груди, рябой и краснощекій, съ коротко-остриженной сѣдѣющей головой и длинными бакенбардами.

— А, драгоцѣннѣйшій, наконецъ-то! — заговорилъ онъ басомъ: — давно слышимъ, что пріѣхали, а видѣть — не видимъ! Ну, разоблачайтесь. Палашка, помощи, дурища, стащить доктору ботики!

Когда докторъ раздѣлся и отеръ съ лица брызги грязи и капли дождя, хозяинъ заключилъ его въ объятія и, три раза облобызавъ, сказалъ:

— По-христіански! Трижды! Люблю этотъ обычай древней Руси!

Въ низенькомъ залѣ пахло сыростью и плѣсенью. Изъ-за

лауберного стола, стоявшаго въ углу, поднялся на встрѣчу Рогову человѣкъ въ полицейскомъ мундирѣ, благообразный на видъ, съ длинными усами, худой и высокій.

— Приставъ мѣстнаго стана, Иванъ Ивановичъ Геліотроповъ! — отрекомендовалъ его хозяинъ.

— Долго ждали! — воскликнулъ тотъ, сильно потрясая руку врача и щелкнувъ шпорами.

— А мы отъ скуки винтимъ съ утра, — объяснилъ хозяинъ. — За неимѣніемъ третьяго партнера, съ болваномъ... Палашка, закусить скорѣй! Водки, наливки! Скажи тамъ барыни и барышнямъ!

И онъ снова обратился къ Рогову:

— Ну, какъ же вы устроились? Довольны ли квартирой?

Онъ любезно взялъ гостя съ обѣихъ сторонъ за талію, какъ будто собирался поднять его на воздухъ.

Въ дверяхъ показалась молоденькая и тоненькая бѣлокурая барышня, съ голубыми, какъ незабудки, глазами, робкая и застѣнчивая.

— Вторая дочь моя, Надежда! — сказалъ хозяинъ. — А старшая, Софья, въ гостяхъ у сосѣдей. Вѣроятно, сейчасъ вернется...

Дѣвушка протянула Рогову узенькую холодную руку, а другой оперлась на рояль, старинный и длинный, занимавшій въ залѣ почти всю стѣну.

— А мы васъ ждали... Мама сейчасъ выйдетъ... Соня очень будетъ жалѣть: она уѣхала въ Севрюгинымъ не надолго, да, должно быть, дождь задержалъ... Сегодня такая ужасная погода!

Надя старалась играть роль хозяйки и „занимать гостя“ разговоромъ.

— Сейчасъ будемъ обѣдать, а послѣ обѣда повинтимъ, — сказалъ хозяинъ, — и теперь уже по настоящему повинтимъ!.. Втроемъ!

— Къ сожалѣнію, не играю!.. — сказалъ Роговъ. — И кромѣ того, я тороплюсь въ Вeneвeтeнo: тамъ тифъ.

— Обѣдъ сейчасъ! Безъ хлѣба и соли не отпущу. И неужели не играете? Ну, это плохо! Да мы васъ выучимъ!

— Такъ вы теперь въ Вeneвeтeнo? А у меня къ вамъ бумажка готова, — сказалъ становой. — Въ Парменовѣ скарлатина разгулялась на дѣтяхъ. Это рядомъ съ Вeneвeтeнoмъ. Можеть, вѣ туда заѣдете? Чтобы во второй разъ не тащиться. А бумажку я сейчасъ передамъ.

Становой сталъ рыться въ портфель и въ то же время дидактически заговорилъ:

— А безъ картъ въ нашей глуши нельзя! Вѣдь даже и кляча водовозная должна отдыхъ имѣть. А какой же у насъ отдыхъ? Ни театровъ, ни баловъ, ни маскарадовъ для образованнаго человѣка! Конечно, у кого семья... дѣти... Да и то, нельзя же сидѣть все съ семьей да съ семьей... Человѣкъ—животное общественное!—выпалилъ онъ.

— Согласенъ, совершенно согласенъ!—сказалъ хозяинъ:—безъ картъ нельзя... Моя супруга ихъ не любитъ... Она все по Толстому,—и куренья не любитъ... Ну, въ угоду ей курить бросилъ, водки почти не пью, а отъ картъ отказаться не могу, хоть самъ Левъ Николаевичъ пріѣзжай!

— Ему хорошо проповѣдовать!—смѣясь, воскликнулъ ставной:—онъ все романы пишетъ, да деньги за нихъ загребаетъ! Будь я на его мѣстѣ, я бы тоже не сталъ играть! День и ночь романы бы писалъ!

Въ это время открылась дверь изъ сосѣдней комнаты, и на порогѣ появилась хозяйка, до такой степени ожирѣвшая особа, что ея фигура изображала кубъ или шаръ, съ одутловатымъ, блѣднымъ лицомъ, на которомъ едва виднѣлись заплывшіе маленькіе черные глазки.

— Здравствуйте, здравствуйте, недобрый сосѣдъ! Ждемъ, ждемъ, а онъ и глазъ не кажетъ, какъ молодой мѣсяцъ! Очень, очень рада!—говорила она съ одышкой, нарастающею, слащаво и дѣлая плавные жесты руками въ разныя стороны. — Ахъ, ахъ, ахъ! И вы курите? Не слѣдуете совѣту Льва Николаевича? Одурманиваете?!

Она, съ свисходительной улыбкой и качая головой, погрозила на его папиросу, дымившуюся въ лѣвой рукѣ, и прибавила:

— Да вы не стѣсняйтесь, курите, если курите! Пожалуйте въ гостиную, прошу садиться...

Въ гостиной, съ двумя низкими окнами и стеклянной дверью на террасу, пахло сыростью и плѣсенью еще больше, чѣмъ въ залѣ. Деревянный большой диванъ съ круглыми ручками и такіе же кресла были въ бѣлыхъ чехлахъ. Хозяйка торжественно присѣла на диванъ, положивъ пухлыя руки на большой овальный столъ, а гости усадила рядомъ въ кресло.

— А вотъ вы спросите у моего Петра Петровича, какъ онъ меня теперь благодарить за то, что я убѣдила его бросить курить!

— Да, да!—сказалъ мужъ, усаживаясь противъ Рогова:—я постоянно страдалъ катарромъ горла... Утромъ капель...

— Не въ горлѣ дѣло!—строго перебила хозяйка:—а въ душѣ! У тебя душа другая стала!

— Да, да! Я себя чувствую... вообще...

Въ залѣ загремѣли ножами, тарелками, грохотали сдвигаемые столы для обѣда, а хозяйка продолжала проповѣдь:

— Вотъ тоже карты! Я говорю мужу и Ивану Ивановичу: ужъ если вы не можете побороть эту страсть, заведите лото. Въ лото и дѣти играютъ. Это — невинное. Я недавно писала Толстому и спрашивала его, какъ онъ смотритъ на лото.

— Что же, не получили еще отвѣта? — спросилъ Роговъ, едва удерживаясь отъ улыбки.

— Нѣтъ еще! Въ газетахъ пишутъ, что онъ теперь ѣздитъ гдѣ-то по деревнямъ, устраиваетъ мужицкія какія-то столовыя! Вотъ этого я не понимаю! Такой геній, и не догадывается, что это развиваетъ въ мужикахъ тунеядство, лѣнь и другіе пороки! Мужикъ никогда съ голоду не умретъ, если не захочетъ лѣниться. А если онъ ѣстъ растительную пищу, то это — идеаль пища! Самъ Толстой ее проповѣдуетъ, и я то же говорю... Вообще, чтѣ можетъ быть выше, какъ обуздывать страсть чревоугодія, смиряться передъ судьбой и благодарить Всевышняго?!

Вошла Надя и сказала матери тихо по-французски, что ее зовутъ по хозяйству.

— Иду, иду! — проговорила та, съ трудомъ поднимаясь съ дивана. — Охъ, это хозяйство! И поговорить некогда о высокихъ предметахъ! — жаловалась она Рогову. — Но мы побесѣдуемъ за обѣдомъ... Я только и живу, когда бесѣдую о возвышенномъ!

Она выплыла изъ комнаты, а хозяинъ старался поддержать разговоръ и завелъ рѣчь о Рахмаровѣ.

— Вы съ нимъ хорошо знакомы? — спросилъ Лопатинъ.

— Нѣтъ, я его раза два видѣлъ...

— Я потому спросилъ, что онъ, насколько мнѣ извѣстно, рекомендовалъ васъ нашему предсѣдателю Лунину... Ну, и прекрасно, что вы съ нимъ мало знакомы. Я совѣтую держаться отъ него подальше, если не хотите повредить себѣ въ земствѣ. Это не человѣкъ-съ, а язва здѣшнихъ мѣстъ! Вотъ чтѣ я долженъ вамъ сказать откровенно! Противъ своего собственного сословія идетъ: пишетъ мужикамъ прошенія на своихъ же собратьевъ, дворянъ! Въ газеты корреспонденціи о нихъ посылаетъ. Безпокойный человѣкъ и ренегатъ своего сословія! Какія-то чтенія мужикамъ устроилъ! Да, благодаря Богу и распорядительности почтеннаго Ивана Ивановича, ихъ въ-время остановили!..

— Ну, я-то тутъ непричемъ, — сказалъ Геліотроповъ. — Я только по долгу службы сообщилъ исправнику...

— Барышня къ нему какая-то явилась изъ Петербурга...

Для чего это? Зачѣмъ? Отчего во мнѣ никто не пріѣзжаетъ и никакихъ школъ и чтеній я не устраиваю? И на какія деньги онъ все это заводитъ? У самого ни гроша! Имѣніе сдать мужикамъ почти задаромъ, въ аренду. А для чего? Чтобы у нашего брата, солиднаго хозяина, уронить арендные цѣны! Это — смута-съ, и больше ничего! И почему онъ ни къ кому изъ порядочныхъ людей, настоящихъ дворянъ, визитовъ не сдѣлалъ, а къ купцу Севрюгину ѣздитъ? Чтѣ я, хуже, что-ли, этого процентщика?

— Ахъ, многоуважаемый Петръ Петровичъ, — сказала становой, волнуясь: — вы очень черную краску накладываете! Вы вотъ высказываете и то, и сѣ, а это можетъ разгласиться, и мнѣ выйдетъ непріятность: скажутъ — „чего смотрѣлъ“? Ѣздитъ онъ къ Севрюгину по дѣламъ, а знакомства у него никакого съ нимъ нѣтъ...

— Какія такія у него дѣла? Онъ хлѣба своего не имѣетъ — всѣ земли крестьянамъ розданы...

— Ну, да! Вотъ о крестьянскомъ-то хлѣбѣ онъ и ѣздитъ говорить... У Севрюгина съ нимъ не тотъ разговоръ, какъ съ мужиками: вѣдь, ежели сами мужики побѣдутъ, да еще въ одиночку, развѣ Севрюгинъ дастъ имъ за хлѣбъ настоящую цѣну? Севрюгинъ тоже человѣкъ ловкій! Ему пальца въ ротъ не клади!

— Ну, и выходитъ по вашимъ же словамъ, что Рахмаровъ человѣкъ подоврительный! Чтѣ за такая особенная миндальность съ мужиками, чтобы самому ѣздить объ ихъ хлѣбѣ торговаться?

— Простая выгода, — отвѣтилъ становой. — Больше возьмутъ за хлѣбъ — лучше выплатятъ ему.

— Знаемъ мы эти выгоды! Тутъ пахнетъ совсѣмъ не выгодой! А вы, конечно, свою шкуру оберегаете, такъ и защищаете его...

Вошла Надя и объявила, что обѣдъ готовъ.

Она была уже въ другомъ, болѣе нарядномъ платьѣ.

Хозяинъ и гости поднялись. Становой говорилъ на ходу:

— Несправедливо вы все это говорите, Петръ Петровичъ! Конечно, и для меня тутъ есть интересъ, но только совсѣмъ другого рода: на рахмаровскихъ мужикахъ почти нѣтъ недоимки! У другихъ и продажи, и въ волости ихъ дерутъ, а въ его деревнѣ всегда все уплачено! А вы думаете, мало намъ хлопотъ съ этими взысканіями! Ѣзди, бранись, описывай, выговоры получай!..

Хозяинъ перемѣнилъ разговоръ.

— Какова семейна-то! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ Ровову, когда изъ боковыхъ дверей стали выходить другъ за дру-

гомъ Петя, Одея, Маша, Даша и Катя, представлявшіе лѣстницу отъ десяти и до шестнадцатилѣтняго возраста, а за ними слѣдовали—бонна изъ обрусѣвшихъ швейцарокъ, старушка съ слезящимися глазками и запуганнымъ лицомъ, а за ней—домашній учитель, здоровенный дѣтина съ рыжими кудрями, въ веснушкахъ, съ скуластымъ лицомъ, точно смазаннымъ масломъ, и въ сѣромъ затасканномъ пиджачкѣ, изъ котораго онъ выросъ и который готовъ былъ на немъ лопнуть.

Мальчики, входя въ залъ, громко шаркали гостю ногой и при этомъ отъ усердія такъ сильно ударили другую ногу, что чуть не падали; дѣвочки присѣдали. Рядомъ съ учителемъ вошла жена станового, полная, румяная, въ фіолетовомъ шерстяномъ платьѣ съ оборками. У нея былъ вздернутый носъ и бойкіе, запыривающіе черные глаза съ подведенными бровями.

Отдѣльно изъ гостиной выплыла хозяйка.

Всѣ заняли мѣста. Одинъ стулъ остался свободнымъ. Хозяинъ, сѣвшій въ концѣ стола, противъ супруги, усадилъ около себя съ одной стороны станового, съ другой—его жену. Рогову выпало удовольствіе занимать хозяйку. Та обратила вниманіе на пустой стулъ.

— Что же это Варя? Вѣчно она опаздываетъ къ столу! Ты звала ее?—обратилась она къ горничной величественно.

— Звала-съ... Онѣ одѣваются...

— Позови сейчасъ! — рѣзко сказала мать и обратилась къ Рогову: — я приучаю дѣтей къ нѣмецкой аккуратности. Дисциплина прежде всего! Въ наше время дѣти чересчуръ распущены. Отъ этого—современная безнравственность и всякіе пороки. У меня самая раціональная система... Иванъ Захаровичъ, вы еще не попробовали вотъ этихъ грибовъ. Рыжики! Восхитительные! Сами дочери отбирали! Не больше кедроваго орѣха! Марья Карловна, вы не видите, какъ Петя держитъ ложку!.. Да кушайте же, не перемоньтесь, докторъ! У насъ не какъ въ столицахъ—хозяева за кускомъ гостю въ ротъ не смотрятъ... У насъ по-деревенски: свое, не купленное...

А Варя все не шла; хозяйка изрѣдка поглядывала на пустой стулъ такими глазами, которые предвѣщали грозу.

Самъ Лопатинъ, глотая горячій борщъ, заговорилъ о выдающихся кулинарныхъ и педагогическихъ способностяхъ жены.

— Меня Богъ истинно благословилъ этой женщиной!—воскликнулъ онъ, молитвенно взглядывая на потолокъ.—Ни у кого въ уѣздѣ вы не найдете такого борща, такихъ маринадовъ, такихъ наливокъ, какъ у меня! Но это — ничто въ сравненіи съ

воспитаніемъ дѣтей! Я дамъ голову на отсѣченіе, что ни у кого въ уѣздѣ дѣти не получаютъ такого образцоваго воспитанія, какъ у меня въ семьѣ!..

— Ну, довольно, Петръ, довольно!—тоннымъ голосомъ сказала жена.—Ты меня совсѣмъ захвалишь!

— Дорогой докторъ!—вдругъ воскликнула она съ испугомъ.—Боже мой! да вы не попробовали моихъ опенокъ! Ахъ, какая досада! Я на всю губернію горжусь этими опенками... Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ вы попробуйте ихъ хотя среди борща...

— Мама! Петя у меня стащилъ хлѣбъ!—заговорилъ полушопотомъ десятилѣтній Оеда.

— Петръ! Это что такое! Я вышлю тебя изъ-за стола,—прошептала мать грозными, шипящими звуками.

Петя, толстый, здоровенный, красный мальчуганъ, съ торчащими вверхъ вихрами, широко раскрылъ свои телячьи глаза, выражая ими величайшій ужасъ, и забормоталъ туго набитымъ ртомъ:

— Онъ вретъ, вретъ! Ей-Богу, мама, вретъ! Это мой хлѣбъ! Вотъ, смотри! У меня нѣтъ другого...

— Довольно, довольно! Я тебѣ вѣрю, — ты честный мальчижъ!—сказала мать. — А ты, Оеда, не смѣй жаловаться! Сколько я разъ тебѣ говорила!

Инцидентъ былъ исчерпанъ, но въ атмосферѣ блаженной семьи собралась гроза: хозяйка вновь послала за Варей, и та, наконецъ, пришла. Ея некрасивое, прищеватое лицо припухло отъ слезъ и было покрыто красными пятнами, которыхъ не могъ скрыть толстый слой пудры. Она злыми глазами посмотрѣла на мать и неловко присѣла передъ Роговымъ.

— Моя третья дочь,—сказалъ Лопатинъ.

— Что это значить, сударыня? По десяти разъ посылать за собой заставляешь.

— У меня голова болитъ,—рѣзко сказала дѣвушка, шумно двинувъ стуломъ и усаживаясь за столъ.

Мать только грозно посмотрѣла на нее и сказала доктору медовымъ голосомъ, хотя онъ вибрировалъ отъ гнѣва:

— Вотъ я хотѣла бы посовѣтоваться о ней съ вами: Варя у меня болѣзненно конфузлива. Чуть гости,—ее насильно не заставишь выйти. И она такъ при этомъ становится рѣзка, что совсѣмъ не помнить, бѣдная дѣвочка, что говорить! Какъ вы думаете: это не болѣзнь?

— Никакой у меня болѣзни нѣтъ!—отрѣзала Варя, и глаза

ея наполнились слезами: — Кому пріятно слушать, какъ вы при гостяхъ всякій разъ что-нибудь про меня сочините!

Хозяйка была поражена этими словами, какъ громомъ. Она выпрямилась и взглянула на дочь такимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ укротители звѣрей на непослушнаго льва. Еще минута, и грянуль бы громъ, но отецъ явился громоотводомъ:

— Развѣ можно такъ говорить съ матерью? — успокаивающимъ тономъ замѣтилъ онъ.

— Я тебя тысячу разъ просила не вмѣшиваться, когда я что-нибудь внушаю дѣтямъ! Не забывай своего дѣла—угощать гости!— Затѣмъ она величественно обратилась къ дочери:—Я съ вами, сударыня, буду говорить послѣ обѣда...

Худенькая Надя совсѣмъ нагнулась надъ тарелкой и, смотря снизу на мать, дѣлала ей глазами какіе-то знаки.

— Боже мой!—продолжала Лопатина, снова мѣняя тонъ на слащавый: — еслибъ вы знали, докторъ, какъ утомляетъ нервы педагогическая дѣятельность среди такой большой семьи! А вѣдь у меня не одно воспитаніе: я сама слѣжу за всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ... Вы замѣтили, какая у насъ чудная сметана? Кстати, отчего вы такъ мало положили ея къ вареникамъ? Позвольте, я сама вамъ положу. Вы ни у кого такой не найдете! А почему? При мнѣ моютъ кубаны, обмываютъ теплой водой les mamelles у коровушекъ, при мнѣ ихъ доятъ, сливаютъ молоко... и такъ далѣе... Я не могу выносить, когда молоко пахнетъ выменемъ или немытой посудой... Ахъ, домашнее хозяйство и воспитаніе—это не только истинное призваніе женщины, это — ея величайшее наслажденіе!.. Вотъ, вы кушали грибки: а знаете ли вы, что каждый грибокъ сорванъ мною самою или моими дочерьми? Да, да! Мы такъ любимъ собирать грибы! Беремъ экипажъ, захватываемъ съ собой самоваръ, провизію, и на цѣлый день—въ лѣсъ! Какая поэзія! Лужокъ, зелень, ковры, молодыя дѣвушки, ярко вычищенный самоваръ, дѣти... лошади фыркаютъ... Вы непремѣнно должны поѣхать съ нами лѣтомъ собирать грибы.

Рѣчь была прервана стукомъ экипажа, раздавшимся на дворѣ.

— Да вѣдь это Соня вернулась! — сказала хозяйка. — Вотъ удачно! Вы познакомитесь!

Въ передней стукнула дверь. Послышался шорохъ женскаго платья и тихій вопросъ, обращенный въ выбѣжавшей горничной:

— Кто у насъ? Ахъ, докторъ изъ Смирнова.

Въ залъ быстро вошла Софья Петровна, съ которой мы уже познакомили читателя, когда она жила въ Петербургѣ у Надежды Николаевны Петренко.

— Вотъ и я! Какъ разъ къ обѣду!—сказала она, бросивъ на роуль свою шапочку и оглянувъ всѣхъ красивыми темными глазами, которые затѣмъ остановила на Роговѣ: одно мгновеніе она всматривалась въ него, нѣсколько прищурилась и какъ бы изучая его лицо, а затѣмъ пошла къ нему, говоря:

— Наконецъ-то, докторъ, вы собрались къ намъ! Какъ я рада васъ видѣть!

Стройная, граціозная, съ завитками темнокаштановыхъ волосъ, подрумяненная холодомъ, она казалась очень похорошѣвшей съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли. Изъ наивной, мечтательной дѣвушки, потрясенной до отчаянія исторіей съ княземъ, она въ эти восемь мѣсяцевъ превратилась въ молодую женщину, надъ которой пронеслась буря, много изломавшая въ ея душѣ, и все-же эта душа перенесла бурю и снова расцвѣла. Наружность ея измѣнилась, хотя трудно было сказать, что именно стало другимъ: не было въ ней прежней юной мягкости и неопредѣленности очертаній лица; теперь въ немъ явилось больше очерченности, иногда даже рѣзкости, особенно въ изгибѣ ноздрей и губъ... Но больше всего измѣнилось выраженіе глазъ: въ нихъ теперь было что-то недовѣрчивое, настороженное, какъ будто она каждую секунду боялась прочесть въ вашемъ лицѣ гадкую мысль о себѣ. Эту настороженность она бессознательно прикрывала утрированной, искусственной бойкостью и насмѣшливымъ выраженіемъ глазъ.

Рогову показалось, что она изучаетъ его и смѣется надъ воимъ, что видитъ въ немъ. Онъ такъ смутился, что, вставая на встрѣчу ей, оронилъ со стола ложку и сконфузился еще больше. Ей даже стало жаль его, и она заговорила ласково, почти дружески:

— Вотъ какъ я удачно вернулась! Меня оставляли до вечера, чтобы переждать дождь. Еслибы я согласилась,—наше знакомство отсрочилось бы еще надолго. Вѣдь вы не очень спѣшили къ намъ... Палаша,—сказала она горничной,—дайте мнѣ приборъ... Варя, подвинься, я сяду рядомъ съ докторомъ... Да, я вамъ очень рада: я слышала о васъ много хорошаго отъ Рахмарова. Я познакомилась съ нимъ въ Петербургѣ, а теперь встрѣчаюсь иногда у одного богатаго адышняго землевладѣльца изъ купцовъ... Вы, вѣрно, слышали о Севрюгинѣ?.. Я совсѣмъ очарована Рахмаровымъ! Боже, какъ онъ говоритъ! И такая грандіозная вѣщность! Въ немъ что-то львиное, могучее...

Отецъ бросилъ на нее свирѣпый взглядъ. Роговъ даже струсилъ за ея смѣлость: „И зачѣмъ она дразнить этого звѣря?“ —по-

думалъ онъ. Жена становой, видимо желая отвести грозу, попробовала обратить ея слова въ шутку:

— Смотри, не влюбись!—сказала она шутливымъ тономъ.

— А почему и не влюбиться?—въ томъ же тонѣ отвѣтила Софья.

— Ты опоздала: къ нему пріѣхала изъ Петербурга одна особа.

— Какой ударъ мнѣ!—смѣясь, сказала Софья.—Только ты ошибаешься: эта барышня—его родственница. Рахмаровъ звалъ меня пріѣхать къ нимъ, чтобы познакомиться съ нею и даже помочь ей въ школѣ, но вотъ папа не хочетъ.

Лопатинъ не выдержалъ и ударилъ кулакомъ по столу; посуда зазвенѣла.

— Это—новая оплеуха по моему адресу!—крикнулъ онъ.

Дѣти съѣжились. Худенькая Надя поблѣднѣла и съ испугомъ поглядывала на Софью умоляющими глазами, дѣлая какіе-то таинственные знаки.

Софья Петровна вздрогнула, опустила руку съ ложкой и, выправившись, посмотрѣла на отца долгимъ, холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ. Непримируемая ненависть была въ этомъ взглядѣ.

— Я на дняхъ уже сказала тебѣ,—проговорила она, отчеканивая каждый слогъ,—что это приглашеніе тебя не касается. Но я не ожидала, что ты при гостяхъ не стумѣешь вѣжливые говорить со мной.

— Да, ты не видишь ничего, что касается чести отца!—отвѣтилъ Лопатинъ, сразу понизивъ тонъ: —Рахмаровъ мой врагъ, человекъ, писавшій обо мнѣ пасквили въ газетахъ. И онъ осмѣливается звать къ себѣ мою дочь, а она этому рада!

— Были ли его статьи пасквилями, и онъ ли писалъ ихъ—я не знаю,—отвѣтила Софья,—а звалъ онъ меня посмотреть школу да познакомиться съ мадемуазель Лядовой: какое же это имѣетъ отношеніе къ твоей чести?

Въ разговоръ вмѣшалась мать.

— Еслибы эта Лядова хотѣла дѣйствительно познакомиться съ тобой,—она должна бы была первая сдѣлать визитъ твоей матери,—сказала она важно:—да и родство ея съ этимъ Рахмаровымъ ничѣмъ не доказано.

— Ну, это могу удостовѣрить я,—сказала становой:—она—дочь покойнаго Павла Аванасьевича Лядова. Одинъ братъ его—сезаторъ, а другой—начальникъ нашей губерніи. Родство же

Рахмарова съ начальникомъ губерніи, конечно, вамъ извѣстно,— обратился онъ къ хозяину.

— Ахъ, вѣдь ея фамилія—Лядова! — сказалъ Лопатинъ.— То-то я слышу—знакомая фамилія! Да, да, совсѣмъ изъ ума вонъ, что вѣдь и губернаторъ нашъ тоже Лядовъ. Чтò же вы мнѣ раньше не сказали объ этомъ? Ну, да... если онъ пригласилъ тебя въ такой формѣ, чтобы осмотрѣть школу, то, конечно, это— другое дѣло... Да... это... это... ты бы такъ и сказала сразу! Я бы, вѣроятно, ничего противъ этого не имѣлъ.

— Но все-же, мой другъ, — обратилась къ нему жена, — мадемуазель Лядовой слѣдовало бы прежде сдѣлать визитъ мнѣ.

— Рахмаровъ говорилъ мнѣ, — отвѣтила Софья, — что она сдѣлаетъ тебѣ визитъ въ первый же день, какой ты назначишь... Значить, за этимъ остановки быть не можетъ. Я же просила бы васъ,—обратилась она снова къ отцу,—разрѣшить мнѣ поѣхать къ ней безъ церемоній завтра, чтобы не терять времени. Она страшно утомляется въ школѣ одна. Надѣюсь, что теперь я могу сдѣлать это, не боясь за свои нервы и за нервы нашихъ гостей.

И, не ожидая отвѣта, она обратилась къ Рогову:

— Вы уже побывали въ нашемъ городѣ? Познакомились тамъ съ кѣмъ-нибудь?

Тотъ называлъ предсѣдателя и доктора Протасова, но о Морозовѣ умолчалъ, не желая вызывать въ ней непріятныхъ воспоминаній.

— Бѣдный Протасовъ!—вздохнула Софья. — Говорятъ, онъ совсѣмъ спился. А какой былъ хорошій человекъ! Мы съ нимъ были очень дружны; многимъ я обязана ему: онъ указывалъ мнѣ книги, какія слѣдуетъ прочесть...

— И, конечно, Шопенгауэра? — перебилъ ее Роговъ съ улыбкой.

— О, да, и Шопенгауэра!—смѣясь, отвѣтила Софья и прибавила серьезно:—онъ научилъ меня любить и понимать его.

Встали изъ-за стола. Роговъ попросилъ распорядиться, чтобы ему запрягли лошадей, а Софья сказала:

— Пока онѣ будутъ готовы, пройдемте въ мою комнату. Мама, пришли намъ туда кофе.—Идя впереди Рогова по узенькому полутемному корридору, она говорила:—Я васъ сразу беру приступомъ. Вы вѣдь двѣ недѣли не ѣхали и, пожалуй, опять пропадете. А мнѣ хочется, чтобы вы почаще заглядывали къ намъ. Не думайте, что это отъ скуки и желанія сдѣлать васъ

своимъ развлекателемъ... Впрочемъ, скука—скукой... и даже не скука, а одиночество... Ну, вотъ и моя комната.

Комната ея выходила двумя большими окнами и балкономъ въ садъ и представляла интересную смѣсь ученаго кабинета съ уютнымъ уголкомъ женщины-художницы; много книгъ въ нѣсколькихъ шкапахъ, портреты знаменитыхъ писателей, и тутъ же всѣ стѣны завѣшаны этюдами и начатыми масляными картинами; на этажеркахъ—красивыя бездѣлушки мѣшались съ гипсовыми слѣпками; въ одномъ углу—удобная кушетка, въ другомъ—кровать съ кисейнымъ пологомъ, украшеннымъ голубыми ленточками; передъ большимъ простымъ письменнымъ столомъ—широкое старинное кресло... Въ воздухѣ—запахъ духовъ.

— Ну-съ, садитесь. А если хотите знать, что я читаю, — посмотрите корешки книгъ... Видите, какъ я откровенно тороплюсь заинтересовать васъ собой... Да, да, и повторяю: это не отъ скуки. Вы видите, что у меня подъ рукой много средствъ, чтобы развлечь себя... Моя бѣда именно въ одиночествѣ. Трудно повѣрить, но я почти возненавидѣла книги. И это бы еще не бѣда: я начинаю ненавидѣть свое искусство. Подумайте: я читаю, я работаю надъ своими этюдами, но для чего и для кого? Вѣдь искусство, это—рѣчь, это—выраженіе въ краскахъ того, что нравится, о чемъ думаешь. А вѣдь я говорю все это вотъ для этихъ четырехъ стѣнъ. То же и съ чтеніемъ. Пробуждается масса мыслей, вопросовъ... О нихъ не съ кѣмъ сказать слова... Затѣмъ же они пробуждаются? Кому нужно, чтобы я что-нибудь знала, о чемъ-нибудь думала? Я такъ счастлива, когда изрѣдка вижу Рахмарова. Но онъ меня почему-то пугаетъ: я не могу съ нимъ болтать, какъ съ вами. Очень многого я жду отъ знакомства съ Лядовой.

Въ это время ея сестра Надя внесла кофе.

— Надя, посиди съ нами!—сказала Лопатина: — Вотъ, рекомендую вамъ моего единственнаго друга здѣсь, — прибавила она, взявъ сестру за руку, которую стала тихо и ласково поглаживать. — Надя сильно сконфузилась; ея блѣдное лицо вспыхнуло. — Часто мы цѣлыми часами говорили съ нею, иногда до поздней ночи... Но вѣдь мы обѣ совершенно однѣ.

— Я вполнѣ понимаю васъ,—сказалъ Роговъ, прихлебывая кофе, —и хотѣлъ бы ужасно бывать у васъ почаще. Боюсь только, что времени-то у меня очень мало.

— А вы знаете, что сдѣлайте, — сказала Надя, нѣсколько посмѣлѣвъ отъ его простого отвѣта и добрыхъ глазъ: —вы приглашайте къ намъ каждый день обѣдать. Вѣдь васъ, должно быть,

дома кормить Богъ знаетъ чѣмъ: вы еще отъ этого захвораете! Если вамъ неловко обѣдать даромъ, предложите мамѣ какую-нибудь плату; я возьму на себя все это устроить.

— А вѣдь это мысль!— сказала Софья, смѣясь. — Ну, рѣшайте скорѣе!.. О, какой же вы вялый! Я начинаю на васъ сердиться... я ужасно алая... Нѣтъ, не злая, а нервная, раздражительная... Мнѣ хочется, чтобъ все кругомъ кипѣло, двигалось, жило, готовило... А все стоитъ на мѣстѣ! И вы такой же... Ну-съ!

Она засмѣялась; невольно засмѣялся и онъ.

— Ну, слава Богу, хоть смѣяться умѣть!— весело воскликнула Софья. — Такъ согласны? Будете прѣзжать обѣдать?

— Не могу, потому что меня безпрестанно таскаютъ по деревнямъ, и перѣдко я обѣдаю поздно ночью... Но даю слово, что постараюсь бывать у васъ какъ можно чаще.

Разстались они такими друзьями, какъ будто десять лѣтъ были знакомы.

Сидя уже въ тарантасѣ, Роговъ думалъ, что русскія дѣвушки и женщины сильнѣе мужчинъ. Онъ сравнивалъ Софью и слѣдователя Морозова: „Тотъ совсѣмъ упалъ, а эта... сколько она должна была вынести?! И какая отвратительная среда! Глупая фразѣрка мать, отецъ кулакъ и, вѣроятно, плутъ; эта жена становаго, напоминающая кокотокъ низшаго разбора... А вотъ дѣвушка уцѣлѣла, отстояла свою душу и свой уголокъ. Отчего же женщины сильнѣе насъ?“—спрашивалъ онъ себя, но на этотъ вопросъ такъ и не далъ себѣ отвѣта.

Не предчувствовалъ онъ, что съ этого дня попалъ въ новую колею, гдѣ его всецѣло захватитъ атмосфера душевныхъ томленій, не важныхъ по своему существу, но приобретающихъ серьезный трагическій характеръ (требующій сочувствія и помощи) тамъ, гдѣ нѣтъ живого движенія и общественнаго дѣла у людей, одаренныхъ самыми лучшими стремленіями и тонкимъ душевнымъ развитіемъ.

XV.

Въ Веневитинѣ Оеда остановилъ лошадей у избы Власа Прохорова, больного тифомъ.

Хотя Роговъ привыкъ къ ужасному воздуху, какой бываетъ зимой и осенью въ крестьянскихъ хатахъ, особенно когда въ нихъ лежатъ больные,—но въ избѣ Власа совсѣмъ нечѣмъ было дышать. Больной лежалъ на палатяхъ, метался и бредилъ. невыносимый запахъ шелъ отъ него. Приказавъ открыть дверь,

Роговъ осмотрѣлъ больного и, чувствуя полную невозможность лечить тифъ въ такой атмосферѣ, сказалъ, что Власа нужно свезти въ городъ, въ больницу.

— Да на чемъ же свезти-то, родимый? У насъ лошадушки давно нѣту! — сказала жена Власа, худая и изможденная старуха.

— У сосѣдей возьмите!

— А у сосѣдей всѣ лошади на стеклянномъ заводѣ, версть восемь отсюда, кладь взять со станціи... Есть лошади у лавочника, да онъ и за деньги не дастъ! А ежели бы и далъ, такъ откуда ихъ, деньги-то взять?.. Повѣрите ли, батюшка докторъ, ужъ вторую недѣлю безъ хлѣба сидимъ, ребятъ въ кусочекъ посылаю... Что соберутъ, то и ѣдимъ...

— А мнѣ говорили, что у васъ въ деревнѣ чашки точатъ хорошо. Нешто вы ими мало зарабатываете?

— Эхъ, батюшка, какой ужъ это заработокъ! Наѣзжаютъ къ намъ изъ города мѣщанишки, прасолы, значить, ну и потрафляютъ всегда въ ту пору, какъ подати собираютъ. Тогда нужда такая, что и себя бы продалъ! Да и продаемъ! Ну, они и дають задатки, да за цѣну такую, что даже и сказать-то срамно: курамъ на смѣхъ! А что подѣлаешь? Продаемъ!..

— Да вы бы сами возили въ городъ или по деревнямъ.

— Ахъ, господи! хорошій, да вѣдь на все на это нужны деньги да время! А потомъ: вѣдь посуда-то, она, значить, ужъ запроданная; у много есть что на два года впередъ запродано. Я тебѣ говорю: задатки забраны...

Роговъ сталъ ей объяснять, что еслибъ выхлопотать у земства ссуду, то задатки можно бы вернуть, а часть ссуды употребить на отправку сообща посуды на базаръ или по деревнямъ.

Она плохо понимала и предложила ему поговорить съ мужиками.

— Позовите-ка мнѣ старосту, — сказалъ Роговъ.

— Да онъ, батюшка, тутъ, на крылечкѣ, твоей милости дожидается съ другими больными. Много народу собралось къ тебѣ... Только онъ у насъ съ дуринкой.

Роговъ вышелъ на крыльцо. Тамъ сидѣло и стояло нѣсколько мужиковъ и бабъ: большинство послѣднихъ было съ больными ребятами.

— Какой изъ васъ староста?

Впередъ выдвинулся сгорбленный пожилой мужикъ въ полубубѣ, изорванномъ и заплатанномъ овчиной другого цвѣта. Онъ былъ маленькаго роста, съ морщинистымъ лицомъ и красными, гноящимися глазами: на лѣвомъ было до половины бѣльмо. Въ

спутанныхъ волосахъ кофейнаго цвѣта, торчали кусочки соломы. Рѣденькая борода выдалась впередъ.

— Я самый староста и есть, — сказалъ онъ, шамкая беззубымъ ртомъ.

„Вотъ кавалеры!“ — подумалъ Роговъ и спросилъ:

— Да вѣдь прежде у васъ былъ другой? Я помню, ко мнѣ въ Смирново прѣзжалъ на пріемъ вашъ староста съ больнымъ мальчикомъ.

— Тотъ откупился, — сказала жена Власа, вышедшая тоже на крыльцо.

— Какъ откупился? — спросилъ Роговъ.

— А какая ему была охота старостой-то оставаться! — сказалъ одинъ крестьянинъ. — У старосты хлопотъ полно въ ротъ! Всякій имъ помыкаетъ: и становой, и урядникъ, и старшина, и волостной писарь. Всякій, кому не лѣнь. Проѣзжій, какой ни на есть стракулистъ, такъ и тотъ зубы набьетъ! Чуть что не такъ, — въ холодную! Ну, оттого никто и нейдетъ изъ порядочныхъ мужиковъ; откупаются, значить, отъ общества: общество выберетъ, ну, а онъ водки поставитъ: „Братцы, молъ, ослобоните! Хозяйство должно въ раззоръ прийти. Выберите какого лядащаго!“ Ну, общество и пожалѣетъ, ослобонитъ его... Вотъ теперь выбрали этого: все-же ему какой ни на есть кормъ отъ должности; прежде-то онъ у насъ пахухомъ былъ... Съ дуринкой онъ...

Роговъ сталъ объяснять крестьянамъ свою мысль. Онъ предложилъ самъ написать имъ просьбу и переслать ее въ земство.

— Како-такъ, батюшка, прошеніе?! — съ испугомъ сказалъ староста, качая головой: — Царица Небесная, Матушка наша усердная, да я ни о какомъ такомъ прошеніи не слыхивалъ... Крестьянъ буду цѣловать! Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Не знаю никакого прошенія!..

— Онъ испужался, — сказалъ крестьянинъ, говорившій раньше: — въ прошломъ году одинъ человѣчекъ прошеніе намъ написалъ о землѣ, такъ что-то тамъ неладно было прописано про земскаго, ну, и тягали насъ, а тотъ человѣчекъ и теперь въ острогѣ сидитъ... Вотъ, онъ и испужался: думаетъ, не о томъ ли прошеніи... А вы мнѣ извольте еще разокъ объяснить, господинъ докторъ, кака-така ссуда, то-ись?

Роговъ сталъ объяснять еще разъ всѣмъ окружающимъ.

— Поняли?

— Поняли-то поняли... Только, думается такъ, что все это намъ не съ руки! Не подходитъ!

— Какъ не съ руки?!—И Роговъ объяснилъ въ третій разъ выгоды земской ссуды.

— Эхъ, господи́нь милый! Столько съ насъ податей всякихъ, столько недомо́къ, что и ссуду эту отберутъ! Да и такъ она намъ — капля въ морѣ! Разойдется, какъ вода между полями! А вѣдь опосля ее отдавать надо! А изъ чего отдавать-то? У половины деревни лошадей нѣтъ, работать не на чемъ. Земля почти задаромъ сдана тѣмъ, у кого лошади...

— Да кудаки вы этакіе!—сталъ волноваться Роговъ:—все-же ссуда прибавитъ вамъ къ хозяйству хоть нѣсколько рублей! А недомо́ки такъ и останутся недомо́ками: больше ли ихъ, меньше ли, — все равно, не уплатите!

— Никакъ нѣтъ! Мы платимъ! Изъ послѣдняго, а платимъ! Не платить нельзя! Послѣднія животинки продадутъ, да еще вспорютъ, ежели не платить... Оно точно, что въ хозяйствѣ не только рубль, а и гривенникъ—ахъ, какъ дорогъ! Да какъ его послѣ отдавать?! Понаѣдутъ, таскать станутъ! Пропали она пропадомъ и ссуда-то эта!.. Отъ дѣла оторвутъ, да еще всыплютъ... Вотъ-те и будетъ ссуда!.. горячая!.. Нѣтъ, ужъ вы лучше, господинъ милый, это оставьте! Не смущайте насъ! Еще какъ бы и начальство не огорчилось! Вотъ тоже о землицѣ тогда писали прошеніе по милому да по хорошему, думали—только выйдетъ. Потому тутъ одинъ господинъ клочокъ землицы у насъ захватилъ... А вышло даже совсѣмъ нехорошо! Богъ съ ними и съ прошеніями! Закалялись мы ихъ писать!

Роговъ чувствовалъ полную безпомощность. Онъ видѣлъ, что они его понимаютъ, но запуганы до такой степени, что полны однимъ только желаніемъ: не тревожили бы ихъ, оставили бы въ покоѣ, не тягали и не тащили никуда. Это было нѣчто въ родѣ маніи преслѣдованія, развитой въ нихъ самой жизнью и ея условіями: ихъ все пугало; вездѣ они чуяли подвохъ, грозящій нашествіемъ какого-то фантастическаго, а быть можетъ, и реальнаго карающаго фатума.

Подошелъ еще одинъ крестьянинъ, повидимому зажиточный.

— Вотъ Иванъ Трифоновъ идетъ, — пусть онъ посовѣтуетъ, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ: — онъ у насъ въ земство вѣдиль, выбиралъ его...

— Вы были гласнымъ въ земствѣ?—спросилъ Роговъ подошедшаго.

— Точно такъ-съ, господинъ докторъ, — отвѣтилъ тотъ и подалъ доктору руку, улыбаясь съ достоинствомъ.

— Такъ, вотъ, не объясните ли вы вашимъ односельчанамъ

того, о чемъ я уже съ полчаса толкую и никакъ не могу втолковать.

Роговъ, въ короткихъ словахъ, разсказаль дѣло Ивану Трифонову. Тотъ, въ свою очередь, сталъ объяснять мужикамъ, что докторъ говоритъ правильно: земство—это не простое начальство, а въ родѣ какъ свои же: тамъ и крестьяне, и батюшки, и господа есть добрые, и бояться земства нечего! Могутъ и отсрочить уплату, ежели все объяснить и выставить толкомъ.

— Мой совѣтъ, — закончилъ онъ, — не только не отказываться, а благодарить господина доктора, что онъ берется написать и хлопотать. Очинно вамъ благодарны, господинъ докторъ, за ваше... усердіе и радѣніе объ насъ!..

Онъ снялъ шапку и нивко поклонился. Поклонились и другіе.

Иванъ Трифоновъ держалъ себя сравнительно свободно; рѣчь его показывала, что онъ слыхалъ земскихъ ораторовъ и даже старался подражать имъ.

— Да оно, пожалуй, ежели все сообразить, какъ ты говоришь, Иванъ Трифоновичъ, такъ оно выходитъ — господина доктора нужно благодарить, что наставляеть насъ, темныхъ! — оказалъ мужикъ, говорившій прежде. — А только ужъ не обесудьте, господинъ милый, мы, значить, должны впередъ по совѣсти объяснить, что, примѣрно, насчетъ магарыча вашей милости, то-есть за хлопоты, намъ неспособно... Чашечекъ можемъ вамъ выточить... самыхъ лучшихъ, и съ разводами будутъ, и золота пустимъ, а вотъ насчетъ денегъ...

Роговъ вспыхнулъ.

— Чудакъ ты этакій! Чтѣ ты такое городишь! Развѣ я изъ-за магарыча! Я вамъ добра желаю... Экій вы народъ жалкій! Какъ васъ приучили!

И чтобы показать, что ему отъ нихъ ничего не нужно, онъ сказалъ женѣ Власа Парменова:

— Слушай, старуха: если тебѣ не на что подводы нанять до больницы, я тебѣ денегъ дамъ. Сколько тутъ возьмутъ за лошадей?—обратился онъ къ бывшему гласному.

— Да помилуйте, господинъ докторъ, зачѣмъ же вамъ свои деньги тратить! У меня есть лошадка, только она сейчасъ занята на стеклянномъ заводѣ, а къ вечеру вернется... Я и такъ дамъ. А вы лучше эти деньги ей пожертвуйте, ужъ если ваша доброта такая... Потому совсѣмъ они въ раззоръ пришли... Не-задача да неудача все время... Разорился мужикъ! А зажиточный былъ... Пуще всего старшій сынъ ихъ обидѣлъ... Одинъ работникъ настоящій въ домѣ; остальные-то—подростки... Да

ушелъ на заработокъ на Донъ... Ну, и поминай, какъ звали! Три года отъ него имъ ни грошика! А съ нихъ же еще тянетъ!

— Такъ паспорта бы не высылать.

— Пробовали! Еще того хуже! Забрали его тамъ за это, прислали его по этапу сюда, значить, для водворенія его на мѣсто жительства... Ну, вотъ, старуха задумала его женить: женится, молъ, перемѣнится... Ну, съ мѣсяць онъ пожилъ съ женой, а тамъ и закрутилъ: со двора все тащить... Жаловался старикъ и въ волость,—ну, старики „поучили“ его. Маленько какъ будто и остепенился, недѣли на двѣ, ну, а опосля сбѣжалъ... И бабу бросилъ... Мѣсяца черезъ два письмо отписалъ: „мѣсто, молъ, хорошее нашелъ, да безъ пачпорта не держать: высылайте пачпортъ; деньги стану аккуратно высылать, а бабу сюда переѣду“... И прописано въ письмѣ, что деньги посылать на пачпортъ, а денегъ никакихъ вѣтъ! Думалъ-думалъ старикъ, съ нами совѣтовался, поплавалъ, сбился кое-какъ, отдалъ за пачпортъ и послалъ. Да, вотъ, съ тѣхъ поръ полтора года о немъ ни слуху, ни духу не было. Теперь получили письмо, что опять въ острогъ взяли и отправятъ сюда, если пачпорта опять не вышлютъ.

— Чтѣ же, послали?

— Нѣтъ, потому что не изъ чего посылать-то!.. Мы его и въ деревню сейчасъ несогласны пущать! Онъ и такъ грозился, когда былъ здѣсь,—краснаго пѣтуха пустить.

— Да ты еще не все рассказалъ,—встала старуха, стоявшая все время около и горько плакавшая:—а насчетъ больничныхъ-то забылъ? Онъ тамъ, господинъ докторъ, въ больницѣ пролежалъ сколько-то мѣсяцевъ... А съ насъ взыскали... двѣнадцать рублей сорокъ-три копейки... Вотъ тогда и лошадушку продали... Охъ, голова моя горькая! И чтѣ мы будемъ дѣлать, и какъ будемъ жить! И за чтѣ ты насъ, Царица Небесная, Матушка-воступница, Пресвятая Богородица, покинула!..

Она упала лицомъ на лавку, бывшую на крыльцѣ, и заголосила громко, съ причитаніями...

Роговъ сунулъ въ руки старухѣ первую попавшуюся ассигнацію и отправился въ избу Ивана Миронова писать вустарамъ прошеніе о ссудѣ, а встати собрать матеріалъ объ ихъ производствѣ.

Провозившись съ этимъ дѣломъ часа два, такъ какъ нужно было „отбирать руки“, т.-е. собирать подписи на прошеніи, онъ только поздъ вечеръ выѣхалъ въ Парменовку, находившуюся въ верстѣ отъ Веневитина.

Усталость такъ сильно овладѣла имъ, что онъ заснулъ въ своемъ тарантасѣ.

— Пріѣхали, Иванъ Захарычъ! Это—Парменовеа! — говорилъ Ѳеда, расталкивая его.

Это была небольшая деревушка, всего дворовъ пятнадцать. Осмотрѣвъ въ четырехъ избахъ шестерыхъ заболѣвшихъ дѣтей, Роговъ спросилъ старосту:

— А еще больныхъ нѣтъ?

— Нѣту, господинъ докторъ... Всѣ перемерли.

— Какъ перемерли?!—въ ужасѣ воскликнулъ Иванъ Захаровичъ. — Ты хочешь сказать: всѣ заболѣвшіе? Сколько же заболѣло?

— Да всѣ заболѣли! Во всей деревнѣ... Таперича у насъ только и осталось ребятъ, что эти шестеро... Померло же душъ двадцать-пять, а можетъ, и больше. — И староста сталъ припоминать по дворамъ:—У Сергѣя Рыбкина—трое, у Василя Щетинина—двое, у Тараса—пятеро...—и т. д., и т. д.

— Да что же вы не ѣхали за мной?! Нѣхристи вы, что-ли? Дѣтей своихъ вамъ не жалко?!—закричалъ Роговъ. — И теперь, еслибы не сообщилъ становой, я бы и не зналъ! Есть у васъ кресты на шеѣ или нѣтъ? Говори: отчего не ѣхали?! — кричалъ онъ на старосту.

— А кто жъ тебя зналъ, что ты пріѣдешь,—отвѣтилъ довольно рѣзко староста, обиженный упрекомъ Рогова въ томъ, что у него нѣтъ креста на шеѣ. — Мы—люди крещенные!.. А нешто васъ узнаешь, докторовъ,—какіе вы!.. Вотъ, до тебя былъ, такъ мы его и не видѣли никогда...

— Ахъ ты, Господи Боже мой!—заговорилъ Роговъ болѣе мягкимъ тономъ:—вѣдь матерямъ-то, небось, какое горе! Ревутъ?

Староста только махнулъ рукой и, отвернувшись, отеръ рукавомъ слезы.

— У него самого трое померло, — сказалъ одинъ крестьянинъ.

Староста замѣтилъ на это, понурился и дрожащимъ голосомъ:

— Еще дѣвочку не такъ жалъ! А два мальчонка померли! И такіе-то были шустрые, ласковые!.. Для кого теперь хлопотать?! Кого въ помощники ждать! Совсѣмъ осиротѣли...—И онъ опять смахнулъ наворачнувшіяся слезы.

— Вы, вѣрно, не отдѣляли больныхъ?

— А гдѣ же у насъ въ избахъ отдѣлять? А нешто это требуется?—сказалъ староста.

— Непремѣнно! Болѣзнь эта заразная.

— Ну, а мы развѣ знаемъ! У насъ здоровые ходили изъ чужихъ дворовъ больныхъ навѣщать...

— Пожалуй, и къ покойникамъ прикладывались?—спросилъ Роговъ.

— Знаю, прикладывались... Надо же проститься.

Роговъ старался объяснить имъ причины заразительности болѣзни. Крестьяне поддакивали, качая головами.

— Такъ, такъ! Тебѣ лучше знать! Мы—люди темные!

Возвращаясь домой, онъ думалъ, что убѣдилъ ихъ, и былъ доволенъ.

XVI.

...На крыльцѣ пріемнаго покоя его встрѣтилъ съ фонаремъ старичокъ—отставной солдатъ, служившій при „пунктѣ“ и сторожемъ, и лакеемъ, и поваромъ, и даже помогавшій фельдшеру толочь разныя снадобья... Онъ каждый вечеръ поджидалъ „господина доктора“ съ кипящимъ самоваромъ, и едва вдали раздавался знакомый звонъ колокольчика, вбѣгалъ изъ кухни въ комнаты, зажигалъ лампу и снова бросался въ кухню за самоваромъ. Онъ вносилъ его бѣгомъ, а самоваръ пыхтѣлъ, выбрасывая клубы пара и, брызгая кипяткомъ, оставлялъ за Петромъ мокрую дорожку...

Снявъ съ Рогова плащъ и пальто и проводивъ до спальни, Петръ ожидалъ, пока тотъ сниметъ сюртукъ, а самъ держалъ наготовѣ, растопыривъ руки, старое студенческое пальто, замѣнявшее „господину доктору“ халатъ.

— Вы бы прилегли, ваше выскородіе! Очивно притомились. А я вамъ чайку въ постельку подамъ...

— Спасибо, Петръ! Я, пожалуй, прилягу... Только въ кабинетѣ, на кушеткѣ. Мнѣ еще писать надо.

Тотъ схватилъ подушку и, взбивая ее, клалъ на кушетку.

— Настоящая ты у меня нянька, Петръ!

— Да я и то былъ нянькой, Иванъ Захарычъ, когда въ деньщикахъ жилъ у капитана Антонова... Трое дѣтей у нихъ было-съ... А одинъ даже грудной... А барыня ихъ, капитанша Антонова, ихъ бросивши были... Такъ всѣхъ троихъ вынянчилъ, а грудного топленимъ молочкомъ отпоилъ... Теперь двое офицерами вышли, а барышня—за полковникомъ замужемъ.

Старикъ тихо вздохнулъ, вѣроятно подумавъ, что забыли его молодые господа...

Послѣ холоднаго ночного воздуха, дождя, вѣтра и убійственной тряски, Роговъ нѣжилъ на кушеткѣ, въ теплой, освѣщенной комнатѣ, попивая, подъ ласковыя рѣчи Петра, горячій, душистый чай. А тотъ, наливая и подавая ему стаканъ за стаканомъ, употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы ходить на носкахъ и не гремѣть своими огромными сапогами.

Когда Петръ удалился, Роговъ подумалъ: „Еще немножко полежу и сяду писать предсѣдателю о кустаряхъ... Почта идетъ завтра утромъ“.

Но это „немножко“ тянулось полчаса, и еще полчаса, а онъ все лежалъ въ пріятной истомѣ и раздумывалъ о Софьѣ Лопатиной. Перебирая въ умѣ каждое ея слово, каждое движеніе и вспоминая ея насмѣшливые глаза, онъ спрашивалъ себя: „Что же она такое? Какая-то особенная искренность! Прямо въ глаза смѣется! И тутъ же увѣряетъ, что чувствуетъ себя со мной какъ съ старымъ хорошимъ знакомымъ! Тогда надъ чѣмъ же смѣяться? Или это — кокетство особаго рода, чтобы сразу озадачить, поразить? Но вѣдь это гадость! Нѣтъ, это на нее непохоже! А не застѣнчивость ли это провинціалки, старающаяся скрыть себя за мнимой бойкостью и развязностью? Вѣдь все-же она меня считаетъ столичнымъ, ученымъ... И неужели правда, что она была съ какимъ-то княземъ близка?.. Нѣтъ, сплетня это! Въ ней, сквозь эту напускную бойкость, видится что-то чистое, даже дѣтское... Однако, что же я такое дѣлаю! Надо писать, чтобы завтра пошло и письмо, и просьба кустарей, а я себѣ полеживаю и мечтаю о какой-то совсѣмъ почти незнакомой барышнѣ?.. А впрочемъ, неужели я не имѣю права немножко отдохнуть и помечтать? Полежу еще чуточку и примусь за дѣло. Надо написать Луину какъ можно чувствительнѣе... Бѣдная старушенція! Каково-то ей!.. А какъ мило вышло у этой Лопатиной, когда она вскрикнула: „Нужно, чтобы все кругомъ кипѣло, двигалось, жило!“ А потомъ эта фраза: „Ну, слава Богу, хоть смѣяться умѣть!“ Какъ это вышло и шутивно, и ласково“!

Такъ онъ и не написалъ въ этотъ день письма, заснувъ неожиданно среди своихъ грезъ.

Утромъ онъ всталъ съ тѣмъ же настроеніемъ, и когда принималъ больныхъ, передъ его глазами не разъ мелькали насмѣшливый взглядъ и оригинальная комната Софьи, съ окнами и балкономъ, выходившими въ облетѣвшій садъ... Тѣмъ не менѣе, несмотря на сильное желаніе поѣхать къ Лопатинымъ, онъ не рѣшался на это. „Какъ я туда явлюсь? Зачѣмъ? Очень неловко! Она звала! Да, но... все-же неловко“!

На третій день получила записка отъ Софьи: „Однако, хорошо же вы держите свое слово, противный человѣкъ! Жду сегодня обѣдать непременно! Слышите?“

Но онъ нарочно пропустилъ время обѣда, хотя все-же попалъ къ нему: безъ него не обѣдали. Хозяйка встрѣтила его любезнымъ выговоромъ, что онъ опоздалъ. Самого Лопатина не было дома; онъ уѣхалъ въ городъ по обязанности члена управы.

Пришлось снова пережить процедуру смѣны блюдъ, сопровождаемыхъ благочестивымъ и хозяйственно-педагогическимъ пустословіемъ маменьки. Софья Петровна встрѣтила его на этотъ разъ довольно сухо; за обѣдомъ мало съ нимъ говорила и, какъ ему показалось, была грустна.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца обѣда: что-то она хочетъ ему сказать? И отчего она сегодня другая?

Мимоходомъ она сообщила ему, что уже два раза была у Рахмарова, т.-е. въ его школѣ, и будетъ помогать Лядовой.

— Понравилась она вамъ?—спросилъ Роговъ.

— Да, очень... Только я не понимаю ея жертвы. Бросить Петербургъ, хорошее, интеллигентное общество... зарыться въ деревнѣ... И для чего?

— Какъ для чего?!—горячо сказалъ Роговъ.—А обученіе крестьянскихъ дѣтей, развѣ это—ничего?!

— Право, я думаю, что если не совсѣмъ „ничего“, то ужъ такъ мало, такъ мало, что... Я бы не могла такъ жить! Ну, подумайте: нѣсколько десятковъ ребятишекъ станутъ грамотными... Ну, а дальше чтѣ? Это можетъ сдѣлать и любой учитель...

— Нѣтъ, вы не правы!

Роговъ сталъ горячо объяснять, какъ для будущаго развитія этихъ дѣтей важно, чтобы теперь же въ нихъ были заброшены нѣкоторыя здравыя идеи, жажда знанія, потребность чтенія...

— Зачѣмъ?—спросила Софья почти сурово.

— Я не понимаю вашего вопроса! Зачѣмъ читать?! Впрочемъ, вы мнѣ говорили, что ненавидите книги...

— Да, да! Я прочтала ихъ сотни, и онѣ дали мнѣ только мучительные вопросы; чтѣ же онѣ дадутъ имъ? Вѣдь они прочтутъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, десятки книжонокъ, да и то плохихъ...

— Вы забываете одно: ваша потребность въ книгахъ была теоретическая, а имъ онѣ нужны практически, на каждомъ шагѣ. Это—разница.

Окончился этотъ споръ уже у нея въ комнатѣ, куда она увела его послѣ обѣда.

— Что заставило меня читать? — говорила она, покойно усѣвшись на своей низенькой кушеткѣ. — Я сходила съ ума отъ тоски. Человѣкъ, сидящій въ одиночной тюрьмѣ, счастливѣе меня: онъ одинъ. А я окружена людьми, которые каждую секунду отравляютъ мнѣ жизнь, слѣдя за каждымъ моимъ шагомъ, намекая на то, что я до сихъ поръ „не пристроилась“, что я такъ и засохну... О, я иногда съ радостью бы промѣняла свою жизнь на жизнь одиночнаго арестанта!

— Что вы говорите, Софья Петровна! А въ прошлый разъ жаловались на одиночество!

— Да, на одиночество среди этихъ людей! Проживите такъ почти шесть лѣтъ! Шесть лѣтъ каторги!.. Впрочемъ, каторга лучше. Моя жизнь—это жизнь въ Бедламѣ, среди сумасшедшихъ, которые бранятся, оскорбляютъ, грызутся, ломаются, плачутъ, лгутъ, болтаютъ вздоръ, ложь, глупости съ раннего утра до поздней ночи.

— Вы преувеличиваете, Софья Петровна!

— Какъ бы я была счастлива, еслибъ это было преувеличеніемъ!.. О, давно бы я покончила съ собою, еслибъ не спасли книги! Я надѣялась отыскать въ нихъ отвѣтъ на то, какъ освободиться отъ этой каторги... И вы знаете, что я пришла только къ полной путаницѣ, къ полному сумбуру... И не потому, что не понимала...

— Я этого рѣшительно не постигаю... Всѣ мы находимъ въ книгахъ отвѣты на самыя жгучіе вопросы, а вы...

— Удивляюсь я вамъ! — перебила она его съ досадой. — Какъ же вы всѣ читали? Какъ вы не замѣтили того, что я замѣтила? Найдите мнѣ хотя одну, только одну мысль, которая не была бы въ одной книгѣ прекрасно доказана, а въ десяткахъ другихъ такъ же прекрасно опровергнута! Ну, найдите! Я буду пари держать на что угодно, что не найдете!

— Ну... какъ же?! напимѣръ... положимъ — свобода личности... Кто же ее опровергаетъ? По крайней мѣрѣ, изъ писателей, заслуживающихъ довѣрія, уваженія?..

— И вы этого не знаете?! Да какъ же вы читаете?!

И она перечислила цѣлый рядъ мыслителей, старыхъ и новыхъ, писавшихъ противъ свободы: тутъ были и Гоббсъ, и Огюсть Контъ.

— Но когда же Контъ?..—спросилъ онъ.

— А развѣ не онъ мечталъ запретить въ своемъ будущемъ обществѣ даже занятія астрономіей?! Я вижу, что вы ничего не

знаете! Вы читали все какъ-то такъ: въ одно ухо вошло, а въ другое—вышло.

— Пожалуй, относительно свободы личности вы правы: я сказалъ, не обдумавъ... Но, напримѣръ, о прогрессѣ... Кто же изъ хорошихъ писателей отрицаетъ прогрессъ?

— Да вы совсѣмъ ничего не знаете! А Шопенгауэръ? А Гартманъ?! Да еще, на дняхъ, я прочла книгу одного русскаго молодого писателя, гдѣ онъ доказываетъ тысячами фактовъ, что никакого прогресса въ человѣчествѣ не было: былъ только одинъ прогрессъ, — прогрессъ жестокости... Люди, чѣмъ дальше, все становятся злѣе, несчастнѣе, хуже...

— Но вѣдь это же явный вздоръ! Какъ можно этому вѣрить!—разгорячился Роговъ, вскакивая съ мѣста.—Мало ли что можно доказывать! Адвокаты бываютъ всегда съ обѣихъ сторонъ! Но вѣдь сразу чувствуется, гдѣ правда, а гдѣ ложь, софистическій подборъ доводовъ, діалектика!..

Роговъ горячился; вопросъ Софьи засталъ его врасплохъ; ему, въ самомъ дѣлѣ, никогда не приходило въ голову, что нѣтъ ни одной идеи въ наше время, которая не была бы такъ же хорошо доказана, какъ хорошо опровергнута.

— Я сейчасъ начинаю понимать,—проговорила Лопатина,—почему вы всѣ этого не замѣчаете: вы читаете уже съ готовой вѣрой въ какую-нибудь идею; поэтому однѣ книги вамъ казались хорошими, убѣдительными: вѣдь онѣ подтверждаютъ вашу же вѣру,—а другія—глупыми, ошибочными, потому что доказываютъ противъ вашей вѣры... А я читала, чтобы отыскать себѣ именно вѣру...

— Да, вы правы: тутъ многое зависитъ отъ вѣры,—согласился Роговъ, пораженный ея мыслью.

— Отчего же она есть у васъ, у Рахмарова, у Вѣры Павловны? Отчего ея нѣтъ у меня? Вы—счастливыцы! А я, несчастная, „безъ догмата“, и мнѣ не за что ухватиться! Какъ создать въ себѣ вѣру? Какъ?! Ну, говорите же! Вѣдь вы—докторъ, ученый, фізіологъ! Ну, какъ? Вы скажете, пожалуй: „не надо думать“?! Но вѣдь это не значить чему-нибудь повѣрить, а только „не думать“!

— Нужно чувствовать,—сказалъ онъ:—нужно любить что-нибудь.

— Хорошъ отвѣтъ! Это я знала и безъ васъ! А какъ же заставить себя чувствовать? Какъ полюбить что-нибудь, когда не любится!

Онъ молчалъ, начиная сознавать, что въ борьбѣ между ними

остаётся побѣжденнымъ онъ, играетъ жалкую роль и все больше и больше падаетъ въ ея глазахъ.

— Вотъ, теперь я стала ѣздить въ школу. Я надѣялась, что полюблю дѣтей. И дѣти мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, кажутся милыми; мнѣ хочется ихъ рисовать; мнѣ даже теперь скучно безъ нихъ... Но вѣдь это оттого, что мнѣ вообще скучно, и нѣтъ никакого другого дѣла, которое бы я считала нужнымъ... Да и они мнѣ нравятся, пока это ново, не надоѣло... А потомъ?.. одно и то же, одно и то же, буквы, цифры, слова, лица... Да, я удивляюсь Вѣрѣ Павловнѣ: какъ она можетъ видѣть въ этомъ цѣль жизни?! Какое, наконецъ, мнѣ дѣло до того, грамотны ли ребята, или нѣтъ? И что же это за особенное лекарство отъ бѣды? Пусть даже они сдѣлаются отъ этого счастливыѣ, а мнѣ-то что до этого? Я сама счастья хочу себѣ! Я хочу жить сама! Жить, чувствовать, пусть даже страдать, но страдать не отъ тоски, не отъ одиночества, не отъ отсутствія жизни, а отъ чего хотите,—но только не отъ мелкаго и ничтожнаго... А я задыхаюсь, я задыхаюсь! Я съ ума сойду или умру отъ этой мелкоты и пустоты!

Ему показалось, что онъ понимаетъ ее; но какъ дать ей все это, когда жизнь такъ мелка? „Необходимы палліативы,—подумалъ онъ, невольно входя въ роль врача:—нужно дать ей порядочное общество, разнообразіе, движеніе, хорошаго мужа, семью“...

— Быть можетъ, я могъ бы помочь вамъ, убѣдивъ Петра Петровича отпустить васъ въ губернской городъ?.. Тамъ большой выборъ людей... наконецъ, развлеченія, театръ, балы...

Она изумленно посмотрѣла на него.

— Вы меня не такъ поняли,—проговорила она холодно:—вы вообразили, что мнѣ нужна свѣтская жизнь! Но я ее достаточно знаю и такъ, да и по книгамъ; она мнѣ противна. И какой же тамъ выборъ людей? Меня „вывозили“ года два, и я видѣла этихъ людей... Быть можетъ, и тамъ есть настоящіе люди, но какъ до нихъ добраться? Гдѣ они тамъ? Я жила у тетки, занимающей видное мѣсто среди мѣстной аристократіи: она живетъ открыто, и я познакомилась со всѣми „сливками“ губерніи. Но развѣ это люди? Это—или лощенные, пустоголовые шаркуны, или одурѣвшіе отъ сознанія своего достоинства администраторы, прокуроры, судьи... Видѣла я и адвокатовъ... Это—фейерверкъ громкихъ фразъ, но подъ ними слышится ложь, напускной жаръ, прикрывающій жажду наживы. Видѣла я и двухъ-трехъ педагоговъ, допускаемыхъ въ гостиныя, значить, самыхъ блестящихъ...

Это — какіе-то высушенные люди, точно ихъ замариновали... Нѣтъ, тамъ меня ничто не интересуе! И о какомъ выборѣ вы говорите? Для чего? Чтобы найти себѣ мужа? Но вѣдь я видѣла, и въ жизни, и въ книгахъ, что такое бракъ! Еслибы я когда-нибудь встрѣтила человѣка, который помогъ бы мнѣ отыскать дѣло, захватывающее всю жизнь, я бы пошла за нимъ на край свѣта... Но выйти замужъ, чтобы узнать семейное счастье, котораго нѣтъ ни у кого?.. Вотъ хотя бы въ нашей семьѣ... Да и вездѣ, вездѣ, кого узнаешь ближе... Вѣдь это — только ложь, лицемеріе, будто бы счастье въ семьѣ есть!.. Да еслибы оно и было, — я боялась бы замужства еще больше: страданія все-же могли бы меня вызвать на борьбу, а отъ семейнаго счастья я потеряла бы все человѣческое.

— Ваши вопросы очень серьезны и важны. И я одно могу сказать: я ихъ понимаю, я имъ сочувствую... Къ несчастью, они для меня довольно неожиданны: дайте мнѣ подумать... Я почти увѣренъ, что помогу вамъ... Дайте только время... Да, мнѣ не приходило въ голову такихъ вопросовъ... Я вѣрилъ, — и оттого мнѣ было все просто и ясно... Теперь вижу, что бываютъ и другія натуры. Будемъ думать вмѣстѣ...

— Ну, и за это спасибо! — сказала она, улыбувшись: — мнѣ все еще кажется, что вы мнѣ поможете. Вдвоемъ легче справиться... И у васъ такое доброе сердце... И чистое!.. А это — большая сила!.. Ахъ, у меня... у меня этого нѣтъ!.. И какое это несчастье!..

XVII.

Рахмаровъ сильно тревожился за Вѣру Павловну, замѣчая, что ея расположеніе духа становится все хуже и хуже послѣ ихъ объясненія въ бесѣдѣ. Знакомство съ Соней Лопатиной лишь на одинъ день сдѣлало ее веселѣе, но затѣмъ все пошло по прежнему.

Предполагая, что ей будетъ лучше, когда она переселится въ свою усадьбу, Рахмаровъ быстро привелъ къ концу передѣлки, начатія тамъ, и сказалъ объ этомъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Значить, мнѣ можно и переѣхать? — спросила она печально.

— Да, тамъ все готово...

— А какъ же дѣти? Вѣдь, пожалуй, не будутъ отсюда ходить ко мнѣ?.. Особенно зимой, въ метели... А я такъ ихъ любила и привыкла къ нимъ... И знаете, что еще? Мнѣ просто

страшно подумать о двухъ вещахъ: что я буду тамъ совсѣмъ одна... и что вы здѣсь тоже останетесь совсѣмъ одни... Не подождать ли? Вѣдь, Марья Семеновна теперь, кажется, успокоилась?

— Да, да!—отвѣтилъ онъ и солгалъ, въ чемъ Лядова скоро убѣдилась. Ему показалось невозможнымъ сказать ей правду послѣ того, что онъ сейчасъ отъ нея услышалъ. Одно только Рахмарову было ясно: что для Лядовой необходимо болѣе задушевное общество, чѣмъ общество Софьи Петровны. Никого лучше Рогова не могло отыскаться для этой цѣли. Рахмаровъ долго думалъ: отчего онъ не является? „Неужели можно помнить до сихъ поръ несчастную фразу, сорвавшуюся тогда у меня?... Вѣдь я загладилъ ее и даже кое-что сдѣлалъ для него?.. Поѣду къ нему первый, — рѣшилъ онъ: — пусть это непріятно для моего самолюбія, но вѣдь это я сдѣлаю для Вѣры“...

Роговъ былъ очень изумленъ, когда однажды вечеромъ къ нему явился Петръ Григорьевичъ и началъ свой визитъ словами:

— Не удивляйтесь, что я прихожу къ вамъ первый. Вы такъ рѣшительно не показываетесь къ намъ, что я боюсь—вы еще не простили мнѣ неосторожнаго слова, сорвавшагося въ Петербургѣ. Если такъ, то я, хотя и невольно, виноватъ. А разъ виноватъ, надо искупить вину. Вотъ, я и пришелъ первый... протягиваю руку и говорю: насъ здѣсь мало! Забудемъ же все личное! Будемъ сходиться, будемъ думать сообща, какъ лучше жить и работать при данныхъ условіяхъ.

— Горячо принимаю вашу руку!—съ искреннимъ порывомъ сказалъ Роговъ.—Но вы ошиблись въ одномъ: я давно призналъ виновнымъ не васъ, а себя. И вотъ, мнѣ было стыдно идти къ вамъ! Сознаюсь, что это—мелкое, недостойное самолюбіе, и очень раскаяваюсь.

Рахмаровъ просидѣлъ у Рогова часа два, рассказывая о школѣ, о попыткахъ объяснительныхъ чтеній съ фонаремъ. Онъ много толковалъ о Вѣрѣ Павловнѣ, о томъ, что она скучаетъ, что очень одинока. Упомянулъ, что она не знала до сихъ поръ личной жизни, но въ Петербургѣ, среди шума и движенія, не замѣчала этого, а теперь, кажется, замѣтила.

Говорили и о Софьѣ Лопатиной, о ея отрицательномъ отношеніи къ книгамъ, объ ея озлобленности, о необходимости для нея общества, поѣздки въ Петербургъ, знакомства съ молодежью.

— Вотъ, подумаемъ всѣ сообща, какъ бы ей это устроить. Приходите, Иванъ Захаровичъ! Образумъ нѣчто въ родѣ союза деревенскихъ интеллигентовъ.

Роговъ собирався на другой же день отправиться въ Рахмаровку, но за нимъ безпрестанно присылали больные изъ деревень. На третій день отъ Рахмарова была получена записка:

„У меня заболѣлъ ребенокъ. Приѣзжайте не медля“.

Когда Роговъ подъѣзжалъ къ его усадьбѣ, молодой парень, встрѣтившійся на дворѣ, сказалъ:

— Они живутъ вотъ здѣсь, — онъ указалъ на крылечко съ правой стороны большого дома: — только сейчасъ ушли къ больному мальчику на деревню.

— Больного-то и нужно мнѣ, — отвѣтилъ Роговъ: — ты меня прямо туда и проводи.

— Тутъ черезъ паркъ пройти можно. Пожалуйста за мной! — сказалъ парень, помогая Рогову выйти изъ тарантаса.

Они прошли черезъ дворъ мимо флигеля, гдѣ была школа.

— Здѣсь и живетъ Вѣра Павловна? — спросилъ Роговъ.

— Здѣсь-съ. Да онъ что-то нездоровъ сегодня. Даже классовъ не было...

Когда они вошли въ паркъ и сдѣлали нѣсколько шаговъ по аллеѣ, Роговъ увидѣлъ Рахмарова, вышедшаго слѣва имъ на встрѣчу.

— А, слава Богу! Вотъ и вы! — воскликнулъ Петръ Григорьевичъ. — Ну, ты иди домой, а я самъ провожу доктора, — обратился онъ къ парню.

Роговъ замѣтилъ, что онъ очень смущенъ.

— Я долженъ васъ предупредить, Иванъ Захаровичъ, — началъ Рахмаровъ, когда они остались вдвоемъ: — больной ребенокъ — мой сынъ. Вы уже, конечно, слышали о моей исторіи?..

— Да, слышалъ, — отвѣтилъ Роговъ.

— Я спѣшилъ предупредить васъ объ этомъ: быть можетъ, вамъ придется быть свидѣтелемъ не особенно пріятныхъ разговоровъ.

Они свернули налѣво и по узенькой дорожкѣ дошли до пролома въ стѣнѣ, заваленнаго грудой кирпичей, поросшихъ бурьяномъ. Черезъ проломъ они вышли на небольшую поляну, въ глубинѣ которой стоялъ домикъ въ три окна, съ крылечкомъ.

Рахмаровъ осторожно стукнулъ въ дверь. На порогъ показалась женщина лѣтъ за тридцать-пять, съ отцвѣтшимъ лицомъ; на вискахъ и лбу выступали коричневыя пятна. Голова не была ничѣмъ покрыта, и жидкая рыжеватая коса обвивала затылокъ кольцомъ, укрѣпленнымъ шпильками, торчащими наружу. Одѣта она была въ полинявшее ситцевое платье, сшитое не по-дере-

венски, а въ родѣ капота, съ оборочками и двумя рядами пуговицъ напередѣ, отъ горла до подола.

„Таѣъ вотъ она какая, эта „барينوва Марья Семеновна“! — подумалъ Роговъ. Въ уѣздѣ ни для кого не было тайной, что Рахмаровъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, разойдясь съ женой, сошелся въ Сибири съ крестьянкой; что онъ пробовалъ учить ее, отправлялъ въ Москву, гдѣ она получила дипломъ акушерки, и имѣлъ отъ нея полдюжины дѣтей.

— Вотъ, Маша, я привелъ къ Васѣ доктора, — сказалъ Рахмаровъ. — Рекомендую: зовутъ Иванъ Захаровичъ.

Маша подала Рогову руку, и, пропуская ихъ въ комнату, сказала:

— Покорно прошу.

— Ну, чтѣ? Не лучше? — шопотомъ спросилъ Рахмаровъ.

— Куда тамъ! — сердито отвѣтила Марья Семеновна. — Давно бы надо доктора позвать! А теперь запустили! Измучилъ онъ меня совсѣмъ! И день, и ночь мечется! Ужъ какой бы ни будь одинъ конецъ! Думаю, не дифтеритъ ли?.. Еще и другія дѣти заболѣють...

— Вы ихъ, конечно, отдѣлили? — спросилъ Роговъ.

— Да, они въ моей „берлогѣ“, — отвѣтилъ Рахмаровъ. — Боюсь, чтобы и въ школу не занесли. А вѣдь раньше звать доктора ты же сама не хотѣла! — сказалъ онъ Машѣ.

Комната, въ которую они вошли, служила прихожей и кухней, съ большой русской печью. Въ ней было душно и грязно. Въ ведрѣ, около двери, стояли помои, издававшіе зловоніе. Въ слѣдующей комнатѣ по стѣнамъ, олееннымъ обоями, висѣли олеографіи; на окнахъ были занавѣски и цвѣты. Между окнами — столъ, покрытый клеенкой, на которомъ Роговъ замѣтилъ разорванную четвертку табаку, брошенную на старую газету, и листки папиросной бумаги.

Осмотрѣвъ мальчика, лежавшаго за ситцевой занавѣской, раздѣлявшей комнату, Роговъ нашелъ, что у него простая жаба, хотя и не легкая форма. Пока онъ давалъ совѣты и писалъ рецептъ, Марья Семеновна скрутила пальцами папиросу, лизнула край бумаги языкомъ, скленила ее и закурила, присѣвъ къ столу.

— Ну, мальчику было бы лучше, еслибы вы здѣсь не курили, — замѣтилъ Роговъ. — Да и вообще, воздухъ нужно держать чище. Я замѣтилъ въ кухнѣ грязное ведро... Вы вѣдь должны знать гигиену, — учились акушерству.

— Ахъ, батюшки! — воскликнула Маша раздраженнымъ голосомъ: — у меня вѣдь нѣтъ ни горничныхъ, ни кухарокъ! Пусть

ихъ себѣ Вѣра Павловна заводитъ! А я дни, и ночи съ больнымъ ребенкомъ одна вожусь! Нашли, чѣмъ попрекнуть, — куреньемъ! Я имъ только и поддерживаю себя въ этой трущобѣ!..

Голосъ ея изъ злобнаго перешелъ въ плаксивый.

— Да вѣдь я же просилъ тебя, Маша, взять себѣ кого-нибудь на помощь!—сказалъ Рахмаровъ почти молящимъ тономъ, поразившимъ Рогова своимъ несоотвѣтствіемъ съ его фигурой.

— Возьми-ка! Вѣдь даромъ работать никто не станетъ!

— Да я заплачу!

— Знаю я эти платежи! У самихъ денегъ никогда нѣтъ!.. Ужъ не говорили бы лучше, не бередили моего сердца!

Она погасила папиросу, придавивъ ее о подоконникъ, и сердито пошла за занавѣску, гдѣ ребенокъ кричалъ благимъ матомъ и звалъ ее.

— Ну, чего тебѣ?! Опостылѣлъ, окаянный!—крикнула Марья Семеновна и стала громко всхлипывать.—Судьба моя проклятая! Ни покою, ни пищи, ни удовольствія!.. За что молодость сгубила!.. На учительшу есть деньги, а тутъ хоть съ голоду окочѣвай!.. Растреплятая жизнь!

Рахмаровъ, поблѣднѣвъ, всталъ со стула. Его черные глаза сверкали гнѣвомъ изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей. Большія чувствѣнные губы дрожали, но онъ сдержалъ себя:

— Уйдемте! Она сумаспешная!—сказалъ онъ, тяжело дыша: —ей не стоитъ возражать!

Когда они вышли, онъ заговорилъ, конфузясь, какъ юноша:

— Васъ, конечно, поразила эта отвратительная сцена. Но не подумайте очень дурно объ этой несчастной. Она, дѣйствительно, измучилась эти дни... И она отчасти права: у меня почти никогда нѣтъ денегъ. Что дѣлать! Отъ хозяйства я отсталъ, землю отдаю крестьянамъ, а требовать съ нихъ аккуратной уплаты духу не хватаетъ. Да тутъ и не въ деньгахъ дѣло. Когда мы жили съ нею за Ураломъ, бѣдствовали еще и не такъ, но я не видѣлъ большей выносливости, терпѣнія, способности къ труду и здороваго веселья, какъ у нея! Тутъ вся бѣда въ другомъ: вы могли уже понять изъ ея словъ, что она ревнуетъ меня къ Вѣрѣ Павловнѣ... Это—настоящее безуміе!

— Ну, дѣла!—печально сказалъ Иванъ Захаровичъ.—Вѣдь, это ужасное положеніе! Ахъ, бѣдная Вѣра Павловна,—сколько она должна была выстрадать! Говорятъ, она больна? Что съ нею? Не нужна ли моя помощь?

— Утромъ я посылалъ узнать, и горничная сказала, что сильная головная боль; не спала уже три ночи... Хорошо, если

только нервы. Когда я велѣлъ спросить, не нужно ли послать за вами,—она рѣшительно воспротивилась, но, можетъ быть, теперь, зная, что вы уже здѣсь, она и пожелаетъ посовѣтоваться съ вами. Я спрошу горничную.

Рахмаровъ вошелъ въ школу, а Роговъ остался ждать, присѣвъ на крыльцѣ. Теперь, когда Вѣра Павловна была такъ близко, да еще страдающая, больная, онъ сильно желалъ, чтобы она приняла его. Вспомнилась ему ихъ встрѣча на студенческомъ праздникѣ, поразившая его идеальная чистота выраженія ея глазъ и лица... И затѣмъ, вечеромъ у нея: нѣсколько дружескихъ ласковыхъ словъ въ уголку гостиной, когда она подала сама ему чай, присѣла около него и заговорила такъ искренно, такъ печально...

Рахмаровъ появился на крыльцѣ.

— Она хочетъ васъ видѣть,—сказалъ онъ:—а я пойду распоряжусь, чтобы съѣздили за лекарствомъ. Нѣтъ, лучше подождать: быть можетъ, и Вѣръ Павловнѣ понадобится что-нибудь. Буду ждать васъ у себя во флигелѣ.

— Лучше идите къ больному и велите тамъ хорошенько очистить воздухъ. Я туда зайду,—сказалъ Роговъ.

Онъ почувствовалъ, что волнуется, когда Маша вела его къ больной Вѣрѣ Павловнѣ черезъ классную, затѣмъ по маленькому корридорчику и, наконецъ, оставивъ въ гостиной и прося подождать, сама исчезла за портьерой въ слѣдующей комнатѣ.

Оглядывая эту маленькую, уютную гостиную, устланную коврами, Роговъ думалъ, что въ ней все носило отпечатокъ хозяйки. Вотъ въ этомъ низенькомъ креслѣ она, вѣроятно, любитъ сидѣть и думать... Тамъ, въ уголку, за письменнымъ столомъ, она работаетъ...

— Барышня проситъ, — сказала Маша, появившись снова въ дверяхъ и раздвинувъ тяжелыя портьеры.

Въ комнатѣ, служившей спальней, былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ занавѣсей... Вѣра Павловна сидѣла въ глубокомъ креслѣ, кутаясь въ сѣрый теплый платокъ. Пахло уксусомъ и одеколономъ.

Рогова поразила перемена въ ея лицѣ: она сильно похудѣла, и въ глазахъ, несмотря на усиліе встрѣтить его улыбкой, чувствовалось страданіе и сильное горе.

— Вотъ какъ намъ пришлось увидѣться!—слабымъ голосомъ сказала она, протягивая ему свою похудѣвшую горячую руку.—Не думала я, что придется быть вашей паціенткой для первой встрѣчи.—Голосъ ея нервно вибрировалъ, и Роговъ подумалъ, что она каждую минуту можетъ заплакать.

— Да, я очень виновать передъ вами!.. Но оправдываться буду послѣ... Впрочемъ, для меня и оправданій нѣтъ! Я, въ самомъ дѣлѣ, страшно виновать... А прежде всего давайте лечиться...

Черезъ четверть часа, когда были пущены въ ходъ кое-какія лекарства изъ дорожной аптечки Рогова, Лядова стала покойнѣе и спросила:

— Отчего же вы не ѣхали такъ долго? Вѣдь, конечно, не одни дѣла были причиной? Да?

— Причиной, и главной, была моя глупая застыбчивость... Даю вамъ честное слово!.. Я такъ нелѣпо велъ себя тогда съ Петромъ Григорьевичемъ у васъ на вечерѣ! А онъ, наоборотъ, былъ... ко мнѣ... очень добръ.

Лядова невольно улыбнулась на это признаніе: въ немъ было столько искренности, почти дѣтски-наивной, что она не удержалась и сказала:

— Въ первый разъ вижу человѣка, который такъ просто кается въ своемъ недостаткѣ! А мнѣ пришло въ голову, что вы не ѣдете совсѣмъ по другой причинѣ,—что вы перешли въ другой лагерь...—Она сообщила ему о письмѣ фребелички.

Этотъ рассказъ пробудилъ въ немъ полемическій задоръ противъ „новаго“ направленія, задоръ, заглохшій въ деревнѣ.

— Вотъ, вотъ что „они“ дѣлаютъ! Здѣсь рукъ нѣтъ, и Богъ знаетъ что творится, а „они“ отвлекаютъ отъ деревни работниковъ! Еслибы вы знали, что я видѣлъ эти дни! Представьте вы себѣ картину деревни, гдѣ, вслѣдствіе невѣжества, вымерли въ нѣсколько дней почти всѣ ребята! Всѣ!! Поймите вы этотъ ужасъ! Подумать страшно!

Онъ яркими красками началъ рисовать передъ ней то, что видѣлъ въ Парменовѣ и въ другихъ деревняхъ за эти дни. Рассказалъ о венеитинскихъ кустаряхъ, о старухѣ, „бьющейся на крыльцѣ въ конвульсивныхъ рыданіяхъ“, и пр., и пр. И вдругъ, въ концѣ своего рассказа онъ вспомнилъ, что, вернувшись домой послѣ этихъ сценъ, онъ далеко не такъ сильно волновался по поводу ихъ, какъ теперь, передъ Вѣрой Павловной, и даже не написалъ въ тотъ же вечеръ въ управу, думая гораздо больше о положеніи Софьи Лопатиной, чѣмъ о мужикахъ...

Ему стало грустно: „Да неужели я только рисуюсь передъ нею? Какъ же это такъ? Вѣдь сейчасъ я вполне искренно волновался“.

Но этотъ моментъ молодого самобичеванія забылся, когда

Лядова сообщила ему свои огорченія послѣднихъ дней, хотя не рѣшилась заговорить о Марьѣ Семеновнѣ.

— Я знаю, что у васъ есть еще одна непріятность,—сказалъ онъ:—Вы о ней умолчали, но о ней-то и надо потолковать серьезно...

Лядова отвѣтила не сразу.

— Я вамъ скажу все,—заговорила она наконецъ.—Только ему объ этомъ ни слова: если онъ узнаетъ, Богъ вѣсть что изъ этого произойдетъ! Я получила анонимное письмо: думаю, что его написала она. Ужасное письмо!.. Я изорвала его, и теперь жалѣю. Вы помогли бы мнѣ понять его. Она мнѣ чѣмъ-то угрожаетъ, если я не уйду немедленно...

Роговъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ, проговаривъ:

— Ну, положеніе! Нечего сказать!

Походивъ немного, онъ сказалъ:

— И какое было легкомысліе съ его стороны сойтись съ такой особой! Все это—идеи шестидесятыхъ годовъ, съ ихъ легкимъ взглядомъ на женщину!..

— Не говорите этого о немъ!—сказала Вѣра Павловна, покраснѣвъ.—Вы его совсѣмъ не знаете! Идеи шестидесятыхъ годовъ тутъ виноваты развѣ тѣмъ, что заставляютъ его черезчуръ строго выполнять свои обязанности относительно женщины, не стоящей этого, и нести ужасныя жертвы ради дѣтей!.. То, что другимъ не стоитъ никакихъ угрызеній совѣсти, и что не только его предки, но любой свѣтскій человѣкъ въ наше время считаетъ забавой, то для него—роковой вопросъ всей жизни! Какъ вы можете осуждать шестидесятые годы! Это—время пробужденія нашей совѣсти, высочайшаго ея подъема! Это мы видимъ теперь, когда совѣсть опять упала...

— Вы правы!—сказалъ Роговъ.—Простите! Это я бухнулъ, не подумавъ. Но что же вамъ дѣлать? Вернуться въ Петербургъ?

— Ни за что!—рѣшительно отвѣтила Вѣра Павловна.—Мнѣ тамъ нечего дѣлать, а здѣсь я нужна, я убѣдилась въ этомъ и много объ этомъ передумала...

— Быть можетъ, вамъ лучше перебраться въ свою усадьбу, какъ вы думали вначалѣ?

— Это едва ли поможетъ, если Петръ Григорьевичъ будетъ посѣщать меня. Пожалуй, даже хуже будетъ... Нѣтъ, все это не то!.. А, вотъ, еслибы можно было убѣдить эту несчастную—не думать обо мнѣ дурно. Вѣдь она сама страдаетъ ужасно... Это могъ бы только человѣкъ посторонній... Я не боюсь опас-

ности. Меня мучить то, что я невольно служу причиной ея страданій... Если будетъ такъ,—лучше все бросить...

— Я еще буду у нея сегодня и попробую поговорить; этого откладывать нельзя,—сказалъ Роговъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Вы зайдете ко мнѣ оттуда?—спросила Вѣра Павловна.

— Непремѣнно... Вамъ необходимо немедленно рѣшить вопросъ—оставаться ли дольше здѣсь... Значить, до свиданія. Мы еще увидимся.

XVIII.

Роговъ засталъ Рахмарова у Марьи Семеновны.

Чтобы удалить его и остаться съ ней глазъ на глазъ, онъ сказалъ, что необходимо немедленно послать къ фельдшеру за лекарствомъ: у Лядовой-де очень серьезное разстройство нервовъ отъ всякихъ непріятностей, бессонныхъ ночей и непосильной работы... При этомъ Роговъ строго посмотрѣлъ на Марью Семеновну.—Но я еще поговорю съ вами объ этомъ,—добавилъ онъ:—нужно будетъ принять мѣры, чтобы у нея было больше покоя: ея положеніе меня тревожить.

Марья Семеновна поблѣднѣла, но выдержала его упорный взглядъ съ вызывающимъ видомъ. Когда Рахмаровъ ушелъ, Роговъ обратился къ ней:

— Это вы написали Вѣрѣ Павловнѣ угрожающую записку?

— А еслибы и я! Какое вамъ дѣло?

— Двойное дѣло; во-первыхъ, дѣло врача: она отъ этой записки заболѣла, и если съ нею случится что-нибудь, я этого письма вамъ такъ не оставлю. А во-вторыхъ, всякій порядочный человѣкъ долженъ заступиться за беззащитную дѣвушку, которую несправедливо оскорбляютъ и мучать...

— Несправедливо?! Ха-ха-ха! И сколько же это у нея-то защитниковъ? Вѣдь у нея уже есть защитникъ...

— Вы лжете! Вы клеветаете!—крикнулъ Роговъ, но тотчасъ же спохватился, вспомнивъ о больномъ ребенкѣ.

— Вы у меня здѣсь не кричите!—блѣднѣя и сверкая глазами, сказала Марья Семеновна.—Меня не испугаете! Я и не въ такихъ передѣлкахъ бывала, и не такихъ гусей лапчатыхъ, какъ вы, въ шею выпроваживала!.. Извольте говорить вѣжливо, если ужъ вмѣшались въ чужое дѣло между мужемъ и женой! А мнѣ Петръ Григорьевичъ тотъ же мужъ! У насъ дѣти!

Роговъ понялъ, что съ ней ничего нельзя сдѣлать запугиваніемъ, и перемѣнилъ тонъ.

— Простите меня!—сказалъ онъ.—Я дѣйствительно забылся! Но еслибы вы знали, какъ я уважаю эту дѣвушку, какъ высоко ставлю ее!

— Есть кого высоко ставить!! Зачѣмъ она сюда явилась? Какъ у нея совѣсти хватило отбивать у дѣтей отца? И прилично ли ей, генеральской дочери, здѣсь жить?! Ну, наша доля таковская, мужицкая! А вѣдь она—не мы!.. Чего ей въ Петербургѣ-то не сидѣлось, шутъ бы ее побралъ!

— Удивляюсь я вамъ!—возразилъ Роговъ.—Вы столько времени близки къ Петру Григорьевичу, учились, читали вмѣстѣ хорошія книги, а не понимаете, для чего сюда пріѣхала Вѣра Павловна! Вы не знаете, что въ Россіи есть хорошіе люди, старающіеся уплатить свой долгъ народу полезной работой для него? Вы не знаете, что эти люди любятъ народъ?! И вы сами вышли изъ народа, а этого не хотите понять! Вы должны бы имъ сочувствовать, желать, чтобы этихъ людей, ѣдущихъ въ деревню, было больше, а вы ихъ отсюда гоните!

— Чего мужиковъ любить-то! Мужлань, пьянчуги, воры! Однимъ словомъ, свиньи! Ихъ драть хорошенько, а не учить!

— Господи, что вы только говорите, Марья Семеновна!

— И не вѣрю я всѣмъ этимъ миндальничаньямъ! Совсѣмъ она не для того сюда ѣхала! Знаемъ мы! Да что толковать! Пусть убирается отсюда, а не то плохо ей будетъ! Вотъ вамъ мое послѣднее слово! Меня не запугаете, говорю вамъ!

— А если я Петру Григорьевичу расскажу о вашемъ письмѣ и угрозахъ?

— Ну, и сдѣлайте одолженіе! Какъ я испужалась! Я сама ему говорила то же: жива, молъ, не буду, а ужъ ея здѣсь не потерплю!..

— Марья Семеновна, да побойтесь вы Бога! Вѣдь вы ее не знаете совсѣмъ: она святая! Ей и въ голову не можетъ придти того, что вы говорите! Она доброе дѣло дѣлать хочетъ! Наконецъ, они вѣдь родственники! Школу она на свой счетъ содержать будетъ!

— Вы мнѣ зубы-то не заговаривайте! Нѣтъ, нашего брата этимъ не проведешь! Нешто я не вижу, что онъ отъ меня рыло воротить съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала! И то у меня нехорошо, и другое плохо! И грязно-то я одѣта, и дѣтей воспитываю не такъ, и все не по немъ! А прежде любилъ!

— Да увѣряю же васъ!.. Ничего между ними нѣтъ!

— Напрасно увѣряете! Если теперь нѣтъ, такъ будетъ! Да что толковать! Жить я не могу, пока она здѣсь! Ночи ни одной

не спала, какъ почувало мое сердце! Жить не могу! Либо надъ ней, либо надъ собой что ни на есть сдѣлаю!

Марья Семеновна стукнула ладонью по столу и заплакала злобно, съ всхлипываньями.

„Она сама больна“, подумалъ Роговъ и предложилъ ей успокоительныхъ капель.

— Ну васъ къ шуту съ вашими каплями!—крикнула сквозь слезы хозяйка:—пусть убирается отсюда, вотъ и будутъ капли!..

Послышались шаги Рахмарова на подъѣздѣ.

— А его я не боюсь! Можете ему говорить все, что хотите! Мнѣ теперь море по колено!

И, крикнувъ это, она ушла за занавѣску.

— Нѣтъ, ужъ пусть онъ лучше не знаетъ!—сказалъ Роговъ.—Я какъ-нибудь это устрою. Только не дѣлайте вы ему скандала! Пожалуйте его... Вѣдь хоть немножко-то вы его любите?

Разговоръ пришлось прекратить, такъ какъ Рахмаровъ вошелъ въ комнату. Не видя Марьи Семеновны, которая затихла послѣ словъ Рогова и перестала всхлипывать, Рахмаровъ спросилъ тревожно:

— А что? Или Васѣ хуже?

— Нѣтъ!—сказалъ Роговъ.—Да вы успокойтесь: опасности нѣтъ никакой... Ну-съ, а я общалъ еще разъ зайти къ Вѣрѣ Павловнѣ. Быть можетъ, вы меня проводите? Теперь темно, и я, пожалуй, не найду дороги.

Они вышли.

— Петръ Григорьевичъ!—заговорилъ Роговъ, когда они вошли въ аллею:—необходимо немедленно что-нибудь сдѣлать, чтобы оградить Вѣру Павловну отъ непрятностей... Я серьезно боюсь за ея здоровье... Или ей надо уѣхать немедленно, или удалить Марью Семеновну... И какъ вы этого не предвидѣли?

— Мнѣ въ голову не могло придти, что такъ выйдетъ. Марья Семеновна была даже довольна, что я открываю шеолу, и противъ пріѣзда Вѣры Павловны ничего не имѣла... Мнѣ думается, ее оскорбило то, что я ихъ сразу не познакомилъ... Она мечтала, кажется, что Вѣра будетъ принимать ее, какъ мою жену...

— Такъ отчего же вы этого не сдѣлали?

— Думалъ сперва сдѣлать, да показалось неловко все сразу объяснить Вѣрѣ... Все откладывалъ...

— Однако, надо рѣшиться на что-нибудь, и какъ можно скорѣе...

— Видите ли, Иванъ Захаровичъ: у меня есть еще одна надежда; отъ этого я и медлилъ: куда собирается прїѣхать моя жена съ дочерью... Когда Марья Семеновна узнала отъ меня объ этомъ, она ужасно плакала и рѣшительно заявила, что уйдетъ съ дѣтьми, куда глаза глядятъ... У нея свои особенныя понятія и, пожалуй, отчасти вѣрныя! Она говоритъ, что при женѣ не должна оставаться тутъ, а тѣмъ больше при моей дочери, почти взрослой, которая все понимаетъ... Я не возражалъ ей... Можно дать ей для дѣтей обезпеченіе...

— Ну, такъ устраивайте скорѣе этотъ прїѣздъ! Телеграфируйте женѣ... Объявите Марьѣ Семеновнѣ, что жена на дняхъ прїѣдетъ... Нельзя же такъ оставлять дѣло...

Рахмаровъ ничего не отвѣтилъ и шелъ молча.

— Такъ какъ же?—спросилъ Роговъ, когда они подошли къ школѣ.—Какой мнѣ дать совѣтъ Вѣрѣ Павловнѣ?

— А такой, какъ мы сейчасъ говорили: ей слѣдуетъ остаться. Марьѣ Семеновнѣ я скажу, что она уйдетъ. Буду писать и телеграфировать женѣ... Быть можетъ, объясню ей все... Она порядочный человекъ и пойметъ... Надо достать ей денегъ на дорогу изъ Швейцаріи... Долговъ у нея тамъ порядочно... Скоро этого не устроишь... Развѣ Севрюгинъ дастъ?.. Попробую... Вы зайдете ко мнѣ отъ Вѣры Павловны? Еще разъ обсудимъ, и рѣшимъ окончательно.

Зайдя къ Вѣрѣ Павловнѣ, Роговъ, насколько могъ, старался успокоить ее. Онъ сообщилъ ей,—даже немножко раскрасивъ,—планъ Рахмарова; рассказалъ и главные моменты разговора съ Марьей Семеновной; обѣщалъ заѣзжать каждый день и посовѣтовать на нѣкоторое время не заниматься въ школѣ и отдохнуть, аккуратно принимая лекарства.

Черезъ полчаса онъ входилъ къ Рахмарову.

Двѣ комнаты, которыя тотъ занималъ въ старомъ домѣ, въ прежнее время служили для помѣщенія прїѣзжихъ гостей. Онѣ сохранили тотъ видъ, какой имѣли въ старину. Въ комнатѣ, которая была побольше, стоялъ широкій турецкій диванъ, порядочно потертый. Передъ нимъ—большой круглый столъ; по стѣнамъ—нѣсколько стульевъ. Между окнами—письменный столъ огромныхъ размѣровъ. Весь полъ былъ заваленъ грудами книгъ. Въ другой комнатѣ стояла желѣзная кровать, шкапы съ книгами—и только.

— Привезли лекарство,—сказалъ Рахмаровъ,—и фельдшеръ прислалъ вамъ письма, полученные съ земской почты... Вася! Дай намъ скорѣе чаю!.. Есть и ко мнѣ письмо. Отъ пасынка,

Бѣловонскаго. Онъ устроился при здѣшнемъ окружномъ судѣ кандидатомъ на судебныя должности и уже исправляетъ должность слѣдователя. Собирается и у меня побывать, когда придетъ его мать.

Рахмаровъ усадилъ Рогова на диванъ и подаль ему письмо: адресъ былъ написанъ незнакомымъ Рогову женскимъ почеркомъ.

Молодой парень, котораго Роговъ видѣлъ раньше, покрылъ столъ довольно грязной скатертью и принесть на подносъ два стакана чаю.

Иванъ Захаровичъ, раскрывъ письмо, прежде всего взглянулъ на подпись:

— Протасова? Кто же это такая Протасова?! Ахъ, Боже мой, да вѣдь это жена доктора! Вотъ не ожидалъ отъ нея посланія, да еще такого длиннаго!..

Протасова писала, что въ городѣ устроивается спектакль. Пойдетъ „Доходное мѣсто“; она будетъ играть Полину, а Жадова — акцизный чиновникъ, очень развитой и симпатичный молодой человѣкъ... Играетъ прелестно! Было уже двѣ репетиціи. Роговъ непременно долженъ быть на спектаклѣ. Его присутствіе необходимо для того, чтобы поддержать это дѣло на будущее время. Онъ, какъ человѣкъ новый и свѣжій, воодушевить всѣхъ... Наконецъ, она „желаетъ“, она „требуетъ“, чтобы онъ пріѣхалъ оцѣнить ея талантъ. Кромѣ него, „никто не можетъ быть компетентнымъ судьей!“ и т. д., и т. д.

Въ постскриптумѣ она дополняла, что спектакль назначенъ въ дни земскаго собранія, когда Рогову слѣдуетъ и безъ того пріѣхать: она слышала отъ предсѣдателя, что будутъ доложены два его доклада, — одинъ о постоянныхъ кроватяхъ, а другой — о ссудѣ кустарямъ... „Какъ я вамъ сочувствую! Я вездѣ агитирую въ пользу вашихъ докладовъ!“

Роговъ, прихлебывая чай и улыбаясь, передалъ содержаніе письма Рахмарову.

— А что-жъ? И это недурное дѣло, — сказалъ тотъ: — все же публика, никогда ничего не читавшая, познакомится съ такимъ типомъ, какъ честный молодой Жадовъ, посмѣется надъ Юсовымъ, Бѣлогубовымъ... А вѣдь и въ городѣ ихъ не мало... Хорошо, еслибы они и купеческій бытъ шевельнули... Я совѣтую вамъ поѣхать, и даже было бы недурно, еслибы вы повліяли на выборъ ими пьесъ.

— Я, пожалуй, поѣду... А кстати, не посовѣтовать ли и Софьѣ Петровнѣ отправиться на этотъ спектакль?.. Все-же разнообразіе...

— Посовѣтуйте, — сказала Рахмаровъ: — хотя это, конечно, палліативы...

Часа черезъ два послѣ отъѣзда Рогова, Рахмарову принесли письмо отъ Вѣры Павловны, въ которомъ она просила его подумать хорошенько надъ нижеслѣдующимъ ея проектомъ: „Необходимо, — писала она о Марьѣ Семеновнѣ, — сдѣлать все, чтобы до пріѣзда вашей жены эта несчастная женщина страдала какъ можно меньше отъ моего присутствія. Изъ разсказа Рогова я увидѣла, что она васъ любитъ, что эта ревность — не корысть. Теперь эта мысль, что она страдаетъ отъ моего пребыванія здѣсь (хотя и вслѣдствіе своей ошибки) способна свести меня съ ума. Помните, когда я имѣла поводъ опасаться за полную чистоту вашей дружбы ко мнѣ, я готова была бѣжать немедленно. Теперь, когда я въ этомъ отношеніи вполне покойна, я не уступила бы никакой опасности; я вовсе не труслива; я не побоялась бы ни общественнаго мнѣнія и ничьихъ угрозъ. Но мысль, что я — хотя и невольно — доставляю страданіе, мнѣ просто невыносима. Какъ ни дорого мнѣ дѣло, взятое на себя, какъ мнѣ ни дороги дѣти, въ которыхъ я горячо привязалась (быть можетъ потому, что у меня никогда не было да и не будетъ своихъ), я бросила бы все, еслибы не надѣялась на скорый пріѣздъ вашей жены и не думала, что тогда все измѣнится, а что до тѣхъ поръ можно успокоить бѣдняжку тѣмъ, что мы вовсе не будемъ видѣться съ вами. Еслибы вамъ хотѣлось что-нибудь сообщить мнѣ, подѣлиться со мною какимъ-нибудь горемъ или тревогой, пишите мнѣ такъ же, какъ я вамъ пишу теперь. Вотъ и весь мой проектъ. И вотъ еще что, если только я смѣю говорить объ этомъ: быть можетъ, вы невольно раздражены на бѣдняжку; быть можетъ, — менѣе ласковы съ нею, чѣмъ были прежде... Если такъ, то пожалѣйте ее, подумайте, какъ она должна страдать! И можно ли винить ее за это? Вамъ слѣдовало съ самаго начала познакомить меня съ нею, и я увѣрена, что полюбила бы ее горячо, какъ сестру, уже за одно то, что она помогала вамъ переносить тягость жизни въ самыя трудныя минуты вашей жизни вдали отъ родины и любимаго дѣла. Значитъ, вы сами виноваты въ томъ, что она теперь страдаетъ. Такъ полюбите же ее за это еще сильнѣе, чѣмъ любили прежде, полюбите за свою вину, за страданіе, которое вы ей причинили“...

XIX.

Возвратившись изъ Рахмаровки, молодой врачъ почувствовалъ себя совершенно измученнымъ и больнымъ отъ той нелѣпой путаницы отношеній, въ которой ему невольно пришлось играть дѣятельную, но безнадежную роль сочувственника и распутывателя. Хотя въ душѣ онъ и выбранилъ эту путаницу „барской канителью“, хотя и старался взглянуть на нее „съ высоты своихъ взглядовъ“, какъ на „вздоръ, созданный барскимъ безволіемъ и сытостью“, но былъ уголокъ въ его сердцѣ, который подсказывалъ, что у этого вздора есть очень серьезная подкладка, заслуживающая глубокой симпатіи.

Въ первый разъ еще квартира „при пунктѣ“ показалась ему неуютной, противной: раздражалъ запахъ, распространявшійся изъ коридора, раздражалъ женскій смѣхъ и бречанье на гитарѣ, доносившіеся изъ комнаты фельдшера, который напѣвалъ фальцетомъ: „Конфетка моя леденистая“... Роговъ прилегъ на кушетку, отказавшись отъ чая, который предложилъ Петръ, и пробѣгалъ газету, получаемую съ земской почтой.

Вдругъ вниманіе его было привлечено заглавіемъ одной статьи: „Уѣздный башибузукъ“. Дѣло шло, очевидно, о членѣ управы Лопатинѣ, хотя онъ и не былъ названъ по имени. Описывался цѣлый рядъ возмутительныхъ подвиговъ его съ крестьянами и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ, пользуясь положеніемъ крестьянской земли внутри его земель, замучилъ ихъ штрафами. „Крестьяне, чтобы уплатить ихъ, почти круглый годъ бесплатно у него работаютъ“, и т. д.

„Да неужели это правда?“—подумалъ онъ, и позвалъ фельдшера, который зналъ все, что дѣлается въ уѣздѣ. Онъ водилъ знакомство съ крестьянами, бывалъ у нихъ и на свадьбахъ, и на крестинахъ.

— Да неужели вы этого не знаете, Иванъ Захаровичъ?—сказалъ фельдшеръ, усаживаясь на стулъ по приглашенію Рогова:—Да у кого хотите спросите! Это вѣрно написано! И кто это могъ написать? „Башибузукъ“! Ловко, ей Богу, ловко! Это навѣрное Петръ Григорьевичъ! Тутъ больше некому! И буква „Р“ стоитъ.

Фельдшеръ всматривался въ эту букву „Р“, какъ будто надѣялся узнать по ея характеру, дѣйствительно ли статью писалъ Рахмаровъ.

— Ну, теперь съѣсть его Лопатинъ!

— Да что же онъ можетъ сдѣлать? — тревожно спросилъ Роговъ.

— Ужъ онъ найдетъ—что сдѣлать! Вотъ увидите! Попомните мое слово! Да вы, Иванъ Захаровичъ, больны? У васъ видъ нездоровый: бѣлки глазъ красныя, да и все лицо... Не принять ли вамъ чего-нибудь?

— Не стоить! Пустяки! Я, просто, усталъ эти дни. Много ѣздилъ...

— И какъ посмотрю я на васъ, Иванъ Захаровичъ, даже удивленіе меня беретъ,—продолжалъ фельдшеръ:—превосходный вы господинъ и очень добрый души, а какъ-то вы совсѣмъ не настоящее понятіе имѣете вообще о жизни...

— Ну, напримѣръ?—съ улыбкой спросилъ Роговъ.

— Да, вотъ, напримѣръ... Вы только пожалуйста не обидитесь, Иванъ Захаровичъ, что я скажу... А вы даже себя совсѣмъ не жалѣете. Ей-Богу, вы хотя и врачъ, а насчетъ себя никакихъ требованій физиологии не признаете... И сколько разъ я вамъ предлагалъ! Ну, вы только хоть разъ взгляните! Въ мою комнату зайдите, такъ, въ дверь, будто мимоходомъ...

— Ну, довольно, довольно! Я разсержусь!—сказалъ Роговъ, догадываясь, о чемъ говорить фельдшеръ.

— А то позвольте...—продолжалъ фельдшеръ.

— Право, я разсержусь!—уже строго сказалъ Иванъ Захаровичъ.—Идите къ себѣ: я хочу спать.—И онъ сталъ кутаться въ свое старое студенческое пальто, служившее ему вмѣсто халата.

Фельдшеръ повернулся и медленно, точно выжидая иного рѣшенія, направился къ двери...

Роговъ, дѣйствительно, почувствовалъ, что ему не хочется, чтобы фельдшеръ ушелъ и чтобы этотъ разговоръ совсѣмъ прекратился. Въ немъ пробудилось что-то въ родѣ любопытства, которое волновало и тревожило.

— И откуда вы ихъ берете?—вдругъ спросилъ онъ у фельдшера:—это какое-то у васъ особое искусство.

— Никакого искусства тутъ нѣтъ. Пойдемте со мной когда-нибудь на посидѣлки, и узнаете это искусство. Да вамъ и на посидѣлки ходить не нужно... Осенью тутъ этого товара хоть прудъ пруди!

— Почему осенью хоть прудъ пруди? Я не понимаю...

— А очень просто: лѣтомъ всѣ по домамъ ѣдутъ, по своимъ деревнямъ, на работы... Вѣдь есть на фабрикѣ и дальнія, даже изъ сосѣдней губерніи... Всякой заработать хочется на наряды, да и для дому... Ну, а осенью, какъ работы кончатся,

онѣ и пруть сюда... Какая попадаетъ на фабрику, а какая ждетъ... Тутъ изъ нихъ и можно хотъ гаремъ набирать, да въ Турцію посылать... И хорошенькія есть, канашки!.. Эхъ, жаль, что вы такой схимникъ! Ужъ я бы васъ познакомилъ съ такими, то-есть, съ такими, что въ Парижѣ не найдешь!

— Полноте болтать вздоръ! И какъ вамъ не грѣшно! Вы пользуетесь несчастіемъ этихъ бѣдняжекъ и радуетесь!

— И никакого несчастья для нихъ нѣтъ! Это не мной заведено! Мнѣ-то что имъ мораль читать? Я—не попъ! Я пользуюсь въ свое удовольствіе! Не я одинъ,—всѣ... Потому имъ здѣсь свободно: родители далеко, надзора нѣтъ! Ужъ и наши здѣшнія, глядя на чужихъ, попроще стали! И какое тутъ несчастье! Онѣ себѣ веселы и предовольны! По моему взгляду, такъ это не несчастье, а лафа и для нихъ, и нашему брату, холостому интеллигенту.

— Тьфу! Мерзость! Убирайтесь отъ меня къ чорту!—крикнулъ Роговъ.

Онъ долго не могъ успокоиться отъ этого разговора; ходилъ по комнатамъ и думалъ.

Какъ и всѣ люди, онъ былъ о самомъ себѣ хорошаго мнѣнія. Но у него была еще и способность, свойственная только порядочнымъ людямъ,—страдать, если онъ подмѣчалъ въ себѣ какой-нибудь недостатокъ, понижавшій его хорошее мнѣніе о самомъ себѣ. Поэтому онъ слѣдилъ за каждымъ своимъ душевнымъ движеніемъ. Конечно, отъ него не ускользнуло и то волнующее любопытство, которое заставило его сейчасъ задержать фельдшера. Копаясь дальше въ своихъ „порокахъ“, онъ вспомнилъ и тотъ вопросъ, который возникъ у него на дняхъ въ присутствіи Лядовой: „Почему-де я волновался, рассказывая ей о положеніи густарей и парменовцевъ, гораздо больше, чѣмъ тогда, когда вернулся отъ нихъ домой“?

И вотъ, оставшись одинъ, онъ началъ съ замираніемъ сердца разбирать вопросъ, часто тревожащій честную молодость: „хорошій ли я человѣкъ?“

Это едва ли не самый мучительный вопросъ въ ту пору жизни, когда идеальное понятіе юноши о томъ, какимъ онъ долженъ быть, сталкивается съ фактами его опыта отъ проявленій своего собственнаго характера или „личности“.

Рогова мучилъ теперь вопросъ: „Вѣдь, значитъ, я вовсе не такъ люблю народъ, какъ мнѣ казалось и какъ я говорилъ? Нужно было, чтобы кто-то другой меня слушалъ, видѣлъ и сочувственно одобрялъ, и только тогда моя любовь разгоралась во всю“?!

Но думать о себѣ дурно—мучительно до такой степени, что мысль тотчасъ начинаетъ придумывать оправданія. „Но, быть можетъ, у всѣхъ такъ? Даже у самыхъ хорошихъ людей? Настроеніе усиливается отъ общенія съ другими, отъ ихъ одобренія... Отъ этого въ „кружкахъ“ людей, думающихъ одинаково, чувство и разростается такъ сильно... Человѣкъ въ одиночку—ничто, атомъ какой-то. Нужно, чтобы были двое или трое“... Мысль его перескочила къ Софьѣ Лопатиной: „Не оттого ли и въ ней такъ слабо общественное чувство? Она была ужасно одинока въ этой мерзкой средѣ!.. Да, да! Вотъ и рецептъ для нея: общеніе, кружокъ“!

XX.

Роговъ теперь ежедневно заѣзжалъ къ Лядовой. Его участіе, близость преданнаго, вѣрнаго человѣка, подѣйствовали на Вѣру Павловну благотворно: она быстро оправилась, оживилась, даже похорошѣла; исчезла восковая блѣдность, появился румянецъ, повеселѣли глаза...

Когда Роговъ пріѣзжалъ, онъ обыкновенно заходилъ сначала къ Рахмарову и уже затѣмъ одинъ шелъ къ Лядовой. Рахмаровъ сообщилъ ему планъ Вѣры Павловны. Роговъ чувствовалъ себя у нихъ какъ у самыхъ близкихъ родныхъ, и навѣщать ихъ ежедневно становилось его потребностью: если не удавалось быть у нихъ одинъ день, онъ уже тревожился, скучалъ.

Рахмаровъ за эти дни тоже оживился: отъ жены было получено письмо, что она на дняхъ выѣдетъ. Тревожилъ его немножко странный поворотъ въ поведеніи Марьи Семеновны.

— Она какъ будто притихла,—говорилъ онъ Рогову, когда они остались вдвоемъ,—но въ то же время у нея явилась вызывающая веселость. Не думаю, чтобы это было оттого, что я не вижусь съ Вѣрой. Она, кажется, не вѣритъ въ пріѣздъ жены, и что-то задумала недоброе.

Софью Петровну Роговъ не видѣлъ уже нѣсколько дней,—она бывала въ шеолѣ по утрамъ, а онъ пріѣзжалъ къ Лядовой вечеромъ, отдѣлавшись отъ больныхъ. Поѣхать же къ Лопатынымъ безъ всякаго предлога ему опять казалось неловкимъ, хотя онъ думалъ, что поѣхать слѣдовало бы: вѣдь онъ обѣщалъ Софьѣ помочь въ ея сомнѣніяхъ.

„Но какъ я помогу ей,—думалъ онъ,—когда мнѣ некогда было остановиться на вопросахъ, ее мучающихъ! Надо поѣхать

тогда, когда я что-нибудь смогу посоветовать ей... А то опять окажешься передъ ней дуракомъ".

А между тѣмъ видѣть ее и говорить съ ней ему очень хотѣлось. Онъ часто задумывался надъ ея судьбой, повторяя извѣстный стихъ Полонскаго:

„Для чего расцвѣла? Для кого развилась?“

Однажды Лядова и Рахмаровъ встрѣтили его тревожнымъ извѣстіемъ, что Софья уже два дня не была въ школѣ, а когда Вѣра Павловна поѣхала къ ней, ея не приняли: горничная объявила, что никого изъ господъ нѣтъ дома.

— Это, вѣроятно, та корреспонденція въ газетахъ виновата,—сказалъ Рахмаровъ:—Лопатинъ, конечно, предполагаетъ, что писалъ ее я.

— Теперь положеніе ея еще хуже, чѣмъ прежде!—сказалъ Роговъ:—она уже отвыкла отъ одиночества, бывая у васъ, работая съ дѣтьми... Не поѣхать ли мнѣ туда? Быть можетъ, ей нужна помощь, совѣтъ?

— Какъ бы онъ и вамъ не сдѣлалъ непріятности,—сказала Вѣра Павловна.—Вѣдь онъ знаетъ, что вы теперь каждый день бываете у насъ. Но поѣхать вамъ все-таки нужно...

— Только будьте очень осторожны,—сказалъ Рахмаровъ:—не запищайте меня.

Въ то время, какъ они говорили это, горничная пришла сказать, что отъ Лопатиныхъ прислали за докторомъ: барышня больна. Посланный ѣздилъ въ Смирново, а тамъ его послали сюда.

Роговъ уѣхалъ, обѣщая сейчасъ же вернуться.

Въ этотъ разъ его не встрѣтилъ самъ Лопатинъ, хотя горничная и сказала, что онъ дома.

Въ залѣ, едва освѣщенной одной свѣчой, была только Надя.

— Папа занятъ... У мамы мигрень,—заговорила она неровнымъ голосомъ.—Насъ такъ поразила всѣхъ болѣзнь Сони! У нея третьяго дня случился обморокъ... А теперь ей хуже. Я васъ провожу въ ея комнату.

Софья Петровна лежала на кушеткѣ. На бѣломъ фонѣ подушки ярко выдѣлялись ея вьющіеся черные волосы. Они обрамляли овальное, худощавое, смуглое лицо, горѣвшее лихорадочнымъ румянцемъ. Большіе каріе глаза печально взглянули въ глаза Рогова, когда онъ подошелъ къ кушеткѣ и подаль ей руку.

— Чтѣ такое съ вами?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю, что со мной творится. Вчера за обѣдомъ произошелъ непріятный для меня разговоръ: отецъ подозрѣваетъ, что корреспонденцію въ газету написалъ Рахмаровъ... И вотъ, вчера онъ очень рѣзко объявилъ мнѣ, что не потерпитъ больше моихъ поѣздокъ туда, что Вѣра Павловна—просто любовница Рахмарова, и что я скандализирую себя знакомствомъ съ нею... Что было послѣ этого—я не помню; говорятъ, что у меня были судороги... обморокъ. А сегодня... какая-то ужасная головная боль. Что это такое?

— Съ вами раньше никогда этого не было?

— Нѣтъ, это—въ первый разъ.

Онъ попросилъ Надю принести воды. Она вышла.

— Скажите, Иванъ Захаровичъ: вѣдь это правда, что у Рахмарова есть любовница, бывшая поселенка изъ Сибири, и что дѣти есть отъ нея? Не удивляйтесь, что я это знаю. У насъ я не того наслушаешься! Вы видѣли ее когда-нибудь? Правда ли, что она постоянно съ нимъ бранится, чуть не бьетъ его?

— Я ее видѣлъ: она очень несимпатична, но такое обращеніе съ нимъ—клевета: развѣ онъ потерпѣлъ бы это? Подумайте сами! Вѣдь вы знаете его...

— Но какъ же онъ могъ сойтись съ какой-то гадиной?! Фи, какая мерзость!.. Вы видѣли дѣтей? Но вѣдь это ужасно! А теперь, говорятъ, къ нему ѣдетъ жена съ дочерью... Не удивляйтесь, что это меня такъ волнуетъ! Я считала его полубогомъ, стоящимъ выше всего грязнаго, выше всякихъ мелкихъ страстей... Боже, какъ нелѣпа жизнь! Какъ во всемъ приходится разочаровываться! Никому вѣрить нельзя, никому!

— Едва ли его можно строго обвинять, Софья Петровна: онъ въ то время разошелся съ женой; она уѣхала за границу, взявъ съ собой дочь, которую онъ страстно любилъ... и любить до сихъ поръ. Онъ не рѣшился взять ее у матери. Что же удивительнаго, что потомъ, въ страшной глуши, онъ искалъ добраго, любящаго сердца, которое бы замѣнило ему то, что онъ потерялъ... Конечно, не среди сосѣдокъ и ихъ дочекъ онъ могъ найти такое сердце. Вѣдь это былъ бы таковой скандалъ, который граничить съ трагедіей. Ну, а простая крестьянская дѣвушка, кроткая и тихая,—да еще при надеждѣ дать ей образованіе, развить ее... вѣдь это было почти единственнымъ исходомъ...

— Но, говорятъ, что онъ могъ устроить разводъ такъ, чтобы имѣть право жениться: она ушла отъ него съ какимъ-то пѣвцомъ. Тогда онъ могъ бы оставить у себя дочь и жениться на дѣвушкѣ, равной по положенію... А тутъ... какая-то бухарка!..

Нѣтъ, это отвратительно, грязно, позорно! И это сдѣлалъ онъ... онъ! — Глаза ея выражали негодованіе, губы презрительно сжались.

— Онъ поступилъ съ женой какъ джентльменъ, — сказалъ Роговъ: — разводъ, о какомъ вы говорили, соединенъ съ унижительными подробностями. Онъ не хотѣлъ подвергать ее этой процедурѣ... Съ дочерью она не хотѣла разставаться, и онъ принесъ въ жертву ей свою любовь къ дочери и свою тоску по ней... Я знаю, что онъ до сихъ поръ не можетъ говорить безъ волненія о дѣвочкѣ... Онъ переписывается съ нею. Весь его письменный столъ уставленъ ея портретами... Я даже одну его тайну подмѣтилъ случайно: разъ онъ при мнѣ открылъ ящикъ письменнаго стола, и знаете, что я увидѣлъ тамъ? Крохотные дѣтскіе стоптанные башмачки!

— Ахъ, какъ мнѣ его жалъ! — воскликнула дѣвушка, и вдругъ заплакала.

Однако, Рогову скоро удалось ее успокоить.

— Скажите, — спросилъ онъ, когда Софья Петровна перестала плакать: — объ этой Марьѣ Семеновнѣ вы слышали раньше, или только узнали на дняхъ?

— Кажется, я слышала объ этомъ раньше, давно, но совсѣмъ забыла и не придавала этому значенія... Теперь папа вчера кричалъ и объ этомъ. Онъ рассказалъ то, что я вамъ передала объ ихъ отношеніяхъ. Это меня поразило... Ужасно!

— Я вамъ дамъ лекарство. Постарайтесь аккуратно принимать его, и все пройдетъ. Но этого мало: вы должны продолжать свои занятія въ школѣ Рахмарова. Если у васъ не будетъ этого дѣла и развлеченія, вы серьезно заболѣете...

— Ѣздить опять къ Рахмарову?! — возразила она. — Я не знаю, какъ я буду смотрѣть на него, какъ буду говорить съ нимъ послѣ того, что узнала...

— И не нужно вамъ съ нимъ говорить. Онъ въ школѣ не бываетъ. А съ вашимъ отцомъ я теперь же улажу. Если его хорошенько напугать, онъ разрѣшитъ вамъ ѣздить въ школу...

— Поговорите, но я увѣрена, что онъ не согласится. Еслибы вы видѣли, какую ужасную сцену онъ мнѣ устроилъ! Еще никогда ничего подобнаго не было: вѣдь я завоевала себѣ нѣкоторую свободу. А впрочемъ, попробуйте. Какой вы добрый! Я еще только въ васъ одного и вѣрю! Иванъ Захаровичъ, заѣзжайте къ намъ почаще! Вы опять пропали! Еслибъ вы знали, какая тоска! Ахъ, еслибъ вы только знали!

Прощаясь, она дольше обыкновеннаго удержала его руку.

Вернувшись въ залъ, онъ сказалъ Надѣ, что долженъ поговорить съ Лопатинымъ.

— Ну, что такое съ нею?—спросилъ тотъ, выходя въ залъ.—Что-нибудь опасное? Простите, что не сразу вышелъ къ вамъ... Пишу отчеты къ собранію.

— По моему, болѣзнь ея можетъ разыгаться въ очень серьезное и опасное нервно-мозговое разстройство. Нужно очень заняться ея здоровьемъ. Для нея прежде всего необходимо общество развитыхъ людей и какое-нибудь дѣло, развлеченіе... Между тѣмъ вы запретили ей посѣщать школу...

— Объ этомъ разговора быть не можетъ!—почти закричалъ Лопатинъ.—Вы, конечно, уже знаете объ этой корреспонденціи... Этотъ негодяй оклеветалъ меня передъ цѣлой Россіей! Но я еще ему покажу! Онъ увидитъ! Я знаю о немъ такія штуки, что его и убрать отсюда можно, несмотря на родство съ губернаторомъ! И надъ губернаторомъ есть власть...

— Но вѣдь еще не доказано, что это онъ писалъ? А между тѣмъ здоровье Софьи Петровны вы ставите на карту...

— Довольно-съ! Я сказалъ, что объ этомъ рѣчи быть не можетъ! Жила до сихъ поръ безъ этой школы, проживетъ и еще... Я прошу васъ больше даже не напоминать объ этомъ...

— Какъ хотите! — сказалъ Роговъ, и былъ не въ силахъ сдержать гнѣвнаго тона.—Я умываю руки. Я вамъ сказалъ то, что былъ обязанъ сказать, какъ врачъ. Если съ ней что-нибудь случится, грѣхъ будетъ на вашей совѣсти!..

— Конечно-съ, конечно, не на вашей! — шипящимъ отъ злобы голосомъ отвѣтилъ Лопатинъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и заговорилъ гораздо мягче, а мало-по-малу перешелъ даже въ свой обычный, слащавый тонъ.—Надѣюсь, что эта размолвка наша, дорогой Иванъ Захаровичъ, не ослабитъ вашихъ добрыхъ отношеній къ моей семьѣ и, наконецъ, къ Сонѣ... Вы думаете, мнѣ не жаль ея? Боже мой, вѣдь я—отецъ! Я даже готовъ просить васъ, умолять: не оставляйте ее! Вы говорите, что ей нужно интеллигентное общество. И я это понимаю, понимаю-съ, отеческимъ сердцемъ понимаю!.. Такъ вотъ поэтому-то не забывайте насъ, бывайте у насъ, какъ у родныхъ... Мы всѣ васъ такъ полюбили... А ужъ о Сонѣ я и не говорю! Она была въ такомъ восторгѣ отъ разговоровъ съ вами... Зайдите и теперь къ ней еще разъ. Объясните ей, что я не могу допустить ея поѣздокъ въ школу. Успокойте ее! Общайтесь ей, что вы будете ѣздить къ ней часто... Я васъ прошу! Пожалуйста! Я самъ

пригложусь вамъ... Видите: я такъ ее жалѣю, что у меня вотъ слезы... слезы...

Онъ вытеръ глаза платкомъ.

Когда Роговъ сообщилъ Софѣ Петровнѣ, что его просьба не подѣйствовала на отца, она сказала:

— Ну, это мы еще посмотримъ! Въ школѣ я, конечно, учить уже не буду... но заѣзжать къ Вѣрѣ, катаясь верхомъ, буду каждый день! Я изучила отца отлично... Но его упорство пугаетъ меня не отъ этого... Вѣдь и въ прошлый разъ, помните, онъ кричалъ за столомъ, что не пуститъ меня, а потомъ сейчасъ же заговорилъ другое, узнавъ, что Лядова—родственница губернатора... Меня пугаетъ вотъ что: онъ кричалъ вчера, что проучить Рахмарова, что найдетъ власть и надъ губернаторомъ...

— Онъ и мнѣ сейчасъ сказалъ это.

— Ну, вотъ!.. Вы предупредите Петра Григорьевича. Я вамъ не сказала сразу всего: ужъ очень мнѣ тяжело говорить... Все же онъ мнѣ отецъ! Тутъ была на дняхъ эта... эта женщина... какъ ее зовутъ?.. Марья Семеновна, кажется?

— Такъ вотъ что! — воскликнулъ Роговъ, вспомнивъ, что говорилъ ему Рахмаровъ о перемѣнѣ въ настроеніи этой фурии.

— Что они говорили, я не знаю, — продолжала Софья Петровна: — но она долго сидѣла у него въ кабинетѣ, и онъ что-то писалъ ей... Они придумали какой-нибудь отвратительный планъ... И это меня больше всего дѣлаетъ больной... Я не могу подумать безъ ужаса, что изъ нашего дома, отъ моего отца выйдетъ... какая-нибудь гадость...

Она не договорила и вдругъ зарыдала истерически.

„Надо ее вырвать изъ этой среды, — думалъ Роговъ, сидя уже въ тарантасѣ. — Но какъ это сдѣлать?“

Бедя пробовалъ заговаривать съ нимъ, но Иванъ Захаровичъ довольно рѣзко ему отвѣтилъ.

Парень старался понять, „какой комаръ укусилъ“ доктора, всегда такого разговорчиваго и ласковаго, и такъ какъ молчать не умѣлъ, то, проѣхавъ съ полверсты, спросилъ:

— А вы у нихъ жену становаго видѣли?

— Видѣлъ. А что же?

— И днюетъ, и ночуетъ у нихъ. Становой только и видитъ ее, какъ пріѣдетъ сюда.—Бедоръ язвительно засмѣялся.

Роговъ догадался, что у него на языкѣ вертится сплетня о Лопатнѣ и женѣ становаго.

— Э, Богъ съ ними!—сказалъ онъ.—И какъ это у тебя, Бедя, все одни пустяки въ головѣ!

Федя обидѣлся, отвернулся и замолчалъ. Роговъ это замѣтилъ и, жалѣя парня, добавилъ:

— Да ты не обижайся! А знаешь, мнѣ тебя жалъ: у тебя умъ направленъ на злыя чувства къ этимъ Лопатынымъ... Все ты ихъ язвишь! Ни о чемъ другомъ думать не можешь! А еще Евангеліе ходишь читать къ сосѣду... А вѣдь въ Евангеліи-то велѣно врагамъ прощать...

— Да ужъ такіе мы, значить, дураки-мужики, — отвѣтилъ Федя съ явной ироніей: — о чемъ намъ и думать, кромѣ глупостей... Вотъ господа, тѣ все о хорошемъ думаютъ; ввязать хотя бы этого Лопатина: какъ бы люди лишней корки не съѣли, да какъ бы за это вычестъ, да жалованья не додать... Я вамъ разсказывалъ, какъ онъ разъ вычелъ у меня за сало для подмазки. Для этого, точно, большая умственность нужна! — Федоръ сердито замолчалъ, а потомъ опять началъ: — Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. А что дѣйствительно, конечно, господа все больше о серьезномъ думаютъ. Однако, очень они нашему брату удивительны: нѣжность эта у нихъ ужъ очинно чувствительна! Господинъ Рахмаровъ давалъ мнѣ весной сочиненіе Тургенева; тамъ все о господскихъ любвахъ описывается. И смѣху же въ этой книжкѣ! Все кавалеры за барышнями помираютъ, а барышни за кавалерами! И такъ-то ихъ кочеряжить отъ этихъ любвей, что даже въ водѣ топятся и пистолетами стрѣляются. Чуть увидитъ какой-нибудь господинъ хорошенькую барышню, сейчасъ: „ахъ, охъ! я влюбленъ!“ И пойдетъ катавасія!.. И съ чего это они такъ, Иванъ Захарычъ, очень чувствительны къ женскому полу? Съ жиру, что-ли?.. Али отъ очень большой умственности?

Федоръ отчасти достигъ своей цѣли: Роговъ его слушалъ внимательно, но примѣнить къ себѣ выводы парня, какъ тому хотѣлось, ему и въ голову не пришло. Онъ отвѣтилъ фразой, давно когда-то сложившейся въ умѣ, — легкомысленной и односторонней:

— Конечно, и отъ бездѣлья, и отъ жиру, а главное — развинчены очень господа отъ неправильной жизни, избалованы, никакого желанія въ себѣ пересилить не могутъ.

— То-то, то-то! Вотъ и я такъ думаю! — многозначительно подтвердилъ Федя. — Отъ этого-то и бросаются въ омутъ головой! Вѣдь эти здѣшнія барышни — чистый омутъ! Ужъ мы-то ихъ навсезовъ знаемъ!..

Онъ громко засмѣялся.

— Что ты смѣешься?

— Да вспомнилъ потѣху! Видѣли вы тутъ горничную Палашку? И ловко она представляетъ этихъ господъ! Какъ въ кухню прибѣжить, такъ и начнетъ представлять это: тѣтру никакого не надо! Животики надорвешь! Вотъ какъ вы въ первый разъ у нихъ обѣдали, у самой Лопатихи баталія вышла изъ-за васъ съ дочкой младшей: мать ей велитъ одно платье надѣть, а она хочетъ другое. Обѣдать не хотѣла идти барышня. Ревѣла такъ, что хотъ водой отливай!.. Злющая она,—страсть! Палашка говоритъ: чуть что не такъ сдѣлаешь—сейчасъ щипаться! Ахъ, ужъ этотъ женскій полъ!.. А вѣдь вы не знаете, Иванъ Захарычъ: меня женили!—вдругъ заявилъ Оеда.

— Какъ женили? Давно? Что жъ ты меня на свадьбу не позвалъ?

— Да ужъ двѣ недѣли женатъ. А не позвалъ потому, что и безъ того у васъ дѣла много! А у насъ какія свадьбы! Одно пьянство, а то и драки случаются; вѣдь точно язычники—нашъ народецъ!.. Я читалъ, что у иныхъ народовъ это дѣло куда благороднѣе ведется...

— Ну, и что же, нравится тебѣ жена?

— Нравится, не нравится, — насъ объ этомъ не спрашиваютъ... Нужно жениться, ну, и дѣлу конецъ...

— Ну, а все-же, какъ самъ-то ты, доволенъ?

— Да ничего! Баба, кажется, хорошая выйдетъ—работница, старательная. Пока ничего худого не замѣчаю... Даже и хорошо какъ будто: вотъ, пріѣду, встрѣтить, раздѣнеть, приласкаетъ... Оно—ничего!

Онъ засмѣялся.

— А я, можетъ, въ послѣдній разъ съ вами ѣду.

— Что такъ?

— Да надумалъ бросить эту должность. Мнѣ на фабрикѣ мѣсто предлагаютъ господинъ Зиновьевъ... Все-же спокойнѣе... Дома больше буду, хозяйствомъ займусь... съ молодой-то женой...

Онъ опять засмѣялся.

— А ты знакомъ съ Зиновьевымъ?

— И даже очинно хорошо знакомъ!

— Ну, что же, — сказалъ Роговъ:—пожалуй, такъ-то и лучше выйдетъ. Ну, не забывай меня, заходи когда чайку попить, потолковать, когда свободно... А Евангеліе не бросилъ читать? Ходишь?

— Хожу... Ежели желаете, и васъ могу свести. Эти „трезвенники“—сурьезный народъ.

— Это очень интересно! Ты меня своди когда-нибудь. Они „трезвенниками“ зовутся?

— А какъ же?! „Братья-трезвенники“...

XXI.

Прошло недѣли полторы.

Роговъ работалъ по прежнему, а въ свободные часы метался отъ усадьбы Рахмарова къ усадьбѣ Лопатиныхъ. И тамъ, и здѣсь дѣла стояли въ прежнемъ положеніи. Софья Петровна, однако, продолжала тайкомъ посѣщать Лядову, пріѣзжая верхомъ. Это ежедневное катанье ей „предписалъ“ Роговъ. Отецъ опять былъ въ городѣ по случаю приближающагося земскаго собранія, и дѣвушка почувствовала такую смѣлость, что стала снова помогать Лядовой въ ея занятіяхъ съ ребятами: гроза была впереди, и она ея не особенно боялась.

Наканунѣ земскаго собранія Роговъ получилъ отъ предсѣдателя Лунина письмо, въ которомъ тотъ совѣтовалъ пріѣхать въ городъ для личной защиты его доклада о постоянныхъ кроватяхъ при земскихъ пунктахъ. „Но больше вашъ пріѣздъ необходимъ,— прибавлялъ онъ,— для объясненія съ молодымъ членомъ управы Грушевскимъ. Что онъ за человѣкъ—я вамъ расскажу при личномъ свиданіи: онъ затормазилъ прошеніе о ссудѣ венежитинскимъ кустарямъ, такъ что, если оно и попадетъ въ это собраніе, то навѣрное провалится вслѣдствіе его „особаго мнѣнія“;— конечно, если вамъ не удастся убѣдить его—измѣнить свой взглядъ. Онъ требуетъ, чтобы предварительно была собрана точная статистика о всѣхъ кустаряхъ въ уѣздѣ. Это замедлитъ дѣло на цѣлые годъ“.

Роговъ собрался въ городъ, взявъ обѣщаніе съ Софьи Петровны, что и она пріѣдетъ туда къ спектаклю. Звалъ онъ на этотъ спектакль и Вѣру Павловну съ Рахмаровымъ, но потомъ отказался отъ этого плана: Лопатинъ могъ устроить имъ какой-нибудь скандалъ при публикѣ.

Часовъ въ десять утра, въ день собранія, Роговъ подѣхалъ къ подѣзду управы, весь забрызганный грязью и обсыпанный сѣномъ, которымъ былъ набитъ тарантасъ.

Крестьяне, сидѣвшіе на скамьѣ у подѣзда, поднялись и сняли шапки.

— Здорово, старики!—сказалъ Роговъ:—Что, предсѣдатель пріѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ, батюшка! Вотъ и мы ждемъ. Только одинъ членъ тутъ, Грушевскій.

Этотъ Грушевскій кончилъ курсъ въ университетѣ и, прослуживъ года два въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, былъ назначенъ, три года тому назадъ, сюда помощникомъ податного инспектора. Здѣсь онъ въ тотъ же годъ женился на дочери богатаго купца-землевладѣльца и былъ выбранъ въ члены управы. Человѣкъ онъ былъ порядочный, интеллигентный, много читалъ и даже пописывалъ экономическія статьи въ журналахъ. На видъ это былъ худощавый, средняго роста, въ золотыхъ очкахъ, симпатичный, привѣтливый человѣкъ. Онъ принялъ Рогова, какъ дорогаго товарища.

— Я заѣхалъ,—сказалъ тотъ,—разсказать вамъ о бѣдствіи венежитинскихъ кустарей и просить помочь имъ. Я уже подалъ прошеніе отъ ихъ имени. Пойдетъ ли оно сегодня? Дадутъ ли имъ ссуду?

Роговъ говорилъ такъ, какъ будто ничего не зналъ отъ предсѣдателя о мнѣніи Грушевскаго. Онъ яркими красками обрисовалъ положеніе кустарей.

— Ахъ, дорогой Иванъ Захаровичъ! Да развѣ можно такъ скоро? Вы думаете, это легкая вещь? Для этого нужно послать по волостямъ циркуляры, чтобы собрать матеріалъ о кустаряхъ всего уѣзда.

— Какъ? Сперва вы займетесь статистикой всего уѣзда? Тамъ люди разоряются, а вы будете изучать общій вопросъ о кустаряхъ?

— Позвольте: я, какъ петербуржецъ, люблю систему: во-первыхъ, какой же докладъ безъ цифръ и общаго обзора? Во-вторыхъ, если поддержать венежитинскихъ кустарей, такъ надо поддерживать и всѣхъ. Почему исключеніе? Потому, что этихъ отыскали вы и за нихъ хлопчете? Ахъ, господа народники! Вѣдь это же несправедливо! Вотъ чтò значить увлеченіе!

— И приче́мъ тутъ народничество!—сказалъ Роговъ, раздражаясь.—Тамъ люди съ голоду пухнуть! Это могло бы ихъ поддержать; кулаки ихъ гложутъ, а вы теоріи разводите! Я хлопочу не какъ народникъ, а какъ врачъ! Я ѣзжу по избамъ, вижу воочию, какъ мужикъ тощаетъ, вырождается... Его спасти нужно ради нашего собственнаго самосохраненія, а вы мнѣ о теоріяхъ! Я забылъ ихъ здѣсь! Я голову теряю! Лечить нельзя ни одной болѣзни при такой обстановкѣ, нищетѣ, грязи, нечѣстѣ.

— Поговорите съ Лопатинымъ. Предсѣдатель на вашей сто-

роуѣ. Мое же мнѣніе непоколебимо, — любезно сказалъ Грушевскій.

Лопатинъ скоро пріѣхалъ и встрѣтилъ Рогова съ распростертыми объятіями. Роговъ былъ даже испуганъ его подозрительной любезностью.

— А вы знаете, — сказалъ онъ: — сегодня и Соня пріѣдетъ сюда на спектакль! Это ужъ ваше вліяніе! Спасибо вамъ, дорогой! Прежде ее за тысячу рублей не заманить бы сюда! Вотъ вы какой! Побѣдитель!

— А у меня къ вамъ дѣло, — сказалъ Роговъ.

— Догадываюсь! О реневитинцахъ! Ахъ, вы, молодой народъ, ха-ха-ха! И чудави же! Изъ всего-то они вопросъ сочинять! Было время, ни о какихъ кустаряхъ мы и не знали! Точили себѣ люди чашки, или тамъ еще что-нибудь, и были просто товари, столары, сапожники... И вдругъ стали „кустарями“. Господи, Боже мой! И почему „кустари“? Какіе тутъ кусты? Ну, ну, не сердитесь! Мнѣ это даже нравится въ нашей молодежи: эта горячность! Вѣдь у насъ всю управу завалили брошюрами объ этихъ „кустаряхъ“... Ха-ха-ха!

Онъ любезно обнялъ Рогова за талію и въ полголоса заговорилъ:

— Противъ васъ членъ Грушевскій. И я, знаете, съ нимъ, пожалуй, согласенъ: какъ это такъ — однимъ дать ссуду, а о другихъ даже и свѣдѣній не будетъ собрано! Можетъ, имъ и еще нужнѣе ссуда. Но для васъ, дорогой мой, я пойду противъ своего мнѣнія и поддержу ваше ходатайство, поддержу! Чтобы доказать вамъ мое расположеніе! Право, ужъ не знаю, отчего я полюбилъ васъ, какъ родного сына! Ей Богу! — И ужъ со всѣмъ шопотомъ онъ прибавилъ: — Вотъ только напрасно вы въ послѣднее время зачастили въ усадьбу къ Рахмарову! Какъ бы и васъ не запутали! Темныя тамъ дѣла творятся, темныя... я кое-что узналъ отъ вѣрнаго человѣка. Вы поостерегитесь... Однако, до свиданія... Сейчасъ и собраніе откроемъ.

Въ клубѣ, вечеромъ того же дня, былъ назначенъ первый спектакль любителей, взволновавшій все мѣстное общество.

Низенькій залъ клуба, освѣщенный версиновыми лампами, былъ уставленъ рядами стульевъ и скамей. На занавѣси, отдѣлявшей его отъ сцены, мѣстный любитель недурно изобразилъ зимнюю русскую ночь, съ лѣсомъ, избушкой и мчавшейся тройкой. Теперь за этой занавѣсью шли шумныя приготовленія, такъ волнующія сердце нетерпѣливыхъ зрителей. Тамъ что-то приколачивали. Слышались возгласы: „Сидоръ, тащи окно! Да не туда,

чортъ!“ — „Гдѣ Иванъ Петровичъ?“ — „Париковъ еще не принесли?“ и т. д.

Пахло клейстеромъ, керосиновыми лампами и смазными сапогами нѣсколькихъ мѣщанъ, поклонниковъ искусства, забравшихся за часъ до начала спектакля въ задніе ряды.

Къ залу примыкалъ широкій освѣщенный корридоръ, по которому расхаживали, взявшись подъ руки, скромно одѣтыя барышни, вѣроятно—дочки мелкихъ чиновниковъ. Онѣ забрались спозаранку. Около нихъ, усиленно шаркая для чего-то ногами, увивались молоденькіе кавалеры, писцы разныхъ „присутственныхъ мѣстъ“ городка. Барышни перешептывались и громко хихикали. Кавалеры старались ихъ смѣшить и говорить комплименты.

Изъ корридора дверь вела въ столовую, гдѣ за длиннымъ столомъ сидѣлъ Роговъ, нахмуренный и злой, и пилъ чай.

Вдругъ онъ услышалъ за собой знакомый голосъ:

— А, миляга! И ты пріѣхалъ! Радъ, радъ!

Это былъ слѣдователь Морозовъ, по обыкновенію на-веселѣ.

— Ну, какъ живешь-можешь?—вскакивалъ онъ, сжимая руку Рогова и цѣлуясь съ нимъ.—Вотъ, видишь, мы выполнили твою мысль: спектакль устроенъ! И какія пьесы ставимъ! Идеиныя! Сегодня „Доходное мѣсто“. Вѣдь это цѣлый новый міръ для темнаго захолустья! Мы просто ожили, братъ! А то одурѣли совсѣмъ: карты да водка, водка да карты! А теперь, братъ, чувствуешь себя какъ будто и вносящимъ нѣкоторый свѣтъ!.. Да...

— Я очень радъ,—отвѣтилъ Роговъ.—И сборъ порядочный?

— Ничего себѣ! Думаемъ на нихъ лишніе журналы и газеты выписать. Читальня у насъ наверху. Допьемъ чай, такъ я тебѣ покажу. Ты у кого остановился? Отчего не у меня?

— Я на станціи,—сегодня же уѣду.

— Ну, какъ ты тамъ поживаешь въ Смирновѣ? Перезнакомился ли съ сосѣдями, а главное—съ сосѣдками? Есть ли практика? Ну, а Сонькой Лопатиной еще не увлекся?

— Оставь, пожалуйста, вздоръ болтать! Этимъ не шутятъ! Какъ тебѣ не стыдно!—сказалъ шопотомъ Роговъ, оглядываясь по сторонамъ.

Слѣдователь сталъ громко хохотать, переходя отъ естественнаго смѣха къ искусственному, держась за бока, взвизгивая и, наконецъ, даже вытащилъ платокъ и дѣлалъ видъ, что утираетъ слезы.

— Втюрился! По уши втюрился! Готовъ молодецъ!—вскри-

киваль онъ.—Ай да барышня! Живо оборудовала! Ну, погоди! Она тебѣ еще покажетъ!

— Замолчи же, наконецъ!—уже сердито сказалъ Роговъ:—еще и про меня пусти сплетню! Кстати, ты сегодня увидишь Софью Петровну. Она приѣхала изъ деревни и будетъ на спектаклѣ...

— Ну?! Какъ это она удостоила наше захоlustье? Она о немъ иначе не говоритъ, какъ съ презрительно приподнятой губой и оскаливъ клыкъ, по Дарвину. Ужъ это не для тебя ли? Не вѣрь, ничему не вѣрь! И со мной то же было! А потомъ носъ натянуть!

Это онъ говорилъ, ужъ поднимаясь съ Роговымъ въ мезонинъ по скрипучей и грязной лѣстницѣ. Попали они сперва въ буфетъ. Здѣсь, въ небольшой и закопченной комнатѣ, съ низкимъ потолкомъ, уже набралась толпа, такъ что передъ прилавкомъ тѣснились въ три ряда, толкая другъ друга, и добивались очереди. Шли громкіе разговоры, между прочимъ, о земскомъ собраніи и его постановленіяхъ.

Докторъ Протасовъ кричалъ кому-то съ шутилой грубостью:

— Врете вы, черти! Докладъ коллеги Рогова—вещь дѣльная! Это вѣрно, что безъ больничекъ, хотя бы маленькихъ, лечить мужиковъ нельзя! Какія у нихъ избы! Какой воздухъ! А провалили вы этотъ докладъ потому, что вы—черти, дьяволы... А посему выпьемъ по третьей! Ха-ха-ха!.. Милые вы люди, а черти! Чуть ежели что для мужиковъ,—вы утопите; а предложи для вашего брата, помѣщика, такъ вы готовы весь уѣздъ подъ прессъ положить, а ужъ свое сдѣлаете! И молодцы! Хвалю! Чего дремать?! А посему выпьемъ по четвертой!..

Въ другомъ углу членъ управы Грушевскій, горячась, рассказывалъ нѣсколькимъ лицамъ, какъ исправникъ сосѣдняго уѣзда чуть не сманилъ у нихъ изъ клуба музыкантовъ для своего городишка... Онъ такъ азартно объ этомъ ораторствовалъ, точно дѣло шло о покушеніи исправника на чью-нибудь жизнь.

Роговъ, выпивъ рюмку вина со слѣдователемъ, направился въ читальню. По дорогѣ онъ попалъ въ объятія къ коллегѣ Протасову; тотъ, увидя его издали, закричалъ:

— А вотъ и онъ! виновникъ торжества! Дай тебя еще разъ облобызать за доклады! Спасибо! А этихъ чертей не бойся!—указалъ онъ на своихъ собесѣдниковъ, двухъ помѣщиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ низенькій и толстый, а другой длинный и худой, какъ жердь.—Они, въ сущности, славные ребята и мои

давнишніе пациенты, черти этакіе!—И онъ каждого изъ нихъ ткнулъ пальцемъ въ животъ, въ видѣ милой шутки.

Изъ читальни Роговъ торопливо сошелъ внизъ. Онъ ждалъ пріѣзда Софьи Петровны. Пройдя залъ, гдѣ уже собралось порядочно публики, Роговъ направился въ столовую. Софья Петровна уже сидѣла тамъ въ углу на диванчикѣ, окруженная нѣсколькими пожилыми помѣщиками. Увидѣвъ Рогова, она обрадовалась и сказала, шутя, своимъ собесѣдникамъ:

— Чувствую я, господа, что вы меня давно проклинаете. Васъ тянетъ въ буфетъ, а вы должны занимать меня! Можете считать себя свободными! Я побесѣдую съ Иваномъ Захаровичемъ!—Она засмѣялась такъ, что ея слова не могли обидѣть. „Освобожденные кавалеры“ стали грузно подниматься по скрипучей лѣстницѣ въ буфетъ.

— Я на васъ сердита, Иванъ Захаровичъ,—сказала она шутливо Рогову.—Вытащилъ меня сюда, а самъ куда-то исчезъ, оставивъ на растерзаніе этимъ носорогамъ! Однако, отчего у васъ такой постный видъ? Я слышала, что вашъ докладъ провалили? Ну, а я за чтó страдаю? Вы должны занимать меня...

— А если я не умѣю? Повѣрите ли, я такъ застѣнчивъ съ прекраснымъ поломъ, что часто хочу рассказать что-нибудь забавное, но отъ застѣнчивости такъ долго собираюсь, что рассказжу себѣ самому, когда уже сяду въ тарантасъ!

Она весело засмѣялась.

— Вотъ видите: вы умѣете быть веселымъ! А знаете, хотя меня и злитъ ваша застѣнчивость, но она мнѣ и нравится! Вы какой-то совсѣмъ особенный, непосредственный. Я въ здѣшнемъ уѣздѣ знаю только двухъ интересныхъ людей: Рахмарова да васъ. Въ здѣсь никого нѣтъ.

Помолчавъ, она продолжала:

— Да, вы напрасно вытащили меня сюда: въ деревнѣ я не вижу этого общества; тамъ все чего-то ждешь, надѣешься, что есть какіе-то другіе люди, крупные, дѣлающіе что-то большое, думающіе что-то великое...

— А давно вы живете этимъ ожиданіемъ?

— А право, уже и не припомню теперь. Когда только-что вернулась изъ пансіона, это ожиданіе было въ другомъ родѣ. Тогда казалось, что въ каждомъ человѣкѣ встрѣчаешь героя, особенно если онъ сказалъ двѣ-три красивыя фразы. И вотъ, бывало, жадно начинаешь его слушать, изучать, присматриваться... а въ результатѣ—пустельга, болтунъ, или еще хуже... И такъ отъ одного къ другому... Но когда это тянется не годъ, не два,

а пять, восемь лѣтъ, то уже всякая надежда тернется; остается какое-то смутное, слабое чувство тоски по другой жизни, но почти безнадежное...

Она замолчала. Молчалъ и Роговъ по своему обыкновенію и, только поправляя клокъ волосъ, постоянно падавшій ему на лобъ, смотрѣлъ на нее, какъ говорится, уставивъ глаза, а въ этихъ добрыхъ близорукихъ сѣрыхъ глазахъ выражалось мучительное сочувствіе, растерянность, незнаніе, чѣмъ помочь ей.

— Какъ вы на меня смотрите!—вдругъ воскликнула она и разсмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

Онъ опомнился и поблѣднѣлъ, чувствуя оскорбленіе.

— Простите!—сказала она:—въ самомъ дѣлѣ, я васъ мучу... А вы такой добрый, все отъ меня терпите! И не должны сердиться никогда! Если мы когда-нибудь поссоримся, у меня уже никого не будетъ, съ кѣмъ я могла бы говорить такъ откровенно и просто, какъ съ вами.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ смѣялись сейчасъ надо мной?—спросилъ онъ.

Она пожала плечами, на минутку отвернула голову, затѣмъ опять взглянула на него, и въ глазахъ ея сверкалъ уже веселый, добрый юморъ; едва удерживаясь отъ смѣха, она отвѣтила:

— Милый Иванъ Захаровичъ, — не обижайтесь! Но вы иногда такъ смѣшно на меня смотрите! Глаза сдѣлаете такіе круглые-круглые, добрые-добрые!.. И вообще вы ужасно смѣшной! Вотъ, я смотрю на васъ иногда и вижу, что вы въ отчаяніи, не зная, куда спрятать свои ноги и руки... Вообще, вы ужасно милый! И мы должны всегда, навѣки остаться друзьями... друзьями!—подчеркнула она.

Къ нимъ подходилъ мѣстный воинскій начальникъ, Свиридовъ, подъ-руку съ предсѣдателемъ Лунинымъ. Оба издали ей улыбались и дѣлали какіе-то знаки, выражавшіе шутиливый ужасъ.

— Софья Петровна! Мы оба въ отчаяніи!—заговорилъ Свиридовъ, худенькій, маленькій, морщинистый старичокъ, молодящійся и съ крашеными волосами. — Мы все наблюдали васъ! Да вы совсѣмъ увлечены юнымъ докторомъ! Счастличикъ! А на насъ, вашихъ старинныхъ поклонниковъ, вы и смотрѣть не хотите!

— Плохой комплиментъ,—отвѣтила она шутиливо:—если у меня есть старинные поклонники, значить и я—старушка! Этого не говорятъ старѣющимъ дѣвамъ!

— Боже, какой я далъ промахъ! — воскликнулъ старый

воика.—А ты, зойль, стоишь рядомъ и не дернешь меня за фалду!—обратился онъ къ Лунину.

Тотъ счелъ долгомъ тоже сказать комплиментъ Софѣ:

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что рѣшились осчастливить нашъ спектакль вашимъ присутствіемъ.

— Спасибо! Вотъ это комплиментъ, какъ слѣдуетъ!—сказала она.

Къ Софѣ Петровнѣ подходили слѣдователь Морозовъ и докторъ Протасовъ. Послѣдній уже порядочно пошатывался.

— Вотъ не ожидалъ васъ видѣть!—сказалъ слѣдователь.— Какъ это вы рѣшились для насъ, ничтожныхъ смертныхъ, повинуть свой замокъ Тамары?

— Властительница думъ, чудное воплощеніе „ewig Weibliches“, погружающая душу въ Нирвану!—говорилъ Протасовъ.—Ручку! Позвольте поцѣловать!

— Однако, какъ вы стали пить, бѣдный докторъ!—сказала она Протасову и брезгливо, на его глазахъ, вытерла то мѣсто руки, гдѣ онъ прикоснулся губами.

— Властительница думъ! Всѣ тамъ будемъ, какъ сказалъ Щедринъ! Отъ хорошей жизни не запьешь.

Слѣдователю Морозову она едва подала руку и сильно покраснѣла.

Тотъ посмотрѣлъ на нее съ насмѣшливой улыбкой, закинувъ голову нѣсколько назадъ.

— Похорошѣли!—сказалъ онъ:—даже пополнили! Какъ время залечиваетъ всѣ раны!

— Знаете чтѣ, Иванъ Захаровичъ, — я хочу ухъать, не ожидая спектакля, — сказала Софья Петровна. — Узнайте, пожалуйста, здѣсь ли наши лошади, и велите подавать.

— Софья Петровна! Вы всѣхъ обидите!

— Мнѣ это все равно! У меня голова разболѣлась! Я не могу больше оставаться!

Она сердито взглянула на него.

Роговъ покорно отправился исполнять ея приказаніе.

Когда онъ усаживалъ ее въ сани, она была такъ разстроена и печальна, что, казалось, не видѣла его, и только когда лошади тронулись, она какъ будто проснулась, протянула ему руку и сказала ласково:

— Спасибо, спасибо! Не сердитесь на мой отъѣздъ! Не могу! Тоска! Завтра же уѣду въ деревню... Не забывайте насъ! Пріѣзжайте!

Роговъ, вернувшись въ залъ, почувствовалъ себя такимъ оди-

нокимъ, покинутымъ, никому здѣсь не нужнымъ, что хотѣлъ сейчасъ же самъ уѣхать... Но это замѣтилъ Морозовъ, слѣдившій за нимъ издали съ насмѣшливой улыбкой.

— Ъдешь?! Такъ и зналъ! Ея нѣтъ, и міръ облекся тьмой! — комически декламировалъ онъ. — Поѣзжай, пожалуй, но прежде ты долженъ выпить со мной коньяку! Безъ этого не велю давать тебѣ пальто! Только по одной! — И онъ утащилъ Ивана Захаровича въ буфетъ.

Остальной вечеръ Роговъ провелъ словно въ туманѣ. Досада на провалъ доклада, воспоминаніе о насмѣшкахъ Лопатиной, ея неожиданный отъѣздъ — заставили его выпить не одну, а три рюмки коньяку.

— Пей, братъ, не бойся! — говорилъ Морозовъ. — Я тебя понимаю, понимаю! Стыдно земскому врачу трусить лишней рюмки коньяку! Некого бояться! Губернантеа твоя уѣхала! Ау, братъ! Пей, будетъ веселѣй!..

Рогову дѣйствительно стало веселѣе. Въ глазахъ все начало кружиться и прыгать: окружающіе показались милыми, добрыми; они вдругъ полюбили его за что-то, а онъ — ихъ; съ нимъ цѣловались даже незнакомые, и, между прочимъ, одинъ изъ земцевъ, провалившихъ его докладъ. Ему говорили хорошія, ласковыя слова:

— Миляга! Дрррругъ! Родной ты мой! Люблю! Душа-человѣкъ!

Потомъ онъ сидѣлъ въ публикѣ передъ крохотной сценой. Тамъ юный Жадовъ пѣлъ подъ звуки шарманки „Лучинушку“ и горько рыдалъ. Вмѣстѣ съ нимъ плакалъ и Роговъ, а Протасовъ, сидѣвшій рядомъ, шепталъ на ухо Ивану Захаровичу, громко всхлипывая:

— За сердце схватилъ, за сердце! Старое вспомнилось!

Занавѣсъ опустился. Роговъ, вмѣстѣ съ другими, неистово аплодировалъ, вызывалъ Жадова и Полину, и потомъ опять очутился въ буфетѣ въ объятіяхъ Протасова.

Затѣмъ вновь сидѣли передъ сценой, и хлопали, и вызывали. Потомъ, кажется, ужинали, предлагались тосты за артистовъ. Предлагалъ и Роговъ за жену Протасова, даже сказалъ какую-то рѣчь, за что та публично его поцѣловала, и всѣ кричали имъ „браво“...

Затѣмъ его вели куда-то подъ руки. Онъ оступался и падалъ.

Проснулся Роговъ въ незнакомой комнатѣ съ больной головой. Мало-по-малу онъ сообразилъ, что находится въ кабинетѣ Протасова, и позвонилъ.

Въ дверяхъ появился знакомый ему казачокъ съ красными нашивками на груди.

— Дай мнѣ умыться, да бѣги скорѣй за лошадьми! Если есть стаканъ чаю и рюмка коньяку,—принеси сюда!

— Сейчасъ доложу барынѣ. Она призывала, какъ проснетесь, сказать, что барина дома нѣтъ, а она ждетъ васъ въ столовой съ чаемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Извинись передъ барыней! Скажи, что я боленъ, не могу! Я сейчасъ долженъ ѣхать... прошу стаканъ чаю сюда...

Изъ-за двери раздался веселый женскій голосъ:

— Ахъ, варваръ! Цѣлые два мѣсяца я его не видѣла! Вчера съ этимъ спектаклемъ не успѣла и словечка сказать, а онъ смѣетъ уѣзжать! Противный человѣкъ! У меня къ вамъ большое дѣло! Умывайтесь, одѣвайтесь и приходите въ столовую! Безъ разговоровъ!

— Да помилуйте, Марья Гавриловна! Мнѣ нельзя!

— Никакихъ оправданій!

— Ну, такъ пришлите сюда рюмку коньяку, опохмелиться. Меня вчера напоили въ клубѣ, и теперь голова мучительно болить! Вѣдь я никогда не пью!

— Да, вы хороши вчера были за ужиномъ! Вы помните ли, что говорили рѣчь?

— Ей Богу, ничего не помню!

— Это прелесть! Ну, хорошо! Я вамъ пришлю коньяку...

Приведя себя въ порядокъ, Роговъ вышелъ въ гостиную, гдѣ его уже ждала хозяйка.

— И не стыдно?! Не стыдно?—кричала она, протягивая ему руки: — въ кои-то вѣки заглянеть, да и тутъ хотѣлъ убѣжать отъ меня!.. Я вамъ приготовила чай здѣсь... Подливайте коньяку...

Она усадила его на диванчикъ и сѣла рядомъ.

— Вѣдь я вчера и не успѣла даже спросить, какъ вы поживали въ Смирновѣ. Впрочемъ, до насъ уже дошли слухи! Васъ развлекала Софья Лопатина! Бѣдный! И такъ успѣлъ влюбиться, что вчера напился до положенія ризъ оттого, что она уѣхала! Какъ мнѣ васъ жаль! А я предупреждала!

— Да неужели здѣсь уже говорятъ такія гадости? И вы повторяете!

— Вчера всѣ говорили! Вы и не отрицайте! Это было такъ ясно. И не понимаю, чтò въ ней находятъ мужчины? У нея ужасно злое и грубое лицо; даже не симметрично отъ напускной насмѣшливой улыбки: она кокетничаетъ этой улыбкой! Какъ вы не замѣчаете? Ахъ, какъ слѣпы мужчины!

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ! У васъ здѣсь, дѣйствительно, сойдешь съ ума отъ сплетенъ!

Роговъ подумалъ, что все это можетъ дойти до Сони, и былъ въ отчаяніи.

— О, противный варваръ! Не хочетъ сознаться!—сказала Протасова, но, видя, что онъ серьезно сердится, перемѣнила разговоръ.—Что же вы не спросите, какъ я жила эти два мѣсяца? или я вамъ совсѣмъ не интересна? А сознайтесь, вчера за ужиномъ вы немножко увлеклись мной? Ну, сознайтесь! Какой прелестный тостъ вы предложили за меня! Помните ли, что вы меня сравнили съ Савиной?

— Я такъ люблю театр... Вы хорошо играли, и я, кажется, выразилъ... Впрочемъ, я плохо помню, что говорилъ.

— Знаю, знаю! Ужъ не отпирайтесь! У васъ такъ блестяли глаза!.. Ахъ, скромникъ! А вы помните, что я васъ при всѣхъ поцѣловала?

— Смутно припоминаю.

— Смутно? Знаемъ мы! Ахъ, противный! Онъ смутно припоминаетъ, что его поцѣловала женщина! Ужъ не спорьте! Увлеклись немножко. А теперь вотъ что: я мечтаю о томъ, чтобы сыграть для васъ,—понимаете ли, только для васъ,—что-нибудь крупное... И вотъ, мы ставимъ въ слѣдующій спектакль „Грозу“. Я выступлю въ Катеринѣ! Поймете ли вы мой трепетъ ожиданія! Съ самаго института, гдѣ впервые открыли мой талантъ, я мечтала объ этой роли! Я умру, если вы не прійдете на спектакль! Кто здѣсь пойметъ и опѣнитъ? Милый, голубчикъ! пріѣзжайте! Дайте слово, что прійдете!..—Она схватила его руки.

— Навѣрное не могу обѣщать... Постараюсь, — бормоталъ Роговъ.

— Вотъ за это спасибо! Какъ я счастлива! Я такъ счастлива, что мнѣ хочется поцѣловать васъ! Это — братскій поцѣлуй артистки! У нихъ это принято!

Она быстро прижалась своими подерашенными губами къ губамъ Рогова. Поцѣлуй былъ немножко длиненъ для братскаго, но Роговъ не смѣлъ сопротивляться, думая, что это будетъ невѣжливо, да и почувствовалъ, что это ему не непріятно.

Въ это время у подъѣзда раздался звонокъ, и они отскочили другъ отъ друга въ противоположные углы дивана. Казачокъ пробѣжалъ черезъ переднюю—отворять. Роговъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, не смѣя взглянуть на Марью Гавриловну. А она сидѣла въ театральной позѣ, откинувшись головой

на спинку дивана и закрывая глаза рукой; затѣмъ быстро встала и выбѣжала изъ гостиной, прошептавъ:

— До свиданія, милый! Буду ждать, какъ Бога!

Въ переднюю вошелъ докторъ Протасовъ. Его лицо, послѣ вчерашней выпивки, еще болѣе оплыло, а глаза проявляли нахмуреніе совсѣмъ спрятаться.

— А, коллега!—крикнулъ онъ:—проснулся! Голова болитъ? Надо хватить коньяку! Больше коньяку! Съ лимономъ! Пройдетъ!—И онъ простеръ руки для объятій.

„Отъ жены къ мужу! Какая гнусность! Что это я дѣлаю!“—мелькнуло въ умѣ Рогова.

— Ну, коллега, ты у насъ, конечно, обѣдаешь. Не смѣй отказываться! Не хочешь обѣдать,—позавтракаемъ. Безъ хлѣбасоли не отпущу. Жену видѣлъ? Куда же она убѣжала? Помѣшалась она теперь на театрѣ! Ну, да чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! Иду распорядиться.

Роговъ послѣ завтрака сѣлся въ тарантасъ опять подъ хмелькомъ. Въ глазахъ у него все кружилось. Онъ даже напѣвалъ.

XXII.

Проспавъ всю дорогу, Иванъ Захаровичъ проснулся только передъ Смирновымъ.

Онъ сразу вспомнилъ все, что случилось въ городѣ, вспомнилъ сплетню, переданную ему Протасовой.

„Конечно, весь городъ кричитъ объ этомъ. До Софьи дойдетъ черезъ отца не только фактъ, но и комментаріи. Она этого никогда не проститъ. А что подумаетъ Вѣра Павловна? Рахмаровъ“?

Голова, разстроенная непривычной выпивкой, преувеличивала все до крайности. Рогову казалось, что съ нимъ произошло величайшее несчастье, что съ людьми, которые ему были такъ дороги, все теперь кончено; вѣдь, показаться туда невозможно, и онъ ихъ никогда больше не увидитъ... Быть можетъ, слѣдуетъ даже бросить мѣсто въ земствѣ или перемѣнить участокъ...

Это состояніе духа не только не ослабѣло, но въ теченіе цѣлой недѣли по пріѣздѣ все усиливалось, раздувалось воображеніемъ въ одиночествѣ.

Между тѣмъ ни отъ Лопатиной, ни отъ Рахмарова не было никакого извѣстія; обыкновенно они звали его къ себѣ, если онъ не пріѣзжалъ два-три дня. Это еще болѣе усиливало его

увѣренность, что съ ними все покончено и что изъ Смирнова нужно бѣжать. Такъ прошло недѣли полторы.

Было около шести часовъ вечера.

Тѣмъ отъ густыхъ тучъ уже окутывала село Смирново. Осень еще не хотѣла уступить своихъ правъ наступавшей зимѣ. Ежедневно выпадалъ снѣгъ, но едва онъ успѣвалъ покрыть тонкимъ слоемъ землю, какъ снова начинался дождь, и снѣгъ обращался въ жидкую грязь, благодаря которой не было ни прохода, ни проѣзда по селу.

Въ такую погоду интеллигента, живущаго въ деревнѣ, охватываетъ невыразимая тоска. Онъ кажется себѣ отдѣленнымъ отъ всего міра и попавшимъ на необитаемый островъ. У Рогова это чувство еще усиливалось мучительными мыслями о томъ, какъ онъ велъ себя въ городѣ. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у окна, тупо смотря на большую дорогу и вспоминая, какъ онъ ѣздилъ по ней недавно къ Рахмарову. Еще недавно ему такъ нравился видъ изъ окна. Теперь это пустое поле, залитое дождемъ, застилавшимъ сѣрой занавѣсью окрестности, облетѣвшія мокрыя деревья большой дороги, темныя тучи, низко нависшія надъ равниной, только усиливали тоску и безнадежность. Глаза его упали на полученную книжку журнала. Онъ сѣлъ къ письменному столу и старался читать, но это ему не удавалось. Все та же назойливая мысль не давала понять то, о чемъ говорилось въ раскрытой статьѣ. Да и все это теперь казалось неинтереснымъ, чуждымъ, когда мысль была поглощена личной бѣдой, выросавшей въ его глазахъ до огромныхъ размѣровъ.

Вошелъ Петръ, зажегъ лампу и предложилъ „подогрѣть самоварчикъ“. Роговъ отказался. Когда старикъ вышелъ, опять наступила мертвая тишина, прерываемая только свистомъ и воемъ вѣтра, который ухитрялся устраивать цѣлый концертъ: въ трубѣ онъ былъ волкомъ, гдѣ-то въ ставнѣ свистѣлъ соловьемъ, и въ то же время съ силой бросалъ крупнымъ дождемъ въ стекла оконъ. Временами этотъ концертъ дополнялся обычнымъ бренчаньемъ гитары изъ комнаты фельдшера, который напѣвалъ слащавымъ теноркомъ:

„На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ улоомъ стани“...

А послѣ этого онъ вдругъ весело выкрикивалъ:

„Ахъ вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте бумажки мои!“

Слышались взрывы смѣха, въ которыхъ его тенорокъ сливался съ визгливыми женскими нотами. Рогову казалось, что эти звуки сверлятъ его мозгъ... Самоваръ на столѣ жалобно запѣлъ унылую, умирающую ноту и опять замолкъ. Роговъ удивленно взглянулъ на него; ему подумалось, что теперь это единственный его другъ, который о немъ жалѣетъ! Онъ вскочилъ, нервно застылся и сталъ быстро ходить по комнатѣ. Отъ безпрестаннаго зажиганія напирость носились облака дыма. Становилось такъ жаль самого себя, что хотѣлось заплакать.

Онъ остановился передъ окномъ и прижался лбомъ къ холодному стеклу. Севозъ вой вѣтра донесся издали звонъ колокольчика... Ближе, ближе... Въ глуши звонъ колокольчика—цѣлое событіе: хотя вы и никого не ждете, но является невольной смутная надежда: „не ко мнѣ ли кто-нибудь“? Эта надежда похожа на радость одиночнаго арестанта, мимо двери котораго слышатся шаги, и онъ думаетъ: „не ко мнѣ ли“?... Мимо оконъ промчалась карета съ фонарями, запряженная четверникомъ.

„Кто бы это? Уѣзжаютъ изъ деревни куда-нибудь далеко: въ Петербургъ, въ Москву, за границу... Свободные, вольные люди!.. Да, надо отсюда бѣжать“!

Онъ позвалъ фельдшера.

— Не знаете, кто это проѣхалъ?

— Какъ не знать! Это баронесса Грюнбергъ за-границу поѣхала со своимъ домашнимъ врачомъ... Онъ ее лечитъ отъ сердца... И удачно-съ! Вотъ это—мѣстечко!

— Ну, ну, не нужно! Я сплетень не хочу слушать!

— Какъ хотите! А очень интересно! Вообще, жизнь кругомъ довольно интересна... Такихъ анекдотовъ наслушаешься! Вотъ вы чуждаетесь мужиковъ, а они все знаютъ! Всю подноготную о господахъ! Лучше газетъ!

Тонъ у фельдшера былъ странный. Рогову показалось, что онъ на что-то намекаетъ. „Неужели сплетня обо мнѣ и Лопатиной пробралась и сюда?“—подумалъ онъ.

— Вотъ, я сейчасъ узналъ,—говорилъ фельдшеръ,—самую животрепещущую новость. Къ Рахмарову супруга вернулась.

— Давно?—вскрикнулъ Роговъ, вскакивая съ мѣста.

— Да, говорятъ, уже дня три... И такая тамъ идетъ катасія, что со смѣху животики надорвешь!

— Чтò такое?

— Супруга господина Рахмарова тамъ настоящій дебошъ устроила! Все разнесла! Она—дама сердитая, строгая, и вдругъ

застаетъ такой пассажъ: въ одномъ флигелѣ—метресса съ полдюжиной ребятъ, а въ другомъ—другая...

— Вонъ! пошелъ вонъ!—крикнулъ Роговъ, свирѣпѣя неожиданно для себя до полной потери самообладанія.

Фельдшеръ выпрямился, поблѣднѣлъ; глаза у него сверкнули.

— Вы потише!—сказалъ онъ, гордо закинувъ голову.—Вы хотя и начальство мое, а не забывайте, что я тоже человѣкъ и могу отпоръ дать... Я тоже себя понимаю не хуже васъ...

Онъ заложилъ руку за бортъ своего потертаго скюртука и, повернувшись, вышелъ изъ комнаты, проговоривъ:

— И это гуманные университаты!

Роговъ сразу опомнился, и ему стало такъ стыдно отъ своей выходки, что, упавъ ничкомъ на постель, онъ расплакался, какъ ребенокъ.

Черезъ полчаса онъ позвалъ фельдшера и пошелъ къ нему на встрѣчу съ протянутой рукой.

— Ради Христа, простите меня! Я совсѣмъ боленъ. У меня нервы стали нигде негодны. Забудьте мою гнусную выходку!..

Фельдшеръ оказался добродушнымъ малымъ: онъ самъ сконфузился и былъ такъ растроганъ, что на глазахъ у него блеснули слезы. Роговъ усадилъ его, велѣлъ подать самоваръ, и черезъ четверть часа фельдшеръ уже давалъ ему совѣты и наставленія.

— Вотъ, вы мнѣ какъ-то разъясняли, что есть такое мнѣніе въ Петербургѣ, которое называется „народничествомъ“. И я тогда такъ понялъ, что вы сами изволите быть „народникомъ“ и отъ этого очень любите мужиковъ. А между тѣмъ никакихъ у васъ сношеній съ мужикомъ нѣтъ, кромѣ леченія. Компанію вы водите съ Лопатыными, либо съ госпожей Лядовой... А вотъ теперь изволите скучать... Эта дружба непрочна-съ!

— Ну, дорогой Петръ Титычъ, вы этотъ вопросъ оставьте!—сказалъ Роговъ, стараясь не горячиться. Онъ даже попробовалъ обратить все въ шутку и прибавилъ:

— Зато вы весело время проводите: у васъ опять женскіе голоса!

— А что бы я сталъ дѣлать цѣлые вечера? Да и обо мнѣ рѣчь надо оставить: я—человѣкъ маленький; если имѣю свою амбицію, то больше самоучкой... А вотъ, извините меня, вы университаты, а не знаете, что у насъ въ селѣ творится.

— Что такое еще?

— У насъ на фабрикѣ неладно.

— Что такое?

— Не знаю самъ хорошенько... Тутъ у меня одна дѣвица сидитъ съ фабрики... Говорить, какъ бы не привели въ деревню солдатъ. Будто становой предостерегалъ.

— Да что же собственно? Въ чемъ дѣло? — вскрикнувъ съ мѣста, спрашивалъ Роговъ. — Да говорите вы толкомъ! Затвердилъ одно: неладно да неладно!

— Надо такъ полагать, что какъ напелъ осенью народъ изъ разныхъ мѣстовъ, особливо какъ этихъ бабъ привалило отовсюду, контора и понизила плату... Ну, вотъ, и сговорились наши смирновскіе не ходить на работы...

— Ну, и что же дальше?

— А то, что пошла свара нашихъ смирновскихъ съ пришлыми: „Вы, дескать, сюда лѣзете, а мы изъ-за васъ должны съ голоду помирать! Мы-де васъ кольями изъ села! А не то, такъ и фабрику расшибемъ“! Становой въ городъ уѣхалъ. Говорятъ,—за солдатами для охраны... Такъ эта дѣвица болтаетъ, а я точно не знаю. Вотъ, отъ Оеди можно бы всѣ подробности узнать. Онъ ужъ съ мѣсяцъ какъ на фабрику поступилъ.

— Ну, такъ пошлите за нимъ поскорѣй! Нельзя ли эту дѣвушку? Вотъ дайте ей мелочи, пусть бѣгомъ сбѣгаетъ.

— Это ей-то пѣлыхъ сорокъ копѣекъ! Да что вы это! Она за гривенникъ на тотъ свѣтъ назадъ пятками сбѣгаетъ.

— Ну, безъ остроумія! Скорѣе!

Роговъ взволновался такъ, какъ и самъ не ожидалъ: ему рисовались солдаты, ихъ постой, голодные мужики, потомъ экзекуція... „И неужели ничѣмъ нельзя помочь“?!

Онъ опять позвалъ фельдшера.

— Вѣдь это—бѣда для крестьянъ,—сказалъ онъ. —Какъ вы думаете, неужели ничего нельзя сдѣлать?

— Слыхалъ я отъ этой дѣвицы, что смирновцы собираются письмо послать къ барышнѣ, дочери Петренки, чтобы заступилась. Она, говорятъ, очень добрая.

У Рогова мелькнула мысль: телеграфировать сейчасъ же Надеждѣ Николаевнѣ. „Мнѣ неловко,—подумалъ онъ,—выйдетъ въ родъ доноса на управляющаго. Пусть телеграфируетъ Рахмаровъ. Не узнать ли предварительно отъ Зиновьева,—не послалъ ли онъ телеграммы къ ней“?

Онъ хотѣлъ идти къ Зиновьеву, но подумалъ, что въ это время можетъ придти Оедя. Онъ быстро набросалъ Зиновьеву записку: „Убѣдительно прошу васъ придти ко мнѣ. Дѣло очень важное, не терпящее ни минуты промедленія! Самъ никакъ не могу“.

Позвавъ Петра, онъ отправилъ записку, и, волнуясь, сталъ ожидать Оедю.

Минуть черезъ двадцать послышалось шлепанье грязи на улицѣ и затѣмъ тяжелые шаги по лѣстницѣ. Кто-то тщательно отиралъ ноги, прежде чѣмъ войти...

Это былъ Оеда. Весь мокрый отъ дождя, съ лицомъ, запорошеннымъ снѣгомъ, онъ долго отряхивался въ прихожей.

— Голубчикъ Оеда, да брось ты это! Входи скорѣе!

Наконецъ, тотъ вошелъ и первый подаль руку.

Рогова удивила переменъ, происшедшая съ нимъ. Всего два мѣсяца былъ онъ женатъ, а уже прежняго, насмѣшливо-шутовскаго выраженія въ лицѣ какъ не бывало. Наоборотъ, Роговъ замѣтилъ въ его манерахъ и глазахъ напускную кротость и елейность, какая встрѣчается обыкновенно въ лицахъ начетчиковъ и всякихъ странниковъ.

— Здравствуйте, Иванъ Захаровичъ! Давно не видалъ васъ, — проговорилъ онъ медленно, почти нараспѣвъ: — не разъ очень желалъ повидаться, да то у самого дѣла, то вы заняты...

„Однако, — подумалъ Роговъ, — какъ его скоро обработали! Изъ парня-зубоскала сталъ совсѣмъ ханжой“!

— Садись, Оедоръ... какъ по батюшкѣ-то звать не знаю, — сказалъ Иванъ Захаровичъ, — а Оедей ужъ и неловко. Ишь, какой ты „сурьезный“ сталъ! Помнишь, это твое любимое слово было.

— Нельзя-съ, Иванъ Захарычъ, сурьезнымъ не быть, — шутливо отвѣтилъ Оедоръ: — мы теперь тоже домохозяева!.. Вѣдь старикъ-то у меня совсѣмъ плохъ. Весь домъ теперь у меня на рукахъ...

— Ты, вѣрно, догадываешься, зачѣмъ я попросилъ тебя придти?

— Вѣрно, насчетъ этихъ дѣловъ на фабрикѣ?

— Именно, именно! Чтò тамъ такое?

— Да дѣло самое простое, — началъ Оеда, и передалъ Рогову почти слово въ слово то, чтò тотъ уже слышалъ отъ фельдшера.

— Ну, и какъ ты полагаешь: можетъ выйти изъ этого что-нибудь серьезное? Свалка, напимѣръ, или поврежденія на фабрикѣ?..

— Очень можетъ выйти и то, и другое, Иванъ Захарычъ. Очень смировцы озлоблены... Да и принять во вниманіе ихъ положеніе: надѣялись на прежнюю плату, землю почти-что не пахали, сдали ее кое-кому за гроши... Въ другія мѣста не пошли... Бѣда имъ чистая подошла, хоть умирай!

— Значить, и тебѣ плохо пришлось? Вѣдь ты теперь на фабрикѣ?

— Мнѣ-то ничего! Меня Зиновьевъ хорошо поставилъ! Мнѣ еще прибавятъ; потому я теперь у Зиновьева и физику, и химию технологическую прохожу... Онъ на дому у себя преподаетъ... А вотъ мелкотѣ—бѣда... чистый зарѣзъ!

— А уговорить ихъ нельзя?

— Да какъ уговоришь-то? Я пробовалъ. Чуть и самого-то не побили! Вѣдь это, Иванъ Захарычъ, еслибъ они изъ головы или по книжкамъ, такъ можно бы уговорить... А ежели это изъ брюха идетъ? Нешто можно голодное брюхо убѣдить, чтобы оно ѣсть не хотѣло?

— Что же дѣлать?

— А ужъ и не знаю!

— А Зиновьевъ ничего не предпринималъ?

— Да говорилъ я съ нимъ, чтобы телеграмму самому хозяину послать. Однако, онъ не хочетъ.

— Отчего же?

— Да хозяинъ во всемъ вѣрить главному управляющему... А потомъ Зиновьевъ говоритъ: „Я въ денежные дѣла не мѣшаюсь! Мое дѣло—техника! Если я въ эти дѣла буду мѣшаться, я буду между двухъ огней: то рабочіе мною будутъ недовольны, то хозяинъ... Пусть улаживаютъ дѣло сами: я, говоритъ, ни совѣтовать, ни хлопотать не согласенъ“. Очень онъ сурьезный господинъ, этотъ Зиновьевъ! Хотя онъ и русскій, а надо полагать—онъ изъ вѣмцевъ или англичанъ...

Роговъ засмѣялся.

— Онъ по матери, дѣйствительно, изъ шведовъ. А ты почему же это подумалъ?

— Да ужъ очень онъ твердъ. Что разъ сказалъ — не своротишь! И говоритъ мало: точно сквозъ зубы процѣдить десятокъ словъ. А скажетъ больше, чѣмъ иной въ цѣлый день. Только умѣй понимать и выкидать. И ежели выкинешь,—видишь, что дѣло онъ сказалъ... Сурьезный господинъ!

— А если послать телеграмму не самому, а дочери,—какъ ты думаешь, поможетъ это?

— Не знаю. Тамъ ужъ толковали объ этомъ, чтобы ее просить. Говорятъ, что отецъ для нея все сдѣлаетъ! А только въ этихъ дѣлахъ, денежныхъ, что-то сумлительно... Не слушаютъ тутъ изняго пола!..

Въ это время на крыльцѣ послышался звукъ шаговъ.

— Это Зиновьевъ, — сказалъ Иванъ Захаровичъ: — я посылаю за нимъ.

— Я посижу! Мы съ нимъ, вѣдь, теперь пріятели!

Въ этой фразѣ, сказанной съ нѣкоторой гордостью, Роговъ увидѣлъ презлаго Оедю, любившаго показывать свое знакомство съ господами.

Оедоръ, говоря, что Зиновьевъ похожъ на нѣмца или англичанина, былъ правъ. Въ переднюю вошелъ, съ электрическимъ фонарикомъ въ рукѣ, длинный человѣкъ, укутанный въ непромокаемый плащъ, съ капюшономъ, закрывающимъ голову. Сразу чувствовалось, что пришелъ человѣкъ, который во всемъ, даже въ костюмѣ, даже въ этомъ фонарѣ, пользуется наукой и новейшей техникой, чтобы оградить себя отъ безчинствъ неразумной природы...

Быстро освободившись отъ плаща, онъ вошелъ въ комнату.

— Зачѣмъ я вамъ понадобился въ такую погоду? — спросилъ онъ довольно дружелюбно, подавая руку Рогову и Оедору. — Впрочемъ, догадываюсь: насчетъ нашей белиберды?

— Да, именно... Я предполагаю сейчасъ послать къ Рахмарову нарочнаго или самому туда побѣхать и убѣдить его послать телеграмму Надеждѣ Николаевнѣ. Такъ хотѣлъ узнать ваше мнѣніе.

— Какое же мое мнѣніе? — спросилъ тотъ, начавъ цѣдить слова сквозь зубы и, какъ показалось Рогову, съ меньшей любовью, чѣмъ былъ предложенъ имъ первый вопросъ.

— Какъ вы думаете, хорошо ли это будетъ? — спросилъ Роговъ.

— Право, не знаю!.. Мнѣ неизвѣстны отношенія отца къ дочери.

— Но согласитесь, что попытаться не мѣшаетъ? Вѣдь если что-нибудь выйдетъ, должны будутъ привести солдатъ, а это — разореніе для деревни...

— Очень вѣроятно... И все-же, самъ я не вмѣшался бы въ это дѣло!

— Почему же? — разгораясь, воскликнулъ Роговъ.

Зиновьевъ сжалъ губы и на мгновеніе сердито взглянулъ въ глаза Рогову.

— По самому простому соображенію: — если телеграмма будетъ имѣть успѣхъ, и требованія рабочихъ удовлетворить, это будетъ исключительный случай, не существующій на другихъ фабрикахъ. Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ барышенъ-меценатовъ, по дудѣ которыхъ пляшутъ отцы фабриканты... Не перебивайте,

выслушайте до конца мое мѣненіе, а спорить я не буду... Итакъ, это будетъ исключительнымъ случаемъ филантропіи этой барышни. Но... филантропія, да еще такая исключительная,—опасна. Она поселяетъ ложныя надежды и, вообще, создаетъ невѣрное пониманіе истинныхъ отношеній капитала къ труду: эти отношенія основаны вовсе не на филантропіи, а на коммерческомъ разсчетѣ... Итакъ, вы обманете массу, поселите въ ней ложную идею и помѣшаете образоваться истинной. Вотъ и весь результатъ!

— Значить, да погибнетъ міръ, пусть умираютъ съ голоду, лишь бы восторжествовала истина!—иронически сказалъ Роговъ. —А главное: какая же это истина? Истина—въ томъ, что филантропическое чувство, т.-е. любовь къ ближнему, свойственно всѣмъ, стало быть, и представителямъ капитала. Надо только умѣть его возбудить въ людяхъ. И въ этомъ, если только смотрѣть по человѣчески, должна быть цѣль всѣхъ порядочныхъ людей, всей интеллигенціи! Это если и не идеаль, то все-же хорошій палліативъ, облегчающій зло чисто-эгоистическихъ и корыстныхъ отношеній между людьми. Это—данный самой природой человѣчеству предохранительный буферъ, безъ котораго люди давно бы съѣли другъ друга. Значить, этотъ случай будетъ не обманомъ, а истиной, которая, какъ и всѣ человѣческія истины, можетъ осуществляться то больше, то меньше. А это ужъ зависитъ отъ нашихъ же усилій, отъ нашего умѣнья усиливать среди людей добрыя чувства, да не раздувать между ними естественной борьбы, которая убиваетъ доброту въ обѣихъ сторонахъ...

— Я уже сказалъ, что спорить не буду. Свои выкладки я дѣлаю на прочномъ фундаментѣ — на постоянномъ стремленіи людей, неизмѣнно имъ свойственномъ, т.-е. на эгоизмѣ ихъ, на разсчетѣ выгоды личной или классовой... Вашего же предположенія о добрыхъ чувствахъ я въ мою формулу допустить не могу; это величина случайная, не постоянная. Не спору: бываютъ случаи, вотъ какъ и этотъ, гдѣ идейно-взвинченная особа можетъ пофилантропствовать. Но это—не правило. Это—исключеніе. И помогать этому исключенію, чтобы оно маскировало въ умѣ людей постоянное правило, значить обманывать, вообще мѣшать истинѣ, мѣшать развитію сознанія въ цѣломъ классѣ людей... Вы больше ничего не имѣете мнѣ сказать? Если нѣтъ, я уйду: у меня есть дѣло.

— Я не имѣю ничего больше. Спорить намъ, дѣйствительно, невозможно: у насъ разные исходные пункты, и каждый правъ съ своей точки зрѣнія. Я остаюсь при своей.

Зиновьевъ вѣжливо подалъ руку ему и Оедѣ, методически сталъ надѣвать свой плащъ, пустилъ свѣтъ фонарика и ушелъ.

— Ну, какъ ты думаешь, Оедоръ, о томъ, что онъ говорилъ?—спросилъ Роговъ.—Правъ онъ или нѣтъ? Что въ людяхъ постояннѣе: корысть и жадность, или жалость и любовь?

— Я такъ думаю, Иванъ Захарычъ, что корысть и жадность, это—пороки въ родѣ болѣзни... Есть такіе люди, конечно, и не мало ихъ! Но человѣкъ—не звѣрь! Злые люди, это—озвѣрѣлые люди, которые жалости не имѣютъ. Только можно довести и хорошаго человѣка и до звѣрства, и до всего. Обидь его, промори голодомъ,—конечно, онъ озвѣрѣетъ и можетъ жалость потерять... Однако, даже закоренѣлые злодѣи, каторжники, и тѣ имѣютъ въ себѣ скрытую искру Божію. Спитъ она до поры, до времени, это дѣйствительно вы сказали: надо умѣть будить ее въ сердцахъ. А это умѣнье—отъ Бога! А можно и заглушить ее. Это умѣнье — отъ діавола! Такъ и въ Евангеліи сказано: тамъ на все отвѣтъ есть и разъясненіе...

— Такъ ты думаешь, хорошо будетъ, если пошлемъ телеграмму?

— Да, кажется, хорошо, Иванъ Захарычъ!.. Я такъ понялъ господина Зиновьева, что мужики поймутъ лучше, гдѣ правда и гдѣ корень бѣды, если Надежда Николаевна не поможетъ. Только это ошибка: вражда будетъ между своими,—смирновцы возненавидятъ веневитинцевъ или слобожанъ, всѣхъ, кто пришелъ добыть себѣ здѣсь хлѣбъ... Возненавидятъ еще главнаго управляющаго, англичанина... Хозяинъ въ сторонѣ останется: далеко, молъ, онъ и не знаетъ ничего!

Прощаясь, Оедя спросилъ:

— А вы знаете, къ Петру Григорьевичу жена пріѣхала?

— Да, сейчасъ мнѣ фельдшеръ сообщилъ. И давно?

— Ужъ дней пять. А вы когда же къ нимъ поѣдете?

— Да надо сейчасъ, чтобы скорѣе телеграмму послать.

Пока Роговъ одѣвался, привели лошадей. Онъ выходилъ уже на крыльцо, чтобы ѣхать, какъ изъ ночной тьмы подскавалъ къ крыльцу верховой.

— Здравствуйте, Иванъ Захаровичъ, не узнали меня?—крикнулъ онъ.—А я къ вамъ отъ барина Петра Григорьевича! Письмо къ вамъ отъ него: очень просятъ пріѣхать. Больная у насъ.

— Да я къ вамъ ѣду. Это ты, Вася?

• — Точно такъ. А я увидѣлъ издали, что вамъ лошадей подаютъ и фонарь вынесли,—испугался, думалъ, въ другое мѣсто куда-нибудь ѣдете.

— А кто у васъ боленъ?

— Да сразу двое: Марья Семеновна, да барышня Ольга Петровна. Вѣдь вы у насъ давно не бывали: не знаете, что пріѣхала старая барыня съ дочкой...

Когда вѣхали во дворъ Рахмарова, стукъ экипажа вызвалъ въ большомъ домѣ движеніе: въ окнахъ забѣгали огни и стеклянный тамбуръ главнаго подъѣзда освѣтился изнутри; широкія двери его открылись, и изъ нихъ высочила небольшая фигура ветхаго старика, въ сѣромъ фракѣ съ металлическими пуговицами. Онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, стараясь защитить ее отъ вѣтра. Но свѣча мгновенно погасла.

— Это докторъ пріѣхалъ?—шамкая, крикнулъ старикъ, послѣ чего съ нимъ сдѣлался припадокъ жестокаго капля.

— Докторъ,—отвѣтилъ ему Федя.

— Такъ, такъ! Вы извольте, батюшка, спервоначалу обогрѣться у Петра Григорьевича, а потомъ къ намъ пожалуйте... Барышня Ольга Петровна очень занемогли...

— Хорошо, хорошо! Сейчасъ буду...

Экипажъ подъѣхалъ къ боковому крыльцу. На его ступеняхъ уже ждалъ Рахмаровъ, безъ шапки, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ. Вѣтеръ трепалъ его полы и развѣвалъ волосы и бороду.

XXIII.

— Ахъ, какъ я васъ жду!—воскликнулъ Рахмаровъ.—Двѣ больныхъ сразу. И еще новость есть!

— Я и самъ ѣхалъ къ вамъ по дѣлу... и дѣло неотложное: выслушайте прежде меня, а потомъ расскажете мнѣ все.

Рахмаровъ принялъ проектъ Рогова о телеграммѣ почти равнодушно, а когда Иванъ Захаровичъ сообщилъ ему мнѣніе Зинovieва, онъ сказалъ:

— Я отъ телеграммы не прочь, но тоже мало вѣрю въ помощь, идущую извнѣ,—только самостоятельность людей можетъ измѣнить ихъ положеніе.

— Да,—отвѣтилъ Роговъ,—но чтобы люди достигли самостоятельности, нужна первоначально помощь извнѣ.

Рахмаровъ не спорилъ, составилъ телеграмму и послалъ.

— А у насъ двѣ новости,—сказалъ онъ:—жена пріѣхала, да Софья Петровна поселилась у насъ; сегодня и ночевала здѣсь. Отецъ, вернувшись изъ города, устроилъ ей такую сцену за поѣздки къ намъ, что она явилась вчера вечеромъ пѣшкомъ, вся

въ слезахъ, и теперь не хочетъ ѣхать домой. Не знаю, чѣмъ это кончится. Несчастливая дѣвушка! Да-съ! И знаете, вы отчасти были причиной этой ужасной сцены.

— Какъ?! Я?

— Лопатинъ, очевидно, мечтаетъ выдать Софью замужъ за васъ, и вотъ, вернувшись изъ города, онъ началъ съ выговора ей за то, что она рано уѣхала и... была настолько нелюбезна съ вами, что вы окончили вечеръ черезчуръ весело.

— Какъ! Эта сплетня уже дошла сюда! Я не ошибся! Но что она должна думать? И что думаетъ Вѣра Павловна?

— Всѣ мы пожалѣли васъ, особенно Вѣра Павловна. Ну, а Софья на васъ сердита... Да и вообще эти планы отца на вашу особу, такъ явно обнаружившіеся въ этомъ объясненіи, едва ли способны расположить ее къ вамъ.

— Боже мой! Но я вѣдь въ этомъ нисколько не виноватъ! Мнѣ и въ голову не приходило!

— Знаю, знаю, но знаю и ее. Она васъ способна возненавидѣть.

— Какъ я покажусь къ ней на глаза! — воскликнулъ Роговъ съ таинмъ отчаяніемъ, что Рахмаровъ, взглянувъ на него, улыбнулся едва замѣтной ласковой улыбкой и сказалъ:

— Все уладится. Вамъ надо сейчасъ же объясниться съ ней. Да и Вѣра Павловна вы должны показаться: она очень тревожилась, что вы не ѣдете. Мы сейчасъ зайдемъ въ школу. Тамъ теперь урокъ руководствъ. Послѣ будетъ опасно: вѣдь неизвѣстно, что у Оли; быть можетъ, скарлатина или дифтеритъ.

Роговъ согласился. Онъ былъ такъ поглощенъ своими личными тревогами, что еще не разспросилъ о болѣзни Марьи Семеновны. О ней напомнилъ самъ Рахмаровъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — что у нея какое-нибудь мозговое страданіе... Съ ней что-то необыкновенное творится... Я вамъ уже говорилъ, что она еще раньше, когда я сообщилъ ей о возможности пріѣзда жены, твердила, что не останется здѣсь, если та пріѣдетъ. Она тогда не вѣрила, что это случится. Но когда я показалъ ей письмо жены, она сильно встревожилась, стала задумчива, плакала, почти ничего не говорила, повторяя только: „Что мнѣ теперь дѣлать? Куда я дѣнусь съ дѣтьми! А здѣсь мнѣ нельзя“!... Сказать вамъ правду, мнѣ стало ее такъ жаль, что и словами этого не выразить! Я даже сталъ убѣждать ее, чтобы она осталась... Но она и слышать не хотѣла. Тогда я предложилъ ей переѣхать пока въ городъ; далъ ей денегъ (занялъ у Севрюгина), и она начала уже укладывать

свои познати, да вдругъ слегла: жаръ, страшная головная боль, что-то въ родѣ бреда... Наканунѣ прїѣзда жены, когда я ужъ получилъ телеграмму, что та въ Варшавѣ, Марья Семеновна, уже совсѣмъ больная, позвала меня къ себѣ и со слезами стала говорить: „Петръ Григорьевичъ, батюшка, не подумайте чего дурного, не примите мои слова за фальшь или хитрость... Побожитесь мнѣ, что ничего дурного не подумаете о моей просьбѣ"... Я побожился. Она попросила, чтобы я ближе подвинулся къ ея кровати, и, взявъ мою голову, наклонила къ себѣ и стала шептать: „Попросите Вѣру Павловну, чтобы она зашла ко мнѣ... Ради Христа! Какъ вы думаете,—придетъ она?“—„Маша, да зачѣмъ же это? Что ты задумала такое?“—спросилъ я испугавшись: мнѣ подумалось, что она хочетъ сдѣлать что-нибудь ужасное, считая Вѣру Павловну главной причиной всѣхъ своихъ бѣдъ. Она угадала мою мысль.—„Вы боятесь, голубчикъ, что я ей что-нибудь худое хочу сдѣлать? Ахъ, Господи, Господи! Богомъ вамъ клянусь, что не тѣ у меня мысли сейчасъ. А поняла я, что я обижала ее напрасно, что была я совсѣмъ какъ сумасшедшая... Хочется мнѣ въ ножки ей поклониться... прощенья у нея попросить... чувствую я, что мнѣ больше не жить... — „Да что ты, что ты,—говорю,—Маша! Пустая болѣзнь, а ты ужъ о смерти думаешь"... — „Нѣтъ, — говорить, — я знаю навѣрное... Я сонъ видѣла... Отецъ ночью приходилъ; а ужъ даромъ не явится"... Надо вамъ сказать, что отецъ ея былъ сосланъ на каторгу за убійство жены изъ ревности... Его тамъ послѣ плетью засѣкли за какую-то дерзость... Вѣрить она ему, какъ Богу...

— Ну, и что же?—перебилъ Роговъ:—передали вы ей просьбу Вѣры Павловнѣ?

— Конечно...

— И та пошла?

— Да, разумѣется... При ихъ встрѣчѣ я не былъ, но Вѣра Павловна до сихъ поръ не можетъ вспомнить объ этомъ безъ слезъ... Вы у нея лучше объ этомъ не спрашивайте... Маша ей рассказала, что на дняхъ нашла у меня въ карманѣ какое-то старое письмо ко мнѣ отъ Вѣры Павловны (вѣдь мы съ ней здѣсь хотя и жили въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, а иногда переписывались). Ну, вотъ, будто бы это письмо ей все и объяснило. Вѣра Павловна говоритъ, что Марья Семеновна и руки ея цѣловала, и называла „святой“, „мученицей"... Теперь та, какъ окончитъ въ школѣ, сидитъ у Марьи Семеновны и ухаживаетъ за ней...

Рахмаровъ замолкъ, а Роговъ подумалъ: „Да, не сразу

узнаешь человѣка“!... Все случившееся было такъ неожиданно для него и носило въ себѣ такой скрытый, глубокий трагизмъ, что Иванъ Захаровичъ забылъ на минуту свою личную маленькую тревогу, и когда Рахмаровъ напомнилъ ему, что нужно отправляться въ школу, его словно холодной водой обдали. Однако, идти было нужно: необходимо нужно что-то сказать Софѣ, чтобы разсѣять ея предубѣжденіе, а быть можетъ, и зарождавшуюся ненависть къ нему. Но ощущенія Рогова, когда они вышли съ Рахмаровымъ и направились къ школѣ, были не изъ пріятныхъ. Ему самому даже мелькнула мысль, что нѣчто подобное должны чувствовать преступники, которыхъ ведутъ на казнь.

Когда Рахмаровъ отворилъ дверь школы, оттуда хлынулъ, вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ лампъ, гулъ дѣтскихъ голосовъ. Этотъ гулъ сразу смолкъ, когда появился незнакомый дѣтямъ человѣкъ. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ и ожиданіемъ.

Роговъ въ первую минуту ничего не видѣлъ: какой-то хаосъ изъ дѣтскихъ глазъ, носовъ и щекъ завернулся передъ нимъ, и среди этого хаоса онъ видѣлъ неподвижно смотрѣвшіе на него два черные глаза, полные такой насмѣшки, что ему хотѣлось провалиться сквозь землю.

Софья Петровна не поднялась къ нему на встрѣчу. Она даже не подняла головы, наклоненной надъ шитьемъ крохотной бѣловолосой дѣвочки. Только одни глаза она подняла на него. Но онъ видѣлъ все ея склоненное лицо: она кусала себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣха.

„И какъ я долженъ быть смѣшонъ!“ — подумалъ Иванъ Захаровичъ. Онъ не замѣчалъ двухъ другихъ глазъ, кроткихъ, добрыхъ, смотрѣвшихъ на него съ жалостью. Вѣра Павловна встала и пошла ему на встрѣчу.

— Здравствуйте, недобрый другъ! — сказала она, протянувъ ему руку. Онъ ухватился за эту руку, какъ утопающій за соломинку, и такъ крѣпко пожалъ, что дѣвушкѣ стоило усилія не вскрикнуть.

— Почему вы считаете меня недобримъ?

— Да вы не были больше недѣли!

Ему стало легче. Первый ударъ грозы, собравшейся надъ его головой, былъ такъ нѣженъ! Оставался другой: нужно было поздороваться съ Софѣей Петровной, а она упорно сидѣла на своемъ мѣстѣ, на третьей скамьѣ, рядомъ съ дѣтьми.

Кланаясь издали, Роговъ сталъ пробираться къ ней между скамьями и стѣной.

А она съ тѣмъ же упорствомъ и жестокостью смотрѣла на него насмѣшливыми глазами; она бы не смогла придумать ему большей пытки! Пробираться подъ огнемъ выстрѣловъ непріятеля было бы ему не такъ мучительно, какъ подъ этимъ взглядомъ, въ которомъ чувствовалось больше, чѣмъ простая насмѣшка: презрѣніе, почти брезгливость.

Наконецъ онъ добрался до нея. Она сжалась и протянула руку, но такъ неохотно, какъ будто это стоило ей большихъ усилій.

— Какъ ваше здоровье? — спросилъ Роговъ, не зная, что сказать.

— Вы видите, я здорова! — почти рѣзко сказала она. — Странная заботливость!

— Я, какъ врачъ... интересовался...

— Да, какъ врачъ... А какъ человѣкъ, вы довольно беззаботны о другихъ.

Ударъ былъ такъ силенъ, что Роговъ стоялъ блѣдный, растерянный; губы у него дрожали. Вмѣшалась Вѣра Павловна.

— Ужасная погода! Воображаю, какъ вы озябли, пока ѣхали сюда!

— Я его согрѣлъ, — сказалъ Рахмаровъ. — Однако, пойдемте къ больной.

— Да, да! — забормоталъ Роговъ: — да, пора!

— Я васъ сейчасъ увижу у Марьи Семеновны, — сказала Вѣра Павловна. — Мы кончаемъ, и я иду туда.

Роговъ и Петръ Григорьевичъ вышли.

— Идите осторожно! — говорилъ Рахмаровъ, освѣщая передъ Роговыми дорогу фонаремъ: — тутъ надо по доскамъ, не то въ грязи утонете... Ну, вотъ, увидите и мою жену.

— А каковы ея отношенія къ Вѣрѣ Павловнѣ?

— Она въ первый же день пріѣзда посѣтила ее и пригласила заняться воспитаніемъ Оли... Я даже и не ожидалъ отъ этой женщины столькихъ подвиговъ! Впрочемъ, ея руководить, конечно, не столько сочувствіе мнѣ или Лядовой, сколько ея гордость оскорблена этой сплетней...

Въ большомъ домѣ все, начиная съ внѣшней обстановки и кончая обычаями, было противоположно вкусамъ и привычкамъ, царившимъ во флигелѣ. Рахмарова встрѣтилъ тотъ же старикъ въ ливрейномъ сѣромъ фракѣ и вызвалъ у него невольную улыбку своей напускной торжественностью, которая до комизма противорѣчила руинамъ стараго дома. Несмотря на то, что доктора ожидали, ему все-таки пришлось посидѣть минутъ десять въ холодной комнатѣ, которую старикъ важно назвалъ „пріемной“.

— Обождите здѣсь, въ пріемной. Я доложу, — торжественно сказалъ онъ, удаляясь въ слѣдующія комнаты.

Въ „пріемной“ стоялъ старинный диванъ краснаго дерева, обитый клеенкой, два такихъ же стула и круглый столъ. Высокіе потолки были когда-то расписаны цвѣтами и амурами, но теперь нѣсколько клочковъ этой живописи едва можно было различить среди огромныхъ зеленовато-рыжихъ пятенъ сырости. Старичокъ оставилъ на столѣ свѣчу, пламя которой колебалось отъ вѣтра, дувшаго въ щели старыхъ оконъ, и едва освѣщало потолокъ и старинные обои, висѣвшіе во многихъ мѣстахъ клочьями. Эти клочья изрѣдка шуршали отъ вѣтра. Шаги старика глухо отдавались въ высокихъ комнатахъ и въ пустомъ верхнемъ этажѣ.

Даже самъ этотъ старый лакей былъ въ своемъ родѣ археологической рѣдкостью: онъ до такой степени былъ переполненъ чувствомъ собственного достоинства и въ то же время благоговѣнія къ своей барынѣ, что каждымъ жестомъ, каждымъ словомъ, вылетавшимъ съ шамканьемъ изъ его беззубаго рта, давалъ вамъ чувствовать свое превосходство въ знаніи правилъ аристократическаго дома... Его сѣрый фракъ съ краснымъ жилетомъ, хотя и былъ старъ до такой степени, что потерялъ весь ворсъ, однако не имѣлъ на себѣ ни малѣйшаго пятнышка. Металлическія пуговицы горѣли; подбородокъ у старика былъ тщательно выбритъ; бѣлые, какъ свѣтъ, бакенбарды расчесаны, виски прилизаны впередъ, а хохолокъ взбитъ вверхъ... Походка съ нестигающимися колѣнами должна была напоминать походку царедворцевъ... Бѣдный старикъ! Онъ жилъ прошлымъ, и эти смѣшныя мелочи помогали ему умирать, не чувствуя окружающихъ развалинъ всего, чѣмъ онъ гордился и чѣмъ жило его внутреннее существо.

Вотъ, слышались его шаги: онъ съ трескомъ раскрылъ высокія двери, сталъ сбоку ихъ и громко выкрикнулъ:

— Пожалуйста въ маленькую угловую гостиную!

Этотъ старческій крикъ раздался странно, какъ крикъ филина, въ высокихъ комнатахъ и повторился жалобнымъ эхо въ верхнемъ этажѣ. Эффектъ былъ необыкновенный: Роговъ вздрогнулъ отъ неожиданности, и у него уже было готово сорваться восклицаніе:

„Чортъ тебя побери! Да не пугай ты такъ, старое чучело!“... Но, конечно, онъ этого не сказалъ.

Угловая гостиная была повтореніемъ „пріемной“; только тутъ собрали всю мебель, оставшуюся въ домѣ; она была разставлена въ углахъ и по срединѣ съ нѣкоторымъ вкусомъ. Окна были тща-

тельно законопачены, и изъ нихъ не дуло; было тепло... Отпавшіе обои были приколочены гвоздиками и не висѣли, какъ въ приемной.

Наконецъ, вышла Рахмарова, ведя за руку румяную, крѣпкую дѣвочку лѣтъ тринадцати. Это была женщина среднего роста; годы ея трудно было опредѣлить: затянутая въ корсетъ, въ черномъ платьѣ, худощавая, она могла издали показаться молодой дѣвушкой... Только вблизи вы замѣтили бы сильно натянутую кожу на лбу и вискахъ, подерашенные брови и волосы, да еще шея, жилистая и худая, выдавала тайну ея болѣе чѣмъ сорокалѣтняго возраста. Посадка головы, величественно откинувшейся нѣсколько назадъ, говорила объ утрированной надменности. Едва коснувшись руки Рогова двумя пальцами, она пригласила его сѣсть, а сама опустилась на диванъ, усадивъ рядомъ дѣвочку. Та положила свою голову на плечо матери.

Рахмарова безъ всякихъ предисловій, коротко и сухо, сказала ходъ болѣзни. Ни одного слова лишняго, которое выдавало бы ея опасенія!

Роговъ осмотрѣлъ больную, послушно показавшую ему свое больное горло, сказалъ, что ничего опаснаго нѣтъ, и посоветовалъ домашнія средства.

— Я сама была въ этомъ увѣрена. Но въ такихъ болѣзняхъ нужна осторожность... Если хотите прописать что-нибудь, здѣсь готово все для рецепта...

— О, нѣтъ! Она не нуждается въ латинской кухнѣ!

— Больше ничего не нужно?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ, и ждалъ, не начнетъ ли она какого-нибудь посторонняго разговора, какъ водится вообще у пациентовъ, особенно провинціальныхъ; но она, вставъ, проговорила:

— Я не смѣю васъ задерживать... У васъ больные...

Опять она ему протянула два пальца, не наклоняя головы.

Дѣвочкѣ она сказала:

— Поблаговари же доктора!

— Спасибо!—отвѣтила та, улыбаясь ему дружески и протянувъ свою сильную, большую руку. Тутъ только ему бросилось въ глаза ея поразительное сходство съ отцомъ.

Въ передней старикъ подаль на подносѣ конвертъ.

— Передайте барынѣ, что я земскій врачъ, я получаю жалованье за свое леченье...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ подъѣзда, онъ увидѣлъ Рахмарова, выходившаго къ нему изъ-за угла со своимъ фонаремъ.

— Да неужели вы здѣсь ждали меня столько времени? На вѣтру?!

— О, мнѣ вѣтеръ—дѣло привычное... Нельзя же было васъ заставить идти въ темнотѣ... Ну, какъ она? Что у нея? Не дифтеритъ?—спрашивалъ онъ.

Роговъ успокоилъ его.

— Ну, и отлично! А теперь, если позволите, поидемъ прямо къ Марьѣ Семеновнѣ. Кстати, обратите вниманіе на Вѣру Павловну. Она двое сутокъ почти совсѣмъ не спала, возясь съ больной. Вы убѣдите ее непременно пойти и заснуть. Какъ бы она не захворала.

Рахмаровъ повелъ Рогова по знакомой аллеѣ парка, поддерживая слегка подъ-руку по скользкой и грязной дорожкѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ спросилъ:

— Ну-съ, какое же впечатлѣніе вы вынесли отъ этой дамы?

— Я ее, признаться сказать, совершенно не понялъ. Для чего она играетъ роль такой сухой, величественной королевы?

— Подите же! И увѣрю васъ, что и она—не дурной человекъ: она васъ такъ быстро освободила потому, что знаетъ о болѣзни Марьи Семеновны. Всѣ эти нелѣпныя, скучныя чудачества—плоды воспитанія въ глупой семьѣ!

XXIV.

Стоя передъ дверью, въ которую слегка постучалъ Рахмаровъ, и ожидая, что вотъ ее сейчасъ отворитъ Вѣра Павловна, Роговъ почувствовалъ, что никогда и никто не былъ ему такъ дорогъ и близокъ душевно, какъ она.

Дверь отворилась, и Вѣра Павловна впустила ихъ. Роговъ совершенно безсознательно поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и горячо поцѣловалъ.

— Ну, что больная?

— Да по прежнему. Сейчасъ она заснула. Я эти дни мѣрила и записывала для васъ ея температуру.

Она подала ему бумажку съ цифрами.

— Ну, не будемъ ее будить пока,—шопотомъ сказалъ Роговъ, и сталъ разспрашивать Вѣру Павловну о симптомахъ, а самъ всматривался въ ея поблѣднѣвшее лицо съ припухшими отъ бессонныхъ ночей глазами. Разспросивъ обо всемъ, онъ сталъ убѣждать ее оставить на время больную и пойти отдохнуть.

— Вы сами можете заболѣть.—Онъ взялъ ея руку и считалъ пульсъ.

— Я себя отлично чувствую! И спать совсѣмъ не хочется!—весело сказала она.

Едва-едва удалось уговорить ее.

— Я васъ провожу,—сказалъ ей Рахмаровъ.—Больной будетъ нуженъ ледъ?

— Достаньте непременно!—сказалъ Роговъ.

— Мы не успѣли поговорить,—сказала Вѣра Павловна.—Ну, да, надѣюсь, скоро увидимся.

Оставшись одинъ, Роговъ въ первый разъ почувствовалъ утомленіе отъ тѣхъ волненій, которыя ему пришлось сегодня пережить. Онъ съ наслажденіемъ вытянулся на стулѣ. За занавѣской слышалось неровное, тяжелое дыханіе больной. Изъ-за печи въ сосѣдней комнатѣ доносился унылый крикъ сверчка. Послышался слабый голосъ:

— Вѣра Павловна, матушка!

— Не пугайтесь,—сказалъ Роговъ:—это я, докторъ.—Онъ поднялся и пошелъ къ ней.

— Спасибо, что пріѣхали,—заговорила Марья Семеновна едва слышно.

Она сильно исхудала, и отъ этого черты ея лица утончились, стали нѣжнѣе и мягче. Большіе сѣрые глаза увеличились отъ худобы и дѣлали лицо почти красивымъ. Роговъ подумалъ, что она могла быть почти красавицей въ то время, какъ Рахмаровъ познакомился съ ней.

Послѣ разспросовъ доктора и обычныхъ выстукиваній онъ сказалъ ей, что опасности нѣтъ, но придется полежать. Это ее испугало.

— Голубчикъ, докторъ,—поставьте меня на ноги поскорѣе! Не для себя прошу! По мнѣ, еслибы и умереть, такъ даже очень хорошо!

Она заплакала.

— Не волнуйтесь! Не разговаривайте, это вамъ вредно,—сказалъ Роговъ.

— Нѣтъ, ужъ вы дайте мнѣ все сказать! Мнѣ потомъ легче будетъ. Какъ камень лежитъ у меня на совѣсти великій мой грѣхъ передъ Петромъ Григорьевичемъ и Вѣрой Павловной! Некому мнѣ сказать, кромѣ васъ. Имъ самимъ не смогу сказать! Пробовала, начинала... Не могу! А вы имъ послѣ расскажете все... вамъ я могу! Вы—хорошій, добрый,—поймете и простите!

И опять она стала плакать, а онъ убѣждалъ ее отложить разсказъ.

— Если теперь не скажу,—никогда не скажу. Вотъ слушайте: вѣдь я его до того довела, что онъ запивать сталъ! Это Петръ-то Григорьевичъ! Можете ли вы повѣрить этому! Ужъ въ какой я передѣлкѣ его видѣла, какъ жили на чужой сторонѣ, а и въ голову ему не приходило... насчетъ вина... Тутъ же, когда я ему за школу скандалы дѣлать начала, замѣчаю: пахнетъ отъ него водкой, и рѣчь стала бессвязная. Да все чаще и чаще... И ни капельки мнѣ тогда его не жалко было, и даже радость злая, что онъ мучится! Пусть, молъ, совсѣмъ сопьется! Не доставайся никому, ежели ты не мой!.. Да что я не то говорю!.. Это я кругомъ да около хожу...

Она помолчала, а потомъ сразу и быстро зашептала:

— Вѣдь я подписала бумагу о немъ северную... къ жандармамъ!—пробормотала она и, упавъ на подушки, стала метаться и биться въ конвульсивныхъ рыданіяхъ, изрѣдка выкрикивая:— Лопатинъ уговорилъ. И чего онъ только не взвелъ тамъ на него! И обо мнѣ было написано, что онъ меня дѣвчонкой соблазнилъ, и все это вздоръ! Мой старшій мальчикъ не его! А онъ его наравнѣ съ другими любилъ! Вотъ какой это человекъ! А что я противъ него сдѣлала! Можетъ быть, погубила его въ конецъ! Что ему и Вѣръ Павловнѣ еще будетъ за эту бумагу! Кабы я тогда знала да вѣдала! Все не вѣрила ему!

У Рогова готовы были вырваться упреки и порицанія, но, видя, какъ она мучится, ломая свои исхудалыя руки, онъ сдержался и попробовалъ даже отвлечь ея мысли въ другую сторону.

— А какъ же вы, Марья Семеновна, увѣрились, что были неправы?—спросилъ онъ.

— А разъ украла я у него, у соннаго, письмо изъ кармана, отъ Вѣры Павловны. Вотъ тутъ-то я и узнала всю правду! Она ему писала, что очень жалѣетъ меня, и что я не изъ корысти его ревную, и просить его, чтобы онъ меня любилъ даже больше прежняго, что я заслужила его любовь... И много еще писать, что ей ничего не страшно, а жаль меня, да ребятокъ, да школы... И тутъ все приписываетъ объ ихъ дѣлахъ между собой... Тутъ я все, всю свою слѣпоту уразумѣла. А бумага-то ужъ была послана... Охъ, горе мое! Мука моя мученская! Что я надѣлала, океанная!?

Она больше не плакала, но стала метаться еще сильнѣе.

— Не говорите больше,—сказалъ Роговъ:—они не осудятъ

васъ: раскаяніе ваше все искупаетъ... Я имъ передамъ, и увѣренъ, что они поймутъ, какъ и я...

— Не буду, не буду!—зашептала она покорно.—Только поставьте меня на ноги скорѣе. Я надумала уйти отсюда... Вы не повѣрите, какъ онъ мучится съ тѣхъ поръ, какъ барыня пріѣхала съ Олей... Онъ Олю до безумія любить! А тутъ я подъ бовомъ живу! Онъ ничего не говоритъ, а я чувствую, онъ боится, что Оля услышать можетъ обо мнѣ... Вы замѣтили ли, что онъ точно виноватый сталъ? И голосъ у него другой сталъ, и какъ-то онъ осунулся весь... и все торопится говорить, словно оправдывается. Я все чувствую... Нельзя мнѣ оставаться здѣсь... при Олѣ.

Слезы опять покатались у нея по щекамъ.

— И надо это скорѣе! И вы сдѣлайте, докторъ, чтобы я скорѣе встала... или бы ужъ померла...

— Куда же вы уйдете?

— А скажу, что на богомолье иду по обѣту! Да я и точно обѣтъ дала... Ну, а тамъ найду себѣ мѣсто; вѣдь у меня дипломъ... При земствѣ гдѣ-нибудь... А онъ тѣмъ временемъ отвыкнетъ отъ меня... А любовь его давно прошла! Ужъ очень я его мучила! Убила я его любовью! Ему лучше будетъ, что я уйду. Вѣдь онъ какъ мучится-то! Разъ пришелъ выпивши и не удержался: рассказалъ мнѣ, что Оля ему говорила: „Папочка, молю, отчего ты со мной такой добрый, ласковый, а съ мамой совсѣмъ не такой? Милый, молю, папа, будь съ мамой такимъ, чтобы мнѣ хорошо и весело было“! Самъ это мнѣ рассказываетъ, да вдругъ какъ заплачетъ, словно ребенокъ малый... Въ первый разъ во всѣ тринадцать лѣтъ видѣла я, какъ такой сильный мужчина плачетъ!

— Однако, довольно, довольно вамъ говорить! Лежите смирно... Я вамъ дамъ сейчасъ капель, вы и успокоитесь; постарайтесь опять заснуть,—ласково сказалъ Роговъ.

Марья Семеновна приняла капли, вынутыя изъ дорожной аптечки Рогова, и заснула.

Онъ опять сѣлъ у стола, раздумывая о той драмѣ, которая невидимо для глазъ окружающихъ происходитъ въ душѣ этой женщины, а еще сильнѣе—въ душѣ этого могучаго съ виду человека, котораго всѣ считали развратникомъ.

Вотъ, слышались и его шаги на крыльцѣ. Войдя въ комнату, онъ шопотомъ спросилъ:

— Еще спать?

— Просыпалась и опять заснула.

— А я долго ходилъ за льдомъ. Ключъ отъ ледника едва нашли. Всѣ пьяны въ лоскѣ! Самъ лазилъ, да едва не свалился.

Роговъ припомнилъ слова Марьи Семеновны о его униженности и болтливости. Да, въ немъ была непріятная перемена, суетливость какая-то.

Они сѣли около стола и долго молчали оба.

— Сколько жизней разбито!—заговорилъ Рахмаровъ задумчиво.—Есть пословица: „еслибы зналъ, гдѣ упадешь, соломки бы подостлалъ“!.. Отчего же это такъ все выходитъ: мечтаешь всю жизнь о счастьѣ человѣчества, готовъ умереть за него, а кругомъ себя создаешь страданія... и чьи? Самыхъ дорогихъ и близкихъ людей! Это какое-то проклятіе! Иногда я думаю, что виноваты въ этомъ шестидесятые годы, съ ихъ идеями о свободѣ чувства...

— Ну, а до шестидесятихъ годовъ—что было вотъ въ этихъ вашихъ палатахъ, когда ваша бабушка или мать изнывали въ своихъ одинокихъ спальняхъ отъ непрерывныхъ слезъ, зная, что творятъ ихъ супруги! А что теперь творится вездѣ?! Я разъ такую же мысль высказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, и она вотъ что мнѣ отвѣтила: „Шестидесятые годы, это—пробужденная совесть русскаго человѣка! Другіе дѣлаютъ въ миллионъ разъ хуже того, въ чемъ съ Рахмаровымъ случилось несчастье, но никто не кается, а считаютъ это своимъ правомъ, гордятся этимъ“. Бѣдой же такія исторіи становятся только для людей съ такой совѣстью, какая вложена въ васъ именно идеями шестидесятихъ годовъ...

Послѣдовало долгое молчаніе.

Вдругъ въ ночной тишинѣ ясно донеслись до слуха бесѣдующихъ звуки почтового колокольчика... Слышишь, ближе... скоро можно было различить, что звенѣлъ не одинъ колокольчикъ, а цѣлыхъ три.

— Кто это? Вѣдь это къ намъ?—сказалъ Рахмаровъ.—Здѣсь нѣтъ никакой проѣзжей дороги.

Колокольчики были совсѣмъ близко и, наконецъ, замолкли.

— Къ намъ!—повторилъ онъ.—остановились у шволы.

Въ эту минуту изъ-за занавѣски раздался страшный, нечеловѣческій крикъ Марьи Семеновны:

— Это они, они! Ахъ, я проклятая!.. Проклятая!...

Было слышно, какъ она заскрежетала зубами и стала биться на своей кровати.

Роговъ бросился-было къ ней, но, взглянувъ въ лицо Рах-

марова, остановился: оно было блѣдно. Видимо, Петръ Григорьевичъ все понялъ...

— Неужели этотъ негодяй Лопатинъ? — растерянно спросилъ онъ у Рогова.

Тотъ, молча, кивнулъ головой.

— Я иду туда!.. Олю испугаютъ... — сказалъ Рахмаровъ. — Да и Вѣра Павловна! Ахъ, бѣдная, бѣдная!

Онъ суетливо сталъ искать шапку, которая была тутъ же на столѣ.

Въ дверь постучали.

Это былъ Вася, перепуганный и блѣдный.

— Пожалуйте, Петръ Григорьевичъ! Тамъ какіе-то чиновники прѣехали на трехъ тройкахъ. Спрашиваютъ васъ и Вѣру Павловну...

За занавѣской, гдѣ лежала Марья Семеновна, снова послышался вопль:

— Это я, я сдѣлала! Проклятая!

XXV.

Роговъ всю ночь не отходилъ отъ Марьи Семеновны. У нея начались припадки, которые онъ опредѣлилъ, назвавъ истеро-эпилептическими, но какъ остановить — не зналъ: ее выгибало дугой, причемъ она упиралась на постель головой и ногами; глаза были закрыты; сознание отсутствовало...

Начало уже разсвѣтать, и слабый свѣтъ утра, врываясь въ окно, мѣшался съ поблѣднѣвшимъ свѣтомъ лампы.

Наконецъ, припадки кончились, и измученная женщина впала въ забытье, похожее на глубокій сонъ.

Роговъ вышелъ изъ-за занавѣски, погасилъ лампу, присѣлъ къ столу и, думая о томъ, что теперь происходитъ въ усадьбѣ и школѣ, задремалъ. Его разбудилъ легкій стукъ снаружи.

Тихо пройдя къ двери, Роговъ отворилъ ее. На крылечкѣ стояла Софья Петровна, укутанная въ пледъ. При блѣдномъ свѣтѣ пасмурнаго утра онъ увидѣлъ потемнѣвшее, осунувшееся лицо; глаза, окруженные синевою, казались впавшими; они смотрѣли сердито, а въ то же время въ нихъ была невыразимая тоска...

— Я не войду, — сказала она сухо: — я — на два слова: посоветуйте, что теперь мнѣ дѣлать?.. Онъ уѣхалъ... Она черезъ нѣсколько часовъ тоже уѣзжаетъ въ губернской городъ хлопотать за него... Какъ мнѣ оставаться здѣсь?.. Невозможно!

. — Зачѣмъ ей ѣхать, да еще сейчасъ же? — сказалъ онъ, выходя на крыльцо и затворивъ за собой дверь. — Все устроится и безъ нея. Это, вѣроятно, формальность... Онъ объяснить и вернется дня черезъ три...

— Съ ней нельзя говорить... Твердить одно: „Нельзя терять ни минуты, ни минуты“! Она желала видѣть васъ передъ отъѣздомъ... теперь, кажется, спитъ—заперлась.

— Что же мы тутъ стоимъ? Зайдите въ комнату, — сказалъ Роговъ. — Надо серьезно подумать, что дѣлать вамъ? Вернуться домой?

— Ни за что!.. Послѣ того, что онъ сдѣлалъ! Никогда! — Она говорила объ отцѣ. — Не можете ли вы пойти со мной въ школу — тамъ поговоримъ. Кстати, что съ этой женщиной?

— Припадки, въ родѣ падучей... Теперь она спитъ... Оставить ее нельзя.

— Я все-же не зайду къ ней! Не могу! Я ее ненавижу! Въ двухъ словахъ скажу мой планъ: нельзя ли вамъ переговорить съ женой Рахмарова? Объясните ей все. Пока не вернется Вѣра Павловна, пусть она возьметъ меня къ дочери гувернанткой, бонной... чѣмъ хочеть!.. пока я чего-нибудь не придумаю... Она предлагала что-то подобное Вѣрѣ Павловнѣ.

— А Вѣра Павловна вернется сюда?

— Непремѣнно... Впрочемъ, если ничего не удастся въ губернскомъ городѣ, проѣдетъ въ Петербургъ... Такъ вы придете къ ней?

— Да. Надо прислать кого-нибудь къ больной.

— Я пришлю Машу, если пойдетъ. Пойдите... нужно было сказать еще что-то... Но я еще подъ впечатлѣніемъ того, что пережила... Я не могла заснуть, не могла оставаться одна...

— Посидимъ здѣсь, на крылечкѣ. Я надѣну пальто... Поговоримъ...

Скоро онъ вернулся и сѣлъ рядомъ съ ней на лавку.

Софья долго молчала и вдругъ рѣзко проговорила:

— Да, Лядова его очень сильно любить, — это теперь для меня ясно: ея сумасшедшій отъѣздъ...

— Конечно, любить, какъ человѣка, какъ брата, который столько перестрадалъ... А теперь вновь... это ясно.

— Вы это серьезно думаете? — спросила Софья.

— Для чего же бы я говорилъ вамъ это, еслибы думалъ иначе?

— Чтобы успокоить меня, — рѣзко сказала она.

— Мнѣ и въ голову не пришло, что васъ можетъ такъ сильно тревожить вопросъ, въ сущности, вовсе не важный.

— Нѣтъ, это важно для меня,—рѣзко сказала она:—если она любить его, какъ любовника, то весь ореолъ, которымъ я окружила ихъ обоихъ,—отвратительная ложь! И я ихъ обоихъ готова возненавидѣть! Я теряю вѣру въ людей!

— Я васъ не понимаю!.. Ну, а если даже она его любитъ такъ, какъ вы думаете, — отчего тутъ разочаровываться въ людяхъ? Развѣ онъ не стоить любви? Конечно, вы не думаете, что тутъ было что-нибудь больше молчаливаго, затаеннаго чувства?

— Да, не думаю... Она... не рѣшилась бы на это... по своей дряблости и трусости! И не это мнѣ теперь важно!..

— Такъ объясните, въ чемъ дѣло?—спросилъ Роговъ, все больше изумляясь и чувствуя раздраженіе противъ нея.

Она не отвѣтила, презрительно улыбулась и смотрѣла вдаль, кусая губы.

Роговъ видѣлъ въ профиль ея лицо, на которомъ выражалась вражда, почти злоба... И однако, никогда это лицо не казалось ему такимъ прекраснымъ, какъ теперь... Бываютъ лица, красоты которыхъ не знаешь, пока видишь ихъ добрыми или веселыми. Ихъ начинаешь понимать только тогда, когда увидишь въ нихъ совершенно противоположныя чувства... „Таково должно быть лицо Меден или лэди Макбетъ,—подумалъ Роговъ.—Да, въ этой дѣвушкѣ должна быть недюжинная сила, но жестокая!.. И какъ все въ ней спутано! Что изъ нея выйдетъ“?

— Вы думаете,—онъ скоро вернется? — спросила она неожиданно, послѣ долгаго молчанія.

— Я въ этомъ увѣренъ. Онъ все объяснитъ и вернется.

Роговъ пристально слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, и замѣтилъ на немъ не радость отъ этихъ словъ, а почти отчаяніе...

„Что такое происходитъ въ ней?—думалъ онъ.—Ей не хочется, чтобы онъ вернулся... Она боится этого! Любитъ она его, что-ли? И боится своего чувства? Не понимаю“!

— Вотъ что: вы не хлопчите у Рахмаровой о мѣстѣ для меня. Я вернусь къ отцу... Мнѣ здѣсь оставаться не слѣдуетъ... Но и тамъ... Боже мой!.. Я не могу туда! Я не могу видѣть отца!

— Да, васъ ожидаютъ крупныя неприятности!

— Я этого не боюсь... Но я ненавижу его, презираю!.. И жить у него! Однако, это рѣшено...

Она встала.

— Но не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ? Уговорить отца отпустить васъ куда-нибудь... въ Москву, въ Петербургъ...

— Объ этомъ и думать нечего! Онъ не дастъ на это ни гроша! Я знаю...

— Быть можетъ, я что-нибудь придумаю другое, — бормоталъ Роговъ.

— Вы? Я вамъ теперь не вѣрю, послѣ того, какъ вы вели себя въ городѣ. Что вы за человѣкъ? Какъ вы не подумали, что сплетники свяжутъ это со мной? Хорошій вы другъ, нечего сказать!.. Можно разсчитывать на такого человѣка!

— Передъ вами я виноватъ совершенно невольно! Я никогда не пью! Требовали, чтобы я выпилъ... У меня нѣтъ умѣнья отказываться...

— И, конечно, требовалъ слѣдователь Морозовъ! Это ему было нужно, чтобы первому же пустить обо мнѣ сплетню!.. Вы, вѣроятно, уже знаете все. Онъ каждому говоритъ, что я погубила его своимъ отказомъ и, конечно, еще многое другое разсказываетъ объ этомъ князѣ и всю эту грязь! И вы это слушали и молчали! И мало того, что слушали: вы, вы, общавшій мнѣ быть моимъ другомъ, помогать мнѣ, — вы съ нимъ пили послѣ всего, что онъ говорилъ обо мнѣ! Нѣтъ, это просто ужасно!.. Что это за люди! Какія грязныя тряпки!

Она обернулась къ нему и смотрѣла прямо въ его глаза съ такимъ презрѣніемъ, что онъ не могъ выдержать ея взгляда...

Затѣмъ она быстро пошла отъ него, не подавъ руки, даже не простившись.

Онъ не нашелъ ни одного слова въ свое оправданіе и сидѣлъ, какъ пришибленный. Ему хотѣлось броситься вслѣдъ за ней, объяснить что-то... Но что же объяснить онъ? Все, что могъ, — онъ уже сказалъ! И ея рѣшеніе, что онъ такая же грязная тряпка, какъ всѣ окружающіе людишки, вырвалось у нея послѣ его оправданій...

„А можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ таковъ? — думалъ онъ, съ тоскливымъ, холоднымъ нытьемъ въ сердцѣ. — Развѣ и раньше не приходило мнѣ самому этого въ голову? Но неужели же слѣдуетъ на себя крестъ поставить и махнуть на себя рукой? За одну-двѣ ошибки! Вѣдь ужъ не такъ же я плохъ, чтобы не могъ стать лучше? Вѣдь мучаетъ же меня это! И чѣмъ я, собственно, гадокъ?.. Да, я — тряпка, безвольность! Всякій можетъ мной вертѣть! Нѣтъ своего, устойчиваго „я“! Это отвратительно дѣйствуетъ на женщинъ, — эта безличность, тряпичность! Онѣ ищутъ характера! Неужели нельзя его выработать въ себѣ“?!

И опять онъ подмѣтилъ, что думаетъ о выработкѣ себя въ связи съ желаніемъ стать выше въ глазахъ „женщины“. Отъ этого онъ еще больше сталъ противенъ себѣ.

Войдя въ комнату, онъ нашелъ Марью Семеновну въ томъ же состояніи, и снова сѣлъ у стола.

„А почему же дурно, что я думаю о работѣ надъ собой въ связи съ женщиной? Развѣ не женщины поднимаютъ насъ? Развѣ онѣ не лучше насъ? Такъ и должно быть! Объ этомъ не нужно жалѣть! Намъ у нихъ многому учиться нужно... Только зачѣмъ она такъ жестоко меня ударила?.. А развѣ я почувствовалъ бы такъ ясно свою пошлость, еслибы она сказала мягче? Нѣтъ, спасибо ей надо сказать, а не бранить ее, какъ Морозовъ. И ему она отвѣтила жестоко. Но онъ не понялъ! Не пойду я по его дорогѣ! Буду работать надъ собой“!..

Роговъ почувствовалъ, что уныніе, близкое къ отчаянію, спадаетъ съ него, — что ему стало легче: да, онъ будетъ слѣдить за собой, работать надъ собой! „И пусть даже это будетъ ради Софьи! Вѣдь никто не знаетъ своихъ недостатковъ, пока случай на нихъ не натолкнетъ или такой чуткій человѣкъ, какъ она! Спасибо ей! И она увидитъ, что я воспользовался ея урокомъ“...

У него на душѣ стало почти хорошо, а вмѣстѣ съ тѣмъ мысль перешла отъ самого себя къ Рахмарову и его положенію. „Ему очень можетъ помочь, если Марья Семеновна письменно отречется отъ того, что написала! Какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову?! Вѣра Павловна можетъ взять съ собой этотъ документъ“.

И онъ нетерпѣливо сталъ ожидать, когда больная проснется.

Л. Оболенскій.

НОВАЯ КНИГА

О

ФРАНЦИИ

Emile Faguet, *Le Libéralisme*. Paris, 1902.

Альфредъ Фулье, въ своей книгѣ о психологiи французскаго народа (1898 г.), опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ свойства французскаго ума: живость, подвижность, необычайная отзывчивость и ясность пониманiя, вслѣдствiе чего французъ бываетъ чрезвычайно общителенъ и пристращается ко всѣмъ разумнымъ общечеловѣческимъ идеямъ. Фулье затрогиваетъ мимоходомъ и вопросъ, возбуждаемый недоброжелателями французовъ (de Bella, Nordau) о вырожденiи французскаго народа, но онъ обходитъ этотъ вопросъ, закрывая глаза и отдѣлываясь отъ него замѣчанiемъ: „хуже всего для народа, если онъ самъ себя внушаетъ (autosuggestion), что онъ въ упадкѣ, — отъ частаго повторенiя онъ можетъ получить головокруженiе и упасть, онъ можетъ почувствовать въ себѣ влеченiе къ самоубiйству“. — Всѣми блистательными, указанными Фулье, качествами французскаго ума обладаетъ несомнѣнно Эмиль Фаге (Faguet), родившiйся въ 1847 г., членъ „Французской Академiи“ съ 1900 г., лучший нынѣ французскiй критикъ и историкъ литературы. Фаге, вмѣстѣ съ тѣмъ, — и публицистъ. Онъ рѣшился повѣдать мужественно и храбро своему народу, что онъ спускается внизъ по наклонной плоскости въ своемъ общественномъ быту и въ политикѣ. Фаге чувствуетъ, что онъ

одинокъ, что онъ убѣдить весьма немногихъ. Онъ не волнуется, излагаетъ свои убѣжденія спокойно, но откровенно и рѣзко. Прямолинейность его логическихъ выводовъ такова, что многія изъ нихъ могутъ показаться парадоксальными. Книга его написана въ августъ и сентябрь 1902 г. Въ ней отражаются, конечно, и послѣднія событія внутренней политики французской, преслѣдованіе духовныхъ римско-католическихъ конгрегацій и лишеніе ихъ права воспитанія юношества и школьнаго преподаванія, чѣмъ Фаге возмущенъ совсѣмъ не какъ римскій католикъ, но только какъ свободомыслящій человѣкъ. Заглавіе его книги объясняетъ и личную его точку зрѣнія по отношенію къ предмету сочиненія: онъ — чистый *либераль*, безъ всякой иной примѣси, то-есть поборникъ всякой разуму соотвѣтствующей свободы, которая человѣку не прирождена по его натурѣ, но до которой онъ постепенно доработывается въ обществѣ.

Фаге относится скептически къ новой наукѣ соціологіи, но онъ по принципу противникъ теорій, раздѣляемой большинствомъ трудящихся надъ созданіемъ этой науки ученыхъ, которые основываютъ ее на *зоологической* идеѣ, то-есть на предположеніи, что человѣческое общество не похоже на рой пчелъ или на муравейникъ, а есть живое существо, въ которомъ единичные люди — только отдѣльныя клѣточки. Самъ Гербертъ Спенсеръ, сначала много строившій на этой аналогіи общества съ животнымъ организмомъ, отрѣшился отъ этихъ лѣсовъ, дошедши посредствомъ ихъ до нѣкоторыхъ соціологическихъ индукцій, которыми и ограничился. Человѣкъ есть такое же общежительное животное, какъ пчелы или муравьи; отъ своего рожденія онъ — существо безвольное или, по крайней мѣрѣ, безконечно послушное и всякому деспотизму податливое, но постепенно дѣлается свободнѣе потому, что приобщается къ общей работѣ своего муравейника посредствомъ своей воли. Никакихъ прирожденныхъ правъ человѣкъ не имѣетъ, но у него есть многочисленныя потребности, которыя удовлетворяются посредствомъ группировки въ безчисленные союзы начиная съ семьи, страны, племени и доходя до наивысшихъ нынѣ обобщеній, называемыхъ государствами. Причину, вызывающую образованіе всякаго государства, составляетъ неодолима потребность самозащиты общими силами противъ внѣшняго врага. Формы первоначальнаго проявленія его весьма разнообразны. Оно зарождается или вслѣдствіе завоеванія, или вслѣдствіе взаимнаго сращенія частей, иногда даже посредствомъ договора, но, разъ бывъ создано, оно уже продолжаетъ существовать изъ опасенія передъ внѣшнимъ врагомъ; опасеніе же такое основано на

томъ, что человѣкъ вообще не миролюбивое существо, а боевое и расположенное къ завоеваніямъ. Эта воинственность порождаетъ сознаніе *отечества*. Франція обязана тѣмъ, что она стала отечествомъ, — англичанамъ въ XIV столѣтіи. Людовикъ XIV и Наполеонъ I создали отечество германское. Зарожденіе государства совпадаетъ съ образованіемъ среди народа его правительства. Фаге заключаетъ правительство государства, относительно предметовъ его дѣятельности, въ крайне узкія границы. Кругъ его дѣятельности исчерпывается внѣшнею защитою и водвореніемъ матеріальнаго внутренняго порядка, — значить, войскомъ, полиціею, судопроизводствомъ и необходимыми для этихъ функцій денежными средствами — финансами. Ставя это положеніе, Фаге сильно ошибается; онъ смѣшиваетъ настоящее съ будущимъ, современную дѣйствительность — съ идеаломъ государства, каковымъ оно, вѣроятно, будетъ современемъ. Ни одно изъ центральныхъ теперешнихъ государствъ не можетъ обойтись безъ вмѣшательства правительства во всѣ области жизни общественной, даже въ отношенія экономическія, школьныя и религіозныя; оно не можетъ быть равнодушнымъ, когда народъ значительно отстаетъ отъ другихъ въ этихъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, однако, что народы объединяются нынѣ все въ большія и большія массы, не однородныя по составу своего населенія; что по мѣрѣ того самое сосредоточеніе властей становится труднѣе; что центральная власть должна стремиться къ федеративному политическому устройству, ограничивать себя прямыми своими задачами, развивать мѣстное самоуправленіе до крайнихъ его предѣловъ, передать ему все остальное, прямо къ нему не относящееся, и оставаться по этому остальному только при своемъ наблюдательномъ верховномъ контролѣ и надзорѣ. Сдѣлавъ такую оговорку, мы можемъ стать на точку зрѣнія Фаге и слѣдить за его разсужденіями.

Исходную точку разсужденій Фаге составляетъ незаконченная еще драма великой французской революціи, начавшаяся у порога XIX вѣка, которой послѣднія дѣйствія уже въ XX в. отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что она въ началѣ XVIII в. волновала всѣ народы европейскіе, а нынѣ мало кого внѣ Франціи интересуетъ; внутри же Франціи она получаетъ значеніе болѣе и болѣе трагическое. Вызвана была французская революція большими неудобствами для народа, достигшаго высокой культуры, отъ монархическаго деспотизма Бурбоновъ, который, устроившись на обломкахъ средневѣковаго феодализма, не упразднилъ ихъ и, сверхъ того, самъ по себѣ былъ тягостенъ и не удовлетворялъ назрѣвшихъ въ народѣ потребностей равенства людей и личной ихъ

свободы. До сихъ поръ продолжается въ законодательныхъ собраніяхъ Франціи борьба двоякаго рода началъ, столь несогласныхъ между собою, какъ огонь и вода, началъ *либеральныхъ*, которыхъ родоначальниками были преимущественно философы французскіе XVIII вѣка, и въ особенности Монтескьё, и началъ *якобинскихъ*, главнымъ сѣятелемъ которыхъ былъ Ж.-Ж. Руссо. До сихъ поръ разбираются французами, со ссылками на статьи, два манифеста или деклараціи о правахъ человѣка—конституціоннаго собранія 1789 и конвента 1793 года. Фаге отрицаетъ существованіе прирожденныхъ правъ человѣка по отношенію къ обществу и правительству, но допускаетъ, что могутъ быть узаконены права гражданина, принадлежащія каждому изъ составляющихъ народъ недѣлимыхъ, свойственныхъ имъ по высокой степени народнаго образованія (личная свобода, обезпеченность личного имущества, равенство всѣхъ лицъ передъ закономъ, даже право участія всѣхъ въ управленіи государствомъ). Въ борьбѣ изъ-за устраненія зла, заключающагося въ чрезмѣрномъ сосредоточеніи всей жизни, и общественной, и частной, въ рукахъ правительства, —ошибочно воображаютъ люди, что они справятся со зломъ, не измѣнивъ нисколько механизма власти, но перенеся только верховную власть съ одного лица на другое, напримѣръ съ монарха на народъ, или—такъ какъ народъ въ сущности фиктивное лицо—на его представителей. По мнѣнію Фаге, это понятіе политическаго верховенства (*souveraineté*) есть прямая бессмыслица, потому что правительство имѣетъ несомнѣнное право и власть совершать только извѣстное число опредѣленныхъ функций, но не болѣе, такъ что, собственно, всякая конституція должна бы начинаться словами, что правительству принадлежатъ такіа-то права по отношенію къ народу, а не наоборотъ. Статья о верховной власти столь же бессмысленна, по мнѣнію Фаге, какъ и статья 3-я якобинской деклараціи конвента 1793: „*tous les hommes sont égaux par la nature et devant la loi*“. Порождено было это законоположеніе понятнымъ и естественнымъ отвращеніемъ всѣхъ къ привилегіямъ, къ неправдамъ и неравноправностямъ средневѣковаго устройства.

Фаге удивляется, какъ могли люди додуматься до такой неглиности, чтобы, при цареніи во всей природѣ одного только жесточайшаго неравенства, всѣ люди признаваемы были по природѣ равными; чтобы каждое лицо могло сказать: никто не можетъ быть выше меня, никто не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи больше и лучше меня... Существуетъ діаметральная противоположность исключających себя взаимно двухъ главныхъ

догматовъ великой революціи: свободы и равенства. Второй изъ нихъ взялъ рѣшительно верхъ надъ первымъ, который чрезмѣрно сократился. Причины такого умаленія свободы Фаге доискивается въ психологіи французовъ, въ характерныхъ чертахъ души этого народа въ настоящую эпоху. Въ томъ видѣ, въ какомъ она у Фаге изображена, она весьма непривлекательна, но изображеніе ея, повидимому, весьма правдивое. Влеченія и къ свободѣ, и къ равенству, существуютъ въ весьма разной степени и пропорціи у различныхъ народовъ, но французу равенство приходится несравненно болѣе по вкусу, нежели свобода, влеченія къ которой почти въ немъ не существуетъ. Тѣмъ и объясняется лозунгъ французскихъ революціонеровъ: революція—не что иное, какъ *равенство*. Тѣмъ объясняется постепенный переходъ отъ равенства всѣхъ передъ закономъ къ равенству политическому (*suffrage universel*), отъ равенства политическаго къ реальному, имущественному, въ двухъ главныхъ его видахъ—партажизма и коллективизма; наконецъ, стремленіе къ безусловному равенству людей посредствомъ нивелированія ихъ и сглаживанія разницъ между ними въ достоинствахъ ихъ умственномъ и нравственномъ. Свободой прикрывались, точно щитомъ, всѣ слабѣйшія партіи въ своей борьбѣ съ сильнѣйшими, но свобода была для нихъ только личиною и притворствомъ. Фаге убѣжденъ, что Франція—одна изъ странъ наименѣе либеральныхъ и свободныхъ; онъ думаетъ, что только по мягкости французскихъ нравовъ отсутствіе свободы менѣе здѣсь, чѣмъ въ другихъ странахъ, чувствительно; что всякое правительство во Франціи имѣло столько деспотизма, сколько лишь захотѣло, и что при деспотизмѣ французы чувствуютъ, что они живутъ комфортабельнѣе, чѣмъ безъ него. Фаге увѣряетъ, что онъ между французами не знаетъ ни одного настоящаго либерала, хотя каждый изъ нихъ былъ, хотя разъ въ жизни, либераломъ, когда чувствовалъ себя не въ силѣ, когда стремился добиться власти и господствовать.

Всѣ французы вообще—слабые патріоты; они большіе сектанты и до мозга костей *этатисты*, или государственники, то-есть сторонники полнаго всевластія государства надъ человѣкомъ, стремящіеся завладѣть правительствомъ, какъ орудіемъ для достиженія цѣлей своей партіи и удовлетворенія своихъ партіонныхъ страстей. Нѣтъ здѣсь ни одной партіи, сосредоточенной подъ знаменемъ человѣческой свободы. Нѣтъ даже элементовъ для образованія такой партіи, потому что въ общемъ союзъ всякихъ различныхъ направленій, ратующихъ подъ лозунгомъ свободы, въ боль-

шинствѣ оказываются только одни реакціонеры, а не прогрес-
систы, — значитъ, люди, которые меньше всего заботятся о свободѣ.

Какимъ образомъ, однако, могло устроиться такое роковое
и вредоносное теченіе вещей, которое неизбѣжно приведетъ не
къ исцѣленію, а къ паденію? На этотъ вопросъ Фаге даетъ от-
вѣтъ, въ которомъ виденъ ученикъ Тэна, сторонникъ теоріи о
вліяніяхъ расы, среды и момента. Конечно, неудобствамъ тепе-
решняго душевнаго строя французовъ содѣйствуетъ ихъ раса,
но вліяніе ея не имѣетъ рѣшающаго значенія, потому что это
народъ весьма смѣшанный по своему составу. Важнѣе расы его
воспитаніе латинское, рѣзкія черты римской культуры и преда-
ній, вліяніе римскихъ законовѣдовъ, римскій цезаризмъ и эта-
тизмъ. Вліяніе это слабѣе на сѣверѣ и усиливается по направ-
ленію къ югу. Затѣмъ французы въ теченіе 800 лѣтъ прино-
ровились къ монархизму. Они донывѣ монархисты до мозга
костей, любятъ всякихъ пріѣзжихъ королей, любятъ все, что
имъ напоминаетъ Людовика XIV. Когда по роковому ходу со-
бытій они сдѣлались республиканцами, то они упразднили особу
короля и замѣстили ее правительствомъ, снабженнымъ всѣми
правами Людовика XIV и имѣющимъ въ своемъ услуженіи не-
смѣтную толпу чиновниковъ, болѣе многочисленную, чѣмъ въ
какой бы то ни было иной странѣ. Всякій французъ добивается
государственной должности. Правительство есть нѣкоторымъ обра-
зомъ золотое руно, а французскія партіи имѣютъ видъ синди-
катовъ, образованныхъ для завладѣнія и дѣлежа эту добычу.
Кромѣ того, на этомъ народѣ, вышколенномъ посредствомъ бюро-
кратической централизаціи, лежитъ еще другое тавро, печать
противнаго либерализму начала, школьное воспитаніе, которое
было исключительно религіозное, католическое или протестант-
ское, пока не началось, сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ,
преслѣдованіе исповѣданій въ области воспитанія. Съ самаго на-
чала французской революціи, католицизмъ замѣтно измѣнился и
сталъ теперь толерантнѣе, но все-таки, однако, онъ не могъ
измѣнить своей природы, а природу его составляетъ безусловное
и всестороннее послушаніе. Съ протестантизмомъ еще труднѣе
ладить. Французскій протестантизмъ, это — кальвинское исповѣда-
ніе, а извѣстно, что Кальвинъ былъ жестокій преслѣдователь
всѣхъ иначе, нежели онъ, вѣрующихъ. Самую любопытную часть
книги Фаге составляетъ дѣлаемый имъ обзоръ враговъ свободы,
которыхъ число милліонъ, но между которыми особенно вы-
дѣляются слѣдующіе: монархизмъ, аристократизмъ, социализмъ,
любовь равенства, верховенство власти и самъ парламентаризмъ.

Съ монархизмомъ легче либераламъ помириться, чѣмъ съ другими врагами,—если только монархъ не мистикъ, не ставитъ себѣ задачею править душами людей, и если онъ не задумываетъ большихъ переворотовъ, имѣющихъ міровое значеніе.

Труднѣе справиться съ аристократизмомъ, который Фаге отличаетъ отъ „аристій“, то-есть, отъ группъ, выдѣляющихся изъ безформенной толпы и состоящихъ изъ отборныхъ людей, образующихъ союзы для осуществленія общими силами извѣстныхъ общественныхъ задачъ. Аристократизмъ есть собственно олигархія, то-есть дробное меньшинство, взявшееся управлять народомъ за исключеніемъ всѣхъ другихъ. Эта форма правленія—непрочная, переходная. Если это олигархія замкнутая, то она скоро вырождается; если она открытая, то въ нее проникаетъ демократизмъ, который, завладѣвъ этою крѣпостью, взрываетъ потому ея стѣны. Всякій аристократизмъ недолголюбиваетъ свободу, не любилъ ее даже тотъ буржуазно-плутократическій, который правилъ Франціею съ 1815 по 1848 годъ осторожно, умно и бережливо и оставилъ послѣ себя хорошую память. Онъ погибъ вслѣдствіе своего отвращенія къ свободѣ, вслѣдствіе того, что скупился и удѣлялъ ее съ большими ограниченіями, такъ что то, что онъ давалъ, едва ли заслуживало названія свободы.

Соціализмъ, это—прямой деспотизмъ, прямое отрицаніе свободы въ наипростѣйшей формѣ. Монархизмъ связывалъ по рукамъ личность, а соціализмъ совсѣмъ ее уничтожаетъ, все сводя къ государству и работая на государство, превращая всѣхъ до послѣдняго рабочаго въ государственныхъ должностныхъ людей. Въ его глазахъ свобода есть не что иное, какъ анархія и трата силъ общественныхъ.

Мы уже прикасались къ сильнѣйшему врагу свободы, кроющемуся не въ идеѣ, но въ крови и темпераментѣ француза, въ его смакованіи равенства, тѣсно связанномъ съ другою крупною чертою его характера,—съ его общительностью. Французъ коробитъ, раздражаетъ и сильно беспокоитъ малѣйшая независимость и эксцентричность, малѣйшее поползновеніе на то, чтобы не быть такимъ, не дѣлать такъ и даже не развлекаться такъ, какъ всѣ другіе люди—comme tout le monde. Всякое выдѣленіе себя изъ массы, всякое образованіе группы, разсматриваемое уже какъ начало союза, исповѣданія, конгрегации, товарищества, есть уже зародышъ аристократизма, противный преизбыточной наклонности къ равенству, господствующей надъ всѣми другими влеченіями.

Свобода имѣетъ весьма сильнаго врага въ принципѣ народ-

наю *верховенства* или суверенитета, къ которому Фаге относится отрицательно. Одолѣвъ монархію, французскіе революціонеры, вмѣсто того, чтобы провозгласить начало: „il n'y a pas de souveraineté“, не тронули самаго основанія, самой подкладки монархизма, но только сами сдѣлались правительствомъ, измѣнивъ однѣ надписи. Они переименовали все, что было королевское, въ народное и, установивъ суверенитетъ народа, толковали ему, что всѣ управляются всѣми сообща, что управляемый правительствомъ народъ есть одновременно и управитель. Названія вещей измѣнены, но вещи остались какими были прежде; деспотизмъ тотъ же, но для одолѣнія его необходимо бороться не только съ нимъ, но и съ тѣмъ вымысломъ и тою фальшью, которыя его прикрываютъ.

Станнымъ на первый взглядъ можетъ показаться то обстоятельство, что между злѣйшими врагами свободы Фаге помѣщаетъ *парламентаризмъ*, не самъ по себѣ по принципу, но только парламентаризмъ французскій, по нынѣ дѣйствующей конституціи 25 февраля 1875 г. Не подлежитъ сомнѣнію, что конституціонное правленіе въ европейскихъ монархіяхъ изобрѣтено было для ограниченія суверенитета двумя способами: *во-первыхъ*, посредствомъ раздѣленія единой верховной власти на три уравновѣшивающіяся и одна отъ другой независимыя: законодательную, исполнительную и судебную, и, *во-вторыхъ*, посредствомъ раздѣленія наиболѣе изъ нихъ опасной и вліятельной власти законодательной между двумя равноправными палатами, которыя, даже если онѣ вполнѣ одна съ другой согласны, не создадутъ еще закона, пока законъ не будетъ обнародованъ исполнительною властью. Несомнѣнно также, что парламентаризмъ во многихъ отношеніяхъ полезенъ и служитъ ручательствомъ ненарушимости законныхъ правъ всякаго лица. Создаетъ законы и измѣняетъ ихъ не власть исполнительная, которая болѣе склонна, нежели другія, справляться съ чужими правами помимо закона по своему усмотрѣнію, и не власть судебная, которая по своему существу имѣетъ аристократическія наклонности. Еще менѣе способенъ законодательствовать самъ народъ непосредственно, то-есть, не народъ, а грубый произволъ его простого большинства по идеѣ Руссо (*Contrat social*), и расположенная ко всякимъ притѣсненіямъ его половина, съ добавкою хотя бы одного голоса, подчиняющая себѣ посредствомъ этого перевѣса всѣхъ остальныхъ. Это простое большинство—чистый вымыселъ, даже въ странѣ всеобщаго голосованія; исключаются со счета женщины и дѣти, люди, не могущіе принять участіе въ голосованіи по законнѣйшимъ пре-

пятствіямъ и уклоняющіеся отъ голосованія потому, что оно ихъ не интересуетъ. По соображеніямъ Фаге, изъ сорока милліоновъ народонаселенія Франціи управляетъ ею посредствомъ голосованія никакъ не болѣе четырехъ милліоновъ человѣкъ, законодательствующихъ не непосредственно, но чрезъ выборныхъ своихъ представителей. По конституціи эти законодатели избираются (кромя той части сенаторовъ, которые пожизненны) только на довольно короткіе сроки. Законодатели должны считаться со своими избирателями, чтобы не потерять ихъ довѣрія при послѣдующихъ выборахъ. Они работаютъ медленно, предусмотрительно, одолевая множество умышленно противопоставляемыхъ имъ препятствій и задержекъ, и справляясь съ властями исполнительною и судебною. Эти предосторожности столь многочисленны, что, повидимому, почти немислимо, чтобы при этихъ условіяхъ законодатели могли нарушать права человѣка, создавать тиранническія законоположенія. Въ дѣйствительности, однако, всѣ эти предосторожности, вмѣстѣ взятые, въ народѣ французскомъ, не обладающемъ чутьемъ свободы и мало интересующемся ею, суть не больше, какъ обманъ зрѣнія или самообольщеніе, или превращаются въ нѣчто шуточное, достойное только смѣха. Вмѣсто того парламентаризма, котораго предназначеніе состояло въ сохраненіи свободы отъ всевластія, утвердились посредствомъ парламентаризма два всевластія, два неодолимыхъ верховенства: парламентское—членовъ законодательныхъ собраній, и внѣ-парламентское—тѣхъ четырехъ милліоновъ людей, которые ихъ выбираютъ.

Парламентское всевластіе. Въ теченіе того четырехлѣтія, на которое выбираются депутаты законодательнаго собранія, они—неограниченные хозяева и распорядители въ управленіи государствомъ. Останавливать ихъ могла бы только судебная власть, еслибы она была поставлена на стражѣ конституціи, но во Франціи такой стражи совсѣмъ нѣтъ. Законодателей не ограничиваетъ исполнительная власть, потому что они ее поглотили. Они держатъ эту власть за карманъ и могутъ отказать ей въ деньгахъ на расходы. Притомъ, они вправѣ при всякомъ новомъ голосованіи опрокинуть кабинетъ, то-есть, уволить всѣхъ министровъ. Наконецъ, они дѣлаютъ фактически отвѣтственными передъ собой лицами не только министровъ вмѣстѣ съ президентомъ кабинета, но и президента республики, который, при всей своей великолѣпной обстановкѣ, есть только кукла, занимающая первое мѣсто при всевозможныхъ церемоніальныхъ обрядахъ. Наконецъ, эти законодатели предоставляютъ зависимой отъ нихъ исполнительной власти, въ лицѣ министра юстиціи, назначать судей, чѣмъ и дополняется

окончательно полное сліяніе въ ихъ лицахъ всѣхъ трехъ главныхъ властей, которыя должны по теоріи, оставаясь раздѣльными, образовать въ совокупности народный суверенитетъ.

Они, притомъ, составляютъ правительство, и центральное, и мѣстное,—то-есть, они располагаютъ и столицею, и провинціями. Въ огромномъ большинствѣ эти законодатели—люди пріѣзжіе изъ провинціи, въ ней укоренившіеся, въ ней имѣющіе кліентовъ. Они—мѣстная аристократія, они одинаково вхожи и въ министерства столицы, и въ префектуры, и въ мельчайшія административныя присутствія.

Подъ этимъ парламентскимъ всевластіемъ скрывается *другое* невидимое, но еще болѣе реальное—не всего народа, которое фактивно, но господствующей въ данную минуту партіи, то-есть, половины съ добавочною единицею тѣхъ четырехъ миллионныхъ голосовъ, которые располагаютъ сорока-милліоннымъ государствомъ. И депутаты, и не-пожизненные сенаторы, подлежатъ переизбранію послѣ извѣстныхъ сроковъ; они отвѣтственны передъ избирателями, которымъ дають въ своей дѣятельности отчетъ. Что касается до избирателей, то изъ нихъ правами человека интересуются крайне немногіе интеллигенты, но ихъ всѣхъ весьма интересуется, какая партія будетъ у кормила правленія. Каждый законодатель старается привязать къ себѣ наибольшее число людей раздачею между своими приверженцами наибольшаго числа государственныхъ должностей или облегченіемъ цѣлыхъ разрядовъ людей въ платежѣ податей, или обѣщаніемъ такого облегченія въ будущемъ, или исходатайствованіемъ увольненія отъ воинской повинности, или обѣщаніемъ хлопотать о сокращеніи сроковъ военной службы, то-есть, тѣмъ именно, отъ чего Франція можетъ пострадать и погибнуть. Они не совѣстятся въ этомъ отношеніи, они вѣдь не наслѣдственная аристократія, они избираются только на срокъ и озабочены только сегоднешнимъ, а не завтрашнимъ днемъ. Это всевластіе избирателей солидарно съ парламентскимъ верховенствомъ, но оно не утруждаетъ себя заботами о государственныхъ вопросахъ и задачахъ и поглощено всецѣло ежедневною политическою борьбою изъ-за своихъ личныхъ интересовъ, изъ-за обладанія правительствомъ,—борьбою, которую ведетъ всевозможными средствами: перомъ, пропагандою, печатью, подкупомъ. Происходитъ безкровная, правда, но упорная по всѣмъ правиламъ война. Кто взялъ верхъ, тотъ не можетъ либеральничать; но кто побить, тотъ домогается всяческихъ вольностей. Новому побѣдителю приходится или измѣнить своему убѣжденію, или измѣнить своей партіи. Первое легче, и совершается оно

весьма цинически. Побѣдители неизбѣжно гласятъ: „долой свобода печати, ассоціацій, преподаванія! — то силки, въ которыя насъ заманиваютъ наши противники“. Имъ отвѣчаютъ ихъ единомышленники-избиратели: „мы съ вами и за васъ; мы не допустимъ, чтобы противная партія получила большинство при будущихъ выборахъ“! Заключение Фаге по этому предмету таково, что въ странѣ, въ которой права человѣка и личная свобода не вошли въ плоть и кровь народа и не сдѣлались народною религіею, парламентаризмъ самъ собою вырождается и становится наибольшимъ врагомъ правъ человѣка и свободы.

Книга Фаге имѣетъ видъ баланса по счету свободы личной во Франціи, помѣченного числомъ изданія книги. Она вмѣщаетъ въ себѣ обзоръ всевозможныхъ родовъ свободы, какъ тѣхъ, которые занесены въ законодательные акты, какъ неотъемлемыя права человѣка, не подлежащія дѣйствию давности, такъ и тѣхъ, которыя встрѣчаются на практикѣ въ жизни и въ обычаяхъ. По мнѣнію Фаге, и по исторіи своей, и по темпераменту, народъ французскій не привыкъ вольно жить, какъ кому хочется и нравится, лишь бы никому не вреди. Такою свободою онъ не наслаждался и до 1789 г., но онъ пользовался нѣкоторыми вольностями сословными и корпоративными, которыя были отняты у него революціею, создавшею этатизмъ, или государственный деспотизмъ современный, отъ котораго онъ теперь пытался защититься, заносъ въ законъ права человѣка и гражданина. Въ статьѣ 10 деклараціи 1789 написано: „nul ne doit être inquieté pour ses opinions, même religieuses, pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public, établi par la loi“. Прелестна въ этой статьѣ фраза о религіозныхъ убѣжденіяхъ. Можно было ожидать, что будетъ сказано: „нельзя никого безпокоить прежде всего изъ-за религіозныхъ, а затѣмъ и изъ-за всякихъ другихъ убѣжденій“. Въ законодательномъ актѣ сказано: „даже изъ-за религіозныхъ“, въ чемъ и сказалось, что свобода религіозная только терпима, но не цѣнима по своему достоинству. Подобныя же замѣчанія можно бы сдѣлать и относительно другихъ родовъ свободы, практикуемыхъ во Франціи. Мы не будемъ слѣдить за ихъ обзоромъ въ книгѣ, — остановимся только на четырехъ, самыхъ интересныхъ: свобода союзовъ или товариществъ, свобода исповѣданій, свобода преподаванія и свобода судейская.

Свобода товариществъ. Первые революціонныя народныя собранія ломали съ ожесточеніемъ всѣ сословныя и корпоративныя перегородки и средостѣнія: привилегіи дворянства, духовенства, устройство цеховъ, все посредствующее между недѣли-

мымъ лицомъ и государствомъ, и учреждали нагой эстатизмъ или государственный деспотизмъ безъ всякихъ его средневѣковыхъ покрововъ. Понятно, что въ деклараціяхъ о правахъ человека 1789 и 1793 гг. не могло быть отведено никакого мѣстечка товариществамъ. Ихъ преслѣдовали какъ начатки аристократій; отъ нихъ отдѣлялись шаблоннымъ возраженіемъ, что они образуютъ „государства въ государствахъ“. Между тѣмъ право образовывать товарищескіе союзы есть наиболѣе неотъемлемое право человека и гражданина. Еслибы возникло товарищество для управленія одной изъ государственныхъ функцій, на примѣръ, полиціи внутренней, или организации военной силы, хотя бы и для защиты отечества, то, несомнѣнно, оно составляло бы вторженіе въ область дѣятельности государственной, — но какъ можно воспретить людямъ заниматься филантропіей, религіозными ученіями, науками, искусствомъ? Народъ, въ которомъ исчезла наклонность къ образованію товарищескихъ союзовъ, обреченъ на смерть въ теченіе непродолжительнаго времени.

Свобода въроисповѣданія. По существу своему государство есть учрежденіе совсѣмъ не религіозное, которое, при всякомъ вышатаствѣ въ въроисповѣданія дѣла, ставитъ себя въ затруднительное положеніе, потому что хотя въроисповѣданіе не есть государство въ государствахъ, но оно есть правленіе душами человѣческими, и состоитъ изъ людей, сильно преданныхъ своей вѣрѣ, въ числѣ которыхъ бывають и государственные чиновники, и солдаты. Отдичавшіеся своею въротерпимостью, римляне ненавидѣли, однако, по этой причинѣ христіанство. Новѣйшія государства: Англія, Пруссія и другія, старались абсорбировать религію, создавать національныя церкви, присвоили себѣ главенство въ церкви. Съ древнихъ временъ Франція притѣсняла христіанство во всѣхъ его формахъ, преслѣдовала кальвинизмъ, янсенизмъ; изъ католическихъ священниковъ она пыталась образовать своихъ собственныхъ агентовъ, своихъ блюстителей нравственности. Во время революціи государство присвоило себѣ всѣ церковныя имѣнія, превратило духовныхъ въ лицъ служащихъ, состоящихъ у него на жалованьи. Оставались еще, кромѣ оплачиваемыхъ, ничего не получающіе отъ государства духовные ордена католическіе, или конгрегаціи, при преслѣдованіи которыхъ оно вооружало противъ себя и все духовенство, и причинило себѣ множество хлопотъ и непріятностей.

Прямой логическій выходъ изъ этого положенія имѣется налицо; онъ содержится въ извѣстной формулѣ Кавура: „libera chiesa in libero stato“. Она практикуется съ успѣхомъ въ Со-

единенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Государство не беретъ духовенства на свое иждивеніе, но оно даетъ полный просторъ духовенству и орденамъ устраиваться, какъ они желаютъ, и владѣть всякаго рода имуществами. Повидимому, это — дилемма: либо одно, либо другое; третье рѣшеніе невозможно. Однако, третье рѣшеніе предлагаютъ въ послѣднее время французскіе радикалисты. Въ послѣдней программѣ радикальной партіи, опубликованной въ 1902 г., поставлены слѣдующія требованія: установить верховенство (*suprematie*) гражданской власти (надъ церковью), отмѣнить всѣ духовныя конгрегации, секуляризовать всѣ церковныя недвижимости, наконецъ, исключить вѣроисповѣданія изъ бюджета по либеральной формулѣ: „*les églises libres dans l'état libre et souverain*“. По справедливому замѣчанію Фаге, эта формула могла бы быть еще болѣе упрощена и выражена въ двухъ пунктахъ: 1) никакія церкви не допускаются ни въ какомъ видѣ; 2) всѣ церкви свободны.

Свобода преподаванія. До-революціонный монархизмъ не занимался вовсе преподаваніемъ; воспитанію юношества посвящали себя католическіе духовные ордена и протестантское духовенство, до изгнанія протестантовъ по Нантскому эдикту. Во время революціи Робеспьеръ и крайніе республиканцы были сторонниками введенія спартанскаго обязательнаго воспитанія дѣтей правительствомъ; идеями ихъ воспользовался потомъ Наполеонъ, учреждая свои школы-казармы. Большинство въ законодательныхъ собраніяхъ (Мирабо, Талейранъ, Лаканаль) отстаивало права родителей воспитывать дѣтей по своему усмотрѣнію. Было еще третье мнѣніе, занимающее середину между крайними, а именно то, чтобы существовали правительственные народныя училища, но чтобы могли быть учреждаемы желающими вольныя; между ними могли бы дѣлать выборъ родители. Современные радикалисты-деспоты желали бы воспретить второй способъ, установить исключительно первый для поддержанія нравственнаго единства въ обществѣ. Ихъ предложеніе есть только подражаніе богословской идеѣ правленія душами. Въ XVIII вѣкѣ мысль чело-вѣческая, освободившись отъ богословскихъ оковъ, выработала не-исповѣдныя міросозерцанія. Еслибы у французовъ была малѣйшая доля либерализма, то ихъ свободомысліе ограничилось бы сохраненіемъ безысповѣднаго преподаванія въ правительственныхъ школахъ, состояющагося съ исповѣднымъ въ вольныхъ школахъ, руководимыхъ духовенствомъ. Теперь насталъ періодъ остраго и жестокаго преслѣдованія всѣхъ школъ съ оттѣнками вѣроисповѣдными и насильственнаго внушенія народу философ-

скихъ идей, ходячихъ, раздѣляемыхъ правительствомъ даннаго состава. Радикалисты разсуждаютъ такимъ образомъ: наша задача—образовать людей свободныхъ; свобода годится только свободнымъ людямъ; свобода не должна быть употребляема какъ орудіе противъ свободы; мы не допустимъ свободы заблужденій. Каково же будетъ это правительственное ученіе по его содержанию? Оно будетъ—какая-нибудь новѣйшая и модная философская система, въ родѣ тѣхъ, какими были картезіанство, кантизмъ, контизмъ или спенсеризмъ, то-есть извѣстный искусственно насажденный догматъ, своего рода религіозное ученіе, выдающее себя за нѣчто свободное, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающее себя запрещеніемъ преподавать по отношенію къ своимъ вѣроисповѣднымъ конкурентамъ. Это, собственно, католицизмъ наизнанку. По мнѣнію Фаге, католицизмъ сидитъ глубоко въ самомъ темпераментѣ народномъ. Фаге утверждаетъ о себѣ, что онъ окруженъ одними только католиками, изъ которыхъ одни въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, а другіе—наизнанку.

Свобода судейская, какъ ручательство неприкосновенности правъ, признанныхъ закономъ за человѣкомъ. Она существуетъ въ полномъ видѣ только въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ которыхъ судъ можетъ уклониться отъ примѣненія дѣйствующаго законоположенія, если онъ найдетъ его противнымъ „Common Law“ (духу законовъ) или конституціи. Такой приговоръ можетъ быть опровергаемъ жалобами по инстанціямъ, пока верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ не рѣшитъ, должно ли извѣстное право быть осуществляемо или нѣтъ, какъ противорѣчащее конституціи. У Фаге нѣтъ никакихъ затѣй на нѣчто подобное тому, чтó имѣется въ Америкѣ. Его требованія проще. Онъ желаетъ только сдѣлать судей независимыми отъ внѣшнихъ вліяній. Эта цѣль достижима однимъ изъ трехъ путей. Въ до-революціонной Франціи судейскія должности составляли частную собственность судей и были отчуждаемы. Эти должности могутъ быть замѣщаемы по выборамъ. Наконецъ, можно предоставить самой магистратурѣ комплектованіе вакансій. Фаге предпочитаетъ даже старинную продажу судейскихъ должностей теперешней системѣ несмѣняемости судей, которая дѣлаетъ независимыми только судей, рѣшившихся сидѣть до конца вѣка на своихъ мѣстахъ безъ всякаго аванса. Независимость выборныхъ судей весьма сомнительна. Судья долженъ былъ бы періодически считаться со своими избирателями, падать самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ, падать также и правительство, чтобы попасть при выборахъ въ правительственные кандидаты. При выборной системѣ выборы

будутъ зависѣть отъ тѣхъ же теченій, отъ которыхъ зависятъ преобладаніе той или другой политической партіи. Притомъ, суды не будутъ дѣйствовать однообразно, а крайне разнo; ихъ приговоры на югѣ будутъ, какъ и теперь, антиклерикальные, въ Бретани — клерикальные, въ Парижѣ современномъ — націоналистическіе, мѣстами — социалистическіе, словомъ, — неровные и пристрастные. Фаге желалъ бы, чтобы магистратура сама себя пополняла, чтобы всѣ суды Франціи участвовали въ выборахъ въ члены кассационнаго суда, кассационный же судъ чтобы замѣщалъ судейскія должности во всѣхъ подчиненныхъ ему судилищахъ.

Такова послѣдняя книжка Фаге въ главныхъ ея очертаніяхъ. Читателя не можетъ не поразить сказывающаяся въ ней полнѣйшая безнадежность автора, отсутствіе какого бы то ни было лекарства, какихъ бы то ни было совѣтовъ, какъ противоdѣйствовать рѣзко намѣченному въ книгѣ многочисленнымъ оказательствамъ усиливающагося упадка. Фаге считаетъ себя едва ли не единственнымъ во Франціи либераломъ. Возможность поремѣны къ лучшему стоитъ въ неизмѣримой дали. И отдѣльный человѣкъ, и народъ, могутъ, конечно, измѣниться, когда они придутъ къ сознанію, что ихъ интересъ заключается именно въ свободѣ и въ отрѣшеніи отъ укоренившихся противныхъ ей дурныхъ привычекъ. Этимъ путемъ, пишетъ Фаге, даже освоившіеся съ неволею могутъ превратиться въ либераловъ. Надежды на то, что нѣчто подобное произойдетъ, у него мало; однако, по его убѣжденію, можно и не имѣть надежды, но не позволено никому поступать такъ, какъ поступаютъ люди, потерявшіе всякую надежду. Фаге написалъ много книгъ, которыя не имѣли практическихъ послѣдствій. Онъ собирается написать еще много другихъ и оканчиваетъ свое сочиненіе на этой, — какъ онъ ее, конечно въ шутку, назвалъ, — угрозы. Онъ столь остроуменъ, что книги его будутъ, во всякомъ случаѣ, читаться. Угроза его шуточная, но само сочиненіе не шуточное; оно равняется серьезному предостереженію со стороны искренно убѣжденнаго и любящаго свою родину человѣка...

В. Спасовичъ.

ИЗЪ СОНЕТОВЪ

Елпз. Броувингъ.

1. — УЗНИКЪ.

Счетъ времени веду годами я съ тѣхъ поръ,
Какъ видѣлъ я травы зеленой колыханье,
И на устахъ моихъ природы всей дыханье
Съ моимъ сливалось. Теперь земли просторъ
Мнѣ страннымъ кажется, какъ дальнихъ сферъ сіянье,
Какъ мысль о небесахъ, туманящая взоръ.
Изъ-за дверей тюрьмы, закрытыхъ на запоръ,
Природы музыка звучить на разстояньѣ—
Безумна и дика, и слуховой обманъ
Въ мозгу рождаетъ грезъ несбыточныхъ туманъ.
Помимо чувствъ, мечтѣ—до боли напряженной—
Рисуются: рѣка и лѣсъ замороженный,
И длинный рядъ холмовъ, что солнцемъ осіянь,
Божественной красой преображенный.

II. — НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ.

Когда ищу въ стихахъ для мысли выраженья —
 Мнѣ въ пульсѣ чудится души моей бѣнье:
 Какъ будто хочется освободиться ей,
 Чтобъ шире вылиться, свѣтлѣе и полнѣй,
 Достигнувъ истинной гармоніи свершенья —
 Предъ челоуѣчествомъ и предъ вселенной всей.
 Но, словно дерево, чтò вѣтра дуновенье
 Склоняетъ въ сторону, калѣчить и людей —
 Дохнувшее на нихъ проклятіе природы,
 И правда каждаго — обманъ для остальныхъ.
 Для выраженья чувствъ намъ не дано свободы.
 Душа! Лишь сбросивъ гнетъ своихъ одеждъ земныхъ,
 Ты звуки обрѣтешь: вѣтъ рабства и стѣсненья,
 Найдя достойное для пѣсни завершенье.

III. — СЛЕЗЫ.

Блаженны тѣ изъ васъ, кто скорбь души печальной
 Слезами изливалъ! Скорбей легчайшихъ — нѣтъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ совершенъ былъ грѣхъ первоначальной.
 Чтò слезы? Плачутъ всѣ: ребенокъ безпечальный
 Подъ пѣсню матери, едва увидѣвъ свѣтъ;
 Невѣста юная, надѣвъ уборъ вѣнчальный;
 Священные холмы увидѣвшій поэтъ,
 Слеза котораго — безмолвный имъ привѣтъ.
 Блаженны тѣ изъ васъ, кто слезы лилъ въ кручинѣ!
 Когда, ослѣплены слезами, какъ въ пустынѣ
 Встрѣчаете кругомъ вы только рядъ могилъ —
 Вамъ стѣять взоръ поднять, измученный тоскою,
 И слезы по лицу польются вмигъ рѣкою,
 И вамъ откроется блескъ солнца и свѣтилъ.

IV.— НЕПОПРАВИМОЕ.

Сегодня я въ лугахъ весь день цвѣты рвала,
Струившіе съ зарей свое благоуханье,
И пѣло все во мнѣ, какъ пташка или пчела,
Летающія въ поля, встрѣчая дня сіянье.
Но тѣмъ скорѣй цвѣты постигло увяданье—
Чѣмъ крѣпче я, въ рукѣ сжимая ихъ, несла,
И рвутся изъ души не пѣсни, а рыданья...
Что скажете вы всѣ, чья дружба мнѣ мила?
Сорвать еще цвѣтовъ—идти ли снова въ поле?..
Пусть это дѣлаетъ кто можетъ, но не я!
Устала я душой, во мнѣ нѣтъ силы болѣ,
Цвѣтами прежними полна рука моя,
Пусть же ихъ букетъ, въ ней умирая, вянетъ,
Пока и для меня день смерти не настанетъ!

О. Михайлова.

МОЯ ЖИЗНЬ

И

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

VI *).

Устройство въ Кіевѣ. — Попечитель Ребиндеръ. — Встрѣча съ Рененкампомъ. — Министръ Норовъ въ Кіевѣ. — Первая лекція. — Декабристъ кн. Трубецкой. — Матеріалы для магистерской диссертациі и ихъ разработка. — Цѣхановецкій и его диспутъ. — Каникулы 1857 г. и сватовство. — Мой магистерскій экзамень. — Пироговъ и диспутъ Сидоренко. — Литературные вечера у Пирогова. — Министръ Ковалевскій въ Кіевѣ. — Моя магистерская диссертация и отношеніе къ ней факультета. — Избраніе въ адъюнкты и командировка за границу. — Женитьба. — Отъѣздъ за границу.

Пріѣхалъ я въ Кіевъ въ августѣ 1856 г., и скоро нашелъ квартиру съ полнымъ содержаніемъ на Елизаветинской улицѣ, у вдовы Габель, которая владѣла имѣньищемъ въ каневскомъ уѣздѣ и проживала въ Кіевѣ для воспитанія дѣтей. Теперь этотъ домъ принадлежитъ Вишневской. Когда я прохожу мимо него, я всегда вспоминаю свою длинную, узенькую комнату въ три окна на улицу, на которыхъ были навалены нужные и ненужные книги, взятые мною изъ университетской бібліотеки. Отсюда я

*) См. выше: февр., стр. 606.

пошелъ на мою первую лекцію; сюда приходили поздравлять меня съ успѣхомъ; здѣсь была меня лихорадка послѣ тревожной профессорскаго дебюта. Помню я семью моей милой хозяйки Габель. Съ этой семьей я всегда обѣдалъ: два сына, ученики второй гимназін, маленькая дочка, бабушка Зося и милая очень гувернантка, мать теперешняго книгопродавца Идзиковскаго. Меньшого сына звали Викторомъ. Это былъ хорошенькій блондинъ, и я никогда не думалъ, чтобы изъ него вышелъ извѣстный впоследствии въ Москвѣ и Киевѣ комическій пѣвецъ Родонъ. Жалось мнѣ тихо и пріятно: кормили недурно, заниматься не мѣшали, а плата была умѣренная—рублей восемнадцать въ мѣсяцъ. Потомъ нагрянули квартиранты студенты-поляки: стало шумно, и я отодвинутъ былъ на второй планъ; поэтому, по прїѣздѣ съ рождественскихъ святокъ въ Киевъ, въ январѣ 1857 г., я перешелъ на другую квартиру, въ домъ Лагоды, на углу Маріинско-Благовѣщенской и Кузнечной. Первымъ моимъ дѣломъ, по прїѣздѣ въ Киевъ, было знакомство съ моимъ товарищемъ Шварцемъ, котораго я еще не зналъ. Онъ жилъ у родителей, въ семьѣ довольно грязной и распущенной. Маленькій, съ желтоватымъ лицомъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе челоуѣка больного. Въ гимназін онъ учился хорошо, окончивъ ее чуть ли не первымъ, съ золотой медалью. Въ университетѣ онъ также учился хорошо; написалъ диссертацию на тему, предложенную Иванишевымъ, за которую также получилъ золотую медаль. Вѣроятно, онъ обладалъ большой памятью и умѣлъ хорошо выучивать наизусть. Но онъ былъ мало развитъ, мировоззрѣнія узкаго; не томилъ его жажда знанія и науки, къ которой онъ относился какъ-то виѣшнимъ, служебнымъ образомъ. Высокое званіе профессора представлялось ему какой-то чиновничьей должностію. Безвыѣздно проживая въ Киевѣ и въ своей малопросвѣщенной семьѣ, онъ былъ очень простоватъ и наивенъ, и давалъ поводъ къ анекдотамъ. Развитые и образованные профессора историко-филологическаго факультета, Бунге и Шульгинъ, порицали такой выборъ, распространяя это порицаніе и на мою особу, такъ какъ мы представляли собой неразлучную пару. Этимъ скептическимъ взглядомъ на насъ проникся и попечитель Ребиндеръ, мнѣнія котораго подсказывались триумвиратомъ историко-филологическаго факультета. Справедливость требуетъ сказать, что эти сомнѣнія имѣли основаніе: Шварца не слѣдовало выбирать для приготовления къ профессурѣ. Для такого дѣла онъ просто былъ неподходящимъ; въ немъ не было и не могло быть ни глубины мысли, ни широкихъ горизонтовъ, ни горячей любви къ наукѣ,

ви пониманія культурной миссіи русскаго профессора. Въ одинъ день мы начали съ нимъ наши лекціи, почти въ одно время стали держать магистерскій экзаменъ. Много у насъ было общихъ дѣлъ, нерѣдко гуляли вмѣстѣ. Но съ первой же встрѣчи мы были чужды другъ другу. Я присутствовалъ на его первомъ магистерскомъ экзаменѣ и нашелъ его школьнымъ и вызубреннымъ. Незабитовскій обрѣзалъ его на финансовомъ правѣ, и Шварцъ бросилъ Кіевъ и переехалъ въ Тифлисъ, гдѣ редактировалъ какую-то газету. И хорошо сдѣлалъ: для такого дѣла онъ былъ, можетъ быть, болѣе способенъ. Мѣсто Шварца занялъ Сидоренко, перешедшій изъ историко-филологическаго факультета, съ политической экономіи на финансы, которые онъ и читалъ до своей внезапной смерти. Это была другого поля ягода: человѣкъ крѣпкой смекалки, но болѣе годный для городской управы или банка, чѣмъ для каеэдри. Его прославилъ Василій Васильевичъ Тарновскій, съ сыномъ котораго онъ занимался, и триумвиратъ составилъ о немъ высокое мнѣніе. Но въ природѣ его не было академической жилки, а лекторъ онъ былъ престокой. Его большія дарованія, но не академическаго характера, могли быть лучше примѣнены въ другомъ вѣдомствѣ.

Устроившись у Габель и познакомившись со Шварцемъ, я пошелъ представиться попечителю Ребиндеру. Произвелъ на меня этотъ попечитель какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе—чего-то недоговореннаго, незаконченнаго. Онъ былъ градоначальникомъ Кяхты и женился въ Сибири, на дочери декабриста, кн. Трубецкаго. Уже одно это обстоятельство сближало его съ либералами. Но либералы были теперь героями дня и либерализмъ былъ теперь съ казенной пломбой. Ребиндеръ былъ преисполненъ такого казеннаго либерализма; на пути въ Кіевъ онъ побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ видѣлся съ Некрасовымъ, съ Салтыковымъ, которые еще болѣе утвердили его намѣреніе быть либераломъ. Въ Кіевѣ онъ подпалъ подъ вліяніе просвѣщеннаго триумвирата, обратившаго его окончательно въ либерала. Только вскружили ему голову, и онъ не зналъ, какъ быть и что дѣлать: править ли округомъ по кіевскому рецепту или по кяхтинскому. При немъ впервые появляются студенческія сходки. Онъ весьма покровительственно относился къ нимъ, считая ихъ органами студенческихъ мыслей и желаній. При немъ состояли довѣренныя студенты, посредники между нимъ и сходками. Черезъ нихъ онъ сообщалъ свои требованія, черезъ нихъ студенты передавали ему свои пожеланія. Этими довѣренными лицами были студенты: Кистяковскій, впоследствии проф. уголов-

наго права; сербъ Средкавичъ—впослѣдствіи проф. бѣлградской высшей школы и воспитатель князя Милана, и Якубовичъ—оригинальный неудачникъ, переходившій отъ одного дѣла въ другому: коммиссіонеръ Герцена и Бакунина, сербскій волонтеръ, сражавшійся въ рядахъ Черняева, помощникъ университетскаго бібліотекаря. Близкій родственникъ извѣстнаго декабриста и принадлежа къ именитой дворянской роменской фамиліи, Якубовичъ умеръ сирымъ и убогимъ, въ какой-то земской больницѣ. Но на Ребиндера нельзя было положиться: онъ былъ измѣнчивъ и непостояненъ, какъ великосвѣтская дама. Кистяковскій изъ фаворитовъ скоро былъ разжалованъ въ гонимаго; между студенческими сходками и покровительствующимъ имъ попечителемъ начались недоразумѣнія и пререканія. Наставляемый въ либерализмъ Некрасовымъ и Павловымъ, Ребиндеръ, среди моихъ напряженныхъ работъ и успѣховъ, предлагаетъ мнѣ подать въ отставку, вслѣдствіе моего физическаго недостатка, а знаменитаго кievскаго математика Рощина—гордость первой гимназіи, въ которой онъ былъ учителемъ—хочетъ разжаловать въ учителя лубенскаго уѣзднаго училища. Таковы-то были у насъ переходы отъ реакціи въ либерализму.

Въ пріемѣ попечителя можно было подмѣтить его скептическія отношенія къ выбору факультета. Все это продолжалось до моей вступительной лекціи, когда мнѣ удалось разсѣять эти сомнѣнія и отдѣлать себя отъ Шварца. Тогда заговорили обо мнѣ иначе, и самъ триумвиратъ сталъ склоняться въ мою сторону.

Скоро я встрѣтился съ Рененкампомъ, который окончилъ курсъ еще въ декабрѣ 1855 г.,—семестромъ позже меня. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе здоровѣвшаго въ деревнѣ сосницкаго паныча, переставшаго думать о какихъ-нибудь научныхъ предпріятіяхъ. Но объ этомъ ему напомнили кievскіе доброжелатели, пристроивъ его учителемъ законовѣдѣнія кievской второй гимназіи. Законовѣдѣніе это временно преподавалъ надзиратель общихъ квартиръ, Михаилъ Ивановичъ Данельскій, бывшій нѣжинскій лицеистъ. Это была блестящая личность, высоко даровитая натура, предназначенная природой сидѣть на каедрѣ, говорить съ трибуны, быть литераторомъ или журналистомъ. Ума бойкаго и живого, діалектики непобѣдимой, въ исторіи моего умственнаго развитія онъ былъ pendant къ Судовщикову. Я помню свои полуночныя бесѣды съ нимъ въ Нѣжинѣ, когда онъ объяснялъ мнѣ эстетическое значеніе послѣднихъ произведеній Пушкина, иллюстрируя объясненія декламаціей лучшихъ мѣстъ „Скупого рыцаря“, „Пира во время чумы“, „Каменнаго гостя“ и т. д.

И вотъ то блѣстѣющій молодой человѣкъ, котораго природа на-
дѣлила глубокимъ и тонкимъ умомъ, грядущимъ даромъ слова и
эстетическимъ вкусомъ, довольствовался должностью надзирателя
общихъ квартиръ, а потомъ — скромною добою мекопомѣстнаго
помѣщика села Нѣдры — этого глѣба дворянина (Высоцкитъ, или)
второй — Герасимъ Ивановичъ — былъ товарищемъ Гоголя въ
нѣжинской гимназій въ юности науки. Но истинный славянинъ, Да-
ниѣльскій обиль робокъ, преисполненъ сомнѣнїемъ въ своихъ си-
лахъ и недоверїемъ къ себѣ. Отчасти это былъ „Гамлетъ“ пере-
яславскаго уѣзда, притомъ лѣнивый и съ большой слабостью къ
вину. Веневитинъ былъ другой натурой, другимъ типомъ. Полу-
тектонъ, онъ уступалъ Дамельскому силой ума, но далеко превос-
ходилъ его мощью характера и широкою въ бытъ идеею. Поэтому
и жизненный путь его былъ блѣстнѣе и шире. Онъ скоро
оставилъ учительство въ гимназїи и сталъ, подобно намъ, го-
виться къ профессуре сначала по пражанскому праву, подъ
ферулой Оедотова, мучившаго его латинскими свлоченїями и
оприженїями. Онъ и вступительную лекцію прочелъ по пражан-
скому праву. Но когда, за смѣртью Пиланкевича, сдѣлалась
свободная кафедра энциклопедїи права, онъ перешелъ на этотъ
предметъ и читалъ его почти все время, до своей смерти. Для
меня всегда было это сдѣланїемъ Ренекампа и Дамельскаго
интересной психологической загадкой.

Въ октябрѣ или ноябрѣ прїѣхалъ въ Кїевъ тогдашній ми-
нистръ народнаго просвѣщенїя Норовъ. Не принадлежавъ еще къ
университетскому штату, не имѣя еще даже форменнаго платья,
я не могъ принимать участїя въ представленїяхъ и прїемахъ.
Но мнѣ лично рассказывалъ о ласковомъ и прїятливомъ обло-
женїи министра, о посѣщенїи имъ лекцій и преимущественно
проф. богословія Сворцова, котораго мы такъ мало цѣнили, и
котораго онъ слушалъ съ истиннымъ наслажденїемъ. Обо всемъ
этомъ рассказывалъ мнѣ, между прочимъ, и Александръ Оедо-
ровичъ Квастковскій. Онъ былъ также казеннокоштнымъ студен-
томъ и шелъ двумя курсами ниже меня. Съ нимъ случилась
исторїя, замедлившая окончанїе имъ курса: онъ какъ-то сильно
оскорбилъ субъ-инспектора Тулуба, и за это былъ сосланъ въ
Козелецъ учителемъ приходоваго училища. Онъ былъ большимъ
спорщикомъ. Въ послѣдствїи мы были близкими товарищами и со-
служивцами.

Заработавшая мною у графа Комаровскаго денѣги истощались,
а утвержденїя еще не было и жалованье не выдавалось. Великое
жалованье — тридцать два рубля въ мѣсяцъ! — но на эти денѣги

можно было жить тогда призываючи. Лишь бы только скорѣе получить ихъ. Дважды я просилъ попечителя уверить это: даго. Медали, медали, но, наконецъ, 5 ноября 1856 г., Шварцъ и мнѣ назначена была вступительная лекція Шварцъ читаетъ преледе, а я, послѣ него, помнится, отъ часу до двухъ. У меня даже не было фрака для этой лекціи, и я взялъ его у своего товарища Милорадовича; не было и общаго цилиндра; а кожаный картузъ, въ которомъ я прогуливался по Голыцамъ и Везсаламъ. Но въ моей молодой груди горѣлъ священный огонь любви къ науцѣ, а моя вступительная лекція была торжественнѣе и скорѣе знатока адепта науки, для котораго плавною прелестью жизни составляло знание, просвѣщеніе. Ну, и вступительная моя лекція вышла удачная, да такая удачная, что я въ течение своей долѣлѣтней профессорской практики не разъ удачнѣе прочилъ. Даже ректоръ Траутфеттеръ, скептически отозвавшійся въ факультетской рекомендаціи, горячо меня обнялъ, искренно поощряя съ успѣшнымъ началомъ. Идетъ уже/ сорокъ-седьмой сподвижникъ этой вступительной лекціи, но не теперь отъ слова да слова, а могу повторить мое обращеніе къ аудиторіи: „Милостивые государи!“ — говоритъ я, — съѣтъ университета удостоилъ меня избраніемъ въ преподаватели государственныхъ законовъ. Какъ ни лестно мнѣ это избраніе, но не окружъ предъ вами, яко я принималъ его не безъ робости, и эта робость будетъ понятна, если обратить вниманіе на трудность тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на себя налагаю. Если всякое общественное дѣло требуетъ и силы ума, и силы воли для своего успѣха, если требованіе это пропорціонально важности дѣла, то какъ не испытывать чувства робости, недоуверія въ своимъ силамъ, взявши на себя преподаваніе въ университетѣ! Еще недалеко то время, когда я самъ былъ въ числѣ слушателей этой аудиторіи; еще я живо помню требованія студентовъ: требованія эти велики, но исполнимы. Отъ преподавателей своихъ они ждутъ и требуютъ самаго честнаго и безкорыстнаго служенія науцѣ, самаго усидчиваго занятія ею. И мѣра пользы отъ преподавателя, и степень его нравственнаго вліянія вполне обуславливаются тѣмъ, на сколько онъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Сознавая все это, не будучи увѣренъ въ своихъ силахъ, я съ робостью приступаю къ преподаванію порученнаго мнѣ предмета, и робость моя еще болѣе увеличивается, когда я подумаю, что, вѣдь, преподавать науку людямъ болѣе или менѣ развитымъ и мыслящимъ, между которыми найдется немало искренно ей преданныхъ.

Съ такими словами я, 24-лѣтній лекторъ, обратился къ аудитории, большинство которой состояло изъ студентовъ, моихъ недавнихъ товарищей. Затѣмъ полилась плавная, горячая импровизація, въ которой я старался разграничить двѣ области правоотношеній—частную и публичную, обуславливающія двѣ сферы права гражданскаго и государственнаго. Я выяснилъ предметъ и задачи права государственнаго и методы его изученія, и окончилъ объясненіемъ отношенія этой науки къ другимъ сопредѣльнымъ, и особенно къ политической экономіи, которая въ юридическомъ факультетѣ вовсе не преподавалась, но значеніе которой для юриспруденціи недавно такъ мѣтко опредѣлили въ своей актовъ рѣчи Н. Х. Бунге. Лекція, повидимому, произвела на аудиторию сильное впечатлѣніе, сказавшееся въ немолкаемыхъ рукоплесканіяхъ и горячихъ поздравленіяхъ. У меня голова кружилась, меня знобило, какъ въ лихорадкѣ. Я едва доплелся домой въ сопровожденіи моего друга Ждановича и слегъ въ постель. Молва разнесла не только по университету, но и по городу объ успѣхѣхъ моей лекціи. Многіе меня посѣтили, въ томъ числѣ и деканъ Игнатишевъ, назначенный руководителемъ моего приготовленія къ профессурѣ.

Вступительная лекція была удачна, но какъ быть дальше? Не перейти же къ курсу Вигуры—печальной школѣ моей подготовки. Нѣмецкимъ языкомъ я только-что началъ заниматься, и каждая страница Блунчи стоила мнѣ немаловажнаго труда и постоянного заглядыванія въ лексиконъ Рейфа. Но какъ же быть? Какъ же читать? Не по тетрадкамъ же покойнаго Ивана Мартыановича, отъ которыхъ меня тошнило, когда я училъ ихъ студентомъ? Надумался я истолковать моимъ слушателямъ событія февральской революціи и французскую конституцію 1848 г. Эти слова: „равенство, свобода и братство“—такъ хорошо звучали и такъ строго были воспрещены, что очень хотѣлось произнести ихъ. Взялъ я съ собою на лекцію хартію 48 г., а мой добрый геній подсказалъ мнѣ захватить и тетрадку Вигуры, въ которой излагалось ученіе объ образахъ правленія. Прихожу въ университетъ и узнаю, что на мою лекцію прѣхалъ попечитель. Ну, какъ при немъ, при начальствѣ, говорить такіе ужасы, какъ „свобода, равенство и братство“? Я—къ тетрадкѣ Вигуры, и сталъ читать объ образахъ правленія, но на drei Viertel Stunde этого не стало, и я долженъ былъ прекратить лекцію задолго до звонка. Полное фіаско, отразившееся на лицѣ Ребиндера, который былъ передъ тѣмъ на лекціи Шварца и остался вполне доволенъ ею. Я чуть не плакалъ. Черезъ нѣсколько дней попечитель пригласилъ

силъ меня и Шварца къ себѣ на обѣдъ. Со Шварцемъ онъ былъ гораздо любезнѣе и говорилъ съ нимъ о его лекціи. Ребиндеръ уже жилъ въ первой гимназіи. Обѣдали мы втроемъ. Вина тогда я пить не могъ, но Ребиндеръ думалъ, что я стѣсняюсь пить при немъ, какъ при начальникѣ, и совѣтовалъ не бояться. Этотъ обѣдъ я особенно помню потому, что мнѣ пришлось видѣть тестя попечителя, декабриста кн. Трубецкого. Въ дверяхъ остановился человѣкъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, совершенный простолюдинъ: грубоватое лицо, заскорузлыя руки, длиннополый не то сюртукъ, не то армякъ; панталоны въ сапоги. Такъ измѣнила Сибирь тонкаго и деликатнаго диктатора 14 декабря.

Помнится, въ концѣ этого семестра мнѣ пришлось впервые экзаменовать казеннокоштныхъ студентовъ. Эти первые проэкзаменованные мною были: Н. А. Богдановъ, теперешій правитель канцеляріи попечителя, Ѳ. И. Леонтовичъ, теперешній заслуженный профессоръ варшавскаго университета, и В. В. Виндингъ, теперешній управляющій могилевской казенной палатой. Последний, спасибо ему, всегда добрымъ словомъ поминалъ мои первые неумѣлые профессорскіе шаги и молодой жаръ моихъ первыхъ лекцій.

Возвратившись съ обычной поѣздки на святки домой, я получалъ не въ зачетъ третнее учительское жалованье—огромную сумму: 130 руб. Сдѣлалъ себѣ форменный кафтанъ, въ которомъ полагалось читать лекціи; купилъ серебряныя часы; кое-чѣмъ украсилъ свои двѣ комнатки въ домѣ Лагоды и плотно засѣлъ за работу. Изучалъ превосходную исторію литературы государственныхъ наукъ Моли, обрабатывалъ курсъ центральныхъ учреждений для слушателей. Особенно увлекала меня исторія учреждений. Исторію русскаго права въ мое время почти-что не читали, и она сдѣлалась моею излюбленною наукой: съ этихъ поръ я сталъ болѣе государствовѣдомъ-историкомъ, чѣмъ догматикомъ, что сказывалось на моихъ курсахъ и впоследствии, и съ чѣмъ я не хочу разстаться и теперь, когда въ обработкѣ государственнаго права сталъ получать перевѣсъ элементъ догматическій, и оно начало утрачивать политическій отбѣнокъ, который сообщали ему государствовѣды, мои наставники, болѣе и болѣе приобретаая характеръ науки юридической, съ легкой руки Лабанда, Еллинева и др. Излагая, напр., министерства въ весенній семестръ 1857 г., я старался схватить, когда зарождалось вѣдомство каждаго изъ нихъ, какія учрежденія его вѣдали, какъ видоизмѣнялись организація и компетенція министерствъ со времени ихъ образованія и понинѣ. Я помню, что на одну мою лекцію, когда я именно

читалъ о сенатѣ, пришелъ ректоръ съ проф. Рахманиновымъ, можетъ быть сохранившіе хорошее воспоминаніе о моей вступительной лекціи. Въ этотъ же весенній семестръ 1857 г. я приступилъ къ собранію матеріаловъ для моей магистерской диссертациі. Мнѣ очень понравилась превосходная монографія Бориса Николаевича Чичерина: „Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, и я задумалъ изслѣдовать губернскія учрежденія XVIII вѣка до изданія „Учрежденія о губерніяхъ“ 1775 г. Въ собраніи матеріаловъ я слѣдовалъ приему Погодина: какъ только въ какомъ-нибудь номерѣ Полнаго Собранія Законовъ говорилось о какомъ-нибудь губернскомъ учрежденіи, я выписывалъ его цѣликомъ, но кромѣ того я списывалъ и номера правоописательнаго характера. Полное Собраніе Законовъ—сборникъ казуистическаго характера: при каждомъ законоположеніи приводится случай или казусъ, вызвавшій его въ бытію. Эти казусы очень характерны, а сумма ихъ рисуется яркую картину общественныхъ правовъ XVIII вѣка. Мнѣ хотѣлось выдвинуть эту картину, чтобы объяснить, почему въ обществѣ, въ которомъ, какъ говорила Екатерина II, каждый жилъ только для себя, не помышляя о благѣ общемъ, могла установиться только система административной централизаціи и правительственной опеки и не могло быть мѣстнаго самоуправленія. Къ сожалѣнію, юридическій факультетъ, которому я представилъ свою диссертацию въ рукописи, нашелъ невозможнымъ разрѣшить печатаніе правоописательной части, безъ разрѣшенія нѣсколькихъ цензуръ и въ томъ числѣ синодальной. Эти непропущенныя страницы обозначены въ печатномъ экземплярѣ моей книги точками.

Помнится, въ этомъ же 1857 г. защищалъ свою магистерскую диссертацию „Объ Адамѣ Смитѣ“ Григорій Матвѣевичъ Цѣхановецкій, бывшій тогда учителемъ исторіи въ нѣжинской гимназіи. Въ гимназіи онъ шелъ выше меня однимъ классомъ, а курсъ мы окончили вмѣстѣ въ одномъ году—онъ филологомъ, я—юристомъ. Это былъ человѣкъ блестящихъ дарованій и громадной начитанности. Онъ уже и тогда читалъ чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а по-французски еще въ гимназіи выучился писать разныя статьи такъ же, какъ по-русски. Я мало встрѣчалъ людей, у которыхъ мыслительная способность была бы такъ развита и функція мысли составляла бы такую правильную, органическую работу мозга. Несомнѣнно онъ былъ даровитѣе всѣхъ насъ. При томъ онъ былъ человѣкъ души нѣжной и впечатлительной, сердца мягкаго и любящаго. Онъ занялъ впослѣдствіи каѳедру политической экономіи и статистики, но

долженъ былъ оставить любимый имъ Кіевъ и перейти въ харьковскій университетъ, гдѣ онъ былъ послѣднимъ выборнымъ ректоромъ. Но когда уставъ 1884 г. выборного ректора замѣнилъ короннымъ, Цѣхановецкій былъ единственнымъ ректоромъ, отказавшимся отъ должности, лишь бы только не быть переименованнымъ въ ректора короннаго. Въ ноябрѣ 1901 г. я лежалъ въ Харьковѣ; въ глазной лечебницѣ, послѣ операціи проф. Гиршмана. Товарищи покойнаго Цѣхановецкаго ставили памятникъ надъ могилой своего послѣдняго выборного ректора. Я очень жалѣлъ, что не могъ принять участія въ этомъ печальномъ торжествѣ, присоединивъ свое слово къ слову ректора Куплевасскаго, который когда-то подъ моимъ руководствомъ готовился къ магистерскому экзамену. Слово было бы задушевное: я хорошо зналъ Цѣхановецкаго въ его юношескіе, гимназическіе годы, уважалъ за научныя стремленія и любилъ за доброе сердце. Кто видѣлъ элегантнаго и здороваго Григорія Матвѣевича въ 70-хъ годахъ, передъ переходомъ его въ Харьковъ, тотъ, конечно, не узналъ бы его въ скромной фигурѣ нѣжинскаго учителя, защищавшаго въ 1857 г. своего Адама Смита на степень магистра политической экономіи. Исхудалое, бритое лицо—вѣдь тогда еще не разрѣшалось носить бороду и усы,—едва слышимый, слабогрудый голосъ, убогій учительскій мундиръ съ узенькимъ кантыкомъ шляхты по воротнику — вѣдь тогда дефендентъ и оппоненты должны были быть въ полной парадной формѣ—таковъ былъ позднѣйшій левъ профессорскихъ салоновъ, отъ котораго ревнивые мужья прятали своихъ цѣломудренныхъ женъ. Живю я помню этотъ диспутъ Цѣхановецкаго: эффектную рѣчь профессора Шульгина, почему-то приплевшаго конкордаты Пія IX съ Австріей, чтò было тогда вопросомъ дня; помню мелодическую скороговорку Н. Х. Бунге, расхваливавшаго работу своего ученика; не забылъ и чуднаго картавленія Сидоренка по книжкѣ Бастіа, перечислявшаго возможные виды споліацій, которыя нарушаютъ естественный ходъ въ развитіи экономическихъ отношеній. Помню я и реплики дефендента — реплики робкія, но въ нихъ свѣтилась глубина убѣжденія и знакомство съ дѣломъ. Удержала моя память воспоминаніе даже о томъ ужинѣ съ блинами, который Цѣхановецкій устроилъ намъ въ квартирѣ своего пріятеля В. Г. Демченко.

Мой одноклассникъ, Василій Григорьевичъ Демченко, окончилъ курсъ въ университетѣ вмѣстѣ со мною и поѣхалъ на службу въ сенатъ, такъ какъ имѣлъ право начать эту службу въ столицѣ, какъ лучший кандидатъ. Въ гимназіи мы шли почти вмѣстѣ:

онъ былъ однимъ классомъ ниже меня, а въ университетѣ мы поровнялись, такъ какъ я первый годъ потерялъ. Демченка потянуло въ Кіевъ, къ товарищамъ, приготовлявшимся къ профессурѣ, и онъ промѣнялъ сенатъ на университетъ. Сначала ему было назначено уголовное право, подъ руководствомъ проф. Богородскаго, но когда послѣдній умеръ и на его мѣсто, хотя и на самое короткое время, сѣлъ адъюнктъ Колоссовскій, изъ Москвы, то Демченко перешелъ на право гражданское, которое Рененкампфъ промѣнялъ на энциклопедію. Эту кафедру Демченко занимаетъ и понынѣ: мы съ нимъ—послѣдніе изъ могиканъ. Съ 1844 г. и понынѣ мы съ Демченко идемъ по одной дорогѣ.

Составилась, такимъ образомъ, группа изъ пяти молодыхъ людей—меня, Цѣхановецкаго, Рененкампфа, Сидоренка и Демченка,—связанная въ одно цѣлое многими интересами, одинаковостью положенія. Между нами должны бы были солидарность и единеніе, но мы были славяне—и единенія не было. Правда, особенной розни не случалось, но бывали мелкія сплетни и интриги.

Жертвой этихъ прелестей чаще всѣхъ бывалъ я, способный увлекаться безъ оглядки, довѣряться до наивности. Но когда мы всѣ сдѣлались членами совѣта, единеніе бывало между нами нѣрѣдко, и часто вся группа дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ. Механикомъ бывалъ Рененкампфъ, а ораторомъ—Демченко, пріобрѣтшій репутацію совѣтскаго *enfant terrible*. Въ совѣтѣ мы поэтому были силой, которая бывала особенно грозна и безпощадна, когда шла баллотировка при двухъ третяхъ. Все это, впрочемъ, можно бы разсказать и послѣ, а теперь вернемся къ нашимъ барашкамъ.

Во время каникулъ 1857 года я попросилъ у отца моей Александрины ея руку. Не могу безъ улыбки вспомнить эту сцену. Григорій Михайловичъ ходилъ по саду очень скоро, почти бѣгалъ. Мы—въ догонку за нимъ, но никакъ не поймаемъ. Наконецъ, догнали, и я дрожащимъ голосомъ высказалъ свою просьбу. „Охотно,—послышался отвѣтъ,—охотно выдамъ за васъ, а вотъ за вашего брата, Владиміра, я бы не выдалъ“. Сватовство, такимъ образомъ, состоялось: мы были объявлены женихомъ и невѣстой съ обычнымъ шампанскимъ, и уже задолго данный тайный обѣтъ сдѣлался явнымъ, не такъ скоро, впрочемъ, осуществившимся. Но намъ казалось, что все уже кончено, что все уже сдѣлано, и радость наша была безмѣрна. Я тотчасъ же верхомъ поѣхалъ въ Лохвицу, чтобъ сообщить объ этомъ событіи кузену моей невѣсты, Александру Павловичу Гамалѣю, ко-

торый былъ тогда большимъ моимъ пріятелемъ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и довольно образованный, такъ какъ окончилъ хорошимъ кандидатомъ университетъ св. Владиміра. Тогда въ лохвицкомъ уѣздѣ воспитанники университета были пребольшей рѣдкостью, — поэтому кузена выбирали во всякія должности; теперь же онъ служилъ лохвицкимъ уѣзднымъ судьей. Но скажу нѣсколько словъ о семьѣ моей невѣсты. Фамилія Гамалѣя была одна изъ самыхъ старыхъ малороссійскихъ фамилій и своею древностью могла соперничать съ фамиліей Галагана. И еслибъ только въ Малороссіи были мѣстныя счеты, то и не знаю, кого бы гетманъ посадилъ выше за свой обѣденный столъ: Гамалѣя или Галагана. Предки тестя служили въ высшихъ рангахъ козацкой старшины. Ихъ потомокъ, Григорій Михайловичъ Гамалѣя, былъ истымъ хохломъ и весьма симпатичнымъ типомъ помещика крѣпостной эпохи. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Нахимовымъ, который былъ и сослуживцемъ его по флоту. Службу свою онъ началъ во флотѣ балтійскомъ и окончилъ въ черноморскомъ. Выйдя въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта, онъ поселился въ с. Безсалахъ, недалеко отъ г. Лохвицы, въ довольно богатомъ имѣніи, доставшемся ему отъ очень любившаго его дяди. Не знаю, долго ли онъ велъ холостяцкую жизнь богатаго паньча, но знаю, что онъ сдѣлалъ хорошую партію: онъ женился на Варварѣ Алексѣевнѣ Закревской, сестрѣ очень богатаго Платона Алексѣевича и тетѣ опальнаго сенатора. Фамилія Закревскихъ была одною изъ самыхъ родовитыхъ въ полтавской губерніи: она считалась въ довольно близкомъ родствѣ съ Разумовскими, подобно тому, какъ Судовщиковы считались въ родствѣ съ Безбородками. Варвара Алексѣевна была, говорятъ, красива, но едва-ли ея приданое соотвѣтствовало ея родословной. У самого Григорія Михайловича было довольно добра. Со своей красивой женой тестъ прижилъ четырехъ дѣтей — сына Петра и дочерей: Марію, Александру и Настасью. Жена скоро умерла: отецъ овдовѣлъ, его дѣти осиротѣли. Страстный охотникъ (лисья шубы всѣхъ членовъ семьи были продуктомъ собственной стрѣльбы), бабникъ и картежникъ, тестъ не могъ хорошо доглядывать дѣтей, и они росли на всей своей волѣ. Притомъ, онъ былъ постоянно избираемъ предводителемъ лохвицкаго дворянства и по этой должности былъ обязанъ часто отлучаться въ Полтаву или въ уѣздъ. Любимецъ лохвицкаго дворянства, онъ былъ почти безсмѣннымъ его предводителемъ. Дочерей своихъ, Марію и Александру, онъ пристроилъ въ полтавскій институтъ, а Настя съ братомъ Петей выросла въ Безсалахъ;

пѣжная дружба соединяла ихъ, тѣмъ болѣе, что и по возрасту братъ подходилъ къ сестрѣ. Старшая дочь, Марья Григорьевна, прошла всѣ классы института и вышла изъ него такой мало-россійской красавицей, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Недолго былъ ея дѣвическій вѣкъ: кусочекъ былъ слишкомъ лакомый, чтобы не быть скоро съѣденнымъ. Поѣхала она погостить къ своей теткѣ Александрѣ Алексѣевнѣ Иваненко, въ переяславскій уѣздъ, гдѣ тогда стоялъ Ганноверскій гусарскій полкъ. Здѣсь ее встрѣтилъ знаменитый въ русской гусарской хроникѣ Захаръ Константиновичъ Солонина, племянникъ моей крестной матери. Это былъ мужчина необычайной красоты. Я много бывалъ, много видалъ и слышалъ, но такого дивнаго красавца не встрѣчалъ ни въ одной европейской странѣ. Говорили, что прѣзжали нарочно въ то мѣсто, гдѣ стоялъ полкъ Солонины, чтобы полюбоваться имъ. Самъ фельдмаршалъ Барятинскій зналъ его и ему покровительствовалъ. Два красавца сочтались, такимъ образомъ, бракомъ — и вышла такая парочка, что хоть на европейскую выставку послать — получилась бы первая премія.

Александра Григорьевна должна была выйти изъ института по болѣзни глазъ. Увидѣлъ я ее въ первый разъ еще мальчикомъ-гимназистомъ. Это была смугленькая дѣвочка съ чудными сѣрыми глазами, по близорукости всегда прищуренными, въ вѣночекъ изъ васильковъ, рѣдкой находчивости и остраго слова. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь, мы какъ-то постоянно обращали вниманіе другъ на друга: видно — судьба. Помню, гимназистомъ вышшаго класса игралъ я съ нею въ цензуру; отбирали мнѣнія о ней: я называлъ ее недозрѣлымъ, горькимъ яблокомъ. Она выбрала меня. Это недозрѣлое, горькое яблоко зашло между нами и, превращаясь постепенно въ сладкое, довело насъ до брака и взаимной любви. Александра Григорьевна была дѣвушка весьма развитая и начитанная. Ей хорошо были извѣстны лучшіе русскіе поэты; она хорошо знала и Байрона во французскомъ переводѣ. Ея умная головка выработала иную программу жизни, чѣмъ жизнь окружающаго дворянства въ эту крѣпостную пору. Она брезгала нравами и понятіями ея среды и взглядомъ сатирика озирала лохвицкія мертвыя души. Она жаждала другой жизни, гдѣ бы было болѣе свѣта и культуры, гдѣ бы были души живыя. Не мало молодыхъ людей, особенно военныхъ, которыми всегда былъ наполненъ лохвицкій уѣздъ, гдѣ драгуны смѣнялись піонерами, піонеры — артиллеристами, артиллеристы — уланами, и т. д., ухаживали за ней, изящной и необычайно граціозной,

съ ручками и ножами классической правильности и красоты. Взоръ ея остановился на мнѣ: она меня крѣпко полюбила... Участь младшей сестры, Насти, и брата Петра была болѣе печальна: Настя вышла замужъ за любимаго человѣка, но умерла очень скоро. Петя былъ совершеннымъ неудачникомъ. Страшно нервный и раздражительный, изъ харьковскаго университета перешелъ онъ въ кievскій, выбралъ медицинскій факультетъ, котораго не могъ переносить. Въмѣсто анатоміи изучалъ Гоголя, и кончилъ тѣмъ, что бросилъ университетъ и поступилъ юнкеромъ въ какой-то пѣхотный полкъ, въ которомъ скоро и умеръ.

Но все это дѣлалось уже послѣ смерти второй жены Григорія Михайловича, въ періодъ второго его вдовства. Когда опостыгло ему первое вдовство, онъ, при участіи тогдашняго своего друга, знакомаго уже намъ Паульсона, женился на Прасковѣ Николаевнѣ Кондратовой. Это была дѣвица довольно солидныхъ лѣтъ, но прелестная собой и лучшаго тона. Благодаря ея вкусу и такту, домъ лохвицкаго уѣзднаго предводителя былъ поставленъ на высокую ногу, и, несмотря на ея любовь къ строгому порядку и этикету, въ этомъ домѣ царствовало самое широкое гостепріимство, и гости никогда не переводились. Такихъ вкусныхъ обѣдовъ, завтраковъ и ужиновъ я нигдѣ не ѣдалъ; такой славянки не бывало ни у кого; а такіе огромные карасы водились только въ предводительскомъ прудѣ. Поваръ Семенъ былъ настоящій артистъ, достойный придворной кухни. Бывало, когда онъ приготовитъ какой-нибудь пуддингъ или мороженое, то гости невольно раскошеливались, щедро давая на чай виновнику испытаннаго блаженства. Славное время! Привольное житье! И тѣмъ пріятнѣе вспоминать его, что мой тестъ не злоупотреблялъ крѣпостнымъ правомъ, и его крестьянамъ жилось изрядно. Онъ, конечно, былъ эгоистомъ. Но сердиться не любилъ, находя, что это можетъ повредить его здоровью. Вообще, забота о здоровьѣ была его главнымъ конькомъ. Такъ, однажды, когда горѣла его прекрасная винокурня, онъ спрятался, чтобы не видѣть пожара, и просилъ не говорить ему о немъ; такъ, когда у него въ домѣ смертельно былъ боленъ мой Сережа, онъ старался не заглядывать въ комнату больного и отдавался игрѣ въ преферансъ, который въ его домѣ никогда не прекращался. Тѣмъ не менѣе, я сохранилъ о немъ самыя пріятныя воспоминанія. Онъ былъ чловѣкъ пріятливый, обходительный, довольно образованный и бывавшій и умѣлъ поддерживать свое Гамалѣевское дворянское достоинство. Со второй женой онъ жилъ не такъ долго; она умерла, оставивъ ему сына Николая, съ которымъ намъ придется встрѣ-

титься впоследствии, когда будетъ рѣчь о выдѣлѣ моимъ сыновьямъ части имѣнія. Сестра покойной Прасковьи Николаевны, Софья Николаевна, была замужемъ за типическимъ роменскимъ помѣщикомъ Заруднымъ — сколомъ съ Гоголевскаго Пѣтуха. Такова была семья моей первой жены, когда я увезъ ее за границу.

Въ осеннемъ семестрѣ 1857 г. я читалъ исторію политическихъ учений. Этотъ курсъ былъ очень удаченъ, встрѣчая всегда одобреніе аудиторіи. Особенно я помню лекцію о Монтескьѣ, вызвавшую шумныя рукоплесканія. Меня также очень интересовало ученіе объ отдѣленіи общества отъ государства, и я излагалъ его развитіе въ сочиненіяхъ Аренса, Моля и Штейна. Я былъ заклятымъ сторонникомъ этого ученія и считалъ его великимъ открытіемъ политической науки. Мы, русскіе, всегда склонны увлекаться ученіями, не нами придуманными. Не могу забыть, какъ различно относились къ сочиненіямъ Бѣкка и у насъ, въ Россіи, и за границей. Даже Герценъ считалъ узкое историческое мировоззрѣніе Бѣкка новымъ и великимъ, а въ Германіи и въ Англіи этотъ жоранъ русской quasi-интеллигенціи подвергнулся строгой критикѣ и разоблаченіямъ. Когда же мы, наконецъ, поумнѣемъ и станемъ болѣе самостоятельными? Я увлекался также крестьянскимъ вопросомъ, поднятымъ императоромъ Александромъ II, и посвятилъ не мало лекцій исторіи крестьянъ и крѣпостного права въ западной Европѣ. Эти лекціи привлекали много слушателей изъ постороннихъ лицъ, и о нихъ говорили даже въ городѣ. Все это для студентовъ-юристовъ было ново, но едва ли прямо относилось къ моему дѣлу — къ русскимъ государственнымъ законамъ, которые я долженъ былъ преподавать. У меня кружилась голова; я просто не зналъ, что мнѣ и дѣлать, — такъ велика была жажда разомъ обнять множество вопросовъ и разнообразныхъ сюжетовъ. Я какъ будто искалъ броду черезъ рѣчку, глубина которой мнѣ не была извѣстна. А тутъ еще любовь къ невѣстѣ и тоска по ней! а тутъ еще магистерскій экзаменъ, къ которому мнѣ, жениху, пора же приступить! Я и приступилъ къ нему въ мартѣ 1858 г. Но пока я приступилъ, юридическому факультету пришлось перенести большую потерю. Въ началѣ декабря 1857 г., послѣ своихъ именинъ, которыя онъ любилъ справлять шумно, умеръ Савва Осиповичъ Богородскій, недавно вновь вступившій въ факультетъ, изъ котораго онъ было-вышелъ по окончаніи двадцатипятилѣтія. Поминемъ еще разъ добрымъ словомъ этого достойнѣйшаго профессора. Несомнѣнно, по эрудиціи и таланту это былъ первый

криминалистъ своего времени. Правда, ему не пришлось такъ, какъ московскому Баршеву, порицать, до судебной реформы Александра II, судъ присяжныхъ, устность и гласность процесса, восхваляя ихъ послѣ реформы. Богородскій по каждому вопросу своей обширной науки приводилъ всѣ про и contra, предоставляя нашему разумѣнію стать на ту или другую сторону и не налагая на насъ своего категорическаго приговора. Поэтому ему и не приходилось сегодня быть сторонникомъ обвинительнаго процесса, а завтра—слѣдственнаго, какъ приходилось многимъ другимъ. Я вспоминаю одного молодого полицейста, который въ одномъ курсѣ выхвалялъ цензуру, а въ другомъ—порицалъ. Таково уже свойство юридическихъ наукъ, преисполненныхъ такихъ соблазновъ, и поэтому требующихъ особенной крѣпости и послѣдовательности мыслей. Богородскій не былъ повиненъ въ такой измѣчивости своихъ криминальныхъ убѣжденій. Онъ прожилъ свой вѣкъ холостякомъ, состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ проф. Ставровскаго. Тогда въ юридическомъ факультетѣ какъ будто была мода на холостяцкую жизнь: всѣ члены его, за исключеніемъ проф. Федотова, дважды женатаго, были холостяками. Въ наше время юридическій факультетъ представлялъ обратную картину: мы всѣ, за исключеніемъ Бунге и Цѣхановца, были женаты. Все это влияло на переѣмъ нравовъ и обычаевъ. Эта одинокая холостяцкая жизнь печально сказалась на обстановкѣ покойнаго Богородскаго: я зашелъ къ нему, въ домъ Эйсмана, на Большой-Владимірской; одинъ-одинѣшенекъ лежить на столѣ Савва Осиповичъ—ни души при немъ, ни слезъ, ни стона, и только слуга въ отдаленномъ углу равнодушно шьетъ саванъ. Мнѣ холодно стало. „Хорошо же,—думалъ я,—что у меня будетъ жена, семья, что и гробъ мой будетъ окруженъ вниманіемъ и слезами“.

Экзаменъ на степень магистра государственнаго права былъ не такъ специализированъ, какъ по уставу 1863 г., ограничившему его двумя предметами—государственнымъ и международнымъ правомъ. Мой экзаменъ былъ гораздо сложнѣе, обнимая собою значительное число предметовъ: государственные законы, законы государственнаго благоустройства, законы благочинія, финансы, политическую экономію и статистику. Не входили, такимъ образомъ, нужнѣйшіе предметы: европейское государственное право и исторія философіи права. Молодой и здоровый, съ бойкимъ умомъ и пылкимъ сердцемъ, я браво повелъ дѣло экзаменовъ, и мнѣ и теперь пріятно вспомнить, какъ я хорошо отвѣчалъ. Незабитовскій, этотъ Флоберъ въ отыскиваніи слова, со-

отвѣтствующаго мысли, всегда выхвалялъ мой даръ изложенія, который Рененкампфъ называлъ риторикой и фразерствомъ.

Но меня это не смущало, такъ какъ въ этомъ я видѣлъ *jalousie de métier*. Экзаменъ я началъ съ законовъ государственнаго благоустройства—предмета Иванішева, самаго милаго и пріятнаго для меня человѣка. Припоминаю, что этотъ предметъ я готовилъ вмѣстѣ съ моимъ нѣжинскимъ товарищемъ Салогубомъ, который, перемѣнивъ медицинскій факультетъ на юридическій, въ это время готовился на степень кандидата. Экзаменъ сошелъ прекрасно, также какъ и слѣдующій—по финансамъ, изъ которыхъ экзаменовалъ Незабитовскій. Изъ государственныхъ законовъ экзаменовалъ меня Эйсманъ, а присутствовалъ попечитель Ребиндеръ. Онъ былъ нѣсколько сконфуженъ, такъ какъ дѣло было скоро послѣ того, какъ онъ черезъ декана предложилъ мнѣ подать прошеніе объ увольненіи по причинѣ моего физическаго недостатка. Я тотчасъ же исполнилъ это требованіе, редактировавъ прошеніе довольно дерзко. Но онъ не далъ хода этому дѣлу, хотя проф. Ходецкий и предупреждалъ меня, что съ Ребиндеромъ шутить нельзя. Присутствіе его меня прищипывало: онъ былъ сконфуженъ, а я какъ будто мстилъ ему своимъ бравымъ отвѣтомъ. Изъ законовъ благочинія, по неимѣнію спеціалиста, экзаменовалъ меня товарищъ Демченко, но уже съ слишкомъ серьезнымъ видомъ. Отвѣчалъ я, помнится, о паспортахъ и пенитенціаріяхъ. Назначенъ былъ день послѣдняго экзамена изъ политической экономіи и статистики, къ которому я уже приготовился, но почти наканунѣ его пріѣхала съ сестрами моя невѣста. До экзамена ли было мнѣ теперь!.. Обратился къ декану, чтобы экзаменъ отложить. „Для такого великаго дѣла нужно отложить“,—шутливо сказалъ Иванішевъ. Экзаменъ отложили, и мы съ невѣстой загуляли, да какъ загуляли: и въ лаврскомъ саду, и на Аскольдовой могилѣ, и въ городскомъ саду и Ботаническомъ, вездѣ мы побывали. А на дворѣ былъ май, а въ садахъ не умолкали соловьи и благоухали нарцисы и ландыши. Чудесныя, святые минуты! Я былъ тогда съ братомъ Евгеніемъ въ домѣ портного Сварчевскаго, на Малой-Владимірской. И когда мнѣ впослѣдствіи приходилось проходить мимо него, даже въ мои старые годы, мнѣ такъ и чудилось: май, соловьи, цвѣты... Невѣста уѣхала—ее замѣнили политическая экономія и статистика. Экзаменовалъ Н. Х. Бунге. Статистику я мало зналъ, а изъ политической экономіи былъ подготовленъ солидно: зналъ Сая, Листа, Рошера, Кери—больше чѣмъ нужно для юриста. Это былъ мой послѣдній экзаменъ, съ котораго мы все пошли

къ Незабитовскому, устроившему, по случаю отъезда за границу, прощальный ужинъ. Этотъ ужинъ былъ устроенъ, конечно, не для меня и не по случаю окончанія мною экзаменовъ, ходомъ которыхъ Незабитовскій былъ очень доволенъ,—я это зналъ, но я такъ былъ преисполненъ мыслями о своей персонѣ, что считалъ себя героемъ этого вечера и думалъ, что и ужинъ ради меня. Дѣло экзамена, однакоже, еще не кончилось: по всѣмъ предметамъ нужно было представить письменные отвѣты, что я и не замедлилъ совершить.

Лѣтомъ 1858 г. нашего Ребиндера перевели въ Одессу, а одесскаго Пирогова дали намъ. Обмѣнъ былъ довольно выгодный: вмѣсто пылаго казеннаго либерала, мы получили геніальнаго человека и вполне образцоваго попечителя. Личность и дѣятельность Николая Ивановича Пирогова слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы мнѣ о нихъ подробно говорить. Притомъ я недолго могъ непосредственно надъ этимъ наблюдать, такъ какъ значительную часть Пироговскаго періода я провелъ за границей, откуда уже возвратился при попечителѣ Витте. Попадѣе, будучи депутатомъ отъ университета св. Владиміра на открытіи памятника Пирогову въ Москвѣ, я сказалъ слово, въ которомъ старался очертить этого историческаго дѣятеля. Это слово было напечатано въ газетахъ и въ нѣкоторыхъ медицинскихъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ напомнить двѣ характерныя черты Пироговскаго режима, крѣпко запечатлѣвшіяся въ моей памяти. Учебный округъ представляетъ собою сумму всяческихъ учебныхъ и административныхъ учреждений, педагоговъ и должностныхъ лицъ, которые не связаны въ одно цѣлое, но дѣйствуютъ въ раздробъ и одиночку. Пирогову удалось эту сумму отдѣльныхъ единицъ связать въ одно цѣлое, претворить въ одинъ организмъ, проникнутый общей идеей, послѣдовательно проводимой. Могучій умъ Пирогова оживотворилъ прежній омертвѣлый механизмъ: духомъ жизни и почина преисполнились какъ отдѣльныя лица—директора, инспектора, смотрители, учителя и ученики, такъ и цѣлыя коллегіи—педагогическіе совѣты. Все это стало мыслить, говорить и дѣйствовать.

Измѣнилось и отношеніе власти къ студентамъ. Чтя молодость, какъ великую силу жизни, Пироговъ очень любилъ студентовъ. Съ ними онъ былъ въ постоянномъ общеніи: двери его кабинета, запертыя иногда для другихъ, постоянно были открыты для студентовъ. Чтя отдѣльную личность студента, онъ былъ горячій поклонникъ студенческихъ организацій, но организацій не регламентированныхъ и извнѣ навязанныхъ, а автономически

возникшихъ изъ внутреннихъ потребностей студенческаго быта. Студенчество при Пироговѣ получило самое широкое самоуправленіе: установились правильныя и толковыя студенческія сходы, студенческій судъ, кассы, бібліотека, читальня. Всѣмъ этимъ заведывали сами студенты, безъ всякаго канцелярскаго бумагомаранія и непрошеннаго надзора. Все это подняло въ студентахъ сознаніе ихъ личнаго достоинства, достоинство ихъ званія и университета, какъ храма науки. И замѣчательно, въ это время широкой студенческой автономіи, сколько я могу припомнить, никакихъ безпорядковъ въ университетѣ не бывало; студенты вели себя степенно и чинно, посѣщая аудиторіи и лабораторіи болѣе исправно, чѣмъ во времена строгихъ мѣропріятій. Несомнѣнно, время Пирогова—золотое время въ исторіи кіевскихъ студентовъ: студенты Пироговскихъ временъ были болѣе просвѣщенными и развитыми, чѣмъ когда бы то ни было. Не даромъ они дали столько талантливыхъ дѣятелей и университету, и обществу.

Пирогова я видѣлъ въ первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ половинѣ августа 1858 г. былъ диспутъ нашего товарища Сидоренко, защищавшаго свое изслѣдованіе „о Тюрго“ на степень магистра политической экономіи. Изслѣдованіе было въ рукописи. Такъ водилось въ доброе старое время: диссертациі на ученныя степени рѣдко печатались, но большею частью представлялись и защищались въ рукописи. Такъ въ мое студенческое время было съ докторскими диссертациями: Теофилактова, Митюкова, Гогоцкаго, Рахманинова. Съ послѣднимъ на диспутъ случился маленькій инцидентъ: Рахманиновъ, какъ извѣстно, былъ очень разсѣянъ, а его оппонентъ, проф. Кноррь, былъ очень злобенъ и насмѣшливъ. Сконфуженный дефендентъ растерялъ страницы своей несшитой „Механики“ по заглѣ и съ трудомъ подобралъ ихъ и привелъ въ порядокъ. Не знаю, улучшилъ ли типографскій станокъ достоинство диссертаций, но несомнѣнно, что обычай защищать диссертациі въ рукописи былъ обычай недобрый, и противъ него категорически возсталъ Пироговъ, присутствовавшій инкогнито на диспутѣ Сидоренко. Дѣло было такъ. Диспутъ происходилъ въ сборной залѣ студентовъ: официальные оппоненты—Бунге, Шульгинъ и Ставровскій окончили свои лирическія изліянія по адресу дефендента; вслѣдъ затѣмъ въ довольно отдаленномъ ряду послышался чей-то громкій голосъ: „Я,—услышали мы,—пришелъ на диспутъ и, можетъ быть, захотѣлъ бы возражать, но я не могу возражать, такъ какъ диссертациа не напечатана. До сихъ поръ я думалъ,

что есть только скрытая теплота, скрытое электричество, а теперь я узналъ, что есть и скрытая диссертация. Я бы желалъ, чтобы таковыхъ больше не было“. Это былъ голосъ нашего новаго попечителя, только-что прїѣхавшаго и такъ оригинально дебютировавшаго въ нашемъ университетѣ. Властное слово Пирогова отмѣнило рукописныя диссертаци: наши магистерскія должны были быть уже напечатаны, и намъ выдали даже деньги на ихъ изданіе. Послѣ этого былъ только одинъ случай представленія диссертаци въ рукописи: *Θ. И. Леонтовичъ* представилъ такую рукопись *pro venia legendi* „О литовскихъ крестьянахъ“. Но совѣтъ настоялъ, чтобы работа, хотя уже и защищенная, была напечатана, что и исполнено. Это былъ послѣдній моментъ переживанія рукописнаго порядка.

Общаго представленія профессоровъ Пирогову не было. Я долго не имѣлъ случая говорить съ нимъ, такъ какъ былъ слишкомъ маленькой персоной, чтобы бесѣдовать съ такимъ великаномъ. Только я помню литературные вечера у Пирогова въ осеніе и зимніе мѣсяцы. Мы собирались въ его квартирѣ, въ первой гимназій, прїемная зала которой была украшена, я хорошо помню, прекрасными гравюрами. Насъ угощали чаемъ съ крендельками. Для этихъ литературныхъ вечеровъ назначены были очередные дни: въ одинъ такой день собирались филологи и юристы, а въ другой — математики, естествоиспытатели и медики. Читались еще ненапечатанныя профессорскія работы. Такъ, я помню, Шульгинъ читалъ свою „Исторію двадцатипятилѣтія университета св. Владиміра“, отвергнутую совѣтомъ; Бунге читалъ свои „Письма объ университетѣ“, которыя потомъ были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“; читалъ и *Ставровскій* мало интересную статью о „Рѣшетилловѣ“ и „Архивъ Попова“. Но въ особенности я помню статью самого хозяина, прочитавшаго намъ ее какъ бы *roug la bouche bouche*. Пироговъ обладалъ рѣдкимъ литературнымъ талантомъ: каждое слово его статьи и теперь звучитъ въ моихъ ушахъ, какъ высокопробный, чистый металлъ.

Весной 1859 г. произошла перемѣна ректора въ университетѣ св. Владиміра: Эрнеста Рудольфовича Траутфеттера замѣнилъ Николай Христіановичъ Бунге. Траутфеттеръ былъ выбранъ товарищами, но въ 1850 г. переименованъ въ коронные. Это былъ человѣкъ высокаго благородства и чисто-академическаго воззрѣнія на задачи ректора. Ему приходилось ректорствовать въ ужасное для университетовъ время, когда университеты едва терпѣлись и ежеминутно можно было ждать грознаго слова императора: — университетамъ не быть! Инструкція ректору и дека-

намъ обязывала ихъ быть полиціймейстерами университета и факультетовъ, слѣдящими чуть не за каждымъ словомъ профессора. Надъ исполненіемъ всего этого наблюдала знаменитая Бутурлинская коммиссія, пассивнымъ органомъ которой былъ министръ-ханжа кн. Ширинскій-Шихматовъ. Это печальное для русскихъ университетовъ время совпадаетъ съ періодомъ моего студенчества: я поступилъ въ университетъ въ 1850 г., когда это время начиналось, и кончилъ курсъ въ 1855 г., когда оно заканчивалось. И какимъ же свѣтлымъ представляется мнѣ образъ нашего ректора въ эту темную пору, когда молчать было тяжело, а говорить было бѣдственно: благодаря Траутфеттеру, въ это самое время мы слушали такихъ профессоровъ, какъ Бунге, Шульгинъ, Павловъ. Не великъ ли былъ подвигъ, совершенный Траутфеттеромъ, и не заслуживаетъ ли его имя занять видную страницу не только въ исторіи университета св. Владиміра, но въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія? Но Пироговъ не могъ симпатизировать Траутфеттеру. Послѣдній былъ глубоко-консервативенъ и боялся новшествъ. У Пирогова была натура прогрессивная, жаждущая реформъ. Понятно, почему его потянуло къ Бунге—главѣ университетской прогрессивной партіи, и онъ задумалъ сдѣлать его главой университета. Въ 1859 г. Бунге былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я помню, какую сенсацию это произвело въ университетской средѣ: такого высокаго чина профессора еще не получали. Вслѣдъ затѣмъ, когда окончился срокъ службы Траутфеттера, Пироговъ въ преемники ему представилъ Бунге. Послышался скрежетъ зубовой: „Какъ! Бунге, который еще недавно былъ нашимъ слушателемъ, и Бунге превосходительство, и Бунге ректоръ!“—вскрикивалъ Александръ Алексѣевичъ Оедотовъ, едва приходившій въ себя отъ такого ужаса.

Траутфеттеру былъ устроенъ обѣдъ, который какъ бы имѣлъ демонстративный характеръ по адресу Пирогова. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ, сторонникъ Бунге, съ насмѣшкой рассказывалъ о тѣхъ лирическихъ изліяніяхъ за этимъ обѣдомъ, которыя были между генераломъ Вольскимъ—директоромъ кievскаго кадетскаго корпуса—и оскорбленнымъ Траутфеттеромъ. Эти благородные люди были въ тѣсной дружбѣ, и понятны ихъ взаимныя чувства на этомъ прощальномъ обѣдѣ. Я самъ былъ тогда на сторонѣ Бунге, и въ удаленіи Траутфеттера не находилъ ничего несправедливаго. Но теперь, озирая это событіе, какъ историкъ, я не могу не сказать, что съ Траутфеттеромъ было поступлено несправедливо, и что болѣе бы соотвѣтствовало

достоинству Бунге, если бы онъ уклонился отъ ректорства. Это тѣмъ болѣе онъ могъ бы сдѣлать, что вслѣдъ за назначеніемъ ректоромъ онъ былъ вызванъ въ редакціонныя комиссіи, гдѣ и работалъ долго, а за него ректорствовалъ любимый и уважаемый всѣми товарищами Иванъ Яковлевичъ Неймаркъ — воплощеніе доброты. По поводу вызова Бунге въ редакціонныя комиссіи припоминается мнѣ слѣдующій инцидентъ: Иванишевъ очень любилъ острить и особенно надъ Бунге, въ которому онъ считалъ вѣчто въ родѣ завистливаго соревнованія. Шелъ экзаменъ изъ финансовъ подъ предсѣдательствомъ декана. Мнѣ приходилось быть экзаменаторомъ, такъ какъ Незабитовскій и Сидоренко были за границей. Помню, что я экзаменовалъ тогда Абея, бывшаго у насъ потомъ помощникомъ библіотекаря, а теперь почтеннаго старика. Въ аудиторію вошелъ Бунге, чтобы проститься съ Иванишевымъ по случаю выѣзда въ Петербургъ. Полагаю, что задняя мысль Бунге была подразнить Иванишева своимъ вызовомъ въ комиссіи. „Поѣзжайте, поѣзжайте, ваше превосходительство! — провожаетъ его деканъ: — можетъ, и вы что-нибудь тамъ придумаете, — вѣдь не святые горшки лѣпятъ“. Бунге рѣдко оставался въ долгу передъ острякомъ Иванишевымъ, но на этотъ разъ онъ спасовалъ, ограничившись саркастической улыбкой, которая почти никогда не сходила съ его милаго лица.

Въ осенній семестръ 1858 года я страшно работалъ надъ своей магистерской диссертацией. Эта работа причинила мнѣ ежедневную жестокую головную боль, какой я потомъ никогда не испытывалъ, даже тогда, когда съ наименьшимъ напряженіемъ писалъ докторскую диссертацию. Въ началѣ 1859 года я представилъ диссертацию въ факультетъ, изъ котораго, по долгому разсмотрѣніи, послѣдовало рѣшеніе: диссертацию можно будетъ принять, если только будетъ опущена нравоописательная часть, какъ подлежащая разсмотрѣнію духовной цензуры. На такомъ рѣшеніи настанвалъ особенно Оедотовъ. Какъ ни жалко было разстаться съ этой нравоописательной частью, которая представляла живую картину нравовъ XVIII в., но я долженъ былъ подчиниться рѣшенію факультета и приступилъ къ печатанію, обозначивъ точками запретныя страницы. Признаюсь, я боялся увидѣть въ первый разъ свое имя въ печати, и поэтому напечаталъ небольшое число экземпляровъ, о чемъ, признаюсь, я очень жалѣлъ впоследствии, такъ какъ о диссертации послѣдовали благопріятныя отзывы, и она настолько разошлась, что составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Къ лѣту книга была готова и вышла подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ губернскихъ

учрежденій отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго до изданія учрежденій о губерніяхъ 1775 г.“, съ эпиграфомъ изъ Блунчли. Въ книгѣ звучала струнка гражданская—вниманіе къ современнымъ потребностямъ страны. Можетъ быть, поэтому критика такъ благосклонно отнеслась къ моей первой работѣ, такъ какъ наша критика всегда предпочитаетъ публицистическую науку. Я же самъ настолько оцѣнилъ свою книгу, что съ десяткомъ ея экземпляровъ отдалъ Литову за какого-то „Путеводителя“ по Европѣ. Теперь же я къ моему первому труду отношусь снисходительнѣе и думаю, что онъ представлялъ собою самостоятельную работу, а не компиляцію. Мнѣ говорили потомъ, что петербургскій профессоръ Андреевскій обратилъ на нее вниманіе и думалъ-было пригласить меня въ свой университетъ, чтобы поручить преподаваніе государственнаго права. Я очень хотѣлъ защитить диссертацию до каникулъ. Въ началѣ іюня былъ въ Кіевѣ министръ Ковалевскій, котораго я видѣлъ на одномъ медицинскомъ диспутѣ. Я очень хотѣлъ, чтобы на моемъ диспутѣ присутствовалъ министръ. Но факультетъ рѣшилъ иначе, отложивъ диспутъ до августа. Это меня, нетерпѣливаго жениха, такъ разсердило, что я выругалъ Эйсмана, одного изъ будущихъ моихъ оппонентовъ, но и теперь не знаю—за что. Митюкову факультетъ поручилъ написать разборъ моей диссертации. Я самъ изложилъ содержаніе ея, а онъ приписалъ только хвалебный отзывъ. Такъ писались въ наше старое время эти разборы—такъ и я писалъ разборъ докторской диссертации Незабитовскаго.

Диспутъ назначенъ былъ на 15 или 16 августа въ сборной залѣ студентовъ. Стояла невыносимая жара. Мой незабвенный нѣжинскій товарищъ Салогубъ, всегда успѣвавшій быть со мной въ торжественныя минуты моей жизни, пришелъ ко мнѣ на зарѣ и предложилъ выкупаться въ Днѣпрѣ. Освѣжиться и въ самомъ дѣлѣ не мѣшало, въ виду предстоящей духоты и жаркаго боя съ оппонентами. На диспутъ собралась толпа народа, и въ томъ числѣ студентъ-филологъ Драгомановъ, только-что поступившій въ университетъ изъ полтавской гимназіи. Оппонентами были назначены: Митюковъ, Эйсманъ и Рененкампфъ, но жаркаго боя съ ними не было и диспутъ вообще не былъ особенно блестящимъ. Но моя вступительная рѣчь, въ которой я старался выяснитъ значеніе мѣстнаго управленія, была хорошо обработана и произвела на публику хорошее впечатлѣніе. Передо мной стоялъ проф. Гюбенетъ, всегда все слушавшій съ иронической гримасой. Я замѣтилъ, какъ, вслушавшись въ мою рѣчь, онъ измѣнялъ выраженіе своей фізіономіи и его ироническая гримаса превра-

щалась въ одобрителъную. Для меня это было мѣриломъ моего успѣха.

Я былъ магистромъ, но факультетъ не давалъ мнѣ движенія впередъ, и я продолжалъ быть сверхштатнымъ учителемъ первой гимназіи. Рененкампфъ еще прежде меня магистровался, защитивъ диссертацию объ осмотрѣ кораблей во время войны, и о его диспутѣ много разсказывали по поводу его игриваго обращенія съ оппонентомъ Ѳедотовымъ, но и онъ не имѣлъ никакого движенія впередъ. Пироговъ предложилъ намъ обоимъ прочесть въ совѣтѣ по двѣ пробныя лекціи: одну на собственную тему, а другую—назначенную факультетомъ. Не помню, о чемъ читалъ Рененкампфъ. Говорилъ онъ мнѣ, что проф. Кесслеръ порицалъ выборъ темъ, на что я ему сказалъ:—Не о воробьяхъ же мы рыбахъ читать было вамъ (Кесслеръ, вѣдь, читалъ зоологію). Мои темы были: „Историческое развитіе рабства и крѣпостного крестьянства“ и „Федеральное устройство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ“. Оба сюжета очень меня интересовали и были изслѣдованы основательно. Я былъ большимъ поклонникомъ Токвиля, и оба его сочиненія:—„Демократія въ Америкѣ“ и „Старый порядокъ“—зналъ почти наизусть. Пироговъ присутствовалъ на объѣхѣ моихъ лекціяхъ и, какъ видно было, остался ими доволенъ. Но и послѣ лекцій дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Тогда мы съ Рененкампомъ отправились къ Пирогову, прося его побудить факультетъ представить насъ въ адъюнкты. Факультетъ какъ будто боялся пускать въ свою среду новыхъ членовъ, но Пироговъ сообщилъ ему свое желаніе, чтобы мы были представлены немедленно, что и было исполнено. Въ одно и то же засѣданіе мы были выбраны вмѣстѣ съ Рененкампомъ адъюнктами, точно также какъ и впослѣдствіи, когда мы въ одно время избраны были исправляющими должность экстраординарнаго профессора. Затѣмъ разрѣшенъ былъ вопросъ о нашей заграничной командировкѣ на два года, съ содержаніемъ въ годъ по 1.600 руб. Я считалъ себя человекомъ устроеннымъ и задумалъ исполнить давнее желаніе жениться на моей дорогой невѣстѣ. Десятаго января 1860 года, когда стоялъ холодъ градусовъ въ 25, въ приходской церкви села Безсалъ насъ обвѣнчалъ о. Евграфъ. Это былъ примасъ лохвицкаго духовенства—благочинный городскихъ церквей. Онъ былъ помѣщикомъ, владѣющимъ сотнею душъ крѣпостныхъ. Такіе священники-помѣщики встрѣчались въ лѣвобережной Малороссіи: они были потомками козацкой старшины, принявшими священство. Отдохнувши отъ свадебныхъ пировъ и визитовъ, я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и

получилъ заграничный паспортъ на два года, считая съ 22 февраля. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ выдали ассигнованныя на весь годъ деньги. къ нимъ тестъ приложилъ тысячу рублей, и мы двинулись за границу.

VII.

Въ дорогу.—Люблинъ и Варшава.—Берлинъ.—Отѣздъ изъ Берлина.—Кельнъ, Брюссель, Остенде, Лондонъ.—Парламентъ и Вестминстерское аббатство.—Знакомство съ Герценомъ.—Международный статистическій конгрессъ.—Отѣздъ изъ Лондона.—Булонь, Парижъ.—Национальный праздникъ.—Наполеонъ III.—Изъ Парижа въ Лионъ.—Пріѣздъ въ Женеву.

Мы собирались въ заграничный путь подобно тому, какъ наши дѣды и отцы собирались на богомолье въ Ахтырку, Воронезъ, или въ Полтаву на выборы, или въ Ромны на Ильинскую: набрали подушекъ и массу клади. У Судовщикова въ Кіевѣ я купилъ за пятнадцать рублей чемоданъ-сундукъ, который совершилъ уже одно путешествіе по Европѣ и потомъ долго служилъ мнѣ. къ этому присоединилъ подсунутый мнѣ Петромъ Барскимъ огромный складной чемоданъ, въ которомъ можно было уложить чуть ли не весь его магазинъ. Все это мы набили разной разностию, большею частью ненужной: большой запасъ бѣлья, чуть ли не съ дюжину платевъ, и розовыхъ, и пунцовыхъ, и синихъ. А я прихватилъ нѣсколько русскихъ книгъ: „Мертвыя души“,—какъ будто бы не хотѣлось разставаться съ родными Собакевичами и Чичиковыми; сочиненія Лермонтова, которыя потомъ оставилъ на память гейдельбергскому музею; „Областныя учрежденія XVII в.“ Чичерина, куда я положилъ вѣтку плюща, срѣзанную мною на могилѣ Гегеля въ Берлинѣ... Видно было, что собираются въ дорогу люди неопытные, никуда не ѣздившіе,—малороссійская деревенщина, а не европейскій туристъ, знакомый съ техникой вояжа. Впослѣдствіи и мы сами хорошо усвоили эту технику, въ особенности глядя на англичанъ, этихъ мастеровъ путешествій. А пока мы, дѣйствительно, были людьми неопытными, никогда не путешествовавшими: жена моя, напр., сѣздивши на кролевецкую ярмарку, думала, что совершила кругосвѣтное путешествіе; я дальше Нѣжина и Кіева не бывалъ, а желѣзныхъ дорогъ даже не видалъ. Но ѣхать нужно, и мы тронулись. Помнится, до Пирятина мы доѣхали на лошадяхъ тестя съ любимымъ вучеромъ жены Степаномъ. Дѣло было во второй половинѣ февраля. Зима стояла лютая; дороги были забитыя и ухабистыя. Въ Пирятинѣ мы сѣли на перекладную. Но перетаскиваніе изъ однихъ саней

въ другія мнѣ такъ надѣло, что въ Броварахъ я купилъ сани, въ которыхъ, не перемачиваясь постоянно, мы доѣхали до Усти-луги. Содержатель тамошней станціи убѣдилъ насъ продать подушки и сани и далъ намъ лошадей до Люблина, откуда ходилъ дилижансъ въ Варшаву. Не видѣвши свѣта, я съ необыкновеннымъ интересомъ осматривалъ все то, что встрѣчалось на пути. Очень жалѣлъ, что чрезъ Житомиръ мы проѣхали ночью, и я не могъ видѣть этого знаменитаго города. Зато Ровно, Новоградволинскъ, Дубно и другіе города волинской губерніи запечатлѣлись въ моей памяти,—такъ внимательно я въ нихъ всматривался. Особенно заинтересовало меня м. Корець, въ которомъ видѣлись мнѣ развалины какаго-то замка—предвѣстіе тѣхъ феодальныхъ замковъ, которые я увижу на берегахъ Рейна. Люблинъ же показался совсѣмъ интереснымъ городомъ, а его зданія и другія достопримѣчательности я считалъ древностями, достойными моего просвѣщеннаго вниманія. Продавъ въ Люблинѣ дня два варшавскаго дилижанса, я исходилъ его вдоль и поперекъ, приучая себя изучать новый городъ и его древности. Столько было наивности и вомизма въ этихъ первыхъ шагахъ моего заграничнаго вояжа! Но шоссейный путь на Варшаву былъ такъ плохъ, что дилижансы ходили только отъ станціи недалеко отъ Варшавы, а до этой станціи насъ перевезли въ большихъ открытыхъ повозкахъ. Въ большомъ обществѣ ѣхать было весело, но въ тряскихъ телѣгахъ ужасно непокойно. Въ дилижансѣ мы отдохнули и пріѣхали въ Варшаву довольно рано; отбывъ остроі, мы подѣхали къ Вислѣ. Теперешняго прекраснаго постоянного моста тогда не было, и пассажировъ перевозили въ лодкахъ. Я нанялъ отдѣльную небольшую лодку, такъ какъ боялся переезда съ множествомъ пассажировъ и ихъ владью. Переездъ въ самомъ дѣлѣ былъ не безопасенъ: ледоходъ былъ въ полномъ развитіи. Слава Богу, переѣхали мы благополучно, но на другой день мы читали въ газетахъ, что были несчастные случаи.

Варшава, конечно, казалась мнѣ великолѣпнымъ городомъ. Чуть ли не съ недѣлю мы пробыли въ ней, не уставая осматривать ея достопримѣчательности. Я встрѣтилъ въ Варшавѣ своего товарища по гимназій и по университету Данчича и брата Демченка, Ивана Григорьевича, военнаго врача, который любезно сопровождалъ намъ въ прогулкахъ по Варшавѣ. Погода стояла весенняя, но это не помѣшало намъ обойти Лазенки и осмотрѣть тамошній прелестный дворецъ. Побывали мы и въ театрѣ, и видѣли знаменитый варшавскій балетъ. Не разъ я осматри-

валъ и желѣзную дорогу съ вагонами, думая, какъ опасно будетъ въ нихъ ѣхать. Но пришло время ѣхать, и мы взяли второй классъ до Бреславля. Тотчасъ же успокоились, переставъ опасаться новаго, невѣдомаго намъ, способа передвиженія. По дорогѣ я внимательно всматривался въ мѣстность. Переѣхали границу: тотчасъ замѣтна разница въ культурѣ. Справа промелькнулъ Франкфуртъ-на-Одерѣ, а за нимъ и Бреславль, въ который мы прибыли подѣ вечеръ. Переночевали въ дешевой гостинницѣ, гдѣ познакомились съ одѣлами-перинками, которыя сначала показались странными, а потомъ мы такъ къ нимъ привыкли, что хотѣли завезти ихъ въ Россію. Весьма замѣтна была разница въ температурѣ и погодѣ. Была уже настоящая ранняя весна. Первое знакомство съ заграничнымъ городомъ произвело самое благопріятное впечатлѣніе. Особенное вниманіе мы обратили на толпы веселыхъ дѣтей, которыми были наполнены сады и бульвары. Видъ этихъ малютокъ былъ такой благовоспитанный и приличный, что мы съ грустью подумали о своихъ маленькихъ соотечественникахъ, которые не производятъ столь пріятнаго впечатлѣнія. Щедринъ прекрасно отфѣнилъ эту разницу своимъ „мальчишомъ въ штанахъ“, котораго онъ противопоставилъ „мальчику безъ штановъ“. Побывалъ я и въ университетѣ; осмотрѣлъ и знаменитую своей стариной ратушу. Вообще, Бреславль со своимъ славнымъ Одеромъ уже тогда, въ 1860 г., имѣлъ видъ очень хорошаго города. Но когда я его посѣтилъ вновь въ 1881 г., я удивился, какъ похорошѣлъ онъ и разросся, ставъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Германіи. Мѣстность до Берлина унылая и монотонная: пески да сосновые лѣски. Но вотъ и Берлинъ. Конечно, въ это время онъ не былъ еще столицей германской имперіи, а только столицей прусскаго королевства, или, пожалуй, имѣніемъ Гогенцоллерновъ. Теперь это одинъ изъ лучшихъ городовъ Европы, а по своимъ образцовымъ порядкамъ и чистотѣ, можетъ быть, и самый лучший. Тогда же онъ во многомъ уступалъ Петербургу, даже Вѣнѣ.

Приѣхали мы въ Берлинъ довольно рано и остановились въ гостинницѣ „König v. Portugal“ надъ самой Шпре. Не знаю, почему я выбралъ эту неприглядную гостинницу, но въ ней пришлось быть недолго. Имѣя въ виду пробыть въ Берлинѣ довольно долгое время, я захотѣлъ найти основательную квартиру неподалеку отъ университета. Мой выборъ остановился на Mohrenstrasse, противъ Жандармскаго рынка, котораго теперь и слѣдъ простылъ, такъ какъ на мѣстѣ его выросли скверъ. Мы наняли квартиру со столомъ, но этотъ столъ оказался такимъ

плохимъ, что приходилось частенько покупать съѣстные припасы на Жаңдармскомъ рынкѣ. А рынокъ этотъ былъ превосходный: развѣ только птичьяго молока нельзя было достать на немъ. Цѣна за квартиру была умѣренная, да и вообще въ 1860 г. Берлинъ не былъ дорогимъ городомъ.

Въ Берлинѣ уже стояла прекрасная весенняя погода, и мы съ женой много гуляли по Тиргартену, который, правда, тогда не былъ изыщенъ, какъ теперь, но все-таки представлялъ прекрасное мѣсто для прогулокъ. Бывали и въ Зоологическомъ саду, много уступавшемъ теперешнему. Особенно любили мы прогулки въ Шарлоттенбургъ, который представлялъ тогда еще загородное мѣсто, не соединенное съ Берлиномъ въ одно цѣлое, какъ теперь. Восхищалъ насъ знаменитый мавзолей и огромный Шарлоттенбургскій садъ, выходившій тогда въ открытое поле, напоминалъ намъ дорогую родину и наши полтавскіе сады. А родина стала дорогой скоро по переселеніи въ чужіе края; въ концѣ нашего пребыванія за-границей мы уже чувствовали острую *mal du pays*, а бѣдная жена иногда плакала, вспоминая свои Безсалы. Въ маѣ мы побывали въ Потсдамѣ, внимательно осматрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, не исключая и комматокъ Александра Гумбольдта, въ которыхъ онъ жилъ по соудству со своимъ царственнымъ другомъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Кстати, этого душевно-больного романтика на тронѣ я видѣлъ тогда же, сидящимъ на скамейкѣ неподалеку отъ Рафаэлевской галереи. Нѣсколько придворныхъ лакеевъ преграждали доступъ къ нему. Но я хорошо замѣтилъ его бритое, извуренное лицо, его фуражку съ краснымъ околышемъ, огромнымъ козырькомъ и николаевскую шинель на плечахъ. Я видѣлъ также и брата его, тогдашняго принца-регента, а впоследствии императора Вильгельма I, — въ ложѣ палаты депутатовъ. Сравнивая обоихъ сыновей королевы Луизы, я находилъ между ними поразительную разницу и во вѣшнемъ видѣ, и въ нравственныхъ чертахъ. Другъ Гумбольдта и романтикъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣлъ видъ вполне статскаго человѣка, не то ученаго, не то профессора: онъ отказался отъ императорской короны, которую подносило ему франкфуртское національное собраніе. Реалистъ и другъ Бисмарка, Вильгельмъ I имѣлъ типическую военную фигуру, — какъ будто во всю жизнь онъ никогда не снималъ застегнутаго мундира и каски; онъ самъ возложилъ на себя германскую имперскую корону. Двѣ историческія фигуры діаметрально противоположныя.

Прогулкамъ мы посвящали праздничные дни, а въ будни я

ходилъ въ университетъ слушать лекціи. Протестантская пасха въ Берлинѣ показала намъ не такимъ радостнымъ днемъ, ка-кимъ мы привыкли считать у себя Свѣтлый праздникъ: не были ни у заутрени, ни у обѣдни, не было обычнаго пасхальнаго стола, съ его яствами и питіями, не съ кѣмъ было и похристосоваться. Печально и уныло провели мы свѣтлые, святые дни. Въ университетъ ходилъ я обыкновенно вмѣстѣ съ женою. Она всегда гуляла въ каштановомъ саду, пока я слушалъ лекціи. Множество лекцій я переслушалъ: не могу даже всѣхъ припомнить. Скажу только о тѣхъ, которыя остались у меня въ памяти. Чаще всѣхъ я слушалъ Гнейста. Несмотря на его воинственную фигуру, онъ, какъ правильно выразился харьковский Каченовскій, былъ прирожденнымъ профессоромъ. Свою лекцію онъ диктовалъ, но это была какъ будто и не диктовка, а медленное чтеніе: легко было и записывать, пріятно было и слушать. Не скажу, чтобы аудиторія его была особенно многочисленна. Я бывалъ на его лекціяхъ по англійскому государственному праву, и несмотря на мое короткое знакомство съ его классическимъ сочиненіемъ по этому предмету, лекціи его я слушалъ съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Не глубокой знатокъ нѣмецкаго языка, я особенно цѣнилъ то, что его лекцію я понималъ отъ слова и до слова,—такъ внятно она прочитывалась. Гнейстъ читалъ также и другіе курсы: помнится, по римскому и по гражданскому праву, но на нихъ я не бывалъ. Адъюнктъ русскаго университета, я удивлялся разнообразію курсовъ нѣмецкихъ профессоровъ, но я скоро замѣтилъ, что эти курсы не равнаго достоинства, а разнообразіе ихъ мотивируется гоно-раромъ. Нерѣдко я также бывалъ на историческихъ лекціяхъ Дройзена. Читалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда и въ той же аудиторіи, что и Гнейстъ. Только аудиторія эта на лекціяхъ Дройзена биткомъ была набита слушателями, между которыми я всегда видѣлъ много военныхъ. Понятно почему: подогрѣвался прусскій шовинизмъ—вступали въ періодъ трехъ войнъ, доставившихъ Пруссіи гегемонію въ Германіи и роль первенствующей державы въ міровой политикѣ. Дройзентъ не былъ такимъ горячимъ пруссофиломъ, какъ Трейчке, но дѣлалъ съ нимъ одно дѣло—проторивалъ дорогу Бисмарку и Мольтке. Фигура Дройзена, едва выглядывавшая изъ-за каедръ, не была особенно эффектна, какъ, напр., Гейзера въ Гейдельбергѣ, но говорилъ онъ свободно, а иногда и не безъ паэоса. Удалось мнѣ также послушать знаменитаго Штала. Я пошелъ на его лекцію по каноническому праву, на которой онъ излагалъ міро-

вое развитіе идеи брака. Его извѣстное лекторское краснорѣчіе, можетъ быть, уже немного истощилось въ дебатахъ палаты господъ, въ которой онъ былъ душой и теоретикомъ партіи „юнкеров“. А можетъ быть оно ослабѣло отъ времени, такъ какъ дѣло было за годъ до его смерти. Во всякомъ случаѣ его краснорѣчіе не произвело на меня особеннаго впечатлѣнія и я не нашелъ его выдающимся. Вся же элегантная фигура Штала, его золотой жорнетъ, бѣлыя перчатки и галстухъ почему-то напомнили мнѣ элегантную фигуру нашего Селина. Въ такомъ же видѣ я встрѣтилъ однажды Штала въ Тиргартенѣ возлѣ статуи короля Фридриха-Вильгельма III съ его заплатанными сапогами: расфранченный Шталь о чемъ-то бесѣдовалъ съ дамами. Видно было, что даровитый аристократъ изъ евреевъ не чуждался свѣтскаго общества. Побывалъ я и на лекціи старца Ранке, который дѣйствительно читалъ съ большими гримасами, о которыхъ говорилъ мнѣ Ѳедотовъ. „Ранке,—повѣствовалъ Александръ Алексѣевичъ,—на своей лекціи напоминаетъ роженицу, гримасничающую отъ муки родовъ“. Гримасничалъ Ранке дѣйствительно усердно, и особенно забавными выходили его бесѣды, то тихія, то громкія, съ историческими лицами, о дѣяніяхъ которыхъ онъ повѣствовалъ. Но Ранке былъ великой силой, которой историческая наука обязана многимъ. Былъ я также на лекціи Раунера, Бека и нѣкоторыхъ другихъ, именъ которыхъ припомнить не могу.

Въ знаменитомъ берлинскомъ музеѣ, съ которымъ я познакомился по описаніямъ проф. Павлова, я также бывалъ довольно часто, находя это не менѣе университетскихъ лекцій назидательнымъ. Мы предполагали сначала пробыть въ Берлинѣ до конца лѣтняго семестра, но случились нѣкоторыя обстоятельства, интимнаго, семейнаго характера, вслѣдствіе которыхъ мы оставили Берлинъ, помнится, въ 20-хъ числахъ мая. Мы направили свой путь въ Англію, съ которой мнѣ страстно хотѣлось близко познакомиться, такъ какъ я рѣшительно былъ въ нее влюбленъ, считая ея учрежденія, нравы, языкъ и литературу первыми въ мірѣ. Но Англія тогда не воевала съ бурами, а протягивала руку Гарибальди, освобождавшему Италію отъ Бурбоновъ. Эту англomanію распространилъ у насъ Катковъ своимъ „Русскимъ Вѣстникомъ“: вошло въ моду порицать Францію и все французское, противопоставляя ей прелести Англіи и всего англійскаго. Особенно допекали Францію за ея административную централизацію, неумоимо восхваляя англійское самоуправленіе. Въ такомъ настроеніи я уѣхалъ за границу и нетерпѣливо же-

лалъ увидѣть коварный Альбіонъ съ его знаменитымъ парламентаризмомъ, шумными митингами, джентльменами мировыми судьями...

По пути въ этотъ обѣтованный край мы остановились въ Кёльнѣ. Вотъ, наконецъ, и Рейнъ—чудный Рейнъ, у береговъ котораго чувствуется въ самомъ дѣлѣ какое-то веселье, даже безъ рейнскаго вина. Мы остановились въ отелѣ надъ самымъ Рейномъ, гдѣ насъ кормили на славу: тамошнихъ пулярдоевъ и омаровъ я и до сихъ поръ не забылъ. Городъ мнѣ понравился—и старинный, и оживленный. Исходилъ я его вдоль и поперекъ, побывалъ даже въ крѣпости и прогулялся по окрестнымъ полямъ со спѣющею рожью. Какъ эта рожь напомнила мнѣ дорогую полтавскую губернію, и какъ рѣдко приходится видѣть ее въ пшеничныхъ чужихъ краяхъ! Она, кажется, только и свѣтается по полямъ рейнскимъ, гдѣ и пекутъ извѣстный черный хлѣбъ, на который мы такъ нажились. Кёльнскій соборъ еще не былъ оконченъ и лѣса еще не были сняты, но его несравненная архитектура уже была видна, и я помню вѣрное замѣчаніе жены: „онъ будто вытѣканъ изъ кружевъ“.

Изъ Кёльна мы пріѣхали въ Люттихъ. Этотъ прекрасный городъ, на прекрасной рѣкѣ, съ хорошими пейзажами, такъ намъ понравился, что мы пробыли въ немъ нѣсколько дней. Я посѣтилъ университетъ и побывалъ на лекціи декана юридическаго факультета, Савуа, который принялъ меня чрезвычайно радушно, посадивъ въ креслѣ посреди аудиторіи. Французская лекторская система сразу показалась мнѣ отличной отъ нѣмецкой, и, грѣшный человѣкъ, показалась болѣе пріятной: читалось гражданское право. Гуляя по прекраснымъ окрестностямъ Люттиха, мы зашли какъ-то въ публичный садъ, въ бесѣдкѣ котораго встрѣтили старушку няню съ дѣтьми. Разговорились, и что же оказалось: старушка няня—русская, бѣглая крѣпостная изъ с. Рудницкаго, переяславскаго уѣзда. Родной языкъ она почти забыла, но родное село—на ровномъ, низменномъ мѣстѣ и ужасно неприглядное—представлялось ей все-таки дорогимъ. Я хорошо зналъ это село, и могъ сообщить ей о немъ нѣкоторые свѣдѣнія.

Отъ Люттиха до Брюсселя путь не далекъ. Я очень люблю этотъ прекрасный городъ, о которомъ брюссельцы всегда говорятъ, что онъ „plus coquette que Paris“. Ну, пожалуй, Парижъ будетъ и поковетливѣе, но все-таки Брюссель—одинъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ Европы. Остановились мы въ „Hôtel de la Poste“, Rue Fossé-aux-Loups. Моя бѣдная жена, утомленная до-

рогой, почувствовала себя нехорошо: нужно было отдохнуть да и съ врачомъ посоветоваться. Явился врачъ отеля—грубый фламандецъ. Исследовавъ жену и замѣтивъ ея беременность, вкрадчивымъ голосомъ онъ сталъ нашептывать: „Въ путешествіи это очень чувствительно; я могъ бы васъ отъ этого избавить, сударыня, но я рискнулъ бы подвергнуться строгому наказанію, и поэтому операція стоила бы дорого“. Мнѣ и теперь омерзительно вспомнить этого оператора, посягавшаго на жизнь моего дорогого первенца. Золѣ, значитъ, не выдумалъ страшныхъ страшицъ своего „Fécondité“, но взялъ ихъ изъ печальной дѣйствительности. Больная жена не могла мнѣ сопутствовать въ осмотрѣ Брюсселя. А мнѣ ужасно хотѣлось видѣть Ватерлоо въ разстояніи 20 километровъ. Грѣшный человѣкъ, не предупредивъ жену, я нанялъ карету за 20 франковъ и поѣхалъ осматривать знаменитое мѣсто битвы великановъ: обошелъ поле, побывалъ въ музеѣ, накупивъ ватерлооскихъ реликвій. Меня приняли за англичанина и накормили сырымъ бифштексомъ. Въ Брюссель я воротился поздно: бѣдная жена была въ тревогѣ, и, конечно, имѣла полное право побранить меня.

Жена поправилась, и мы—въ Остенде. Приѣхали поздно вечеромъ. Сезонъ еще не начинался, сѣздъ былъ небольшой и отель не очень дорогой. Но мы должны были прожить въ немъ больше, чѣмъ хотѣли: море было такъ бурно, что навигація прекратилась. Чтѣ дѣлать въ скучномъ безсезонномъ Остенде? Хозяинъ отеля предложилъ мнѣ совершить прогулку по Бельгіи, побывавъ въ лучшихъ городахъ. Мы поѣхали, и я любовался этой высококультурной Nice country, какъ называютъ ее англичане. Побывали въ Брюгге, Гентѣ и Антверпенѣ. Послѣдній на прекрасной Шельдѣ показался мнѣ отличнымъ городомъ. Мы въ немъ переночевали и приѣхали въ Остенде на другой день. Море, наконецъ, успокоилось. Вечеромъ мы сѣли на пароходъ и двинулись на Лондонъ. Я первый разъ въ жизни видѣлъ море и ѣхалъ по немъ. Это было чудное путешествіе: звѣздная майская ночь, неподвижно-спокойное море, издали мерцающіе маяки, а на пароходѣ—полный комфортъ и прехорошенькія лэди. Утро было ясное, ни облачка. Но вотъ мы подошли къ Темзѣ: откуда-то всталась черная, какъ ночь, туча и моментально полилъ проливной дождь. Подъ дождемъ этимъ мы высадились у моста св. Екатерины, подъ дождемъ этимъ мы проѣхали значительную часть Лондона, до Surrey Street, гдѣ у мистера Ло полтавскій Стефановичъ посоветовалъ мнѣ нанять квартиру.

Лондонъ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе: сырость

и мокрота какъ будто пронизали наше тѣло. Шелъ проливной дождь, сквозь который, какъ сквозь густую сѣтку, виднѣлись дома изъ краснаго кирпича, неприглядной лондонской архитектуры, съ уродливыми трубами, которыя такъ возмущали эстетическаго Гейне. Насъ въ особенности удивляло то, что, несмотря на такую страшную, по нашему мнѣнiю, погоду, обычная жизнь города нисколько не измѣнялась: то же движенiе на улицахъ, тѣ же профессиональныя занятiя. Какъ будто на дворѣ было ведро и грѣло солнышко. Но, поживши въ Лондонѣ, мы узнали, что такъ и должно быть, что въ Лондонѣ не должно обращать вниманiя ни на какую погоду—такъ она измѣнчива и непостоянна, такъ мокра и дождлива. Когда мы, напримѣръ, проживали въ Лондонѣ въ сезонѣ 1860 г., не проходило и дня безъ дождя. Бывало, пойдешь куда-нибудь, небо ясно, на немъ нѣтъ ни одной тучки, но вдругъ набѣжитъ черная туча и разразится страшнымъ ливнемъ; потомъ опять ясно, потомъ опять ливень. Все это на первыхъ порахъ приходилось не по вкусу намъ, но потомъ и мы попривыкли не разставаться съ зонтикомъ.

Остановились мы, какъ я сказалъ, у мистера Ло, на небольшой мрачной улицѣ, упирающейся въ Темзу, а другимъ концомъ соединяющейся со Strand'омъ, ведущимъ въ Сити. Мѣсто сырое даже для Лондона. Мистеръ Ло выдавалъ себя за чеха изъ Праги, но скорѣе всего онъ былъ еврей. Пансионъ его не отличался особенной роскошью, но былъ довольно дорогой. Кормили, впрочемъ, изрядно: бывалъ даже супъ, красный отъ кайенскаго перца, что рѣдко бываетъ за лондонскими обѣдами, такъ какъ супъ считается „very expensive“. Лѣнча или не давали, или мы его пропускали, такъ какъ бродили по цѣлымъ днямъ по громадному Лондону. Обѣды были очень торжественны и этикетны: дамы рядились, кавалеры переодѣвались. Я помню, какъ однажды моя жена вышла къ обѣду въ хорошенькомъ чепчикѣ, купленномъ въ Берлинѣ. Присутствовавшiя лѣди были изумлены, и одна изъ нихъ прямо сказала, что къ обѣду слѣдуетъ выходить съ непокрытой головой. Мнѣ кажется, что едва ли какiя-нибудь женщины любятъ такъ наряды, какъ англичанки. И едва ли у другихъ культъ тѣла доведенъ до такой высокой степени. Проживая въ отеляхъ и пансионахъ съ дочерьми коварнаго Альбiона, мы невольно присматривались къ процессу ихъ туалета: омовенiямъ и притираниямъ, мыламъ, порошкамъ и щеточкамъ и конца нѣтъ. Да и молодятся же англичанки: лѣди лѣтъ 50—60 занимаются своими вставными зубами и парикомъ. Все это крайне несимпатично. Насмотрѣлся я вдоволь на жен-

щинъ всякихъ національностей—и на изящныхъ и ловкихъ парижанокъ, и на чопорныхъ, неуклюжихъ вѣмокъ, и на пламенныхъ итальянокъ, и на холодныхъ, домовитыхъ шведокъ, и могу сказать одно: лучшаго женскаго типа, какъ русская женщина, не найти. Бойкостью и изяществомъ полька ее, пожалуй, переполюетъ, но душа ея испорчена католицизмомъ и политиканствомъ, и въ ней не встрѣтите вы той простоты и искренности, которыми природа такъ щедро надѣлила русскую женщину.

Но возвратимся къ мистеру Ло. Если я не ошибаюсь, мы прожили у него недѣли три. Но намъ казалось, что беретъ онъ съ насъ слишкомъ дорого, и мы задумали перемѣнить квартиру. Я остановился на Нортумберландской улицѣ, въ квартирѣ капитана корабля Девиса, жена котораго оказалась актрисой Гэй-Маркета. Я нанялъ двѣ прекрасныя комнаты, устланныя коврами, расположенныя по-англійски: одна наверху—спальная, а другая внизу—приемная. Я нанялъ однѣ стѣны, такъ какъ мы предполагали имѣть свою кухню, на которой могла готовить наша горничная, шотландка Дженъ. Зажили мы очень комфортабельно. Ежедневно я ходилъ на ближайшій рынокъ за провизіей—ежедневно я покупалъ большой кусокъ превосходной лососины, картофеля, огурцовъ и масла, и все это приготавливалось такъ вкусно, что въ теченіе трехъ недѣль изо дня въ день мы ничего другого не ѣли. Въ этой квартирѣ посѣтилъ насъ мой товарищъ Сидоренко со своимъ спутникомъ, харьковцемъ Бѣликовымъ. Я встрѣтилъ ихъ у зданія парламента и попросилъ зайти къ намъ. Помню, однажды пригласила насъ на обѣдъ наша хозяйка—на гуся. Такого гуся я въ жизни своей не видалъ—величиной съ теленка, а во рту онъ такъ и таялъ. Вообще, птица въ Лондонѣ, мясо, рыба, овощи, честеръ, всякое копченіе—лучшія въ Европѣ. А что касается эля и портера, то развѣ есть на свѣтѣ лучшій напитокъ? Сидя за роскошными яствами въ Лондонѣ, мы нерѣдко вспоминали берлинское сухояденіе. Наша квартира находилась въ очень хорошемъ мѣстѣ: недалеко отъ шотландскаго двора, гдѣ помѣщалось главное депо лондонской полиціи; близко отъ парламента, отъ вестминстерскаго аббатства и прелестнаго С.-Джемскаго парка—любимаго мѣста моей прогулки. Жить бы да поживать. Но оказалось, что миссисъ Девисъ очень любила коньякъ и проявляла подчасъ свой буйный нравъ. Эту слабость мы замѣтили впервые послѣ ея гуся, когда мы наняли экипажъ для прогулки въ Гриничъ, гдѣ мы осмотрѣли знаменитую обсерваторію. Слабость эта стала сказываться больше и больше: по ночамъ—стукотня стульями, бѣготня по комнатамъ, крикъ и шумъ.

Лэди тузила своего капитана. А капитанъ отбивался отъ своей лэди. Стало жить непокойно, и мы рѣшились опять перемѣнить квартиру. Возлѣ Риджинсъ-парка мы нашли очень подходящее помѣщеніе и дали задатокъ чуть ли не гинейю. Уходимъ довольные, что есть уже у насъ квартира. Въ догонку за нами—какой-то парень съ вопросомъ: „Курите ли вы, сэръ?“ — „Конечно“, — отвѣчаю я, такъ какъ тогда я былъ жестокой *smoker*. — „Въ такомъ случаѣ вы у насъ жить не можете, такъ какъ въ нашемъ домѣ куреніе строго воспрещено. Вотъ ваша гинейя“. Ну, что было дѣлать? Искать другую квартиру? Мы скоро ее и обрѣли: пансіонъ миссъ Форстеръ на *Duchess Street*, куда въ тотъ же день мы и перешли. Это былъ прекрасный пансіонъ, гдѣ отлично кормили по цѣнѣ умѣренной, гдѣ собиралось прекрасное общество, пріѣзжавшее въ Лондонъ изъ провинціальныхъ городовъ Англіи. Здѣсь, я помню, жилъ прехорошенькій парижанинъ для изученія англійскаго языка, который ужасно коверкалъ, а за нимъ ужасно ухаживали престарѣлыя, но молодившіяся лэди, съ особеннымъ стараніемъ завивавшія свои локоны и чистившія свои зубы. Въ этомъ пансіонѣ посѣтилъ меня и Герценъ, о чемъ скажу ниже.

Достопримѣчательности Лондона! Да развѣ есть хоть одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ ихъ было бы такъ много! Меня, какъ государствовѣда-англомана, въ особенности интересовали парламентъ и вестминстерскіе суды, которые я посѣщалъ довольно часто. Зданіе, въ которомъ помѣщаются они—одно изъ красивѣйшихъ въ мірѣ, особенно со стороны Темзы. Понятно восклицаніе императора Николая I: „C'est un rêve en pierre“. Я сиживалъ и на красномъ сафьянѣ палаты лордовъ, и на зеленомъ сафьянѣ палаты общинъ, слѣдя за дебатами и стараясь наглядно изучить парламентскую процедуру. Сначала я плохо понималъ парламентскія рѣчи, но мало-по-малу ухо привыкло, и я сталъ понимать лучше, особенно благодаря „*Times*“, въ которомъ рѣчи эти печатались. Въ вестминстерскихъ судахъ вниманіе останавливала средне-вѣковая обстановка—длинные мантии и парики судей и адвокатовъ, деликатное обращеніе съ подсудимымъ, перекрестные допросы свидѣтелей и т. п. Интересны были пародіи этихъ вестминстерскихъ судовъ на *Strand*'ѣ.

Любовался я величественнымъ Вестминстерскимъ аббатствомъ, въ которомъ собраны могилы всѣхъ знаменитыхъ людей Англіи. Понимаю, какъ должно крѣпнуть патріотическое чувство англичанина, когда онъ проходитъ мимо такого длиннаго ряда изваяній, надъ могилами лучшихъ сыновъ его отечества. Болѣе вели-

чественнаго пантеона я нигдѣ не видалъ. Съ нимъ развѣ можетъ соперничать флорентійская Santa Croce съ чудными мавзолеями Микель-Анжело, Маккиавелли и др. Но зачѣмъ туда пустили прахъ какой-то польской княгини, которая съ знаменитыми именами Италіи ничего общаго не имѣетъ? Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ вы такого диссонанса не встрѣтите.

Въ мое время, у паперти этого величественнаго храма паслось стадо овецъ. Шерсть—одинъ изъ чтимыхъ Англіей продуктовъ: на шерстяномъ мѣшкѣ возсѣдаетъ лордъ-канцлеръ. Это соединеніе сельской идилліи съ величіемъ готическаго храма очень эффектно. Вообще, англичане—большіе поклонники села и сельской жизни, и напоминаніе о нихъ въ Лондонѣ вы встрѣтите чаще, чѣмъ въ другой европейской столицѣ. Довольно сказать о паркахъ—этой красотѣ Лондона, съ которой нельзя сравнивать публичныхъ садовъ другихъ европейскихъ городовъ—ни съ Лѣтнимъ садомъ Петербурга, ни съ Тюльери или Люксембургомъ Парижа, ни съ Тиргартеномъ Берлина или выхолощенными парками Вѣны. Парки густо населеннаго и застроеннаго Лондона—это его легкія, какъ они и называются французами—„*parcs* de Londres“. Парки—это огромные зеленые луга, которыхъ нельзя ни вытоптать, ни проторить дорожекъ—такъ сильна растительность, благодаря постоянной влагѣ. На этихъ лугахъ разбросаны группы превосходныхъ деревьевъ. Все это напоминало мнѣ незабвенный сѣбирскій паркъ, который такъ удачно воспроизводитъ черты англійскаго парка. Много разъ гулялъ я по этимъ паркамъ со своей покойной женой и на всю жизнь сохранилъ о нихъ воспоминаніе. Особенно любилъ я бывать въ С.-Джемскомъ паркѣ. Миниатюрный, онъ, конечно, не можетъ быть сравниваемъ ни съ Риджинсъ-паркомъ, ни съ Гайдъ-паркомъ. Но сколько въ немъ прелести! Особенно въ этомъ озерѣ по срединѣ, по которому вѣчно снуютъ лодочки. Бывало, въ воскресенье, пойдешь туда гулять и набредешь на картину англійскаго бокса: тузятъ кулаками другъ друга два парня, окровавивъ свои фізіономіи. Заложивъ руки назадъ, любитесь зрѣлищемъ охранитель порядка и благочинія—полисменъ. Вѣдь это—національная забава Англіи, упражняющая ея кулаки для захватовъ лаковыхъ кусочковъ земнаго шара, не исключая и трансваальскихъ бриллиантовыхъ копей.

А New-Garden! Можно ли забыть его низко остриженные, ярко-зеленые луга, по которымъ разбросаны клумбы то ярко-красныхъ пеларгоній, то темно-синихъ лобелій, то разноцвѣтныхъ петуній. А сосѣдній Ричмондъ, залущенный, дико расту-

щій? Вспоминаю смотръ Rifleman'овъ, который производила въ Гайдъ-парке покойная королева Викторія: собралась громадѣйшая толпа народа, расположившаяся чуть ли даже не на всѣхъ деревьяхъ парка. Я замѣтилъ, что толпа каждаго народа носить свой отпечатокъ, свою оригинальную фizioномію. Грѣбѣ англійской толпы я ничего не знаю; насъ чуть не затоптали на этомъ смотрѣ. Сравниваю французскую толпу, среди которой мы очутились съ покойной женой въ Ліонѣ, когда императорская чета показывалась народу: эта французская толпа могла бы научить англійскую учтивости и вниманію къ дамѣ въ интересномъ положеніи.

Осматривая достопримѣчательности Лондона, я, конечно, побывалъ и въ Британскомъ музеѣ, но имѣлъ мало досуга, чтобы познакомиться съ этимъ грандіознымъ учрежденіемъ. Помню только, что на столѣ лекторіи музея я увидѣлъ „Экономическій указатель“ Вернадскаго, который, помнится, въ это время велъ полемику съ Чернышевскимъ по вопросу объ общинѣ. Не пропустилъ я ни Національной галереи, которая, конечно, уступаетъ картиннымъ галереямъ континента; ни Тоуэра, гдѣ видѣлъ плаху и топоръ—орудія казни Маріи Стюартъ. Осмотрѣлъ я и исправительный Пентонвилль, и страшную Ньюгэтскую тюрьму: провели меня въ мѣсту, гдѣ совершалось повѣшеніе преступниковъ; показывали кожаный корсетъ, который надѣвается на вѣшаемаго, и коллекцію слѣпковъ съ фizioноміей казенныхъ преступниковъ. Не ускользнулъ отъ моего любопытства и Хрустальный дворецъ въ Сиднэмѣ, въ который я ѣздилъ два раза, и однажды съ Сидоренкомъ. Видѣлъ я тамъ и укротителя дикихъ лошадей Рарея, показывавшаго свое искусство и дѣйствительно укрощавшаго своими приемами самыхъ бѣшеныхъ лошадей. Изъ театра я побывалъ въ Гэй-Маркетъ, гдѣ видѣлъ свою хозяйку, миссисъ Девисъ, въ утренней кофтѣ моей жены, которую она взяла для спектакля; въ оперномъ театрѣ ея величества, въ который одѣваются какъ на балъ, и въ театрѣ герцогини, гдѣ можно видѣть великаго Шекспира.

Живя въ пансіонѣ миссъ Форстеръ, я сдѣлалъ визитъ Александру Ивановичу Герцену. Это было время его высшей славы и процвѣтанія его „Колокола“ и другихъ заграничныхъ изданій, за которыми пробирался къ Трюгнеру всякій русскій, пріѣхавшій въ Лондонъ. Въ это же время появилась знаменитая статья Чичерина, порицавшая всю дѣятельность Герцена, на которую послѣдній отвѣтилъ горячо и сдержанно. Помнится, я пошелъ къ Герцену вмѣстѣ съ женой. Насъ встрѣтилъ бодрый и здоро-

вый человекъ, лѣтъ около пятидесяти, немного выше средняго роста, съ симпатичнымъ лицомъ и длинными, зачесанными назадъ безъ пробора, волосами, въ которыхъ уже серебрилась просѣдь. Онъ ввелъ насъ въ пріемную, на столѣ которой лежала книга Бѣкля, отъ чтенія которой, можно было думать, оторвалъ Герцена нашъ приходъ. Въ углу, на кушеткѣ, сидѣлъ Николай Платоновичъ Огаревъ, унылый, меланхолическій молчаливикъ, съ чисто-русскимъ лицомъ, окаймленнымъ роскошной бородой. Возлѣ сидѣлъ невзрачный блондинъ Сѣраковский, съ которымъ я еще разъ встрѣчался въ Гейдельбергѣ, въ аудиторіи Миттермайера; польское повстаніе сдѣлало изъ него историческую фигуру. Скоро онъ ушелъ. „Вотъ болтунъ!—характеризовалъ его Герценъ.—Никому не дасть слова сказать; а Огаревъ забивается въ уголъ, чтобы спастись отъ его многословія“. Затѣмъ, разговоръ перешелъ на другіе предметы: о Бѣклѣ, котораго Герценъ очень хвалилъ; о „Современникѣ“, направленію котораго Герценъ, какъ видно было, очень сочувствовалъ. Онъ и со мной началъ рѣчь объ этомъ направленіи. Но я въ послѣдніе годы такъ былъ занятъ своими экзаменами и диссертацией, что не могъ быть постояннымъ читателемъ Добролюбова и Чернышевскаго и компетентнымъ собесѣдникомъ о нихъ, что, очевидно, Герцену не понравилось. Вошла какая-то дама, вѣроятно, изъ отдаленной русской провинціи,—такъ высокопарно она восхваляла хозяина, поклониться которому считала своимъ нравственнымъ долгомъ, для чего и пріѣхала въ Лондонъ. Герценъ, кажется, самъ былъ сконфуженъ высокопарными восхваленіями доморощенной русской радикалки. Намъ всѣмъ, по крайней мѣрѣ, легче стало, когда она ушла. Мы также не засиживались и довольно скоро раскланялись. Герценъ произвелъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе. Это былъ человекъ широкаго образованія и развитія, съ крѣпкою послѣдовательною мыслью, съ изящною русскою рѣчью, изукрашенной цитатами изъ всевозможныхъ европейскихъ литературъ, замѣчательнымъ знатокомъ которыхъ онъ былъ. Въ его фигурѣ материнская нѣмецкая кровь растворилась въ чистой русской крови отца, Яковлева; онъ былъ русскій вполнѣ, въ которомъ тѣснота заграничной культуры не вытравила воспоминаній о русскомъ просторѣ, о той безпредѣльной ширѣ, по которой несется то заунывная, то разудалая русская пѣсня. Въ его сынѣ, съ которымъ я хорошо познакомился въ 1861 г., уже замѣчалось вырожденіе русскаго типа: Герценъ-младшій—не то русскій, не то иностранецъ; онъ уже болѣе приспособленъ къ тѣснотѣ западно-европейской культуры, а русская ширь, русскій

просторъ—уже не по немъ. Типъ русскаго человѣка, Герценъ производилъ впечатлѣніе истаго русскаго дворянина, вскормленнаго роскошью крѣпостной среды; демократъ по убѣжденіямъ, онъ былъ истиннымъ аристократомъ по манерамъ, вкусамъ и воспитанію.

Скоро онъ отдалъ мнѣ визитъ. Мы принимали его въ общей залѣ, въ которой присутствовали многіе жильцы пансіона. Мы говорили о многомъ, между прочимъ—объ извѣстномъ кн. Голицынѣ, который, какъ выразился Герценъ, теперь на подножномъ корму, и будетъ дирижировать концертомъ въ пользу гарибальдійцевъ. Я попросилъ прислать и мнѣ два билета на этотъ концертъ, что и было исполнено. Мы очутились съ женой въ С.-Джемской залѣ, гдѣ и увидѣли фигуру бѣдоваго князя-музыканта, дирижировавшаго большимъ хоромъ, исполнявшимъ, между прочимъ, Бортнянскаго. Это приводило въ восторгъ англійскую публику, но англичане очень сдержанны ко всякимъ восторгамъ, чѣмъ нерѣдко они прикрываютъ отсутствіе эстетическаго вкуса. Мы, однакожъ, отклонились отъ разсказа о визитѣ Герцена. Говорили мы съ нимъ и о прелестяхъ русской жизни, по которой онъ сильно соскучился: о русской тройкѣ съ лихачемъ-ямщикомъ, которая мчитъ по чудесному санному пути; о русскихъ ватрушкахъ, загнутые края которыхъ, какъ вспомнилъ самъ Герценъ, поджарены...

Мы говорили, конечно, по-русски, и чудный тѣмбръ Герцена раздавался на всю общую залу. Когда онъ вышелъ, одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: „На какомъ языкѣ говорилъ этотъ джентльменъ?“ — „Мы говорили съ нимъ на нашемъ родномъ русскомъ языкѣ“,—отвѣчалъ я. — „Какой же это благозвучный, музыкальный языкъ!“ — замѣтилъ мой собесѣдникъ. „Дѣйствительно,—подумалъ я,—нашъ родной русскій языкъ, если только говорить на немъ такъ, какъ говорилъ Герценъ, едва-ли не самый благозвучный и музыкальный“. Жаль только, что не многіе на немъ такъ говорятъ, и что искусство хорошо говорить еще не выработала тысячелѣтняя жизнь Россіи.

Въ это же время былъ въ Лондонѣ статистическій международный конгрессъ, открытый принцемъ-супругомъ. Нѣсколько разъ и я на немъ присутствовалъ. Я встрѣтилъ тамъ дряхлаго лорда Брума, державшагося за стѣну, когда пробирался къ своему мѣсту; видѣлъ знаменитаго Кетлэ, глубокаго старца, сидѣвшаго, помнится, на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Слышалъ я нѣсколько докладовъ статистиковъ-негровъ, а изъ русскихъ я видѣлъ Капустина, Вернадскаго, Куломзина. Слышалъ я и о томъ, что

бываетъ Б. Н. Чичеринъ, но его я не встрѣчалъ. Эти встрѣчи русскихъ за границей носятъ какой-то своеобразный характеръ боязни другъ друга, неохоты сблизиться, разговориться, опасенія показаться отсталымъ и малокультурнымъ... Это очень печально; это очень отравляетъ радость встрѣчи съ соотечественникомъ, а бывало, иногда заслышишь русскую рѣчь—такъ бы и кинулся въ объятія земляка.

Къ этому ряду воспоминаній о Лондонѣ прибавляю еще одно: мнѣ пришлось присутствовать на одномъ митингѣ и неожиданно подписать одну петицію. Дѣло было такъ: Въ 1860 г. палата общинъ постановила отмѣнить Stamp-duty—налогъ на штемпель газетной бумаги, т.-е. налогъ на бумагу. Палата лордовъ не согласилась съ такимъ постановленіемъ и рѣшила Stamp-duty сохранить. Поднялся крикъ по всей Англіи: палата лордовъ превысила-де свои конституціонныя полномочія. Не согласившись на отмѣну бумажной пошлины, она какъ бы установила налогъ на страну, чего дѣлать она не въ правѣ, такъ какъ обложеніе налогомъ—компетенція палаты общинъ. По всей Англіи стали собираться митинги съ цѣлью протестовать противъ такой небывалой узурпаціи палаты лордовъ, нарушившей всѣ обычаи и преданія страны. На одномъ изъ такихъ митинговъ въ Лондонѣ пришлось побывать и мнѣ. Въ какой-то большой залѣ собралась огромная толпа; у стѣны—длинный столъ, за которымъ возсѣдали устроители и руководители собранія: они давали голосъ, руководили дебатами, формулировали резолюціи. Любопытство мое скоро было удовлетворено, и я рѣшилъ оставить собраніе. При выходѣ мнѣ предложили подписать бумагу, испещренную тысячами подписей. Не желая выдать себя за иностранца въ чужомъ пиру, я подписалъ. Это была петиція въ палату общинъ, которая, вѣроятно, и теперь еще хранится въ парламентскомъ архивѣ съ именемъ русскаго адъюкта.

Я хорошо изучилъ Лондонъ и его достопримѣчательности, но этого было мало, чтобы сказать: „я изучилъ Англію“. Развѣ можно изучить страну по одной ея столицѣ? Гавстгаузенъ и Мэкэнзи-Уоллесъ считали нужнымъ заглянуть во внутрь Россіи чтобы составить ясное представленіе о ней. Такому примѣру, конечно, долженъ слѣдовать каждый туристъ, если только онъ хочетъ хорошо понять чужую страну. Я рѣшилъ объѣхать Англію, чтобы видѣть ея промышленныя и университетскіе города и ея сельскую жизнь. Кто знаетъ только Лондонъ и не видѣлъ англійской деревни, которую такъ любятъ рисовать романисты, тотъ, можно сказать, знаетъ не болѣе десятой части страны. Вся сила

и прелесть Англій—въ ея сельской жизни, на которой съ особенной яркостью отражается ея аристократическій характеръ. Нашъ пансіонъ настолько былъ солиденъ и порядоченъ, что я могъ рѣшиться ненадолго оставить жену, несмотря на ея положеніе, и тѣмъ болѣе, что жена сошлась съ одной почтенной и пожилой англичанкой, которая кое-какъ говорила по-французски. Къ этому я еще прибавилъ нѣсколько разговорныхъ англійскихъ фразъ, которыя могли бы пригодиться женѣ въ ея домашнемъ обиходѣ. Мнѣ очень хвалили небольшой городъ Лемингтонъ, какъ одинъ изъ самыхъ фешенебельныхъ country-town. Туда я и направилъ свой путь. Лемингтонъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживалъ, чтобы быть резиденціей лондонскихъ богачей, которыми прискутила столица и которые жаждутъ зелени и здороваго воздуха country-life. Группа элегантныхъ домовъ окружена чудными зелеными полями, съ живою изгородью душистаго каприфолія. Пейзажъ украшается разбросанными коттеджами, обвитыми розами или зеленымъ плющомъ. Послѣ Лондона, пропитаннаго смолой и каменнымъ углемъ, послѣ вонючей Темзы, Лемингтонъ—чистый рай. Помнится, отъ него недалеко Стаффордъ-на-Авонѣ—родина Шекспира, имя котораго такъ слилось съ Англіей, что звучитъ во всѣхъ ея концахъ. Надышавшись чуднымъ воздухомъ фешенебельнаго сельскаго города, я направилъ свой путь на Оксфордъ. По пути я остановился въ Реддингѣ. Не знаю, почему въ моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ городѣ мнѣ представляются маленькіе садики, наполненные всевозможными ягодами, которыя на сырой англійской почвѣ бываютъ очень крупными: смородина—какъ вишня, крыжовникъ—какъ слива и т. п. Я думалъ-было до Оксфорда доплестись пѣшкомъ, уже начавъ эту пѣшеходную прогулку. Но мои молодыя ноги не выдержали, и я пріѣхалъ въ Оксфордъ по желѣзной дорогѣ. Оксфордъ—одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ городовъ; городъ вполне академическій, онъ можетъ быть названъ типическимъ представителемъ того, что въ Англійи называютъ country-town. Онъ окруженъ лугами и нивами, засѣянными клеверомъ, люцерной и др. травами. Находясь въ самомъ центрѣ города—на величественной Queen's Street, съ ея коллегіями и университетскими зданіями,—вы находитесь какъ бы въ центрѣ фермы и ея полевыхъ работъ. Шла косовица, и до моего слуха доходило звяканье косъ; меня обдавалъ ароматъ подсохнувшаго сѣна. Бодрый и веселый, я обошелъ весь небольшой городъ. Зашелъ отдохнуть въ кабачокъ, стоящій уединенно на проселѣхъ; рюмка виски показалась мнѣ не лучше нашей картофельной водки. Полѣлся. Въ университетѣ

занятія уже кончились, но я побывалъ въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, прочитывая въ витринахъ разныя объявленія, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на предложенныхъ темахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя занесены были мною въ мою записную книжку. Студентовъ въ городѣ я почти не встрѣчалъ, но большая группа ихъ толпилась у рѣки: предполагалась гонка и оксфордцы собирались помѣриться ловкостью со студентами Кэмбриджа. На прощанье съ Оксфордомъ, я купилъ у антикварія первый томъ Бёкля, за полцѣны, хотя онъ былъ мало подержанъ. За Оксфордомъ послѣдовалъ Бирмингемъ, славный своими стальными и желѣзными издѣліями. Пріѣхалъ я туда подъ вечеръ и остановился на ночлегъ въ какомъ-то небольшомъ отелѣ, гдѣ поужиналъ вмѣстѣ съ какими-то англійскими коммерсантами. На другой день, съ ранняго утра, я обходилъ городъ, довольно большой и густо населенный, побывалъ на биржѣ; неподалеку отъ нея—монументъ съ самоувѣренной надписью: „England expects, that every man will do his duty“, а подлѣ—неприличная постройка, съ надписью: „Please to adjust your dress before leaving“.

Проходя по одной улицѣ, я замѣтилъ открытый входъ въ одно зданіе. Любопытство туриста потянуло меня туда: въ большой залѣ—многолюдное собраніе мужчинъ и женщинъ довольно пожилыхъ. Я присѣлъ на скамью; долго царствовало полное безмолвіе. Наконецъ, раздалась импровизованная молитва, произнесенная одной старухой; за ней—другая, третья и т. д. Это было собраніе квакеровъ или какой-нибудь другой диссидентской секты, которое въ полномъ безмолвіи высиживаетъ молитвенное вдохновеніе, сказывающееся въ импровизованной молитвѣ. На память о стальномъ Бирмингемѣ я купилъ пару бритвъ, которыя мнѣ служили въ Кіевѣ, пока россіяне не получили права носить бороды и усы.

За стальнымъ Бирмингемомъ идетъ хлопчато-бумажный Манчестеръ. Когда вы подъѣзжаете къ нему, вы видите густую тучу каменноугольнаго дыма, изъ-за которой тускло выглядываютъ прямыя улицы, застроенныя однообразными домами изъ краснаго кирпича.

Весь городъ представляется какъ бы сплошной кучей краснаго кирпича, подернутой каменноугольной дымкой. Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ завоптѣлый городъ-фабрика. Тяжело видѣть его населеніе—городской рабочей пролетаріатъ, съ дѣтства и до могилы не вѣдающій поля и свѣжаго воздуха. И какой контрастъ этого Манчестера и его чернорабочаго люда

съ сельскимъ аристократическимъ Лемингтономъ и окружающими его поселянами! Но въѣдъ Англія—страна великихъ контрастовъ: нигдѣ богатство не отдѣляется такъ рѣзко отъ бѣдности, нигдѣ аристократія не отличается такъ отъ рабочаго люда. Мы говорили выше о достоинствахъ лондонской пищи. Но въ какой странѣ бѣднѣе ѣсть такую дурную пищу, какъ въ Лондонѣ? Герцегъ рассказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ видѣлъ оборванца, купившаго за нѣсколько пенсовъ кусокъ гнилого, позеленѣвшаго мяса, и на улицѣ съѣвшаго его. Не знаю, почему воспоминаніе о Манчестерѣ навело мою мысль на англійскую бѣдноту, которую я видѣлъ сорокъ лѣтъ назадъ и которая теперь едва ли уменьшилась. Манчестеръ произвелъ на меня самое унылое впечатлѣніе, и я пробылъ въ немъ только нѣсколько часовъ. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе о прекрасномъ памятникѣ Роберту Пилю на одной изъ лучшихъ манчестерскихъ площадей.

Ливерпуль — одинъ изъ лучшихъ городовъ Англіи. Улица надъ заливомъ Мерси, черезъ который мы переправлялись, была бы на мѣстѣ въ самомъ Лондонѣ. Видно, что это одинъ изъ первыхъ портовыхъ городовъ въ мірѣ, едва ли не превосходящій Марсель или Гамбургъ. Меня удивило, что въ этомъ прекрасномъ городѣ среди роскошныхъ его домовъ видѣлись вѣтряныя мельницы. Вниманіе мое останавливали матроски съ неугасимыми трубочками въ зубахъ, рядомъ сидяція надъ заливомъ Мерси въ ожиданіи работы на отходящемъ или приходящемъ пароходѣ. Это—оригинальный типъ женщины, превратившейся въ какое-то особое существо: не то человѣкъ, не то звѣрь. Ливерпуль—огромный городъ, и трудно было его разсмотрѣть въ одинъ день. Поэтому я рѣшилъ переночевать въ немъ, и экономіи ради переночевалъ въ Sleeping-room. Дешево и довольно опрятно, но оказался безпокойный сосѣдъ—изъ матросовъ, дѣлавшихъ крымскую войну. Человѣкъ грубый и навязчивый, притомъ немного подпившій, онъ всю ночь не давалъ мнѣ покоя рассказами о Россіи и Севастополѣ.

Я думалъ-было пробраться въ Шотландію и осмотрѣть Эдинбургъ. Но меня потянула въ Лондонъ тоска по моей женѣ. Обратный путь я держалъ по самой деревенской части Англіи. Остановился въ Дерби. Это—самая провинціальная деревенщина. Тамъ было нѣчто въ родѣ ярмарки; осматривая ее, на нѣсколькихъ столикахъ я видѣлъ продажу человѣческихъ череповъ и костей—товаръ, требуемый изучающими медицину, но на ярмаркахъ и рынкахъ континента не приходилось его видѣть. Изъ Дерби въ Лейчестеръ—послѣдній привалъ, въ которомъ пришлось

весьма комфортабельно переночевать. У меня сохранилось воспоминаніе о довольно большомъ кладбищѣ посреди этого провинціального городка. Вообще, въ Англіи, во время моего путешествія, мертвые не удалялись отъ живыхъ, кладбища встрѣчались нерѣдко въ самомъ центрѣ города—то на паперти церкви, то такъ, отдѣльно. Сколько помню, напр., было кладбище на паперти церкви св. Павла. На могилахъ стоймя поставлены камни, иногда съ именемъ усопшаго, въ родѣ кладбища еврейскаго. Нашъ православный крестъ — лучшее украшеніе могилы покойника. Изъ Лейчестера въ Лондонъ, помнится,—подъ вечеръ. Какая радостная встрѣча съ женой!

Не помню, сколько времени мы пробыли еще въ Лондонѣ, но въ началѣ августа мы простились съ нашимъ милымъ пансіономъ и его обитателями и вечеромъ переѣхали на пароходъ, идущій во Францію. Двинулись въ путь такъ рано, что когда мы позавтракали, то высокіе мѣловые берега Англіи, покрытые изумрудной травой, были уже далеко. На этотъ разъ море не было такъ привѣтливо и покойно, какъ на пути изъ Остенде въ Лондонъ. Ламаншъ буянилъ, и пароходъ трещалъ отъ сильнаго вѣтра, невыносимо качая. Я не подверженъ морской болѣзни, но почти всѣ пассажиры, съ охами и стонами, лежали на палубѣ, а съ ними и моя бѣдная жена. Въ Булонь мы пріѣхали въ раннему обѣду, послѣ котораго имѣли еще время осмотрѣть этотъ приморскій городокъ. Англія встрѣтила насъ ливнемъ и сыростью, а Франція — яркимъ солнышкомъ. Не даромъ о ней всегда говорятъ: „la belle France“. Я не знаю почему, но какъ только я въѣзжаю въ ея предѣлы, душа моя наполняется какимъ-то радостнымъ, отраднымъ чувствомъ—какъ будто я пріѣхалъ домой. Не потому ли это, что въ моей крови не мало капель французской крови моего дѣда, что въ дѣтствѣ меня называли французомъ, а я Францію всегда считалъ вторымъ отечествомъ? Но мнѣ весело, мнѣ радостно всегда бываетъ, когда я ступлю на почву этой великой страны, когда въ ухахъ моихъ раздастся благозвучная рѣчь ея даровитаго народа — народа-альтруиста, послужившаго не только себѣ, но и человѣчеству. Бываютъ я во Франціи и въ молодые, и въ старые годы, но это чувство никогда не измѣнялось... Ночью проѣхали черезъ Руанъ, такъ что не удалось видѣть его знаменитаго собора, такъ художественно описаннаго Флоберомъ въ „М-ме Бовари“. Поздней ночью мы пріѣхали въ Парижъ, и намъ такъ дремалось, что когда кондукторъ закричалъ: „Paris!..“, намъ показалось, что мы пріѣхали на обыкновенную станцію, а не въ этотъ великій мі-

ровой городъ, одно названіе котораго такъ содержательно. Первая встрѣча — отрядъ зуавовъ, обходившій ночью Парижъ. Но это была вторая имперія въ ея апогеѣ: зуавы и туркосы виднѣлись повсюду, и столица Франціи по своему тогдашнему воинственному виду уподоблялась какому-нибудь нѣмецкому Берлину. Теперь — иные нравы, иные картины: проживая въ 1895 г. цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ съ дочерью, мы не видѣли ни одного зуава, ни одного туркоса... Забравшись на ночлегъ въ какой-то маленький отель, мы проснулись на другой день вечеромъ, такъ что первыя сутки въ Парижѣ мы провели во снѣ. Уже совсѣмъ вечеромъ мы разыскивали ресторанъ, чтобы пообѣдать. На другой день мы нашли на Rue Jacob пансіонъ, содержимый ярмъ бонапартистомъ, потерявшимъ руку подъ Севастополемъ. Парижскій пансіонъ — не то, что лондонскій: это что-то узкое, что-то ужасно скупое. Маленькая баранья котлетка на завтракъ; ломтикъ дыни послѣ маленькой тарелки безвкуснаго супа за обѣдомъ, ломтикъ пулярки... все ломтики, все кусочки, можетъ быть и достаточные для французскаго желудка, но слишкомъ не по русскому желудку, привышему съ дѣтства къ кашамъ и кулебякамъ. Совѣтую каждому путешественнику въ Лондонѣ жить въ пансіонѣ, а въ Парижѣ — избѣгать его. Вся обстановка была иная въ сравненіи съ той, къ которой мы привыкли у Ло или Форстеръ: въ ложѣ швейцара сидѣла хорошенькая парижанка съ романомъ въ рукахъ, а намъ съ женой прислуживалъ gacçon, исполняя всѣ обязанности горничной. Вообще, въ Парижѣ женщина-работница — на первомъ планѣ, и весьма много мужскихъ занятій — удѣлъ ея нѣжныхъ ручекъ. Это я наблюдалъ въ одномъ только Парижѣ. Пожалуй и въ Швейцаріи, особенно во французской Женевѣ, на долю женщины выпадаетъ много тяжелой мужской работы. Но тамъ женщина, со своимъ зобомъ и грубыми руками, — сильной, мужской комплекціи, а парижанка — миниатюрна и граціозна. Это по истинѣ одинъ изъ замѣчательныхъ женскихъ типовъ, выработанныхъ своеобразными условіями парижской жизни, еще въ дѣтствѣ развивающей находчивость, тактъ и проворство. Но все это я узналъ потомъ, когда ближе познакомился съ Парижемъ; на этотъ же разъ я ограничился бѣглымъ, поверхностнымъ его обзоромъ: побывали, конечно, въ Луврѣ, преклонившись передъ Венерой Милосской и мадонной Мурильо; обошли нѣсколько разъ Пале-Рояль, любуясь настоящими и поддѣльными брилліантами, выставленными въ его витринахъ; погуляли по Елисейскимъ полямъ и Тюльерійскому саду, а въ національный праздникъ именинъ Наполеона съѣздили въ Вер-

салъ, полюбоваться знаменитыми фонтанами; вечеромъ видѣли въ Парижѣ роскошную иллюминацію, устроенную замѣчательнымъ пиротехникомъ. Не пришлось мнѣ видѣть теперешній національный праздникъ, а хотѣлось бы сравнить, что французы больше празднуютъ—взятіе Бастиліи или день ангела узурпатора? Пришлось мнѣ увидѣть и самого узурпатора. Передъ теперешнимъ монументомъ Гамбетты онъ производилъ смотръ небольшому отряду: подвели къ Тюльери верховую лошадь, на которую и взобрался императоръ. Его нескладная оригинальная фигура запечатлѣлась въ моей памяти: лошадиная фizioномія съ заостренными усами и эспаньолкой, длинное туловище и короткія ноги,—не похожъ былъ на дядюшку племянникъ. Еще лучше я рассмотрѣлъ его въ Дижонѣ и Ліонѣ, но тогда красила его рыжеволосая красавица Евгенія.

Помнится, въ Парижѣ я случайно встрѣтилъ профессора Эргардта, съ его обычной развязностью и острословіемъ. Онъ насъ очень смѣшилъ, когда обѣдалъ въ нашемъ пансіонѣ: подали жаркое, а онъ кричитъ: „Не кушайте его—это жареный волкъ“! Женѣ очень хотѣлось поскорѣе пріѣхать въ Женеву,—поэтому мы не засиживались въ Парижѣ и двинулись на Дижонъ. Наша поѣздка совпала съ поѣздкой императорской четы въ Африку,—поэтому на своемъ пути мы дважды ее встрѣтили, въ Дижонѣ и Ліонѣ, гдѣ и мы остановились на нѣсколько времени. Дижонъ тогда былъ такой же старинный городъ, какъ и теперь, но не такой же большой и эlegantный. Но зато онъ утопалъ въ виноградникахъ Бургони, которые еще не были истреблены филоксерой и замѣнены плантаціями картофеля и свеклы, какъ теперь. Эти виноградники были для меня новымъ дѣломъ, и я вдоль и поперекъ исходилъ ихъ по тропинкамъ, извивающимся мимо каменныхъ изгородей. Въ Дижонѣ мы остановились съ цѣлью видѣть вѣздъ императорской четы, и увидѣли очень отчетливо. Въ открытой коляскѣ, съ правой стороны—златовласая императрица, прелестная собой, а съ лѣвой—суровый и задумчивый императоръ со своей лошадиной фizioноміей и заостренными усами. Экипажъ эскортировался отрядомъ тѣлохранителей-сѣнгардовъ, въ живописномъ эффектномъ нарядѣ гарцовавшихъ на прекрасныхъ лошадяхъ. „Какъ красива императрица! какъ красивы сѣнгарды!“—только и слышалось въ толпѣ, восхищавшейся своими повелителями. И можно ли было думать, что этотъ могучій человекъ, каждое слово котораго внимательно выслушивала вся Европа, чрезъ десять лѣтъ будетъ плѣнникомъ Седана, а толпа, его привѣтствовавшая, будетъ проклинать его?!

Путь до Ліона сопровождался нѣсколькими остановками, по случаю императорскаго поѣзда. Помню, какъ негодовали на эти остановки наши спутницы англичанки, говорившія, что у нихъ въ Англіи не дѣлали бы этого ради королевы Викторіи. Въ нашемъ поѣздѣ была одна русская, съ которой мы, отошавшіе въ Парижѣ, завели разговоръ о прелестяхъ русской кухни и особенно о рубленыхъ котлетахъ, которыхъ за границей нигдѣ не встрѣчали. Въ Ліонѣ мы пробыли дня два. Это, конечно, одинъ изъ лучшихъ городовъ Франціи. Его богатство—полковыя ткани; его красота—могучая Рона и сливающаяся съ ней Сона. Императоръ дѣлалъ въ Ліонѣ большой смотръ, и поэтому городъ былъ наполненъ военными. Помню, мы залюбовались красивымъ гусарскимъ полкомъ, на всѣхъ рысяхъ промчавшимся мимо насъ. Но смотра намъ не удалось видѣть, а мы еще разъ увидѣли императорскую чету, когда она съ балкона представлялась огромной толпѣ народа, среди которой очутились и мы, но безъ тѣхъ толчковъ и пинковъ, которыми угощала насъ англійская толпа въ Гайдъ-паркѣ. Налюбовавшись ліонскими тканями, выставленными на показъ въ витринахъ многихъ магазиновъ, по случаю прибытія императорской четы, мы подъ вечеръ двинулись въ Женеву, куда прибыли поздней ночью.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ

ВЪ

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

I.

Есть писатели, творческій обликъ которыхъ опредѣляется уже въ первыхъ произведеніяхъ, въ самомъ началѣ ихъ литературнаго поприща. По мѣрѣ той смѣлости, съ какою ихъ мысль идетъ въглубь изображаемаго явленія, по характеру и степени законченности художническаго штриха, критика можетъ или сразу указать мѣсто писателя въ современномъ теченіи литературы и этимъ заранѣе опредѣлить его историческое значеніе, или же отмѣтить признаки богатыхъ залежей творческихъ силъ въ его душѣ и открыть широкій горизонтъ надеждамъ на будущее. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, писатель не оставляетъ обыкновенно сомнѣній въ направленіи своего пути; если не ясна конечная черта, за которую онъ не перешагнетъ, то въ общемъ можетъ быть намѣченъ жизненный кругозоръ, каковой откроетъ ему высшая точка его творческаго подъема,—она же вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлитъ и уголъ зрѣнія художника на явленія жизни.

Но есть писатели и другого рода. При своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, они, безсознательно и невольно, вводятъ въ заблужденіе современную критику, представители которой попадаютъ въ положеніе людей, разсуждающихъ о громадной картинѣ, стоя вблизи ея,—только особенно чуткій и талантливый критикъ можетъ душой угадать то, чего не увидитъ гла-

зомъ. Но для цѣльности, а главное—правдивости впечатлѣній нужно отойти подальше. Рѣзкость въ очертаніяхъ смягчится сама собою, рѣзкая глазъ яркость красокъ поблѣднѣетъ, пятна исчезнутъ, а вмѣсто нихъ мягко выступятъ неожиданные тона и полутона, просвѣты и полутѣни, откроется перспективная даль, и картина выступитъ въ полной красотѣ, отражая дѣйствительность во всю широту художественнаго замысла. Такъ и для сужденія о широкихъ историческихъ эпохахъ и дѣятеляхъ необходимо извѣстное отдаленіе, чтобы дать возможность всему суетно-преходящему, личному и мелкому отойти въ вѣчность и вѣчному заявить свои права...

При мысли о томъ знаменательномъ періодѣ въ исторіи нашей общественности, когда совершался сложный и болѣзненный процессъ перехода въ новыя условія жизни послѣ отміны крѣпостного права, на память невольно приходитъ нѣсколько по истинѣ великихъ дѣятелей и борцовъ мысли. Они отдали всѣ силы своего ума и таланта освободительнымъ идеаламъ, служеніе которымъ было для нихъ не только дѣломъ гражданскаго подвига, но единственнымъ и непреложнымъ условіемъ жизни на родинѣ, безъ сдѣлки съ совѣстью и честью. Герценъ, Тургеневъ, Салтыковъ, Некрасовъ—какія все имена, какіе титаны мысли и духовной силы, могучей рѣкой излившейся въ мутное море русской жизни! Да и одни ли они, и кто ихъ не знаетъ?

Но художественная лѣтопись этой эпохи будетъ неполна, если за этими именами не поставитъ еще одного имени—имени Ивана Александровича Гончарова. Онъ съ полнымъ правомъ можетъ занять мѣсто съ ними въ пантеонѣ русской мысли—не только по качеству таланта, но и по самому существу своихъ произведеній, по характеру изображенія и ихъ внутреннему смыслу. Именно его сочиненія таковы, что отъ нихъ нужно отойти на нѣкоторое разстояніе, чтобы разглядѣть всѣ особенности изображаемыхъ въ нихъ широкихъ картинъ, притомъ съ наиболѣе положительной и выгодной для нихъ стороны. Для этой цѣли Гончарова нужно было забыть... и потомъ снова вспомнить, чтобы непредубѣжденнымъ глазомъ всмотрѣться въ черты его творческаго облика и представить его въ натуральную величину.

II.

Мы не беремъ на себя этой трудной и важной задачи—вспомнить Гончарова—въ полномъ ея объемѣ. Многое въ этомъ направ-

леніи уже подготовлено, иное намѣчено, и пересмотръ сдѣланнаго по изученію Гончарова самъ по себѣ могъ бы представить весьма достаточный поводъ къ научному изслѣдованію, тѣмъ болѣе интересному, что оно далеко выходило бы за предѣлы только литературныхъ фактовъ, ставя изслѣдователя въ непосредственную связь съ самыми важнѣйшими вопросами общественнаго свойства. Считается неизмѣнно установленнымъ фактомъ, что картины Гончарова чрезвычайно широки по захвату жизненныхъ явленій, но размѣры ихъ содержанія далеко еще не выяснены. Самъ авторъ видѣлъ въ своихъ романахъ отраженіе трехъ эпохъ русской жизни, изъ которыхъ первая знаменовала собою Русь дремлющую, вторая — готовую проснѣться, третья — пробужденную и потягивающуюся отъ сна. Но краями своими онѣ заходятъ одна за другую, — и не правильнѣе ли слить ихъ въ одну общую картину, увѣковѣчившую одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ исторіи нашего общества, моментъ его перегаранія и обновленія? И тогда развернется грандіозное полотно, потянется безконечная вереница типовъ и фигуръ, пестрая смѣсь меланхолическихъ Обломовыхъ, растерянныхъ Райскихъ, аккуратныхъ Штольцевъ, сановныхъ Адуевыхъ, хищниковъ темнаго царства, коптителей неба, домовитыхъ бабушекъ, Марейнекъ и Наденекъ, Захаровъ и Егоровъ, вѣчныхъ Антонъ Ивановичей и мелькающихъ Волоховыхъ... Всѣ они равно озарены лучами Гончаровскаго генія; но скоро зоркій глазъ Тургенева выдѣлитъ изъ толпы Обломовыхъ всѣхъ „лишнихъ“ и „новыхъ“ людей, однихъ задавленныхъ, другихъ обьявившихъ непримиримую борьбу всероссійской рутинѣ и косности, и скажетъ свое „новое“ слово, которое подхватятъ тысячи радостныхъ голосовъ... Необходимость параллельнаго изученія Гончарова, съ одной стороны, и Тургенева, Островскаго, Писемскаго — съ другой, вытекаетъ сама собой для мало-мальски полнаго освѣщенія эпохи.

Но предварительно вопросъ о Гончаровѣ предстоитъ рѣшить особо. Что онъ представляетъ собою, какъ художникъ и чело-вѣкъ своего времени, какъ оба они отразились въ его творчествѣ, благодаря которому за Гончаровымъ записана великая заслуга въ исторіи нашей литературы? Эта заслуга сознава уже давно; она создавалась на основаніи цѣлаго ряда сужденій, принадлежавшихъ людямъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и убѣжденій. Многие изъ нихъ знали писателя при жизни, и это обстоятельство придаетъ ихъ впечатлѣніямъ особую, если можно такъ выразиться, непосредственно-жизненную колоритность. Но, ставя сужденія предшествовавшихъ намъ критиковъ и публицистовъ исходной

точкой нашего изложенія, мы будемъ интересоваться въ нихъ лишь основными взглядами на сущность Гончаровскаго творчества,—независимо отъ того угла зрѣнія, которымъ обуславливалась принадлежность писавшаго къ тому или другому направленію.

III.

Критическая литература о Гончаровѣ вообще не отличается богатствомъ и разносторонностью изученія. Но ее приходится начинать славнымъ именемъ добраго генія нашей литературы—Бѣлинскаго. Гончаровъ съ искреннимъ и теплымъ чувствомъ вспоминаетъ годы своего знакомства съ нимъ. Это былъ Бѣлинскій второй половины сороковыхъ годовъ, уже истощившійся, по выраженію Гончарова, на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго, изстрадавшійся и усталый, но попрежнему восторженный и искренній. Тридцатипятилѣтній новичокъ въ литературномъ дѣлѣ предсталъ предъ нимъ съ „Обыкновенной исторіей“, и Бѣлинскій съ перваго же взгляда распозналъ въ немъ крупную художественную силу, силу, родственную талантамъ Гоголя и Пушкина, и предсказалъ блестящій литературный успѣхъ. Въ отзывѣ его было высказано много похвалъ писателю, который одинъ въ современной ему литературной средѣ „приближался къ идеалу чистаго искусства“, но въ то же время критикъ досадовалъ, что Гончаровъ—„поэтъ, художникъ и больше ничего... у него нѣтъ ни любви, ни ненависти къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю“... „А это и хорошо,—сказалъ онъ однажды съ какою-то *доброю злостью*,—это и нужно, это признакъ художника“;—критикъ какъ будто боялся,—разсказываетъ Гончаровъ,—что его услышатъ и обвинятъ за сочувствіе къ безтенденціозному писателю“.

Итакъ, отсутствіе тенденціи, способность быть художникомъ „и только“—вотъ что отмѣтилъ Бѣлинскій у Гончарова. При томъ, художникомъ объективнымъ и непосредственнымъ по существу: онъ „рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать“. Такъ отзывался Бѣлинскій о наиболѣе характерной чертѣ Гончаровскаго творчества.

Объективность, въ связи съ умѣньемъ „охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его“, представлялась и Добролюбову сильнѣйшей стороной таланта Гончарова. „Изобра-

женіе ихъ (явленій жизни въ ихъ полнотѣ),—писалъ Добролюбовъ,—составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности, или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспримчивости?“—спрашивалъ критикъ и, съ отличавшимъ его величайшимъ критическимъ тактомъ, останавливался и ставилъ здѣсь точку, довольствуясь одной постановкой вопроса и боясь рѣшать его сплеча. „Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ безъ ограничений и поясненій,—замѣчаетъ далѣе Добролюбовъ.—Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность такого приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, по-сильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей—даже въ чувствахъ“...

И уклонившись отъ категорическаго отвѣта на вопросъ о свойствахъ Гончаровскаго таланта, Добролюбовъ перешелъ къ сужденію о томъ, на что потрагился талантъ художника, и занялся разборомъ содержанія „Обломова“. Къ какимъ выводамъ привелъ Добролюбова этотъ разборъ, вообще извѣстно: статья его о томъ, что такое обломовщина,—навсегда утвердила характеръ и размѣры общественнаго значенія созданнаго Гончаровымъ типа, и сама по себѣ явилась одною изъ самыхъ блестящихъ статей нашей критической литературы...

Статья эта не потеряла своего значенія до настоящаго времени, хотя страницы журнала, впервые напечатавшаго ее, давно уже выцвѣли и поблекли. Но старинные, поблѣднѣвшіе портреты близкихъ людей говорятъ душѣ иногда больше, чѣмъ позднѣйшія репродукція, выполненныя со всѣмъ мастерствомъ современной фотографической и художественной техники. Тихая и грустная поэзія отжившаго чаще находитъ пріютъ въ старинной условности воспроизведенія, въ пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, поблѣкшихъ узорахъ рамы, чѣмъ въ нашей до-нага раздѣтой „правдѣ“ внѣшняго изображенія, зеркальных стеклахъ и золотыхъ багетахъ. Такъ, есть особенная прелесть въ перечитываніи любимаго автора по старой книжкѣ журнала, гдѣ оно появилось впервые. Впечатлѣніе ва-

жется болѣе непосредственнымъ, болѣе близкимъ къ духу былой эпохи, и позднѣйшему читателю легче стать на точку зрѣнія современниковъ автора, передъ которыми произведеніе открывалось во всей свѣжести и новизнѣ своего перваго появленія въ печати. Изъ непосредственности впечатлѣнія вытекаетъ и непосредственность сужденія, не зависящая ни отъ сопоставленія съ творчествомъ автора въ его цѣломъ, ни отъ требованій научнаго историческаго анализа.

Попытка представить себѣ положеніе читателя лѣтъ сорокъ назадъ, можетъ имѣть особое значеніе при изученіи отношеній Добролюбова и Гончарова. Эти отношенія становятся понятны, если взять не полныя собранія ихъ сочиненій, а книжки „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“ за 1859 г. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ, въ четырехъ начальныхъ книжкахъ, былъ напечатанъ „Обломовъ“, а уже въ пятой книжкѣ второго появилась Добролюбовская статья. Критикъ говорилъ о Гончаровѣ, зная его лишь по двумъ романамъ, такъ какъ „Обрывъ“ появился десять лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Добролюбова, а мелкія статьи—и того позже. И тѣмъ замѣчательнѣе осторожность Добролюбова относительно категоричности сужденія о Гончаровѣ.

Эту категоричность сужденія о нашемъ писателѣ внесли съ собою чреватые категоричностями всякаго рода шестидесятые годы. По стопамъ Добролюбова, но съ гораздо меньшей проникаемостью, остановился на общественномъ значеніи тѣхъ же романовъ Писаревъ. Въ статьѣ: „Гончаровъ, Писемскій и Тургеневъ“ онъ привлекъ къ суду Гончарова, доказавъ по пунктамъ его виновность и объявилъ не заслуживающимъ ни малѣйшаго снисхожденія. При этомъ самой тяжкой виною писателя была объявлена его объективность. „Постоянно спокойный, ничѣмъ не увлекающійся,—говоритъ онъ о Гончаровѣ,—романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора“...

Писаревъ предвидѣлъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что нельзя же требовать, какъ общаго правила, отраженія личности рассказчика въ его произведеніи, что „объективность—высшее до-

стоинство эпического поэта". У критика есть готовый отвѣтъ на подобное возраженіе: онъ скажетъ, что это—одна изъ тѣхъ невѣрныхъ, а главное—устарѣлыхъ фразъ, отъ которыхъ не могутъ отстать робкіе люди, что рассказывать что-нибудь безъ особенной цѣли читающей публикѣ—недобросовѣстно и невѣжливо; что обязательное дѣйствіе поэзіи заключается въ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью читателя... „На васъ дѣйствуетъ часто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ *личныя*; слѣдовательно, что же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора? Вполнѣ объективная картина—фотографія; вполнѣ объективный рассказъ—показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ; вполнѣ объективная музыка—шарманка; добиться этой объективности значить уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство, даже науку, даже всякое движеніе мысли“...

Неудивительно, что, ставъ на эту точку зрѣнія, Писаревъ лишилъ типъ Обломова всякаго общественнаго значенія—послѣдній оказался поставленнымъ только въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента, при томъ же онъ не оригиналенъ, онъ—повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева. И весь романъ оказался ничѣмъ инымъ, какъ „клеветою“ на русскую жизнь, а несчастный авторъ его, напрасно прикинувшійся прогрессистомъ „Обыкновенной исторіи“, съ одной стороны—умный и разсудительный человѣкъ, а съ другой—скептикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; эгоистъ, свойство котораго проявляется въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ и даже болѣе—въ игнорированіи человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. „Обращаясь къ нашему потомству, Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!“

Трудно категоричнѣе высказаться о Гончаровѣ, чѣмъ высказался о немъ Писаревъ. И хотя потомство распорядилось иначе съ наслѣдствомъ Гончарова, чѣмъ могъ предполагать его строгій критикъ, однако у Писарева являлись время отъ времени послѣдователи, которые, съ разными оговорками и уклоненіями, повторяли на разные лады, что Гончаровъ—только объективный художникъ и, какъ таковой, не имѣетъ отношенія къ исторіи нашей общественности въ тѣсномъ смыслѣ.

Мы допустили нѣкоторую хронологическую неточность, предполагая только теперь говорить о статьѣ Дружинина, появившейся, какъ извѣстно, въ 1859 г. Мы сдѣлали это умышленно:

непосредственное сопоставленіе взглядовъ Добролюбова и Писарева для насъ было важнѣе внѣшней послѣдовательности фактовъ. Къ тому же Дружининъ сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на характеристики Гончаровскаго творчества, сколько на психологическомъ анализѣ дѣйствующихъ въ „Обломовѣ“ лицъ и общемъ смыслѣ романа. Словъ: „объективный“, „объективность“, критикъ какъ будто избѣгаетъ. „Онъ реалистъ, — говоритъ онъ о Гончаровѣ, — но его реализмъ постоянно согрѣтъ глубокой поэзіей; по своей наблюдательности и манерѣ творчества онъ достоинъ быть представителемъ самой натуральной школы, между тѣмъ какъ его литературное воспитаніе и вліяніе поэзіи Пушкина, любимѣйшаго изъ его учителей, навѣки отдаляютъ отъ Гончарова самую возможность *безплодной* и *сухой* натуральности“.

IV.

Таковы были отзывы современной Гончарову критики о его произведеніяхъ. Между послѣдними не было еще „Обрыва“, который въ это время начиналъ только создаваться въ душѣ художника. „Обрывъ“ появится не ранѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ „Обломова“, — въ самомъ концѣ шестидесятихъ годовъ, и возбудитъ, со страницъ „Вѣстника Европы“, еще больше шума, чѣмъ первые два романа. А пока онъ создавался, вокругъ Гончарова, служившаго и по цензурной части, и по редактированію официальной „Сѣверной Почты“, кипѣла самая бурная эпоха русской жизни, самая нервная и страстная пора борьбы и стремленій, надеждъ и разочарованій. Небеса были холодны и пасмурны, но молодые побѣги весело выбѣжали на волю изъ-подъ старыхъ корней и — вотъ-вотъ, казалось имъ, выглянетъ солнце, пригрѣетъ и скажетъ: расти и радуйся! Но солнце не спѣшило выглянуть изъ-за тучъ, побѣги мерзли и гибли. Старая жизнь уходила медленно и неохотно; змѣнное шипѣнье слышалось въ ея прощальныхъ рѣчахъ. Порою казалось, она крѣпла и возвращалась назадъ, какъ крѣпнетъ льдина, подъ несмѣлыми лучами раннего весенняго солнца... Но работа кипѣла въ умахъ и сердцахъ, мѣнялись убѣжденія и взгляды, цѣлыя міросозерцанія опрокидывались вверхъ дномъ, совершался медленный и болѣзненный процессъ пересозданія жизни на новыхъ началахъ разума и справедливости. Вопросы одинъ за другимъ, одинъ настоятельнѣе и важнѣе другого, стали носиться въ воздухѣ надъ русской жизнью, задѣвая всѣхъ безъ исключенія, волнуя, тревожа, порождая жгу-

че споры, обостряя инстинкты. И изъ-подъ проклятій и грохота ловавшейся старой жизни настоятельнѣе и, несмотря на безпре-
станные перерывы, громче другихъ звучалъ одинъ вопросъ, вѣч-
ный вопросъ, который не перестаетъ задавать человѣчество, о
томъ, —

...для воли изъ тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы?

Отвѣчали различно, часто съ глухою рѣшимостью отчаянія, чтобы отвѣтить хоть чѣмъ-нибудь и прикрыть бездну, созданную вопросомъ. Отвѣчали опрометчиво, но искренно, отвѣчали благо-
разумно, но фальшиво. Туманъ неизвѣстности и сомнѣнія могло
разогнать только солнце, а его все еще не было, и напротивъ —
темныя тучи опускались все ниже. Малодушные закричали: „на-
задъ!“ — имъ почудилось, что они подошли къ краю бездны, и
что дальше идти уже „некуда“...

Этотъ вихрь новыхъ мыслей и чувствъ не могъ не коснуться
Гончарова, какъ бы онъ ни сторонился отъ жизни. Онъ зналъ,
создавая послѣднюю часть своей трилогіи, что она встрѣтитъ
явную публику, чѣмъ та, къ которой не постыдился выйти въ
своемъ халатѣ Обломовъ. Онъ могъ предполагать, что и новые
критики окажутся къ нему требовательнѣе и суровѣе въ своихъ
притязаніяхъ, чѣмъ прежніе, изъ которыхъ Бѣлинскій и Добро-
любовъ уже отошли въ вѣчность. Произошла рѣзкая перемѣна
въ читателяхъ, въ критикѣ, въ литературѣ.

Зазвучали голоса о роли и значеніи писателя въ жизни.
„Что такое писатель, какъ не общественный дѣятель; что такое
писатель, какъ не интеллектуальная сила, какъ не путеводная
звѣзда, за которой идутъ тѣ, кто понимать и разсуждать безош-
бочно не въ состояніи?“

Этотъ вопросъ поставилъ Шелгуновъ въ своей статьѣ: „Та-
лантливая безталанность“, напечатанной въ „Дѣлѣ“ черезъ нѣ-
сколько мѣсяцевъ послѣ появленія „Обрыва“. Она посвящена
Гончарову, и одно заглавіе ея само по себѣ указываетъ уже на
отношеніе критика къ нашему писателю. Начинается статья об-
ширной выпиской изъ Бѣлинскаго о томъ, что Гончаровъ — поэтъ,
художникъ и больше ничего, что главная сила его заключается
въ извѣстствѣ и тонкости кисти, вѣрности рисунка, и что поэзія
есть первый, главный и единственный факторъ его творчества.
Эта характеристика представлялась настолько вѣрной Шелгунову,
что прибавлять къ ней, казалось, было нечего. Однако чувствовалась
какая-то неловкость: какъ-ни-какъ, а статья Бѣлинскаго была на-

писана болѣе двадцати лѣтъ назадъ и по поводу перваго изъ романовъ Гончарова. Какъ устранить эту неловкость, не нарушая логической убѣдительности сужденія? Выходъ повидимому былъ одинъ, и Шелгуновъ не преминулъ имъ воспользоваться. Онъ объявилъ, что въ міросозерцаніи Гончарова никакого измѣненія не совершилось, оно даже съзрѣло, пожалуй. Со свойственной ему опредѣлительностью и простотой Шелгуновъ такъ напрямикъ и заявилъ, что „со времени „Обыкновенной исторіи“ въ мыслительныхъ способностяхъ г. Гончарова никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Оно и понятно—способности эти въ гостининомъ дворѣ не продаются. Г-нъ Гончаровъ остался по прежнему поэтомъ, талантомъ, живописцемъ, съ тою только разницею противъ 1847 г., когда появилась „Обыкновенная исторія“, что въ двадцать слишкомъ лѣтъ онъ еще больше окрѣпъ въ живописи и сталъ слабѣе, чѣмъ былъ, на почвѣ сознательной мысли“.

Статья Шелгунова, написанная съ высокой степенью убѣдительности и ясности изложенія, чрезвычайно важна для пониманія „Обрыва“ съ общественной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія публициста шестидесятыхъ годовъ. Но въ ней есть одна новая для своего времени и примѣчательная для насъ черта, доказывающая, противъ воли Шелгунова, насколько былъ важенъ „Обрывъ“ для пониманія нашего писателя. Расписавшись подъ словами Бѣлинскаго, что „Гончаровъ—поэтъ, художникъ—и больше ничего“, Шелгуновъ, не замѣчая противорѣчій, но обнаруживая тонкую критическую проницательность, восклицаетъ въ концѣ статьи: „Неправда, что г. Гончаровъ относится безучастно къ своимъ героямъ, что онъ держитъ себя объективно. Это невозможно и психологически“. Но доказательство этой мысли выведено критикомъ изъ общихъ началъ: „Литературное и всякое другое произведение есть результатъ субъективности. Нельзя отдѣлить своего я отъ своего произведенія. Авторъ можетъ не умѣть думать послѣдовательнымъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе его думы, его симпатіи и антипатіи олицетворяются въ его герояхъ. Однимъ словомъ, авторъ весь въ своемъ произведеніи. Сила проявится силой, безсиліе — безсиліемъ. Романъ, не возбуждающій въ читателѣ прогрессивнаго мышленія и прогрессивнаго вывода, можетъ быть написанъ только отсталымъ и слабо мыслящимъ авторомъ. Не было примѣра, чтобы умный человекъ, работавшій десять лѣтъ, написалъ глупость“.

Это вообще, въ частности же Шелгуновъ обошелся съ Гончаровымъ болѣе чѣмъ запросто. На взглядъ критика, именно

Гончаровъ и былъ тѣмъ авторомъ, который работалъ десять лѣтъ и написалъ глупость. „Въ „Обрывѣ“, — продолжаетъ Шелгуновъ, — г. Гончаровъ похоронилъ себя: миръ его праху! Если самъ авторъ не былъ въ состояніи понять, что сила современнаго писателя въ реализмѣ, а не въ идеализмѣ, — намъ не научить его“... Такъ, живой, впечатлительный публицистъ, фанатикъ своей идеи, говорилъ о живомъ, но медлительномъ беллетристѣ, не подходившемъ къ его публицистической программѣ. Съ его точки зрѣнія, насколько послѣдняя обусловливалась господствовавшими взглядами, а главное — потребностями эпохи, онъ былъ доказателемъ и даже, если угодно, правъ. Иначе говорить не могъ публицистъ шестидесятыхъ годовъ, для котораго романъ являлся прежде всего орудіемъ движенія прогрессивныхъ идей, и уже затѣмъ литературнымъ произведеніемъ. Не бѣда, если, въ своемъ увлеченіи, онъ отказалъ „Обрыву“ въ реализмѣ и считъ его идеалистическимъ романомъ, — исторія литературы исправить этотъ промахъ и всему укажетъ свое мѣсто. Но гораздо прискорбнѣе то обстоятельство, что намекъ Шелгунова, выраженный, правда, въ самыхъ общихъ чертахъ, о субъективности Гончаровскаго творчества, былъ просмотрѣнъ публикой и критикой, и Гончаровъ сталъ переходить въ исторію литературы въ качествѣ художника *объективнаго* по основному свойству своего таланта, съ оговорками, впрочемъ, о родственности нѣкоторыхъ героевъ съ личностью самого автора.

Позднѣйшая критика мало внесла для изученія нашего писателя и, по большей части, отказывая ему въ прогрессивномъ значеніи, охотно примирялась съ вышеприведенной формулой, несмотря на ея видимое противорѣчіе. Со словъ русской критики стали смотрѣть на Гончарова и на Западѣ. Для Цабеля, на примѣръ, посвятившаго Гончарову въ своихъ „Russische Literaturbilder“ (1899) чрезвычайно содержательный и стройный этюдъ, послѣдній — *ist dagegen Dichter im ausschliesslichen Sinne des Wortes*, — „напротивъ того, поэтъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, чуждый какихъ-либо предвзятыхъ идей, истиннѣйшій художникъ и отличается этимъ отъ всѣхъ другихъ повѣствователей своего народа. Всѣ остальные писатели — люди новѣйшаго времени, и изображаютъ намъ Россію, горячо стараясь проникнуться всѣми результатами европейской культурной мысли. Одинъ Гончаровъ — консерваторъ по міросозерцанію, классикъ по формѣ, почитатель и изобразитель старой Россіи съ ея главнымъ рабочимъствомъ и патріархальнымъ устройствомъ“.

Вопросъ, очевидно, требуетъ коренного пересмотра и проверки: субъективный или объективный писатель Гончаровъ?

V.

Прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ разобратся въ понятіяхъ. Конечно, всякое произведеніе человѣческаго ума и таланта, въ которомъ человѣкъ является не механическимъ факторомъ, отражаетъ на себѣ личность творца, независимо отъ предмета изображенія или содержанія работы. Если мы будемъ примѣнять общія психологическія начала къ сужденію о писателяхъ-художникахъ, то окажется, что объективнымъ нельзя будетъ назвать ни одного изъ нихъ, потому что всѣ они сказались въ своихъ произведеніяхъ свойственными каждому изъ нихъ въ отдѣльности отличительными чертами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится различіе между характеромъ творческой работы, напримѣръ, Шекспира и Байрона, олимпійца Гете и Достоевскаго. Работа однихъ—аналитическая; они творятъ, разлагая жизнь на мельчайшіе атомы; работа другихъ—созидательная, комбинирующая,—они видятъ простымъ глазомъ то, что у другихъ является результатомъ анализа. Отказаться отъ этого различія значило бы лишить изслѣдователя и одного изъ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній въ области предшествовавшаго изученія, и одного изъ важнѣйшихъ орудій въ дальнѣйшей работѣ.

Процессъ изображенія жизни тѣмъ или другимъ художникомъ неизмѣнно совершается по одному изъ двухъ путей, совпадающихъ съ тѣми путями, которые извѣстны въ психологій подъ именемъ объективнаго и субъективнаго методовъ. Этотъ психологическій принципъ, какъ признаваемый единственно вѣрнымъ, и долженъ лечь въ основу нашего дѣленія. Художникъ наблюдаетъ или явленія жизни во внѣ, въ ихъ матеріальной сущности, или свое отношеніе къ нимъ; въ первомъ случаѣ его стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы отдѣлить собственное я отъ предмета и направить его на самый процессъ, на технику работы; во-второмъ — чтобы выразить это я какъ можно полнѣе, отчего такъ часто страдаетъ полнота и перспективная точность въ изображеніи самаго предмета. Отъ никому невѣдомыхъ тайниковъ художественнаго творчества мы переносимъ центръ тяжести къ его проявленію, и съ этой точки зрѣнія „Капитанская дочка“ Пушкина можетъ быть смѣло названа идеально-объективнымъ произведеніемъ, гдѣ личность художника всецѣло погло-

цена творческимъ мастерствомъ работы, и гдѣ, благодаря высокой степени этого мастерства, каждый предметъ говоритъ намъ самъ о себѣ, о своей сущности, а не объ отношеніи къ нему автора.

Если стремленіе поглотить собственное я процессомъ творческой работы, направленной на болѣе яркое и выпуклое изображение предмета въ его сущности, является первымъ и основнымъ признакомъ объективнаго творчества, то для субъективнаго художника внѣшній міръ представляется не содержимымъ, а содержащимъ, тою суммою внѣшнихъ условій, среди которыхъ съ возможной полнотой и опредѣленностью выражается его „я“; естественно, что въ данномъ случаѣ изображение внѣшняго міра само по себѣ отодвигается на второй планъ. Словомъ, если разсуждать такимъ образомъ, то какъ же отвѣтить на вопросъ, къ какому изъ двухъ видовъ художественнаго творчества долженъ быть отнесенъ Гончаровъ?

Не расходясь съ нами въ этомъ пониманіи объективнаго и субъективнаго, критика ставила объективность Гончаровскаго творчества, какъ мы видѣли, внѣ всякаго сомнѣнія. Даже болѣе: она упрекала, бранила его за то, что онъ рисовалъ все, что подвернется подъ руку, не опредѣляя или недостаточно опредѣляя свое внутреннее отношеніе къ предмету изображенія. Шелгуновъ только мимоходомъ остановился на этомъ вопросѣ, и то указалъ на субъективность Гончарова, какъ писателя вообще, исходя изъ общечеловѣческихъ началъ, и его замѣчаніе прошло безслѣдно,—по крайней мѣрѣ, оно не повліяло на общеустановившееся мнѣніе о Гончаровѣ, какъ художникѣ по преимуществу объективномъ.

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для которыхъ раскрытіе своего „я“ было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной или общественной жизни. Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму. Доказательство этой мысли должно выяснитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то сплошное недоразумѣніе между Гончаровымъ и критикой, которое едва ли возможно объяснить съ какой-либо иной точки зрѣнія. Требования, предъявлявшіяся критикой къ писателю, котораго она признавала безстрастнымъ и безпристрастнымъ изобразителемъ общественной жизни, были своего рода Прокрустовымъ ложемъ для Гончарова,

сторонившагося отъ этой жизни и рисовавшаго только „свою жизнь и то, что къ ней приростало“.

Это—подлинныя слова Гончарова. Онъ высказалъ ихъ въ своей авторской исповѣди тогда, когда его критикн сопли уже съ литературной и жизненной сцены. „Лучше поздно, чѣмъ никогда“—таково было заглавіе этой исповѣди, и по отношенію къ Гончарову это заглавіе имѣетъ по истинѣ знаменательный смыслъ. Не будь этой исповѣди, у насъ не было бы одного изъ наиболѣе вѣсныхъ свидѣтельствъ справедливости нашей мысли. Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся къ тому, что говорить въ заключительныхъ строкахъ исповѣди самъ писатель о своемъ творчествѣ. „Напрасно... нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа: „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!“

— „Не могу, не умѣю!—восклицаетъ въ отвѣтъ на это Гончаровъ.—*То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ“...*

Эти слова огромной цѣны и значенія для уясненія творчества Гончарова. Они же были и послѣдними словами его, какъ писателя. Въ нихъ звучитъ своего рода завѣщаніе, обращенное къ намъ, представителямъ грядущихъ поколѣній, выполнить по отношенію къ писателю то, чего не было сдѣлано при его жизни. „Напрасно я ждалъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ о скрытомъ смыслѣ своихъ произведеній,—что кто-нибудь и кромѣ меня прочтетъ между строками и, полюбивъ образы, свяжетъ ихъ въ одно цѣлое и увидить, что именно говорить это цѣлое. Но этого не было“...

Мы знаемъ другое завѣщаніе Гончарова. Это завѣщаніе—статья его: „Нарушеніе воли“, въ которой онъ просилъ не печатать послѣ его смерти никакихъ документовъ и бумагъ, имѣющихъ автобіографическое значеніе, въ особенности — черновыхъ набросковъ и писемъ, — и воля писателя, конечно, должна навсегда остаться священною для потомства.

Но онъ оставилъ намъ богатое автобіографическое наслѣдство въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ подробно, до мелочей, разсказалъ въ нихъ свою жизнь и то, „что къ ней приростало“, и этого слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать попытку дополнить

сухія вѣшнія данныя о жизни Гончарова раскрытіемъ нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ его личности — и какъ человѣка, и въ особенности какъ художника.

Мы сознаемъ всю трудность принимаемой на себя задачи — реставрировать, такъ сказать, духовный обликъ человѣка, котораго мы никогда не видали и о которомъ судимъ исключительно на основаніи его сочиненій. Въ нашей работѣ могутъ быть увлеченія, которыхъ, впрочемъ, всячески постараемся избѣгнуть, пропуски, быть можетъ, неточности, — все это будетъ кѣмъ-либо исправлено впослѣдствіи, дѣло не въ этомъ. Но мы будемъ вполне удовлетворены, если наша работа обратитъ на себя вниманіе лицъ, знавшихъ покойнаго Гончарова, или тонкихъ знатоковъ его сочиненій, и они своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ утвердятъ возможность построения въ будущемъ полной и богатой внутренними фактами біографіи нашего писателя.

Въ зависимости отъ этого взгляда на насъ будетъ интересовать ближайшимъ образомъ то, что касается личности Гончарова, тѣхъ чертъ, которыя носятъ на себѣ, по нашему мнѣнію, автобіографическій характеръ, — то, „что къ нему приростало“, непосредственное отраженіе среды, въ которой жилъ Гончаровъ, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, да и въ количественномъ отношеніи оно занимаетъ весьма незначительное мѣсто, сравнительно съ матеріаломъ автобіографическимъ по существу.

Наша задача, такимъ образомъ, сводится въ этомъ очеркѣ къ отраженію личности Гончарова въ его произведеніяхъ.

VI.

Начнемъ послѣдовательную характеристику Гончарова съ изображенія той обстановки, гдѣ онъ родился и провелъ раннее дѣтство. Это была обстановка приволья и свободы купеческо-помѣщичьей жизни первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка, но безъ причудъ и родовитой спѣси крѣпостного дворянства. У Гончаровыхъ была цѣлая деревня, настоящее имѣніе въ самомъ Симбирскѣ: домъ — полная чаша, дворы, амбары, людскія, погреба, ледники со всевозможными запасами, обширная дворня, полное хозяйство, — словомъ, всѣмъ и каждому въ этой семьѣ жилось привольно и сытно, и самое крѣпостное право, благодаря вліянію города и общему мирному настроенію, теряло свой мрачный колоритъ. Во всякомъ случаѣ, оно не оставило въ душѣ мальчика тѣхъ острыхъ и жгучихъ впечатлѣній, каковыми судьба такъ щедро наградила, напримѣръ, Тургенева.

Не трудно замѣтить, что въ подобной же обстановкѣ, мягкой и усыпляющей, нисходятъ корнями своими и всѣ близкіе (и даже очень!) родственники Гончарова — Сашенька Адуевъ, Ильюша Обломовъ, Борисъ Райскій. Молодой Адуевъ, переживая, какъ въ послѣдствіи Гончаровъ, первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ, съ отрадой вспоминаетъ „свой городъ“, домики съ остроконечными крышами, палисадники, голубятни, домики-фонари, домики съ флигелями-будками,— „этотъ весь спрятался въ велени; тотъ обернулся на улицу задомъ, а тутъ на двѣ версты тянется заборъ, изъ-за котораго выглядываютъ съ деревьевъ румяныя яблоки,—искушеніе мальчишекъ... Присутственные мѣста—такъ и видно, что присутственные мѣста: близко безъ надобности никто не подходитъ... А пройдешь тамъ, въ городѣ, двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука—и на улицѣ, и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, на распаху, никому не тѣсно; даже куры и пѣтухи свободно расхаживаютъ по улицамъ, козы и коровы щиплютъ траву, ребятишки пускаютъ змѣй“ ...

Въ этомъ же видѣ застаётъ „свой городъ“ и Гончаровъ, когда пріѣзжаетъ, по окончаніи университетскаго курса, на родину. Тѣ же дома и домишки, палисадники, заборы, присутственные мѣста. Ребятишки, если не пускаютъ змѣй, то — „среди улицы располагаются играть въ бабки“. У забора — коза, одна изъ тѣхъ, которыхъ видѣлъ Адуевъ, щиплетъ траву...

Пріѣзжаетъ въ тотъ же городъ и студентъ Райскій. Домъ его—тоже „маленькое имѣніе“, у самаго города, съ превосходными видами на Заволжье и страшнымъ обрывомъ, куда, между прочимъ, не пускали въ дѣтствѣ и Ильюшу Обломова. „Какой Эдемъ распалхнулся ему въ этомъ уголкѣ, откуда его увезли въ дѣтствѣ, и гдѣ потомъ онъ гостилъ мальчикомъ иногда, въ лѣтнія каникулы!“ Въ этомъ Эдемѣ, какъ въ „Грачахъ“ Адуева, въ „Обломовѣ“, наконецъ, въ усадьбѣ Гончаровыхъ,—на первомъ планѣ—хозяйство, козы, куры, повара, дворня, „баловство“, которое охватываетъ юношей, „какъ паромъ“—сладкой нѣгой внимательности и ухода. „Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлатъ мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда—и всѣ не наглядятся на меня“.

Это говоритъ Гончаровъ о своемъ возвращеніи на родину

изъ столицы. Но таково же было его и дѣтство, рассказанное въ „Обломовѣ“; няня, упомянутая выше, была та же самая няня, которая смотрѣла за маленькимъ Обломовымъ и не пускала его въ оврагъ и на галерею, какъ не пускали и Гончарова лазить по деревьямъ, по крышамъ или взбираться на колокольню.

Гончаровъ былъ въ дѣтствѣ, по его же словамъ, зоркій и впечатлительный ребенокъ. У него тогда уже, среди этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, зарождалось неясное представленіе объ „обломовщинѣ“. Столь же зоркимъ, „ничего пропускающимъ“ и впечатлительнымъ ребенкомъ былъ Ильюща Обломовъ: „ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напивается мягкій умъ живыми примѣрами и бессознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей“. Ни одна черта, ни одна особенность не ускользаетъ и отъ наблюдательнаго взора Райскаго; по тому, какъ онъ ведетъ себя въ школѣ и относится къ объясненіямъ учителя, можно съ увѣренностью сказать, что его наблюдательность, въ связи съ нѣкоторой не то разсѣянностью, не то распушенностью талантливаго барчука, развилась подъ знойными лучами обломовскаго солнца, подъ стужъ ножей обломовской кухни. Дома, въ Обломовѣ, онъ оставилъ няню, Захарку, Антипа, Аверку (Акимку-повара—въ „Воспоминаніяхъ“), Арапку, которыхъ онъ въ точности изучилъ и запомнилъ; въ школѣ онъ тѣмъ же переимчивымъ взоромъ наблюдаетъ учениковъ и учителя. „И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. *Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, чѣмъ другимъ приходится на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется*“.

Кромѣ Обломовки въ городѣ, Гончарову была знакома Обломовка-деревня. Обломовка романа принадлежала, рассказываетъ авторъ, издавна роду Обломовыхъ; рядомъ съ нимъ лежало селцо Верхлѣво, которымъ владѣлъ богатый помѣщикъ, никогда не показывавшійся въ свое имѣніе. Въ этомъ имѣніи управляющимъ былъ нѣмецъ Штольцъ, оторывшій у себя пансіонъ для обученія дѣтей окрестныхъ помѣщиковъ. Мы можемъ дать болѣе опредѣленные свѣдѣнія объ этомъ имѣніи—оно находилось на правомъ берегу Волги и принадлежало княгинѣ Хованской. Тамъ существовалъ и пансіонъ, куда былъ отданъ маленький Гончаровъ, но училъ въ немъ не нѣмецъ Штольцъ, а священникъ,

воспитанникъ казанской духовной академіи, человѣкъ просвѣщенный и, можно думать, широко образованный; зато нѣмцу Штольцу соответствовала *француженка*, жена священника, учившая дѣтей французскому языку. И маленькій Обломовъ, и Райскій, немногому научились въ этой школѣ; едва ли многому научился въ ней и Гончаровъ, хотя онъ и относился къ ней съ видимой симпатіей. Священникъ княжескаго имѣнія напоминаетъ верхлѣвскаго старика Штольца. „Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Ильюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлѣва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы простиралось и на Верхлѣво“. Умъ и сердце Ильюши исполнились картинъ и нравовъ этого быта, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ первую книгу. И не одного Ильюши,—таковъ же былъ и самъ Гончаровъ: эти картины и нравы окрасятъ собою все творчество будущаго писателя и опредѣлятъ его наиболѣе положительные жизненные—если не идеалы и стремленія, то привычки и вкусы. Впоследствии, уже на склонѣ лѣтъ, писатель дастъ себѣ отчетъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, когда выразитъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, вѣское предположеніе о томъ, что у него, „очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже *тогда*, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ (Якубова и сосѣдей-помѣщиковъ), этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанья, и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ“.

Въ воспоминаніяхъ этихъ будетъ много искренности и теплоты. Нѣжностью признательности и любви откликнется невольно душа на любовь и ласку, испытанныя имъ въ раннемъ дѣтствѣ, всякій разъ, какъ память воскреситъ передъ нимъ образъ его покойной матери. Она была разумно строга и добра, по отзыву писателя, и послѣднее свойство, синонимъ безграничной материнской любви, становится исчерпывающимъ и неизмѣннымъ признакомъ, какъ только Гончаровъ принимается изображать личность матери въ семейной обстановкѣ героевъ.

Слѣпая, беззавѣтная, безконечно-нѣжная любовь—коренная черта въ отношеніяхъ матерей Александра Адуева и Ильи Ильича, сближающая образы этихъ женщинъ до полного совпаденія. Воспоминанія о матери являются у нихъ наиболѣе трогательными и завѣтными воспоминаніями, проникнутыми грустью сожалѣнія о невозвратной утратѣ. „Мало-по-малу, при видѣ знакомыхъ предметовъ, въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки

въ Петербургъ, вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью молитвы, какъ она твердила ему объ ангелъ-хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ, какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыхъ и злыхъ дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ, и какъ радуются, когда добрыхъ дѣла превышаютъ злыхъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ... Александръ вздохнулъ отъ этихъ воспоминаній“.

Вспоминаетъ молитвы съ матерью и Илья Ильичъ Обломовъ. Тогда, поглощенный дѣтскими мыслями о предстоящей прогулкѣ, онъ „разсѣянно“ и „вяло“ повторялъ слова молитвы, но мать— „влагала въ нихъ всю свою душу“, и эти дѣтскія впечатлѣнія не прошли безслѣдно. „Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы“.

Тѣмъ же чувствомъ проникнуты и воспоминанія Райскаго о матери.

VII.

Какимъ былъ Гончаровъ въ школѣ священника и позже, въ московскомъ пансіонѣ, можно съ значительной достовѣрностью судить по отроческому портрету Райскаго. Воспріимчивость, наблюдательность, художественная жилка—вотъ его существенныя черты, если не считать еще болѣе существенной и объединяющей избалованности упитаннаго и добродушнаго барчука. И Гончаровъ стоялъ за баловство, какъ за элементъ необходимый въ дѣтскомъ воспитаніи. „Оно порождаетъ въ дѣтскихъ сердцахъ благодарность и другія добрыя, нѣжныя чувства,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ.—Это своего рода практика въ сферѣ любви, добра“. Гончаровъ рассказываетъ о первыхъ шагахъ школьной жизни Райскаго. Мальчика приводитъ въ классъ. Онъ прежде всего сталъ разглядывать учителя, какой онъ, какъ говорить, какъ нюхаетъ табакъ... Учитель сталъ объяснять ему задачу, и „ничего не ускользнуло отъ Райскаго, только ускользнуло рѣшеніе задачи“.

Зато Райскій любилъ читать книги, и читалъ приблизительно то, которыя нравились самому Гончарову. Райскій читалъ „со

страстью" исторію (но непременно въ картинахъ), эпопею, романъ, басню, особенно фантастическую, и не любилъ „умозрѣній“, какъ не любилъ ихъ всю жизнь и Гончаровъ,—за то, что они увлекали его изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительности. Чтеніе маленькаго Гончарова составляли по преимуществу солидныя сочиненія по исторіи и литературѣ. Подъ руководствомъ священника, о которомъ говорилось выше, онъ прочелъ Державина, Хераскова, Озерова, изъ историческихъ сочиненій—Роллена, Голикова, изъ путешествій—Мунго-Парка, Крашенинникова, Палласа; дома природная склонность къ фантастическимъ вымысламъ находила богатую пищу въ романахъ г-жи Радклифф и мистикѣ Эккартсгаузена; не обошлось дѣло и безъ сентиментальныхъ романовъ г-жи Жанлисъ, хотя едва ли они могли имѣть большой успѣхъ у Гончарова. Въ домашнемъ же быту, въ кругу сосѣднихъ помѣщиковъ, Гончарову приходилось слышать чтеніе Вольтера (Генріада), Расина и Корнеля. Этихъ же авторовъ будутъ читать, какъ увидимъ ниже, и его герои.

Путешествія составляли, повидимому, любимѣйшее чтеніе юноши. Они удовлетворяли ту особую форму любознательности будущаго художника, которая ищетъ не точнаго знанія, а общаго и непременно картиннаго представленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ шевелить воображеніе, будить мечты. Таковъ былъ и Райскій, который, по отзыву Гончарова, „и знаніе не зналъ, а какъ будто видѣлъ его у себя въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ, готовымъ, чувствовалъ его и этимъ довольствовался, а узнавать ему было скучно“... И Райскій болѣе всего любилъ читать путешествія и книги фантастическаго содержанія. „Освобожденный Іерусалимъ“, въ переводѣ Москотильникова, Оссіанъ, позже—Телемакъ, Іліада—уносили его далеко отъ дѣйствительности, захватывали въ свою чудесную сферу, очаровывали, почти опьяняли его: снились ему „горячіе сны“ о далекихъ странахъ, необыкновенныхъ людяхъ, дивныхъ красотахъ природы, и весь онъ „внутренно разрывался отъ волненія“, когда читалъ. Тѣ же вкусы къ чтенію отличали и близкаго родственника Райскаго—Илью Ильича Обломова, только разница въ темпераментахъ сказывалась на Обломовѣ меньшей воспріимчивостью къ чтенію. И онъ любилъ читать путешествія, хотя злополучнаго „Путешествія въ Африку“ такъ и не дочиталъ до конца. Вообще же его утомляли серьезные авторы, „мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ“. Няня въ дѣтствѣ наразсказала ему столько чудныхъ преданій и сказокъ, что онъ никогда не могъ освободиться изъ-подъ ихъ вол-

шебнаго обаянія: „сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка“...

VIII.

У Гончарова страсть къ чтенію путешествій объяснялась не только природной склонностью. Ее развили, если только не вызвали, „крестный Ивана Александровича, послѣ смерти отца свой человѣкъ въ домѣ Гончаровыхъ, принимавшій большое участіе въ воспитаніи мальчика. Гончаровъ называетъ его Петромъ Андреевичемъ Якубовымъ. Это былъ просвѣщенный по тому времени человѣкъ, съ задатками добродушнаго барства, отставной морякъ, участникъ масонской ложи. Онъ бесѣдовалъ съ юнымъ Гончаровымъ о математической и физической географіи, астрономіи, позже навигаціи, знакомилъ его съ картой звѣзднаго неба, объяснялъ все то, чего не могли объяснить въ школахъ. Въ числѣ книгъ Якубова были описанія всѣхъ кругосвѣтныхъ плаваній, и Гончаровъ признается, что онъ „зачитывался“ ими и „жадно“ поглощалъ рассказы стараго моряка.

Историческія книги Гончарову приходилось читать, какъ мы видѣли, въ дѣтствѣ, да и позже въ университетѣ, но особой любви къ нимъ онъ не чувствовалъ. По крайней мѣрѣ Райскій не могъ увлечься исторіей четырехъ Генриховъ, Людовиковъ до XVIII и Карловъ до XII включительно, біографіями Плутарха, — книгами, которыя давалъ ему опекунъ-дядя, а вкусы Райскаго и Гончарова по отношенію къ чтенію весьма совпадали: въ этихъ книгахъ не было рисунка, картинъ и, сравнительно, съ путешествіями и романами, „все это было для него (Райскаго), какъ прѣсная вода послѣ рома“. Того же историческаго рисунка требовалъ и Гончаровъ отъ своихъ профессоровъ. „Никакой общей идеи, никакого *рисунка древняго быта*, никакого взгляда, синтеза — такъ отзывался Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ивашковскомъ — ничего не могъ намъ дать этотъ почтенный греческій книгоѣдъ; онъ давалъ одну букву, а духъ отсутствовалъ“. Гончаровъ, какъ его Райскій, искалъ въ предметахъ изученія „новаго, поразительнаго, чтобы въ немъ самою все играло, билось, трепетало и отзывалось жизнью на жизнь“...

Заговоривъ о чтеніи Гончарова и его героевъ, дополнимъ отмѣченныя совпаденія еще нѣсколькими параллелями, довольно любопытными для творчества нашего писателя. Мы этимъ нарушимъ, на первый взглядъ, историческую послѣдовательность раз-

сказа, но зато намъ не придется возвращаться къ вопросу о чтеніи вторично; при томъ же, мы не пишемъ біографіи нашего писателя, а лишь стараемся освѣтить нѣкоторыя стороны ея данными его творчества и въ то же время объяснить преобладающе-біографическій характеръ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что при сравненіи того, чтó читалъ Гончаровъ и его герои, оказывается, что бібліотеки ихъ были весьма сходны по своему составу. Такъ, мы видѣли, маленькій Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ Голикова, Россіаду Хераскова, трагедіи Сумарокова. Эти же книги были въ бібліотекѣ Обломова-отца, читавшаго безъ всякаго выбора, чтó подвернется. „Голиковъ ли попадетъ ему, новѣйшій ли Сонникъ Хераскова, или трагедіи Сумарокова, или, наконецъ, третьегоднішнія вѣдомости—онъ все читаетъ съ равнымъ удовольствіемъ“... Несомнѣнно, что и Сонникъ не отсутствовалъ въ Гончаровской бібліотекѣ, и третьегоднішнія вѣдомости могли водиться въ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ чтеніе въ значительной степени было призвано занимать умы въ часы досуга и гдѣ не особенно гнались за новизной газетныхъ сообщеній.

Чтеніе Райскаго отличалось необычайной пестротой, но и въ этой пестротѣ нетрудно подмѣтить воспоминанія и вкусы самого Гончарова. По выходѣ изъ училища, Райскій „дома читалъ всякіе пустяки: „Саксонскій разбойникъ“ попадетъ—онъ прочтетъ его; вытащитъ Эккертсгаузена и фантазіей допросится, сквозь туманъ, ясныхъ выводовъ; десять разъ прочелъ попавшійся экземпляръ „Тристрама Шенди“; найдетъ какія-нибудь „Тайны восточной магіи“,—читаетъ и ихъ; тамъ русскія сказки и былины (которыхъ такъ много рассказывали крѣпостныя нянюшки Ильюшѣ Обломову), потомъ вдругъ опять бросится къ Оссіану, къ Тассу и Гомеру, или уплыветъ съ Кукомъ въ чудесныя страны“. Впослѣдствіи эти книги, естественно, должны были замѣниться другими. Университетъ долженъ былъ, во всякомъ случаѣ, осмыслить выборъ чтенія и сообщить ему болѣе опредѣленное направленіе. Гончаровъ слѣдовалъ въ отношеніи своего домашняго чтенія, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, указаніямъ профессоровъ, и можно съ увѣренностью сказать, что имъ онъ былъ обязанъ своимъ переходомъ отъ пестраго чтенія ранней юности къ суровымъ и важнымъ классикамъ всѣхъ временъ и народовъ. Составъ бібліотеки его мѣняется, и, сообразно этому, на страницахъ его романовъ начинаютъ мелькать Шекспиръ, Гомеръ, Платонъ, Овидій, Аристофанъ, Данте, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, рядомъ съ ними—французскіе энциклопедисты, да изъ „новыхъ“ книгъ—Маколей и Гизо. Эти

книги находить Райскій въ библіотекѣ стараго дома; этими же книгами зачитывается и Леонтій Ковловъ, который любилъ, между прочимъ, Гёте, но не романтика, а классика, — вкусъ самого Гончарова, не испытывавшаго особаго влеченія къ романтикамъ. Изъ той же библіотеки брала книги и Марейня. И она читала Мишлэ („Précis de l'histoire moderne“) и Гиббона, но предпочитала имъ, вѣроятно, „Путешествіе Гулливера“ или сказки Кота-Мура. Но Вѣру эта библіотека, особенно послѣ знакомства съ Маркомъ, уже не удовлетворяла.

IX.

Стихотворенія не были, кажется, въ особомъ почетѣ у Гончарова; но въ его воспоминаніяхъ есть намеки на юношескую страсть къ стихамъ, которая была почти общей чертой у молодыхъ и немолодыхъ писателей его времени, — была, по его выраженію, „дипломомъ на интеллигентность“. Райскій переводитъ изъ Гейне, Александръ Адуевъ сочиняетъ стихи, но авторъ относится къ нимъ какъ къ увлеченіямъ, свойственнымъ молодости, и ставитъ Александра въ комическое положеніе предъ благоразумнымъ Петромъ Ивановичемъ. Послѣдній видитъ въ комнатѣ своего племянника такую сцену: Александръ сидитъ за столомъ и, положивъ голову на руку, спитъ.

Передъ нимъ лежала бумага. Петръ Ивановичъ взглянулъ — стихи.

Онъ взялъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

„Весны пора прекрасная минула,
Исчезъ на вѣкъ волшебный мигъ любви,
Она въ груди могильнымъ сномъ уснула
И пламенемъ не пробъжить въ крови!
На алтарѣ ея оскротѣломъ
Давно другой кумиръ воздвигнулъ я,
Молюсь ему... но“...

На этомъ „но“ Александръ уснулъ, и Петръ Ивановичъ замѣчаетъ, что этотъ сонъ — лучший приговоръ, изреченный самому себѣ славолюбивымъ пинтой. Если эти стихи несомнѣнно принадлежатъ Гончарову, то ихъ нельзя разсматривать иначе, какъ попытку пародировать туманную эротику доморощенныхъ романтиковъ своего времени.

Нѣсколько цитатъ приводитъ Гончаровъ изъ Пушкина, пе-

редъ которымъ онъ благоговѣлъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, цитаты эти будутъ принадлежать Райскому. Райскій—поклонникъ эстетики и стиховъ; онъ любитъ и знаетъ Пушкина. Именемъ Пушкинскою героини называетъ Райскій, правда, *sim grano salis*, сладострастную Марину, застѣнутую на мѣстѣ преступленія,—и это имя—Земфира,—пришедшее неожиданно на память въ моментъ разгадки аналогичнаго драматическаго положенія, указываетъ, что образъ свободной въ распредѣленіи своихъ чувствъ цыганки отчетливо рисовался Райскому по гениальной поэмѣ. Софья Бѣловодова представляется Райскому существомъ „выше міра и страстей“, и этотъ стихъ необыкновенно удачно сближаетъ холодную красавицу съ той, которой поэтъ посвятилъ свое—

Въ ней все гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей...

Послѣднюю цитату изъ Пушкина Райскій произноситъ нѣсколько театрально. Онъ, какъ Тургеневскій Рудинъ, проигравъ свою партію съ Вѣрой и Маркомъ, рисуется передъ самимъ собой и, выражая намѣреніе сохранить листки своихъ писаній, гдѣ онъ *простодушно*, „не мудрствуя лукаво“, отражалъ красоту жизни, произноситъ:

„И послѣ моей смерти—другой найдетъ мои бумаги:

Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду—
И—можетъ быть—напишетъ“.

Сопоставленіе съ лѣтописцемъ довольно смѣлое, способное вызвать саркастическую улыбку... конечно, надъ Райскимъ. Но тотъ фактъ, что Пушкинъ всегда приходитъ на память Гончарову, когда нужна цитата,—самъ по себѣ значителенъ и долженъ быть отмѣченъ.

Пушкину отдавалъ Гончаровъ преимущественную, если не единственную въ этомъ направленіи дань любви и почитанія. Это было уже во времена студенчества. Однажды великій поэтъ посѣтилъ университетъ и вошелъ въ аудиторію, гдѣ былъ, въ числѣ другихъ слушателей, студентъ Гончаровъ. „Для меня, — вспоминаетъ объ этомъ посѣщеніи нашъ писатель, —точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чадѣ обаянія отъ его поэзіи; я питался ею какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина“, „Полтавы“ и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увле-

завшіеся поэзію, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе. Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ“...

Появился Пушкинъ—и „точно солнце озарило всю аудиторию“... Подобную радость могъ испытать развѣ Козловъ, когда Райскій подарилъ ему свою бібліотеку, гдѣ были поэты всѣхъ временъ и народовъ.

„— Мнѣ? такую бібліотеку?—восклицаетъ онъ.

„Ему вдругъ какъ будто солнцемъ ударило въ лицо: онъ просіялъ“...

Одинъ и тотъ же образъ послужилъ писателю для выраженія сильнѣйшей и притомъ неожиданной радости, испытанной имъ самимъ и воплощенной въ созданномъ имъ героѣ.

Культъ Пушкина Гончаровъ сохранилъ въ душѣ до конца своей жизни.

X.

Студенческіе годы оказали на Гончарова своеобразное, но несомнѣнно положительное вліяніе.

Теперь уже достаточно извѣстно, что представляла собой университетская наука въ первые четыре года тридцатыхъ годовъ—время студенчества Гончарова. Судя по его воспоминаніямъ, онъ былъ порядочно подготовленъ, особенно по части языковъ, и университетскій экзаменъ выдержалъ довольно легко. Университетскимъ требованіямъ удовлетворяли, впрочемъ, пятнадцатилѣтніе мальчики, подготовлявшіеся къ нимъ „домашними способами“, и потому успѣхъ Гончарова едва ли можетъ быть приписанъ особой подготовкѣ его въ эти годы. Если основываться на воспоминаніяхъ писателя объ университетѣ и профессорахъ, то придется признать Гончарова образцовымъ студентомъ, бесконечно превосходившимъ усердіемъ въ научныхъ занятіяхъ своихъ героевъ. Съ теплой признательностью вспоминаетъ онъ о томъ, какимъ „святилищемъ“ былъ университетъ его времени для студентовъ и общества. „Студенты гордились своимъ знаніемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе“. Этотъ идиллическій тонъ, простительный старику, вспоминающему лучшіе годы своей жизни, у безпристрастного читателя способенъ вызвать саркастическую улыбку. Въ этомъ „святилищѣ“, инквизиторски истреблявшемъ въ мрачные годы Николаевскаго режима живой духъ свободнаго развитія лучшихъ способностей и стремленій русской молодежи, тяжело дышалось,

напримѣръ, Лермонтову, Герцену и его друзьямъ и вовсе не было мѣста такимъ неуравновѣшеннымъ натурамъ, какъ Бѣлинскій. Среди студентовъ, кокетничавшихъ, по выраженію Гончарова, своимъ званіемъ и малиновыми воротниками, Бѣлинскій былъ прямо уродливымъ явленіемъ, съ его не знающей удержу пытливостью ко всему, гдѣ онъ провидѣлъ истину, съ его вѣчнымъ протестомъ во имя высшихъ интересовъ справедливости и всеобщаго блага, съ его, наконецъ, страстной ненавистью ко всему, на чемъ лежала печать пошлости и тупого самодовольства. Профессора были искусными кормчими; они умѣло проводили ладью отечественной науки среди скалъ и подводныхъ камней реальной дѣйствительности и, не задѣвая ея, добросовѣстно приводили своихъ слушателей къ берегамъ благословенной Эллады и могучаго Рима, чаровали пышными образами индійской поэзіи, вводили въ таинственныя дебри нѣмецкой романтики. Только отношенія къ началамъ русской жизни не было и не могло быть въ ихъ лекціяхъ, и въ то время, какъ Гончаровъ благоговѣлъ передъ Каченовскимъ, Давыдовымъ, Шевыревымъ, юноши, подобные Бѣлинскому и Герцену, задыхались отъ безсодержательности, мертвящей условности и неискренности научныхъ приѣмовъ университетскаго преподаванія. Разница была прежде всего въ натурахъ, въ направленіи ума, въ степени развитія. „Наша юная толпа,—вспоминаетъ Гончаровъ,—составляла собою маленькую ученую республику, надъ которой простиралось вѣчно ясное небо, безъ грозъ и безъ внутреннихъ потрясеній, безъ всякихъ исторій, кромѣ всеобщей и російской, преподаваемыхъ съ каеэдри“... „И точно была республика: надъ нами не было никакого авторитета, кромѣ авторитета науки и ея преподавателей. Начальства какъ будто никакого не было,—но оно, конечно, было, только мы имѣли о немъ какое-то отвлеченное, умозрительное понятіе“... Такою безоблачной и счастливой Аркадіей представлялась Гончарову его университетская жизнь, и въ тонѣ этихъ словъ звучитъ неподдѣльная искренность. Типъ студента, къ которому принадлежалъ Гончаровъ,—вѣчный типъ, не измѣняющійся ни при какихъ перемѣнахъ внутреннего строя университетской жизни; его отличительными признаками являются добросовѣстность въ занятіяхъ, служащая источникомъ самоувереннаго довольства собой, отсутствіе сомнѣній и порывовъ, вообще благоразумная, улыбающаяся на весь міръ трезвость взглядовъ, которая не исключаетъ высокихъ личныхъ достоинствъ, въ родѣ доброты, нѣжности, чуткости, но въ вопросахъ обществен-

ныхъ простирается до полного индифферентизма. Все это весьма показательно по отношенію къ Гончарову и его творчеству.

Для Герцена и Бѣлинскаго, исключеннаго „по неспособности“, начальство, въ сожалѣнію, не являлось тѣмъ отвлеченнымъ понятіемъ, которое, напримѣръ, затушевало въ памяти Гончарова образъ инспектора. „Былъ ректоръ, былъ попечитель, можетъ быть, даже и инспекторъ (кажется, былъ), но мы его никогда не видали“... Однако, въ университетскую „Обломовку“ нашего писателя вторгается слабая, на первый взглядъ незамѣтная нота противорѣчія, показывающая, что Гончаровъ кое-что слышалъ, въ бытность студентомъ, и помимо официальныхъ лекцій. Университетъ кажется ему учрежденіемъ, въ которомъ, болѣе чѣмъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, могла раздаваться съ кафедръ свободная профессорская рѣчь. И тѣмъ не менѣе, — Гончарову, можетъ быть, сирѣнь сердце, пришлось сдѣлать оговорку. „Я не говорю, — пишетъ онъ, — чтобы свободѣ этой не полагалось преградъ: страхъ, чтобы она не окрасилась въ другую, т.-е. политическую краску, заставлялъ начальство слѣдить за лекціями профессоровъ, хотя проблески этой, *ненаучной*, свободы проявлялись болѣе внѣ стѣнъ университета; свободомысліе потерпалось изъ другихъ, не-университетскихъ источниковъ“. Серьезная содержательность лекцій ограждала студентовъ, по мнѣнію Гончарова, отъ опасныхъ увлеченій, заносимыхъ туда извнѣ, издалека... Чрезвычайно характеренъ отзывъ автора воспоминаній о закрытіи лекцій Давыдова по исторіи философіи. Пріѣхалъ флигель-адъютантъ изъ Петербурга, послушалъ — и лекціи были закрыты. Тонъ, которымъ рассказано происшествіе — „невѣстность“ философіи съ флигель-адъютантскимъ воззрѣніемъ, — могъ бы принадлежать самому Гомеру. „Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное... не знаю чему. Я не читалъ этихъ лекцій“.

Авторъ не читалъ, очевидно, ничего или очень мало изъ той литературы, которая заходила въ стѣны университета „извнѣ, больше издалека“. Оттого ему придется впослѣдствіи не разъ умолять и прятаться за многоточія, какъ только герои его коснутся вопроса о новыхъ идеяхъ и вѣяніяхъ, проникнутыхъ пресловутымъ свободомысліемъ, проводниками которыхъ являлись писатели „извнѣ“. Мы видѣли, герои Гончарова читаютъ вмѣстѣ съ авторомъ и знаютъ не больше его, и если это совмѣстное чтеніе Адуева, Обломова, Марейнъки, Райскаго и самого Гончарова способно вызвать чувство трогательнаго умиленія въ сентиментальномъ читателѣ, то по отношенію къ Марку Волохову

оно создавало почву для недоразумѣній подчасъ слегка комическаго свойства.

XI.

Въ толпѣ юношей, блиставшихъ вмѣстѣ съ Гончаровымъ малиновыми воротниками, мы безъ особеннаго труда различимъ и Адуева, и Обломова, и Райскаго съ Козловымъ. Если отбросить различіе въ степени ихъ усердія къ наукамъ, т.-е. черту, вытекавшую изъ требованій индивидуальной типичности и для насъ второстепенную, — другія, болѣе органическія и родственныя черты выступаютъ сами собою.

Прежде всего бросается въ глаза ихъ общій колоритъ и направленіе. Всѣ они — цѣльныя и здоровыя натуры, эти милые молодые люди, еще весьма юные, совсѣмъ не знающіе жизни. Изъ нихъ только Козловъ былъ бѣденъ — „какъ нельзя уже быть бѣднѣе“, — остальные воспитались на обломовскихъ хлѣбахъ, и ихъ задорная жизнерадостность молодыхъ птенцовъ повоилась, главнымъ образомъ, на непоколебимой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, на заботахъ „недремлющаго ока“ матери, дяди, опекуна; отца они лишаются въ дѣтствѣ. Въ сравненіи съ ними Козловъ — блѣдная, безжизненная фигура; можно сказать, пожалуй, что въ немъ воплотилась та степень изученія и увлеченія древнимъ міромъ, которая была свойственна самому Гончарову, и которая, сообразно характеру cadaго изъ его героевъ, уступала мѣсто другимъ индивидуально-типическимъ чертамъ.

У Козлова любовь къ древности, къ отжившимъ классическимъ формамъ жизни, была, въ сравненіи съ Гончаровымъ, нѣсколько подчеркнута, усилена, въ стремленіи создать *типъ*, но сущность осталась неизмѣнной. „Онъ (Козловъ) любилъ ее (старую жизнь), эту родоначальницу нашихъ знаній, нашего развитія, но любилъ слишкомъ горячо, весь отдался ей, и *отъ него ушла и спряталась современная жизнь*. Онъ былъ въ ней какъ будто чужой, не свой, смѣшной, неловкій“. На той же почвѣ сходится съ Козловымъ и Райскій. „Часто съ Райскимъ уходили они въ эту жизнь. Райскій, какъ дилеттантъ, — для удовлетворенія мгновенной вспышки воображенія, Козловъ — всѣмъ существомъ своимъ“...

Безпощадный анализъ, сомнѣнія, отрицанія — все это было чуждо студентамъ Гончаровскаго кружка, какъ и увлеченіе идеями свободомыслія, приходившими „извнѣ“ и волновавшими студентовъ другого типа. На убогихъ вечеринкахъ, дивно рассказан-

ныхъ Тургеневымъ, гдѣ раздавались вдохновенныя рѣчи Рудина, не было никогда — и это можно съ увѣренностью сказать — ни Обломова, ни Райскаго, не говоря уже объ Александрѣ Адуевѣ. Тургеневъ заставляетъ Лежнева вспомнить свои студенческія впечатлѣнія, а послѣднія переживались имъ въ ту же первую половину тридцатыхъ годовъ. „Вы представьте, — рассказываетъ Лежневъ, — сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые-престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи“...

Гончарову и его близкимъ родственникамъ эти рѣчи были бы не по сердцу. Они не любили „умозрѣній“, какъ и туманныхъ порываній юныхъ романтиковъ въ чудесные міры таинственныхъ откровеній и волшебныхъ сновъ поэзіи. И они любили поэзію, но поэзію немеркнувшей классической красоты, обаятельную, какъ статуи Фидія, ясную, какъ безоблачное небо Эллады. Они искали въ ней одного чистаго художественнаго наслажденія, они искренно благоговѣли передъ ней, но никто изъ нихъ не подумалъ бы искать въ ней отвѣта на волновавшіе и мучившіе душу вопросы о Богѣ, о мірѣ и жизни.

Къ рѣшенію жизненныхъ вопросовъ въ кружкѣ Гончарова, въ кружкѣ — въ широкомъ смыслѣ извѣстной группы студентовъ — подходили съ другой стороны. И они мечтали, но мечты ихъ были далеки отъ тѣхъ поэтическихъ грѣзъ юныхъ романтиковъ, въ которыхъ религія, поэзія, истина, добро и любовь соединялись въ мировую гармонию, водворявшую счастье человѣчества на землѣ. „Кто хотѣлъ воевать, истреблять родъ людской... другой мечталъ добиться высокаго поста на службѣ, на которомъ можно свободно дѣйствовать на широкой аренѣ... Райскій мечталъ быть артистомъ“... и вмѣстѣ съ артистической славой мерещилась ему въ будущемъ „колоссальная“ страсть, съ огнемъ и грозой, которая очиститъ воздухъ и освѣтитъ его грудь новыми силами для столь же „колоссальнаго“ подвига общественнаго служенія.

Къ шестидесятымъ годамъ, когда Гончаровъ писалъ „Обрывъ“, жизнь успѣла подвести не мало итоговъ, и ему пришлось отмѣтить тотъ фактъ, что „всѣ болѣе или менѣе обманулись въ мечтахъ“: одни не успѣли вернуться въ деревню, какъ развели кучу подобныхъ себѣ и осовѣли на мѣстѣ; другіе, вмѣсто дѣя-

тельности на широкой аренѣ, добились мѣста въ клубѣ и посвятили ему свои досуги.

То, о чемъ мечталъ Райскій, всецѣло взято у Александра Адуева. Мечты послѣдняго были въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣснами его нянюшки о томъ, „что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя“. Снились и ему „горячіе сны о юлосальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги“, „о пользѣ, которую принесетъ отечеству“, о славѣ писателя, — и вся эта удивительная ахиня, птавшая его мечты, пестрѣла блестящими неизмѣннымъ себялюбіемъ и ужъ очень большой наивностью даже для двадцатилѣтняго юноши.

„О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ, онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ“...

Мечты Обломова были возвышеннѣе и шире по захвату мысли, но и въ нихъ мелькають тѣ же знакомыя намъ черты: „онъ любитъ вообразить себя иногда каимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значить“... „Или изберетъ онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему, онъ пожинаетъ лавры“...

Рядомъ съ этими мечтами, были у представителей Гончаровой семьи и другіе, болѣе возвышенные порывы. Имъ были доступны „наслажденія высокихъ помысловъ, не чужды имъ были и всеобщія человѣческія скорби“, но все это явилось далеко не главнымъ въ переливахъ ихъ душевной жизни и слишкомъ терялось въ присутствіи ихъ самоудовлѣющаго, заполнявшаго всѣ уголки ихъ мысли и чувства болѣзненно-чуткаго собственнаго „я“.

Въ университетѣ Райскій, какъ рассказываетъ Гончаровъ, утро посвящалъ лекціямъ и прогулкамъ по Кремлевскому саду, по воскресеньямъ бывалъ въ Никитскомъ монастырѣ у обѣдни, любилъ заглянуть на разводъ и познакомиться въ кондитерской Пезра и Педотти. Нѣтъ основанія думать, чтобы распределение дня и самого Гончарова устроивалось по какому-либо иному плану. Вечера, по словамъ Гончарова, Райскій проводилъ въ „своемъ кружкѣ“, т.-е. избранныхъ товарищей, горячихъ головъ, въ родѣ него самого, великодушныхъ сердецъ, въ родѣ молодого Адуева или Ильи Ильича Обломова.

„Все это кипитъ, шумитъ и гордо ожидаетъ своей будущности“.

Великая будущность рисовалась время отъ времени Райскому

въ гусарскомъ мундирѣ; не случайно „заглядываетъ“ онъ на разводъ—и его тревожатъ мечты о военной славѣ. Стремленіе въ ряды защитниковъ отечества весьма идетъ къ тому духу, который царилъ среди студентовъ, „гордившихся своими малиновыми воротниками“. Переменить малиновые воротники на золотомъ шитые не могло не казаться заманчивымъ. Бабунка Татьяна Марковна только одобрила бы эту замѣну. „Ты бы въ военную службу поступилъ, въ гвардію“,—говорить она Райскому-студенту.

„— Дядя говорить, что средствъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ: а это что?

Она указала на поля и деревушку.

— Да что жъ это?.. Чѣмъ тутъ?..

— Какъ чѣмъ? — И начала высчитывать сотни и тысячи. „Она не жила въ столицѣ,—замѣчаетъ Гончаровъ,—никогда не служила въ военной службѣ, и потому не знала, чего и сколько нужно для этого“.

И Райскому захотѣлось сдѣлаться артистомъ, художникомъ, какъ Адуеву—писателемъ. Слава въ томъ и другомъ случаѣ была могучимъ двигателемъ ихъ самолюбія. То, что не далось въ свое время Адуеву, блистательно выполнено было самимъ Гончаровымъ, какъ Пушкинымъ написано было все то, чего не могъ или не умѣлъ написать Онѣгинъ. Онѣгинъ и Александръ Адуевъ явились, тѣмъ не менѣе, выразителями извѣстной полосы душевнаго развитія авторовъ, полагавшихъ въ основу созданія типовъ черты несомнѣннаго автобіографическаго значенія.

Отмѣтимъ попутно еще одну мелкую параллель: Райскій любитъ полакомиться въ кондитерскихъ Пезра и Педотти. А вотъ что рассказываетъ самъ Гончаровъ объ этой маленькой страстишкѣ у него самого въ дѣтствѣ. Главнымъ баловниномъ въ семьѣ Гончаровыхъ былъ Якубовъ. „Иногда онъ оставлялъ насъ обѣдать,—рассказываетъ Гончаровъ,—и тутъ уже всякому кормленію и баловству не было конца. Былъ у него, между прочимъ, особый швафчикъ, полный сластей—собственно для насъ“. Не довольствуясь домашними запасами, Якубовъ воевалъ дѣтей по всевозможнымъ съѣстнымъ и кондитерскимъ лавкамъ, и дѣти лакомились, несмотря на запрещенія матери, до малишка, находя въ запретномъ плодѣ особую прелесть.

То же повторилось и впоследствии, когда Гончаровъ пріѣзжалъ домой по окончаніи университетскаго курса. Якубовъ едва поправился, какъ велѣлъ заложить тарантасъ и повезъ юношу,

по обыкновенію, въ кондитерскую. „Я засмѣялся, и онъ тоже, когда я спросилъ, гдѣ продается лучшій табакъ“.

Смѣха здороваго, жизнерадостнаго, беззаботнаго вообще было не мало въ жизни Гончарова и его литературныхъ сородичей въ эту эпоху. Съ самыми радужными настроеніями и надеждами оканчиваютъ они курсъ наукъ въ одномъ и томъ же—очевидно, московскомъ—университетѣ. По крайней мѣрѣ Александръ Адуевъ впервые попадаетъ, по окончаніи курса наукъ, въ Петербургъ, въ эту, по выраженію его матери, „великолѣпную столицу“. „Профессоры твердили, что онъ пойдетъ далеко“,—очевидно, онъ былъ старательнымъ студентомъ. „Онъ прилежно и много учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ“,—совсѣмъ какъ у Обломова, голова котораго представляла „сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній“...

XII.

Между наукой и жизнью лежала у Обломова цѣлая бездна. Наука была у него сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. И сотни цитатъ можно привести о томъ, что эта бездна была и у Райскаго: „книги! развѣ это жизнь?“—воскликаетъ онъ въ разговорѣ съ Козловымъ;—„старыя книги сдѣлали свое дѣло, люди рвутся впередъ“, и та же бездна, хочется сказать, между наукой и жизнью лежала и у самого Гончарова. Въ данномъ случаѣ къ нему можно, кажется, примѣнить то же, что онъ сказалъ объ Обломовѣ: „Начальникъ заведенія, подписью своею на аттестатѣ, какъ прежде учитель ногтемъ на книгѣ, провелъ черту, за которую герой нашъ не считалъ уже нужнымъ протирать свои ученыя стремленія“.

Посѣщеніемъ лекцій, домашнимъ чтеніемъ и бесѣдами съ „горячими“ умами и сердцами изъ „своихъ“ не исчерпывалась студенческая жизнь Гончарова. Къ ней слѣдуетъ отнести если не цѣликомъ, то значительную часть періода юношеской мечтательности, романтическихъ порывовъ и грезъ. Какъ бы человѣкъ ни относился впоследствии къ воспоминаніямъ своихъ дѣтски-незрѣлыхъ стремленій, очарованій и увлеченій, они оставляютъ глубокой слѣдъ въ его душѣ, они же полагаютъ первыя основы его послѣдовательно вырабатывающейся жизненной философіи,

его индивидуальной религіи и поэзіи духа. Когда Гончаровъ изображалъ въ своихъ романахъ цвѣтущую пору юности, онъ самъ отошелъ отъ нея на далекое разстояніе въ своемъ жизнепониманіи, и оттого воспоминанія его о молодости, мѣстами тепло рассказанныя, поражаютъ своей блѣдностью и неполнотою. Кое-гдѣ прорывающаяся скептическая жилка указываетъ на послѣдовательно совершившуюся перемѣну во внутреннемъ отношеніи къ пережитымъ фактамъ, на переоцѣнку явленій, дававшихъ раньше содержаніе и главный интересъ жизни. Какъ мало, въ самомъ дѣлѣ, даетъ Гончаровъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ для характеристики внутренняго содержанія своей юности. Внѣшніе факты, впечатлѣнія внѣшняго міра, обстановка, другіе люди, несложный перечень событій—такова ихъ сущность, дающая, тѣмъ не менѣе, поводъ предполагать тщательно скрытую за ними богатую гамму разнообразныхъ ощущеній сердца и опыта. Гончаровъ словно стыдится раскрыть ихъ передъ читателемъ, словно не считаетъ читателя въ правѣ посягать на поднятіе завѣсы съ сокровеннѣйшихъ уголковъ своихъ воспоминаній о прошломъ. Но, можетъ быть, Гончаровъ разсуждалъ (если только онъ разсуждалъ объ этомъ) и иначе, въ томъ смыслѣ, что многое изъ своей жизни онъ уже воплотилъ въ романахъ, возведя въ типическій образъ то, что было личной чертой, лично пережитымъ фактомъ въ извѣстный періодъ жизни: съ этой точки зрѣнія воспоминанія писателя явились необходимымъ дополненіемъ, внѣшними рамками сложной внутренней жизни, отразившейся въ творческомъ синтезѣ.

Сочиненія даютъ, въ дѣйствительности, не мало указаній въ этомъ направленіи. Конечно, эти указанія—безъ точной хронологіи, подлинныхъ свидѣтельствъ и точныхъ опредѣленій, но въ нихъ заключается разгадка и общій смыслъ извѣстной полосы жизни, не освѣщенной въ личныхъ воспоминаніяхъ. Въ частности, относительно студенческой жизни Гончарова и его героев можно сдѣлать одно не лишнее интереса замѣчаніе. „Обыкновенная исторія“ создавалась Гончаровымъ, когда ему было уже за тридцать. Она выразила наглядный переходъ наивнаго, сентиментальнаго юноши, едва покинувшаго университетъ, въ положительнаго, серьезнаго человѣка, на сторонѣ котораго, если такъ можно выразиться, послѣднія симпатіи автора. Типъ Петра Ивановича поражаетъ своей законченностью и цѣльностью, тогда какъ Александръ Адуевъ—не выдержанъ, въ смыслѣ типа, расплывчатъ, неровенъ, мѣстами излишне-карикатуренъ. Въ художественномъ отношеніи его спасаетъ сопоставленіе съ Петромъ

Ивановичемъ, который объясняетъ и дорисовываетъ его. Очевидно, образъ послѣдняго былъ ближе душѣ Гончарова, и созданіе этого образа обошлось ему значительно легче. Точно также тридцатидвухлѣтній Обломовъ понятнѣе Гончарову, чѣмъ Обломовъ-студентъ, и тридцатипятилѣтній Райскій выступалъ предъ писателемъ отчетливѣе, чѣмъ Райскій десять-пятнадцать лѣтъ назадъ.

XIII.

Объ одной полосѣ жизни Гончаровъ ни слова не говоритъ въ воспоминаніяхъ. Полоса эта—юношескія увлеченія, грезны, муки и радости застѣнчивой первой любви. Рискованно высказывать какія-либо предположенія по отношенію къ самому Гончарову, но у героевъ его нельзя не отмѣтить нѣсколькихъ чертъ, указывающихъ на то, что эта полоса раннихъ юношескихъ увлеченій пережита ими приблизительно одинаково. Пусть Петръ Ивановичъ Адуевъ смѣется надъ стихами и желтенькими цвѣтами Александра,—въ молодости онъ самъ писалъ стихи и вздыхалъ, глядя на луну. „Я докажу,—уличаетъ его Александръ,—что не я одинъ любилъ, бѣсновался, ревновалъ, плакалъ... позвольте, позвольте, у меня имѣется письменный документъ“...

Бѣснуется отъ любви и ревности не одинъ Александръ Адуевъ, выполняющій до мелочей біографическую программу своего дядюшки; таковъ же и Борисъ Райскій, готовый влюбиться то въ Марейнуку, то въ Вѣрочку, то въ обѣихъ племянницъ разомъ. Обломову въ его за-тридцать лѣтъ не пристало, сообразно съ отведенной ему ролью, бѣсноваться и плакать, однако и онъ, полюбивъ Ольгу, „встаетъ въ семь часовъ, читаетъ, носитъ куда-то книги. На лицѣ ни сна, ни усталости, ни скуки“... Сброшенъ халатъ, хотя и не надолго. А для Обломова этого было не мало...

Ни Обломовъ, ни его сородичи не принадлежали къ тѣмъ натурамъ, что принято называть пламенными, огненно-страстными, для которыхъ любовь къ женщинѣ являлась роковымъ интересомъ, способнымъ подчинить всю душу и весь умъ охваченнаго страстью человѣка. Чувство ихъ неглубоко, недолговѣчно и себялюбиво; требуя жертвы отъ любимаго человѣка, само оно не способно на самопожертвованіе, на добровольное страданіе во имя любви. Александръ Адуевъ съ легкостью мотылька переходитъ отъ одной привязанности къ другой. Обломовъ, послѣ разрыва съ Ольгой, безропотно отдается вдовѣ Пше-

нищной и находить въ ней осуществленіе своего идеала — „неизмѣнную фizioномію покоя, вѣчное и ровное теченіе чувства“: „вѣдь это — норма любви“. Человекъ, вносящій въ мечты о взаимной любви соображенія о *нормѣ* этого чувства, всего менѣе подходитъ къ типу людей, могущихъ беззавѣтно увлечься не только любовной, но и всякой другой страстью. Своего рода нормой любви кончается и Александръ Адуевъ.

Райскій всегда влюбленъ — и никого въ сущности не любитъ. Его влюбленность — чувство тонкаго артиста-эстета, столько же ищущаго красоты въ жизни, сколько настраивающаго себя на восторженно-артистическій ладъ. Чувство беретъ въ немъ рѣшительный перевѣсъ надъ работой мысли. Ему особенно близки и свойственны тѣ состоянія духа, при которыхъ мысль погружается въ сладостную нѣгу, дробится мириадами грезъ, тонетъ въ плѣнительныхъ ощущеніяхъ красоты и поэзіи, въ легкой дымкѣ мечтательной грусти и неясныхъ предчувствіяхъ блаженства, еще неизвѣданнаго и влекущаго „мерцаніемъ тайны“. Композиторы-лирики старой школы — величайшіе чародѣи въ этой области; чувство сладостной и неопредѣленно-томной влюбленности прежде всего отзывалось на ихъ звуки. И это чувство было свойственно всѣмъ героямъ Гончарова.

Всѣ они любятъ музыку и пѣніе; у Александра Адуева и Обломова любовь готова вспыхнуть при первыхъ звукахъ родственной ихъ душѣ музыки. Тогда они преобразуются, становятся истинными поэтами, рѣчь ихъ блещетъ вдохновеніемъ восторга, яркостью и граціей образовъ.

— А голосъ, голосъ! — восклицаетъ Александръ: — что за мелодія, что за нѣга въ немъ! Но когда этотъ голосъ прозвучитъ признаніемъ... нѣтъ выше блаженства на землѣ! Дядюшка! какъ прекрасна жизнь! какъ я счастливъ!“

Обаяніе голоса Ольги Ильинской еще сильнѣе дѣйствовало на Обломова. „Отъ словъ, отъ звуковъ, отъ этого чистаго, сильнаго дѣвическаго голоса билось сердце, дрожали нервы, глаза искрились и заплывали слезами. Въ одинъ и тотъ же моментъ хотѣлось умереть, не пробуждаться отъ звуковъ, и сейчасъ же опять сердце жаждало жизни...“

„Обломовъ вспыхивалъ, изнемогалъ, съ трудомъ сдерживалъ слезы“...

Еще одинъ такой же вечеръ, еще „Casta diva“ — и Обломовъ влюбленъ. „У него на лицѣ сіяла заря пробужденнаго, со дна души возставшаго счастья: наполненный слезами взглядъ устремленъ былъ на нее“.

Ольга замѣчаетъ эти слезы и внутренно „скромно торжествуетъ“, чувствуя силу своего обаянія.

„— Какъ глубоко чувствуете вы музыку!—воскликаетъ она.

— Нѣтъ, я чувствую... не музыку... а... любовь!—тихо сказать Обломовъ.

Она мгновенно оставила его руку и измѣнилась въ лицѣ. Ея взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ, устремленнымъ на нее: взглядъ былъ неподвижный, почти безумный; имъ глядѣлъ не Обломовъ, а страсть.

Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что онъ не влаетенъ въ немъ, и что оно—истина“.

Райскій не менѣе Обломова воспримчивъ къ музыкальнымъ ощущеніямъ. Въ школѣ онъ заслушивался одного изъ своихъ товарищей—Васюкова, когда тотъ игралъ на скрипкѣ. По лицу Васюкова „бродитъ нѣга, счастье“. Райскій слушаетъ и—„нервы покоятъ ему какіе-то гимны, въ немъ плещется жизнь, какъ море, и мысли, чувства, какъ волны, переливаются, стелются и несутся куда-то, бросаютъ кругомъ брызги, пѣну“. Ласки покойной матери вспоминаются ему,—„какъ, послѣ музыки, она всю дрожь наслажденія сосредоточивала въ горячемъ поцѣлуѣ ему“, какъ она водила его на Волгу, и они смотрѣли на гору, освѣщенную солнцемъ, на темную зелень, плывущія суда, облака, все, что видѣлъ Гончаровъ въ родномъ уголѣ своего дѣтства. И когда игралъ Васюковъ, передъ Райскимъ „отрывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какія-то волны, корабли, люди, лѣса, облака“, и Райскій видитъ тотъ же сладостный сонъ, которому улыбается и Обломовъ, какъ только послушная мечта уноситъ его въ родныя мѣста съ невозвратнымъ прошлымъ.

Нѣтъ никакого основанія думать, что Гончаровъ не былъ похожъ на своихъ героевъ въ отношеніи юношескихъ увлеченій и грезъ. И онъ былъ очень юнъ въ ту пору, когда университетскіе годы подходили къ концу, былъ беззаботенъ, мечтателенъ и, можно допустить, наивенъ не меньше Александра Адуева.

...„Мнѣ такъ много, такъ много надо сказать вамъ... ахъ!“—говоритъ влюбленная Наденька Любецкая влюбленному Александру.

„— И мнѣ тоже... ахъ!

„И ничего не сказали, или почти ничего, такъ кое-что, о чемъ уже говорили десять разъ прежде. Обыкновенно что: мечты, небо, звѣзды, симпатія, счастье. Разговоръ больше происходить на языкѣ взглядовъ, улыбокъ и междометій“...

Передавъ эту сцену, происходившую въ полусвѣтѣ весенней петербургской ночи, Гончаровъ отъ себя задаетъ нѣсколько вопросовъ читателю. „Какая тайна,—спрашиваетъ онъ,—пробѣгаетъ по цвѣтамъ, деревьямъ, по травѣ и вѣетъ неизъяснимой вѣгой на душу? зачѣмъ въ ней тогда рождаются инныя мысли, инныя чувства, нежели въ шумѣ, среди людей?“

Въ тонѣ этихъ вопросовъ звучатъ ноты живыхъ воспоминаній пережитого, и тихой поэзіи этихъ воспоминаній не въ силахъ отогнать обычная наклонность къ рефлексіи, усмѣшка много пожившаго и обманутаго жизнью человѣка. „Какъ могущественно все настраивало умъ къ мечтамъ, сердце—къ тѣмъ рѣдкимъ ощущеніямъ, которыя во всегдашней, правильной и строгой жизни кажутся такими бесполезными, неумѣстными и смѣшными отступленіями... да! бесполезными, а между тѣмъ въ тѣ минуты душа только и постигаетъ смутно возможность счастья, котораго такъ усердно ищутъ въ другое время и не находятъ“.

Неумѣстныя и смѣшныя отступленія въ правильной и строгой жизни... подъ этими словами охотно подписался бы Петръ Ивановичъ Адуевъ, и не одинъ онъ: ихъ могъ бы высказать и самъ Гончаровъ отъ себя. Онъ былъ человѣкомъ порядка прежде всего; правильная и строгая жизнь была для него идеаломъ. И тѣмъ не менѣе, эта жизнь не прошла безъ неумѣстныхъ и—въ однихъ случаяхъ смѣшныхъ, въ другихъ—грустныхъ отступлений. Одно изъ нихъ занесено на страницы „Обрыва“; оно отмѣчено всѣми чертами автобіографическаго происхожденія.

XIV.

Въ романѣ отступленіе это приписано Борису Райскому. Размышляя о связи искусства съ жизнью, рассказываетъ авторъ, Райскій нашелъ тетрадь, озаглавленную „Наташа“. Въ ней сохранился „старый эпизодъ“ ранней юности, когда онъ любилъ и его любили. „Онъ записалъ его когда-то, подъ влияніемъ чувства, которымъ жилъ“...

„Онъ послѣ говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ,—рассказываетъ дальше Гончаровъ.—Думая въ послѣдствіи о своемъ романѣ, онъ предполагалъ выработать этотъ очеркъ и включить въ романъ, какъ эпизодъ“.

Положительно Гончаровъ вводитъ здѣсь, и позже—въ авторской исповѣди—читателя въ легкое заблужденіе, но только въ самое легкое; умыселъ его слишкомъ прозраченъ. Читатель не

задумается ни на минуту отнести къ самому автору то, что онъ говорить о Борисѣ Райскомъ. Не Райскій, а самъ Гончаровъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ въ этомъ очеркѣ, который и ввелъ въ свое произведеніе, въ видѣ эпизода, не выходящаго съ общимъ ходомъ романа и не нужнаго для характеристики Райскаго. Предположеніе „выработать“ этотъ очеркъ такъ и осталось невыполненнымъ; рассказъ остался блѣднымъ и растянутымъ, какъ онъ и былъ записанъ въ черновой тетради.

Это—сентиментальная, наивная, старая, какъ свѣтъ, исторія несчастной любви легкомысленнаго студента къ простой и милой дѣвушкѣ. „Онъ уважалъ ея невинность, она цѣнила его сердце—оба протягивали руки къ брачному вѣнцу—и оба... не устояли“. Она любила просто, онъ же мечталъ о страсти, столь же колоссальной, какъ страсть молодого Адуева, и кончилось тѣмъ, что онъ, какъ и надо было ожидать, охладѣлъ къ ней и не думалъ объ ея существованіи, проводя время въ толпѣ „веселыхъ пріятелей, художниковъ, красавицъ“, она же зачахла отъ любви и—умерла.

Рассказанія не долго мучили Райскаго. Исторія несчастной любви отправилась въ папку съ набросками для будущаго романа, а самъ онъ съ легкимъ сердцемъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, которымъ управляла его бабушка, Татьяна Марковна Бережкова.

По окончаніи университетскаго курса, побывалъ на родинѣ и Гончаровъ.

Всѣ герои могли бы вспоминать свои посѣщенія милыхъ обломовскихъ мѣстъ тѣмъ тономъ и даже тѣми словами, какими передаетъ свои впечатлѣнія самъ авторъ. „Меня охватило, какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей, конечно, испытывали сладость возвращенія, послѣ долгой разлуки, къ роднымъ, и поймутъ, что я на первыхъ порахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности. Домашніе не даютъ пожелать чего-нибудь; все давно готово, предусмотрѣно. Кромѣ семьи, старые слуги, съ нянькой во главѣ, смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда, и всѣ не наглядятся на меня“.

Не трудно вообразить, что это было за баловство, если вспомнить, какъ принимали Александра Адуева во время его побытия на родинѣ. Встрѣчали его чуть не съ иконами; у матери, Анны Павловны, и руки, и ноги отъ радости отнялись. Съ дороги,

баринъ хочетъ уснуть. Ему готовятъ постель. „Анна Павловна посмотрѣла, хорошо ли постлана постель, побранила дѣвку, что жестко, заставила перестлать при себѣ и до тѣхъ поръ не ушла, пока Александръ не улегся. Она вышла на цыпочкахъ, погрозила людямъ, чтобы не смѣли говорить и дышать вслухъ, и ходили бы безъ сапогъ“. Рассказывая о томъ, что кушалъ баринъ въ Петербургѣ, Евсей, камердинеръ его, едва не заплатился своей спяной за то, что давалъ барину постыныя, а не сдобныя булочки. Эта сцена весьма напоминаетъ Фонвизинскій разговоръ Простаковой съ Митрофанушкиной нянюшкой Еремѣевной. И нравы, и понятія были приблизительно тѣ же, разница могла быть только въ колоритѣ, только въ освѣщеніи, но сущность крѣпостного уклада жизни оставалась нетронутой. Однажды Александръ Адуевъ, прохаживъ цѣлый день съ толпой бабъ и дѣвокъ за грибами, похвалилъ дѣвушку Машу за проворство и ловкость, — „и Маша взята была во дворъ *ходить за баринкомъ*“. Простота и естественность, съ какой совершались подобные факты добраго стараго времени, вполне соответствуютъ олимпійскому спокойствію рѣчи. О художникахъ говорить въ такихъ случаяхъ, что они проникали въ духъ и настроеніе изображаемой эпохи. Гончарову не трудно было это сдѣлать.

XV.

Вглядываясь въ портреты Гончарова послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни, невольно обращаешь вниманіе на одну черту, чрезвычайно для нихъ характерную, — на корректную сановитость его лица, которое, можно сказать а priori, должно было принадлежать видному и просвѣщенному, непременно русскому бюрократу... Этотъ видъ утихо-равнодушной и корректной сановитости Гончаровъ приобрѣлъ на свыше-сорокалѣтней государственной службѣ, начавшейся вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго курса въ родномъ городѣ.

Мы не будемъ слѣдить съ читателемъ за тѣмъ, какъ Гончаровъ служилъ въ канцеляріи симбирскаго губернатора, образъ котораго онъ такъ мастерски нарисовалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ очерковъ. Прослуживъ „отлично, благородно“ года полтора, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій и друга семьи у своего помпадуръ, поблиставъ въ это время на балахъ и сжувъ обещаніе свою независимость отъ матримоніальныхъ набѣговъ провинціальныхъ мамenekъ, Гончаровъ наскучилъ жизнью

въ провинціи и отправился продолжать служебное поприще въ Петербургъ. Родной городъ онъ покидалъ, повидимому, весело, всецѣло отдаваясь романтическимъ мечтаніямъ и надеждамъ. Въ столицу онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ, котораго, по чьему-то доносу, отставили, и онъ направлялся туда, пылая негодованіемъ противъ „жандармеріи“, чтобы оправдаться передъ кѣмъ слѣдуетъ.

Передъ отъѣздомъ—позволимъ себѣ отмѣтить мелкую, но характерную черточку—передъ отъѣздомъ Гончаровъ прощался съ чиновниками губернаторской канцеляріи. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ этомъ: „Съ чиновниками канцеляріи я простился дружелюбно, пожавъ имъ всѣмъ руки въ первый и послѣдній разъ: *они были уже не подчиненные мнѣ*“. Юноша, годъ назадъ сидѣвшій на студенческой скамьѣ, считалъ невозможнымъ, оказывается, подавать руку своимъ сослуживцамъ, которые были старше лѣтами и опытнѣе его въ канцелярскомъ дѣлѣ. Но онъ былъ ступенью выше поставленъ, и потому такое отношеніе считалось вполнѣ естественнымъ, вполнѣ согласованнымъ съ понятіями о чиновничьихъ рангахъ. Гончаровъ шелъ въ данномъ случаѣ уже по проторенной колѣѣ; новаторство, даже самое невинное, не было въ его натурѣ, и потребовалась длинная вереница лѣтъ, чтобы въ его бюрократическихъ понятіяхъ совершилась та уступка новымъ вѣяніямъ, признакомъ которой явился слегка ироническій тонъ въ воспоминаніяхъ о молодыхъ годахъ своей службы.

Въ Петербургѣ его ожидало прозаическое поприще сначала переводчика, потомъ—столоначальника въ департаментѣ вишней торговли. Потянулись долгіе годы ровной чиновничьей жизни, не возмущаемой ни пламеннымъ стремленіемъ къ служебной карьерѣ, ни участіемъ въ какихъ-либо общественныхъ движеніяхъ и собраніяхъ. Трудъ былъ на половину механической, „исполненіе“ бумагъ велось по одному разъ навсегда заведенному порядку, и подобная работа, при всемъ своемъ однообразіи и скукѣ, была если не пріятна, то удобна для Гончарова, такъ какъ она не мѣшала совершаться въ душѣ его другой, болѣе сложной и могучей—творческой работѣ.

Онъ не заблуждался относительно качества своего канцелярскаго служенія. Оно казалось ему мертвымъ дѣломъ, ничего не дававшимъ ни уму, ни сердцу. Но оно было „дѣломъ“, и этого было достаточно, чтобы Гончаровъ относился къ нему, какъ прежде къ посѣщенію лекцій, внимательно и аккуратно, не пре-

небрегая своими обязанностями, но и не внося въ исполненіе ихъ особеннаго усердія или даже глубокаго интереса.

Прислушаемся въ тому, что говорятъ на эту тему его герои, и начнемъ при этомъ не съ Адуева Алѣксандра, свидѣтельство котораго мы оцѣнимъ по достоинству нѣсколько позже—и по другому, хотя и близкому поводу.

Илья Ильичъ Обломовъ, владѣлецъ трехсотъ-пятидесяти душъ въ одной изъ дальнихъ губерній, „чуть не въ Азіи“, готовился прежде всего къ службѣ, „что и было цѣлью его пріѣзда въ Петербургъ. Потомъ онъ думалъ о роли въ обществѣ; наконецъ, въ отдаленной перспективѣ, на поворотѣ съ юности къ зрѣлымъ лѣтамъ, воображенію его мелькало и улыбалось семейное счастье“.

На службѣ Илью Ильича постигли нѣкоторыя, для него жестокія испытанія. Служба оказалась дѣломъ обязательнымъ и утомительнымъ. Чиновники не составляли особой дружной и тѣсной семьи, неуспынно пекущейся о взаимномъ спокойствіи и удовольствіяхъ; начальники вовсе не были тѣми „отцами“ подчиненныхъ, какъ представлялось это на родинѣ,—всѣ передъ ними трепетали, суетились, стремились взапуски выразить свое почтеніе, и Обломовъ видѣлъ, что начальники по степени раболѣпства и почтительности своихъ подчиненныхъ не разъ составляли мнѣніе объ ихъ ревности и даже способностяхъ къ службѣ.

Илья Ильичъ не обладалъ той выдержкой, какая была у Гончарова, и, отправивъ однажды какую-то нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ, испугался отвѣтственности и подалъ въ отставку. О службѣ онъ вынесъ совершенно опредѣленное мнѣніе, независимое, впрочемъ, отъ его личной служебной неудачи. Дѣловитый и исполнительный чиновникъ Судьянскій, его бывшій товарищъ по службѣ, вызываетъ у него искреннее сожалѣніе: „увязъ“ въ службу—и сталъ слѣпъ и глухъ, и нѣмъ для всего остального въ мірѣ. „А выйдетъ въ люди,—думаетъ Обломовъ,—будетъ, со временемъ, ворочать дѣлами, и чиновъ нахватаетъ... У насъ это называется тоже карьерой! А какъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства—зачѣмъ это? Роскошь! И проживетъ свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое“...

Не самообольщаются относительно службы и Петръ Ивановичъ Адуевъ, и Иванъ Ивановичъ Аяновъ, кстати сказать, весьма похожіе другъ на друга, оба по-своему дѣльные и видные бюрократы. Для нихъ служба — источникъ ихъ фортуны, ихъ положенія и вѣса въ обществѣ, средство удовлетворенія обычнаго

у среднихъ людей буржуазнаго тщеславія. Ихъ служба—уже не грубое молчалинское подслуживанье, а та способность приспосабливаться къ обстоятельствамъ и людямъ, та привычка трудиться не болѣе, но и не менѣе другихъ, притомъ не заглядывая въ конечный результатъ своего труда, которая, съ одной стороны, даетъ имъ возможность считать себя порядочными людьми, а съ другой приносить имъ удовлетвореніе почтенно, не хуже другихъ, исполняемаго долга. Ихъ связи въ обществѣ уже не столько родовыя, сколько дѣловыя связи, опредѣляемыя сложной сѣтью соображеній, поскольку тотъ или иной дѣятель можетъ быть полезенъ или вреденъ въ различныхъ житейскихъ случаяхъ, влиятеленъ или ничтоженъ. Тонкій ужинъ и удачно подобранная партія въ вистъ котируется на петербургской бюрократической биржѣ несомнѣнно выше безупречной честности, искренности, отзывчивой души, участливаго сердца, тѣхъ фантастическихъ бредней, о которыхъ тоскуетъ въ первые годы Александръ. И душа, и сердце—лишніе предметы въ той машинѣ, которая „работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей,—одни колеса да пружины“.

„Дядя любитъ заниматься дѣломъ, — пишетъ Александръ Адуевъ подъ диктовку Петра Ивановича, —что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ (письмо пишется „другу“):—мы принадлежимъ къ обществу,—говоритъ онъ,—которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги—комфортъ, который онъ очень любитъ“. Такъ разсуждаетъ Петръ Ивановичъ, на сторонѣ котораго—все симпатіи Гончарова.

Аяновъ состоялъ по особымъ порученіямъ у одного изъ министровъ. Впрочемъ, онъ служилъ при нѣсколькихъ, послѣдовательно смѣнявшихся, и всегда былъ ловкимъ исполнителемъ чужихъ проектовъ, всегда раздѣляя взглядъ министра на дѣло. Мѣнялся начальникъ, — вмѣстѣ съ нимъ мѣнялся взглядъ и проектъ, и Аяновъ работалъ по прежнему—умно и ловко. Служба его напоминала службу Калынова (въ „Литературномъ вечерѣ“), этого „техника-организатора“, по выраженію автора, а въ далекомъ прошломъ — и службу самого Гончарова при Углицкомъ. „По утрамъ являлся къ нему (министру) въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную, и дѣйствительно исполнилъ нѣкоторые ея порученія, а по вечерамъ, въ положенные дни, непремѣнно составлялъ партію, съ кѣмъ попросить“... Дѣла у него, стало быть, было еще меньше, чѣмъ у Петра Ивановича.

Такой отчетливый, ясный взглядъ на служебныя обязанности и общій типъ русскаго чиновника проходитъ по всѣмъ романамъ

Гончарова, и нѣтъ основанія думать, что самъ авторъ смотрѣлъ на свою собственную служебную дѣятельность съ иной точки зрѣнія. Не обостряя своего честолюбія въ сторону чиновничьей карьеры, Гончаровъ долго служилъ въ департаментѣ вѣншей торговли; въ 1858 г., онъ перешелъ въ цензурное вѣдомство, сначала цензоромъ, потомъ членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати; въ 1862 г., редактировалъ официальную „Сѣверную Почту“; въ 1873 г., вышелъ въ отставку, вѣроятно, безъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти въ прошломъ, но и безъ какихъ бы то ни было сожалѣній. Безъ малаго сорокалѣтняя государственная служба была для него, очевидно, дѣломъ, не выходившимъ за предѣлы вѣншихъ условій, вѣншей рамки человеческой жизни, и не этому дѣлу была отдана таинственная работа ума и сердца Гончарова.

Ко времени службы нашего писателя въ цензурѣ сохранился одинъ не лишенный интереса отзывъ лица, обращавшагося къ нему по цензурному вопросу. Этотъ отзывъ принадлежит Ѳ. П. Еленеву и былъ сдѣланъ послѣднимъ въ письмѣ къ цензору Гилярову-Платонову. Въ письмѣ этомъ, напечатанномъ вн. Н. Шаховскимъ въ статьѣ о годахъ службы Гилярова-Платонова въ московскомъ цензурномъ комитетѣ („Русское Обозрѣніе“, т. XLVI), рассказывается, какъ авторъ письма, Еленевъ, обратился къ Гончарову по поводу разрѣшенія къ печати его сочиненія, касавшагося различныхъ сторонъ состоянія, исторіи и быта Россіи.

„Въ отношеніи ко мнѣ лично,—пишетъ Еленевъ,—г. Гончаровъ поступалъ такъ, что кромѣ благодарности я ничего не могу о немъ сказать. Снисходи къ моимъ обстоятельствамъ, онъ далъ мнѣ слово прочитать рукопись въ недѣлю и, дѣйствительно, исполнилъ это, хотя имѣлъ полное право держать ее три мѣсяца, тѣмъ болѣе, что у него достаточно работы и ценсурной и своей собственной, литературной. Что же касается до его ценсуры, то она не была такъ снисходительна ко мнѣ, какъ цензоръ... Г. Гончаровъ въ ценсурномъ уставѣ видитъ только букву, тогда какъ вы извлекли его духъ, и хотя тяжело духъ сего устава, но все-таки и ценсура по духу безъ всякаго сравненія легче ценсуры по буквѣ“. Это было писано въ 1856 году, и хотя мы можемъ предполагать нѣкоторую дозу раздраженія въ авторѣ, потерпѣвшемъ отъ неравной схватки съ цензоромъ, но, повидимому, характеристика эта довольно объективно изображаетъ отношеніе Гончарова къ служебному дѣлу.

Нѣсколько раньше этого времени ровная служебная карьера Гончарова была прервана крупнымъ событіемъ—кругосвѣтнымъ

путешествіемъ, совершеннымъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ на фрегатѣ „Паллада“. Исполнилась давнишняя мечта, навѣянная въ дѣтствѣ разказами моряка Якубова, увидѣть вѣдь тѣ соблазнительныя страны, которыя раньше мелькали въ фантастическихъ грѣзахъ или описаніяхъ путешественниковъ. Въ дневникѣ этого путешествія Гончаровъ далъ художественный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ; любопытство было удовлетворено, воображеніе улеглось, и жизнь приняла снова старыя формы неторопливаго, спокойнаго теченія, какъ только Гончаровъ почувствовалъ себя на своей петербургской квартирѣ.

XVI.

„Обыкновенная исторія“ была первымъ романомъ Гончарова по времени своего созданія; въ ней естественно искать и болѣе непосредственнаго отраженія автобіографическихъ чертъ самого автора. Вчитываясь внимательно въ это произведеніе, нельзя не замѣтить, дѣйствительно, что все оно—скорѣе художественный мемуаръ, съ самонаблюденіемъ на первомъ планѣ, чѣмъ романъ, и менѣе всего какая бы то ни было исторія. Исторія предполагаетъ извѣстную постепенность въ развитіи дѣйствія, послѣдовательность въ переходѣ героевъ изъ одного состоянія въ другое. Здѣсь же мы видимъ не то: въ цѣломъ рядѣ сценъ изображается борьба дяди съ племянникомъ, переходящая, наконецъ, въ примиреніе, въ полное совпаденіе въ одномъ типѣ. Дядя разочаровываетъ племянника въ его юношескихъ мечтахъ о любви и дружбѣ, осмѣиваетъ его творческіе опыты, его незрѣлый идеализмъ, излагаетъ передъ нимъ практическую философію жизни и—черезъ нѣсколько лѣтъ—убѣждается, что слова его не пропали даромъ, что племянникъ—живое воплощеніе дяди. И насколько много этихъ сценъ, дѣлающихъ чтеніе романа подчасъ нѣсколько утомительнымъ, настолько мало постепенности и равномерности въ изложеніи „исторіи“ въ узкомъ смыслѣ. Последняя совершается за спиной читателя, о ней въ короткихъ словахъ рассказываетъ самъ Гончаровъ. „Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Кто бы узналъ нашего провинціала..?“—такъ связываетъ Гончаровъ начало и продолженіе своего повѣствованія, но это—чисто внѣшняя связь. Провинціалъ измѣнился только по наружности—онъ возмужалъ, „черты лица созрѣли и образовали фizioномію“, и хотя Гончаровъ и добавляетъ, что „фizioномія обозначила характеръ“, однако внутренняя перемѣна еще не наступила. Александръ все

тотъ же — вплоть до послѣдней главы, за которой слѣдуетъ знаменитый эпилогъ. Въ этой главѣ дана попытка раскрыть внутренний процессъ совершившихся въ Александрѣ перемѣнъ, — попытка, безъ которой совпаденіе дяди и племянника въ одномъ типѣ было необъяснимымъ и случайнымъ.

Поѣздка Александра Адуева, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ столицѣ, можетъ найти себѣ параллель въ послѣдней поѣздкѣ Гончарова на родину черезъ четырнадцать лѣтъ по окончаніи университетскаго курса. Мать нашла Александра Адуева похудѣвшимъ задумчивымъ; волосы значительно порѣдѣли. Камердинеръ его, Евсей, объяснялъ эту перемѣну „писаньемъ“, которому ежедневно предавался его баринъ; запомнилъ онъ еще слово „разочарованный“, подслушанное въ отзывѣ Петра Ивановича объ Александрѣ, но другихъ, болѣе глубокихъ мотивовъ перемѣны въ баринѣ не могъ указать.

„Прошло два-три мѣсяца“... „Такъ прошло года полтора“... Въ Александрѣ Адуевѣ, на протяженіи нѣсколькихъ страницъ, происходитъ, подъ вліяніемъ уединеннаго размышленія, то, что на языкѣ Петровъ Ивановичей называется отрешеніемъ, сознаниемъ сдѣланныхъ ошибокъ и готовностью идти на компромиссъ. „И что я здѣсь дѣлаю? за что вину? — спрашиваетъ себя Александръ Адуевъ, уже тяготясь деревенскимъ бездѣльемъ. — Зачѣмъ гаснутъ мои дарованія? Почему мнѣ не блистать тамъ своимъ трудомъ?.. Теперь я сталъ разсудительнѣе. Чѣмъ дядюшка лучше меня? Развѣ я не могу отыскать себѣ дороги? Ну, не удалось до сихъ поръ, не за свое брался — что-жъ? опомнился теперь: пора, пора!.. нельзя же погибнуть здѣсь! Тамъ тотъ и другой — всѣ вышли въ люди... А моя карьера, а fortuna?“

Въ этихъ словахъ выразилась вся „исторія“ волшебного-быстраго превращенія племянника въ дядю; по отношенію къ ней весь романъ является не болѣе, какъ введеніемъ. Другими словами, Гончаровъ не столько заботился о томъ, *какъ* племянникъ переходилъ въ дядю, сколько говоритъ намъ: вотъ какимъ былъ Петръ Ивановичъ въ молодости, и вотъ какимъ онъ сталъ, когда сдѣлался старше, разсудительнѣе, благоразумнѣе. Читателямъ предоставлялось судить, что было лучше; на нихъ же возлагалась отвѣтственность за то или другое толкованіе заглавія романа.

Симпатіи Гончарова лежали всецѣло на сторонѣ дяди, о чемъ мы замѣтили уже выше. Когда создавался романъ, авторъ и по годамъ, и по міросозерцанію былъ весьма близокъ къ Петру Ивановичу. Хорошая половина жизни была уже отжита; раннія увлеченія и

разочарованія, вмѣстѣ съ юношескимъ романтизмомъ, отошли въ область невозвратнаго прошлаго. О нихъ можно было вспоминать—когда съ улыбкой, когда съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія, потому что въ нихъ было очень много хорошаго, теплаго, искренняго, было много наивной, сердечной поэзіи. Гончарову не трудно было взять вѣрный тонъ человѣка, который рассказываетъ объ увлеченіяхъ и заблужденіяхъ своей собственной молодости, набрасывая на рассказъ легкую дымку ироніи, но подъ этой дымкой еще теплится любовь къ тому, чѣмъ украшалась молодость, чѣмъ она жила, во что вѣрила, и легкая грусть кое-гдѣ сквозила между строкъ, прониженныхъ, на первый взглядъ, неподдѣльнымъ юморомъ.

Исключая эпилога, авторъ нигдѣ не ставитъ Петра Ивановича въ комическое положеніе, подобное тому, въ какое ставитъ онъ на каждомъ шагѣ Александра. Авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы дядя хотя на минуту пересталъ быть резоннымъ и вѣрнымъ себѣ. Принципы его выработаны разъ навсегда, взгляды ясны, житейская философія цѣльна и закончена. Низведи его Гончаровъ съ пьедестала, и романъ его получилъ бы совершенно другой смыслъ, смыслъ, который—кто знаетъ?—можетъ быть соотвѣтствовалъ бы заглавію „обыкновенной исторіи“, чѣмъ теперь, когда послѣднее является нѣкоторой загадкой. Вѣдь если переимѣна, совершившаяся въ Александрѣ, естественна и необходима въ жизни, если Петръ Ивановичъ представляется Гончарову положительной величиной въ обществѣ, личностью въ нѣкоторомъ родѣ идеальной, то, съ точки зрѣнія автора, обыкновенная исторія должна представляться исторіей прекрасной, достойной подражанія и сочувствія: въ такомъ случаѣ—побольше бы такихъ обыкновенныхъ исторій, и въ результатъ ихъ окажется больше порядка въ общественной и домашней жизни, больше ясности въ сложныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, наконецъ больше практической и государственной пользы.

Едва ли Гончаровъ задумывался надъ теоретической постановкой вопроса о значеніи Петра Ивановича, какъ общественнаго типа, и о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится этотъ типъ къ общему смыслу романа и, въ частности, къ его заглавію. Это и для насъ вопросъ второстепенный. Важно то, что Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тождественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды его жизни.

Тождественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ

молодости. Дѣтство обоихъ проходить въ одинаковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и—каждый въ свое время—одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять-таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣскольку разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленные письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, „бѣснуются, ревнуютъ“, наконецъ остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть „глупости“ молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ—крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное—одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозерцаніе, вкусы, привычки, даже боль въ поясницѣ и манера выражаться, и та, по духу ближайшей родственности, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность—въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода—„обыкновенная исторія“,—авторъ совершенно упустилъ изъ виду необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждаго изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать-двадцать лѣтъ русская жизнь—заключимъ ее въ промежутокъ двадцатыхъ-сороковыхъ годовъ,—несмотря на всѣ преграды, все-же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умственного и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона, сама по себѣ, совершенно незатронута въ романѣ, а между тѣмъ въ ней-то и слѣдовало бы искать раскрытія общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намека на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбѣжную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ и, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ впослѣдствіи стыдились оба героя „обыкновенной исторіи“. Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: его занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а соб-

ственные воспоминанія, попытка разобратъся въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ.

Въ этомъ смыслѣ „Обыкновенную исторію“ можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей. Въ ней разсказана выработка формально-дѣловой, житейски-практической стороны міросозерцанія Гончарова, тотъ внѣшній укладъ его, которымъ онъ былъ обращенъ, какъ чиновникъ, къ государству и въ частности къ людямъ, съ которыми онъ сталкивался въ повседневной жизни.

Эта сторона дѣловитой практичности, возведенной въ своего рода искусство, затронута и въ другихъ романахъ. Въ „Обрывѣ“ мы видѣли ее въ лицѣ Аянова. Въ „Обломовѣ“ ее олицетворяетъ заводчикъ Штольцъ, весьма напоминающій „тайнаго совѣтника и заводчика“ Петра Адуева, — и столь же любезный сердцу Гончарова, — красившаго сколько-нибудь свое купеческое происхожденіе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. И тотъ фактъ, что генералы обратились и къ практической дѣятельности въ области промышленности и торговли, игралъ въ глазахъ нашего писателя немаловажную роль; отъ этого, казалось, возвышалось самое званіе промышленника и купца, самое дѣло пріобрѣтало отъѣновъ особой порядочности и благородства. Раньше, говоритъ онъ въ своей исповѣди, считалось чуть не униженіемъ отдаваться практическому дѣлу заводчика. „Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца — не было лестно“.

Еслибы Гончаровъ далъ себѣ трудъ провѣрить, сколько среди бюрократическихъ дѣльцовъ прошло на его глазахъ индивидуально честныхъ Адуевыхъ и гуманныхъ Штольцевъ, онъ увидѣлъ бы, что таковыхъ было весьма немного. Не ими гордится русское общество, останавливаясь мыслью на недавнемъ прошломъ, о которомъ могъ говорить Гончаровъ: въ его настоящихъ, передовыхъ и чернорабочихъ дѣятеляхъ за этотъ періодъ было немного истыхъ бюрократовъ, въ духѣ Петра Ивановича, а бюрократовъ-заводчиковъ и того меньше.

Но Гончаровъ не дѣлалъ попытокъ провѣрять жизненность своихъ типовъ, въ томъ значеніи, какое онъ придавалъ имъ, на примѣрахъ дѣйствительной жизни. И это, конечно, говорится не въ укоръ ему, — мы далеки отъ мысли предъявлять подобныя требованія къ художникамъ, — но когда послѣдніе, не довольствуясь созданіемъ образа, начинаютъ морализировать по поводу его, —

ихъ невольно хочется иной разъ перенести изъ мастерской, изъ мерцающихъ сумерекъ вдохновенія и гармоніи, въ обычную людскую толпу, съ шумомъ и гамомъ, заботами и смѣхомъ повседневной жизни, такъ, чтобы они на время забыли свою палитру и краски, смѣшались съ толпой и въ хаосъ ея разнородныхъ стремленій утопили бы свои личные интересы, личные радости и скорби.

Жизнь Гончарова рано приняла ровное и слишкомъ ужъ обособленное теченіе, чтобы явленія общественнаго массоваго характера могли захватить и увлечь его. Можетъ быть, это теченіе какъ нельзя болѣе подходило къ необходимѣйшимъ условіямъ его творческой дѣятельности, менѣе всего требовавшей толчцовъ и побужденій извнѣ, изъ жизни, изъ самаго горнила ея, гдѣ кипятъ страсти и бьется въ противорѣчіяхъ мысль,—но оно, это спокойное теченіе, дѣлало его мало отзывчивымъ на всѣ вопросы и запросы окружающей среды, какъ только они выходили изъ круга идей извѣстнаго порядка, изъ рамокъ органически развившагося и ставшаго привычнымъ міросозерцанія.

Это характерное для Гончарова, привычное міросозерцаніе выражалось вполне опредѣленнымъ отношеніемъ къ служебнымъ обязанностямъ. Здѣсь Гончаровъ былъ человѣкомъ внѣшняго долга, добросовѣстнымъ работникомъ, однако никогда не доводившимъ своей исполнительности до настоящей, сознательной любви къ службѣ. Но едва ли не съ болѣею полнотою выражалось это міросозерцаніе въ томъ укладѣ и порядкѣ, который завелъ Гончаровъ у себя дома, куда уходилъ онъ и отъ назойливой суеты свѣтскія-общественной жизни, и отъ „исполненія“ нужныхъ и ненужныхъ бумагъ.

Евг. Ляцкий.

ІЁРНЪ УЛЬ

ЭСКИЗЪ

— Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

Окончаніе.

XVI *).

Это былъ счастливый годъ. Іёрнъ и Лена гордились другъ другомъ и своимъ исправнымъ хозяйствомъ, къ которому относились необыкновенно серьезно, какъ къ чему-то очень важному.

Старикъ Уль не былъ вполне здоровъ, но вышелъ изъ своего полусоннаго состоянія и настолько поправился, что цѣлыми днями сидѣлъ въ креслѣ. Ёда и трубка доставляли ему огромное наслажденіе. Теперь онъ владѣлъ языкомъ настолько, что окружающіе понимали его плаксивыя выкрикиванія. Ежедневно въ комнату къ старику являлся Іёрнъ. Шагая изъ угла въ уголъ и не глядя на отца, онъ рассказывалъ о томъ, что сдѣлано за день по хозяйству. Старикъ слушалъ и не произносилъ ни звука, но когда сына уже не было въ комнатѣ—принимался браниться и находить все неправильнымъ и глупымъ.

Въ хорошія минуты, когда старикъ бывалъ въ добромъ настроеніи, Витенъ заводила рѣчь о его покойной женѣ. Чаше всего вспоминала она то время, когда должна была родиться маленькая Эльзе, „которая путается неизвѣстно гдѣ съ бездѣльнымъ Гарро Гейнзеномъ“...

*) См. выше: февр., 690 стр.

Иногда Витень принималась расхваливать Лену Тарнъ и трудолюбивую рабочую жизнь въ ихъ домѣ. Тогда старикъ зати-халъ окончательно, сидѣлъ точно застывшій съ полузакрытыми глазами; его перекосившійся ротъ кривился еще больше обыкновеннаго и на лицѣ уже не было привычной, веселой и довольной улыбки.

Между тѣмъ Іернъ работалъ безъ усталости съ утра до ночи, а самъ все думалъ о томъ, что рано или поздно, но ему все-таки придется продать хлѣбъ и скотъ, чтобы внести проценты въ десятому ноября. Онъ радовался и гордился, что ему, двадцатичетырехлѣтнему юношѣ, оказали довѣріе и поручено такое большое хозяйство. Радовался и гордился Іернъ также и своей цвѣтущей, всегда веселой и работающей женой. Онъ сознавалъ свое счастье, но это не давало ему полного наслажденія. Онъ упивался имъ, точно олень, преслѣдуемый охотниками и жадно припавшій къ ручью, но готовый вскочить и бѣжать дальше при первомъ звукѣ погони.

Молодая жена Іерна не раздѣляла его душевной тревоги. Съ ранняго утра до поздней ночи была она въ постоянномъ и непрерывномъ движеніи. Руки ея были всегда заняты какой-нибудь работой. Она берегла каждую копейку. Тисъ подарилъ ей въ свадьбѣ нѣсколько метровъ шерстяной сѣрой матеріи, и она сама сшила себѣ изъ нея два совершенно гладкихъ и простыхъ платья, съ застежкой на узкомъ обшлагѣ. Такъ работала она, не зная усталости, вѣчно веселая и цвѣтущая, съ загорѣлыми по самый локоть руками, и сопровождала свою работу неумолкавшимъ пѣніемъ. Ея душу не омрачали тревоги и опасенія. Она была совсѣмъ другая, чѣмъ онъ, веселая и беззаботная, какъ птица, и въ этомъ, главнымъ образомъ, заключалась тайна ея обаянія для Іерна.

Но какъ-то осенью она вдругъ подмѣтила, что его что-то тревожитъ. Онъ возвращался изъ деревни и остановился среди двора въ тяжеломъ раздумьѣ. Она увидѣла его изъ окна и вышла ему на встрѣчу.

— Тебя что-то мучить, Іернъ,—сказала она.—Присядь-ка здѣсь на скамейку со мной рядомъ.

— Не люблю я здѣсь сидѣть. Ужъ очень это торжественно выходитъ. Сидишь точно на выставкѣ. Смотрите, люди добрые, вотъ сидитъ крестьянинъ съ своей женой.

— Ну, и что же въ этомъ дурного? Ты крестьянинъ, а я—твоя жена.—Она положила локоть на круглый столъ, оперлась щекой на руку и нѣкоторое время, молча, съ раздумьемъ смо-

трѣла на него.—Жаль, что ты не женился на богатой, Іёрнъ. Жилось бы тебѣ тогда много легче, да и заботы бы не было. Вотъ чтò!

Онъ вичего не отвѣтилъ, и она продолжала уже болѣе тихимъ голосомъ:

— Я умѣю работать, умѣю и посмѣяться во-время. Меня бы хватило, еслибы дѣло шло только о хлѣбѣ насущномъ. Я сумѣю прокормить и обшить тебя и дѣтей. А только этого мало.

— Не печалься!—утѣшалъ онъ ее. — Ужъ какъ-нибудь, да я справлюсь съ процентами. Придется, пожалуй, продать двулѣтковъ, да дѣлать нечего. А вотъ скажи-ка мнѣ, во чтò обойдется твоя болѣзнь?

— Ахъ, ты, бѣдняга, Іёрнъ Уль! Во чтò обойдется? спрашиваешь ты. Да не таеъ, чтобы ужъ очень дорого. Я лягу въ комнату Витенъ, а она четыре или пять деньковъ поухаживаетъ за двумя больными. Потомъ я встану и примусь опять за работу.

Онъ съ самаго дѣтства привыкъ не повѣрять никому своихъ тревогъ и огорченій. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ походилъ на домъ, обнесенный высокой стѣной. Молодая жена смѣялась, пѣла, работала и любила; но со всѣмъ этимъ она осталась у дверей его души. Иногда она порывалась стучаться въ эти двери, но Іёрнъ не впускалъ ее. Она была такая милая, такая радостная и любящая. Ей незачѣмъ было заглядывать въ его темную, заботой омраченную душу.

Вечеромъ, когда они оставались наединѣ, она была для него радостью и утѣшеніемъ. Онъ вѣрно обнималъ ее, а она задавала все одинъ и тотъ же неизмѣнный вопросъ:

— Сегодня все было слава Богу. Да?

— Да.

— Я высушила все бѣлье. Ну, а ты?

— Высушилъ ли я бѣлье?

— Ну, не все ли равно: много ты наработалъ?

— Порядочно. Я вспахалъ цѣлый участокъ у раковъ.

— Отлично. Ну, а знаешь ли ты, чтò меня огорчаетъ? Огорчаетъ меня то, что я не могу пѣть при людяхъ.

— Кажется, ты цѣлый день все что-то напѣваешь.

— Напѣваю, это вѣрно, но не пою. Хочешь, я спою сейчасъ?

— Спой, только ужъ не очень громко!

И она принималась пѣть въ полголоса новыя и старинныя на-

родныя пѣсни. Просунувъ голову ему подъ-руку, она смѣялась и говорила:

— Вотъ когда посмотрѣли бы на насъ добрые люди!

И, крѣпко прижавшись къ нему, она болтала и рассказывала ему обо всемъ, что приходило ей въ голову.

Однажды она цѣлое утро хлопотала по обыкновенію по дому, заботилась о всѣхъ домашнихъ и поила молокомъ только-что родившагося теленка. У нея была совершенно исключительная любовь и способность ухаживать за новорожденными. Потомъ ее охватило безпокойство, и она уже дрожащими руками поставила воду на огонь. Она пошла къ Витенъ и сказала ей:

— Краснуха отелнлась красивымъ теленкомъ, а теперь очередь, кажется, за мной...

Она хотѣла разсмѣяться, но не могла. Витенъ крѣпко обхватила рукой молодую женщину.

— Ты черезчуръ храбришься, — сказала она. — Пойдемъ, я уложу тебя. Пришелъ твой часъ.

Она родила маленькаго, но крѣпкаго мальчика. Несмотря на то, что при рожденіи его въ полной силѣ исполнились слова: „въ мукахъ будешь родить дѣтей“, и несмотря на то, что, къ своему большому удивленію, она чувствовала себя слабой и утомленной, уже на другой день утромъ она напѣвала мальчику первую колыбельную пѣсню. Не обращая вниманія на всѣ увѣщанія Витенъ и ея настойчивыя требованія, чтобы Іёрнъ произнесъ рѣшающее запретное слово, Лена на шестой день встала съ постели. Она принялась за свои обычныя хлопоты, возилась съ ребенкомъ и сама ходила въ кухню за водой для купанья. Все это она дѣлала, тихонько напѣвая, и была счастлива и горда, какъ настоящая королева. А Іёрнъ Уль не мѣшалъ ей ни въ чемъ. Онъ гордился, что у него такая здоровая и крѣпкая жена, что „она не нѣженка, какъ нѣкоторые другія“. Онъ былъ еще очень молодъ и глупъ, этотъ Іёрнъ Уль.

Вѣроятно, что, выходя въ кухню, Лена простудилась. Дѣло было въ мартѣ; дулъ сырой, холодный вѣтеръ. Она слегла и ночью стала бредить. За всю свою жизнь она никого не обидѣла и была ласкова со всѣми, но теперь въ бреду она почему-то умоляла всѣхъ простить ее. И точно услышавъ призывъ ея тоскующей смятенной души, явились вѣрные друзья. Въ дверяхъ появился Тисъ Тиссенъ съ обвѣтреннымъ, сморщеннымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что Лизбета уговорила его уѣхать вмѣстѣ съ нею

изъ Гамбурга и провести въ Геевѣ первые солнечные дни. Онъ подошелъ къ кровати, но сію же минуту, дрожа всѣмъ тѣломъ, отступилъ назадъ. Потомъ ушелъ въ сѣни и сталъ тамъ ходить взадъ и впередъ, ломая руки и покачивая головой.

На утро пришла Лизбета. Она подошла къ Іёрну, безпомощно стоявшему у постели больной, взглянула на него съ состраданіемъ и протянула ему руку.

— Лена, — обратился онъ къ больной: — вотъ пришла Лизбета, съ которой мы играли дѣтьми. Помнишь, я тебѣ рассказывалъ?

Но Лена Тарнъ осталась безучастной по прежнему. Витенъ поднесла къ ней мальчика. Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, но не произнесла ни звука. Это было послѣднее свиданіе матери съ ребенкомъ. Къ вечеру лихорадка усилилась. Лена заметалась на постели. Въ комнатѣ засуетились и побѣжали за чѣмъ-то въ кухню. Лизбета Юнкеръ стояла у окна и смотрѣла въ темноту отяжелѣвшими отъ слезъ глазами. Тисъ Тиссенъ не выходилъ изъ кухни. Онъ стоялъ у очага и шевелилъ щипцами тлѣющій торфъ. Въ третій разъ пріѣхалъ докторъ и уѣхалъ съ озабоченнымъ и печальнымъ лицомъ. Приходилъ пасторъ. Онъ что-то говорилъ Іёрну, но съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ поговорить съ однимъ изъ дубовыхъ бревенъ въ сѣняхъ. Томительная ночь тянулась безъ конца.

Къ утру Лена затихла. Она была страшно блѣдна и говорила съ трудомъ.

— Скажите отцу, что я любила его! — прошептала она.

Іёрнъ Уль подавилъ рыданіе.

— Бѣдняжка моя, ты не слышала отъ него ни единого ласковаго слова.

Она пыталась улыбнуться.

— И ничего ты не имѣла отъ жизни, кромѣ труда и заботы, — прибавилъ Іёрнъ.

Тогда отяжелѣвшимъ языкомъ она попробовала сказать ему, что была очень счастлива. Онъ наклонился къ ней. Она погладдила его руку. Объ остальныхъ она уже больше не заботилась, даже и о ребенкѣ забыла.

Послѣ полудня жаръ опять усилился, и когда Іёрнъ рассказывалъ ей, что купили двухъ новыхъ коровъ, она попросила, чтобы къ ней привели животныхъ. Ей хотѣлось утѣшить Іёрна, показать, что она еще интересуется окружающимъ, но лихорадка затуманила голову и лишила ее способности выбрать болѣе подходящее желаніе.

Тогда скотница и работникъ привычной твердой рукой провели по комнатѣ двухъ тяжело ступавшихъ коровъ. Она смотрѣла и слабо улыбалась.

Лихорадка все усиливалась. Къ ночи Лена совсѣмъ обезсилѣла. Приѣхалъ докторъ. Ледяной вѣтеръ задувалъ фонари въ его экипажѣ. Взглянувъ на больную, онъ отозвалъ въ сторону Іерна и сказалъ, что больше нѣтъ никакой надежды и что нужно торопиться, если...

Іернъ опять подошелъ къ кровати, у которой простоялъ шестнадцать долгихъ часовъ.

Да, конечно, ему нужно было торопиться!

И, склонившись къ умирающей, онъ неумѣлыми словами сказалъ, какъ сильно любилъ ее.

Она сдѣлала усиліе, чтобы взглянуть на него. Это былъ долгій изумленный взглядъ. Первый разъ удалось ей заглянуть ему въ душу. Но вѣки ея уже отяжелѣли...

Когда по деревнѣ разнеслась вѣсть о смерти жены Іерна, всѣ женщины пришли въ смятеніе и забѣгали изъ дома въ домъ, оплакивая покойницу. Молодую женщину очень любили, и всѣ до единого человѣка искренно жалѣли ее.

Лену Тарнъ похоронили. Іернъ Уль, вернувшись съ кладбища, долго простоялъ въ сѣняхъ, прислушиваясь по привычкѣ, не донесется ли до него откуда-нибудь тихое пѣніе или легкіе шаги жены. Но услышалъ онъ только одинъ дѣтскій жалобный плачь. Онъ прошелъ въ комнату. У печки, съ потухшей трубкой въ рукахъ, сидѣлъ старикъ и видимо сердился, что на него не обращаютъ вниманія. Витенъ стояла у кровати, наклонившись надъ ребенкомъ. Кругомъ былъ неуютный беспорядокъ.

XVII.

Стоялъ пасмурный ноябрь. Цѣлыми днями, не затихая, дулъ сырой восточный вѣтеръ, и тополи качались и шумѣли, точно волны въ бурю. Въ эту пору вернулись изъ Гамбурга старшіе братья.

Они сдѣлали видъ, что имъ захотѣлось взглянуть на больного отца и посмотреть, какъ идетъ хозяйство. Но старикъ, когда они вошли къ нему, отвернулся къ стѣнкѣ. Сыновья вышли изъ комнаты, и съ этой минуты точно забыли о немъ. Они разгуливали по дому и по двору, всюду заглядывали и во все вмѣшивались. Ко всему рѣшительно относились они отрицательно и

очень много и очень громко распространялись о товариществе торговли сѣномъ и соломой. Вечеромъ въ день прїѣзда они отправились въ трактиръ, признанъ на всякій случай у Іёрна двадцать марокъ.

Въ эту ночь Іёрнъ не сомкнулъ глазъ. Онъ лежалъ на спинѣ и думалъ. Онъ былъ увѣренъ, что у братьевъ не было ни гроша за душой и что они явились требовать отъ него денегъ. Онъ вспомнилъ, въ какомъ плачевномъ состояніи было ихъ платье, и весь вспыхнулъ при мысли, что дѣти Уля сидятъ въ такомъ неприглядномъ видѣ на глазахъ у всей деревни.

На другой день утромъ братья небрежно и точно мимоходомъ сказали Іёрну:

— Послушай-ка, намъ хочется достать деньжонокъ у Фрица Роппа; нужно только, чтобы ты подписалъ вексель.

— Такъ... такъ...—произнесъ Іёрнъ Уль.—Конечно, я могу это сдѣлать, только самъ-то я въ такомъ положеніи, что, какъ поручитель, не стою ровно ничего.

— Да вѣдь это только простая формальность, — возразилъ Гинрихъ и сказалъ это такимъ тономъ, что младшій братъ уже не нашелся, что отвѣтить ему.

Послѣ обѣда все дѣло было улажено. Въ тотъ же вечеръ Гансъ уѣхалъ, чтобы полученными деньгами уплатить по фальшивому векселю, который грозили подать во взысканію. Гинрихъ остался. Онъ жаловался на ревматизмъ въ ногѣ и надѣялся, что родной воздухъ, пропитанный теплой сыростью, принесетъ ему облегченіе. Большую часть времени проводилъ онъ въ трактирѣ и, пользуясь именемъ брата, пріобрѣлъ себѣ въ долгъ новое платье.

Приближалось Рождество. Какъ-то разъ, вечеромъ, когда Іёрнъ сумерничалъ у себя въ комнатѣ, пришелъ Гинрихъ и попросилъ дать ему десять марокъ. Іёрнъ спокойно отвѣтилъ, что не дастъ ровно ничего. Тогда глаза Гинриха засверкали, и онъ объявилъ, что во всякомъ случаѣ деньги у него будутъ, такъ какъ онъ уже занялъ у Роппа на имя брата триста марокъ. Іёрнъ все-таки не потерялъ самообладанія,—только голосъ у него замѣтно дрожалъ, когда онъ повторилъ Гинриху, что не дастъ ему никогда ни гроша, и что деньги нужны брату только затѣмъ, чтобы срамить по трактирамъ семью. Тогда Гинрихъ сдѣлался весь багровый и съ крикомъ хотѣлъ ударить брата. Іёрнъ, не помня себя, бросился на пьяницу, схватилъ его за шиворотъ и вытолкнулъ за дверь.

Съ этого дня хромой Гинрихъ засѣлъ дома. Въ трактиръ

онъ не ходилъ, но пьянствовалъ больше прежняго, посылая за виномъ работницъ или проходившихъ мимо дома дѣтей.

Іернъ переносилъ все это молча, съ мрачнымъ лицомъ и видимо сдерживаясь изо всѣхъ силъ.

— Не спускай Гинриха съ глазъ, Іернъ! — говорилъ ему старикъ Дрейеръ. — Ужъ прижметъ тебя Фрицъ Роппъ за долги брата. Они задумали спойть его окончательно.

Однажды, когда пьяница собрался выйти изъ дома, Іернъ загородилъ ему дорогу и сказалъ внятно и твердо: — Ты останешься здѣсь.

Но когда пришла весна, Гинрихъ убѣжалъ изъ дома и бродяжничалъ въ окрестностяхъ, работая изъ-за выпивки и понося всячески отца и брата. Случалось даже, что, проходя со своими собутыльниками мимо отцовскаго дома, онъ громко выкрикивалъ проклятія и неистовую брань.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней старый Уль всталъ съ своего кресла, опираясь на палку, съ трудомъ волоча ноги, добрался до стѣнки и прислонился къ ней. Такъ простоялъ онъ нѣкоторое время, глядя черезъ окно на убѣгавшую вдаль дорогу. Потомъ, тяжело и медленно ступая, вышелъ изъ комнаты и сталъ бродить около дома, поглядывая на дорогу, не идетъ ли кто, кому онъ могъ бы пожаловаться на свою горькую судьбу. И вотъ случилось, что старикъ, съ непокрытой головой и всклокоченными сѣдыми волосами, стоялъ у своего дома какъ разъ въ ту пору, когда по дорогѣ проходилъ хромою Гинрихъ. Отецъ и сынъ, завидѣвъ другъ друга, оба разразились ужаснѣйшей бранью. Іернъ, бывшій въ это время неподалеку, весь вспыхнулъ отъ стыда передъ работникомъ, шедшимъ ему на встрѣчу. Не помня себя отъ гнѣва, онъ швырнулъ вилами въ стѣну съ такою силой, что расщепилась рукоятка. Въ этомъ году подобныя вспышки съ нимъ случались довольно часто. Вообще, за послѣднее время онъ сталъ придирчивымъ, сумрачнымъ и грубымъ.

Старая дѣвушка, съ порѣдѣвшими и посѣдѣвшими волосами, все съ той же преданностью, но уже не съ прежнимъ успѣхомъ и рвеніемъ, вела все сложное домашнее хозяйство. Цѣлыми днями шла она и штопала для всѣхъ троихъ: для старика, для Іерна и ребенка.

Вернувшись въ комнату послѣ безцѣльныхъ и долгихъ скитаній вокругъ дома, старикъ тяжело опускался въ кресло и отрывистымъ, сердитымъ тономъ говорилъ Витентъ: — Ну, теперь раз-

сказывай!—И Витень послушно принималась за свои мрачные рассказы изъ народныхъ преданій. По вечерамъ она надѣвала очки и бралась за библію. Она выбирала преимущественно отрывки изъ Ветхаго Завѣта. Ее привлекали странныя чудеса, дикіе подвиги и грозныя слова. За всю жизнь не могла она выработать въ себѣ правильнаго отношенія къ Новому Завѣту. Отъ природы въ ней было много радости и стремленія къ свѣту. Она была нѣжнымъ и привязчивымъ ребенкомъ, когда судьба столкнула ее съ Анной Стуръ и ея дѣтьми. Но ужасныя событія, оборвавшія этотъ счастливый періодъ ея жизни, одинокіе подневольные годы и несчастія, разразившіяся надъ Улями, все это вмѣстѣ загнало изъ свѣта во тьму ея мятежную душу. Теперь не въ ясныхъ и зеленѣющихъ лѣсныхъ просѣкахъ видѣла она отраженіе жизни и всего міра, а въ сѣровато-черномъ сумракѣ, притаившемся подъ старыми, высокими, развѣсистыми соснами.

Всѣ мысли молодого, но вѣчно озабоченнаго и сумрачнаго хозяина Уля сосредоточивались на его собственномъ дворѣ и не шли дальше принадлежащихъ ему полей. Когда же порой онъ и выходили изъ этихъ положенныхъ имъ границъ, то лѣзли къ тремъ, совершенно опредѣленнымъ пунктамъ: къ могилѣ Лены Тарнъ, къ причетнику, собирающему недоимки, и къ великолѣпному новому дому Вейскопфа недалеко отъ церкви въ Шенефельдѣ. И еслибы вдругъ въ это время сказали Іёрну: „родина въ опасности, ты обязанъ помочь ей“, — онъ навѣрное отвѣтилъ бы: „Родина? Но развѣ вы не знаете, что руки и мысли мои связаны? Хозяйство въ долгахъ, отецъ боленъ, братъ бездѣльничаетъ, а Лена Тарнъ въ могилѣ. Родина“?!

Чтобы не нанимать плотниковъ, онъ производилъ собственноручно всѣ необходимыя въ домѣ починки. Съ ведромъ извести онъ обходилъ стѣны, подправляя вывалившіеся камни. Онъ стыдился своихъ рабочихъ, но ему не было выбора: каждую минуту могъ явиться Вейскопфъ и выгнать его изъ дома на томъ основаніи, что Іёрнъ мало заботится о немъ.

Между тѣмъ подрасталъ ребенокъ, предоставленный самому себѣ. Окруженный молчаливыми людьми, онъ съ любопытствомъ присматривался къ окружающему и самъ постепенно становился похожимъ на маленькаго старичка.

Каждый годъ изъ Гамбурга пріѣзжала Лизбета Юнкеръ. Она останавливалась въ школьномъ домѣ и иногда заходила къ Улямъ, „чтобы повидать маленькаго Юргена“. Ея глаза и волосы сіяли по прежнему, и по прежнему было что-то нетронутое и свѣжее въ ея цвѣтущей, гордой красотѣ. Усадивъ маленькаго Юргена

къ себѣ на колѣни и, немного смущаясь, она рассказывала ему о своей жизни въ городѣ. Она жила по прежнему у тетки и жилось ей, какъ она говорила, не дурно. Торговля ихъ шла довольно хорошо. Ихъ магазинчикъ помѣщался около гимназіи и народной школы, и въ покупателяхъ, большихъ и маленькихъ, недостатка не было. Іернъ смотрѣлъ почти съ благоговѣніемъ на ея изящную, гордую красоту и думалъ: „Сидитъ точно принцесса. И какое ей можетъ быть дѣло до твоего горя“? Она пробовала разъ заговорить съ нимъ о прошломъ, но это ей не удалось. Между нимъ и этимъ прошлымъ стояла высокая, угрюмая стѣна. Слишкомъ придавленъ и озабоченъ онъ былъ, чтобы понять трепеть ея руки и разгадать тоску, появившуюся въ ея глазахъ въ ту минуту, когда она прощалась съ нимъ. Она зашла къ нимъ еще разъ, но онъ былъ еще молчаливѣе. И когда она шла назадъ въ школьный домъ, щеки ея горѣли отъ невыносимаго, жгучаго стыда. Въ тотъ же вечеръ она уѣхала въ Гамбургъ.

Однажды, когда мальчику было уже около четырехъ лѣтъ, онъ какъ-то вернулся домой, ведя за руку молодого, бѣлокурого челоуѣка, и объявилъ: — Папа, это пасторъ!

Прежній пасторъ, челоуѣкъ, преисполненный сознанія своего достоинства, громко и увѣренно проповѣдывавшій истинную вѣру, получилъ кафедру въ одномъ изъ большихъ городовъ. Новый пасторъ, уже полгода какъ явившійся на смѣну старому, былъ еще очень молодъ, и поэтому преисполненъ самыми радужными надеждами. Онъ хотѣлъ заботой и собственнымъ примѣромъ достигнуть того, чтобы окружающіе его люди жили по евангельскимъ заветамъ.

Пасторъ, поговоривъ о какихъ-то незначительныхъ вещахъ, перешелъ, наконецъ, къ настоящей цѣли своего прихода.

— Въ воскресенье, — сказалъ онъ, — мы собираемся поставить въ церкви доску съ именами павшихъ въ бою. Вотъ я и пришелъ просить васъ присутствовать на торжествѣ. Знаю, что вы не охотникъ ходить въ церковь, но все-таки надѣюсь, что вы придете.

Опустивъ глаза въ землю, Іернъ отвѣтилъ:

— Г-нъ пасторъ, я не въ такомъ настроеніи, чтобы ходить на празднества.

Сказалъ онъ это просто и безъ всякой неприязни.

— Да, я вполне васъ понимаю, — участливо взглянувъ на него, согласился пасторъ: — но вѣдь мы не собираемся танцевать. Въ такомъ случаѣ, я и не приглашалъ бы васъ. Это будетъ праздникъ мертвыхъ.

Тогда въ глазахъ Іёрна появилось уже совсѣмъ дружелюбное выраженіе.

— О, я, право же, не могу придти! — сказалъ онъ:—это выше моихъ силъ; но мысленно я буду съ вами въ церкви. Всѣ четверо, записанные на доску, были славные ребята, и мнѣ случилось быть при послѣднихъ минутахъ Геерта Дозе. Потомъ какъ-нибудь я зайду посмотрѣть на доску.

— Буду очень радъ, — проговорилъ пасторъ. Они пожали другъ другу руки и разстались.

Въ воскресенье вечеромъ Іёрнъ взялъ за руку сына и пошелъ съ нимъ черезъ поля по тропинкѣ въ церковь. Никѣмъ не замѣченный, вошелъ онъ въ нее и въ сумеркахъ разсмотрѣлъ на стѣнѣ бѣлую мраморную доску въ дубовой рамѣ, украшенную вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ. Онъ разобралъ написанныя на ней имена, прочелъ и надпись подъ ними: „Они умерли за родину“. Іёрнъ кивнулъ головой. Ему понравилась и простая доска, и эта краткая надпись.

Въ эту минуту онъ услыжалъ за собой чьи-то шаги. Онъ оглянулся. За нимъ стоялъ пасторъ.

— Ну, чтó, какъ вамъ понравилась доска?—спросилъ онъ.

— Очень хорошая надпись, — отвѣтилъ Іёрнъ.

— А между тѣмъ, очень многіе въ нашемъ приходѣ недовольны и предпочли бы ей другія, болѣе торжественныя слова. Я же нахожу, что вѣлья ничего придумать болѣе яснаго и простого. Пускай каждый дѣлаетъ именно то, чтó сдѣлали эти четверо. Въ нѣсколько дней перестрадали они цѣлыя годы и въ короткій срокъ исполнили все свое дѣло. Ваша молодая жена, Іёрнъ, тоже въ немного дней исполнила свое дѣло: она отдала свою жизнь за васъ и за ребенка. Есть люди, которые выполняютъ положенное имъ дѣло въ долгіе годы. Они тоже отдаютъ свою жизнь за дѣтей, за идею или вообще за чтó-нибудь высшее, чтó влечетъ душу человѣка на добровольное страданіе. Въ этомъ— весь смыслъ настоящаго христіанства.

— Да, это понятно мнѣ, — сказалъ Іёрнъ. — Все это вполне ясно и благородно.

И, поговоривъ еще немного, они разстались подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ и съ хорошимъ мнѣніемъ другъ о другѣ. Пасторъ отправился въ деревню проводить свои взгляды въ среду грубыхъ людей, съ тѣмъ же успѣхомъ, какового достигаетъ собака, лающая на проѣзжающую телѣгу. Іёрнъ Уль вернулся домой, и ему пришлось пережить одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ своей жизни.

Когда Іернъ отправился въ церковь, на дворъ явился его братъ. Цѣлую недѣлю передъ этимъ онъ пилъ безъ просыпа и безобразничалъ въ трактирѣ. Узнавъ отъ одного изъ рабочихъ, что хозяина нѣтъ дома, онъ обрадовался, что, наконецъ, представился ему удобный случай высказать на свободѣ всю свою ненависть и накопившееся раздраженіе. И вотъ, съ неистовою бранью и проклятіями пошелъ онъ въ комнату больного отца. Старикъ собирался ложиться спать и былъ уже въ постели. Увидѣвъ вошедшаго сына, онъ съ испугомъ приподнялся и спросилъ, что ему нужно.

— Убирайся вонъ, бездѣльникъ!—прибавилъ онъ заплетающимся языкомъ.

— Я пришелъ сказать тебѣ,—кривнулъ ему сынъ,—что это ты ловко придумалъ. Когда ты разорился самъ и разорилъ насъ всѣхъ, ты догадался сойти съ ума, чтобы не быть въ отвѣтѣ.

И, вытащивъ изъ кармана бутылку съ виномъ, онъ наставилъ ея горлышко себѣ въ ротъ.

— Долженъ я еще сказать тебѣ, что и мнѣ надобно быть тѣмъ, что я есть. Я тоже рѣшилъ перемѣнить кожу. Вотъ что!

И, стащивъ съ себя истрепанный скюртукъ, онъ швырнулъ его на кровать больного. Потомъ, спотыкаясь, вышелъ въ сѣни. Тамъ было совсѣмъ темно.

Когда Іернъ вернулся домой, онъ засталъ отца уже спящимъ. Витенъ не было въ комнатѣ. Іернъ вышелъ въ сѣни. Здѣсь, у лѣстницы, на глиняномъ полу, лежалъ Гинрихъ Уль, а около него стояли Витенъ и старый работникъ.

— Я видѣла, какъ онъ вошелъ въ домъ, но сразу не могла отыскать его. Потомъ уже нашла его здѣсь,—сказала Витенъ.

Работникъ ушелъ, и съ Іерномъ осталась одна Витенъ. Тогда только вышелъ онъ изъ оцѣпенѣнія, тяжело прислонился къ лѣстницѣ и закрылъ лицо руками.

— Ахъ, не плачь такъ, Іернъ! Не плачь такъ, мой милый!—сказала Витенъ.

Пришелъ судья, потомъ явился волостной старшина. Когда старшина спросилъ Іерна насчетъ гроба, то онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ какое дѣло?

— Но вѣдь нельзя же похоронить его, какъ нищаго, на общественный счетъ?

Іернъ Уль гордо взглянулъ на говорившаго.

— А почему и нѣтъ? Кто здѣсь обязанъ заботиться о томъ, чтобы люди не спивались и не обращались въ свиней? Я или

общество? Ну, такъ пускай общество и хоронить свиней, которыхъ само выростило!

Въ тотъ же вечеръ принесли гробъ для бѣдныхъ и поставили его рядомъ съ хлѣвомъ, въ каморкѣ, гдѣ прежде складывали солому.

Іернъ Уль и столяръ Финке уложили покойника въ гробъ.

— Гроба для бѣдныхъ дѣлаются заранѣе, такъ, на всякій случай, — замѣтилъ столяръ. — Покойникъ слишкомъ длиненъ. Вѣдь на войнѣ, помнится мнѣ, онъ служилъ въ гренадерахъ.

— Ну, ничего. Сойдетъ и такъ!

Пришла Витенъ. Въ одной рукѣ у нея была пустая бутылка, а въ другой — веревка. Обѣ вещи она положила въ гробъ и сказала:

— Отъ Бога-то нечего скрывать! Пускай сразу будетъ видно, что его погубило въ жизни и какою смертью онъ умер!

Сіяло солнце. Дулъ вѣтеръ. Маленькій мальчикъ бѣгалъ по двору и высоко поднималъ надъ головой руки, точно собирался улетѣть.

Но въ домѣ Улей была смерть.

XVIII.

Когда въ домѣ появляется смерть, то обыкновенно все хозяйство приходитъ въ упадокъ, а люди приобрѣтаютъ неряшливый и неопрятный видъ.

Не такъ было въ Улѣ.

Витенъ ходила, какъ всегда, гладко причесанная, въ чистомъ платьѣ; мальчикъ былъ тоже чисто одѣтъ, и отецъ его одѣвался просто, но опрятно, какъ всегда.

И внутренняя жизнь обитателей Уля шла впередъ. Этому способствовала память о доброй и милой Ленѣ Тарнъ и живая работа серьезной и тихой Витенъ Пеннъ.

Молодой вдовецъ избѣжалъ опасности стать мрачнымъ и нелюдимымъ, благодаря своей любви къ жизненному труду и страсти къ приобрѣтенію новыхъ знаній. Въ садовой бесѣдкѣ, гдѣ прежде его отецъ и братья устраивали кутежи и попойки, просиживая теперь Іернъ Уль далеко за полночь, то читая какую-нибудь серьезную книгу, то рассматривая и чертя карты. И когда ему

удавалось схватить какую-нибудь новую мысль или овладѣть какимъ-нибудь труднымъ положеніемъ, его хмурое лицо прояснялось и онъ съ восторгомъ громко хлопалъ себя по колѣну. Ему казалось въ эти минуты, что онъ съ пыльнаго, заросшаго сорными травами поля вскакивалъ на высокую стѣну, гдѣ его обвѣвалъ свободный вѣтеръ.

И люди не оставили его безъ помощи.

Какъ-разъ въ это время приходское управленіе рѣшило заняться осушеніемъ всего округа и обратилось за совѣтомъ къ молчаливому, начитанному и обстоятельному обитателю Уля. Цѣлую недѣлю Іернъ высчитывалъ, чертилъ, соображалъ, и, наконецъ, объявилъ управленію, что готовъ взять на себя веденіе всей работы, а они должны только наблюдать и выдавать ему, къ концу года, плату за уже исполненную работу. Предложеніе его подвергли всестороннему, оживленному обсужденію, и, наконецъ, оно было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Въ теченіе пяти лѣтъ исполнялъ онъ эту сложную и трудную работу, и она принесла ему очень много пользы. Во-первыхъ, матеріальную выгоду, въ чемъ онъ очень нуждался; во-вторыхъ, работа отвлекала его отъ мрачныхъ мыслей; въ-третьихъ, благодаря ей, онъ заинтересовался и близко ознакомился съ ботаникой и минералогіей. Профессоръ, которому онъ посылалъ въ городъ свои препараты и коллекціи, оставался ими всегда очень доволенъ.

Для осмотровъ и изслѣдованій Іерну приходилось очень много ходить пѣшкомъ по всей мѣстности, и обыкновенно въ этихъ экскурсіяхъ его сопровождалъ его маленький сынъ. Онъ бѣгалъ, подпрыгивая, рядомъ съ отцомъ и задавалъ ему безконечные и самые разнообразные вопросы. Но общество всегда серьезнаго отца не вполне удовлетворяло его, и однажды онъ привелъ себя изъ деревни товарища-мальчишку. Новая дружба повліяла на него благотворно, и въ его манерахъ и рѣчи появилось больше веселости и ребячливости. Онъ былъ высокъ и строенъ, какъ отецъ и мать, но глаза его были совсѣмъ материнскіе, а когда онъ, играя во дворѣ, весело и звонко смѣялся, то въ дверяхъ появлялась фигура отца. Іернъ Уль стоялъ подолгу молча и глядѣлъ на ребенка потеряннымъ взглядомъ.

Люди не оставили его безъ помощи.

Разъ, вечеромъ, Іернъ рѣшился и пошелъ въ пасторатъ. Онъ засталъ всю семью за столомъ. На одномъ концѣ сидѣлъ самъ пасторъ и читалъ. Противъ него сидѣла его жена, красивая, нѣжная женщина, и тоже читала. Сбоку сидѣла ея помощница,

дочь учителя, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, тоже съ книгой въ рукахъ, а противъ нея помѣщался старикъ, отецъ пастора, много пережившій и перевидавшій на своемъ вѣку. Онъ часто говорилъ:

— Мнѣ книгъ не нужно, моя жизнь—это цѣлая книга.

Онъ сидѣлъ, курилъ трубку и рассказывалъ, но его никто не слушалъ, и только когда онъ начиналъ что-нибудь новое и интересное, то одинъ изъ членовъ семьи поднималъ голову отъ книги и произносилъ:

— Какъ, ты говоришь, это было, отецъ?

Въ углу, за книжкой, сидѣлъ еще десятилѣтній мальчикъ, пріемный сынъ пастора и его жены. Своихъ дѣтей у нихъ не было.

Молодая дѣвушка встала, уступила свое мѣсто Іёрну, и сама пошла играть съ мальчикомъ, причемъ оба усердно запускали руки въ бумажный мѣшокъ съ изюмомъ, случайно забытый на диванѣ.

Сначала бесѣда шла довольно вяло, потому что пасторъ думалъ, что Іёрнъ пришелъ по дѣлу, и ждалъ, чтó онъ скажетъ, но вскорѣ выяснилось, что Уль пришёлъ просто, чтобы уютно посидѣть вечеромъ. Стали говорить о событіяхъ повседневной жизни, а потомъ разговоръ незамѣтно перешелъ къ небеснымъ сферамъ. Вскорѣ Іёрнъ Уль, держа карандашъ, какъ вилы, уже чертилъ карту на листѣ бумаги и путешествовалъ со всею семьей пастора по Млечному Пути.

Всѣ вздохнули съ невольнымъ облегченіемъ, когда, послѣ этой непривычной прогулки, двери за Іёрномъ захлопнулись.

— Ну, чтó,—спросилъ пасторъ:—правъ я былъ, утверждая, что онъ—умный и интересный человѣкъ?

И пасторша отвѣчала:

— Да, на этотъ разъ ты правъ: все это было очень хорошо.

Черезъ двѣ недѣли Іёрнъ пришелъ опять и сталъ приходить два раза въ мѣсяцъ. Когда разговоръ истощался, то они брали книгу и принимались за чтеніе. Первоначальный выборъ пастора оказался неудачнымъ: сначала онъ прочелъ „Фауста“, а потомъ—„Рейнеке-Лиса“. Когда онъ пожелалъ узнать мнѣніе своего гостя о прочитанномъ, то Іёрнъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, всѣмъ этимъ еще въ дѣтствѣ пичкала меня моя старушка, Витенъ Пеннъ, но я и тогда не имѣлъ особаго пристрастія къ подобнымъ рассказамъ, и когда немного подросъ, сталъ увлекаться сочиненіемъ Литтрова: „Чудеса неба“. Только мало у меня было времени для чтенія.

Тогда пасторъ попробовалъ читать описанія путешествій и повѣсти реального направленія—и дѣло пошло на ладъ. Какъ-то разъ, когда съ перваго чтенія прошло три года, пасторъ объявилъ:

— Въ насъ обоихъ, Уль, течетъ фрисландская кровь, и мы должны постичь всю мировую премудрость. Соберемся-ка съ духомъ и приступимъ къ одной толстой и трудной книгѣ. Ее написалъ одинъ крестьянинъ изъ Лангенгорна, сдѣлавшійся теперь знаменитымъ профессоромъ.

И они стали читать. И, временами, взглядывали другъ на друга, чувствуя, что лица у нихъ дѣлаются самыя дурачкія. И, временами, чувствовалось, что молодой крестьянинъ больше понимаетъ, чѣмъ пасторъ. Пастору не суждено было сдѣлаться философомъ.

Такимъ образомъ, люди и звѣзды помогли Іёрну пережить самыя печальныя и одинокія годы его жизни.

Іёрнъ рѣшился сдѣлать пробу—и засѣялъ большую и лучшую часть своей земли пшеницей. Въ случаѣ урожая, онъ получилъ бы возможность расплатиться съ долгами. Всходы были очень хороши; всѣ возлагали на пшеницу большія надежды, но въ одинъ прекрасный день все рушилось.

Какъ-то разъ, въ концѣ іюля, Іёрнъ встрѣтилъ стараго Дрейера. Старикъ остановился и, тяжело опершись на палку, произнесъ:

— Послушай, Іёрнъ, ты уже видѣлъ, что въ пшеницѣ появились мыши?

— Нѣтъ, я былъ тамъ третьяго дня—и ни единой не видалъ.

— Третьяго дня ихъ было мало, вчера—много, а сегодня—многое множество. Боюсь я за пшеницу, Іёрнъ!

Іёрнъ побѣжалъ на свое поле и остановился, пристально вглядываясь въ море колосьевъ. Вдругъ ему показалось, что въ одномъ мѣстѣ одинъ колосъ исчезъ, потомъ—въ другомъ, еще дальше, вонъ тамъ... а теперь—совсѣмъ близко. Онъ протеръ себѣ глаза, думая, что ему мерещится, но вдругъ увидалъ недалеко отъ себя мышъ. Она встала на заднія лапки и скусила колосъ, потомъ—другой. Стебель скользнулъ внизъ и склонился, поддерживаемый сосѣднимъ стеблемъ. Это была тонкая и ловкая работа.

„Это конецъ наступаетъ“,—подумалъ Іёрнъ.

Онъ круто повернулся и пошелъ домой.

„Хоть бы отецъ не дожилъ до этого!—думалъ онъ.—Какъ же это его потащатъ на креслѣ изъ дома“!

Онъ вошелъ въ комнату отца и спросилъ Витенъ, какъ чувствуетъ себя больной.

— Ничего, какъ всегда, только не хочется вставать. Ему кажется, что онъ всего безопаснѣе въ постели.

— Безопаснѣе въ постели! Ахъ, Витенъ! Знаешь, вѣдь въ пшеницѣ мыши появились! Такія мыши, какихъ никто не запомнить. Онѣ—повсюду, такъ и кишать. Конецъ нашъ пришелъ, Витенъ!..

— Іернъ! — произнесла она. — Ахъ, Боже мой! не говори такъ, Іернъ!—Она покачала головой и вышла изъ комнаты.

„Бѣдная Витенъ!—подумалъ Іернъ:—всю-то жизнь ничего она не знаетъ, кромѣ горя и заботы... Надо придумать что-нибудь! Вѣдь въ каждую секунду падаетъ десять волосевъ. Съ каждой минутой мы становимся бѣднѣе... Но умомъ здѣсь не поможешь. Помочь можетъ только чудо.“

И онъ шелъ опять на поле. Тамъ ему встрѣчался крестьянинъ, тоже засѣявшій свое поле пшеницей и тоже запутавшійся въ долгахъ. За нѣсколько дней изъ молодого человѣка онъ превратился въ старика. У него было пять человѣкъ дѣтей.

Въ началѣ августа пошли дожди, и явилась надежда, что среди мышей появится какая-нибудь повальная болѣзнь, но дожди были теплые и несильные и скоро прошли. На поле ходить больше не стоило: тамъ почти ничего не осталось. Іернъ вернулся въ послѣдній разъ съ поля, бросился на стулъ, а ноги тяжело вскинулъ на сундукъ, такъ что онъ затрещалъ. Въ глаза ему бросилась надпись на сундукѣ:

„Благословеніе Божіе обогащаетъ безъ труда“.

„О, еслибы это было такъ!—подумалъ Іернъ.—Безъ труда или съ трудомъ, но только благословеніе, хоть немного благословенія!.. Но на мнѣ лежитъ чье-то проклятіе, мнѣ ничто никогда не удастся“...

И вдругъ ему представилась вся его жизнь, но не такъ, какъ представлялась обыкновенно—въ видѣ тяжелаго труда и вѣчной работы, а въ видѣ глубочайшаго заблужденія и грѣха. Темные помыслы, сопровождающіе всѣ хорошіе, а иногда и лучшіе человѣческіе поступки—какъ безобразныя черныя собаки, бѣгущія рядомъ съ благородными бѣлыми лошадьми, стали вырастать и приняли гигантскіе размѣры.

„Гдѣ твоя сестра, Эльзбе?—спрашивали они:—ты не позаботился о ней, и она погибла. Гдѣ братъ твой, Гинверкъ? Ты

прибилъ его и выгналъ изъ дома, и онъ сталъ пьяницей и погибъ. Отчего ты не убралъ плугъ, когда зналъ, что отецъ твой можетъ упасть на него? Гдѣ Лена Тарнъ, которой ты запрещалъ пѣть"?.. Чтобы забыться немного, Іёрнъ схватилъ свой телескопъ, вышелъ во дворъ и навелъ его на небо. Но отъ волненія онъ забылъ снять крышку съ объектива и, приливнувъ глазами къ трубѣ, увидалъ только бездонную черноту. Онъ испугался и подумалъ, что правы были страшные голоса, обвинявшіе его въ преступленіи и убійствѣ. И вдругъ передъ нимъ встала чья-то тѣнь; онъ чуть не вскрикнулъ отъ ужаса, но тотчасъ же узналъ Витенъ Пеннъ, успокоился, и ему стало ясно, что онъ не преступникъ, а страдающій и заблуждающійся человекъ.

— Слава Богу!—прошепталъ онъ, но, не желая выдать своего волненія, прибавилъ громко:—Я хотѣлъ тутъ посмотреть на одну звѣзду.

Витенъ поспѣшно подошла къ нему и заглянула ему въ глаза.

— Еще не время отчаяваться, Іёрнъ,—сказала она:—вѣдь тебѣ только тридцать лѣтъ. Стыдно было бы такъ рано сложить руки и покорно сдаться.

— Ужъ очень тяжело мнѣ!—выговорилъ съ усиліемъ Іёрнъ.

Витенъ взяла его за руку и повела въ домъ.

— Подожди!—сказала она, усаживая его.—Я принесу тебѣ воды,—и черезъ минуту вернулась, неся воду и ведя за руку маленькаго сына Іерна. Мальчикъ оперся локтями въ колѣни отца, и когда тотъ съ тяжелымъ вздохомъ отвелъ чашку отъ губъ, сказалъ:

— Папа, милый, какой ты блѣдный! Смотри у меня, не заболѣй еще!

— Правда, ложись-ка ты скорѣй спать!—прибавила Витенъ:—ложись, мой мальчикъ!

Іёрнъ устало улыбнулся. Ему было такъ пріятно, что въ эту тяжелую минуту возлѣ него были два милыхъ, любимыхъ имъ существа. Онъ снялъ куртку и легъ спать. Черезъ два часа онъ проснулся отъ голоса рабочаго, называвшаго его по имени. Уже совсѣмъ стемнѣло.

— Мы не понимаемъ, куда дѣлась Витенъ!—говорилъ рабочій.—Она ушла съ часъ тому назадъ; мы думали, къ сосѣду, а оказывается, ея тамъ нѣтъ. Дѣвчонка-прислужница видѣла, какъ она пошла по тропинкѣ въ лѣску. Чего это ей понадобилось? Тамъ ни души нѣтъ, да и темень страшная, и канавы

водою полнымъ-полны, а она сама говорить, что въ темнотѣ ничего не видитъ.

Іёрнъ вскочилъ, надѣлъ куртку и бросился изъ дома. Дождь смочилъ его непокрытую голову и освѣжилъ его. Онъ пошелъ по большой дорогѣ, свернулъ въ сторону, дошелъ до горы, но никого не нашелъ. Тяжелый, пересѣваемый дождемъ воздухъ мѣшалъ ему разсмотрѣть что-нибудь, и онъ уже собирался громко окликнуть Витенъ по имени, какъ вдругъ, подойдя къ Золотому Роднику, увидалъ прямо передъ собою маленькую сгорбленную женскую фигуру. Онъ тотчасъ же понялъ, что это она и что она тамъ ищетъ.

Она услышала его шаги, пошла къ нему на встрѣчу и грустно проговорила:

— Ничего не вышло. Оттого ли, что давно все это я забросила, или ужъ просто стара я стала и отупѣла.

Онъ обнялъ ее за плечи.

— Пойдемъ скорѣй домой!—сказалъ онъ:—тебя всю промочить насквозь. Дай-ка, я прикрою тебѣ голову моей курткой. Ну, вотъ такъ!

Она пошла рядомъ съ нимъ, вся сгорбившись и съ трудомъ передвигая ноги.

— Раньше,—сказала она стыдливо и смущенно,—когда я еще была очень молода, во всѣхъ этихъ вещахъ была жизнь, но потомъ мало-по-малу онъ умерли.

— Да ты что хотѣла сдѣлать?

— Не знаю. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, могу ли я добиться чего-нибудь, но все кругомъ было глухо и мертво.

— Это все пустяки, брось ты это, Витенъ!

Она помолчала. Онъ велъ ее, держа за плечи и выбирая мѣста посуше.

— Это оттого такъ,—снова начала она,—что никто больше въ это не вѣритъ. Ты самъ знаешь: кто не интересуется ни солнцемъ, ни мѣсяцемъ, ни звѣздами, тому они ничего не говорятъ. Равнодушіе все умерщвляетъ, любовь всему даетъ жизнь. Я долго совсѣмъ забывала объ этихъ вещахъ, и онъ отъ долгаго лежанья заржавѣли.

— Ты совсѣмъ приуныла, Витенъ,—не надо такъ!

— Да вѣдь я думала, что съумѣю помочь тебѣ,—оттого сюда и прибѣжала.

— Витенъ, все это намъ помочь не можетъ. Лѣсъ и вода, вѣтеръ и дождь—все это еще безпомощнѣе, чѣмъ человѣкъ.

— Не говори этого, Іёрнъ! За нашею жизнью лежитъ тайна.

И мы живемъ не ради этой жизни, а ради той тайны, которая за нею. И, вѣроятно, есть возможность разгадать тайну, и кто ее разгадаетъ, тотъ ясно увидитъ истину. Эта истина съ незапамятныхъ временъ заключена въ старинныхъ вещахъ и легендахъ. Въ нихъ искали ее наши предки и иногда находили.

— Да, Витенъ, ты права, говоря о тайнѣ. Я думаю, что это именно такъ, какъ ты говоришь. Но я не думаю, чтобы мы могли ее найти и разгадать. Не можетъ человѣкъ прыгнуть выше своей головы. Очень можетъ быть, что все это лежитъ или стоитъ вокругъ насъ, открытое, необъятное, живое и смѣется или плачетъ; но мы не обладаемъ чувствомъ, чтобы все это видѣть и слышать.

— Да, очень можетъ быть!—произнесла Витенъ задумчиво и печально.—Тогда намъ остается работать, пока не наступитъ вечеръ, и быть добрыми и любящими, насколько хватитъ силъ.

— Это вѣрно, Витенъ, и такъ сказано въ Евангеліи.

Она приподняла немного голову, продолжая идти рядомъ съ нимъ и коротко и прерывисто дыша.

— Да? Это сказано тамъ? А что же тамъ говорится... о тайнѣ?

— Насколько я могъ понять, тамъ сказано... что здѣсь мы этого постичь не можемъ, но должны вѣрить, что жизнь имѣетъ внутренній смыслъ и цѣль. Тогда послѣ смерти мы проникнемъ въ тайну и увидимъ вещи не такими, какими онѣ кажутся, а какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

— Такъ вотъ что! Это сказалъ Христосъ? Вотъ какъ!.. Это меня удивляетъ. Мнѣ съ самаго дѣтства такъ хотѣлось знать все и о людяхъ, и о всемъ свѣтѣ, знать самое настоящее, и мнѣ казалось, что можно и непремѣнно нужно доискаться истины. Когда я жила у Стура, мы только и дѣлали, что искали, но ни до чего не доискались, и кончилось тѣмъ, что Гансъ Стуръ утопился.—Она заплакала.

— Не будемъ доискиваться, Витенъ,—будемъ только любить другъ друга и вмѣстѣ смѣло бороться съ жизнью, моя милая старушка!

На другой день явился Вейскопфъ, ласково освѣдомился о здоровьѣ стараго Уля и, оставшись вдвоемъ съ Іерномъ, сталъ еще ласковѣе, и предложилъ ему, не хочетъ ли онъ вступить съ нимъ въ частную сдѣлку и тайно передать ему часть своего запаснаго зерна. Кромѣ выгоды, ему отъ этого ничего не будетъ.

Іернъ Уль разсмѣялся ему въ лицо.

— Чтò вы это выдумали!—сказалъ онъ.—Оттого, что я несчастливъ, такъ я долженъ сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ? Это была ваша мысль? Ошиблись вы, старикъ, и я прошу васъ уйти съ моего двора.

Вейскопфъ поспѣшно ушелъ, а Іёрнъ прошелъ въ комнату отца, поговорилъ съ Витенъ и заглянулъ въ Библію. Она лежала открытая на столѣ. Глаза его упали на главу о египетскихъ казняхъ, и онъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Будь спокойна. Послѣднюю изъ нихъ я только-что прогналъ со двора.—Потомъ онъ прошелъ въ свою комнату, чтобы, по обыкновенію, пораздумать наединѣ, и въ головѣ у него вертѣлась все одна и та же мысль:

— Должно совершиться чудо.

XIX.

Но въ томъ, чтò случилось, чуда не было. Разразилась гроза и явилась смерть. Все это освѣжило воздухъ и стряхнуло тяжесть, пригивавшую Іёрна Уля къ землѣ.

Дождь прошелъ стороною; настали дни, пронизанные знойнымъ, нестерпимымъ солнечнымъ свѣтомъ. И каждый день къ вечеру надъ Эльбой ложилось тяжелое облако и рокотало отрывисто и злобно. Къ вечеру третьяго дня всѣ были увѣрены, что гроза наконецъ разразится. Воздухъ былъ мягкій и душный. Скотина на пастбищѣ перестала щипать траву и стояла въ ожиданіи возлѣ плетня.

Но гроза не разразилась и на этотъ разъ.

На другое утро въ домѣ началось сильное волненіе. Было воскресенье, и накануне, вечеромъ, Витенъ, по обыкновенію, надѣла чистую рубашку, а снятую оставила, согласно старинному обычаю, на полу возлѣ кровати. Когда настало утро, то на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала рубашка, очутилась вучка пепла. Служанка и рабочіе бѣгали и разсуждали о случившемся; началась болтовня и смѣхъ, а дѣвушка, спавшая въ одной комнатѣ съ Витенъ, удивлялась, какъ это запахъ гари ее не разбудилъ. Витенъ ходила безпокойно по дому, съ выраженіемъ испуга въ глазахъ, и ничего не говорила.

Всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и въ тотъ же вечеръ вѣсть о случившемся разнеслась по всей деревнѣ.

Тисъ Тиссенъ опять вернулся изъ Гамбурга и пробылъ нѣсколько дней въ Улѣ. Цѣлый день онъ ходилъ за Іёрномъ, не

— Я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ на подмогу нѣсколько тысячъ марокъ, но ты самъ знаешь, что и мое хозяйство не вынесетъ большихъ долговъ.

На другое утро Тисъ уѣхалъ.

Къ вечеру поднялось изъ-за моря темное облако, встало высоко надъ болотистой низиной и въ гнѣвъ начало метать на землю прямыя молніи, точно золотыя копыя. Далеко, со стороны моря, показался огонь. Облако ползло все выше и все ближе, и къ семи часамъ уже стояло, готовое разверзнуться надъ Мариендономъ. Люди, работавшіе въ поляхъ, спѣшили домой, женщины стояли на порогѣ и говорили: „Какъ хорошо, что ты вернулся!“ Дѣти бросали игры и бѣжали къ дверямъ.

— Вотъ такъ ударъ!

Вскорѣ полилъ дождь. Могучая туча развернулась, сдѣлалась блѣдно-сѣрой и закрыла все небо. Никакого несчастья не произошло.

— Видишь, Витенъ,—сказалъ старикъ рабочій:—твоя рубашка ровно ничего...

— Молчи!—быстро прервала его Витенъ.—А тебѣ ужъ и спать пора!—прибавила она, обращаясь къ мальчику.

— Послушай-ка, Витенъ, что я тебѣ хочу рассказать!—сказалъ мальчикъ:—я былъ сегодня на сѣновалѣ, на самомъ верху, съ Фрицемъ Гансеномъ.

— Вотъ какъ!.. А вѣдь отецъ запретилъ тебѣ туда лезть.

— Когда я тебѣ все расскажу, ты ужъ навѣрное ему не передашь.

— Что ты мнѣ такое можешь рассказать!

— Фрицъ Гансенъ полѣзъ на самую верхушку, знаешь, гдѣ въ крышѣ маленькое окошечко, и что бы ты думала: лежать тамъ огромная страшная черная кошка, съ теленка будетъ величиною. А глаза-то у нея горятъ и прямо она на него ползла.

— Ну ужъ, ложись и спи!—сказала Витенъ, а сама пошла къ Іёрну.

— Іёрнъ,—сказала она:—не разъ я слыхала, что молнія цѣлыми часами лежала гдѣ-нибудь въ домѣ, прежде чѣмъ ударитъ его. Ударъ былъ ужасный. Да и мальчикъ какія-то чудеса рассказываетъ. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, сходи посмотрѣть на сѣноваль. Мнѣ что-то такъ жутко на душѣ.

Іёрнъ обошелъ всѣ постройки, но ничего подозрительнаго не замѣтилъ.

Было десять часовъ, и всѣ заснули.

Тогда молнія рѣшила, что домъ и люди въ ея власти, и тихонько пустилась въ путь. Она скользнула длиннымъ и тонкимъ тѣломъ, блестящимъ, какъ выбѣленное о землю желѣзо, и пробралась между крышей и соломой. Увидавъ, что отъ недостатка воздуха пламя не загорается, она скользнула, тѣбя, къ окну. Стекло разлетѣлось въ дребезги. Сидѣвшая подъ кровлей сова вылетѣла съ громкимъ жалобнымъ крикомъ.

Витенъ встала съ кровати, прошла въ корридоръ и заглянула въ сѣни. Вездѣ тихо и темно. Она вернулась назадъ и присѣла, прислушиваясь, на край кровати, на которой спалъ мальчикъ.

— Людей въ домѣ... четверо здѣсь... трое тамъ... двое въ людской... и Іёрнъ... Кажется, всѣ?.. Больше никого?.. никого больше. Прежде всего—мальчика. Да, еще старика не забыть! Десять человекъ... десять... десять... Скотина вся на пастбищѣ, вся до единой штуки..

Въ сѣняхъ раздался какой-то шумъ, и она быстро встала и выпрямилась, прислушиваясь.

Это былъ звукъ молодого дерева, попавшаго въ сильное пламя.

— Пожаръ!—крикнула она:—пожаръ!

Спавшая въ той же комнатѣ служанка быстро приподнялась на кровати, и въ то же мгновеніе у нея на колѣняхъ очутился ребенокъ.

— Бѣги съ мальчикомъ къ Ясперу Крею и не оглядывайся!

— Іернъ! Іернъ!...—Этотъ голосъ могъ бы разбудить мертвыхъ.

Іернъ не могъ объяснить потомъ, почему онъ прежде всего схватилъ старый, тяжелый безъ ручекъ сундукъ, и какимъ путемъ онъ его вытащилъ изъ дома. Онъ этого не помнилъ,—онъ помнилъ только, какъ вбѣжалъ въ комнату отца, схватилъ испуганнаго, кричащаго и отбивающагося старика и, завернувъ въ одеяло, перетащилъ черезъ дорогу къ Ясперу Крею. Тамъ больного уложили въ наскоро приготовленную постель по другую сторону печи.

Потомъ Іернъ побѣжалъ назадъ, бросился въ конюшню, разрывалъ привязи лошадей и вывелъ животныхъ по одиночкѣ во дворъ. Онъ бѣсился отъ страха и становились на дыбы. Оставался еще одинъ жеребенокъ. Работники и собравшіеся сосѣди не могли пробраться черезъ огонь, чтобы спасти его. Іернъ вспомнилъ, что въ конюшнѣ съ другой стороны была дверь, не отворявшаяся много лѣтъ. Онъ схватилъ бревно, вышибъ дверь и вывелъ жеребенка.

Больше ничего нельзя было сдѣлать. Когда Іернъ, съ опаленными волосами и окровавленной рукой, хотѣлъ опять войти въ домъ, его остановилъ только-что прибѣжавшій учитель.

— Человѣческая жизнь дороже,—сказалъ онъ.

Іернъ съ отчаяннымъ движеніемъ бросилъ ножъ и скорѣй ушелъ, чтобы не слышать мычанья коровы, стоявшей со своимъ новорожденнымъ теленкомъ по ту сторону пламени.

На встрѣчу ему съ плачемъ бѣжалъ его сынъ.

— Папа, а жеребенокъ-то сгорѣлъ?—закричалъ онъ и обхватилъ колѣни отца.

Къ нимъ подошелъ Ясперъ Крей съ почернѣвшимъ лицомъ и руками.

— Мы и корову спасли,—сказалъ онъ:—намъ удалось ее вывести черезъ кухонную дверь и пекарню, — и онъ прошелъ дальше.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на огонь, и рядомъ съ нимъ стоялъ его мальчикъ.

Въ тотъ самый часъ, когда парадныя комнаты Улей дымились въ огнѣ и вырывающіеся снопы пламени освѣщали темныя, обступившія полукругомъ Венторфъ, со стороны Санкт-Маріендона по узкой тропинкѣ, ведущей отъ церкви, пришла смерть. Она прослѣдовала прямо въ маленький, низенькій, ярко освѣщенный пожаромъ домикъ Яспера Крея. Витенъ Пеннъ стояла у постели и ждала ее. Она отступила при ея приближеніи и дала ей дорогу. Смерть схватила могучей рукой за плечо спящаго. Онъ вздрогнулъ два раза и пересталъ дышать.

Витенъ, съ помощью Трины Крей, стала готовить все необходимое.

Сотни людей стояли и ходили вокругъ горящихъ построекъ и глядѣли на догоравшій огонь, но никто не подошелъ къ Іёрну и къ его сыну.

Въ немъ было что-то странное. Слишкомъ онъ былъ задумчивъ и молчаливъ. Инымъ приходило въ голову, что онъ самъ поджогъ свой домъ, чтобы выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Но послѣ полуночи явились двое рабочихъ и рассказали, что ровно въ семь часовъ были въ полѣ и видѣли, какъ молнія ударила въ Уль. Они были увѣрены, что тотчасъ же начнется пожаръ, и очень удивились, когда огонь не появился. Младшій работникъ тоже сообщилъ, что ужасный ударъ чуть не сшибъ его съ ногъ, когда онъ шелъ мимо сѣновала, и въ то же время онъ почувствовалъ легкій запахъ гари. Эти рассказы быстро распространились, и многіе мужчины и женщины стали подходить къ Іёрну, рассказывать о подобныхъ же случаяхъ, бывавшихъ раньше, и выражать ему сочувствіе.

Когда потянуло утренней свѣжестью, всѣ разошлись. Когда небо поскрѣбло, Іёрнъ Уль пошелъ черезъ дорогу къ Ясперу Крею. Высоко въ небѣ еще горѣло нѣсколько звѣздъ, какъ переутомленные блестящіе глаза на лицѣ, блѣдномъ отъ бессонницы. Когда Іёрнъ уже стоялъ въ дверяхъ, Витенъ загородила ему дорогу, но она была мала ростомъ, и онъ черезъ ея голову увидалъ свѣчи и всѣ печальныя приготовления. Мягко отстранилъ онъ ее отъ себя, подошелъ къ постели и долго смотрѣлъ на своего отца. Потомъ вернулся къ Витенъ, схватилъ ее за руку, крѣпко и долго жалъ ее и сказалъ нѣжно и тихо:

— Какъ хорошо, что моя старая мать еще со мною!

Послѣ похоронъ, когда Ули и вся ихъ родня разошлись съ кладбища, Іёрнъ, его маленькій сынъ и Тись съ могилы Лены Тарнъ зашли еще разъ на могилу Клауса Уля. Она вся была покрыта вѣнками.

Знаешь ли, Іёрнъ,—сказалъ Тись,—за что я особенно былъ сердитъ на твоего отца? Не за его транжирство, не за его пьянство, а за его смѣхъ, за то, что онъ со всѣми смѣялся, кромѣ моей бѣдной сестры. Не мало есть людей, которые съ чужими, и на улицѣ, и въ трактирѣ, ласковы и привѣтливы, а со своими домашними—настоящіе дьяволы. Хорошо, Іёрнъ, что существуетъ смерть,—она одна устанавливаетъ полную справедливость. Увѣряю тебя, Іёрнъ, ему предстоитъ тяжелая работа на томъ свѣтѣ... Погляди-ка! На могилѣ моей сестры нѣтъ ни одного вѣнка!—Онъ нагнулся, взялъ два вѣнка и положилъ ихъ на могилу своей сестры.

— Іёрнъ, она была самое веселое и самое скромное существо въ мірѣ. Отъ жизни она желала только самаго маленькаго мѣстечка на солнышкѣ, но онъ,—Тись указалъ на могилу Клауса Уля,—заслонялъ отъ нея солнце и оставлялъ ее въ тѣни.—Онъ положилъ еще одинъ вѣнокъ на могилу своей сестры.

— Іёрнъ, еслибы она могла встать, то сказала бы: „Уходи отсюда, мой милый мальчикъ, сегодня же уходи въ Геезз“! Брось ты, Іёрнъ, этотъ Уль! Уль сдѣлалъ тебя бѣднымъ и больнымъ. Уходи со мною на родину твоей матери. Она вернетъ тебѣ здоровье... Пойдемъ, Іёрнъ, я прошу тебя... именемъ твоей матери. Ты, малышъ! Помогай мнѣ! Хочешь идти ко мнѣ въ Геезз?

— Что-жъ, пойдемъ, папа!—сказалъ мальчикъ.—Папа, вотъ штука-то будетъ!

Іёрнъ слегка отвернулся и остановилъ долгій взглядъ на могилѣ Лены Тарнъ.

— Подумай только, Іёрнъ,—продолжалъ Тись:—вѣдь сундукъ при тебѣ, и въ немъ твое праздничное платье, телескопъ, карты и книги. Здѣсь все это принадлежитъ Улю, все это требуетъ заботъ, а въ Геезз все это будетъ принадлежать тебѣ одному. Вырви ты свою душу изъ Уля и хоть разъ употреби ее для самого себя!

Іёрнъ Уль ничего не отвѣчалъ. Онъ дышалъ тяжело и глядѣлъ то на могилу Лены Тарнъ, то на могилы родителей у своихъ ногъ. Эти три могилы говорили съ нимъ неслышно, но громко.

Постоявъ нѣсколько минутъ неподвижно, Тись сказалъ:

— Знаете что, положимъ три вѣнка на могилу Лены Тарнъ, каждый по вѣнку.

— Лена Тарнъ?—повторилъ мальчикъ:—кто это такое? Ты говоришь: Лена Тарнъ. Вѣдь это моя мама!

— Да, милый, и такая мама у тебя была!

На другой день Іёрнъ Уль собралъ рабочихъ и заплатилъ имъ причитавшееся имъ жалованье, потомъ пошелъ въ деревню и уплатилъ всѣ свои мелкіе долги.

— Вамъ не придется бѣгать за собственными деньгами, да такъ оно и вѣришь: никто васъ не обсчитаетъ,—сказалъ онъ удивленнымъ заимодавцамъ.

Тогда они поняли его, быстро спрятали деньги и проводили до дверей, а тамъ кликнули своихъ женъ и еще долго смотрѣли ему вслѣдъ; а онъ шелъ, выпрямившись и высоко поднимая голову, вдоль липъ. Онъ прошелъ на пожарище и постоялъ нѣсколько времени возлѣ обуглившихся, разрушенныхъ стѣнъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась кухонная дверь, и которое ему было такъ знакомо. Съ этого мѣста отрывался обширный видъ на ульскія поля.

Къ нему подошелъ Тисъ, перепрыгивая черезъ кучи мусора. На немъ былъ дорожный костюмъ и въ рукахъ онъ держалъ длинный бичъ.

— Маленькій Юргенъ,—закричалъ онъ еще издали,—уже усѣлся на сундукъ въ повозкѣ и болтаетъ ногами въ сѣнѣ, а Витенъ надѣваетъ свой коричневый влѣтчатый платокъ... Ну что, какъ дѣла, Іёрнъ? Ты молодецъ! Выраженіе твоего лица мнѣ очень нравится, дружище.

— Тисъ,—сказалъ Іёрнъ и повернулся къ нему.—Я покончилъ съ Улемъ! Богъ съ нимъ и со всѣми его заботами! Я вѣдь тоже человѣкъ... въ теченіе пятнадцати лѣтъ у меня не было ни одного праздника. Мнѣ кажется теперь, что я былъ несчастнымъ, жалкимъ дуракомъ. А теперь... теперь я, правда, хочу попробовать, что ты мнѣ вчера говорилъ: хочу вернуть себѣ мою душу, запрятанную и задыхавшуюся здѣсь, въ Улѣ. Ко мнѣ, душа моя! Возстань, душа моя! Ты принадлежишь мнѣ!.. Идемъ скорѣе, Тисъ!

— Папа,—сказалъ мальчикъ, когда они подошли къ повозкѣ:—ты чего тамъ кричалъ: бранился что-ли, или смѣялся?

— И то, и другое,—отвѣчалъ Іёрнъ, и помогъ Витенъ влѣзть въ повозку.—Ты хочешь что-то сказать, Витенъ?

— Мнѣ вспомнилась, Іернъ, исторія о человѣкѣ, просидѣвшемъ сто лѣтъ у подземныхъ людей и возвратившемся назадъ на землю уже старикомъ. Въ старыхъ исторіяхъ много правды, Іернъ.

— Да, Витенъ!—подтвердилъ Іернъ и, вздрогнувъ, повелъ плечами, точно ему стало страшно.

XX.

Когда по молодому лѣсу, покрытому снѣгомъ и закованному крѣпкимъ морозомъ, начинается пробѣгать нѣжный, мягкій вѣтерокъ, въ соснахъ съ корней до вершины поднимается легкій трескъ. Лѣсъ не хочетъ покориться и долженъ сломиться. Но мягкія дуновенія льнутъ и ласкаются къ ледянымъ кристалламъ, и, какъ всегда на землѣ, болѣе нѣжное одерживаетъ побѣду. Любовь побѣждаетъ. Ледяные кристаллы роняютъ свои блестящія копыя. Проходя лѣсомъ, слышишь, какъ они скользятъ и падаютъ, и какъ въ полуснѣ кругомъ раздается тихій однообразный шопоть. Хорошо видѣть и слышать, какъ оттаиваетъ лѣсъ. Еще лучше и радостнѣй присутствовать при томъ, какъ оттаиваетъ сердце человѣка.

На другой день послѣ полудня Тисъ Тиссенъ стоялъ возлѣ кровати Іерна и говорилъ:

— Тебѣ на пользу здѣшній воздухъ, Іернъ. Ты проспалъ ровно восемнадцать часовъ.

— А гдѣ мальчикъ?—спросилъ Іернъ.

Тотъ подбѣжалъ къ нему.

— Папа,—сказалъ онъ,—ты спалъ какъ сурокъ. Я уже десять разъ подходилъ къ твоей кровати, семь разъ одинъ и три раза съ Тисомъ.

— А я ужъ успѣлъ побывать въ Санетъ-Маріендонѣ,—заявилъ Тисъ. — Кузнецу не было еще заплачено за заступъ, такъ я отдалъ ему талеръ.

Іернъ привсталъ на постели.

— Я не могу тебѣ его возвратить.

— Какъ, ты опять за прежнія заботы?

Іернъ откинулся на подушку и засмѣялся.

— Ну, ужъ нѣтъ, я воздержусь. Я за всѣхъ спокоенъ! И за отца, и за Уль, и за этого мальчугана, и за Витенъ. Никакихъ долговъ, и все такъ просто, совсѣмъ просто, какъ кусокъ чернаго хлѣба. Пока ты насъ оставляешь у себя.

— Да, это ясно, вы остаетесь у меня, а тамъ видно будетъ.

— Спасибо, Тисъ. Я пораздумаю, и тогда увижу, что мнѣ надо предпринять.

На другое утро онъ пошелъ къ начальнику цехового управленія, обсудилъ съ нимъ свое положеніе и сказалъ, что отказывается отъ хозяйства въ Улѣ. Если Вейскопфъ не захочетъ взять землю за долги, то пусть объявляютъ его банкротомъ. Онъ не возьметъ ни одного пфеннига, но не хочетъ также уносить ни единого долга въ свою новую жизнь. Десять лѣтъ ходилъ онъ съ такимъ чувствомъ, точно у него была нечиста совѣсть и точно на груди у него висѣла доска съ крупной надписью: „У этого человѣка много долговъ“. На немъ лежало какое-то проклятіе, а теперь у него легко и весело на сердцѣ.

Начальникъ цехового управленія смотрѣлъ на Іерна Уля съ улыбкой. Прежде отъ этого парня трудно было слова добиться, а теперь, лишившись всего, онъ говорилъ легко и съ достоинствомъ, и выразилъ надежду, что возможно будетъ устроить продажу съ публичнаго торга: земля въ хорошемъ состояніи и основательно обработана.

На обратномъ пути ему пришлось идти мимо школы, и онъ сталъ отыскивать глазами окно, возлѣ котораго училъ когда-то англійскіе уроки.

„Скоро пріѣдетъ Лизбета Юнкеръ“, — подумалъ онъ. — „Вотъ удивится-то, что мы больше не въ Улѣ!.. А какъ хорошо съ ея стороны, что она каждое лѣто, пріѣзжая въ школу, заходитъ къ намъ. Милая она дѣвушка! И такая красивая!“

Онъ подошелъ ближе и заглянулъ черезъ дощаной заборъ. Весь садъ былъ полонъ веселаго свѣта и пестрыхъ, яркихъ красокъ. Виноградныя лозы на стѣнѣ сверкали и блестѣли на яркомъ октябрьскомъ солнцѣ. Легкій вѣтерокъ колебалъ листья, путая между собою красные, зеленые и желтые тоны. Среди всей этой мелькающей пестроты онъ увидѣлъ въ бесѣдѣ опредѣленное пятно. Оно безпокойно двигалось то туда, то сюда. Молодой дѣвущкѣ, сидѣвшей въ бесѣдѣ и чистившей бобы, попало что-то на затылокъ. Она не знала, что это: листикъ или гусеница, вскочила и встрахивала головой, а солнечный свѣтъ весело прыгалъ по ея свѣтлымъ волосамъ и вокругъ глазъ.

— Подожди! — сказалъ Іернъ Уль: — я тебѣ помогу.

И не успѣла она оглянуться, какъ онъ уже стоялъ, нагнувшись къ ней, и говорилъ:

— Ничего тутъ нѣтъ, кромѣ свѣтлыхъ вьющихся волосъ.

Она взглянула на него изумленными, сіяющими глазами.

— О, Юргенъ!—произнесла она:—какъ ты меня испугалъ! И какъ я рада, что у тебя такой хорошій видъ!.. Бѣдный ты мальчикъ! Ты вѣдь отца потерялъ и весь Уль сгорѣлъ.

Онъ кивнулъ головой.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Это все осталось позади! Далеко позади! Я радъ, что увидалъ тебя. Давно ты здѣсь?

— Со вчерашняго вечера. Я собиралась дочистить бобы и идти въ Уль, справиться о васъ. Ну какъ ты живешь, Іёрнъ?

Тогда онъ разсказалъ ей о братѣ и отцѣ, о томъ, какъ появились мыши въ пшеницѣ, и о пожарѣ, и о своемъ разговорѣ въ цеховомъ управленіи.

— Чтò мнѣ теперь начать, я еще не знаю, — заключилъ онъ.

— Ахъ, Юргенъ,—сказала она:—тебѣ всегда легко найти дѣло. Ты такой умный! Нечего тебѣ и заботиться.

Ея слова удивили его и обрадовали. Значить, она не только жалѣетъ его, но и уважаетъ.

— Меня не страшитъ будущее,—сказалъ онъ:—что-нибудь да найдется для меня. Теперь я проживу нѣсколько недѣль, можетъ быть даже всю зиму, безъ всякихъ заботъ, а потомъ ужъ рѣшу, чтò дѣлать.

— Отлично,—сказала она,—и знаешь чтò, Юргенъ: прїѣзжай въ Гамбургъ съ мальчикомъ; я вамъ покажу весь городъ.

Іёрнъ почувствовалъ приливъ смѣлости.

— Я хотѣлъ бы тебѣ сказать одну вещь...

— Такъ говори, Юргенъ! — она смотрѣла на него съ радостнымъ ожиданіемъ.

— Ты знаешь, мы люди простые... еслибы ты къ намъ пришла въ Геезэ. Намъ съ мальчикомъ дѣлать нечего, мы бы и гуляли втроемъ цѣлый день и дѣлали бы, чтò хотѣли... И потомъ, если ты захочешь... мы бы съ тобой куда-нибудь поѣхали вмѣстѣ. Мнѣ бы хотѣлось тутъ навѣстить неподалеку одного товарища по военной службѣ... если тебѣ это интересно...

У нея заблестѣли глаза.

— Юргенъ,—сказала она,—да я ужасно рада! И если только тебѣ это прїятно, такъ я поѣду съ восторгомъ.

Его удивила ея радость, и самъ онъ еще больше обрадовался.

— Вотъ не думалъ, что ты будешь такъ рада! Только пожалуй для тебя у насъ слишкомъ просто! И ѣда неважная, да и насчетъ постели я не очень увѣренъ.

— Ахъ, — сказала она, — мнѣ это рѣшительно все равно. Господи, какъ я рада! А знаешь, ты иногда былъ такой недоб-

рый со мной, когда я прїѣзжала къ вамъ въ Уль. Такой неразговорчивый, равнодушный. Какъ будто тебѣ не было никакого дѣла до того, что со мною и о чемъ я думаю, и что у меня тоже бывали свои заботы. Я даже плакала!

— Ты?— произнесъ онъ.— Ты плакала? Изъ-за меня?.. Лизбета! Я думалъ, что ты приходила изъ вѣжливости, чтобы показать, что тебѣ меня жалко... А съ какой радостью я поговорилъ бы тогда съ тобою обо всемъ! Еслибъ я только зналъ! Но я сидѣлъ среди горя и заботъ, и передъ глазами у меня была паутина. Мнѣ всегда казалось, что ты живешь въ блескѣ и счастья.

— Ахъ, Юргенъ! Я—въ счастья!..

— Если ты такъ хороша ко мнѣ, Лизбета, и хочешь чего-нибудь отъ меня, и я могу въ чемъ-нибудь тебѣ помочь... такъ право... Лизбета... гдѣ бы я ни былъ... я найду тебя, и всегда, во всякой нуждѣ ты можешь обратиться ко мнѣ и положиться на меня.

Она всплеснула руками.

— Нѣтъ, до чего я рада, что ты такой ласковый и такъ говоришь со мною!

Онъ засмѣялся счастливымъ, гордымъ смѣхомъ.

— Вотъ весело-то будетъ завтра! Тисъ прїѣдетъ сюда по дѣлу и возьметъ тебя съ собою, а мы съ мальчуганомъ будемъ поджидать тебя на опушкѣ лѣса. Я хочу показать сыну большіе камни, знаешь... которые вѣдьма набросала? Еще, помнишь,—руку у нея съ доброе корыто!

Они смѣялись, и она не могла налюбоваться и надивиться на его веселый и бодрый видъ.

— А все оттого, что у меня нѣтъ больше заботъ, — сказалъ онъ.

— Кланяйся маленькому Юргену.

Онъ пожалъ ей руку, и они разстались.

На другой день Іёрнъ съ сыномъ встрѣтили Тиса и Лизбету на опушкѣ лѣса. Іёрнъ помогъ Лизбетѣ слѣзть съ повозки, но она тотчасъ же побѣжала съ мальчикомъ въ Геесэ и вообще вела себя такъ же, какъ и въ Улѣ, то-есть какъ будто прїѣхала „только чтобы повидать мальчика“. Такъ прошелъ весь день. Іёрнъ ушелъ съ Тисомъ на торфяникъ, чтобы посмотреть торфъ. Вернувшись, онъ увидалъ, что Лизбета все еще играетъ съ мальчикомъ. Они перепрыгивали черезъ канаву, очевидно находя огромное удо-

вольствіе въ этомъ занятіи. Когда Іернъ подошелъ, Лизбета сказала мальчику:

— Ну, теперь мнѣ больше некогда, я должна помочь Витенъ,—и убѣжала въ домъ.

Черезъ часъ она попалась ему въ сѣняхъ. Она повязала голову платкомъ и объявила, что будетъ обметать съ Витенъ кухонныя стѣны, но съ него было достаточно.

Онъ шутя схватилъ ее, перевернулъ два раза, осторожно развязалъ платокъ и передникъ, бросилъ то и другое въ уголъ и сказалъ:

— Мы пойдемъ вдвоемъ въ лѣсъ.

— Мальчикъ долженъ идти съ нами.

— Мальчикъ останется дома.

Она сдѣлала гримаску и объявила, что онъ становится требователемъ, и она вовсе не обязана исполнять его желанія.

— Ты шляпу надѣнешь?

— Нѣтъ, только хочу надѣть что-нибудь потеплѣе.

Она принесла свою верхнюю черную кофточку и протянула ему ее. Онъ поставилъ палецъ къ стѣнѣ и спросилъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Не притворяйся, пожалуйста,—вѣдь ты же знаешь, какъ подають кофточку.

— Никогда въ жизни не приходилось мнѣ помогать одѣваться ни мужчинамъ, ни женщинамъ... Какая нѣжная матерія... Шолкомъ, кажется, подбита? Никогда не видывалъ ничего подобнаго! Ну, теперь надѣвай!

Она надѣла, но не вполнѣ, и вытянула руки, стараясь засунуть въ кофточку широкіе рукава своего домашняго платья. Рукава не влѣзали.

— Дай, я тебѣ помогу,—сказалъ онъ, но она быстро перевернулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ налѣзло.

— Вотъ видишь, — сказалъ онъ: — ты все такая же, какъ была въ дѣтствѣ. Вѣчно: ахъ, не трогай меня! Горда ужъ очень!

— Юргентъ! — сказала она своимъ тонкимъ, высокимъ голосомъ, глядя съ выраженіемъ упрека въ глазахъ: — я только тиха и сдержанна, больше ничего. Еслибъ ты могъ заглянуть въ меня, то подумалъ бы совсѣмъ другое.

— Ну, ты не сердись, — сказалъ онъ, — а только у меня всегда было такое чувство, что ты слишкомъ тонка и нѣжна для меня. Оттого-то я за послѣдніе годы и былъ такъ сдержанъ.

Они дошли до опушки лѣса, и онъ указалъ ей то мѣсто насыпи, гдѣ она была покрыта красивымъ густымъ мхомъ.

— Не хочешь ли присѣсть?

Къ его удивленію, она тотчасъ же сѣла.

— Когда-то мы здѣсь лежали всѣ четверо, — сказала она.

— Да, гдѣ-то двое остальныхъ? — произнесъ Іёрнъ со вздохомъ.

Она гладила мохъ рукою и въ нерѣшительности глядѣла въ землю. Наконецъ она сказала:

— Мнѣ не даетъ покоя мысль, что ты невѣрно обо мнѣ думаешь. Я не гордая и не недотрога. Помнишь наше свиданье въ яблоневомъ саду? Какъ это было смѣшно! Ты былъ такъ простъ и милъ, а я вела себя глупо. Ты отлично также понимаешь, Юргенъ, почему я потомъ не захотѣла идти съ тобой на балу. Я думаю, ты скоро понялъ меня и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ тогда. А почему мы тогда разошлись съ Эльзе? Видишь ли, Юргенъ, она умная и сердце у нея золотое, я всегда это знала, но она такъ просто и трезво смотрѣла на жизнь, а я всегда была глупой фантазеркой. Она не обращала вниманія на мелочи, а только на то, что главное и что настоящее. Этимъ она твоя истинная сестра, Юргенъ... Но ты не знаешь, до чего ей бывало тяжело. Разъ, когда ты служилъ солдатомъ, она вскочила ночью, прибѣжала ко мнѣ въ темнотѣ черезъ всю деревню и просидѣла у меня до разсвѣта. Какъ она плакала и все жаловалась, что ее мучитъ безпокойное чувство. А когда зимою начались балы, она вела себя такъ дико и необузданно, что привлекла общее вниманіе.

Лизбета тяжело перевела духъ и не рѣшалась взглянуть на Іёрна.

— Видишь ли, Юргенъ, и со мною то же бываетъ. Я не слѣпа и не глуха, не безчувственна и не равнодушна. Но я все это скрыла въ глубинѣ души на самое дно; это для меня — самое скрытое и таинственное, это и религія.

— Развѣ это не двѣ совсѣмъ разныя вещи?

— Нѣтъ, Юргенъ, я этого не думаю. По моему, они — какъ братъ и сестра. Я надѣюсь, ты не думаешь, что религія отъ Бога, а природа — отъ діавола? Обѣ онѣ отъ Бога, должны быть вмѣстѣ и служить одна другой.

Она опять слегка провела рукою по мху.

— А о какой моей гордости ты говоришь? Что живу я въ красивомъ домѣ, стѣны его чисто выкрашены, а на блестящихъ окнахъ висятъ занавѣски? Но если воображаютъ, что въ этомъ домѣ живетъ благочестивая старая дѣва... знаешь, это оветъ

благочестіе... въ такомъ случаѣ жестоко ошибаются. Въ моей чистенькой комнатѣ, за занавѣсками, я часто пою и смѣюсь громко, и танцую, а иногда бросаюсь во всю длину на коверъ и плачу, плачу и сама не знаю, зачѣмъ я все это дѣлаю.

Онъ смотрѣлъ на нее ясными, блестящими глазами. Деревья слегка наклонились къ ней, чтобы все слышать, а вечернее солнце катало золотые блики по мху. Онъ находился въ настоящей связи, и самъ этого не зная.

— Удивительно, какъ это съ нами случается! — сказалъ онъ: — вчера я къ тебѣ пришелъ, а сегодня ты приходишь ко мнѣ.

Она въ первый разъ подняла на него глаза.

— Хочешь, Юргенъ, будемъ опять друзьями, друзьями до самой смерти?

Онъ воткнулъ свою палку сильнымъ движеніемъ въ землю и сказалъ:

— Самое большее, что мнѣ можетъ быть даровано, Лизбета, — это человекъ, съ которымъ я обо всемъ могу говорить. Я былъ лишенъ этого, съ тѣхъ поръ какъ Фите Крей скрылся вонъ за тѣмъ лѣсомъ, и Лена Тарнъ слегла, чтобы больше не вставать. Я былъ одинокъ, одинокъ, и въ одиночествѣ сдѣлался страннымъ и жесткимъ.

— Но теперь ты оттаешь, Юргенъ. Теперь ты начнешь снова жить, какъ будто этихъ тяжелыхъ лѣтъ не было, и прямо съ того времени, когда ты былъ юношей. Вѣдь ты еще достаточно молодъ для этого.

— Ну, а теперь пойдемъ домой! — сказалъ Іернъ. — Завтра мы опять поговоримъ обо всемъ этомъ. Если ты мой товарищъ, то должна помочь мнѣ придумать какое-нибудь дѣло для будущего.

— Знаешь что? — сказала Лизбета. — Можетъ случиться, что въ скоромъ времени тебѣ станетъ трудно заботиться о твоёмъ мальчикѣ. Здѣсь тоже его неудобно оставить: слишкомъ далеко до школы. Что, еслибъ ты его отдалъ мнѣ, Юргенъ? У насъ есть такія хорошія школы, и я... я вѣдь присутствовала при смерти его матери.

На другой день, рано утромъ, вернувшись съ Тисомъ съ торфяника, Іернъ не нашелъ Лизбеты и мальчика ни въ комнатѣ, ни въ кухнѣ.

— Они оба велѣли тебѣ кланяться, Іернъ, — сказала Витенъ: — до обѣда вы ихъ не увидите.

— Не можетъ быть... Витень! Мальчуганъ... да онъ просто въ разговорѣ съ нею.

— Ничего удивительнаго, Іёрнъ! Она въ такомъ возрастѣ, что могла бы быть его матерью, и очень любить его.

Лизбета и маленькій Юргенъ вернулись съ прогулки очень довольные другъ другомъ. Остальную часть дня они провели строемъ, устроивая игры и гуляя въ лѣсу.

— Ну, а завтра что мы будемъ дѣлать?—спросила вечеромъ Лизбета.

— Завтра мы будемъ вмѣстѣ, вотъ и все.

— А я не могу съ вами остаться, — заявилъ мальчикъ:— завтра я ѣду съ Тисомъ въ Мельдорфъ, въ повозкѣ съ торфомъ.

— Значить, на завтра мы отъ тебя отрекаемся, — сказалъ Іёрнъ. — А какъ ты думаешь, Лизбета, не съѣздить ли намъ къ товарищу, о которомъ я тебѣ говорилъ? Мы отлично прокатимся, и я увѣренъ, что мой товарищъ тебѣ понравится.

XXI.

Она чувствовала себя такой счастливой, сидя съ нимъ рядомъ въ повозкѣ, запряженной парой гнѣдыхъ. За послѣдніе годы у Іёрна Уля образовалась привычка сидѣть во время ѣзды сгорбившись и не спуская глазъ съ лошадей и дороги. Но теперь, противъ обыкновенія, онъ сидѣлъ выпрямившись и наслаждался свѣжестью ранняго осенняго утра, еще кое-гдѣ затянутого ночнымъ туманомъ. Иногда онъ быстро поворачивался къ ней и спрашивалъ:— „Хорошо тебѣ?“ — А она, вся сіяющая, утвердительно кивала головой.

Съ видомъ чловѣка, любящаго свою родину и для котораго, какъ для собственника, все въ ней полно смысла и значенія, онъ называлъ ей каждую попадавшуюся на ихъ пути деревню, обращалъ ея вниманіе на каждое болото.

— Видишь, это какъ разъ тамъ, Лизбета, въ томъ направленіи, куда я указываю кнутомъ, — говорилъ онъ.

Она слушала молча, а сама думала:

„Ахъ, что мнѣ за дѣло до всего этого! Какой онъ милый! А что если какъ разъ сегодня онъ наконецъ объяснится со мною? Дорогой мой!“

И въ то время, какъ онъ, отвернувшись отъ нея, указывалъ кнутомъ въ туманную даль по направленію къ Шенефельду, Лизбета тайкомъ прижалась лицомъ къ складкамъ его плаща.

Это былъ плащъ, подаренный ему во время похода лейтенантомъ Хаксомъ. Лена Тарнъ заботливо затянула чернымъ сукномъ золотыя пуговицы.

Они остановились покормить лошадей въ тавернѣ „Красный Пѣтухъ“.

Солнце выглянуло изъ-за облаковъ. Стало свѣтло и настолько тепло, что они усѣлись на большой бѣлой скамьѣ у дома. Хозяйка поставила передъ ними два стакана молока и ушла, но потомъ вернулась опять и заговорила о погодѣ и урожаѣ. Іернъ отвѣчалъ, разспрашивалъ ее и чувствовалъ себя необыкновенно уютно. Онъ съ удовольствіемъ расположился бы и еще поудобнѣе, вытянулъ бы еще больше ноги, но Лизбета сидѣла съ нимъ рядомъ такая чопорная и такая чистенькая, точно шольковый платокъ, только-что вынутый изъ сундука.

Поговоривъ съ Іерномъ, хозяйка ушла въ домъ, а онъ, оставшись вдвоемъ съ Лизбетой, опять спросилъ ее, хорошо ли ей было ѣхать, и она снова стала его увѣрять, что это—самый чудный день въ ея жизни.

— Неужели ты этого не видишь по мнѣ?—спросила она, и такъ на него посмотрѣла, что его сердце замерло отъ сладостнаго и жуткаго чувства.

— Я не смѣю заглянуть въ твои глаза,—такіе они глубокіе,—сказалъ онъ.—У меня голова кружится.—И, ударивъ своей большой ладонью по столу, прибавилъ:—Ну, скажи-ка что-нибудь еще, птичка!

Она разсмѣялась, откинувъ голову назадъ. Потомъ хлопнула его перчаткой по рукѣ и, приложивъ свою руку къ его рукѣ, проговорила:

— Какія руки!

— Бьюсь объ закладъ, что вы недавно поженились,—сказала, высунувшись изъ окна, веселая хозяйка.

— Цѣлыхъ семь лѣтъ собирался я къ ней посвататься, да у меня все не хватало духа. И вотъ, только третьяго-дня удалось, наконецъ, повѣнчаться,—отвѣтилъ Іернъ.

Лизбета покачала головой, закрыла лицо руками и со смѣхомъ проговорила:

— Нѣтъ, чтѣ ты такое говоришь, Іернъ!

— Да это сразу видно, что она только-что вышла замужъ,—сказала хозяйка.—Я подмѣтила у нея одинъ такой взглядъ: ужъ такъ не посмотришь на мужа, съ которымъ долго живешь!

— Такъ вотъ какъ ты посмотрѣла на меня!—проговорилъ

Іёрнъ. И, отнявъ отъ лица ея руки, прибавилъ:—А посмотри-ка такъ еще разоѣ!

Но она хлопнула его по рукѣ, вырвалась и стала смотрѣть черезъ дорогу, слѣдя за улетающей птичкой.

Какъ разъ въ эту минуту прибѣжалъ изъ школы бѣлокурый десятилѣтній сынъ хозяйки.

Пойскавъ глазами, гдѣ бы ему пристроиться поудобнѣе съ книжкой, онъ усѣлся около яслей, передъ самыми лошадиными мордами.

— Садись со мной рядомъ!—крикнула ему Лизбета и подвинулась. — Чтѣ это у тебя за книга? — спросила она, когда мальчикъ усѣлся за столомъ.

— Изъ библіотеки, — отвѣтилъ онъ. — Это — сказки. Я ихъ читаю подъ радъ и, видишь, ужъ какъ далеко.

Она заглянула въ книгу, пододвинутую ей мальчикомъ, и прочла заглавіе.

— Почитай-ка мнѣ вслухъ!—сказала она.

— Эту прочесть?—спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ... А вотъ ту... знаешь, „Объ умномъ Гансѣ“. Вотъ этотъ человекъ, со мной рядомъ, тоже любитъ сказки, если онъ интересныя и правдивыя.

Мальчикъ прочелъ сказку, въ которой говорилось о негодливомъ Гансѣ, чуть не прозѣвавшемъ, по глупости, свою невѣсту.

— Вотъ дурачина-то!—сказалъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Замѣчательный! — подтвердила Лизбета. — А не сказано тамъ, откуда онъ былъ родомъ? Ужъ не изъ Венторфа ли?

Іёрнъ Уль всталъ.

— Поѣдемъ-ка дальше!—сказалъ онъ.

Солнце стояло уже высоко. Теперь они поднимались на возвышенность, и скоро глазамъ ихъ открылась маленькая, тихая деревенька, пріютившаяся подъ липами и старыми, высокими яблонями. Они подѣхали къ первому большому двору, въ надеждѣ узнать отъ кого-нибудь, гдѣ именно живетъ товарищъ Іёрна, какъ вдругъ увидѣли его самого въ дверяхъ дома.

— Вотъ гдѣ я живу!—воскликнулъ онъ.—Но кто же это съ тобой рядомъ, Іёрнъ? Развѣ это не... Ну, да, это Лизбета Юнкеръ. Давненько я не видался съ ней.

— Вотъ какъ!—произнесъ Іёрнъ.—Значитъ, вы знакомы?

— Да, мы встрѣчались, но это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ.

Лизбета Юнкеръ кивнула головой съ нѣкоторымъ высоко-

мѣріемъ. Іёрнъ подумалъ, что воспоминаніе объ этомъ знакомствѣ было не совсѣмъ пріятно, и рѣшилъ не спрашивать дальше.

— Мы—друзья дѣтства съ Лизбетой,—сказалъ онъ.—Вотъ она и пріѣхала въ гости къ Тису Тиссену... Вѣдь ты знаешь, что я отказался отъ Уля?

— Все это я уже знаю. Какъ хорошо, Іёрнъ, что у тебя есть такой близкій человѣкъ, какъ Тисъ Тиссенъ. Радъ я, дружище, также, что вижу тебя веселымъ. Этимъ онъ вамъ обязанъ, фрейлейнъ Юнкеръ?

Лизбета взглянула съ высоты повозки на товарища Іёрна и сказала:

— Прежде ты говорилъ мнѣ „ты“. Не стѣсняйся, говори мнѣ „ты“ и сегодня, но прежде всего помоги мнѣ сойти.

Онъ разсмѣлся довольнымъ смѣхомъ человѣка, сразу вышедшаго изъ затруднительнаго положенія, и вдругъ почувствовавшаго подъ ногами твердую почву.

— Ты все та же,—проговорилъ онъ.—Ну, слѣзай же!

И, откинувъ фартукъ, онъ посадилъ ее изъ повозки.

— Однако, ты точно бочка съ добрымъ овсомъ,—замѣтилъ онъ:—фунтиковъ, этакъ, на сто-тридцать!

Іёрнъ, стоя съ другой стороны повозки, нервно распутывалъ постромки.

— Намъ захотѣлось посмотрѣть, насколько мы сможемъ выносить другъ друга,—громко сказалъ онъ:—вотъ почему мы и рѣшили проѣхаться вмѣстѣ.

— Вотъ какъ!—произнесъ товарищъ и уже нетерпѣливо прибавилъ:—Да скажите же толкомъ, наконецъ: женихъ вы съ невѣстой или нѣтъ?

— Неужели нужно быть непременно женихомъ и невѣстой, чтобы съ удовольствіемъ проѣхаться вмѣстѣ?—произнесъ Іёрнъ, и глаза его загорѣлись.—Женихъ и невѣста! Она въ „Красномъ Пѣтухѣ“ мнѣ такого наговорила! Буду очень радъ, когда мы съ ней, наконецъ, очутимся дома.

Все это онъ проговорилъ, сердито поглядывая на Лизбету. Когда же она хотѣла пройти, за его спиной, около самыхъ лошадиныхъ мордъ, чтобы войти въ домъ, онъ порывисто обернулся къ ней и пропустилъ ее передъ собою. Она быстро оглянулась на него заблестѣвшими глазами и поспѣшно пошла къ дому.

Тогда онъ рѣшилъ, что все идетъ отлично, и, посвистывая, продолжалъ распрягать лошадей.

— Очень я радъ, что ты въ хорошемъ настроеніи,—сказалъ товарищъ.—Противъ обыкновенія, ты даже не очень скупилъ на слова. А знаешь, что о тебѣ рассказываютъ? При Гравелоттѣ, когда мы стояли подъ огнемъ, ты, говорятъ, не сказалъ ничего, кромѣ фразы: „Экая жалость! Хорошая была лошадь“!

Іёрнъ весь оживился и повернулся къ товарищу.

— Мнѣ и посейчасъ ее жаль. Такая была добрая рабочая лошадь, и кобыла къ тому же.

И онъ сталъ вспоминать прошлое. Онъ говорилъ, возбужденный свиданіемъ съ старымъ товарищемъ, стараясь вызвать въ душѣ своей прежнюю дружбу, но это ему не удавалось. Тѣло и душа его загроубѣли отъ тяжелой работы и безрадостной жизни, а потому и слова его выходили какими-то неловкими и тяжеловѣсными, точно первые прыжки мартовскихъ ягнятъ на лугу.

Сильно жестикулируя, онъ совершенно откровенно сообщилъ товарищу, что у него теперь нѣтъ ни кола, ни двора, но нѣтъ за то и никакой заботы, и здѣсь же прибавилъ, что ему кажется, что Лизбета Юнкеръ его любитъ, но онъ никогда и не мечталъ объ этомъ, и теперь положительно не знаетъ, какъ приняться за такое дѣло.

Пришелъ работникъ, чтобы увести лошадей, и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на высокаго, немного сгорбленнаго человѣка, который, не стѣсняясь его присутствіемъ, говорилъ о такихъ важныхъ вещахъ.

— Однако, пойдемъ-ка отсюда,—сказалъ товарищъ, положивъ руку на плечо Іёрну, и, улыбаясь, пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Хозяйка, плотная женщина, съ добрымъ лицомъ и легкой просѣдью въ темныхъ волосахъ, была привѣтлива и ласкова съ неожиданными гостями.

Съ соболѣзнованіемъ вспомнила она о долгой болѣзни стараго Уля и порадовалась за Іёрна, что онъ имѣетъ такого родственника, какъ Тисъ Тиссенъ.

— Да и на одиночество ты пожаловаться не можешь. Захотѣлось тебѣ проѣхаться—и сейчасъ же нашлась у тебя прехорошенькая спутница,—прибавила она, и при этомъ такъ взглянула на сына, точно хотѣла сказать ему: „Объясни мнѣ, что должна я думать о нихъ“?

Іёрнъ, поѣхавъ съ Лизбетой, не принялъ въ соображеніе, что люди въ ихъ мѣстахъ требуютъ опредѣленности въ отношеніяхъ и ничего другого не признаютъ.

Сынъ понялъ молчаливый вопросъ матери.

— Вотъ и самъ я, матушка, какъ-то понять не могу, сговорены они или нѣтъ. Если нѣтъ, то въ комъ изъ нихъ задержка—тоже не разберу; но, во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, все это образуется. Сюда же они явились, по всей вѣроятности, къ тебѣ за совѣтомъ и помощью. Вѣдь всякій знаетъ, что ты изъ кожи лѣзешь, чтобы женить сына.

Она погрозила ему и велѣла не болтать лишняго. Сынъ разсмѣялся.

— Знаешь что? Возьми-ка ты къ себѣ въ кухню эту Лизбету Юнверъ и обсуди съ ней хорошенько все, а я покажу Іерну нашихъ лошадей.

И, взявъ Іерна Уля за руку, онъ вышелъ съ нимъ изъ комнаты. Когда же они были во дворѣ, онъ спросилъ:

— Какъ это, Іернъ, рѣшился ты ѣхать съ дѣвушкой? Объясни мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ ты съ ней?—И, подмигнувъ, онъ большимъ пальцемъ указалъ черезъ плечо на кухню.

— Да, вотъ ты о чемъ! — произнесъ, весь оживившись, Іернъ. — Ты хочешь знать, въ какихъ я съ ней отношеніяхъ? Ну, право же, я и самъ хорошенько не знаю. Меня тянуло къ ней съ самаго дѣтства, но до сихъ поръ я какъ-то все не смѣю близко подойти къ ней. Я не увѣренъ, согласится ли она выйти за меня замужъ... Кромѣ того, боюсь, что мнѣ будетъ не очень-то ловко съ ней. У меня такое чувство, что я всегда долженъ ходить передъ ней въ праздничномъ платьѣ. — Онъ глубоко и громко вздохнулъ. — А какая она, дружище ты мой, красивая! Красивая, но немножко холодная, думается мнѣ.

Услышавъ эти слова, товарищъ громко разсмѣялся.

— Холодная? Она-то холодная? Ну, нѣтъ! у нея въ жилахъ такая же красная кровь, какъ и у другихъ. Она только скрытая и сдержанная, а потому съ виду и кажется такой спокойной и даже гордой. Но, погоди, если она прорвется, ты увидишь, что это будетъ! Вотъ какого я о ней мнѣнія.

— Но какъ можешь ты говорить съ такой увѣренностью?

— А почему же и нѣтъ?—отвѣтилъ товарищъ и вздернулъ плечами.

— Да,—продолжалъ Іернъ, и на лицѣ его появилось снова восторженное выраженіе. — Удивительно, до чего она мила со мной! Это просто восторгъ!

Но сейчасъ же вслѣдъ за этими словами его охватило сомнѣніе.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть,—нерѣшительно произнесъ

онъ. — Я всегда относился къ ней какъ къ чему-то высокому и недоступному. Ты только взгляни на ея волосы! Ну, развѣ у обыкновенной дѣвушки бываютъ такіе? И, наконецъ, вся она, какъ есть вся, ея платье, руки ея... Знаешь, съ самаго дѣтства у меня было такое чувство, точно я брожу около прекраснаго, высокаго замка. Хочется мнѣ заглянуть внутрь, а не смѣю. И вотъ третьяго-дня, дружнице, взяла это она меня за руку и водить изъ одной залы въ другую. Ты представить себѣ не можешь, до какой степени все это прекрасно, высоко и чисто. У меня сердце замираетъ отъ радости. Я дышать не могу. И что же, собственно-то говоря, представляю я самъ среди этого великолѣпія? У меня нѣтъ ничего, я ничего ровню не умѣю, полюбѣе я ничтожество—вотъ что! Ты только взгляни хорошенько на мои руки. Ну, не правда ли, какія онѣ огромныя и дурачкія? Нѣтъ, принцесса—не пара мужику!

— Ты просто глупъ! Скажи слово—и она будетъ твоей.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Повѣрно, увѣренъ. Вѣдь кое-что и я смыслю въ этихъ вещахъ,—отвѣтилъ товарищъ съ важностью.

— Да, но видишь ли, ужъ очень она на другихъ-то не похожа. Она вѣдь совсѣмъ особенная.

— А я говорю тебѣ, что всѣ онѣ въ одномъ родѣ.

Разговоръ перешелъ на лошадей.

Товарищъ показалъ Іёрну своихъ четырехлѣтокъ и очень взволновался, когда Іёрнъ не выразилъ имъ полнаго одобренія.

— Веди ихъ назадъ!—крикнулъ онъ работнику.—Смотрѣть больше на нихъ не хочу!

— Скажи, гдѣ ты съ ней познакомился?—спросилъ Іёрнъ.

Тогда товарищъ поднялъ высоко брови и отвѣтилъ, все еще, видимо, сердясь на Іёрна за его слишкомъ умѣренную похвалу лошадямъ:

— Спроси объ этомъ у нея. Можетъ быть, она и расскажетъ тебѣ, а быть можетъ и нѣтъ.

— Да скажи же мнѣ самъ. Вѣдь это глупо, что ты не хочешь сказать.

Хозяинъ разсмѣялся, побѣждалъ къ кухоннымъ дверямъ и, распахнувъ ихъ, крикнулъ:

— Послушай-ка! Іёрнъ Уль хочетъ знать, гдѣ и какъ мы съ тобой познакомились. Рассказать ему, что-ли? Или не надо?

Лизбета Юнкеръ стояла у очага рядомъ съ хозяйкой. Услышавъ вопросъ, она откинула голову назадъ и проговорила:

— Что жъ, говори, если тебѣ не терпится.

Товарищъ вернулся къ Іёрну.

— Ну, ужъ если ты непременно хочешь знать, то дѣло было такъ... Лѣтъ шесть или семь тому назадъ, вскорѣ послѣ войны, пришлось мнѣ какъ-то побывать въ городѣ. Дѣло было въ срединѣ лѣта... Возвращаясь это я, въ сумерки, къ себѣ домой и какъ-разъ у самаго выѣзда изъ города вижу Лизбету Юнгеръ. Я встрѣчался съ ней, когда ходилъ еще въ гимназію, а она бѣгала въ начальную школу. Я остановился и спросилъ, какъ она поживаетъ. Послѣ войны мы очень гордились собой и были особенно развязны и предпримчивы съ дѣвушками. Я говорилъ съ ней, а самъ любовался ея хорошенькимъ личикомъ. Она объяснила мнѣ, что дожидается повозки, на которой ее обѣщали подвезти до Венторфа. Тогда я предложилъ ей поѣхать со мной. „Я готовъ сдѣлать какой угодно крюкъ, если только ты будешь сидѣть рядомъ“, — сказалъ я. Она согласилась не сразу, и мнѣ пришлось довольно-таки долго ее уговаривать. И вдругъ, когда я считалъ мое дѣло почти проиграннымъ, она неожиданно сказала мнѣ: „Ну-ка, подвинься!“ — Въ одинъ мигъ отстегнулъ я фартукъ, усадилъ ее съ собой рядомъ, и мы поѣхали. Всю дорогу я занималъ ее разговорами, старался изо всѣхъ силъ быть ей пріятнымъ, и мнѣ казалось, что я не противенъ ей.

Мы подѣзжали къ Венторфу. Была уже теплая темная ночь. — „Не находишь ли ты, Лизбета, что тебѣ слѣдуетъ поблагодарить меня за поѣздку?“ — спросилъ я, а сердце у меня такъ и запрыгало. Очень ужъ я боялся испугать и обидѣть ее. Она разсмѣялась и сказала: — „Но я, право, не знаю — какъ. Скажи прямо, чего ты хочешь?“ — „Пощѣлуй!“ — отвѣтилъ я: — ну, а если милость твоя будетъ, то я не откажусь и отъ нѣсколькихъ. Только, ради Бога, не сердись. Сиди смирно и не прыгай изъ повозки. Вѣдь если ты не хочешь, я не трону тебя, и ты будешь въ такой же безопасности, какъ моя бабушка, когда я ѣду съ ней въ церковь. Пожалуйста, не сердись!“ — Вотъ какъ, примѣрно, я говорилъ съ ней. Она вся какъ-то притихла. Мы сидѣли молча и до меня доносилось ея дыханіе. Я уже началъ рассказываться въ своихъ словахъ, собирался сказать, что мнѣ ничего не надо, какъ вдругъ она сама заговорила тихимъ голосомъ: — „Знаю я, что вы, мужчины, часто хвастаетесь своими успѣхами у дѣвушекъ. Я позволю тебѣ поцѣловать меня, но не раньше, чѣмъ ты дашь мнѣ слово, что никому на свѣтѣ не скажешь объ этомъ“. — Ну, вотъ, по совѣсти говорю тебѣ, Іёрнъ, что мнѣ вдругъ стало ужъ совсѣмъ не до шутокъ. Слово-то я ей далъ, а самъ

сизжу, не шелохнусь. Вдругъ она закрыла лицо руками и опустила голову. Не знаю, собиралась она смѣяться или плакать въ эту минуту, но я приподнялъ ея маленькое свѣжее личико и началъ говорить ей какія-то ласковыя слова. Она стала мила со мной. Мы цѣловались и болтали. Лошади пощипывали траву, телѣжка загромодила дорогу, но мы не думали объ этомъ. У Золотого Родника она спрыгнула на землю. — „Послушай, — сказалъ я, прощаясь съ ней, — наша поѣздка мнѣ такъ понравилась, что я прошу тебя позволить мнѣ придти въ школьный садъ подъ ивы“. — Она покачала головой и отвѣтила: — „Ты славный малый, но о школьномъ садѣ тебѣ нечего думать. Для простого ухаживанья я слишкомъ хороша, а замужъ за тебя не пойду. Я люблю другого, но онъ никогда не будетъ моимъ“. — Съ той поры я видѣлъ ее только какъ-то разъ на желѣзной дорогѣ. Мы поздоровались какъ добрые друзья. Въ школьномъ саду я такъ и не побывалъ. Тогда я еще не думалъ о женитьбѣ.

XXII.

Какъ разъ въ это время Лизбета Юнкеръ сидѣла на ящикѣ съ торфомъ у очага, а хозяйка спрашивала ее:

— Ну, Расскажи-ка мнѣ толкомъ, какъ это у васъ?

И, какъ дитя въ чужомъ домѣ, застѣнчивое и испуганное въ первую минуту, а потомъ довѣрчивое и болтливое, она рассказала старухѣ всю свою жизнь и дошла, наконецъ, до Іёрна. И теперь въ кухнѣ на всѣ лады раздавалось: — Іёрнъ Уль и Іёрнъ Уль. Ничего, кромѣ Іёрна Уля.

— Всю жизнь любила я его одного, — говорила Лизбета, — и какъ горевала я, когда онъ женился на другой! Потомъ умерла та другая, и я стала опять надѣяться, но ему было не до меня. Цѣлыхъ семь лѣтъ пришлось ему возиться съ больнымъ отцомъ и съ братьями... Ему некогда было и подумать обо мнѣ. И вотъ вышло такъ... что... Ему теперь тридцать-одинъ годъ, а мнѣ — двадцать-шесть.

Хозяйка, стоя у очага, сложила руки на груди и произвела:

— Вотъ такъ исторія! Настоящій романъ. Я, вотъ, выходила замужъ восемнадцати лѣтъ, а моему мужу было двадцать-пять. Я была благоразумна и разсудительна, а онъ — нѣтъ. Сынъ — весь въ него. По неволѣ мнѣ пришлось быть серьезной, и отъ этого стала я немного строгой и голосъ иной разъ возвышался. Дѣвухой-то я была кроткой и тихой.

— Еслибы я только знала, — сказала Лизбета, — что онъ возьметъ меня! У него нѣтъ ни хозяйства, ни денегъ. Я такъ охотно, съ такой радостью выйду за него при его бѣдности. Я была бы вполне счастлива, еслибы намъ можно было поселиться съ нимъ въ Геезе и копать торфъ. Но онъ не захочетъ, а отправится куда-нибудь, начнетъ какое-нибудь дѣло. И кто знаетъ, чѣмъ все кончится между нами?..

Слова ея звучали жалобой, и глаза, устремленные на огонь, туманились слезами.

— Ахъ! — сказала хозяйка и даже отмахнулась отъ ея словъ обѣими руками. — Брось ты всѣ эти заботы. Повѣрь, сегодня же ты сдѣлаешься его невѣстой.

Лизбета закрыла руками покраснѣвшее лицо, — такъ испугало и обрадовало ее это слово.

— Теперь этого не будетъ, — сказала она, — потому что онъ еще не знаетъ, какое выберетъ дѣло. Въ одномъ можно быть увѣреннымъ: на другой онъ не женится.

Такъ проболтали онѣ до обѣда.

— Ты былъ очень хорошъ въ моему сыну, многое для него дѣлалъ и въ мирное, и въ военное время, — сказала хозяйка, сидя за столомъ, Іерну. — Правда вѣдь, онъ былъ бездѣльникомъ?

— Да, — отвѣчалъ Іернъ, — но изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которыхъ нельзя не любить.

— Это самые худшіе и есть, потому что не хватаетъ духа на нихъ долго сердиться. Я бы хотѣла, чтобъ онъ скорѣе женился на дѣльной дѣвушкѣ.

— Мать, — замѣтилъ товарищъ Іерна: — ты еще вчера сказала, что я за послѣдній годъ сталъ серьезнѣе и разсудительнѣе.

— Это правда, Уль, за послѣднее время онъ сталъ лучше, но все-таки изъ него не будетъ никакого толка, пока онъ не женится.

— Жениться я еще погожу, — произнесъ сынъ съ плутовскимъ видомъ. — А знаешь что? Выходи ты замужъ! Ты еще довольно молода. И будетъ у тебя помощникъ въ домѣ.

Тогда она достала его черезъ столъ деревянной ложкой, которую держала въ рукахъ, и хотя онъ быстро отклонился, — дала ему здоровую затрещину по курчавой головѣ, такъ что ложка отскочила отъ ручки.

— Вотъ тебѣ за то, что смѣешься надъ матерью! Грета, принеси другую ложку. Въ трехъ школахъ онъ перебивалъ, — продолжала она ворчливо, — и у двухъ пасторовъ обучался, но какимъ ушелъ изъ дома, такимъ и вернулся: ни серьезности въ

немъ, ни интересовъ настоящихъ. Потомъ думалось мнѣ, что онъ образумится за время похода; но когда онъ вернулся, то тутъ же на вокзалѣ первымъ долгомъ подхватилъ меня на руки, да такъ и протащилъ, при всѣхъ людяхъ, до самой повозки. Теперь ужъ и не знаю, что изъ него выйдетъ. Онъ не пьетъ, не играетъ въ карты, не лѣнитъ и не соня, только нѣтъ въ немъ ни серьезности, ни старательности.

— Никакъ не могу ей ничѣмъ угодить, — сказалъ сынъ: — что ни сдѣлаю, что ни скажу — все неладно. Или она мнѣ не мать, или я ей не сынъ; ужъ скорѣй годилась бы она мнѣ въ жены.

Она посмотрѣла на него, покачивая головою.

— И отецъ его былъ такой же, — сказала она. — Чего я только не вынесла съ нимъ въ первые годы! Это ужъ у нихъ семейное. Они берутся за умъ только къ тридцати годамъ. Вѣроятно и съ этимъ такъ же будетъ.

Лизбета Юнкеръ перегнулася черезъ столъ къ товарищу Іерна и поглядѣла на него съ насмѣшливымъ состраданіемъ и немного злобно.

— А что, ты ужъ чувствуешь приближеніе разума?

— Позаботься лучше о своемъ собственномъ, — отвѣчалъ онъ: — семь лѣтъ тому назадъ, онъ былъ въ такомъ же плачевномъ состояніи, какъ и мой.

Она покраснѣла, откинула голову назадъ и разсмѣялась короткимъ смѣхомъ, но не взглянула на Іерна.

Послѣ обѣда товарищъ повелъ Іерна и Лизбету въ поля, и показавъ имъ всю принадлежавшую имъ землю, рассказывая при этомъ о забавныхъ солдатскихъ продѣлкахъ, о веселой побѣдѣ въ Гамбургъ и Берлинъ, и всячески дразнилъ Лизбету. Когда Іернъ интересовался обработкой того или другого участка земли, то товарищъ только смѣялся и легкомысленно восклицалъ:

— Ну, что тамъ еще! И такъ, и сякъ! Объ этомъ мать заботится.

Когда же Лизбета выразила желаніе вернуться домой, товарищъ вдругъ сталъ усиленно уговаривать ихъ подняться на возвышенность по ту сторону дороги. Эта возвышенность принадлежала ему вплоть до долины, орошаемой широкой, блестящей рѣкой.

— Цѣнность небольшая, — сказалъ Іернъ Уль.

— Цѣнность небольшая? — повторилъ товарищъ. — Ты хочешь сказать: для пахоты и покоса? — Онъ стукнулъ ногой о землю. — А что внутри-то лежитъ? Поройся-ка немного. Что тамъ-то найдешь? Что?

— А что же такое? — спросилъ Іернъ и сдѣлалъ большіе глаза.

— Глина, милый мой! Толстый пластъ перваго сорта глины.

— Глина?

— Да, почтеннѣйшій, а изъ глины дѣлають цементъ. И если мнѣ не дадутъ за это мѣсто хорошую цѣну, я самъ выстрою здѣсь цементный заводъ. Только я въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслю, такъ что мнѣ придется или взять техника, или самому ѣхать учиться въ Ганноверъ.

Лизбета засмѣялась и сказала насмѣшливо:

— Ну, вотъ, кажется, онъ начинаетъ обнаруживать нѣкоторые признаки разума!

Но Іернъ Уль погрузился въ самого себя, глядѣлъ въ землю и ничего больше не сказалъ.

Когда они вернулись домой, то Лизбета пошла съ хозяйкой въ садъ, а Іернъ съ товарищемъ прошли въ его комнату. Товарищъ вытащилъ двѣ недавно купленныя имъ книги: одна была учебникъ минералогіи, а въ другой говорилось объ особомъ способѣ добыванія глины.

— Какая досада, — произнесъ онъ, ударивъ рукой по столу, — что я такъ былъ невнимателенъ въ школѣ. Ты, вотъ, навѣрное все понимаешь, — прибавилъ онъ, перебросивъ одну изъ книгъ Іерну. — О твоёмъ образованіи ни одна душа не заботилась, но ты самъ выучился большому, чѣмъ я, хотя на мое ученіе было истрачено десять тысячъ марокъ. Найди-ка 350-ую страницу и скажи, понимаешь ты, что тамъ сказано?

Іернъ Уль все понялъ и объяснилъ товарищу. Взялъ вторую книгу — понялъ и ее. Товарищъ совсѣмъ повеселѣлъ и просилъ его пріѣхать на будущей недѣлѣ переговорить о предпріятіи.

Іернъ спросилъ, сколько времени надо пробыть въ технической школѣ, чтобы получить свидѣтельство, и сидѣлъ задумавшись. Странно было видѣть его большую, загорѣлую рабочую руку на новой тоненькой книгѣ. Книга подъ его кулакомъ казалась такой маленькой и имѣла видъ хорошенькой игрушки.

Они собрались уѣзжать, чтобы поспѣть домой засвѣтло.

Хозяйка дома отвела Іерна въ сторону и сказала ему материнскимъ тономъ, что Лизбета ей очень понравилась, и что онъ, конечно, долженъ жениться на ней. Кромѣ того, она прибавила, что сынъ просилъ ее предложить Іерну денегъ на первое время, и она съ удовольствіемъ готова дать нѣсколько тысячъ марокъ.

Іернъ хотѣлъ поблагодарить, но не могъ. Хорошая женщина

по его долгому, крѣпкому рукопожатію поняла все, что онъ хотѣлъ сказать.

Солнце стояло уже низко, когда они ѣхали домой.

— Ну, вотъ,—сказала Лизбета,—опять мы съ тобою вдвоемъ. Отличный день мы провели, и теперь такъ хорошо... Ну, что ты скажешь о хозяйкѣ?

— А ты что скажешь о моемъ товарищѣ?

— Ахъ, ну его!.. Что она тебѣ говорила на прощанье?

— Такъ, женская болтовня!

— Мнѣ нельзя знать?

— Сегодня нѣтъ. Завтра—можетъ быть.

Онъ задумался и молчалъ. Просидѣвъ такъ нѣсколько времени, онъ замѣтилъ, что у нея былъ какой-то совсѣмъ особенный видъ. Лицо приняло необыкновенно гордое выраженіе.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.—Да говори же, птичка!

— Ты воображаешь, что я не видала изъ кухоннаго окна, какъ твой миленькій товарищъ рассказывалъ тебѣ, что у меня съ нимъ вышло. Еще все такъ руками разводилъ! И ты теперь сердись. Этого... этого я отъ тебя не ожидала.

Онъ засмѣялся.

— Вотъ, попала пальцемъ въ небо! Я, напротивъ, очень радъ: я знаю теперь, что ты не недотрога.

— Ахъ, вѣчно ты съ своей недотрогой!.. Онъ ѣхалъ мимо, былъ такой милый и ласковый, показался мнѣ такимъ пріятнымъ и искреннимъ. Ну, и поцѣловалъ меня.

— Негодяй онъ!—сказалъ Іернъ:—цѣловать дѣвушку, которая не можетъ защититься!

— Да я и не защищалась и не хотѣла защищаться. Я этого хотѣла, Іернъ.

— Ты! Самая гордая изъ всѣхъ здѣшнихъ дѣвушекъ!

— Это случилось приблизительно въ то время, когда ты справлялъ свою свадьбу съ Леной Тарнъ.

Онъ замолкъ. Потомъ схватилъ ее руку, сжалъ ее и произнесъ:

— Милая моя, хорошая птичка. Я вѣдь ничего этого не зналъ. Но если только хочешь, то будетъ отпразднована и твоя свадьба.

— Но только не съ какимъ-нибудь скучнымъ человѣкомъ...

Тогда Іернъ Уль засмѣялся, близко придвинулся къ ней и спросилъ:

— Дать мнѣ, что-ли, пастись лошадямъ, какъ сдѣлалъ тотъ, блаженной памяти, на венторфской дорогѣ?

Но она покачала головой, поглядѣла на него, и глаза ея заблестѣли отъ слезъ.

— Нѣтъ, Іернъ, солнце еще не сѣло, да и не годится это для насъ. Я думаю о Ленѣ Тарнъ и объ ея ребенкѣ...—и она крѣпко сжала его руку.

— Вѣдь это просто чудо!—произнесъ онъ.—Настоящее чудо! Самая красивая дѣвушка—и Іернъ Уль!

Стемнѣло. Онъ сдѣлался молчаливъ. Она нѣсколько разъ перемѣнила положеніе, какъ будто ей стало неудобно сидѣть. Тогда онъ обхватилъ ее сильной рукою, привлекъ къ себѣ и смущенно заглянулъ ей въ лицо.

— Хорошо тебѣ такъ?

— Да!—она прильнула къ его плечу.—Теперь я засну,—и подумала:—„Ни за что не просплю я этотъ часъ“.

Когда они вернулись домой и онъ остался одинъ, то началъ раздумывать:

„Все несчастіе было въ томъ, что я заблуждался всѣ эти годы. Глядя на отца и братьевъ, я возненавидѣлъ ложь и стремился къ одной правдѣ. Мнѣ казалось, что я достигъ ее, и я съ гордостью думалъ: „ты свободенъ отъ лжи, Іернъ Уль“.—Но за эти три дня мнѣ стало ясно, что я самъ жилъ во лжи и самообманѣ, и жизнь моя была сплошнымъ заблужденіемъ. Уль не принадлежалъ мнѣ, а я цѣплялся за него всѣмъ своимъ существомъ. Я работалъ какъ лоховая лошадь, и думалъ, что цѣль моей жизни—сохранить Уль. А что такое Уль въ сравненіи съ моей душою? И еслибъ я думалъ о своей душѣ, а не о работѣ и объ Улѣ, то вся жизнь моя сложилась бы иначе... Но и теперь еще не поздно. Я начну работать сначала, какъ маленькій ученикъ, съ вѣрой въ Бога и въ себя. А если умру до конца ученя, то Богъ дастъ мнѣ работу и заставитъ меня проводить дороги, прорѣзывать каналы и строить плотины въ Его недоконченныхъ мірахъ. Теперь моя цѣль свѣтла и работа будетъ плодотворна. Если Богъ дастъ, я кончу ученье, мы отпразднуемъ здѣсь въ Геезѣ вашу свадьбу. Пойду сейчасъ же и спрошу мою милую дѣвочку, согласна ли она будетъ ждать, пока я не кончу ученя“.

Онъ прошелъ въ комнату Лизбеты. Въ сіяныи свѣтлой осенней ночи увидѣлъ онъ ея кровать недалеко отъ окна и тихонько направился къ ней, испытывая легкое беспокойство. Она не двинулась и только смотрѣла на него большими серьезными глазами.

— Это ты, Юргентъ?—проговорила она, наконецъ.—Пойди сюда!—и, потянувшись, она взяла его за руку, подвинулась,

чтобы дать ему мѣсто, и, усадивъ его на край кровати, спросила:

— Ну, что тебѣ еще нужно?

Онъ сѣлъ съ немного принужденнымъ видомъ и началъ очень серьезно излагать ей поочередно всѣ свои планы, то смущался, то оживлялся и начиналъ жестиковать.

— Весь вопросъ въ томъ, — закончилъ онъ, — хочешь ли ты въ самомъ дѣлѣ взять меня и подождать еще два года.

— Пододвинься-ка поближе, тогда я тебѣ отвѣчу, — сказала она, и когда онъ покорно нагнулся къ ней, она обвила его руками, стала ласкать и цѣловать и заговорила такъ быстро, что одни слова перегоняли другія. — Ахъ, ты, старый, удивительный Іёрнъ Уль!.. да мнѣ рѣшительно все равно! Только бы знать мнѣ, что ты меня любишь. Ну, поди сюда поближе, Іёрнъ! Цѣлуй меня! Я прошу тебя меня поцѣловать. Я вѣдь гордая и холодная! Ты видишь, какъ я горда?

А Іёрнъ Уль, изумленный и счастливый, нѣжно гладилъ ее по головѣ, заглядывалъ въ ея прелестное разгорѣвшееся лицо и едва могъ выговорить:

— Ты... такъ меня... любишь! .

XXIII.

Іёрнъ Уль стоитъ на вокзалѣ и прощается со своими товарищами. Одинъ изъ нихъ, веселый малый, нѣмецъ изъ Америки, держать прощальную рѣчь. Одной рукой онъ придерживаетъ полы пальто, такъ какъ стоитъ холодный, туманный и вѣтряный ноябрьскій день, а другую протягиваетъ къ отъѣзжающему.

— Юргенъ Уль, вендорфскій ландфогтъ... мнѣ вспоминается то утро, когда ты впервые вошелъ въ рисовальную школу. Твоя спина была согнута, какъ у носильщика кулей, руки твои были жестки и въ глазахъ было выраженіе голода. Ты подошелъ къ намъ съ открытымъ сердцемъ, подаль намъ поочередно свою жесткую руку и сказалъ, кто ты, откуда пришелъ и къ чему стремишься. Съ того часа мы полюбили тебя и взяли подъ свою защиту. Мы наняли тебѣ комнату, купили бѣлья и отрывали тебя отъ книгъ, когда ты слишкомъ зачитывался. Но скоро мы поняли, кто ты такое. Мы поняли, что ты — истинный потомокъ тѣхъ крестьянъ, которые сами, собственнымъ умомъ изучаютъ море, землю и звѣзды, строятъ прочныя плотины и суда, выдерживающія борьбу съ Сѣвернымъ моремъ; которые, сжавъ губы

такъ плотно, что онѣ становятся почти невидны, вырабатываютъ себѣ міровоззрѣніе, вполне пригодное для серьезнаго человѣка. Мы еще относились къ тебѣ покровительственно, стараясь привить тебѣ внѣшнюю культурность, а на самомъ-то дѣлѣ мы уже послушно сидѣли у твоихъ ногъ и учились у тебя. Разумомъ ты былъ старше насъ на десять лѣтъ, а опытностью—на двадцать, но, несмотря на это, ты относился къ намъ какъ къ равнымъ, жилъ нашей жизнью, помогалъ намъ и оберегалъ насъ. Словомъ, ты былъ нашимъ ландфогтомъ, нашимъ королемъ.

Сквозь толпу протиснулся юноша, сынъ пастора, и подошелъ къ говорившему.

— Дикъ, — сказалъ онъ: — что за чушь ты мелешь! Ты знаешь, что Юргенъ терпѣть не можетъ такихъ приторныхъ похвалъ. И кто тебѣ разрѣшилъ говорить отъ лица насъ всѣхъ?

— Тише, успокойтесь! — произнесъ Іернъ Уль, оглядывая поочередно товарищей. — Вы знаете, что я долго жилъ въ одиночествѣ и нуждѣ, что сдѣлало меня неповоротливымъ и замкнутымъ. Но еще на родинѣ нашлись добрые люди, поддерживавшіе и ободрявшіе меня. Вы читали письма ко мнѣ Фите Крея; не безызвѣстно вамъ также имя Тиса Тиссена; а за здоровье моей невѣсты вы даже слишкомъ часто и слишкомъ много пили. То, что сдѣлали для меня эти люди на родинѣ, то дѣлали вы для меня здѣсь. Если бы вы сначала стали смѣяться надо мною и держались бы въ сторонѣ, я опять ушелъ бы въ себя и вторично не протянулъ бы вамъ руки. Но вы были ко мнѣ ласковы и доверчивы, и за это я говорю вамъ спасибо!

Подали поѣздъ, и Іернъ Уль вошелъ въ вагонъ. Юный сынъ пастора понесъ его багажъ и, протискиваясь за нимъ, говорилъ:

— Мать пишетъ, просить тебѣ кланяться.

Поѣздъ тронулся. Вѣтеръ ударилъ съ силой объ окна вагона. По стекламъ сбѣгали крупныя капли дождя. Сквозь клубы дыма, за сѣрой мутью тумана и дождя, замелькали дома, деревни, поля и лѣса. Такая погода вызываетъ чувство безнадежности: къ чему работать, бороться, стремиться къ далекой цѣли, — вѣдь дождь никогда не перестанетъ идти, солнце никогда не проглянетъ! Но Іернъ хорошо знакомъ и съ этимъ вѣтромъ, и съ этимъ дождемъ. Какъ часто они бушевали надъ ульскими полями, когда онъ ходилъ по полосѣ взадъ и впередъ за плугомъ! Онъ знаетъ, что и въ такую погоду надо пахать неустанно и ждать: солнце проглянетъ само собою.

Торопливо шелъ онъ по улицамъ Гамбурга. Нѣсколько разъ ему пришлось спрашивать дорогу, но вотъ, наконецъ, мѣстность

стала казаться ему знакомой. Вотъ и окно тетюшкина магазина: писчебумажный и книжный магазинъ Эллина Вальтеръ. Съ нимъ поровнялась кучка школьниковъ. Іернъ въ нерѣшимости остановился, но, увидавъ, что нѣсколько дѣтей направилось къ двери, последовалъ за ними.

Лизбета стояла за прилавкомъ и прибирала ящики и коробки. Не взглянувъ на вошедшаго, она произнесла своимъ милымъ высокимъ голосомъ, сдѣлавъ привычное изящное движеніе рукой:

— Будьте такъ любезны подождать минуту.

— Пожалуйста, — сказалъ онъ, — сначала отпустите этихъ господъ.

Она разронила всѣ ящики и коробки, протянула ему руку черезъ прилавокъ, покраснѣла, изумилась, обрадовалась и проговорила:

— Мальчикъ твой скоро придетъ изъ школы... Тебѣ чего нужно? Перьевъ на двадцать пфенниговъ? Вотъ они. Можешь заплатить завтра. Тетрадку съ линейками?.. — и наконецъ, не выдержавъ, воскликнула: — Дѣти, мнѣ сегодня, некогда, у меня важный гость. Посмотрите: этотъ огромный человекъ игралъ со мною, когда былъ съ васъ ростомъ... Ну, вотъ, Юргенъ, наконецъ мы одни. Тетя легла отдохнуть... Поставь сюда твой чемоданъ... Ты навѣрное голоденъ. Милый... Іернъ... не такъ сильно! Ахъ, Іернъ... да тише же!.. что ты такое говоришь!

— Смотри, у тебя коса распустилась.

— Знаешь, Іернъ! Получено письмо отъ Эльзбе. Она возвращается изъ Америки. Тисъ уже здѣсь. Онъ живетъ въ своей прежней комнатѣ и ходитъ встрѣчать каждый пароходъ. Пусть меня, Іернъ!.. Кто-то идетъ... Ну, вотъ онъ, нашъ мальчикъ!

— Папа, милый!.. Это ты?

— Да, это я! — Іернъ Уль сталъ на колѣни, и гладилъ свѣтлые волосы своего сына, и заглядывалъ въ его ясные глаза.

— А я-то, папа, каковъ: хожу здѣсь въ школу! Лизбета взяла меня, привезла сюда, и я очутился въ школѣ!.. Ты останешься съ нами?

— Да... всегда.

— Какая у тебя свѣтлая борода, папа! Совсѣмъ какъ рождь, помнишь, въ Уль. А мы буда поѣдемъ, въ Уль или къ Тису?

— Уль намъ больше не принадлежитъ. Сначала мы поѣдемъ въ Геезэ. Лизбета, милая... скажи ему... я не знаю, съ чего начать...

Тогда Лизбета тоже стала на колѣни и, обнявъ мальчика, сказала съ улыбкой:

— Послушай, маленький мой принцъ... Мнѣ бы очень хотѣлось поѣхать вмѣстѣ съ вами къ Тису, но я это сдѣлаю только подъ однимъ условіемъ. Мнѣ не нравится, что ты называешь меня „Лизбета“,—мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, чтобы ты называлъ меня „мамой“. И твой отецъ... долженъ звать меня: „моя милая жена“. Согласенъ ты на это? А то я не поѣду съ вами.

Мальчикъ сдѣлалъ лукавые глаза, унаслѣдованные отъ Лены Тарнъ, и посмотрѣлъ на отца.

— Какъ ты думаешь, папа? Согласиться намъ, что-ли?.. Ну, ужъ иди сюда!

И онъ обхватилъ руками шею своей новой матери.

Нижеслѣдующую сцену наблюдала цѣлая толпа закопѣлыхъ, запыленныхъ зѣвакъ. Со смѣхомъ рассказывали они о ней своимъ женамъ, разоидясь по домамъ. Они только-что всѣ сошли съ парохода и отправлялись къ себѣ обѣдать. На встрѣчу имъ попался маленький человѣкъ, котораго всѣ они уже много лѣтъ встрѣчали на улицѣ. Онъ несъ на спинѣ мѣшокъ съ торфомъ, шелъ согнувшись и лицо у него было тонкое, темное, а быстрые блестящіе глазки такъ и шныряли по толпѣ, точно ласточки, мелькающія между деревьями въ саду. Вдругъ эти глаза остановились на одномъ человѣкѣ. Мѣшокъ съ торфомъ полетѣлъ на землю, и раздался громкій жалобный крикъ:

— Фите! Мой Фите! Фите Крей! Эй, вы!.. Вотъ этотъ человѣкъ! Въ сѣромъ дождевикѣ!

Многіе оглянулись, стали останавливаться, говорить, смѣяться. Многіе захотѣли помочь старику.

— Эй, ты, Фите! Фите! Фите Крей, повернись-ка сюда!.. Помогн-ка старику нести его мѣшокъ съ торфомъ!

Человѣкъ въ сѣромъ дождевикѣ обернулся. Слово „мѣшокъ съ торфомъ“ поразило его въ самое сердце. Онъ увидалъ маленькую фигуру старика. Одной рукой онъ держалъ мѣшокъ съ торфомъ, за который уцѣпились двое уличныхъ мальчишекъ, а другую безмолвно простиралъ къ Фите Крею, отъ волненія лишившись возможности говорить. Фите Крей бросился къ нему, совсѣмъ забывъ, гдѣ онъ, и не обращая ни на кого вниманія. Онъ сталъ нѣжно гладить по щекамъ дрожащаго старика, надѣлъ ему на голову свалившуюся шапку и все покачивалъ головой.

— Ахъ, ты, старина, старина! Вотъ хорошо-то, что ты меня увидалъ! Чтò, не можешь идти? Небось, ударило въ колѣнки?

Ну, ничего, присядь на мѣшокъ!—и, обращаясь къ собравшейся толпѣ, прибавилъ:—Gentlemen, это Тисъ Тиссенъ, крестьянинъ изъ торфяника въ Геезѣ, а я, какъ вамъ уже извѣстно, Фите Крей. Мы подружались съ нимъ, когда я еще былъ мальчикомъ, и эта дружба не заржавѣла, хотя мы пятнадцать лѣтъ не видались. Если эти свѣдѣнія васъ удовлетворяютъ, то мы не препятствуемъ вамъ идти обѣдать... Ну, что, какъ ты себя чувствуешь, Тисъ?.. Все еще не важно?.. Въ такомъ случаѣ посидимъ еще немного!—и онъ усѣлся на землю рядомъ съ мѣшкомъ. Народъ сталъ расходиться.

— Фите, ты привезъ ее съ собою?

— Я видѣлъ ее на пароходѣ.

— Она одна?

— Съ нею маленькая дѣвочка лѣтъ шести, такая же маленькая, темненькая, худенькая и боязливая, какъ она.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой... Гдѣ же онѣ? Куда ты ихъ дѣлѣ?

Фите Крей съ силой ударилъ кулакомъ по мѣшку съ торфомъ.

— Я все время не спускалъ съ нея глазъ, а какъ пристали мы, она вдругъ сгнула, да и пропала. Такъ вотъ и исчезла.

Тисъ Тиссенъ вскочилъ.

— Мы пойдемъ ее искать... всю ночь будемъ искать. Всю ночь. Пойдемъ по гостинницамъ и въ полицію... Маленькая дѣвочка съ маленькимъ ребенкомъ...

XXIV.

Іёрнъ и Лизбета шли вдоль опушки лѣса. Они были въ городѣ, чтобы подыскать себѣ квартиру и купить мебель. На второй день Рождества предполагалось отпраздновать здѣсь же, у Тиса Тиссена, тихую свадьбу, и въ тотъ же день вечеромъ молодые должны были уѣхать въ городъ.

Лизбета шла рядомъ съ Іёрномъ и такъ близко, что платьемъ касалась его.

— Еще немного, и я упаду. Ужасно скользко! — замѣтилъ Іёрнъ и придержалъ ее рукой, чтобы заставить идти тише.

Она разсмѣялась и еще тѣснѣе прижалась къ нему.

— Милый, я такъ счастлива!—проговорила она.

— Это вполне естественно,—замѣтилъ онъ.

— Какъ это „вполне естественно“?

— Ну, да,—отвѣтилъ онъ, лукаво поглядывая на нее:—вѣдь сочельникъ на дворѣ, и каждый ребенокъ радъ елкѣ.

— Да нѣтъ же,—сказала она и дернула его за рукавъ.— Ты скажи, будемъ ли мы счастливы?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ онъ. — Оба мы прекрасно знаемъ, что на свѣтѣ нѣтъ святыхъ. Кромѣ того, мы не будемъ стѣснять другъ друга. Каждый изъ насъ будетъ думать и дѣлать по своему. Я полагаю, что и вообще каждый человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы не мѣшать жить другому. Особенно это важно въ супружествѣ, гдѣ необходимо, чтобы рядомъ стояли два настоящихъ человѣка, точно пара добрыхъ деревьевъ одной породы. Мужчина обязанъ, понятно, стоять со стороны вѣтра. Вотъ тогда все и будетъ хорошо.

— Отлично ты это сказалъ!

— Такъ именно старался я жить и съ Леной Тарнъ.

И оба они замолчали, вспомнивъ объ умершей.

— Любишь ли ты меня такъ, какъ любилъ Лену Тарнъ?—тихо спросила она.

Тогда онъ обнялъ ее, прижалъ къ себѣ такъ, что она не могла шевельнуться, и посмотрѣлъ такимъ взглядомъ, что она спрятала лицо на его плечѣ.

— Отправляйся-ка теперь домой, не то ты озябнешь,—сказалъ онъ ей.—Я же сбѣгаю еще туда на горку къ деревнѣ.

— Ты хочешь посмотрѣть, не видно ли Эльзе? Господи, только бы она вернулась. Я пойду съ тобой.

Когда они поднялись на пригорокъ, съ котораго видно было гамбургское шоссе, то увидѣли тамъ Фите Крея. Онъ стоялъ и смотрѣлъ вдаль. Но ихъ ожиданіе было напрасно, и они втроемъ вернулись домой.

Они сидѣли удрученные и мало говорили другъ съ другомъ. Витенъ вязала дѣтскій чулокъ. Каждый вечеръ ставила она къ печкѣ теплыя войлочные туфли, а Тисъ Тиссенъ вѣшалъ на крючокъ возлѣ дверей большую мѣдную грѣлку. Никто при этомъ не произносилъ ни слова,—всѣ знали, для кого предназначаются эти вещи.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Лизбета нарушила привычное молчаніе.

— Фите, расскажи, какъ умерла твоя жена!—попросила она.

Фите Крей вышелъ изъ задумчивости и оглядѣлъ сидѣвшихъ. Встрѣтившись взглядомъ съ сѣрыми, устремленными на него, глазами Витенъ, онъ произнесъ:

— Я и то удивлялся, что вы меня объ этомъ не спрашиваете. Что же, если вамъ хочется, я расскажу, почему и какъ умерла Трина Кюль. Какимъ образомъ я потерялъ ее? Потерялъ я ее такъ, какъ, будучи еще мальчикомъ, потерялъ всю поклажу съ моей повозки. Я проѣзжалъ по опушѣ, увидѣлъ зайчонка, бросился за нимъ въ лѣсъ, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. Въ это время у меня и уварили все. Такъ часто въ жизни приходилось мнѣ терять то, что уже было у меня въ рукахъ, потому что я бросался въ сторону, завидѣвъ что-нибудь новое.

Нѣсколько лѣтъ мы съ Триной Кюль жили вполне счастливо. Но, вотъ, однажды пришло письмо отъ Яспера Крея изъ Венторфа съ увѣдомленіемъ, что наконецъ тетка Трина дѣйствительно умерла и мы получаемъ наслѣдство. Вотъ я и порѣшилъ оставить жену и ферму и поѣхалъ въ Венторфъ, чтобы получить на свою долю какую-нибудь тысячу или двѣ марокъ. Боялся я, что Ясперъ Крей не вышлетъ мнѣ денегъ и спуститъ ихъ, какъ онъ спустилъ и первое наслѣдство.

Трина Кюль осталась одна. Я просилъ приглядѣть за ней и за фермой одного сосѣдняго фермера, молодого вѣмца, сына доктора. Благодаря безповойному, увлекающемуся характеру, онъ нигдѣ не окончилъ образованія, но это не помѣшало ему быть очень умнымъ и знающимъ человекомъ.

Часто по вечерамъ онъ приходилъ къ намъ, и вначалѣ мы играли съ нимъ въ карты. Скоро, однако, это мнѣ надобно, и я сталъ читать англійскія газеты, желая научиться языку страны, гдѣ я собирался сдѣлаться богачомъ.

Я ошибся. Именно тамъ я лишился всего. Отъ времени до времени я спрашивалъ у него значеніе какого-нибудь слова. Они же играли въ карты или дружески бесѣдовали между собой, и я радовался, глядя на нихъ. Правилось мнѣ еще и то, что онъ и ее научилъ кое-чему. Еще до знакомства съ нимъ она часто жаловалась и говорила:— „Какой ты скучный! Да расскажи же мнѣ что-нибудь“.—А когда я принимался рассказывать, она почти не слушала и останавливала меня словами:— „Нѣтъ, ты совсѣмъ не умѣешь рассказывать“.—Замѣчалъ я, что она бывала особенно мила со мной въ тѣ дни, когда сосѣдъ проводилъ у насъ вечера. И это мнѣ нравилось. Обыкновенно вѣдь она была холодна, а случалось, что даже какъ будто съ трудомъ переносила меня. Разъ какъ-то, не то въ шутку, не то серьезно, замѣтилъ я ей:— „Кажется мнѣ, что ты не любишь меня по настоящему“.—Послѣ этихъ моихъ словъ у насъ пошло какъ будто и лучше.

Уѣхалъ я въ Венторфъ, и оставались они вдвоемъ въ полномъ уединеніи. Ни души на шесть миль кругомъ, кромѣ ихъ двоихъ, да глухого старика, котораго я нанялъ, чтобы присматривать за скотиной. Скоро порѣшили они, что глупо ѣсть каждому порознь. И вотъ, по утрамъ стала она ходить къ нему готовить обѣдъ. Они обѣдали вмѣстѣ, но послѣ обѣда она сію же минуту бѣжала домой. Потомъ сталъ онъ заходить къ ней каждый вечеръ. Они по прежнему играли въ карты и болтали. И вотъ, наконецъ, настала минута, когда они съ восторгомъ и ужасомъ поняли, что не могутъ жить другъ безъ друга.

Тогда, какъ разъ, получили они мое письмо. Я писалъ, что долженъ идти на войну. Они стали слѣдить за газетами, соображали, когда кончится война, и наводили справки, нѣтъ ли моего имени въ спискахъ убитыхъ. Каждый при этомъ угадывалъ тайное желаніе другого: „Ахъ, еслибы онъ не вернулся!“ И радость ихъ постепенно переходила въ страданіе. Они договорились до того, что любятъ другъ друга, и не знали, что имъ дѣлать. Порѣшили разстаться. Онъ уѣхалъ къ своему другу, который ловилъ рыбу и стрѣлялъ птицъ у озера Мичигана. Тамъ собирался онъ прожить до моего возвращенія. Но война затянулась, и онъ не выдержалъ. Ночью пришелъ онъ къ ея дому и тихо просидѣлъ у дверей ея до разсвѣта.

И вотъ, съ первымъ солнечнымъ лучомъ, увидѣлъ онъ, что она идетъ полями къ себѣ домой по направленію отъ его дома. Увидѣвъ его на порогѣ, она схватилась руками за голову и призналась, что всю ночь провела въ его домѣ, и даже спала на его кровати. Потомъ они вмѣстѣ порѣшили бороться съ грѣхомъ, пока хватить силъ, а если поддадутся грѣху и я, Фите Крей, вернусь домой, то жизнью заплатить за свой грѣхъ.

Послѣ этого рѣшенія они стали гораздо спокойнѣе.

Вечеромъ они разставались съ мыслью: „Завтра, если мы захотимъ! Завтра!“ — Такъ цѣлыхъ четыре недѣли побуждали они свое страстное желаніе.

Какъ разъ въ это время я возвращался изъ Германіи. Вѣсть о томъ, что я уже близко, дошла до нихъ черезъ одного фермерскаго сына. Онъ встрѣтилъ меня на пути и обогналъ, потому что у него была хорошая верховая лошадь. „Разъ только! Одинъ единственный разъ!“ — мелькнуло у нихъ въ головахъ, но сейчасъ же вслѣдъ за этой мыслью явилась другая: „Неужели же для того мы боролись со зломъ? Вѣдь мы вѣрили, что побѣдимъ! Скорѣй на лошадей! Ыдемъ ему на встрѣчу и сегодня же вечеромъ скажемъ ему все“.

Они встрѣтили меня, и вечеромъ, послѣ того, какъ я, сказавши имъ все о себѣ, пошелъ провожать его до дома, онъ сказалъ мнѣ о ихъ любви, о борьбѣ и побѣдѣ. Здѣсь я говорилъ не особенно много. Когда же мы разстались и онъ уже былъ настолько далеко, что не могъ слышать, я громко разсмѣялся. Я вернулся къ ней и все еще смѣялся. Мы легли спать. Она была мила со мной. Я провелъ хорошую ночь, а самъ все смѣялся и думалъ: „Прекрасно, Фите Крей, что это все случилось. Теперь у тебя чудесная жена. Наконецъ-то она встрепенулась. Ты долженъ быть благодаренъ сосѣду“.

Вотъ до какой степени я былъ глупъ, Тисъ! Ахъ, впрочемъ, вѣдь ты ровно ничего въ этомъ не понимаешь. Лизбета! Я, Фите Крей, одинъ изъ умныхъ Креевъ, былъ глупѣе глупаго. И вотъ, какъ-то разъ, когда она ужъ очень горячо меня поцѣловала, я спросилъ, зачѣмъ она при этомъ такъ плотно закрываетъ глаза. Тогда она отвѣтила, что, лаская меня, всегда думаетъ о другомъ и любить только его одного. Говорила она еще, что ничего не можетъ подѣлать съ собой, что, видно, такова ея горькая судьба.

Только теперь мнѣ стало ясно, что все у насъ складывается довольно-таки плохо. Я обсудилъ съ нею наше положеніе. Я спросилъ ее, дѣйствительно ли она любила меня тогда, когда стала моей женой. „Да“,—отвѣтила она. Ей было семнадцать или восемнадцать лѣтъ. Она была очень молода, неопытна и мало знала жизнь. Она сказала еще мнѣ, что увѣрена въ томъ, что съ ней случилось именно то, что переживаетъ большинство женщинъ, рано вышедшихъ замужъ. Приходитъ день, и имъ становится ясно, что счастье не тамъ, гдѣ онѣ его искали.

Тогда я спросилъ ее: „Неужели ничего нельзя измѣнить? Увѣрена ли ты, что не разлюбишь его?“—„Да“,—отвѣтила она. —До самой смерти буду любить. Я создана для него, а онъ для меня. Самимъ Богомъ мы предназначены другъ для друга. Гдѣ-нибудь да есть предназначенная и для тебя, но ты еще не нашелъ ея“. Тогда я спросилъ ее: „Еслибы я умеръ, ты была бы рада?“ Она отвѣтила: „Да“.—„Неужели же у тебя не сохранилось никакого чувства ко мнѣ? Вѣдь я всегда былъ вѣренъ тебѣ, всегда хорошо обращался съ тобой. Вѣдь ты вмѣстѣ со мной оставила родину, со мной ушла на чужбину. Зачѣмъ же теперь ты бросаешь меня?“—Тогда она горько заплакала. Я же ушелъ и оставилъ ее одну. Пораскинуть умомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что бракъ нашъ больше не существуетъ, и мнѣ нужно положить конецъ всему.

Ну, теперь, безъ лишнихъ словъ, расскажу я вкратцѣ, что

случилось дальше. Крѣпко стиснувъ зубы, я отдѣлилъ ей половину всего, что мы имѣли, и отправилъ ее въ одно нѣмецкое семейство, гдѣ она должна была жить, пока не кончится нашъ разводъ. Тамъ прожила она только три мѣсяца, а потомъ утопилась. За послѣднее время подружилась она съ одной старушкой и каждый день рассказывала ей о насъ обоихъ, жаловалась на судьбу, въ чемъ-то оправдывалась, а потомъ опять начинала все съизнова. О сосѣдѣ она говорила такъ: „Мы принадлежимъ другъ другу. День и ночь мое сердце съ нимъ“. Обо мнѣ же она говорила: „Всегда онъ былъ такой добрый со мной. И все-то мнѣ представляется, какъ онъ съ печальнымъ лицомъ бродить по опустѣлому дому“. Потомъ она вскрикнула: „Господи, да помоги же мнѣ! Научи, что дѣлать!“ И разумъ ея затуманился, потому что ее постоянно тянуло въ двѣ разные стороны.

Мнѣ дали знать, что случилось несчастье. Мы поѣхали туда оба. Ъхали мы день и ночь. Тяжелая это была поѣздка. Гробъ уже былъ заколоченъ, и мы не видѣли ее. Похоронили ее около пшеничнаго поля. Кладбища-то тамъ не было...

Вотъ вамъ исторія Трины Кюль. Она была работницей въ домѣ Уля. Ты навѣрное помнишь ее, Витенъ. Вы всѣ знали ее. И ты вѣдь тоже видала ее, Лизбета?..

— Но самое замѣчательное—это то,—продолжалъ Фите Крей, нахмутивъ лобъ и уставившись глазами на стоящій передъ нимъ столъ,—что два самыя благородныя на свѣтѣ чувства, вѣрность и любовь, вступили въ борьбу между собою и раздавили мою прелестную бабочку, пролетавшую какъ разъ между ними... Пасторъ, вѣная насъ, сказалъ: „Что Богъ соединилъ, человекъ да не разлучаетъ“. Мы такъ и думали. Потомъ какъ-то я рассказалъ всю эту исторію одному нѣмецкому пастору, чело-вѣку съ умомъ и тонкимъ пониманіемъ. Я спросилъ его, что онъ мнѣ на все это скажетъ, и онъ, какъ честный человекъ, отвѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ мы ничего знать не можемъ. Мы должны только вѣрить, что то, что намъ представляется страшной загадкой, въ самомъ дѣлѣ прекрасно и цѣлесообразно. Это мирное слово помогло мнѣ, я довѣрился ему и пересталъ терзаться мучительными думами.

Фите Крей замолчалъ и снова погрузился въ задумчивость. Витенъ сидѣла сгорбившись у печки въ полумракѣ. Она уронила вязанье на колѣни и о чемъ-то раздумывала, уставившись глазами въ полъ. Ей чудилась маленькая дѣвушка съ свѣтлыми волосами и миловиднымъ, чистымъ, дѣтскимъ лицомъ, помогавшая ей въ кухнѣ сгорѣвшаго дома Улей, и она думала объ ея стран-

номъ концѣ. Въ эту минуту ко всѣмъ остальнымъ воспомина-
ніямъ жизни она присоединила и это воспоминаніе, точно уло-
жила въ гробъ покойницу, одѣтую въ бѣлое.

За послѣдніе годы она сдѣлалась еще молчаливѣе.

Когда Тисъ говорилъ ей: — Ты бы почитала что-нибудь,
Витень! — она отвѣчала: — Я столько испытала на своемъ вѣку,
что мнѣ нечего больше читать.

А когда Тисъ говорилъ: — Расскажи что-нибудь, Витень! —
она отвѣчала: — Къ чему рассказывать? Мы, люди, все равно
ничего измѣнить не можемъ.

Вскорѣ всѣ разошлись спать. Тисъ и Іернъ отправились въ
свою комнату.

— Ужъ давно я потерялъ сонъ, Іернъ, — сказалъ старикъ. —
Ты ложишься, я еще немного похожу по комнатѣ. Какъ ты ду-
маешь, Іернъ, — вернется она? Если къ Рождеству ея не будетъ,
значитъ и совсѣмъ не придетъ.

— А что-то будетъ, когда она придетъ?

— Ну, объ этомъ я и не думаю. Лишь бы пришла... Слы-
шишь, какъ воетъ вѣтеръ? Что, если она теперь въ дорогѣ?
Бѣдная, бѣдная дѣвочка!

Оба помолчали.

— Іернъ, — снова заговорилъ тихо Тисъ: — ты вполнѣ увѣ-
ренъ, что все, что творится на землѣ, имѣетъ цѣль и что во
всемъ есть смыслъ?

— Если не имѣть этой увѣренности, — отвѣчалъ Іернъ, — то
гдѣ же найти силы жить? Все въ жизни бурлитъ и мечется то
вверхъ, то внизъ, какъ въ кипящей водѣ, но легко разглядѣть,
что въ этомъ постоянномъ броженіи и кипѣніи скрытъ глубокий
смыслъ. Все злое, несмотря на упорное сопротивленіе, погру-
жается на дно, а все доброе борется и съ страшнымъ усиліемъ
выбивается наверхъ. Вездѣ работаетъ таинственная сила, какъ
рука пастыря, собирающаго своихъ овецъ, и благо тому человѣку,
который среди бури слышитъ тихій призывъ пасущаго и помо-
гаетъ Господу въ Его трудной работѣ.

— Слушай! — прервалъ его Тисъ. — Слышишь?

— Это ясени потрескиваютъ отъ мороза.

Они ждали, а она все не возвращалась. И у нихъ у всѣхъ
было такое чувство, что она уже въ дорогѣ. Ея тоскующая по
родинѣ душа простирала руки и хваталась за души тѣхъ людей,
которые ее любили на родинѣ. Тисъ тайкомъ уходилъ въ хлѣб-

ный амбаръ, подолгу простаивалъ тамъ на страшномъ холодѣ и смотрѣлъ въ окошки по направленію къ югу. Старая Витенъ вскакивала по ночамъ и говорила: „Она стоитъ въ снѣгу и не можетъ идти дальше“. Іернъ глубоко задумывался и вздрагивалъ, когда Лизбета заговаривала съ нимъ. Фите Крей рыскалъ по дорогамъ и спрашивалъ, не видалъ ли кто молодой женщины, маленькой и блѣдной, и съ нею дѣвочки лѣтъ шести. Безрадостно готовились они встрѣтить праздникъ.

Паль холодный туманъ и лѣнивый вѣтеръ затянулъ всю землю тонкими сѣрыми полосами. Солнце стояло въ небѣ мутнымъ пятномъ. Разсѣиваясь, туманъ сѣрыми клочьями цѣплялся за каждое дерево, за каждый заборъ. Все покрылось инеемъ. Стало еще тише. Наступилъ сочельникъ.

И какъ разъ въ этотъ сочельникъ случилась странная вещь. Именно въ этотъ вечеръ, когда Гарро Гейнзенъ шатался пьяный гдѣ-нибудь по улицамъ Чиваго, жена его, изнемогая отъ печали и усталости и добравшись наконецъ до родины, едва не сбилась съ пути на опушкѣ лѣса у самаго Геезэ.

Уѣхавъ изъ Америки, Эльзе рѣшила не возвращаться на родину и проѣхала въ Шлезвигъ, собираясь тамъ поселиться. Но здѣсь рѣшимость покинула ее. Она обезсилѣла. И вотъ, безпріютная, движимая какой-то неясной надеждой, стала она переходить съ ребенкомъ съ мѣста на мѣсто, направляясь къ югу. Держа дѣвочку за руку, Эльзе шла черезъ деревни, засыпанные снѣгомъ, а передъ ея утомленными, полузакрытыми глазами все время стояла одна и та же картина: ей видѣлся домъ въ Геезэ, видѣлись люди, которые тамъ жили. И она все шла, шла, не останавливаясь.

Смеркалось. Ночной туманъ сгустился и еще ниже повисъ надъ землею. Возмутившіяся звѣзды кое-гдѣ прорвали туманъ и холоднымъ голубоватымъ отблескомъ освѣтили пустынные поля.

— Намъ далеко еще, мама?

— Нѣтъ, уже близко, дитя мое.

— У меня такъ болятъ ноги. Присядемъ немножко.

— Нѣтъ, это не годится. Видишь свѣтъ тамъ вдали? Намъ нужно идти туда.

— Тамъ живутъ добрые люди?

— Да... тамъ живутъ добрые люди... Только не смѣю я... не въ силахъ я пойти къ нимъ. Но куда же идти мнѣ съ ребенкомъ?

Какъ разъ въ эту минуту мимо нихъ проходилъ какой-то человѣкъ.

— Куда это ты идешь, дитя мое?—спросилъ онъ, не останавливаясь.

— Я?.. Куда-нибудь... куда глаза глядятъ.

Тогда онъ подошелъ къ ней ближе.

— О!—произнесъ онъ:—да вѣдь ты дочь Греты Тиссенъ и сестра Іёрна Уля. Вотъ-то обрадуются твоему возвращенію! Уже они повсюду разыскиваютъ тебя.

Эльзе молча пошла за нимъ. Она и ребенокъ были утомлены и едва передвигали ноги. Онъ взялъ дѣвочку на руки и, тяжело дыша, донесъ ее до перекрестка.

— Теперь поторапливайся!—сказалъ онъ Эльзе и спустилъ ребенка на землю.—Видишь, какъ засвѣтились окошки у нихъ въ домѣ. Торопись!

И онъ свернулъ на дорогу къ деревнѣ. Она не узнала его и никогда больше не встрѣчалась съ нимъ, хотя до сихъ поръ живетъ въ Геезэ. Но она не забыла его, и когда маленькая дѣвочка станетъ сама матерью, она навѣрное будетъ рассказывать своимъ дѣтамъ о высокомъ человѣкѣ, который въ сочельникъ на рукахъ донесъ ее до перекрестка.

Наступилъ вечеръ. По установившемуся обычаю, къ Тису Тиссену прибѣжали изъ деревни дѣти, пѣли монотонными голосами и ушли, щедро одѣленные орѣхами, яблоками и пряниками.

Лизбета Юнкеръ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, стала зажигать елку, принесенную изъ лѣсу Фите Креемъ.

„Дѣлаю это только для мальчика,—думала она, зажигая одну за другой восковыя свѣчи.—Мы, взрослые, будемъ думать объ Эльзе. Намъ не до *веселья*“...

Но она все-таки немного развеселилась, раскладывая подъ деревомъ подарки для мальчика: новыя школьныя книги, книгу съ картинками и первые въ его жизни коньки. Оживившись, она достала бѣлье, сшитое ею собственноручно для длиннаго Іёрна Уля, и двѣ дорогія книги, которыя она приготовила именно къ этому дню. Все это она тоже разложила подъ елкой. Для Тиса Тиссена она приготовила трубку и школьный географическій атласъ въ двѣ марки.

„А теперь мое единственное и самое горячее желаніе—это чтобы Эльзе съ ребенкомъ стояли подъ этой елкой,—подумала она.—Чу!.. Нѣтъ, ничего не слышно. Теперь я позову всѣхъ“.

И вотъ, вошелъ мальчикъ за руку съ отцомъ. Это былъ серьезный и задумчивый ребенокъ. Онъ стоялъ и молча смотрѣлъ на елку. Ничѣмъ не выразилъ онъ своей радости, только плутовски взглянулъ на Лизбету, потомъ подошелъ къ ней и, тоже молча,

сталъ около нея. Замѣтивъ книги, онъ только спросилъ: „А для кого же это?“ — Съ этими словами онъ опустился на землю и подползъ къ своимъ подаркамъ, и свѣтъ горѣвшихъ свѣчей упалъ на его бѣлокурые волосы.

Взрослые молча стояли вокругъ елки. Они не могли радоваться. Отъ яркаго свѣта елочныхъ свѣчей имъ стало еще тоскливѣе.

И вдругъ, среди томительной тишины, до нихъ донесся какой-то шумъ. Имъ послышалось, что ходятъ подъ окномъ. Они испугались и точно застыли на мѣстѣ.

Но, вотъ, Іернъ бросился изъ комнаты. Широко шагая, прошелъ онъ черезъ сѣни къ входнымъ дверямъ и быстро распахнулъ ихъ.

Здѣсь, у самаго входа, вся въ слѣгу, стояла Эльбе.

— Ты ли это? — съ трудомъ выговаривая слова, спросилъ Іернъ.

— О, Іернъ... Я уйду!..

— Входи же, дитя! Поскорѣй входи въ домъ! Вотъ такъ... Дай, я возьму ребенка. Ну, вотъ... Только входи сама поскорѣе!

— Ахъ, Іернъ... Но какъ же это я... я войду сюда?

— Да ты только входи! Войди только! Лизбета, скорѣй сюда! Она устала.

А Тисъ стоялъ въ дверяхъ комнаты и повторялъ:—Моя маленькая, милая дѣвочка!..—протягивалъ къ ней руки и не могъ двинуться съ мѣста.

Наконецъ ее усадили у печки. Она сидѣла и плакала. Витенъ, стоя на колѣняхъ, стаскивала съ ея ногъ мокрые башмаки, Лизбета разстегивала покрытую инеемъ кофточку, а Іернъ пробовалъ снять пальто съ дѣвочки, но не зналъ, какъ за это приняться. Фите Крей поддерживалъ Тиса и говорилъ:

— Вотъ стулъ, Тисъ. Садись же!

Дѣвочка смотрѣла на елку часто моргающими глазами.

— Мы останемся здѣсь, мама?—спросила она.

— Боже мой!—воскликнулъ Тисъ.—Бѣдная крошка!

И, теряя на ходу туфли, онъ принялся что-то искать по комнатѣ, нашелъ наконецъ тарелку съ пирожнымъ и всунулъ по большому куску въ обѣ руки дѣвочки.

Іернъ подошелъ къ ребенку и сталъ смотрѣть то на него, то на сестру. Эльбе подняла голову и встрѣтилась съ нимъ глазами. И вдругъ Іерну ясно представился весь ужасъ ихъ вмѣстѣ прожитой юности. Сжавъ кулаки, онъ завопилъ въ дикомъ порывѣ:

— Проклятіе моему отцу!

Тогда Лизбета съ громкимъ плачемъ бросилась къ Іёрну.

— Взгляни на меня! На меня взгляни!

— Прочь отъ меня!—кричалъ Іёрнъ.—Такая чудная мать! Столько радостныхъ, чистыхъ дней! Все пропало и со смѣхомъ загублено однимъ человѣкомъ!

Тогда Лизбета стала еще нѣжнѣе. Она привлекла его къ себѣ, ласкала, цѣловала и просила радоваться возвращенію сестры.

— Она подумаетъ, что ты сердншься на нее,—сказала она.

— Я! Сержусь?—громко воскликнулъ онъ.—На нее сержусь?

И большой, неловкій Іёрнъ бросился къ сестрѣ, опустился передъ ней на колѣни и, прислонившись головой къ ея лицу, шепталъ ей полузабытыя дѣтскія прозвища:

— Какъ принцесса заживешь ты въ этомъ домѣ,—говорилъ онъ.—Здѣсь никто не тронетъ тебя. Старая Витенъ будетъ за тобой ухаживать, а Тисъ—болтать до тѣхъ поръ, пока ты наконецъ разсмѣешься.

Она положила руку на голову брата и все плакала. Но постепенно рыданія ея затихали. Она дышала тяжело и глубоко, какъ человѣкъ, наконецъ сбросившій съ себя тяжелую ношу.

Витенъ и Лизбета пошли готовить постели на ночь.

Когда уже всѣ спали, Лизбета и Іёрнъ все еще стояли у окна.

— Теперь ты видишь, что часть души моей зачерствѣла и какъ будто что-то оторвалось отъ нея,—сказалъ онъ.

— Только не уходи отъ меня, Іёрнъ. Подойди ко мнѣ ближе, и я помогу тебѣ, помогу, насколько это въ моихъ силахъ,—отвѣтила она.

XXV.

Года проходили за годами.

Іёрнъ Уль построилъ своему товарищу фабрику и работаетъ надъ проведеніемъ большого канала. Этотъ каналъ перерѣзываетъ нашу страну и составляетъ нашу гордость. Кромѣ того, Іёрнъ Уль строитъ шлюзы, набережныя, а зимою преподаетъ въ высшей школѣ рисованіе и математику. Повсюду онъ слыветъ за человѣка, на знаніе и слово котораго можно положиться. Еще мальчикомъ, въ комнатѣ гимназическаго служителя, онъ сказалъ:

— Все равно, Тисъ, съ какого класса начать, съ младшаго или старшаго, лишь бы выучиться!—и два раза онъ начиналъ съ младшаго класса, съ самаго начала. Жизнь длинна, и можно успѣть сдѣлать многое, если имѣешь вѣру и твердую волю.

Но не всегда все шло гладко въ новой счастливой жизни Іерна Уля. Иногда открывались его старыя раны.

Когда у него съ Лизбетой родился первый ребенокъ и собрались гости и стали шутить и смѣяться, онъ молча вышелъ изъ комнаты. Фрау Лизбета вскорѣ хватилась его, пошла искать по всему дому и наконецъ нашла въ темнотѣ въ саду. Сначала онъ ничего не отвѣчалъ на ея разспросы, а потомъ сказалъ, что веселье и смѣхъ ему невыносимы: въ душѣ его встаютъ образы прошлаго. Она стала ласкать его, говорить ему нѣжныя слова, и черезъ нѣсколько времени онъ вернулся къ гостямъ, еще молчаливый, печальный и смущенный, но скоро овладѣлъ собой и присоединился къ общему веселью.

Въ другой разъ онъ вернулся изъ какой-то поѣздки по дѣлу очень мрачный. Услыхавъ громкій смѣхъ дѣтей, онъ нахмурился еще больше. Дѣти пошли въ кухню къ матери, переговорили всѣ вмѣстѣ и вернулись въ комнату притихшія и серьезные. Одинъ подошелъ къ Іерну и пожаловался, что у него что-то болитъ; другой попросилъ ему въ чемъ-то помочь, и всѣ были очень милы и внимательны къ отцу. Потомъ первый улыбнулся, второй тоже осмѣлился послѣдовать его примѣру, и всѣ бросились къ матери съ крикомъ:

— Мама, мама! папа оттаялъ!

Онъ погрозилъ имъ вслѣдъ пальцемъ и развеселился.

Года проходили за годами.

Разъ Іерна Уля посѣтилъ одинъ его старый знакомый, сдѣлавшійся писателемъ, и освѣдомился о Витенъ Пеннѣ.

— Витенъ умерла,—отвѣчалъ Іернъ.

— Какая удивительная это была женщина! — сказалъ его гость.— Въ ней былъ заключенъ цѣлый особый міръ, пестрый и таинственный. Вокругъ него она выстроила высокую стѣну, потому что глупые люди смѣялись, когда имъ приходилось въ него заглядывать. Это и есть причина, почему многіе серьезные и глубокіе люди молчаливы, Іернъ... Ну, а какъ поживаетъ Эльзбе?

— Ты вѣдь былъ у нея, самъ видѣлъ.

— Я думалъ, что она выйдетъ замужъ за Фите Крея; онъ и просилъ ее объ этомъ, но она не захотѣла. Говорить, что ей довольно ея материнскихъ заботъ. Она вѣдь живетъ настоящей хозяйкой въ Геезѣ и хозяйничаетъ гораздо лучше Тиса. Онъ теперь только исполняетъ ея приказанія и вполне доволенъ. У нея шесть или семь дойныхъ коровъ, которыми она очень дорожитъ. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасныя коровы.

— Она довольна,—проговорилъ задумчиво Іёрнъ,—и Фите Крей также. Мечта его юности исполнилась: онъ — хозяинъ въ Улѣ и поглядываетъ черезъ дорогу на низенькій домикъ своего отца. Долговъ у него много, почти столько же, сколько у меня было, но онъ гораздо легче отъ нихъ избавится, потому что знаетъ толкъ и въ лѣсѣ, и въ пескѣ, и въ углѣ, и во всемъ, что нужно людямъ. Жаль мнѣ до сихъ поръ стараго моего двора и сада, и я радъ, что нѣтъ больше стараго дома. По воскресеньямъ Фите отправляется въ Геезъ, пьетъ тамъ кофе и болтаетъ съ Эльзе и старымъ Тисомъ. И они незамѣтно для самихъ себя состарятся и незамѣтно умрутъ.

— А о своей жизни что ты думаешь, Іёрнъ, хотѣлъ бы я знать.

— Ужъ не собираешься ли ты писать исторію моей жизни?— съ улыбкой спросилъ Іёрнъ. — Я не считаю ее годнымъ матеріаломъ для этого.

— Напрасно ты такъ думаешь. Ты очень много пережилъ на своемъ вѣку, и всегда былъ и остался настоящимъ человекомъ. Юность у тебя была тихая, но украшенная пестрыми вымыслами и интересными образами. Одинокю, но смѣло боролся ты съ жизнью и самостоятельно выработалъ въ себѣ драгоценную способность: познавать цѣнность вещей и явленій. Ты испыталъ горячую любовь къ женщинѣ, взаимную любовь. Ты схоронилъ Лену Тарпъ, отца и братьевъ, и смирился передъ смертью и горемъ. Ты сталъ учиться и заниматься науками въ такіе годы, когда обыкновенные люди думаютъ только о томъ, чтобы обезпечить себя. Работая въ извѣстномъ направленіи, ты никогда не былъ одностороненъ и всегда интересовался тѣмъ, что творилось на свѣтѣ и надъ чѣмъ работали другіе люди. Развѣ такая жизнь не достойна быть описанной?

— Когда я былъ мальчикомъ,—задумчиво произнесъ Іёрнъ,—я поставилъ себѣ въ комнату сундукъ, сѣлъ на него и думалъ, что это—центръ вселенной. Оттуда смотрѣлъ я на Божій міръ и на самого Бога и обращался съ Ними довольно фамиллярно. Но чѣмъ дольше я жилъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что ничего не знаю, и тѣмъ болѣе возростало мое благоговѣйное изумленіе. Если жизнь не сломила меня и если теперь я могу назвать себя счастливымъ человекомъ, то этимъ я обязанъ вѣрѣ и смиренію. Сначала бессознательно, а потомъ все яснѣе и ощутительнѣе всю жизнь жили въ моей душѣ два чувства: смиреніе и вѣра въ жизнь, въ людей и въ Бога.

Съ нѣм. П—на С—ва.

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ

ВЪ

НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

— Bismarck und seine Welt. Grundlegung einer psychologischen Biographie, von *Oskar Klein-Hattingen*. Zwei Bände. Erster Band: 1815—1871. Berlin, 1902. (Ferdin. Dümmler).

Судьба Бисмарка замѣчательна въ томъ отношеніи, что роль его въ Германіи расширяется и упрочивается послѣ его смерти: плоды его дѣятельности оказываются несравненно болѣе долговѣчными, чѣмъ думали многіе изъ его современниковъ. Германская имперія крѣпко держится въ томъ видѣ, какъ онъ ее создалъ тридцать лѣтъ назадъ; отдѣльныя нѣмецкія государства съ старинными и могущественными нѣкогда династіями безпрекословно исполняютъ предназначенную имъ скромную миссію въ новомъ имперскомъ строѣ, подъ главенствомъ Пруссіи и ея короля, какъ германскаго императора. Внутренняя жизнь имперіи свободно развивается и процвѣтаетъ на широкихъ національных основахъ, установленныхъ Бисмаркомъ; внѣшняя политика неуклонно идетъ по указанному имъ пути, несмотря на всѣ позднѣйшія заявленія о мнимой „перемѣнѣ курса“. Способы дѣйствія правительства стали мягче и сдержаннѣе; тактика дипломатіи кажется болѣе гибкою и примирительною,—но ея цѣли, общій характеръ и направленіе ни въ чемъ не измѣнились. Безъ войны и безъ всякаго риска Германія успѣшно поддерживаетъ достигнутое ею первенствующее положеніе въ Европѣ и непрерывно

распространяетъ свою власть и вліяніе на новыя отдаленныя земли въ разныхъ частяхъ свѣта. Настойчиво преслѣдуя повсюду свои выгоды и интересы, она въ то же время заботливо сохраняетъ традиціи твердаго миролюбія и считается по прежнему надежнымъ оплотомъ европейскаго мира.

Политическое наслѣдіе, оставленное Бисмаркомъ, не уменьшается, а растетъ съ годами; оттого и интересъ къ его личности не слабѣетъ въ Германіи, и относящаяся къ нему литература постоянно увеличивается: кромѣ документальныхъ изданій фонъ-Поппингера, въ послѣднее время появились три новыя сочиненія о Бисмаркѣ—первый томъ обширнаго труда Оскара Клейнъ-Гаттингена, представляющій собою опытъ психологической біографіи, и двѣ спеціальныя работы объ экономической политикѣ Бисмарка—Леона Цейтлина и Георга Бродница. Книга Клейнъ-Гаттингена заключаетъ въ себѣ послѣдовательный разсказъ о жизни и дѣятельности перваго германскаго канцлера, на основаніи всѣхъ имѣющихся фактическихъ данныхъ, воспоминаній и записокъ, причемъ изложеніе носитъ на себѣ характеръ безыскусственнаго, иногда наивнаго лиризма. Пользуясь содержаніемъ этой „психологической біографіи“, мы можемъ воссоздать наиболѣе выдающіеся моменты личной и политической исторіи Бисмарка,—исторіи глубоко поучительной не для однихъ нѣмцевъ. Бисмаркъ былъ яркимъ представителемъ государственнаго авторитета, монархистомъ по рожденію и по семейнымъ традиціямъ, и въ то же время онъ сильнѣе кого бы то ни было воплощалъ въ себѣ сознаніе первенства національныхъ и народныхъ интересовъ предъ правительственными и династическими; онъ часто называлъ себя слугою своего короля, но этому положенію „слуги“ онъ никогда не подчинялъ ни своихъ политическихъ взглядовъ, ни своего чувства долга и отвѣтственности предъ страной,—отчасти потому, что и самъ король былъ и считалъ себя только слугою отечества, блюстителемъ и охранителемъ общихъ пользъ государства и націи. Бисмаркъ былъ государственнымъ человекомъ культурнаго прусскаго типа, сторонникомъ твердой сознательной власти, убѣжденнымъ консерваторомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ противникомъ административной рутинны, защитникомъ народнаго и парламентскаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, насадителемъ новыхъ прогрессивныхъ началъ въ политическомъ строѣ націи. Это были въ немъ не противорѣчія, а органически связанныя проявленія глубоко-практическаго ума, свободнаго отъ шаблонныхъ идей и предрассудковъ. Бисмаркъ былъ дѣльною натурою, и для него политическая и служебная

карьерѣ была дѣломъ патріотическаго призванія, а не личнаго возвышенія или матеріальнаго разсчета.

Отто-Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ родился и выросъ въ семьѣ, принадлежавшей къ феодальному прусскому дворянству. Дворянство это—особое: оно предано королю въ силу особыхъ историческихъ отношеній, съ полнымъ сохраненіемъ личной независимости и достоинства, безъ всякаго отгѣнка угодливости. Родъ Бисмарковъ водворился въ одной изъ мѣстностей Бранденбурга, въ такъ называемой Старой Маркѣ (Altmark), еще до появленія тамъ Гогенцоллерновъ; съ половины четырнадцатаго вѣка онъ владѣлъ замкомъ при мѣстечкѣ Бисмаркъ, близъ города Стендала, а въ шестнадцатомъ столѣтіи утвердился въ Шенгаузенѣ, на правомъ берегу Эльбы, недалеко отъ впаденія въ нее Гавеля. Эта мѣстность входила нѣкогда въ составъ Сѣверной Марки, которую образовалъ Генрихъ I съ цѣлью противодѣйствія напору славянства. Бисмарки, какъ вассалы, не отличались покорностью; еще въ 1722 году Фридрихъ-Вильгельмъ I относилъ ихъ къ числу тѣхъ дворянскихъ фамилій, которыя проникнуты упорнымъ оппозиціоннымъ духомъ. Позднѣе родъ Бисмарковъ доставлялъ Гогенцоллернамъ вѣрныхъ служилыхъ людей, преимущественно для арміи; отецъ канцлера, Фердинандъ, гордился тѣмъ, что при поступленіи на службу корнетомъ гвардейскихъ стрѣлковъ удостоился услышать на смотрѣ отъ самого Фридриха II Великаго хвалебныя слова объ его дѣдѣ, Августѣ-Фридрихѣ фонъ-Бисмаркѣ, павшемъ въ битвѣ при Чаславѣ. „Будь подобенъ своему дѣду!“—сказалъ юному офицеру король:—„Это былъ молодецъ!“ Фердинандъ, однако, не былъ подобенъ своему дѣду и предпочиталъ военной службѣ скромную самостоятельную дѣятельность помѣщика и хозяина; съ 1795 года онъ завѣдывалъ имѣніями семьи и въ началѣ столѣтія пережилъ тяжелое время французскаго нашествія: французы побывали и въ Шенгаузенѣ, гдѣ распоряжались по-своему, такъ что владѣльцы должны были спастись бѣгствомъ. Въ эпоху освободительной войны Фердинандъ фонъ-Бисмаркъ командовалъ мѣстнымъ ополченіемъ, оберегавшимъ переходы черезъ Эльбу, и собиралъ отряды добровольцевъ для корпуса Люцова; собранные имъ добровольцы, передъ выступленіемъ въ походъ, отслужили молебствіе въ церкви Шенгаузена, въ присутствіи самого фонъ-Люцова и знаменитыхъ вдохновителей тогдашняго національнаго патріотизма, Фридриха Яна и поэта Теодора Кернера. Въ пѣніи возбуждающихъ патріотиче-

скихъ пѣсенъ участвовала тогда вся мѣстная община; добровольцы торжественно присягали, что „не успокоятся до тѣхъ поръ, пока послѣдній французъ не будетъ прогнанъ по ту сторону Рейна“. Разказы объ этихъ эпизодахъ, какъ говорилъ потомъ Отто фонъ-Бисмаркъ, были его первыми и живѣйшими воспоминаніями дѣтства. Въ домѣ преобладало вліяніе матери, урожденной Менкенъ, строгой и тонко образованной женщины, воспитанной въ средѣ придворной бюрократіи и унаслѣдовавшей нѣкоторую педантическую сухость отъ своего отца, либеральнаго сановника при Фридрихѣ II и двухъ его преемникахъ.

Жизнерадостнымъ, здоровымъ и рослымъ юношей вступилъ Отто фонъ-Бисмаркъ въ университетъ, сначала въ Геттингенъ, а затѣмъ въ Берлинъ, гдѣ окончилъ курсъ юридическаго факультета въ маѣ 1835 года, двадцати лѣтъ отъ роду. Три года провелъ онъ въ опытахъ государственной службы, судебной и административной, согласно желанію родителей; но чиновничья карьера была ему не по душѣ, и онъ готовится завѣдывать хозяйствомъ въ отцовскихъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, для чего посѣщаетъ земледѣльческую академію въ Эльденѣ. „Привзаніе сельскаго хозяина,—пишетъ онъ отцу въ сентябрѣ 1839 года,—наиболѣе соотвѣтствуетъ моему положенію и моимъ наклонностямъ. Служба мнѣ не улыбается; не менѣе почетно и при извѣстныхъ обстоятельствахъ болѣе полезно заниматься хлѣбнымъ производствомъ, чѣмъ издавать административныя распоряженія. Что мое честолюбіе направлено болѣе къ тому, чтобы не повиноваться, а повелѣвать,—это фактъ, для котораго я не могу привести другой причины, кромѣ моего вкуса; между тѣмъ это такъ“. Для блага Пруссіи безразлично, кто будетъ управлять дѣлами провинціи—онъ или какой-либо другой дѣльный кандидатъ. Притомъ въ высшемъ чиновничествѣ нѣтъ самостоятельности, „а я хочу дѣлать музыку, какъ я ее понимаю, или совсѣмъ не участвовать въ ней“. Въ служебной кастѣ требуется полный отказъ отъ своихъ убѣжденій и отъ своей индивидуальности; приходится видѣть злоупотребленія и не замѣчать ихъ; все подчиняется рутинѣ и регламентаціи. Дѣла какъ будто придумываются для того, чтобы давать занятіе чиновникамъ. Поэтому служебная дѣятельность не могла бы удовлетворять его, и будучи должностнымъ лицомъ, онъ часто имѣлъ бы столкновенія, особенно въ виду того, что его политическіе взгляды противорѣчатъ правительственнымъ. Служить правительству, съ стремленіями котораго онъ считаетъ нужнымъ бороться по чувству долга передъ отечествомъ, было бы противно его совѣсти. „Я долженъ сознаться,—

продолжаетъ молодой Бисмаркъ въ этомъ откровенномъ письмѣ, — что нѣкоторые отличія, какъ, напр., военнаго человѣка на войнѣ, государственнаго дѣятеля при свободной конституціи, въ родѣ Пайя, О'Коннеля, Мирабо и т. п., участника энергическихъ политическихъ движеній, имѣли бы для меня притягательную силу, исключаящую всякое размышленіе, — какъ свѣтъ для бабочки; значительно менѣе привлекаютъ меня успѣхи, достигаемые на широко проторенной дорогѣ посредствомъ экзаменовъ, связей, канцелярскихъ занятій, служебнаго старшинства и благоволенія начальниковъ. Однако бываютъ минуты, когда я не безъ горькихъ сожалѣній вспоминаю о всѣхъ тѣхъ удовлетвореніяхъ тщеславія, которыя меня ожидали бы на службѣ, — о возможности того, что мои полезныя качества и мое превосходство были бы официально признаны путемъ быстрого повышенія и другихъ отличій, что я сдѣлался бы человѣкомъ вліятельнымъ и важнымъ, передъ которымъ преклонялись бы люди менѣе важные; что наконецъ меня и мою семью окружило бы „дѣйствительное тайное“ сіяніе; — все это иногда ослѣпляетъ меня послѣ выпитой бутылки вина, и нужно трезвое и спокойное размышленіе, чтобы сказать себѣ, что это лишь плоды глупаго тщеславія, принадлежащіе къ той же категоріи, какъ и гордость франта своимъ сюртукомъ или банкира своими деньгами; что неразумно и бесполезно строить свое счастье на чужихъ мнѣніяхъ, и что разсудительный человѣкъ долженъ жить для себя и для осуществленія того, что онъ самъ признаетъ истиннымъ и справедливымъ, а не ради впечатлѣній, какія онъ производитъ на другихъ, или ради толковъ, какіе могутъ происходить о немъ при жизни или послѣ смерти. Я не свободенъ отъ честолюбія, но вижу въ немъ только дурную страсть и притомъ болѣе неразумную, чѣмъ другія, ибо, отдавшись ему, я долженъ былъ бы принести въ жертву всю свою силу и независимость, не доставивъ себѣ прочнаго удовлетворенія и насыщенія, даже въ случаѣ наилучшаго успѣха“. Имѣя хорошія способности, можно примѣнить ихъ во всякой другой профессіи, и напримѣръ, для веденія крупнаго земледѣльческаго хозяйства требуется больше ума, чѣмъ для пріобрѣтенія званія „тайнаго совѣтника“. Притомъ и финансовыя соображенія заставляютъ думать о хозяйствѣ, а не о службѣ: „Получать содержаніе, которое при моихъ потребностяхъ позволяло бы мнѣ жениться и устроиться своимъ домомъ въ городѣ, я могъ бы, при самой удачной карьерѣ, только къ сорока годамъ, въ должности провинціального президента или въ другой подобной, послѣ того какъ я высохъ бы отъ канцелярской пыли и нажилъ бы разныя

болѣзни отъ сидячей жизни; тогда и жена была бы мнѣ нужна только въ качествѣ сидѣлки. За это умѣренное преимущество—называться президентомъ—и за сознание, что я приношу пользу странѣ въ размѣрѣ получаемого жалованья, дѣйствуя притомъ иногда вредно и стѣснительно, и исполняя, впрочемъ, лишь то, что я необдуманно призналъ своимъ долгомъ,—за это я твердо рѣшился не отдавать своего убѣжденія, своей жизненной силы и дѣятельности, пока существуютъ еще тысячи людей, и въ томъ числѣ отличные люди, которымъ означенныя приманки кажутся достаточно цѣнными, чтобы съ радостью устремиться къ оставленному мною пустому мѣсту“.

Съ 1839 года Отто фонъ-Бисмаркъ хозяйничалъ въ помѣстьяхъ своего отца, который самъ съ младшею дочерью поселился въ Шенгаузенѣ. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ велъ деревенскую жизнь, сначала поглощенный заботами о поправленіи разстроеннаго хозяйства, а потомъ занятый разными сельскими удовольствіями и приключеніями, доставившими ему въ округѣ славу безумно-смѣлаго и веселаго „юнкера“. Онъ числился офицеромъ ландвера, поддерживалъ постоянныя сношенія съ военною молодежью, много читалъ, особенно по исторіи, и часто путешествовалъ. Въ 1846 году онъ обручился съ Іоганною фонъ-Путткамеръ, дочерью набожныхъ протестантскихъ родителей, которые въ первый моментъ не хотѣли и слышать о сватовствѣ легкомысленнаго помѣщика; но послѣдній вскорѣ убѣдилъ ихъ, что въ душѣ его произошелъ спасительный переворотъ, направившій его мысли въ сторону религіознаго міросозерцанія. Продолжительное пребываніе въ родовомъ имѣніи сдѣлало Бисмарка такимъ, какимъ онъ впоследствии выступилъ на политическое поприще, — бодрымъ и неутомимымъ, находчивымъ и откровеннымъ до безцеремонности, не знающимъ условныхъ преградъ и никогда не теряющимъ самообладанія. Въ немъ укрѣпилось чувство личной независимости, вмѣстѣ съ усиленіемъ историческихъ фамилныхъ связей съ землею. „Я не могу отрицать, — говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ, — что въ нѣкоторой степени горжусь многолѣтнимъ господствомъ консервативнаго принципа здѣсь въ домѣ, гдѣ мои отцы въ теченіе столѣтій проживали въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ родились и умирали, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ портреты въ домѣ и въ церкви, — начиная съ покрытаго желѣзными латами рыцаря, до длинноволосаго всадника тридцатилѣтней войны, затѣмъ носителей исполинскихъ париковъ, шагавшихъ по этимъ паркетамъ въ своихъ ботфортахъ, и кавалериста съ косичкою,

погибшаго въ бояхъ Фридриха Великаго, и кончая изнѣженнымъ потомкомъ, распростертымъ нынѣ у ногъ черноволосой дѣвицы". Живой здравый смыслъ, воспитанный въ безыскусственной сельской средѣ, въ постоянномъ общеніи съ природой, мѣшалъ ему быть вполне послѣдовательнымъ консерваторомъ; но инстинктивная вражда къ городской буржуазіи ярко сказывается въ его первыхъ публичныхъ заявленіяхъ.

Весною 1847 года Бисмаркъ попалъ, въ качествѣ замѣстителя одного изъ уполномоченныхъ, въ первый соединенный земскій сеймъ, созванный февральскимъ патентомъ Фридриха-Вильгельма IV. Сеймъ понадобился правительству не для того, чтобы исполнить обѣщаніе, данное еще во время освободительныхъ войнъ, а для устройства займа, который, въ силу эдикта 1820 года, не могъ бы состояться безъ участія земскихъ чиновъ. Открытіе сейма казалось Бисмарку ненужнымъ „фарсомъ“; вступительная рѣчь короля понравилась ему только какъ искренній протестъ противъ конституціонныхъ плановъ и мечтаній. Бисмаркъ глубоко возмущался и негодовалъ по поводу домогательствъ либеральной оппозиціи; онъ нѣсколько разъ обстоятельно высказывался въ сеймѣ, удивляя слушателей своими смѣлыми реакціонными, иногда прямо средневѣковыми идеями. Оригинальная личность новаго земскаго защитника королевской власти была замѣчена королемъ и его братомъ, наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ; сближеніе стало болѣе интимнымъ во время мартовскихъ событій 1848 года въ Берлинѣ. Узнавъ въ Шенгаузенѣ о торжествѣ революціи, Бисмаркъ рѣшилъ предпринять что-нибудь, чтобы освободить короля изъ рукъ возставшей буржуазіи; встрѣтивъ горячее сочувствіе въ мѣстныхъ крестьянахъ, онъ роздалъ имъ оружіе, какое можно было найти въ замкѣ и въ селѣ, объѣхалъ съ женою сосѣднія деревни и вездѣ нашелъ населеніе готовымъ идти къ столицѣ на помощь королю. Онъ отправился затѣмъ въ Потсдамъ, обратился къ командовавшимъ генераламъ, уговаривалъ ихъ выручить короля, предлагалъ привести своихъ вооруженныхъ крестьянъ, но ему отвѣчали одно: „солдаты у насъ довольно, но безъ формальнаго приказа мы дѣйствовать не можемъ“. Бисмаркъ направляется къ наслѣднику, принцу Вильгельму, но не находитъ его, — отыскиваетъ принца Фридриха-Карла, убѣждаетъ его, что армія должна выѣхать самостоятельно, но взволнованный принцъ ссылается на свою молодость и недостатокъ авторитета; онъ даетъ, однако, письмо къ своему брату, королю, и съ этимъ письмомъ Бисмаркъ ѣдетъ въ Берлинъ, чтобы добиться свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Между тѣмъ его не пропускаютъ во

дворецъ; онъ изъ гостинницы пишетъ королю, что революція ограничивается только большими городами и что монархъ останется властелиномъ надъ странюю, какъ только покинетъ столицу. Изъ Берлина Бисмаркъ опять возвращается въ Потсдамъ, настойчиво совѣтуетъ генераламъ начать наступательныя дѣйствія; генералы обнимаютъ его въ слезахъ и наконецъ выражаютъ желаніе удостовѣриться, пойдутъ ли съ ними заодно командиры Магдебурга и Штеттина. Бисмаркъ берется узнать это; онъ посылаетъ довѣреннаго человѣка въ Штеттинъ и получаетъ оттуда отвѣтъ, что тамъ согласны послѣдовать примѣру потсдамскихъ начальниковъ; въ Магдебургъ онъ ѣдетъ лично, но долженъ быстро вернуться оттуда, такъ какъ при первомъ его военномъ запросѣ ему пригрозили арестомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Послѣ всѣхъ этихъ неудавшихся усилій вызвать вмѣшательство арміи въ пользу короля, Бисмаркъ уѣхалъ обратно въ Шенгаузенъ, объяснилъ крестьянамъ, что походъ ихъ къ Берлину не нуженъ, и взялся только доставить отъ нихъ депутацію въ Потсдамъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не оправдалъ ожиданій своихъ усердныхъ защитниковъ; онъ мало-по-малу поддавался общему народному настроенію, отрекся отъ своихъ недавнихъ громкихъ и грозныхъ словъ о божественной неограниченной власти монарха и рѣшительно вступилъ на путь конституціонныхъ уступокъ. Торжественный проѣздъ короля по улицамъ Берлина, 21 марта, состоялся при единодушныхъ ликованіяхъ населенія. Въ началѣ апрѣля собрался второй соединенный земскій сеймъ, для обсужденія нѣкоторыхъ предварительныхъ конституціонныхъ вопросовъ; предложенъ былъ благодарственный адресъ королю, и депутатъ фонъ-Бисмаркъ заявилъ, что не можетъ благодарить за то, что сдѣлано властью, хотя и принимаетъ все совершившееся, какъ фактъ непоправимый. „Если дѣйствительно удастся на новомъ пути—закончилъ онъ свою рѣчь—создать единое германское отечество, достигнуть счастливаго или по крайней мѣрѣ прочно устроеннаго законнаго положенія, то я первый сочту своимъ долгомъ выразить благодарность виновнику новаго порядка вещей; но теперь это для меня невозможно!“ Припадокъ нервнаго плача не далъ ему говорить больше.

На Бисмарка смотрѣли тогда какъ на отчаяннаго реакціонера; съ нимъ чувствовалъ себя вполне солидарнымъ принцъ Вильгельмъ, котораго онъ довелъ до рыданій чтеніемъ какихъ-то стиховъ, изображавшихъ позоръ прусскаго знамени, загрязненнаго чернью. Романтически настроенный и перемѣнчивый во взгля-

даже король былъ вообще далекъ отъ Бисмарка, но долго хранилъ у себя его письмо, какъ „драгоценное доказательство неизмѣнной прусской вѣрности“; онъ приглашалъ его потомъ въ Сансуси, и тотъ явился къ нему не сразу, въ виду своего критическаго отношенія къ событіямъ. Бисмаркъ не скрывалъ отъ Фридриха-Вильгельма IV, что относится отрицательно къ его послѣднимъ дѣйствіямъ, и что въ странѣ нѣтъ прежняго довѣрія къ королю; король оправдывался необходимостью, доказывалъ, что теперь требуется активная преданность, а не безполезная критика, и говорилъ въ такомъ благодушномъ, чистосердечномъ тонѣ, что совершенно обезоружилъ собесѣдника. Бисмаркъ отказался отъ своего фрондерства и принялъ дѣятельное участіе въ попыткахъ найти какой-нибудь выходъ изъ труднаго кризиса; онъ подыскивалъ новыхъ министровъ, велъ объ этомъ переговоры съ разными лицами, и самъ числился въ министерскихъ спискахъ, хотя при его имени король сдѣлалъ такую отмѣтку: „удобенъ только въ томъ случаѣ, когда штыки будутъ владствовать безраздѣльно“. Реакція постепенно пріобрѣтаетъ почву, но не доходитъ до упраздненія народнаго представительства; въ концѣ 1848 года обнародованы новая конституція и избирательный законъ. Въ февралѣ слѣдующаго года Бисмаркъ былъ избранъ въ прусскую палату депутатовъ, гдѣ засѣдалъ до 1851 года въ рядахъ крайней правой.

Въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ Бисмаркъ старался объяснить, что въ сущности никогда не былъ ни приверженцемъ самовласти, ни сторонникомъ сословныхъ привилегій. „Абсолютизмъ нуждается прежде всего въ безпристрастіи, честности, чувствѣ долга, трудолюбіи и внутреннемъ смиреніи правителя; когда эти качества имѣются на лицо, то все-таки мужскіе и женскіе фавориты, собственное тщеславіе и чувствительность къ лести неизбѣжно будутъ урѣзывать для государства плоды королевскихъ благихъ намѣреній, ибо монархъ не обладаетъ всевѣдѣніемъ и не можетъ примѣнять одинаковую способность разумнія во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности. Уже въ 1847 году,—говоритъ онъ далѣе,—я стоялъ за то, что надо обезпечить возможность публичной критики правительства въ парламентѣ и въ печати, и этимъ оградить монарха отъ опасности, чтобы женщины, царедворцы, честолюбцы и фантазеры наложили на его глаза шоры, которыя не позволяли бы ему взвѣшивать свои монархическія задачи, избѣгать промаховъ и исправлять ихъ. Такое убѣжденіе все болѣе укрѣплялось во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я ближе знакомился съ придворными кружками и долженъ былъ

все чаще защищать государственный интересъ противъ ихъ по-
ползновеній и противъ оппозиціи спеціального кружкового па-
тріотизма отдѣльныхъ вѣдомствъ. Мною руководилъ только госу-
дарственный интересъ, и несправедливо было обвинять меня въ
томъ, что я когда-либо выступалъ въ пользу дворянскаго владѣ-
чества. Рожденіе въ моихъ глазахъ никогда не служило замѣною
способности и дѣльности, и если я высказывался въ пользу земле-
владѣнія, то я дѣлалъ это не ради интересовъ владѣльческаго
сословія, а потому, что упадокъ сельскаго хозяйства представ-
ляется мнѣ одною изъ крупнѣйшихъ опасностей для нашего госу-
дарственного строя. Идеаломъ казалась мнѣ монархическая власть,
настолько контролируемая независимымъ сословнымъ или про-
фессіональнымъ земскимъ представительствомъ, чтобы монархъ и
парламентъ не могли односторонне измѣнять установленный за-
конный порядокъ, а только по взаимному согласію, при публич-
ности и публичной критикѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ со
стороны печати и земскаго сейма. Даже тѣ, которые раздѣляли
бы мнѣніе, что безконтрольный абсолютизмъ по образцу Людо-
вика XIV составляетъ подходящую форму правленія для нѣмец-
кихъ подданныхъ, неизбѣжно утрачиваютъ это мнѣніе, когда изу-
чаютъ придворныя исторіи и дѣлаютъ критическія наблюденія,
какія я имѣлъ возможность дѣлать при любимомъ мною лично и
глубоко почитаемомъ королѣ Фридрихъ-Вильгельмѣ IV. Король
былъ вѣрующій, опирающійся на свое божественное призваніе
абсолютистъ, и министры были обыкновенно довольны, когда ихъ
дѣйствія и акты покрывались королевскою подписью, хотя они
сами часто не могли бы оправдать содержанія подписаннаго".
Подъ прикрытіемъ королевскаго абсолютизма неограниченно господ-
ствуетъ бюрократія, которая вызвала особенную ненависть Бис-
марка въ періодъ его деревенской и провинціальной жизни, когда
ему приходилось наблюдать постоянныя непосредственныя столк-
новенія мелкихъ административныхъ органовъ съ населеніемъ.
Но несомнѣнно, что по складу своего характера, по своимъ
чувствамъ и понятіямъ онъ былъ тогда абсолютистомъ, вѣрнымъ
вассаломъ своихъ королей, и больше всего презиралъ либераль-
ное фразерство городского „мѣщанства“, къ которому относилъ и
бюрократію; только впоследствии, переставъ быть частнымъ ли-
цомъ, безответственнымъ человѣкомъ партіи, онъ оцѣнилъ важ-
ность свободнаго публичнаго обсужденія критики и контроля въ
сферѣ государственныхъ дѣлъ.

Съ конца сороковыхъ годовъ личность фонъ-Бисмарка, какъ
самобытнаго земскаго дѣятеля, уже вполне опредѣлилась и заняла

видное мѣсто въ прусскомъ консервативномъ лагерѣ; естественно поэтому, что при дворѣ обнаружилось желаніе привлечь его на государственную службу. Въ маѣ 1851 года онъ былъ назначенъ совѣтникомъ прусскаго посольства при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а въ іюлѣ того же года получилъ званіе посланника; съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе восьми лѣтъ принимаетъ ближайшее и отчасти руководящее участіе во всѣхъ закулисныхъ движеніяхъ того сложнаго политическаго механизма, который назывался германскимъ союзомъ. Бисмаркъ сдѣлался дипломатомъ не случайно, и выборъ его на трудный постъ представителя Пруссіи при союзномъ сеймѣ объясняется разными соображеніями. Во-первыхъ, наиболѣе жгучіе вопросы текущей политики были неразрывно связаны съ ходомъ нѣмецкихъ національных дѣлъ, и во Франкфуртѣ нуженъ былъ энергическій, ловкій и настойчивый человѣкъ, чтобы давать этимъ дѣламъ желательное для Пруссіи направление, безобидное для Австріи. Во-вторыхъ, репутація Бисмарка, какъ яраго реакціонера, исключала возможность активной роли его въ составѣ правительства или администраціи, но очень пригодилась въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, гдѣ господствовало вліяніе безусловно реакціонныхъ кабинетовъ—вѣнскаго и петербургскаго. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, среди ревниваго соперничества съ австрійскою дипломатіею, среди взаимныхъ счетовъ и интригъ между представителями второстепенныхъ германскихъ государствъ, Бисмаркъ находилъ благодарнѣйшій матеріалъ для довершенія своего собственнаго политическаго воспитанія; онъ выработалъ тамъ не только свою общую прусско-національную программу, но и тѣ практическіе приемы и способы дѣйствія, которые должны были обезпечить ея осуществленіе. Въ дѣятельной перепискѣ съ своимъ придворнымъ покровителемъ и другомъ, генераломъ Леопольдомъ фонъ-Герлахомъ, и съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, министромъ Мантейфелемъ, онъ подробно обсуждаетъ всевозможные политическіе вопросы, стоящіе на очереди,—даетъ обстоятельно мотивированные совѣты, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Австріею, Россіею и Наполеономъ III, для пользы Пруссіи, и неуставно предостерегаетъ отъ прямолинейнаго примѣненія общихъ принциповъ, не имѣющихъ своей основы въ реальныхъ выгодахъ и интересахъ государства.

Въ 1857 году, по случаю душевной болѣзни короля, управление перешло въ руки его брата, который, четыре года спустя, вступилъ на престолъ подъ именемъ Вильгельма I. Бисмаркъ пользовался его полнымъ довѣріемъ, и оба они во многомъ схо-

дились на почвѣ національных прусско-германскихъ стремленій; но солдатская натура Вильгельма, его строго-военные взгляды и идеалы, его склонность къ необдуманнѣмъ патріотическимъ порывамъ, его податливость по отношенію къ интимнымъ семейнымъ вліяніямъ, наконецъ его упрямство,—все это значительно измѣняетъ условія дѣятельности Бисмарка и не даетъ ему увѣренности въ прочности своего положенія. Въ январѣ 1859 года онъ противъ своей воли долженъ былъ покинуть Франкфуртъ, такъ какъ принцъ-регентъ, подчиняясь вліянію своей супруги и ея совѣтниковъ, нашелъ необходимымъ имѣть при союзномъ сеймѣ болѣе уступчиваго и миролюбиваго представителя, способнаго улучшить прежнія отношенія съ Австріею. Бисмаркъ принялъ почетный постъ посланника при русскомъ дворѣ, пробывъ въ Петербургѣ до весны 1862 года и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ той же должности въ Парижѣ, получилъ наконецъ назначеніе, которое позволило ему осуществить свои завѣтныя политическія мечты. Въ сентябрѣ того же 1862 года, запутавшись въ безысходномъ кризисѣ изъ-за предпринятой военной реформы, король рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ Бисмарку, по совѣту его стараго друга и единомышленника, военнаго министра фонъ-Роона. Король носился тогда съ мыслью о своемъ отреченіи; онъ не могъ и не хотѣлъ уступать народному представительству въ вопросахъ военной организаціи и откровенно изложилъ Бисмарку свою точку зрѣнія. Бисмаркъ согласился быть министромъ борьбы; онъ взялся отстаивать непопулярный военный законопроектъ во всѣхъ его подробностяхъ, противъ парламентскаго большинства, и выразилъ готовность лучше „погибнуть вмѣстѣ съ королемъ“, чѣмъ допустить торжество оппозиціи. Король успокоился и предоставилъ Бисмарку дѣйствовать, отказавшись отъ попытки ограничить его заранее составленною и собственноручно переписанною программю, которую тутъ же разорвалъ на его глазахъ. Такъ началась правительственная дѣятельность Бисмарка при Вильгельмѣ I. Тридцатишести лѣтъ отъ роду онъ впервые попалъ въ дипломаты, а черезъ одиннадцать лѣтъ онъ является уже руководителемъ прусской политики, въ качествѣ министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ засѣданіи бюджетной комиссіи, 30 сентября, онъ произноситъ свою знаменитую фразу, что „не рѣчами и постановленіями большинства разрѣшаются великіе вопросы времени, а желѣзомъ и кровью“. Фраза прозвучала не только въ Пруссіи, но и въ Европѣ какимъ-то грознымъ вызовомъ и надѣлала много

шума въ нѣмецкой печати. Король Вильгельмъ находился тогда въ отсутствіи; онъ уѣзжалъ въ Баденъ-Баденъ къ своей супругѣ и долженъ былъ тотчасъ же вернуться въ Берлинъ. Бисмаркъ отправился къ нему на встрѣчу по желѣзной дорогѣ, специально для того, чтобы предупредить неблагоприятное впечатлѣніе, какое могли произвести на него газетные отчеты и толки о сказанныхъ словахъ. Какъ рассказываетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ, король замѣтилъ ему въ меланхолическомъ тонѣ: „Я въ точности предвижу, чѣмъ все это кончится. Тамъ, на площади, подъ моими окнами, отрубятъ вамъ голову, а немного позже и мнѣ“. — „Но—возразилъ Бисмаркъ—намъ придется все равно умереть рано или поздно, а можно ли придумать болѣе приличную смерть, чѣмъ въ борьбѣ за правое дѣло? Ваше величество поставлены въ необходимость сражаться, вы не можете капитулировать, вы должны противиться насилію, даже еслибы это связано было съ физическою опасностью“. Мысль о военномъ долгѣ была наиболѣе убѣдительною для короля, и онъ сразу оживился, когда почувствовалъ себя въ положеніи офицера, обязаннаго воевать за отечество и монархію. „Идеальный типъ прусскаго офицера, готоваго идти на смерть по долгу службы, былъ въ немъ развитъ въ высшей степени. Раньше онъ озабоченъ былъ соображеніями о томъ, оправдывается ли избранный путь передъ критикою его супруги и передъ прусскимъ общественнымъ мнѣніемъ; а послѣдствіемъ разговора въ темномъ купѣ вагона было то, что онъ разсматривалъ свою роль уже болѣе съ точки зрѣнія офицера, призваннаго отстоять извѣстный пунктъ во чтѣ бы то ни стало, хотя бы цѣною своей жизни. Этими онъ возвращенъ былъ къ своимъ привычнымъ понятіямъ и способамъ мышленія, и въ нихъ онъ опять почерпнулъ спокойную увѣренность, бодрость и даже веселость. Жертвовать жизнью за короля и отечество—это было обязанностью прусскаго офицера, и тѣмъ болѣе короля, какъ перваго офицера въ государствѣ. Какъ только онъ взглянулъ на свое положеніе со стороны офицерской чести, оно слѣдалось для него столь же яснымъ и простымъ, какъ для всякаго нормальнаго прусскаго офицера—предписываемая военными правилами защита хотя бы безнадѣжнаго военнаго поста. Онъ избавился этимъ отъ опасной критики, которая могла бы прилагаться къ его политическому маневру супругою и общественнымъ мнѣніемъ. Онъ вполне проникся задачею перваго офицера прусской монархіи, для котораго гибель на службѣ составляетъ почетное завершеніе порученнаго дѣла“.

Этотъ интересный эпизодъ, котораго не приводитъ Клейнъ-Гаттингенъ въ своей книгѣ, характеризуетъ истинныя отношенія министра къ своему повелителю: чтобы вести короля за собою, надо было всегда имѣть въ виду его офицерское міросозерцаніе, которое нерѣдко шло въ разрѣзъ съ важнѣйшими интересами страны. Огромная доля энергіи и изобрѣтательности Бисмарка употреблялась на то, чтобы склонить Вильгельма I къ извѣстнымъ мѣрамъ и рѣшеніямъ, преодолѣть его упорное пассивное сопротивленіе, парализовать враждебныя вліянія его приближенныхъ; эта скрытая закулисная борьба поглощала больше силъ и глубже разстроивала нервы, чѣмъ публичное единоборство съ непримиримою оппозиціею. Требовалось необыкновенное искусство, чтобы направлять короля по желанной дорогѣ, внушая ему убѣжденіе, что онъ слѣдуетъ лишь собственнымъ предначертаніямъ; въ трудные годы хроническаго конфликта между правительствомъ и парламентомъ можно было опираться на общедоступныя офицерскія идеи, но иногда приходилось бороться противъ этихъ идей во имя настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Въ 1866 г., передъ окончательнымъ разрывомъ съ Австріею, Бисмарку было чрезвычайно трудно побудить Вильгельма I рѣшиться на войну, подготовлявшуюся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; потомъ, уже послѣ разрыва, долго не удавалось Мольтке уговорить короля, что необходимо приступить къ быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, а не ограничиваться обороной; нападеніе на великую имперію Габсбурговъ казалось королю какъ будто святотатствомъ, и онъ вѣрилъ въ ея военное и политическое превосходство, вопреки всѣмъ смѣлымъ утвержденіямъ своихъ министровъ; а когда одержана была побѣда при Кениггрецѣ, то почти невозможно было уже остановить порывы короля къ дальнѣйшему походу на Вѣну и къ захвату австрійскихъ земель. Специально-военная, офицерская точка зрѣнія, требовавшая блистательнаго побѣдоноснаго завершенія успѣшно начатой кампаніи, твердо засѣла въ умѣ Вильгельма I, и никакіе доводы не могли сдвинуть его съ этой позиціи, которой придерживались и всѣ окружавшіе его генералы. Въ іюлѣ 1866 года, въ Никольсбургѣ, рѣшалась судьба всей будущности Пруссіи и Германіи, судьба всего національнаго дѣла, которое Бисмаркъ думалъ довести до благополучной развязки при помощи „крови и желѣза“. Австрія была разбита, но не совсѣмъ побѣждена и во всякомъ случаѣ не раздавлена; Наполеонъ III предлагалъ свое посредничество, грозилъ вмѣшательствомъ и требованіями земельныхъ вознагражденій; Россія настоятельно совѣтовала созвать европейскій

конгрессъ, и Бисмаркъ считалъ безусловно необходимымъ ускорить заключеніе мира съ австрійскими уполномоченными, довольствуясь умѣренными условіями, чтобы не подвергать опасности всѣхъ достигнутыхъ результатовъ войны; но король не хотѣлъ и слышать объ остановкѣ военныхъ дѣйствій и объ отказѣ отъ торжественнаго занятія Вѣны. Бисмаркъ заболѣлъ, и заключительное совѣщаніе происходило въ его комнатѣ. Категорически высказанное мнѣніе Бисмарка не нашло отголоска среди членовъ военнаго совѣта; король применилъ къ военному большинству. „Нервы мои не выдержали,—пишетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—послѣ сильныхъ впечатлѣній, волновавшихъ меня безъ перерыва, цѣлые дни и ночи; я молча всталъ, ушелъ въ свою спальню и судорожно заплакалъ... Я немедленно принялся за работу, чтобы изложить на бумагѣ всѣ доводы въ пользу заключенія мира, и просилъ короля, если онъ не пожелаетъ принять этотъ мой совѣтъ,—уволить меня отъ моихъ должностей, какъ министра“. На слѣдующій день Бисмаркъ представилъ королю свою записку съ дальнѣйшими поясненіями. „Надо избѣгать,—говорилъ онъ,—тяжелаго пораженія Австріи, чтобы не оставить въ ней слишкомъ сильной жажды возмездія; напротивъ, нужно сохранить возможность позднѣйшаго сближенія съ нынѣшнимъ противникомъ и не упускать изъ виду, что австрійское государство будетъ еще существовать въ Европѣ; если теперь мы повредимъ Австріи выше мѣры, то она сдѣлается союзницею Франціи и каждого нашего врага; она пожертвуетъ своими анти-русскими интересами, чтобы отомстить Пруссіи. Нѣмецко-австрійскими землями мы не могли бы воспользоваться, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ; сліяніе этихъ земель съ Пруссіею было бы немислимо; нельзя управлять Вѣною изъ Берлина“. Король не возражалъ по существу, но твердилъ свое,—что предложенныя условія недостаточны и что безъ территориальныхъ присоединеній дѣло не обойдется: „главный виновникъ не можетъ же остаться безнаказаннымъ; тогда не трудно было бы уже отнестись мягче къ увлеченнымъ имъ союзникамъ“. Бисмаркъ отвѣчалъ, что предстоитъ не разбирать судебное дѣло, а вести нѣмецкую политику; борьба Австріи изъ-за соперничества съ Пруссіею не болѣе наказуема, чѣмъ прусская борьба противъ Австріи; задачей надо считать установленіе нѣмецкаго національнаго единства подъ главенствомъ прусскаго короля. Когда Бисмаркъ коснулся вопроса о пріостановкѣ побѣднаго шествія арміи къ австрійской столицѣ, король пришелъ въ такое возбужденіе, что дальнѣйшій разговоръ прекратился самъ собою; министръ

покинулъ комнату, въ увѣренности, что его мысль отвергнута, и остановился у себя передъ окномъ „въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ бы броситься внизъ съ четвертаго этажа“. Дверь отворилась, и сзади подошелъ къ нему кронпринцъ, помѣщеніе котораго находилось рядомъ въ корридорѣ; онъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ: „Вы знаете, что я былъ противъ войны; вы признавали ее необходимою и несете за нее отвѣтственность; но если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута и что миръ долженъ быть заключенъ въ настоящее время, то я охотно окажу вамъ содѣйствіе и попробую поддержать ваше мнѣніе предъ моимъ отцомъ“. Черезъ полчаса кронпринцъ вернулся со словами: „это было очень трудно, но отецъ согласился“. Согласіе было выражено въ припискѣ карандашомъ на поляхъ министерскаго доклада: „Послѣ того какъ мой министр-президентъ оставляетъ меня предъ лицомъ непріятеля и я здѣсь не могу его замѣнить,—я обсуждалъ дѣло съ моимъ сыномъ, и такъ какъ онъ тоже присоединился къ взгляду министра-президента, то я нахожу себя вынужденнымъ, къ моему прискорбію, послѣ столь блестящихъ побѣдъ армій перенести эту горечь и принять такой поворотный миръ“. Это было, впрочемъ, послѣднее рѣзкое проявленіе упорнаго антагонизма между міросозерцаніемъ короля и политикою его министра: своими колоссальными политическими успѣхами Бисмаркъ покорилъ умъ и сердце своего монарха, который съ той поры сознательно подчинялся его совѣтамъ и внушеніямъ для пользы государства и націи... Тяжкій внутренній кризисъ окончился, и бывшій реакціонный министръ, насмѣхавшійся надъ лучшими человѣческими идеалами и провозгласившій откровенный культъ силы, показалъ себя болѣе дальновиднымъ и рѣшительнымъ прогрессистомъ, чѣмъ большинство его либеральныхъ противниковъ;—онъ не усомнился признать, что источникъ всей реальной силы государства лежитъ въ народной массѣ, и что правительство, желающее быть сильнымъ и прочнымъ, не можетъ имѣть другой надежной опоры, кромѣ народнаго большинства. Культъ силы привелъ его къ широкимъ демократическимъ принципамъ, которые легли долговѣчнымъ фундаментомъ созданной имъ имперіи.

Достигнувъ величайшаго торжества надъ оппозиціею и парламентомъ, Бисмаркъ не только не стремился ограничить общественныя и народныя права, обуздать общественное мнѣніе, расширить полномочія администраціи, но еще усилилъ и распространялъ конституціонный духъ введеніемъ всеобщаго народнаго голосованія. Всякія ограничительныя мѣры допускались имъ только

какъ орудія борьбы, какъ средства для достиженія временныхъ опредѣленныхъ цѣлей, но никогда не были для него условіями или элементами постоянного, нормальнаго порядка. Оглядываясь впослѣдствіи на эпоху конфликта, онъ отдавалъ справедливость своимъ тогдашнимъ врагамъ и обличителямъ: „я настолько объективенъ,—говорилъ онъ въ 1876 году въ прусской палатѣ депутатовъ,—что могу оцѣнить ходъ идей парламента съ 1862 по 1866 годъ, и я питаю полное уваженіе къ настойчивости, съ какою народное представительство защищало тогда то, что считало соответствующимъ праву. Вы не могли въ то время знать, куда влѣнется направленіе нашей политики; я не былъ также увѣренъ, что она фактически дойдетъ до предполагаемаго результата; и еслибы я могъ вамъ сказать это, то вы всегда имѣли бы возможность отвѣчать: для насъ государственное устройство страны важнѣе, чѣмъ ея внѣшняя политика. И я далекъ отъ того, чтобы ставить это въ упрекъ кому бы то ни было,—хотя въ пылу борьбы бывало иначе“... Для Бисмарка государственное устройство было не предметомъ отвлеченной теоріи или вѣры, а дѣломъ практическаго здраваго смысла, трезваго пониманія національных интересовъ и потребностей. Здравый смыслъ запрещалъ основывать могущество власти на ничтожествѣ и безсиліи народа, возводить въ норму разладъ и недовѣріе между правительствомъ и обществомъ, строить авторитетъ на отсутствіи критики и контроля. Только бодрая, сильная, свободно развивающаяся нація можетъ образовать здоровое, цвѣтущее государство, способное играть великую самостоятельную роль въ мировой политикѣ; а сила и бодрость несовмѣстимы съ пассивнымъ, молчаливымъ безправіемъ. „Абсолютизмъ,—по словамъ Бисмарка,—былъ бы идеальнымъ строемъ, еслибы король и его чиновники не оставались людьми какъ всѣ другіе, которымъ не дано управлять съ сверхъ-человѣческимъ пониманіемъ, предусмотрительностью и справедливостью. Самые разумные и доброжелательные неограниченные короли подлежатъ человѣческимъ слабостямъ и несовершенствамъ, какъ, напримѣръ, преувеличенной оцѣнкѣ собственныхъ взглядовъ, господству фаворитовъ, не говоря уже о женскихъ вліяніяхъ, законныхъ и незаконныхъ. Идеальнѣйшій король, для того, чтобы въ своемъ идеализмѣ не сдѣлаться вреднымъ для государства, нуждается въ критикѣ, уколы которой позволяютъ ему ориентироваться, когда ему грозитъ опасность потерять вѣрную дорогу. Критика можетъ быть проявляема только свободною печатью и парламентами въ современномъ ихъ значеніи. Оба корректива могутъ притупить свое дѣйствіе злоупо-

требленіями; предупреждать это—одна изъ задачъ охранительной политики, требующая борьбы съ парламентомъ и прессою. Опре-
дѣленіе границъ, которыхъ надо держаться въ этой борьбѣ, чтобы
не препятствовать необходимому для страны контролю надъ пра-
вительствомъ и не давать этому контролю превращаться въ го-
сподство,—зависитъ отъ политическаго такта и глазомѣра“...
Какъ видно, консерватизмъ Бисмарка имѣлъ мало общаго съ
тою системою принудительнаго застоя и всеобщей пришиблен-
ности, которая иногда связывается съ его именемъ въ другихъ
странахъ...

Л. Слонимскій.

ВСЕ БЫЛО СНОМЪ

Я боленъ былъ—и бредилъ я,
Пугливой грезю лоя
Миражи знойнаго недуга...

Съ цвѣтушихъ травъ, съ прибрежныхъ скалъ
Крыломъ беззвучнымъ воздухъ юга
Меня любовно обвѣвалъ.
Какъ нѣжный, вроткій голосъ друга,
Шептали тополи кругомъ
И листья стройные латаній:

„—Встань, милый, встань съ одра страданій!—
Все было сномъ... Все было сномъ...
Съ тѣхъ поръ какъ мысли свѣтлый геній
Нѣмые призраки смѣнилъ
Гнетущихъ тайнъ и темныхъ силъ,
И чуднымъ солнцемъ откровеній
Живую душу озарилъ,—
Какъ пиръ вѣнчальный протекали
За вѣкомъ вѣкъ безъ грозъ и бурь,
Ни страхъ, ни скорбь не омрачали
Кристалль души, очей лазурь...
Не кровь, не слезы были это,—
Роса кропила въ ночи лѣта
Листву дубравъ, цвѣты долинъ,
И зажигалъ въ ней лучъ разсвѣта
Гдѣ—грань алмаза, гдѣ—рубинъ...
Чей плачь?.. Дитя!.. Какіе стоны,

Рыданья вьюги, звонъ цѣпей
Въ мертвящемъ сумракѣ степей?
То пѣлъ былинъ боръ зеленый,
То, гимномъ утра пробужденный,
Слагалъ каноны соловей
На зыбкомъ клиросѣ вѣтвей...
Ты слышалъ шумъ?—То грозы Мая
Гремѣли, землю воскрешая,
То плодородье, красота
И свѣтъ рождались изъ ненастья....
И нѣтъ могилъ безъ креста,
И нѣтъ души безъ пѣсенъ счастья...

Я боленъ былъ... И бредилъ я...

С. Фругъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

Труды губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Три обрисовавшіяся до сихъ поръ группы. — Контрастъ между губерніями земскими и не-земскими. — Источники разногласій. — Главные плоды работы. — Вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ. — Увлеченіе словомъ — или вѣрное пониманіе дѣла? — Царицынская городская дума. — Поправка.

Въ печать проникли пока свѣдѣнія далеко не о всѣхъ губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Съ достаточною ясностью, однако, обрисовались двѣ черты, съ которыми мы уже встрѣчались въ уѣздныхъ комитетахъ: неодинаковый составъ губернскихъ комитетовъ и неодинаковое отношеніе ихъ къ ввѣренному имъ дѣлу. На ряду съ комитетами, широко раскрывавшими свои двери, приглашавшими къ участію въ своей работѣ всѣхъ губернскихъ гласныхъ и многихъ другихъ мѣстныхъ дѣятелей, были и такіе, въ составъ которыхъ входили почти исключительно должностныя лица, предуказанныя совѣщаніемъ ¹⁾. Въ однихъ комитетахъ обмѣну мыслей предоставленъ былъ значительный просторъ; предметомъ обсуждения служили всѣ постановленія уѣздныхъ комитетовъ, всѣ вопросы, поднятые въ самомъ губернскомъ комитетѣ, хотя бы они и выходили за предѣлы программы, прямо намѣченной особымъ совѣщаніемъ. Въ другихъ комитетахъ дѣло шло совершенно иначе. Предсѣдатель тамбовскаго комитета, какъ мы уже знаемъ ²⁾, не допустилъ даже простого оглашенія нѣкоторыхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ и предложилъ на обсужденіе „весьма одностороннее и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ этихъ комитетовъ, притомъ болѣею частью по частнымъ вопросамъ“, безъ указанія на тѣ условія жизни

¹⁾ Въ ярославскій губернский комитетъ, напримѣръ, былъ приглашенъ, кромѣ должностныхъ лицъ, только одинъ губернский гласный.

²⁾ См. Обществ. Хронику въ № 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

населенія, „въ которыхъ уѣздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности“. Нѣчто аналогичное произошло и въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ. Изъ заявленія, поданнаго четырнадцатью членами комитета (предсѣдателемъ и двумя членами губернской земской управы, шестью предсѣдателями уѣздныхъ земскихъ управъ, тремя уѣздными предводителями дворянства и двумя предсѣдателями сельско-хозяйственныхъ обществъ), видно, что на обсужденіе комитета, какъ единственный предметъ его занятій, былъ внесенъ составленный, по порученію предсѣдателя, сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, весьма неполный, оставившій въ сторонѣ всѣ вопросы общегосударственнаго значенія. Въ Твери, какъ и въ Тамбовѣ, послѣдствіемъ такого распоряженія предсѣдателя былъ выходъ изъ состава комитета всѣхъ членовъ, протестовавшихъ противъ произвольнаго ограниченія его задачъ. Въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ въ сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ также внесено было только то, что соответствовало программѣ особаго совѣщанія, и всѣ попытки членовъ комитета выдвинуть другіе вопросы, обсуждавшіеся въ уѣздахъ, встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя. Это привело къ постепенному уменьшенію числа присутствующихъ въ комитетѣ: первое его засѣданіе состоялось при участіи сорока-двухъ, третье—при участіи четырнадцати членовъ. Въ кутаисскомъ губернскомъ комитетѣ предсѣдатель, вопреки мнѣнію губернскаго предводителя дворянства, не допустилъ къ обсужденію вопросъ о введеніи въ семи уѣздахъ кутаисской губерніи ¹⁾ земскихъ учреждений. Въ уфимскомъ губернскомъ комитетѣ вовсе не было допущено разсмотрѣніе постановленій бирскаго уѣзднаго комитета; изъяты были также изъ обсужденія нѣкоторыя постановленія стерлитамакскаго уѣзднаго комитета и три записки, поданныя членами уѣздныхъ комитетовъ уфимскаго, стерлитамакскаго и белебеевскаго. Въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ предсѣдатель не допустилъ къ слушанію докладъ одного изъ членовъ, Н. Н. Ковалевскаго, озаглавленный: „Возрастающее оскудѣніе деревни, причины этого явленія и мѣры къ его устраненію“, послѣ чего г. Ковалевскій оставилъ засѣданіе комитета. Въ орловскомъ губернскомъ комитетѣ разномысліе выразилось, повидимому, только въ опредѣленіи порядка занятій. Губернскій предводитель дворянства находилъ, что на первый планъ слѣдуетъ поставить такъ называемые *общіе* вопросы, такъ какъ „угнетенное положеніе сельско-хозяйственной промышленности зависитъ больше всего отъ условій бытовыхъ,

¹⁾ Въ остальной части кутаисской губерніи (три округа) дѣйствуетъ еще военное управленіе.

частныхъ и гражданскихъ, облегчаемыхъ или измѣняемыхъ государственными мѣрами“. Предсѣдатель комитета, наоборотъ, считалъ общіе вопросы менѣе важными и рѣшилъ начать съ обсужденія программы особаго совѣщанія. Оказалось, однако, что частности трудно разсматривать раньше общихъ положеній: разборъ вопроса о сельскохозяйственныхъ школахъ, поставленнаго совѣщаніемъ, перешелъ самъ собою въ пренія по *общему* вопросу о народномъ образованіи, заключившіяся принятіемъ слѣдующаго постановленія елецкаго уѣзднаго комитета: „только на базисѣ общаго начальнаго обученія въ народѣ могутъ нормально развиваться потребность въ сельскохозяйственномъ образованіи и самая форма ея удовлетворенія“. Позже, какъ мы слышали, въ орловскомъ комитетѣ установилось единодушіе, и обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ уѣздными комитетами, не встрѣчало формальныхъ препятствій.

Вторую группу губернскихъ комитетовъ составляютъ тѣ, гдѣ вопросы ставились такъ же широко и обсуждались такъ же свободно, какъ въ наиболѣе дѣятельныхъ уѣздныхъ комитетахъ. Сюда относятся комитеты костромской, могилевскій, виленскій, волынский, подольскій, кievскій, архангельскій, иркутскій, ставропольскій, кубанскій, донской, новгородскій и псковской. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣчь, произнесенная могилевскимъ губернаторомъ Клингенбергомъ (раньше занимавшимъ ту же должность въ Ковнѣ и Вяткѣ). Открывая засѣданія губернскаго комитета, онъ объяснилъ, что предполагалъ сначала составить сводъ соображеній, высказанныхъ уѣздными комитетами, но отказался отъ этой мысли, такъ какъ подобный сводъ неминуемо страдалъ бы неполнотою и субъективностью; многія обстоятельства могли бы явиться въ немъ невѣрно освѣщенными. Непосредственное изученіе всѣхъ доставленныхъ матеріаловъ г. Клингенбергъ призналъ цѣлесообразнымъ и потому, что встрѣтилъ въ нихъ много весьма оригинальныхъ и совершенно новыхъ взглядовъ, много цѣнныхъ указаній на больныя мѣста нашей сельскохозяйственной промышленности. Не затруднило его и то обстоятельство, что отвѣты уѣздныхъ комитетовъ не вполне приноровлены къ вопросамъ пунктамъ совѣщанія и выдвигаютъ на первый планъ такіе тормазы развитія сельскохозяйственной промышленности, какъ некультурность населенія и правовая обособленность крестьянъ. Точно такъ же отнесся къ задачѣ губернскаго комитета костромской губернаторъ Князевъ. Въ основу рѣчи, сказанной имъ при открытіи засѣданія комитета, была положена мысль о необходимости не ограничиваться частными вопросами о мѣстныхъ нуждахъ, но разрабатывать и вопросы общегосударственные, поскольку они находятся въ тѣсной связи съ первыми. Обсужденію губернскаго комитета подверглись, такимъ обра-

зомъ, *все* постановленія уѣздныхъ комитетовъ, большинство которыхъ высказалось за уравниеніе крестьянъ съ другими сословіями, за ослабленіе административной опеки, за облегченіе податного бремени, за расширеніе сферы дѣятельности и увеличеніе средствъ земства. По вопросу о народномъ образованіи всѣ уѣздные комитеты костромской губерніи пришли къ единогласному заключенію, что развитію сельскохозяйственной промышленности прежде всего и главнымъ образомъ мѣшаетъ невѣжество и, вслѣдствіе этого, инертность массы крестьянскаго населенія. Волынской губернской комитетъ высказался за установленіе всеобщаго обученія, за уравниеніе крестьянъ, въ правовомъ отношеніи, съ другими классами населенія и за введеніе земскихъ учреждений, *какъ органовъ общественной самостоятельности* (т.-е. не въ томъ видѣ, въ какомъ они проектированы для западныхъ губерній бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Къ такимъ же заключеніямъ пришелъ и подольскій губернский комитетъ. Виленскій губернский комитетъ нашелъ, согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, что „пора подчинить крестьянъ общему съ остальнымъ населеніемъ правопорядку“. Кіевскій губернский комитетъ, раздѣляя взглядъ уѣздныхъ комитетовъ на желательность и своевременность введенія въ кіевской губерніи земскихъ учреждений, выразилъ пожеланіе, чтобы это преобразование было осуществлено съ сохраненіемъ выборнаго начала (въ томъ же смыслѣ высказалось и большинство могилевскаго губернскаго комитета). Подлежащимъ преобразованію, на началѣ всесословности, кіевскій губернский комитетъ призналъ и сельское управленіе. За скорѣйшее введеніе земскихъ учреждений подали голосъ комитеты иркутскій (по отношенію къ четыремъ уѣздамъ), донской, ставропольскій, кубанскій. Архангельскій губернский комитетъ призналъ необходимымъ, кромѣ введенія земскихъ учреждений, распространеніе на архангельскую губернію суда присяжныхъ, пересмотръ положеній о крестьянахъ и организацію юридической помощи сельскому населенію.

Къ третьей группѣ губернскихъ комитетовъ можно отнести тѣ, въ которыхъ, повидимому, не возникало столкновеній между предсѣдателемъ и членами, но они, тѣмъ не менѣе, почти не пытались выйти за предѣлы специально и узко сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Таковы, напримѣръ, комитеты рязанскій, курскій, владимірскій, ковенскій, гродненскій, новороссійскій, томскій. Нѣсколько дальше нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ (владимірскій, курскій, гродненскій, новороссійскій) пошли только въ области народнаго образованія, высказавшись за всеобщее или даже за обязательное начальное обученіе ¹⁾. Въ этой сферѣ,

¹⁾ Въ постановленіяхъ владимірскаго губернскаго комитета выдается еще признаніе нежелательною фиксаціи земскихъ расходовъ.

впрочемъ, отъ системы крайней сдержанности отступили даже нѣкоторые изъ комитетовъ первой группы. Постановленіе орловскаго комитета мы привели выше. Тамбовскій губернский комитетъ, уже послѣ выхода изъ него большинства выборныхъ членовъ, призналъ желательнымъ предоставленіе земству права учреждать и вѣдать начальныя училища всѣхъ типовъ, начиная съ школъ грамоты до школъ съ многолѣтнимъ курсомъ и специальными программами. За всеобщее обученіе высказался и харьковскій губернский комитетъ.

Сравнивая между собою всѣ три группы губернскихъ комитетовъ, мы невольно останавливаемся на той выдающейся роли, которую играютъ во второй группѣ комитеты не-земскихъ губерній. Какъ объяснить тотъ фактъ, что и на западной, и на сѣверной, и на юго-восточной окраинѣ государства задача губернскихъ комитетовъ была понята гораздо шире, чѣмъ во многихъ губерніяхъ центральной Россіи? Всего вѣроятнѣе, что этому способствовалъ антагонизмъ между администраціей и земствомъ, развившійся въ административной средѣ земскихъ губерній, стремленіе останавливать, ограничивать и запрещать, уничтожившій охоту и привычку къ совмѣстной работѣ. Предложенія, шедшія, болѣею частью, изъ земской сферы, именно потому и казались подозрительными и подлежащими не столько обсужденію, сколько устраненію. Иначе стояло дѣло тамъ, гдѣ нѣтъ земства, и, слѣдовательно, нѣтъ укоренившихся анти-земскихъ предубѣжденій. Отсутствие самоуправленія лучше всего раскрываетъ его цѣнность не только въ глазахъ населенія, но и въ глазахъ администраціи. Тѣ положенія, которыя въ земскихъ губерніяхъ поддерживались преимущественно выборными членами комитетовъ, въ губерніяхъ не-земскихъ нашли защитниковъ между частными лицами, приглашенными къ участію въ комитетахъ—и не встрѣтили, болѣею частью, противодѣйствія со стороны должностныхъ лицъ... Другая черта, заслуживающая вниманія—это прогрессивное теченіе, обнаружившееся среди представителей дворянства. Между уѣздными предводителями нашлось немало такихъ, которые взяли на себя инициативу широкой постановки вопросовъ и ничѣмъ не стѣсняли ихъ обсужденіе. За такое отношеніе къ дѣлу высказались, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ, и губернскіе предводители дворянства. Инициативу рѣшеній, враждебныхъ народной массѣ, направленныхъ къ сохраненію или обостренію ея безправія, предводители дворянства брали на себя весьма рѣдко. И здѣсь, такимъ образомъ, ярко выступили на видъ хорошія стороны выборнаго начала. Между земствомъ и дворянствомъ точекъ соприкосновенія оказалось больше, чѣмъ между дворянствомъ и администраціей.

Еслибы различіе между постановленіями комитетовъ — различіе количественное (въ смыслѣ числа затронутыхъ вопросовъ) и качественное (въ смыслѣ способа ихъ разрѣшенія)—зависѣло только отъ дѣйствительной разницы мѣстной, оно представлялось бы и естественнымъ, и характернымъ, какъ вѣрное, хотя, быть можетъ, и неполное отраженіе взглядовъ, наиболѣе распространенныхъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, среди тѣхъ или другихъ группъ населенія. Къ сожалѣнію, оно обуславливается, въ значительной степени, различіемъ въ составѣ комитетовъ и въ образѣ дѣйствій ихъ представителей. Нельзя было и ожидать, что комитеты, составленные почти исключительно изъ должностныхъ лицъ, отнесутся къ своей задачѣ одинаково съ комитетами, соединившими въ себѣ разнородные и, въ большинствѣ, самостоятельные элементы. Нельзя было, точно также, предполагать, что председатели комитетовъ, предоставленные самимъ себѣ, одинаково поймутъ предѣлы и значеніе своей власти. И дѣйствительно, неопредѣленность состава и программы привела къ неопредѣленнымъ результатамъ. Развѣ возможно придавать равный вѣсъ и равную цѣнность постановленіямъ комитетовъ, къ участію въ которыхъ были приглашены, напр., всѣ мѣстные гласные (уѣздные или губернскіе), и постановленіямъ комитетовъ, въ которыхъ мѣстное населеніе было представлено немногими лицами, случайно или—что еще хуже—тенденціозно выбранными председателемъ? Развѣ возможно считать выраженіемъ господствующихъ въ данной мѣстности пожеланій заключенія комитетовъ, изъ состава которыхъ удалась значительная часть членовъ ¹⁾, или которымъ не дано было возможности обсудить до конца всѣ поднятые въ ихъ средѣ вопросы? Теперь, когда работа комитетовъ пришла или приходитъ къ концу, съ большею еще ясностью, чѣмъ прежде, чувствуется пробѣлъ, обусловленный ихъ внѣшнею организаціей. Дискреціонное право председателей оказалось оружіемъ обоюдоострымъ: благодаря ему нѣкоторые комитеты явились чѣмъ-то похожимъ на настоящее мѣстное представительство, расширили и углубили поставленную имъ задачу,—но въ другихъ случаяхъ оно же послужило источникомъ чисто формальнаго отношенія къ дѣлу. Всего труднѣе понять, какимъ образомъ могли такъ далеко разойтись между собою пути губернскихъ комитетовъ, какимъ образомъ могли быть такъ различно истолкованы ими намѣренія особаго совѣщанія, выраженныя въ извѣстномъ разъясненіи его председателя? При господствѣ административной централизаціи не должно было,

¹⁾ Случаи массоваго „исхода“ бывали и въ уѣздныхъ комитетахъ—напр. въ черниговскомъ, гдѣ председатель не нашелъ возможнымъ обсуденіе вопросовъ, не включенныхъ въ программу особаго совѣщанія.

повидимому, быть мѣста для діаметрально противоположныхъ рѣшеній одного и того же, и притомъ весьма серьезнаго вопроса—а между тѣмъ изъ двухъ смежныхъ губерній въ одной безпрепятственно допускалось то, что строжайше запрещалось въ другой. Въ одно и то же время здѣсь—свободно обсуждались, тамъ—рѣшительно отклонялись такъ-называемые „общегосударственные“ вопросы. До крайности затрудняется, при такихъ условіяхъ, подведеніе общихъ итоговъ, формулировка общихъ выводовъ; до крайности неравномѣрно выясняются нужды и желанія различныхъ мѣстностей. Нѣкоторыя изъ этихъ нуждъ могутъ даже остаться вовсе ненамѣченными или получить ошибочное толкованіе. Смягчить—или, наоборотъ, обострить—всѣ эти неудобства можетъ дальнѣйшая судьба предложеній и мнѣній, не рассмотрѣнныхъ, по волѣ предсѣдателей, въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ. Будутъ ли они похоронены въ мѣстныхъ архивахъ, или поступятъ въ особое совѣщаніе, какъ приложенія къ постановленіямъ комитетовъ? Въ послѣднемъ случаѣ есть шансы, что они не пройдутъ безслѣдно. Нельзя не признать, однако, что этихъ шансовъ довольно мало. Масса бумагъ, съ которыми встрѣтится особое совѣщаніе, будетъ чрезвычайно велика; весьма возможно, что она заслонитъ собою все неоформленное губернскими комитетами. Далеко не одинаковы, притомъ, по силѣ и авторитетности разрозненные заключенія уѣздныхъ комитетовъ—и обобщающее, подтверждающее, систематизирующее ихъ постановленіе губернскаго комитета. Безспорно, голоса комитетовъ будутъ не подсчитываться, а взвѣшиваться; но все-же не безразличнымъ окажется, въ концѣ концовъ, и численное отношеніе мнѣній. Не даромъ же „Гражданинъ“, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, пытался ослабить впечатлѣніе, произведенное первыми извѣстіями о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ—ослабить его указаніемъ на то, что широко поняло свою задачу только незначительное меньшинство комитетовъ ¹⁾. Примѣръ кн. Мещерскаго непремѣнно найдетъ подражателей; отдѣляя овецъ отъ козлищъ, они не затруднятся приобщить къ первымъ и тѣ губернскіе комитеты (напр. тамбовскій, тульскій, тверской), рѣшенія которыхъ, вслѣдствіе выхода значительнаго числа членовъ, состоялись, въ сущности, *по меньшинству голосовъ*. Будемъ надѣяться, что такой приемъ не достигнетъ цѣли.

Все сказанное нами до сихъ поръ уменьшаетъ, но, конечно, не уничтожаетъ значеніе дѣла, совершеннаго сельско-хозяйственными ко-

¹⁾ Когда будетъ сдѣланъ окончательный подсчетъ, предполагаемое меньшинство обратится, быть можетъ, въ большинство, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ вопросамъ (напр. о всеобщемъ обученіи).

митетами. Несомнѣнно, прежде всего, что въ ихъ трудахъ собрано множество цѣнныхъ фактическихъ данныхъ. Примѣромъ этому можетъ служить записка балашовской (саратовской губерніи) уѣздной земской управы, представленная балашовскому уѣздному комитету и имъ одобренная. Ея основная мысль—невозможность поднять благосостояніе селскаго населенія, пока на немъ тяготѣетъ непосильное податное бремя. По сдѣланному въ запискѣ разсчету, свободный остатокъ добываемаго крестьянами хлѣба составляетъ въ балашовскомъ уѣздѣ около семи милліоновъ пудовъ, стоимостью, въ среднемъ, въ 4.396 тыс. руб. За вычетомъ изъ этой суммы арендной платы, платежей крестьянскому банку и страховыхъ премій, получается около 2½ милл. руб., а съ прибавкой дохода отъ обработки помѣщичьихъ земель и отъ батрачества—5.120 тыс. руб., т.-е. 114 руб. на крестьянскій дворъ. Прямыхъ налоговъ крестьяне балашовскаго уѣзда уплачиваютъ 1.136 тыс. ¹⁾, питейнаго сбора—878 тыс., остальныхъ косвенныхъ налоговъ—приблизительно 507 тыс., всего 2.521 тыс. руб.; къ этому нужно присоединить еще потерю въ 180 тыс. руб., причиняемую сельскимъ обществамъ прекращеніемъ платежей за право продажи вина. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ около 60½ руб. на крестьянскій дворъ, чистый доходъ котораго понижается, такимъ образомъ, до 54 рублей (около 8½ р. на душу). Изъ этой ничтожной суммы крестьяне должны удовлетворять свою потребность въ одеждѣ и обуви, производить ремонтъ строеній и инвентаря, уплачивать долги и проценты по долгамъ, дѣлать сбереженія на случай неурожая, пожара и другихъ бѣдствій. Въ результатѣ, конечно, ничего не остается на улучшеніе земледѣльческой культуры; мало того—неизбѣжно долженъ образоваться дефицитъ, покрываемый лишь недоѣданіемъ и вообще сокращеніемъ потребностей. Въ дѣйствительности, при неравномѣрномъ распредѣленіи дохода и налоговъ въ самой крестьянской средѣ, дѣло обстоитъ еще хуже; по меньшей мѣрѣ половина крестьянскаго населенія балашовскаго уѣзда имѣетъ значительно менѣе 8 руб. свободного остатка на душу и находится въ состояніи хроническаго голоданія. Картина выходитъ по истинѣ поразительная—и, къ несчастію, примѣнимая не къ одному только балашовскому уѣзду... Съ другой стороны подходитъ къ вопросу лохвицкій (полтавской губерніи) уѣздный комитетъ: упадокъ благосостоянія народной массы иллюстрируется имъ цифровыми данными о различныхъ типахъ крестьянскихъ хозяйствъ. Въ 1888 г., хозяйствъ съ посѣвною площадью менѣе 3 десятинъ въ лохвицкомъ уѣздѣ было 5.084; съ посѣвною площадью отъ 3 до 6 десятинъ—5.221; болѣе 6 десятинъ—5.047.

¹⁾ Замѣчательно, что цифра мирскихъ сборовъ въ балашовскомъ уѣздѣ (416 тыс. руб.) слишкомъ вдвое превышаетъ цифру земскаго сбора, упадающаго на крестьянъ (197 тыс.).

Къ 1899 г., число хозяйствъ первой категоріи увеличилось почти вдвое (9.542); число хозяйствъ второй категоріи осталось почти то же (5.378); число хозяйствъ послѣдней категоріи уменьшилось на одну треть (3.351). Безпосѣвныхъ хозяйствъ въ 1899 г. насчитывалось 3.743 (17% общаго числа хозяйствъ). Хозяйствамъ, посѣвная площадь которыхъ меньше 3 десятинъ, недоставало для продовольствія почти 800 тыс. пудовъ хлѣба (по 16 пуд. на душу)... Изъ числа фактовъ, сгруппированныхъ комитетами, многіе, конечно, были извѣстны и раньше; далеко не бесполезно, однако, новое, болѣе яркое ихъ освѣщеніе, краснорѣчиво свидѣтельствующее о неотложности преобразованій.

Второй заслугой сельско-хозяйственныхъ комитетовъ является указаніе частныхъ мѣръ, могущихъ поднять благосостояніе сельскаго населенія. Ограничимся и здѣсь немногими примѣрами. Оренбургскій губернскій комитетъ, по инициативѣ представителя министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, высказался за правительственное посредничество въ дѣлѣ арендованія крестьянами частно-владѣльческихъ земель. Къ такому посредничеству комитетъ считаетъ возможнымъ призвать отдѣленія крестьянскаго банка, которыя, по договорамъ, заключеннымъ при ихъ участіи, принимали бы на себя уплату владѣльцу арендныхъ денегъ, взыскивая ихъ, затѣмъ, съ арендаторовъ. Предполагается, что владѣльцы, вполнѣ обезпеченные въ исправномъ и безнедоимочномъ полученіи арендной платы, будутъ понижать ея размѣры, удлиннять срокъ аренды и сдавать землю прямо обрабатывающимъ ее крестьянамъ, безъ посредничества крупныхъ сѣемщиковъ, всегда невыгоднаго для крестьянъ. Само собою разумѣется, что осуществленіе этой мысли не устранило бы всѣхъ неудобствъ и затрудненій, отъ которыхъ страдаютъ въ настоящее время крестьяне-арендаторы помѣщичьихъ земель; но оно могло бы нѣсколько облегчить ихъ положеніе, теперь, сплошь и рядомъ, крайне тяжелое. Въ проектъ правилъ, составленный оренбургскимъ комитетомъ, весьма основательно введена оговорка, ограничивающая участіе крестьянскаго банка сдѣлками *выгодными* для крестьянъ. Только при тщательномъ ея соблюденіи возможно достиженіе цѣли, преслѣдуемой комитетомъ; въ противномъ случаѣ увеличится лишь число сдѣлокъ, разорительныхъ для арендаторовъ... Другое предложеніе, также касающееся крестьянскаго банка, было сдѣлано въ подольскомъ губернскомъ комитетѣ. Оно состоитъ въ томъ, что банку должно быть предоставлено право купленные имъ имѣнія дѣлить на мелкіе участки, обработка которыхъ не превышала бы силъ одной средней семьи, и сдавать ихъ на правѣ вѣчной аренды нуждающимся въ землѣ русскимъ подданнымъ всякаго сословія и вѣроисповѣданія, съ обязатель-

ствомъ вести на нихъ трудовое хозяйство, безъ права дробленія участка или передачи его въ другія руки. Правильно разработанная и осуществленная, эта мысль несомнѣнно можетъ имѣть благіе результаты. Арендованіе земли—дѣло гораздо менѣе рискованное, чѣмъ ея покупка; оно не возлагаетъ на приобрѣтателя такихъ обязательствъ, исполненіе которыхъ легко можетъ оказаться для него непосильнымъ—а улучшеніямъ хозяйства „вѣчная“ аренда благоприятствуетъ не въ меньшей степени, чѣмъ право собственности.

Наиболѣе важными труды уѣздныхъ губернскихъ комитетовъ представляются, безспорно, въ той своей части, которая касается самыхъ корней зла, тяготящаго надъ населеніемъ. На первый планъ выступаютъ здѣсь постановленія, направленные къ улучшенію правового положенія крестьянъ, къ уравниванію ихъ съ другими сословіями. Прямую противоположность этому движенію, охватившему множество уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, составляетъ анти-народная кампанія, которую усерднѣе чѣмъ когда-либо ведетъ реакціонная печать. Впечатлѣніе, производимое этою кампаніей, очень похоже на то, которое вызываетъ уродливая старуха (такъ называемый *geroussoir*) рядомъ съ красивымъ, молодымъ женскимъ лицомъ. Свѣжій вѣтеръ, подувшій въ комитетахъ, поднялъ облака затхлой пыли, накопившейся въ хранилищахъ крѣпостническаго духа. Съ наиболѣе типичными образцами ретрограднаго прожектерства—записками гг. Павлова и Нилуса—мы уже ознакомили нашихъ читателей ¹⁾. Среднюю позицію занимаютъ тѣ, въ чьихъ глазахъ юридическая сторона вопроса далеко уступаетъ технической и совершенно напрасно преувеличивается комитетами, широко раздвинувшими рамки своей работы. Особенно ясно это среднее мнѣніе выражено въ статьѣ, озаглавленной: „О равноправности крестьянъ“ и напечатанной въ № 9628 „Новаго Времени“. „Крестьянская неравноправность“,—говоритъ авторъ,—„фактъ повсемѣстный для цѣлой Россіи, а между тѣмъ разстройство экономического быта деревни замѣчается далеко не повсюду, по крайней мѣрѣ не въ одинаковой степени. Прямой связи между этими двумя явленіями, стало быть, нѣтъ... Основной, рѣшающей причины подавленного состоянія земледѣльческаго центра слѣдуетъ искать не въ условіяхъ гражданскаго быта, какъ бы ни были они сами по себѣ несовершенны“. Съ ничуть не меньшимъ правомъ можно было бы разсуждать такъ: „въ такой-то деревнѣ, поставленной въ плохія санитарныя условія, заболѣваетъ и умираетъ не все населеніе; ergo—высокая заболѣваемость

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ №№ 1 и 2 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

и смертность зависить не отъ вышеупомянутыхъ условій“. Въ общественной жизни нѣтъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы всегда, вездѣ и на всѣхъ отражались одинаково—нѣтъ уже потому, что безконечно разнообразны комбинаціи однихъ и тѣхъ же данныхъ, безконечно сложны другія, рядомъ съ ними дѣйствующія причины. Какъ бы неудовлетворительна ни была та или иная сторона общественнаго устройства, она не исключаетъ возможности частныхъ перемѣнъ къ лучшему. Весь вопросъ въ томъ, быстро или медленно совершается поступательное движеніе, встрѣчаетъ ли оно поддержку или преграды, является ли исключеніемъ или общимъ правиломъ. Ни одинъ изъ комитетовъ, коснувшихся правового положенія крестьянъ, не видѣлъ въ немъ *единственнаго* ключа къ объясненію упадка, въ которомъ находится сельское хозяйство; рядомъ съ нимъ постоянно выставалось на видъ многое другое, ведущее къ тому же результату.

„Въ своемъ внутреннемъ правопорядкѣ“, — продолжаетъ авторъ разбираемой нами статьи, — „крестьяне находятся внѣ воздѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, подчиняясь особой сословно-общественной организаціи и особому суду, причемъ то и другое, т.-е. общественная власть и волостной судъ, призваны дѣйствовать согласно мѣстнымъ обычаямъ. Трудно рѣшить, какъ смотрѣть на эту обособленность — какъ на стѣсненіе или какъ на преимущество. Въ глазахъ многихъ до сихъ поръ неприкосновенность обычнаго права составляетъ дорожную основу сельскаго быта, которую всячески слѣдуетъ оберегать отъ разлагающаго дѣйствія индивидуализма съ одной стороны, писаннаго закона — съ другой. Самая неуловимость обычныхъ правовыхъ нормъ кажется этимъ многимъ залогомъ ихъ высокой внутренней цѣнности, такъ какъ въ нихъ находятъ себѣ свободное выраженіе не подчиняющаяся точнымъ нормамъ живая народная душа. Для нихъ зависимость отъ обычныхъ порядковъ и обособленность крестьянъ отъ короннаго суда составляютъ главную сущность крестьянскаго самоуправленія. Для другихъ, наоборотъ, весь этотъ укладъ — не болѣе какъ пережитокъ старины, непригодный при современномъ экономическомъ строѣ. Надо сдѣлать выборъ между этими двумя точками зрѣнія прежде чѣмъ рѣшить, слѣдуетъ ли въ интересахъ крестьянъ устроить сословную стѣну, въ которой замкнута жизнь деревни“. Губернскимъ комитетамъ авторъ ставитъ въ вину, что они не сдѣлали этого выбора. Онъ видитъ противорѣчіе въ томъ, что „тѣ самые комитеты, гдѣ настойчиво провозглашалось начало равноправности, часто высказывались за сохраненіе общины, стало быть за принадлежность земли не двору, а обществу, за признаніе обычая по прежнему регуляторомъ правовыхъ отношеній деревни и за распорядительную власть міра надъ самымъ хозяйствомъ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Какимъ

образомъ при общинныхъ порядкахъ можетъ идти рѣчь о приравненіи крестьянъ къ прочимъ сословіямъ—такъ и осталось неразрѣшеннымъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ считаетъ себя въ правѣ предполагать, что члены комитетовъ „зачастую увлекались красиво звучащимъ словомъ *равноправность*, не отдавая себѣ ясный отчетъ, что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть“.

Ошибка, въ которой авторъ статьи упрекаетъ комитеты, совершается, въ сущности, имъ самимъ. *Равноправность*, отъ отсутствія которой страдаетъ наша народная масса, возможна и при дѣйствіи различныхъ гражданскихъ законовъ, при существованіи различныхъ юридическихъ институтовъ. Изъ того, что гражданскій бытъ прибалтійскихъ губерній регулируется сводомъ мѣстныхъ узаконеній, гражданскій бытъ царства польскаго—кодексомъ Наполеона, еще не слѣдуетъ, что жители этихъ окраинъ не равноправны съ коренными жителями имперіи. Изъ того, что споры, возникающіе на почвѣ торговыхъ дѣлъ, могутъ быть разрѣшаемы на основаніи торговыхъ обычаевъ, еще не слѣдуетъ, что наше торговое сословіе неравноправно съ остальными. Обычаи могутъ руководствоваться и мировые судьи (въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 130 уст. гражд. судопр.)—и никому не приходило въ голову, что это грозитъ опасностью равноправности тяжущихся. Во чтѣ, съ другой стороны, обратилось примѣненіе крестьянскихъ обычаевъ, послѣ того какъ рѣшенія волостныхъ судовъ пересматриваются, по существу, инстанціей, не имѣющей ничего общаго съ крестьянами—это слишкомъ хорошо извѣстно... Общинное землевладѣніе и теперь, въ сущности, представляетъ собою институтъ гражданскаго права; ничто не мѣшаетъ включенію его въ гражданскій кодексъ, законодательной его регламентаціи, признанію возбуждаемыхъ имъ споровъ подвѣдомственными общему суду. Ограниченія, налагаемыя имъ на владѣльцевъ, однородны (съ юридической точки зрѣнія) съ тѣми, которыя проистекаютъ изъ общей собственности или изъ сервитутовъ. При общей собственности, при сервитутахъ, свобода распоряженія землею является неполной—но обладатель земли тѣмъ не менѣе остается равноправнымъ съ своими согражданами. Ни въ какомъ противорѣчіи, поэтому, неповинны тѣ, кто, защищая общину, стоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за уравниеніе крестьянъ съ другими сословіями. Слѣющимъ оговориться: защищать общину, какъ форму землевладѣнія, вовсе не значить защищать всѣ ея напоры—круговую поруку, стѣсненіе свободы передвиженія, стѣсненіе выхода изъ общины. Они могутъ и должны отпасть, нисколько не подрывая общиннаго землевладѣнія. Такъ именно и смотрѣли на дѣло тѣ комитеты (напр. русскій, боровичскій, нижегородскій), которые обвиняются теперь въ увлеченіи „красивымъ словомъ“. Говоря о

равноправности, они имѣли въ виду тѣ стороны крестьянскаго быта, которыя обошелъ молчаніемъ авторъ разбираемой нами статьи. Подчиненіе крестьянъ (и другихъ сельскихъ обывателей, не принадлежащихъ къ привилегированной части населенія) дискреціонной власти земскихъ начальниковъ, фактическое упраздненіе крестьянскаго самоуправления, обращеніе должностныхъ лицъ, избираемыхъ крестьянами, въ низшихъ агентовъ администраціи, расширеніе власти волостныхъ судовъ, идущее рука объ руку съ уменьшеніемъ ихъ самостоятельности, непомерный ростъ мірскихъ сборовъ, значительная часть которыхъ поглощается потребностями вовсе не мірскими, способъ пополненія земскихъ собраній гласными отъ сельскихъ обществъ, больше похожій на назначеніе, чѣмъ на выборъ, и, наконецъ, сохраненіе въ силѣ для крестьянъ тѣлеснаго наказанія—вотъ что имѣли въ виду комитеты, съ надлежащей высоты взглянувшіе на свою задачу; вотъ въ чемъ они совершенно правильно усмотрѣли одну изъ главныхъ причинъ болѣзни, къ излеченію которой призвано особое совѣщаніе.

Въ прошломъ году мы имѣли случай показать, на примѣрѣ города Вольска, во что обращается городское общественное управленіе при дѣйствіи избирательной системы, созданной Городовымъ Положеніемъ 1892-го года ¹⁾. Нѣчто подобное мы узнаемъ теперь и о Царицынѣ, быстро растущемъ, но мало культурномъ городѣ той же саратовской губерніи. По словамъ царицынскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 33), царицынская городская дума, однородная по составу (почти исключительно купеческому), обнимаетъ собою, въ добавокъ, нѣсколько группъ, сплоченныхъ родствомъ, свойствомъ или экономическою зависимостью (три пары родныхъ братьевъ, трижды повторенная комбинація—тесть, зять и шуринъ). Отсюда цѣлый рядъ аномалій, тяжело отзывающихся на городскомъ населеніи. Всѣ городскія поставки и многіе подряды сосредоточены въ рукахъ гласныхъ; они же состоятъ, главнымъ образомъ, арендаторами городскихъ земель. Въ январьскомъ засѣданіи думы слушалась просьба гласнаго Бабаева о сдать ему безъ торговъ, на шесть лѣтъ, участка городской лѣсной пристани, съ пониженіемъ платимой имъ аренды (13 коп. съ квадратной сажени) на 10%. Одинъ изъ вновь избранныхъ гласныхъ, Мыльницынъ, указалъ, что участокъ Бабаева не хуже сосѣднихъ, за которые платится отъ 20 до 25 коп. съ квадратной сажени, и выразилъ готовность взять его въ аренду съ платою по 20 коп. Нѣкоторые гласные предложили сдать участокъ съ торговъ, но противъ этого воз-

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1902 г.

стали гласные-лѣсоторговцы. Большинствомъ 21 голоса противъ 4 рѣшено было сдать участокъ Бабаеву, безъ торговъ, на шесть лѣтъ. Размѣръ арендной платы (отъ скидки 10⁰/₀ Бабаевъ, во время прений, отказался) предложено было опредѣлить закрытой баллотировкой. За это предложеніе высказалось, открыто, только 9 гласныхъ (изъ 24); но когда, вслѣдствіе настояній одного изъ гласныхъ, городской голова рѣшился собственною властью измѣнить способъ голосованія, то распредѣленіе голосовъ оказалось прямо противоположнымъ—за закрытую баллотировку было подано 15 голосовъ. Болѣе яснаго доказательства зависимости, въ которой одна часть гласныхъ держитъ другую, нельзя себѣ и представить. И при закрытой баллотировкѣ, впрочемъ, повышение арендной платы Бабаева до 20 копѣекъ съ квадратной сажени было принято (большинствомъ одного только голоса). Вслѣдъ за этимъ лѣсопромышленнику, не состоящему гласнымъ, было отказано въ просьбѣ о сдачѣ участка безъ торговъ (за плату высшую противъ той, которую вносить Бабаевъ), причемъ всего усерднѣе возражали противъ этой просьбы тѣ самые гласные, которые только-что поддерживали ходатайство Бабаева! Не ясно ли, что всѣ подобныя явленія коренятся не въ существѣ самоуправленія, а въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя оно поставлено у насъ дѣйствующимъ закономъ?

Въ нашемъ январскомъ обзорѣни было сказано, что рыбинскій уѣздный сельско-хозяйственный комитетъ высказался за тѣлесное наказаніе несовершеннолѣтнихъ, уличенныхъ въ проступкахъ противъ собственности сосѣда. Извѣстіе это, заимствованное нами изъ газеты „Право“ (а имѣ—изъ „Рыбинской Биржевой Газеты“), оказывается невѣрнымъ; изъ доставленной намъ официальной копіи съ постановленій комитета видно, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи несовершеннолѣтнихъ въ немъ даже и не возникалъ.

ВТОРАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕВИЗИЯ

СПБ. ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

въ 1902 году.

Въ 1843-мъ году,—ровно 60 лѣтъ тому назадъ, и около 60 лѣтъ спустя послѣ того, какъ, въ 1785-мъ году, императрица Екатерина Великая издала жалованную „Грамоту на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“, съ цѣлью „грады царства своего возвыситъ и блаженство ихъ утвердитъ на вѣчныя времена“.—въ 1843-мъ году, оказалось, что уже въ 30-хъ годахъ прошлаго, XIX-го вѣка отъ тѣхъ „правъ и выгодъ“, пожалованныхъ городамъ Россійской Имперіи, не сохранилось даже и слѣда, а о „блаженствѣ“ ихъ давно уже не могло быть и рѣчи, и при этомъ само городское хозяйство и столичное общественное управленіе дошли къ этому времени до полнаго разстройства. Все это послужило тогда поводомъ къ тому, чтобы изслѣдовать причины подобнаго явленія, а для того необходимо было произвести предварительно ревизію с.-петербургскаго городского общественного управленія—для принятія соотвѣстныхъ мѣръ къ приведенію городскихъ дѣлъ въ порядокъ. Послѣдствіемъ такой ревизіи и было изданіе перваго Городового Положенія 13 февраля 1846 года—спеціально для города С.-Петербурга; жалованная Грамота 1785 года давно уже утратила свою силу, и о ней оставалось одно воспоминаніе. Въ настоящее время, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (30 января с. г., № 24) появилось „обозрѣніе с.-петербургскаго хозяйства“, произведенное второю, по числу, правительственною ревизіею,—въ настоящее время было бы весьма кстати припомнить, хотя бы въ краткихъ чертахъ, результаты той, первой ревизіи того же хозяйства и управленія, 60 лѣтъ тому назадъ, въ 1843-мъ году.

Исторія городского общественного управленія за истекшія, со времени пожалованія городамъ „Грамоты“, шестьдесятъ почти лѣтъ, была такова, что ожидаемое въ 1785 г. „блаженство“ городовъ Россійской Имперіи оказалось далеко не „вѣчно“ и очень скоро исчезло, вмѣстѣ съ „Грамотою“,—спустя какихъ-нибудь 12 лѣтъ, при императорѣ Павлѣ I. Его преемникъ, императоръ Александръ I, поспѣшилъ возстановить учрежденную при Екатеринѣ II „Общую Думу“ (соотвѣтствуетъ нынѣшней городской Думѣ), состоявшую изъ 94 гласныхъ, которые вы-

бирали, по шести тогдашнимъ общественнымъ группамъ, 6 членовъ, составившихъ исполнительный органъ, названный по числу его членовъ Шестигласною Думой; она соответствовала нынѣшней городской Управѣ, въ которой и до сихъ поръ, какъ бы по преданію, шесть членовъ составляютъ для Петербурга узаконенное ихъ число (Город. Полож. 1892 г., ст. 90).

Судьба этой реставрированной „Общей Думы“ и „Шестигласной“, въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій (1806—1846 гг.), представляла собою постепенное отрицаніе началъ жалованной Грамоты 1785 г., и заключилась совершеннымъ подчиненіемъ городского общественнаго управленія опеки правительственной администраціи; послѣдствія же такой опеки начали обнаруживаться ясно еще въ тридцатыхъ годахъ, когда сама Общая Дума собиралась разъ въ три года и такимъ образомъ почти исчезла, а ея гласные, избравъ членовъ въ Шестигласную Думу, получали отъ нея, какъ бы въ вознагражденіе за избраніе, теплыя мѣстечки; однимъ словомъ, Общая Дума сдѣлалась „служанкой“ Шестигласной Думы (Управы). И присутствіе самой Шестигласной Думы собиралось изрѣдка, за ненужностью и отсутствіемъ дѣлъ, такъ какъ почти не было такого дѣйствія со стороны отдѣльныхъ ея членовъ, которое не требовало бы утвержденія или одобренія администраціи и не стояло бы подъ ея „неотступнымъ“ надзоромъ. Въ результатъ такой административной опеки и получилось полное разстройство городского хозяйства и управленія въ столицѣ.

Авторъ книги: „Столѣтіе С.-Петербургскаго городского Общества“, такъ описываетъ эту печальную эпоху въ исторіи города Петербурга ¹⁾:

„Дума, въ теченіе цѣлаго полустолѣтія (1806—1846 г.), была по отношенію къ городскому хозяйству простымъ *приходо-расходникомъ, казначеемъ*“ — и ничего больше: военный губернаторъ, напримѣръ, могъ предписывать Думѣ и вносить въ бюджетъ города крупныя расходы, полезные, по его личному мнѣнію, для города. Мысль, господствовавшая въ то время о неспособности обывателей, а слѣдовательно и Думы, вести самостоятельно городскія дѣла, и о необходимости держать городское общественное управленіе въ пеленкахъ, подъ строжайшею опекой, а съ другой стороны, слѣпое и безграничное убѣжденіе въ непогрѣшимости и спасительности административной опеки, — все это приняло, къ началу 40-хъ годовъ, такіе размѣры, что отъ Думы осталась одна только тѣнь. Общая Дума перестала совсѣмъ со-

¹⁾ „Столѣтіе Спб. Городскаго Общества. 1785—1888 г.“. Издано по постановленію С.-петербургской Городской Думы, въ память дня 21 апрѣля 1785 года (день изданія Жалованной Грамоты городамъ).

бираться, такъ какъ ее съ успѣхомъ замѣнила собою Шестигласная Дума (Управа), да и Шестигласная Дума, какъ мы видѣли, рѣдко собиралась въ „присутствіе“: правительственная опека и „неотступный“ контроль были вмѣстѣ и охраною для нихъ, избавлявшею ее отъ всякой отвѣтственности. Было одно средство — положить конецъ такому хаосу, гдѣ правительственное начало перемѣшивалось съ общественнымъ во всѣхъ городскихъ дѣлахъ, — издать новый законъ.

Гражданскій губернаторъ, которому было поручено произвести предварительно ревизію въ 1843-мъ году, — за три года до изданія новаго закона, въ 1846 году — писалъ въ своемъ обзорѣ городского хозяйства и управленія, усердно опекаемыхъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, администраціею: „если гласные Думы (Шестигласной, т.-е. Управы) и являлись иногда въ „присутствіе, то лишь для того, чтобы подписать бумаги, „не читая ихъ“; что, благодаря этому, канцелярія вступила мѣсто Думы (Управы). Секретарь Думы (Управы) получилъ необычайное, закономъ ему вовсе не предоставленное значеніе; дошло дѣло до того, что, какъ картинно выражается ревизоръ, въ Думѣ (Управѣ) царило „полное разрушеніе всякой подчиненности со стороны секретаря и канцеляріи; а все это вмѣстѣ, заключаетъ ревизоръ, сдѣлало Шестигласную Думу образцомъ медленности, упущеній, запутанностей, безпорядковъ и злоупотребленій“¹⁾.

Но въ то время, въ началѣ сороковыхъ годовъ, изъ всего этого былъ сдѣланъ не тотъ выводъ, какой, быть можетъ, имѣется въ виду въ настоящее время: тогда убѣдились, на основаніи полувѣкового опыта, что усиленіе правительственной опеки не есть еще лучшее средство къ упорядоченію городского общественнаго управленія; самымъ лучшимъ и болѣе вѣрнымъ средствомъ къ тому служить предоставленіе городскому обществу возможности развитія въ себѣ внутреннихъ силъ, а для того ему необходимы значительная доля самостоятельности въ предѣлахъ закона и огражденіе отъ всякаго личнаго произвола. Строгое раздѣленіе такихъ двухъ органовъ, какъ Общая Дума и Шестигласная (Управа), изъ которыхъ одинъ долженъ быть подчиненъ другому, окончилось исчезновеніемъ Общей Думы и превращеніемъ ея членовъ въ слугъ Шестигласной (Управы), а эта послѣдняя въ свою очередь окончательно разложилась и была игрушкой въ рукахъ администраціи. Все это должно было исправить и привести въ порядокъ — Городовое Положеніе 1846 года; но оно, конечно, далеко не было еще возвращеніемъ къ принципамъ жалованной Грамоты 1785 г.; тѣмъ не менѣе, однако, Общая Дума, въ силу этого Положенія, составлялась изъ 600—700 гласныхъ²⁾, и Распорядительная Дума (нынѣ городская Управа)

¹⁾ Тамъ же, стр. 115 и т. д.

²⁾ Позже это число было сокращено до 250.

представляла собою нѣчто похожее на городское общественное управление. Болѣе рѣшительный шагъ по направленію къ Грамотѣ 1785 года, въ смыслѣ принципиальномъ, сдѣлало Городовое Положеніе 1870 года, по сравненію съ которымъ послѣднее Городовое Положеніе 1892 года есть уже движеніе попятное—къ Положенію 1846 года—въ смыслѣ опять принципиальномъ. Послѣдняя реформа 1892 года была сдѣлана безъ всякой ревизіи, быть можетъ и потому, что ревизія могла бы не подтвердить необходимости реформы, да и самая реформа, вѣроятно, имѣла свои причины, не связанныя съ вопросомъ городского хозяйства, а отвѣчавшія общему обратному движенію внутренней политики. Какой выводъ сдѣлаетъ позднѣйшій историкъ городского общественнаго управленія, если ожидаемое Городовое Положеніе 1903 года сложится подъ вліяніемъ новой правительственной ревизіи 1902 года и сдѣланныхъ ею заключеній? возвратимся ли мы къ принципамъ 1846 года и ему предшествующихъ годовъ, или будетъ предпочтено пойти далѣе въ томъ направленіи, какое приняло Городовое Положеніе 1870 года, введенное въ дѣйствіе въ Петербургѣ съ 20 февраля 1873 года?—Вотъ въ чемъ вопросъ,—на который не замедлитъ вскорѣ послѣдовать и отвѣтъ, такъ какъ, судя по газетнымъ слухамъ, въ началѣ февраля, проектъ новаго Городового Положенія переданъ въ Государственный Совѣтъ.

Обращаясь засимъ къ содержимому въ нынѣшнемъ ревизіонномъ обзорѣнн городскаго хозяйства Петербурга и управленія имъ, мы должны прежде всего замѣтить, что ревизія, конечно, могла имѣть дѣло только съ тѣмъ, что она сама лично видѣла,—а въ такомъ случаѣ ея замѣчанія должны относиться исключительно къ послѣднему, дѣющемуся четырехлѣтію (1898—1902 г.) и послѣднему личному составу исполнительныхъ органовъ, какъ городской Управы съ ея нынѣшнимъ предсѣдателемъ, а также комиссій. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, опубликовано пока только общее заключеніе ревизій, но приложенныя къ „обзорѣнію“ краткая и обширная записки остаются неизвѣстными, не имѣется также объясненій со стороны городского общественнаго управленія по предмету замѣчаній ревизій о его „недостаткахъ“. Пока въ печати мы встрѣтили только отзывъ со стороны предсѣдателя одной изъ городскихъ исполнительныхъ комиссій, А. П. Веретенникова, имѣвшаго, повидимому, предъ глазами также и одну изъ „записокъ“ ревизіи; самый же отзывъ носить заглавіе: „Audiatur et altera pars“.

„Только громадность задачи и обширность сферы для обзорѣнія,—такъ говоритъ авторъ отзыва,—а также краткость времени для выполнения намѣреній руководителя, объясняютъ, *смыю такъ думать* (курсивъ подлинн.), что эти намѣренія не вполне поняты „обзорѣ-

ніемъ", почему „оно“ и не даетъ того отвѣта, котораго читатель въ правѣ былъ ожидать, и не видно въ „обозрѣніи“ ни всесторонняго анализа предмета, ни спокойнаго къ нему отношенія. За отсутствіемъ послѣдняго, анализъ представляется преимущественно формальнымъ, мало углубляется въ существо дѣла, и, являясь весьма одностороннимъ, *спадаетъ въ предвзятость и тенденцію* (курсивъ въ подлинн.).“ Такимъ оказывается „обозрѣніе“ вообще“, — заключаетъ авторъ отзыва, и затѣмъ переходитъ къ возраженіямъ и опроверженіямъ всего, что касается въ „обозрѣніи“ дѣятельности комиссіи, имъ предсѣдательствуемой.

Дѣйствительно, и сама ревизія, въ лицѣ своего руководителя, тайнаго совѣтника Зиновьева, признаетъ за собою одинъ довольно существенный недостатокъ, говоря: „Повергая на благовозрѣніе Вашего Императорскаго Величества настоящія соображенія, явившіяся результатомъ обозрѣнія дѣятельности с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, я приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше доложить, что краткость времени и сложность возложенной на меня, при другихъ по должности занятіяхъ, обязанности не позволили, быть можетъ, исполнить ее съ надлежащею полнотою“. Отсутствіе „надлежащей полноты“ выразилось прежде всего въ томъ, что въ „обозрѣніи“ совершенно упущена огромная часть городского хозяйства, находящагося въ вѣдѣніи городской Управы, и дѣятельность самой Управы оказывается, какъ будто, ускользнувшюю отъ вниманія ревизіи: вся ревизія направлена исключительно на дѣятельность семи или восьми городскихъ исполнительныхъ комиссій; предметъ ихъ вѣдѣнія, конечно, представляетъ большую важность, но все-же далеко не исчерпываетъ всего городского хозяйства. Безъ сомнѣнія, такую неполноту обозрѣнія можно объяснить нѣкоторую, какъ бы, предвзятость, односторонность обозрѣнія дѣятельности городскихъ комиссій и неизбежную, вслѣдствіе того, поспѣшность заключеній и выводовъ. По словамъ ревизіи, на что она и обращаетъ прежде всего вниманіе, „городская Управа совершенно утратила предоставленное ей закономъ значеніе *единственнымъ и, слѣдовательно, отвѣтственнымъ* исполнительнаго органа по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Всѣ важнѣйшія отрасли этого хозяйства, какъ-то: народное образованіе, больничное дѣло, общественное призрѣніе, водоснабженіе, освѣщеніе, пути сообщенія и т. д. переданы въ *непосредственное* завѣдываніе особыхъ многочисленныхъ по своему составу исполнительныхъ комиссій, не только свободныхъ отъ какого-либо подчиненія Управѣ, но устранившихъ Управу, благодаря численному своему преобладанію въ Думѣ, отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла по этимъ отраслямъ городского хозяйства. Изъ главнаго исполнительнаго органа Управа превратилась почти исключительно въ

совѣщательное учрежденіе при Думѣ, дающее заключеніе по докладамъ исполнительныхъ комиссій—въ органъ чисто канцелярскій“.

Все высказанное такимъ образомъ далеко не достаточно согласовано съ закономъ и дѣйствительностью. Что Управа не есть „единственный и, слѣдовательно, отвѣтственный исполнительный органъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ“, это выражено съ полною ясностью въ ст. ст. 103 и 153. Въ статьѣ 103, „для *ближайшаго завѣдыванія* отдѣльными отраслями хозяйства и управленія могутъ быть назначаемы Думами особые лица, а въ случаѣ необходимости—и особые исполнительныя комиссіи“... Итакъ, законъ вовсе не предоставляетъ Управѣ быть „единственнымъ“ исполнительнымъ органомъ городской Думы. Далѣе, статья говоритъ: „Тѣ (лица) и другія (комиссіи), подчиняясь Управѣ, *дѣйствуютъ* на основаніи инструкцій городской Думы“, а не по распоряженіямъ Управы; однимъ словомъ, и по закону, комиссія существенно отличается отъ отдѣленій Управы, а потому и „подчиненіе“ ихъ Управѣ также существенно должно отличаться отъ подчиненія ея отдѣленій. По ст. 153, „члены назначаемыхъ Думою исполнительныхъ и подготовительныхъ комиссій и участковые попечители за противозаконныя дѣйствія по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, *подлежатъ отвѣтственности, на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами Управы*“. Итакъ, ревизія напрасно утверждаетъ, будто Управа есть единственный и, слѣдовательно, отвѣтственный исполнительный органъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Управа отвѣчаетъ сама за себя, но отнюдь не за комиссіи. Утвержденіе, будто комиссіи, „благодаря численному своему преобладанію въ Думѣ“, устранили Управу отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла по отраслямъ хозяйства, находящагося въ ихъ рукахъ, могло быть высказано только вслѣдствіе не очень близкаго знакомства съ Думою. Во-первыхъ, собраніе Думы вовсе не представляетъ собою сплоченнаго единства, а, какъ всякое собраніе, распадается на партіи, а потому Управа можетъ имѣть за себя, какъ и комиссіи, ту или другую партію. Съ другой стороны, ревизія не обратила вовсе вниманія на то, что Управа пользуется такимъ преимуществомъ въ Думѣ, какового не можетъ имѣть ни одна комиссія: въ Думѣ предсѣдательствуетъ, такъ сказать, сама управа, въ лицѣ своего предсѣдателя; а какое это имѣетъ вліяніе на судьбу городскихъ дѣлъ—не трудно понять. Между тѣмъ, исполнительныя комиссіи именно и придаютъ городскому управленію *общественный* характеръ: гласный не долженъ ограничиваться своимъ правомъ имѣть въ Думѣ свое кресло и на этомъ креслѣ возсѣдать, благодаря своему имущественному цензу,—онъ долженъ обладать достаточнымъ нравственнымъ и общественнымъ цензомъ, чтобы быть готовымъ послужить не одной городской кассѣ исправнымъ внесеніемъ налоговъ, но и самому городскому

дѣлу личнымъ добродѣтельнымъ трудомъ, о которомъ всегда можно справедливо сказать, что „охота пуще неволи“, даже оплачиваемой жалованьемъ. Если есть недостатки въ исполнительныхъ комиссіяхъ, то никто не можетъ отрицать ихъ и въ Управѣ, которой ревизія хочетъ непременно придать „командующее“ положеніе, какое нѣкогда имѣла Шестигласная Дума, для чего и въ самомъ законѣ она всегда усматриваетъ болѣе, чѣмъ въ немъ сказано. Впрочемъ, ревизія снисходительно допускаетъ, что „въ средѣ дѣателей городского общественнаго управленія не мало лицъ, искренно одушевленныхъ желаніемъ принести посильную пользу дѣлу, и если полному проявленію полезной ихъ дѣятельности и мѣшаетъ иногда отсутствіе административной опытности, то эта опытность скоро явится, когда, руководствуясь *указаніями* контролирующей ихъ администраціи, не стѣсняющей дѣйствія городского общественнаго управленія, а стремящейся къ водворенію въ ней необходимаго порядка, они усвоятъ себѣ мысль, что только совокупной дѣятельностью можно достигнуть прочнаго городского благоустройства“. Но если осуществилось бы что-нибудь подобное, при чемъ контроль, въ противность своему назначенію, не только бы контролировалъ, но еще и „указывалъ“, — то, безъ сомнѣнія, всѣ „искренно одушевленные желаніемъ принести посильную пользу дѣлу“ поспѣшили бы оставить общественное управленіе, справедливо разсуждая: — если контроль умѣетъ „указывать“, то пусть онъ самъ и управляетъ, такъ какъ онъ, вѣрно, знаетъ дѣло лучше тѣхъ, кому оно довѣрено. Однимъ словомъ, — городъ мѣжетъ, современемъ, возвратиться мало-по-малу, при подобномъ режимѣ, къ тому порядку, который господствовалъ до 1846 года, когда все было предопредѣлено и предуказано администраціей; сама Дума не будетъ имѣть надобности собираться, такъ какъ и безъ нея существовалъ бы строгій контроль, а на аренѣ городского хозяйства и управленія осталась бы одна городская Управа, въ роли, печальной памяти, Шестигласной Думы, ожидающей распоряженій и указаній отъ администраціи...

Хотя ревизія и объявила на смерть войну исполнительнымъ комиссіямъ, но тѣмъ не менѣе она хотѣла представить доказательство своего безпристрастія и признала одну изъ нихъ удовлетворительною, но и эта комиссія... не совсемъ спаслась: „если что можно — говорить ревизія — поставить въ упрекъ комиссіи по народному образованію, то это — желаніе освободиться по возможности отъ всякаго вѣдательства въ дѣло со стороны вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, хотя казалось бы, что въ этомъ отношеніи совокупная дѣя-

тельность дала бы болѣе прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія“.

Но этотъ упрекъ, дѣлаемый ревизіей комиссіи по народному образованію, вовсе не заслуженъ ею, и, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, онъ долженъ бы быть обращенъ совсѣмъ по другому адресу. Доказательствъ тому не мало можно найти въ 25-лѣтней исторіи этой комиссіи. При самомъ своемъ основаніи, столько же благоразумно, сколько скромно, комиссія, не состоя изъ педагоговъ, пожелала имѣть своими руководителями опытныхъ и свѣдущихъ людей, которымъ можно было бы поручить инспекцію надъ училищами. А какъ городъ хотѣлъ поставить это важное дѣло, было видно изъ того, что Дума назначила такимъ лицамъ вознагражденіе за ихъ трудъ по 3.000 рублей въ годъ, а всего на четырехъ лицъ — 12.000 рублей! Приглашены были такіе авторитетные педагоги, какъ Вуликъ, Гердъ, Григорьевъ, Паульсонъ. Казалось, слѣдовало бы только одобрить такую мѣру, со стороны Думы, къ правильному устройству школьнаго дѣла; но попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа опротестовалъ такое постановленіе Думы и обжаловалъ его въ Сенатъ. Но Сенатъ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій. Имъ же было обжаловано въ Сенатъ и самое постановленіе Думы объ учрежденіи комиссіи, но и эта жалоба имѣла такую же участь, какъ и первая. Въ теченіе 20-ти лѣтъ, комиссія, видя крайнюю недостаточность городскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ, гдѣ дѣти, кончившія курсъ начальнаго училища, и будучи 12 лѣтъ отъ роду, могли бы продолжать ученіе (министерскихъ училищъ было прежде 6 на весь городъ), ходатайствовала не разъ о разрѣшеніи городу открывать свои 4-хъ-классныя школы, — и получала постоянно отказы. Въ 1896 г., комиссія сдѣлала новую къ тому попытку, но снова получила отказъ, и только, наконецъ, новый тогда министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ далъ такое разрѣшеніе, изъ чего прямо слѣдовало, что городъ могъ бы получить такое разрѣшеніе еще двадцать лѣтъ тому назадъ: двадцать лѣтъ для высшаго народнаго образованія были потеряны. Можно привести и еще одинъ крупный фактъ такого же характера. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ, комиссія пришла къ убѣжденію въ необходимости строить собственные школьные дома съ соединенными училищами на 600 и болѣе учащихся. Одинъ изъ представителей министерства, болѣе близко стоящій къ дѣлу народнаго образованія, директоръ народныхъ училищъ с.-петербургской губерніи г. Латышевъ, возсталъ противъ такихъ построекъ, и надобно было предполагать, что онъ, какъ подчиненное лицо, выражалъ только взгляды своего учебнаго округа на постройку городомъ собственныхъ школьныхъ домовъ. Такимъ образомъ, комиссіи волей-неволей пришлось и тутъ, говоря язы-

жомъ ревизіи, стараться объ „освобожденіи отъ всякаго вмѣшательства министерства народнаго просвѣщенія“. Но изъ всего этого слѣдуетъ заключить одно, а именно, что ревизіи могло только „казаться“, какъ она сама выражается,—будто „совокупная дѣятельность (училищной комиссіи и министерства народнаго просвѣщенія) дала бы болѣе прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія“. На дѣлѣ выходило противное: городу не было бы возможности дать такую солидную организацію школьному дѣлу, какую оно получило, благодаря первымъ экспертамъ, дѣйствовавшимъ при началѣ дѣла; только благодаря Правительствующему Сенату, защитившему комиссію отъ министерства, уцѣлѣла и сама комиссія; наконецъ, городъ и до сихъ поръ былъ бы лишенъ пяти новыхъ городскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ на 1.000 дѣтей, окончившихъ начальный курсъ; и не было бы школьныхъ домовъ, за постройку которыхъ комиссія получила высшую награду на парижской выставкѣ по приговору педагоговъ, собравшихся со всѣхъ концовъ міра, и, надобно думать, не уступавшихъ ни въ чемъ г. Латышеву. Ничего бы этого не было, еслибы исполнилось желаніе ревизіи относительно „совокупной“ дѣятельности комиссіи и министерства. Кромѣ того, ревизія упустила изъ виду, что, по закону, положеніе городской училищной комиссіи слишкомъ скромно для того, чтобы желать или не желать „вмѣшательства“ въ ея дѣла со стороны министерства: въ одну сторону, хозяйственную, она имѣетъ надъ собою Управу и Думу, а въ учебную — не дирекцію народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а городской училищный совѣтъ, надъ которымъ опять стоитъ губернскій училищный совѣтъ. Въ такомъ устройствѣ дѣла начального народнаго образованія и заключается, между прочимъ, весь секретъ быстрыхъ успѣховъ этого великаго дѣла въ столицѣ, отъ котораго въ будущемъ зависятъ всѣ прочія дѣла.

Другой упрекъ комиссіи относится къ тому, что „даже училищная комиссія, по словамъ ревизіи, такъ внимательно относящаяся къ возложенному на нее дѣлу, не вполне удовлетворительно справилась съ принятою на себя крупной операціей по постройкѣ училищныхъ домовъ. Не говоря уже о значительной, въ тридцать тысячъ рублей, передержкѣ противъ смѣтнаго назначенія, отчетность по постройкѣ училищнаго дома на Прудкахъ, и то лишь благодаря моимъ настояніямъ, представлена только чрезъ полтора года послѣ ея окончанія“. Основаніе къ этому упреку коренится, повидимому, въ чрезмѣрной краткости ревизіоннаго сообщенія. Во-первыхъ, о „значительности“ передержки можно судить только по сравненію ея съ суммою смѣтнаго назначенія: передержка въ тридцать тысячъ при миллионномъ смѣтномъ назначеніи имѣетъ не то значеніе, какое она представила бы при смѣтѣ

въ сто или двѣсти тысячъ рублей. Смѣта же была въ двѣсти тысячъ рублей, и потому едва-ли, безъ преувеличенія, передержку въ тридцать тысячъ рублей можно назвать „значительной“. Во-вторыхъ, училищная коммиссія, учреждая изъ своей среды особую коммиссію строительную, всегда приглашала занять въ ней мѣсто члена Управы, и тѣмъ,—сказать мимоходомъ,—опровергала теорію ревизіи о враждѣ коммиссій съ Управою и отстранила намѣкъ ревизіи на то, что еслибы школьные дома строила Управа, то передержки не было бы. Въ-третьихъ, отчетъ строительной коммиссіи поступилъ поздно, но все-же поступилъ, и, вѣроятно, оказался вполне удовлетворительнымъ, или, иначе, въ обзорѣннѣи непременно было бы о томъ отмѣчено. Точно также ревизія совершенно умолчала о томъ, что другія, не менѣе крупныя постройки школьныхъ домовъ этою же училищною коммиссіею были исполнены безъ всякой передержки. Въ этомъ случаѣ передержка была для коммиссіи совершенно ясна: смѣта составлялась по смѣтѣ передъ тѣмъ отстроеннаго также большаго школьнаго дома на Васильевскомъ Острову, а на Прудкахъ оказались другія условія мѣстности и болѣе высокая въ томъ году цѣна матеріала—вотъ и причины передержки.

Заслуги городского общественнаго управленія по дѣлу насажденія имъ народнаго образованія въ столицѣ ревизія умаляетъ тѣмъ соображеніемъ, будто въ Петербургѣ „дѣлу народнаго образованія помогали и различныя правительственныя учрежденія, и частная инициатива, такъ что изъ пятидесяти-одной тысячи *всѣхъ* учащихся на долю городскихъ (т.-е. начальныхъ народныхъ) школъ приходится менѣе половины“. Но тутъ скрывается значительное недоразумѣніе, такъ какъ правительственныхъ начальныхъ народныхъ школъ (т.-е. содержимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія) въ Петербургѣ, сколько намъ извѣстно, всего *одна*,—при учительскомъ институтѣ,—а частныхъ, состоящихъ въ вѣдѣннѣи городского училищнаго совѣта,—не болѣе десяти; въ вѣдѣннѣи же духовнаго вѣдомства считается начальныхъ церковно-приходскихъ школъ не болѣе двадцати-пяти. Содержимыхъ же городомъ начальныхъ училищъ въ настоящее время свыше пяти-сотъ, съ двадцатью-пятью тысячами учащихся; итакъ, помощь правительственныхъ учреждений, какъ министерства народнаго просвѣщенія и св. синода, а также частной инициативы, выражается какими-нибудь тридцатью-пятью или сорока школами съ двумя тысячами учащихся! Если же ревизія насчитываетъ всѣхъ учащихся дѣтей до пятидесяти-одной тысячи, то она, вѣроятно, зачисляетъ сюда всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ, корпусахъ, частныхъ пансіонахъ; но эти заведенія не могутъ быть отнесены къ числу начальныхъ *народныхъ* училищъ, и они, служа среднему образованію, никакъ не могутъ „помогать дѣлу народнаго образованія“, какъ то утверждаетъ ревизія.

Значительно меньшая часть „обозрѣнія“ посвящена другимъ „недостаткамъ“ строя с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. Такъ, ревизія полагаетъ, что въ отношеніи выборовъ въ гласные „нельзя не признать преимущества Городового Положенія 1870 г.“; но въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что ревизія не предлагаетъ воспользоваться этими преимуществами: по тому Положенію, 1) число гласныхъ превышало двѣсти-пятьдесятъ (сокращенное число отъ семисотъ по Городовому Положенію 1846 года); 2) по разрядамъ раздѣлялись избиратели, но не избираемые; 3) если Положеніе 1870 года улучшается въ томъ отношеніи, что въ законопроектѣ допущены квартиранты, то это улучшение можетъ повести къ ухудшенію, если избирательный цензъ не будетъ пониженъ; только при этомъ условіи можно ожидать лучшаго состава думы,—а это и служить мотивомъ къ допущенію квартирантовъ въ выборы.

Далѣе, ревизія обратила вниманіе на недостатокъ контроля надъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, но предложила такую мѣру, которая, дѣйствительно, устранить этотъ недостатокъ, но только тѣмъ, что она превратитъ городское общественное управленіе почти въ ничто, или въ „приходо-расходчика“, а потому оно и не будетъ въ состояніи имѣть какіе бы то ни было недостатки. До настоящаго времени, надзоръ за городскимъ общественнымъ управленіемъ, установленный Городовымъ Положеніемъ 1892 г., — говоритъ ревизія, — „будучи возложенъ на градоначальника и осуществляемъ имъ черезъ посредство особаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, надзоръ этотъ поставленъ въ крайне невыгодныя условія. Присутствіе это обладаетъ даже меньшими средствами, чѣмъ соотвѣтственныя учрежденія въ другихъ губерніяхъ, въ которыхъ обороты по городскому и земскому хозяйству, вмѣстѣ взятыя, составляютъ иногда не болѣе одной десятой оборотовъ с.-петербургскаго городского хозяйства“. Но это разсужденіе ревизіи не оправдывается дѣйствующимъ закономъ: довольно вспомнить составъ особаго присутствія, гдѣ два голоса отъ Думы тонутъ въ большинствѣ голосовъ администраціи, усиленной въ послѣднее время непремѣннымъ членомъ; а съ другой стороны, по ст. 84 Гор. Пол. 1902 г., всякое рѣшеніе присутствія, отмѣняющее постановленіе Думы, „подлежитъ исполненію“, т.-е. отмѣнѣ. Недостаетъ, слѣдовательно, только одного, чтобы особое присутствіе само дѣлало постановленіе, на мѣсто постановленнаго Думою, какое ему будетъ угодно, но тогда спрашивается: къ чему же сохранять Думу? Ревизія и предлагаетъ именно такую мѣру, при которой этотъ вопросъ является самъ собою. „Цѣль контроля,—по мысли ревизіи,—какой слѣдуетъ установить для операцій по городскому хозяйству, совершенно независимо отъ повѣрки, производимой городскими ревизион-

ными комиссіями, должна состоять въ томъ, чтобы давать администраціи, на которой лежитъ надзоръ, а слѣдовательно отчасти и *отвѣтственность* за правильность городского хозяйства, осуществлять такой надзоръ фактически, *предупреждая* путемъ его тѣ отклоненія, которыя могутъ встрѣтиться въ дѣйствіяхъ исполнительныхъ органовъ городского общественнаго управленія. Контроль этотъ долженъ быть, если можно такъ выразиться, *эластиченъ* и не примѣняться одинаково сразу ко всѣмъ большей частью мелочнымъ распоряженіямъ по городскому хозяйству, а обращать преимущественное вниманіе, по *указанію* администраціи, на которую возложенъ надзоръ за этимъ хозяйствомъ, на тѣ операціи, за которыми по обширности и сложности ихъ необходимо слѣдить *неотступно*".

Такой контроль, „неотступный“, „указывающій“, „предупреждающій“ и „отвѣтственный“, прежде всего будетъ имѣть результатомъ ослабленіе отвѣтственности учрежденій уже не общественнаго, а полупубличнаго управленія, такъ какъ часть отвѣтственности падеть на надзирающую администрацію; предупреждать же отклоненія, прежде нежели они сдѣланы, можно только однимъ путемъ—распоряженій и предписаній. Что же касается до проектируемой „эластичности“ контроля, который, вѣроятно, обойдется городу не дешево, то такую эластичность можно понять не иначе, какъ замаскированный произволъ со стороны контроля: захотятъ контролировать—будутъ, а не захотятъ—нужно. Чтобы быть „неотступнымъ“, какимъ онъ былъ въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, нужно, чтобы онъ слѣдилъ по пятамъ каждый шагъ Управы, что отняло бы всякую самостоятельность у городского общественнаго управленія, которое будетъ обязано дѣйствовать, именно въ „обширныхъ и сложныхъ“ дѣлахъ, не иначе, какъ на помочахъ администраціи.

„Обозрѣніе“ питаетъ увѣренность, что „если одновременно будутъ усилены средства администраціи по надзору за такимъ сложнымъ хозяйствомъ, каковымъ представляется въ настоящее время хозяйство столицы, бюджетъ расходовъ которой на настоящій годъ исчисленъ круглой цифрой въ двадцать-восемь милліоновъ рублей,—можно рассчитывать на водвореніе въ немъ бѣльшаго порядка“. Прямо къ противоположному выводу пришла, какъ мы видѣли, первая правительственная ревизія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; послѣ того какъ, въ теченіе сорока лѣтъ (1806—1846 гг.), правительство усиливало средства администраціи по надзору за такимъ сложнымъ хозяйствомъ, каково городское,—это самое хозяйство именно и пришло въ полное разстройство, и, вслѣдствіе того, уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, авторы перваго Городоваго Положенія (1846 г.), послѣ уничтоже-

ніа жалованной Грамоты городамъ 1785 г., признали, на основаніи многолѣтняго и тяжелаго опыта, что одною правительственною опекою нельзя создать городского общественнаго управленія—а заключеніе ревизіи 1902 года, повидимому, обратное; она возлагаетъ всю надежду на „усиленные средства“ административнаго надзора и контроля.

М. Ст.

12 февраля 1903 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

Правительственное сообщеніе по македонскому вопросу.—Турецкія реформы и европейская дипломатія.—Мирная программа балканской политики.—Конецъ венецускаго кризиса.—Политическія дѣла Англіи и Франціи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 12 февраля напечатано слѣдующее официальное сообщеніе по македонскому вопросу:

„Изъ правительственнаго сообщенія 30-го ноября минувшаго года уже извѣстны рѣшенія, которыя съ самаго возникновенія смуты на Балканскомъ полуостровѣ приняты были Россією въ цѣляхъ предотвращенія возможныхъ осложненій въ предѣлахъ Европейской Турціи.

„Неусыпно слѣдя за политическою жизнью единовѣрныхъ Россіи народностей, Императорское правительство, своевременно освѣдомленное своими агентами объ истинномъ положеніи дѣлъ, не переставало обращать самое серьезное вниманіе Порты на безотлагательную необходимость улучшенія быта христіанскаго населенія Солунскаго, Кововскаго и Монастырскаго вилайетовъ.

„Вызванному въ октябрѣ минувшаго года въ Ялту російскому послу въ Константинополь было поручено выработать проектъ наиболѣе насущныхъ преобразованій и указать Портѣ на настойчивую потребность скорѣйшаго примѣненія таковыхъ, дабы въ корнѣ пресѣчь причины недовольства среди ея подданныхъ. Въ этомъ же смыслѣ было сдѣлано сообщеніе и командированному султаномъ для привѣтствованія Государа Императора въ Ливадію чрезвычайному турецкому послу Турханъ-пашѣ.

„Отоманское правительство изъявило готовность послѣдовать этимъ дружественнымъ совѣтамъ; обнародованный въ ноябрѣ 1902 года ирадѣ султана о реформахъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи не представилъ однако достаточныхъ гарантій желательнаго улучшенія быта христіанскаго населенія, а посему и не достигъ преслѣдуемой цѣли—общаго успокоенія.

„Съ другой стороны, не смотря на преподанные балканскимъ государствамъ благожелательные совѣты, агитаторская дѣятельность революціонныхъ комитетовъ продолжала оказывать пагубное вліяніе возбужденіемъ населенія къ возстанію противъ законной власти.

„Въ виду такового крайне тревожнаго положенія дѣлъ, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть министру иностранныхъ дѣлъ, въ началѣ декабря минувшаго года, посѣтить столицы Сербіи и Болгаріи для передачи какъ королю Александру, такъ и князю Фердинанду отъ Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества сообщенія въ нижеслѣдующемъ смыслѣ.

„Россія, искони принимая самое живое участіе въ судьбѣ христіанскихъ народностей Турціи, направляетъ и нынѣ всѣ усилія свои

къ тому, чтобы побудить отоманское правительство къ скорѣйшему введенію преобразованій въ трехъ европейскихъ вилайетахъ. Для успѣшнаго достиженія этой задачи безусловно необходимо, чтобы и славянскія государства, съ своей стороны, принявъ зависящія отъ нихъ мѣры въ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ, противодействовали опасной смутѣ и революціоннымъ замысламъ. Лишь при такихъ условіяхъ они могутъ твердо уповать на мощное заступничество Россіи.

„Его величество король сербскій и его королевское высочество князь болгарскій, въ отвѣтъ на преподанные имъ отъ Высочайшаго Имени совѣты, поспѣшили дать статсъ-секретарю графу Ламздорфу завѣренія въ томъ, что правительства ихъ, слѣдуя доброжелательнымъ указаніямъ Россійскаго Монарха, озаботятся прекращеніемъ дальнѣйшей агитаціи со стороны революціонныхъ обществъ и комитетовъ и будутъ выжидать результатовъ воздѣйствія Россіи въ пользу христіанскихъ народностей Турціи. Обѣщанія эти были выполнены, и Императорское правительство не преминуло высказать полное одобреніе болгарскому правительству по поводу принятыхъ имъ за послѣднее время мѣръ противъ революціонныхъ комитетовъ.

„Вслѣдъ за посѣщеніемъ Сербіи и Болгаріи статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ, съ Высочайшаго Государа Императора соизволенія, отправился въ Вѣну, гдѣ между министрами иностранныхъ дѣлъ обѣихъ дружественныхъ сосѣднихъ Имперій состоялись, въ силу соглашенія 1897 года, особыя совѣщанія, закончившіяся установленіемъ главныхъ началъ, которыя должны быть положены въ основу проектируемыхъ преобразованій въ трехъ турецкихъ вилайетахъ.

„Условленная такимъ образомъ общая программа была въ началѣ минувшаго января сообщена русскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополь, коимъ поручалось, по обсужденіи мѣстныхъ условій, выработать на основаніи ея болѣе подробный проектъ мѣропріятій, направленныхъ къ существенному улучшенію быта населенія Солунской, Косовской и Монастырской провинцій.

„Изготовленный дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ и барономъ Каличе проектъ удостоился одобренія обѣихъ правительствъ и затѣмъ довѣрительно сообщенъ былъ 4-го сего февраля великимъ державамъ, подписавшимъ берлинскій договоръ 1878 года, съ просьбою, въ случаѣ сочувственнаго отношенія ихъ къ предположеннымъ реформамъ, оказать соотвѣтственную поддержку требованіямъ Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополь.

„Франціей, Италіей, Германіей и Англіей была выражена полная готовность поддержать предъ Портою выработанный Россіей и Австро-Венгріей проектъ реформъ.

„Вслѣдъ затѣмъ русскому и австро-венгерскому посламъ поручено было отъ имени обѣихъ правительствъ предъявить султану вышеупомянутый проектъ преобразованій, которыя, въ главныхъ чертахъ, сводятся къ нижеслѣдующему:

„Дабы обезпечить успѣхъ задачи, возложенной, въ силу ирада султана, на главнаго инспектора, должностное лицо это назначается на заранѣе опредѣленный срокъ и не можетъ быть отставлено до

истечения онаго, безъ предварительнаго по сему предмету сношенія съ державами.

„Главному инспектору предоставляется возможность, въ случаѣ надобности, пользоваться содѣйствіемъ отоманскихъ войскъ на всемъ пространствѣ трехъ вилайетовъ, безъ обязательства обращаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ центральному правительству.

„Генераль-губернаторы трехъ вилайетовъ обязаны строго сообразоваться съ указаніями, исходящими отъ главнаго инспектора.

„Къ участию въ преобразованіи полиціи и жандармеріи должны быть призваны иностранные специалисты.

„Отоманское правительство должно озаботиться, чтобы число мусульманъ и христіанъ, служащихъ въ жандармеріи и полиціи, было пропорціонально количеству населенія обоихъ вѣроисповѣданій.

„Сельскіе стражники должны вѣрбовать изъ христіанъ тамъ, гдѣ большинство населенія христіанское.

„Такъ какъ притѣсненія и насилия, столь часто чинимыя нѣкоторыми албанскими преступниками по отношенію къ христіанскому населенію, равно какъ безнаказанность совершаемыхъ ими незаконныхъ дѣйствій и преступленій, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ смуты,—то отоманское правительство должно изыскать средства къ прекращенію такого положенія вещей.

„Въ виду того, что въ трехъ вилайетахъ, вслѣдствіе происходившихъ тамъ смутъ, произведены были многочисленные аресты, отоманское правительство должно, дабы ускорить возвращеніе къ нормальному порядку, даровать амнистію всѣмъ обвиняемымъ и осужденнымъ по политическимъ дѣламъ, а равно всѣмъ переселенцамъ.

„Для обезпеченія правильной дѣятельности мѣстныхъ учреждений, въ каждомъ вилайетѣ будетъ составляться бюджетъ доходовъ и расходовъ. Поступленія отъ провинціальныхъ налоговъ, подъ контролемъ отоманскаго банка, будутъ обращаемы прежде всего на нужды мѣстнаго управленія, включая содержаніе гражданскихъ и военныхъ учреждений. Способъ взиманія десятиннаго налога будетъ измѣненъ и система общаго откупа отмѣняется.

„Отоманское правительство, оцѣнивъ все значеніе сдѣланныхъ ему представленій, приняло помянутый проектъ и дало мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическое приказаніе тотчасъ приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ.

„Вышеизложенныя мѣропріятія, могущія естественно имѣть широкое развитіе въ будущемъ, нельзя не признать достаточными, чтобы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вполне обезпечить существенныя улучшенія быта христіанскаго населенія трехъ вилайетовъ.

„При этомъ предполагается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ организовать, подъ руководствомъ пословъ въ Царьградѣ, бдительный консульскій надзоръ за примѣненіемъ условленныхъ реформъ.

„Сообщая російскимъ представителямъ и агентамъ на Балканскомъ полуостровѣ о достигнутыхъ нынѣ результатахъ въ дѣлахъ улучшенія быта христіанскаго населенія Турціи, Императорское правительство сочло необходимымъ вновь подтвердить имъ, для возможно широкаго освѣдомленія славянскихъ народностей, тѣ основныя начала, коими оно въ данномъ случаѣ руководствуется.

„Призванные къ самостоятельной жизни цѣною неисчислимыхъ жертвъ Россія, балканскія государства могутъ съ полною увѣренностью рассчитывать на постоянное попеченіе Императорскаго правительства объ ихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и на мощную защиту духовныхъ и жизненныхъ интересовъ христіанскаго населенія Турціи.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ однако они не должны терять изъ виду, что Россія не пожертвуетъ ни единой каплей крови своихъ сыновъ, ни самой малѣйшей долей достоянія русскаго народа, если бы славянскія государства, вопреки заблаговременно преподаннымъ имъ совѣтамъ благоразумія, рѣшились помогать революціонными и насильственными средствами измѣненія существующаго строя Балканскаго полуострова“.

Чрезвычайная трудность задачи, поставленной на очередь послѣдними событіями на Балканскомъ полуостровѣ, какъ нельзя яснѣе характеризуется содержаніемъ приведеннаго правительственнаго сообщенія. Съ одной стороны, кровавыя волненія въ Македоніи и Старой Сербіи дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умы въ сосѣднихъ балканскихъ государствахъ и создавали почву для замѣшательства, опасныхъ для общаго мира; необходимо было поэтому постоянно употреблять сдерживающее дипломатическое вліяніе на тѣ элементы, которые могли довести дѣло до вооруженнаго столкновенія съ Турціею. Съ другой стороны, невыносимое положеніе турецкихъ христіанъ обострялось жестокими мѣрами, направленными къ подавленію ихъ недовольства, и европейскіе кабинеты вынуждены были дѣйствовать также на Порту, чтобы побудить ее предпринять что-нибудь для успокоенія и удовлетворенія подвластныхъ ей жителей. Въ то же время нельзя было рассчитывать на значительныя добровольныя уступки султана: въ этомъ отношеніи предстояло ограничиться лишь тѣмъ, что возьмется устроить само турецкое правительство. Турція приняла программу реформъ, предложенную ей Австро-Венгеріею и Россіею, о чемъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Тевфикъ-паша формально извѣстилъ посланниковъ 23 (10) февраля. „Это послѣднее принатіе—замѣчаетъ газета „Temps“—было неизбѣжно. Австро-русская программа есть пока только программа, и если турецкое правительство не любитъ реформъ, то оно ничего не имѣетъ противъ программъ, которыя вообще очень кало ему стоить; нынѣшній же проектъ всего менѣе способенъ былъ взволновать турокъ. Болѣе скромный, чѣмъ прежніе проекты, онъ довольствуется нѣкоторыми минимальными реформами въ области административной и финансовой; онъ далекъ отъ цѣльнаго преобразовательнаго плана, выработаннаго двадцать-три года назадъ комиссіею для Восточной Румеліи. Крайняя умѣренность требованій представляетъ по отношенію къ Турціи такое достоинство, что султанъ счелъ долгомъ отвѣчать немедленнымъ со-

гласіемъ. Но не слѣдуетъ предаваться оптимизму по поводу этого скорого согласія: все зависитъ отъ того, какъ и когда будутъ исполнены объявленные реформы. Державы благополучно довели до конца часть своей задачи, наименѣе важную;—та часть, которая остается впереди, обусловливаетъ собою спокойствіе Востока. Послѣ словъ—*нужны дѣйствія*“. Парижскій „Temps“ полагаетъ, что только быстрое и энергическое осуществленіе обѣщанныхъ реформъ можетъ обеспечить миръ въ христіанско-турецкихъ земляхъ; между тѣмъ самыя эти реформы не отличаются опредѣленностью и оставляютъ много простора свободному толкованію и усмотрѣнію турецкихъ властей. Новая должность главнаго инспектора надъ тремя провинціями и ихъ губернаторами будетъ обставлена извѣстными гарантіями, и носитель этого званія останется несмѣняемымъ на точно назначенный—напримѣръ, трехлѣтній—срокъ; но главный инспекторъ избирается Портою изъ мусульманскихъ пашей безъ всякаго участія великихъ державъ, и нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что его обширныя военныя и административныя полномочія будутъ служить къ пользѣ угнетенныхъ христіанъ. Никто не знаетъ, насколько удачнымъ окажется выборъ этого высшаго должностнаго лица, и потому практической успѣхъ реформаторской программы является еще весьма проблематическимъ. Преобразованія и улучшенія, рекомендуемыя турецкому правительству, не выходятъ за предѣлы хорошихъ пожеланій, которыя въ сущности ни къ чему не обязываютъ и могутъ не принести замѣтныхъ плодовъ на практикѣ. Жандармерія и полиція въ Турціи, конечно, измѣнили бы свой характеръ, еслибы перестали быть орудіями мусульманскаго господства надъ безправнымъ населеніемъ; но достигнется ли эта перемѣна привлеченіемъ нѣкотораго числа христіанъ въ ряды полицейскихъ служителей, жандармовъ и сельскихъ стражниковъ? Порядочные и добросовѣстные обыватели изъ христіанъ не соблазнятся службою въ турецкой полиціи или жандармеріи при современныхъ условіяхъ, и только худшіе элементы христіанскаго населенія могутъ откликнуться на призывъ властей въ этомъ смыслѣ, хотя бы къ дѣлу были привлечены иностранные специалисты. Трудно себѣ представить, чтобы турки мирно служили вмѣстѣ съ христіанами въ качествѣ охранителей общественнаго порядка и благочинія; еслибы это оказалось возможнымъ, то и весь восточный вопросъ давно не существовалъ бы. Турецкое правительство въ принципѣ признаетъ за собою обязанность положить предѣлы насиліямъ и притѣсненіямъ, совершаемымъ албанскими и прочими башибузуками относительно христіанъ; но какъ отличить незаконныя насилія отъ законныхъ и поощряемыхъ, при отсутствіи самаго понятія законности въ турецкой административной практикѣ? Гдѣ граница между произвольнымъ угнетеніемъ и преду-

предительными мѣрами государственной охраны? Съ турецкой точки зрѣнія даже массовыя избиенія христіанъ считаются иногда законными способами расправы или средствами обузданія непокорнаго духа въ населеніи; аресты производятся не по обвиненію въ какомъ-нибудь преступленіи и не въ цѣляхъ судебного разбирательства, а въ видѣ самостоятельныхъ полицейскихъ мѣропріятій, — такъ что въ Турціи нѣтъ обвиняемыхъ и осужденныхъ по политическимъ дѣламъ въ европейскомъ значеніи этихъ словъ, а есть только преслѣдуемые и подавляемые, которымъ бесполезно было бы обѣщать амнистію. Серьезной реформой было бы введеніе правильнаго бюджета въ отдѣльныхъ провинціяхъ, подъ контролемъ оттоманскаго банка; но при запутанности общаго финансоваго состоянія имперіи нельзя надѣяться, что матеріальныя интересы провинцій будутъ озабочивать центральное правительство, вѣчно нуждающееся въ деньгахъ. Наконецъ, очень важенъ вопросъ о мѣрахъ наблюденія за дѣйствительнымъ выполненіемъ намѣченныхъ преобразованій; консульскій надзоръ, хотя бы самый бдительный, не можетъ быть достаточенъ уже потому, что консулы, въ силу своихъ обычныхъ служебныхъ обязанностей, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и должны стараться ладить съ ними, а попытки систематическаго вмѣшательства въ дѣла администраціи приводили бы къ непріятнымъ столкновеніямъ, которыя къ тому же были бы безцѣльны при маломъ авторитетѣ консульской власти въ глазахъ турецкихъ пашей. Для организаціи надлежащаго контроля требовалось бы назначеніе специальныхъ европейскихъ коммиссаровъ, снабженныхъ широкими правами въ предѣлахъ реформируемыхъ турецкихъ вилайетовъ; однако, державы не сдѣлали такого шага изъ опасенія нарушить принципъ неприкосновенности верховной власти султана. Замѣчательно, что въ своихъ обращеніяхъ къ Турціи по македонскому вопросу иностранныя кабинеты избѣгаютъ ссылаться на берлинскій трактатъ, дающій европейской дипломатіи несомнѣнное право контролировать турецкое управленіе въ христіанскихъ областяхъ и настаивать на реформахъ и улучшеніяхъ, которыя Порта обязывалась осуществить въ свое время. Ссылка на трактаты и на положительныя международныя обязательства придавала бы заявленіямъ кабинетовъ болѣе формальный и точный характеръ; а формальная опредѣленность требованій вызываетъ съ другой стороны враждебное чувство, затрудняющее мирную развязку кризиса. Державамъ пришлось бы заранѣе условиться, какъ поступить въ случаѣ отказа Турціи, и нельзя было бы обойти вопросъ о совмѣстныхъ принудительныхъ мѣрахъ, отъ которыхъ уже недалеко до войны. Этихъ опасностей нѣтъ, когда иностранное вмѣшательство не выходитъ изъ круга добро-

желательныхъ совѣтовъ, направленныхъ къ обоюдному дружественному соглашенію.

Самое цѣнное въ послѣднемъ правительственномъ сообщеніи—это выраженіе твердой рѣшимости сохранить миръ на Балканскомъ полуостровѣ и воздержаться отъ прямого участія въ событіяхъ, которыя могли бы быть вызваны какою-нибудь воинственною политикою Болгаріи или Сербіи. Христіанскія народности Балканскаго полуострова знаютъ теперь, что „Россія не пожертвуетъ ни единой каплей крови своихъ сыновъ, ни самой малѣйшей долей достоинства русскаго народа, еслибы славянскія государства, вопреки заблаговременно преподаваемымъ имъ совѣтамъ благоразумія, рѣшились домогаться революціонными и насильственными средствами измѣненія существующаго строя“ въ христіанско-турецкихъ земляхъ. Условная форма этого предупрежденія вполне понятна: нѣтъ надобности отнимать у македонцевъ всякую надежду на наше активное заступничество въ случаѣ крайности, напр. при повальныхъ избіеніяхъ, и Турція, со своей стороны, не должна разсчитывать на нашу пассивность при всякихъ вообще обстоятельствахъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что внѣшній миръ на Востокѣ остается первымъ и главнѣйшимъ предметомъ заботъ нашей дипломатіи; о нашемъ военномъ вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла не можетъ быть и рѣчи, и новая турецкая война изъ-за Македоніи представляется совершенно невѣроятною. Кажется, ни одинъ изъ самыхъ предприимчивыхъ нашихъ патріотовъ не мечтаетъ о подобномъ оборотѣ событій, и мы могли бы съ полнымъ основаніемъ сказать, что Россія ни въ какомъ случаѣ не повторитъ кровавой ошибки семидесятихъ годовъ и не дастъ себя вовлечь въ войну подъ прикрытіемъ коллективнаго вмѣшательства Европы въ устройство балканскихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи наше миролюбіе должно быть признано безусловнымъ. Обстановка восточнаго вопроса значительно измѣнилась за послѣднія два десятилѣтія; взаимныя отношенія державъ, какъ и отношенія ихъ къ Турціи,—теперь уже совсѣмъ не тѣ, какими были прежде. Англія не находитъ уже интереса въ защитѣ турецкихъ порядковъ и откровенно хлопочетъ о реформахъ въ пользу мѣстныхъ христіанъ; Австро-Венгрія не подчеркиваетъ своего антагонизма съ Россією, а напротивъ, стремится дѣйствовать съ нею заодно; Франція готова идти даже дальше насъ въ мѣрахъ заступничества за христіанскія народности, подвластныя туркамъ; Германія и Італія не уклоняются отъ солидарности съ другими державами въ дѣлахъ турецкаго Востока. Македонскій вопросъ не даетъ матеріала для соперничества кабинетовъ и можетъ разрѣшиться вполне мирно, если только руководящія великія державы установятъ ясную и положительную программу своей балканской политики. Энергія и настойчи-

вость въ преслѣдованіи поставленныхъ дѣлей вполне совмѣстима съ миролюбіемъ, какъ это неоднократно доказывалъ опытъ западно-европейской дипломатіи; въ частности, относительно Турціи успѣшно применялись и весьма энергическіе приемы убѣжденія, безъ серьезной опасности для общаго мира, — ибо турки вовсе не расположены или, вѣрнѣе, лишены возможности воевать или дѣйствовать вызывающимъ образомъ противъ соединенныхъ иностранныхъ націй. И еслибы судьба Македоніи потребовала такихъ же коллективныхъ способовъ дѣйствія, какіе употреблены были для прочнаго устройства участи Крита, то европейскій миръ не былъ бы этимъ нарушенъ или поколебленъ; однако, въ интересахъ истиннаго миролюбія нужно желать, чтобы дѣло обошлось безъ внушительныхъ и дорого стоящихъ военныхъ демонстрацій.

Обнародованная недавно французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ „синяя книга“ по македонскому вопросу объясняетъ отчасти причину и значеніе того факта, что послѣдній дипломатическій проектъ турецкихъ реформъ выработанъ и предложенъ непосредственно двумя державами, Австро-Венгрією и Россією, къ которымъ затѣмъ присоединились другіе кабинеты. Французская дипломатія съ самаго начала кризиса отнеслась къ нему вполне разумно: она не скрывала своего мнѣнія о невозможности прочнаго мира въ Македоніи и Старой Сербіи, пока не приступлено къ серьезному преобразованію мѣстной системы управленія. Получая отъ своихъ представителей въ Константинополѣ и въ Салоникахъ постоянныя сообщенія о насиліяхъ и произволѣ турецкой администраціи, французское правительство пользовалось этими свѣдѣніями для надлежащихъ отвѣтовъ и совѣтовъ турецкому посланнику, часто жаловавшемуся въ Парижѣ на революціонную дѣятельность болгарскихъ комитетовъ; наконецъ, министръ Делькассѣ взялъ на себя инициативу болѣе энергическаго коллективнаго шага въ пользу Македоніи и подробно изложилъ свои взгляды по этому предмету въ депешѣ къ французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ, г. Бутирону, отъ 27 (14) ноября, причѣмъ указывалъ на практическую важность соглашенія между державами, ближайшимъ образомъ заинтересованными въ балканскихъ дѣлахъ, а именно между Австрією и Россією. Эта депеша подготовила и облегчила попытку нашей дипломатіи дѣйствовать совмѣстно съ вѣнскимъ кабинетомъ, такъ какъ мы имѣли за собою прямую поддержку Франціи и вѣроятное сочувствіе остальной Европы. Французскія симпатіи явно склонились къ рѣшеніямъ, благоприятнымъ для турецкихъ христіанъ, и это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на австрійскія идеи, всегда отличавшіяся нѣкоторымъ оттѣнкомъ туреофильства. Такимъ образомъ австро-русская программа реформъ явилась резуль-

татомъ общаго миролюбиваго направленія европейской политики въ области восточно-турецкихъ дѣлъ.

Мирно окончилась и венецуэльская распря, успѣвшая вызвать необыкновенное волненіе въ Соединенныхъ-Штатахъ и отчасти также въ Англіи. Американцы были крайне раздражены противъ Германіи, въ виду ея безцеремонныхъ военныхъ дѣйствій въ американскихъ водахъ; англичане были недовольны навязанною имъ совмѣстною экспедиціею съ нѣмцами, и британское правительство съ нетерпѣніемъ ожидало подписанія мирнаго соглашенія съ Венецуолою до открытія засѣданій парламента. Послѣ долгихъ переговоровъ и пререканій между посланниками Англіи, Германіи и Италіи, съ одной стороны, и американскимъ дипломатомъ Боуэномъ, уполномоченнымъ отъ венецуэльской правительства—съ другой, заключительные мирные протоколы были наконецъ подписаны 13 февраля (нов. ст.), и тяжелый международный эпизодъ получилъ сравнительно благополучную развязку. Блокада снята, захваченные венецуэльскіе корабли возвращены по принадлежности, иностранные броненосцы удалились, и президентъ Кастро остался на мѣстѣ, несмотря на усилія нѣмцевъ замѣнить его болѣе подходящимъ для нихъ кандидатомъ. Венецуэла отдѣлалась крупными денежными платежами, которые частью должны быть покрыты немедленно или въ извѣстные сроки, частью же будутъ еще опредѣлены особыми смѣшанными комиссіями; кредиторами являются иностранные подданные, не получившіе удовлетворенія по государственнымъ займамъ или по договорамъ о подрядахъ и поставкахъ, а также подвергнушіеся убыткамъ вслѣдствіе происходившихъ въ странѣ междоусобій. Представители Германіи и Англіи считали совершенно естественнымъ, чтобы, прежде всего, были удовлетворены денежные претензіи ихъ соотечественниковъ и чтобы расплата съ подданными другихъ государствъ зависѣла отъ позднѣйшаго разбирательства въ смѣшанныхъ комиссіяхъ; противъ этого взгляда рѣзко возсталъ американско-венецуэльскій уполномоченный Боуэнъ, находившій несправедливымъ и незаконнымъ предоставленіе какихъ-либо преимуществъ гражданамъ союзныхъ воюющихъ державъ, такъ какъ употребленіе грубой силы не должно измѣнять характеръ частныхъ матеріальныхъ правъ и сдѣлокъ. По мнѣнію Боуэна, принудительныя мѣры Германіи и Англіи противъ Венецуэлы не могутъ нарушать равноправность ея частныхъ кредиторовъ и должны одинаково служить въ пользу всѣхъ вообще иностранцевъ, имѣющихъ какіе-либо счеты съ туземнымъ правительствомъ. Лондонскій кабинетъ предлагалъ передать разгорѣвшійся споръ на разрѣшеніе третейскаго суда, но Боуэнъ и прези-

дентъ Кастро согласились признать первенство союзниковъ по отношенію къ точно опредѣленнымъ суммамъ, размѣры которыхъ подали даже поводъ къ ядовитой полемикѣ между нѣмцами и англичанами; самый же принципъ предварительнаго признанія долговъ извѣстной категоріи былъ заранѣе изъятъ воюющими державами изъ числа предметовъ обсужденія и объявленъ неподлежащимъ третейскому разбирательству, вопреки доводамъ венецуэльскаго уполномоченнаго. Второстепенныя денежныя требованія подданныхъ дѣйствовавшихъ націй, равно какъ и всѣхъ другихъ иностранцевъ, обезпечиваются извѣстною долей таможенныхъ доходовъ Венецуэлы, и могущіе возникнуть споры о распредѣленіи этихъ доходовъ будутъ разбираться постояннымъ третейскимъ судомъ въ Гаагѣ. Только ничтожныя частныя вопросы, не имѣющіе никакого принципиальнаго значенія, удостоились передачи на судъ гаагскаго трибунала, къ которому всѣ официальные участники переговоровъ относились почему-то съ скрытою или явною непріязнью. Каждая изъ сторонъ упоминала о третейскомъ судѣ и отсылала къ нему противниковъ, какъ бы только для того, чтобы избѣгнуть дѣйствительнаго третейскаго разбирательства; даже президентъ Рузвельтъ, казавшійся безусловнымъ приверженцемъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ, соглашался съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, что разсчитывать на третейскій судъ можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда не задѣта честь и не замѣшано достоинство націи. При такомъ взглядѣ, третейскій судъ былъ бы непримѣнимъ и бесполезенъ во всѣхъ серьезныхъ и трудныхъ международныхъ кризисахъ, когда онъ именно и долженъ играть роль спасительнаго средства для предупрежденія войны. Нѣтъ такихъ разногласій, которыя не могли бы быть отнесены къ категоріи чувствительныхъ для національнаго достоинства или самолюбія; иллюстрацію можетъ служить увѣреніе, что извѣстныя денежныя претензіи къ Венецуэлѣ затрогивали честь Англіи и Германіи, и потому не могли быть предоставлены разсмотрѣнію третейскаго трибунала.

Странное недовѣріе или недоброжелательство къ учрежденному недавно постоянному суду въ Гаагѣ проходить красною нитью черезъ всѣ фазисы венецуэльскаго конфликта; но мысль объ этомъ судѣ занимаетъ спорящихъ съ самаго начала и отчасти направляетъ ихъ рѣшенія въ ту или другую сторону, такъ что гаагскій трибуналъ дѣйствуетъ на умы и способствуетъ мирному улаженію конфликтовъ уже самымъ своимъ существованіемъ. Для Англіи было весьма важно ускорить развязку, такъ какъ активный союзъ съ Германіею оказался въ высшей степени непопулярнымъ въ странѣ, и общественное мнѣніе, безъ различія партій, высказывалось противъ внѣшней политики кабинета; въ парламентѣ ожидались непріятныя пренія, которыя могли бы окончиться

министерскимъ кризисомъ, еслибы венецуэльскій вопросъ заблаговременно не сошелъ со сцены. При открытіи парламентской сессіи, 17 февраля, правительство могло уже заявить въ тронной рѣчи, что все устроилось благополучно въ Венецуэлѣ, къ полному удовольствію обиженныхъ британскихъ подданныхъ, и что цѣль предпринятой блокады венецуэльскихъ портовъ вполне достигнута. Оппозиціи оставалось только критиковать совершившіеся факты, которые пока не причинили Англии никакого реального ущерба;—все-таки англичане добились того, что имъ нужно было, и результаты сдѣланныхъ усилій были благоприятны для правительства.

Различные эпизоды, связанные съ пребываніемъ британскаго министра колоній въ южной Африкѣ, дѣятельно обсуждаются въ англійской печати, и самое это путешествіе Чемберлена возводится на степень первостепеннаго политическаго событія. Министръ началъ свой объѣздъ съ колоніи Наталь, откуда направился въ Трансвааль и Оранжевую колонію, и закончилъ Капскою колонією и Капштадтомъ; онъ хотѣлъ раньше ознакомиться лично съ положеніемъ вновь присоединенныхъ земель, выслушать представителей побѣжденных буровъ, объяснить съ ними относительно условій мирнаго сожительства обѣихъ расъ, и затѣмъ уже разобраться въ сложныхъ и щекотливыхъ вопросахъ, волнующихъ населеніе Капской колоніи.

Въ Блумфонтейнѣ Чемберленъ долженъ былъ выдержать продолжительный и отчасти непріязненный диспутъ съ независимыми бурскими делегатами, предводимыми Христіаномъ Деветомъ; буры предъявили цѣлый рядъ жалобъ на правительство, обвиняя его въ несоблюденіи условій мира, въ нарушеніи данныхъ обѣщаній и въ поощреніи антагонизма кафровъ противъ буровъ. Чемберленъ отвѣчалъ обстоятельно по всѣмъ пунктамъ, опровергая невѣрные предположенія и стараясь подтвердить и выяснить необходимость совмѣстной мирной работы для пользы страны; Деветъ откровенно говорилъ о глубокомъ недовольствѣ своихъ соплеменниковъ и грозилъ перспективою непрерывной агитаціи, если правительство не измѣнитъ своихъ неравныхъ отношеній къ покорившимся бурамъ, къ дѣйствовавшимъ съ ними заодно капскимъ колонистамъ и къ бурамъ-измѣнникамъ или лоялистамъ. Чемберленъ съ разныхъ сторонъ излагалъ и освѣщалъ свою мирную программу, произносилъ содержательныя рѣчи то передъ англичанами, то передъ бурами, призывалъ мѣстныхъ дѣятелей къ единенію и по возможности устранялъ поводы къ разладу и къ недоразумѣніямъ; но несомнѣнно, что онъ чувствовалъ себя болѣе солидарнымъ съ британскими гражданами Йоганнесбурга, съ владѣльцами и эксплуатато-

рами золотыхъ или алмазныхъ копей, чѣмъ съ простодушными недавними врагами и съ сочувствующимъ имъ большинствомъ туземнаго голландскаго населенія. Буры искренно хотятъ жить въ мирѣ съ англичанами и сохранить вѣрность своему новому отечеству, о чемъ заявляютъ публично съ нѣкоторою наивностью; но они требуютъ взаимности такой же вѣрности и искренности отъ англійскаго правительства, что уже трудно исполнимо для дѣятелей, подобныхъ Чемберлену. Тѣмъ не менѣе, Чемберленъ съ большимъ искусствомъ играетъ роль миротворца, и при своемъ трезвомъ взглядѣ на вещи и всегдашнемъ стремленіи къ широкимъ и обоюдно-выгоднымъ компромиссамъ онъ суждѣлъ серьезно завоевать если не расположеніе, то уваженіе и довѣріе значительной части южно-африканскихъ буровъ.

Въ положеніи Трансваала и Оранжевой колоніи задача сводится къ поправленію причиненнаго зла, къ энергическимъ стараніямъ изгладить послѣдствія опустошительной войны и облегчить возстановленіе прежней культурной и спокойной жизни; для этого требуются прежде всего огромныя финансовыя жертвы, въ которыхъ британское правительство и не отказывается. Предстоящая мирная работа по оживленію и возрожденію края всецѣло озабочиваетъ буровъ и не позволяетъ имъ задаваться какими-либо политическими планами. Другое дѣло—въ Капской колоніи: тамъ старинный разладъ между разнородными элементами сильно обострился подъ вліяніемъ военныхъ событій; масса „африкандеровъ“ относится съ явною враждебностью къ англичанамъ, прославляетъ присоединившихся къ бурамъ колонистовъ, какъ героевъ, возмущается и протестуетъ противъ судебного пресѣдованія возставшихъ по обвиненію въ измѣнѣ, и имѣетъ возможность придавать своимъ требованіямъ практическую силу, располагая свободно печатью, прочною партійною организаціею и представительствомъ въ парламентѣ. Глава союза африкандеровъ, Гофмейръ, не такъ простодушенъ и довѣрчивъ, какъ бурскіе вожди; онъ имѣетъ свою программу, раздѣляемую большинствомъ его соплеменниковъ, и съ его партіею надо считаться уже потому, что она фактически господствуетъ въ туземномъ культурномъ населеніи. Мѣстные англійскіе патріоты и самъ губернаторъ, лордъ Мильнеръ, признавали необходимымъ отмѣнить на время конституцію, чтобы дать улесть взволнованнымъ страстямъ и исподоволь подготовить перевѣсъ британскихъ избирателей надъ голландскими; но Чемберленъ отклонилъ этотъ проектъ, какъ незаконный, и предпочелъ имѣть дѣло съ открытою и легальною оппозиціею африкандеровъ, чѣмъ съ опасною закулисною враждою или глухимъ озлобленіемъ. Теперь африкандеры требуютъ отставки лорда Мильнера, какъ близорукаго и односторонняго администратора, оттолкнувшаго отъ себя обывателей голландскаго проис-

хожденія; а лордъ Мильнеръ превозносится англичанами, въ качествѣ великаго государственнаго дѣятеля, и самъ Чемберленъ говоритъ объ его заслугахъ въ такомъ преувеличенно-хвалебномъ тонѣ, что въ его похвалахъ слышится иногда иронія. Лъстивыя фразы по адресу Мильнера предвѣщаютъ скорую его отставку, съ обычнымъ перемѣщеніемъ на болѣе высокій и почетный офиціальный постъ; въ южной Африкѣ онъ долго не удержится, несмотря на конституціонную корректность своего образа дѣйствій за послѣднее время. Англійскія патріотическія газеты смотрятъ довольно мрачно на ближайшее будущее Капской колоніи; онѣ предвидятъ легальное владычество африкандеровъ надъ страной и надѣются только на ихъ здравый политическій смыслъ, который побудитъ ихъ воздерживаться отъ предпріятій и стремленій, враждебныхъ англичанамъ. Въ своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ Чемберленомъ представители союза африкандеровъ не стѣснялись высказывать свои пожеланія, и министръ знаетъ положеніе дѣлъ на мѣстѣ не по канцелярскимъ докладамъ и не по отчетамъ подчиненныхъ чиновниковъ, а по непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніямъ, которыя дадутъ ему достаточный матеріалъ для выводовъ. Если вѣрить англійскимъ патріотамъ, самая трудная часть южно-африканской проблемы касается Капской колоніи; но, по всей вѣроятности, трудность заключается лишь въ обезпеченіи такого порядка вещей, который несомнѣннѣе съ британскими же понятіями о колоніальномъ самоуправленіи и конституціонномъ строѣ,—и господство англійскаго меньшинства надъ голландскимъ большинствомъ должно неизбѣжно прекратиться, съ возстановленіемъ нормальнаго хода общественной жизни. Общія политическіе интересы Англіи, конечно, не пострадаютъ отъ этого возстановленія нормальнаго порядка въ южной Африкѣ, но нормальный порядокъ всего менѣе желателенъ и выгоденъ патріотамъ, любителямъ привилегій и льготъ для себя и своихъ,—притѣсненій и ограниченій—для другихъ. Въ этомъ отношеніи британскіе патріоты, особенно колоніальные, мало чѣмъ отличаются отъ патріотовъ другихъ странъ.

Такъ называемая радикальная партія во Франціи,—имѣющая въ себѣ, впрочемъ, много консервативнаго и традиціоннаго,—занимаетъ нынѣ господствующее положеніе въ политической жизни страны, и это положеніе еще болѣе укрѣпилось, благодаря недавнимъ сенатскимъ выборамъ, обновившимъ третью часть состава французской верхней палаты. Изъ числа 98 сенаторскихъ вакансій занято было до сихъ поръ радикалами 29 мѣстъ, умѣренными республиканцами—18, прогрессистами или либералами—35, консерваторами—7; вновь выбраны въ началѣ января 67 радикаловъ—болѣе чѣмъ вдвое прежняго,—21

республиканецъ, 7 консерваторовъ и 1 націоналистъ. Глава кабинета, Комбъ, избранъ сразу въ двухъ департаментахъ; министръ финансовъ Рувье также сдѣлался сенаторомъ. Вліятельная прежде группа республиканцевъ-либераловъ или прогрессистовъ, руководимая Мелиномъ, почти совершенно растаяла, и ни одинъ изъ ея членовъ, подвергшихся переизбранію, не попалъ обратно въ сенатъ. Эти выборы представляютъ большой интересъ, какъ симптомы преобладающаго настроенія: въ средѣ политическихъ партій, какъ и въ парламентской группировкѣ ихъ, замѣчается постоянное движеніе влѣво. Въ палатѣ депутатовъ президентомъ состоитъ радикалъ Леонъ Буржуа, а вице-президентомъ социалистъ Жоресъ, вѣроятный кандидатъ въ министры; прежній президентъ палаты, недавно еще столь популярный Поль Дешанель, произноситъ оппозиціонныя рѣчи, въ качествѣ умѣренно-консервативнаго оратора, и его слащавыя благонамѣренныя проповѣди вызываютъ недоумѣніе, какъ будто слушатели удивляются его бывшей общепризнанной славѣ. Радикальный элементъ постепенно водворяется и въ сенатѣ; личный успѣхъ Комба на выборахъ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду его министерства. Комбъ имѣетъ шансы сохранить власть, несмотря на то, что покончилъ съ духовными конгрегаціями, съ клерикалами и націоналистами, и исчерпалъ свою программу спасенія республики отъ угрожавшихъ ей опасностей; враги успокоились, или по крайней мѣрѣ острый періодъ борьбы прошелъ, и тѣмъ не менѣе министерство остается и останется на своемъ посту, какъ отвѣчающее общему положенію дѣлъ.

Въ палатѣ депутатовъ чувствуется иногда новое теченіе мыслей, раздается свѣжее слово, и краснорѣчіе торжествуетъ въ лицѣ Жореса, который впервые осмѣлился публично отвергнуть священную для патріотовъ идею возмездія, вмѣстѣ съ мечтою объ обратномъ завоеваніи Эльзаса-Лотарингіи. Только такой ораторъ, какъ Жоресъ, могъ позволить себѣ затронуть подобную тему безнаказанно. Жоресъ имѣетъ мужество отрицать войну и всѣ соединенныя съ нею великія патріотическія надежды; онъ ждетъ лучшаго будущаго не отъ военныхъ побѣдъ, а отъ водворенія идей мира и справедливости. „Франція—говорилъ онъ въ засѣданіи 23 января—была побѣждена, но не была унижена; она боролась до истощенія своихъ силъ, и мы можемъ безъ смущенія закрыть на этой грустной страницѣ ненавистную книгу войны“. И многочисленные патріоты, засѣдающіе въ палатѣ, внимательно и спокойно слушали эти слова Жореса, и даже ярые націоналисты не протестовали;—ему возражали по существу, но безъ горячности и безъ убѣжденія, какъ будто дѣло шло объ отвлеченномъ принципіальномъ вопросѣ, лишенномъ практической важности. Очевидно, завѣтныя идеи, воодушевлявшія Деруледа и его единомышлен-

никовъ, давно уже выдохлись во Франціи и превратились въ пустыя рутинныя фразы, хотя никто не рѣшался громко признаться въ этомъ; воинственныя мечтанія поддерживались и повторялись по традиціи, и заслуга Жореса заключается въ томъ, что онъ разоблачилъ ихъ пустоту передъ парламентомъ, т.-е. передъ всей страной и передъ всѣмъ свѣтомъ. Публичное подтвержденіе извѣстныхъ истинъ мало-по-малу вводитъ ихъ въ общее сознаніе, и люди начинаютъ открыто высказывать то, что долго считали нужнымъ скрывать и замалчивать, — перестаютъ поклоняться войнѣ, внушающей имъ только ужасъ, и отрекаться отъ кровавыхъ завоеваній, о которыхъ въ сущности и не думали серьезно. Такого рода перемена въ пониманіи патриотическихъ чувствъ представляла бы прогрессъ для французскаго общественнаго мнѣнія, — прогрессъ, правда, отрицательный, но подготовляющій почву для болѣе плодотворныхъ положительныхъ національных заботъ и стремленій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1903.

I.

— В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки Спб. 1903.

Вышедшему недавно въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ сборнику своихъ, въ разное время уже напечатанныхъ статей авторъ предпослалъ коротенькое предисловіе, въ которомъ отмѣчаетъ ихъ „руководящую мысль“, придающую имъ извѣстное единство. Это, говоритъ онъ,—„исторія идейнаго движенія, совершавшагося въ нѣдрахъ русскаго общества за послѣднія три столѣтія“. Личности, введенныя г. Мякотинымъ въ этотъ сборникъ: протопопъ Аввакумъ, князь М. М. Щербатовъ, Радищевъ, Пушкинъ, Грановскій и Кавелинъ—интересовали автора, какъ „представители различныхъ фазисовъ идейнаго движенія“ въ русскомъ обществѣ, а ихъ біографіи—какъ его характерные эпизоды. Конечно, по шести „этюдамъ и очеркамъ“, вошедшимъ въ составъ сборника, нельзя прослѣдить всю идейную эволюцію, о которой идетъ рѣчь, но отрывочность эпизодовъ искупается единствомъ точки зрѣнія и даже настроенія. Впрочемъ, и надобности нѣтъ искать въ сборникѣ статей, написанныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ, непремѣнно какого-либо единства. Въ книгѣ г. Мякотина каждая статья, такъ сказать, отвѣчаетъ сама за себя и имѣетъ свой собственный внутренній интересъ, и даже еслибы содержаніе отдѣльныхъ статей сборника было совершенно разнороднымъ, появленіе его въ свѣтъ можно было бы только привѣтствовать. Большая часть переизданныхъ г. Мякотинымъ статей появилась первоначально въ „Русскомъ Богатствѣ“, и нужно только жалѣть, что сборникъ вышелъ въ свѣтъ ранѣе недавняго появленія въ этомъ журналѣ другой статьи о К. Д. Кавелинѣ, которая существенно

дополняетъ имѣющуюся въ сборникѣ. Далѣе, самая обширная статья — объ Аввакумѣ — составляла первоначально отдѣльную книжку въ „Біографической Библіотекѣ“ Павленкова; въ свое время она была замѣчена, какъ одна изъ наиболѣе удачныхъ во всей коллекціи, и о ней очень лестно отозвался въ печати извѣстный французскій историкъ Рамбо. Послѣ ея перваго изданія (1893) объ Аввакумѣ появились новыя труды, которые авторомъ приняты, конечно, въ расчетъ. Наконецъ, еще одна статья, дающая характеристику Радищева и озаглавленная: „На зарѣ русской общественности“, была въ первый разъ напечатана въ сборникѣ „На славномъ посту“, изданномъ въ честь Н. К. Михайловскаго. Теперь эти работы собраны вмѣстѣ, и читатель, интересующійся исторіей русской интеллигенціи, въ этихъ статьяхъ найдетъ много для себя интереснаго. Дѣло въ томъ, что В. А. Мякотинъ съ такимъ же правомъ, какъ это сдѣлалъ недавно П. Н. Милуковъ, по отношенію къ сборнику своихъ статей, могъ бы назвать и свой сборникъ: „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такое заглавіе было бы болѣе правильнымъ, болѣе соответствующимъ „руководящей нити“ во всѣхъ статьяхъ автора. Для любителей серьезнаго историческаго чтенія мы отмѣтили бы и то, что обѣ книги, находящіяся между собою въ извѣстномъ духовномъ родствѣ — въ смыслѣ сходства научныхъ приѣмовъ и общественныхъ интересовъ, прекрасно одна другую дополняютъ, и лишь одинъ Грановскій изъ всѣхъ представителей русской интеллигенціи встрѣчается въ обѣихъ книгахъ: остальное все — разное. Нельзя не пожелать обоимъ сборникамъ самаго широкаго распространенія. — Н. Карѣевъ.

II.

—Э. Паркеръ. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Перевелъ съ англійскаго 2-го изд. генеральнаго штаба полковникъ Грузевъ. Съ 6 картами. Спб. 1903.

Событія послѣднихъ лѣтъ, разыгравшіяся на дальнемъ Востокѣ, вызвали въ русской читающей публикѣ усиленный интересъ къ Китаю, который издавна представлялся какимъ-то грандіознымъ и таинственнымъ сфинксомъ. Появилась обширная литература, посвященная знакомству съ своеобразной культурой Китая, его бытомъ, исторіей, религіей. Политическій интересъ обратилъ вниманіе на труды ученыхъ, и многочисленныя путешествія отважныхъ изслѣдователей далекихъ окраинъ Азіи приобрѣли особое значеніе, ставъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Въ связи съ этимъ въ обществѣ стали распро-

страняться и болѣе правильныя понятія о странѣ, которая еще недавно казалась цивилизованному міру гигантской руиной, сохраняющей свое равновѣсіе исключительно благодаря соперничеству европейских державъ.

Книга Паркера является на русскомъ языкѣ вполне встати. Стремясь дать всесторонній отвѣтъ на запросы по преимуществу политическаго характера со стороны большого круга современныхъ читателей, она въ то же время можетъ справедливо претендовать и на извѣстное научное значеніе. Авторъ—прекрасный знатокъ Китая; его знакомство съ послѣднимъ основывается какъ на продолжительномъ личномъ пребываніи въ этой странѣ, такъ и на изученіи китайскихъ источниковъ, доступныхъ весьма немногимъ европейскимъ ученымъ. Какъ видно изъ предисловія къ его книгѣ, авторъ прожилъ въ двѣнадцати различныхъ портовыхъ городахъ Китая, исколесилъ, по его словамъ, шесть провинцій, сдѣлавъ около 7.000 миль; кромѣ того, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Корей и годъ въ Бирмѣ, жилъ въ Сычуанѣ и Хай-нанѣ. Изученіе подлинныхъ китайскихъ памятниковъ помогало ему угадывать истинный смыслъ историческихъ и современныхъ явленій китайской культуры, какимъ онъ представляется съ точки зрѣнія китайскаго міросозерцанія.

„Основной идеей этой книги,—говоритъ авторъ,—было желаніе дать въ совершенно сжатомъ видѣ нѣчто въ видѣ путеводителя чрезъ лабиринты наукъ китайскихъ и данныхъ по колонизаціи и торговлѣ Поднебесной имперіи“. Дѣйствительно, книга носитъ на себѣ отпечатокъ чрезвычайной дѣловитости и особенной, чисто англійской, скупости красокъ въ описаніяхъ природы и быта,—но зато основная цѣль достигается авторомъ вполне, такъ какъ трудъ его прежде всего поражаетъ богатствомъ фактическихъ данныхъ и опредѣлительностью сужденій. Объясняется это отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ Паркера преслѣдуетъ—и это такъ характерно для сына британской имперіи—и чисто практическую цѣль—ознакомить англійскаго коммерсанта съ его китайскими потребителями или англійскаго колониста съ его новой родиной: отъ этого отдѣлъ, посвященный торговлѣ, отличается гораздо большей обстоятельностью, чѣмъ всѣ остальные.

Сопоставляя картину китайской торговли, какъ она производилась въ глубокой древности, съ тѣмъ, какъ она ведется въ настоящее время, авторъ замѣчаетъ, что особенности торговыхъ сношеній въ наше время не даютъ намъ ничего новаго по сравненію съ исторіей этихъ сношеній за 2.000 лѣтъ до Р. Х.; но въ послѣднія десятилѣтія приобрѣли поразительное значеніе, по выраженію автора, „стихійныя“ обстоятельства—паръ, электричество, каменный уголь, нефть,—словомъ, все то, что мы называемъ прогрессомъ. „Миѣ, однако, пред-

ставляется сомнительнымъ,—замѣчаетъ авторъ по этому поводу,—чтобы даже мы, европейцы, сдѣлались сколько-нибудь счастливѣе при этомъ прогрессѣ. А ужъ подавно китайцамъ живетъ не веселѣе при новой, чуждой имъ культурѣ“...

Не лишены интереса общія замѣчанія автора о политическихъ отношеніяхъ Китая къ различнымъ иноземнымъ государствамъ. Сжатый и чрезвычайно осторожный очеркъ развитія политическихъ отношеній своихъ соотечественниковъ къ Китаю авторъ заключаетъ такимъ общимъ выводомъ: „никто не скажетъ, что Англія не воспользовалась обстоятельствами, чтобы при всякомъ случаѣ не извлекать различныя выгоды въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ при возникновеніи какихъ-нибудь усложненій въ Китаѣ, столь враждебномъ ко всякому прогрессу“... Относительно русскихъ авторъ свидѣтельствуетъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ они первые завязали сношенія съ Китаемъ на почвѣ чисто національныхъ отношеній. Китайцы едва ли считали русскихъ до послѣдняго времени, по предположенію автора, принадлежавшими къ европейскимъ народамъ. Ему кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что, по понятіямъ китайцевъ, русскіе принадлежали къ племенамъ киргизскимъ или кипчакамъ, или вообще къ какимъ-нибудь другимъ племенамъ сѣверной Азіи. Обращая вниманіе на успѣхи русскихъ на дальнемъ Востокѣ, на политическое и торговое значеніе Портъ-Артура и Дальняго, авторъ не забываетъ предупреждать своихъ соотечественниковъ и относительно другой могущественной конкурентки—Германіи. „Англичанамъ не слѣдуетъ быть застигнутыми врасплохъ,—говоритъ онъ по этому поводу:—ибо нѣмцы втихомолку легко проберутся туда незамѣтно черезъ задніе ходы“.

Кромѣ основной и наиболѣе интересной главы о торговлѣ Китая, сочиненіе Паркера заключаетъ въ себѣ, въ сжатомъ видѣ, очерки: географическій; историческій; Сибирь и сопредѣльные съ Китаемъ страны; административное устройство; населеніе, его характеристическія черты; религія; народныя возстанія и т. д. Переводъ сдѣланъ отчетливо, хотя, мѣстами, блѣдно и расплывчато.—Евг. Л.

III.

—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII, Спб. 1903.

Года три тому назадъ, когда с.-петербургское юридическое общество чествовало память Градовскаго по случаю десятилѣтія со дня смерти его, А. Θ. Кони посвятилъ дѣятельности покойнаго прекрасную

рѣчь; объясняя въ ней, между прочимъ, причины, почему Градовскій безмолвствовалъ послѣдніе годы своей жизни, нашъ ораторъ сравнилъ Градовскаго съ большимъ кораблемъ, который могъ плыть только по многоводной и глубокой рѣкѣ; когда сыпучіе пески засыпали русло этой рѣки, когда она обмелѣла и разбилась на мелкіе ручейки, то по нимъ только малыя, плоско сидящія суденышки могли проскользнуть и продолжать свое тихое движеніе; большой же корабль остановился, сталъ разрушаться, погибъ, и только тотъ, кто разыщетъ на немъ шканечный журналъ, прочтетъ въ немъ, какой могучей силой бѣга обладалъ гигантъ водъ, какой смѣлый курсъ держалъ онъ, какія важныя путешествія онъ совершилъ, какъ онъ стремился въ широкое, свободное, открытое море... Шканечный журналъ такого безвременно погибшаго большого корабля,—сказалъ А. Ѳ. Кони,—это сочиненія А. Д. Градовскаго.

Теперь этотъ „журналъ“, собранный и систематизированный,—почти уже цѣликомъ передъ нами, и тѣ восемь томовъ его, которые уже опубликованы, имѣютъ глубокое общественное значеніе, особенно въ данную минуту.

„Какое слово,—писалъ Градовскій въ сентябрѣ 1880 г. (см. Приложенія къ VIII тому собранія, стр. 519),—больше всего заставляеть биться сердце современнаго русскаго человѣка? Чтò желалъ бы онъ видѣть осуществленнымъ? Именно законность, безъ которой нѣтъ обезпеченія ни для правъ, ни для свободы, ни для благосостоянія всѣхъ и каждаго! Чтò же препятствуетъ установленію и упроченію этого начала“?

Послѣ двухъ десятковъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ у насъ занимались усиленно культивированіемъ началъ сословности, усмотрѣнія и попеченія,—жизнь снова остро и властно поставила вопросъ о законности, о препятствіяхъ и препонахъ къ установленію и упроченію ея. Проблемы объ учрежденіяхъ, о правопорядкѣ выдвинуты на первый планъ общественнымъ мнѣніемъ, горячо обсуждаются по мѣрѣ возможности въ уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, важность ихъ признана и правительствомъ, въ лицѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ,—возвѣстившимъ реформу мѣстнаго управленія. Въ такой моментъ „шканечный журналъ“ А. Д. Градовскаго является надежнымъ руководителемъ; онъ укажетъ надлежащій курсъ, котораго слѣдуетъ держаться, курсъ, основанный на глубокомъ изученіи всего пути историческаго развитія русскаго правосознанія. Въ этомъ смыслѣ особое значеніе имѣютъ прежде всего „Начала русскаго государственнаго права“, которыя составляютъ резюме (къ сожалѣнію незаконченное) всѣхъ ученыхъ трудовъ А. Д. Градовскаго, а затѣмъ и его многочисленныя публицистическія статьи, разбросанныя по газетамъ,

журналамъ, откуда, къ счастью, наиболѣе интересныя извлечены теперь издателями Собранія сочиненій.

Въ краткой замѣткѣ не мѣсто останавливаться на научной оцѣнкѣ „Началъ“ Градовскаго; замѣтимъ только, что до сихъ поръ этотъ первый по времени научный курсъ, кажется, остается и первымъ по достоинствамъ въ смыслѣ полноты догматической и исторической разработки. Здѣсь намъ желательно указать только на общественное значеніе „Началъ“ Градовскаго. Въ своей рѣчи „О современномъ направленіи государственныхъ наукъ“, произнесенной на актѣ слб. университета 8 февраля 1873 г. (Собр. соч. т. I), Градовскій, высказывая свои взгляды на задачи политическихъ наукъ, начерталъ программу своихъ изслѣдованій: наука должна анализировать существующіи учрежденія и устанавливать связь ихъ съ общими потребностями той исторической эпохи, когда учрежденія эти возникали и развивались. Этотъ анализъ и даетъ матеріалъ для критики и для предложенія законодательныхъ реформъ. Въ „Началахъ“, сообразно ихъ научно-педагогическому характеру, блестяще выполнена первая часть этой задачи, въ публицистическихъ статьяхъ—вторая. Разсматривая ученіе о законѣ, о верховной власти, о подданствѣ и правахъ состоянія (т. VII Сочин.), о государственной службѣ, объ органахъ законодательства верховнаго и высшаго подчиненнаго управленія (т. VIII Собр. соч.), Градовскій всегда старается уяснить историческій смыслъ института; онъ задается всегда вопросомъ, что въ институтѣ является достояніемъ началъ закрѣпощенія, которымъ проникнуть, по мнѣнію Градовскаго, весь до-реформенный строй, и какіе способные къ дальнѣйшему развитію элементы новаго государства, основаннаго на законности, можно найти въ институтѣ. Основами новаго русскаго государства, которымъ предстоитъ неизбежная побѣда, Градовскій считаетъ начало безсословности въ смыслѣ равноправности и равнообязанности, начало участія общества въ государственной дѣятельности, и главное—начало законности, причѣмъ гарантіями послѣдней являются организація закономѣрнаго подчиненія, право контроля независимаго суда надъ дѣйствіями администраціи, широкое право жалобы, гарантіи свободы личности и т. д. Всѣ эти элементы Градовскій находитъ въ значительной степени воплощенными въ жизнь въ западной Европѣ; отсюда и то значеніе, которое для правильного пониманія задачъ русскаго государственнаго права онъ придавалъ изученію политическихъ формъ Запада, превосходно разработаннымъ въ его сочиненіяхъ: „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“ и „Германская конституція“.

Въ „Началахъ“ авторъ догматиченъ; рѣзкая критика, вопросы реформъ почти отсутствуютъ, но, благодаря указанному выше методу,

благодаря тому, что существующіе институты Градовскій разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія правового государства,—его „Начала“ являются прекрасной мотивировкой всякой преобразовательной программы въ духѣ послѣдовательнаго развитія началъ эпохи великихъ реформъ. Этимъ началамъ Градовскій служилъ страстно и преданно не съ одной университетской кафедрѣ; онъ имѣлъ широкую аудиторію, какъ публицистъ, чутко отзывавшійся на существеннѣйшіе вопросы русской дѣятельности.

Благодаря этому, научныя идеи Градовскаго какъ бы расплывались въ читательской массѣ и оставляли глубокіе слѣды, общественно-воспитательное значеніе которыхъ учесть трудно. Цѣлый рядъ политическихъ идей и понятій, обращающихся въ ежедневной прессѣ, можетъ быть, обязанъ своимъ проникновеніемъ въ эту среду—Градовскому.

Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ Градовскій, сохраняя всю основательность аргументировки ученаго, даетъ большій просторъ и критикѣ существующаго, и проектамъ реформъ. Тутъ онъ и боецъ, и полемистъ. Но и вездѣ красной нитью проходитъ основная мысль, что безъ усовершенствованія государственныхъ учреждений, представляющихъ личности условія свободнаго развитія, нѣтъ общественнаго прогресса. Извѣстно, что на почвѣ этого взгляда возгорѣлась полемика Градовскаго съ Достоевскимъ, которую послѣдній велъ съ такой страстной яростью и нетерпимостью.

Возвратимся, однако, къ лежащему передъ нами VIII-му тому, содержащему въ себѣ вторую часть „Началъ“ и чрезвычайно интересныя статьи Градовскаго, писанныя имъ въ „Голосѣ“ въ 1880 году. Впечатлѣніе отъ чтенія получается такое, будто весь томъ, дѣйствительно, приуроченъ къ данному моменту; такая въ немъ масса животрепещущаго, совсѣмъ современнаго по интересу матеріала. Мы только-что отпраздновали юбилей министерствъ и комитета министровъ; по поводу этого событія изданы официальные и неофициальные исторіи, писались и пишутся статьи, юбилейныя справки. Какимъ прекраснымъ дополненіемъ къ нимъ являются соотвѣтствующія главы „Началъ“, а въ особенности приложенныя къ VIII тому статьи изъ „Голоса“. Вотъ что, напримѣръ, писалъ въ сентябрѣ 1880 г. ¹⁾ Градовскій о недавнемъ юбиларѣ, комитетѣ министровъ, для характеристики дѣятельности котораго изданы столь цѣнные матеріалы. Градовскій прежде всего указываетъ на тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начался органическій ростъ нашихъ учреждений, на ряду съ учрежденіями, опредѣленными и ясно установленными закономъ, практически и фак-

¹⁾ Прилож. къ VIII т. стр. 519.

тически появлялись *особенныя* учрежденія, съ цѣлью парализовать ходъ учреждений нормальныхъ. Такой характеръ носили всякія „конференціи“, „кабинеты“, „экспедиціи“ и время давнишнихъ и всѣмъ недавно исчезнувшее III-е отдѣленіе. Къ такого же рода учрежденіямъ принадлежитъ, по мнѣнію А. Д. Градовскаго, и комитетъ министровъ. „Что такое комитетъ министровъ?“—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:—„мы обращаемся къ тому опредѣленію, которое дано ему практикой и фактами... оно очень кратко и точно: комитетъ министровъ есть средство, данное министрамъ обходиться безъ двухъ важнѣйшихъ и органическихъ учреждений нашихъ: безъ государственнаго совѣта и безъ правительствующаго сената; это есть учрежденіе, дающее министрамъ возможность проводить важныя положенія, имѣющія силу закона, помимо государственнаго совѣта, и обходиться безъ контроля сената; это есть и домашнее учрежденіе, созданное для цѣлей министерскаго управленія. Насколько подобное учрежденіе совмѣстимо съ требованіями государственной цѣлесообразности, отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Градовскаго, зависитъ отъ рѣшенія дилеммы: должна ли Россія управляться полномочно *лицами*, или законно *учрежденіями*. Съ 1802 года мы испытали первую систему и теперь вкушаемъ ея плоды. Настало, кажется, время испробовать другую систему и положиться на учрежденія. Сдѣлать это тѣмъ легче, что мы имѣемъ два хорошо задуманныя установленія: государственный совѣтъ и сенатъ. Развивая и улучшая ихъ, можно дойти до благой результатовъ“...

Необходимымъ реформамъ въ устройствѣ государственнаго совѣта и 1-го департамента сената посвящены особыя статьи. Относительно перваго учрежденія преобразовательный проектъ Градовскаго сводится главнымъ образомъ къ предоставленію ему законодательной инициативы съ тѣмъ, чтобы туда же направлялись и всѣ ходатайства общественныхъ управленій, связанныя съ возбужденіемъ законодательныхъ вопросовъ. Обновленіе 1-го департамента сената (освобожденіе отъ вліянія министерствъ, введеніе въ немъ, какъ въ административномъ трибуналѣ, состязательнаго начала и т. д.), по мнѣнію Градовскаго, должно представить первую точку опоры развитія законности въ управленіи.

Серьезнаго вниманія въ виду возвѣщенныхъ реформъ заслуживаетъ рядъ статей, посвященныхъ переустройству нашего мѣстнаго управленія и писанныхъ Градовскимъ въ „Голосѣ“ за 1880 г. Основная мысль автора—та, что реформа должна исходить изъ того факта, что настоящія „мѣстныя“ дѣла органически сплелись нынѣ съ земскими учрежденіями, и что за исключеніемъ развѣ полиціи всѣ мѣстныя пользы и нужды губерніи и уѣзда вдвинулись въ земскую организацію не

только по закону, но и самой жизнью. „Худо ли, хорошо ли, одни земскія учрежденія выполняютъ мѣстныя задачи, и безъ нихъ некому было бы выполнить и того, что сдѣлано повинѣ. Существуютъ нынѣ двѣ губерніи: одна старинная, *палатская*, такъ сказать, являющаяся обломкомъ отъ тѣхъ временъ, „когда разныя палаты, комиссіи, комитеты и приказы, управляли мѣстностью, какъ административнымъ округомъ, не подозрѣвая даже, что губернія и уѣздъ могутъ имѣть значеніе общественныхъ единицъ“. Во-вторыхъ, передъ нами губернія и уѣздъ земскіе, осуществляющіе мѣстныя задачи. Задача реформы и должна состоять въ томъ, чтобы уѣздъ въ отношеніи хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ представлялся единицей законченной. Земское начало должно проникать весь строй губернскихъ и уѣздныхъ учреждений. По проекту Градовскаго, во главѣ уѣзда долженъ стоять уѣздный начальникъ, назначаемый министромъ внутренннихъ дѣлъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемый въ должности на шесть лѣтъ сенатомъ. Уѣздный начальникъ завѣдуетъ полиціей, является исполнителемъ постановленій земства, передъ которымъ онъ и отвѣтственъ, и входитъ въ составъ уѣзднаго присутствія, которое должно явиться вторымъ элементомъ уѣзднаго управленія; „оно составляется изъ помощниковъ начальника по части хозяйственной, избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемаго губернаторомъ; изъ помощника по части полицейской, назначаемаго губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; изъ членовъ, избираемыхъ, въ числѣ отъ трехъ до шести, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемыхъ губернаторомъ. Этому присутствію должны подлежать дѣла, требующія коллегіальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія и рассматриваемыя въ настоящее время въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, уѣздной управѣ и во всѣхъ особыхъ присутствіяхъ, находящихся нынѣ подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства. Учрежденіе этого присутствія не уничтожитъ значенія отдѣльныхъ должностей, предназначенныхъ для завѣдыванія специальными отраслями мѣстнаго управленія. Сюда относятся: 1) инспекторы народныхъ училищъ и попечители училищъ, особо избираемые земствомъ; 2) попечители по дѣламъ крестьянскаго управленія, которые могли быть избираемы, съ утвержденія правительства, уѣздными земскими собраніями; 3) другія должностныя лица по управленію мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, избираемыя земскимъ собраніемъ по соображенію мѣстныхъ надобностей и удобствъ. Завѣдывая ввѣренными имъ дѣлами единолично, всѣ означенныя лица входили бы въ составъ уѣзднаго присутствія по вопросамъ, требующимъ коллегіальнаго рѣшенія, и засѣдали бы въ немъ на правахъ членовъ. Точно также въ составъ присутствія были бы

приглашаемы и представители отдѣльных вѣдомствъ, входящіе нынѣ въ составъ присутствія по воинской повинности и т. п.

„Уѣздное земское собраніе осталось бы въ нынѣшнемъ своемъ видѣ (исключая необходимыхъ измѣненій основаній представительства), но кругъ его вѣдомства расширился бы въ слѣдующемъ отношеніи. Его разсмотрѣнію, сверхъ дѣлъ по хозяйственно-распорядительной части, подлежалъ бы составляемый ежегодно уѣзднымъ присутствіемъ отчетъ объ общемъ положеніи уѣздной администраціи. Уѣздное собраніе, разсмотрѣвъ отчетъ, имѣло бы право дѣлать постановленія по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, а по прочимъ, въ случаѣ необходимости, обращаться съ представленіями къ губернатору или, чрезъ губернатора, къ высшему правительству“.

Можно, конечно, спорить противъ этого проекта, со многими частями котораго несогласны и мы (при нѣкоторыхъ условіяхъ, введеніе земства въ кругъ учрежденій административныхъ представляется нежелательнымъ!), но самая идея его должна быть несомнѣнно обсуждена при предстоящей реформѣ. Особое значеніе самъ Градовскій придавалъ необходимости изъять элементъ управленія изъ рукъ полиціи, сдѣлавъ послѣднюю орудіемъ административной организаціи, основанной на земскомъ началѣ.

Нашимъ читателямъ извѣстна точка зрѣнія, на которой мы стоимъ по отношенію къ столь усиленно занимающему общественное вниманіе вопросу о мелкой земской единицѣ. Статья Градовскаго („Всесословная мелкая единица“, первоначально напечатанная въ „Голосѣ“, въ 1882 г. ¹⁾), уже тогда съ чрезвычайной содержательностью резюмируетъ всѣ тѣ доводы за введеніе такой единицы, которые высказаны въ наши дни. „Въ формахъ сословной волости,—пишетъ Градовскій,—крестьянскій міръ всегда будетъ подъ опекой и всегда будетъ придавленъ силами мѣстной бюрократіи (NB: это писано еще до введенія института земскихъ начальниковъ!). Съ другой стороны, безъ всесословной мелкой единицы земскія учрежденія всегда будутъ безсильны и никогда не будутъ въ состояніи удовлетворять своему назначенію“... Плодотворность земской дѣятельности, истинная связь всѣхъ классовъ населенія, установятся только тогда, когда земскіе дѣятели и въ деревнѣ будутъ не случайными гостями, а хозяевами, когда „дѣятельность земскихъ учрежденій будетъ продолженіемъ и завершеніемъ дѣятельности органовъ низшей всесословной единицы, съ которою послѣдніе должны быть связаны всѣми своими интересами“.

¹⁾ Въ статьѣ „Сборника о мелкой земской единицѣ“ (изд. кн. Долгорукова и кн. Шаховского, при участіи редакціи „Правда“), содержащей въ себѣ обзоръ литературы вопроса, мы не нашли указаній на эту статью А. Д. Градовскаго.

Повторяемъ, съ сочиненіями Градовскаго, этимъ „шканечнымъ журналомъ“ большого корабля, державшаго правильный курсъ, почаше слѣдуетъ справляться всѣмъ, кому дѣйствительно дороги интересы и завѣты эпохи великихъ реформъ; они тамъ найдутъ не мало указаній, куда намъ идти и какъ слѣдуетъ избѣгать мелей и опасностей.

IV.

— Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики, 2-е изд. Москва. 1903 г.

Рѣдко приходится испытывать такое эстетическое наслажденіе отъ чтенія произведенія, не претендующаго на принадлежность къ художественной литературѣ, какое даетъ эта книга. Характеристики г. Веселовскаго—это изящные, исполненные необычайно рельефно портреты, отъ которыхъ какъ-то не хочется оторваться. Старый мастеръ воспроизводитъ образы „рыцарей духа“, любовно выписывалъ черточку за черточкой, отыскивая эти черточки въ литературномъ наслѣдіи своихъ героевъ, среди исторической дѣйствительности, въ которой они жили и боролись, дополняя и угадывая недостающее сравненіемъ съ родственными и близкими имъ натурами,—и „вершины человѣчества“ становятся намъ ближе и понятнѣе, ничего не теряя въ своемъ величіи, въ своемъ значеніи. Своими героями г. Веселовскій выбираетъ настоящихъ „титановъ“, потомковъ Прометея, полныхъ духовной силы, благородства и любви къ людямъ. Для нихъ правдивые портреты и не страшны, если художникъ не одержимъ страстью (ея весьма не чужды представители литературнаго суда) „все нивелировать до зауряднаго, удобопонятнаго уровня, гдѣ было бы такъ гладко, что хоть шаромъ покати“. У г. Веселовскаго этой слабости нѣтъ, потому что онъ любитъ въ своихъ герояхъ истинно великое, истинно выдающееся. „Потомство,—говоритъ онъ въ одномъ изъ наиболѣе красивыхъ своихъ этюдовъ: „титаны и пигмеи“,—должно пройти по слѣдамъ своихъ избранниковъ, но не для того, чтобы стянуть въ тину ничтожества и злобы ихъ дѣло, а чтобы подняться до его уровня, сдѣлать причастными къ нему всѣ свои слои, безъ различія“. Отсюда и то благородство манеры письма, которое на ряду съ изяществомъ мы считаемъ характернымъ для литературныхъ портретовъ г. Веселовскаго. Ничего личнаго, нѣтъ такъ называемаго „срыванія масокъ“; повсюду—просвѣтленное знаніемъ стремленіе узнать настоящаго человѣка. „Рыцарямъ духа“ рѣдко приходится играть роль ликующихъ побѣдителей; чаще всего съ ореоломъ, ихъ окружающимъ, неразрывно связаны муки Прометея. Отсюда и тотъ слегка грустный колоритъ, которымъ окрашены портреты

галереи Веселовскаго, колорить, нѣсколько напоминающій Тургеневскій. Но сквозъ него неизмѣнно свѣтитъ глубокая вѣра автора въ торжество свѣтлыхъ идеаловъ общественности, въ плодотворность и красоту борьбы за нихъ, и потому книга въ общемъ оставляетъ свѣжее, бодрящее чувство.

Далеко не всѣ портреты выписаны во весь ростъ; есть и этюды, миниатюры—но всѣ носятъ печать того же мастерства.

Съ особой любовью г. Веселовскій останавливается на сложныхъ, загадочныхъ личностяхъ и типахъ мировой литературы. Одинъ изъ лучшихъ очерковъ посвященъ Джонатану Свифту, этому великому и мрачному уму, сотканному изъ непримиримыхъ противорѣчій. „Только тонкій анализъ въ состояннiи указать едва видныя нити, которыя связываютъ и уравниваютъ эти противорѣчiя“. И авторъ обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ находить эти нити. Личность гениальнаго неудачника въ портретѣ вышла рельефной и цѣлостной во всей ея трагической силѣ.

Такой же удачной вышла характеристика Бомарше, гениальнаго творца „Свадьбы Фигаро“, фантастическаго и блестящаго сумасброда, полнаго великихъ дарованій и не меньшихъ слабостей. Во весь ростъ нарисованъ Дени Дидро, этотъ типичнѣйшій воплощатель эпохи просвѣщенiя, интересовавшiйся всѣмъ и всѣми, „пантофилъ“, какъ его называлъ Вольтеръ. Послѣднему посвящена маленькая миниатюра: „У Вольтера“, граціозная картинка, вставленная въ прелестную рамку современнаго настроенiя. Этюды о Мольерѣ, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ котораго является А. Веселовскій, заканчиваютъ серiю западно-европейскихъ портретовъ XVIII вѣка.

Но и болѣе ранняя эпоха представлена въ галерей: борецъ терпимости и свободы Джордано Бруно, смѣлый предшественникъ великихъ философовъ XVIII и XIX вѣковъ, трагически погибшiй на кострѣ, помѣщается рядомъ съ послѣднимъ рыцаремъ д'Обинье, неутомимымъ бойцомъ за религіозную свободу, одинаково смѣло и энергично работавшимъ какъ мечомъ, такъ и перомъ.

А вотъ и близкіе намъ „рыцари духа“ XIX столѣтiя: поэтъ гуманности Гюго, веселый *chansonnier* Беранже, на которомъ съ большою любовью остановился авторъ; вотъ Додэ, Ибсенъ, этотъ одинокій сѣдой левъ сѣвера. А въ русскомъ отдѣлѣ—тоже дорогіе все образы: фонъ-Визинъ, Радищевъ, Чаадаевъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Пушкинъ—вотъ сюжетъ этюдовъ, очерковъ, картинъ, полныхъ глубокаго интереса и оригинальности. А съ какою теплотой вырисованъ портретъ старца-юноши Юрѣева, идеальный памятникъ, воздвигнутый любящей рукою друга.

Двумъ мотивамъ, надъ которыми такъ часто останавливались

гениальнѣйшіе поэты человѣчества, мотиву о донъ-Жуанѣ и Прометѣѣ, посвящены этюды, блестящіе эрудиціей и глубиной мысли.

Не художественныя откровенія въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ даетъ г. Веселовскій, но ему удивительно удается подмѣтить типичныя черты своихъ героевъ, выдвинуть ихъ, вплести въ образъ писателя сущность исторической обстановки, оживить портретъ бытовой подробностью, жанровой картинкой, а иногда и граціознымъ пейзажемъ. Глубокая эрудиція ученаго критика не только не подавляетъ читателя, — она незамѣтна, и только опытный глазъ узнаетъ, сколько труда мелкаго и упорнаго пришлось затратить, чтобы дать тотъ гармоническій рельефъ, которымъ такъ легко и любовно наслаждается читатель.

V.

— Ш. Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ, перев. подъ редакціей Н. И. Карѣева. Спб. 1903.

Цѣль книжки — популяризировать результаты, добытые научнымъ изслѣдованіемъ объ инквизиціи, не перестающей интересовать широкіе круги. Какъ указываетъ авторъ во введеніи, не только большая публика, но и ученые историки получаютъ въ этомъ вопросѣ разнообразныя отвѣты, смотря по тому, ~~съ~~ какими воззрѣніями они приступаютъ къ его разсмотрѣнію. Ш. Ланглуа, слѣдуя крупному труду американца Ли (*Histoire d'inquisition au moyen âge*), старается, отрицавшись отъ предубѣжденій, набросать основныя черты предмета.

Прежде всего авторъ констатируетъ, что существованіе и дѣятельность инквизиціи есть лишь частный случай общаго явленія нетерпимости, свойственной всякой, и религіозной, и политической догмѣ, претендующей на абсолютную непогрѣшимость. Въ этомъ повиненъ, напр., и протестантизмъ, нашедшій уже возможнымъ при самомъ своемъ появленіи казнить еретиковъ (судъ надъ Серветомъ въ Женевѣ). Авторъ довольно скептически смотритъ на кажущуюся побѣду терпимости въ новѣйшее время: „Людей больше не сжигаютъ. Но это скорѣе нужно отнести на счетъ истощенія и размноженія вѣрованій, чѣмъ на счетъ общаго смягченія нравовъ. Новѣйшія общества представляютъ среду, очень неблагоприятную для расцвѣта новыхъ догмъ; секты, создающіяся теперь, быстро эволюционируютъ и скоро обезцвѣчиваются, смѣшиваясь съ прежними партіями“. Но нетерпимость не исчезла, измѣнились формы ея, и кромѣ того, нетерпимость, какъ и все остальное, секуляризовалась, и на нашихъ глазахъ практикуютъ ее по мѣрѣ своихъ силъ „церкви“ политическія.

Отличительной чертой католической нетерпимости въ средніе вѣка является то, что она выработала свой искусный механизмъ, извѣстный подъ именемъ инквизиціи. Объективному изученію теоріи и практики этого механизма по подлиннымъ документамъ и посвящена главнымъ образомъ книжка Ланглуа. Особенный интересъ представляетъ глава, посвященная инквизиціонному судопроизводству. Вліяніе этого вида „правосудія“ испытали и свѣтскія юрисдикціи, и имъ заразились уголовные процессы почти всѣхъ европейскихъ странъ. Слѣды этихъ традицій исчезли изъ кодексовъ, и то не окончательно, только въ наши дни.

Для характеристики культурнаго вліянія инквизиціи тамъ, гдѣ она стала орудіемъ общаго управленія, Ланглуа разсматриваетъ детально инквизицію въ Испаніи, гдѣ она сдѣлалась національнымъ, политическимъ учрежденіемъ. „Въ теченіе трехъ столѣтій она лѣпила испанскій народъ по своему образцу. Путемъ террора и цензуры она вполне осуществила въ немъ церковный и авторитарный идеалъ единогласной и закованной въ правовѣріе націи, огражденной отъ вліянія извнѣ, молчащей, послушной“. И „успѣхъ“, говорятъ поклонники инквизиціи, превзошелъ ожиданія (*successus opinionem superavit*). Жозефъ де-Местръ, начинающій въ наши дни снова находить признаніе, восклицалъ: „благодаря инквизиціи, въ Испаніи за три послѣдніе вѣка было больше мира и счастья, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Европы... Короли Испаніи, нѣсколькими каплями грязной крови остановившіе потоки крови драгоцѣнной, сдѣлали превосходный расчетъ“...

„Миръ и счастье“ выразились, какъ показываетъ Ланглуа, въ томъ, что испанскій народъ, объятый тишиною смерти, неспособенъ даже на реакцію противъ нищеты и несчастія. Какъ оказывается, „историческій опытъ очень мало благопріятствуетъ взглядамъ Торквемады“, „Но,—заканчиваетъ свой интересный этюдъ авторъ,—политическіе дѣятели, которые въ разныхъ мѣстахъ продолжаютъ ихъ еще пропагандировать, и особаго рода публика, которая съ ними соглашается, на историческій опытъ вниманія не обращаютъ“.—Г—анъ.

VI.

— И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина (съ портретомъ и 7 факсимиле). Спб. 1903.

Въ послѣднее время наша литература исполнена юбилеями. И настоящая книга къ нимъ прикосновена, потому что составляетъ продолженіе литературы, вызванной послѣднимъ Пушкинскимъ юбилеемъ. Въ рядахъ этой литературы книга г. Шляпкина займетъ мѣсто одно изъ наиболѣе значительныхъ.

„Уже давно было высказано мнѣніе, что каждая строчка Пушкина

драгоценна“, замѣчаетъ г. Шляпкинъ, и книга его въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ этихъ строчекъ,—набросковъ, замѣтокъ и т. п., требующихъ объясненія. Нѣкогда, во времена Бѣлинскаго, высказывалось другое отношеніе къ подобнымъ посмертнымъ находкамъ и изданіямъ. Думали именно, что не всякая строка драгоценна,—драгоценно цѣлое, законченное произведеніе, представляющее работу писателя во всей высотѣ ея художественнаго достоинства. Юношеское незрѣлое произведеніе, самымъ поэтомъ не включенное потомъ въ его изданія, неконченный набросокъ, черновые листки—казались неприятнымъ диссонансомъ, нѣсколько или совсѣмъ грубымъ вмѣшательствомъ слишкомъ усердныхъ библіомановъ въ личную, кабинетную работу... Вѣроятно, впрочемъ, что относительно Пушкина и самъ Бѣлинскій помирился бы съ усердіемъ библіомановъ. Такъ великъ былъ писатель, такъ многозначительно его дѣйствіе на послѣдующую судьбу русской литературы, такъ фатально прервалась его дѣятельность въ самомъ разцвѣтѣ великаго ума и дарованія, что естественно было стремленіе къ самому подробному изученію того, что осталось изъ его труда, хотя бы это были нерѣдко лишь намеки на его мысль, на занимавшіе его предметы, и только проблески его поэтического творчества. Къ этому присоединился въ послѣднее время еще новый интересъ—стремленіе изучать самый процессъ творчества. Наконецъ, въ мелкихъ замѣткахъ могутъ открываться подробности біографическія.

Все это въ обилии находится въ матеріалахъ г. Шляпкина, которые доставятъ множество любопытнаго для тѣхъ, кто занятъ изученіемъ Пушкина.

Откуда же взялся этотъ матеріалъ, наполнившій собою большой томъ мелкой печати?

Оказывается, что г. Шляпкинъ, занимаясь редакціей сборника сочиненій Пушкина, издававшагося по Высочайшему повелѣнію для русской арміи, познакомился съ полковникомъ Ѳ. И. Анненковымъ, служившимъ въ главномъ штабѣ и у котораго хранился цѣлый ящикъ бумагъ его отца, генераль-адъютанта И. В. Анненкова, брата Павла Вас. Анненкова, извѣстнаго издателя Пушкина. И. В. Анненковъ еще съ сороковыхъ годовъ былъ знакомъ съ П. П. Ланскимъ, вторымъ мужемъ Н. Н. Пушкиной; въ тѣ годы онъ служилъ подъ начальствомъ Ланскаго въ лейбъ-гвардіи конномъ полку, и отсюда знакомство и дружба съ Н. Н. Ланской, у которой онъ управлялъ и ея частными дѣлами. Въ 1851 онъ заключилъ съ ней формальное условіе объ изданіи сочиненій Пушкина, которое исполнено было Павломъ Вас. Анненковымъ. „Оба брата,—пишетъ г. Шляпкинъ,—были очень дружны между собою, жили въ это время вмѣстѣ, и работы надъ Пушкинымъ велись совмѣстно. Конечно, главенствующая роль

принадлежала Павлу Васильевичу, но и Иванъ Васильевичъ, по слову его сына, высоко цѣнилъ Пушкина, зналъ его почти наизусть и вслѣдствіе помогалъ брату при его работахъ... Анненковское изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1855 году, было цѣлымъ откровеніемъ о нашемъ великомъ поэтѣ, несмотря на рядъ недостатковъ и пропусковъ... Оно было выполнено знатокомъ дѣла, съ любовью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Самъ П. В. и въ старости (онъ родился въ 1811) не оставлялъ задушевной мысли о новомъ, болѣе полномъ и обработанномъ изданіи Пушкина: въ бумагахъ И. В. Анненкова сохранились тетради, представляющія дополненіе къ изданію 1855 г. Среди нихъ, иногда въ большомъ безпорядкѣ, даже по неосторожности разорванныя, находились нынѣ издаваемые бумаги; на многихъ изъ нихъ надпись *цит.*, т.-е. цитованы, но многія бумаги не были использованы и такъ и остались въ поманутомъ ящикѣ съ 1887 года, когда скончались оба брата Анненковы: И. В. въ Спб. (4 іюня 1887) и П. В. (8 марта) въ Дрезденѣ. Теперь онѣ составляютъ мою собственность“.

Г. Шляпкинъ замѣчаетъ далѣе, что изъ собственного долготѣннаго собирательскаго опыта онъ убѣдился, какъ легко пропадаютъ всевозможные историческіе документы по волѣ случая, и потому въ своемъ настоящемъ трудѣ онъ рѣшилъ вполне исчерпать матеріалы, оказавшіеся въ его рукахъ,—такъ, чтобы, еслибъ и эти матеріалы какимъ-либо образомъ были утрачены, книга замѣнила ихъ, хотя отчасти, для будущихъ изслѣдователей.—Рѣшеніе владѣльца этихъ матеріаловъ было безъ сомнѣнія правильное; оно было бы еще правильнѣе, еслибы, кромѣ этого изданія, владѣлецъ заранѣе обезпечилъ бы дальнѣйшую судьбу этихъ бумагъ,—а именно, имъ вообще не слѣдовало бы оставаться въ частныхъ рукахъ, и всего лучше было бы, еслибы онѣ хранились въ какомъ-либо общественномъ книгохранилищѣ.—Примѣромъ случайности можетъ быть исторія самыхъ этихъ матеріаловъ: съ конца восьмидесятыхъ годовъ они были подъ спудомъ; настоящій владѣлецъ приобрѣлъ ихъ вслѣдствіе случайнаго знакомства; они остались неизвѣстны Л. Н. Майкову, который усиленно разыскивалъ матеріалы Анненкова для академическаго изданія,—и такъ ихъ и не нашелъ.

При изданіи, г. Шляпкинъ расположилъ эти матеріалы въ три отдѣла. Въ первый отдѣлъ вошли: сохранившіяся въ рукописяхъ самого Пушкина стихотворенія, цѣльныя, начатыя и набросанныя, неизвѣстныя или извѣстныя, но въ которыхъ заключаются новыя варианты; драматическая сцена; прозаическія статьи и замѣтки; стихотворенія, сохранившіяся въ копіяхъ П. В. Анненкова и не вошедшія въ изданіе Литературнаго Фонда; одно стихотвореніе, найденное въ Берлинѣ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены черновыя письма Пушкина

къ разнымъ лицамъ, въ подлинныхъ рукописяхъ. Въ третьемъ отдѣлѣ находятся письма разныхъ лицъ къ Пушкину и его близкимъ, до сихъ поръ неизвѣстныя, преимущественно тридцатыхъ годовъ (96 писемъ), и также нѣкоторые другіе документы.

Издатель отнесся къ дѣлу чрезвычайно внимательно. Общій взглядъ его на издаваемые имъ, хотя бы случайные и отрывочные, материалы таковъ. „Не представляя, за небольшими исключеніями, цѣлыхъ произведеній Пушкина, они даютъ намъ возможность судить, какъ зарождалась и формулировалась первоначальная мысль поэта, какъ раньше своего воплощенія она уже звенѣла римой, какъ отыскивалась соотвѣтственная традиционная или новая форма, какъ измѣнялся первоначальный образъ по различнымъ художественнымъ соображеніямъ, какую внутреннюю цѣнность придавалъ поэтъ одному выраженію передъ другимъ; наконецъ, часто первоначальный набросокъ даетъ намъ возможность найти то зерно, изъ котораго пыльнымъ цвѣтомъ развернулось великое произведеніе поэта. Передъ нами отраженіе внутренней работы Пушкина, лабораторія поэтического творчества“.

Всѣ эти черновыя, отрывки, наброски Пушкина издатель обставляетъ чрезвычайно внимательнымъ изслѣдованіемъ. Прежде всего онъ описываетъ внѣшность рукописи; потомъ восстанавливаетъ текстъ—нерѣдко изъ обрывочныхъ словъ и фразъ, старается угадать недописанный стихъ, для котораго есть только намекъ въ отдѣльных словахъ, и т. д.; приурочиваетъ рукопись къ извѣстному времени, лицу, случаю и т. д.; наконецъ, приводитъ множество справокъ, исправляетъ ошибки прежнихъ изслѣдователей и т. д.

Работа очень кропотливая, и для будущихъ издателей и біографовъ Пушкина она доставитъ не мало весьма любопытныхъ указаній.

VII.

- Къ столѣтію Комитета министровъ (1802—1902). Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Томъ третій. Часть I. Спб. 1902.
- Томъ третій. Часть II. Составилъ С. М. Середонинъ. Спб. 1902.
- Томъ четвертый. Составленъ И. И. Тхоржевскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. (Изданіе Канцеляріи Ком. мин.). Спб. 1902.
- Наша желѣзно-дорожная политика по документамъ архива Комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія Канцеляріи Комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ. Томъ третій. Изданіе Канцеляріи Ком. мин.
- Томъ четвертый. Составленъ начальниками отдѣленій Канцеляріи Комитета министровъ кн. П. В. Чегодаевымъ, княземъ Татарскимъ, и Н. А. Кислинскимъ. (Оба тома подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина). Спб. 1902

Въ одномъ изъ предъидущихъ „Литерат. Обозрѣній“ было указано, начало этого въ высшей степени интереснаго юбилейнаго изданія Кан -

целярїи Комитета министровъ. Недавно явилось еще пять большихъ книгъ этого изданія, гдѣ заканчивается „Историческій Обзоръ“ и изложеніе „Желѣзно-дорожной политики“.

Въ двухъ частяхъ третьяго тома „Обзора“ излагается дѣятельность Комитета министровъ въ царствованіе имп. Александра II; въ четвертомъ томѣ—Комитетъ министровъ въ царствованіе имп. Александра III.

Мы уже говорили о важномъ историческомъ интересѣ „Обзора“, и этотъ интересъ еще возрастаетъ, когда изложеніе достигаетъ болѣе близкаго къ намъ времени. Таковы именно свѣдѣнія, сообщаемыя „Обзоромъ“ за послѣднія царствованія: въ Комитетѣ разсматривались дѣла первостепенной государственной важности и возбуждавшія величайшій интересъ въ обществѣ; начиная отъ времени Крымской войны и освобожденія крестьянъ до вопросовъ финансовыхъ, административныхъ, учебныхъ, цензурныхъ и т. д., здѣсь въ послѣдовательномъ изложеніи сообщается множество любопытныхъ подробностей о томъ, какъ слагались взгляды на общее положеніе вещей и отдѣльные вопросы въ одномъ изъ главныхъ органовъ правительства.

Это многотомное изданіе есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ въ юбилейной литературѣ, посвящаемой нынѣ столѣтію нашихъ высшихъ государственныхъ учреждений, и одинъ изъ наиболѣе значительныхъ вкладовъ въ историческое изученіе нашего недавняго прошлаго.—А. П.

Въ теченіе февраля мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 10-е. Спб. 903.

Азанчевскій, В.—Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Популярное изложеніе новой гипотезы. Спб. 903. Ц. 50 к.

Армашевскій, П.—Геологическія изслѣдованія въ области бассейновъ Днѣпра и Дона. Общая геологическая карта Россіи. Полтава-Харьковъ-Обоянь. Съ геологическою картою. Спб. 903.

Бадмаевъ, П. А.—Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета Жуд-Ши. Въ новомъ переводѣ, съ введеніемъ, разъясняющимъ основы тибетской врачебной науки. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Базилевичъ, М. Е.—Пластическая роль бѣлаго кровяного шарика и реактивныя начала въ развитіи злокачественныхъ новообразованій эпителиальнаго типа. Житом. 900. Ц. 70 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 17. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Баръ, Германъ.—Апостолъ. Драма. М. 903. Ц. 75 к.

Баръ, Ф.—Главные причины упадка и задолженности крупнаго и средняго землевладѣнія крестьянскихъ общинныхъ хозяйствъ въ Россіи и мѣры къ скоренному преобразованію. Спб. 903.

Бенедиктъ.—На жианенномъ базарѣ. Юмористическія стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Берниттейнъ, А.—Химическія силы и Электрохимія. Съ нѣм. ж.-вр. Е. Вургафтъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Боборыкинъ, П. Д.—Вѣчный городъ. Итоги пережитаго. М. 903. Ц. 1 р.

Богдановичъ, Л. А.—Пять лѣтъ въ гостяхъ у Джонъ Була. Т. I. М. 903. Ц. 1 р.

Брандесъ, Г.—Собрание сочиненій. Т. XI: Молодая Германія. Съ датск. п.-р. М. Лучицкой. Кіевъ. 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Ванът Гоффъ, I. Г.—Восемь лекцій по физической химіи, читанныя по приглашенію университета въ Чикаго. Перев. Е. Браудо, п. р. проф. П. Вальдена. Съ 9 рис. въ текстѣ. Рига, 903.

Видеманъ, К. И.—Проектъ Благотворительнаго Общества предупрежденія появленія среди населенія Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста. Спб. 903.

Духинскій, Л. Э.—Миссіонерка. Пьеса въ 5 д. Изъ жизни сельской учительницы. Спб. 903. Ц. 80 к.

Зоринъ, А. Е.—Спиритъ, ром. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Зеленинъ, Д.—Пѣсни деревенской молодежи. Записаны въ Вятской губерніи. Вятка, 903. Ц. 50 к.

Измайловъ, А. А. (Смоленскій).—Рыбье слово. Повѣсти и рассказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Карневъ, Н.—Главные обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средняго образованія. Съ историч. картами. Спб. 903. Ц. 80 к.

Киплингъ, Р.—„Слѣдые мореплаватели“. Полный перев. съ англ. А. Каррикъ. Съ 36 иллюстр. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Комаровъ, А.—Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообученія. Спб. 902. Ц. 30 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II. Часть особенная. Изд. 4-ое. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. А.—Купецъ пришелъ! Повѣствованіе о разорившемся дворянинѣ и разбогатѣвшемъ купцѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, А.—Конспектъ по исторіи русскаго права. Періодъ Имперіи. Составл. по лекціи проф. Латкина. Спб. 903. Ц. 75 к.

Литскій, В. И.—Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 97 и 99 гг. Ч. II: Гиссаръ. Хребетъ Петра В. Алай. Спб. 902.

Лосскій, Н.—Основныя ученія психологій, съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Марковъ, Евгений.—Очерки Крыма. Картины крымской жизни, исторіи и природы. Изд. 3-ье, съ 257 картин. и рис. Спб. 903.

Метерлику, Морисъ.—Мовна Ванна. Пьеса въ 3 д. Перев. А. Чеботоревской. М. 903. Ц. 30 к.

Мирополюскій, С.—Наставленіе для обучающихся по „Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ“. Изд. 10-е. Спб. 903. Ц. 15 к.

Молчанскій, В. А.—Больной вопросъ. Посвящается многимъ домовладѣльцамъ. Кіевъ, 903. Ц. 20 к.

Монюмери, Ф.—Его не поняли. Повѣсть. Съ англ. Спб. 902. Ц. 45 к.

Москаль, Мих.—Два пути къ счастью. Христіанство и социализмъ. М. 903. Ц. 25 к.

Новомбертскій, Н.—По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Нордау, Максъ.—Собрание сочиненій. Т. XI: Драммы. Парижскія Письма. Съ вѣд. В. Н. Михайловъ. Кіевъ, 903. 12 томовъ—5 руб.

Ожешко, Эд.—Собрание сочиненій. Съ польск. перев. С. Зелинскаго. Т. 12. Нѣсколько словъ о женщинахъ. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Озеровъ, проф. Ив.—Почта въ Россіи и заграничѣй. Спб. 903. Ц. 30 к.

Осадчій, Т.—На службѣ обществу. Повѣсть. 1882—1902. Второе, переработанное изданіе: „Силы деревни“, дополненное 3-ью частью. М. 903. Ц. 75 коп.

Первовъ, П. Д.—Жители крайняго Сѣвера. Эскимосы. М. 903. Ц. 15 к.

Покровская, М. И., ж.-вр.—По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Спб. 903. Ц. 60 к.

— О жертвахъ общественнаго темперамента. Спб. 903. Ц. 50 к.

Пытинъ, А. Н.—Исторія русской литературы. Т. IV: Времена имп. Екатерины II.—Девятнадцатый вѣкъ.—Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 2-е пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 903. Цѣна за 4 тома—10 руб.

Пытуховъ, Е. В.—Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ, за сто лѣтъ его существованія. Т. I: 1-й и 2-й періоды (1802—1865). Съ фототип. приложеніями. Юрьевъ. 902. Съ приложеніемъ „Статистическихъ таблицъ и личныхъ списковъ“ (1802—1901 г.).

Ренанъ, Эрн.—Собрание сочиненій. Съ франц., п. р. В. Н. Михайлова. Т. X. Воспоминанія дѣтства и юности. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ вѣд. В. Юргенсонъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903.

Сегенъ, Э.—Воспитаніе, Гигіена и Нравственное леченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Съ франц. М. Лебедевой, п. р. В. А. Енько. Спб. 903. Ц. 2 руб.

Семевскій, В. И.—Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Т. I. Изд. 2-е исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Сениновъ, І. П.—Герои христіанскаго міра. М. 903. Ц. 75 к.

— Очерки по исторіи евреевъ и другихъ народовъ Востока. Спб. 903. Ц. 50 к.

Сертсевичъ, В.—Древности русскаго права. Т. III: Землевладѣніе. Тамо. Порядокъ обложенія. Спб. 903. Ц. 2 р.

Символистъ. Басни. Житом., 903. Ц. 60 к.

Скворцовъ, А.—Основы экономики земледѣлія. Ч. II, вып. 2: Организациа хозяйства и счетоводства. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Строшевскій, Вацлавъ.—Полное собраніе повѣстей и рассказовъ. Т. I. Спб. 903. Ц. 1 р.

Тарасовъ, П.—Образованіе женщинъ и женскій трудъ. М. 903. Ц. 25 к.

Тарасовъ, П. Г., и Моравскій, С. П.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 иллюстр. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Уальдъ, О.—Бахлада Ридингской тюрьмы. Пер. Н. Норнъ. Спб. 903. Ц. 30 коп.

Фаресовъ, А. И.—Въ одиночномъ заключеніи. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р.

Файнштеръ, Г., проф. въ г. Галле. — Ницше, какъ философъ. Съ нѣм. П. Шутковъ. М. 903. Ц. 30 к.

Чайковский, М. — Жизнь П. И. Чайковского. Т. III: 1885—93 гг. Вып. 23, 24, 25. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Челюкъ, А. А. — Родная природа. Звѣри, птицы и гады Россіи. 12 рассказовъ изъ жизни животныхъ. Съ 25 рис. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шарановъ, Сергій. — Сочиненія. Т. VIII: Черезъ полѣвка, фантазія - романъ. Ч. 1. М. 902.

Шиповъ, д-ръ Н. Н. — О материнскомъ инстинктѣ. Смол. 903. Ц. 20 к.

Яблоновъ, Александръ — Воздухоплаваніе. Устройство аэромобиля. Съ 20 черт. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Эйслеръ, Р. — Основныя положенія теоріи познанія. Съ нѣм. Г. Шпеттъ. Кіевъ, 902. Ц. 50 к.

Эрастовъ, І. — Искусство чтенія. Практическій курсъ логическаго и выразительнаго чтенія для преподаванія и изученія. Съ предисловіемъ В. М. Давыдова. Спб. 903. Ц. 1 р.

Эразмъ Роттердамскій — Похвала глупости. Съ лат., съ введеніемъ и прилѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. 3-е изд. Юрьевъ, 903. Ц. 1 р.

Borkovsky, E. — Turgenjew. Berl. 903. Ц. 3 м. 80 pf.

— Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшаго Дерптскаго университета за 100 лѣтъ его существованія (1802—1902). Т. I. П. р. Г. В. Левицкаго. Юр. 902.

— Буддійскій Катехизисъ. Перев. съ монгольскаго. Спб. 902. Ц. 30 к.

— Владимиръ Красное-Солнышко. Спб. 903.

— Географическія чтенія: Азія, Африка: Перев. съ англ., съ 35 рис. М. 903. Ц. 80 к.

— Дѣйствія Нижегородской губернской Ученой Архивной Коммиссіи: Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. V. Н.-Новг. 903.

— Книгоиздательство П. П. Гаршунина: 1) Мезіеръ, Черный Спартакъ, съ рис. Ц. 50 к. 2) Рубакинъ, Н. Н. Вѣчная слава, съ рис. Ц. 75 к. 3) Его же Чудо на морѣ, съ рис. Ц. 15 к. Спб. 903.

— Краткій обзоръ дѣятельности казеннаго лѣснаго управленія за 1893—1902 г. Состав. Т. Нехоросевъ. Спб. 903.

— Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. Спб. 902.

— Народы и страны. Географическая Библіотека: 1) Среди мусульманъ, съ рис. Ц. 65 к. 2) Путешествія на край свѣта, съ рис. Ц. 50 к. 3) Въ невѣдомыя страны, съ рис. Ц. 50 к. 4) Докторъ Гиссенъ, съ рис. Ц. 35 к. 5) Разсказы о жаркой странѣ, съ рис. Ц. 50 к. 6) На плавающихъ льдинахъ по Ледов. океану, съ рис. Ц. 35 к. 7) Приключенія въ странѣ рабства, съ рис. Ц. 40 к. 8) На необитаемомъ островѣ, съ рис. Ц. 40 к. Спб. 903.

— „Наши вечера“. Литературно-художественный сборникъ Одесскаго Литерат.-артист. Общества. Вып. 1. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

— Обзоръ дѣятельности Министрства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 8-ой годъ его существованія 1901—1902 гг. Спб. 902.

— Общеобразовательная Библіотека, п. р. Л. Е. Оболенскаго: 1) Успѣхи біологін, ц. 25 к. 2) В. Гладстонъ, ц. 25 к. 3) Бобровая шуба и Красный пѣтухъ, ц. 50 к. 4) Научныя основы красоты и искусства, ц. 75 к. 5) Бьерн-

стерне-Бьернсонъ, Пауль Ланге и Тора Парсбергъ, пьеса, ц. 35 к. 6) Зудерманъ, Родина, др., и „Да здравствуетъ жизнь, пьеса, ц. 75 к. 7) Арендъ, Успѣхи химіи въ XIX в., ц. 25 к. 8) Интеллигентные пролетаріи во Франціи, ц. 60 к. 9) Женскій трудъ и женскій вопросъ, ц. 50 к. 10) Эпоха великихъ реформъ въ Японіи, ц. 35 к. 11) Основы философіи химіи, ц. 75 к. 12) О безработицѣ, ц. 60 к. Спб. 903.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Обзоръ 1900 года. Пермь, 903.

— Промышленность и здоровье. Вѣстникъ професс. гигиены, фабричнаго и санитарнаго законодательства: Годъ I. П. р. А. Погожева. Спб. 903. Въ годъ 9 вып.—ц. 6 р.

— Рѣчи, прочитанныя на вечерѣ въ память Н. В. Гоголя въ г. Баку. В. 902. Ц. 20 к.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1901 годъ. Т. I и II. Новг. 902.

— Сборникъ свѣдѣній по состоящему подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Попечительству о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Вып. VI: Отчетъ за 1901 г. Спб. 902.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1902 г. Вып. II. В. 902.

— Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1901 годъ. Вып. 1. Кал. 902.

— Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ, съ приложеніемъ картограммы и многихъ діаграммъ. Спб. 903.

— Труды Общества больничныхъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901 годъ. П. р. Н. Я. Кенпера. Годъ 1-й. Спб. 903.

— Труды Саратовскаго Общества естествоиспытателей. Т. IV: Памяти А. А. Токарскаго. Саратов. 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *Ellen Key. Essays.* Стр. 317. Berlin. 1902 (S. Fischer, Verlag).

Философскіе этюды Эллиенъ Ки, извѣстной скандинавской писательницы, принадлежать къ очень распространенному теперь въ западной Европѣ роду литературы. Форма эта менѣе всего новая,—классическіе образцы ея созданы уже Монтэнемъ, а впоследствии Маколеемъ и многими другими писателями, въ особенности англійскими. Но современные эссеисты задаются иными цѣлями, чѣмъ ихъ предшественники. Прежде форму „опытовъ“ избирали философы, когда хотѣли, подобно Монтэню, отдѣлать себя отъ педантизма школьныхъ мудрецовъ и связать свои мысли съ выводами изъ непосредственной дѣйствительности. Называя свой трудъ „опытомъ“, мыслитель какъ бы бралъ на себя меньше отвѣтственности, не обязывался дать систематическое изложеніе цѣльной философской системы, и могъ съ большей свободой примѣнять свои идеи къ жизни, поучать, не сосредоточиваясь на теоретическихъ построенияхъ. Поэтому моралисты всѣхъ временъ особенно охотно пользовались этой полу-философской, полулитературной формой для своихъ разсужденій о жизни; къ эссеистамъ слѣдуетъ поэтому причислить и такихъ философовъ, какъ Монтэнъ и Паскаль (его „Pensées“ вполне соответствуютъ „Опытамъ“ Монтэня), и моралистовъ въ родѣ Лабрюэра и Ларошфуко, а впоследствии Вовернарга. Въ XIX вѣкѣ форма „опытовъ“ привилась главнымъ образомъ къ литературной критикѣ и, утративъ прежнюю непринужденность, стала обозначать цѣльный и всесторонній анализъ художественнаго творчества въ философскомъ освѣщеніи. Не всякаго критика, даже выдающагося, можно назвать эссеистомъ; ни Лессингъ въ своихъ эстетическихъ трактатахъ, ни Сентъ-Бёвъ въ своихъ портретахъ и характеристикахъ, въ которыхъ психологическое чутье и чистая литературность преобладаютъ надъ философскими выводами, ни Брандесъ въ своихъ историко-литературныхъ трудахъ, не могутъ быть названы эссеистами. Къ числу же послѣднихъ принадлежитъ главнымъ образомъ Тэнъ, каждый очеркъ котораго проникнутъ ясно выраженной *idée-maitresse* и является образцомъ художественной цѣльности содержанія и стилистической законченности формы. Эссеистами

могутъ быть также названы Бурже въ своихъ „Essais sur la Psychologie contemporaine“ и еще болѣе—англійскій писатель Вальтеръ Патеръ, авторъ книги „Renaissance“: она состоитъ изъ отдѣльныхъ сжатыхъ, но исчерпывающихъ идейное значеніе „Возрожденія“ очерковъ о творахъ итальянскаго классическаго искусства. Въ послѣднее время эта форма особенно культивируется нѣмецкими писателями; продуманностью и стильностью „опытовъ“ серьезные критики борются противъ поверхностности и нелитературности періодической печати, которая только торопливо отмѣчаетъ „новинки“, не вникая большей частью въ истинный смыслъ новыхъ литературныхъ явленій. Названіемъ „Essay“ въ сущности даже злоупотребляютъ въ Германіи: всякій болѣе или менѣе обстоятельный критическій очеркъ носить названіе „опыта“, хотя въ немъ иногда вовсе нѣтъ идейнаго синтеза, составляющаго отличительную черту этого высшаго рода критики.

За послѣдніе годы—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Ницше—западно-европейскіе писатели стали излагать философскія ученія въ формѣ „опытовъ“, т.-е. безъ учености, замѣненной художественностью идейной проповѣди. Философія сливается съ художественнымъ творчествомъ и становится тѣмъ самымъ доступной не исключительно профессиональнымъ ученымъ, а всему мыслящему человѣчеству. Къ философской литературѣ этого рода относятся теоретическія произведенія Метерлинка, его „Trésor des Humbles“, „Sagesse et Destinée“, „Temple Enseveli“. Свою гуманную жизненную мораль Метерлинкъ проповѣдуетъ какъ художникъ; философское обоснованіе его этическихъ идеаловъ выясняется безъ всякой теоретичности, въ увлекательной поэтической формѣ—ясной и простой, въ противоположность туманности его драмъ. Ницше, а въ послѣднее время Метерлинкъ, имѣютъ цѣлый рядъ послѣдователей, которые излагаютъ нравственное ученіе, идеалы современнаго передового человѣчества въ болѣе живой убѣдительной формѣ, чѣмъ отвлеченныя теоретическія разсужденія, т.-е. въ „опытахъ“, обращенныхъ къ живому чувству, примѣняющихъ къ непосредственной дѣйствительности свои отвлеченные принципы. Такого рода „опыты“ сводятся такимъ образомъ къ живой проповѣди, исходящей изъ философскаго пониманія задачъ жизни. Особенностью этого рода литературы является забота о художественности изложенія; книги Метерлинка, напримѣръ, поражаютъ и привлекаютъ главнымъ образомъ поэтичностью и выразительностью образной, вдохновенной рѣчи автора.

Къ этому роду литературы принадлежитъ и новая книга Элленъ Ки. Не создавая „новой морали“, какъ это дѣлаютъ Ницше и Метерлинкъ, Элленъ Ки является скорѣе послѣдовательницей смѣлыхъ этическихъ ученій новѣйшихъ индивидуалистовъ, но самобытная раз-

работка ихъ идей придаетъ выдающійся интересъ ея „опытамъ“. Эленъ Ки—уроженка Скандинавіи, и это сказывается въ ея сосредоточенномъ стремленіи къ внутренней свободѣ, которая ей кажется величайшимъ идеаломъ, высочайшимъ завоеваніемъ просвѣтленнаго, развитого духа. Въ своихъ этическихъ взглядахъ, въ своемъ пониманіи задачъ современнаго человѣчества она ближе всего сходится со своимъ великимъ соотечественникомъ, Ибсеномъ. Толкуя ученіе Ницше, она тоже вкладываетъ въ него смыслъ, сближающій нѣмецкаго философа съ сѣверными моралистами, проповѣдниками свободы личности. „Сверхъ-человѣкъ“ Ницше кажется ей воплощеніемъ свободы отъ вѣшнихъ обстоятельствъ и страстей, идеаломъ духовнаго совершенства. Сѣверный характеръ ученія Эленъ Ки сказывается и въ томъ, что, при всемъ своемъ идеализмѣ, она не отрывается отъ реальной дѣйствительности и не проповѣдуетъ мистическихъ идеаловъ, неосуществимыхъ въ жизни. Цѣль ея книги—углубить пониманіе задачъ жизни и тѣмъ самымъ обогатить духовный міръ человѣка, внушить не презрѣніе къ жизни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые мистики, а напротивъ того, показать, какъ прекрасна и благородна можетъ быть жизнь, если люди будутъ обогащать ея духовное содержаніе. Указывая на пути, которыми можетъ быть достигнуто это высшее счастье, Эленъ Ки противопоставляетъ господствующему въ западной Европѣ идеалу вѣшней культуры идеаль внутренняго совершенствованія. Въ интересной центральной главѣ книги Эленъ Ки выясняетъ несостоятельность культурнаго идеала, направленного на исключительныя заботы объ умноженіи матеріальныхъ благъ. Мѣриломъ культурнаго развитія считается обыкновенно возростаніе потребностей, и дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ, современность стоитъ очень высоко,—та потребность въ комфортѣ, которая существуетъ теперь въ западной Европѣ у средняго человѣка, превосходитъ потребности самыхъ притязательныхъ баловней судьбы прежнихъ временъ; а вмѣстѣ съ потребностями возрастаютъ и становятся общедоступными средства къ ихъ удовлетворенію, умножаются открытія и изобрѣтенія, составляющія славу нашего вѣка, осуществившаго во многихъ отношеніяхъ то, о чемъ прежде только въ сказкахъ рассказывали. Европа гордится этимъ гигантскимъ ростомъ матеріальнаго прогресса, въ которомъ человѣческій разумъ торжествуетъ побѣду надъ трудностями существованія,—и со стороны западно-европейскихъ писателей рѣдко приходится замѣтить скептическое отношеніе къ спасительности этихъ вѣшнихъ завоеваній разума. Культъ комфорта проникъ во всѣ слои литературы,—онъ проявляется и въ защитникахъ правъ поработенной рабочей массы, и въ такихъ пророкахъ индивидуализма, какъ Ницше: его идеаль могущества въ значительной степени обозначаетъ и ши-

рокое пользованіе всѣми внѣшними благами культуры, т.-е. разраста- ніе матеріальныхъ потребностей. Тѣмъ отраднѣе встрѣтитъ у писа- теля, примыкающаго въ остальныхъ своихъ воззрѣніяхъ къ западно- европейскимъ идеямъ, протестъ противъ этой религіи удобства и ма- теріальнаго прогресса. Въ этомъ тонѣ говорили до сихъ поръ глав- нымъ образомъ только русскіе писатели,—и въ походѣ Эллень Ки противъ духа времени чувствуется вліяніе родственныхъ ей по духу русскихъ писателей, въ особенности Достоевскаго. Она считаетъ со- временный ростъ культуры количественнымъ, а не качественнымъ. „То, что обыкновенно называется культурой,—говоритъ она,—т.-е. весь внѣшній строй жизни, общественныя учрежденія, сумма знаній, изобрѣтенія во всѣхъ областяхъ,—не углубляетъ и не облагораживаетъ духовнаго содержанія жизни. Напротивъ того, культура, которая, въ обычномъ смыслѣ этого слова, кажется высокой,—для болѣе тонкаго пониманія представляется лишь болѣе осложненной грубостью“. По- этому задачей современныхъ передовыхъ людей должно быть не Kulturträger'ство въ прежнемъ смыслѣ слова, а противодействие огрубѣнію культуры. Нужно поднять тяготѣніе къ истинному и пре- красному; нужно не только чтобы передовое меньшинство создавало новыя культурныя цѣнности, но чтобы и большинство научилось съ тонкимъ выборомъ пользоваться этими цѣнностями. Другими словами, дѣло не только въ творчествѣ отдѣльныхъ культурныхъ дѣятелей, углубляющихъ потребности духа, а въ томъ, чтобы ихъ [творчество стояло въ тѣсной внутренней связи съ запросами большинства и тѣмъ самымъ возвышало и обогащало духовную жизнь всѣхъ. Въ этомъ призывѣ къ общей массовой культурной дѣятельности заключаются особенность и значеніе книги Эллень Ки. Большинство современныхъ западно-европейскихъ идеалистовъ проникнуто крайнимъ аристокра- тизмомъ; они видятъ спасеніе только въ разрывѣ съ жизнью толпы,— она же, напротивъ того, говоритъ о сліянніи, о необходимости приоб- щить массы къ просвѣтленной жизни духа, безъ чего въ культурной жизни будетъ царить по прежнему и все болѣе усиливаться грубость, даже культурная дикость,—какъ ни странно такое сочетаніе словъ.

Характеристика внутренней несостоятельности современной куль- туры, т.-е. того, что Эллень Ки называетъ „отсутствіемъ интенсив- ности“, поверхностностью,—очень мѣткая. Скандинавская моралистика вѣрно подмѣтила отрицательныя стороны современной интеллектуаль- ной жизни. Образование опредѣляется въ наше время количествомъ зна- ній, а этотъ критерій неудовлетворителенъ. „Образование,—по ориги- нальному и мѣткому опредѣленію Эллень Ки,—это то, что остается въ насъ, когда мы забудемъ то, чему учились; оно заключается въ тѣхъ мысляхъ, ассоціаціяхъ, чувствахъ и образахъ фантазій, которые

возвышаютъ и углубляютъ самобытную дѣятельность нашего духа“. Это внутреннее обогащеніе не достигается среди торопливости и практичности современной культурной жизни, среди стремленія накопить въ наименьшій по возможности срокъ наибольшее количество свѣдѣній, изъ которыхъ можно было бы извлечь практическую пользу. Въ результатѣ получается искусственная, обманчивая образованность, ведущая только къ возрастанію матеріальныхъ культурныхъ потребностей, но не обогащающая духовную жизнь, не содѣйствующая поднятію общаго нравственнаго уровня. Практичность современной культуры парализуетъ значеніе тѣхъ средствъ, которыя должны были бы содѣйствовать обогащенію внутренней жизни: путешествія стали болѣе легкими и общедоступными, но прежде люди обогащали умъ и сердце общеніемъ съ природой и знакомствомъ съ жизнью и бытомъ чужихъ странъ во время медленныхъ и трудныхъ путешествій, а теперь девизомъ большинства путешествующихъ является быстрое накопленіе разнообразныхъ впечатлѣній, желаніе увидать какъ можно больше въ возможно меньшій промежутокъ времени. Вдумчивое отношеніе къ впечатлѣніямъ природы и жизни при этомъ, конечно, исчезаетъ, и развивающее значеніе путешествій становится ничтожнымъ.

Главнымъ средствомъ для поднятія общаго духовнаго развитія Элленъ Ки считаетъ, конечно, облагораживающее влияніе искусства и литературы,—но въ современномъ искусствѣ она тоже видитъ пагубную разнь съ жизнью. Пока искусство не входитъ въ число насущныхъ потребностей общества, пока оно считается прихотью обеспеченнаго меньшинства и не связано съ общимъ развитіемъ чувства красоты—какъ это было во времена высокаго расцвѣта искусства—до тѣхъ поръ творчество отдѣльныхъ художниковъ не повліяетъ на поднятіе общаго духовнаго уровня. Красивы будутъ только отдѣльныя художественныя произведенія, но въ жизни не водворится та атмосфера красоты, которая служитъ признакомъ благородства культуры,—какъ, напр., въ древней Греціи, когда сооруженіе храма было событіемъ, волнующимъ весь народъ. Теперь, несмотря на процвѣтаніе искусства, въ обыденной жизни продолжаетъ царить безвкусіе;—въ массѣ нѣтъ эстетическихъ потребностей. Нужно, чтобы возродилась воспріимчивость къ жизни природы; это—источникъ эстетическаго развитія и благородства культурной жизни. Какъ на поучительный примѣръ страны, въ которой культура проникла въ жизнь, Элленъ Ки указываетъ на Японію, гдѣ любовь къ природѣ развита болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Тамъ, напр., въ то время, когда цвѣтутъ вишневые деревья, всѣ отправляются въ лѣсъ и наслаждаются прекраснымъ зрѣлищемъ съ глубоко благоговѣйнымъ чувствомъ. Это развитіе чувства природы у всего народа и обуславливаетъ особое благородство японскаго ис-

искусства, которое обновило своимъ вліяніемъ европейскую живопись XIX вѣка. Лучшіе европейскіе мастера восприняли у японцевъ ихъ внимательное и набожное отношеніе къ природѣ—и такимъ образомъ создалась новая пейзажная живопись, составляющая гордость современнаго искусства. Но то, что проникло въ сознаніе отдѣльных художниковъ, должно слиться съ пониманіемъ и духовными потребностями большинства, и только тогда станетъ фактомъ культурной жизни. Въ этомъ сліяніи, т.-е. въ воспитательномъ вліяніи искусства, заключается ближайшая задача культурныхъ дѣятелей. Въ современной литературѣ скандинавская писательница усматриваетъ такое же отсутствіе связи между исканіями передовыхъ писателей и потребностями большинства, равнодушнаго ко всякому идейному движенію, ко всему, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ матеріальной сторонѣ жизни, не увеличиваетъ комфорта или не забавляетъ. Литература, преслѣдующая серьезныя идейныя и художественныя цѣли, идетъ своими путями, но, за отсутствіемъ сочувствующаго отношенія въ массѣ, она какъ бы витаетъ въ воздухѣ и не вліяетъ на поднятіе культурнаго духа, не противоdѣйствуетъ тому, что Элленъ Ки, быть можетъ, нѣсколько рѣзко называетъ „культурной дикостью“ нашего времени. Дикость эта, по ея мнѣнію, проявляется въ прессѣ, потворствующей рутиннымъ грубымъ вкусамъ большинства, преслѣдующей чисто промышленныя, а не культурныя цѣли. Элленъ Ки очень рѣзко нападаетъ и на общее равнодушіе общества къ литературѣ, на одичалость западно-европейской прессы, извращающей задачи литературной критики и литературы вообще, прессы, поработенной промышленнымъ духомъ и не имѣющей поeтому никакого просвѣтляющаго воспитательнаго вліянія. Цѣлью литературы, какъ и искусства, она считаетъ именно возdѣйствіе на массу. „Ближайшая задача созидателей культуры въ наше время,—говоритъ она,—заключается въ томъ, чтобы подготовить чувства и умы современниковъ къ воспріятію созидательной работы творческаго гeнія. Нужно, чтобы идейный творецъ, мыслитель или художникъ явился со свѣточемъ къ поколѣнію, которое шло бы на встрѣчу ему съ пламеннымъ ожиданіемъ и встрѣтило бы его съ благоговѣйной радостью“.

Указывая пути, которыми должно идти передовое культурное челоvѣчество, чтобы подготовить почву для будущаго общаго просвѣтленія, Элленъ Ки проповѣдуетъ принципы индивидуалистической этики. Все дѣло въ томъ, чтобы поднять жизненное чувство въ людяхъ, заставить ихъ полно и сознательно проявлять свою личность, быть смѣлыми и свободными въ выраженіи своихъ индивидуальныхъ чувствъ и понятій, не подчиняясь игу рутины. „Количество жизненной силы увеличилось бы въ тысячу разъ,—говоритъ она,—еслибы мы всѣ стали

отважны, еслибы мы рѣшались исповѣдывать вѣру, которую мы приобрѣли, вмѣсто той, которую мы утратили, выражали бы убѣжденія, которыя есть у насъ, а не тѣ, которыхъ мы никогда не имѣли; еслибы мы цѣнили наши собственные взгляды, даже если они расходятся со взглядами нашихъ единомышленниковъ“. До сихъ поръ эта смѣлость свойственна только исключительнымъ натурамъ, способнымъ на мученичество, но нужно, чтобы она стала общимъ достояніемъ;—только тогда создается основа для истинной культуры. Эллиенъ Ки—проповѣдница индивидуалистической морали. Многое она заимствуетъ у Штирнера и Ницше; страницы о благотворномъ дѣйствіи уединенія и молчанія навѣяны Метерлинкомъ, но самобытное значеніе книги Эллиенъ Ки заключается въ томъ, что аристократическую мораль Ницше и Метерлинка она примѣняетъ къ жизни, къ общенію между людьми; она менѣе всего отстаиваетъ идеаль отреченія во имя духовнаго совершенствованія, а напротивъ того, учитъ вносить въ самую жизнь то благородство духа, которое умножаетъ счастье и красоту существованія.

Кромѣ философски-этического содержанія, книга Эллиенъ Ки представляетъ литературный интерес и художественностью изложенія, и свѣдѣніями о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ скандинавскихъ писателяхъ, какъ, напр., о шведскомъ поэтѣ Альмквистѣ, авторѣ „Книги о шиповникѣ“. Шиповникъ кажется Альмквисту символомъ двойственности жизни—роза и шипы на одной и той же вѣткѣ. Роза символизируетъ въ книгѣ Альмквиста также разнообразіе и въ то же время единство жизни тѣмъ, что множество лепестковъ соединяется въ одинъ цвѣтокъ. Эллиенъ Ки продолжаетъ его рассказъ въ духѣ новѣйшей индивидуалистической философіи.

II.

Clara Viebig. Das Weiberdorf. Roman. Стр. 289. Berlin, 1902 (Verlag von F. Fontane).

Клара Фибигъ, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ современныхъ нѣмецкихъ романистокъ, приобрѣла сочувствіе читателей публики своими драматичными и колоритными рассказами и романами изъ жизни обитателей Эйфеля, суровой гористой мѣстности на границѣ Франціи. Въ Германіи теперь наибольшій успѣхъ имѣютъ „областные“ писатели, созидатели такъ называемой Heimaths-Kunst. Каждый изъ выдающихся беллетристовъ и драматурговъ избираетъ себѣ какую-нибудь отдѣльную нѣмецкую провинцію и сосредоточивается на изученіи и описаніи ея быта, мѣстнаго нарѣчія и встрѣ-

чающихся въ ней типовъ. Гауптманъ—бытописатель швабскаго населенія, Фонтанъ—специалистъ по бранденбургской маркѣ, т.-е. описываетъ коренное прусское населеніе; новѣйшій кумиръ нѣмецкихъ читателей—Густавъ Френсенъ—прославился романомъ изъ жизни Голштиніи; много романистовъ описываютъ исключительно берлинскую жизнь. Нѣмецкому патриотизму особенно дорого такое внимательное, исчерпывающее изученіе cadaго отдѣльнаго уголка родины, а литература несомнѣнно выигрываетъ отъ разнообразія реалистическихъ элементовъ, вносимыхъ въ нее изображеніемъ столь различныхъ укладовъ жизни, типовъ и характеровъ, обычаевъ и міросозерцаній. Вводя въ свои произведенія разныя мѣстныя нарѣчія, романисты обогащаютъ литературный языкъ, увеличиваютъ его выразительность и колоритность—такъ что во всѣхъ отношеніяхъ „областной романъ“ имѣетъ благотворное вліяніе на развитіе нѣмецкой литературы.

Клара Фибигъ открыла новый, никѣмъ до нея не изученный интересный уголокъ Германіи. Въ горномъ суровомъ Эйфелѣ живутъ крестьяне, привыкшіе къ тяжкому, неблагоприятному труду, къ жизни полной лишеній,—но въ этихъ закаленныхъ трудомъ и нуждой натурахъ таятся сильныя, бурныя страсти, могучая воля, прорывающаяся въ трагическія минуты жизни. Контрастъ между вѣйшней неприглядностью и однообразіемъ трудовой жизни крестьянъ этой мѣстности и затаенной страстностью и силой ихъ душевныхъ переживаній, составляетъ основную тему повѣстей Клары Фибигъ. По своимъ приемамъ она принадлежитъ къ натуралистической школѣ; изображеніе страстей—не приподнято-романтическое, а вполне жизненное; психологія дѣйствующихъ лицъ—понятная и правдивая, въ изображеніи быта много простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ колоритности,—такъ что, при всей драматичности фабулъ ея произведеній, они производятъ впечатлѣніе вѣрно наблюденной и правдиво изображенной дѣйствительности. Наиболѣе трагичны повѣсти, составляющія сборникъ „Kinder der Eifel“; въ нихъ описываются странныя, заменутые люди; безудержныя страсти пробиваются какъ подземныя силы среди самой будничной обстановки. Новый романъ Клары Фибигъ, „Das Weiberdorf“, интересенъ и съ бытовой стороны, и по психологической драмѣ, которая въ немъ описывается. Въ маленькой деревушкѣ Эйфельшмитъ живутъ круглый годъ однѣ только женщины. Чадлая и скудная почва не можетъ кормить населеніе, и потому работоспособные мужчины уходятъ на заработки въ лежащіе по близости рудники,—предоставляя женщинамъ справляться съ трудными полевыми работами на ихъ маленькихъ участкахъ земли. Женщины въ этой мѣстности—сильныя и очень самостоятельныя; онѣ привыкли справляться со всѣми обстоятельствами, не рассчитывая на поддержку мужчинъ. Но, при всей трудности жизни,

онѣ полны душевныхъ силъ и свѣжести чувствъ, веселы и бодры, способны на рѣшительные и смѣлые поступки, и жизнь ихъ въ борьбѣ съ суровыми обстоятельствами складывается очень драматично. Онѣ отдыхаютъ и веселятся только во время возвращенія молодежи на родину, два раза въ годъ, лѣтомъ и на Рождество; это—время непрерывныхъ танцевъ и гуляній, время влюбленій, помолвокъ и свадебъ; затѣмъ, съ уходомъ рабочихъ, опять наступаютъ долгія трудовыя будни. Эта привычка къ кратковременности радостныхъ ощущеній выработала въ обитателяхъ обездоленной, угрюмой мѣстности сосредоточенность и страстность натуры. Минуты счастья имъ достаются очень рѣдко, покупаются цѣной тяжелого и упорного труда, но зато они умѣютъ пользоваться ими съ особенной цѣльностью и напряженностью чувствъ. Они порывисты и страстны въ увлеченіи, молчаливы и выносливы въ будничной жизни, легкомысленны и благодарны судьбѣ за малѣйшую радость и мирятся съ своей тяжелой долей безъ всякаго озлобленія. Жизнь людей съ такой психологіей представляетъ благопріятную почву для драматическихъ событій, которыя и составляютъ содержаніе романа „Женское село“.

Герой романа, слесарь Петеръ Миссертъ, наиболѣе полно воплощаетъ характерныя черты эйфельскаго населенія. На первый взглядъ это добродушный, нѣсколько апатичный, лѣнивый человѣкъ; онъ легкомысленно пользуется всякимъ случаемъ пріятно провести время, не думая о завтрашнемъ днѣ. Онъ молчаливъ, необидчивъ и часто служитъ предметомъ поддразниваній со стороны деревенской молодежи. Но за этой добродушной наружностью скрывается глубокая, сильная натура, которая и проявляется въ осложнившихся условіяхъ его жизни. Положеніе Петера въ деревнѣ—особенное. Онъ единственный молодой человѣкъ, который весь годъ живетъ дома, и поэтому онъ пользуется симпатіями всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Онъ любитъ свою жену, задорную красавицу Люси, но не противится заигрываніямъ другихъ женщинъ, не придавая значенія своимъ легкимъ успѣхамъ у скукающихъ односельчанокъ. Во время наѣздовъ мужского населенія, обаяніе Петера падаетъ—женщины не обращаютъ на него вниманія, мужчины косятся на него, такъ какъ каждый втайнѣ ревнуетъ къ нему свою жену или невѣсту. Для самого Петера праздничные дни очень мучительны: его жена—царица всѣхъ увеселеній; ее окружаетъ толпа ухаживателей, и она отдается веселью со всей необузданностью своей легкомысленной натуры, забывая, среди танцевъ и шутокъ, о мужѣ и о своемъ грудномъ ребенкѣ. Петеръ страдаетъ отъ ревности, но терпѣливо ждетъ ухода рабочихъ, зная, что тогда снова станетъ общимъ любимцемъ. Въ промежуткѣ между двумя побывками эйфельскими рабочими, въ жизни Петера происходитъ трагедія, составляю-

щая содержаніе романа. Главной причиной его несчастія становится легкомысліе его жены Люси. Она—добрая женщина, любитъ мужа, но еще больше любитъ наряды и развлеченія. Въ деревню пріѣзжаетъ торговецъ съ образцами модныхъ матерій, и Люси теряетъ голову отъ желанія пріобрѣсти нарядное платье. Ловкій продавецъ еще болѣе разжигаетъ ея тщеславіе, ухаживая за ней, расхваливая ея красоту. Она принимаетъ его ухаживанія; онъ угощаетъ ее виномъ въ трактирѣ, и все это происходитъ на глазахъ Петра, ревность котораго разгорается. Люси упрасиваетъ его выписать матерію по приглянувшемуся ей образчику. Она нѣжна съ мужемъ и всячески старается склонить его на покупку. Петеръ готовъ былъ бы сдѣлать все возможное, чтобы привязать къ себѣ жену, но у него нѣтъ денегъ. Онъ старается сначала урезонить ее, но она его даже не слушаетъ. Она отлично знаетъ, что у бѣднаго слесаря съ его грошевыми заработками нѣтъ восьми талеровъ на покупку платья, но уже совершенно не разсуждаетъ, а только упрасиваетъ мужа сдѣлать ей подарокъ, какъ будто дѣло только въ его доброй волѣ. Торговецъ тоже пристаётъ къ нему и разжигаетъ его ревность, заигрывая при немъ съ Люси и говоря, что для такой красотки нужно быть щедрымъ. При этомъ онъ подпавляетъ и Петра, и Люси, которая, отчаяваясь повліять на мужа, въ отместку ему усиленно любезничаетъ съ торговцемъ. На Петра находитъ какое-то безуміе; имъ овладѣваетъ бессильная злоба при мысли о томъ, какую роковую силу имѣютъ деньги. Вся его любовь—ничто въ глазахъ вѣтренной жены; она теперь съ презрѣніемъ отталкиваетъ его и благосклонно принимаетъ все болѣе смѣлыя ухаживанія торговца, а стоитъ только Петеру дать деньги на платье, чтобы она снова стала любящей женой. Въ эту минуту охмѣлѣвшему отъ вина Петеру деньги кажутся проклятіемъ—чѣмъ-то презрѣннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно желаннымъ. Не будучи въ состояніи выносить любезничанья Люси съ соблазняющимъ ее торговцемъ, Петеръ гордо и презрительно заявляетъ, что согласенъ на покупку, и торговецъ условливается съ нимъ тутъ же, что сдѣлаетъ заказъ на фабрикѣ, и что матерія будетъ выслана наложеннымъ платежомъ. Петеръ въ эту минуту и не думаетъ о томъ, какъ онъ достанетъ деньги для уплаты;—ему важно только, что его согласіе измѣнило настроеніе и поведеніе Люси, что она снова нѣжна съ нимъ,—онъ видитъ воочию, какъ сильна власть денегъ. Торговецъ, замѣтивъ его растерянность, приписываетъ ее заботѣ о предстоящемъ расходѣ, и въ приливъ великодушія предлагаетъ Петеру попытать счастья въ картахъ. Петеръ соглашается и сразу увлекается игрой. Ему везетъ, и онъ опьяненъ легкой наживой, передъ нимъ открываются какія-то фантастическія перспективы могущества и власти

надъ міромъ. Онъ выигралъ талеръ, и, получивъ блестящую серебряную монету, испытываетъ какое-то непонятное волненіе, точно въ его жизни наступилъ какой-то переворотъ. Проигравшій торговецъ радъ, что доставилъ такую радость мужу хорошенькой и не особенно строптивой молодой женщины, и онъ еще выхваливаетъ доставшійся Петеру талеръ, говоритъ о его звонкости, доказывающей его подлинность, рассказываетъ о прибитомъ на стѣнкѣ въ почтамтѣ фальшивомъ талерѣ. Всѣ его рѣчи производятъ сильное впечатлѣніе на Петера, усиливаютъ мгновенно зародившуюся въ его страстной душѣ мечту завладѣть міромъ, осчастливить всѣхъ несчастныхъ и недовольныхъ посредствомъ денегъ. Стоитъ только, чтобы счастье улыбнулось ему—какъ въ игрѣ съ торговцемъ—и онъ будетъ видѣть вокругъ себя только довольныя лица. Эта мысль настолько имъ овладѣваетъ, что все остальное перестаетъ интересовать его. Онъ такъ увлеченъ игрой, и при этомъ настолько охваченъ непривычно большимъ количествомъ выпитаго вина, что совершенно равнодушенъ къ поведенію жены; отуманенная виномъ, она на глазахъ у мужа позволяетъ торговцу обнимать себя. Петера это не огорчаетъ; теперь для него все дѣло въ томъ, чтобы стать богатымъ, чтобы имѣть какъ можно больше звонкихъ талеровъ—тогда не будетъ измѣнъ, не будетъ несчастныхъ. Выигранный первый талеръ вскружилъ голову Петеру; онъ чувствуетъ въ эту минуту, что талеры у него будутъ, хотя самъ не знаетъ, какъ это сдѣлается. На слѣдующій день послѣ роковой для Петера попойки, начинаются для него и для Люси тяжелыя будни. Въ домѣ ни гроша, ребенокъ боленъ, и голодъ особенно чувствителенъ послѣ грезъ о богатствѣ. Петеръ лежитъ на постели въ мрачныхъ думахъ; мысль о томъ, чтобы отправиться искать обычныхъ грошевыхъ заработковъ, ему противна; ему нужно богатство, чтобы измѣнить всю окружающую жизнь, а не гроши, чтобы длить нищенское существованіе.

Такую же нужду, какъ у себя въ домѣ, Петеръ видитъ и у своихъ односельчанъ. Особенно близко къ сердцу онъ принимаетъ бѣдственное положеніе самой честной, кроткой и скромной молодой женщины въ Эйфельшмидтѣ, Бэбби. Она вѣрна своему возлюбленному, Лоренцу, и не въ примѣръ другимъ женщинамъ села не любезничаетъ съ Петеромъ въ отсутствіе своего друга; за это Петеръ и чувствуетъ къ ней дружескую привязанность и уваженіе. Въ одну изъ побывокъ на родинѣ Лоренцъ женится на Бэбби, торопясь свадьбой въ виду того, что Бэбби готовится стать матерью. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Лоренцу приходится вернуться на работу, и онъ оставляетъ молодую жену въ домѣ своихъ родителей. Тамъ начинаются для нея мытарства; несмотря на ея болѣзненное состояніе, ее заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ впроголодь

и постоянно попрекають ея непорядочнымъ поведеніемъ, тѣмъ, что она заставила Лоренца жениться на ней. Преслѣдуютъ ее и другія женщины и дѣвушки въ деревнѣ, пользуясь ея беззащитностью. Петеръ видитъ ея страданія, старается ободрить ее, но понимаетъ, что тутъ нужна болѣе существенная помощь. Особенно тяжело ему сознавать свое безсиліе, когда, проходя мимо дома, гдѣ живетъ Бэбби, онъ слышитъ ея крики, узнаетъ, что она опасно больна, но что къ ней не призываютъ врача во избѣжаніе лишнихъ расходовъ. Родивъ ребенка, Бэбби болѣетъ и говоритъ навѣщающему ее Петеру, что готовится умереть, такъ какъ на выздоровленіе—при отсутствіи даже необходимыхъ для покупки молока денегъ—нѣтъ надежды. Все это безконечно озлобляетъ и волнуетъ Петера, убѣждая его во всемогуществѣ денегъ, въ бесплодности однихъ только добрыхъ намѣреній. Волнуетъ его также и поведеніе жены, ея постоянныя отлучки изъ дому то въ обществѣ соблазняющаго ее подарками торговца, то красавца жандарма, который вывозитъ ее на вечеринки въ сосѣднія деревни. Петеръ знаетъ, что его Люси вовсе не испорченная, распутная женщина, что она по своему любитъ его, но что она молода и ей хочется пожить весело,—поэтому она рада всякому, кто доставляетъ ей хоть минутныя радости, давая ей возможность забыть о грустной домашней обстановкѣ. И тутъ все дѣло въ деньгахъ: если бы Петеръ могъ удовлетворять ея въ сущности не особенно притязательной любви къ нарядамъ,—она бы не поощряла своихъ поклонниковъ. Однажды Люси исчезаетъ на цѣлый день; торговецъ повезъ ее прокатиться въ ближайшее мѣстечко, и въ ея отсутствіе къ Петеру поочередно приходятъ сосѣдки, замужнія женщины и молодыя дѣвушки, и, ехидствуя надъ вѣтренной Люси, кокетничаютъ съ нимъ. Петеръ раздраженъ противъ жены, старается забыться, поддаваясь заигрываніямъ посѣтительницъ, изъ которыхъ одна, смѣлая и порывистая дѣвушка, Тина, ему очень нравится; но когда всѣ онѣ уходятъ, у него остается гадливое чувство въ душѣ; ему стыдно за свою безхарактерность, ему жаль этихъ женщинъ, которыя ищутъ хоть какихъ-нибудь развлеченій, чтобы забыть нужду и горе. Опять онъ начинаетъ мечтать о деньгахъ, какъ о средствѣ общаго спасенія.

Въ такомъ душевномъ состояніи выигрышъ талера и связанные съ этимъ разговоры оказываютъ особенно сильное дѣйствіе на Петера. Не зная, на что купить хоть хлѣба, Люси вспоминаетъ о выигранномъ талерѣ и хочетъ его размѣнять. Но Петеръ ни за что на это не соглашается, самъ не отдавая себѣ отчета—почему. Его призываетъ пасторъ, и проситъ его починить упавшую съ потолка люстру, припаять отвалившіяся части; для того, чтобы ночинка обошлась дешевле, онъ предлагаетъ Петеру снабдить его матеріаломъ для ра-

боты. Онъ отправляется съ Петеромъ въ ризницу, открываетъ большой шкафъ и достаетъ множество старой поломанной оловянной утвари, предлагая Петеру взять столько олова, сколько ему нужно для починки. Петера осыплетъ страшная мысль, когда онъ стоитъ передъ полками, заставленными оловянной утварью: ему судьба какъ бы нарочно даетъ средство составить счастье всего села. Съ быстрой рѣшимостью онъ говоритъ пастору, что возьметъ нужный ему матеріалъ; затѣмъ, когда пасторъ отходитъ въ сторону, онъ засовываетъ подъ пальто нѣсколько кубковъ и чашъ, беретъ въ руки старые жестяные подсвѣчники, объявляя пастору, что въ нихъ достаточно олова для починки, и уходитъ, обѣщая скоро принести приведенную въ надлежащій видъ люстру. Вернувшись домой, онъ запирается въ своей маленькой мастерской, устроенной имъ на чердакѣ, и въ теченіе цѣлой недѣли почти не выходитъ оттуда, никого не пуская къ себѣ. Люси удивляется его рвенію, но очень довольна, во-первыхъ, потому что надѣется на хорошій заработокъ мужа, а еще и потому, что Петеръ предоставляет ей полную свободу, увлеченный своей работой. Она этимъ пользуется, постоянно ѣздитъ на разные увеселенія въ сосѣднихъ деревняхъ, въ сопровожденіи своего новаго друга, жандарма. Петеръ не обращаетъ на это вниманія, даже не спрашиваетъ ее о томъ, гдѣ она была. Но, несмотря на его усердную работу, заказъ пастора не исполненъ въ надлежащее время. Пасторъ не сердится за это; встрѣтивъ Петера въ церкви въ необычное время, видя, какъ усердно и горячо молится Петеръ въ безлюдной церкви, онъ хвалитъ его за благочестивость и говоритъ, что понимаетъ, до чего трудно починить люстру. Обѣщая скоро доставить работу, Петеръ отправляется на кладбище, молится на могилѣ своихъ родителей и возвращается домой въ чрезвычайно возбужденномъ настроеніи. Онъ сначала отправляется пройтись по селу и прежде всего заходить къ Бэбби, которую застаётъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Она и ея ребенокъ почти умираютъ отъ недостатка пищи. Петеръ даетъ ей три талера и проситъ ее не скупясь тратить деньги, чтобы скорѣе оправиться. Онъ говоритъ, что надѣется и впредь помогать ей, такъ какъ его дѣла теперь хороши. Вернувшись домой, онъ чувствуетъ желаніе отдохнуть отъ работы,—покутить. Но Люси нѣтъ дома; къ Петеру приходитъ Тина и рассказываетъ, что Люси ушла на вечеринку по сосѣдству. Петеръ предлагаетъ Тинѣ отправиться съ нимъ туда же; по дорогѣ они встрѣчаютъ еще нѣсколько дѣвушекъ, и Петеръ является на вечеринку въ сопровожденіи цѣлой ватаги молодыхъ дѣвушекъ. Появленіе его производитъ сенсацію; онъ очень веселъ, всѣхъ угощаетъ, и даже не сердится, увидавъ среди танцующихъ свою жену съ жандармомъ. На обратномъ пути домой онъ по секрету сообщаетъ

Тинѣ, что получилъ наслѣдство, и что теперь онъ будетъ ее баловать.

Вѣсть о наслѣдствѣ Петера разносится, конечно, очень быстро по деревнѣ—и за Петеромъ начинаютъ ухаживать еще больше, чѣмъ прежде. Жизнь его измѣняется, нужды въ домѣ нѣтъ, а самъ Петеръ въ приподнятомъ настроеніи духа—онъ чувствуетъ себя свободнымъ человѣкомъ, радъ, что можетъ спасать другихъ отъ нужды; радъ также покутить и побаловать дѣвушекъ, которыя теперь неотступно сопровождаютъ его на прогулкахъ. Но Люси хотя и довольна, что миновала нужда, что у нея новое платье и еще другія обновы, но ей грустно; съ полученіемъ наслѣдства Петеръ какъ-то отстранился отъ нея; онъ или сидитъ дома у себя на чердакѣ, или уходитъ кутить по окрестностямъ; она только слышитъ отъ злорадныхъ кумушекъ, что онъ не жалѣетъ денегъ и всюду мѣняетъ талеры за талерами. Дома же Петеръ далеко не такъ веселъ, какъ прежде; онъ погруженъ въ мрачныя мысли и не слышитъ, что происходитъ вокругъ него; или же онъ возбужденно веселъ и шутитъ съ жандармомъ, который сдѣлался завсегдатаемъ въ ихъ домѣ. Кажущееся благополучіе недолго продолжается,—недолго Петеръ радуется своей независимости и открывшейся ему возможности создавать довольство и счастье вокругъ себя. Въ деревнѣ распространяется сенсационная вѣсть о томъ, что у какого-то крестьянина оказался фальшивый талеръ. Крестьянинъ въ отчаяніи; онъ не можетъ вспомнить, гдѣ ему дали монету, такъ какъ объѣхалъ со своимъ товаромъ много деревень,—но фактъ на лицо, и вся деревня волнуется. Вскорѣ находятъ еще нѣсколько фальшивыхъ талеровъ въ окрестностяхъ;—вся полиція на ногахъ, ищутъ преступника по всѣмъ деревнямъ,—но напрасно. Петеръ сначала испугался, потомъ успокоился, видя, что никто его не подозрѣваетъ. Онъ принимаетъ оживленное участіе въ общихъ толкахъ, распространяетъ басни о шайкѣ злоумышленниковъ, работающей гдѣ-то далеко и распространяющей всюду свои издѣлія. Но онъ не рѣшается пускать въ оборотъ новыя монеты и говорить всѣмъ, что его наслѣдство уже истрчено. Однако, когда толки о фальшивыхъ монетчикахъ утихаютъ, и нужда снова одолеваетъ его, когда Люси начинаетъ мучить его просьбами о деньгахъ, думая, что онъ навѣрное припряталъ часть наслѣдства, онъ не можетъ устоять противъ искушенія: онъ запирается у себя на чердакѣ, и черезъ нѣсколько дней отправляется въ очень далекую деревню мѣнять деньги. Но на этотъ разъ за нимъ слѣдятъ: въ деревнѣ поселился новый житель, богатый старикъ, который не взлюбилъ Петера за его успѣхи у женщинъ, въ особенности же за то, что онъ не пускаетъ работать къ нему въ домъ Люси, которая очень нравится старику. Разсказъ о наслѣдствѣ, которое полу-

чить Петеръ, кажется ему неправдоподобнымъ; онъ слѣдитъ за разбогатѣвшимъ слесаремъ и убѣждается, что фальшивые талеры—его издѣліе. По настоянію старика, къ Петеру является полиція и находить у него на чердакѣ всѣ доказательства его вины. Люси въ ужасѣ, отстаиваетъ невинность мужа, но главнымъ образомъ сѣтуетъ о себѣ, и поэтому успокоивается, когда старикъ обѣщаетъ заботиться о ней. Эти слова старика выводятъ Петера изъ апатіи, въ которую онъ впалъ съ приходомъ полиціи; онъ бросается на старика, и закликаетъ жену не забывать его. Люси, въ слезахъ, обѣщаетъ ему вѣрность навѣки—съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ какимъ она тотчасъ же готова была принять помощь старика. Петера уводятъ, и по дорогѣ въ тюрьму онъ имѣетъ случай еще разъ убѣдиться въ легкомысліи и вѣроломствѣ женщинъ своего села. На встрѣчу ему идетъ толпа женщинъ, которыя хотятъ отбить его у полиціи и дать ему возможность убѣжать. Начинается отчаянная схватка, и нѣсколько полицейскихъ, конвоирующихъ Петера, не могутъ справиться съ толпой разъяренныхъ женщинъ; но въ это время раздаются крики и пѣсни—въ деревню возвращаются рабочіе, и, услышавъ ихъ голоса, защитницы преступника убѣгаютъ, предоставляя Петера его судьбѣ.

Таково содержаніе интереснаго романа Клары Фибиѣ. Смѣсь грубости нравовъ съ искренними порывами челоуѣколюбія и высокаго идеализма очерчена очень сильно и жизненно въ психологіи героя и окружающихъ его людей. Особенно интересна въ романѣ бытовая сторона—жизнь въ своеобразномъ царствѣ женщинъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1903.

Празднованіе дня освобожденія крестьянъ. — Произнесенъ ли смертный приговоръ надъ столичнымъ общественнымъ самоуправленіемъ? — Вѣрность „привычкамъ рабства“. — Рѣшеніе сената и комментарий къ нему въ „Гражданинѣ“. — Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова. — Юбилей В. А. Гольцева. — А. А. Головачевъ †.

Сорокъ-два года спустя послѣ освобожденія крестьянъ состоялось опредѣленіе св. синода о празднованіи дня 19-го февраля торжественнымъ богослуженіемъ во всѣхъ православныхъ храмахъ имперіи. Мысль о такомъ празднованіи зародилась уже давно; ее одобрилъ, въ 1882-мъ году, императоръ Александръ III—но въ дѣйствительность она до настоящаго времени не переходила. Въ 1886-мъ году не могло даже состояться чествованіе двадцатипятилѣтія великой реформы. Слишкомъ распространены, очевидно, были еще сомнѣнія въ цѣлесообразности и своевременности дѣла, совершившагося въ 1861-мъ году. Не исчезли такіа сомнѣнія и теперь—но сорокалѣтняя давность отодвинула ихъ на задній планъ и затруднила открытое, искреннее ихъ выраженіе. Когда запоздалые поклонники старины, въ родѣ автора „Русскихъ рѣчей“ ¹⁾, говорятъ о допущенной въ шестидесятыхъ годахъ „ошибкѣ, непростительной и можетъ быть непоправимой“, они спѣшатъ прибавить, что считают ошибкой не самый фактъ освобожденія крестьянъ, желательный и благой, „а то, какъ онъ былъ осуществленъ“ (курсивъ въ подлинникѣ). Въ сущности, впрочемъ, для противниковъ реформы больше ничего и не нужно: ссылаясь на неправильное, будто бы, ея осуществленіе, они свободно могутъ отстаивать всѣ сдѣланныя къ ней „поправки“ и предлагать новыя, еще больше извращающія ея значеніе.

Довольно странные комментаріи опредѣленіе св. синода вызвало въ газетѣ, не принадлежащей къ крипто-крѣпостнической группѣ органовъ печати. „Чрезвычайно важно“ — читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 9676),— „что мысль объ увѣковѣченіи историческаго дня освобожденія крестьянъ получила осуществленіе при ближайшемъ духовномъ участіи императора Александра III-го и нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, авторитетъ коихъ ручается, что идеи 19-го фев-

¹⁾ См. „Русскій Вѣстникъ“ № 2, стр. 632—3.

раля жизненны, плодотворны и вполне соглашаются съ основами нашего государственнаго уклада. Многіе смѣшивали и смѣшиваютъ идеи, легшія въ основу реформы 19-го февраля, съ такъ называемымъ либерализмомъ, т.-е. съ извѣстнымъ политическимъ умозрѣніемъ, съ которымъ очень немного общаго имѣетъ гражданская свобода... Гражданская свобода—это состояніе, которое не простирается за предѣлы частной дѣятельности, тогда какъ свобода политическая ищетъ себѣ поприща въ сферѣ государственной дѣятельности“. Всѣ эти разсужденія кажутся намъ по меньшей мѣрѣ излишними. Жизненность идеи, положенной въ основаніе реформы 19-го февраля, не требовала и не требуетъ никакихъ новыхъ удостовѣреній; достаточнымъ доказательствомъ ея служить историческій опытъ. Совершенно невѣрно, далѣе, что гражданская свобода не имѣетъ ничего общаго съ либерализмомъ. Въ составъ либеральныхъ программъ, на извѣстной ступени развитія государственной жизни, всегда и вездѣ входила и входитъ свобода личности—свободное передвиженіе, свободный выборъ профессіи или промысла, прекращеніе обязательствъ, ставящихъ одну часть населенія въ зависимость отъ другой. Эти пожеланія исполняются, обыкновенно, раньше другихъ—но исполняются не безъ противодѣйствія со стороны тѣхъ, кому ненавистна свобода, въ чемъ бы она ни заключалась. Такъ было и у насъ, въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ: мысль объ освобожденіи крестьянъ встрѣтила страстный отпоръ ультра-охранителей—и столь же страстную поддержку либераловъ. Конечно, реформа не могла бы состояться, еслибы ея необходимость не была признана въ болѣе широкихъ и вліятельныхъ сферахъ; но это не измѣняетъ ея значенія, освободительнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Комбинація условий, которую мы видѣли сорокъ лѣтъ тому назадъ, существуетъ, въ главныхъ чертахъ, и въ настоящее время. Теченія, когда-то затруднявшія и замедлявшія *основаніе* гражданской свободы, теперь идутъ въ разрѣзъ съ ея *распространеніемъ* и *укрѣпленіемъ*—а за довершеніе дѣла стоятъ тѣ же общественные элементы, которые привѣтствовали его начало... Между гражданской свободой и либерализмомъ есть еще одна точка соприкосновенія. Гражданская свобода—необходимый фундаментъ для всякой другой. Пока цѣлые общественные классы не пользуются личной свободой или пользуются ею въ крайне ограниченной мѣрѣ, до тѣхъ поръ немыслима свобода рѣчи и печати, немыслимо широкое, активное участіе населенія хотя бы въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи... „Принципъ гражданской свободы“—таковъ заключительный выводъ „Новаго Времени“—„красуется на знамени того новаго порядка вещей, осуществленіе котораго началось реформой 19-го февраля 1861-го года и полное торжество котораго возвыщается нынѣ

установленіемъ празднованія 19-го февраля“. Основательна ли выраженная здѣсь надежда—это мы узнаемъ не раньше, какъ по окончаніи работы особаго совѣщанія. Лучшія desiderata сельско-хозяйственныхъ комитетовъ безспорно обнимаютъ собою всю полноту гражданской свободы—но ихъ судьбу нельзя еще ни предугадать, ни предвидѣть.

„Обозрѣнію с.-петербургскаго городского хозяйства и управленія“, произведенному недавно товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Зиновьевымъ, у насъ посвящена особая статья ¹⁾; мы остановимся здѣсь только на приемѣ, встрѣченномъ этимъ „обозрѣніемъ“ со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати. Восторгъ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ не знаетъ предѣловъ. Осужденнымъ и приговореннымъ къ смерти кажется имъ самый принципъ самоуправленія; остается только исполнить приговоръ и выкопать могилу поглубже, чтобы покойникъ не могъ возвратиться на бѣлый свѣтъ. Кн. Мещерскій ожидаетъ появленія „бабы-яги“, съ чисто метущею метлою—или дубинки Петра Великаго, которая замѣнила бы собою „хартію самоуправленія“. Оправдываются ли, однако, такіе ожидания самымъ обозрѣніемъ, если и предположить, что оно представляетъ собою безусловно полную и вѣрную картину петербургскаго городского хозяйства? Вѣдь по одному городу нельзя судить о всѣхъ остальныхъ, по одному моменту въ жизни города—и моменту, притомъ, крайне ненормальному (припомнимъ, что полномочія с.-петербургской городской думы окончились, собственно говоря, полтора года тому назадъ, и что при обычномъ ходѣ вещей составъ ея могъ бы быть теперь совершенно иной),—нельзя судить о всемъ его прошломъ. Скажемъ болѣе: заключеніе, къ которому пришла ревизія, не имѣетъ ничего общаго съ толкованіями реакціонной печати. Недостатки, обнаруженные ревизіею, обусловлены, по словамъ ревизионнаго отчета, „не основными пачалами, на которыхъ покоится строй городского управленія, но, въ значительной степени, отступленіями отъ этихъ началъ“. Изъ-за чего же, спрашивается, возликовали враги самоуправления? Гдѣ же осужденіе ненавистнаго имъ принципа?

Ошибки, недосмотры, злоупотребленія возможны при самыхъ различныхъ порядкахъ управленія. Для того, чтобы обратить отдѣльные факты въ аргументъ противъ системы, необходимо доказать, что ничего подобнаго не бываетъ и не можетъ быть при системѣ противоположной. Въ спорѣ, предметомъ котораго служить теперь петербург-

¹⁾ См. выше: „Вторая ревизія спб. город. общ. управленія въ 1902 году“, стр. 363.

ское городское хозяйство, противниками самоуправленія не представлено даже того, что юристы называютъ „началомъ доказательства“ (commencement de preuve). Возьмемъ, для примѣра, положеніе городскихъ больницъ. Изъ „обозрѣнія“ видно, что оно оставляетъ желать весьма многого. Основываясь на этомъ, „Московскія Вѣдомости“ сопровождаютъ извѣстіе о безпорядкѣ въ одной изъ петербургскихъ больницъ слѣдующимъ восклицаніемъ: „чему же тутъ удивляться, коль скоро этою больницей завѣдуетъ выборная дума?“ Итакъ, въ больницахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи невыборнаго учрежденія, все всегда обстоитъ благополучно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы почерпнемъ изъ показанія свидѣтеля (К. К. Случевского), достовѣрность котораго „Московскія Вѣдомости“ отрицать не стануть. Вотъ что онъ писалъ, въ 1890 г. („Новое Время“, № 5097), объ обуховской больницѣ, переданной за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ другими петербургскими больницами, изъ вѣдѣнія административныхъ учреждений въ вѣдѣніе города. „Немедленно (вслѣдъ за передачей) расширились, распахулись окна, до того малыя, тюрьмообразныя, и, за-одно со свѣтомъ, дохнулъ въ больницу и свѣжій воздухъ. Больные стали получать все, что имъ слѣдовало; исчезли знаменитые супы, варившіеся изъ однихъ только костей, жира, жилъ и обрѣзковъ; исчезли знаменитыя семь лаханокъ, съ семью прачками, мывшими все колоссальное количество бѣльею частью заразнаго бѣлья; исчезли знаменитыя узлы съ лохмотьями, нерѣдко продававшіеся, и въ помѣщеніе которыхъ нельзя было войти безъ того, чтобы не быть покрытымъ тысячами насѣкомыхъ; замѣнены тогда же новыми древнія оконныя рамы, постоянно промерзавшія зимою“... Дальше идетъ перечень всего того, что исправлено и вновь заведено городскимъ управленіемъ ¹⁾. „По отзыву людей специальныхъ“ — такъ заканчиваетъ К. К. Случевскій свое описаніе, — „больница неузнаваема, и страшная ея репутація не только отходить, но и отошла въ былое“. Что сказали бы „Московскія Вѣдомости“, еслибы кто-нибудь, прочитавъ описаніе прежней обуховской больницы, воскликнулъ: „чему же тутъ удивляться, коль скоро этой больницей завѣдывали чиновники“?... Какъ ни велики замѣченныя ревизіей недостатки нынѣшнихъ городскихъ больницъ, ни одна изъ нихъ, очевидно, не стоитъ на уровнѣ до-реформенной больницы, избраженной г. Случевскимъ... Недостаточной и не вполне удовлетворительною оказалась, при ревизіи, санитарная часть; но изъ той же статьи г. Случевского видно, что до 1881-го года санитарно-эпидемиологическій надзоръ въ Петербургѣ не существовалъ вовсе. Организация его, хотя бы и несовершенная (много ли у насъ вообще со-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европа“ за 1891 г., № 1, стр. 382—383.

вершенныхъ учреждений?), составляетъ безспорную и крупную заслугу петербургскаго городского общественнаго управленія. Судить объ этомъ можно, между прочимъ, по слѣдующимъ цифрамъ: въ пятилѣтіе съ 1879 по 1883 г.г. смертность въ Петербургѣ доходила до 34,7 на тысячу жителей; въ пятилѣтіе съ 1884 по 1888 г.г. она понизилась до 28,8, въ пятилѣтіе съ 1889 по 1893 г.г.—до 25,6, въ пятилѣтіе съ 1894 по 1898 г.г.—до 25,2. Не ясно ли, что эти цифры составляютъ крупный вкладъ въ активъ столичнаго самоуправленія?

Въ газетахъ появился слухъ, что нѣкоторыми гласными с.-петербургской городской думы внесено предложеніе избрать подготовительную комиссію для всесторонняго разслѣдованія всѣхъ упущеній, упомянутыхъ въ „обозрѣніи“, и докладъ комиссіи, еслибы имъ выяснились факты, ослабляющіе или опровергающіе значеніе обращенныхъ на городское управленіе обвиненій, представить министру внутреннихъ дѣлъ. „Московскіи Вѣдомости“ усматриваютъ въ этомъ предложеніи „претензію контролировать выводы лица, по Высочайшему повелѣнію производившаго ревизію“. „О такихъ домогательствахъ“—воскликаетъ газета—„еще не приходилось слышать“! На степень „неслыханнаго домогательства“ возводится здѣсь совершенно естественное, совершенно законное желаніе. Обвиняемому всегда должна быть дана возможность оправдаться. Рѣчь идетъ вовсе не о контролированіи *выводовъ* ревизіи, не о полемикѣ съ лицомъ, ее производившимъ, а о собраніи фактовъ, которые, при краткости времени, назначеннаго для ревизіи, и при допускаемой самимъ отчетомъ ея неполнотѣ, легко могли остаться незамѣченными или надлежащимъ образомъ неопѣненными. „Благородное негодованіе“ „Московскихъ Вѣдомостей“ доказываетъ только одно: не исчезла у насъ еще до сихъ поръ „страшная вѣрность привычкамъ рабства“, которую, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, оплакивалъ незабвенный авторъ „Медвѣжьей охоты“!

Мѣсяцъ тому назадъ въ общемъ собраніи перваго и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената состоялось рѣшеніе, заслуживающее вниманія не столько само по себѣ, сколько по комментаріямъ, которые оно вызвало въ печати. Въ 1898 г., нѣкто Давингофъ, много лѣтъ занимавшійся преподаваніемъ танцевъ, снялъ для этой цѣли помѣщеніе въ домѣ № 88 по Невскому проспекту. Въ сентябрѣ того же года отъ него была, по распоряженію с.-петербургскаго градоначальника, отобрана подписка о воспрепятствованіи ему продолжать преподаваніе. Запрещеніе это было вызвано заявленіемъ начальницы помѣщавшейся въ томъ же домѣ частной женской гимназіи, госпожи Лохвицкой-Скалонъ, находившей, что ученицамъ гимназіи

неудобно встрѣчаться на лѣстницѣ съ разнохарактерной публикой, посѣщающей школу Давингофа. Давингофъ предъявилъ къ градоначальнику искъ объ убыткахъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе вышеупомянутого распоряженія. Въ своемъ отвѣтѣ градоначальникъ указалъ, что Давингофъ былъ не учителемъ танцевъ, а содержателемъ танц-класса; тѣмъ же, въ сущности, были и прежнія его заведенія, что подтверждается какъ свѣдѣніями врачебно-полицейскаго комитета, такъ и вновь произведеннымъ дознаніемъ. Соединенное присутствіе сената, которому, по закону (уст. гражд. судопр. ст. 1317), подвѣдомственны подобныя дѣла (если должность отвѣтчика выше пятаго класса), отказало въ искѣ Давингофа, признавъ, что истецъ ничѣмъ не опровергъ объясненія о настоящемъ характерѣ его заведенія. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе повѣренный Давингофа просилъ объ обязанія отвѣтчика представить полицейское разслѣдованіе, на которое имъ сдѣлана ссылка. Въ объясненіи на жалобу было указано, что полицейское разслѣдованіе и свѣдѣнія врачебно-полицейскаго комитета не подлежатъ оглашенію и потому представлены быть не могутъ. Въ распоряженіи, давшемъ поводъ къ иску, нѣтъ, притомъ, признаковъ неосторожности, неосмотрительности или нерадѣнія, которыми оправдывалось бы предъявленіе гражданскаго иска; оно могло бы быть разсматриваемо развѣ какъ превышеніе власти, подлежащее преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ. Къ этому послѣднему доводу присоединился, въ своемъ заключеніи, и оберъ-прокуроръ общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ сената. Общее собраніе, признавъ распоряженіе градоначальника о воспрещеніи Давингофу преподаванія танцевъ въ домѣ № 88 по Невскому проспекту неосмотрительнымъ, предоставило Давингофу взыскивать съ генераль-лейтенанта Клейгельса убытки, въ размѣрѣ не свыше 35 тысячъ рублей, въ порядкѣ исполнительнаго или общаго гражданскаго судопроизводства.

Рѣшеніе общаго собранія представляется, какъ извѣстно, окончательнымъ, дальнѣйшему обжалованію не подлежащимъ; но пересмотръ его взяла на себя, съ свойственнымъ ей апломбомъ, газета кн. Мещерскаго. Нетрудно угадать, что вмѣсто критическаго анализа рѣшенія получилось новое *testimonium paupertatis*, выданное самому себѣ редакторомъ „Гражданина“. Разсматривая дѣло съ юридической стороны, онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ общее собраніе сената могло діаметрально разойтись съ соединеннымъ присутствіемъ: „тѣ же подсудимые“—восклицаетъ онъ,—„тѣ же судьи, только въ большемъ числѣ, тѣ же обстоятельства дѣла—и въ результатѣ рѣшеніе противоположное!“ Выходъ изъ недоумѣнія онъ ищетъ въ слетняхъ—и, основываясь на словахъ, сказанныхъ ему, будто бы, „однимъ сенато-

ромъ", приписываетъ рѣшеніе раздраженію (!) судей противъ градоначальника за отказъ представить потребованныя отъ него свѣдѣнія. На самомъ дѣлѣ недоумѣніе создано не чѣмъ инымъ, какъ невѣжествомъ „Гражданина“. Еслибы онъ имѣлъ понятіе о существѣ и цѣли апелляціоннаго производства, онъ не сталъ бы удивляться тому, что вторая инстанція, при тождествѣ „подсудимыхъ“ (т.-е. сторонъ) и обстоятельствъ дѣла, расходится иногда съ первой въ опредѣленіи смысла фактовъ или въ юридической ихъ оцѣнкѣ. Еслибы ему былъ извѣстенъ составъ соединеннаго присутствія, разсматривающаго, въ качествѣ первой инстанціи, иски о взысканіи убытковъ съ должностныхъ лицъ, онъ зналъ бы, что число членовъ общаго собранія во много разъ больше числа членовъ соединеннаго присутствія ¹⁾ и что, слѣдовательно, о тождествѣ судей не можетъ здѣсь быть и рѣчи. „Сенаторы“—такъ гласятъ дальше *юридическія* (!) разсужденія „Гражданина“, одинаково образцовыя и по формѣ, и по содержанію,—„не могли не знать, что то, что просилъ у Сената давингофскій адвокатъ потребовать отъ градоначальника, была ловушка, ему поставленная, ибо, еслибы градоначальникъ объяснилъ Сенату то, что онъ зналъ и обязанъ знать о причинахъ, побудившихъ его лишиться права на танц-классъ Давингофа, то этотъ же Давингофъ, кромѣ гражданскаго иска въ 35 тысячъ рублей, вчинилъ бы градоначальнику искъ уголовный за клевету“. Во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды. Представленіе суду официальныхъ документовъ отнюдь не можетъ служить поводомъ къ обвиненію должностнаго лица, ихъ представившаго, въ оклеветаніи того, кто самъ просилъ о ихъ истребованіи; такое обвиненіе было бы мыслимо только по отношенію къ составителямъ документовъ (въ данномъ случаѣ—къ низшимъ полицейскимъ чиновникамъ), еслибы, притомъ, ими было допущено сознательное и намеренное отступленіе отъ истины. Клевета въ официальной бумагѣ составляетъ, далѣе, преступленіе должности, преслѣдуемое въ порядкѣ болѣе чѣмъ достаточно ограждающемъ должностное лицо отъ легкомысленныхъ обвиненій. О взысканіи убытковъ не могло бы, наконецъ, быть и рѣчи, еслибы была документально доказана основательность запрещенія, постигшаго школу Давингофа.

Безусловно несостоятельны разсужденія „Гражданина“ и о томъ, что онъ называетъ политической стороною вопроса. Онъ начинаетъ съ „смѣлаго“ (дѣйствительно, смѣлаго!) увѣренія, что „не только въ Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, но и Парижѣ подобное дѣло не могло быть

¹⁾ На основаніи ст. 117¹ утр. суд. устан. число членовъ соединеннаго присутствія не можетъ быть болѣе *десяти*—а въ общемъ собраніи перваго и обоихъ кассационныхъ департаментовъ оно можетъ доходить, приблизительно, до пятидесяти.

рѣшено въ пользу *какого-нибудь* Давингофа ¹⁾); вездѣ къ отказу въ искѣ побудило бы судъ сознаніе невозможности ставить на одни вѣсы главнаго охранителя порядка въ столицѣ съ какимъ-нибудь Давингофомъ въ дѣлѣ, гдѣ первый представляетъ защиту нравственнаго порядка, а второй—свои доходные рубли отъ танцклассовъ. Всякій понимаетъ, съ точки зрѣнія нравовъ, разницу между уроками танцевъ и танцклассами, и потому можно ли допустить, чтобы танцклассистъ Давингофъ могъ выиграть въ Сенатѣ право на искъ съ градоначальника въ Петербургѣ? Дальше кн. Мещерскій называетъ искъ Давингофа „держимъ покушеніемъ на авторитетъ градоначальника, съ замысломъ уронить его дискреціонную власть“, а рѣшеніе общаго собранія — „печальнымъ прецедентомъ, призваннымъ имѣть вліяніе и на судебную, и на общественную совѣсть“ и грозящимъ градоначальнику исками со стороны „всѣхъ Давингофовъ Петербурга“. Отъ отказа въ искѣ Давингофу—таковы заключительныя слова „Гражданина“ — „сморщился бы одинъ Давингофъ; отъ выиграннаго имъ права на искъ поколеблются въ своихъ политическихъ и служебныхъ принципахъ морали всѣ служащіе порядку въ петербургскомъ градоначальствѣ и всѣ преданныя порядку сотни тысячъ жителей“. Дальше достигнутыхъ здѣсь предѣловъ безцеремонность рѣдко идетъ даже въ „Гражданинѣ“. Прежде всего совершается явное извращеніе фактовъ: доказаннымъ признается именно то, что еще требовалось доказать. Давингофъ провозглашается „танцклассистомъ“, въ извѣстномъ, специфическомъ смыслѣ этого слова, между тѣмъ какъ, за непредставленіемъ документовъ, неразъясненнымъ остался именно характеръ заведенія Давингофа. Еслибы было установлено, что запрещенію подвергся „танцклассъ“, устроенный подъ видомъ танцевальной школы, то о „неосмотрительности“ запрещенія, а слѣдовательно и о правѣ Давингофа на убытки, не было бы и рѣчи... На вѣсахъ правосудія взвѣшиваются, въ дѣлахъ гражданскихъ, не люди, а права. Для суда, понимающаго свое призваніе и остающагося ему вѣрнымъ, нѣтъ и не можетъ быть „какихъ-нибудь“ истцовъ или отвѣтчиковъ; для него существуютъ только лица, отыскивающія или отстаивающія свое законное право—и только это право можетъ служить предметомъ судебного рѣшенія. Степень доказанности иска или отвѣта не зависитъ ни отъ положенія, которое занимаютъ тяжущіеся, ни отъ нравственныхъ ихъ качествъ, а исключительно отъ свойства и силы представленныхъ ими фактическихъ данныхъ и юридическихъ соображеній. Никому и ни въ чемъ судъ не обязанъ вѣрить на слово; никто не можетъ быть осуж-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ „Дневника“ кн. Мещерскій называетъ Давингофа *сверсемъ*. Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ появилось заявленіе Давингофа, что онъ—христіанинъ отъ рожденія.

день въ гражданскомъ дѣлѣ на основаніи „политическихъ“ соображеній. Ничего „дерзкаго“ нѣтъ въ обращеніи къ суду; для авторитета власти нѣтъ ничего опаснаго въ признаніи ея частной ошибки. Гораздо больше авторитетъ власти могъ бы пострадать отъ систематически отрицательнаго отношенія къ искамъ, мотивированнымъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ. Торжество „политики“, рекомендуемой „Гражданиномъ“, было бы тяжелымъ ударомъ для „общественной совѣсти“, подрывая вѣру въ равенство всѣхъ передъ судомъ и возстановляя значеніе старинной поговорки: „съ сильнымъ не судись“. Во что обратились бы тогда „служебные принципы морали“ (т.-е. принципы служебной морали)—это не требуетъ объясненія. Въ основаніи разсужденій „Гражданина“ лежитъ все та же „страшная вѣрность привычкамъ рабства“, съ которою мы только-что встрѣтились въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Дѣло бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, о которомъ мы говорили въ предыдущей хроникѣ, окончилось обвинительнымъ приговоромъ: подсудимый присужденъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и отданъ на два года въ исправительное арестантское отдѣленіе. Теперь, слѣдовательно, можно считать доказаннымъ, что для привлеченія Шафрова къ уголовной отвѣтственности имѣлось достаточно вѣскихъ основаній; теперь можно дать надлежащую оцѣнку преградамъ, которыя такъ долго встрѣчало правосудіе, и которыя оно съ такимъ трудомъ преодолѣло. Главныхъ точекъ опоры у Шафрова было, повидимому, двѣ: репутація распорядительности, которою онъ пользовался у своего начальства, и отсутствіе у обывателей увѣренности, что, жалуюсь на полиціймейстера, они не попадутъ изъ огня да въ полымя. Похвальный отзывъ о Шафровѣ дали суду оба кронштадтскихъ губернатора, бывший и настоящій. „Бываютъ полиціймейстеры“—такъ выразился одинъ изъ нихъ,—„которые умѣютъ отчитываться, но не умѣютъ управлять; намъ важно, чтобы полиціймейстеръ былъ хорошимъ администраторомъ“. Сообразно съ этимъ взглядомъ дѣйствовала и коммиссія, назначенная губернаторомъ вслѣдствіе первыхъ сообщеній прокуратуры о злоупотребленіяхъ Шафрова. Предсѣдатель ея показалъ при предварительномъ слѣдствіи, что ревизія полиціи производилась поверхностно, записи въ книгахъ не провѣрялись, цейхгаузъ былъ провѣренъ „на глазомѣръ“. Одинъ изъ членовъ коммиссіи подписалъ протоколъ ея „на вѣру“; по удостовѣренію другого, работа коммиссіи въ канцеляріи полиціймейстера была закончена въ полтора или два часа. Другая твердыня, сокрушить которую могло только вмѣшательство судебной власти, освѣщена всего ярче свидѣтелемъ Зеленымъ (генераль-маіоромъ, военно-морскимъ су-

дѣй). „Во времена Шафрова“—показаль онъ при предварительномъ слѣдствіи,—въ Кронштадтѣ жить стало труднѣе. Въ городѣ циркулировало изреченіе: полиціймейстеръ нагналъ на всѣхъ страхъ и трепетъ“. Какъ членъ кронштадтской городской думы, г. Зеленый могъ убедиться въ томъ, что гласные безпрекословно исполняли требованія Шафрова, хотя бы они и не были предусмотрѣны смѣтой. Шафровъ „неоднократно являлся въ засѣданія думы и своимъ присутствіемъ предупреждалъ возможность робкаго протеста; критиковали его дѣятельность потихоньку, опасаясь репрессалій съ его стороны, до высылки включительно“. Съ „непослушными“ гласными Шафровъ говорилъ „въ вызывающемъ тонѣ“. По просьбѣ Шафрова, дума, открытой баллотировкой, освободила его отъ годовой платы (650 руб.) за занимаемую имъ въ городскомъ зданіи квартиру. На слѣдующій годъ онъ опять обратился въ думу съ такимъ же ходатайствомъ, но г. Зеленый настоялъ на закрытой баллотировкѣ, и ходатайство было большинствомъ голосовъ отклонено... Привилегированное положеніе Шафровъ сохранилъ отчасти и послѣ преданія его суду: рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что онъ продолжаетъ занимать полиціймейстерскую квартиру, ничего за нее не платя. Понятно, что отсюда должно было возникнуть предположеніе о возможности возвращенія Шафрова на должность полиціймейстера—а это, въ свою очередь, должно было отозваться на нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, данныхъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи.

Интересный самъ по себѣ, процессъ бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера даетъ богатый матеріалъ для общихъ выводовъ. Одинъ изъ нихъ сдѣланъ въ статьѣ Н. И. Лазаревскаго, напечатанной въ газетѣ „Право“ (№ 8): это—необходимость измѣнить дѣйствующій порядокъ преданія суду за преступленія должности. Въ побѣдѣ, одержанной правосудіемъ по дѣлу Шафрова, г. Лазаревскій совершенно правильно отказывается видѣть доказательство тому, что таковъ *нормальный* исходъ подобныхъ столкновеній. „Въ дѣлѣ Шафрова прокуратура находилась въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: это была прокуратура столичнаго суда, имѣющая возможность непосредственныхъ сношеній съ министерствомъ юстиціи и поэтому могущая пользоваться наиболѣе энергичной его поддержкой. Весьма существенное значеніе имѣло и то исключительное условіе, что петербургская прокуратура дѣйствовала противъ должностнаго лица, подчиненнаго не петербургской городской или губернской администраціи, а, такъ сказать, иногородному военному губернатору. И многіе согласятся съ тѣмъ, что при всемъ блестящемъ подборѣ личныхъ силъ, при всей поддержкѣ министерства юстиціи, петербургская прокуратура могла бы оказаться безсильной противъ должностнаго лица, которое не находилось бы

въ этихъ исключительныхъ условіяхъ". Вся бѣда въ томъ, что преданіе суду должностныхъ лицъ зависитъ, по общему правилу, отъ ихъ начальства, слишкомъ часто склоннаго видѣть въ немъ подрывъ для престижа учрежденія или для собственнаго своего авторитета. Новый проектъ устава уголовного судопроизводства вноситъ въ этотъ порядокъ лишь нѣсколько частныхъ, нерѣшительныхъ измѣненій. По справедливому замѣчанію г. Лазаревскаго, необходимо идти гораздо дальше: если нельзя уравнивать преступленія по должности со всѣми остальными, то слѣдуетъ предоставить преданіе суду должностныхъ лицъ либо вѣвѣдомственному учрежденію, дѣйствія котораго были бы обставлены всѣми судебными гарантіями (въ родѣ германскаго высшаго административнаго суда), либо, въ крайнемъ случаѣ, высшему вѣвѣдомственному административному учрежденію (въ родѣ нашего перваго департамента сената).

Второй общій выводъ, вытекающій изъ дѣла Шафрова, указаннымъ нами въ предыдущей хроникѣ. Онъ заключается въ томъ, что *назначеніемъ* должностныхъ лицъ далеко не всегда обезпечивается удачное замѣщеніе должности, и еще меньше—отвѣтственность за нарушеніе служебнаго долга. Два раза Шафровъ былъ изобличенъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ—и два раза послѣ того получалъ равную или высшую должность. Преданіе его суду состоялось вопреки усиленному противодѣйствію его начальства. Неудачнымъ можетъ быть, конечно, и *выборъ*, сдѣланный общественнымъ учрежденіемъ—но поправить ошибку здѣсь гораздо легче. Дѣйствія выборнаго должностнаго лица подлежатъ свободной, широкой критикѣ, не стѣсняемой опасеніями въ родѣ тѣхъ, какія испытывали гласные кронштадтской городской думы. Не встрѣчаетъ такое лицо и авторитетной, властной защиты, если возникаетъ вопросъ о привлеченіи его къ уголовной отвѣтственности. Обстановку, въ которой дѣйствуютъ назначенныя должностныя лица, можно сравнить съ глухой стѣной, за которую трудно проникнуть любопытному взгляду; обстановка, въ которую вводитъ выборъ, напоминаетъ собою стеклянное зданіе, со всѣхъ сторонъ доступное для наблюденія... Не лишентъ значенія, наконецъ, боковой свѣтъ, брошенный процессомъ Шафрова на устойчивость нѣкоторыхъ административныхъ традицій. Сюда относятся, напримѣръ, равнодушіе къ правильности счетоводства, выразившееся въ приведенныхъ нами словахъ одного изъ начальниковъ Шафрова. Конечно, „умѣнье отчитываться“—не главное изъ качествъ, требуемыхъ отъ полиціймейстера; но безъ правильной отчетности немислимъ контроль, а безъ контроля немислима отвѣтственность, сознаніе которой ни на минуту не должно быть чуждо представителю власти. Было время, когда отъ полиціи требовалось лишь поддержаніе внѣшняго

порядка, какъ бы дорого оно ни обходилось обывателямъ: но это время прошло, и нельзя не пожалѣть, что вмѣстѣ съ нимъ не исчезли безслѣдно порожденные имъ взгляды... Шафровъ взялъ себѣ за прожитое на пожарѣ пальто сто рублей изъ денегъ, поступившихъ въ пользу пожарныхъ за удачное тушеніе этого пожара. Въ такомъ распоряженіи Шафрова его начальство не усмотрѣло ничего ненормальнаго—не усмотрѣло, какъ намъ кажется, именно потому, что держалось старой точки зрѣнія на права и обязанности полиціи. Обращеніе полиціймейстеромъ въ свою пользу части денегъ, доставленныхъ ему для передачи подчиненнымъ, можетъ быть оправдано только въ силу начала: „своя рука владыка“, давно потерявшаго свою прежнюю силу. Достоинствомъ прошлаго является и разладъ между закономъ и практикой—а между тѣмъ „смотрѣніе сквозь пальцы“ (напр. по отношенію къ продажѣ крѣпкихъ напитковъ въ домахъ терпимости) допускалось, какъ видно изъ судебного отчета, не однимъ Шафровымъ. Ускорить исчезновеніе подобныхъ „пережитковъ“ старины можетъ широкое ихъ оглашеніе. Процессъ Шафрова и съ этой точки зрѣнія представляется далеко не бесполезнымъ. Очень жаль, что на него недостаточно обратила вниманіе петербургская ежедневная пресса; поучителенъ не только его исходъ—поучительны и многія его подробности. Самыя обстоятельныя свѣдѣнія о немъ даны „Русскими Вѣдомостями“ и „Правомъ“.

1-го февраля исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности В. А. Гольцева, бывшаго профессора московскаго университета, извѣстнаго публициста, руководителя журнала „Русская Мысль“. Въ чествованіи его приняли участіе лучшіе представители московскаго писательскаго міра, справедливо подчеркивая нравственную стойкость юбиляра, его вѣрность однажды усвоеннымъ убѣжденіямъ, неутомимость въ ихъ проведеніи, поддерживаемую глубокой вѣрой въ лучшее будущее. „Ваши книги и статьи, проникнутыя свѣтлыми идеалами общественности“,—сказано въ адресѣ редакціи и сотрудниковъ „Русской Мысли“, — „раскрывали передъ читателемъ цѣльное и прогрессивное міровоззрѣніе, котораго на протяженіи четверти вѣка не могла поколебать измѣнчивая жизнь, такъ часто зовущая къ покою и духовной лѣни. Вы не уступали этой жизни, вы не хотѣли съ ней примириться, и ваша мысль, вольнолюбивая мысль честнаго писателя, всегда опережала ея медленное теченіе“. Намъ пріятно вспомнить, что въ нашемъ журналѣ сочувственно была отмѣчена первая по времени работа В. А. Гольцева — его книга о государственномъ хо-

зайствѣ во Франціи XVII-го вѣка ¹⁾. Мы привѣтствовали ее „какъ произведеніе строго научное и вмѣстѣ съ тѣмъ полное практическаго интереса, одинаково удачное и по выбору темы, и по ея обработкѣ“. Этимъ соединеніемъ разнородныхъ, но одинаково цѣнныхъ качествъ отличается и дальнѣйшая дѣятельность В. А. Гольцева, счастливое продолженіе которой тѣмъ болѣе желательно, чѣмъ тѣснѣе она связана съ такимъ журналомъ, какъ „Русская Мысль“.

Въ лицѣ скончавшагося на дняхъ Алексѣя Адриановича Головачева сошелъ со сцены одинъ изъ послѣднихъ „людей сороковыхъ годовъ“, въ теченіе всей своей долгой жизни хранившій вѣрность лучшимъ традиціямъ этой эпохи. Отстаиванье права и правды онъ началъ еще въ такое время, когда оно (въ общественной жизни) было чѣмъ-то почти небывалымъ — и продолжалъ его тогда, когда оно угрожало серьезною опасностью. Извѣстно, что только случайность спасла его отъ кары, постигшей его товарищей-тверитянъ, А. М. Унковскаго и А. И. Европеуса. Наиболѣе зрѣлые годы его жизни были посвящены литературной дѣятельности, главнымъ памятникомъ которой остается его извѣстная книга: „Десять лѣтъ реформъ“ ²⁾. Большую цѣнность имѣетъ также его „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“. Очень долго А. А. состоялъ корчевскимъ уѣзднымъ и тверскимъ губернскимъ гласнымъ, принимая горячее участіе въ трудахъ земскихъ собраній. Земскому и крестьянскому дѣлу посвящена послѣдняя работа А. А. Головачева — „Записка о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“, представленная корчевскому уѣздному комитету и напечатанная, послѣ смерти автора, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 47). „Прежде чѣмъ думать о введеніи разныхъ культурныхъ улучшеній въ сельско-хозяйственной промышленности крестьянъ“, — читаемъ мы въ этой запискѣ, которую можно назвать завѣщаніемъ неутомимаго труженика, широко образованнаго и разносторонне образованнаго человека: — „необходимо поднять въ значительной степени уровень народнаго образованія, относиться съ большимъ довѣріемъ къ мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ и измѣнить въ корнѣ финансовую и эконо-

¹⁾ См. Литературное Обзорѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1879 г., стр. 274—282.

²⁾ Статьи, изъ которыхъ составилаь эта книга, печатались первоначально въ нашемъ журналѣ (съ февраля 1871 по май 1872 г.). Сверхъ того А. А. Головачевъ помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“: „Обясненіе по поводу отвѣтовъ на вопросы объ операціяхъ Госуд. Банка“ (1874, мартъ); „Вопросъ о службѣ женщинъ въ желѣзнодорожныхъ обществахъ“ (1874, авг., за подписью Г.), и „Свобода торговли и протекціонизмъ“ (1876, май).

мическую политику настоящаго времени, въ смыслѣ облегченія бремени налоговъ и отѣны покровительственной системы... Всѣ культурныя задачи, предположенныя Совѣщаніемъ, могутъ быть введены въ практическую жизнь только дѣятельностью мѣстныхъ общественныхъ учреждений, а не путемъ предписаній свыше, путемъ бюрократическимъ. Бѣльшее довѣріе къ мѣстному обществу и меньшая подозрительность къ его неблагонадежности гораздо сильнѣе обезпечить успѣшное выполненіе всѣхъ мѣропріятій правительства, клонящихся къ пользѣ населенія, чѣмъ сыскъ благонадежныхъ и не по разуму усердныхъ прислужниковъ администраціи. Само собою разумѣется, что выборъ общественными учрежденіями своихъ агентовъ долженъ быть свободнымъ, а неутвержденіе ихъ со стороны администраціи должно быть мотивировано причинами неутвержденія. Практика доказала всю неправильность существующаго порядка утвержденія выборовъ земскихъ собраній, когда избранные не утверждались предсѣдателями и членами земскихъ управъ и вслѣдъ затѣмъ утверждались предводителями дворянства. Подобной несообразности не должно случаться въ благоустроенномъ государствѣ. Итакъ, самостоятельность и самодѣятельность — вотъ завѣтъ, оставленный русскому обществу А. А. Головачевымъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося населенія.

Неприглядны и тяжелы часто условія жизни тружениковъ. Большинству недоступны даже здоровыя жилища. Коморочныя и коечно-угловыя квартиры—это, по истинѣ, очень дорого оплачиваемыя труппы, въ которыхъ, однако, вынуждены тѣсно ютиться съ семьями недостаточные люди труда. Въ такихъ чрезмѣрно переполненныхъ, промозглыхъ, грязныхъ и смрадныхъ жилищахъ здоровье обитателей расплывается, зарождаются заразные болѣзни, возникаетъ и поддерживается пьянство, падаетъ нравственность дѣтей и взрослыхъ, ослабляются узы семьи—этой основы общественнаго строя, и постепенно надвигается ужасный бичъ человѣчества — вырожденіе физическое и нравственное.

Въ іюнѣ 1902 г., утвержденъ уставъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія, съ ограниченной отвѣтственностью участниковъ суммою ихъ паевыхъ взносовъ. Возникающее учрежденіе не требуетъ отъ своихъ пайщиковъ благотвореній. Его дѣло—не утопія: оно основывается на правильномъ коммерческомъ разсчетѣ. Опредѣляя вступной взносъ въ 2 руб., цѣнность пая въ 25 руб. и допуская разсрочку оплаты пая въ 2 лѣта, уставъ предоставляет возможность участія въ Товариществѣ и малосостоятельнымъ лицамъ, а предназначая складочный капиталъ Товарищества на покупку земли и на постройки, онъ обезпечиваетъ его недвижимымъ имуществомъ, которое, въ свою очередь, обезпечиваетъ доходъ съ пая въ размѣрѣ до $4\frac{1}{2}\%$. Товариществу, дѣятельность котораго не ограничивается какою-либо мѣстностью, уставомъ предоставлены важныя права и, между прочимъ, право открывать учрежденія, способствующія улучшенію жизненной обстановки нуждающагося трудящагося населенія.

Въ 1890 г., въ Штутгартѣ, общество содѣйствія улучшенію благосостоянія тружениковъ обратилось съ воззваніемъ къ жителямъ города. Вскорѣ было собрано по подпискѣ болѣе 400.000 марокъ изъ 3%, а въ 1901 г. на постройку рабочихъ жилищъ уже было затрачено до 5 миллион. мар. Неужели менѣе отзывчивыми окажутся русскіе люди?

Вѣдь дѣло идетъ объ охранѣ семейной жизни, объ охранѣ здоровья, работоспособности и нравственности согражданъ—объ исполненіи нашего христіанскаго долга и долга передъ родной страной.

Ростетъ населеніе, растетъ и тяжелая жилищная нужда. Вскорѣ Петербургъ будетъ праздновать свою двухсотлѣтнюю годовщину. Пусть же наканунѣ ея болѣе обезпеченные *дѣлательно* задумаются надъ улучшеніемъ быта тѣхъ, чей упорный трудъ могущественно содѣйствуетъ увеличенію богатствъ страны.

Временноуполномоченные собранія учредителей твердо вѣрятъ, что гуманитарныя и истинно патріотическія задачи Товарищества встрѣтятъ живое сочувствіе и содѣйствіе русскаго общества, отзывчиваго на все доброе.

Заявленія о желаніи вступить въ число членовъ Товарищества и оплата вступныхъ взносовъ (2 руб. съ лица) и паевъ (25 руб. пай) принимаются у нижепоименованныхъ временноуполномоченныхъ:

А. Б. Враскаго (Литейный, 24, отъ 6—7¹/₂ ч. веч.); В. О. Губерта (Мойка, 85, Общ. орх. народн. здр., отъ 6—9 ч. веч.); Е. М. Дементьева (ул. Жуковскаго, 6, ежедневно исключая Понед. и Субб., отъ 10—12 ч. д.); Н. В. Дмитриева (Сергіевская, 34, отъ 10—1 ч. д. и отъ 5—7 ч. в.); Д. А. Дриль (Невскій, 166, отъ 9—12 ч. д.); П. А. Корсакова (Б. Конюш., 27, Банкъ, отъ 10—12 ч. д.); Е. Д. Максимова (Николаевская, 38, Канцелярія Попечит., отъ 1—5 ч. д.); М. Н. Нижегородцева (Спасская, 6, Вторн. и Пятн., отъ 3¹/₂—5 ч. д.); А. Н. Никитина (Спасская 7 и СПб. Об. Вз. Кредита); Э. Г. Перримондъ (Николаевская, 70, отъ 10—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); В. А. де Плансонъ (Кирочная, 12, отъ 11—12 ч. д.); В. И. Покровскаго (В. О., 1 л., 54, отъ 9¹/₂—11 ч. у. и отъ 6—7¹/₂ ч. в.); В. Н. Пясецкаго (Загородный, 70, отъ 9—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); Л. Б. Скаржинскаго (В. О., у Биржи, въ зданіи Гл. Упр. Неокл. Сборовъ, отъ 2—5 ч. д.); А. А. Шумахера (Дмитровскій, 16, отъ 10—12 ч. у.); въ Вольномъ Экономическомъ Общ. (Забалканскій, 33, бібліотека, отъ 8—10 ч. в.); въ конт. журн. „Нива“ (ул. Гоголя, 22), а также у Е. Н. Харламовой (Гатчина, Дворцов. Управ.).

II.—Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытых писемъ въ геліо-гравюрахъ (на мѣди), съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будутъ выходить послѣдовательно серіями по 20 штукъ въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цѣна каждой серіи, 20 разныхъ открытых писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо.

Адресныя стороны открытых писемъ снабжены штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.“, а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытых писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдѣ и можно получать справки по сему изданію.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Евгений Маркова. Съ 257 картинками и рисунками. Изд. 3-ье. Тип. М. О. Вольфа. Сиб. в М. 903. Стр. 520 in 4°. Ц. 3 руб.

Крымъ знакомъ автору съ послѣднихъ 60-хъ годовъ; такъ онъ провелъ безцѣлѣдно нѣсколько лѣтъ, что даю ему возможности научить во всѣхъ подробностяхъ эту, по выраженію Евгеніи Вел., лучшую „жемчужину“ нашего отечества. „Я, — говоритъ авторъ, — постигъ и разгадалъ всѣ его уголки, осмотрѣлъ исл его памятники, прочелъ все, что мнѣ достало о древней исторіи Крыма... Крымскія степи, крымскія горы, крымское море, легенды и развалины древности, дѣтены и развалины роковой исторіи помыли временемъ, Бахчисарай и Севастополь, каждый берегъ и пещерные города—все таинчивое Крымъ наило свое мѣсто на страницѣхъ этихъ очерковъ.“ Такое близкое и всестороннее изученіе края весьма выгодно отразилось на настоящемъ трудѣ автора, появившемся впервые 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 году. Несмотря на всю скудость нашей литературы по отношенію Крыма, оно разошлось только десять лѣтъ спустя, и второе изданіе появилось только въ 1882 г., совпавъ, такимъ образомъ, съ первымъ столѣтіемъ нашего государства въ Крыму. Новое, третье изданіе отличается существенно отъ своихъ предшественниковъ главными образомъ тѣмъ, что оно богато снабжено иллюстраціями; будучи отчетливо выношены, онѣ весьма наглядно дополняютъ текстъ и притомъ отмѣчаютъ въ памяти читателя описанія безцѣлѣнныхъ красотъ Крыма. Авторъ справедливо замѣчаетъ, говоря: „Очерки Крыма“ — не путеводитель по Крыму, и потому не нуждаются въ сообщеніяхъ о новѣхъ постройкахъ, новѣхъ дорогахъ, новѣхъ гостиницахъ... Крымское небо, крымское море, крымскія горы и степи, точно также какъ человекъ Крыма, какъ старая исторія Крыма, остаются неизмѣнно все тѣми же, какими они были при первомъ столкновеніи съ ними автора“ — тридцать лѣтъ тому назадъ. Вишняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, и ни въ чемъ не уступаетъ подобнымъ же роскошнымъ изданіямъ западными.

Собраніе сочиненій А. Д. Гемзовскаго. Томъ восьмой. Начала русскаго государственнаго права, ч. 2-я: Органы управленія. Сиб. 903. Ц. 3 р.

Вторая часть курса русскаго государственнаго права, при жизни автора, имѣла три изданія (1876—87 гг.), и въ пятнадцатомъ изданіи она составляетъ особый восьмой томъ. Въ приложеніяхъ къ этому тому появились восемь статей, появившихся въ началѣ восьмидесятихъ годовъ въ газетѣ „Голосъ“, это были статьи о государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и первомъ департаментѣ сената; къ этому же тому приложены еще двѣ статьи: „Переустройство нашего мѣстнаго управленія“ и „Всесоюзная земная единица“, хотя по содержанию своему онѣ состоятъ въ болѣе тѣсной связи съ „первостепенными“ послѣднего тома, куда входитъ третья часть „Начала русскаго государственнаго права“. Вмѣстѣ съ „Интерпретативнымъ Обозрѣніемъ“, можно найти подробный обзоръ со-

держанія восьмого тома, представляющаго особенное значеніе въ виду предполагаемой реформы мѣстнаго управленія въ смыслѣ централизаціи его.

Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поселеніи внутреннихъ губерній Россіи. Составилъ П. П. Савичъ. Сиб. 1903. Стр. 997. Ц. 4 р. 50 к.

Сборникъ этотъ, составленный по послѣдниму (1902 г.) изданію Свода законовъ, касается 47 внутреннихъ губерній и содержитъ въ себѣ всѣ относящіеся къ крестьянскому дѣлу законы, правила, инструкціи, измѣненія изъ опредѣленій сената и циркуляры министерствъ. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: первый общій, второе положеніе о крестьянахъ и поселеніи о поселеніи; второй—о помещичьемъ устройствѣ крестьянъ; третій—объ установленіяхъ, заведеніяхъ, крестьянскихъ дѣлахъ; четвертый, дополнительный, включаетъ измѣненія изъ законовъ о состоящихъ, устава строительнаго, устава о наказаніяхъ, о гербовомъ сборѣ, о земельных повинностяхъ, мѣстныхъ положеній о помещичьемъ устройствѣ бывшихъ помещичьихъ крестьянъ и многихъ другихъ источниковъ, дополняющихъ и разъясняющихъ содержаніе первыхъ трехъ отдѣловъ. Для Сибири составленъ г. Савичемъ особый сборникъ крестьянскихъ положеній и правилъ („Объ законахъ объ устройствѣ крестьянъ и изорудованіи Сибири и Степного края“, Сиб. 1903. Ц. 4 р. 50 к.).

Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельско-хозяйственныхъ отношеній. Сиб. 1903. Изд. М. Н. Доволовой. Стр. VIII+493. Ц. 2 р. 75 к.

Въ книгѣ г. Маслова изслѣдуются главныя формы и проявленія нашей земледѣльческой жизни съ точки зрѣнія извѣстныхъ, заранѣе установленныхъ теоретическихъ взглядовъ. По справедливому замѣчанію автора, въ спеціально-экономической литературѣ долго господствовало стремленіе накоплять груду сырого матеріала, не давая имъ надлежащаго осмысленія, и въ этомъ смыслѣ земледѣлію уделялось теоретическимъ вниманіемъ. Но „марксистская“ теорія „революціи производительныхъ силъ“, которой придерживается г. Масловъ, мало помогаетъ объясненію фактовъ и даетъ въ сущности только лишнюю рубрику, поскольку не затрагивающъ и не обогащающъ анализа. Книга распадается на двѣ части: первая трактуетъ объ „общихъ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства“, а вторая—о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Россіи. Многія свѣдѣнія, приведенныя авторомъ, крайне интересны, хотя и не новы; такъ, по описанію д-ра Толкова, въ большинствѣ земледѣльческихъ экономій нѣтъ помѣщій для временныхъ рабочихъ, а тамъ, гдѣ онѣ есть, онѣ едва ли не хуже, чѣмъ помѣщія для скота. Рабочіе даютъ въ виду туго-гузое мясо и горько-слизкой хлѣбъ; когда рѣжутъ этотъ хлѣбъ, то изъ-подъ ножа летитъ цѣлое облако зеленой пыли,—и это бываетъ въ лучшихъ мѣстностяхъ, владѣльцы которыхъ обвиняются жалуются на недобросовѣстность рабочихъ и требуютъ для нихъ голодныхъ заръ. Подобные факты, въ соціальномъ, не упускаются въ расчетъ какъ бы то ни было „экономическіе“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годѣ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Июль	Іюль	Июль	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Вѣсть доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —
За границы, въ госуд. почтов. собоѣ	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вѣсто разсрочку годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ іюль и іюль, и по четвертямъ года: въ іюль, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною цѣною.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Рикера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, а въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ ливняхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Гриневская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ (Н. П. Карбасниковъ).

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, а съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителии подписчика. — 2) Перемена адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностранное, должны заплатить 1 руб., а иностранные, переходя въ городское — 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не можетъ быть во влеченіи слѣдующей книги журнала. — 4) Запросы на получение журнала посылаются Конторѣ только гдѣ въ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовые маркеры.

Получатель и единственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

APR 27 1893

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ
ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

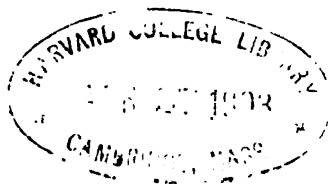
АПРѢЛЬ, 1903.

СПЕЦИАЛЬНЫМЪ

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1903.

Сл

- I.—НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.—Очеркъ.—I-V.—А. М. Побрещева-Пушкина 445
- II.—НА РАЗНАЛИНАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: I-VIII.—И. Оболенскаго 449
- III.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1882-1884 гг.—VI/18X.—А. В. Романовича-Славянского 457
- IV.—ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ ВЪ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.—XVII-XXV.—Описание.—Рис. А. Ляцкого 467
- V.—УРОЖЕНЦЪ ВІРТИНИ.—Романъ. — The Virginian. A Poetman of the plains. by Owen Wister.—I-XII.—Съ англ. II.—изъ С.-пб. 493
- VI.—ТУРЦИЯ И МАКЕДОНИЯ.—Историческій очеркъ.—I-V.—Х. Г. Искарова 499
- VII.—ЗЛОСЧАСТНЫЕ.—Рассказы.—Нас. Бруевича 509
- VIII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Весенній жемчугъ.—I-II.—В. П. Маркова 527
- IX.—ХРОНИКА. Нужды сельско-хозяйственной промышленности.—Письмо къ Рязань. — Кн. Д. Н. Друцкого-Соколинскаго 539
- X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій манифестъ 26 февраля.—Различные взгляды на истинность.—Вопросъ о реформѣ губернскаго и уезднаго управленія. — «Земельная власть». — Приходы и мелкая земская единица.—Губернск. сельско-хозяйственные комитеты. — Предлагаемый обязательный актъ для главнѣйш. г. Петербурга 559
- XI.—СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАНЪ Г. СЕРГІЯ ШАРАПОВА. — «Черезъ вѣковыя». т. I.—Л. Славинскаго 574
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Нѣмецкія парламенты и ихъ особенности.—Политическія рѣчи графа Бодола.—Политическія вопросы въ прусской палатѣ депутатовъ. — Австрійскій дѣла и земледѣльническія. — Смерть Ратера: его жизнь и дѣятельность 599
- XIII.—ПЕТКО КАРАВЕЛОВЪ И ЕГО МЯСТЪ ВЪ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.—Письмо изъ Софій.—И. К. 602
- XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Олександръ Куликовскій, Вопросы психологіи творчества — II. Памати Л. Н. Малява, и. р. В. Савцова.—III. Е. Воронецъ, Итоги полемики по поводу провозглашенія о. Г. Петрова, и Отзывъ на анонимную брошюру.—Евг. Л.—IV. Вексельбергъ, фабрично-заводская и аустаріанская промышленность и ремесла.—V. Ваксманъ, мѣсто среди другихъ земствъ, II. Голубева, и Справочникъ свѣдѣній о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству, 1899—1901 г., и. р. В. Барановскаго.—В. В.—VI. Петричскій обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія, 1892—1902 гг.—VII. Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ.—А. П.—VIII. Жилин и труды Погодина, Н. Барсукова.—IX. В. П. Сергѣевичъ, Древности русскаго права.—X. Д. Н. Жбанковъ, О правахъ.—М. Г.—англ.—Новая книга и брошюры 619
- XV.—ЗАМѢТКА.—По поводу выдана М. Горькаго: «На дѣлѣ».—Евг. Ляцкого 627
- XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. R. Kipling, Just as stories.—II. H. Bordeaux, Les cervains et les mouins.—З. И. 639
- XVII.—ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИЗБІРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА.—Дн. Дн. Семенова 649
- XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—«Агонія либерализма». — Сельско-хозяйственные комитеты. — Внутренняя роль въ средѣ «націоналистовъ». — Намекъ, послѣдствія въ систему. — «Самоуправленіе» и «управленіе». — Студенческая научная община въ Москвѣ.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ.—А. В. Сухова-Кобиланъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Малащенко т. — Именной Высочайшій указъ 12-го марта 659
- XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патриотическаго Общества 679
- XX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Великій князь Николай Михайловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, 1774-1817 гг. — Бузескулъ, В., проф., Выдающіеся историки Греціи.—Григ. Де-Волланъ, Въ странѣ восходящаго солнца.—Роль Юреневыхъ, генеалог. росписъ съ XIV-го по XX-ое столѣтія 689
- XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ

О ЧЕРКЪ.

Опредѣляя различіе между обыкновеннымъ человѣкомъ и поэтомъ, Гёте въ уста Тассо влагааетъ слѣдующій стихъ:

„Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott, zu sagen was ich leide“.

Такое необычное въ своей несложности и сжатости опредѣленіе прежде всего выясняетъ субъективную сторону творчества, и притомъ, именно, лирическаго; изъ него ясно вытекаетъ основательность того требованія, которое обыкновенно предъявляетъ критика къ лирикамъ, — требованіе искренности въ процессъ творчества, а слѣдовательно и цѣльности человѣка въ этотъ моментъ.

Переходя къ объективной сторонѣ, къ содержанію поэтическаго произведенія, тотъ же Гёте въ „Фаустѣ“ говоритъ:

„Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein Jeder lebt's, nicht Vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant“.

В
д
ч
о
в
Слѣдовательно, расширяя рамки міросозерцанія поэта, вводя
го внутренний, болѣе или менѣе фантастическій міръ явленія
твительной жизни, какъ матеріалъ, онъ гарантируетъ поэту,
эта жизнь, этотъ кусокъ, такъ сказать, ея, захваченный въ
сть поэтическаго творчества, станетъ „интереснымъ“ въ воз-
жномъ значеніи слова.

Какъ именно совершается этотъ процессъ претворенія дѣйствительности въ художественное произведеніе—давно и напрасно стараются выяснить критики всѣхъ вѣковъ и народовъ. Существуетъ множество опредѣленій, болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ, самое внимательное разсмотрѣніе которыхъ никогда не приводило къ ясному пониманію сущности творческаго процесса; тѣмъ болѣе безплодными оказывались всѣ попытки построить теорію искусства такъ, чтобы путемъ простой дедукціи можно было устанавливать рядъ руководящихъ правилъ, годныхъ для поэтовъ и ихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно въ этомъ смыслѣ вывести для первыхъ или вторыхъ даже изъ приведенной выше общей формулы, шире другихъ охватывающей изслѣдуемый нами процессъ: „дѣятельность поэта сводится къ непосредственному воспріятію жизни и затѣмъ къ отраженію въ произведеніи того общечеловѣческаго содержанія и значенія ея, которому онъ далъ въ произведеніи искусства новую самостоятельную жизнь“? И однако, выучить этому чуду никого нельзя; это настолько же невозможно, насколько немислимо указывать человѣку въ его бессознательной психической дѣятельности въ тѣхъ глубинахъ, куда не достигаетъ сознание, тѣ или другіе рецепты мышленія или чувствованія.

Тѣмъ не менѣе, поэтъ не можетъ не творить, а настоящій критикъ тоже удовлетворяетъ живущей въ немъ глубокой потребности духа, изслѣдуя критически художественное произведеніе. Разумѣется, какъ и въ древнія времена, такъ и нынѣ чудо искусства совершается двумя путями: *наитіемъ* и *подражаніемъ*. Поэтъ, съ одной стороны,—прорицатель, вдохновленный свыше, съ другой стороны—воспроизводитель наблюденнаго. Онъ говоритъ, потому что долженъ высказать то, что въ немъ назрѣло, что запало въ его душу изъ жизни, и высказываетъ это тонами, цвѣтами и формами этой жизни. Но именно то же и такъ же дѣлаетъ критикъ, для котораго въ большинствѣ случаевъ художественное произведеніе или самъ поэтъ—только отправный пунктъ.

Это подобіе, въ геометрическомъ смыслѣ слова, творчества какъ поэта, такъ и художественнаго критика, за невозможностью рецептовъ, съ особой силою указываетъ на необходимость для той и другой дѣятельности одного основнаго условія. Это условіе—искренность.

Искренность воспріятія, искренность переживанія, искренность воспроизведенія. Вотъ три фазиса всякой художественной дѣятельности. Вотъ почему Тассо, какъ и всякій поэтъ, умѣя выразить свое горе, находитъ одновременно утѣшеніе и насла-

женіе въ творческомъ процессѣ: эта способность умиротворять и давать одновременно наслажденіе сообщаетъ глубокий интересъ той сѣрой дѣйствительности, которою овладѣлъ поэтъ или критикъ на радость читателю и цѣнителю.

I.

Достаточно этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы понять неизбежность и справедливость того строгаго запроса, который особенно настойчиво предъявляется къ поэту-лирику, каковымъ былъ Некрасовъ, — того требованія отъ него искренности и цѣльности въ данный творческій моментъ, которое съ такою настойчивостью ставилось ему при жизни и постоянно выдвигается вотъ уже 25 лѣтъ послѣ его смерти, какъ только ставится вопросъ о значеніи его поэзіи, какъ поэзіи. Не легко сразу указать на другого поэта, относительно котораго въ такой степени, какъ это было по поводу Некрасова, раздѣлялись бы мнѣнія и современниковъ, и потомковъ. Не прошло восьми лѣтъ послѣ смерти поэта, какъ очень напоминавшій Бѣлинскаго своей горячностью философъ-публицистъ Вл. С. Соловьевъ, перечитывая „Послѣднія пѣсни“ Н. А. Некрасова, произнесъ въ частномъ письмѣ стихотворный ему приговоръ, нашедшій себѣ затѣмъ мѣсто въ собраніи сочиненій Соловьева:

„Восторгъ души—разсчитливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глушцовъ“.

Не такъ смотрѣли на Некрасова его современники, пережившіе его поэты, такіе же дѣятели шестидесятыхъ годовъ, какъ и онъ. Восторженный поклонникъ „доблестнаго подвига“, Плещеевъ посылаетъ Н. А. на Новый годъ привѣтъ, адресованный имъ:

„Всѣмъ врагамъ неправды черной,
Возстающимъ противъ зла,
Не склоняющимъ покорно
Передъ пошлостью чела“.

Полонскій, вспоминая время болѣзни Некрасова, когда онъ говорилъ съ трудомъ, —

„Когда, гражданству насъ уча,
Онъ словно вспыхивалъ и таялъ, какъ свѣча“,

—отмѣчаетъ, что „передъ дверями гроба“ онъ былъ бодръ, невозмутимъ, —

...„Глядѣлъ бойцомъ, а не рабомъ.
И вѣрилъ я ему тогда,
Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда!“

—прибавляетъ Полонскій. Престарѣлый Яковъ Петровичъ слышалъ шумъ молвы, кричавшей о дѣятельности почившаго поэта, „что это были все слова—слова—слова“; что онъ только „тѣшился“ возырной литературною игрою; что двигателями Некрасова были „то зависть жгучая, то ледяной расчетъ“, —рѣшительно выступаетъ на защиту его.

„Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
.....
Молва и слава—два врага;
Молва мнѣ не судья, и я ей не слуга“...

—вотъ общая формула независимаго мнѣнія, о непреложности которой „ужъ столько разъ твердили міру“, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ многіе и многіе продолжаютъ при имени Некрасова черпать изъ „запоздалой молвы“ самыя недостоверныя, хотя и безразличныя въ сущности свѣдѣнія, чтобы, осуждая человека, попасть въ поэта. Мы не займемся опроверженіемъ такихъ „личныхъ“ обвиненій, недостойныхъ памяти поэта. Ставя на первый планъ, по приведеннымъ выше основаніямъ, а не съ точки зрѣнія защиты Некрасова, искренность его какъ поэта и его цѣлостность какъ дѣятеля на этомъ поприщѣ, мы несомнѣнно должны считаться со сложными и многообразными вліяніями, среди которыхъ протекала эта дѣятельность. Некрасовъ пережилъ сознательно, и уже работая въ литературѣ, 40-ые, 50-ые, 60-ые и 70-ые годы. Высоко подняла его на широкомъ хребтѣ волна 40-хъ годовъ еще на чужомъ кораблѣ, подъ управленіемъ опытнаго кормчаго, „неистоваго Виссаріона“; повиснувъ, въ слѣдующій за ними историческій моментъ, надъ разверзшейся черной глубиной, онъ самъ схватился за руль и вновь на шумящемъ и пѣнистомъ гребнѣ 60-хъ годовъ плылъ уже самостоятельно, сквозь буруны и между камней, къ берегу, усмотрѣнному имъ вдаль. Здѣсь, на твердой почвѣ, въ 70-хъ годахъ, наблюдаетъ онъ ту русскую сумятицу, которая вѣчно бьется о берегъ,—

„Какъ волны объ утесъ“.

Стоить себѣ представить ясно и наглядно эти условія, въ которыхъ развивался и творилъ Некрасовъ, чтобы понять невоз-

возможность предъявляемыхъ къ нему требованій не цѣльности только, но какой-то монолитности. Онъ не былъ жрецомъ чистаго искусства, какъ Аполлонъ Майковъ, и не съ Парнасса смотрѣлъ на жизнь; не уходилъ онъ также отъ нея въ поэтически-мечтательную даль, изъ которой доносятся до насъ созерцательныя формулы Полонскаго. Трудно было Некрасову, находясь въ центрѣ горячей борьбы, давать Тургеневскій эпически-спокойный откликъ мятущейся жизни; не мудрено, что въ темный, опасный періодъ реакціи 50-хъ годовъ, когда ему приходилось спасать отъ бури „Современникъ“, двадцать лѣтъ, благодаря Некрасову, бывший маякомъ русской журналистики, мудрено и невозможно было ему сохранять гармоническую неподвижность античной статуи; а между тѣмъ такой цѣлостности, близкой къ мраморности, требуютъ отъ него люди, недостаточно ясно представляющіе себѣ ужасную обстановку тогдашней активной реакціи, — иначе нельзя выразиться, — во время той темной грозовой ночи, которая покрывала Россію въ 50-хъ годахъ. Нѣкоторое только понятіе объ этомъ могутъ дать стихотворенія Аксакова, въ которыхъ онъ восклицалъ: „Пусть гибнетъ все“ — и, не обвиняя, пояснялъ со свойственной ему прямою:

„Спошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь“.

Наступилъ разсвѣтъ, поднялась заря, взошло солнце реформъ, но сряду же недовѣріе къ нимъ со стороны коснаго вліятельнаго большинства надолго помрачило открывшійся-было день: наступило смѣшеніе языковъ; реакціонеры-радикалы величали себя консерваторами, сторонники введенныхъ уже реформъ — настоящіе консерваторы — назывались либералами и оказывались, будто бы, въ союзѣ съ нигилистами-радикалами. Послѣдніе, недовольные въ своемъ радикализмѣ даже титуломъ Базарова, не хотѣли признавать суроваго климата нашей родины и въ лицѣ даже лучшихъ представителей своихъ нападали на тѣхъ, кто еще сохранялъ способность ясно видѣть и опредѣленно называть вещи своими именами.

Среди этого „царюющаго зла“, Полонскій, въ своихъ „Письмахъ къ музѣ“, замѣчалъ:

„Если пѣснь моя туманна,
Значить, жизнь еще туманнѣй,
Значить, тамъ и зги не видно,
Гдѣ былъ виденъ парусъ ранній“.

А какъ „злились“ на него, за правдивыя барометрическія по-

казанія въ его пѣсняхъ, тѣ, которые не находили удобнымъ и нужнымъ, чтобы былъ „такъ вѣренъ этотъ градусникъ Свободе“; много „градусниковъ“ въ это смутное, „туманное“ время на-мѣренно и ненамѣренно показывало неправду:

„Эти градусники лгали
До того, что мы въ морозы
Нараспашку выбѣгали
Поглядѣть,—растутъ ли розы?..“

Въ лирикѣ Некрасова сквозить необыкновенный въ своей проникательности и смѣтливости умъ, который ясно понималъ, что не только морозная погода или климатъ, какъ нѣчто внѣшнее, мѣшаютъ расцвѣсти розамъ,—онъ видѣлъ причины внутреннія, такъ сказать:

„Захватило насъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ“...

—пишетъ онъ въ 1860 году въ „Рыцарѣ на часъ“, и кратко безотрадно опредѣляетъ судьбу современниковъ:

„Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано“.

Еще ранѣе этого суроваго приговора, въ 50-хъ годахъ, онъ скорбитъ о томъ, что „убилъ подъ тяжестью труда—праздникъ жизни, молодости годы“; этотъ трудъ мелкаго издателя, мелкаго сотрудника всякихъ журналовъ, сблизивъ Некрасова съ литературнымъ міромъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ то же время укрѣпилъ жившаго въ немъ практичнаго ярославца; затѣмъ, ставъ богатымъ человѣкомъ, онъ всю жизнь, однако, чувствовалъ на плечахъ гнетъ этой, вошедшей въ его плоть и кровь, практической философіи; вслѣдствіе этого, въ самыя патетическія творческія минуты, онъ, несомнѣнный поэтъ, скептически относится къ своему призванію:

„Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!“

—и какъ бы мирился съ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ „творящаго искусства“, онъ твердо заявляетъ (1855 г.), что въ немъ—

„Торжествуетъ истинное чувство,
Догорая теплится любовь“.

Это скептическое отношеніе къ самому себѣ, ко времени 70-хъ годовъ, вырастаетъ уже не въ гражданскую скорбь только, а въ пессимизмъ, благодаря которому Некрасовъ надѣется на успѣхъ

реформъ среди неготовыхъ въ трудной борьбѣ, стоящихъ лицомъ къ лицу съ „безличными“ врагами, „со стенами ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“.

Не напрасно именно въ виду этого даетъ Полонскій Некрасову титулъ *стигано*: мы знаемъ, что борьба противъ упроченія великихъ реформъ идетъ до сихъ поръ, и что правъ былъ Некрасовъ, говоря о любви, „что добрыхъ прославляетъ и клеймитъ злодѣя и глупца“, что эта любовь:—

„...вѣякомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца“.

Къ 70-мъ годамъ, и въ сознаниі общественномъ, и въ поэзіи Некрасова, этотъ скептицизмъ,—питаемый безконечнымъ рядомъ поправокъ, постепенно подрывавшихъ судебное, земское, печатное, городское дѣло,—окончательно оверѣлъ и особенно полно выразился въ длинной сатирической поэмѣ, постепенно выходившей въ свѣтъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, подъ заглавіемъ: „Кому на Руси жить хорошо“.

Было бы странно, еслибы на пространствѣ четырехъ десятилѣтій литературной дѣятельности, въ теченіе которыхъ смѣнялись самыя противоположныя вѣянія, Некрасовъ остался неизмѣннымъ, хотя бы и на этой симпатичной ступени, на которую поставило его близкое общеніе съ людьми сороковыхъ годовъ: и время мѣнялось, и человѣкъ долженъ былъ расти.

Въ этомъ случаѣ требованіе цѣлостности отъ художника можетъ сводиться только къ тому, чтобы, отражая въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную жизнь, онъ не подчинялся при оцѣнѣ ея вѣяніямъ, не столько ошибочнымъ, можетъ быть, сколько противорѣчащимъ его общему направленію. Въ этомъ смыслѣ даже такія уклоненія, примѣры которыхъ въ жизни Некрасова общеизвѣстны и которые онъ называлъ „паденіями“ и „позорными пятнами“, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о цѣлостности его поэтической личности; эти уклоненія, имѣющія почти исключительно эпизодическій характеръ въ жизни Некрасова, какъ журналиста, ни разу не раздвоили лирика, пѣвца какъ освобожденія и счастья народнаго, съ одной стороны, такъ и его горя и бѣды—съ другой. Въ этой области Некрасовъ былъ всегда однимъ и тѣмъ же, цѣльнымъ дѣятелемъ; однако, именно здѣсь недостаточно внимательное изученіе его произведений вводило иныхъ критиковъ въ ошибки. До самого Некрасова не разъ доходили, повторяемыя порой и нынѣ, обвиненія его въ томъ, что, по отбѣнѣ рабства, онъ все еще пѣлъ о немъ, и что

вообще онъ громить то, что громить уже стало ненужнымъ и без-
опаснымъ. Не нужно, однако, забывать, что ведоужинный умъ
Некрасова не могъ не видѣть изнанки своеобразнаго русскаго
прогресса, не могъ не ратовать противъ того, что—

„Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ,
Люди придумали много иныхъ“.

Вспоминая въ „Дѣдушки“ мрачный періодъ передъ крым-
ской войной, Некрасовъ пишетъ:

„Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страной висѣлъ...
Видѣлъ—имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свястомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей“...

И такъ какъ —

„Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ“,

—то и наступила для до-реформенной Россіи пора,—

„Гдѣ не покорность нѣмая,
Дружная сила нужна“...

И вдругъ оказалось, что—

„Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! Народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой“!..

Когда это пессимистическое настроеніе, оправданное во-
слѣдствіемъ исторіей, въ наступившія затѣмъ десятилѣтія, — вну-
шило Некрасову недостаточно понятую во время ея появленія
сатирическую поэму: „Кому на Руси жить хорошо“, и критика
напала на поэта за то, что онъ, будто бы, тянетъ старую ноту
о голодѣ, холодѣ и цѣпяхъ,—Некрасовъ, въ „Элегіи“, написан-
ной въ 74-мъ году, отвѣтилъ очень кратко и убѣдительно:

„Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба,
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленіи...
„Довольно ликовать въ наивномъ увлеченіи!“
Шепнула Муза мнѣ! Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливы ли народъ?“

Пѣвецъ крестьянскаго горя, рельефными чертами изобразившій передъ горожанами сельскую страду, въ правѣ былъ спросить: „сносѣ ли она стала“? Тотъ, кто предположилъ о рускомъ народѣ, что онъ „создалъ пѣсню подобную стону и духовно навѣки почилъ“, въ правѣ былъ дальше спросить себя о томъ, внесла ли, наконецъ, свобода, пришедшая „на смѣну рабству долготу“, перемѣну—

„Въ народныя судьбы, въ наѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль такъ же горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?“

Вотъ почему и заспорившіе Некрасовскіе мужики-странники пошли по Руси въ чаяніи встрѣтить и посмотреть на того, „Кому на Руси жить хорошо“.

Соблазняла ихъ на пути и „сытая попова пчела“, и круглое брюшко помѣщика, и удалое притоптываніе солдата; однако, счастливаго такъ и не нашлось; махнули они рукой на счастье женское, „ключи къ которому затеряны у Бога самого“, и кончилось все пѣніемъ „Соленой“ и пѣсней о той торной дорогѣ, гдѣ „мысль смѣшна“—

„О жизни искренней,
О цѣли высренней“.

Эта пѣснь ангела милосердія, который „души сильныя зоветъ на честный путь“, указала мальчику Гришѣ „иные—чистые—пути тернистые“, указала быть тамъ,—

„Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится“,

—стать пѣвцомъ освобожденія не именно крестьянъ, а вообще „униженныхъ, обиженныхъ“; на первый разъ Гришѣ удалась только пѣсенка съ риторическимъ концомъ о „сопутницѣ дней славянина, которая—

.....въ семействѣ, куда, раба,
Но мать уже вольнаго сына“.

Некрасовъ заканчиваетъ поэму пѣснью, подъ заглавіемъ: „Русь“, стараясь поднять духъ „вахлачковъ“, но надо признать, что поэтъ намѣренно даетъ неудачную въ этомъ смыслѣ попытку, такъ какъ и въ началѣ, и въ концѣ этой пѣсни ясно звучитъ злая иронія въ парадоксальномъ припѣвѣ:

„Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забытая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь“!

И вотъ уснуль Гриша, во снѣ улаждали слухъ его звуки „благодатные“,—

„Звуки лучезарныя гимна благороднаго,
Пѣль онъ воплощеніе счастья народнаго“...

Этой пѣсни Некрасовъ не далъ, а подписалъ прованческы: „Октябрь 1876 г. Ялта“.

Это было за годъ до его смерти, и въ теченіе этого года онъ не захотѣлъ написать эту пѣсню, или, вѣрнѣе, не дождался воплощенія этого счастья.

II.

Хотячее представленіе о Некрасовѣ, какъ о человѣкѣ двойственномъ, въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ тому, что современники его въ шестидесятыхъ годахъ никакъ не могли отрѣшиться отъ оцѣнки его дѣятельности съ точки зрѣнія чисто сословной. Онъ все представлялся имъ помѣщикомъ, пишущимъ о мужикѣ. Съ другой стороны, люди послѣдующихъ поколѣній почти до нашихъ дней знакомились съ родной литературой исключительно по хрестоматіямъ, благодаря чему въ общественное сознаніе Некрасовъ вошелъ, собственно говоря, только своими народническими произведеніями. Не только вся проза его (до трехсотъ печатныхъ листовъ), но и сложная боевая литературная дѣятельность въ качествѣ редактора оставались и остаются почти въ сторонѣ.

Какъ поэтъ, онъ, разумѣется, наиболѣе ярокъ въ произведеніяхъ, посвященныхъ крестьянскому быту; но было бы большою ошибкою понимать его узко, въ качествѣ какъ бы спеціалиста, „пѣвца народнаго горя“. Только съ такой точки зрѣнія, только приписывая Некрасову ограниченный кругозоръ его эпигоновъ-народниковъ, можно было судить его не только по поводу отдѣльных поступковъ, очевидно выходившихъ за предѣлы такой спеціальности, но даже за стиль и идею литературныхъ работъ въ родѣ, напримѣръ, „Медвѣжьей охоты“, и рядъ удачныхъ и неудачныхъ сатиръ на современниковъ, гдѣ онъ говоритъ, разумѣется, не какъ пѣвецъ вообще и въ частности не какъ пѣвецъ крестьянства. Не слѣдуетъ забывать, что долгое и близкое общеніе съ литературными кружками, начиная съ середины сороковыхъ годовъ, близость къ такимъ лицамъ, какъ Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій и Аполлонъ Майковъ, не могли не отразиться на

Некрасовъ, пропитавшемся европейскими вліяніями, на которыхъ воспитались петрашевцы. Скорѣе слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ образованная Россія сороковыхъ и шестидесятихъ годовъ жила въ лицѣ представителей землевладѣльческихъ классовъ чуждыми русской жизни крохами, перепавшими къ ней съ европейскаго стола, Некрасовъ, можно сказать, первый ребромъ поставилъ въ литературѣ вопросъ о крестьянахъ, какъ людей, о мужикѣ, какъ о человѣкѣ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ справедливости моей оцѣнки этого времени могъ бы служить хотя бы тотъ фактъ, что публицистъ Писаревъ совсѣмъ не интересовался въ своихъ работахъ русскимъ крестьянствомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уже Бѣлинскій къ концу жизни, спускаясь съ высотъ гегельянства, сдѣлалъ первые шаги на томъ пути, на которомъ затѣмъ такъ твердо стоялъ мало жившій и много сдѣлавшій Добролюбовъ. Это былъ путь раскрытія правды жизни, жизни дѣйствительной, повседневной. Въ этомъ направленіи шла вся литературная работа Некрасова. Съ одинаковой любовью передаетъ онъ въ „Кому на Руси жить хорошо“ и скорбныя рѣчи попа, и неровное, порывистое повѣствованіе толстенькаго барина, рисуетъ времяпровожденіе Послѣдыша, наконецъ поетъ и „Бурлацкую“, и „Соленую“. Съ большой высоты посмотрѣлъ онъ на современную жизнь и, чуждый всякихъ сословныхъ предразсудковъ, видѣлъ, какъ—

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разсочинилась,
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику“...

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ первомъ своемъ стихотворномъ сборникѣ „Мечты и Звуки“, семнадцатилѣтній Некрасовъ романтически-высоко опредѣляетъ призваніе поэта—

„Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ...
.....

Тотъ не поэтъ!
На Божій мѣръ кто смотритъ безъ восторга
.....

„Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ толики себя за злато,
Тотъ не поэтъ!“

Много спустя, во вступленіи къ „Пѣснямъ“ 1876—77 годовъ,

почти наканунѣ смерти, онъ такъ вспоминаетъ свою музу, своего „друга“ въ теченіе всей жизни:

„Ты силу чудную дала, въ колючій тернъ вплетая розы,—ты пытку вынести помогла“...

„Приди на мой послѣдній зовъ!“—восклицаетъ онъ. И въ этомъ прощальномъ уже настроеніи не оставляетъ его глубокая вѣра въ свое поэтическое призваніе, и звучать въ немъ тѣ же мотивы мести и печали, которыми онъ началъ свое литературное поприще:

„Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣды,
Любви, негодованья, мщенья,
Зажгя огонь въ моей груди!“

Какъ онъ глубоко понималъ типъ Рудина, переданный имъ, одновременно съ Тургеневымъ, въ поэмѣ „Саша“; и несомнѣнно скептическое отношеніе къ этому пустоцвѣту не мѣшало ему, однако, находить въ томъ же лагерѣ людей, которыхъ онъ читалъ и которыхъ вспоминаетъ въ „Медвѣжьей охотѣ“, говоря о „либераль-идеалистѣ“.

„Честенъ мыслью, сердцемъ чистъ“, съ „безпредѣльной печатью унынья на челѣ“, рисовался ему этотъ развѣзжавшій по Европѣ верхоглядъ, картинно позировавшій затѣмъ у себя на родинѣ:

„Грозный дѣятель въ теоріи,
Безпощадный радикаль,
Онъ на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избѣгалъ“.

И однако, поэтъ любилъ ихъ даже такими и требовалъ къ нимъ уваженія во имя прошлаго ихъ:

„Но кто твое держалъ когда-то знамя,
Тѣхъ не пятнаи!
Не предали они, они устали
Свой крестъ нести,
Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали
На полути!“

Въ самый блестящій періодъ своего творчества, когда появились уже всѣ пьесы, создавшія ему славу, Некрасовъ сѣлѣннхъ въ „Медвѣжьей охотѣ“, „добромъ помянуть тогдашнюю литературу“, вспоминаетъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Гоголя, и прибавляетъ, что „еще найдется славныхъ двое, трое,—у нихъ тогда училось все живое“. Именно здѣсь говоритъ онъ въ прочувствованныхъ строкахъ о Бѣлинскомъ, называя его учителемъ, прокладывавшимъ новыя стези:

„Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и работѣествуя позорно“,—

„Едва-ль не первый,—обращается онъ къ памяти своего учителя,—ты заговорилъ о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ“.

Этими строками нашъ поэтъ чрезвычайно рельефно выдѣляютъ общее направленіе того, кто въ „святомъ недовольствѣ“ шелъ въ жизни „волнуясь и спѣша“, и отличие его отъ не менѣе свѣтлаго образа Грановскаго, котораго называетъ „другомъ Истины, Добра и Красоты“.

Въ этой поэмѣ, имѣющей въ значительной степени такъ называемый гражданскій характеръ, и поэтому неохотно читаемой, находится, однако, кромѣ приведенныхъ трогательныхъ воспоминаній, чисто публицистическія по содержанію строки. Строки эти полны такого лиризма и глубины настроенія, что могутъ служить прекраснымъ образцомъ спеціально Некрасовскаго стиля, который я назвалъ бы стилемъ лирической публицистики:

„Не понимаемъ мы глубокихъ мукъ,
Которыми болить душа нная,
Внимая въ жизни вѣчно ложный звукъ
И въ праздности невольной мнныая.
Не понимаемъ мы—и гдѣ же намъ понять?—
Что бѣлый свѣтъ кончается не нами,
Что можно личнымъ горемъ не страдать
И плакаты честными слезами!“

Этотъ мотивъ міровой скорби не представляетъ собою перетѣва тѣхъ же европейскіхъ мотивовъ; глубокая грусть, которая сквозитъ въ этой русской печали, непосредственно связана съ содержаніемъ всего монолога Миши; авторъ, стараясь, устами Миши, пободриѣ закончить эпизодъ, завершить идейно это трогательное въ своей сердечности изліяніе, вызванное въ немъ чистыми образами своихъ учителей, вспоминаетъ о „богатыряхъ до-историческаго вѣка“, спасавшихъ Россію, и съ горькой ироніей убѣждаетъ не сомнѣваться въ ихъ существованіи,—

„Когда и въ наши дни выносить на плечахъ
Все поколѣнье—два, три человѣка“.

Глубокая любовь къ родинѣ, характеризующая Некрасова, можетъ быть, именно потому такими же глубокими корнями держалась въ его сердцѣ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, пострадалъ въ дѣтствѣ и юности отъ остраго противорѣчія между идеалистическимъ настроеніемъ, переданнымъ ему матерью, и грубой дѣйствительностью, угнетавшею молодую жизнь въ отцовскомъ домѣ и на улицахъ холоднаго Петербурга. „Muss man

sich nicht erst hassen, wenn man sich lieben muss“,—говорить великій нѣмецкій индивидуалистъ. Этотъ психическій законъ въ полной мѣрѣ оправдался на Некрасовѣ: трудно указать на другого поэта, въ строфахъ котораго любовь къ родинѣ и ненависть къ проникающему ее злу звучали бы столь глубокими созвучными аккордами, какъ у него, напримѣръ, въ стихотвореніи „Неизвѣстному другу“. Горько сътуетъ онъ, вспоминая здѣсь о мучительной борьбѣ дѣтства и молодости, о томъ, что долгій гнетъ поселяетъ въ душѣ „привычки робкой тишины“:

„Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній
О, родина, печальный твой поэтъ!“

Богатый синтезъ въ этомъ словѣ *тишина*, за которою на громадномъ пространствѣ тогдашней Россіи не слышно было страданій „терпѣніемъ изумляющаго народа“. Съ болью останавливается поэтъ на той мысли, что онъ „шелъ въ цѣли колеблющимся шагомъ, прикованный привычкой и средой“ къ минутнымъ благамъ жизни, что онъ не жертвовалъ собой для достиженія цѣли, почему, какъ онъ думаетъ, пѣснь его пролетѣла безслѣдно и не дошла до народа.

Мы теперь знаемъ, что тишина не заглушила этой пѣсни, какъ не заглохла въ Некрасовѣ и любовь къ родинѣ, когда онъ, ища примиренья съ горемъ, бродилъ за „дальнимъ Средиземнымъ моремъ“, подъ яркимъ южнымъ небомъ:

„Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль.
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль“.

Стихотвореніе, которое мы цитировали, подъ этимъ многоговорящимъ заглавіемъ „Тишина“, было написано въ 1857 году, послѣ крымскаго разгрома, когда поэтъ имѣлъ полное основаніе, при видѣ убогаго храма, среди широкихъ нивъ, сказать, что—

„Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!“

И эта роль сельскаго храма не была преувеличена, если вспомнить тѣ жертвы, которыя принесъ тогда русскій народъ. Широкая картина русской равнины нарисована съ любовью и правдой: тихія деревеньки, оврагъ съ полуживымъ мостомъ, который ямщикъ, бывалый парень русскій, обѣзжаетъ, спускаясь на дно оврага, озѣра и ровная скатерть луговъ, и уходящая въ даль дорога между густыми березами,—все это не позволяетъ сомнѣ-

ваться, что „Тишина“ принадлежит къ „свободнымъ вдохновеніямъ“ Некрасова; эта духовная свобода поэта чрезвычайно наглядно сказывается въ сопоставленіи двухъ основныхъ идей, которыми онъ кончаетъ стихотвореніе:

„Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ея солнце правды въ очи блещетъ,
И думу думаетъ она“.

Здѣсь дана первая идея разсвѣта, какъ бы мимоходомъ иллюстрируется тѣми правдивыми мыслями, которыя проносятся въ умъ поэта послѣ того, какъ тройка, проѣхавъ подъ мостомъ, несется дальше по лугамъ; мысли его спѣшать туда, въ родную глушь, гдѣ будетъ стыдно унывать въ праздной грусти въ виду пахара, бредущаго съ пѣснью за сохой несмотря на то, что —

„Его ли горе не скребетъ!“

Въ виду этого стоицизма безпросвѣтнаго существованія, въ виду примѣра простого человѣка, который „живетъ безъ наслажденія“ и „безъ сожалѣнія умираетъ“, поэтъ твердо рѣшаетъ, какъ ему быть, ставя, такъ сказать, лозунгомъ русской жизни:

„За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай,—не споря“.

Итакъ, вотъ вторая, заключительная идея, вотъ дума Руси, которой „блещетъ въ очи солнце правды“. Вотъ какую истину освѣтило ей это солнце. „Надъ всею Русью тишина“ и — никто, какъ Богъ.

Эта глубина охватывающаго всю русскую жизнь пессимизма Некрасова, рѣшившагося, въ самый разгаръ реформъ, признать насъ „неготовыми къ трудной борьбѣ“ въ это „трудное время“, съ особенной силой обнаружила неготовность того слоя русской земли, который впервые былъ выброшенъ наружу. Обыкновенно читатели и критики останавливаются только на тѣхъ Некрасовскихъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ въ виду страданія крѣпостного періода. Между тѣмъ „пѣсня, подобная стону“, разливается въ стихотвореніяхъ Некрасова не только по доламъ, лѣсамъ и равнинамъ, но звучитъ и въ городахъ; она распространяется не только въ пространствѣ, но и во времени, захватываетъ дѣйствительность русскую, какъ до освобожденія, такъ и послѣ освобожденія крестьянъ. Оборванная чернь появилась у параднаго

подъѣзда въ городѣ въ 1858 году, а „Ермолай трудящійся“, который „тужить, что землицы ему недостаточно“, работаетъ въ 1864 году, уже по освобожденіи, а дальше дѣло Ермолая пошло такъ:

„Сила межъ тѣмъ въ мужикѣ убавляется,
Старость подходить, частенько хворается, —
Стало хозяйство тогда поправлятися,
Стало земли отъ сѣмянъ оставатися“.

А знаменитый „Выборъ“ повѣствуетъ въ 1867 г. о томъ, какъ „русская дѣвица, дѣвица красная“ выбирала между тремя сужеными: царемъ водянымъ, выглянувшимъ изъ проруби, воеводою Морозомъ, общавшимъ ей бѣлый вѣнокъ на голову, и наконецъ выбрала Лѣшаго, который, расхваливая лѣсъ, уговариваетъ ее влѣзть на дерево, прельщая тѣмъ, что—

„Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!“

А въ 1874 году написана волжская быль—„Горе старого Наума“, который—

„Быль сердцемъ суховать,
Любилъ однѣ деньжонки“,

—и полвѣка прожилъ—работая „житейскимъ умомъ“, причемъ, сравнивая его съ паукомъ и предвидя, что онъ пройдетъ въ купцы, поэтъ такъ описывалъ его времяпровожденіе:

„Съ утра спускался онъ не разъ
По тонкой паутинкѣ,
Какъ по канату водолазъ,
Къ какой-нибудь личинкѣ“.

„То комара подстерегалъ
И жадно влекъ въ объятія,
А пообѣдавъ, продолжалъ
Обычныя занятія“.

Наконецъ, мы уже упоминали не разъ о поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“, охватывающей всю русскую жизнь за весь періодъ дѣятельности Некрасова.

Описывая не разъ, какъ при освобожденіи разставались помѣщики съ крестьянами и какъ бывшіе крѣпостные устраивались въ городѣ (напримѣръ, „Ночлеги“), поэтъ даетъ подробную характеристику господъ разнаго типа, захватывая и посредниковъ, не забывая и погорѣльцевъ, которые побираться пошли, да пропали. Особенно удалось Некрасову извѣстное стихотвореніе „Извозчикъ“, написанное еще въ 1848 году. Это, такъ ска-

затѣ, первое психологическое изслѣдованіе, посвященное тѣмъ полусвободнымъ, которые добывали свой оброкъ въ городахъ.

„Парень былъ Ванюха разій“

— да проѣзжалъ пять тысячъ, забытыхъ купцомъ въ санихъ.

„Цѣло все, сказалъ купчина,
Парня подозвалъ;
Вотъ ва чай тебѣ полтина,
Благо ты не зналъ!“

Поглумились товарищи надъ разиней, а онъ не сумѣлъ совладать съ лукавымъ бѣсомъ и повѣсился. *Не случись* этой промашки — „жилъ бы Ванька долгій вѣкъ“.

Но, вотъ, подходитъ пора освобожденія, и многія тысячи Ивановъ выходятъ на свободу. Особенно радостно былъ отпущенъ тотъ „вѣрный Иванъ“, который впалъ въ странную пьяную тоску, —

„Плакалъ да кричалъ:
Хоть бы разъ Иванъ Мосенчъ,
Кто меня назвалъ!“

Бился съ нимъ баринъ, бился, даже пробовалъ безуспѣшно сдать въ военную службу — и угодилъ бы Иванъ въ каторгу, —

„Лишь бы съ рукъ долой.
Къ счастью тутъ пришла свобода —
Съ Богомъ, милый мой!“

Судьба этого „затеряннаго въ народѣ“, вдругъ исчезнувшаго Ивана, живо интересуется поэтъ, который задумывается надъ тѣмъ, какъ живетъ Ивану на свободѣ:

„Гдѣ ты? Эй, Иванъ!“

Это странствіе русскаго Ивана изъ старой жизни въ новую, какъ извѣстно, описывалось затѣмъ Щедринымъ, писателями-народниками и особенно Глѣбомъ Успенскимъ, который въ разсказѣ: „Не случись“ (1882 г.), чрезвычайно близко подошелъ къ Некрасовской психологіи по поводу нѣкоего Ивана Горюнова. Сильно измѣнились крестьяне-переселенцы за этотъ періодъ. Въ городѣ появились крестьяне-хозяева и крестьяне-слуги:

„Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ,
Люди придумали много иныхъ“.

Сущность отношеній между этими двумя типами сводится къ безграничному повиновенію одного и властно-ироническому приказыванію другого. Суть разсказа — въ томъ, что зависящій въ

деревнѣ отъ всякихъ случайностей природы, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ не обезпеченный земледѣль, какъ вѣтромъ выметается въ городѣ послѣ той или другой бѣды, не дающей ему вновь подняться. *Не случись* падежа, *не случись* пожара, *не случись* недорода, *не случись* болѣзни, и т. д., и т. д., не попалъ бы онъ и въ городъ, не попалъ бы въ новую кабалу къ своему же городскому брату.

Успенскій приводитъ выдержки изъ стенографическаго судебного отчета, иллюстрируя подлинными выраженіями Ивана Горюнова постигшую его въ городѣ бѣду. Какъ и „Ванька ражій“, онъ, живя въ половыхъ въ гостинницѣ, прозѣвалъ уже не пять тысячъ, а девяносто-три тысячи рублей. За честное поведение „господинъ“, повидимому купецъ, ставшій пощедрѣ Некрасовскаго, подарилъ Ивану Горюнову золотые часы съ цѣпочкой, „за то, молъ, что деньги всѣ остались въ цѣлости“. Такъ рассказывалъ Иванъ хозяину, объясняя, что купецъ далъ ему на вокзалѣ 25 рублей деньгами и еще три рубля. Посмѣялся надъ Иваномъ хозяинъ: „Не умѣешь ты деньги наживать!“—и при первомъ случаѣ не задумался навести Ивана на умъ-разумъ. Въ результатѣ, убійца проѣзжаго, Иванъ Горюновъ, выйдя на свободу, такъ и не избѣгъ каторги.

Подробно останавливается Успенскій на этихъ ужасающе-простыхъ отношеніяхъ слугъ и хозяевъ изъ одной и той же крестьянской среды, перенесенныхъ въ городъ не удалымъ въ нѣкоторомъ смыслѣ „авось“, а трагическимъ „не случись“, при полномъ отсутствіи сознанія или чувства какой-либо ответственности какъ за дѣланіе, такъ и за недѣланіе.

„А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ,—пишетъ Успенскій,—уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней, и внѣ ея неурядицы—Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьма темъ, тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго разстройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ съ наивностью ребенка, не имѣющаго возможности знать и понимать, чтò въ этихъ вліяніяхъ зло, чтò добро,—словомъ, пролетаріата, который съ наивностью ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и той же рукой прибить задвижку по приказанію „гостя“ и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію“.

„Не знаю, скоро ли интеллигентный человѣкъ,—прибавляетъ

Успенскій,—отвоюетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это его обязанность, и другой обязанности нѣтъ у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно, сперва ему необходимо отвоювать это право и для себя... Очевидно, что и то, и другое будетъ не скоро“.

Такъ думалъ еще въ шестидесятыхъ годахъ и Некрасовъ,—я Полонскій прозвалъ его за это „вѣщимъ“.

III.

Если прослѣдить творчество Некрасова на пространствѣ трехъ десятилѣтій, съ 1846 года по 1877-ой, то естественно опредѣлятся три періода, которые, будучи въ общемъ одной цѣлой поэтической жизнью, все-таки носятъ на себѣ каждый особыя черты.

Обыкновенно критика очень строго относится къ произведеніямъ Некрасова, имѣющимъ характеръ сатиры; какъ вѣрно подмѣтилъ К. К. Арсеньевъ въ своихъ „Критическихъ этюдахъ“, въ сатирахъ Некрасова одинъ общій недостатокъ: явное преувеличеніе при слабости содержанія—и наклонность шутливо относиться къ предмету, который по большей части выбранъ очень серьезно. Эта черта, свойственная преимущественно стихотвореніямъ перваго и третьяго періода Некрасова, почти совсѣмъ исчезаетъ во второмъ—гдѣ, какъ, напримѣръ, въ „Дешевой покупкѣ“, звучатъ почти трагическія ноты. Нельзя не сказать, что поэтическія, въ собственномъ смыслѣ слова, красоты рѣдки въ сатирахъ Некрасова, страдающихъ обыкновенно прозаичностью стиха и растянутостью изложенія. Въ этомъ отношеніи небольшія сатирическія вещи перваго періода, въ родѣ „Колыбельной пѣсни“, „Нравственнаго человѣка“, „Прекрасной партіи“, „Маши“ и другихъ, стоятъ безконечно выше цикла „Пѣсней о свободномъ словѣ“, „Балета“ и многихъ мѣстъ изъ „Медвѣжьей охоты“ и изъ „Русскихъ женщинъ“. Объясняется это очень просто тѣмъ, что до шестидесятыхъ годовъ въ Некрасовѣ вырабатывался еще публицистъ-лирикъ. Въ юношескіе годы сатирической и лирической элементы его поэзіи еще не дифференцировались достаточно, и въ сатирѣ слышится скорѣе сочувствіе, напримѣръ, въ Машѣ-бѣдняжкѣ, чѣмъ сарказмъ. Во второмъ періодѣ главенствуетъ, собственно, лирика, поднимая на могучихъ крыльяхъ мотивы гражданской скорби; это—обычное явленіе въ тѣхъ лучшихъ пьесахъ Некрасова 60-хъ годовъ, которыя я назвалъ бы образцами лирической публицистики, таковы: „Тишина“, „Мо-

розъ красный носъ“, „Парадный подъездъ“, „Пѣсни Еремушки“, „Крестьянскія дѣти“, „Въ деревнѣ“, „Власть“, „Орина мать солдатская“ и др.

Во всѣхъ этихъ пьесахъ, при цѣлостности настроенія и глубинѣ публицистической идеи, постоянно въ началѣ или въ серединѣ, а чаще во второй половинѣ, лирическое вдохновеніе вдругъ заполняетъ душу поэта и читателя, открывая передъ нимъ широкое обобщеніе основной идеи, проникнутое захватывающе-глубокимъ чувствомъ:

„Волга, Волга! Весной многоводной...
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля“...

Съ годами этотъ „кровный союзъ“ публициста и лирика, подъ вліяніемъ все болѣе угасающаго поэта пессимистическаго настроенія, начинаетъ слабѣть, и прозаическій элементъ сатиры уже довольно рѣзко выступаетъ наружу, а лирика обращается къ вопросамъ мірового характера, выходя далеко за предѣлы собственно русской жизни. Въ особенности овладѣваютъ воображеніемъ поэта идеи смерти, славы; онъ пишетъ стихотвореніе „Памяти Шиллера“; здѣсь же выдвигается на особую высоту владѣвшій имъ всю жизнь культъ материнскаго чувства („Внимая ужасамъ войны“, 1854, и поэма „Мать“, 1877). Стихотвореніе: „Ты не забыта“, посвященное дѣвушкѣ-самоубійцѣ, отдавшей всю свою жизнь идеѣ, заканчивается классическимъ двустихіемъ общечеловѣческаго значенія:

„Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ...“

Вершинъ мірового пессимизма и спеціально пессимизма русскаго,—что критика такъ склонна отвергать въ Некрасовѣ,—онъ достигаетъ именно въ этомъ послѣднемъ періодѣ.

„Дни идутъ... Все такъ же воздухъ душень,
Дряхлый міръ на роковомъ пути,
Человѣкъ—до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти“.

Въ послѣдній разъ въ 1876 году, за годъ до смерти, вспыхиваетъ въ Некрасовѣ лирикъ, мечтающій о томъ, что придутъ „умѣлые, съ бодрыми лицами“, „святители съ полными жита кошицами“:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ“...

Многозначительное многозначіе подтверждаетъ высказанную нами только-что мысль, что поэтъ уже не вѣрить въ это „спасибо“. Дѣйствительно, вскорѣ потомъ пишетъ онъ свой „Приговоръ“, приговоръ пѣвцамъ темной стороны, которыхъ на этой родной сторонѣ — ни народъ, ни „свѣтскій кругъ, бездушный и надменный“ — также не уважаютъ, какъ и остальной міръ, которому нѣтъ и дѣла до „земли благословенной“, не чтущей своихъ пѣвцовъ:

„Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь Западъ говорить;
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!—Но родина молчитъ“..

Это не минутное, временное настроеніе — „неутолимая тоска смерти“, рисовавшая ему въ послѣднія творческія мгновенія образъ „блѣдной, въ крови, вкнутаго изсѣченной музы“.

Еще въ 1874 году, Некрасовъ посвятилъ три элегіи А. Н. Плещееву; въ это время онъ былъ еще въ полной силѣ; на него —

„Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза“.

И однако, онъ говорилъ въ третьей элегіи, что „глядить на жизнь невѣрующимъ глазомъ“ и далѣе заключаетъ:

„Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца.
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?
Усни... умри!“

Разсмотрѣнное въ предыдущемъ отдѣлѣ, слишкомъ узкое, какъ мы старались показать, опредѣленіе Некрасова, какъ пѣвца народнаго горя, и здѣсь, когда мы рассматриваемъ общее поэтическое міросозерцаніе поэта, тоже опровергается несомнѣстимостью приписываемой ему узкой задачи съ такимъ широкимъ горизонтомъ. Между тѣмъ, критики Некрасова шли такъ далеко, что, признавая его исключительно поэтомъ-публицистомъ, все значеніе Некрасова сводили къ порицанію имъ крѣпостного права и къ прославленію эпохи освобожденія.

Выше, однако, было уже показано, при выясненіи титула „вѣщаго“, что пессимистъ-поэтъ далеко не розово смотрѣлъ на сумрачный день, весьма быстро смѣнившій радостную зарю шести-десятихъ годовъ.

Какъ это часто бываетъ, общій тонъ „музы мести и печали“, опредѣлившійся еще въ самомъ началѣ поэтической дѣятельности

Некрасова, вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто недостаточно вглядывался въ разнообразную и сложную мотивировку этого тона въ отдѣльных произведеніяхъ; такъ и народилось мнѣніе, что Некрасовъ, будто бы, все время вышиваетъ узоры печальнаго вида все по той же канвѣ вѣрностнаго права. Охочіе люди, добираясь до души поэта, успѣли даже въ литературѣ довольно прочно установить мнѣніе, несомнѣнно ошибочное, будто бы Некрасову было очень на руку, а потому и желательно бичевать во всю силу то, что уже отжило.

Достаточно вспомнить, — уже не говоря объ указанной мною подробной разработкѣ Некрасовымъ крестьянской психологіи, какъ вообще, такъ и въ частности въ „Тишинѣ“, — хотя бы его „Пѣсню о свободномъ словѣ“, его „Судъ“ и др., посвященные сердитой критикѣ настоящаго, чтобы остережиться отъ такой ошибки, отъ обвиненія музы мести и печали — смѣшно сказать — въ оппортунизмъ. Даже въ періодъ занимавшей зари, въ 1858 году, Некрасовъ не былъ склоненъ къ славословію мужика, тогда какъ оптимистическое настроеніе въ этомъ направленіи представлялось одинаково желательнымъ и обществу, и правительству. Некрасовъ понималъ и открыто исповѣдывалъ еще до 1861 года, что одного факта освобожденія еще недостаточно. Мужички-пилигримы, отходящіе отъ „параднаго подъязда“, отнюдь не вызываютъ въ нашемъ представленіи мысли о будущихъ дѣятеляхъ, бодрыхъ, сильныхъ и просвѣщенныхъ. Лозунгъ ихъ — все тотъ же: „суди его Богъ“, какъ и въ „Тишинѣ“: — „Богу уступай, не споря“. Это не то широкое восклицаніе „сильной души“, которое слышится во „всепрощающемъ голосѣ любви“ въ „Больницѣ“ и въ послѣднемъ заключительномъ аккордѣ „Зеленаго шума“ — „Богъ тебѣ судья“! Мужички, палимые солнцемъ, уходятъ подъ давленіемъ той силы, которая гнететъ не личной властью, страшной обыкновенно именно своей близостью, а бредутъ во-свояси, раздавленные тѣмъ средостѣніемъ, лозунгъ котораго: „нашъ не любитъ оборванной черни“. Здѣсь звучитъ мотивъ не вѣрностныхъ отношеній барина къ крестьянину, а вырастаетъ одинъ изъ „проклятыхъ вопросовъ“ экономического неравенства, — вопросъ о сытыхъ и голодныхъ. Что это такъ, — ясно изъ плутократическихъ фигуръ того швейцара и того невидимаго „кто-то“, за которыми ни помѣщики, ни крестьянинъ, другъ друга не увидѣли. Плохими корнями, въ смыслѣ Крыловской басни, были уже тогда эти ходяки съ непокрытой головою, хотя въ хорошей почвѣ они могли бы еще питать въ то время и листья, и стволъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уже къ этому времени успѣлъ окрѣпнуть

тотъ бурьянъ, сѣвомъ который и солнце бессильно вліять на ниву, который, поглощая всѣ живительные лучи, только тинетъ изъ почвы послѣдніе соки.

Такимъ образомъ, уже на порогѣ реформъ Некрасовъ имѣлъ полное основаніе усомниться въ свѣтломъ будущемъ, которое, какъ онъ хорошо понималъ, не можетъ упасть на общество съ неба. Тому, кто такъ зналъ русскую жизнь, какъ онъ, при-смотрѣвшись къ ея провинціальной изнанкѣ, въ качествѣ сына исправника, и вынеса на своихъ плечахъ всѣ бѣдствія голоднаго существованія въ столицѣ, не могло представляться возможнымъ и даже вѣроятнымъ, чтобы вся эта „испорченная жизнь“ могла какъ бы волшебствомъ измѣниться. Это основное чувство, эта пессимистическая закваска еще смолоду, диктуетъ ему въ 1856 году знаменитыя строфы:

„Замолкни, муза мести и печали!
Я совѣ чужой тревожить не хочу“.

Какъ это выраженіе напоминаетъ „Непробудный сонъ“ Россіи, изображенный Тургеневымъ въ его знаменитомъ стихотвореніи:

„И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимаю,
Лбомъ въ полюсъ упершись и пятками въ Кавказъ,
Спать непробуднымъ сномъ отчизна, Русь свята!“

Вотъ тотъ сонъ, который Некрасовъ не хотѣлъ тревожить, отказываясь отъ юношескаго стремленія къ „волшебному лучу любви и возрожденія“, такъ какъ самъ уже „не хотѣлъ бы видѣть“ той бездны, которую этотъ лучъ можетъ освѣтить:

„То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть“.

Чрезвычайно трудно отдѣлать, даже въ цѣляхъ изслѣдованія, содержаніе поэзіи Некрасова отъ формы, въ которую она облечена. Это, впрочемъ, еще одно доказательство въ пользу того, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ поэтическимъ творчествомъ. Такое затрудненіе особенно сильно у Некрасова именно въ автобіографическихъ стихотвореніяхъ; здѣсь обыкновенно самъ поэтъ показываетъ намъ, какъ отдѣляется въ немъ художникъ отъ человѣка. Такія стихотворенія, въ большинствѣ случаевъ, у поэтовъ средней силы бываютъ слабѣе другихъ, такъ какъ носятъ на себѣ явную печать разсудочности. Что касается Некрасова, то въ немъ живая личность до такой степени сплавлена съ ея поэтическимъ обликомъ въ этихъ личныхъ, по большей части поваянныхъ, если можно такъ выразиться, стихотвореніяхъ, что и критику, и

читателю остается наслаждаться самымъ произведеніемъ, не рискуя въ виду бесплодности такой затѣи, вскрывать живое созданіе, чтобы на трупѣ изучать физиологію его поэтической жизни.

Вотъ почему объ этихъ стихотвореніяхъ можно упомянуть здѣсь, говоря о ихъ стилѣ, только какъ о произведеніяхъ, въ которыхъ Некрасовъ-лирикъ поднимался на наибольшую высоту. Удобное исключеніе для насъ въ этомъ смыслѣ, при изслѣдованіи того, какъ именно выработался у Некрасова особый стиль лирической публицистики, та своеобразная стихотворная форма, по которой Некрасовскій стихъ всегда легко узнается, представляетъ собою стихотвореніе тоже 1856 года — „Поэтъ и гражданинъ“. Подражая Пушкину и Лермонтову, Некрасовъ, въ бесѣдѣ между гражданиномъ и поэтомъ, рассказываетъ о томъ раздвоеніи, которое ему пришлось съ болью и борьбой переживать прежде, чѣмъ онъ твердой ногой вступилъ на путь гражданской поэзіи. Какъ всякій молодой поэтъ, отвѣчая уже созрѣвавшему въ немъ гражданину (онъ же критикъ и читатель), Некрасовъ презрительно рекомендуетъ ему прочесть символъ вѣры Пушкина: ниже достоинства поэта читать эти священные слова въ присутствіи прозаика-гражданина. *Гражданинъ* (читаетъ):

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвы—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

Гражданинъ, неожиданно для Некрасова, увѣряетъ его, что живѣе принимаетъ къ сердцу Некрасовскіе стихи, но немедленно же подчеркиваетъ, что дѣло—не въ поэтической прелести послѣднихъ:

„Твои поэмы безтолковы;
Твои элегіи не новы;
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны;
Твой стихъ тягучъ. Замѣтьте ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны“.

И тотчасъ поясняетъ, что Некрасовъ—не Пушкинъ, но что покуда не видно солнца ни откуда—съ его талантомъ стыдно спать. И выставляетъ другой девизъ поэтической дѣятельности:

„Будь гражданинъ. Служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви“.

Поэтъ признается, что это и было смолоду его девизомъ;

что безъ отвращенія онъ шелъ и въ тюрьму, и въ мѣсту казни, въ суды и въ больницы; что онъ честно ненавидѣлъ и искренно любилъ. Ему было двадцать лѣтъ, и его „свободное слово“ сочли черной клеветой:

„Душа пугливо отступила“...

Вотъ почему —

„Склонила муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла“.

Не вовсе, однако, чуждался онъ музыки и послѣ этого, но она приходила все рѣже, скрываясь при малѣйшемъ звонѣ цѣпей, и теперь она вовсе отвернулася. Поэтъ замкнулся въ себя; онъ не знаетъ, что предназначалъ ему „рокъ суровый“, но, вспоминая свою блѣдную музу, говоритъ, что —

„...шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ ея угрюмой красотѣ“.

Этимъ лирическимъ заключеніемъ діалога, Некрасовъ какъ бы начинаетъ свое новое публицистическое служеніе. Непосредственно за этимъ пишетъ онъ свое знаменитое —

„Тяжелый крестъ достался ей на долю“,

—въ которомъ „всеобнимающая любовь“ равно сочувствуетъ и жертвѣ, и тирану. Невольно думается, что содержаніе этого стихотворенія, передающаго драму любви между молодой, полной силъ женщиною и ревниво удерживающимъ ея любовь умирающимъ больнымъ, которымъ такъ часто воображалъ себя Некрасовъ, — относится именно къ его союзу съ музой, ибо что могла бы муза сказать обнадеживающаго невѣрящему болѣе въ свои силы поэту!..

„Ужасные, убійственные звуки!..
Какъ статуя, прекрасна и блѣдна,
Она молчитъ, свои ломая руки..
И что сказать могла бъ ему она!..“

Далѣе, въ „Гадающей невѣстѣ“, опять сквозитъ сомнѣніе въ томъ, будетъ ли счастье съ женихомъ, который можетъ быть „изъ тѣхъ бездушныхъ“, послушныхъ одному голосу тщеславной суеты, способныхъ отдать, за плоскія рессоры и пару кровныхъ лошадей, „плѣнительные взоры, нѣжность сердца, музыку рѣчей“.

Но Некрасовъ оказался не такимъ и пишетъ въ слѣдующемъ году изъ Рима поэму „Несчастные“, посвященную тихой Волгѣ, осеннимъ работамъ мужиковъ и страданіямъ ссыльныхъ.

Тамъ, далеко, среди нихъ, въ „пустыни бѣлой“, жилъ и

умеръ и зарытъ „гордый мученикъ“, который жилъ и страдалъ,
и „свободы не дождался“, только затѣмъ,

— „Чтобъ человекъ не баловался“...

Этой поэмой и слѣдующей за нею „Тишиною“ отерывается гражданское служеніе Некрасова. „Тишина“, какъ мы уже знаемъ, вся цѣликомъ можетъ служить образцомъ того Некрасовскаго стиля, который съ этихъ поръ, въ „Убогой и нарядной“, въ „Размышленіяхъ у параднаго подъѣзда“, въ „Пѣсняхъ Еремушки“ и т. д., уже не оставляетъ Некрасова. Зато, до поры до времени, оставилъ его старый мучитель демонъ, „демонъ бессонныхъ ночей“, и поэтъ догадывается—почему:

„Иль потому не приходишь,
Что ужъ доволенъ ты мной?“

Хотя уже три года не посѣщалъ Некрасова его демонъ, но онъ напрасно, въ шестидесятомъ году, поторопился заключить, что демонъ имъ доволенъ. Стоило поэту вспомнить дѣтство Валѣжникова, въ имѣющей всѣ признаки автобіографіи пьесѣ: „На Волгѣ“, какъ дрогнуло въ немъ сердце при мѣрномъ, похоронномъ крикѣ, донесшемся къ нему изъ гурьбы бурлаковъ, которые шли по берегу Волги,—

„Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой“...

Вспомнилъ поэтъ свою ярославскую молодость на берегу Волги, вспомнилъ костеръ бурлаковъ, ихъ неторопливый разговоръ,—

„Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты,
И выражающій укоръ
Спокойный, безнадежный взоръ“.

И вотъ онъ вновь—жертва искушеній и мучительства своего демона. „Я не болѣе, какъ рыцарь на часъ“,—говоритъ онъ себѣ, и пишетъ подъ этимъ заглавіемъ то стихотвореніе, которое, по справедливому признанію многихъ критиковъ, одно давало бы ему право на титулъ первокласснаго поэта. Кто не помнитъ этой пѣсни покаянія, обращенной къ тѣни матери, этого гимна подвижнической тоски, влеченія къ тернистой дорогѣ, къ стану погибающихъ за великое дѣло любви, вопля ужаса передъ нечистой тиной мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей въ средѣ ливующихъ, праздноболтающихъ, обогрязшихъ руки въ крови; лирическій подъемъ до такой степени совпадаетъ въ этомъ

стихотвореніи съ подъемомъ духа „за великое дѣло любви“, что сознаніе „поворныхъ пятенъ“ не позволяетъ поэту окончить заключительную строку, и это дѣлаютъ за него теперь. Некрасовъ написалъ:

„Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилася,
Можетъ смертию еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить.....“

Онъ не дописалъ того, что само вырастаетъ, какъ терновый вѣнецъ на главѣ его музы; за нею невольно и справедливо кончаютъ всѣ, кто читаетъ это стихотвореніе:

.....и страдать“!

IV.

Направленіе творчества Некрасова имѣетъ много общаго съ задачами поэтической дѣятельности Шиллера, и хотя конечные результаты собственно стихотворной работы ихъ по отношенію къ формамъ стиха нѣсколько различны между собою, но задачи и путь, по которому идутъ оба поэта, въ сущности одни и тѣ же у обоихъ. Когда маркизъ Поза восклицаетъ, обращаясь къ королю Филиппу: „О, дайте, государь, свободу мысли!“, то все, что за этимъ слѣдуетъ—не что иное, какъ лирическая публицистика Некрасова,—разумѣется, изложенная сообразно XVIII вѣку, въ формѣ наивнаго обращенія къ тому, кто въ отвѣтъ только отвернулся. Кромѣ того, тѣ же особенности поэзіи XVIII вѣка, съ его поклоненіемъ внѣшней отдѣлкѣ стиха, отражались на Шиллерѣ безконечно сильнѣе, чѣмъ такое же естественное стремленіе къ виртуозности могло отразиться на поэтѣ шестидесятихъ годовъ; въ эту пору „разрушенія эстетики“, когда даже таковой сынъ Пушкина, какъ Полонскій, уступая требованіямъ времени, терпѣлъ въ своихъ стихахъ немзыкальныя выраженія,—разумѣется, Некрасовъ центръ тяжести своего творчества переносилъ въ область поэтической идеи. На первомъ планѣ у него, какъ и у Шиллера, было дать свободу мысли—не жертвуя формой, но пользуясь ею какъ орудіемъ:

„Чтобъ словамъ было тѣсно,
Мыслямъ—просторно“.

Наименьшее число словъ при наиболѣе ясномъ выраженіи мыслей и есть эта свобода идеи. Шиллеръ, въ одномъ изъ стихо-

твореній своихъ, ставитъ это положеніе въ видѣ прямой аналогіи съ закономъ механики, требующимъ для наивысшаго приложенія силы сосредоточенія ея на наименьшей поверхности:

„Wer etwas Treffliches leisten will,
Hätt' gern was Grosses geboren,
Der sammle still und unerschlaft
Im kleinsten Punkte die höchste Kraft“.

Сообразно съ этимъ, и Некрасовъ въ своемъ подражаніи Шиллеру совѣтуетъ не жалѣть времени ради формы, говоря, что въ поэмѣ важенъ стиль, отвѣчающій темѣ, и рекомендуя „чеканить стихъ, какъ монету“ —

„Строго, отчетливо, честно“.

Несомнѣнно, что всѣ эти три нарѣчія меньше всего указываютъ на принципъ искусства для искусства; вырази мысль свою какъ можно опредѣленнѣе и вѣрнѣе; вотъ рецептъ, который даетъ Некрасовъ, опираясь, такъ сказать, на Шиллера и притомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ направленіемъ литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ; на первомъ планѣ у Некрасова — служеніе правдѣ въ искусствѣ, — принципъ, къ которому пришелъ въ концѣ своей дѣятельности еще Бѣлинскій, и который составлялъ основу дѣятельности Добролюбова: задавая вопросъ о томъ, „когда же придетъ настоящій день?“ — Добролюбовъ отчетливо представлялъ себѣ, какія именно явленія и въ какихъ очертаніяхъ освѣтитъ ихъ чаемый имъ дневной свѣтъ. Такое строгое отношеніе Некрасова къ своей поэзіи, отъ которой онъ требовалъ отчетливости и честности, не только въ идеѣ, но и въ формѣ, и вызвало тотъ энтузіазмъ, который проявился съ такой силой на могилѣ Некрасова, гдѣ, какъ извѣстно, возникъ споръ о томъ, не выше ли онъ Пушкина. Здѣсь коренится, вѣроятно, разгадка того явленія, что рукописи Некрасова, которыя пока мало извѣстны и еще не изучены, рѣзко отличаются отъ черновыхъ набросковъ Пушкина незначительнымъ сравнительно количествомъ поправокъ; надо надѣяться, что юбилейная ярославская выставка дастъ много новаго матеріала по этому вопросу, — пока же этотъ отдѣлъ біографическихъ данныхъ о жизни и дѣятельности Некрасова чрезвычайно бѣденъ. То, что имѣется, позволяетъ пока только аргюи заключать, что Некрасовская чеканка стиха сводилась именно къ наиболѣе вѣрному воспроизведенію идеи, а не къ отдѣлкѣ именно формы; въ виду этого можно предположить, что смолоду Некрасовъ много работалъ надъ формой въ этомъ смыслѣ и сталъ хозяиномъ въ этой своей

области, сравнительно болѣе узкой, чѣмъ широкая по богатству настрояній форма Пушкинскаго стиха.

Виртуозы формы, какъ, на примѣръ, Алексѣй Толстой, въ противоположность Некрасову, открыто исповѣдывали, и мыслью, и дѣломъ, старый, еще Платоновскій принципъ отысканія во внѣ и воспроизведенія въ искусствѣ тѣхъ предвѣчныхъ формъ, въ которыхъ живутъ божественныя идеи.

„Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель,
Вѣчно носилъ они надъ землею, незримыя оку“...

Совѣтуя напрягать сильнѣе „душевный слухъ и душевное зрѣнiе“ для того, чтобы подслушать неземныя рыданія и уловить невидимыя формы и неслышимыя сочетанія словъ, А. Толстой говоритъ поэту, что предъ нимъ, окруженнымъ мракомъ и молчаніемъ, слышимъ, подобно Гомеру, и глухимъ, подобно Бетховену, вдругъ:—

„Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта,—осозательнѣй формы.
Стройныя словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значеніи“.

Несомнѣнно, что для поэтовъ того и другого направленія одинаково необходимъ тотъ подъемъ душевной дѣятельности, безъ котораго творчество немыслимо; поэтому, говоря не о формѣ, а о сущности, Некрасовъ пишетъ:

„Въ первомъ вѣнчикѣ сила,
Брось начатой разговоръ“...

Мы знаемъ, какъ трудно давалась Шиллеру возможность творить, какое уединеніе и какія были внѣшнія средства, къ которымъ ему приходилось прибѣгать. Такъ и Некрасовъ свидѣтельствуетъ о себѣ, въ поэмѣ „Судъ“, что невозможно разсказать, „во что обходится союзъ съ иною музою“, и подчеркиваетъ благотворное существованіе того, чья муза не бойка:

„Горитъ онъ рѣдко и слегка,
Но горе, ежели она
Славолюбива и страстна.
Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
Объятыя эти выносить“.

Тутъ же поэтъ добавляетъ про себя:

... „Я, когда начну писать,
Перестаю и спать, и ѣсть“.

Доказательствомъ, что это волненіе и страданіе относились къ рожденію идеи, а не къ обработкѣ формы, можетъ служить слѣ-

дующее. Въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ памяти Шиллера, Некрасовъ по поводу возгласа толпы: „пѣвцы не нужны вѣку!“ — обращается къ „вдохновенному художнику“ съ мольбой о томъ, чтобы онъ возвратился, подчеркивая, что міръ уклонился съ настоящаго пути —

„На путь вражды! Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты,
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты!..“

Послѣдовательность, въ которой переименованы эти три царяція надъ міромъ идеи, даютъ ясную схему общаго Некрасову и Шиллеру направленія въ ихъ творчествѣ, а указаніе источника гармоніи не во внѣ, а въ груди поэта, и есть то перемѣщеніе центра тяжести поэтической дѣятельности, которое отличаетъ нынѣшняго истиннаго поэта отъ творцовъ прежняго времени, воссѣдавшихъ на пиѣйскомъ треножникѣ. Чтобы еще чѣмъ-нибудь подтвердить, что именно въ такомъ направленіи шла Некрасовская чеканка стиха, что, вырубая свою статую, онъ искалъ не красоты, а точнаго облика идеи, родившейся въ немъ самомъ, достаточно указать на слѣдующій примѣръ: въ poemѣ „Кому на Руси жить хорошо“, послѣдняя пѣсня „Русь“ заключаетъ въ себѣ куплетъ на первый взглядъ чрезвычайно несложный по фактурѣ; въ третьей окончательной редакціи этой „Пѣсни Гриши“ онъ сложился такъ:

„Встали—небужены,
Вышли—непрошены,
Жита по зернышку
Горы навошены!“

Послѣднія двѣ строки въ первой редакціи безъ всякаго ущерба для формы звучали такъ:

„Горы по зернышку—
Смотришь—навошены“.

Въ отношеніи же ясности мысли, однако, поэтъ замѣтилъ существенный недостатокъ. Невольно спрашиваешь себя—чего именно горы навошены. Впадая на минуту въ Толстовскій (Алексѣя) культъ формы, Некрасовъ поправилъ такъ:

„Сѣребра, золота
Горы навошены“.

Независимо отъ того, что этотъ пѣсенный оборотъ представлялся слишкомъ искусственнымъ даже съ точки зрѣнія формы,

поэтъ не могъ не остановиться на мысли, что „матушка-Русь“, которую онъ называетъ и убогою, и обильною, очевидно, если и обильна, то отнюдь не серебромъ-золотомъ, но что, по ироніи судьбы, у нея можетъ иногда оказаться обильный урожай дешеваго, ненужнаго тогда никому хлѣба, и что въ этомъ сопоставленіи ея убогости и обильности именно по отношенію къ зерну и заключается ея земледѣльческая трагедія. Вотъ почему, для точнаго воспроизведенія его идеи, для того, чтобы ей стало просторно въ тѣснотѣ этихъ немногихъ словъ, и чтобы было ясно также, что рядомъ съ горами жита у каждаго въ отдѣльности только зернышко, онъ пишетъ въ окончательной редакціи:

„Жита по зернышку
Горы наошены“.

Такое направленіе Некрасова, какъ поэта, идейное въ широкомъ смыслѣ этого слова, устраняетъ необходимость особенно вглядываться собственно въ метрику его стиха. Въ всякаго сомнѣнія стоитъ то, что онъ владѣлъ въ отношеніи стихосложенія тѣмъ тонкимъ слухомъ, который позволяетъ писать стихи, по крайней мѣрѣ въ первой редакціи, не скандируя ихъ вслухъ, что уже устраняетъ необходимость многихъ поправокъ. Съ другой стороны, свобода въ употребленіи затѣчныхъ слоговъ въ началѣ строчки, а тѣмъ болѣе въ концѣ ея, причемъ стихъ выигрываетъ въ выразительности,—говоритъ также о присущей Некрасову особой степени ритмичности, того свойства, наличности котораго въ человѣкѣ, по Вундту, вообще обязанъ своимъ происхожденіемъ человѣческой стихъ. Этотъ стихотворный даръ, въ техническомъ смыслѣ этого слова, позволяетъ Некрасову, отдаваясь лирическому порыву въ данный моментъ, свободно мѣнять размѣръ на ходу, среди большой пьесы; при этомъ ему удается новаторство въ употребленіи даже старыхъ формъ.

Возьмемъ, на примѣръ, „Балетъ“:

„Мы вошли среди криковъ и плеска.
Сядемъ здѣсь—я боюсь первыхъ мѣстъ“.

Этотъ эпическій размѣръ, благодаря оригинальной цезурѣ второй строчки, звучитъ чрезвычайно спокойно. Вы слышите, что Некрасовъ еще менѣе торопится къ своему креслу, чѣмъ Онѣгинъ, который—

„Идетъ межъ креселъ по рядамъ“,

—отбивая ногой обыкновенный ямбъ, какъ извѣстно, меньше всего отвѣчающій плясовому мотиву, который считается исключительной принадлежностью хорея.

И вотъ, въ спокойномъ, плавномъ анти-дактилическомъ стихѣ Некрасова, образецъ котораго я привелъ выше, въ нужный моментъ вдругъ зазвучалъ ритмъ танца, благодаря остроумному переносу той же оригинальной цезуры изъ второй строки въ первую и удачному размѣщенію болѣе короткихъ словъ:

„Вотъ куплеты: попробуй, танцуй,
Театраль ихъ подь музыку пѣть!“

Читатель уже настроенъ сообразно намѣреніямъ поэта, и слѣдующіе затѣмъ куплеты звучатъ потому чисто плясовымъ мотивомъ:

„Я былъ престранныхъ правилъ:
Поругивалъ балетъ“, и т. д.

А между тѣмъ это не хорей, а самый обыкновенный ямбъ, и весь секретъ—въ томъ, что онъ хотя и трехстопный, какъ непосредственно предшествующій ему анапестъ, но каждая стопа изъ трехсложной превратилась въ двухстопную.

Эта возможность внезапно оживлять стихъ, не измѣняя метрическаго облика его, очевидно, была особенно удобна для Некрасова, весьма склоннаго къ такъ называемому вольному стиху, которымъ писали Богдановичъ, Крыловъ и др.; это давало ему возможность среди стиховъ, которые онъ самъ называлъ „тягучими“, внезапно переходить въ болѣе живой тонъ, или давать при случаѣ неожиданно пѣсню въ народномъ стилѣ. Последнее особенно важно для его характеристики,—а именно, умѣнье написать настоящую и въ то же время художественную русскую пѣсню; такова, напр., „Пѣсня убогаго странника“ въ „Коробейникахъ“, гдѣ оригинально чередуется анапестъ съ дактилемъ, такъ что не только въ содержаніи, но въ самой музыкѣ стиха чувствуются какъ бы вопросъ и отвѣтъ, передается впечатлѣніе встрѣчи:

„Я хлѣбами иду—что вы тоши, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду“.

Таковы: „Голодная“, „Соленая“, „Кому на Руси жить хорошо“ и въ той же поэмѣ—всѣ почти пѣсни о „счастьѣ женскомъ“; особенно выдѣляется неподражаемая въ своей безыскусственности пѣсня Матрены:

„Спится мнѣ, младшенькѣ, дремлется,
Клонить голову на подушечку;
Свекорь-батюшка“ и т. д.

Къ чему хоръ припѣвается:

„Стучить, греметь, стучить, греметь,
Снохѣ спать не даетъ“.

Некрасовъ писалъ всякими размѣрами; но особенно любилъ анапестъ и дактиль, а также пентаметръ, т.-е. болѣе сложныя формы, что прямо свидѣтельствуетъ о его тонкомъ вкусѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на то, что онъ вполне владелъ этими трудными размѣрами. Вотъ почему такъ красиво звучать отъ времени до времени прерывающія его поэмы лирическія отступленія, о которыхъ мы уже упоминали, какъ объ особенностяхъ его творчества:

„Волга, Волга, весной многоводной“...

—или безукоризненное по формѣ отступленіе въ русскомъ духѣ среди прозаической „Газетной“, имѣющее характеръ цѣлостнаго отдѣльнаго произведенія:

„Не заказано вѣтру свободному
Цѣть тоскливыя пѣсни въ поляхъ,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны въ лѣсахъ,
Спокойнъ вѣку дождемъ разливаются
Надъ родной стороною небеса;
Гнутся, стонутъ, подъ бурей ломаются
Спокойнъ вѣку родные лѣса;
Спокойнъ вѣку работа народная
Подъ унылую пѣсню кипитъ,
Вторить ей наша муза свободная,
Вторить ей—или честно молчить“.

Рядомъ съ этими строками особенно умѣстно указать на одну изъ лучшихъ его пьесъ и по содержанію, и по формѣ, рисующую тотъ типъ просвѣтленнаго крестьянина, который составлялъ одинъ изъ его идеаловъ. При этомъ, со свойственной ему широтою, поэтъ въ „Зеленомъ шумѣ“, о которомъ мы ведемъ рѣчь, всталъ на высоту общечеловѣческой идеи возрожденія сердца человѣческаго отъ соприкосновенія съ весенней природой:

„Люби—покуда любитъся,
Терпи—покуда терпится,
Прощай—пока прощается,
И—Богъ тебѣ судьба“.

Не мудрено, что неустанное стремленіе дать своей мысли самыя отчетливыя выраженія, даже безъ нарочитаго стремленія къ красотѣ формы, постепенно, какъ мы и предположили выше, привело Некрасова къ такому стиху, гдѣ, какъ у Гоголя, каждое словечко вскочило на свое мѣсто. Разумѣется, это относится главнымъ образомъ къ его чисто лирическимъ пьесамъ или къ тѣмъ изъ публицистическихъ, которыя были наиболѣе близки

его сердцу. Въ такихъ случаяхъ его строфы, какъ это всегда случается съ первоклассными поэтами, приобретаѣли значеніе поговорокъ, напр.:

„Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ“...

—пишетъ онъ въ „Салтѣ“ о „современномъ“ ему „героѣ“. Или бессмертное, вѣчно современное:

„Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй“.

V.

Въ заключеніе, мы остановимся на томъ особомъ значеніи, какое имѣютъ тѣ лучшія изъ числа лирическихъ произведеній Некрасова, которыя можно назвать *покаянными*. Свойственная вообще лирикамъ наклонность раскрывать свою душу предъ другомъ-читателемъ съ особенной силой сказывалась у Некрасова, причемъ искренность порывовъ его такова, что эти стихотворенія являются какъ бы непрерывной исповѣдью вслухъ, съ откровенностью, свойственной только большимъ людямъ и въ значительной степени напоминающей по своей глубинѣ смѣлость самоанализа Льва Николаевича Толстого.

Некрасовъ не задумывается выставить себя трусомъ, малодушнымъ, говорить о своихъ „позорныхъ пятнахъ“. Контрастъ между жизнью богатаго человѣка, сытаго барина—и участію тѣхъ голодныхъ, холодныхъ натурщиковъ, съ которыхъ онъ писалъ, соответствовалъ въ нѣкоторой степени крупнымъ карточнымъ выигрышамъ, возвращавшимъ Некрасову, какъ онъ выражался, постепенно состояніе, проигранное дѣдомъ; съ другой стороны, матеріальное обезпеченіе, завоеванное трудомъ, дѣлало воспоминанія о голоданіи и лишеніяхъ молодости еще болѣе жгучими; борьба съ лагеремъ ливующихъ представителей силы, въ виду этихъ контрастныхъ ощущеній, была не всегда геройская, въ античномъ смыслѣ этого слова; иногда заставляла она поэта уступить, согнуться передъ временщикомъ, ради, напримѣръ, спасенія журнала; все это представителями лагеря „безличныхъ“, чернью гостинныхъ и канцелярій, ставилось Некрасову въ вину, причемъ обвинители торжественно указывали на покаянныя его пѣсни, какъ на повинную. Это—не чтд иное, какъ недоразумѣніе, употребляя деликатное выраженіе,—и это важно,—разумѣется, на

литературной почвѣ только,—категорически опровергнуть. Въ десяткахъ стихотвореній этого рода, т.-е. покаянныхъ, нѣтъ ни одной строки, которая указывала бы на склоненіе головы передъ этими противниками, къ которымъ Некрасовъ естественно могъ только питать презрѣніе. Это презрѣніе въ случаяхъ особенно острыхъ доходило до чувства отвращенія. Послѣ извѣстнаго эпизода, когда Некрасовъ пробовалъ спасти „Современникъ“ комплиментарнымъ застольнымъ стихотвореніемъ, и былъ затѣмъ принятъ въ объятія „безличными“, вздумавшими сдѣлать карьеру такимъ пріемомъ въ свои нѣдра блуднаго сына, Некрасовъ пишетъ свое знаменитое стихотвореніе: „Ликуетъ врагъ“, — и развѣ у Шекспира, можетъ быть, найдется равное по силѣ выраженія изображеніе чувства гадливости, испытаннаго поэтомъ въ эти минуты:

„За что кричатъ безличные:—ликуемъ!
Сидѣша въ объятіяхъ къ новому рабу
И приговоядая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу“.

Въ этомъ покаянномъ стихотвореніи, какъ и во всѣхъ другихъ безъ исключенія, поэтъ кается „передъ вчерашнимъ другомъ“, который „молчитъ, въ недоумѣніи качая головой“, и передъ „великими страдальческими тѣнями, на чьихъ гробахъ (онъ) преклонялъ колѣни“. Это—тѣни Бѣлинскаго, Добролюбова, матери. Къ послѣдней, прямо высказывая это, обращается онъ въ „Рыцарѣ на часъ“ съ „пѣснью покаянія“ и здѣсь, рядомъ съ упоминаніемъ о „позорныхъ пятнахъ“ своихъ, твердо свидѣтельствуетъ о той „свободной, гордой силѣ въ груди“, которую онъ унаслѣдовалъ отъ нея, и проситъ мать укрѣпить его волею твердою. Не разъ, въ обращеніяхъ своихъ „Къ поэту“, Некрасовъ говорить, что медленно сгораетъ со стыда оттого, что, владѣя счастливымъ даромъ, онъ бездѣйственъ и печаленъ, и оттого, что—

„...Душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано“.

Еще въ 1850 году, въ пору сравнительной безвѣстности, онъ уже говоритъ о терновомъ вѣнцѣ, который приняла, не дрогнувъ, его обезславленная муза, и затѣмъ, вспоминая совѣтъ „печатнаго судьи“ своихъ стиховъ „быть осторожнымъ въ употребленіи“ мѣстоименія „я“, Некрасовъ пишетъ:

„Противъ твоей я публики грѣшу;
Но только я не для нея пишу...
...Друзья мои,
...Мою тоску, мою бѣду
Пою для васъ...“

Несомнѣнно, однако, что если, съ одной стороны, Некрасовъ никогда не унижался до оправданія предъ людьми, которыхъ уважать не могъ, и не приносилъ имъ повинной, то, съ другой, мягкая, женственная натура его, которая такъ удивительно соединяла „мечь“ съ „печалью“, не могла не страдать отъ окружавшаго его тупого непониманія. Его сбивало также отсутствіе привѣта со стороны представителей чистаго искусства, такъ какъ онъ проповѣдовалъ ту же любовь, что они, — правда, проповѣдовалъ ее иначе — „враждебнымъ словомъ отрицанья“, — но вѣдь эта же любовь къ людямъ вообще вызывала его отрицанія и заставляла его въ то же время страдать при видѣ безчувственности людей:

„Стихи мои! Свидѣтели живые
За мѣръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ“.

Онъ видѣлъ, что это — утесы, понималъ, что это — камни, но все-таки бился о нихъ съ негодованіемъ, съ честной ненавистью къ этому безплодному, неподвижному берегу.

Некрасовъ, однако, хорошо понималъ, что хотя его клануть со всѣхъ сторонъ, но въ свое время — пусть это будетъ послѣ смерти —

„Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ, —
И какъ любилъ онъ, ненавида“.

Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности (1851 г.), когда онъ пѣлъ про свою музу чисто Пушкинскимъ мотивомъ, въ качествѣ ученика великаго учителя, что она его —

„...Гармоніи волшебной не учила,
Въ вѣлкахъ... свирѣли не забыла“,

— ему рисовалось его поэтическое назначеніе, въ чисто романтическихъ формахъ шествія за музой:

„Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела, —
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила“.

Но уже въ 1867-мъ году, на вершинѣ своей славы, въ стихотвореніи: „Неизвѣстному другу“, онъ совершенно опредѣленно свидѣтельствуетъ о своемъ лирико-публицистическомъ призваніи:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣвшемъ изумляющій народъ!“

То чувство „мести“, которымъ онъ горѣлъ, та ядовитая „капля крови“, которую онъ воспринялъ въ своемъ дѣтствѣ, переживая, подобно народу, горе личнаго рабства, подъ властью дикаго отца, представлялось ему совершенно справедливымъ залогомъ прощенья его винъ родинѣ:

„За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о родина, прости!“

Одно изъ лучшихъ послѣднихъ его стихотвореній: „Баюшки баю“, давшее ему очевидно высокое успокоеніе въ этой заботѣ о прощеньи, позволяетъ и намъ, по поводу 25-лѣтія со дня его смерти, успокоившей его 27-го декабря 1877 года, съ облегченіемъ въ сердцѣ признать, что онъ умеръ примиренный. Среди „непобѣдимаго страданія и неутолимой тоски“ въ дни послѣдней весны, уже подъ „черной рукой недуга“, онъ услышалъ отъ своей Музы, которая „на костыляхъ“ прибрела возвѣстить ему смерть, что она несетъ ему „вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья“ —отъ родины.

Уже передъ самой смертью, мечтая о другой веснѣ, до которой онъ не дожилъ, онъ слышитъ пророческую пѣснь „ангела свѣта и покоя“:

„Дождись весны, приду я рано,
Скажу—будь снова человекъ

И музѣ возвращу я голось;
И вновь блаженные часы
Ты обрѣтешь, собирая колось
Съ своей несжатой полосы“.

Ненавидя тѣ обломки старой русской жизни, которые испортили его дѣтство и мѣшали тогда, какъ и нынѣ мѣшаютъ, родинѣ подняться, Некрасовъ завѣщалъ намъ настоящій патріотизмъ, ту плодотворную любовь, которая ожесточенно борется противъ несовершенствъ жизни въ своей неутолимой жаждѣ идеала. Именно на этой почвѣ Некрасовъ справедливо не просилъ, а требовалъ отъ общества примиренія съ его музой:

„Примиритесь же съ музой моею!
Я не знаю другого напѣва.
Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любягъ отчизны своей“.

Это широкое, общечеловѣческое въ своемъ значеніи, исповѣ-

даніе любви къ тому, что этой любви дѣйствительно стоить, и ненависти къ неправдѣ, къ царящему злу, прекрасно выражено Плещеевымъ въ строфахъ, обращенныхъ къ памяти Некрасова. Это — лучшая эпитафія покойному поэту. Онъ, — пишетъ Плещеевъ, —

„Пылъ о желанныхъ лучшихъ дняхъ,
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила“...

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Вѣра Павловна пріѣхала въ губернской городъ и остановилась въ лучшей гостинницѣ, устроенной на подобіе европейскихъ отелей. На вокзалъ вызжала карета съ надписью: „Hôtel de France“; въ самой гостинницѣ было электрическое освѣщеніе, звонки, ванна, даже читальня, снабженная столичными газетами и убогимъ мѣстнымъ листкомъ.

Лядова, пріѣхавъ часовъ въ десять утра, тотчасъ же потребовала къ себѣ комиссіонера.

— Знаете вы, гдѣ живетъ Алексѣй Петровичъ Бѣловонскій?

— А кто они будутъ-съ?

— Кандидатъ на судебныя должности при здѣшнемъ судѣ.

— Не слыхалъ-съ, а можно спросить въ судѣ.

— Вы доставите ему сейчасъ это письмо.

— Слушаю-съ.

Черезъ полчаса Бѣловонскій сидѣлъ у Вѣры Павловны. Онъ уже зналъ все, что случилось съ Рахмаровымъ, и былъ недоволенъ отчиномъ за „новое ребячество“, какъ онъ выразился.

— Какъ ребячество?!—съ удивленіемъ воскликнула Лядова.

— Еще бы не ребячество! Писать корреспонденцію о не-

*) См. выше: мартъ, стр. 56.

годяѣ, который на все способенъ! Кому польза отъ этихъ корреспонденцій! Этотъ господинъ останется такимъ же.

— Но, во-первыхъ, эту корреспонденцію писалъ не онъ, а во-вторыхъ, я не ожидала, что вы такъ на это смотрите.

— Я всегда такъ смотрѣлъ. Ужъ если дѣлать, такъ что-нибудь поглубже, посерьезнѣе!..

Наружность Алексѣя Петровича сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Лядова видѣла его въ Петербургѣ. Онъ возмужалъ, сталъ полнѣе, но лицо носило отпечатокъ усталости, поблѣднѣло и какъ-то припухло; въ немъ исчезла прежняя юношеская свѣжесть. Измѣнились и глаза, пользовавшіеся у губернскихъ дамъ названіемъ „бархатныхъ“: ихъ прежній, молодой, задорно-насмѣшливый блескъ исчезъ, и они стали дѣйствительно похожи если не на бархатные, то на суконные: въ нихъ было что-то лѣнивое, сладковатое и циничное.

Лядову инстинктивно смущали его взгляды, когда онъ разсматривалъ ее съ головы до ногъ, развалившись въ низенькомъ креслѣ.

Когда Вѣра Павловна показала ему бумагу, въ которой Марья Семеновна отказывалась отъ своего доноса и объясняла его происхожденіе, Бѣлоконскій одобрилъ Рогова:

— Вотъ не ожидалъ, что Роговъ способенъ сдѣлать что-нибудь путное!.. Во всякомъ случаѣ, отлично сдѣлали, что поторопились пріѣхать,—добавилъ онъ:—надо немедленно дѣйствовать. Я сейчасъ поѣду къ прокурору; вы — къ тетускѣ и дядушкѣ. Дайте мнѣ эту бумагу съ показаніями Марьи Семеновны: я ее покажу прокурору и потомъ привезу вамъ, къ дядушкѣ. Это очень важно. Быть можетъ, сегодня же выяснимъ все недоразумѣніе...

Въ бумагѣ, написанной рукой Рогова и скрѣпленной подписью Марьи Семеновны, рассказывалось приблизительно вотъ что:

„Лопатинъ уговаривалъ меня, несчастную женщину, обезумѣвшую отъ неправильной ревности, подписать самыя лживыя и невѣрныя клеветы на Петра Григорьевича. Когда бумага была уже мною подписана и послана Лопатинымъ въ Петербургъ, я убѣдилась, что впала въ ужасную ошибку и грѣхъ“... и т. д.

Бѣлоконскій сообщилъ Лядовой, что въ одной московской газетѣ уже напечатана клеветническая корреспонденція о Рахматовѣ и о самой Вѣрѣ Павловнѣ. Вѣроятно, она была туда послана Лопатинымъ или вѣмъ-нибудь изъ его пріятелей. Къ несчастью, нельзя даже потребовать опроверженія официальнымъ путемъ, потому что фамилій не упомянуто; обвиненія высказаны

неуловимыми намеками и касаются интимной жизни и убѣжденій облачаемыхъ лицъ; противъ этого, конечно, никакихъ фактовъ привести нельзя. А между тѣмъ о корреспонденціи уже говорить весь губернский городъ. Газета, гдѣ она помѣщена, считается почему-то въ провинціи пользующейся особымъ покровительствомъ. Дядюшка рветъ и мечетъ, такъ какъ дѣло идетъ о его роднѣи и косвенно компрометируетъ его въ Петербургѣ. Онъ очень сердитъ на Рахмарова и Вѣру Павловну, и трудно будетъ добиться отъ него помощи. Для этого нужно убѣдить его, что клевета можетъ быть опровергнута безусловно, и что, такимъ образомъ, онъ получитъ возможность реабилитировать въ Петербургѣ своихъ родственниковъ. Однако, самъ дядюшка—человѣкъ съ пониманіемъ довольно тугимъ; поэтому лучше начать съ тетюшки. Она встанетъ въ двѣнадцать часовъ, и Вѣрѣ Павловнѣ слѣдуетъ отправиться къ ней въ часъ.

— Я буду тамъ уже раньше и успѣю предупредить Наталью Борисовну,—дѣловито говорилъ Бѣлоконскій.—Вы избѣжите неприятныхъ предварительныхъ объясненій и вступленій. Мы—друзья съ нею: я у нея секретаремъ по здѣшнему благотворительному обществу, и она очень ко мнѣ благоволитъ... Итакъ, я ѣду!

— Не можете ли вы для меня достать тотъ номеръ газеты, гдѣ напечатана корреспонденція?

— Не совѣтую вамъ ее читать. Она васъ очень разстроитъ... Это—невозможная гнусность!

— Ничего! Я къ этому подготовлена! А все-же необходимо ознакомиться съ нею, чтобы уметь отвѣтить, если дядя и тетя будутъ на нее намекать или спрашивать.

— Вѣроятно, можно найти этотъ номеръ здѣсь, въ читальнѣ... Это было напечатано дня три тому назадъ. Да лучше я самъ отыщу его тамъ и пришлю вамъ сюда.

Черезъ четверть часа Лядова читала:

„Превратныя и разрушительныя идеи нашихъ обезумѣвшихъ либераловъ начинаютъ уже переходить изъ жидовствующей петербургской печати въ жизнь, не оставляя въ покоѣ даже такіе захолустные уголки, какъ нашъ вполне богоспасаемый уѣздъ. Одинъ здѣшній землевладѣлецъ, человѣкъ съ весьма запятанной репутаціей, открылъ у себя въ имѣніи на чужое имя, пользуясь родствомъ съ высокопоставленными лицами въ губерніи,—деревенскій университетъ анархизма и самыхъ разрушительныхъ идей. Чего же смотреть тѣ, кому поручено охранять насъ? „Quousque tandem“ и т. д.

Въ заключеніе корреспонденціи говорилось, что „означенный распространитель заразы вызвалъ къ себѣ соотвѣтствующую помощницу изъ самыхъ разнузданныхъ кружковъ Петербурга. Открыто живя въ связи съ нею (при женѣ и почти взрослой дочери), онъ явно, среди бѣлаго дня, глумится своимъ поведеніемъ надъ всѣми устоями и основами семьи и нравственности, составляющими силу и крѣпость русскаго народа“...

Бросивъ газету на полъ, Вѣра Павловна, съ пылающими щеками, быстро ходила по комнатѣ, ломая руки, и громко восклицала:

— Боже мой! Господи! Да что же это такое?! Да какъ же это возможно?! Да неужели это оставить такъ! И, вѣдь пожалуй, это перепечатаютъ въ другихъ газетахъ! Что дѣлать?! Что мнѣ дѣлать?

Ея волненіе и негодованіе были такъ сильны, что только мысль о необходимости какъ-нибудь опровергнуть немедленно эту гнусность—поддерживала въ ней силы. Она чувствовала нѣсколько разъ, что у нея сердце перестаетъ биться и сознание теряется. Наконецъ, она рѣшила написать немедленно своему пріятелю, редактору петербургскаго журнала, сообщивъ подробности и прося его въ одной или двухъ порядочныхъ газетахъ разъяснить дѣло.

Письмо было написано неровнымъ почеркомъ, съ прыгающими буквами, такъ какъ все вертѣлось въ ея глазахъ и руки дрожали. Это письмо нѣсколько успокоило Лядову. Отправляя его, она спросила у лакея:

— Здѣсь издается какая-нибудь газета?

— Какъ же-съ! „Листокъ“! Три раза въ недѣлю выходитъ! Только тамъ все больше объявленія.

— Узнайте мнѣ адресъ.

Черезъ четверть часа она подѣвзжала къ небольшому двухъ-этажному каменному дому, въ одной изъ далекихъ улицъ города. На домѣ была большая вывѣска: „Типографія городской газеты „Листокъ“, а на подъѣздѣ—вывѣска поменьше, на которой, кромѣ названія газеты, значились часы пріема. Она попала весьма удачно, какъ разъ въ назначенное время.

Подъѣздъ не былъ запертъ; тѣмъ не менѣе, она позвонила. Наверху грязной деревянной лѣстницы, ведущей во второй этажъ, отворилась дверь, и грубый голосъ крикнулъ:

— Чего звоните! Не заперто!

— Гдѣ тутъ редація?

— Здѣсь, наверху!

Дверь захлопнулась.

Вѣра Павловна поднялась вверхъ и вошла въ темную прихожую.

Изъ прихожей видна была комната въ два окна, гдѣ за большимъ столомъ сидѣлъ высокій молодой человѣкъ съ подвязанной щекой, копной вьющихся бѣлокурыхъ волосъ на головѣ и съ очень красивыми темными глазами. Онъ читалъ газеты, рѣзалъ ихъ ножницами и наклеивалъ вырѣзки на листъ бумаги, намазывая ихъ крахмаломъ.

— Можно мнѣ видѣть редактора?—спросила у него Лядова.

Тотъ взглянулъ на нее строго, но, замѣтивъ интеллигентное лицо и приличный, скромный костюмъ, сдѣлался любезнѣе и даже всталъ.

— Пожалуйста, присядьте. Редакторъ сейчасъ занятъ съ однимъ посѣтителемъ. Но онъ скоро освободится.

Вѣра Павловна присѣла на одинъ изъ четырехъ стульевъ, имѣвшихся въ комнатѣ, а молодой человѣкъ снова принялся рѣзать и наклеивать. Но черезъ минуту онъ обратился къ ней:

— Вы по какому же, собственно, дѣлу?

— Я его должна объяснить самому редактору, — отвѣтила она.

— Я—секретарь редакціи, и всякое дѣло проходитъ черезъ мои руки. Если относительно переводовъ или корректуры,—такъ у насъ работы нѣтъ. Многіе являются, просятъ работы... Даже даромъ готовы...

— Нѣтъ, я не за этимъ...

— Статью помѣстить хотите?

— Да, пожалуй, статью... Опроверженіе на одну корреспонденцію.

Она назвала газету.

— Это не изъ нашего ли уѣзда?

— Да! Вы уже читали?—спросила Лядова.

— Еще бы не читать! Это возмутительнѣйшая корреспонденція! Вы, вѣроятно, изъ нашего уѣзда? Не о васъ ли тамъ и разсказывается?

Лядова сильно покраснѣла и, кажется, въ первый разъ въ жизни не была въ силахъ сказать правды.

— Нѣтъ, это мои знакомые... друзья,—отвѣтила она едва слышно.

— Вполнѣ, вполнѣ сочувствую и имъ, и вашему намѣренію, но...

Онъ вскочилъ съ мѣста и быстро сталъ ходить по комнатѣ, ероша волосы.

— Да, да! Это невозможно будетъ напечатать! Я бы напечаталъ! Но редакторъ,—при этомъ молодой человѣкъ понизилъ голосъ и сказалъ почти шопотомъ:—онъ ужасный трусъ! Знаете, акцизный чиновникъ, зависимый человѣкъ!.. И не дурной, знаете! Даже съ нѣкоторыми добрыми намѣреніями... Но противъ этой газеты онъ не напечатаетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Я его знаю! Еслибы даже пропустилъ нашъ черберъ, то и тогда Иванъ Ивановичъ не рѣшится! Такіе случаи были...

— Да вѣдь ему ничего же не будетъ за это...

— Эхъ, вы не знаете, что такое редакторская лихорадка! И ничего не будетъ, да вдругъ!.. Нѣтъ-съ, вы ужъ пошлите лучше опроверженіе въ одну изъ порядочныхъ столичныхъ газетъ. Вотъ теперь довольно смѣло пишетъ „Курьеръ Запада“... Если хотите, я помогу вамъ составить... Конечно, *gratis*!.. Меня самого возмущаетъ эта корреспонденція... Я посылаю кое-что отсюда въ одну столичную газету... Но тамъ редакторъ—такой же трусъ! Самыя невинныя корреспонденціи зачеркиваетъ...

— Я уже написала въ одному знакомому литератору: онъ редактируетъ толстый журналъ, имѣетъ связи съ редакціями, и я увѣрена, что сдѣлаетъ все, что можетъ. Но вѣдь это не скоро! Пока дойдетъ мое письмо, пока тамъ напечатаютъ, да пока номеръ придетъ сюда... А клевета будетъ ходить!.. Поэтому-то я и хотѣла бы въ мѣстной газетѣ...

— Онъ не согласится!—махнувъ рукой и кивая на дверь, сказалъ секретарь. — Да и не пропустятъ! Это — не простой фактъ!

Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ все быстрѣе и быстрѣе, причемъ такъ ерошилъ свою шевелюру, что, казалось, изъ его волосъ выйдетъ войлокъ.

Вѣра Павловна смотрѣла на его засаленный пиджакъ, на грязные воротнички, и думала:

„Должно быть, редакторъ держать ихъ впроголодь! Не предложить ли ему хорошую плату? Вѣдь, говорятъ, эти господа довольно податливы... Быть можетъ, онъ и болтаетъ-то все это для того, чтобы я его хорошенько поблагодарила“.

Вдругъ секретарь ударилъ себя по лбу и воскликнулъ, остановившись передъ нею:

— Эврика! Мнѣ пришла мысль. Завтра пойдетъ мой фельетонъ, и я попробую какъ-нибудь экивокомъ, эвоповскимъ языкомъ, рассказать эту исторію! Можно, напримѣръ, изобразить

все это въ Китаѣ, пристегнуть даже къ текущимъ военнымъ событіямъ. Напримѣръ, какой-нибудь мандаринъ, сочувствующій европейскому просвѣщенію, открываетъ школу, а другой—противъ... Ну, да, однимъ словомъ, я ужъ это придумаю! Кому нужно будетъ—догадаются! Только вотъ что: редактору вы—ни слова! Чтобы онъ и подумать не могъ, что это по поводу корреспонденціи... Вы мнѣ назначьте, когда зайти къ вамъ, и вы мнѣ расскажете все... А теперь лучше уходите...

— Спасибо вамъ... Если позволите, я отъ себя готова поблагодарить васъ.

Онъ отпрянулъ отъ нея къ своему столу, какъ будто его неожиданно ударили по лицу. Блѣдныя щеки залились румянцемъ; темные усталые глаза загорѣлись злобой.

Она испугалась того эффекта, какой произвели ея слова, и, поднявшись съ мѣста, проговорила:

— Простите! Я васъ обидѣла! Я не ожидала... Я слышала...

— Всѣ вы слышали, слышали!.. Что такое всѣ вы слышали?! Во всякихъ сферахъ есть негодяи! Въ семьѣ не безъ уродов! Нельзя же такъ за нѣсколькихъ уродовъ хлестать въ лицо cadaго... Вы дворянка? Да? Что же, нѣтъ дворянъ негодяевъ? Да вотъ этотъ, что написалъ о вашихъ знакомыхъ? Что же, я бы васъ хлестнулъ этимъ?!.. Впрочемъ, вы не виноваты!.. Это—общество виновато, проклятое, мерзкое, тупоумное!.. Да, да! Я напрасно такъ горячусь! Вотъ вы испугались и поблѣднѣли!.. Извините меня... Я зайду къ вамъ... Когда? Вашъ адресъ? Я боюсь, что редакторъ выйдетъ, и вы ему проговоритесь. Тогда все пропало! Надо мнѣ съ вами поговорить поскорѣе, чтобы успѣть составить фельетонъ.

Условились, что онъ сейчасъ, вслѣдъ за нею, пойдетъ въ гостиницу.

Уходя, Вѣра Павловна горячо жала руку секретаря и со слезами на глазахъ просила простить ее.

— Ничего-съ, ничего!.. Это я оттого, что нездоровъ, такъ разгорачился: лихорадка, да еще флюсъ цѣлыя ночи спать не даетъ...

Она посовѣтовала ему средство отъ зубной боли, которое ей всегда помогаетъ, и расстались они друзьями.

Въ номеръ къ Лядовой секретарь явился прилично одѣтымъ и просидѣлъ у нея съ полчаса, возмущаясь и негодуя на Лопатина:

— О, какъ бы я его раздѣлалъ, еслибы было можно!.. Вы мнѣ изъ деревни сообщайте, пожалуйста, если есть что-нибудь

важное и стоящее обличенія... Все же кое-что иногда и можно тиснуть, хотя иносказательно... Все хочу бросить газетную работу... Трудно на этой почвѣ принести пользу... Только злишься, а сдѣлать ничего невозможно!.. Вы не повѣрите, до какой степени я испортилъ себѣ нервы съ этой несчастной работой!..

— Я васъ вполнѣ понимаю! Это—ужасно! Очень вамъ благодарна за обѣщаніе сдѣлать хотя что-нибудь... Вы не хотите ли позавтракать?

На лицѣ гостя выразилось ясно, что это было бы очень хорошо, но, подумавъ немножко, онъ отвѣтилъ:

— Я завтракаю позднѣе. Вотъ, если позволите, стаканъ кофе...

Уходя отъ Вѣры Павловны, онъ сказалъ ей:

— Мало порядочныхъ людей въ провинціи, а то можно бы кое-что сдѣлать, что бы обуздало такихъ Лопатинныхъ... Но я васъ задерживаю; вы торопитесь. Я еще возобновлю съ вами этотъ разговоръ.

— Непремѣнно, непременно! Спасибо вамъ!

— Такъ завтра ждите!.. Ужъ я такъ напишу, что ни перберъ, ни редакторъ, не догадаются, и пройдетъ...

„Ну, это вовсе не утѣшительно“,—подумала Вѣра Павловна, но вслѣдъ затѣмъ рѣшила, что все-же и такой фельетонъ лучше, чѣмъ ничего...

Когда онъ былъ уже около двери, Вѣра Павловна вдругъ сказала:

— Простите, я васъ давеча обманула немножко: корреспонденція эта обо мнѣ самой... Ужъ очень тяжело было въ этомъ сознаться,—такія тамъ гадости обо мнѣ напечатаны.

II.

Тетушка ждала Лядову въ столовой съ чаемъ и кофе. Тутъ же былъ и Бѣлоконскій. Хотя онъ рассказалъ ей всѣ подробности, она тѣмъ не менѣе встрѣтила Вѣру Павловну очень сурово:

— Ну, и натворила ты дѣлъ, мой другъ! Это Богъ знаетъ что такое!

— Да, милая тетя, я ни въ чемъ не виновата!

— Кругомъ виновата! Вполнѣ виновата! Развѣ можно было поселяться у этого безумца?! Да еще школу тамъ открыть!! Гдѣ это видано? Слыхала ли ты, чтобы порядочная свѣтская дѣвушка

устроила такую штуку? Да вѣдь это даже представить себѣ невозможно! Вы тамъ, въ Петербургѣ, совсѣмъ обезумѣли. Вотъ тебѣ и плоды! Кто же тебѣ повѣритъ, что всѣ эти клеветы не имѣютъ никакого основанія? Тебѣ извѣстно, что въ обществѣ есть пословица: „Нѣтъ дыма безъ огня“! И свѣтъ держится ея всегда...

Тетушка была полная пожилая дама, съ сильнымъ румянцемъ на лицѣ, но какого-то кирпичнаго цвѣта. Сѣрые большіе глаза ея были, вѣроятно, когда-то красивы. Она и теперь кокетничала ими, когда взглядывала на Бѣлоконскаго, давая ему какое-нибудь порученіе,—напримѣръ, подвинуть Лядовой печенье, позвонить лакею, и т. д. Алексѣя Петровича она почему-то называла „шляюнъ“, что значило „шалунъ“, т.-е. буквы „а“ и „у“ замѣняли „я“ и „ю“, благодаря особой нѣжности, которую тетушка старалась вложить въ это слово.

— Почему вы его такъ называете?—спросила Лядова, когда гнѣвъ тетушки нѣсколько спалъ, и можно было перевести разговоръ на почву обычной свѣтской болтовни.

— Ахъ, ты развѣ не знаешь? Онъ здѣсь—побѣдитель сердецъ! Всѣхъ, начиная съ моего! Только я его люблю, конечно, пла-то-ни-чески!—растянула она послѣднее слово, причемъ у нея вышло „платонически“.—Но съ другими!.. О, онъ ужасный шляюнъ!—и она погрозила ему пальцемъ.

— Однако, ты, душа моя, не переводи разговора на невинныя темы, а давай выѣстъ вотъ съ нимъ обсудимъ, какъ поступить... „Шляюнъ“ сообщилъ, что прокуроръ общалъ немедленно разсмотрѣть „дѣло“... Онъ не сообщилъ тебѣ объ этомъ по моей просьбѣ, чтобы тебя помучить хорошенько... и проучить... Но ужъ такъ и быть!.. Мнѣ тебя все-же жаль! Такъ вотъ, обдумаемъ! Мужу нельзя просить прокурора. Будь Рахматовъ совершенно чужой человѣкъ—дѣло другое! Съ другимъ лицомъ, отъ котораго это дѣло зависить, мужъ—въ контрахъ... И это можетъ затруднить все... Къ счастью, „шляюнъ“ и тутъ можетъ кое-что устроить, благодаря своимъ бархатнымъ глазамъ! Имъ очарована дочка одного лица, отъ котораго тутъ многое зависить, и ея отецъ видитъ въ „шляюнѣ“ возможнаго жениха... Это—очень важно! И ему необходимо немедленно отправиться туда. Ну, а мужа ты ни о чемъ не проси. Онъ тутъ не можетъ вступить... Постарайся объ одномъ,—въ разговорѣ съ нимъ убѣдить его, что это все ложь... Это и его успокоитъ, да и для дѣла нужно: онъ вѣдь такой, что можетъ самъ потребовать особо-крутыхъ мѣръ для родственника, чтобы показать свое

безпристрастіе. Ты знаешь, онъ заболѣлъ отъ этой исторіи и былъ бы въ постели, еслибы не боялся, что всѣ поймутъ причину болѣзни... Вѣдь онъ этого безумца,—года еще нѣтъ,—рекомендовалъ въ комиссію!!.. Я даже серьезно опасаясь за мужа! Вотъ что вы надѣлали! Ну, да ты—дѣвушка, и тебя строго винить нельзя, а этому старому безумцу я никогда не прощу! Пусть и на глаза ко мнѣ не показывается!

Черезъ минуту она рѣшила, что Лядовой теперь лучше не встрѣчаться съ мужемъ.

— Онъ можетъ быть рѣзокъ и, пожалуй, скажетъ что-нибудь грубое. Лучше я его подготовлю. Ты теперь поѣзжай въ гостиницу и отдохни, а вечеромъ пріѣдешь... У себя не могу тебя оставить: ты теперь зачумленная... А вечеромъ пріѣзжай. У меня никого не будетъ, кромѣ одного пріѣзжаго виртуоза да двухъ неважныхъ дамочекъ; это—для „шляхона“... Виртуозъ собирается дать концертъ, и сегодня сыграетъ у меня... Кстати, послушаешь... А теперь прощай! Мужъ можетъ сейчасъ явиться.

III.

Вечеромъ Лядова отправилась къ тетускѣ довольно поздно, такъ какъ, вслѣдствіе безсонной ночи, дороги и всякихъ волнений, пережитыхъ ею сегодня, была совсѣмъ больна. Но, какъ бываетъ у нервныхъ натуръ, мысль, что ей что-то нужно дѣлать, хлопотать,—создавала подъемъ энергіи. Послѣдствія должны были сказаться потомъ.

Гостинная тетуски Натальи Борисовны Савичевой считалась въ цѣломъ городѣ самымъ оживленнымъ и гостепріимнымъ мѣстомъ. Хотя тетускѣ было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ, однако природа дала ей крѣпкое тѣлосложеніе, порядочный запасъ жира и „молодую душу“, какъ иронически выражались губернскіе франты. Поэтому она любила молодежь, общество, устраивала всякіе soirées—и музыкальные, и танцевальные, съ катаньями на тройкахъ и въ лодкахъ, покровительствовала всякимъ артистамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и пріѣзжимъ. Мѣстные остряки увѣряли, что она за своими пиршествами изображаетъ не хозайку, а того пищаго, который ждетъ, не достанется ли ему какая-нибудь кроха, упавшая съ общаго стола. Но этихъ крохъ на ея долю доставалось мало. Наталья Борисовна сама была не прочь намекнуть на свои успѣхи у молодыхъ людей, но знающіе утверждали, что она клеветаетъ на себя. Въ результатѣ,

служеніе „общественнымъ развлеченіямъ“ выходило почти безкорыстное, а между тѣмъ въ ея залахъ и гостинныхъ завязалось не мало браковъ и еще болѣе адюльтеровъ; но такъ какъ, по статистикѣ мѣстныхъ сплетницъ, браковъ было больше, чѣмъ адюльтеровъ, то тетушку всѣ „носили на рукахъ“. Посѣщать ея вечера, участвовать въ ея пикникахъ, исполнять ея порученія, ея ходатайства за разныхъ protégés, развозить билеты на устраиваемые ею спектакли, аплодировать пѣвцамъ и актерамъ, которымъ она покровительствовала, и вообще быть у нея на посылкахъ,—считалось большой честью.

Наталя Борисовна хотя и была горячей патріоткой, но считала „хорошимъ тономъ“, чтобы въ ея гостиной слышались сатирическія остроты и вообще чувствовалась „аттическая соль“. Этой „солью“ снабжалъ ее Бѣловонскій, и нигдѣ у него не развязывался такъ языкъ, какъ на ея кушеткахъ за трельяжами и передъ ея каминами. Поэтому онъ охотно посѣщалъ ея вечера, чувствуя себя здѣсь героемъ дня. Алексѣй Петровичъ держалъ себя съ хозяйкой полунасмѣшливо, полупокровительственно; она, несмотря на это, а, быть можетъ, и поэтому, старалась исполнять его желанія, приглашала къ себѣ въ домъ тѣхъ дамъ, на которыхъ онъ дѣлалъ намеки, усаживала его за столомъ или на катаньяхъ рядомъ съ ними. „Молодость должна пользоваться своимъ временемъ,—говорила она:—и притомъ это такъ сомше-*il-faut*—покровительствовать маленькимъ сердечнымъ тайнамъ!“

Въ описываемый вечеръ у Савичевой, какъ мы уже знаемъ, пріѣзжій артистъ долженъ былъ сыграть нѣсколько „вещицъ“; одна изъ мѣстныхъ дамъ обѣщала спѣть, а вечеръ предполагали окончить катаньемъ на тройкахъ на вокзалъ желѣзной дороги, отстоявшій въ полуверстѣ отъ города, какъ большая часть напихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ. Здѣсь обыкновенно забирались въ такъ называемую „дамскую комнату“, освѣжали себя шампанскимъ и опять мчались въ городъ, гремя бубенчиками и торопясь къ легкому ужину хлѣбосольной генеральши.

Алексѣй Петровичъ былъ въ этотъ вечеръ не въ духѣ. Онъ удалился въ угловую комнату, гдѣ былъ полусвѣтъ отъ высокой лампы, укутанной въ самый причудливый абажуръ. Здѣсь, за густымъ трельяжемъ, онъ сидѣлъ, полуразвалившись въ глубокомъ креслѣ, болтая съ двумя дамами, которыхъ третировалъ полупути, полупрезрительно, ссорилъ ихъ между собою и мирилъ, то дѣлаясь любезнѣе къ одной, то къ другой, то утѣшая обѣихъ одновременной любезностью. Дамы были изъ „неважныхъ“: одна—жена секретаря какого-то учрежденія, хорошенькая, черно-

глазая, пухленькая брюнетка; другая—жена директора частнаго банка, высокая и полная блондинка, пышущая здоровьемъ и жизнью. По желанію Бѣлоконскаго, хозяйка и пригласила ихъ сегодня, намекнувъ имъ даже, каждой въ отдѣльности, что Алексѣй Петровичъ очень интересуется ими и будетъ у нея. Обѣ дамочки давно мечтали занять мѣстечко въ сердцѣ моднаго „ловеласа“ и, быть можетъ, выдвинутся этимъ въ мѣстномъ бондѣ, гдѣ онѣ были приняты только за смазливенькія личики.

Въ этотъ вечеръ Бѣлоконскій видимо тяготился обѣими дамами и одинъ разъ даже слегка зѣвнулъ при нихъ, вызвавъ на себя цѣлую бурю восклицаній, которыя его мало тронули. Его смущало ожидаемое появленіе Лядовой: не хотѣлось обнаруживать передъ нею образа жизни, какой онъ велъ здѣсь. Мнѣніемъ ея о себѣ Бѣлоконскій дорожилъ.

Въ залѣ послышались вступительные аккорды, возвѣщавшіе, что пріѣзжій артистъ собирался играть. Въ угловую быстро вошла хозяйка своей тяжелой, волочащейся походкой, загородивъ почти всю дверь мощной, ожирѣвшей фигурой; эта фигура, съ огромной грудью, рыхлымъ, кирпично-румянымъ лицомъ и напудренными волосами, служила постояннымъ источникомъ комплиментовъ: кто желалъ польстить хозяйкѣ, находилъ въ ней сходство съ той или иной высокопоставленной дамой изъ русской исторіи.

— Mesdames,—заговорила она:—сейчасъ Штейнбергъ начнетъ играть. Идите, ради Бога, въ залъ. Неловко! Онъ тамъ почти одинъ... А вы, Алексѣй Петровичъ?

— Я люблю слушать музыку издали. А дамамъ необходимо! Артистъ можетъ обидѣться,—сказалъ онъ.

Дамы поднялись; каждая изъ нихъ рассчитывала, что можетъ потихоньку скрыться изъ зала и остаться съ Алексѣемъ Петровичемъ наединѣ.

Хозяйка дала имъ дорогу, а сама подошла ближе къ Бѣлоконскому и, немножко наклонившись, насколько ей позволялъ туго стянутый, какъ броня, корсетъ, просюсюкала, говоря съ нимъ, какъ говорятъ съ маленькими дѣтьми:

— А вы сегодня чѣмъ-то разстроены, мой очаровательный „шлякунъ“? Чтò такое случилось? Я знала впередъ, что эти дамы не по васъ. Онѣ хорошенькія, но очень недалеки... Вамъ нужно душу глубокую, возвышенную, артистическую, которая бы васъ понимала! Какъ я понимаю васъ! Я тоже одинока въ этой толпѣ!..

— Ну, я вовсе не чувствую себя одинокимъ,—сухо отвѣ-

тилъ онъ.—Дѣло не въ томъ. У меня, Наталья Борисовна, есть къ вамъ большое дѣло. Немного погода, вы загляните сюда во мнѣ, и поговоримъ.

— Знаю, знаю!—еще болѣе растягивая и смягчая слова, воскликнула хозяйка:—опять новое увлеченіе! Шалюнь, шалюнь!..

И она почти выпорхнула, стараясь изобразить что-то изящное и легкое.

Въ огромномъ залѣ, въ виду артистическаго меценатства хозяйки, стоялъ прекрасный рояль Беккера, хотя сама она никогда не играла.

Гости размѣстились на стульяхъ. Приѣзжій артистъ, нѣмецъ гигантскаго роста, закинулъ назадъ свои длинные волосы, окинулъ чувственными, нѣсколько бычачьими глазами, дамъ, причемъ на его жирномъ, бритомъ, красноватомъ лицѣ мелькнула гримаса, которая должна была выразить артистическое вдохновеніе. Вдругъ грянулъ такой аккордъ, что нѣкоторыя дамы вскрикнули... Но мало-по-малу быкообразный артистъ увлекся своей игрой. Игралъ онъ очень хорошо: звуки, въ самомъ дѣлѣ, захватывали васъ, заставляли дрожать нервы и трепетать сердце. Къ тому же и сила у знаменитаго артиста была необыкновенная: дрожали окна, дрожалъ полъ въ минуты его могучихъ фортиссимо, а дамы сгибались и готовы были упасть со стульевъ отъ этой бури могучихъ, потрясающихъ звуковъ, изрѣдка смѣнявшихся нѣжнымъ, любовнымъ воркованіемъ и шопотомъ верхнихъ регистровъ.

Бѣлокурая супруга директора частнаго банка на минуту даже забыла о Бѣлоконскомъ. У нея мелькнула болѣе честолюбивая мечта: заинтересовать европейскую знаменитость своей красотой и пѣніемъ и пригласить его на свой журфийскъ. Весь городъ будетъ кричать объ этомъ. Она поднялась съ своего мѣста и помѣстилась въ концѣ рояля, чтобы артистъ увидѣлъ ее. И онъ увидѣлъ, онъ нѣсколько разъ долго и выразительно посмотрѣлъ на нее въ самыхъ воркующихъ и нѣжныхъ мѣстахъ пьесы. У нея даже голова закружилась.

Когда артистъ кончилъ, она первая начала ему аплодировать и говорить комплименты, сопровождая ихъ такими взглядами, что Штейнбергъ, въ концѣ концовъ, согласился даже аккомпанировать ея пѣнію.

А брюнетка воспользовалась этимъ и была уже около Алексѣя Петровича, ядовито рассказывая ему, какъ ея конкурентка очаровывала этого „нѣмецкаго тамбурмажора“.

— Онъ недурно играетъ, но ужасно стучить!—говорила она:—такъ и въ газетахъ писали.

Бѣлоконскій взялъ ея руку и, удерживая въ своей, сказалъ:

— И неужели эти прелестныя ручки прикасаются къ грязнымъ листамъ газетъ! Фи! Не говорите мнѣ никогда, что вы читаете газеты! Что можетъ быть вульгарнѣе?!

Онъ подвинулся къ ней ближе и сталъ гладить другой рукой ея руку. Она не отнимала. Ему стало скучно. Ужъ очень легко давалась побѣда: „Совсѣмъ какъ на Невскомъ!“ — подумалъ онъ. — „Однако, что же дѣлать весь вечеръ? Съ Лядовой еще скучнѣе“. — И неожиданно онъ спросилъ у брюнетки:

— Вы поѣдете сегодня кататься со всѣмъ этимъ багаломъ?

— А вы развѣ не поѣдете?—воскликнула она съ видимымъ огорченіемъ. Ей очень хотѣлось показаться въ великосвѣтскомъ обществѣ на вокзалѣ, гдѣ всегда было много публики.

— Конечно, не поѣду,—сказалъ Бѣлоконскій.—Да какая и вамъ охота мерзнуть и для чего? Чтобы выпить тамъ бокалъ сквернаго шампанскаго и снова мерзнуть! Вы еще простудитесь! И эти маленькія ручки озябнутъ!..

И онъ поцѣловалъ ея руку.

— А какъ же отказаться? Вѣдь неловко! — сказала она.— И зачѣмъ?

— Очень просто: посидите еще съ полчаса, а затѣмъ скажите хозяйкѣ, что у васъ мигрень, возьмите одну изъ извозничьихъ каретъ,—ихъ теперь много у подъѣзда,—сядьте въ нее и ждите меня на углу. Теперь дома вамъ было бы скучно. Такъ подождете меня на углу?.. Я вскорѣ послѣ васъ уйду отсюда, и мы куда-нибудь поѣдемъ... Общаю вамъ, что вы не будете скучать...

— О, нѣтъ, это невозможно! Что вы!—сопротивлялась брюнетка такимъ тономъ, который говорилъ: „попроси еще немножко“!

Но Бѣлоконскій держался иной манеры:

— Какъ хотите!—сухо сказалъ онъ.

— Я подумаю,—сказала брюнетка, нервно вставая съ мѣста и вся вспыхнувъ отъ волненія.

Она медленно прошла въ залъ, а черезъ нѣсколько минутъ вернулась и шепнула:

— Я поѣду. А пока до свиданья! Будемъ держаться вдалекѣ другъ отъ друга, чтобы не замѣтили.

— Пришлите ко мнѣ Наталью Борисовну,—сказалъ ей вслѣдъ Бѣлоконскій.

Та не замедлила явиться.

— Какое же у васъ дѣло, очаровательный „шляюнъ“?— вѣжно проговорила она, стараясь сѣсть къ нему какъ можно ближе.

Онъ безъ церемоніи отодвинулъ свое кресло дальше.

— Очень, очень важное, дорогая Наталья Борисовна!— проговорилъ онъ.— Видите ли, куда собирается пріѣхать дочь миліонера Петренки. Вы, конечно, о ней слышали: извѣстная меценатка, жертвуетъ массу денегъ на всякія благотворительныя учрежденія... Она не сразу пріѣдетъ сюда, а сначала въ свою деревню, село Смирново.

— Знаю, знаю! Ну, что же?

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы здѣсь вы ее приняли, обладали, заѣхали къ ней въ гостиницу и даже устроили для нея небольшой вечеръ, на которомъ непременно должны быть всѣ здѣшнія сливки...

— Зачѣмъ же это нужно вамъ? Неужели и съ нею у васъ?.. О, жестокий!

— У меня есть серьезные планы на нее...

— Но, мой милый, отъ васъ ли я это слышу? Матримоніальныя соображенія! Но вѣдь она рагвенное. Это—мезальянсъ! Нѣтъ, нѣтъ, я этого не допущу! Мы все-же находимся въ свойствѣ! И не говорите!

— Но, во-первыхъ, у нея девять милліоновъ, а во-вторыхъ, я влюбленъ! Если вы не поможете мнѣ, я пушу себѣ пулю въ лобъ! Я говорю это серьезно.

Черезъ десять минутъ Савичева сюсюкала:

— Хорошо, для васъ я готова на все! Только очень будетъ трудно, „шляюнъ“, убѣдить моего Ивана Петровича.

— Постарайтесь, Наталья Борисовна! Обязете „по гробъ жизни“, какъ говорятъ купцы.

Онъ взялъ ея руку и долго цѣловалъ. Это было такимъ рѣдкимъ сюрпризомъ для почтенной матроны, что она совсѣмъ растаяла, наклонилась надъ нимъ и впиалась губами въ его лобъ, тяжело дыша и скрипя корсетомъ.

— Вамъ нужно къ гостямъ!—сказалъ Бѣлоконскій.

Хозяйка опомнилась, поднялась, игриво погрозила ему пальцемъ и вышла изъ углавой.

Бѣлоконскій заглянулъ въ гостиную. Лядовой еще не было, а брюнетка уже исчезла.

„Что я буду ждать эту святую Цецилію!“—подумалъ Бѣлоконскій и незамѣтно перебрался въ переднюю...

Вернулся онъ къ себѣ домой, въ маленькую квартирку, состоящую изъ трехъ невзрачныхъ комнатъ, только подъ утро. Брезгливо взглянувъ на свою рыночную обстановку, Бѣлоконскій усѣлся за письменный столъ и написалъ длинное письмо къ Надеждѣ Николаевнѣ Петренко: съ нею онъ регулярно переписывался. Въ письмѣ рассказывалось, какъ онъ скучаетъ здѣсь, какъ надоѣли ему мѣстные красавицы, съ какимъ восторгомъ вспоминаетъ онъ встрѣчи и бесѣды съ нею въ Петербургѣ, бесѣды, въ которыхъ было столько ума и чувства. Въ концѣ письма, какъ будто неожиданно для него самого, вырвалось восклицаніе: „Я часто мечтаю о томъ, что вы здѣсь, что я снова говорю съ вами, шучу, смѣшу васъ, какъ бывало! Но это кажется мнѣ сномъ! А почему бы не сбыться этому сну? Чтѣ вамъ стоитъ пожелать, и жаркая, пыльная Ницца замѣнится для васъ русской деревней, съ чудной бѣлой скатертью снѣговъ, съ деревьями, опушенными инеемъ, гдѣ, по словамъ поэта:

Бриллианты въ свѣтѣ лунномъ,
Бриллианты въ небесахъ,
Бриллианты на деревьяхъ,
Бриллианты на снѣгахъ...

И лунной ночью, въ саночкахъ-самокаточкахъ, мчатся по этой степи на огненной тройкѣ, любоваться звѣздами и вашими глазами, которые лучше всякихъ звѣздъ! Почему это сонъ! Почему мечта? Захотите, и это станетъ дѣйствительностью!..“

IV.

Какъ это ни странно, а все-же Лядова ждала „фельетона“ въ мѣстной газетѣ, и нетерпѣніе мѣшало ей покойно спать. Еще съ вечера было сдѣлано распоряженіе, чтобы ей купили номеръ „Листка“. Проснувшись и накинувъ платье, она нервно нажала пуговку электрическаго звонка.

Наконецъ, маленькая газетка—въ ея рукахъ. Лядова заперла дверь и усѣлась въ кресло...

„А, вотъ и фельетонъ!“—Она сначала взглянула на подпись: тамъ стоялъ псевдонимъ: „Не скажу“.

Въ заглавіи фельетона значилось: „Письмо изъ Китая“.

Авторъ рассказывалъ, что ему пишетъ его пріятель, живущій въ Китаѣ, о мѣстныхъ нравахъ, о томъ, какъ китайцы любятъ игру, какъ они проигрываютъ даже женъ, какъ отправляютъ на

тотъ свѣтъ новорожденныхъ дочерей, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, довольно цѣльный очеркъ дѣйствительныхъ нравовъ Китая. Только въ послѣднемъ столбцѣ фельетонистъ сообщалъ о ненависти китайцевъ къ европейскому просвѣщенію, и рассказывалъ анекдотъ, какъ одинъ мандаринъ Линь-Дзинь-Чанъ устроилъ школу съ преподаваніемъ кое-какихъ знаній изъ европейскихъ наукъ, а другой мандаринъ Ванъ-Дзинь-Свинъ написалъ на него доносъ къ властямъ, увѣряя, что тотъ хочетъ продать Китай англичанамъ. Далѣе шло описаніе разгрома школы „боксерами“ и очень подробный рассказъ о мучительной казни Линь-Дзинь-Чана...

Вѣра Павловна бросила газету на полъ. Слезы душили ее, и чтеніе окончилось сильной истерикой...

Поздно вечеромъ, когда она возвратилась съ обѣда, устроеннаго у тетушки, въ дверь ея номера стукнули три раза.

— Кто тамъ? Подождите!—крикнула она:—я позвоню, когда можно будетъ войти.

Минуть черезъ десять она отперла дверь и позвонила.

— Меня кто-то хотѣлъ видѣть?—спросила она вошедшаго лакея.

— Это-съ вчерашній... т.-е. не господинъ Бѣлоконскій, а другой, лохматый...

— Онъ ушелъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, дожидается... у насъ въ ресторанѣ...

„Вѣроятно, это фельетонистъ, — подумала она. — Желаетъ узнать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня фельетономъ! Бѣдный!“—Она велѣла „просить“ его и подняла газету, которая съ утра валялась на полу.

Фельетонистъ вошелъ очень смущенный.

— Пришелъ просить у васъ прощенія, — началъ онъ, — за то, что напрасно пообѣщалъ вамъ! Чувствую самъ, что ничего не вышло! А вы, конечно, ждали! О, я знаю, какъ неприятны несбывшіяся ожиданія!

— Чтò вы, чтò вы! Полноте! Вы все-же сдѣлали доброе дѣло: вѣдь пріятно видѣть даже простое сочувствіе... Вы же подвергали себя и нѣкоторому риску... Садитесь пожалуйста! Будемъ пить чай... Я еще не пила.

— Что я подвергался риску, это вѣрно. Какъ бы это ни показалось вамъ страннымъ, а кое-кто понялъ намекъ... Я сейчасъ изъ редакціи, и передъ моимъ уходомъ патронъ получилъ приглашеніе явиться къ церберу.

— Кого вы называете церберомъ?

— Чиновника губернскаго правленія, которому поручено просматривать газету...

— И вы думаете, что редактору будетъ непріятность?! Конечно, и вамъ? Ахъ, какъ это жаль! Но за что же, за что?! Тамъ вѣдь ничего нѣтъ...

— Согласенъ. Но... тѣмъ не менѣе, нахлобучка будетъ... А быть можетъ, это за что-нибудь другое.

— Такъ вы изъ этого только и заключаете, что кое-кто понялъ вашъ намекъ?

— Нѣтъ, я имѣю въ виду кое-кого изъ здѣшней молодой интеллигенціи... Вы не думайте, что провинція совсѣмъ заснула. Все-же и здѣсь есть кучка людей, слѣдящая за всѣмъ, что дѣлается, читающая все, что выходитъ въ печати... Да вотъ, посмотрите...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо и визитную карточку.

— Прочтите, пожалуйста! Это немножко смягчить ваше горе,—сказалъ онъ.

На карточкѣ значилось имя, отчество и фамилія какой-то дамы. Мелкимъ почеркомъ было написано на оборотѣ:

„Спасибо вамъ за защиту оскорбленной женщины... Понимаю, какъ самому автору было больно, что нельзя сказать больше! Но все же лучше что-нибудь, чѣмъ ничего!“

— Значить, у меня есть невѣдомые друзья!—сказала Вѣра Павловна съ искренней радостью, чувствуя, что и этотъ маленький фактъ облегчилъ значительно ея горе и мучительное чувство несмытаго оскорбленія.

— Я зналъ, что отъ этого вамъ будетъ легче,—потому и позволилъ себѣ такъ поздно явиться къ вамъ. А прочтите письмо.

„Кружокъ мѣстной молодежи понялъ вашъ намекъ въ фельетонѣ о Китаѣ. Онъ глубоко скорбитъ вмѣстѣ съ вами, что о такомъ возмутительномъ дѣлѣ приходится говорить намеками, едва понятными даже для посвященныхъ!“

„Но мужайтесь! Не всегда же такъ будетъ. Шлемъ вамъ свой горячій привѣтъ!“

— Но какъ они догадались?!—съ удивленіемъ спрашивала Лядова.—Откровенно скажу, еслибы я не была предупреждена вами, я сама ничего бы не замѣтила, хотя и говорится о собственномъ моемъ дѣлѣ!..

— Это зависитъ отъ привычки. Вы привыкли къ столичной печати, а здѣсь приспособляются къ своей... Человѣкъ—удивительное существо! Онъ умѣетъ ко всему приспособиться! Вы,

вѣроятно, слышали, что въ одиночномъ заключеніи люди ухищряются разговаривать и даже играть въ шахматы черезъ толстыя каменныя стѣны и даже корридоры. Они говорятъ и стукомъ, и шагами, и свѣтовыми знаками на полу корридора черезъ окошечки!... Ну, вотъ такъ же и здѣсь! Одного намека достаточно, и впечатлительное сердце пойметъ все, и все дополнить отъ себя воображеніемъ, усиленіемъ мысли, чутье прислушивающейся къ каждому звуку...

— Значить, тутъ есть чуткіе люди! Какъ это отраднo! И скажите, много ихъ здѣсь?

— Увы, страшно мало! Но все-же есть.

— И чтo же они дѣлаютъ?

— Да чтo здѣсь можно дѣлать? Устроили воскресную школу, чтенія съ туманными картинками... Ну, вотъ и все! Сами собираются, читаютъ, спорятъ... Даже на партіи дѣлятся... У насъ тоже явились и марксисты...

— Чтo же они могутъ дѣлать?

— Спорятъ.

— Ну, а вы—народники или марксисты?

— Я не придерживаюсь ни того, ни другого, хотя думаю, что у марксизма есть будущность, а народничество устарѣло. У меня своя программа, болѣе приспособленная къ мертвымъ условіямъ теперешней жизни. Но въ короткихъ словахъ этого не расскажешь.

— Отчего бы вамъ когда-нибудь, ради отдыха, не побывать у насъ въ деревнѣ?

— О, какой у меня отдыхъ! Вѣдь я каждый день долженъ быть въ редакціи... А впрочемъ, мнѣ очень хотѣлось бы ближе познакомиться съ вами и Рахматовымъ. Я даже давно собирался къ нему... Хотѣлось бы и его, и васъ присоединить къ нашему маленькому кружку...

Она подробно сообщила ему маршрутъ и стала спрашивать о составѣ кружка.

Въ него входили нѣсколько дамъ и дѣвушекъ, три гимназиста старшихъ классовъ, одинъ учитель гимназіи, одинъ контрольный чиновникъ и два „интеллигентныхъ рабочихъ“...

— Видите: очень, очень немного пока! Но мы надѣемся... Вы тоже должны намъ помочь... Главная бѣда—средствъ мало: вѣдь все больше бѣдняки...

— Ну, а зубы ваши прошли?—заботливо спросила Лядова.

— Куда тамъ! у меня отвратительная, сырая комната... Я ревматизмъ получилъ!...

— У меня есть отличныя капли отъ зубной боли... Я всегда ихъ вожу съ собой... Попробуйте. Мнѣ ихъ далъ одинъ извѣстный петербургскій врачъ...

— Спасибо вамъ! Я не откажусь...

Вѣра Павловна отыскала въ своемъ баулѣ маленькій пузырекъ и, подавая его фельетонисту, сказала шутливо:

— Вотъ мы немножко и квиты: вы облегчили мою сердечную боль, а я вылечу вашу зубную...

— Такъ прѣвзжайте къ намъ,—сказала она на прощанье.

— А знаете, какая мысль пришла мнѣ въ голову,—сказалъ фельетонистъ уже на порогѣ:—сегодня нашъ кружокъ соберется у одной дамы... У нея квартира больше другихъ... Не поѣдемъ ли мы сейчасъ туда? Тамъ будутъ вамъ очень рады!

— Да ловко ли это? — спросила Лядова. — Теперь уже поздно... И я ни съ кѣмъ не знакома...

— О, это ничего не значитъ! Вы знакомы со мной... У насъ это принято: каждый можетъ привести своего знакомаго...

Лядова подумала немножко и рѣшилась поѣхать.

„Что бы сказала тетуська!“ — мысленно восклицала она, усаживаясь на извозчика вмѣстѣ съ фельетонистомъ.

По темнымъ улицамъ они, черезъ четверть часа ѣзды, свернули въ какой-то еще болѣе темный, узенькій переулокъ, причемъ фельетонистъ сказалъ:

— Ну, вотъ мы и у цѣли. Здѣсь и живетъ Марья Васильевна Духовская...

По дорогѣ Вѣра Павловна уже успѣла разспросить его о томъ, какое общественное положеніе занимаетъ дама, къ которой ее везъ фельетонистъ. Оказалось, что она была вдова здѣшняго бывшаго вице-губернатора. Еще до смерти мужа она разошлась съ нимъ; нѣсколько лѣтъ жила въ Цюрихѣ, слушала лекціи въ тамошнемъ университетѣ, а по возвращеніи въ Россію ей удалось, благодаря своимъ прежнимъ связямъ, выхлопотать въ городѣ разрѣшеніе на воскресную школу. Уже три года, какъ всю ее жизнь и небольшой пенсіонъ, оставшійся отъ мужа, она отдаетъ на это дѣло. Живетъ очень скромно и даже бѣдно. Школа помѣщается въ самой просторной комнатѣ ея небольшой квартиры.

Узнала Вѣра Павловна и біографію самого фельетониста.

— Снигиревъ, это—мой псевдонимъ,—сказалъ онъ,—а настоящая моя фамилія—Спиридоновъ, если хотите: Иванъ Семеновичъ Спиридоновъ. Не окончилъ, по независящимъ обстоятельствамъ, университетскаго курса, и вотъ живу здѣсь у старушки

матери, которую кое-какъ кормлю своимъ нищенскимъ гонораромъ отъ мѣстной газеты... Біографія несложная и подобная тысячамъ біографій такихъ же интеллигентныхъ пролетаріевъ, какъ я, выброшенныхъ судьбой изъ колен на произволъ вѣтровъ...

Наконецъ наши путешественники добрались до небольшого деревяннаго одноэтажнаго домика въ пять оконъ. Окона не были закрыты ставнями, какъ въ другихъ домахъ переулка, и изъ нихъ вырывался въ густой мракъ ночи привѣтливый свѣтъ сквозь кисейныя занавѣски и горшки съ цвѣтами.

Дверь, ведшая въ темныя сѣни, не была заперта, и наши путники, пошаривъ по стѣнамъ, отыскали ручку другой двери, которая открылась въ переднюю. Передняя также не была освѣщена. Въ нее доносились изъ слѣдующихъ комнатъ, вмѣстѣ съ полусвѣтомъ, звуки молодыхъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ. Однако, стукъ шаговъ услышали, и въ дверяхъ появилась женская фигура, которая, приглядываясь къ темнотѣ, спросила:

— Это вы, Спиридоновъ?

— Я, Марья Васильевна! И не одинъ, а съ новой знакомой, — отвѣтилъ фельетонистъ, помогая Лядовой раздѣться.

— Очень рада! Очень рада! — любезно отвѣтила Марья Васильевна.

Когда Вѣра Павловна переступила порогъ, она увидѣла передъ собой пожилую, худощавую даму невысокаго роста, въ очкахъ и съ сильной сѣдиной въ волосахъ. Спиридоновъ представилъ Вѣру Павловну, и хозяйка весело вскрикнула, протягивая обѣ руки:

— А вѣдь мы съ вами старья знакомыя! Я вамъ два раза писала въ Петербургъ по поводу книгъ для нашей воскресной школы... Да и здѣсь мы уже давно знаемъ о вашей попыткѣ читать крестьянамъ... Ну, пойдемте, я васъ познакомлю съ другими вашими заочными друзьями...

Вѣра Павловна мелькомъ оглянула первую комнату: это было небольшое зальце, уставленное школьными скамьями.

Въ слѣдующей комнатѣ, куда хозяйка повела Лядову, собралось человекъ двѣнадцать вокругъ большого круглаго стола, стоявшаго передъ диваномъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Господа, у насъ сегодня неожиданный праздникъ! — сказала Марья Васильевна и назвала по фамиліи новую гостью: — вы ее по слухамъ давно знаете, — прибавила она.

Присутствующіе всѣ поднялись и дружески пожимали руку Вѣрѣ Павловнѣ, по мѣрѣ того, какъ хозяйка называла ихъ всѣхъ по именамъ.

— Вотъ это—главный заправило нашей школы. Александръ Ивановичъ Позднѣевъ, — указала она на человѣка небольшого роста, полнаго, лѣтъ сорока, въ очкахъ и съ порядочной лысиной на головѣ. — Біографія его, — продолжала хозяйка, — резюмируется въ двухъ словахъ: былъ въ гимназіи учителемъ исторіи, но удаленъ за то, что его очень любили ученики и ходили совѣтоваться по всякому своему дѣлу... Это — Иванъ Ѳеодоровичъ Крестовоздвиженскій, — исключенъ изъ духовной академіи за свѣтскій образъ мыслей. Это — Надежда Алексѣевна Неупокоева, самая энергичная изъ учительницъ нашей школы. А вотъ Петровъ — рабочій, тоже учитъ въ нашей школѣ... — Затѣмъ слѣдовало еще нѣскольго рекомендацій, среди которыхъ Вѣра Павловна запомнила одного банковскаго чиновника, двухъ исключенныхъ гимназистовъ, фельдшерицу-акушерку, очень хорошенькую, но чрезвычайно застѣнчивую дѣвушку, которая, подавая руку Лядовой, смотрѣла на нее молящими глазами и до такой степени была поглощена созерцаніемъ ея лица, что опрокинула со стола стаканъ, который разбился.

— Ну, это хорошій признакъ! — смѣясь, сказала Марья Васильевна: говорятъ, къ богатству; ну, а такъ какъ мы богаты не будемъ, то, значить, просто къ счастью...

— Ну, садитесь, родная, на диванчикъ, — обратилась она къ Лядовой: — я вамъ чаю налью и станемъ бесѣдовать.

— Отъ чаю не откажусь, — сказала Лядова. — А вотъ, кажется, я прервала своимъ приходомъ какой-то горячій споръ; ради Бога, продолжайте, господа!

— Да, — сказала Марья Васильевна, — споръ былъ, дѣйствительно, горячій. — Вотъ Иванъ Ѳеодоровичъ, — она указала рукой на высокаго, худощаваго молодого человѣка, бывшаго студента духовной академіи, — не признаетъ совсѣмъ Анто́на Чехова...

— Даже больше! Это бы не бѣда, еслибы только не признавалъ! — воскликнула Надежда Алексѣевна Неупокоева, молодая дѣвушка, свѣжая, розовая, съ длинной бѣлокурой косой: — онъ считаетъ Чехова вреднымъ для русской молодежи, потому что Чеховъ, по его мнѣнію, пессимистъ и декадентъ... онъ уничтожаетъ, будто бы, въ молодежи вѣру въ жизнь, поселяетъ апатію, тоску и равнодушіе къ работѣ...

— А что жъ? Отчасти это вѣрно, — вставилъ фельетонистъ Спиридоновъ, здороваясь со всѣми. — Хотя о нѣкоторыхъ вещахъ Чехова сказать этого нельзя, — добавилъ онъ.

— А назовите мнѣ хотя одну, отъ которой бы не вѣяло

пессимизмомъ!—произнесъ раздражительно Иванъ Федоровичъ, сильно говорившій на „о“.

— Да вотъ хотя бы повѣсть „Въ оврагѣ“,—отвѣтила за Спиридонова та же дѣвушка съ длинной косой.

— А вы какъ думаете о Чеховѣ, Вѣра Павловна?—обратилась къ Лядовой хозяйка, чтобы втянуть и ту въ бесѣду.

— Право, я не могу такъ быстро отвѣтить на этотъ вопросъ... Во мнѣ Чеховъ всегда оставлялъ тоскливое, грустное настроеніе...

— Вотъ, вотъ! Это и есть!—воскликнулъ Иванъ Федоровичъ, радуясь, что у него нашлась союзница.

— Теперь Россія больше, чѣмъ когда-нибудь, нуженъ писатель, который пробуждалъ бы вѣру въ жизнь, въ возможность сдѣлать ее лучшей,—сказалъ бывшій учитель гимназій, удаленный за то, что его любили ученики:—никогда у насъ не была такъ нужна, какъ теперь, увѣренность въ томъ, что упорная, культурная... да, да, подчеркиваю—культурная работа можетъ обновить нашу жизнь...

— Но только—никакъ не культурная!—возразилъ Спиридоновъ.—Помилуйте! Какая же возможна культурная работа при теперешнихъ условіяхъ! Надо сперва завоевать себѣ право—работать культурную работу! А вотъ вы сами, Александръ Ивановичъ, могли ли провести свои культурныя цѣли въ качествѣ учителя? А я, напримѣръ, какъ журналистъ, могу развѣ вести культурную работу? Я, вотъ, не въ силахъ защитить невинно оклеветанныхъ—Рахмарова и Вѣру Павловну, не могу обличить негодая и клеветника Лопатина! А Вѣра Павловна могла вести культурную работу въ деревнѣ?! Нѣтъ, говорить теперь о культурной работѣ, это значить—пытаться перескочить черезъ свою голову, господа! И я удивляюсь россійскому добродушію въ вашемъ лицѣ, Александръ Ивановичъ! Васъ выбросили за то только, что вы желали внести жизнь, душу, сердце въ ваше скромное дѣло, и вы же говорите о культурной работѣ!

— Оно такъ-то такъ,—отвѣтилъ учитель,—и вы какъ будто правы; но я васъ спрашиваю: а какая же возможна иная дѣятельность, кромѣ культурной? И какъ, какими средствами вы станете завоевывать намъ право культурной работы, если нѣтъ еще самой культуры,—если, вотъ, на цѣлый губернскій городъ, какъ нашъ, едва набирается десятка полтора людей, думающихъ о чемъ-либо, кромѣ чиновъ, картъ, угожденія начальству и тому подобное?

— Ну, объ этомъ мы уже не разъ спорили съ вами, Але-

Александръ Ивановичъ!—сказалъ длинный человѣкъ съ видомъ семинариста, котораго звали Иваномъ Ѳеодоровичемъ.—Вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ для всѣхъ кромѣ васъ.

— Знаю я, во что вы вѣрите! Въ то, что классовый интересъ рабочаго люда самъ приведетъ его къ рѣшеніямъ, которыя и безъ культуры сорвутъ намъ золотые плоды съ райскихъ деревьевъ! Надо не знать жизни, чтобы въ это вѣрить! Надо забыть исторію! Какіе плоды могутъ сорвать хотя бы и массы, но не культурныхъ людей?

— Да, если ихъ предоставить себѣ!—возразилъ Иванъ Ѳеодоровичъ.—Но вотъ тутъ-то и должна придти на помощь этому классу интеллигенція. Она тутъ-то и должна уяснить ему его собственныя задачи и цѣли...

— Все это—не то, не то!—горячо воскликнулъ Спиридоновъ, вскакивая съ мѣста и начиная ходить изъ угла въ уголъ, ероша безжалостно свои волосы:—я съ Александромъ Ивановичемъ несогласенъ въ томъ, что необходимо сперва сдѣлать культурнымъ рабочій людъ, чтобы онъ понялъ свои классовые интересы. Онъ ихъ отлично понялъ и знаетъ, и ему недостаетъ только нѣкоторыхъ обобщеній. Но еще менѣе я согласенъ съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ. Какъ же можно надѣяться на то, что интеллигенція объяснитъ темному, невѣжественному классу, что дѣло не въ разрушеніи, не въ насиліяхъ надъ машинами, зданиями и какими-нибудь отдѣльными единицами, а въ покойномъ и твердомъ единеніи интересовъ,—какъ это понимаетъ, напримеръ, каждый трэдъ-унионистъ въ Англіи, каждый членъ любого „союза“ въ Германіи! Вѣдь они сперва должны были имѣть „права“ и на свободную печать, и на сходки, чтобы тѣ уродливыя формы движенія, какія мы видѣли въ Европѣ вначалѣ, обратились въ мирный, но неуклонный путь преслѣдованія своихъ классовыхъ задачъ... Не ясно ли, господа, что пока у людей нѣтъ правъ,—ни о чемъ говорить нельзя?

— Да какъ же добыть эти „права“, дружище? — смѣясь, сказалъ бывшій учитель:—вѣдь это—сказка про бѣлаго бычка!

— Есть способы, дорогой Александръ Ивановичъ. Да только вы о нихъ и слышать не хотите, потому что въ вашемъ возрастѣ ужъ очень сильна „милая привычка существованія“...

— Это вы насчетъ единоборства?

— Конечно! Въ древности, да и всегда, во всемъ человечествѣ, приходилось отдѣльнымъ единицамъ вступать въ единоборство... когда иныя формы борьбы были невозможны...

— Но много ли вы найдете такихъ борцовъ?

— Когда дышать нечѣмъ,—они родятся, какъ грибы!—крикнулъ Спиридоновъ.

— Теперь ужъ и мнѣ позвольте сказать свое слово,—вмѣшалась хозяйка, Марья Васильевна.—Я больше вашего жила и видѣла, Спиридоновъ! Какихъ только направленій, какихъ типовъ не прошло передъ моими глазами! И, знаете, я пришла къ выводу, что путь, предлагаемый вами, есть самый вредный для прогресса... Онъ порождаетъ всегда реакцію, и только.

— И такъ всегда было въ исторіи!—крикнулъ бывший учитель гимназіи:—вспомните, послѣ чего наступила знаменитая реакція Меттерниха, задержавшая прогрессъ въ Германіи на десятки лѣтъ!..

— И не вполнѣ вѣрно то,—продолжала Марья Васильевна,—что у насъ невозможна никакая культурная работа! Вотъ, можемъ же мы вести свою воскресную школу!.. Конечно, необходима большая выдержка... Всякая пылинка, попавшая подъ колесо добраго дѣла, можетъ ему повредить... Но что жъ? Съ этимъ надо считаться, какъ съ фактомъ... и только! Фактъ печальный, страшно печальный, но онъ—фактъ; значить, и обходи его, какъ подводную скалу... Нужно терпѣніе...

— Я съ вами согласна,—вставила и свое замѣчаніе Лядова:—вѣдь и моя попытка вести чтенія для крестьянъ не потерпѣла бы крушенія, еслибы я была терпѣливѣе да умѣла бы вначалѣ соображаться съ „фактами“... А вотъ невольно становишься нетерпѣливой, когда видишь кругомъ страшное невѣжество со всѣми его послѣдствіями—разореньемъ, нищетой, болѣзнями...

— И народъ нашъ говорить,—вставилъ бывший учитель:—„терпѣніе и трудъ все перетрутъ“... Я до корня волосъ русскій человѣкъ, и вѣрю въ эту формулу народной мудрости, господа! И вась желалъ бы убѣдить, что только въ ней одной—спасеніе! Да, да! Возьмите всю исторію съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ: только тамъ прогрессъ, тамъ благоденствіе, тамъ права, гдѣ было достаточно труда и терпѣнія! А гдѣ его не было, гдѣ люди были нервны, хотѣли перескочить черезъ факты, надѣялись въ одинъ годъ сдѣлать то, что создается десятками лѣтъ, тамъ осталось пустое мѣсто; гибли, поработанные другими, своеобразныя и прекрасныя цивилизаціи... Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей,—одинъ и тотъ же законъ: безъ терпѣнія и труда—гибель; съ терпѣніемъ, трудомъ—самъ Богъ... И опять таки нашъ народъ это замѣтилъ и выразилъ: „Богъ труды любить“. Вотъ-съ мой символъ вѣры. И

съ него меня ничто не сдвинетъ: ни мои личныя неудачи, ни примѣры, которые вы мнѣ приведете въ томъ же родѣ... Вотъ вамъ сейчасъ Вѣра Павловна отвѣтила на всѣ эти примѣры: „поторопилась, молъ; не приняла во вниманіе фактовъ“. Быть можетъ, и я, всмотрѣвшись въ мою личную неудачу, могъ бы тоже сказать: былъ очень горячъ, торопливъ, не обдумалъ, что нужна во всемъ большая выдержка...

— Да, да! Еще бы!—крикнулъ съ гнѣвомъ Спиридоновъ:—вѣдь тотъ же вашъ излюбленный мужикъ выдумалъ пословицу: „тише ѣдешь, дальше будешь“!

— Отъ того мѣста, куда ѣдешь! „Годить надо!“—какъ говоритъ одинъ герой у Щедрина!—добавилъ съ раздражительнымъ смѣхомъ Иванъ Ѳедоровичъ:—чудесная пословица! Нѣтъ-съ, Александръ Ивановичъ, хотя я и радикально расхожусь съ Спиридоновымъ относительно его „единоборства“, какъ онъ выражается, и считаю это вмѣстѣ съ вами весьма рискованнымъ исторически, но ваши вѣчныя ссылки на мужицкую мудрость меня глубоко раздражаютъ! Прошло время этой нелѣпой метафизической вѣры нашего славянофильства и его выкидыша-народничества, вѣрившихъ въ мужика и его мудрость! Чтò такое мужикъ? Это—воплощеніе буржуазныхъ инстинктовъ! Это—зоологическая особь,—какъ вѣрно сказалъ еще Глѣбъ Успенскій! А вы цѣлую историческую теорію строите на поговоркахъ этого зоологическаго „буржуя“ по природѣ!..

— Вотъ такъ у насъ всегда,—обратилась Марья Васильевна къ Лядовой:—и всего-то насъ какая-нибудь дюжина въ городѣ, а, видите, каждый молодецъ на свой образецъ...—Она говорила это безъ досады, какъ говорила бы любящая мать о своихъ спорящихъ дѣтяхъ.

— Вѣрно, безъ этого нельзя,—вставилъ бывший учитель:—разные темпераменты и разная житейская опытность, разное знаніе исторіи. Ужъ очень мы молодой народъ—русскіе! Своего историческаго опыта у насъ еще въ этомъ направленіи не было, а исторіи насъ учать плохо, совсѣмъ плохо!..

Послѣ этого спора Вѣрѣ Павловнѣ стало очень грустно. Тѣсный кружокъ людей, показавшійся ей, въ первый моментъ ея прихода сюда, такимъ сплоченнымъ, братски-дружнымъ, повѣявшимъ на нее какой-то особой душевной теплотой, оказывался рассыпающимся въ атомы при первомъ теоретическомъ вопросѣ.

„И вотъ такъ всегда!“—думала она, вспоминая свои петербургскія душевныя злосключенія, заставившія ее уйти въ деревню... „Будетъ ли когда-нибудь иначе? Сольется ли когда-нибудь наша

интеллигенція во что-нибудь единое, не враждующее взаимно?.. Все это придется только съ большей культурностью“,—отвѣтила она себѣ.

Но прошло минутъ десять послѣ спора; возбужденіе, вылившись въ горячихъ репликахъ по адресамъ противниковъ, мало-по-малу улеглось, и тѣ же люди, между которыми, еще четверть часа тому назадъ, казалось, была бездна, теперь мирно и братски повели тихую бесѣду о своей воскресной школѣ, въ которой всѣ они работали... Теперь рѣчь велась о лучшихъ способахъ преподаванія грамоты, о книгахъ, какія лучше читать въ школѣ. Безпрестанно предлагались вопросы Вѣры Павловнѣ, какъ специально изучившей нашу скудную литературу для народа... Завязался-было споръ изъ-за того, нужно ли предпочитать чтенія по естествознанію чтенію хорошихъ беллетристическихъ вещей, но этотъ споръ скоро прекратился общимъ признаніемъ, что необходимо и то, и другое.

Поздно возвращалась Вѣра Павловна въ свою гостиницу, вынося хорошее, теплое, братское чувство изъ своего посѣщенія. Дорогой, пока ее провожали до извозчика, шли тѣ же мирныя, душевные рѣчи.

Въ гостиницѣ Вѣру Павловну ожидала телеграмма: Роговъ извѣщалъ ее, что умерла Марья Семеновна.

Это извѣстіе произвело на Вѣру Павловну очень тяжелое и сильное впечатлѣніе. Она разрыдалась. Ей было невыносимо жаль эту несчастную женщину, которая сперва внесла столько горя въ ея жизнь, а потомъ такъ искренно, такъ беззавѣтно раскаялась, что заставила Лядову горячо полюбить себя, да и сама горячо полюбила ее...

Ясно рисовалось въ воображеніи Вѣры Павловны измученное болѣзнью, исхудалое лицо Марьи Семеновны, съ ея полными мольбы и тоски голубыми глазами, казавшимися отъ худобы такими большими и глубокими... Вспомнилось, какъ та цѣловала ея руки, умоляя простить; какъ вдругъ, когда Вѣра Павловна поцѣловала ее, она охватила ея голову своими горячими руками и, обливая слезами, цѣловала ея волосы, глаза, лобъ... И вотъ, этого страстнаго сердца, полного и горячей любви, и страстной вражды, ужъ нѣтъ... „Впрочемъ, ей теперь лучше!“—подумала Лядова:—„ничего бы теперь не дала ей жизнь, кромѣ мучительныхъ, непоправимыхъ страданій“!

V.

Со времени событій, только-что нами описанныхъ прошло цѣлыхъ два мѣсяца. Гроза, пронесшаяся надъ головами нашихъ знакомыхъ, задѣла ихъ, къ счастью, не очень сильно, благодаря особеннымъ условіямъ дѣйствующихъ лицъ, т.-е. ихъ связямъ въ губернскомъ городѣ и столицѣ. Рахмаровъ и Вѣра Павловна опять жили мирно въ деревнѣ, хотя занятія въ школѣ пріостановились до рѣшенія какого-то вопроса, возникшаго изъ полумнаго доноса Марьи Семеновны. Конечно, эта буря, поднятая Лопатынымъ и быстро успокоенная по счастливому стеченію условій, тѣмъ не менѣе оставила слѣды и въ нервахъ, и въ работѣ, и въ подъемѣ духа, и даже въ здоровьѣ нашихъ знакомыхъ. Вѣра Павловна постоянно прихварывала и стала такъ пуглива, что вскакивала и дрожала отъ малѣйшаго стука ставни, особенно ночью. Рахмаровъ сильно посѣдѣлъ и держался не такъ прямо, какъ до этихъ событій, — точно на плечи его наложили тяжесть. Отразились эти событія и на крестьянахъ: они не знали, въ чемъ собственно дѣло, и стали сторониться отъ Рахмарова и Вѣры Павловны, подозрительно посматривая на усадьбу.

Марья Семеновна умерла послѣ нравственнаго и нервнаго потрясенія, пережитого въ ту памятную ночь. Впрочемъ, мертвые, какъ и спящіе, счастливы тѣмъ, что уже ничего не чувствуютъ. Тяжелѣе всего эта исторія отразилась на Софьѣ Лопатиной. Ея отецъ сидѣлъ въ своей усадьбѣ, какъ волкъ, озлобленный, разсвирѣпѣлый, посылая повсюду, куда можно, новыя вѣяны и длинныя безграмотныя корреспонденціи. Положеніе Софьи Петровны, которая вернулась къ нему, стало, конечно, адскимъ. Но и уйти ей было нельзя: отецъ объявилъ, что если она попробуетъ опять бросить семью, онъ вернетъ ее черезъ полицію и расправится съ нею такъ, что ей и показаться нельзя будетъ на глаза людямъ. „Ты меня, все равно, осрамила! Такъ пусть всѣ знаютъ, что я тебя не потатчикъ!“ — кричалъ онъ, объявляя ей этотъ рѣшительный приговоръ въ первый же день ея возвращенія въ родное гнѣздо.

Вскорѣ послѣ того, какъ Софья Петровна вернулась къ отцу, Роговъ написалъ ей длинное письмо. Оно у него вылилось подъ вліяніемъ невыносимаго одиночества (Рахмаровъ и Лидова тогда еще не возвращались), тоски и невозможности помочь Совѣ чѣмъ-нибудь дѣйствительнымъ, а между тѣмъ онъ зналъ, какъ

сильно она должна была страдать. Поѣхать же къ Лопатиннымъ, чтобы облегчить ей одиночество, Роговъ не могъ, послѣ той рѣзкой сцены, какую ему устроила Софья на крылечкѣ у Марьи Семеновны.

Много разъ онъ измѣнялъ и переписывалъ свое письмо, находя, что оно или недостаточно искренно, или недостаточно просто.

„Не думайте,—писалъ онъ,—что я оскорбленъ вашей рѣзкой выходкой тогда, на крылечкѣ Марьи Семеновны... Нѣтъ, я говорю вамъ за вашъ урокъ большое, сердечное спасибо... Еслибы всѣ такъ откровенно и рѣзко бросали людямъ свое презрѣніе за ихъ пошленькіе поступки, было бы меньше пошлыхъ людей, и совесть не засыпала бы, какъ спать она у насъ. Я чувствую, какъ вы одиноки, какъ вы страдаете тамъ, у себя... совершенно одна... Меня охватываетъ ужасъ, когда я думаю о вашемъ положеніи, а я почти постоянно думаю о немъ... И вотъ почему я хочу доказать вамъ, что я порядочный человѣкъ, что вамъ не нужно меня чуждаться: вѣдь все-же, если вы позовете меня, вы будете менѣ одиноки. А теперь даже и меня нѣтъ около васъ. Я отнесся къ вашимъ словамъ не такъ, какъ, напримѣръ, Морозовъ; онъ проклиналъ васъ, а я благословляю васъ и сказалъ себѣ: „да, она права, и я стану лучше, я выработаю въ себѣ то, чего мнѣ недостаетъ“... Ужъ это одно должно вамъ доказать, что сторониться отъ меня не нужно, и что я лучше, чѣмъ вы думаете. Боюсь я одного, отправляя это письмо, что вы не повѣрите главному мотиву, заставляющему меня писать вамъ, а именно—желанію помочь вамъ, дать вамъ въ себѣ самомъ если не друга, то хотя бы человѣка, могущаго своимъ присутствіемъ уменьшить ваше одиночество. Боюсь, что вы можете предположить во мнѣ другіе мотивы... личные... Не хочу называть ихъ: ужъ очень это обидно и больно мнѣ... Да, если вы подумаете такъ, то должны подумать обо мнѣ еще хуже: „вотъ, молъ, у него нѣтъ даже никакого самолюбія, мужской гордости, не позволяющей навязываться на знакомство и дружбу тамъ, гдѣ получилъ нравственную пощечину...“ Если вы это подумаете,—Богъ съ вами! Что же я могу сказать на это“?...

Онъ отправилъ свое письмо со сторожемъ Петромъ, давъ тому подробныя инструкціи, какъ поступить, чтобы оно попало въ ея руки.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ возвращенія посланнаго. „Конечно, онъ вернется съ какимъ-нибудь

отвѣтомъ. Простая вѣжливость заставитъ ее написать хотя нѣсколько строкъ“, — думалъ онъ.

Но Петръ вернулся съ пустыми руками.

— Велѣли передать на словахъ, — доложилъ онъ, — что очинно вамъ благодарны и подумаютъ... Два раза это повторили...

— Она сама выходила къ тебѣ? — спросилъ Роговъ.

— Онѣ не выходили-съ, а меня позвали въ свою комнату... Я вѣдь съ задняго крыльца зашелъ... Ну, и письма никому не показывалъ, а говорю: барышню надо видѣть самолично, потому — на словахъ велѣно передать отъ доктора... Она и приказала меня къ себѣ ввести.

— Чтò же она? Очень больна? Лежитъ въ постели? Скучна?

— Лежатъ, только не въ постели, а на кушеткѣ... И когда читали письмо, платочекъ къ глазамъ поднесли... И такъ долго держали... И на спинку кушетки откинулись... А потомъ опять стали читать... И опять платочекъ къ глазамъ... Значитъ, надо такъ полагать, — огорчились чѣмъ-то...

Роговъ волновался вопросомъ: „Чтò значать эти слезы и ея отвѣтъ: „подумаю“... Почему она не отвѣтила: „напишу“? О чемъ же она будетъ думать? О томъ, можно ли вѣрить мнѣ? Новое оскорбленіе! И послѣ всего того, чтò я написалъ“!

Онъ теперь уже бранилъ себя за то, что отправилъ письмо. Оно казалось ему пошлымъ, велѣпнымъ.

„Нѣтъ, не даромъ люди установили и самолюбіе, и гордость! Не таковы они, чтобы съ ними можно было забывать свое „личное“ достоинство, даже ради ихъ собственныхъ интересовъ“!

Онъ ожидалъ одобренія отъ нея, и вдругъ — даже отвѣта не прислала! Но онъ нѣсколько успокоился, когда вспомнилъ, что она плакала: „Почему же плакала? Значитъ, мое письмо тронуло ее? Надо подождать отвѣта“...

На другой день его вопросы и сомнѣнія были разрѣшены ея письмомъ:

„Я исполнѣ вамъ вѣрю и очень тронута вашимъ участіемъ, — писала она. — Но позвольте мнѣ быть исполнѣ откровенной: для васъ лучше, если вы не будете думать обо мнѣ и не пріѣдете къ намъ. Мнѣ непріятна мысль, что вы оскорбитесь этими словами: вы можете подумать, что я чересчуръ самоувѣренна и воображаю, что вы въ меня влюблены. Нѣтъ, это — не самоувѣренность, а тяжелый опытъ, напугавшій меня: два раза въ жизни мнѣ пришлось быть невольной причиной страданія хорошихъ людей, которыхъ я считала только друзьями. А потомъ оказывалось, что они ненавидѣли меня за то, что я чувствую иначе,

чѣмъ хотѣтъ они... Я боюсь, что это повторится. Я не хочу имѣть въ васъ врага. Вы очень, очень хорошій человѣкъ, но, перечитывая ваше письмо, я вижу, какъ горячо оно написано, въ немъ слышатся нотки... Нѣтъ, нѣтъ, лучше не прѣвзжайте! Подумайте, каково мнѣ будетъ еще разъ сознавать себя невольной причиной того, что случилось съ Морозовымъ. Поймите и не осуждайте, а пожалѣйте... Я сама очень, очень несчастна оттого, что около меня нѣтъ никого близкаго. Мнѣ такъ тяжело, что я не знаю, чѣмъ это можетъ кончиться. Но вамъ лучше забыть меня совсѣмъ "...

Роговъ много разъ перечитывалъ это письмо. Онъ видѣлъ въ немъ намекъ, что Софья любить его не можетъ. Но почему? Она любить кого-то? И кто тотъ „другой“, кромѣ Морозова, кого она тоже заставила страдать? Неужели пресловутый князекъ? Значить, и онъ былъ такъ же прогнанъ, какъ и Морозовъ, какъ и я“!..

Онъ не могъ примириться съ мыслью, что Соню можно оставить въ ея положеніи... „Развѣ не было бы безобразнымъ эгоизмомъ покинуть ее теперь изъ страха, что я ее полюблю и буду страдать! Да, это совсѣмъ нелѣпость! Это какое-то безуміе! Наконецъ, она предупредила меня, что мнѣ не на что надѣяться! Значить, еслибы раньше я и могъ полюбить, то теперь застрахованъ. Это даже обидно! Она, въ самомъ дѣлѣ, самоувѣренна“!

И вотъ что онъ пишетъ ей:

„Не бойтесь: вѣдь уже одно то, что вы предупредили меня, является хорошимъ предохранительнымъ средствомъ противъ болѣзни, которая могла случиться, но которой еще не было, нѣтъ и не можетъ быть послѣ вашего предупрежденія. Если я нуженъ вамъ, позовите меня безъ малѣйшихъ опасеній“.

Онъ былъ доволенъ письмомъ: оно, вѣдь, достаточно холодно, но и вполне вѣжливо.

На это письмо она не отвѣтила даже на словахъ... Роговъ рвалъ и металъ отъ досады... А черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, когда онъ вернулся изъ поѣздки по деревнямъ, занявшей у него цѣлый день,—къ нему вошелъ фельдшеръ и сказалъ, улыбаясь весьма ехидно:

— Ну, и новость сообщу я вамъ! Сегодня утромъ за мной прислали отъ самого Лопатина верхового...

— За вами, а не за мной?! Что это значить?!.. Кто тамъ заболѣлъ?—изумленно спросилъ Роговъ.

— Именно за мной-съ!—самодовольно отвѣтилъ фельдшеръ:—у меня и записка сохранена. Да вотъ она-съ. Извольте про-

честь. Написано рукой самого Лопатина: „Прибыть немедленно фельдшеру съ противоядіемъ противъ фосфора... Прошу Ивана Захаровича не беспокоиться“...

— Кто же отравился?

— Софья Петровна! — отвѣтилъ фельдшеръ таинственно и многозначительно, хотя опять не удержался отъ улыбки.

— Умерла?! — крикнулъ Иванъ Захаровичъ.

— Не пугайтесь, — жива! Я цѣлый день тамъ провозился... Но, конечно, еще остались послѣдствія... Вы сами знаете: ругаться за исходъ нельзя... фосфоръ — не шутить!..

— Я сейчасъ ѣду туда! Велите вернуть лошадей...

— Не совѣтую, Иванъ Захаровичъ, — отвѣтилъ фельдшеръ: — Лопатинъ съ утра послалъ въ городъ за Протасовымъ, и тотъ при мнѣ пріѣхалъ. На обратномъ пути онъ хотѣлъ заѣхать къ вамъ.

— Что это значить?! Что это значить?! Неужели Лопатинъ такъ золъ на меня?

— Не онъ-съ!.. Она сама потребовала, чтобы васъ не звали... При мнѣ, и отецъ, и мать, уговаривали ее послать за вами, но она твердила, что если вы будете лечить, она никакого лекарства не приметъ. Я ужъ не могу вамъ объяснить, что это значить... Чѣмъ-нибудь вы ее обидѣли.

Это упорство показалось Рогову до такой степени нелѣпымъ, что онъ предположилъ у Софьи психозъ: что-то въ родѣ *idée fixe*. „Но каково же ей жить тамъ, у отца, если она рѣшилась отравиться! Для отца это будетъ хорошимъ урокомъ! Онъ будетъ знать, что съ такими натурами не шутятъ! Этимъ отравленіемъ она завоевала себѣ свободу, конечно, если останется жива“!

Ему хотѣлось написать ей, и онъ едва не плакалъ отъ восторга передъ ея поступкомъ. Но въ то же время Роговъ мучился неизвѣстностью. Знать, — она находится въ страшной опасности, и не быть тамъ, чтобы помочь ей, было невыразимо тяжело.

VI.

Когда Рахмаровъ и Вѣра Павловна возвратились въ усадьбу, Софья уже начала поправляться. Дней черезъ пять послѣ ихъ пріѣзда, Роговъ неожиданно получилъ отъ нея письмо. Разорвавъ конвертъ, онъ нашелъ тамъ другой съ надписью: „Прошу передать Вѣрѣ Павловнѣ“.

И никакой другой записки къ нему!

Онъ повезъ письмо къ Лядовой самъ. И вотъ они опять сидѣли вдвоемъ въ ея уютной комнатѣ при школѣ. Только теперь за окномъ снѣгъ лежалъ покрываломъ на деревьяхъ и землѣ, и бѣлый, чистый свѣтъ лился отъ снѣга въ комнату. Лядова прочла письмо Софьи и передала его Ивану Захаровичу.

„Вы, конечно, уже знаете мою исторію, — писала Лопатина. — Многое изъ того, что вамъ долженъ былъ разсказать Иванъ Захаровичъ, можетъ показаться непонятнымъ, напримѣръ: почему я вернулась къ отцу, а не осталась у васъ, какъ вы хотѣли... Я рѣшила, что это было бы бесполезно: отецъ потребовалъ бы меня черезъ полицію и устроилъ бы жестокий скандалъ, чтобы унижить Петра Григорьевича и васъ. Теперь я знаю, что не ошиблась: онъ объявилъ мнѣ, какъ только я вернулась, что если это повторится, онъ прибѣгнетъ противъ меня къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ. И онъ исполнилъ бы угрозу: „все равно, ты меня и себя достаточно уже осрамила! Твоя карьера кончена!“ — и т. д. Вотъ почему я и пишу вамъ черезъ Рогова... Не отвѣчайте мнѣ, а придумайте что-нибудь сообща, какъ вырвать меня отсюда... Но только куда-нибудь подальше... Въ этихъ мѣстахъ я не могу оставаться... Но что можете вы придумать? Я придумала-было умереть, но, къ несчастью, неудачно! Приняла мало фосфору, а повторить этотъ опытъ не рѣшусь... Развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ... Это невыносимо мучительно и физически, и еще болѣе — душевно... О, какъ тяжело умирать, когда еще хочется жить и еще совсѣмъ не знала жизни!.. Нѣтъ, такіе опыты едва ли могутъ повторяться... Въ послѣдній моментъ, страданія и мысль о смерти были такъ невыносимы, что я не сопротивлялась и стала принимать лекарства. Недостало характера! Я и не жалѣю. Я люблю жизнь и, несмотря ни на что, все еще вѣрю, что жизнь — впереди. Только помогите вы всѣ! И я буду вамъ полезна... Я не умѣю любить вашихъ идей и работы, но я умѣю ненавидѣть тѣхъ, кто мѣшаетъ жить... И я что-нибудь сдѣлаю для всѣхъ — не любовью, а моею ненавистью“...

Въ постскриптумѣ стояло: „Попросите Ивана Захаровича не сердиться на меня за невольную непріятность, которую я устроила ему, отказавшись отъ его медицинской помощи... Я не могла поступить иначе. А почему? Даже сама не могу хорошенько объяснить“.

— Давайте же думать, Иванъ Захаровичъ, какъ ей помочь.

— Я не нахожу другого средства, какъ попробовать убѣдить отца отпустить ее въ Петербургъ, а денегъ достать... Онъ не дастъ.

— Но у кого?.. Если бы у меня были!.. А я все истратила на поѣздки, и еще заняла у Севрюгина.

— А если написать Надеждѣ Николаевнѣ Петренко?—сказалъ Роговъ.

— Но гдѣ она теперь? Вѣроятно, за границей... Это долго затянется. А Софьѣ нужно помочь сейчасъ... Соберемъ немного, чтобы она могла уѣхать и какъ-нибудь прожить хотя мѣсяцъ... У меня осталось рублей пятнадцать.

— Ну, и отлично! Я могу изъ своего жалованья дать рублей сорокъ... А тѣмъ временемъ получится отвѣтъ отъ Петренко.

— Но вамъ придется заѣхать къ Лопатину, убѣждать его... Отчего она не хочетъ, чтобы вы у нихъ бывали?.. Чтò у васъ тогда произошло?

Роговъ разсказалъ Лядовой почти дословно весь разговоръ съ Софьей Петровной, когда они раннимъ осеннимъ утромъ сидѣли на крылечкѣ Марьи Семеновны.

Онъ припомнилъ, какъ она спросила его: „Увѣренъ ли онъ, что Рахмаровъ скоро вернется“, и какъ, видимо, опечалилась, когда онъ сказалъ, что вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Тотчасъ же послѣ этого она и рѣшила возвратиться къ отцу, а раньше просила его поговорить съ женой Рахмарова, чтобы остаться у нея.

— Вы увѣрены, что она послѣ этихъ вашихъ словъ рѣшила вернуться?

— Да. Я отлично помню.

— Отчего ей было неприятно, что Рахмаровъ вернется?—спрашивала Лядова.

— Послѣ ея письма ко мнѣ, я это, кажется, понимаю,—сказалъ Роговъ:—у нея образовалась большая идея, подъ вліяніемъ исторіи съ Морозовымъ, что мужчины, которымъ она понравится, становятся потомъ ея врагами и даже гибнутъ отъ того, что она не такъ чувствуетъ, какъ они хотятъ. Вѣроятно, она думала, что и Рахмаровъ можетъ полюбить ее, и что это будетъ тяжело, и не только ему, но и еще одному лицу...

— Мнѣ?—спросила Вѣра Павловна.—Теперь я догадываюсь: вѣроятно, она думаетъ, что я люблю Петра Григорьевича?..

Роговъ не отвѣчалъ, подтверждая своимъ молчаніемъ ея догадку.

Лядова задумалась, потомъ медленно, какъ бы размышляя вслухъ, сказала:

— Нѣтъ, это не большая идея, а измученное сердце... Она измучена мыслью, что причинила невольно очень большое страданіе... и что это можетъ еще повториться. Только она ошиб-

лась, бѣдняжка! Если когда-нибудь вы будете говорить съ ней объ этомъ, скажите отъ меня, что она ошиблась: я не люблю Петра Григорьевича такъ, какъ она думаетъ... Я люблю его, какъ сестра, и была бы рада, еслибы онъ... полюбить кого-нибудь, кто бы могъ сдѣлать его счастливымъ. Да, я была бы очень рада... Только онъ никого теперь не полюбитъ: около него дочь, и все его сердце, всѣ его мысли сосредоточились на ней... Несчастная эта Соня! Не кажется ли вамъ, что она любитъ Петра Григорьевича?

— Я нѣсколько разъ думалъ объ этомъ, но меня сбило ея желаніе, чтобы онъ не вернулся скоро...

— Оно мнѣ понятно теперь!.. Вѣдь она думала, что я люблю его и, быть можетъ, взаимно... А при этихъ условіяхъ ей нельзя было оставаться здѣсь... это бы ее тревожило. Она не того испугалась, что онъ вернется, а того, что, въ случаѣ его возвращенія, ей необходимо вернуться къ отцу... Все ясно и просто.

Въ это время пришелъ Рахмаровъ.

Ему тоже прочли письмо Софьи, и онъ принялъ участіе въ совѣщаніи, соглашаясь съ планомъ—собрать между собою деньги на ея отъѣздъ, но выразилъ сомнѣніе, чтобы отецъ согласился отпустить ее.

— Онъ не согласится уже оттого, что это исходить отъ насъ, и однако, мы должны попытаться сдѣлать все, что можно...

— Ну, а если онъ не согласится?—спросилъ Роговъ.

— Въ былое время я указалъ бы простое средство, а теперь оно немислимо.

— Что такое?

— Когда, бывало, дѣвушка находилась въ подобномъ положеніи, являлся человекъ, дававшій ей свое имя и въ то же время полную свободу.

Роговъ едва замѣтно поблѣднѣлъ.

— Отчего же и теперь это невозможно? — спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ

— Оттого, что въ наше время было больше общественнаго дѣла, а потому было и легче рисковать своимъ личнымъ счастьемъ... Вѣдь, отдавъ свое имя дѣвушкѣ, съ которой вы должны разойтись въ разные стороны тотчасъ по выходѣ изъ церкви, вы сжигаете свои корабли для личнаго счастья. Вѣдь вы еще можете полюбить и должны будете отказаться отъ счастья—любви, семьи... Прежде это было легче...

Роговъ молчалъ и думалъ.

Вѣра Павловна съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла въ

его лицо. Онъ не замѣчалъ этого, но это видѣлъ Рахмаровъ, наблюдавшій за обоими; невеселая дума скользнула по его лицу, когда онъ увидѣлъ, что поблѣднѣлъ не одинъ Роговъ, но и Вѣра.

— Я завтра поѣду къ Лопатину. Надо будетъ узнать отъ нея, какъ она посмотритъ на нашъ планъ,—сказалъ Роговъ.— Сегодня я доплю ей записку: пусть скажется больной и потребуетъ, чтобы меня позвали.

— Знаете ли, какая мнѣ пришла мысль?—воскликнула Вѣра Павловна:—я совсѣмъ забыла о городскомъ кружкѣ. Не могутъ ли они что-нибудь устроить тамъ? Не написать ли мнѣ туда?

Общимъ голосомъ было рѣшено—написать Спиридову въ редакцію „Листка“.

Иванъ Захаровичъ послалъ записку Лопатиной.

VII.

Рогова встрѣтилъ въ залѣ самъ Лопатинъ. Но это былъ уже не прежній Петръ Петровичъ, старавшійся играть роль деревенскаго хлѣбосола, семьянина-патріарха и гостепріимнаго хозяина.

Онъ едва подалъ руку Ивану Захаровичу.

Лицо его похудѣло, осунулось. Его длинныя бакенбарды сильно посѣдѣли.

— Дочь просила послать за вами,—сказалъ онъ сухо.—Ей опять хуже. Надоѣла мнѣ вся эта канитель! Осрамила она меня на пѣлую губернію! Очень жалѣю, что не умерла тогда же!..—Надя!—крикнулъ онъ:—пойди сюда!

Вошла Надя, такая же худенькая, пугливая, съ тѣми же холодными ручками и робкими голубыми глазами.

— Проводи доктора къ Сонѣ... А меня извините; я иду въ свой кабинетъ. Я такъ разстроенъ! На свѣтъ бы Божій не глядѣлъ!..

Когда Надя ввела Рогова въ комнату Софьи, и тотъ увидѣлъ ее снова въ полусвѣтѣ краснаго абажура, съ ея темными волосами, рассыпавшимися по бѣлой подушкѣ,—онъ едва не вскрикнулъ: такъ она измѣнилась. Это была тѣнь прежней Софьи. Прозрачное, словно восковое лицо, глаза, глубоко ушедшіе въ орбиты... Въ нихъ уже не было ни прежней шутилой насмѣшки, ни вѣтерпѣливой, безпокойной жизни... Усталость, измученность, апатія... и только.

Впрочемъ, на одну секунду, когда онъ вошелъ, на ея ще-

какъ вспыхнулъ румянецъ, глаза выразили радость, но потомъ она впала въ прежнее состояніе.

Роговъ подъ какимъ-то предлогомъ выслалъ Надю и, въ короткихъ словахъ, разсказалъ Софѣ планъ, къ которому пришли въ усадьбѣ Рахмарова.

— Вы всё—очень добрые! Спасибо вамъ. И я приняла бы вашу помощь... И отъ Петренки приняла бы... Но... вы не убѣдите отца... И пробовать нечего... Онъ догадается, откуда все идетъ, и только подниметъ новую исторію... А вы видите, въ какомъ я состояніи... Въ силахъ ли я перенести его новыя угрозы и нападенія?

— Но я скажу ему, что вамъ грозитъ серьезная опасность, если онъ не согласится.

— Ему все равно. Онъ былъ бы доволенъ, если бы я умерла... Я это говорю серьезно. Онъ былъ сдержаннѣе, когда надѣялся, что я еще могу выйти замужъ, найти хорошую партію... А теперь онъ убѣжденъ, что я—залежавшійся товаръ, который напрасно занимаетъ мѣсто... Вѣдь у него, какъ онъ вчера еще выразился,—„еще три дуры на шеѣ“. Нужно ихъ всѣхъ пристроить; нужно ихъ „вывозить“, пить имъ костюмы и т. д., и т. д. А тутъ я! Да еще компрометирую ихъ. Онъ ненавидитъ меня.

— А если сыграть именно на этой стрункѣ: вѣдь, уѣхавъ въ Петербургъ, вы тамъ заведете знакомства съ молодежью, можете и жениха найти... Если ему на это намекнуть?..

— У него о молодежи особое представленіе: когда я, года два назадъ, просилась въ академію, онъ сказалъ: „Не пущу! Еще подцѣпишь себѣ тамъ молодчика, который вмѣстѣ съ тобой мнѣ на шею сядетъ“! Вѣдь меня отпустили въ Петербургъ послѣ только потому, что надѣялись на мой бракъ съ этимъ вняземъ, о которомъ вы, конечно, уже слышали...

— Есть еще одинъ исходъ, Софья Петровна,—сказалъ Роговъ,—но я ужъ и не знаю, говорить ли о немъ.

— Чтò такое? Я на все пойду!—отвѣтила она, оживляясь.

— Вы знаете, конечно, чтò такое фиктивный бракъ?

Она быстро приподнялась и посмотрѣла на него почти съ ужасомъ.

— Чтò вы хотите сказать?!

— Я... могъ бы... взять на себя...

— И вы подумали, что я приняла бы отъ васъ эту жертву?! И вы это думаете?! За кого вы меня принимаете?!.. Господи! И скажите: это вы сами придумали, или тамъ всё... сообща?

— Я, право, не помню, кому это пришло въ голову... Знаю одно, что другого выхода у васъ нѣтъ... А для меня тутъ нѣтъ никакой жертвы...

— Какъ нѣтъ жертвы?! Впрочемъ, что же я говорю объ этомъ?! Я васъ слушать не хочу... Довольно, довольно! — Она чуть не плакала.

— Увѣряю васъ, что жертвы тутъ нѣтъ. А счастье было бы большое—думать, что я помогъ вамъ хотя этимъ...

— Каждое ваше слово убѣждаетъ меня, что именно отъ васъ меньше всего я должна принять какую-нибудь жертву... Вы не понимаете себя!.. Я, я отниму у васъ будущее?!

— Я никогда и никого не буду любить...

— Ну, вотъ! Да, да!.. Я такъ и знала! Довольно, довольно объ этомъ... Простите, что я такъ рѣзко говорю! Не думайте, что я не благодарна, что я не цѣню вашего добраго желанія!.. Спасибо вамъ за него! Но только не будемъ говорить объ этомъ больше... Лучше умереть, сойти съ ума!..

На Рогова вдругъ точно какая-то волна нахлынула.

— Мы оба ходимъ вокругъ да около!—сказалъ онъ, горячась.—Будемъ говорить на чистоту... Вы отказываетесь потому, что, по вашему, я люблю васъ... Хорошо! Пусть будетъ такъ! Я не увѣренъ въ этомъ... Я не знаю, какъ любить... Но, по книгамъ, это, кажется, бываетъ такъ. Хорошо!.. Ну, что же изъ этого? Вѣдь я ничего не требую отъ васъ. Я хочу одного: дайте мнѣ принести вамъ... не жертву, нѣтъ... дайте мнѣ счастье служить вамъ чѣмъ-нибудь...

— Вы посмотрите въ свою душу, — сказала она: — отчего вамъ это кажется счастьемъ? Оттого, оттого, поймите, что гдѣ-то, въ глубинѣ души, вы надѣетесь, что этой жертвой заставите меня... Нѣтъ! нѣтъ! Довольно объ этомъ!..

— Можетъ быть, и такъ! Но я этого не чувствую, не знаю... Мнѣ просто мучительно думать, что вы страдаете... Мнѣ просто кажется счастьемъ, что вы будете думать обо мнѣ хорошо...

— Да я и такъ думаю о васъ хорошо! Милый вы, хороший, чистый, искренний. И я ужасно люблю васъ!.. Быть можетъ, больше всѣхъ, кого я знала и знаю... И все-же... вы надѣетесь, что я буду любить васъ не такъ, какъ я люблю... А этого никогда не будетъ, никогда не можетъ быть...

— Но почему же?—вырвалось у него.

Она грустно улыбнулась; въ этой улыбкѣ было что-то преж-нее, но только доброе и ласковое, какъ улыбаются дѣтямъ...

— Вотъ вы сами себя выдали! — крѣтко сказала она. — Вы надѣетесь!.. Ну, я вамъ скажу, почему я васъ не полюблю. А потому же, почему вы сказали нѣсколько минутъ назадъ, что вы никогда и никого любить не будете!..

— Я, сказалъ потому, что я уже люблю... Значить, и вы?..

— Значить, вѣроятно, и я, — прошептала она.

— И вы тоже надѣетесь?..

— Я ничего не знаю и не думаю объ этомъ... И не хочу думать!.. Не спрашивайте меня и не говорите!.. — почти закричала она.

Она уронила голову на подушку и отвернулася.

Онъ сталъ просить прощенія и, чуть не плача самъ, старался успокоить ее, какъ могъ. Теперь, когда у него была уничтожена надежда, онъ видѣлъ въ Лопатиной только страдающую сестру и забылъ о себѣ, хотя гдѣ-то въ груди все мучительно ныло и болѣло.

Онъ простился съ ней и уже уходилъ, какъ ему неожиданно пришелъ въ голову новый планъ:

— Я не могу уйти, думая, что вы останетесь въ томъ же положеніи, — сказалъ онъ: — мнѣ кажется, есть еще средство освободить васъ. Можно сказать отцу, что вы — моя невѣста, и тогда я потребую себѣ нѣкоторыхъ правъ, какъ женихъ... Свадьбы можетъ не быть, но мы можемъ поѣхать куда-нибудь, какъ будто для совершенія обряда... Можно будетъ даже сказать, что мы женились...

— Нѣтъ, милый Иванъ Захаровичъ! Это противно и грязно какъ-то! Вѣдь это — обманъ. Я не могу!.. Спасибо вамъ... Прощайте!.. Я устала... Довольно!.. Прощайте...

Она торопливо пожала ему руку и упала на подушку.

Онъ уже подходилъ къ двери, но вдругъ вспомнилъ, что Вѣра Павловна дала ему записку къ ней.

— Совсѣмъ забылъ! Простите! Я подожду, пока вы прочтете... Быть можетъ, нужно будетъ передать ей что-нибудь въ отвѣтъ?..

Когда Софья читала письмо, ея лицо покрылось густымъ румянцемъ.

— Зачѣмъ вы ей это рассказали?! — вскрикнула она, взглянувъ на Рогова съ укоромъ, но не сердито.

— Чтò такое я рассказалъ? — спросилъ онъ.

— А развѣ вы не знаете содержанія письма?

— Не знаю...

— Вы рассказали ей то, что я говорила вамъ тогда, на

крылечкѣ этой несчастной... И вотъ она пишетъ, что я ошибалась, и что она Рахмарова любить только какъ брата, что она была бы счастлива, еслибы онъ... еслибы его... Но тутъ уже другое!—перебила она себя, но покраснѣла еще сильнѣе. — Не надо было говорить ей этого! Какой вы... плохой другъ!

— Вы забываете, что въ это время мы съ вами были во враждѣ!—отвѣтилъ онъ шутливо, и прибавилъ серьезно:—Я этого не говорилъ ей. Она сама догадалась. А рассказать ей часть нашего разговора было необходимо, чтобы обдумать, какъ помочь вамъ. Что же, отвѣта ей никакого не будетъ?—спросилъ Роговъ.

— Я сейчасъ напишу... Нѣтъ! Что же я буду писать? Вы скажите, что я ее очень, очень люблю... Или вотъ что: если мнѣ будетъ лучше, быть можетъ, я сама приѣду къ вамъ въ пріемный покой, и нельзя ли, чтобы тогда же къ вамъ пріѣхала и Вѣра Павловна... Мнѣ ужасно хочется видѣть ее... Я напишу вамъ, когда приѣду... Можно это устроить?

— Я увѣренъ, что она приѣдетъ,—отвѣтилъ Роговъ.—Вы хотите, чтобы она была одна?

— Одна! Конечно, одна! — торопливо и почти съ испугомъ сказала Софья, закрывъ лицо руками.

VIII.

Бываютъ въ жизни человѣка моменты, когда онъ вдругъ оглядывается на пройденный путь и начинаетъ смотрѣть на него и на себя какъ бы съ высоты, какъ на что-то постороннее. Въ такіе моменты онъ видитъ ясно всѣ ошибки и уклоненія этого пути отъ намѣченной цѣли, и кончается почти испугомъ передъ тѣмъ, что шелъ не самъ, руководился не своимъ умомъ, а какой-то слѣпой силой, захватившей его и увлекавшей далеко въ сторону отъ того, что онъ считалъ правильнымъ, хорошимъ, настоящимъ.

Этотъ моментъ переживалъ Роговъ, когда ѣхалъ отъ Лопатинныхъ въ усадьбу Рахмарова, чтобы сообщить тамъ результаты своихъ переговоровъ съ Софьей.

Установился снѣжный путь; поля, покрытыя бѣлымъ саваномъ, уходили въ даль. Снѣгъ падалъ большими, пушистыми хлопьями; они попадали въ лицо и таяли на немъ. Сани скользили легко по первопутку; уныло гремѣли бубенчики, и однообразное бречаніе ихъ далеко разносилось среди снѣговой пустыни.

Въ сердцѣ Рогова было такъ же пустынно и холодно, какъ въ этихъ поляхъ. Что-то болѣло и ныло тамъ, какъ болитъ то мѣсто, откуда только-что вырвали зубъ. Софья не только не любить его, но и не будетъ никогда любить, а между тѣмъ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ одной своей любовью къ ней. И сколько ушло на это времени, мысли, возни! „Вотъ и теперь,—думалъ онъ,—ѣду во второй разъ къ Рахмарову, точно маятникъ мечусь между двумя усадьбами! А развѣ объ этомъ я думалъ, когда собирался въ земство, въ деревню? Много ли я думалъ о мужикахъ? Правда, было не мало условій неблагопріятныхъ. Но еслибы вся моя мысль не сосредоточивалась на этихъ усадьбахъ, кто знаетъ, быть можетъ, и удалось бы сдѣлать что-нибудь для крестьянъ. А вѣдь теперь ровно ничего не сдѣлано! Нуль! Всѣ эти мѣсяцы надо вычеркнуть изъ жизни“!

Продѣлали маленькій хуторъ, лежавшій между усадьбой Лопатина и Рахмарова. Собаки бросились на лошадей съ сирымъ, озлобленнымъ лаемъ. Въ избахъ, съ бѣлыми крышами, засыпанными снѣгомъ, всѣ уже спали.

Эти покосившіяся, словно выросшія въ землю, избенки шевельнули въ Роговѣ чувство, которое какъ-то забылось и замерло въ послѣднее время: чувство тоскливой любви къ тѣмъ, кто жилъ въ этихъ несчастныхъ, жалкихъ лачугахъ,—мучительное юношеское чувство.

„Нужно совсѣмъ, радикально измѣнить свою жизнь! И начать это сразу, какъ сразу отвыкаютъ отъ куренья! Надо бросить эти поѣздки къ изнѣженнымъ барамъ. Я совсѣмъ завертѣлся у нихъ; голову потерялъ! Въ послѣдній разъ сегодня побываю у Лядовой—и баста! Только по дѣлу буду ѣздить. Съ завтрашняго же дня начну новую жизнь. Вызову Федю, попрошу его свести меня къ его друзьямъ—„трезвенникамъ“... Съ нихъ и начну мое сближеніе съ деревней... Они все-же ближе мнѣ... Отъ нихъ перейду и къ остальнымъ“...

Подѣлавъ къ усадьбѣ, онъ даже рѣшилъ не заходить къ Вѣрѣ Павловнѣ, а сообщить все вкратцѣ Рахмарову, который пусть передастъ ей... Необходимо предупредить Рахмарова о томъ, что онъ сократитъ свои поѣздки въ усадьбу, и для этого выдумать какой-нибудь предлогъ: иначе неожиданное отчужденіе покажется страннымъ.

Рахмарова онъ засталъ за письменнымъ столомъ.

— Новая жалоба на Лопатина!—сказалъ тотъ, поднимаясь на встрѣчу ему:—сейчасъ только крестьяне ушли. Этотъ чело-

вѣкъ не унимается!... Ну, какъ же вы покончили съ Софьей Петровной?

Роговъ разсказалъ ему подробно свой разговоръ съ Софьей, исключивъ, конечно, все, что намекало, по его мнѣнію, на любовь несчастной дѣвушки къ Рахмарову.

Но и съ этими пропусками разсказъ доктора произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра Григорьевича. Онъ нѣсколько разъ вставалъ съ мѣста и начиналъ ходить по комнатѣ, говоря какъ бы съ самимъ собою:

— Удивительная натура! Я былъ о ней другого мнѣнія... Да, она очень хорошій человѣкъ. И какое сокровище вышло бы изъ нея при другихъ условіяхъ! И неужели она такъ и останется тамъ? Неужели пропадетъ эта сила, эта глубокая правдивость, эта жажда лучшей жизни?... Нѣтъ, Иванъ Захаровичъ, нельзя это оставлять такъ! Необходимо еще подумать. Боже мой! Да неужели же мы всѣ такъ безсильны! На нашихъ глазахъ гибнетъ чудесная личность, а мы сложимъ руки и будемъ покойно смотрѣть, какъ она задыхается, какъ опять отравится или бросится въ воду! Это, вѣдь, невозможно! Поймите вы, что это невозможно!...

Но чѣмъ больше онъ горячился и увлекался своимъ сочувствіемъ къ Софьѣ, тѣмъ больше былъ непріятенъ Рогову, у котораго въ умѣ сверлила мысль, что Софья любитъ этого человѣка, а быть можетъ, и онъ...

— Я не нахожу никакого выхода! — сухо отвѣтилъ Иванъ Захаровичъ: — я сдѣлалъ все, что могъ! И, право, начинаю думать, что мы напрасно такъ волнуемся изъ-за нея. Если она такъ щепетильна даже въ такихъ пустякахъ, чтобы немножко солгать этому негодю, значитъ, ей и тамъ не особенно тяжело... Когда человѣку очень тяжело, онъ ни на что не смотритъ! Я, знаете, прихожу къ убѣжденію, что напрасно тратилъ время на эту возню. Я запустилъ и свое дѣло, и чтеніе... У меня журналы за нѣсколько мѣсяцевъ валяются неразрѣзанными! Газетъ уже не читалъ недѣли двѣ! И все это для того, чтобы ублажать капризничавшую барышню, которая сама не знаетъ, чего хочетъ... Я намѣренъ радикально измѣнить свою жизнь! Запираюсь дома и никуда ни ногой!... Я до сихъ поръ не осуществилъ ни одного изъ плановъ, съ которыми ѣхалъ въ деревню... Пора взять себя въ руки...

Рахмаровъ съ удивленіемъ остановился передъ нимъ и сталъ внимательно всматриваться въ его разстроенное, поблѣднѣвшее

лицо. Роговъ избѣгалъ взгляда Петра Григорьевича, и его глаза бѣгали по сторонамъ.

Рахмаровъ долго ходилъ молча послѣ этой неожиданной реплики. Онъ обдумывалъ слова Рогова, стараясь уразумѣть, что съ нимъ творится.

— Неудобно мнѣ возражать вамъ на это,—заговорилъ онъ: —выходило бы такъ, что я васъ тяну туда, куда вы идти не хотите, и отвлекаю отъ того, что вы считаете своимъ долгомъ... Но все-же мнѣ жалъ, что вы такъ рѣзко измѣнили свое мнѣніе о Софѣ Петровнѣ...

— Да, но и вы его теперь измѣнили! Только мы оба измѣнили въ обратныя стороны... Вы иначе думали о ней...

— Да, да! Но я вижу, что я ошибался... И теперь мнѣ особенно жалъ, что вы измѣнили свое мнѣніе, именно потому, что когда я понималъ, какъ необходимо ей помочь, — одинъ союзникъ уходитъ; насъ остается еще меньше, и ужъ помочь ей становится, дѣйствительно, невозможно... Вѣдь безъ васъ даже и сношенія съ нею прекратятся...

— Ну, что жъ дѣлать! Я рѣшилъ безповоротно бросить эту канитель.

— Я и не убѣждаю васъ. Я хотѣлъ только, прежде чѣмъ вы приведете въ исполненіе это рѣшеніе, обратить ваше вниманіе на два пункта: вы, вотъ, думаете, что ея нежеланіе солгать этому негодю показываетъ, будто бы, что ей не особенно тяжело... А вѣдь передъ вами только-что совершившійся фактъ: ей такъ тяжело, что она отравилась! Вы это какъ будто забыли. Теперь сдѣлайте логическій выводъ: для этой натуры легче умереть, чѣмъ дѣйствовать средствами, которыя кажутся ей не вполне чистоплотными, пачкаютъ... А второй пунктъ, дорогой мой Иванъ Захаровичъ, вотъ въ чемъ: вы хотите у себя запереться. Значить, и Вѣру Павловну вы лишите единственнаго человѣка, который... Впрочемъ, мнѣ трудно говорить объ этомъ... Но неужели вы не видите, что она живетъ только тѣмъ, что увидить васъ, поговорить съ вами?... Неужели вы не видите?...

— Что вы хотите сказать? — спросилъ Роговъ взволнованнымъ голосомъ.

— Вы понимаете, что я хочу сказать. Оговариваюсь: это мои предположенія... Я ничего не знаю! Я сдѣлалъ этотъ выводъ давно... Въ первый же день, какъ она пріѣхала сюда, она мечтала, какъ будетъ хорошо, когда вы пріѣдете...

— Я такъ уважаю Вѣру Павловну,—сказалъ Роговъ,—что мнѣ, конечно, не безразлично, какъ она относится ко мнѣ... Я

очень взволновать тѣмъ, что вы сказали... Мнѣ, разумѣется, было бы очень тяжело, еслибы я причинилъ ей горе... Но я почти увѣренъ, что вы преувеличили. Конечно, ей скучно одной... Вотъ и все...

— А еслибы только это? И неужели же не нужно устранить лишній поводъ къ тому, чтобы ей было тяжело? И неужели нельзя совмѣстить и вашу работу, и... посѣщенія... ну, хотя и не каждый день?..

— Вы правы,—сказалъ Роговъ:—я былъ бы ужаснымъ эгоистомъ, еслибы поступилъ такъ... Надо лучше обдумать, какъ совмѣстить все это...

— А теперь вы не зайдете къ ней?

— Нѣтъ... Я буду на дняхъ; вѣроятно, завтра... Мнѣ надо подумать о томъ, что вы сказали...

Рогову было пріятно то, что онъ слышалъ отъ Рахмарова... Рана, нанесенная ему Софьей, казалось, не такъ болѣла, когда онъ думалъ, что, быть можетъ, Рахмаровъ и правъ, и Лидова расположена къ нему больше, нежели къ хорошему и близкому другу... Образъ Вѣры Павловны принималъ въ его глазахъ ту новую прелесть, какую мы чувствуемъ, думая о человѣкѣ, любящемъ насъ, преданномъ намъ... Симпатичность ея удесатерилась въ его глазахъ; въ то же время онъ и жалѣлъ ее, и чувствовалъ къ ней что-то покровительственное... Въ общемъ, самочувствіе его было такое, что хотя больное мѣсто и ныло, но рядомъ съ этой тупой болью возникалъ симпатичный образъ, не только убаюкивавшій его самолюбіе, но и зарождавшій новыя смутныя надежды на счастье и тепло...

Рѣшеніе его — запереться у себя отъ „барской интеллигенціи“ — значительно ослабло. „И развѣ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, совмѣстить дружбу съ Вѣрой Павловной и сближеніе, напримѣръ, съ „трезвенниками“ Ѳеди?“—думалъ онъ. Ему даже пришла мысль—познакомить съ ними и Вѣру Павловну: „вѣдь это и въ ея жизнь внесетъ новую струю“.

Онъ былъ такъ доволенъ этимъ планомъ, что осуществилъ бы его черезъ нѣсколько дней, еслибы не произошло новыхъ событий, отсрочившихъ на время это намѣреніе.

Л. Оболенскій.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

VIII *).

Женева.—Джемсъ Фазис и его агитація. — Лекціи въ Академіи. — Публичныя лекціи въ духѣ. — Прогулка по Швейцаріи. — Отъѣздъ въ Гейдельбергъ. — Профессоръ Гофманъ и его семья. — Лекціи въ университетѣ. — Публичныя лекціи въ музеѣ. — Франкфуртъ. — Прогулка по Рейну. — Поездка въ Италію. — Литературныя вечера въ Гейдельбергѣ. — Выѣздъ изъ Гейдельберга.

Женева! Да развѣ есть въ Европѣ другой городъ—Константинополя и Неаполя я не знаю,—производящій такое чарующее впечатлѣніе, какъ эта царица Швейцаріи, городъ строгаго калвинизма, съ такимъ чуднымъ пейзажемъ, что, кажется, онъ созданъ не стихійными силами природы, а сознательною мыслью художника. Впечатлѣніе еще болѣе увеличивается вслѣдствіе неожиданности зрѣлища. Когда вы на пароходѣ подъѣзжаете къ Женевѣ, вы издали видите темно-сѣрую кучу домовъ, надъ которыми господствуетъ сумрачный соборъ св. Петра. „Такъ это хваленая Женева?“—слышится на палубѣ парохода. Да, это

*) См. выше: мартъ, 168 стр.

Женева, но Женева старая, Женева Кальвина, которую не могла перенести свободолюбивая душа Руссо. Но подождите: вы увидите Женеву новую, созданную радикаломъ Джемсомъ Фази, которая, конечно, очаруетъ вашъ взоръ. Пароходъ присталъ у пристани англійскаго сада, этого очаровательнаго сада, съ которымъ можете посоперничать развѣ садъ у озера въ Цюрихѣ. Станьте лицомъ къ озеру, и какую картину обниметъ вашъ взоръ! Передъ вами это дивное синее озеро, которому и конца нѣтъ. Съ правой руки—рядъ великолѣпныхъ домовъ, заканчивающихся наркомъ. Это—commune des eaux vives, за которою виднѣтся живописная гора Салевъ, а далеко-далеко блеститъ снѣжная верхушка Монъ-Блана, своими очертаніями, говорятъ, напоминающая профиль Наполеона I. А слѣва? Слѣва—роскошная набережная Монъ-Блана, въ которую упирается улица того же названія, подходящая къ вокзалу и застроенная превосходными домами; а тамъ—Râquis, съ грандіозными отелями-дворцами; вдали виднѣются Юрскія Альпы. Дух захватываетъ отъ прелести пейзажа, а въ теплую лѣтнюю ночь, когда въ озерѣ отражается масса огней, а изъ сосѣднихъ кафѣ несутся звуки пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары или мандолины, Женева представляется чѣмъ-то волшебнымъ. Но я рисую вамъ Женеву современную, какою я видѣлъ ее въ 1899 г., когда, проживая съ женой и дочерью въ Кларанѣ, я часто навѣщалъ ее. Не такова была она сорокъ лѣтъ тому назадъ. Тщетно я искалъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ я жилъ въ 1860-хъ и 1881-мъ гг.; тщетно хотѣлъ увидѣть тѣ укрѣпленія, изъ-за срытія которыхъ такъ сражался Фази. Опустѣла академія, въ которой я слушалъ когда-то лекціи: ее замѣнилъ университетъ, роскошныя зданія котораго господствуютъ надъ Plain-Palais. А откуда взялся паркъ въ общинѣ „Живыхъ-Водъ“? Неужто въ сорокъ лѣтъ могли вырастать такія роскошныя деревья? Не вила ли Діодати, которую такъ любилъ Байронъ, пошла подъ этотъ паркъ? Да, страшно измѣнилась Женева съ 1860-го года: высохла и та березка на островѣ Руссо, которая напоминала намъ лѣса дорогой родины. Не измѣнилось только синее Женевское озеро, видъ котораго такъ поразилъ мою жену, когда она въ первый разъ его увидѣла. „Посмотри! посмотри! Какая чудная поляна цвѣтущаго синяго барвинка!“—вскричала она, близорукая, пока не разглядѣла, что это не поляна, а озеро.

Незабитовскій посоветовалъ мнѣ устроиться въ общинѣ „Живыхъ-Водъ“ у старушки Бальсанкъ, которая проживала тамъ съ двумя дочерьми. Форменнаго пансіона она не держала, но принимала иногда жильцовъ за умѣренную плату по четыре франка

въ день съ персоны. Насъ приняла она только ради памяти Незабитовскаго, котораго вся семья очень полюбила. „Вѣдь онъ,—вспоминала старушка,—doux, comme le miel“. Нельзя сказать, чтобы устроились удобно: домъ стоялъ на припѣкѣ, комната была тѣсная, пища—такъ себѣ. Но семья была такая симпатичная, что мы рѣшились пожить здѣсь, пока осмотримся. Между прочимъ пріѣхалъ изъ Ди, на югѣ Франціи, пасторъ, женатый на одной изъ дочерей хозяйки. Онъ предложилъ мнѣ совершить прогулку пѣшкомъ въ Шамони, если не ошибаюсь, километровъ шестьдесятъ отъ Женевы. Я охотно согласился, зная, что женѣ будетъ очень покойно въ этой прекрасной семьѣ. Мы скоро собрались въ путь и вечеромъ пріѣхали въ ближайшій савойскій городокъ. Переночевавъ, раннимъ утромъ мы отправились пѣшкомъ. Мы проходили то по голымъ горамъ Савойи, то по чуднымъ зеленымъ долинамъ съ горными водопадами, у которыхъ по временамъ мы дѣлали привалъ, утоляя жажду студеной горной водой; заходили мы въ убогіе савойскіе шале, чтобы отдохнуть и съѣсть кусокъ томъ или выпить стаканъ козьего молока. Эти шале не всегда бывали опрятны, и большею частью подъ одной кровлей помѣщался и домашній скотъ, и люди. Помнится, что на пути мы переночевали въ одномъ поселкѣ, гдѣ омыли усталыя ноги кирпич-вассеромъ. Нерѣдко мы встрѣчали предприимчивыхъ англичанокъ, путешествующихъ въ одиночку съ длинной альпійской палкой въ рукахъ и котомкой на плечахъ. Подъ вечеръ мы пришли въ Шамони, и насъ обдало холодомъ ледяного моря. Чудное это мѣсто—долина Шамони, у подножія ледяного Монъ-Блана. Недаромъ Катковъ говорилъ, что онъ сюда переселится, если ему не удастся его публицистическая дѣятельность. Но мы только переночевали здѣсь, и на другой день двинулись дальше на Мартиньи. Мой спутникъ какъ-то былъ несговорчивъ, немножко брюзга, такъ что общество его не доставляло мнѣ особеннаго удовольствія. Мы пробирались черезъ дикій и живописный Валисъ, проходя иногда чрезъ поселки въ такихъ глубокихъ ущельяхъ, что едва было видно небо: тамъ царствовали зобъ и кретинизмъ. Насмотрѣлись мы на этихъ несчастныхъ кретиновъ, иногда ползающихъ на четверенькахъ, иногда не говорящихъ, а мычащихъ... Уставъ отъ ходьбы, я нанялъ мула, что не понравилось моему спутнику, увидѣвшему въ этомъ нарушение товарищескаго единенія. Въ Мартиньи мы опять переночевали и на другой день утромъ прибыли въ Бельвилль, откуда, проѣхавъ во всю длину Женевское озеро, мы прибыли домой. Видно было, что мой спутникъ недоволенъ мною, какъ будто онъ не получилъ отъ меня

ожидаемаго. Мнѣ самому онъ не понравился. Возможно, что онъ шепнулъ что-нибудь хозяйкѣ, такъ какъ послѣдняя стала показывать явное желаніе избавиться отъ насъ. Мы рѣшили перемѣнить квартиру, и скоро нашли ее на противоположномъ берегу озера—въ Râquis, у члена государственнаго совѣта по департаменту народнаго просвѣщенія, Aloyse Piguet, по четыре франка въ день.

Видъ этого Râquis былъ тогда совсѣмъ не то, что нынче. Въ густыхъ, прелестныхъ палисадникахъ скрывался рядъ небольшихъ домиковъ, обвитыхъ виноградомъ, грозды котораго можно было доставать изъ открытаго окна. Теперь, какъ говорилъ я выше, и слѣдъ ихъ простылъ. Намъ очень понравилось мѣсто, и мы наняли двѣ комнаты съ полнымъ пансіономъ, но имѣли неосторожность сказать, что будемъ жить до половины февраля, за что пришлось поплатиться впослѣдствіи. Ъли мы вмѣстѣ съ семьей, и пища вообще была довольно скудная. Видно было, что хозяйка очень экономничала, стараясь у мужа брать поменьше денегъ, чтобы у него было больше для его прихотей и удовольствій. Семья состояла: изъ хозяина, его жены Луизы, двухъ небольшихъ сыновей, Жака и Жюля, и, помнится, маленькой дочери. Хозяинъ, какъ мы видѣли, занималъ важный постъ—нѣчто въ родѣ министра народнаго просвѣщенія, съ жалованьемъ четыре тысячи франковъ въ годъ. Онъ былъ сторонникомъ Фази, который, вѣроятно, и вывелъ его въ люди. Для женева онъ былъ довольно учтивъ и привѣтливъ, но не производилъ впечатлѣнія развитого и образованнаго человѣка. Еще молодой и красивый, онъ, видимо, тяготился семейной жизнью, неинтересной супругой, отъ которой постоянно отлынивалъ. По уши въ него влюбленная, готовая служить ему какъ поденьщица, она думала, что мужа отъ домашняго очага отвлекаетъ департаментъ, но мнѣ казалось, что онъ большую часть времени проводилъ въ клубахъ и кафе. Жена его, Луиза Пиге, была загнанная и забитая семейными дразгами и хозяйственными хлопотами, вѣчно занятая, вѣчно суетливая. Съ нами она старалась быть какъ можно болѣе привѣтливой, но въ глубинѣ души всегда таила желаніе сорвать съ насъ деньгу. Старшему сыну было лѣтъ двѣнадцать, но онъ считалъ себя уже радикаломъ, сторонникомъ Фази. Я помню, однажды за обѣдомъ, онъ вмѣшался въ мою бесѣду съ его отцомъ, спрашивая у послѣдняго: „Что это такое дворянство“? Помню я также, какъ занимали его федеральные выборы, и онъ мнѣ говорилъ: „Вотъ-вотъ подойдутъ изъ Каружа, и мы тогда разобьемъ консерваторовъ“. Вообще, дѣти въ Швей-

царя очень рано созрѣваютъ: мальчишка лѣтъ двѣнадцати уже политиканствуетъ, считая себя за консерватора или радикала. Но что еще хуже,—по моимъ наблюденіямъ, дѣти въ Швейцаріи обращаются очень грубо съ родителями: Какъ нерѣдко кричалъ на свою запуганную мать, а однажды я былъ свидѣтелемъ, ѣдучи куда-то по ѡѣзжѣ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвица ругательски ругала свою мать. Эта швейцарская педагогическая система выработать самостоятельнаго гражданина, а не мнѣлаго, сердечнаго челоѣка, едва ли достойна подражанія, хотя для маленькой Швейцаріи она можетъ быть и нужна, такъ какъ ея политическую независимость охраняетъ не одна природа, но и могучій патріотизмъ ея гражданъ.

Присоединеніе Савойи къ Франціи произвело сильное впечатлѣніе на всю Швейцарію и въ особенности на Женеву, которая была теперь охвачена со всѣхъ сторонъ владѣніями могучей имперіи. Я былъ свидѣтелемъ этого народнаго возбужденія, которое было по душѣ прирожденному агитатору Джемсу Фази. Сходка и публичная рѣчь ему были нужны, какъ рыбѣ вода. Сколько разъ приходилось мнѣ слушать, какъ онъ громилъ захватъ Наполеономъ III Савойи; какъ онъ убѣждалъ согражданъ готовиться къ отпору ехидной Франціи. Онъ не скупился на рѣзкія слова и выраженія, которыя такъ и сыпались въ его импровизаціяхъ. За нимъ всегда ходила толпа его поклонниковъ и слушателей. Говорили, что Фази—не безукоризненной нравственности, что въ его домѣ, на улицѣ Mont-Blanc, игорный домъ, и что онъ самъ—страстный игрокъ на большія суммы. Это возможно, но несомнѣнно и то, что онъ, какъ дѣятель политическій, былъ очень полезенъ Женевѣ: въ 1848 году онъ вырвалъ власть изъ рукъ узкой консервативной партіи и провелъ болѣе либеральную конституцію; онъ поднялъ вопросъ о срытіи укрѣпленій; ему кантонъ обязанъ многими линіями желѣзныхъ дорогъ, а желѣзнодорожныя компаніи всегда находили въ немъ непримиримаго обличителя. Можно сказать, что Фази перестроилъ Женеву, сообщивъ ей тотъ новый видъ, который онъ имѣетъ нынче. Атмосфера Женевы въ 1860 г. была такъ пропитана политикой, что и я заинтересовался ею, и не разъ бывалъ въ „великомъ совѣтѣ“, слушая тамошнихъ ораторовъ и между прочимъ Карла Фохта, бывшаго депутатомъ и говорившаго по-французски съ самымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я внимательно также слѣдилъ за ходомъ федеральныхъ выборовъ, за раздачей красныхъ и бѣлыхъ бюллетеней, на которыхъ были написаны имена кандидатовъ обѣихъ партій.

Публичная бібліотека Женевы вполне доступна: выдаютъ книги даже на домъ. Я давно интересовался сочиненіемъ Шарля Конта, въ которомъ онъ изслѣдуетъ вліяніе внѣшнихъ условій на законодательство. Многое объясняется иначе, чѣмъ у Монтескьё. Книга—назидательная, которую я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Университета въ Женевѣ въ то время не было, а была академія безъ медицинскаго факультета; помѣщалась она въ старомъ-престаромъ зданіи на той улицѣ, которая, поднимаясь подъ гору, ведетъ къ собору св. Петра. Я сталъ посѣщать въ академіи лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ. Чаще всѣхъ я слушалъ Аміеля, Данетта, Камперіо, а иногда знаменитаго матеріалиста Карла Фохта. Аміель читалъ философію. На меня онъ не производилъ впечатлѣнія особенно талантливаго человѣка: я его считалъ даже человѣкомъ отсталымъ, даже склоннымъ къ реакціи. Слушая его въ 1860 году, могъ ли я думать, что я слушаю такого глубокаго мыслителя и психолога, каковымъ Аміель оказался въ своемъ знаменитомъ дневникѣ, произведшемъ такое глубокое впечатлѣніе на всю европейскую интеллигенцію? Зачитываясь страницами этого чуднаго дневника, я живо припоминалъ фигуру автора на каедрѣ женевской академіи въ 1860 г.: глубоко сосредоточенный, кроткій и тихій, онъ казался мнѣ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ считалъ я его въ 1860 г., когда съ такой нетерпимостью относился ко всякому нарушенію моей либеральной программы. Данеттъ читалъ политическую экономію, и мнѣ лекціи его такъ нравились, что я постоянно посѣщалъ и записывалъ ихъ. Онъ говорилъ лекцію довольно хорошо, и я считалъ его далеко талантливѣе Аміеля. Тѣмъ болѣе, что онъ слѣдовалъ шаблонному либерализму, а курсъ его былъ выкроенъ по Бастіа, цѣннѣе котораго приучилъ насъ Бунге еще на школьной скамьѣ. Но теперь, когда я вспоминаю этихъ двухъ профессоровъ женевской академіи и оцѣниваю ихъ, какъ историкъ, фигура Аміеля представляется мнѣ далеко выше фигуры Данетта. Онъ былъ человѣкомъ глубокихъ, искреннихъ убѣжденій, а внутренняя жизнь его, въ которую онъ всецѣло погруженъ былъ, была очень содержательна, какъ это мы увидѣли изъ его посмертнаго дневника. Данеттъ—стереотипный либераль-буржуа, воззрѣнія котораго не углублялись въ суть человѣческой души и явленій жизни, но скользили по ихъ поверхности. Настоящей характеристикой Аміеля я воздаю ему запоздалую дань уваженія и признанія, которыхъ лишалъ его въ мои молодые годы, когда я былъ такимъ неопытнымъ психологомъ.—Камперіо читалъ элементарный курсъ конституціоннаго права, на ужасномъ французскомъ языкѣ,

преисполненномъ итальянскаго акцента. Курсъ его не представлялъ для меня ничего новаго и поучительнаго; потому я очень рѣдко бывалъ на его лекціяхъ. Заходилъ я иногда и на лекціи Карла Фохта, читавшаго геологію. Въ его обширной аудиторіи собиралось много слушателей. Тамъ я въ первый разъ встрѣтилъ женеваго священника Петрова, который потомъ крестилъ моего первенца; тамъ я познакомился и съ профессоромъ харьковскаго университета Лебедевымъ, съ которымъ недавно встрѣтился въ Харьковѣ, вспоминая эту встрѣчу въ аудиторіи Фохта. Карлъ Фохтъ—фигура типическая. Его внѣшній видъ вполне соответствовалъ той доктринѣ, которой онъ считался представителемъ. Высокій и тучный, со здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ казался *bon vivant*, для котораго въ жизни нѣтъ ни сомнѣній, ни нерѣшенныхъ вопросовъ, для котораго жизнь—веселый пиръ, изобилующій вкусными яствами и сладкими питіями. Да, это матеріалистъ, и матеріалистъ радикальный, ничто же сумнящійся, сказали бы вы при первомъ взглядѣ на его довольную, веселую фигуру. Интересно очень сопоставить его съ Амиелемъ, типическимъ спиритуалистомъ, для котораго въ жизни все—сомнѣніе и неразрѣшенные вопросы, а жизнь—не пиршество, но юдоль борьбы и испытаній. Кромѣ лекцій въ академіи, я посѣщалъ также даровыя публичныя лекціи, устройствомъ которыхъ очень и очень гордился мой хозяинъ, какъ женеваскій министръ народнаго просвѣщенія. Данеттъ читалъ исторію торговли, Карлъ Фохтъ читалъ о животныхъ и насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ въ хозяйствѣ; профессоръ фізіологіи, имя котораго я позабылъ, но о которомъ мы говорили, что онъ человекъ талантиливый, читалъ на тему, что голодъ—великій факторъ прогресса и общечеловѣческаго развитія.

Лекціи были главнымъ развлеченіемъ въ Женевѣ, которая очень скучна и монотонна въ глубокую осень, когда биза, особенно черная биза, дуетъ съ утра до вечера, выплескивая на набережную волны озера. Женева въ такіе дни невыносима. Бездѣ холодно: съ утра до вечера трещитъ вѣкъ въ нашемъ каминѣ, не обогрѣвая квартиры, по которой свободно разгуливаетъ вѣтеръ. Скучно, охъ, какъ скучно! Вечеромъ зайдетъ хозяинъ: „Давайте громко читать „Мертвыя Души“, во французскомъ переводѣ, въ дешевомъ иллюстрированномъ изданіи; но переводъ ужасно плохъ, и наши родные Чичиковъ, Маниловъ и Плюшкинъ такъ обезображены, что я бросаю чтеніе. Пора спать! Можетъ быть, вѣтеръ не проникнетъ подъ одѣяло-перинку, значеніе которой теперь такъ оцѣнивалось и которая произвела

на насъ въ Бреславлѣ впечатлѣніе чего-то страннаго и ненужнаго.

Стихала биза, выглядывало осеннее солнышко, и я дѣлалъ недалекія экскурсіи. Къ сожалѣнію, положеніе жены не позволяло ей мнѣ сопутствовать. Помню одну изъ такихъ экскурсій въ Монтрѣ, который тогда, конечно, не былъ такимъ эlegantнымъ городкомъ, какъ нынче, но уже и тогда манилъ прелестью своего пейзажа и затишемъ отъ бизы. Стоялъ прекрасный день уже глубокой осенью. Изъ Монтрѣ я пришелъ пѣшкомъ въ Веве позднимъ вечеромъ. Зашелъ переночевать въ какой-то отельчикъ. Я былъ ужасно голоденъ, а на ужинъ не было ничего, кромѣ чеснока, хлѣба и масла. Въ первый разъ въ жизни я ѣлъ чеснокъ, и онъ показался мнѣ очень вкуснымъ. Но когда я легъ спать, я горѣлъ какъ въ огнѣ, и мнѣ казалось, будто у меня горячка. Почти безъ сна я провелъ ночь, благодаря необычному ужину. На другой день, осмотрѣвъ Лозанну, возвратился домой. Припоминаю и другую экскурсію—въ Ивердѣнъ, неподалеку отъ Невшательскаго озера, гдѣ было открыто такъ много озерныхъ свайныхъ построекъ. Въ Ивердѣнѣ, этомъ маленькомъ городкѣ—замѣчательный музей. Симпатичная черта Швейцаріи—шіетъ къ роднымъ древностямъ. Отсюда—процвѣтаніе археологій, занятій которой посвящаютъ свои силы многіе талантливые умы; отсюда—такое множество музеевъ, разсѣянныхъ по всей странѣ.

На публичныя лекціи я обыкновенно ходилъ всегда со своей женой. Эти лекціи читались вечеромъ. Возвратившись съ одной изъ такихъ лекцій, помнится—Фохта, который намъ читалъ о нравахъ жабъ, жена почувствовала себя дурно. Ночь провели въ тревогѣ и безпокойствѣ. Утромъ недомоганіе продолжалось, и я пригласилъ договоренную прежде сидѣлку-повитуху по два франка въ день. Привѣтливая и симпатичная, м-ше Буржуа явилась. Къ вечеру боли такъ усилились, что я побѣжалъ за лучшимъ женевскимъ акушеромъ Маіоромъ, который уже былъ договоренъ. Въ мое отсутствіе родился мой первенецъ, и когда я пришелъ домой, м-ше Буржуа поднесла мнѣ его, одѣтаго въ чулочки, башмачки и чепчикъ. Ребенка не целовали и не указывали, чего тамъ не водится. Вслѣдъ за мной пріѣхалъ Маіоръ и нашелъ, что все благополучно. Все это дѣлалось 5 декабря 1860 г.: незабвенная дата въ моей жизни. Я помню у Байрона одну пьесу, гдѣ онъ описываетъ сладость перваго родительскаго чувства. Въ чудныхъ своихъ стихахъ онъ вѣрно изобразилъ то состояніе души отца, которое переживается, когда услышишь крикъ своего первенца. Я на себѣ испыталъ это: какая-то ра-

дось, какое-то блаженство и бессознательное счастье наполняли мою душу, когда я слышалъ крикъ моего Сережи. Пригаль бы, танцоваль бы,—такъ было весело. Это радостное чувство быть отцомъ испытывается только разъ въ жизни. У меня есть и другія дѣти, но рожденіе ихъ не наполняло душу такой радостью и весельемъ. Видно, это—въ природѣ вещей, и разгадка этого психологическаго явленія кроется въ тайникахъ человѣческой души, которую такъ тонко понимаютъ такіе поэты, какъ Байронъ.

Жена не могла сама кормить ребенка,—нужно было нанять кормилицу. Мы наняли Жанету Жиро—здоровенную савойярдку, молодую и красивую. Она скоро полюбила ребенка и очень скоро стала выносить его на свѣжій воздухъ, такъ что новорожденный, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія своего на свѣтъ, уже совершалъ прогулки, а время было зимнее—декабрь. Только нравъ у савойярдки былъ бѣдовый,—вспыльчивый и несговорчивый, отъ котораго жена много терпѣла, особенно въ Гейдельбергѣ, когда ей приходилось разставаться со мной. Условія найма кормилицы не были особенно отяготительны: тридцать франковъ въ мѣсяцъ да обычныя тряпки. Я помню, что на другой день послѣ рожденія Сережи выпалъ такой снѣгъ, что я нанялъ сани, видомъ своимъ похожія на журавля, и поваталъ по Женевѣ дѣтей хозяйки. Нужно было подумать о крестинахъ. Въ Женевѣ тогда отдѣльной русской церкви не было, а была церковь домовая, при квартирѣ священника Петрова въ общинѣ „Живыхъ-Водъ“. Не знаю, сохранилась ли на царскихъ вратахъ теперешней русской церкви въ Женевѣ та гордая надпись, которую я прочелъ въ этой домовой церкви: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“. О. Петровъ любезно согласился совершить обрядъ крещенія. Нужно было найти только кумовей. Въ аудиторіяхъ академіи я часто встрѣчался съ отставнымъ петербургскимъ чиновникомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Бѣляновскимъ. Онъ производилъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе человѣка, которому опостылѣла тѣмъ петербургской канцеляріи и которому хоть подъ старость захотѣлось узрѣть свѣтъ западно-европейской науки и просвѣщенія. Онъ былъ очень увлеченъ заграничной культурой; ему пріятно было слушать свой доморощенный французскій языкъ, на которомъ онъ любилъ философствовать. Помню, какъ онъ однажды пригласилъ меня, Аміеля и Данетта на ужинъ въ какой-то кафе и сталъ разсуждать съ нами о матеріяхъ важныхъ. Робкая фигура Аміеля, развѣяныя манеры Данетта и бритое лицо съ сѣдой головой петербургскаго бюрократа такъ и видятся мнѣ и теперь, несмотря

на далекое прошлое. Вѣляновскій согласился быть крестнымъ моего сына, а m-me Riguet мы пригласили быть кумой. Сына окрестили и назвали Сергѣемъ—это имя казалось мнѣ всегда благозвучнымъ.

Празднованіе рождественскихъ святокъ въ Женевѣ сопровождалось нѣкоторыми мѣстными обычаями: разбиты были баганы на нѣкоторыхъ улицахъ; ребятишки пѣли пѣсни, въ которыхъ вспоминалось о борьбѣ Женевы съ Савойей и т. п. Послѣ рожденія сына, Женева стала еще скучнѣе и ненужнѣе, и мы задумывали переѣхать въ Гейдельбергъ, уплативъ хозяинѣ по уговору за все недожитое время. Мои товарищи, Сидоренко и Демченко, пребывая въ Гейдельбергѣ, жили въ домѣ профессора Гофмана и совѣтовали мнѣ помѣститься тамъ же. Я списался съ Гофманомъ. Отвѣтъ былъ благопріятный, и въ половинѣ января мы рѣшились двинуться въ Гейдельбергъ. Еще не разсвѣло, когда мы съ кормилицей, закутавъ и уложивъ на подушку мѣсячнаго туриста, отправились въ путь. Пейзажи Швейцаріи хороши и въ зимнее время. Любуясь ими, я не отрывалъ глазъ отъ оконъ вагона. Ночью мы пріѣхали въ Базель. Устроивъ на ночлегъ жену, я пошелъ бродить по незнакому мнѣ городу, освѣщенному луной. Могу сказать, что я видѣлъ Базель ночью, при лунномъ освѣщеніи, а другой разъ бывать въ немъ мнѣ не приходилось. На другой день мы продолжали нашъ путь. Долгое время дорога идетъ около Рейна, и я любовался видомъ этой прекрасной рѣки. Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Гейдельбергъ и—прямо въ домъ Гофмана. Да это настоящая Россія, думалось намъ: только и слышится русская рѣчь, только и видятся русскія лица; даже чай подали не въ чашкахъ, а въ ставанахъ—совсѣмъ какъ въ Москвѣ. Все это дѣлалось, благодаря такту живой и проворливой хозяйки, Софьи Петровны—ирландки, рожденной въ Москвѣ и усвоившей московскую рѣчь и проворство.

Наконецъ, я—въ Гейдельбергѣ. О его славномъ университетѣ я мечталъ еще въ свои юные годы. Я не бывалъ въ Іенѣ, Тюбингенѣ и Геттингенѣ; но болѣе укромнаго уголка для научныхъ занятій я не знаю. Гейдельбергъ—по истинѣ нѣмецкій Оксфордъ. Лежитъ онъ въ прелестной мѣстности, на милой рѣкѣ Неккарѣ, черезъ которую переброшенъ старинный каменный мостъ на ту сторону рѣки, гдѣ извивается „Philosophen-Weg“—чудное мѣсто для прогулки: здѣсь иногда можно было встрѣтить стариковъ Шлоссера и Гервинуса, доживавшихъ свой вѣкъ въ Гейдельбергѣ и посѣщавшихъ иногда, какъ говорили мнѣ, лекціи своего ученика Гейзера. Напротивъ высится знаменитый гейдель-

бергскій замокъ—лучшій памятникъ феодализма, красивѣе котораго я ничего не видѣлъ. Надъ нимъ висится швейцарскій шале Molken-kur, гдѣ всегда можно было видѣть группу студентовъ въ ихъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ и шарфахъ, съ изрубленными на дуэляхъ физіономіями, съ огромными бульдогами. Крѣпкая и здоровая нѣмецкая молодежь—бурши въ молодые годы, дѣльцы и культуртрегеры—въ годы зрѣлые. Славно пьютъ они свое пиво, славно кутать и дерутся на дуэляхъ, но и университета не забываютъ, и въ мое время жалобъ на абсентеизмъ нѣмецкихъ студентовъ еще не раздавалось въ Германіи, и я помню, какъ полны были ими аудиторіи Фангерова, Миттермайера, Гельмгольца и др. А студенческія дуэли были тогда въ большомъ ходу и оканчивались иногда трагически: я помню, однажды хоронили студента, убитаго на дуэли... Не забуду я никогда этого нѣмецкаго Оксфорда, въ которомъ я прожилъ почти полтора года и съ которымъ связано столько свѣтлыхъ молодыхъ воспоминаній.

Домъ профессора Гофмана стоялъ почти за городомъ. Къ нему примыкали поля и луга, по которымъ я, страстный поклонникъ деревни, любилъ бродить, глядя, какъ обрабатываетъ свою нивку нѣмецкій пахарь, какъ косить свой клеверъ нѣмецкій косарь, какъ жнеть свою пшеницу нѣмецкій жнецъ: все хотѣлось видѣть, высмотрѣть. Назидательность заграничнаго пребыванія, по моему крайнему разумѣнію,—не въ книгахъ и аудиторіяхъ, а въ непосредственномъ наблюденіи надъ особенностями быта и культуры. Этого я никогда не упускалъ изъ виду,—и, признаюсь, никогда объ этомъ не жалѣлъ...

Карлъ Ивановичъ Гофманъ считался приватъ-доцентомъ гейдельбергскаго университета, но лекцій при мнѣ онъ не читалъ. Его специальность—греческая словесность, для преподаванія которой онъ былъ приглашенъ въ московскій университетъ. Не знаю, долго ли онъ тамъ преподавалъ, но знаю, что онъ былъ высланъ по приказанію императора Николая I изъ Москвы, за участіе въ сборѣ пожертвованій на нѣмецкій флотъ. Несмотря на этотъ выѣздъ изъ Россіи, его связь съ Москвой и русскими не прерывалась. Его домъ, можно сказать, былъ русской колоніей въ Гейдельбергѣ, самъ онъ былъ славный нѣмецъ, довольно образованный, съ которымъ пріятно было и о политикѣ поговорить, и пива выпить, притомъ и по-русски говорилъ сносно. Для жильцовъ же своихъ онъ былъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что никакихъ денежныхъ дѣлъ съ нимъ не бывало, такъ какъ этимъ завѣдывала его бойкая супруга, Софья Петровна. Она была дѣйствительно женщина бойкая и проворная. Мы очень ее любили

за ея привѣтливость и московскія манеры. Но себя она не забывала: себя на умѣ, кормила она насъ преплохо, а деньги брала порядочныя. Я занималъ двѣ комнаты съ полнымъ содержаніемъ трехъ лицъ, и прожилъ съ половины января до половины октября 1861 г. Помню длинный столъ въ столовой Гофмана, за которымъ, мы, русскіе, собирались для обѣда и ужина. Кого только я не встрѣчалъ за этимъ столомъ! Да и кого изъ русскихъ не перебивало тогда въ Гейдельбергѣ, особенно послѣ исторіи въ петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г. Моя память, конечно, сохранила только фигуры болѣе выдающіяся. Въ домѣ Гофмана проживали при мнѣ братья Майновы. Одинъ изъ нихъ юристъ, а другой—естественникъ. Первый былъ страстный поклонникъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Его трудно было оторвать отъ книги, надъ которой онъ пожелтѣлъ и похудѣлъ и которую онъ оставлялъ только для прогулки съ хозяиномъ въ пивнью, гдѣ и устраивали перепой. Русскій человекъ, онъ, кажется, хотѣлъ выдѣлать изъ себя нѣмецкаго гелертера. Братъ его, естествоискусникъ, былъ человекъ болѣе живой и общительный. Оба, впрочемъ, были люди достойные. Куда дѣвались они и что съ ними случилось,—не знаю. Помню я также Власьева—необычайнаго труженика. Онъ, кажется, приготовлялся къ каедрѣ полицейскаго права, но потомъ читалъ юридическую энциклопедію въ новороссійскомъ университетѣ. Не знаю, какой изъ него вышелъ профессоръ, но въ Гейдельбергѣ онъ былъ страшно замкнутый и необщительный. Всегда надъ книгой,—рѣдко когда, бывало, скажетъ живое слово.

Живо помню я также профессора Бутлерова. Мы довольно сблизились, часто гуляли вмѣстѣ, а разъ, помню, съѣздили по Неккару въ лодкѣ на водяную мельницу. О Бутлеровѣ у меня сохранились самыя симпатичныя воспоминанія. Это былъ профессоръ-джентльменъ: не знаю, почему—своими манерами и обращеніемъ онъ напоминалъ мнѣ Григорія Павловича Галагана. Пчеловодъ и помѣщикъ казанской губерніи, онъ собою болѣе напоминалъ типъ дворянскаго предводителя, чѣмъ ученаго и профессора. Европейскій химикъ, онъ никого не беспокоилъ разсказами о своей наукѣ и о своихъ научныхъ заслугахъ. Совершенную противоположность представлялъ собою московскій профессоръ Ешевскій—преемникъ Грановскаго. Болѣзненный и самолюбивый, онъ только и говорилъ, что о своемъ Аполлинаріѣ Сидоніѣ, о своихъ дарованіяхъ и заслугахъ, да о своей борьбѣ изъ-за высокихъ принциповъ въ совѣтѣ московскаго университета. Сочленами этого совѣта онъ былъ совѣтъ не доволенъ:

онъ далеко не льстилъ мнѣ своими характеристиками. Съ большимъ сочувствіемъ онъ относился къ Капустину, да и то у Миханла Николаевича, по его опредѣленію, слишкомъ „женственная натура“. Онъ немножко свысока относился ко мнѣ, адъюнкту провинціального университета. Забывая, что и самъ когда-то профессорствовалъ въ университетѣ казанскомъ, онъ былъ преисполненъ гордымъ сознаніемъ величія московскаго университета. Съ нимъ трудно было бесѣдовать—его можно было только слушать, и слушала его застольныя рѣчи русская гейдельбергская колонія... Все это, можетъ быть, происходило отъ крайне болѣзненнаго состоянія профессора Ешевскаго уже незадолго до его смерти. Тѣмъ не менѣе, насколько свѣтелъ и симпатиченъ въ моихъ воспоминаніяхъ покойный Бутлеровъ, настолько образъ Ешевскаго помрачается его крайнимъ самолюбіемъ и раздражительностью.

Душа отдыхаетъ, когда вспомнишь объ Александрѣ Порфирьевичѣ Бородинѣ, знаменитомъ русскомъ химикѣ и композиторѣ. Это была прелестная, обольстительная личность, щедро надѣленная природой. За чтѣ бы онъ ни брался—все у него выходило хорошо. Иностранные языки онъ усваивалъ съ изумительною своростью: поживъ въ Парижѣ, онъ сталъ говорить по-французски, какъ уличный гаменъ; побывавъ въ Италіи, онъ изучилъ всѣ ея жаргоны. А обращеніе его было такое простое и товарищеское, какъ будто онъ былъ самый обыкновенный смертный. Припоминаю, какъ изъ Москвы пріѣхала къ намъ маленькая м-ше Китара, супруга извѣстнаго профессора технологіи и, кажется, сестра жены профессора Ешевскаго. Съ нею вмѣстѣ пріѣхала уже не очень молодая московская барышня, Протопонова—дивная піанистка. Заслушивался ея игры Бородинъ, страстный любитель музыки и самъ большой композиторъ. Заслушивался... Москвички уѣхали въ Италію, а вслѣдъ за ними и Бородинъ; оттуда же воротился онъ мужемъ Протопоповой: музыка соединила ихъ въ брачный союзъ. Не приходилось мнѣ потомъ встрѣчаться съ этимъ чудеснымъ русскимъ человѣкомъ, но зато пришлось быть въ Петербургѣ во время его внезапной кончины. На масленицѣ 1887 г., если только я не ошибаюсь въ датѣ, вечеромъ я былъ у ректора петербургскаго университета, покойнаго Андреевскаго: вошелъ профессоръ Иностранцевъ и сообщилъ, что на костюмированномъ вечерѣ Бородинъ, переодѣтый русскимъ парнемъ, побрякивая на балалайкѣ, упалъ и внезапно умеръ. Мнѣ пришлось сопровождать гробъ дорогого покойника на Александро-Невское кладбище. Шелъ густой, мо-

крый снѣгъ, заплывшій глаза, но это не мѣшало огромной толпѣ поклонниковъ усопшаго провожать до самой могилы его дорогіе останки,—такъ онъ былъ всѣмъ милъ, такъ всѣ его любили.

Но возвратимся къ русской колоніи въ Гейдельбергъ, поселившейся въ домѣ Гофмана. Составъ ея къ лѣту 1861 г. увеличился прїѣздомъ молодого человѣка лѣтъ семнадцати, Анучина. Онъ имѣлъ болѣзненный видъ. Я живо помню, какъ мы всѣ вмѣстѣ съ Анучинымъ ѣздили въ Баденъ-Баденъ, чтобы посмотреть на рулетку. Можно ли было думать, что изъ этого Анучина выйдетъ таковой талантливый антропологъ, которымъ такъ гордится русская наука! Дважды мнѣ приходилось съ нимъ потомъ встрѣчаться: въ Москвѣ, когда ректоръ Боголюбъ показывалъ мнѣ университетъ и его учрежденія,—тогда я его не узналъ; не знаю, узналъ ли онъ меня, что не трудно было по моей физической примѣтѣ. Но мы, русскіе, боимся другъ друга. Во второй разъ я встрѣтилъ Анучина на виленскомъ археологическомъ съѣздѣ: онъ ко мнѣ подошелъ и напомнилъ о Гейдельбергѣ и общихъ знакомыхъ. Для того, чтобы исчерпать характеристику обитателей дома Гофмана, прибавлю еще нѣсколько женскихъ персонажей. Софья Карловна, помнится, дочь орловскаго помѣщика, фамилію котораго я позабылъ: она была очень симпатична, но едва ли имѣла право считать себя пѣвицей. Она собиралась брать уроки у Віардо Гарсіа, а пока по цѣлымъ днямъ распѣвала сольфеджіи, что не доставляло ей сосѣдямъ особаго удовольствія. Помню, впрочемъ, что она пріятно пѣла „Лихорадушку“. По сосѣдству съ нами проживала грудная больная Лопатина, родная тетка бывшаго потомъ моимъ стипендіатомъ Назимова. Она часто забавлялась моимъ Сережей и довольно близко сошлась съ моей женой. Кажется, она тамъ и умерла, оставивъ о себѣ самыя симпатичныя воспоминанія. Болѣе смутно припоминается мнѣ княжна Шаликова, belle soeur Каткова, о которомъ она много рассказывала. Кажется, она была писательницей.

Населеніемъ дома Гофмана не исчерпывался контингентъ русскихъ, пребывавшихъ въ Гейдельбергѣ въ 1861 г. Онъ былъ очень обширенъ, заключаая въ себѣ множество разнообразныхъ типовъ, направленій, специальностей. Все это была зеленая молодежь. Наивная и простодушная, она потянулась въ Европу за наукой, за просвѣщеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была и недовольна Европой, желая сказать ей свое новое русское слово. Въ чемъ должно было состоять это новое слово, она и сама не знала. Но оно должно быть слово мудрое, какового Европа еще

и не слыхивала. Все это было преисполнено комизма: недоучки, приехали учиться, а сами хотят Европу поучать. Это был интересный моментъ въ исторіи русской эмиграціи, моментъ, изображенный Тургеневымъ въ его „Дымъ“. Мнѣ кажется, что нѣкоторые лица этой повѣсти срисованы съ гейдельбергскихъ оригиналовъ 1861 г.: по крайней мѣрѣ, читая ее, я узнавалъ въ ней моихъ короткихъ знакомыхъ. Кто не помнитъ милой и доброй генеральши Веселицкой, одной изъ самыхъ передовыхъ русскихъ дамъ. Она проживала въ одномъ домѣ со мной, со своимъ сыномъ, отставнымъ гвардейцемъ—самымъ передовымъ изъ передовыхъ. Человѣкъ хорошо воспитанный, онъ и радикализмъ свой обставлялъ какимъ-то гвардейскимъ этикетомъ. Я его встрѣтилъ въ Женевѣ въ 1881 г., и узналъ, что онъ, Веселицкій-Божидаровичъ, на берлинскомъ конгрессѣ предъявлялъ свое право на герцеговинскій престолъ. Женившись на американкѣ, онъ имѣлъ видъ Наполеонида, странствующаго по Европѣ и ждущаго, когда придетъ его пора. Припоминается мнѣ молодая и даровитая фигура Дмитрія Ивановича Менделѣва. Онъ былъ тогда приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, но уже можно было предвидѣть въ немъ, сибирякѣ, великана русской науки. Онъ жилъ вмѣстѣ съ полякомъ Олевинскимъ, изучавшимъ также химію. Отношенія между ними напоминали мнѣ Моцарта и Сальери. Я помню прощальный ужинъ, предшествовавшій отъѣзду Менделѣва въ Россію. Говорились русскія и нѣмецкія рѣчи; братались русскіе и нѣмецкіе представители науки... Менделѣвъ уѣхалъ за лаврами въ Россію, а бѣднаго Олевинскаго постигла иная участь: помнится, ранней весной 1862 г., онъ пришелъ къ намъ проститься передъ отъѣздомъ въ Парижъ, но его нашли на другой день отравившимся синильной кислотой, и я увидѣлъ его уже на секціонномъ столѣ анатомическаго театра. Чтò побудило его совершить такой страшный шагъ? „Зависть ли тайная? Злоба ль открытая? Или друзей клевета ядовитая?“... Разгадку унесъ съ собой въ могилу нашъ бѣдный Олевинскій.

Ясно выдѣляется въ моихъ воспоминаніяхъ Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій, впоследствии знаменитый эмбриологъ. Кажется, что и теперь вижу его въ синеи блузѣ, подпоясанной шнуркомъ. Это былъ типъ прирожденнаго естествоиспытателя: его кроткая душа сближала его съ природой; онъ не заносился въ тучи метафизики, но зорко смотрѣлъ въ свой микроскопъ, изслѣдуя фазисы развитія изучаемаго моллюска. Чуждый тревоженій и сомнѣній гуманитарныхъ наукъ, онъ игнорировалъ ихъ, а дедукціи ихъ считалъ достойными осмѣянія. Припоминаю я со-

лидную фигуру Леонида Ивановича Лаврентьева, страстного романиста. Ему слѣдовало бы сидѣть на кафедрѣ римскаго права, которое онъ такъ тонко изучилъ въ Гейдельбергѣ. А ему пришлось быть тьюторомъ Катковскаго лицея; теперь же онъ править томскимъ учебнымъ округомъ. Среди тогдашнихъ гейдельбергскихъ недоучекъ и наивныхъ радикаловъ выдѣляется его солидная фигура съ крѣпкими, установившимися убѣжденіями и правилами. Помню я, какъ добивался дружбы съ нимъ покойный Якубовичъ, всегда жаждавшій дружбы и отыскивавшій друзей. Проходятъ предо мною и братья Лукьяновы, Иванъ и Сергій Ивановичи. Я такъ и вижу предъ собою Сергія Ивановича, съ кудрями до плечъ, завернутаго въ пледъ и всегда готоваго на горячій споръ. Онъ очень любилъ свое римское право. Я часто встрѣчалъ его на лекціяхъ даже Блунчли, котораго я регулярно слушалъ. Теперь онъ сенаторомъ. Хорошо бы было, еслибы большинство русскихъ сенаторовъ проходили такую школу, какую прошелъ Сергій Ивановичъ Лукьяновъ. Братъ его, Иванъ Ивановичъ, былъ человѣкомъ другого типа. Красивый брюнетъ, онъ имѣлъ скорѣе фizioномію итальянца, чѣмъ русскаго, но въ душѣ своей онъ былъ кровнымъ русскимъ, подмосковнымъ. Гордился онъ и своимъ чисто-демократическимъ происхожденіемъ. Изучалъ онъ уголовное право и писалъ монографію о кассационномъ судѣ. Онъ былъ человѣкомъ ума тонкаго и глубокаго, и могъ бы украсить собою любой русскій университетъ. Я помню и его милую супругу, и ихъ вечеръ съ женой, на которую и я былъ приглашенъ. Я сохранилъ объ Иванѣ Ивановичѣ Лукьяновѣ самыя симпатичныя воспоминанія. Къ сожалѣнію, послѣ Гейдельберга я съ нимъ не встрѣчался, но слышалъ, что онъ промѣнялъ уголовное право на сельское хозяйство и умеръ въ деревнѣ.

Еще нѣсколько фигуръ изъ калейдоскопа русскихъ гейдельбергцевъ. Два профессора-цивилиста: московскаго университета—Никольскій—высокій, непривѣтливый; я его встрѣчалъ въ аудитории Фангерова, но бесѣдовать съ нимъ почти не приходилось,—да онъ и не былъ особенно экспансивенъ. Профессоръ казанскаго университета Александръ Васильевичъ Соколовъ—я его встрѣтилъ у Сергія Ивановича Лукьянова, и не знаю, почему надъ нимъ какъ-то подшучивали. Говорили мнѣ, впрочемъ, что въ Дерптѣ онъ запасся большою эрудиціей по римскому и гражданскому праву. А вотъ и смуглая, но очень симпатичная фигура Нарышкина, который былъ потомъ подольскимъ губернаторомъ и товарищемъ министра государственныхъ имуществъ. Я съ нимъ въ Гейдельбергѣ близко сошелся: мнѣ пріятно было ви-

дѣтъ въ немъ уравновѣшеннаго человѣка, ясно и здраво смотрящаго на вещи. Съ его именемъ у меня связывается воспоминаніе о Зайцевѣ, изъ духовнаго званія. Чтѣ онъ и какъ онъ — не помню, но помню, что съ нимъ я ѣздилъ въ Карлсруэ, гдѣ я былъ на карнавальномъ маскарадѣ. Еще одно воспоминаніе — лицейскій тріумвиратъ: Сабуровъ, Милорадовичъ и Баумгартенъ. Последнимъ двумъ пришлось губернаторствовать въ Каменцѣ. За границей, кажется, они интересовались вопросами экономическими и были подъ сильнымъ вліяніемъ Н. Б., человѣка очень энергичнаго и талантливаго. Ко всѣмъ этимъ именамъ я бы могъ еще прибавить Ильина, окончившаго свою карьеру должностью директора петербургскаго технологическаго института, и Лысенко, преподающаго химію въ горномъ институтѣ. Обоихъ я хорошо зналъ, такъ какъ оба они бывали у меня въ Гейдельбергѣ. Ильина я встрѣтилъ на юбилей нашего университета въ 1884 г., когда онъ былъ депутатомъ отъ своего технологическаго института. Но, какъ подобаетъ русскимъ, въ мірѣ новомъ мы другъ друга не узнали. Лысенко я встрѣтилъ однажды со всей семьей, ѣдущимъ въ Петербургъ: онъ очень привѣтливо встрѣтилъ меня и мы много говорили о Гейдельбергѣ. Но я не могу закончить эти воспоминанія, не упомянувъ еще о двухъ лицахъ, съ которыми встрѣчался въ Гейдельбергѣ: графъ Капнистъ, впослѣдствіи попечитель московскаго учебнаго округа. Съ нимъ я много разъ встрѣчался въ Гейдельбергѣ, и между прочимъ у генеральши Веселицкой, гдѣ мы играли съ нимъ въ преферансъ. Еще очень молодой, онъ былъ порядочнымъ буршемъ, но въ немъ уже свѣтился крѣпкій и самостоятельный русскій умъ. Съ Василіемъ Ивановичемъ Ляшкевичемъ я познакомился или въ аудиторіи Рау, или въ купальнѣ на Неккарѣ. Онъ былъ посланъ за границу для изученія лѣсоводства и былъ тогда человекомъ небогатымъ. Чисто русскій человѣкъ и по внѣшнему виду, и по убѣжденіямъ, онъ мнѣ очень понравился. И мнѣ отрадно было, что судьба свела насъ подъ нашу старость: мы живемъ въ своихъ домахъ близкими сосѣдями на одной и той же улицѣ. Судьба помогла ему пріобрѣсть состояніе, но это нисколько не измѣнило его нравственной фізіономіи: богатый помѣщикъ каменецъ-подольскій — тотъ же добрый и сердечный Василій Ивановичъ, какимъ я зналъ его въ Гейдельбергѣ.

Гейдельбергъ меня интересовалъ, какъ школа государственнаго права. Еще сохранялась тамъ традиція Захаріе, написавшаго „Сорокъ книгъ о государствѣ“. Я засталъ еще Роберта фонъ-Моля, который въ области наукъ политическихъ имѣлъ такую же

эрудицію, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ области естествознанія. Моля могъ бы написать „Космосъ“ политическій. Онъ читалъ послѣдній семестръ. Затѣмъ на его кафедрѣ сѣлъ Блунчли изъ Мюнхена, а онъ самъ былъ назначенъ представителемъ Бадена на франкфуртскомъ сеймѣ. Я нѣсколько разъ побывалъ на лекціяхъ знаменитаго государствовѣда, съ сочиненіями котораго хорошо познакомился въ Россіи. Не скажу, чтобы чтеніе его мнѣ понравилось. Высокій и худой, низко-стриженный и бритый, съ большими глазами и въ синихъ очкахъ, онъ читалъ, не отрываясь отъ тетрадки. Выходило очень монотонно; можетъ быть, еще и потому, что лекція была сумерками. Съ именемъ Моля связано у меня воспоминаніе о Билецкомъ. Онъ поклонился Молю и перевелъ его „Энциклопедію“ на польскій языкъ. Онъ занималъ впослѣдствіи кафедру международнаго права въ варшавскомъ университетѣ.

Моля замѣнилъ Блунчли, лекцій котораго я наслушался. Онъ представлялъ собою полную противоположность своему предшественнику. Приземистый и широкоплечій, онъ былъ половъ здоровья и силъ. Читалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда. „Такъ и видно, — сказалъ мнѣ однажды Лукьяновъ, — что профессоръ выпилъ добрую порцію вина за своимъ обѣдомъ“. Его лекція была очень оживленная. Слѣдилъ я за нею обыкновенно по его учебнику государственнаго права, къ которому онъ дѣлалъ, иногда интересныя прибавленія, отмѣчаемыя мною на поляхъ. Въ лѣтній семестръ 1862 г. онъ читалъ исторію политическихъ учений, которую я не могъ дослушать, за отъѣздомъ въ Россію. Вообще, Блунчли былъ выдающимся нѣмецкимъ профессоромъ, собиравшимъ въ свою аудиторію изрядное число слушателей. Швейцарецъ по происхожденію, онъ отличался какой-то жизненностью отъ стереотипнаго, мертвеннаго типа нѣмецкаго профессора.

Былъ я также на лекціи толстаго Цѣпфля. Онъ былъ клерикаломъ, и аудиторія его была совсѣмъ пуста. Не знаю, почему покойный Кистяковскій такъ сочувственно отзывался о немъ. Моимъ любимымъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ былъ старикъ Миттермайеръ. Да развѣ можно было не любить этого чуднаго старика, сохранившаго до гробовой доски молодую душу и жаръ юности! Когда я его слушалъ, ему было за 80 лѣтъ, но съ какою живостью, съ какимъ увлеченіемъ онъ излагалъ исторію англійскаго уголовнаго процесса. Помню однажды, говоря о тѣсныхъ казематахъ, въ которыхъ приговаривала подсудимыхъ звѣздная палата, онъ готовъ былъ подлѣзть подъ кафедру, чтобы показать, какъ тяжело въ тѣснотѣ.

Самым популярным лекторомъ въ Гейдельбергѣ былъ историкъ Гейзеръ, аудиторія котораго была всегда биткомъ набита слушателями. Онъ читалъ живо и бойко, но его историческія картины мало были колоритны, а историческіе дѣятели не выделялись рельефно, и психологическія ихъ черты не обозначались. Мнѣ всегда казалось, что лекціи нашего Шульгина были талантливѣе. Гейзеръ читалъ безъ конспекта, но знакомые съ его книгой о французской революціи утверждали, что на лекціи она отъ слова и до слова повторялась. Мнѣ говорили, что на лекціяхъ Гейзера бывали отцы нѣмецкой исторической науки, Шлоссеръ и Гервинусъ, но видѣть ихъ мнѣ не приходилось.

Гордостью нѣмецкаго Оксфорда, привлекавшею иностранцевъ и нѣмцевъ, былъ знаменитый пандектистъ Фангеровъ. Хотя я и не романистъ, но нельзя же было не послушать эту знаменитость. Онъ получалъ огромный гонораръ, и въ его аудиторіи не было пустого мѣста. Онъ читалъ очень громко. О содержаніи его лекцій судить не могу, но должно думать, что это содержаніе было очень назидательно, такъ какъ учиться къ нему съѣзжались со всѣхъ концовъ Европы. Его фигура на кафедрѣ была очень эффектна: умное и энергическое лицо, изрубленное на студенческихъ дуэляхъ; громкій голосъ, свободныя, развязныя манеры. Я видѣлъ его иногда въ саду музея, какъ, снявши скортукъ, онъ игралъ въ кегли. Нѣмецкіе профессора не брезгаютъ тѣлесными упражненіями: на танцевальныхъ вечерахъ музея мы видѣли иногда пожилыхъ профессоровъ, усердно вальсировавшихъ.

Вспоминаю я также еще двухъ знаменитыхъ профессоровъ-натуралистовъ. Гельмгольцъ, тогда еще довольно молодой, производилъ на меня впечатлѣніе браваго спортсмена, каковымъ, какъ говорили мнѣ, онъ и былъ въ дѣйствительности. Геніальный физикъ и физиологъ, онъ былъ чуждъ всякаго педантизма и высокомерія. Припоминаю я и маленькую фигуру съ рыжеватыми бакенбардиками,—знаменитаго Кирхгофа. Я его часто встрѣчалъ на прогулкахъ съ женой и многими дѣтьми. Онъ производилъ впечатлѣніе семейнаго, чадолюбиваго буржуа—по таланту близкаго Гельмгольцу, но по внѣшнему виду очень отъ него отличавшагося.

Кто проживалъ въ Гейдельбергѣ, тотъ съ признательностью вспоминаетъ такъ называемый музей. Это и читальня, и клубъ. Очень часто я заходилъ туда просматривать журналы и газеты, и на память о своихъ посѣщеніяхъ я оставилъ тамъ сочиненія Лермонтова. Если кому-нибудь они попадутся въ руки—пускай вспомнить обо мнѣ. По вечерамъ, отъ времени до времени, въ

этомъ же музеѣ устроиваются танцы и ужины. Публика—преимущественно академическая: профессора и студенты.

Все это такъ мило, такъ достойно подражанія. Не знаю, сохраняются ли эти обычаи и теперь, когда Германія слилась въ одно цѣлое. А я вспоминаю то время, когда въ ней еще было тридцать-шесть отечествъ, а въ этихъ отечествахъ жило такъ уютно, такъ укомно, и нарождались такіе великіе двигатели науки. Я хорошо помню мелкопомѣстную Германію: право, жилось въ ней не хуже, чѣмъ въ Германіи великопомѣстной, прусской. Въ музеѣ устраивались иногда публичныя лекціи въ пользу нѣмецкаго флота. Я помню лекцію Блунчи о Пуффендорфѣ, лекцію Фридрейха о крови. Фридрейхи были потомственными профессорами гейдельбергскаго медицинскаго факультета. Фридрейхъ моего времени былъ сыномъ и внукомъ знаменитыхъ профессоровъ-терапевтовъ своего времени. Онъ былъ очень доступенъ и симпатиченъ. Когда я былъ въ Парижѣ, Сережа упалъ со своей кровати; испуганная жена обратилась къ Фридрейху, который тотчасъ же явился, удовольствовавшись двумя гульденами за визитъ. Европейская знаменитость, удовольствовавшаяся двумя гульденами за визитъ! Что сказали бы наши кievскіе знаменитости, устроившія стачку чтобы держать свой гонораръ на недоступномъ для бѣднаго человѣка уровнѣ! Фридрейхи—наслѣдственные терапевты, но были въ мое время и наслѣдственные хирурги—Хеліусы. При мнѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей Хеліуса-отца. Зрѣлище было умилительное: студенческій фавельцугъ подошелъ къ дому юбиляра, который съ балкона привѣтствовалъ академическую молодежь. Еще разъ: много и много было симпатичнаго въ академическихъ нравахъ доброй, старой Германіи, которые выживаются современнымъ милитаризмомъ и политиканствомъ.

Помню я, какъ за обѣдомъ Гофмана полученъ былъ номеръ газеты съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. И странное дѣло: это великое міровое событіе нами, гейдельбергскими русскими, было принято почти что равнодушно. Либералы и радикалы, волнующіеся отъ всякаго слова Лассалля, мы спокойно выслушали великое слово свободы русскаго народа, сказанное императоромъ Александромъ II. Такова ужъ природа русскаго человѣка: близкое, свое ему кажется менѣе достойнымъ вниманія, чѣмъ далекое, чужое. Вспоминаю напряженное вниманіе, съ какимъ мы, русскіе, слѣдили за борьбой сѣвера съ югомъ въ Соединенныхъ штатахъ изъ-за рабства черныхъ. Фигура Линкольна представля-

лась намъ болѣе достойной лавровъ и поклоненія, чѣмъ дѣятели нашего освобожденія крестьянъ.

Мои денежныя фонды истощались, и я ждалъ присылки денегъ университетомъ. Въ теченіе года мы прожили около трехъ тысячъ. Не скажу, чтобъ это было много, взявъ во вниманіе, какъ много мы ѣздили, какъ дорого стоило рожденіе сына, да было и не безъ покупокъ. Едва ли въ настоящее время мы могли бы обойтись такой суммой: поѣздки за границу въ послѣдніе годы показали намъ, что и тамъ цѣны на все возвысились, хотя, конечно, онѣ устойчивѣе. Наконецъ, я получилъ изъ франкфуртской конторы Ротшильда увѣдомленіе, что на мое имя выслано 1.600 руб., за которыми и просятъ пожаловать. Былъ мартъ мѣсяцъ. Стояла чудная весенняя погода. Я—во Франкфуртъ, въ которомъ прежде не бывалъ. Случилось, что тамъ была весенняя ярмарка, и городъ, всегда оживленный, былъ еще оживленнѣе. Онъ мнѣ очень понравился. Онъ былъ еще тогда вольнымъ городомъ и резиденціей германскаго сейма. Въ немъ можно было видѣть образцы милитаризма всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, не исключая и венгерскихъ гусаръ, на которыхъ я насмотрѣлся за чудеснымъ табль-д'отомъ. Характерная черта города, полу-еврейскаго: на одной сторонѣ улицы родился Ротшильдъ, а на другой—Гёте, монументомъ котораго украшенъ бульваръ. Было бы послѣдовательно поставить монументъ и Ротшильду. Помню я, какъ на пятидесятилѣтнемъ юбилей Полонскаго сидѣлъ рядомъ съ нимъ Поляковъ. Побывалъ я и въ святая-святыхъ современнаго міра: видѣлъ мѣшки съ золотомъ всѣхъ странъ и народовъ, видѣлъ груды банковыхъ билетовъ. Первый разъ въ жизни пришлось быть въ такомъ храмѣ Молоха, который производитъ впечатлѣніе чего-то страшнаго, чего-то пожирающаго міръ. Въ этомъ мірѣ денегъ и богатства моя лепта казалась каплей въ морѣ, да и ничтожной показалась она мнѣ. Но скорѣе отъ этого Франкфурта и денегъ, скорѣе—въ Гейдельбергъ, къ женѣ и Сережѣ! Я получилъ запасъ денегъ на цѣлый годъ, и поэтому долженъ былъ бережно его хранить, экономно расходую. Но молва о моемъ богатствѣ уже разошлась по всей русской колоніи: явились заемщики. Для меня это было жестокимъ испытаніемъ, такъ какъ я боялся неуплаты долга, что нерѣдко бываетъ въ чужихъ краяхъ. Кое-кому далъ, кое-кому отказалъ, а деньги снесъ къ гейдельбергскому банкиру для храненія и розничной выдачи.

Первымъ употребленіемъ капитала была поѣздка въ Парижъ, съ которымъ я познакомился только вскользь, мимоходомъ, при

прѣздѣ изъ Лондона въ Женеву. Я взялъ съ собой тысячу франковъ и, простившись съ женой, въ первыхъ числахъ апрѣля уѣхалъ въ Парижъ. Въ Страсбургѣ я остановился, чтобъ осмотрѣть этотъ прекрасный городъ, знаменитый своимъ соборомъ и страсбургскими пирогами. Городъ былъ вполнѣ французскій: въ немъ слышалась только французская рѣчь, въ немъ были такіе же нравы и обычаи, какъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ Франціи. Думалъ ли я, что чрезъ десять лѣтъ этотъ французскій городъ превратится въ городъ нѣмецкій, что въ немъ будетъ слышаться только нѣмецкая рѣчь, будутъ господствовать только нѣмецкіе нравы и обычаи. Но на свѣтѣ все измѣнчиво и неустойчиво, и мудрый человѣкъ долженъ быть всегда на все готовъ. Въ Парижѣ я остановился на Rue Racine, Hôtel de Genève, гдѣ много было русскихъ и въ томъ числѣ Савичъ, beau frère профессора Шеффера, безвременная смерть котораго была большою потерей для русской науки. Мнѣ говорили, что съ противоположной стороны улицы проживала m-me Жоржъ-Зандъ, сочиненіями которой я такъ увлекался въ молодые годы, но и теперь считаю ее великой французской стилисткой, напоминающей чуждый языкъ Руссо. Дювала тогда не было или я его не зналъ, а бѣгалъ то тамъ то сямъ, и между прочимъ на Rue du Mal, гдѣ собиралось много русскихъ и поляковъ. Здѣсь подавали намъ къ супу отваръ щавеля, такъ что мы ѣли нѣчто въ родѣ борща. Мой бывший слушатель М., полякъ, ввелъ меня въ эмиграціонную польскую кухмистерскую, гдѣ можно было имѣть нѣчто въ родѣ зразъ и колдуновъ. Благодаря М., я вообще могъ всмотрѣться въ польскую эмиграцію, бывшую тогда въ Парижѣ: замѣчалось какое-то движеніе, какое-то приготовленіе къ чему-то;—дѣло было въ 1861 г., наканунѣ польскаго повстанія. Шпіонство въ Парижѣ было въ это время такъ развито, что, кажется, за каждымъ иностранцемъ былъ шпіонъ-надзиратель.

Въ Парижъ я пріѣхалъ съ цѣлью ознакомиться съ этимъ великимъ городомъ. Я и не дремалъ: въ теченіе мѣсяца изучилъ его порядочно. Поселился я въ Латинскомъ кварталѣ, неподалеку отъ „Одеона“ и Люксембургскаго сада. По моему, это — лучший уголокъ Парижа, представляющій отдѣльный мірокъ, рѣзко отличающійся отъ бульваровъ и отъ Парижа фланирующаго и фешенебельнаго. Это—центръ французской науки. Здѣсь сложился симпатичный типъ парижскаго студента и гризетки.

Усердно посѣщалъ я лекціи Collège de France, особенно лекціи Лабулэ. Это былъ превосходный лекторъ, но, къ сожалѣнію, предметъ его лекцій—законодательство Карла Великаго,

меня мало интересовало. Франкъ, читавшій исторію политическихъ ученій, показался мнѣ лекторомъ посредственнымъ, также какъ и Ходзько, преемникъ Мицкевича на кафедрѣ славянскихъ литературъ. Припоминаю я толстую фигуру Филарета Шаля: онъ показался мнѣ порядочнымъ фразеромъ, любующимся красивой фразой. Лекціи Воровскаго въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ были довольно содержательны. Присутствовалъ я и въ Сорбоннѣ на какомъ-то экзаменѣ: показалось мнѣ, что нравы и приемы экзаменуемыхъ и экзаменуемыхъ вездѣ одинаковы, несмотря на различіе національностей. Не разъ я былъ въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ видѣлъ тузовъ имперіи: Морни, Персиньи, гр. Валуевскаго и др. Картина совсѣмъ другая, сравнительно съ нынѣшней палатой депутатовъ. Въ Бурбонскомъ дворцѣ я замѣтилъ тогда множество солдатъ; начало засѣданія и перерывы его сопровождались барабаннымъ боемъ. Оппозиція только-что зарождалась, и законодательный корпусъ, какъ выразился Блунчи на одной изъ своихъ лекцій, существовалъ только для резонанса голоса императора. Въ это время живая Франція какъ бы помертвѣла, и самый Парижъ имѣлъ какую-то официальную, казенную физиономію. Побывалъ я и во французскихъ театрахъ. Въ „Одеонѣ“ видѣлъ Ристори, которая показала мнѣ риторичной. На флорентійской сценѣ, осенью того же года, она произвела на меня лучшее впечатлѣніе. Однимъ словомъ, я старался исчерпать все то, что можно было слышать и видѣть въ теченіе мѣсяца. Встрѣтился я здѣсь съ товарищемъ своимъ Демченкомъ, съ которымъ мы много гуляли и между прочимъ по парижскимъ укрѣпленіямъ. Жена письмами изъ Гейдельберга торопила мой отъѣздъ, который состоялся въ началѣ мая. Я поѣхалъ на Кельнъ чрезъ Бельгію. Остановился въ Шарльруа, этомъ черномъ каменноугольномъ городкѣ, напоминающемъ городъ „Жерминала“. Въ Намюрѣ я переночевалъ, а слѣдующій привалъ сдѣлалъ въ Боннѣ, родинѣ Бетховена. Осмотрѣлъ университетъ, состоящій подъ особымъ покровительствомъ Гогенцоллерновъ. Изъ Бонна лѣвымъ берегомъ Рейна—въ Гейдельбергъ. Какъ подростъ и похорошѣлъ за это время Сережа, красотой котораго всѣ любовались! Въ концѣ мая мы съ женой задумали совершить прогулку по Рейну. Пѣшкомъ пришли въ Мангеймъ. Дѣло было въ субботу подъ вечеръ: въ гостинницѣ, гдѣ мы ночевали, праздновался шабашъ, совершенно напомнившій намъ еврейскіе шабаши въ западно-русскихъ мѣстностяхъ. Утромъ сѣли на пароходъ и совершили чудесную прогулку до Кобленца, а назадъ—по желѣзной дорогѣ.

Лѣто 1861 г. прошло въ Гейдельбергѣ очень пріятно. Собра-

лось много народа, и все народа молодого: устраивались частныя прогулки по прекраснымъ окрестностямъ Гейдельберга; ѣздили въ Шпейеръ, въ Баденъ-Баденъ. Лѣто прошло быстро. Въ половинѣ августа мы отлучили отъ груди нашего Сережу, а кормилицу его отправили въ Женеву. Вслѣдъ за нею уѣхалъ и я въ Италію, которая меня давно манила. Я поѣхалъ на Штутгартъ, остановившись на ночлегъ въ этомъ симпатичномъ городѣ. Оттуда—въ Людвигсгафенъ, на берегу Боденскаго озера. Переплыли мы его, направляясь къ Констанцу, очень интересному своими древностями и, между прочимъ, памятью о Гуссѣ, который здѣсь былъ сожженъ. Осмотрѣвши внимательно констанцскія древности, я поѣхалъ по Рейну до Шафгаузена, гдѣ сдѣлалъ привалъ, чтобы полюбоваться знаменитымъ рейнскимъ водопадомъ. Въ лунную ночь картина эффектна. Въ Люцернъ—чтобы посмотреть на чуднаго льва, высѣченнаго въ гранитной скалѣ. На Риги-Кульмъ я взбирался пѣшкомъ и переночевалъ въ тамошнемъ отелѣ, видѣлъ восходъ солнца при звукахъ альпійскаго рожка. Затѣмъ—на Цюрихъ, и въ одномъ изъ городковъ, съ однимъ англичаниномъ, мы наняли экипажъ до С.-Готарда, оттуда въ дилижансѣ по знаменитой дорогѣ, проложенной визгагомъ Наполеономъ I. Въ Беланцонѣ я сѣлъ на пароходъ и во всю длину знаменитаго Лаго-Маджоре—въ Арону. Это уже Италія—Пьемонтъ, столицей котораго былъ Туринъ. Мало подходящій подъ типъ итальянскаго города, Туринъ очень симпатиченъ. Я опять побывалъ въ немъ въ 1899 г., и нашелъ большую перемѣну: городъ разросся, украсился новыми роскошными зданіями и монументами. Чтò въ немъ очень симпатично—это привѣтливость населенія. Въ другомъ городѣ Италіи я не замѣчалъ такого ласковаго, привѣтливаго обхожденія съ иностранцами. Стояла невыносимая жара, когда я впервые былъ въ этомъ городѣ. Можно было ходить подъ арками, которыми такъ славится Туринъ. Не знаю, какъ удалось мнѣ осмотрѣть зданіе парламента, въ которомъ мой гидъ направлялъ мое вниманіе на мѣсто, гдѣ воссѣдалъ Кавуръ, смерть котораго была такимъ тяжелымъ ударомъ для Италіи. Былъ я и въ университетѣ, видъ котораго не былъ, конечно, такимъ величественнымъ, какъ университетъ теперешній; видѣлъ Кариньянскій дворецъ и картинную галерею, замѣчательности которой не сохранились у меня въ памяти. Когда раннимъ утромъ я проѣзжалъ изъ Ароны въ Туринъ, я обращалъ вниманіе на невидѣнные мною прежде мокрыя рисовыя поля. При проѣздѣ изъ Турина въ Геную пейзажъ совершенно другой: нивы и виноградники, разбросанные по откосамъ Апеннинъ.

Въ Генуѣ я пробылъ дня два, осмотрѣвъ нѣкоторыя палаццо. Верхній городъ, примыкающій къ теперешней площади Мадзини, тогда не былъ такъ роскошенъ и элегантенъ, какъ въ настоящее время, когда Генуя сдѣлалась однимъ изъ самыхъ блистательныхъ городовъ Италіи. Кто въ Генуѣ—тотъ долженъ видѣть и виллу Паллавичини. Возвышаясь надъ Средиземнымъ моремъ, эта вилла дѣйствительно замѣчательна и могла бы служить царской резиденціей. Мнѣ особенно памятно озеро въ гротѣ. Отъ Генуи до Ливорно тогда не было желѣзной дороги. Я долженъ былъ сдѣлать этотъ путь на пароходѣ. Пароходъ маленький, неопрятный. Паразиты выгнали изъ каюты на палубу, на которой я провелъ почти всю ночь. Но зато я видѣлъ восходъ солнца на Средиземномъ морѣ, и этого зрѣлища никогда не забуду. Этотъ восходъ солнца на открытомъ морѣ показался мнѣ еще болѣе эффектнымъ, чѣмъ то зрѣлище альпійскаго разсвѣта, которымъ мы любовались съ Риги-Кульмъ. Ливорно—стереотипный приморскій городъ, замѣчательный только своей торговлей. Не знаю, почему понадобилось мнѣ быть у русскаго консула. Личный опытъ подтвердилъ мнѣ то, что прежде приходилось слышать о русскихъ дипломатическихъ агентахъ,—что лучше и не обращайтесь къ нимъ. Изъ Ливорно, мимо чудесной лавровой и миртовой рощи, я проѣхалъ во Флоренцію: чудный куполъ ея собора красуется уже издалека. Пейзажъ вообще прекрасный: горамъ Тосканы сѣдые оливковыя рощи придаютъ особый колоритъ, какъ и этому городу цвѣтовъ, изящнѣе котораго я не знаю другого города въ Европѣ. Я предположилъ пробыть во Флоренціи не мене мѣсяца, и поѣтому, по приѣздѣ, тотчасъ отыскалъ себѣ постоянную квартиру у портного Андреа, домъ котораго стоялъ на Piazza del Popolo, примыкая къ лажамъ, такъ что изъ оконъ моей комнаты виденъ былъ Персей Бенвенуто Челлини и рядъ чудныхъ статуй, наполняющихъ лажу.

Тутъ же неподалеку—gli Uffizi съ знаменитымъ Моисеемъ Микель-Анджело у входа. Я не знаю другого города, гдѣ бы было столько дивныхъ памятниковъ искусства подъ открытымъ небомъ, какъ въ этой прелестной Флоренціи.

Флоренція 1861 г. во многомъ еще напоминала великогерцогскіе порядки. Это былъ городъ чистый и опрятный, и скажу—душистый. Когда я въѣхалъ, меня обдало ароматомъ кипариса и туберозъ. Не даромъ самое названіе города Firenze происходитъ отъ слова fiore. Въ обычаѣ была тогда торговля букетами туберозъ и другихъ цвѣтовъ. По улицамъ сновали тосканки, съ развѣвающимися соломенными шляпами на плечахъ, предлагая ку-

пить этотъ милый товаръ. Любитель цвѣтовъ, я наставилъ въ своей комнатѣ этихъ букетовъ такъ много, что почти угорѣлъ отъ сильнаго ихъ аромата. Я не былъ во Флоренціи, когда она была переходной столицей Италіи, но посѣтилъ ее вновь только въ 1899 г. Показалось мнѣ, что Флоренція перемѣнилась, но не къ лучшему: не такъ стала опрятна, не такъ душиста. По Piazza del Popolo—толпы празднующагося чернаго люда; на мостовой—соръ и обрывки всякихъ афишъ и объявленій; не видно милыхъ цвѣточницъ-тосканокъ, такъ граціозно предлагавшихъ свои букеты туберозъ. Но какъ бы ни перемѣнилась Флоренція, она всегда будетъ дорога сердцу просвѣщеннаго чело-вѣка: съ нею неразрывно связаны имена Данте, Маккиавели, Микель-Анджело, Савонароллы. Эти имена какъ бы слились съ городомъ и слышатся въ немъ на каждомъ шагѣ: вотъ домъ, въ которомъ родился Данте; вотъ жилище Микель-Анджело; вотъ гробница Маккиавели, а вотъ и келія Савонароллы... Дивный городъ, призванный напоминать пошлѣющему въ погонѣ за золотомъ чело-вѣчеству о величайшей эпохѣ въ исторіи западно-европейской культуры—объ эпохѣ возрожденія. Италія вправдѣ гордиться этимъ городомъ, какъ живымъ свидѣтельствомъ того, что сдѣлала она для науки, для искусства, для просвѣщенія.

Въ 1861 г., во Флоренціи была устроена первая итальянская выставка, которую помѣстили въ желѣзно-дорожномъ вокзалѣ. На эту выставку пріѣзжалъ король Викторъ-Эммануилъ и Риказоли, замѣнившій покойнаго Кавура. Я хорошо рассмотрѣлъ фигуру храбраго короля, когда онъ вѣзжалъ во Флоренцію: при-рожденный воинъ, онъ былъ въ черной статской блузѣ и воротничкѣ à l'enfant. Нѣсколько дней король пробылъ во Флоренціи, которая великолѣпно праздновала его пребываніе. Ночи стояли лунныя, чудесныя, и по всему городу раздавалось пѣніе и слышались голоса, которыми такъ справедливо гордится Италія. Выставка меня интересовала въ особенности тѣми экспонатами, которые составляютъ исключительную принадлежность итальянской промышленности: мраморъ, солома, мозаика были представлены въ совершенствѣ. Помню я также кружевной носовой платокъ, за который Ристори заплатила три тысячи лиръ. Хорошо мнѣ жилось во Флоренціи, да и не дорого тогда это стоило: несмотря на сѣздъ, выставки ради, за прекрасную комнату я платилъ 2½ лиры, а обѣдъ на чудесномъ прованскомъ маслѣ съ клас-сическимъ фіаско стоилъ мнѣ не болѣе двухъ лиръ. Въ 1899 г. мнѣ пріятно было замѣтить, что эти умѣренные цѣны весьма мало поднялись. Много разъ посѣщалъ я и знаменитыя картин-

ныя галереи Флоренціи. Тогда еще не было рѣчи о прѣ-рафаэ-литахъ и Боттичелли, и всѣхъ привлекала главнымъ образомъ трибуна съ ея Венерой Медицейской, Корреджіо и Тиціаномъ. А Santa Croce съ ея мавзолеями и покоящимися въ нихъ великими сынами Италіи? А другіе храмы, расписанные кистью Мазаччіо, Андреа дель-Карто? Не забыть мнѣ никогда этой Флоренціи, пребываніе въ которой въ 1861 г. составляетъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ моей заграничной жизни. Мнѣ и Дрезденъ нравится, между прочимъ, потому, что я нахожу въ немъ нѣкоторое сходство съ Флоренціей. Но все-таки нужно было ѣхать.

Въ первыхъ числахъ октября я проѣхалъ чудесными полями и виноградниками Тосканы въ Пизу. Не даромъ о ней говорятъ: „Pisa la morta“; унылѣе и монотоннѣе трудно себѣ что-нибудь представить. Но я все-таки въ ней остановился и осмотрѣлъ ея знаменитое Савро Савто и кривую кампанеллю; заглянулъ и въ маленькій ея университетъ. Пришлось переночевать, и на другой день подъ вечеръ я пріѣхалъ въ Пистую—одинъ изъ самыхъ дрянныхъ городишекъ. Оттуда, въ дилижансѣ, до Феррары чрезъ Романью, которая тогда имѣла видъ бѣдной, какъ бы разоренной страны. Въ Феррарѣ—привалъ. Сошелся съ однимъ англичаниномъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы осмотрѣли темницу Тассо. Какъ эти англичане любятъ собирать реликвиі всякихъ знаменитостей: съ какой жадностью мой спутникъ царапалъ штукатулку стѣны, къ которой былъ прикованъ пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима“! Мы условились нанять въ Феррарѣ „веттурино“ и выѣхать на другой день, а пока обходили маленькій городъ, желая запечатлѣть его въ памяти. Мы набрали на объявленіе о предстоящей примѣрной смертной казни, которая упразднена современнымъ кодексомъ Италіи. Улавивъ съ веттурино, экс-гарибальдійцемъ, мы выѣхали изъ Феррары. На паромѣ переправились черезъ По. Переправа эта напоминала мнѣ днѣпровскіе паромы добраго старago времени: система одинаковой примитивности. Проѣхавъ нѣсколько часовъ, мы покормили лошадей, потомъ покормили вторично и подъ вечеръ пріѣхали въ Болонью. Я сѣлъ на козлы къ веттурино, чтобы лучше видѣть мѣстность и пейзажи, которые, впрочемъ, не очень красивы въ этой части Италіи. Но зато наслаждался о Гарибальди и его походахъ.

Болонью мы успѣли осмотрѣть довольно обстоятельно: погуляли по ея улицамъ подъ арками, видѣли ея театръ, одинъ изъ лучшихъ въ Италіи, старый университетъ, картинную галерею съ знаменитой св. Цециліей Рафаэля. Кто былъ въ Болоньѣ,

тотъ, конечно, помнить и ея пресловутый фонтанъ: сатиры выдавливаютъ изъ груди нимфъ высоко-бьющую струю; — таковы были вкусы римскаго первосвященника въ доброе старое время. Въ Падуа мы прѣѣхали подъ вечеръ. Тогда это уже была Австрія: на площади игралъ австрійскій военный хоръ; австрійскіе офицеры возсѣдали за столиками, пропуская свой мараскино. Ночью мы прѣѣхали въ Венецію. Такъ вотъ она, *Venezia la bella*! Изъ вагона насъ высадили въ гондолу-омнибусъ и помчали по каналамъ, а меня высадили въ „Н. Victoria“. Это ночное путешествіе по каналамъ такъ необычайно и внезапно, что производитъ сильное впечатлѣніе. Венеція еще принадлежала Австріи. На площади св. Марка игралъ хоръ австрійской военной музыки; въ городѣ на каждомъ шагѣ видѣлся австрійскій мундиръ. Театры были закрыты, а физіономія Венеціи была пасмурна и уныла. Какую разницу представляла Венеція въ 1899 г., когда я посѣтилъ ее съ женою и дочерью! Какое наслажденіе доставилъ намъ театръ Россіи! Сколько было оживленія и веселья въ Венеціи, принадлежащей единой Италіи! Не перемѣнилась только дивная площадь св. Марка со дворцомъ дожей, храмомъ св. Марка и пѣцеттой, омываемой *Canale-Grande*. Едва ли въ какомъ городѣ въ мірѣ найдется уголокъ такой красоты, какъ эта часть Венеціи.

Въ 1861 г., я долженъ былъ пробыть въ Венеціи не менѣе пяти дней: я ожидалъ присылки денегъ изъ Гейдельберга, такъ какъ мой денежный фондъ совсѣмъ истощился. Конечно, я воспользовался этими днями, чтобы изучить царицу Адриатики. Исходилъ по всѣмъ направленіямъ ея узкія улицы-корридоры, изѣздивъ въ гондолахъ ея каналы и лагуны, останавливаясь у моста Ріальто—этого центра мелкой торговли и промышленности Венеціи. Мнѣ особенно понравилось въ этомъ городѣ отсутствіе всякаго шума и стука: полная тишина нарушается только плескомъ гондолы да заунывной пѣсней гондольера. Какъ могуча была венеціанская аристократія, столько вѣковъ правившая республикой—одной изъ сильныхъ державъ Европы! Но еще сильнѣе была личность Наполеона I, который взялъ да и отдалъ эту аристократію Австріи, подъ гнетомъ которой Венеція изнывала такъ долго. Теперь это одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ Италіи. Но никогда не забудетъ Венеція своихъ прежнихъ дожей, обвинянныхъ съ Адриатикой, своего прежняго политическаго значенія, о которомъ ей напоминаютъ ея историческіе памятники.—Наконецъ деньги были присланы, и я уѣхалъ въ Миланъ, любуясь по пути высокой культурой Ломбардіи.

Миланъ принадлежалъ уже Италіи. Онъ и тогда носилъ типъ обще-европейскаго прекраснаго города. Въ послѣднее время онъ, конечно, очень переи́нился, какъ я это замѣтилъ въ 1895 г.: появилось много новыхъ, прекрасныхъ улицъ, много новыхъ зданій, но уже и тогда его главною достопримѣчательностью былъ знаменитый миланскій соборъ—чудо готическаго искусства, но уже нѣсколько измѣнившаго феодальный типъ на муниципальной почвѣ Италіи. Этотъ соборъ представляетъ собой какъ бы группу статуй. Осмотрѣлъ я его внимательно и сверху, и снизу. Былъ я и въ театрѣ La Scala на „Робертѣ Дьяволѣ“: по своему внѣшнему виду театръ этотъ уступаетъ, конечно, многимъ. Но едва ли какой-нибудь другой театръ въ мірѣ имѣетъ такой поразительный резонансъ. Въ этомъ резонансѣ, конечно, вся сила миланскаго театра—все-таки перваго въ мірѣ. А грандіозный миланскій пассажъ! Такого не найдете ни въ одной европейской столицѣ. „Тайной Вечерей“ Леонардо да-Винчи—свидѣтельствомъ варварства Наполеоновскихъ войскъ—я заключаю свои воспоминанія о достопримѣчательностяхъ Милана, въ которомъ тогда еще не было, какъ теперь, отдѣльнаго кладбища для кремаціи усопшихъ. Въ 1895 г., я былъ очевидцемъ этой кремаціи, и могу сказать одно: традиционное погребеніе въ „мать-сыру-землю“ мнѣ представляется болѣе достойнымъ человѣка. Кремація, впрочемъ, не представляетъ собою явленія новаго: сожженіе труповъ водилось у многихъ народовъ искони вѣковъ. Еще одно печальное воспоминаніе о Миланѣ: изъ Болоњи я выслалъ сюда часть своего багажа, въ которомъ было нѣсколько бездѣлушекъ, гостинцевъ для моей жены. Парусина, въ которую былъ зашитъ этотъ багажъ, оказалась разрѣзанной, а гостинцы женѣ исчезли. Мнѣ говорили, что это водится и теперь; поэтому мое воспоминаніе имѣетъ цѣлью—назиданіе современнымъ туристамъ по прекрасной Италіи. Изъ Милана чрезъ Лаго-ди-Комо—на С.-Бернаръ. Въ дилижансѣ я сѣлъ вмѣстѣ съ кучеромъ, чтобы лучше видѣть мѣстность. Мы проѣзжали мимо очаровательныхъ пейзажей. Я видѣлъ источники Рейна и прослѣдилъ его узкій потокъ до самаго впаденія въ Боденское озеро. Дилижансъ довезъ насъ до Кура, а оттуда по Боденскому озеру на противоположный его берегъ, откуда уже шла желѣзная дорога. Я взялъ билетъ до Брукзала, съ пенитенціарной тюрьмой котораго я еще раньше познакомился. Отъ Брукзала до Гейдельберга—рукой подать. Подойдя къ кассѣ, я замѣтилъ, что у меня недостаетъ нѣсколькихъ рейцеровъ до цѣны билета III-го класса. Уцѣлѣвшей рарпет’ы кассиръ не хотѣлъ принимать. Мое положеніе было отчаян-

ное: вотъ-вотъ Гейдельбергъ, вотъ-вотъ жена и сынъ, а недостаеѣтъ нѣсколькихъ крейцеровъ—и доѣхать туда нельзя. Кто-то изъ публики промѣнялъ мою рарретъ у на два-три крейцера, билетъ былъ взятъ, и я пріѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ на вокзалѣ встрѣтила меня жена; она нашла, что я очень обносился, всудалъ. Но—скорѣе къ Сережѣ! Какъ онъ загорѣлъ, какъ подростъ и похорошѣлъ на рукахъ чудесной Лизбеты, замѣнившей ему кормилицу и не расстававшейся съ нами до нашего отъѣзда въ Россію!

У профессора Гофмана было жить пріятно: хозяева были люди славные, общество русскихъ симпатичное, но пища была невозможная. Мы затѣяли перемѣнить квартиру и нашли ее на Anlage, № 12, у Шпенгеля—зажиточнаго гейдельбергскаго буржуа. Мы наняли три комнаты съ кухней, на которой должна была стряпать наша Лизбетъ. Надъ нами жила генеральша Веселицкая со своимъ сыномъ Божидаровичемъ, а надъ нею помѣщался В. Б.—оракулъ русской гейдельбергской колоніи, съ котораго Тургеневъ срисовалъ портретъ для одного изъ героев своего „Дыма“. Устроились мы хоть куда: два подростка, дочери Шпенгеля, постоянно занимали нашего Сережу, который начиналъ уже становиться на ножки, и первое слово, имъ произнесенное, которое показалось мнѣ лучше всякой музыки, было: „Wie schön“! Не хорошо только было, что я захворалъ: у меня сильно заболѣлъ бокъ, и я боялся воспаленія легкихъ. Лечилъ меня главнымъ образомъ печеными яблоками доцентъ медико-хирургической академіи Соровинъ. Это былъ очень умный и пріятный человѣкъ. Онъ былъ другомъ Чернышевскаго и, сколько мнѣ помнится, товарищемъ по саратовской семинаріи. Въ Гейдельбергѣ онъ изучалъ офтальмологію, для чего его сожительница постоянно покупала ему на рынкѣ то лошадиные, то воловьи глаза. Въ академіи и въ университетѣ, сколько я помню, онъ читалъ судебную медицину. Скоро онъ умеръ, какъ и подобаетъ даровитому русскому человѣку, которому долго жить отечество не велитъ. До сихъ поръ я сохранилъ свѣтлое воспоминаніе объ этомъ миломъ человѣкѣ. Онъ меня вылечилъ, и я вступилъ въ обычную колею гейдельбергской жизни: музей, лекціи, споры съ соотечественниками, возня съ Сережей, запоздалыя чтенія въ длинныя осеннія ночи.

Между прочимъ, въ Гейдельбергъ пріѣхалъ сынъ Герцена, теперешній лозанскій профессоръ. Онъ не былъ похожъ на своего отца и на русскаго былъ мало похожъ. Онъ былъ посланъ отцомъ въ Гейдельбергъ для побратимства съ тамошней

русской молодежи. Приѣздъ его взбудоражилъ русскую колонію: каждый хотѣлъ отбить его для себя, сдѣлаться близкимъ его другомъ. Пошли споры, сплетни, интриги, какъ и подобаетъ благороднымъ славянамъ, которые все собираются сдѣлать для человѣчества больше, чѣмъ сдѣлано племенами романскими и германскими. Гостю мы устроили торжественный обѣдъ, на который собралась чуть ли не вся русская колонія; присутствовали и нѣкоторые передовыя русскія барышни; былъ и представитель поляковъ — мой бывшій слушатель М. Обѣдъ былъ шумный и оживленный: пили за гостя и его отца и за успѣхъ его пропаганды; пили за упокой души декабристовъ; за дружескій союзъ Польши съ Россіей. По поводу послѣдняго тоста одинъ изъ моихъ сосѣдей, москвичъ, поднялся и спросилъ: „О какомъ союзѣ идетъ рѣчь—*Staatenbund* или *Bundesstaat*“? Разумѣлся какой-то небывалый союзъ, основанный на какой-то сентиментальности и независимости. Все это было такъ молодо, такъ простодушно и наивно, все это дѣлалось тогда, когда уже точились косы и викижалы для предстоящаго повстанья. Не знаю, былъ ли въ это время Сѣраковский въ Гейдельбергъ, но на нашемъ обѣдѣ его не было. Самымъ эффектнымъ моментомъ за этимъ обѣдомъ было полученіе изъ Лондона телеграммы, гласящей, что Бакунинъ, убѣжавшій изъ Сибири, прибылъ въ Лондонъ. Послѣ этого обѣда пошли отдѣльные приемы и угощенія дорогого гостя. Я также пригласилъ его и нѣсколькихъ русскихъ на 5-е декабря—день рожденія моего Сережи. Нашъ вечеръ вышелъ очень неудачный, о чемъ я скорблю и до сихъ поръ. Мы хотѣли блеснуть русскимъ меню: гречневая каша, заяцъ, пирогъ съ капустой. Все это наша милая Лизбетъ приготовила недурно. Не знаю почему женѣ вообразилось, что на этомъ ужинѣ не должно быть вина. Его дѣйствительно не было ни капли. Но нашимъ гостямъ это не понравилось и испортило нашъ ужинъ „à la russe“.

Припоминаю еще наши гейдельбергскіе литературные вечера, которые Рененкампфъ, проживавшій тогда въ Гейдельбергъ, иронически называлъ „Арзамасомъ“. И въ самомъ дѣлѣ они заслуживали ироніи. Кто ихъ придумалъ—не знаю. Возможно, что придумалъ ихъ Якубовичъ: этотъ господинъ ничѣмъ не занимался, но любилъ меценатствовать, любилъ просвѣщенный починъ и состоялъ при всѣхъ занимающихся науками. Обратились ко мнѣ, прося сообщить что-нибудь изъ моего государственнаго права. Я охотно согласился, крѣпко соскучившись по аудиторіи. Своимъ сюжетомъ я избралъ предѣлы вмѣшательства государства. Этотъ интересный вопросъ я разрѣшилъ съ точки зрѣнія индивидуали-

стической доктрины Вильгельма ф. Гумбольдта и Милля. Предѣлы государственной интервенціи, поучалъ я, должны быть возможно болѣе ограничены, чтобы починъ личный и общественный имѣлъ болѣе простора. Это ученіе, конечно, не могло быть симпатично присутствовавшимъ социалистамъ, между которыми были такіе крайніе, какъ, напр., покойный Ножинъ, готовый считать самого Бакунина консерваторомъ. Задумали на ближайшемъ литературномъ вечерѣ разбить изложенную мною доктрину, не щадя и ея послѣдователя. Собрались въ какомъ-то ресторанѣ, а всегдашній церемоніймейстеръ такихъ собраний, Якубовичъ, усадилъ насъ за длиннымъ столомъ. По лицу его я замѣтилъ, что готовится нѣчто торжественное. Выступилъ вѣчно закутанный въ свой плащъ О., какъ бы прямо противъ меня. Пренія превратились въ такой шумъ и гамъ, что я по добру по здорову ушелъ домой, давъ себѣ слово не посѣщать болѣе „Арзамаса“. Нетерпимость тогдашней гейдельбергской молодежи къ чужимъ мнѣніямъ была изумительна. Кто иначе думалъ, тотъ прямо былъ личнымъ врагомъ. Такими личными врагами сдѣлались Тургеневъ, „Отцы и дѣти“ котораго появились въ концѣ 1861 г. въ Гейдельбергѣ, и Б. Н. Чичеринъ, превосходная вступительная лекція котораго, открывшая его курсъ государственнаго права въ Москвѣ, читалась въ Гейдельбергѣ съ насмѣшками и укорами. Зарождалось то печальное внѣ-историческое направленіе части русской молодежи, которое принесло столько вреда и ей самой, и русскому обществу.

Но, вотъ, окончился двухлѣтній срокъ моей заграничной командировки, и мы въ половинѣ мая двинулись на Лейпцигъ.

IX.

Возвратный путь: Лейпцигъ, Дрезденъ, Краковъ, Лембергъ и Броды.—Радзивиловская таможня.—Кіевъ.—Попечитель Витте.—Ректоръ Иванншевъ.—Первая лекція.—Диспутъ Незабитовскаго.

Возвратный путь! Какъ напомнилъ онъ мнѣ наше путешествіе за границу въ февралѣ 1860 г., когда мы, молодые и неопытные, ѣхали въ невѣдомый намъ міръ, свѣтлыя и темныя стороны котораго мы теперь такъ ясно понимаемъ. Теперь передъ нами перспектива болѣе ясная, опредѣленная—родная страна, съ ея особенностями, которыя, благодаря освѣщенію заграничнымъ опытомъ, кажутся болѣе свѣтлыми и симпатичными. Что же при-

веземъ мы съ собой на родину, въ родной университетъ, воспитавшій меня и давшій средства узнать чужіе края? Приведемъ мы знакомство съ учрежденіями, правами и обычаями народовъ, достигшихъ болѣе высокой степени гражданственности; приведемъ знакомство съ болѣе сложной исторической лабораторіей, въ которой вырабатывались болѣе тонкіе продукты цивилизаціи и прогресса; знакомство съ вѣковѣчными памятниками ума и энергіи западно-европейскихъ народовъ. Мы приѣдемъ, значить, не съ пустыми руками. Въ заграничной подготовкѣ къ русской кафедрѣ, которая издавна у насъ практикуется, есть глубокий смыслъ... Но мчавшійся поѣздъ обогналъ мои думки, и Гейдельбергъ остался уже далеко. Мимо насъ промелькнулъ Гиссенъ, въ университетѣ котораго читалъ прежде Герингъ, пока не перешелъ въ Геттингенъ. Въ Лейпцигъ мы приѣхали раннимъ утромъ. Мы остались ждать поѣзда въ Дрезденъ. Было достаточно времени, чтобы пройтись по незнакомому городу и хоть заглянуть въ его славный университетъ, гдѣ читали Рошеръ и Аренсъ, лекціи которыхъ такъ расхваливалъ Сидоренко. Хотѣлось видѣть и Дрезденъ, но на этотъ разъ дѣло ограничилось посѣщеніемъ картинной галереи, чтобы полюбоваться Сикстинской Мадонной. Съ этимъ милымъ городомъ я лучше познакомился въ 1881 и 1900 гг., и очень полюбилъ его, тѣмъ болѣе, что, раздѣленный Эльбой на двѣ части, онъ всегда напоминаетъ мнѣ Флоренцію. Вспоминаю, что въ Дрезденѣ я слышалъ пѣніе соловья, что такъ рѣдко за границей, гдѣ шумъ и гамъ фабрикъ и чугунокъ отгоняютъ пѣвцовъ любви.

Въ Краковѣ мы имѣли непродолжительный привалъ, чтобы осмотрѣть усыпальницу польскихъ королей. Въ Лембергѣ пришлось пробыть дольше: туда я выслалъ свои книги, къ которымъ австрійское правительство относилось съ такимъ подозрѣніемъ и недовѣріемъ, что долго водило меня по всякимъ мытарствамъ, пока я могъ ихъ получить. Лембергъ мнѣ не понравился: онъ показался мнѣ похожимъ на наши губернскіе города. Здѣсь оканчивался тогда Западъ съ его чугунами и начинался Востокъ съ его грунтовыми дорогами. Нужно было нанять еврей-фурмана, что я и сдѣлалъ. Мы очутились въ огромной еврейской будѣ. Изъ Лемберга мы выѣхали въ пятницу: отѣхавъ недалеко, мы остановились въ какой-то корчмѣ на шабашѣ. Намъ казалось, что мы дома, въ волынской губерніи, — такъ много общаго съ нею въ Галиціи. Броды показались почти русскимъ городомъ. Мы поѣли даже русскихъ щей и гречневой каши. Съ признательностью вспоминаю я банкирскую контору Виоланда, чрезъ кото-

рую университетъ выслалъ мнѣ деньги. Денегъ у меня совсѣмъ не было, а предстоялъ еще далекій путь: я попросилъ занять мнѣ сто рублей. Разсмотрѣвъ мой пассъ и справившись по книгамъ о пересылкѣ денегъ на мое имя, контора охотно исполнила мою просьбу. Пока я ходилъ по Бродамъ, жена моя вытащила изъ чемодана переданный ей кѣмъ-то въ Гейдельбергъ, для врученія по адресу, небольшой пакетъ, въ которомъ будто бы были: чулки, мыло, подтяжки. Оказалось, что пакетъ не такъ невиненъ: содержалъ онъ въ себѣ множество Бакунинскихъ прокламацій, повелѣвавшихъ взяться за топоры и рубить ими направо и налево. Инстинктъ жены спасъ меня. А иначе было бы плохо: таможенный досмотръ былъ очень зорекъ, и наказанія за провозъ такого товара были усилены. Хорошо было бы мое положеніе!

Приблизились къ границѣ: послышалась русская рѣчь, классическая русская ругань; полупьяный солдатъ ссорился съ полупьяной бабой. Но какъ все это пріятно было намъ: кто долго жилъ за границей, тотъ знаетъ, какое впечатлѣніе производитъ родной языкъ, даже нецензурный, и родныя русскія картины, даже неряшливыя, видятся съ немалымъ удовольствіемъ. Но какое испытаніе выдерживала радость видѣть отечество, когда мы прибыли на русскую таможеню: было больно и стыдно за свою родину. Я перебивалъ на таможенныхъ почти всѣхъ европейскихъ государствахъ, но такого грубаго, циническаго осмотра нигдѣ не бываетъ. Мнѣ приходилось видѣть осмотръ грязнаго бѣлья молодой проѣзжающей иностранки. А что касается книгъ и всего печатнаго, то съ ними случаются курьёзы. У меня однажды арестовали словарь Рейфа и путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ. А въ другой разъ я провезъ всѣ заграничныя изданія гр. Толстого, сунувъ рубль осматривавшему солдату. Русская таможня была позоромъ передъ западною Европою. И развѣ эта циническая грубость приемовъ, это оскорбительное обращеніе съ личностью туриста были нужны для вѣщаго охраненія фискальныхъ интересовъ? На таможенныхъ Франціи и Англіи эти фискальные интересы охраняются не хуже, но приемы таможенныхъ чиновниковъ благовоспитаннѣе, и личность путешественника болѣе уважается. Мнѣ, право, бывало просто стыдно, когда въ присутствіи пріѣзжихъ иностранцевъ я видѣлъ нашъ русскій таможенный осмотръ. И я всегда удивлялся, что такіе просвѣщенные министры финансовъ, какъ покойный Н. Х. Бунге и нынѣшній, С. Ю. Витте, ничего не сдѣлали, чтобъ хоть нѣсколько облагородить наши таможен-

ные порядки. При моемъ вѣздѣ въ отечество, въ маѣ 1862 г., я подвергся на радзивилловской таможенѣ придирчивому и мелочному осмотру. Вещей накопилось много; благодаря помощи доброй Веселицкой, всѣ онѣ были тщательно упакованы и завернуты въ обрывки газетной бумаги. Все это было развернуто, разбросано. Приступили къ книгамъ, которыхъ былъ огромный ящикъ. Каждая книга была рассмотрѣна, а всѣ заграничныя изданія были отобраны, составленъ былъ протоколъ о провозѣ ихъ въ Россію для препровожденія въ III-е отдѣленіе. Прoderжали насъ на таможенѣ почти-что до вечера. Не знаю, какимъ чудомъ, но еврейская контрабанда, которой была набита буда, была спасена. Совсѣмъ уже смеркалось, когда мы вырвались изъ Радзивилова. Проѣхали небольшое разстояніе: опять стой! опять „покажите паспортъ“! Рассмотрѣвши паспортъ, таможенный офицеръ подошелъ къ намъ, прося выйти изъ экипажа и пожаловать къ нему. Я было-испугался,—думалъ, не засадятъ ли въ кутузку, но вышло совсѣмъ иное: таможенный офицеръ оказался братомъ жены моего дядюшки Кирилла Семеновича. Онъ бывалъ въ домѣ моихъ родителей, зналъ меня съ дѣтства и захотѣлъ принять у себя. Ну и слава Богу. Поѣхали мы дальше: повезъ еврей какими-то зигзагами по какимъ-то захоlustьямъ—Староконстантиновъ, Бердичевъ, Житомиръ. Думалось мнѣ, что нашъ фурманъ развозитъ контрабанду, къ которой такъ благосклонно отнеслась таможня, увлеченная преслѣдованіемъ заграничныхъ изданій. Проѣхали мы не мало всякихъ еврейскихъ мѣстечекъ. Помню, что въ одномъ изъ нихъ мнѣ пріятно было встрѣтить своего прежняго слушателя, Сольскаго, съ которымъ предъ отъѣздомъ за границу я занимался англійскимъ языкомъ. Теперь онъ былъ кандидатомъ правъ и производилъ какое-то слѣдствіе.

Наконецъ, добрались мы и до Кіева и остановились въ отелѣ, чтò былъ потомъ „Метрополь“. Какимъ же невзрачнымъ и убогимъ показался мнѣ нашъ славный красавецъ Кіевъ, послѣ Берлиновъ, Дрезденовъ, Женевъ и др.! Крещатики, которымъ такъ гордятся кіевляне, показался мнѣ ужасно невзрачнымъ. Чтò особенно поражаемо мой взоръ, привыкшій видѣть города западно-европейскіе,—присутствіе дерева въ городскихъ постройкахъ. „Такъ вотъ въ какомъ городѣ придется намъ жить!“—думалось мнѣ, забывшему, какимъ великолѣпнымъ показался мнѣ Кіевъ, когда я пріѣхалъ, въ 1850 г., поступать въ университетъ. Успѣлъ побывать у Демченка, гдѣ встрѣтилъ Шеффера и Рененкампа. Узнать отъ нихъ новости дня. Узналъ также, что Рененкампа уже успѣлъ пустить въ обращеніе нѣсколько анекдотовъ про мое

заграничное житье-бытье, конечно, большею частью выдуманное его досужимъ воображеніемъ. Такъ, онъ рассказывалъ какія-то небылицы про крестины моего сына въ Женевѣ, въ которыхъ онъ находилъ какой-то атеизмъ, въ чемъ я не былъ никогда повиненъ. Вспоминаю это не какъ гапсине, но какъ матеріалъ для характеристики. Сообщилъ я Рененкампу и объ арестѣ на радзивиловской таможенѣ запрещенныхъ заграничныхъ изданій: я былъ увѣренъ, что до завтра объ этомъ узнаетъ весь Кіевъ. Сообщили мнѣ также, что мои товарищи, Демченко и Сидоренко, повышены въ званіе исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора и шумятъ въ совѣтѣ. Не помню, успѣлъ ли я представиться нашему новому ректору, Николаю Дмитріевичу Иванишеву, выборомъ котораго я былъ очень доволенъ. Заграничный паспортъ успѣлъ представить, успѣлъ получить и свою долю изъ суммы, собираемой за слушаніе лекцій, что для меня было полной неожиданностью и что такъ поправило мои разстроенные финансы. Въ канцеляріи совѣта я встрѣтилъ его новаго секретаря, Валеріана Викторовича Виндинга, — одного изъ первыхъ моихъ слушателей и экзаменуемыхъ первенцевъ.

Мы выѣхали изъ Кіева. Послышались знакомыя съ дѣтства названія мѣстечекъ—Бровары, Борисполь, Барышевка... Вотъ и родное Войтово, въ которое отецъ переселился на постоянное житье. Какъ же оно перемѣнилось, утративъ тотъ поэтический колоритъ, который прежде носило въ глазахъ моихъ! Заѣхали мы въ Оржицу и въ Гольцы, гдѣ уже не было нашего прежняго дома—свидѣтеля моихъ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, и гдѣ пановалъ братъ Ипполитъ, скупившій части имѣнія. Онъ сдѣлался потомъ зажиточнымъ землевладѣльцемъ, весьма уважаемымъ въ уѣздѣ. А вотъ и Безсалы... Много народа собралось встрѣтить насъ—чужестранцевъ. Въ числѣ ихъ я помню помѣщика Петра Ивановича Мартоса, претендовавшаго на литературность. Онъ просилъ меня дать ему хоть обертѣи „Полярной Звѣзды“ Герцена: до того былъ силенъ интересъ къ изданіямъ этого рода въ деревенскихъ захолустьяхъ. Мы оставили Россію за годъ до отмѣны крѣпостного права и возвратились черезъ годъ послѣ его отмѣны; меня очень интересовала перемѣна настроеній мѣстнаго дворянства. Перемѣна бросалась въ глаза: не было прежней сангвинической безпечности и жажды весело, за преферансомъ и сливянкою, провести день. Какъ будто что-то грянуло, что-то оглушило—и еще не пришли въ себя, не знали, какъ быть, что дѣлать. Ходили какъ растерянные и за-

пуганные. Бродила мысль о возможности крестьянских беспорядков, но крестьяне были такъ спокойны, какъ будто ничего и не произошло. Что меня особенно удивило послѣ заграничнаго пребыванія—низкія цѣны на хлѣбъ: на моихъ глазахъ тестъ продалъ нѣсколько тысячъ пудовъ ржи по пяти копѣекъ пудъ. Это было въ іюлѣ 1862 года, и я бы не повѣрилъ, еслибы не былъ свидѣтелемъ. Для присмотра за Сережей мы взяли одну изъ комнатныхъ дѣвушекъ и приказали ей соблюдать гейдельбергскій режимъ: каждый день вытирать холодной водой; она не досмотрѣла, что ребенокъ былъ въ испаринѣ, и примѣнила рекомендованный приемъ. Ребенокъ страшно заболѣлъ. Я потерялъ всякую надежду на его выздоровленіе, несмотря на все усердіе мѣстныхъ эскулаповъ. Приѣхалъ братъ Евгений и посовѣтовалъ привести врача-швейцарца изъ Роменъ. Мы встрѣтили его, уроженца Сень-Галя, какъ своего родного: такъ мы привыкли къ приемамъ и манерамъ иностраннаго человѣка. Онъ нашелъ состояніе ребенка почти безнадежнымъ, но посовѣтовалъ поставить на груди жестокую мушку, слѣды которой сохранились и до сихъ поръ. Этой мушкѣ я приписываю спасеніе ребенка, которое для меня было неожиданнымъ счастьемъ. Ребенокъ сталъ поправляться, а я сталъ собираться въ Кіевъ. Посовѣтовавъ жевѣ пріютиться на время моего отсутствія въ Юсковцахъ, у сестры Сашеньки, я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ у меня было много дѣла. Случилось такъ, что я нанялъ квартиру въ домѣ Богуша, въ которомъ жилъ до отъѣзда за границу. Не помню цѣны, но, вѣроятно, эта квартира о трехъ комнатахъ была очень дешева, такъ какъ я получалъ адъютантское жалованье въ 700 рублей въ годъ. Первымъ моимъ дѣломъ было приготовить вступительныя лекціи, въ которыхъ я предположилъ рассказать аудиторіи, что я видѣлъ и слышалъ за границей, и какъ тамъ ведется преподаваніе государственнаго права. Вторымъ дѣломъ было представиться попечителю. Разставшись съ незаконными бородой и усами, я отправился въ первую гимназію, гдѣ тогда жилъ попечитель, скоро перемѣнившій это помѣщеніе.

Попечителемъ я оставилъ Пирогова, а предо мною предсталъ Витте, и я невольно вспомнилъ французскую поговорку: „*du sublime au ridicule il n'y qu'un pas*“. Въ назначеніяхъ этихъ у насъ не бываетъ никакой послѣдовательности: послѣ человѣка одной системы назначается человѣкъ другой, діаметрально противоположной, и выходитъ полное отсутствіе стройности и порядка въ веденіи дѣлъ. Преемника Пирогова, Николай, я не засталъ, такъ какъ онъ очень скоро былъ назначенъ товарищемъ министра

народнаго просвѣщенія, близкаго ему человѣка, Головинна. Слышалъ я, что этотъ преемникъ Пирогова былъ человѣкъ просвѣщенный, надѣленный несомнѣннымъ государственнымъ талантомъ. Но Пироговъ и Витте! Трудно было подобрать болѣе неподходящую другъ къ другу пару. Человѣкъ глубокаго принципа и строго выдержанной системы и—типическій оппортунистъ, у котораго—ни принципа, ни системы, а только служебная карьера. Докторъ дерптскаго университета за очень легонькій трудъ, Витте былъ потомъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Значить, онъ былъ придворнымъ человѣкомъ у принца Ольденбургскаго, и въ его салонахъ пріобрѣлъ придворную выдержку и лоскъ. Онъ былъ очень обходителенъ и привѣтливъ, но въ этой обходительности не было ничего задушевнаго: она звучала чѣмъ-то внѣшнимъ, холоднымъ. Глядя на его непрезентабельную фигуру, вамъ такъ и думалось: этотъ человѣкъ рожденъ для высшихъ чиновъ и орденовъ, серьезнаго же дѣла отъ него не ждите; снаружи все будетъ подъ лоскомъ, а внутри пустозвонно. Но я неблагодаренъ къ памяти попечителя Витте;—увлекаясь исторической правдой, я забываю о той услугѣ, которую онъ сдѣлалъ: онъ помогъ мнѣ отписаться отъ весьма щекотливаго дѣла о провозѣ въ отечество запрещенныхъ заграничныхъ изданій. Онъ исправилъ первоначальную редакцію моей объяснительной записки, а когда принцъ Ольденбургскій былъ въ Кіевѣ, то и лично переговорилъ съ нимъ, стараясь обѣлить меня.

Прошло нѣсколько времени, и меня пригласилъ къ себѣ ректоръ. Я, кажется, въ первый разъ видѣлъ нашего милаго декана въ роли *magnificus*'а; на мой взглядъ, это былъ *magnificus* вполне эффектный: я даже думаю, что такого представительнаго ректора, какъ Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, нашъ университетъ не имѣлъ. Предо мною проходитъ весь рядъ нашихъ ректоровъ, начиная съ Оедорова и кончая Фортинскимъ, и болѣе величавой фигуры я не нахожу: даже лысая голова Рененкампа *à la* Ришелье уступаетъ ему. Припоминаю, какъ Иванишевъ объѣзжалъ насъ съ поздравленіемъ съ новымъ 1863 годомъ: пара сѣрыхъ, ливрейный слуга, полная ректорская форма... Но—къ дѣлу. Ректоръ показалъ мнѣ конфиденціальную бумагу изъ III-го отдѣленія, гласящую, что во вниманіе къ той цѣли, ради которой я перевозилъ запрещенныя заграничныя изданія (въ объяснительной запискѣ я развилъ ту мысль, что профессоръ, для борьбы съ противозаконной пропагандой, долженъ быть въ курсѣ эмиграціонной литературы), всѣ они, даже въ пополнен-

номъ видѣ, возвращаются мнѣ, съ обязательствомъ не давать никому для прочета. Отлегло отъ сердца.

Помнится, въ самомъ началѣ сентября я прочелъ вступительныя лекціи. Уѣзжая за границу, я оставилъ русскую аудиторію еще въ студенческой формѣ; постороннихъ лицъ въ аудиторіи никогда не бывало, а о присутствіи женщины и рѣчи не было. Какъ измѣнился этотъ видъ аудиторіи въ 1862 г.: когда я вошелъ въ первую аудиторію, гдѣ назначена была моя лекція, меня поразила огромная толпа слушателей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, между которыми иногда попадался донашиваемый студенческой сюртукъ. Значительная часть аудиторіи была занята стриженными барышнями въ синихъ очкахъ. Моя лекція встрѣчена была всевозможными знаками одобренія, несмотря на то, что я не погладилъ по головкѣ социализмъ, на пропаганду котораго въ Германіи Лассалемъ я вдоволь насмотрѣлся. На моей лекціи присутствовалъ календарный Гатцукъ: онъ сказалъ мнѣ, что моя лекція отличалась замѣчательною теплотой и искренностью. Этимъ, можетъ быть, и объясняется то впечатлѣніе, которое она произвела на такую случайную публику. За вступительной лекціей я открылъ курсъ англійскаго государственнаго права. Грѣшный человѣкъ, я какъ будто хотѣлъ еще продлить свое пребываніе въ другой политической средѣ, я медлилъ приступить къ изложенію отечественныхъ государственныхъ порядковъ, изученіемъ которыхъ я такъ увлекался впослѣдствіи. Въ своихъ лекціяхъ я слѣдовалъ книжкѣ Фишеля, появившейся передъ моимъ отъѣздомъ изъ-за границы, но и многое прибавлялъ, какъ результатъ своихъ личныхъ наблюденій и непосредственнаго изученія англійскихъ государственныхъ порядковъ. Аудиторія всегда была полна. Бывали и лишніе слушатели, доносившіе мѣстнымъ властямъ и о томъ, о чемъ я не говорилъ на лекціи. Напекаю на эпизодъ, рассказанный мною въ газетѣ „Россія“; тогда меня обвинили въ анти-правительственныхъ взглядахъ на русскій крестьянскій вопросъ, о которомъ у меня и рѣчи не было.

Скоро возвратилась и моя жена изъ полтавской губерніи, и мы устроились на зимнее житіе въ трехъ комнаткахъ Богуша, на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Нужда въ деньгахъ была такъ велика, что я продалъ въ университетскую библіотеку значительное число книгъ, привезенныхъ изъ-за границы. Этимъ библіотека моя была такъ подорвана, что уже никогда не имѣла цѣльнаго характера. Другимъ денежнымъ ресурсомъ явилось чтеніе исторіи русскаго права. За выходомъ адъюнкта Эйсмана,

предметъ этотъ не преподавался. Факультетъ поручилъ мнѣ его преподаваніе. Отдѣльной кафедрой этого предмета не было, и я слушалъ только фрагменты—разборъ нѣкоторыхъ памятниковъ, но я очень любилъ этотъ предметъ, и охотно взялся за него. Особенно успѣшнымъ, впрочемъ, преподаваніе быть не могло: я гдѣ-то досталъ лекціи петербургскаго профессора Калмыкова, свелъ ихъ съ лекціями Эйсмана, и выходила, конечно, порядочная смѣсь. Спасала только книга Лазаревскаго и Б. Утина, знакомившая съ памятниками. Въ сравненіи съ чудесной хрестоматіей Буданова, эта книжка была издѣліемъ довольно слабымъ, но она мнѣ была очень полезна и я всегда съ признательностью вспоминаю о ней. Еще до моего возвращенія изъ-за границы, Незабитовскій выдержалъ экзаменъ на степень доктора международного права. Это былъ послѣдній докторскій экзаменъ въ нашемъ юридическомъ факультетѣ, такъ какъ онъ вовсе былъ отиѣненъ новымъ уставомъ. Я очень былъ радъ, что мнѣ не пришлось экзаменовывать моего товарища, болѣе меня знающаго и понимающаго. Но пришлось быть рецензентомъ его прекрасной докторской диссертациі „О международномъ владѣніи“. Пришлось быть и оппонентомъ на его докторскомъ диспутѣ—въ первый разъ въ жизни. Оппонировалъ я робко и сбивчиво, но добрыйшій Василій Андреевичъ щадилъ меня, и его реплики были очень мягки и сдержанны. На второмъ диспутѣ—приватъ-доцента Леонтовича—я былъ уже развязнѣе и грознѣе, а на третьемъ диспутѣ, у покойнаго Андрея Петровича Пригары, я былъ непозволительно суровъ и рѣзокъ. Мнѣ и теперь совѣстно вспомнить растерянную фигуру скромнаго магистранта.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

ИВ. А. ГОНЧАРОВЪ

ВЪ

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Окончаніе.

XVII *).

На сходство автора съ образомъ Ильи Ильича Обломова указывалось съ давнихъ поръ, еще при жизни Гончарова. Не высказываясь опредѣленно, по своему обыкновенію, онъ замѣчалъ, что, какъ это случалось со всѣми писателями, читатели старались его самого „подводить“ подъ того или другого героя, отыскивая его то тамъ, то сямъ, или угадывая тѣ или другія личности. „Чаще всего меня видятъ въ Обломовѣ, любезно упрекая за мою авторскую лѣнь и говоря, что я это лицо писалъ съ себя. Иногда же, напротивъ, затруднялись, куда меня дѣвать въ котормъ-нибудь романѣ, напримѣръ, въ дядю или племянника въ „Обыкновенной исторіи“.

Нѣсколько далѣе, характеризуя процессъ своей творческой работы въ прошломъ, когда онъ писалъ то, что, казалось ему, носилось около него въ воздухѣ и было далеко отъ „выдумки“, онъ приводитъ любопытный примѣръ близости къ нему создававшихся образовъ. „Мнѣ, — говоритъ онъ, — прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и въ другихъ — и все

*) См. выше: мартъ, стр. 215.

ярче и ярче выступалъ передо мной. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу элементарныя свойства русскаго человѣка—и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру“.

Романъ „Обломовъ“ писался, тоже по обыкновенію Гончарова, очень долго—лѣтъ около десяти, съ перерывами для „Фрегата Паллады“, съ отвлеченіями въ сторону „Обрыва“, образы котораго уже начинали тревожить творческіе нервы писателя. Не говоря уже о томъ, что во второмъ романѣ обнаружилось значительно большее мастерство кисти художника и болѣе глубокая вдумчивость при построеніи романа и обрисовки центральной фигуры, самое отношеніе Гончарова къ своему герою должно было измѣниться съ годами, и оно, дѣйствительно, измѣнилось.

Въ этомъ отношеніи намъ придется нѣсколько разойтись съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что Обломовъ ближе другихъ героев подходитъ къ самому Гончарову. Еслибы это было дѣйствительно такъ, Гончаровъ не относился бы къ нему съ такимъ неизмѣннымъ чувствомъ ироніи, какого, напримѣръ, у него вовсе нѣтъ, какъ только рѣчь заходитъ о Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ или Штольцѣ. Въ этой ироніи нѣтъ злости, нѣтъ и отѣнка желчи и раздраженія, порождающаго сарказмъ. Напротивъ, добродушное, даже любовное отношеніе придаетъ ей особую задумчивость и прелесть. Такъ пожилой и ласковый по натурѣ человѣкъ снисходительно улыбается слабостямъ своего младшаго пріятеля, слабостямъ, которыя далеко не чужды и ему самому. И эта улыбка такъ искренна, такъ непосредственна на устахъ Гончарова, что читатель невольно поддается ей обаянію, и самъ начинаетъ улыбаться тою же снисходительною и доброй улыбкой.

Мы видѣли уже не разъ—въ рассказѣ объ Обломовѣ не мало автобіографическихъ штриховъ. Ихъ не трудно подмѣтить въ исторіи дѣтства Обломова, въ отдѣльных частностяхъ, несомнѣнно и въ обрисовкѣ характера, съ слабостью волевого элемента на первомъ планѣ и сильно развитымъ сознаніемъ, вѣннимъ и внутреннимъ, доводящимъ иногда процессъ самоанализа до глубокаго и истиннаго страданія. Но отъ Обломова до Гончарова—разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ Адуевыхъ, племянника и дяди. Кстати сказать, Илья Ильичъ первой половины романа отличается, на нашъ взглядъ, отъ Ильи Ильича второй половины. Это два типа равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполне одинаковые. Первый—съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія—такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ

жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но—увы!—платонически; его тревога не утихаетъ съ годами,—она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ показаніе Рудина, но ни на минуту не станетъ пошлой и плоской. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собой, во имя идеи, или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія Обломовыхъ—сортомъ пониже. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ „умственныхъ“ идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли запыть жиромъ отъ вѣчнаго спанья и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства—вотъ атмосфера, изъ которой никогда не вытащатъ ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы—ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно-настроенной душой, но никакъ не „коптителѣ неба“ Тентетниковы, всю жизнь собирающіеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно Обломовъ, въ первой части романа, со своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки.

Кромѣ наклонности къ неподвижности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, роднящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ. На присутствіе этихъ чертъ въ характерѣ нашего писателя указываютъ его же собственные слова—тамъ, гдѣ онъ довольно недвусмысленно рисуетъ свою собственную наружность. Въ дѣтствѣ онъ—здоровый, краснощекий мальчикъ „съ мечтательными глазами“, какъ Ильяша Обломовъ; студентомъ—цвѣтуцій, жизнерадостный юноша; во времени трезвости и благоразумія онъ, какъ двѣ капли воды, напоминаетъ остепенившагося Александра Адуева, съ брюшкомъ и плѣшью, съ начинающейся сѣдиной въ вискахъ и бакенбардахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Гончаровъ, кончая „Обломова“, будетъ опредѣлять себя такъ: „литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто сонными глазами“. Этотъ отзывъ напомнитъ собою „пожилого беллетриста Скудельникова“ (въ „Литературномъ вечерѣ“), который—„какъ сѣлъ, такъ и не пошевелился въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза на автора (читавшаго свой романъ) и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—вообще ко

всему вокругъ себя. Григорій Петровичъ (Урановъ, хозяинъ) вытащилъ его изъ его гнѣзда, общалъ хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хорошій ужинъ. Онъ и пріѣхалъ“.

Послѣднія слова чрезвычайно важны, пожалуй важнѣе самого портрета. Въ нихъ выразились основные привычки и вкусы „пожилого беллетриста“. Онъ не прочь бывать въ обществѣ, но предпочитаетъ покой и тишину своего „гнѣзда“. Общество онъ посѣщаетъ только избранное, гдѣ онъ встрѣтитъ, какъ художникъ, красоту и грацію аристократическаго женскаго лица, услышитъ остроумную бесѣду и веселый смѣхъ; какъ гастрономъ и бывший обломовецъ, онъ оцѣнитъ по достоинству тонкій ужинъ и хорошее вино. Но вообще говоря—къ людямъ его не особенно тянетъ. И переживая въ томъ кругу, гдѣ онъ бывалъ, привычныя и милыя сердцу ощущенія, онъ самъ не вносилъ въ общество ни веселья, ни даже оживленія, хотя ни въ умѣ, ни въ остроуміи ему отказать было нельзя. Онъ, какъ художникъ, накапливалъ впечатлѣнія, но расточалъ ихъ въ разговорѣ неохотно и скупо.

Остановимся еще нѣсколько на этой чертѣ—апатіи, неизмѣнно присутствующей, какъ только Гончаровъ начинаетъ говорить о самомъ себѣ. По отношенію къ человѣку, неустанно работавшему въ тиши кабинета надъ созданіемъ ряда произведеній, техника которыхъ, по его собственнымъ словамъ, стоила ему большого труда, это слово должно имѣть особый, условный смыслъ. Это менѣе всего—внутреннее разочарованіе въ томъ, во что вѣрилось въ юности, въ идеалахъ, надеждахъ, наконецъ, любви и дружбѣ. Наоборотъ, мощью здороваго идеализма звучатъ послѣднія произведенія Гончарова; ласковый юморъ ихъ достигаетъ мѣстами удивительной свѣжести, изящества и даже глубины. Это и не безсиліе человѣка, который вышелъ на борьбу, и увидѣлъ, что руки у него были связаны. Борьба не была въ натурѣ Гончарова, и менѣе всего онъ подходилъ бы подъ понятіе борца во имя чего бы то ни было. А правильнѣе всего признать, кажется, что Гончаровская апатія, если не принимать въ расчетъ нѣкоторой доли скептицизма, свойственнаго всѣмъ пожилымъ людямъ, видѣвшимъ свѣтъ, сводится преимущественно къ выѣшнимъ проявленіямъ, къ выѣшнему виду или, вѣрнѣе, къ тому впечатлѣнію, которое производитъ Гончаровъ на людей своей неподвижной, по виду вялой, по разговору—равнодушной фигурой. Въ головѣ и въ сердцѣ творилась невидимая глазу сложная работа, изъ которой слагалось творчество образовъ и

картинъ; на эту работу и уходила значительная доля энергій и органической самостоятельности художника.

Будь Гончаровъ Обломовымъ второго типа, въ немъ и не пошевельнулось бы желаніе промѣнять свое насиженное „гнѣздо“ на каюту готоваго ко всякаго рода случайностямъ, безпокойствамъ и опасностямъ „Фрегата Паллады“. Но въ немъ жило какое-то особое начало, которое разжигало и мучило его. Слишкомъ сѣрая дѣйствительность давила его своей однотонностью, какъ онъ ни скрашивалъ ее цвѣтами фантазіи и поэзіи. „Дни мелькали—такъ характеризуетъ онъ свою жизнь въ первой главѣ „Фрегата Паллады“,—жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразныя, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!“

Зѣвота и апатія—неотъемлемые признаки Гончарова; безъ нихъ онъ и представить самого себя не можетъ. „Между моряками“ *т.е. апатически*, лѣнливо смотреть „въ безбрежную даль“ океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостиницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздить въ Австралію? Но этого апатическаго литератора манитъ поэзія путешествія, просторъ и „рядъ неисчерпанныхъ наслажденій“—и онъ объѣдетъ весь міръ, хотя бы для того, чтобы сказать потомъ, что въ немъ нѣтъ ничего чудеснаго, что и вдали, какъ и вблизи—„все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень“. Но самое путешествіе является для него праздникомъ, радостнымъ воплощеніемъ съ дѣтства ледѣянной мечты.

Ничего подобнаго нѣтъ въ Обломовѣ, не только второй, но и первой половины романа. Его тянетъ вдали только тогда, когда его соблазняютъ своими разсказами Штольцъ, и то лишь пока тотъ не ушелъ изъ комнаты. Но едва Штольцъ оставляетъ Илью Ильича одного, въ немъ начинаются колебанія, сомнѣнія, ему жаль разстаться съ диваномъ и халатомъ, и всѣ планы падаютъ, какъ карточный домикъ, отъ самой ничтожной причины: ячмень вскочитъ или губа раздуется наканунѣ отъѣзда. „Нельзя же съ этакой губой въ море!“—скажетъ Илья Ильичъ и махнетъ рукой.

Гончаровъ любитъ комфортъ; Обломовъ къ нему совершенно равнодушенъ. Гончаровъ задаетъ вопросы о сандвичевскихъ прачкахъ; у Обломова по нѣскольку дней не подметается квартира. Гончаровъ весь на сторонѣ порядка—и дома, и въ обществѣ, и въ государствѣ; Обломовъ заговариваетъ о порядкѣ исключительно съ цѣлью донять Захара „жалкими словами“. Его по-

рядомъ черезчуръ опредѣляется временемъ завтрака, обѣда, ужина, сна. Зато Обломовъ явился превосходнымъ выразителемъ болѣе поздняго отношенія Гончарова къ женщинѣ и чувству любви.

XVIII.

Во второй половинѣ романа, когда прежній Обломовъ окончательно опускается и пошлѣетъ, подъ вліяніемъ кулинарныхъ талантовъ вдовы Пшеницыной, его роль по отношенію къ Ольгѣ Ильинской начинаетъ играть Штольцъ. Исторія любви послѣдняго въ высокой степени напоминаетъ романъ Обломова съ Ольгой. „Онъ не хотѣлъ бы порывистой страсти, какъ не хотѣлъ ея и Обломовъ, только по другимъ причинамъ. Но ему хотѣлось бы, однако, чтобы чувство потекло по ровной колеѣ, вскипѣвъ сначала горячо у источника, чтобы черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ ключъ счастья“...

Обломовъ, рассказываетъ Гончаровъ, „среди тупой дремоты и среди вдохновенныхъ порывовъ, всегда мечталъ о женщинѣ, какъ женѣ и иногда — какъ любовницѣ.

„Грезилась ему на губахъ ея улыбка, не страстная, глаза, не влажные отъ желаній, а улыбка, симпатичная къ нему, къ мужу, и снисходительная ко всѣмъ другимъ; взглядъ благосклонный только къ нему и стыдливый, даже строгій, къ другимъ.

„Онъ никогда не хотѣлъ видѣть трепета въ ней, слышать горячей мечты, внезапныхъ слезъ, томленія, изнеможенія и потомъ бѣшенаго перехода къ радости. Не надо ни луны, ни грусти. Она не должна внезапно блѣднѣть, падать въ обморокъ, испытывать потрясающіе взрывы...

„— У такихъ женщинъ любовники есть, говорилъ онъ:— да и хлопотъ много:—доктора, воды и пропасть разныхъ причудъ. Уснуť нельзя покойно!

„А подлѣ гордо-стыдливой, покойной подруги спать беззаботно человѣкъ. Онъ засыпаетъ съ увѣренностью, проснувшись, встрѣтитъ тотъ же вроткій симпатичный взглядъ... И такъ до гробовой доски!“

И Гончаровъ, устами Обломова, спрашиваетъ, не составляетъ ли тайной цѣли любящихъ—„найти въ своемъ другѣ неизмѣнную фizioномію покоя, вѣчное и ровное теченіе чувства? Вѣдь это норма любви“...

И продолжаетъ, высказываясь уже гораздо больше отъ своего имени, чѣмъ отъ имени Обломова: „Давать страсти законный

исходъ, указать порядокъ теченія, какъ рѣкъ, для блага цѣлаго края, — это общечеловѣческая задача, это вершина прогресса, на которую лѣзутъ всѣ эти Жоржъ-Зандъ, да сбиваются въ сторону. За рѣшеніемъ ея вѣдь уже нѣтъ ни измѣнъ, ни охлажденій, а вѣчно-ровное біеніе покойно-счастливаго сердца, слѣдовательно вѣчно наполненная жизнь, вѣчный сокъ жизни, вѣчное нравственное здоровье“. Нѣсколько странная выходка противъ несимпатичныхъ Гончарову теченій въ современной ему европейской литературѣ всего менѣе идетъ къ Обломову и скорѣе должна быть отнесена къ числу непосредственно-субъективныхъ воззрѣній самого автора, какихъ у него вообще не мало разбросано въ романахъ.

„Страсть! все это хорошо въ стихахъ, да на сценѣ, гдѣ, въ плащахъ, съ ножами, рассказываютъ актеры, а потомъ идутъ, и убитые, и убійцы, вмѣстѣ ужинать...

„Хорошо, еслибъ и страсти такъ кончались, а то послѣ нихъ остаются: дымъ, смрадъ, а счастья нѣтъ! Воспоминанія — одинъ только стыдъ и рваніе волосъ.

...„— Да, страсть надо ограничить, задушить и утопить въ женитьбѣ“...

Это разсужденіе — въ высшей степени характерное для самого Гончарова. Во всемъ въ жизни должна быть своя мѣрка, своя норма; страсть труднѣе всего подвести подъ эту норму: она — „несчастье“, и когда такое несчастье постигаетъ человѣка, — такъ это все равно, какъ случается попасть на избитую, гористую, несносную дорогу, по которой лошади падаютъ и сѣдокъ изнемогаетъ“. Страсть — несчастье, потому что нарушаетъ покой жизни и равновѣсіе духа, выводитъ человѣка изъ того естественнаго, нормальнаго состоянія, въ которомъ внутренняя духовная дѣятельность происходитъ жизнерадостно, свободно, безъ толчковъ, отвлеченій и стѣсненій, получаемыхъ извнѣ.

Выше, говоря о грезахъ Обломова, Гончаровъ, быть можетъ случайно, мимоходомъ, сдѣлалъ одно замѣчаніе, на нашъ взглядъ чрезвычайно цѣнное. Женскій образъ грезился Ильѣ Ильичу „среди тупой дремоты и вдохновенныхъ порывовъ“. Тупая дремота — это та сѣрая дѣйствительность, — о ней онъ говорилъ, какъ мы видѣли, передъ поѣздкой въ кругосвѣтное плаваніе, — тѣ сумерки, тѣ вѣчныя будни, отъ которыхъ единственное спасеніе — въ полетѣ мечты, въ мірѣ фантастическихъ грезъ. Область мечты и фантазіи и есть то заколдованное царство, куда направляется „вдохновенный порывъ“ художника, и а priori можно сказать, что образы, взятые изъ этого міра въ часы „ту-

пой дремоты“ и въ моменты „вдохновеннаго порыва“, будутъ неизмѣримо различны.

Будутъ глубоко различны и понятія страсти, порожденныя мечтами той и другой категоріи. Въ первомъ случаѣ, мечты окрасятся страстью, которая на практикѣ жизни приведетъ или къ „законному исходу“, въ домикѣ вдовы Пшеницыной, или къ воспоминаніямъ стыда и раскаянія.

Этого рода страсть была знакома всѣмъ героямъ Гончарова, тѣмъ въ большей степени, чѣмъ былъ моложе ихъ авторъ. Иванъ Савичъ Поджабринъ—типическое воплощеніе этой страсти, по качеству однородной съ тѣми „колоссальными“ страстями, о которыхъ мечтаютъ въ свое время и Александръ Адуевъ, и Обломовъ, и Райскій.

Но послѣднему знакома гораздо въ большей степени другая страсть—страсть „вдохновенныхъ порывовъ“, ведущихъ къ творческому „паѳосу“, къ радостямъ и скорбямъ творческой работы.

Роль этой страсти—совершенно иная. „Зачѣмъ гроза въ природѣ?... спрашиваетъ Райскій у Вѣры.—Страсть—гроза жизни... О, еслибъ испытать эту сильную грозу!... Нѣтъ, не къ раскаянію поведетъ васъ страсть: она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предрасудки, и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко“...

Въ этихъ словахъ художникъ и влюбленный, а главное—влюбчивый человѣкъ, нераздѣльны. Такъ и должно было быть, по возрѣнію Гончарова. „И что за матеріальная любовь?—возражаетъ у него Адуевъ-дядя племяннику: такой—любви нѣтъ, или это не любовь, такъ точно, какъ нѣтъ и одной идеальной...—мы не духи и не звѣри“.

Райскій поочередно влюбляется въ Марейнку и Вѣру. Чувство его къ первой, конечно, гораздо элементарнѣе и проще. Но вотъ онъ видитъ Марейнку рядомъ съ Викентьевымъ—и въ немъ это чувство еще молодого, здороваго и празднаго человѣка сразу уступаетъ восторгу художника передъ граціей и цѣлностью образа. „Онъ любовался уже ихъ любовію и радовался ихъ радостью, томясь жаждой превратить и то и другое въ образы и звуки. Въ немъ умеръ любовникъ и ожилъ безкорыстный артистъ“.

Это возвышенное начало, придающее красоту и благородство самосознанію охваченнаго страстью человѣка, неизмѣнно присутствуетъ въ его отношеніяхъ къ Вѣрѣ. Здѣсь оно гораздо сложнѣе, глубже и тоньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо мучи-

тельнѣе и тревожнѣе. „Вѣра не подозрѣвала его тайныхъ мукъ, замѣчаетъ по этому поводу Гончаровъ,—не подозрѣвала, какою страстною любовію охваченъ былъ онъ къ ней—какъ къ женщинѣ человекъ и какъ къ идеалу художникъ“.

Къ страсти художника, проникнутаго порывомъ къ идеалу, намъ придется вернуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь намъ важно отмѣтить основной характеръ опредѣленія страсти и любви, въ высшей степени послѣдовательно проведенный въ романахъ и являющійся, такимъ образомъ, коренной чертой міросозерцанія ихъ автора. Съ одной стороны, страсть—состояніе близкое къ сумасшествію, стихійное явленіе, отъ котораго надо стараться избавляться возможно скорѣе, какъ отъ „несчастья“, постигающаго человека, съ другой—она необходима въ жизни, будничной и сѣрой, какъ „гроза въ природѣ“, которая очищаетъ атмосферу и прогоняетъ міазмы. Она бываетъ прекрасна, когда въ нее входитъ возвышенный элементъ художественнаго воспріятія, поднимающаго духъ человека надъ ея низменной и узко-эгоистической стороной. Вообще же, по выраженію Райскаго, „всѣ непременно чувствовали, кто разъ, кто больше—смотря по темпераменту, кто тонко, кто грубо, животнo—смотря по воспитанію, но всѣ испытали раздраженіе страсти въ жизни, судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмельную игру силъ“...

Если человекъ умѣлъ, тѣмъ не менѣе, бороться съ нею, ограничивать ее и пережить ее такъ, чтобы не было повода раскаяваться впослѣдствіи, онъ испытаетъ высочайшее наслажденіе въ послѣдующіе моменты, когда буря утихнетъ и разсудокъ вступитъ въ свои права; тогда-то душа и отдается истинному счастью—сладостному отдыху и покою. „На остывшій слѣдъ этой огненной полосы,—проповѣдуетъ Райскій Вѣрѣ, *бурно, едва успѣвая говорить*,—этой молніи жизни ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благодарное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ любви люди и называли святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла“. Охваченный самъ страстью, Райскій говоритъ „бурно“—о чемъ же?—о покоѣ, —отдыхѣ отъ страсти, тишинѣ, говоритъ не разъ, не замѣчая неестественности подобныхъ рѣчей, на которыя не отвѣчивался даже Обломовъ въ разговорахъ съ Ольгой Ильинской. Ясно субъективное участіе самого Гончарова въ этомъ поэтизированіи тишины и отдыха послѣ страсти. Такъ менѣе всего можетъ говорить человекъ въ минуту аффекта, съ ураганомъ въ мысляхъ и огнемъ въ душѣ,—и такъ можетъ и долженъ говорить

художникъ, подобный Гончарову, у котораго между лично пережитой страстью и творческимъ воспоминаніемъ о ней лежатъ промежутки десяти-двадцати лѣтъ.

Въ самомъ раннемъ произведеніи Гончарова, „Иванъ Савичъ Поджабринъ“, произведеніи отъ котораго впоследствии писатель съ удовольствіемъ отрекся бы, рассказана цѣлая исторія увлеченій Ивана Савича до любви „лаконической“ включительно. Тамъ есть, между прочимъ, такая сцена. Дворникъ явился поздравить Ивана Савича, ухаживавшаго въ это время за нѣкоей Прасковьей Михайловной, со „вступленіемъ въ законный бракъ“. Иванъ Савичъ пришелъ въ ужасъ.

— Что-о?

— Въ законный бракъ...

— Какъ? съ кѣмъ? что ты? съ ума, что ли, сошелъ?

— Никакъ нѣтъ, батюшка! слышь, съ верхней нашей жилищкой, Прасковьей Михайловной...

— Какъ!

Иванъ Савичъ остолбенѣлъ...

Исторія кончилась тѣмъ, что дворникъ былъ вытолкнутъ за дверь, а Иванъ Савичъ рѣшилъ съѣхать съ этой квартиры, къ немалому негодованію слуги Авдѣя, ближайшаго родственника Обломовскаго Захара. Они помѣнялись ролями: тамъ Захаръ пристаетъ къ Обломову съ переѣздомъ на другую квартиру, а баринъ упрямится; здѣсь баринъ, который, по собственному выраженію, любитъ свободу, приказываетъ слугѣ найти новую квартиру и тѣмъ „постараться вывести барина изъ бѣды“. Разговоръ о квартирѣ „съ удобствомъ всякимъ, и сараемъ особымъ, и ледникомъ отъ хозяина“, могъ бы служить превосходнымъ варіантомъ бесѣды Ильи Ильича съ Захаромъ.

„Иванъ Савичъ Поджабринъ“, повторяемъ, — самое раннее произведеніе Гончарова. Но въ числѣ самыхъ позднихъ, писанныхъ въ возрастѣ, когда люди получаютъ право называть остатки пережитаго „домашнимъ архивомъ“, есть одинъ очеркъ — „Слуги“, въ которомъ писатель далъ художественную характеристику нѣсколькихъ типовъ слуги стараго времени. Вопросъ о слугахъ имѣлъ особое значеніе для Гончарова, домосѣда, любителя порядка и комфорта, — оттого и въ романахъ ихъ типы такъ живы и реальны. Но дѣло не въ этомъ. Здѣсь мы находимъ сценку, которая наглядно иллюстрируетъ личное отношеніе Гончарова къ браку.

Въ квартиру Гончарова забрались однажды, много лѣтъ назадъ, воры и произвели погромъ. Слуга оказался мертвецки

пьянымъ—мошенники опояли его. Разгромъ былъ полный: вмѣстѣ съ письмами, пакетами и бумагами были разбѣяны на полу большія тетради, числомъ до тридцати, „Обломова“, приготовленнаго совсѣмъ для печати. Досада Гончарова была безпредѣльна. „У меня сердце сжалось тоской,—разсказываетъ онъ.—Я чувствовалъ, что не живу подъ знаменемъ охраны, благоустроенности, порядка. Я предоставленъ самому себѣ, и беззащитенъ. Будь я помоложе, я, можетъ быть, заплакалъ бы. Никого около меня—нѣтъ опоры, нѣтъ защиты“!

Сознаніе довольно любопытное. Тоска одиночества не прерывалась, судя по произведеніямъ и воспоминаніямъ, не давала нигдѣ себя чувствовать, пока въ жизни царилъ покой и порядокъ. Нужно было произвести настоящій разгромъ квартиры, чтобы вызвать жалобу, и то не на одиночество вообще, не на то, что не съ кѣмъ дѣлать радостей и горестей жизни, а на то, что не на кого опереться, не у кого попросить защиты, когда злые посторонніе люди причиняютъ безпокойство и хлопоты.

„— Вотъ не женились—и наказаны! Вотъ вамъ прелесть холостой жизни! „Свобода и независимость!“—говорила мнѣ потомъ одна пріятельница, Анна Петровна, страстная охотница устраивать свадьбы. — Была бы жена, волеи-то и не забрались бы... Женитесь-ка — еще время не ушло! Я бы вамъ славную невѣсту сосватала!

— Еслибъ женился, можетъ быть, забрались бы другіе волеи, злѣе этихъ!—меланхолически отвѣтилъ я“...

Гончаровъ, какъ извѣстно, такъ и не женился до конца дней своихъ, но если взглянуть въ ту роль, какую играетъ женщина въ его произведеніяхъ, можно безъ особеннаго грѣха вывести заключеніе, что въ душѣ его жило неизмѣнное стремленіе къ тому „ewig Weibliche“, которое въ жизни, можно думать, сказалось рядомъ горькихъ разочарованій, а въ поэзіи озарялось лучами дивной красоты и обаянія. Жизнерадостная, веселая и ясная Марейнька была ближе душѣ Гончарова, чѣмъ загадочная, пылливо-тревожная Вѣра, не желавшая „жить слѣпо, по указкѣ старшихъ“; но художника она привлекала этимъ „мерцаніемъ тайны“, этой гордой и вмѣстѣ съ тѣмъ благородной замкнутостью, за которой творится неустанная работа мысли и духа, этимъ сознаніемъ своего женственнаго достоинства и нравственной силы. Въ Вѣрѣ съ избыткомъ были всѣ данныя для того, чтобы отнести ее къ категоріи тѣхъ женщинъ, въ рукахъ которыхъ должно оказаться, по выраженію Гончарова, „прямое рѣшеніе, такъ называемаго, женскаго вопроса“.

Это двойственное тяготѣніе—умѣренного Обломова и нервнаго художника въ Гончаровѣ—къ женскому образу нашло себѣ трогательное истолкованіе въ послѣдніе годы его жизни. Друзья поднесли ему въ 1882 г., по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности, кабинетные часы съ бронзовымъ бюстомъ молоденькой дѣвушки. То была Марейнька изъ „Обрыва“, по объясненію литераторовъ, и Гончаровъ былъ чрезвычайно доволенъ. По сдѣланному намъ сообщенію одного изъ близкихъ друзей писателя, онъ сознавался, что Марейнька „съ давнихъ поръ была его маленькой слабостью“.

Не забыта была, но, конечно безотчетно и безотносительно, и Вѣра. Отъ имени „русскихъ женщинъ“ 2 февраля 1883 г. былъ поднесенъ Гончарову адресъ и двѣ прекрасныя кабинетныя вазы. Несомнѣнно, къ этого типа женщинамъ должны были относиться слова его авторской исповѣди о томъ, что послѣдніи „открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи“. Эти слова были какъ бы искупленіемъ и отрицаніемъ своего же собственнаго неудачнаго и страннаго предположенія, въ минуту раздраженія вырвавшагося у писателя, въ концѣ романа, какъ бы рускія дѣвушки, по примѣру Вѣры, не стали, прочитавъ романъ, бросаться очертя голову на дно „обрыва“. Рѣшеніе „такъ-называемаго женскаго вопроса“ открывало для себя выводы въ такихъ областяхъ, о какихъ не могъ и думать Гончаровъ въ прежніе годы.

XIX.

Требованія правильности и послѣдовательности являлись для Гончарова обязательными не только въ узкомъ примѣненіи ихъ въ домашней жизни и службѣ. Ихъ онъ ставилъ во главѣ своихъ сужденій вообще о ходѣ человѣческихъ событій. Порядокъ и цѣлесообразность зависѣли, по мнѣнію Гончарова, исключительно отъ человѣка, отъ того, какъ онъ понималъ общія и частныя явленія жизни, и какъ онъ опредѣлялъ свои къ нимъ отношенія. Въ самомъ пониманіи этихъ явленій должны, казалось Гончарову, скрываться апріорныя требованія извѣстной закономерности и общей гармоніи, и только сообразно этому пониманію міръ принималъ въ человѣческомъ представленіи ту или другую форму и окраску. Теоретическія разсужденія Гончарова о жизни не отличались особенной отвлеченностью. Сама по себѣ жизнь не бываетъ ни хорошею, ни дурною, или, съ другой сто-

роны, и хорошою, и дурною, смотря по тому, какой ее дѣлають и представляютъ себѣ люди. Стремленіе объяснить ее однимъ какимъ-либо началомъ или понятіемъ казалось Гончарову простой игрой словъ. Жизнь неуловима для сколько-нибудь точныхъ опредѣленій, она—*эластична*, по выраженію Райскаго: „подводили ее подъ фатумъ, потомъ подъ разумъ, подъ случай—подходить ко всему“... „Во что хочешь вѣруй: въ божество, въ математику или въ философію,—развиваетъ онъ свою теорію дальше,—жизнь поддается всему“... У бабушки для объясненія жизни были Богъ и судьба, у дворни—чаще всего домовая и нечистая сила, но сущность оставалась безъ измѣненія: жизнь поддавалась всякому пониманію и въ то же время оставалась необъяснимой и загадочной.

Отсюда долженъ былъ неизбежно вытекать естественный выводъ: всякаго рода системы, метафизическія умозрѣнія, „умствованія“ были совершенно бесполезны по отношенію къ жизни, какъ таковой. Жизнь можетъ быть весьма простой и разумной, если просто и разумно смотрѣть на нее, при томъ не задумываться надъ нею, а брать ее такою, какова она есть. Маркъ Волоховъ сходится въ этомъ требованіи непосредственнаго отношенія къ жизни съ Райскимъ, хотя, въ практическихъ примѣненіяхъ этого взгляда, они приходятъ къ одному и тому же итогу диаметрально противоположными путями. Итогъ этотъ — удовлетвореніе и оправданіе эгоистическихъ запросовъ своего „я“, самоосвобожденіе отъ борьбы внутренней при посредствѣ борьбы внѣшней, создающей стремленіе къ господству и власти надъ другимъ существомъ.

„Онъ (Маркъ Вѣрѣ) показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ.—*Учитесь у нихъ, они не умничаютъ!*

— Да,—сказала она:—смотрите и вы: вонъ они вьжуются около гнѣздъ.

Онъ отвернулся“...

Взгляды Гончарова,—независимо отъ тѣхъ, что высказались въ романахъ его многочисленными alter ego,—находили отраженіе и непосредственное въ его общихъ разсужденіяхъ и сентенціяхъ. Въ нихъ Гончаровъ нерѣдко выходилъ за предѣлы художника, создающаго извѣстнымъ образомъ ограниченный типъ, личность или характеръ, субъективизмъ его развертывался во всю ширину, и рѣчь принимала оттѣнокъ свободного изліянія своихъ излюбленныхъ идей и настроеній. Тогда въ особенности становится замѣтнымъ, что авторъ въ гораздо большей степени ста-

рается выразить свое „я“, чѣмъ отгвѣнить ту или другую черту въ своемъ героѣ. Нерѣдко авторъ настолько увлекается этимъ свободнымъ, всегда красивымъ и плавнымъ изліяніемъ, что послѣднее становится въ явное противорѣчіе съ предполагаемымъ міросозерцаніемъ героя, который всегда односторонне и уже Гончарова.

Поразительный примѣръ такого противорѣчія,—не по существу, а съ точки зрѣнія логики художественнаго творчества—представляетъ собой начало третьей части „Обрыва“. Здѣсь Гончаровъ хочетъ увѣрить насъ, что Райскій, этотъ легкомысленный, но талантливый художникъ, какимъ онъ рисуется въ романѣ, менѣе всего думавшій о серьезныхъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ, отличался столь же опредѣленнымъ и устойчивымъ міросозерцаніемъ, какъ самъ Гончаровъ. Все, что онъ говоритъ въ данномъ случаѣ, менѣе всего подходитъ къ Райскому, въ смыслѣ типа, и болѣе всего—къ самому автору.

„Райскій считалъ себя,—разсказываетъ Гончаровъ,—не новѣйшимъ, т.-е. не молодымъ, но отнюдь не отсталымъ человекомъ“... Имѣя давно уже за тридцать, Райскій, конечно, могъ считать себя таковымъ, но и въ эти годы онъ только и живетъ, что предчувствіями творческихъ восторговъ и жаждою страсти, особенно послѣдней. Сердце то-и-дѣло сжимается у него тревогой ожиданія грозы и страсти, „вздрагиваетъ отъ роскоши грядущихъ ощущеній“, но ни на минуту не увлекаетъ его, если не считать младенческихъ грѣзъ, въ міръ общественной борьбы и гражданственной дѣятельности. Напротивъ, къ подножію страсти онъ готовъ бросить не только ту область высшихъ стремленій, ради которой иные отказывались отъ самолюбивѣйшихъ личныхъ запросовъ, но и то, что для него дороже всего въ жизни—искусство и славу. „Что искусство, что самая слава передъ этими страстными бурями! — не безъ комическаго трагизма вздыхаетъ онъ, обуреваемый страстью къ Вѣрѣ. — Что всѣ эти дымно-горькіе, удушливые газы политическихъ и соціальныхъ бурь, гдѣ бродятъ однѣ идеи, за которыми жадно гонится молодая толпа, укладывавъ туда силы, безъ огня, безъ трепета нервъ? Эти головныя страсти—игра холодныхъ самолюбій, идеи безъ красоты, безъ палящихъ наслажденій, безъ мукъ... часто, не свои, а вычитанныя, скопированныя!“

Эта вдохновенно-безсвязная рѣчь простительна влюбленному человѣку, который носится по саду и „оретъ“, по буквальному выраженію автора, что онъ хочетъ „обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической (непремѣнно клас-

сической!) грозой". Но и тутъ ясно, что, и не будучи влюбленнымъ,—что бывало съ нимъ въ высшей степени рѣдко,—Райскій отдалъ бы всѣ свои идеи о политической и социальной жизни за одинъ благосклонный взглядъ не только Вѣры или Марейны, но и той смазливенькой мѣщанки, которую онъ за примѣтилъ какъ-то, возвращаясь къ себѣ верхомъ изъ города.

Что же, однако, рассказываетъ намъ Гончаровъ?

„Онъ (Райскій) открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его „черепашій“ шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукою, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ гипотезъ, на которыя бросается жадная юность“...

А между тѣмъ весь романъ построенъ на томъ, что у Райскаго нѣтъ никакихъ убѣжденій, того, что сказалось въ поэтической формулѣ: „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“, и въ этомъ отношеніи онъ остается болѣе юнымъ и непослѣдовательнымъ, чѣмъ дѣйствительный юноша—Марей.

Нейдесть къ Райскому, какъ къ типу, и то, что какъ нельзя болѣе подходитъ къ самому Гончарову, будто—„онъ (Райскій) ссылаясь на свои лѣта (и не такія ужъ были у Райскаго лѣта, иное дѣло Гончаровъ—въ періодъ созданія „Обрыва“), говоря, что для него наступила пора выжиданій и осторожности: тамъ, гдѣ не увлекала его фантазія, онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ“.

Но, во-первыхъ, когда же не увлекала фантазія Райскаго, который, въ противномъ случаѣ, пересталъ бы быть самимъ собой; а во-вторыхъ: видалъ ли кто когда-либо Райскаго терпѣливымъ?

Гончаровъ продолжаетъ импровизировать, и въ этой импровизаціи явственно слышатся размѣренные рѣчи Петра Ивановича Адуева и благожелательно-корректнаго Штольца, которые и Пушкина любили, и заводы устраивали. „Онъ (Райскій все) привѣтствовалъ смѣлые шаги искусства, рукоплескалъ новымъ открытіямъ и открытіямъ, видоизмѣняющимъ, *но не ломающимъ жизнь*, праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій, какъ праздновалъ весну съ новой зеленью, не провожая безплодной и неблагодарной враждой отходящаго порядка и отживающихъ началъ, вѣря въ ихъ историческую неизбѣжность и неопровержимую, преемственную связь съ „новой весенней зеленью“, какъ бы она нова и ярко-зелена ни была“.

Райскій, если вѣрить этой характеристикѣ Гончарова, являлся своего рода выжидающимъ постепенцемъ, шедшимъ наравнѣ съ вѣкомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда прогрессъ совершался безъ ломки, безъ рѣзкихъ переходовъ и сильныхъ контрастовъ. Однако, въ четвертой части романа рассказывается, какъ тотъ же Райскій „шелъ къ бабушкѣ, и у нея въ комнатѣ, на кожаномъ канapé, за рѣшетчатымъ окномъ, находилъ еще какое-то колыханье жизни, тамъ еще была ему какая-нибудь работа—*ломать старый откъ*“...

Какая изъ двухъ характеристикъ вѣрнѣе—рѣшить не трудно. Гончаровъ-художникъ вѣрнѣе моралиста опредѣлилъ натуру Райскаго; зато моралистъ превосходно передалъ существеннѣйшія черты міросозерцанія Гончарова, какъ человѣка. Его именемъ должно быть подписано все, чѣмъ выше онъ надѣлилъ неповиннаго Райскаго, и что приписалъ ему нѣсколько раньше, во второй половинѣ второй части романа.

Райскій, говоритъ здѣсь Гончаровъ, былъ равнодушенъ ко всему на свѣтѣ кромѣ красоты. Онъ служилъ ей какъ рабъ, былъ холоденъ ко всему, гдѣ ея не было,—„и грубъ, даже жестокъ, ко всякому безобразію“.

XX.

Въ концѣ пятидесятихъ и въ шестидесятые годы Райскій вносилъ положительный анахронизмъ, какъ представитель своего поколѣнія, своимъ исключительнымъ культомъ красоты. Но этотъ культъ былъ такъ понятенъ въ Гончаровѣ, какъ завѣтное наслѣдіе того круга идей, въ которомъ жили художники въ тридцатые и сороковые годы. Философія и поэзія вступали тогда въ трогательный союзъ, направленный къ указанію высочайшихъ идеаловъ человѣчеству, служеніе которымъ обеспечивало блаженство сознанія всемірной гармоніи и первенствующую роль человѣка въ исторіи міроздавія. Гармонія, красота—одна опредѣляла законы развитія міра; стремленіе къ ней приводило къ познанію божества, которое, въ обаятельныхъ сумеркахъ вдохновенія, являло свои откровенія наиболѣе ревностнымъ жрецамъ красоты—художникамъ и поэтамъ. Послѣдніе являлись, такимъ образомъ, призванными вождями человѣчества на пути его развитія и нравственнаго совершенствованія.

Эти сладостныя иллюзіи нашихъ романтиковъ разбились не столько о позитивизмъ, неудержимо захватившій нашу обще-

ственную мысль во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, сколько о подводныя скалы русской дѣйствительности, неожиданно выгнувшія на поверхность и рѣзко ударившія въ глаза. Старики, именно тѣ, что не пошли съ вѣкомъ, остались вѣрны кумирамъ лучшихъ лѣтъ своей молодости, но молодежь рѣшительно двинулась по другому пути. И образовалось двѣ правды: старая и новая, о которыхъ говорить Гончаровъ. Кѣмъ бы ни былъ Райскій въ смыслѣ типа, онъ не могъ быть на сторонѣ старой правды,— для этого онъ долженъ былъ родиться двадцатью-тридцатью годами раньше.

Райскій—слишкомъ прозрачная ширма, за которую скрывается Гончаровъ. „Не только отъ міра внѣшняго, отъ формы, онъ настоятельно требовалъ красоты, но и на міръ нравственный смотрѣлъ онъ, не какъ онъ есть, въ его наружно-дикой, суровой разладицѣ, и не какъ на початую отъ рожденія міра и неоконченную работу, а какъ на гармоническое цѣлое, какъ на готовый уже парадный строй созданныхъ имъ самимъ идеаловъ, съ доконченными въ умѣ чувствами и стремленіями, огнемъ, жизнью и красками.

„У него не доставало терпѣнія купаться въ этой вознѣ, суетѣ, въ черновой работѣ, терпѣливо и мучительно укладывать силы въ приготовленіе къ тому праздничному моменту, когда человечество почувствуетъ, что оно готово, что достигло своего апогея, когда насталъ бы и понесся въ вѣчность, какъ рѣка, одинъ безошибочный, на вѣчныя времена установившійся потокъ жизни.

„Онъ только оскорблялся ежеминутнымъ и повсюднымъ разладомъ дѣйствительности съ красотой своихъ идеаловъ, и страдалъ за себя и за весь міръ.

„Онъ вѣрилъ въ идеальный прогрессъ—въ совершенствованіе, какъ формы, такъ и духа, сильнѣе, нежели матеріалисты вѣрятъ въ утилитарный прогрессъ; но страдалъ за его черепашій шагъ и впадалъ въ глубокую хандру, не вынося даже мелкихъ царапинъ близкаго ему безобразія“.

Таковы были общіе взгляды Гончарова, осмысливавшіе для него сложный процессъ „эластичной“ жизни. Ихъ нельзя было подвести ни подъ одно изъ ходячихъ общественныхъ направленій. Они самобытны, своеобразны, далеки отъ новизны, но проникнуты гуманнѣйшими вѣяніями лучшихъ сторонъ современной имъ европейской мысли. Они въ такой же мѣрѣ „эластичны“, какъ сама жизнь въ его опредѣленіи, и названіе ихъ либераль-

ными страдало бы такой же неточностью, какъ и отнесеніе ихъ къ разряду такъ-называемыхъ консервативныхъ.

Достоинство это или недостатокъ?—вопросъ для настоящаго случая праздный. То обстоятельство, что это взгляды Гончарова, а не той или иной партіи, служить достаточнымъ отвѣтомъ на подобнаго рода вопросы, до сихъ поръ обращаемые къ Гончарову иными изъ его критиковъ.

При всей „эластичности“ житейской философіи Гончарова и расплывчатости ея общихъ чертъ, является тѣмъ не менѣе возможность выдѣлить нѣкоторые частные взгляды, болѣе или менѣе отчетливые и положительные. Какъ бы ни обобщалъ онъ свои наблюденія надъ явленіями жизни и въ какое бы положеніе ни становился онъ самъ по отношенію къ изображаемому, его личность была неотдѣлима отъ предмета изображенія, она входила въ это изображеніе той или другой стороною его духа и влила на нее свой особый, чрезвычайно характерный для Гончарова, неизмѣнно субъективный отпечатокъ. Она прокрадывалась, какъ мы видѣли, въ характеристики и рѣчи его героевъ, проявлялась въ отступленіяхъ, большихъ и малыхъ, въ выраженіяхъ добродушнаго резонерства. Последнее обличало въ Гончаровѣ постоянно бывшуюся дидактическую жилку, мало замѣтную въ „Обыкновенной исторіи“ и въ „Обломовѣ“, но весьма явственную въ „Обрывѣ“, позднѣйшемъ изъ крупныхъ произведеній писателя. Въ первомъ изъ романовъ оно сказывалось, между прочимъ вскользь, въ обращеніи къ авторитету общепризнанныхъ истинъ, въ сентенціяхъ въ родѣ того, напримѣръ, что — „ужъ давно доказано, что женское сердце не живетъ безъ любви“... „Вѣдь извѣстно, что чужія горести и заботы не сушатъ насъ: это такъ заведено у людей“... Въ „Обрывѣ“ личный разсудочный элементъ Гончарова проявляется особенно въ разграниченіи понятій „старой“ и „новой“ правды.

Будучи врагомъ ломки и какихъ бы то ни было насильственныхъ переворотовъ, Гончаровъ любилъ старую жизнь, устоявшуюся, патріархальную, не только потому, что чувствовалъ въ ней поэзію мира и семейныхъ преданій: въ ней онъ читалъ ту внутреннюю подготовительную работу вчерашняго дня, безъ которой не могло бы въ такомъ видѣ существовать его „сегодня“, столь гордое успѣхами знанія и прогресса. Съ нѣкоторыми ограниченіями къ нему могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ объ успѣшномъ въ классическую жизнь Козловѣ. Последній видѣлъ въ ней родоначальницу нашихъ знаній, а главное—отчет-

ливныя, устоявшіяся, легко опредѣлимые формы. Козловъ настолько отдался ей, что отъ него „ушла и спряталась современная жизнь“.

Гончаровъ самъ уходилъ отъ современной жизни и съ любовью погружался въ старую жизнь, но онъ былъ безконечно шире Козлова, и потому съ современной жизнью его связывали интересы прогресса, знанія въ широкомъ смыслѣ слова и искусства. Многому въ современной жизни онъ готовъ былъ радоваться, но многое вызывало въ немъ искреннее раздраженіе и досаду. Изображая непосредственно примыкавшій къ нему кругъ явленій, онъ никогда не придавалъ своимъ изображеніямъ значенія социальныхъ или политическихъ обобщеній. Общественное значеніе его романовъ сложилось само собой, помимо воли автора. „Злоба дня“ вообще была чужда Гончарову, и если ему приходилось иногда отзываться на нее, какъ это было въ „Обрывѣ“, то виною тому были не столько сами крупныя явленія жизни, выражавшіяся въ тѣхъ или другихъ формахъ, сколько то, что эти формы бывали иногда безобразны и безобразіемъ своимъ оскорбляли эстетическую щепетильность Гончарова.

Нельзя не поражаться, какъ мало удѣляетъ Гончаровъ вниманія крѣпостному праву; переживая настоящую эпоху бури и натиска и пытаясь, по его собственному объясненію, наглядно показать борьбу старыхъ понятій съ новыми, онъ не шутя видитъ въ Райскомъ героя пробужденія, которому, будто бы, суждено произвести постепенную и мирную революцію въ умѣ Мар-еинекъ и бабушекъ, и противопоставляетъ ему Марка Волохова, который, въ сущности, идетъ къ тому же, но только путемъ насилія, беспочвеннаго фанатизма, слѣпого увлеченія скороспѣлой идеей, и потому не достигаетъ цѣли. Обѣимъ фигурамъ Гончаровъ въ послѣдствіи придалъ всеобъемлющій, почти символическій смыслъ, а между тѣмъ въ романѣ отсутствуетъ фактическая сторона ихъ отношеній, то, что явилось бы самымъ существеннымъ показателемъ ихъ обоюднаго отношенія къ наиболѣе живымъ и горячимъ вопросамъ своего времени.

Изъ такихъ вопросовъ на первомъ планѣ стоитъ, конечно, крѣпостное право. Но Гончаровъ изображаетъ современныя ему событія изъ такого прекраснаго далека, что этотъ исключительный и коренной факторъ многовѣкового уклада русской жизни, приковывавшій къ себѣ умы и таланты всѣхъ, кому приходилось съ той или иной стороны касаться общественныхъ явленій этой эпохи, терялъ подъ перомъ Гончарова все свое великое значеніе и низводился на степень одного изъ элементарнѣйшихъ началъ русской жизни, которая у него какъ будто сами собой

подразумѣваются, и потому о нихъ въ общественномъ романѣ и говорить не стоитъ. Фактически, такое отношеніе легко объясняется тѣмъ, что Гончаровъ, въ сущности, всегда далеко стоялъ отъ подлинной народной жизни и создавалъ свои романы по воспоминаніямъ дѣтства, прошедшаго въ смягченной обстановкѣ городскихъ вліяній и купеческаго довольства.

При всемъ этомъ неясное и даже нѣсколько странное отношеніе Гончарова къ такому вопросу, какъ крѣпостное право, доходитъ до того, что читатель можетъ быть поставленъ въ серьезное недоумѣніе: какая эпоха изображается, напримѣръ, въ „Обрывѣ“: до или послѣ реформы? Съ одной стороны, Маркъ Волоховъ, съ своей проповѣдью новой свободы, съ своимъ отрицаніемъ „небесныхъ и земныхъ авторитетовъ“, есть несомнѣнное порожденіе шестидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны, Бережкова управляется въ имѣніи Райскаго, какъ полновластная крѣпостная помѣщица, имѣющая власть сослать въ наказаніе блудливую Марину въ дальнюю деревню, и Гончаровъ опредѣляетъ положеніе послѣдней въ помѣщичьей усадьбѣ какъ „обеспеченное состояніе *крѣпостной* дворовой дѣвки“; наконецъ, и Райскій, отзывающійся, между прочимъ, о Вѣрѣ, что она „рабовъ любитъ“, обращается къ бабушкѣ съ просьбой *отпустить мужичковъ на волю*. Все это указываетъ слишкомъ ясно, что крѣпостное право остается въ полной силѣ, а между тѣмъ Маркъ только и дѣлаетъ, что говоритъ Вѣрѣ о томъ, что прежняя жизнь отжила, — „теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу“. О духѣ свободы проповѣдуетъ и Райскій, и видитъ признаки этого духа въ сознаніи своихъ правъ у Вѣры, — такъ какъ вопросъ объ этихъ правахъ поставили шестидесятые годы. „Видишь, ты молода, — говоритъ онъ ей, — отсюда никуда носа не показывала, а тебя уже обвѣялъ духъ свободы, у тебя ужъ явилось сознаніе своихъ правъ, здравыя идеи. Если заря свободы восходить для всѣхъ, ужели одна женщина останется рабой“? Тотъ же Райскій, увлекшись въ разговорѣ съ Бѣловодовой изображеніемъ печальнаго положенія крестьянъ, спохватывается и спѣшитъ оговориться, что онъ не проповѣдуетъ *коммунизма*, — оговорка, весьма идущая къ Гончарову.

Какъ бы то ни было, — Маркъ вноситъ съ собою новое ученіе. Гончаровъ дальше „дерзкаго“ отрицанія авторитетовъ и проповѣдей новой свободы, не выходящей изъ предѣловъ призыва къ свободной любви, не идетъ въ своемъ объясненіи. Онъ связываетъ новое ученіе съ именами Фейербаха, Прудона, но эти

упоминаніемъ обыкновенно дѣло кончается; въ чемъ состояла новая правда—такъ и остается невыясненнымъ. Читатель догадывается, что дѣло здѣсь не въ доброй волѣ Гончарова, а прежде всего въ томъ, что общественно-политическая сторона учений этихъ писателей оставалась чужда ему, и даже болѣе того—можно съ увѣренностью сказать, что самъ онъ едва-ли близко вникалъ въ сущность ихъ содержанія. Отсюда понятно, что и общественно-политическая сторона въ ученіи Марка не могла быть достаточно ясной самому Гончарову, и потому, схватывая по необходимости лишь вѣшнія крайнія и уродливыя проявленія, онъ лишалъ этого представителя новой правды, этого „вспрыскивателя мозговъ“, наиболѣе положительной, типической черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ—исторической основы.

Направленіе, которое Гончаровъ пытался охарактеризовать Маркомъ Волоховымъ или типомъ Марка Волохова, не поражаало Гончарова своей новизной; напротивъ, въ стремленіи къ ней онъ готовъ былъ увидѣть неумѣнье справиться со старой правдой. Новизна сводилась въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Гончарова, къ слѣпому презрѣнію ко всему прошлому, презрѣнію, которое не различало стараго зла отъ стараго добра. Новые люди, подобные Марку, не заслуживали довѣрія уже потому, что они являлись на арену общественной дѣятельности, такъ сказать, самозванно—„безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ“.—„Это наша *партія дѣйствія*“,—саркастически отзывается Райскій о Маркѣ (конечно, отзывъ этотъ не могъ быть сдѣланъ въ дореформенную эпоху) и тутъ же опредѣляетъ сферу ея дѣятельности: „Да, изъ кармана показываетъ кулакъ полицеймейстеру, проповѣдуетъ городничимъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ“. А въ разговорѣ съ Вѣрой Маркъ называетъ себя „новой грядущей силой“, и говоритъ, что сила эта вербуетъ изъ рядовъ той молодежи, которая тянется къ свѣту, потому что ее держать въ потемкахъ, и къ свободѣ мысли, потому что умы ихъ питаютъ мертвечиной: они, представители учащейся молодежи,—наши настоящіе миссіонеры,—добавляетъ Маркъ.—Они пока сослѣпа лѣзутъ на огонь, да усердно...

„— На какой огонь?“—спрашиваетъ Вѣра.

„— На свѣтъ къ новой наукѣ, къ новой жизни“...

Это все рѣчи, которыя едва-ли могли быть ранѣе 19 фев-

раля. Наслушавшись ихъ, Вѣра осмѣливается и сама задать вопросъ Райскому о свободѣ личности и чувства.

„— Какая ты красная; Вѣра: вездѣ свобода!—воскликаетъ Райскій.—Кто это нажужжалъ тебѣ про эту свободу? Это, видно, какой-то дилеттантъ свободы“?..

Эпитетъ, приданный Вѣрѣ,—такой же анахронизмъ по отношенію къ крѣпостной эпохѣ, какъ и цѣлый рядъ приведенныхъ выше. Не будетъ, кажется, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Маркъ Волоховъ введенъ въ романъ уже послѣ того, какъ въ головѣ художника сложился планъ романа съ личностью Райскаго въ центрѣ и сюжетомъ, развивающимся все въ той же знакомой Гончарову дореформенной обстановкѣ. Это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что оно находитъ себѣ подтвержденіе въ авторской исповѣди. „Въ „Обрывѣ“ больше и *прежде всего* меня занимали три лица,—говоритъ Гончаровъ:—Райскій, бабушка и Вѣра, но особенно Райскій“... Первоначально романъ носилъ даже названіе „Художникъ“; ясно, что осложненіе сюжета и введеніе тенденціознаго образа Марка явилось значительно позже. Въ той же авторской исповѣди Гончаровъ говоритъ мелькомъ, что въ первоначальномъ планѣ, 1848—1850 гг., на мѣстѣ этого „рѣзкаго“ типа, тогда еще не существовавшаго, былъ предположенъ просто сосланный подъ надзоръ полиціи „либералъ“, нагрубившій начальству или „провравшійся дерзко“ про власть. „Но,—замѣчаетъ онъ далѣе,—какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположенный зародышъ неблагонадежнаго превратился въ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862-году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо“. Другими словами, образъ Волохова воспринялъ свои наиболѣе характерныя черты изъ непосредственной дѣйствительности въ первые же годы освободительной эпохи.

XXI.

Въ созданіи Марка субъективность Гончарова сама собой пробилась наружу, и его личность выразилась при этомъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ меньше удалось ему придать личнымъ чертамъ Марка типическое значеніе. Иногда авторъ вступаетъ съ нимъ

въ непосредственную полемику, даже не особенно скрываясь за ширмы того или другого героя. Это особенно замѣтно въ разсужденіяхъ автора, въ которыхъ онъ иногда поясняетъ читателямъ, что дѣлается за сценой, гдѣ лицедеи снимаютъ съ себя костюмы и гримъ и становятся совсѣмъ обыкновенными, совсѣмъ простыми людьми; иногда же подчеркиваетъ значеніе художественно разсказаннаго факта, словно боится, что читатель пойметъ не такъ, какъ слѣдуетъ. „Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ—и внесъ новый взглядъ во все то, что она (Вѣра) читала, слышала, что знала... Онъ, съ преждевременнымъ триумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду,—и ошибся“. Дѣлая подобный выводъ отъ своего имени, художникъ превратился въ обыкновеннаго повѣствователя, который не столько заботится о яркости изображенія, сколько принимаетъ личное участіе въ передаваемомъ событіи, и въ данномъ случаѣ лично радуется ошибкѣ Марка.

„Онъ (Маркъ),—повѣствуетъ Гончаровъ отъ имени Вѣры,—во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ... Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль... Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее... Закрывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религіознымъ и философскимъ упованіямъ...

„Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдовалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ“...

Таковъ, въ сокращенномъ видѣ, обвинительный актъ противъ Марка. Онъ, по мнѣнію Гончарова, грубый матеріалистъ, не вѣрить не только въ Бога, но даже въ такія „очевидности“, какъ губернаторъ и полиція, не уважаетъ старшихъ, беспокоитъ мирныхъ людей,—и онъ же осмѣливается распространять среди чуткой и впечатлительной молодежи свои проповѣди о *какой-то* новой правдѣ!

Самый протестъ указываетъ на присутствіе въ міросозерцаніи Гончарова чертъ противоположнаго свойства. Его „старая“ правда покоилась на глубокой религіозности, не той, которая зоветъ человѣка на подвигъ самоотреченія и самопожертвованія и является удѣломъ немногихъ натуръ, съ высокимъ строемъ души и сильной волей, но иной, доступной самымъ обыкновеннымъ людямъ, которые почерпаютъ въ вѣрѣ спокойствіе совѣсти и душевный миръ, и живутъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ. Эта религіозность не является результатомъ страстнаго само-

углубленія, борьбы съ сомнѣніями и искусами,—она никогда не проходитъ черезъ сферу самаго крайняго отрицанія, съ тѣмъ, чтобы возродиться затѣмъ еще болѣе возвышенной и просвѣтленной. Религіозность, присущая Гончарову, была, какъ мы видѣли, привита и воспитана въ немъ въ патріархальной обстановкѣ дѣтства нѣжными заботами матери, примѣрами старшихъ, поддерживалась нелюбовью къ какимъ бы то ни было „умствованіямъ“, выходившимъ за предѣлы художественныхъ концепцій и только нарушавшимъ душевный покой, и, что особенно должно было быть дорого Гончарову, она сливалась въ немъ съ поэзіей семейныхъ традицій, съ воспоминаніями о самыхъ трогательныхъ моментахъ дѣтской жизни, въ родѣ тѣхъ, которыми согрѣты лучшія страницы „Сна Обломова“.

Въ роковыя минуты своей жизни, спасаясь, какъ отъ наводненія, отъ новой правды Марка, Вѣра „во взглядъ Христа искала силы, участія, опоры“... Однажды, въ сумерки, Райскій застаётъ ее у часовни и поражается спокойнымъ и свѣтлымъ выраженіемъ ея лица.

„— Гдѣ ты почерпнула этотъ миръ?—спрашиваетъ онъ.— Тамъ?

„Онъ указалъ на часовню.

„— Гдѣ же больше?“

Но Вѣра еще доступна колебаніямъ и сомнѣніямъ; Марѳинька и бабушка ихъ не знаютъ. Ихъ вѣра—непосредственное, чуждое и тѣни раціонализма, чувство любви къ Богу, какъ промыслителю, помощнику и защитнику рода людского. На этой вѣрѣ прежде всего держится весь строй убѣжденій и понятій, изъ которыхъ слагается ихъ „старая“ правда.

Вѣра искупила страданіемъ свои временныя увлеченія рѣчами Марка и осталась вѣрна „старой“ правдѣ; ей помогли въ этомъ инстинкты правдивой женской души и здоровая натура. „Его (Марка) новыя правда и жизнь не тянули къ себѣ ея здоровую и сильную натуру, а послужили только къ тому, что она разобрала ихъ по клочкамъ и осталась вѣрнѣе своей истинѣ“. Вѣками установившійся строй вѣрованій, убѣжденій и взглядовъ выдержалъ борьбу съ болѣзненной накипью насильственно вводимыхъ въ жизнь новыхъ теорій и идей, „старая“ правда восторжествовала,—такова мораль и основная тенденція второй половины романа.

XXII.

Старая правда обуславливала, казалось Гончарову, ясный и цѣльный взглядъ на жизнь, высшимъ счастьемъ которой являлось свободное проявленіе индивидуальных особенностей личности, ея законныхъ требованій и желаній, но при одномъ условіи — „не стѣсня воли другого“, не забираясь насильно въ чужую душу, не оскорбляя того, что другому дорого и свято. Уваженіе къ личности являлось основнымъ требованіемъ въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ. Моментъ, когда Бережкова проявила твердость духа и самостоятельность въ знаменитой сценѣ съ чиновнымъ наглецомъ Ниломъ Андреевичемъ, приводитъ Райскаго въ восторгъ; ему кажется, что Татьяна Марковна стояла въ этотъ моментъ „на вершинѣ развитія умственнаго, нравственнаго и социальнаго“.

Въ отношеніи свободы чувства Гончаровъ не былъ узкимъ моралистомъ. Его герой „пробужденія“, Райскій, проповѣдуетъ Вѣрѣ о томъ, что пора перестать бояться чувства: „люби открыто, всенародно, не прячясь, не бойся ни бабушки, никого“, — потому что наступила новая жизнь, „старый міръ разлагается, зазеленѣли новые всходы“. Но свобода чувства нисколько не теряетъ, а, наоборотъ, выиграетъ въ своей красотѣ, если обезпечить за собой не только право на наслажденіе, но сознание взаимнаго нравственнаго долга, налагаемаго любовью. Въ этомъ отношеніи „новая“ правда расходилась, думалось Гончарову, со старой.

„— Любовь—счастье, данное человѣку природой...—говорить Маркъ. — Это—мое мнѣніе...

„— Счастье это ведетъ за собой долгъ, — сказала она (Вѣра). — Это—мое мнѣніе“...

На смѣну Марку, на помощь Вѣрѣ приходитъ Тушинъ и востанавливаетъ въ ея душѣ окончательное торжество „старой“ правды. На Тушинѣ сосредоточиваются всѣ гражданскія упованія и симпатіи Гончарова. Тушинъ, въ противовѣсъ Марку, является нашей истинной „партіей дѣйствія“, въ нихъ—„наше прочное будущее, которое выступить въ данный моментъ, особенно, когда *все это*—оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій,—когда *все это будетъ свободно*, когда всѣ миражи, лѣтъ и баловство исчезнутъ, уступивъ мѣсто настоящему „дѣлу“, множеству „дѣла“ у всѣхъ,—когда съ „ми-

ражами исчезнуть и добровольные мученики“, тогда явятся, на смѣну имъ, работники, Тушины, на всей лѣстницѣ общества“.

Великодушный и сильный Тушинъ—въ то же время богатый помѣщикъ и дѣлецъ-практикъ. Въ этомъ смыслѣ онъ—параллель Петру Адуеву и Штольцу, даже болѣе: онъ—дальнѣйшая ступень въ развитіи этого типа—уже не чиновникъ и не нѣмецъ. Пусть только падетъ крѣпостное право, думаетъ Райскій, за спиной котораго стоитъ Гончаровъ, тогда во всѣхъ слояхъ общества явятся свои Тушины, которые возьмутся за живое, нерутинное дѣло устроенія русской народной и общественной жизни.

У Гончарова нѣтъ, такимъ образомъ, скептицизма или равнодушія по отношенію къ вопросамъ личной и общественной свободы, понимая послѣднюю въ самомъ широкомъ смыслѣ. Наоборотъ, отношеніе его къ этимъ вопросамъ было таково, что можно смѣло утверждать о его искреннемъ и внутренне дѣятельномъ сочувствіи идеямъ и принципамъ, которые можно назвать передовыми для той эпохи. Но для него, „думаваго образами“, воплощеніе этихъ идей въ жизни, въ формахъ, казавшихся ему уродливыми, было равносильно оскорбленію артиста, который видитъ профанацію искусства въ толпѣ, и въ своемъ гнѣвномъ негодованіи онъ провелъ слишкомъ рѣзкую грань между собой и той „партіей дѣйствія“, къ какой причислялъ себя Маркъ.

По многимъ принципиальнымъ вопросамъ между Гончаровымъ и Маркомъ не было существеннаго различія, и „старая“ правда его во всякомъ случаѣ была не очень старая, гораздо моложе правды Фамусовскаго кружка или героевъ Гоголя. Оставляя въ сторонѣ коренное различіе въ способахъ „дѣйствія“ и принадлежность къ различнымъ поколѣніямъ, какъ причины естественныя и историческія, станетъ совершенно понятнымъ то утвержденіе, что Гончаровъ, съ его вѣрой въ прогрессъ и науку, съ его признаніемъ началъ свободной жизни, съ его отношеніемъ къ факту освобожденія крестьянъ, отчетливо выраженнымъ въ его авторской исповѣди, былъ весьма близокъ, въ своемъ міросозерцаніи, къ умѣренной, но несомнѣнно либеральной части нашего общества.

XXIII.

Маркъ—не изъ этого общества, но съ Маркомъ-то и произошло недоразумѣніе у Гончарова.

Маркъ поразилъ художника внѣшней грубостью и своего рода циническимъ фатовствомъ въ проявленіи своей новой идей-

ности, если можно такъ выразиться. Онъ воровалъ яблоки, зачитывалъ книги, бралъ безъ отдачи деньги, не вѣровалъ въ губернатора и полицію, — за этими признаками, изъ которыхъ только послѣдній развѣ можно было бы отнести на долю „типа“, Гончаровъ не усмотрѣлъ родовыхъ чертъ, изъ которыхъ дѣйствительно складывался чрезвычайно характерный образъ шестидесятника, народника и нигилиста. Значительно позже, въ авторской исповѣди, Гончарову пришлось дать неловкое объясненіе по поводу Марка. По этому объясненію, писатель въ лицѣ Марка менѣе всего хотѣлъ охарактеризовать молодое поколѣніе, „которое бросилось на встрѣчу реформъ—и туда уложило всѣ силы“. Земскіе дѣятели, работники въ сферѣ крестьянскихъ реформъ, жадно учащаяся молодежь, публицисты—„неужели это все Волоховы!“—восклицаетъ Гончаровъ.

„Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ самъ,—это не Волоховы, а представители новой „правды“, воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество“.

Но въ жизни,—замѣчаетъ Гончаровъ,—рядомъ съ правдой уживается ложь: представителемъ этой новой лжи и явился Волоховъ. Таково объясненіе писателя.

Искусственность его сказывается сама собою. Насколько далеко стоялъ Гончаровъ отъ новѣйшихъ вѣяній жизни и насколько недостаточно зналъ истинную сущность новой, если не правды, то программы современнаго ему молодого поколѣнія, видно изъ его неудавшейся попытки представить это поколѣніе образомъ Тушина, если повѣрить его объясненію, что такая цѣль у него была во время писанія романа, съ чѣмъ можно согласиться съ большимъ трудомъ: у Тушина нѣтъ ни одной характерной черты типа, о которомъ мы говоримъ. Борьба Райскаго, положительнаго, по мысли Гончарова, героя „пробужденія“, съ Маркомъ ведется исключительно изъ-за Вѣры; не будь этого мотива, Райскій и Маркъ не нашли бы между собой принципиальныхъ поводовъ для разлада и навѣрное были бы друзьями, что весьма противорѣчило бы признанію за Маркомъ типичности только по отношенію къ нѣкоторой, меньшей и ложно-направленной части молодежи начала шестидесятыхъ годовъ.

Гораздо проще объяснить себѣ дѣло такъ, что въ образѣ Марка Гончаровъ попытался дать отвѣтъ на упреки критики въ отсутствіи чуткости и общественномъ индифферентизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свое мнѣніе о тѣхъ изъ новѣйшихъ теченій въ молодежи, которыя приводили къ такимъ, по его мнѣнію,

печальнымъ и уродливымъ явленіямъ, какъ самозванный проповѣдникъ вредныхъ идей, Маркъ Волоховъ. Какъ ни замыкался Гончаровъ въ тѣсный кругъ кабинетной работы, жизнь его „тротала“, а извѣстность, какъ писателя, была слишкомъ велика, чтобы созданіе „Обрыва“ могло совершиться такъ же незамѣтно, какъ созданіе „Обыкновенной исторіи“, даже „Обломова“. Весьма возможно, что Гончарова раздражалъ и успѣхъ романовъ Тургенева, въ славѣ котораго онъ былъ, какъ извѣстно, весьма чувствителенъ, и онъ зналъ, что успѣхъ этотъ основывался въ значительной степени на чуткости соперника въ нарождающимся явленіямъ русской жизни. И не имѣя въ душѣ задатковъ художческаго влеченія къ постепенному, медленному и любовному созданію этого типа, Гончаровъ присочинилъ его умомъ и воспользовался имъ какъ мишенью для выраженія своего раздраженія и досады. Въмѣсто послѣдовательной, детальной обрисовки типа, онъ принялъ на себя роль моралиста, въ одно и то же время обвинителя и судьи, и тонъ его рѣчи, неторопливой и плавной, сплошь образной, сдѣлался разсудочнѣе и суше. Последняя страница—сплошное *pro domo sua* самого Гончарова, хотя, по привычкѣ, оно и высказывается отъ имени Райскаго. Къ послѣднему менѣе всего идетъ роль обличителя, навязываемая здѣсь ему Гончаровымъ, но зато становится совершенно понятнымъ негодованіе самого писателя, которому критики, въ родѣ Писарева или Шелгунова, не давали покоя, требуя отъ него опредѣленныхъ общественныхъ тенденцій и ясно выраженныхъ нравственныхъ принциповъ. „У большинства,—отвѣчалъ имъ Райскій за Гончарова,—есть *desougar* принциповъ, а сами принципы шатки и рѣдки и украшаютъ, какъ ордена, только привилегированныя отдѣльныя личности. У него есть правила. Отзываются такимъ голосомъ о комъ-нибудь, какъ будто говорить: у него есть шишка на лбу“.

„И, пожалуй, засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и разлитія правилъ въ общественной массѣ и обращеніе ихъ въ принципы—такъ же настоятельно и неотложно, какъ, напримѣръ, на необходимости неотложнаго построенія желѣзныхъ дорогъ. *И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи: еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму увража, не зналъ бы какой-нибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ или важнаго открытія въ физикѣ“.* Райскому обращать подобныя рѣчи, хотя бы мысленно, было

не къ кому и не для чего, но логика ихъ отъ лица Гончарова, котораго все обвиняли, что онъ отсталъ отъ вѣка и не слѣдитъ за новыми теченіями общественной и умственной жизни, совершенно понятна. По-своему, онъ сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію и заодно далъ отвѣды назойливымъ критикамъ изъ журналовъ и публики, выводившимъ его изъ обычнаго кабинетнаго самонаблюденія и зарисовыванія на арену широкой общественной дѣятельности, требующей отзывчивости и подвижнаго нервнаго темперамента.

Недоразумѣніе съ Маркомъ Волоховымъ имѣло и еще одно объясненіе: недостаточность научной подготовки Гончарова для того, чтобы уяснить сложную и противорѣчивую картину борьбы умственныхъ и социально-политическихъ теченій, совершавшейся въ его время. Въ упомянутомъ выше письмѣ Еленевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Гончаровѣ, читавшемъ, въ качествѣ цензора, его рукопись: „Г. Гончаровъ, съ похвальнымъ усердіемъ ревнуя къ буквѣ закона, неумолимо крестилъ все, какъ то, что, дѣйствительно, можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, такъ еще болѣе то, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, пропуская только то, гдѣ именно были самые опасные пункты: слона-то онъ и не замѣтилъ. *Повидимому, онъ весьма мало владѣетъ нашею историческою литературой, не говоря уже о текущей политикѣ*“.

Отзывъ этотъ вполне подтверждается данными его сочиненій.

Для насъ же весьма важенъ тотъ фактъ, что, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, былъ созданъ типъ Марка Волохова и относящаяся къ нему часть сюжета,—на нихъ съ наибольшей яркостью отразилась субъективность писательской натуры Гончарова и существеннѣйшія черты его нѣсколько расплывчатого, но опредѣленнаго по колориту міросозерцанія. Эта опредѣленность колорита была въ ближайшей зависимости отъ глубины и качества его блестящаго художественнаго дарованія.

XXIV.

Если условно предположить, что въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ выразилась дѣловая, служебная сторона личности Гончарова, въ Обломовѣ—домашній обиходъ, отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій явнѣй,—то въ образѣ Райскаго нашелъ себя выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ—воплощеніе художнической натуры писателя. Отъ этого воплощенія

нельзя, конечно, требовать всесторонней полноты и фактической точности; многое въ немъ является плодомъ творческаго измышленія художника, но, съ другой стороны, въ немъ нѣтъ ни одной психологической детали, которая была бы введена съ преднамѣреннымъ умысломъ нарушить автобіографическую близость, ни одной основной черты, которой нельзя было бы разыскать, съ тѣми или иными измѣненіями, въ аналогичныхъ типахъ другихъ романовъ или въ собственныхъ воспоминаніяхъ. Гончарова. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на сравнительной характеристикѣ Гончарова и Райскаго, какъ и на томъ общественномъ значеніи, какое придавалъ ему Гончаровъ въ качествѣ героя „пробужденія“. Непосредственный интересъ заключается для насъ въ тѣхъ общихъ, преимущественно внѣшнихъ приемахъ, изъ которыхъ сказывается представленіе о Райскомъ, какъ о художникѣ, и въ которыхъ, можно думать, отразилась личность самого Гончарова.

Райскій—несомнѣнный художникъ въ душѣ и поэтъ по натурѣ. У него природный эстетическій вкусъ и чуткая отзывчивость на все прекрасное, гдѣ бы оно ни встрѣчалось—въ жизни, въ природѣ, въ искусствѣ. Онъ надѣленъ чрезвычайно тонкой и нервной организаціей, въ высшей степени чувствительной во всякому внѣшнему воспріятію и податливой на впечатлѣнія,—оттого въ немъ такъ неожиданны переходы отъ одной противоположности къ другой, совершающіеся, впрочемъ, легко, безъ болѣзненныхъ разочарованій и недовольства собою.

Фантазія играетъ выдающуюся роль въ творческомъ процессѣ; по высотѣ ея полета иногда можно судить о степени таланта художника. Райскій надѣленъ пылкой фантазіей, но эта фантазія особаго рода. Она не поднимается высоко отъ земли, не создаетъ сверхъестественныхъ образовъ, поражающихъ мысль и чувство своею грандіозностью или причудливостью сочетаній; она носится надъ жизнью невысоко, рѣдко залетаетъ дальше тѣхъ странъ, куда доносить ее читаемая книга, и, отражая ее, раздвигаетъ это изображеніе вширь, растягиваетъ и обобщаетъ конкретныя явленія. Отъ этого въ творческомъ сознаніи Райскаго жизнь не столько является дѣйствительностью, въ ея реальной сущности, сколько творческой матеріей, „эластичной“, ежеминутно принимающей тѣ или другія формы. Нѣтъ точной границы между жизнью и творчествомъ: жизнь незамѣтно переходитъ въ него, по представленію Райскаго,—но и внѣ творчества точно также нѣтъ жизни. Онъ все „чего-то ждалъ впереди—не зная чего, но вздрагивалъ страстно, какъ будто предчувствуя какія-то исполнскія, роскошныя наслажденія, видя тотъ міръ,

гдѣ все слышатся звуки, гдѣ все носятся картины, гдѣ плещеть, играетъ, бьется другая, заманчивая жизнь, какъ въ тѣхъ книгахъ, а не та, которая окружаетъ его". На вопросъ Татьяны Марковны, что онъ пишетъ по ночамъ, Райскій искренно отвѣчаетъ, что онъ и самъ не знаетъ: хочетъ писать жизнь—выходить романъ, начнетъ писать романъ—выходить жизнь... Невольно при этомъ вспоминается и Обломовъ, грустившій о томъ, что сказка не есть жизнь, а жизнь—не сказка...

Свое отношеніе къ жизни Райскій переноситъ и въ область искусства; онъ такъ же смѣется и плачетъ по поводу имъ же вызванныхъ образовъ, такъ же страдаетъ и радуется, живетъ ихъ радостями и скорбями, какъ и въ томъ случаѣ, если бы эти образы стали живыми людьми, и онъ былъ бы связанъ съ ними узами живого непосредственнаго участія въ ихъ положеніи и дѣлахъ.

Въ „Обрывѣ“ есть, между прочимъ, такая сцена: зубоскаль Егорка заглядываетъ, севозъ дверную щель, въ комнату Райскаго въ то время, какъ Райскій, увлеченный страстнымъ желаніемъ воплотить жизнь въ творческія формы, набрасываетъ страницы для будущаго романа и весь отдается ощущеніямъ своихъ героевъ. Егорка видитъ нѣчто странное и дѣлится шопотомъ своими впечатлѣніями съ дворовыми.

Всѣ смотрѣли по очереди въ щель.

„Глядите, глядите, какъ заливается, плачетъ никакъ!—говоришь Егорка, толкая то одну, то другую къ щели.

„— Взаправду плачетъ, сердечный!—сказала жалостно Матрена.

„— Да не хохочетъ ли? — И такъ хохочетъ! Смотрите, смотрите!

„Всѣ трое присѣли и всѣ захихикали“...

Искусство и жизнь является у Райскаго рядомъ не случайно. Автобіографическій элементъ—необходимое условіе его творчества. По понятіямъ Райскаго, написать романъ значитъ слить свою жизнь съ тѣмъ, что, по выраженію Гончарова, къ ней приростало: „смѣшать свою жизнь съ чужой, занести эту массу наблюдений, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ“... Свои художніескія требованія Райскій переноситъ въ жизнь и на послѣднюю смотритъ почти исключительно съ эстетической точки зрѣнія, радуясь тѣмъ явленіямъ, на которыхъ лежала печать красоты, и оскорбляясь разладомъ дѣйствительности съ идеаломъ. Въ творческомъ процессѣ Райскій блаженствуетъ и мучится въ одно и то же время—„радостями и

муками и человека, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой, и когда оба сливаются“. Подмѣчая въ отношеніяхъ къ нему Вѣры насмѣшливыя нотки, онъ огорчается до глубины души не только какъ влюбленный, чувствующій въ тонѣ ея рѣчей насмѣшку надъ его любовью, но и какъ художникъ, обманутый въ своихъ стремленіяхъ къ идеаламъ, въ попыткахъ воплотить въ стройномъ созданіи высочайшіе порывы своихъ думъ.

Самый процессъ работы былъ въ высшей степени увлекателенъ для Райскаго, „какъ процессъ *неумышленного* творчества, гдѣ передъ его глазами пестрымъ узоромъ неслись его собственные мысли, ощущенія, образы“... Жизнь неизмѣнно вторгалась въ его работу и напоминала о себѣ конкретными образами. „Листки эти, однако, мѣшали ему забыть Вѣру, чего онъ искренно хотѣлъ, и питали *страсть, т.-е. воображеніе*“...

Послѣднее поясненіе особенно важно. Страсть здѣсь является въ томъ высшемъ значеніи, которое уже было отмѣчено нами. Поднимаясь надъ жизнью, порождая мечты и порывы къ идеалу, она переходитъ въ вѣщныя творческихъ силъ и знаменуетъ собою то особое возвышенно-тревожное и просвѣтленное состояніе духа, при которомъ жизнь представляется лучшею, чѣмъ она есть въ дѣйствительности и куда отрадво уйти отъ суеты и заботъ реальнаго переживанія повседневныхъ будней. Такое состояніе духа въ прежнее время любили обозначать классическимъ именемъ „паэось“; относительно Райскаго это слово не терпело своего прежняго значенія.

Въ трезвыя минуты, когда Райскій спускался съ облаковъ и умѣлъ находить для своей рѣчи выраженія ясныя и точныя, онъ объяснялъ тайну творчества значительно проще. „Все зависитъ отъ красокъ и немногихъ соображеній ума, яркости воображенія и своеобразія во взглядѣ. Немного юмора, да чувства, и искренности, да воздержанности, да... поэзіи... да еще одно,—спохватывается Райскій—это—талантъ“... Въ поэзіи, въ талантѣ былъ весь секретъ творческой натуры Райскаго; въ Александрѣ Адуевѣ все было, кромѣ таланта, а оттого всѣ его творческія усилія не приводять ни къ чему. „Въ тебя вложили побужденія, а самое творчество, видно, и забыли вложить“, говоритъ ему Петръ Ивановичъ. Если „самое творчество“, талантъ, поэзія являются могучей самодовлѣющей и таинственной силой, не поддающейся вѣншнему учету, то въ ряду соображеній ума на первомъ планѣ стоитъ непосредственное наблюденіе, способность инстинктивно угадывать наиболѣе характерную черту наблюдаемаго явленія. Въ

стремленіи уловить сложныя и разнообразныя впечатлѣнія жизни, отражающіяся въ душѣ художника, Райскій отъ разговоровъ съ окружающими его людьми бросается къ своимъ тетрадямъ и лихорадочно исписываетъ ихъ эскизами, замѣтками, сценами и рѣчами. Собирая матеріалы для будущаго романа, Райскій не упускалъ изъ виду ни одной детали, ни одного ощущенія, въ которомъ отдавалъ себѣ отчетъ какъ художникъ. „Сцены, характеры, портреты родныхъ, знакомыхъ и друзей, женщинъ передѣлывались у него въ типы, и онъ исписалъ цѣлую тетрадь, носилъ съ собой записную книжку, и часто въ толпѣ, на вечерѣ, за обѣдомъ вынималъ клочокъ бумаги, карандашъ, чертилъ нѣсколько словъ, пряталъ, вынималъ опять и записывалъ, задумываясь, забывшаяся, останавливаясь на полусловѣ“... Бросаясь отъ ощущенія къ ощущенію, Райскій, по словамъ Гончарова, ловилъ явленія, берѣгъ и задерживалъ впечатлѣнія почти силою и все чего-то искалъ, къ чему-то стремился, комбинируя и соображая. Въ папкахъ Райскаго были самыя разнообразные матеріалы, лирическія изліянія, налету схваченныя выраженія, юношескіе опыты, даже чужія письма. „Райскій пришелъ къ себѣ и началъ съ того, что списалъ письмо Вѣры слово въ слово въ свою программу, какъ матеріалъ для характеристики“... „Въ краткомъ очеркѣ изобразилъ и Тычкова Райскій въ программѣ своего романа, и *самъ не зналъ—зачѣмъ*“...

Все это было лишь подготовительной работой для творчества, которое должно наступить, казалось Райскому, впоследствии. Отдаленіе отъ пережитыхъ впечатлѣній и ощущеній представлялось ему необходимымъ условіемъ художественности изображенія. „Потомъ, говорилъ онъ,—вдалекѣ, когда отодвинусь отъ этихъ лицъ, отъ своей страсти, отъ всѣхъ этихъ драмъ и комедій,—картина ихъ виднѣе будетъ издалика. Даль одѣнетъ ихъ въ лучи поэзіи; я буду видѣть одно чистое созданіе творчества, одну свою статую, безъ примѣси реальныхъ мелочей“...

Такимъ является Райскій, какъ художникъ-дилеттантъ, и подобныхъ ему, по воспоминаніямъ Гончарова, было не мало въ современномъ ему обществѣ. Онъ даже называлъ ихъ по именамъ: то были — гр. Віельгорскій, Тютчевъ, кн. Одоевскій. По глубинѣ таланта, Гончарова нельзя поставить съ ними на одномъ уровнѣ, но по художническимъ пріемамъ, по отношенію къ процессу творчества и по взглядамъ на искусство Гончаровъ могъ бы къ отмѣченнымъ параллелямъ прибавить и свое имя.

XXV.

Въ своей авторской исповѣди Гончаровъ проводитъ границу между двумя типами художниковъ: у однихъ умъ преобладаетъ надъ фантазіей и чувствомъ, — „тогда идея высказывается нерѣдко помимо образа, и если талантъ не силенъ, она заслоняетъ образъ и является тенденціею“. Созданія такихъ писателей бывають нерѣдко сухи, блѣдны. Они учатъ и увѣряютъ болѣе, чѣмъ шевелятъ воображеніе и чувство. Сочувствіе Гончарова — не на ихъ сторонѣ.

У другихъ — наоборотъ: избытокъ фантазіи и таланта надъ умомъ заставляетъ образъ поглощать въ себѣ значеніе, идею, но зато картина говоритъ за себя и таитъ въ себѣ сокровенный смыслъ, неясный вначалѣ самому художнику и раскрывающійся позже съ помощью тонкихъ критическихъ истолкователей, — „какими были Бѣлинскій и Добролюбовъ“.

И Райскій, и Гончаровъ, принадлежать, несомнѣнно, ко второй категоріи. Послѣдній такъ и говоритъ о себѣ, при чемъ сознается, что онъ увлекается больше всего своей „способностью рисовать“. „Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значить мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ, передъ собою — и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими — слѣдовательно, вижу сцену и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполне, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобъ не забыть, набрасывать сцены, характеры, на листахъ, клочкахъ — и иду впередъ какъ будто оцупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ „Обломовѣ“ и „Обрывѣ“), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ — и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадается подъ руку, т.-е., что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между тѣмъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристають, позвируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ — и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться“.

Не таковъ ли и Райскій съ своей погоней за впечатлѣніями

и стремленіемъ отдавать себѣ художественный отчетъ въ томъ, что пережито и перечувствовано, съ своей фантазіей, варьирующей болѣе воспоминанія прошлаго, чѣмъ творящей новыя формы? „Онъ (Райскій) закроетъ глаза и хочетъ поймать, о чемъ онъ думаетъ, но не поймаетъ: мысли являются и утекаютъ, какъ волжскія струи; только въ немъ точно поетъ ему какой-то голосъ, и въ головѣ, какъ въ какомъ-то зеркалѣ, стоитъ та же картина, что передъ глазами“.

Картина эта по отношенію къ Гончарову заключала въ себѣ прежде всего его самого, а затѣмъ среду, въ которой онъ родился, воспитывался и жилъ. Гончаровъ признается, что „все это, *помимо его сознанія*, само собою отразилось въ его воображеніи, какъ отражается въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна“. Какъ Райскій инстинктивно схватывалъ въ своихъ портретахъ сходство съ оригиналомъ, такъ и Гончаровъ писалъ по преимуществу инстинктомъ, „глядя то въ себя, то вокругъ“. Для Гончарова важно было лишь то, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру. Если въ этомъ направленіи творческая работа совершается правильно и естественно, т.-е. инстинктивно, то образъ непременно восприметъ въ себя черты обобщенія и типа, а если образы типичны, то въ нихъ, по мнѣнію Гончарова, непременно отразится и эпоха, изъ которой они взяты: явленія общественной жизни, нравы и бытъ. Но, стремясь къ обобщенію, которое было для него „второю натурою“, Гончаровъ, по его собственному выраженію, не выдумывалъ ничего: не онъ, а происходившія на глазахъ всѣхъ явленія обобщали его образы.

Однако, изъ этихъ явленій, которыя наблюдалъ Гончаровъ, далеко не всѣ поддавались его творческой кисти. И въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ собой Райскаго. Съ одной стороны, идя вслѣдъ за вѣкомъ, онъ отражалъ въ своей фантазій и мысли новыя вѣянія, а съ другой—подъ перо просились старыя, устоявшія формы, и для него казалось необходимымъ отойти на значительное разстояніе отъ предмета изображенія. Трудно и, по его признанію, просто нельзя рисовать съ жизни, „еще не сложившейся, гдѣ формы ея не устоялись, лица не наслоились въ типы..., можно въ общихъ чертахъ намекать на идею; но писать самый процессъ броженія нельзя“. Новые люди могутъ отражаться, по мнѣнію Гончарова, лишь въ мелкихъ произведеніяхъ-сатирахъ, легкихъ очеркахъ, а не въ большихъ „эпическихкихъ“ романахъ.

„Въ Обрывѣ“ есть страницы, наглядно передающія таинственный переходъ жизни въ творчество, раскрашиваніе мутныхъ и

сѣрыхъ явленій дѣйствительности радужными красками фантазіи. Одна изъ подобныхъ страницъ поразительна по тонкости рисунка, вышитаго по ярко бьющей въ глаза, хотя смягченной обобщеніемъ, автобіографической канвѣ. Райскій, не устоявъ противъ внезапно обрушившихся на него чаръ Ульяны Андреевны, жены Леонтія, и утѣшая себя тѣмъ, что у человѣка нѣтъ воли, а есть параличъ воли, вернулся домой, съ аппетитомъ пообѣдалъ, къ большому удовольствію бабушки, и почувствовалъ въ себѣ позывъ къ творческой работѣ. „Эту главу (любовный эпизодъ) въ романѣ надо выпустить, подумалъ онъ, принимаясь вечеромъ за тетради, чтобы дополнить очеркъ Ульяны Андреевны... а зачѣмъ? лгать, притворяться, становиться на ходули. Не хочу, оставляю какъ есть, смягчу только это свиданіе... приверю нимфу и сатира гириандой“... Затѣмъ Райскій углубляется въ свой романъ. „Передъ нимъ какъ будто проходила собственная его жизнь, разорванная на какіе-то клочки“.

Но Райскій недолго остается на почвѣ художественной правды. Изъ-за его спины выступаетъ Гончаровъ и заставляетъ его сдѣлать неестественный шагъ въ сторону и заговорить—для Райскаго совершенно неожиданно—о читателяхъ, публикѣ, критикѣ. Авторъ рѣшительно забылъ, что Райскій, въ качествѣ типа, есть только дилеттантъ-художникъ, не выходившій за предѣлы эскизовъ и этюдовъ, что онъ никогда ничего не печаталъ и, стало быть, не имѣлъ дѣла ни съ публикой, ни съ критикой. Но самому Гончарову къ тому времени, когда онъ писалъ своего Райскаго, не разъ ставили на видъ, что онъ пишетъ съ себя, — съ его стороны было вполне естественно оградить себя отъ слишкомъ пристального взглядыванія въ личныя основы, служившія родовыми чертами при наростаніи расширенныхъ и обобщенныхъ особенностей типа. „Но вѣдь иной недогадливый читатель подумаетъ, что я самъ такой, и только такой! сказалъ онъ (Райскій), перебирая свои тетради:—онъ не сообразить, что это не я, не Карпъ, не Сидоръ, а типъ; что въ организмѣ художника совмѣщаются многія эпохи, многія разнородныя лица... Чтѣ я стану дѣлать съ ними? Куда дѣну еще десять, двадцать типовъ?“... Не боясь упрековъ въ недогадливости, мы полагаемъ однако, что не сдѣлаемъ большой ошибки, если отнесемъ эти слова непосредственно къ Гончарову и замѣтимъ, что типичность образовъ въ вопросѣ объ ихъ постепенномъ созданіи не только не препятствуетъ, но предполагаетъ необходимымъ внимательное изученіе могущихъ оказаться въ основѣ психологическихъ или индивидуально-бытовыхъ чертъ самого художника.

Райскій не одинъ разъ собирается уѣхать изъ усадьбы, гдѣ онъ пережилъ столько сложныхъ ощущеній, съ тѣмъ, чтобы написать картину застоя, сна и скуки. „Вѣдь жизнь многосторонняя и многообразная, и если, думалъ онъ, и эта широкая и голая, какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежать въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни: что-жъ, пойду, и среди моего романа вставлю широкую и туманную страницу скуки: этотъ холодъ, отвращеніе и злоба, которые вторглись въ меня, будутъ красками и колоритомъ... картина будетъ вѣрна“...

Изображеніе этихъ картинъ, знакомыхъ Гончарову съ дѣтства, было основнымъ предметомъ его творчества; именно на этихъ картинахъ проявилось въ полномъ блескѣ его художественное мастерство. Общественное значеніе ихъ установилось не сразу, между тѣмъ какъ картины, сами по себѣ живыя, полныя, естественныя, дѣйствовали на читателя непосредственно и подчиняли его своему обаянію. Гончаровъ сознается, что онъ былъ счастливъ, когда созданное имъ воплощеніе сна, застоя, неподвижной и мертвой жизни, „переползаніе изъ дня въ день“, было найдено вѣрнымъ, а въ это воплощеніе, по его собственному признанію, было вложено „дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего и себя самого“. Онъ могъ писать только то, что было близкимъ и роднымъ ему, къ чему чувствовалъ „кровную“ любовь. Талантъ былъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ всюду, гдѣ онъ направлялъ его на изображеніе своего „я“ независимо отъ той или другой формы типичности или обобщенія. Но тотъ же талантъ рѣшительно оставлялъ писателя, какъ только Гончаровъ начиналъ изображать несимпатичное ему явленіе и къ изображенію подходилъ не отъ инстинкта, а отъ идеи. Тогда онъ впадалъ въ несвойственный ему публицистическій тонъ, становился резонеромъ и, будучи безсиленъ сдѣлать образъ послушнымъ выраженіемъ предвзятой идеи, приходилъ къ созданію лишенныхъ типичности, а слѣдовательно и общественнаго значенія, фигуръ. Таковъ Маркъ Волоховъ, таковъ же и сухой и безжизненный художникъ Кириловъ, съ его отвлеченной проповѣдью искусства, которое должно быть „строгое“, которому художникъ долженъ отдать все, „исповѣдуя одно ученіе, чувствуя одно чувство, испытывая одну страсть къ искусству“... Если подобныя рѣчи не кажутся сплошь проникнутыми схоластикой профессиональнаго фанатизма, то развѣ потому, что въ

нихъ мелькаютъ неясныя отзвуки искреннихъ и горячихъ статей Бѣлинскаго о значеніи искусства и роли художника въ жизни.

Не задаваясь никакими теоретическими цѣлями въ этой области, Гончаровъ, тѣмъ не менѣе, служилъ искусству всю жизнь и отдалъ ему лучшее, что было въ его распоряженіи: чутвое сердце и высшіе порывы своей мысли. Въ огромномъ трудѣ, положенномъ на воплощеніе своего органическаго влеченія къ искусству, Гончаровъ испыталъ величайшее наслажденіе — проявить свою личность во всей полнотѣ, какая только можетъ быть доступна художнику. И можно съ увѣренностью сказать — до тѣхъ поръ, пока художественная правда картинъ Гончарова будетъ служить неостывающему интересу къ пережитой имъ великой эпохѣ, его личность будетъ привлекать къ себѣ вниманіе, какъ личность писателя, которому удалось, благодаря оригинальнымъ особенностямъ таланта, сдѣлать присущія ей индивидуальныя черты выраженіемъ типичнѣйшихъ явленій общественной жизни.

Евг. Ляцкій.

УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНИИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 903.

Мы могли бы назвать этотъ нашъ романъ историческимъ, такъ какъ такое названіе примѣнимо ко всякому роману изъ жизни нашихъ колоній. Одна изъ такихъ колоній, Вайомингъ, еще недавно, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, была такою же дикою мѣстностью, какъ Виргинія, за сто лѣтъ передъ тѣмъ.

Если вы отправитесь сегодня изъ Нью-Йорка или Санъ-Франциско въ десять часовъ утра, то послѣ-завтра въ полдень прибудете въ Чейенну и очутитесь въ самомъ центрѣ изображаемаго нами міра. Но тщетно вы будете осматриваться, желая сравнить извѣстныя вамъ отношенія съ современной дѣйствительностью. Тотъ міръ исчезъ безслѣдно,—и остаются одни воспоминанія о немъ. Горы, конечно, остались все тѣ же, далекія и сіяющія; тотъ же свѣтъ солнца и безконечныя пространства земли; тотъ же воздухъ, вѣчный источникъ юности,—но гдѣ же буйволы и дикія антилопы, гдѣ же табунщикъ со своими безчисленными стадами? Преріи остались до такой степени нетронутыми, что вы невольно ждете откуда-нибудь появленія табунщика. Но онъ никогда больше сюда не покажется; онъ принадлежитъ невозвратному прошлому.

Что же случилось съ этимъ табунщикомъ, съ погонщикомъ буйволовъ, съ этой послѣдней интересной фигурой, рожденной

на здѣшной почвѣ? Все, чего онъ добивался,—онъ добивался собственной силой и ловкостью. Хлѣбъ свой онъ зарабатывалъ своими руками, и также тратилъ свой заработокъ, иногда прокучивая полу-годовую плату въ одну ночь. Но тѣмъ не менѣе онъ останется въ нашей памяти навсегда.

Необузданная жизнь табунщика не лишала его человѣческаго достоинства. Если онъ, бывало, дасть слово, то и держать его. Потомъ этотъ типъ табунщика сталъ перерождаться въ иной типъ, и въ переходномъ состояніи производилъ уже неприятное впечатлѣніе, какъ природа, когда зима какъ будто ушла, а весна еще не появилась.

I.

Какое-то интересное зрѣлище привлекло къ окну всѣхъ пассажировъ, и мужчинъ, и женщинъ, и я также всталъ и перешелъ на другую сторону вагона, желая посмотрѣть, что случилось. Я увидалъ возлѣ полотна желѣзной дороги огороженное мѣсто. Вокругъ него стояли люди и смѣялись, а внутри вздымалась пыль, и въ облакѣ пыли скакали, толкались и изъ стороны въ сторону бросались лошади. Это была ловля кобылицъ въ загонѣ, и одну изъ нихъ невозможно было поймать, кто бы ни забрасывалъ арканъ. Поѣздъ, который долженъ былъ насъ доставить на станцію Медисинъ-Боу, опоздалъ на шесть часовъ, и мы были очень рады неожиданному для насъ развлеченію.

Пони отличалась умомъ и проворствомъ. Какъ искусный и опытный боецъ, она не спускала ни на мгновеніе тревожныхъ глазъ со всякаго, кто брался за арканъ. Конюхъ могъ притворяться, что любитъ мѣстностью, которая была очень хороша, или дѣлать видъ, что занятъ серьезнымъ разговоромъ съ однимъ изъ зрителей—ничто не помогало. Лошадка все видѣла и навѣрное отлично знала свѣтъ и людей. Арканъ взвивался и падалъ, но она была уже далеко, и еслибы лошади умѣли хохотать, то въ загонѣ раздавался бы самый веселый смѣхъ. Сквозь оконныя стекла нашего „пульманскаго“ вагона, до насъ доносился подзадоривающій, злорадный гулъ копытъ и вѣрные слова конюховъ. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ человѣка, сидѣвшего на высокой изгороди загона и глядѣвшаго внизъ. Я обратилъ на него вниманіе, потому что онъ вдругъ соскочилъ на землю мягкимъ движеніемъ, напоминающимъ тигра, такъ плавно и легко, какъ будто всѣ мускулы свободно скользили у

чего подъ кожей. Когда его товарищи забрасывали лассо, видно было, какъ они свертывали его въ рукахъ. Движенія его рукъ я не замѣтилъ. Казалось, онъ спустилъ лассо вдоль своей ноги. Но вдругъ неожиданнымъ змѣинымъ движеніемъ петля вытянулась во всю длину, упала какъ разъ туда, куда было нужно—и дѣло было сдѣлано. Въ ту минуту, когда пойманная лошадь остановилась со смиреннымъ видомъ, съ какимъ ханжи входятъ въ церковь, нашъ поѣздъ медленно двинулся, и одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:—Вотъ, этотъ знаетъ свое дѣло!—Дальнѣйшихъ замѣчаній по поводу видѣннаго я не могъ слышать, потому что очень скоро поѣздъ подошелъ къ станціи Медисинъ-Боу. Я простился съ моими спутниками, вышелъ изъ вагона и очутился среди чуждой мнѣ обширной страны, славившейся скотоводствомъ. И тутъ, черезъ какія-нибудь десять минутъ, я узналъ новость, заставившую меня почувствовать всю глубину моего одиночества. Мой багажъ былъ потерянъ. Онъ не попалъ на мой поѣздъ, и по волѣ случая застрялъ въ одномъ изъ пунктовъ, на протяженіи двухъ тысячъ миль, остававшихся позади меня. Кондукторъ, завѣдывавшій багажемъ, объявилъ мнѣ въ видѣ утѣшенія, что пассажиры часто разъѣзжаются со своими вещами, но по большей части вещи находятъ своихъ владѣльцевъ по прошествіи нѣкотораго времени. Ободривъ меня такимъ образомъ, онъ принялся за свое дѣло, а я какъ былъ, такъ и остался въ той же позѣ среди багажного отдѣленія станціи. Я стоялъ среди чужихъ корзинъ и ящиковъ, смущенно держа въ рукахъ свою квитанцію; разсерженный и растерянный, я равнодушно глядѣлъ въ дверь на небо и равнину, и не видѣлъ, какъ проносились по преріи антилопы и какъ величественно садилось солнце въ Вайомингѣ. Раздосадованный, я ничего не замѣчалъ вокругъ себя, и все думалъ о случившейся со мной непріятности. Я помнилъ только одно то, что потерялъ вещи. Вдругъ со стороны платформы раздался тихій голосъ:

— Собираетесь *опять* жениться? Ахъ, зачѣмъ! — Произношеніе было южное, мягкое, и протяжное. Тотчасъ же прозвучалъ отвѣтъ, произнесенный надтреснутымъ голосомъ:

— Совсѣмъ не „опять“. Кто говорить „опять“? И кто вообще могъ это вамъ сказать?

Первый голосъ отвѣчалъ ласковымъ тономъ:

— Я вижу это по вашему праздничному костюму, дядя Югей.

— Отстань, не приставай ко мнѣ! — отрѣзалъ съ раздраженіемъ дядя Югей, но первый голосъ продолжалъ ласково:

— Это у васъ тѣ же самыя перчатки, что вы надѣвали, когда вѣнчались въ послѣдній разъ.

— Не приставай ко мнѣ! Надоѣло! Не смѣй ко мнѣ приставать!—закричалъ дядя Югей. Я совершенно забылъ о своемъ чемоданѣ, и желалъ только, чтобы этотъ разговоръ продолжался. Въ жизни своей я не слыхалъ ничего подобнаго. Я подошелъ къ двери и выглянулъ на платформу. Тамъ, небрежно упершись въ стѣну, стоялъ стройный молодой гигантъ, въ полномъ смыслѣ красавецъ. Его мягкая широкополая шляпа была сдвинута на затылокъ. Темнокрасный платокъ свободно облегалъ шею, и концы его свѣшивались на грудь, а большой палецъ одной руки былъ засунутъ за широкій поясъ съ ладункой, застегнутый въ талии. Было видно, что онъ только-что проѣхалъ много миль: сапоги его были сѣры отъ пыли, куртка тоже, а смуглое лицо просвѣчивало сквозь слой пыли, какъ спѣлый персикъ въ сухое лѣто выглядываетъ изъ запыленной листвы. Но ни слѣды далекаго пути, ни неряшливость костюма не могли помрачить сѣня его юности и могучей красоты. Старикъ, котораго привели въ такое раздраженіе замѣчанія молодого человѣка, былъ тщательно причесанъ и разодѣтъ, какъ настоящій женихъ, но, на мѣстѣ невѣсты, я все-таки предпочелъ бы молодого, съ его пылью и загаромъ лица.

— Чего вы только не навѣсили на себя!—продолжалъ между тѣмъ молодой человѣкъ съ восхищеніемъ.—Могу я узнать имя новой счастливицы?

Старикъ весь задрожалъ отъ гнѣва.

— Я вамъ говорю, что никакой новой счастливицы нѣтъ! За мормона вы меня, что-ли, принимаете? Въ такомъ случаѣ назовите моихъ женъ. Двухъ назовите. Ну, хоть одну. Попробуйте!

— А вдова изъ Ларами, согласившаяся стать...

— Это вздоръ!

— И только докторъ предписалъ ей южный климатъ и...

— Пустяки! Выдумщикъ вы.

— Только ея слабыя легкія и явились препятствіемъ. А потомъ вы бы соединились узами брака съ Кэттъ Кэтъ, но только...

— Я говорю вамъ, что вы выдумщикъ!

— Но только она повѣсилась.

— Но гдѣ же мои жены? Укажите мнѣ женъ!

— А эта откормленная толстуха, которой вы подарили канарейку...

— Я не женился же на ней. Никогда бы не женился...

— Но вы были такъ близки къ этому, дядя! Еще она оста-

вила вамъ письмо съ извѣщеніемъ, что выходитъ замужъ за молодого картежника, какъ разъ наканунѣ вашей предполагавшейся свадьбы, и что она никогда, никогда не будетъ забывать кормить канарейку.

— Щеновъ вы и больше ничего! — сердито заявилъ старикъ.

— А какъ здоровье той несчастной... — продолжалъ его мучитель, не измѣняя серьезнаго выраженія лица и тономъ нѣжнаго состраданія.

— Великолѣпно! Оскорбляйте! Оскорбляйте бѣдную больную женщину!

— Оскорблять! О, нѣтъ, дядя Югей, я былъ такъ радъ, когда къ ней стала возвращаться память. Послѣдній разъ мы говорили, что она поправляется, вспомнила своего отца, мать, братьевъ и сестеръ, и свое счастливое дѣтство, и все вообще, кромѣ вашего лица.

— Это доказываетъ, какъ вы много знаете! — закричалъ дядя Югей своимъ рѣзкимъ, трескучимъ голосомъ. — Вотъ! Вотъ извольте посмотрѣть! Вотъ кольцо, которое она мнѣ отослала, такъ какъ слишкомъ слаба, чтобы выходить замужъ. А по вашему она меня не помнитъ? Не правда ли? Ха, ха! Я всегда говорилъ, что вы выдумщикъ.

Въ голосѣ южанина послышалась тревога.

— Такъ, значить, вы отдадите это кольцо слѣдующей! — воскликнулъ онъ. — О, не женитесь опять, дядя Югей! И къ чему вамъ жена!

— Къ чему жена? — повторилъ презрительно женихъ. — Гм! Когда вы вырастете, то заговорите другое.

— Конечно, съ годами взгляды мѣняются. Я думаю, какъ двадцатичетырехъ-лѣтній, а вы — какъ шестидесяти-лѣтній.

— Пятидесяти-лѣтній! — выкрикнулъ, подпрыгнувъ, дядя Югей.

— Какъ это я могъ забыть, что вамъ пятьдесятъ лѣтъ! — пробормоталъ южанинъ, обращаясь какъ бы съ упрекомъ къ самому себѣ. — Вѣдь вы цѣлыхъ десять лѣтъ твердите это нашимъ ребятамъ!

Въ эту минуту подошелъ восточный поѣздъ, и Югей вскочилъ въ вагонъ. Онъ могъ бы и раньше избавиться отъ своего мучителя, но въ его возрастѣ всякіе разговоры о любовныхъ дѣлахъ лстятъ самолюбію, и онъ готовъ былъ бы продолжать его до безконечности, хотя видимо раздражался и сердился.

Восточный поѣздъ ушелъ по тому направленію, откуда я пріѣхалъ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ сталъ уменьшаться,

сдѣлался совсѣмъ маленькимъ въ безконечной безднѣ пространства, пока совсѣмъ не исчезъ, оставивъ за собою только легкую полоску дыма на вечернемъ небѣ. Мнѣ опять вспомнился потерянный чемоданъ, и Медисинъ-Боу показался одинокимъ и неуютнымъ мѣстомъ. Какимъ образомъ могъ я найти помѣстье судьи Генри? Въ какой части этой неприглядной пустыни находилась „Глубокая Рѣчка“? Насколько я могъ замѣтить—никакой рѣчки и даже вообще никакой воды кругомъ не было. Мой знакомый написалъ мнѣ, что встрѣтитъ меня на станціи и ответитъ въ свое помѣстье. Но его не было, а его помѣстье почти навѣрное находилось такъ далеко, что невозможно было отправляться туда вечеромъ. Я стоялъ въ печальномъ раздумьи, и вдругъ почувствовалъ, что высокій молодой человѣкъ смотритъ на меня съ той же серьезностью, съ какою онъ смотрѣлъ на дядю Югея во время ихъ замѣчательнаго разговора. Мнѣ даже стало непріятно отъ этого пристальнаго взгляда, потому что я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія очутиться въ положеніи дяди Югея.

— Мнѣ думается, я посланъ именно васъ встрѣтить, сэ! ¹⁾— произнесъ наконецъ высокій молодой человѣкъ.

II.

Мы не можемъ видѣть самихъ себя со стороны, и поэтому я не знаю, что за лицо я состроилъ, услыхавъ обращенныя ко мнѣ слова.

— Думается мнѣ, я посланъ именно вамъ на встрѣчу, сэ! — повторилъ высокій молодой человѣкъ вѣжливо.

— Я жду судью Генри,—отвѣтилъ я, наконецъ.

Онъ направился ко мнѣ, и я увидалъ, что въ дѣйствительности онъ не былъ такимъ гигантомъ, какимъ казался. Въ немъ было не болѣе шести футовъ. Это рядомъ съ дядей Югеемъ онъ казался каланчой. Но во всей его внѣшности было нѣчто внушительное, что должно было дѣйствовать одинаково и на мужчинъ, и на женщинъ.

— Судья послалъ меня за вами, сэ, — пояснилъ онъ и подалъ мнѣ письмо. Еслибъ я самъ не былъ свидѣтелемъ его шутовскихъ продѣлокъ съ дядей Югеемъ, то ни за что не повѣрилъ бы, что онъ способенъ на подобныя выходки. Вся его

¹⁾ Вмѣсто „сэръ“. Смягченное южное произношеніе.

внѣшность свидѣтельствовала о глубоко-серьезномъ характерѣ. Но такъ какъ я присутствовалъ при его шуткахъ, и, слѣдовательно, узналъ его по существу, а не такимъ, какимъ онъ казался по внѣшности, то я рѣшилъ допустить нѣкоторую свободу въ обращеніи съ нимъ. Было такъ пріятно принять нѣсколько фамиллярный тонъ съ огромнымъ незнакомцемъ, который, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать васъ выстрѣлами, любезно передаетъ вамъ письмо.

— Вы изъ старой Виргиніи, я полагаю?—началъ я.

— Ваше предположеніе вполне основательно, сэ,—отвѣтилъ онъ не спѣша.

Я почувствовалъ, что моя развязность какъ будто поубавилась, но продолжалъ, все еще не унывая, свой допросъ:

— Много здѣсь такихъ чудаковъ, какъ дядя Югей?

— Да, сэ, кругомъ повсюду множество чудаковъ. Они являются сюда съ каждымъ поѣздомъ.

Тутъ ужъ я совсѣмъ бросилъ свою методу свободного обращенія.

— Было бы желательно, чтобы чемоданы также приходили съ каждымъ поѣздомъ, — сказалъ я, и сообщилъ ему о моемъ приключеніи. Нельзя было ожидать, чтобы моя потеря произвела на него глубокое впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ онъ отвѣтилъ вполне вѣжливо:—„мы подождемъ вашъ чемоданъ въ городѣ“. То понятіе, какое я успѣлъ составить себѣ объ этомъ „городѣ“, для моихъ непривычныхъ глазъ было такъ ужасно, что я, конечно, предпочелъ бы провести ночь въ помѣстьѣ судьи.

— А мы не можемъ выѣхать сегодня же вечеромъ?—спросилъ я.—Я могу обойтись день или два безъ чемодана. Можетъ быть, мы не слишкомъ запоздаемъ, если выѣдемъ немедленно...

Я остановился, замѣтивъ, съ какимъ удивленіемъ онъ на меня смотритъ.

— Намъ нужно сдѣлать двѣсти-шестьдесятъ-три мили, — проговорилъ уроженецъ Виргиніи и, не обращая вниманія на мои восклицанія, продолжалъ:—Ужинъ теперь ужъ вѣрно готовъ. —Онъ взялъ мой ручной чемоданчикъ, и я молча послѣдовалъ за нимъ въ ресторанъ. Я былъ пораженъ. Дорогой я прочелъ письмо судьи. Онъ жалѣлъ, что не могъ встрѣтить меня лично, такъ какъ его задержали по дѣлу, и посылалъ за мною вѣрнаго человѣка, которому и было поручено меня доставить. Всѣ они ждали меня съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ и все.

Да, я былъ пораженъ. Какимъ образомъ измѣрялись разстоянія въ этой странѣ? Съѣздить въ сосѣдній городъ—это значило

путешествовать Богъ вѣсть сколько дней. Сколько же миль считалось у нихъ дальнимъ разстояніемъ? Но я воздержался и не сталъ разспрашивать „вѣрнаго человѣка“. Мнѣ не везло съ разспросами. Чтò, собственно, я сдѣлалъ такого, чтò вызвало замѣчаніе о чудакахъ, пріѣзжающихъ съ каждымъ побѣдомъ? Такъ какъ его выслали меня встрѣтить, то онъ и исполнилъ порученіе, и даже несъ мой чемоданчикъ, но не допускалъ шутокъ съ моей стороны. Своею холодной вѣжливостью онъ поставилъ преграду между мною и собою, и никакой утонченно-свѣтскій человѣкъ не сумѣлъ бы сдѣлать это лучше, чѣмъ это красивое, не вполне грамотно выражавшееся дитя природы. Въ чемъ же тутъ было дѣло? Я поглядѣлъ на него, и вдругъ мнѣ стало ясно. Если бы онъ попробовалъ быть со мною фамиллярнымъ въ первые минуты нашего знакомства, это разсердило бы меня. По какому же праву я позволилъ себѣ это по отношенію къ нему? Въ этомъ былъ оттѣнокъ покровительства, и въ этомъ случаѣ изъ насъ двухъ онъ поступилъ болѣе по-джентльменски. Въ этомъ заключалась правда, которой я вѣрилъ на слово, но которую до тѣхъ поръ мнѣ не случалось провѣрять на практикѣ. Качества, необходимыя по нашему мнѣнію для джентльмена, глубоко заложены въ сердцахъ тысячи людей, лишенныхъ возможности, благодаря условіямъ своего рожденія, пріобрѣсти внѣшніе признаки этого типа.

То, чтò у нихъ называлось „городомъ“, нравилось мнѣ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше я смотрѣлъ на него. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и проводить ночи во многихъ подобныхъ городахъ. Они разбросаны на огромномъ пространствѣ по границѣ отъ Колумбіи до Рио-Гранде и отъ Миссури до Сіерры. Всѣ они удивительно похожи другъ на друга. Ихъ дома, тѣсныя лавки и всякая рухлядь—все это создано по одному и тому же безобразному образцу. Кажется, что вѣтеръ занесъ ихъ сюда, и они ждутъ, когда онъ сдуетъ ихъ опять. Но надъ всѣмъ ихъ безобразіемъ и грязью разлитъ чистый и спокойный свѣтъ, какого никогда не найдешь на Востока; они купались въ воздухѣ перваго дня творенія, и подъ солнцемъ и звѣздами проходили ихъ дни и ночи, дивные и чистые.

Медисинъ-Боу былъ первый подобный городъ, какой мнѣ пришлось увидать, и я замѣтилъ его величину и то, что весь онъ состоялъ изъ двадцати-деяти построекъ, одного угольнаго склада, одного водоема, станціи, одного магазина, двухъ гостинницъ и одного стойла для коромежи скота. И эта-то жалкая грязная дыра еще заботилась о своей внѣшности. У многихъ

домовъ былъ сдѣланъ фальшивый фронтонъ, чтобы придать имъ видъ двухъ-этажныхъ. Они выставляли на показъ свои стѣны и крыши съ торчащими оловянными трубами, а тутъ же возлѣ ихъ дверей начинались цѣлые потоки хрустальнаго свѣта, тянулись безконечныя пространства земли. Среди необъятныхъ пространствъ вилась дорога, взбѣгала на холмъ, сбѣгала съ него, теряясь изъ вида, и снова появлялась, сдѣлавшись отъ разстоянія тоненькой чертой, исчезала опять и опять показывалась, едва замѣтная для глаза, и, наконецъ, исчезала совсѣмъ.

Кто-то обратился съ привѣтствіемъ къ моему провожатому. Человѣкъ этотъ появился въ дверяхъ одного изъ домовъ и сдѣлалъ движеніе рукой по направленію шапки южанина. Молодой человѣкъ увернулся отъ руки; я опять увидалъ плавное движеніе, напоминающее тигра, и понялъ, что мой провожатый былъ не кто иной, какъ человѣкъ, такъ ловко накинувшій лассо на шею лошади въ загонѣ.

— Какъ поживаешь, Стивъ?—спросилъ онъ появившагося товарища свободнымъ дружескимъ тономъ. Съ нимъ онъ допустилъ бы взаимную фамильярность въ обращеніи.

Стивъ взглянулъ на меня, отвернулся и ничего не сказалъ. Но и этого было достаточно. Никогда еще я не чувствовалъ себя до такой степени чужимъ среди окружающихъ меня людей. Но они мнѣ нравились, и мнѣ хотѣлось, чтобы и я имъ нравился.

— Только-что пріѣхалъ въ городъ?—спросилъ Стивъ.

— Съ полудня здѣсь. Дождался поѣзда.

— Уѣзжаешь сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, думаю, завтра.

— Всѣ кровати заняты, — сказалъ Стивъ. Это замѣчаніе относилось ко мнѣ.

— Вотъ тебѣ разъ!—произнесъ я.

— Но я думаю, что одинъ изъ пріѣзжихъ уступить вамъ половину своей кровати. — Мнѣ казалось, что Стивъ надсмѣхается надъ мной. У него самого было сѣдло и одѣяло, такъ что для него отсутствіе кровати ничего не значило.

— А кто эти пріѣзжіе?—спросилъ виргинецъ.

— Два еврея, продавцы сигаръ, одинъ американецъ, торгующій средствомъ отъ чахотки, и одинъ голландецъ, продающій драгоцѣнные камни. Американецъ-то, вѣжета, всѣхъ чаще моется.

— Это мнѣ все равно, мнѣ нужно цѣлую кровать.

— Ну, тогда смастери ее себѣ самъ.

— Вотъ еще!—произнесъ увѣренно виргинецъ:—я добуду

себѣ его врать безъ всякихъ хлопотъ. Хочешь держать пари на выпивку для всей компаніи?

— А пожалуй что я и проиграю!—сказалъ Стивъ, ласково улыбаясь ему.—Ты вѣдь мастеръ штуки откалывать, этакій ты..... Ну, до скорого свиданья! Мнѣ нужно пойти подковать мою лошадь.

Я ждалъ, что виргинецъ свалитъ его ударомъ на землю. Стивъ обозвалъ его самымъ оскорбительнымъ словомъ, но, очевидно, онъ ничего дурного не думалъ и никакого оскорбленія не было,—скорѣе даже былъ сказанъ комплиментъ. Я попалъ въ совершенно неизвѣстный для меня міръ, и всевозможныя неожиданности сыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

— Не хотите ли прежде всего умыться, сэръ?

Мы подошли къ дверямъ ресторана, и онъ поставилъ мой чемоданчикъ на полъ. Съ истинно младенческою наивностью я сталъ оглядываться, ища принадлежностей умыванья.

— Умыванье здѣсь, снаружи,—замѣтилъ онъ мнѣ серьезно, но съ сильнымъ южнымъ акцентомъ. Внутренняя веселость, казалось, усиливала и подчеркивала мѣстные особенности его рѣчи. Въ другихъ же случаяхъ грамматическія неточности въ его произношеніи становились едва замѣтными.

Справа отъ меня стояло корыто, все осклизлое отъ мыльной воды, а надъ нимъ на валикахъ висѣла тряпка самого непригляднаго свойства. Виргинецъ потянулъ ее, но, не найдя ни одного сухого и чистаго мѣстечка, сваялъ шляпу и просунулъ голову въ дверь.

— Сударыня,—произнесъ онъ:—ваше полотенце пользовалось слишкомъ большимъ успѣхомъ.

Къ намъ вышла хозяйка, прехорошенькая женщина. Она устремила взоръ сначала на него, потомъ на меня—съ неодобреніемъ—и потомъ снова на его черные волосы.

— Полотенца мѣняются разъ въ день,—сказала она,—но когда гости слишкомъ брезгливы. —Она довершила свои слова тѣмъ, что взяла грязное полотенце и замѣнила его чистымъ.

— Благодарю васъ, сударыня,—вѣжливо сказалъ табунщикъ. Она еще разъ взглянула на его черные волосы и, ни слова не говоря, вернулась къ своимъ ужинающимъ гостямъ.

Онъ налилъ мнѣ изъ колодца воды въ почти пустое ведро, стоявшее въ корытѣ. Въ томъ же корытѣ валялось сколько-нибудь мыло, но я досталъ собственное. Смывъ съ себя по возможности слѣды путешествія, я занялъ свое мѣсто за общимъ столомъ.

Ужинъ состоялъ изъ солонины. По поводу нея одинъ изъ моихъ сосѣдей сдѣлалъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе:

— Когда жуешь ее, то кажется, что зубы ударяются о деревянную койку.

Намъ подали какой-то странный кофе и стущенное молоко, а такого количества мухъ я еще никогда не видывалъ. Я не дѣлалъ попытокъ заводить разговоръ, не замѣчая ни въ комъ особаго сочувствія, и не зная, что мое молчаніе и сосредоточенное вниманіе къ солоникѣ было вполне оцѣнено табунщиками, по сравненію съ излишней болтливостью остальныхъ путешественниковъ. Когда появился за столомъ виргинецъ, наступило небольшое молчаніе. Онъ совершилъ чудеса въ корытѣ, почистилъ свой костюмъ щеткой и былъ опрятнѣе насъ всѣхъ. Кивнувъ головой другимъ табунщикамъ, онъ спокойно усялся за ужины. Но молчаніе несвойственно странствующимъ торговцамъ. Одинъ изъ нихъ, присмотрѣвшись къ южанину, сдѣлалъ опрометчивое заключеніе, что понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло:

— Добрый вечеръ, — произнесъ онъ весело.

— Добрый вечеръ, — отвѣчалъ виргинецъ.

— Только-что прибыли въ городъ? — продолжалъ торговецъ.

— Только-что прибылъ въ городъ, — вѣрачиво подтвердилъ южанинъ.

— Шибко ли идетъ у васъ торговля скотомъ?

— Ничего! — Виргинецъ положилъ себѣ еще солонины.

— Дѣла во всякомъ случаѣ развиваются въ васъ аппетитъ, — находчиво сказалъ торговецъ. Южанинъ выпилъ свой кофе, и хозяйка, не дожидаясь, чтобы онъ попросилъ, налила ему вторично.

— Я соображаю, что я васъ раньше встрѣчалъ, — заявилъ торговецъ.

Южанинъ на одно мгновеніе поднялъ на него глаза.

— Ну что, не узнаете? Вы не бывали въ Чикаго? Не припоминаете?

— Нѣтъ, не припоминаю.

— Ну вотъ! Я знаю, что вы были въ Чикаго. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ. А можетъ быть и два года. Я всегда путаю время. Но на лица у меня память удивительная. Да-съ, мы съ нимъ встрѣчались, — прибавилъ онъ, обращаясь уже ко всей компаніи. — Удивительно, какъ свѣтъ малъ! Разъ видѣлъ человека, и можешь быть увѣренъ, что гдѣ-нибудь опять его встрѣтишь.

Южанинъ не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ его болтовнѣ, и былъ всецѣло поглощенъ ѣдой. Торговецъ бросилъ черезъ столъ сигару къ тарелкѣ виргинца.

— Продаете?—спросилъ тотъ.

— Да, и недурно идетъ, дружище. Гаванскій табакъ и самыя толстыя сигары, которыя можно имѣть за пять центовъ... Возьмите ее, попробуйте, закурите, посмотрите, какъ горитъ,— и онъ протянулъ ему коробочку спичекъ.

Виргинецъ бросилъ ему черезъ столъ монету въ пять центовъ.

— О, нѣтъ, другъ мой! Отъ васъ—ни за что! Вѣдь я же помню отлично ваше лицо. Вѣдь мы же встрѣчались въ Чикаго.

— Можетъ быть,—произнесъ южанинъ.—Я иногда совсѣмъ не обращаю вниманія на то, что у меня передъ глазами,—и при этомъ онъ сталъ внимательно присматриваться къ другому американскому торговцу, у котораго хотѣлъ отобрать кровать въ свое безраздѣльное пользованіе. Это былъ болѣе умный и не такой болтливый человѣкъ. Я заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхъ предпріятія, задуманнаго виргинцемъ, но меня очень интересовало узнать, какъ онъ доведетъ дѣло до конца. Любезно глядя на свою будущую жертву, южанинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно патентованныхъ средствъ. Въ рукахъ умѣлаго человѣка они должны были, по его мнѣнію, приносить большую выгоду. Жертва его была польщена. Никто изъ сидѣвшихъ за столомъ не удостоился столькихъ замѣчаній отъ южанина. У нихъ завязался разговоръ. Я не зналъ, что это входило въ его сатанинскій умыселъ, но Стивъ вѣроятно догадался, въ чемъ дѣло. Онъ просунулъ голову въ столовую, взглянулъ на говорившихъ и, произнесъ громко: „я проигралъ!“, снова захлопнулъ дверь.

— Что это онъ проигралъ?—спросилъ торговецъ.

— О, не обращайтесь на него вниманія! — протянулъ южанинъ.—Онъ большой путешникъ, но вполне безобидный. Однако, я пойду покурить,—прибавилъ онъ:—здѣсь не разрѣшается?— съ послѣдними словами онъ любезно обратился къ хозяйкѣ. Она отрицательно покачала головой и прослѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся за дверью.

Предоставленный самому себѣ, я пошелъ обозрѣвать окрестности. Стивъ былъ правъ,—всѣ кровати были заняты, но когда я заглянулъ въ то помѣщеніе, гдѣ находились постели, то пересталъ соврѣшаться о томъ, что ни одна изъ нихъ мнѣ не достанется. И одному-то спать на ней не представлялось особенно соблазнительнымъ, а ужъ вдвоемъ!..

— Передъ самымъ носомъ отняли у насъ кровати,—сказалъ, подходя ко мнѣ, виргинецъ,—и вотъ, поглядите, доказательства ихъ правъ.

На каждой кровати лежала какая-нибудь принадлежность туалета. Вошелъ желѣзно-дорожный чиновникъ и сталъ раздѣваться, хотя еще не стемнѣло. Все его раздѣванье состояло въ томъ, что онъ снялъ сапоги, а куртку положилъ себѣ подъ голову. Его занятія начинались въ три часа утра, и подъ нашъ разговоръ онъ уже захрапѣлъ.

— Содержатель здѣшняго магазина мой пріятель,—сказалъ южанинъ,—вы отлично устроитесь у него на прилавкѣ.

— Чтò, ищете себѣ кровать?—спросилъ, подходя, американскій торговецъ.

— Да, вотъ онъ ищетъ себѣ кровать,—раздался сзади голосъ Стива.

— Только, кажется, напрасно время теряю,—замѣтилъ южанинъ. Онъ задумчиво и озабоченно переводилъ глаза съ одной кровати на другую.

— Вотъ эта моя,—сказалъ торговецъ и сѣлъ на кровать,—съ меня довольно и половины.

— Вы, конечно, очень добры,—произнесъ табунщикъ,—но я не хочу васъ стѣснять.

— Ничего,—настаивалъ торговецъ,—вы меня избавите отъ неизвѣстнаго сосѣда: вѣдь это настоящая лотерея,—не знаешь, на кого попадешь.

— Ну, развѣ что такъ,—произнесъ виргинецъ съ мастерски разыгранной неувѣренностью и смущеніемъ.

— Именно такъ. Вы такой чистоплотный! Можете лечь, когда захотите, старина!

Послѣднее слово было фамильярно и безтактно. Торговецъ этого не понималъ, но обитатели прерій—народъ гораздо болѣе чуткій.

Однако южанинъ и виду не показалъ, что ему непріятенъ этотъ фамильярный тонъ его жертвы.

— Ну, я вамъ очень благодаренъ,—произнесъ онъ ласково,—и черезъ нѣсколько времени воспользуюсь вашимъ любезнымъ предложеніемъ.

Послѣ этого вся компанія отправилась въ магазинъ, и здѣсь я устроилъ себѣ все на ночь. Магазинъ былъ самымъ чистымъ мѣстомъ въ Медисинъ-Боу, а его обладатель оказался очень любезнымъ человѣкомъ и предоставилъ въ мое распоряженіе оба прилавка. Съ той стороны, гдѣ находились бакалейные товары, лежалъ сыръ, слишкомъ большой и слишкомъ ароматный, чтобы по близости удобно было спать, и поэтому я выбралъ прилавокъ, находившійся возлѣ колоніальныхъ товаровъ. Чтобы было мягко

лежать, мнѣ разостлали толстыя одѣяла и единственнымъ условіемъ поставили, чтобы я, ложась, снялъ сапоги, такъ какъ одѣяла были новыя, чистыя и предназначались для продажи.

— Будутъ сегодня играть въ карты?—спросилъ виргинецъ.

— Да,—отвѣчалъ Стивъ,—пріѣзжіе собираются играть.

— Я тоже пойду, немного поиграю,—сказалъ южанинъ, но, прежде чѣмъ идти, сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія для игры въ покеръ, а именно: вынулъ изъ футляра пистолетъ, сунулъ его между поясомъ и курткой и застегнулъ жилетъ. Между тѣмъ возлѣ дверей собрались всѣ странствующие торговцы. Они повончили всѣ свои дѣла и пришли поболтать.

— До скорого свиданья, старина,—сказалъ американецъ, обращаясь къ проходившему мимо южанину.

— Да, да,—подтвердилъ его будущій сосѣдъ по постели и пошелъ дальше.

Торговецъ съ торжествующимъ видомъ подмигнулъ своимъ товарищамъ, указывая запрокинутымъ большимъ пальцемъ на удалявагося.

— Отлично мы съ нимъ поладили,—замѣтилъ онъ:—съ нимъ легко, надо только знать, какъ за него взяться. Вотъ и все.

— А какъ ее зовутъ?—спросилъ кто-то, возобновляя прерванный разговоръ.

— Кого?

— Да эту женщину, содержательницу ресторана?

— Глэнъ, м-съ Глэнъ. Она мѣсяцъ какъ пріѣхала сюда съ мужемъ. Онъ служитъ кондукторомъ на товарныхъ поѣздахъ.

— А она довольно привлекательна.

— Ну, я такую привлекательность люблю въ чужихъ женахъ, а не въ своей.

— Такъ, значить, она такая?

— Кажется, нѣтъ. Она пріѣхала съ тавой репутаціей, но всѣ были разочарованы.

— Значить, во вздыхателяхъ недостатка не было?

— Недостатка! Вы же знаете, что такое табунщики?

— И она ихъ разочаровала? Можетъ быть, она любитъ своего мужа?

— Кстати о кондукторахъ,—сказалъ торговецъ, и передалъ одинъ анекдотъ, имѣвшій большой успѣхъ у слушателей; но когда онъ началъ второй, я ушелъ. Мнѣ было совѣстно, что я смѣялся и надъ первымъ. Я зашелъ въ таверну. Тамъ царила тишина и порядокъ. Я прошелъ мимо батарей пивныхъ бутылокъ и лосиныхъ головъ, украшавшихъ стѣны, въ довольно об-

ширное помѣщеніе, уставленное всевозможными столами. Я увидѣлъ, какъ одинъ человѣкъ вытаскивалъ изъ ящика карты, а другой, сидѣвшій противъ него, раскладывалъ жетоны. Рядомъ игрокъ распечатывалъ колоду картъ, а противъ него степенный старикъ разбиралъ и размѣнивалъ деньги.

Вдругъ изъ угла комнаты раздался голосъ, отвлекшій мое вниманіе отъ этихъ игровыхъ.

— Отчего вы не остались въ Аризонѣ?

Повидимому совершенно невинныя слова, но я замѣтилъ, какъ при звукѣ произнесшаго ихъ голоса всѣ глаза обратились въ тотъ уголъ, откуда онъ раздался.

Отвѣта я не слышалъ и не видѣлъ говорившаго. Потомъ раздались слѣдующія слова:

— Ну да, Аризона — не подходящее мѣсто для новичковъ въ стрѣльбѣ¹⁾.

Всѣ смотрѣли на говорившихъ, и я послѣдовалъ общему примѣру. Въ углу, за круглымъ столомъ, сидѣло нѣтъ или шесть игроковъ. Всѣ они смотрѣли въ свои карты и дѣлали отъ времени до времени ставки, а одинъ сдавалъ карты каждому послѣ каждой ставки. Среди играющихъ находились виргинецъ и Стивъ; остальные были неизвѣстны мнѣ.

— Да, не подходящее мѣсто для новичковъ въ стрѣльбѣ, — повторилъ голосъ, и я увидалъ, что онъ принадлежалъ человѣку, сдававшему карты. Вѣщность его вполне соответствовала его непріятному, грубому голосу.

— Кто это говоритъ? — спросилъ я тихо у стоявшаго рядомъ со мною человѣка.

— Трампасъ.

— Кто онъ таковой?

— Табунщикъ, кутила, мѣдный лобъ и все, что вамъ угодно.

— А кому онъ это говоритъ?

— Кажется, этому черноволосому малому.

— Повидимому, у нихъ добромъ не кончится?

— А вотъ сейчасъ увидимъ.

— Они и раньше не ладили?

— До сихъ поръ имъ не приходилось сталеиваться. Трампасъ не любитъ проигрывать чужимъ.

— Этотъ малый изъ Аризоны, вы говорите?

— Нѣтъ. Изъ Виргиніи. Онъ недавно заѣзжалъ въ Аризону, такъ, для разнообразія. Онъ работаетъ въ „Глубокой Рѣкѣ“.

¹⁾ Аризона славится буйнымъ характеромъ и смѣлостью своего населенія. Тамъ всѣ прекрасно стрѣляютъ и при малѣйшемъ поводѣ хватаются за оружіе.

У стола въ углу наступило молчаніе, и потомъ опять раздался голосъ Трамаса.

— И десять,—проговорилъ онъ, отодвигая рукой крошки со стола. Станнымъ казалось его стараніе придать вызывающій оттѣнокъ своему голосу. Виргинецъ смотрѣлъ въ свои карты. Онъ точно оглохъ.

— И двадцать,—сказалъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ игрокъ и сбросилъ карту.

Теперь былъ чередъ южанина дѣлать ставку или бросить игру, но онъ медлилъ, и поэтому заговорилъ Трамаса:

— Да ставьте, что-ли, карту, этакій вы...

Въ то же мгновеніе рука виргинца съ пистолетомъ легла на столъ, и онъ произнесъ, прищѣливаясь и обращаясь къ Трамасу голосомъ еще болѣе мягкимъ, чѣмъ когда-либо, и только немного болѣе обыкновеннаго растягивая слова, такъ что между каждымъ словомъ была пауза:

— Если вы хотите обозвать меня этимъ словомъ,—улыбнитесь только.

Да, голосъ былъ мягкій, но въ моихъ ушахъ онъ прозвучалъ похороннымъ звономъ, и въ огромной комнатѣ наступила гробовая тишина. Всѣ присутствовавшіе сразу почувствовали, что должно что-то произойти, и иные замерли на своихъ мѣстахъ, а другіе безпокойно заѣзжали на стульяхъ.

— Можете сидѣть спокойно,—презрительно замѣтилъ сдававшій карты моему сосѣду.—Развѣ не видите, что онъ вовсе не напрашивается на скандалъ? Онъ даетъ Трамасу возможность свободнаго выбора: или отступить, или взяться за оружіе.

И въ самомъ дѣлѣ, очень скоро всѣ вышли изъ напряженнаго выжидательнаго состоянія. Голоса играющихъ, звонъ битой посуды, облака табачнаго дыма, наполнявшіеся и опорожнявшіеся стаканы ничѣмъ не выдавали того, что произошло, какъ поверхность моря не выдаетъ скрытой подъ нимъ глубины.

Трамаса сдѣлалъ выборъ и не собирался взяться за оружіе. Если онъ только хотѣлъ испытать своего противника, то теперь безошибочно зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Никакого намека больше не было сдѣлано на то, что онъ разумѣлъ подъ словами: „новичокъ въ стрѣльбѣ“. Что за человекъ былъ этотъ Трамаса? То, что онъ публично отступилъ передъ угрозой—ничего не могло доказывать: натуры бываютъ разныя. Я взглянулъ на его лицо, и оно мнѣ показалось мрачнымъ и скорѣе хитрымъ, чѣмъ смѣлымъ.

III.

Я стоялъ и размышлялъ о случившемся. Изъ задумчивости меня вывелъ голосъ человѣка, сдававшего карты:

— Ну что, вѣдь я говорилъ вамъ, что онъ не станетъ стрѣлять? Онъ — изъ тѣхъ людей, которыхъ нечего опасаться.

Человѣкъ, игравшій съ нимъ и все время проигрывавшій, съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на уроженца Виргиніи.

— Ну, ужъ послѣ этого я не знаю, кого вы считаете опаснымъ человѣкомъ.

— Не его, конечно! — воскликнулъ сдававшій карты съ восхищеніемъ. — Онъ смѣлый человѣкъ. Это совсѣмъ другое дѣло. Труса я скорѣе испугаюсь. Вотъ, въ прошлый четвергъ пріѣхалъ сюда одинъ такой. Ну, произошло недоразумѣніе изъ-за выпивки. Не успѣли мы вступиться, какъ онъ уже поранилъ двухъ совершенно неповинныхъ зрителей. Они столько же были замѣшаны въ дѣлѣ, сколько мы съ вами, сэръ, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— И что же, тяжело они были ранены? — освѣдомился я.

— Да, одинъ особенно. Онъ вскорѣ послѣ того умеръ.

— А что же было потомъ съ этимъ человѣкомъ?

— Да что, мы его выпутали изъ дѣла. Онъ въ ту же ночь умеръ. Вотъ отчего я избѣгаю трусовъ. Трусъ всегда стрѣляетъ, когда еще въ этомъ нѣтъ надобности, и неизвѣстно, въ кого попадетъ. А за такого, какъ этотъ черноволосый малый, нечего беспокоиться. И еще потому не стоитъ беспокоиться, что, все равно, *будетъ слишкомъ поздно!*

Произнеся эти слова, онъ весь ушелъ въ свои карты, а я пошелъ бродить отъ одного стола къ другому. Кромѣ Трампаза, почти во всѣхъ лицахъ игроковъ было что-то пріятное. Это были по большей части молодцеватые объѣздки, съ загорѣлыми и обвѣтренными лицами, молодежь, ничѣмъ не стѣсняемая и въ свободную минуту спускавшая весь свой, тяжелымъ трудомъ добытый заработокъ. Мнѣ представились свѣтскіе городскіе салоны, и я предпочелъ это полу-дикое мѣстечко въ Скалистыхъ горахъ. Въ немъ было большее количество смертей, но меньше пороковъ, чѣмъ въ игорныхъ домахъ Нью-Йорка. А смерть гораздо чище порока. Порочности не было замѣтно на этихъ дикихъ мужественныхъ лицахъ, и если иногда и проглядывало какое-нибудь низкое чувство, то оно не являлось преобладающимъ. Схѣлость, веселость, выносливость — вотъ что бросалось мнѣ въ глаза при

взглядѣ на этихъ табунщиковъ. Они со всею ихъ особенностью зацѣпили за живое мое американское сердце, и я не забуду ихъ всю мою жизнь.

Самымъ типичнымъ изъ нихъ былъ, несомнѣнно, „черноволосый“ малый, какъ назвалъ его человѣкъ, сдававшій карты. Проигравъ довольно долго съ переменнымъ счастьемъ,—что дало Трампасу возможность немного отыграться,—южанинъ взглянулъ на Стива и произнесъ:

— А что, какъ насчетъ кровати?—и прибавилъ, отвѣчая на собственный вопросъ:—Не пора ли и мнѣ на боковую!

Стивъ напустилъ на себя притворное равнодушіе, хотя пари насчетъ американскаго торговца занимало его гораздо болѣе игры. Онъ вытащилъ толстые золотые часы съ украшениями и, внимательно поглядѣвъ на нихъ, произнесъ:

— Всего одиннадцать часовъ.

— Ты забываешь, что я деревенскій житель,—сказалъ черноволосый малый.—Наши куры, небось, давнымъ-давно взгромоздились на насѣсть.

Онъ получилъ свой выигрышъ, всталъ, и снова всѣ присутствовавшіе, какъ будто при помощи безмолвныхъ магическихъ знаковъ, почувствовали, что должно что-то произойти. Многіе бросили игру и подошли поближе.

— Если онъ еще не ложился... — задумчиво произнесъ южанинъ.

— Я сейчасъ посмотрю,—сказалъ я, и поспѣшилъ въ полутемную спальную, радуясь, что могу принять участіе въ происходившемъ.

Тамъ всѣ уже легли; на нѣкоторыхъ кроватяхъ спали по двое. Американецъ только-что пришелъ и еще не спалъ.

— А я думалъ, что вы спите въ магазинѣ,—сказалъ онъ.

Я рѣшился солгать и объявилъ, что ищу моего табунщика.

— Ужъ лучше ищите чертей, скорѣе найдете,—отвѣчалъ американецъ:—эти табунщики не часто попадаютъ въ городъ.

Въ эту минуту я споткнулся на что-то, лежавшее на полу.

— Это мой ящикъ съ „истребителемъ чахотки“,—пояснилъ американецъ.—Они теперь цѣлую ночь не придутъ.

— А что, кровать узкая?—освѣдомился я.

— Для двоихъ—да. И подушки жидковаты. Надо обѣ положить, чтобы почувствовать что-нибудь подъ голову.

Онъ зѣвнулъ, и я пожелалъ ему пріятныхъ сновидѣній.

Когда я сообщилъ табунщику о томъ, что видѣлъ, онъ немедленно направился въ спальную, а я и Стивъ тихонько по-

слѣдовали за нимъ. За нашими спинами вытянулись въ рядъ всѣ остальные въ выжидательныхъ позахъ и шопотомъ передавая другъ другу о томъ, что должно было произойти.

Изъ полумрака раздался голосъ американца, предостерегавшего своего товарища по спанью:

— Не наткнитесь на „истребителя чахотки“. Принцъ Уэльскій только что ссадилъ себя объ него кожу.—Вѣроятно мой англійскій костюмъ снискалъ мнѣ этотъ высочій титулъ.

Слышно было паденіе сапогъ табунщика, потомъ звукъ быстро разстегиваемыхъ пуговицъ.

— Ахъ, благодарю васъ! — отвѣчалъ онъ на какой-то вопросъ американца.— Съ края или въ стѣнѣ—мнѣ все равно.—Раздался шорохъ простыни и скрипъ кровати. Настроеніе ожиданія среди насъ усилилось. Какъ будто насталъ моментъ, когда съ фотографической камеры должны снять крышку.

— Мнѣ кажется,—раздался голосъ американца—что вамъ должны мѣшать вашъ ножъ и пистолетъ подъ подушкой. Вы бы ихъ положили на стулъ. Такъ будетъ гораздо удобнѣе.

— Нѣтъ, именно тогда мнѣ будетъ неудобно.

— Вы, значитъ, такъ привыкли чувствовать ихъ близость?

— Вотъ именно. Безъ нихъ я не могъ бы заснуть.

— Покойной ночи.

— Покойной ночи. Если я начну разговаривать и ворочаться по постели, вы понимаете,—такъ вы...

— Понимаю,—надо васъ разбудить.

— Нѣтъ, Боже сохрани! не прикасайтесь тогда ко мнѣ.

— А что же я долженъ буду дѣлать?

— Откатитесь въ сторону. Вѣдь это продлится всего какую-нибудь минуту.—Южанинъ говорилъ успокоительнымъ тономъ. Наступило молчаніе, потомъ американецъ откашлялся разъ или два.

— Я полагаю, это просто кошмары? — произнесъ онъ наконецъ.

— Ну, разумѣется. И случается это со мною раза два въ годъ, не больше. А ужъ вы подумали, что это припадки?

— Ахъ, нѣтъ! я только хотѣлъ знать.

— Ну да, я и предупредилъ васъ, чтобы вы были въ полной безопасности. Избѣгайте коснуться меня рукой или ногой, если я вдругъ начну прыгать по кровати. Это значитъ—мнѣ снятся индѣйцы. И если меня въ это время тронуть, то я могу во снѣ схватиться за ножъ.

— Да, понимаю,—произнесъ американецъ не вполне твердымъ голосомъ и откашлялся.

Стивъ, въ полномъ восхищеніи, шепталъ про себя ругательства и посылалъ своему товарищу одно непечатное названіе за другимъ.

Мы снова прислушались, но голосовъ больше не было слышно. Въ тишинѣ раздавалось учащенное дыханіе и безпокойное переворачиванье несчастнаго американца. Онъ ждалъ. Но это продолжалось недолго. Послышался легкій скрипъ и легкіе шаги. Онъ не рѣшился даже надѣть сапоги, находясь въ такомъ опасномъ сосѣдствѣ. Намъ пришла въ голову счастливая мысль, и мы всѣ вытянулись въ двѣ шеренги, начиная отъ дверей. Торговецъ отъ страха забылъ о своемъ „истребителѣ чохотки“ и грузно шлепнулся на него. Южанинъ страшно завылъ съ постели, и тогда произошло нѣчто неописуемое. Дверь распахнулась, и изъ нея вылетѣлъ американецъ въ однихъ носкахъ. Одной рукой онъ держалъ въ охапѣхъ скрутку и панталоны съ болтавшимися подтяжками, другая рука судорожно сжимала сапоги. Увидавъ насъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и выронилъ все изъ рукъ, а ожидавшіеся люди окружили его и завертѣлись въ дикомъ и шумномъ хороводѣ. Тѣ, кто спалъ, повскакали съ кроватей, быстро одѣваясь и хватаясь за пистолеты, въ ожиданіи войны. Раздавались возгласы и вопросы:

— Что такое? Что случилось?

— Да вотъ, кажется, Стивъ собрался заплатить пари, — произнесъ южанинъ съ постели, и въ первый разъ я увидалъ, какъ онъ широко улыбнулся.

— Я имъ не дамъ ложиться всю ночь! — вопилъ Стивъ, и хороводъ продолжалъ свою дивую пляску. Американецъ жалобно пищалъ, умоляя, чтобы ему дали по крайней мѣрѣ надѣть сапоги, но его перебрасывали изъ рукъ въ руки, какъ воланъ, приговаривая: „теперь сюда, разъ!“ — „теперь туда, бацъ!“ Зачинщики игры ворвались въ спальную. „Заводи машину!.. заводи хорошенько!“ — закричали они и, схвативъ нѣмца, продававшаго драгоценности, стали и его перебрасывать отъ одного къ другому. Я видѣлъ, какъ онъ взлеталъ и подпрыгивалъ, точно зерно на мельничномъ жерновѣ. За нимъ полетѣлъ одинъ еврей, потомъ желѣзнодорожный чиновникъ и второй еврей. И пока я стоялъ, загнипнотизированный всѣмъ происшедшимъ, ноги мои вдругъ отдѣлились отъ пола, я вылетѣлъ изъ комнаты, какъ пробка изъ бутылки, и завертѣлся вмѣстѣ съ другими, при дружныхъ крикахъ: — „А вотъ и принцъ Уэльскій!“ — Вскорѣ отъ моего англійскаго костюма осталось очень мало. Достали гдѣ-то скрипача и продолжали бѣсноваться подъ звуки музыки. Стивъ испол-

нялъ роль хозяина, просилъ насъ не стѣсняться и требовать все, что только вздумается. Захватили съ собой еще двухъ скрипачей, боченки, бутылки и кружки, и отправились по всему городу, обходя всѣ дома и закоулки, гдѣ еще какимъ-то чудомъ люди продолжали спать. Одинъ обыватель отказался-было встать, но, предвидя это, содержатель магазина, производившій впечатлѣніе такого почтеннаго господина, захватилъ съ собою приспособленіе въ видѣ боченка и доски. Табунщики громко привѣтствовали его, появивъ, въ чемъ дѣло. Человѣкъ, отказавшійся вставать, увидалъ все изъ окна и тоже понялъ. Испустивъ раздражающій душу стонъ, онъ немедленно вышелъ и присоединился къ намъ. Вскорѣ я познакомился съ адской машиной. Ее пустили въ ходъ, такъ какъ нѣкоторые обыватели не обращали вниманія ни на крики, ни на скрипачей. Тогда южанинъ сѣлъ на землю, держа въ объятіяхъ пустой боченокъ, а двое другихъ стали колотить въ него доской. И боченокъ, и доски были смазаны смолой, и звукъ получался невѣроятный. Вы знаете, что раздается, когда по узкой улицѣ ѣдетъ повозка, нагруженная желѣзными полосами? Ну, такъ знайте же, что это—колыбельная пѣсня въ сравненіи съ тѣмъ грохотомъ, который раздавался изъ боченка. Еслибы вы попробовали устроить такую штуку въ своемъ родномъ городѣ, то васъ не только арестовали бы,—васъ бы повѣсили, и каждый былъ бы радъ, и священникъ отказался бы васъ хоронить. Моя голова, мои зубы, вся моя нервная система и весь мозгъ костей моихъ задрожалъ и занялъ отъ этого грохота, а изъ дома, точно косточки изъ выжимаемаго лимона, выскочили мужъ съ женою. Лишившись такимъ образомъ сна, они стали дѣлать все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы не давать спать и другимъ обитателямъ Медисинъ-Боу, и процессія двинулась дальше съ музыкой, гиканьемъ и грохотомъ. Вдругъ все сразу стихло. Узнали, что очень больна жена инженера. Посылали въ Ларами за докторомъ. Инженера всѣ любили, и табунщики сразу прекратили свое неистовое бѣснованье. Всѣ стали расходиться по домамъ. Иные табунщики вернулись къ карточнымъ столамъ, другіе собирались ложиться спать. Я слышалъ, какъ Стивъ уговаривалъ южанина выпить еще стаканъ вина.

— Въ кои-то вѣки судьба насъ свела,—сказалъ онъ, но черноволосый малый отказался наотрѣзъ.

— На мнѣ лежитъ отвѣтственность,—произнесъ онъ, и Стивъ взглянулъ на меня. Изъ этого я могъ заключить, что „вѣрный человѣкъ“ судьи Генри смотрѣлъ на меня, какъ на помѣху для своего веселья, но онъ ничѣмъ мнѣ этого не показалъ и ни за

что не сталъ бы подвергать меня какому-нибудь неудобству изъ-за своего удовольствія.

— Если вамъ что-нибудь понадобится, пожалуйста обратитесь ко мнѣ, — сказалъ онъ, прощаясь со мною. Я поблагодарилъ его и прибавилъ:

— Какой веселый вечеръ мы провели!

— Я очень радъ, что вамъ это понравилось, — отвѣчалъ онъ, и снова — тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшей интимности.

Тихо было въ Медисинъ-Боу, когда я шелъ ложиться на свой прилавокъ, такъ тихо, что слышны были свистки поѣздовъ, доносившіеся черезъ огромныя пространства. Табунщики, завернувшись въ одеяла, спали подъ сіяющимъ ночнымъ небомъ.

— Въ какой я мѣръ попалъ? — произнесъ я невольно громко, говоря самъ съ собою. — Неужели на этой же планетѣ находится и моя Пятая-улица? — и я сталъ укладываться спать, размышляя о своей родинѣ.

IV.

Когда я проснулся, солнце уже давно взошло, и въ магазинѣ началось движеніе, преимущественно въ отдѣленіи колоніальныхъ товаровъ. Тѣ табунщики, у которыхъ уцѣлѣло нѣсколько долларовъ отъ ночного кутежа, тратили ихъ теперь на табакъ, патроны и консервы, годные для далекаго пути. Всевозможные консервы и маринады были первымъ, что даровала цивилизація этой дѣвственной странѣ. Табунщики исчезли теперь, вѣтеръ давно развѣялъ пепелъ ихъ забытыхъ костровъ, но пустыя жестянки изъ-подъ сардиновъ лежатъ и ржавѣютъ на покинутой ими землѣ.

Я съвозъ сонъ прислушивался къ долетавшимъ до меня разговорамъ и собиралъ нѣкоторые полезныя свѣдѣнія. Такъ я узналъ настоящую цѣну томатовъ въ этой странѣ. Какой-то молодой табунщикъ купилъ двѣ жестянки томатовъ.

— А что, „Луговая-Рѣчка“ уже высохла? — спросилъ содержатель магазина.

— Уже десять дней, какъ пересохла, — сообщилъ табунщикъ. Повидимому, на пути ему не предстояло встрѣтить воду до самаго вечера, благодаря тому, что эта „Луговая Рѣчка“ пересохла, и томаты должны были служить ему для утоленія жажды. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось употреблять ихъ для этой цѣли.

— А пива вамъ не надо? — спросилъ содержатель магазина.

Юноша сдѣлалъ испуганное лицо.

— Не произносите при мнѣ даже этого слова!—воскликнулъ онъ.—На три мѣсяца далъ зарокъ не пить; буду чистъ, какъ горный свѣтъ!—И онъ быстро вышелъ. Ему предстояло проѣхать семьдесятъ-пять миль. Три мѣсяца тяжелой работы, безъ отдыха и крова, а потомъ опять онъ явится въ городъ, и его юная, здоровая натура громко начнетъ предъявлять свои требованія.

— Очень вамъ благодаренъ, — услышалъ я сквозь дремоту другой голосъ.—Ей стало лучше сегодня утромъ послѣ лекарства.—Это говорилъ инженеръ. — Я передамъ ей цвѣты, какъ только она проснется.

— Цвѣты?—переспросилъ содержатель магазина.

— А развѣ это не вы положили букетъ передъ нашей дверью?

— Очень жалѣю, что не подумалъ объ этомъ.

— А она очень любитъ цвѣты, — произнесъ инженеръ, и медленно направился къ двери, не договоривъ своей благодарности. Скоро онъ вернулся, въ сопровожденіи черноволосаго малюга, у котораго изъ-за ленты на шляпѣ выглядывало нѣсколько цвѣтковъ.

— Право, не стоитъ даже говорить, — произнесъ южанинъ, смущенный выраженіями благодарности инженера.—Еслибы мы только знали ночью...

— Нѣтъ, вы ее нисколько не обезпокоили, — перебилъ его инженеръ.—Сегодня ей лучше. Я скажу ей про цвѣты.

— Да зачѣмъ же, право не стоитъ!—снова запротестовалъ табуныиъ почти съ досадой.—Цвѣты показались мнѣ такими свѣжими, и я только-что нарвалъ ихъ.—Его взглядъ упалъ на меня.—Кажется, скоро подадутъ завтракъ, — замѣтилъ онъ. Я пошелъ умываться. Несмотря на ранній часъ, многіе уже побывали у корыта. Я убѣдился въ этомъ, взглянувъ на полотенце, но не рѣшился спросить у хозяйки чистое, и употребилъ вмѣсто полотенца чистый носовой платокъ. За завтракомъ табуныиъ пробовали заигрывать съ хозяйкой, но безъ всякаго успѣха. Однако, американскій торговецъ не терялъ надежды, и за ѣдой похвалилъ въ сильныхъ выраженіяхъ ея золотистые волосы. Ей это видимо не понравилось, но она промолчала. Тогда, подойдя къ ней, чтобы расплатиться, онъ продолжалъ:

— Какъ жалъ, что это нашъ послѣдній завтракъ. Тамъ, куда я ѣду, хватило бы мѣста для двоихъ.

— Ну, и отыщите себѣ дуру подъ пару, — отвѣчала спокойно хозяйка, и я порадовался, что не попросилъ у нея чистаго полотенца.

Мало-по-малу всё разъѣхались. Наступила тишина. На небѣ не было ни облачка, ни птицы. Въ дверяхъ я увидалъ фигуру уроженца Виргиніи. Онъ разговаривалъ съ золотоволосой хозяйкой, стоявшей рядомъ съ нимъ. Въ отдаленіи пронеслись стада антилопъ, а неподалеку выглядывали добродушные собаки прерій и испытующе слѣдили за мной глазами. Черезъ четыре часа пришелъ поѣздъ. Я встрѣтилъ его, стоя на платформѣ; видѣлъ, какъ изъ него выгрузили мой сундукъ, — и какъ онъ, дымясь, двинулся и исчезъ въ невѣдомой дали. Рядомъ съ моимъ сундукомъ находился другой, очень странно завязанный бѣлой лентой. Вдругъ я увидалъ виргинца. Онъ весь трясся отъ смѣха, такъ что на него весело было смотрѣть. Зѣрна риса ударились о мою шляпу и цѣлыя его пригоршни градомъ посыпались на нашу платформу. Всё, кто только оставался въ Медисинъ-Боу, явились на платформу, какъ бы по волшебству, и рисъ такъ и замелькалъ въ воздухѣ. Среди всеобщаго шума и говора выдѣлился надтреснутый голосъ и произнесъ:

— Смотрите, ребята, не попадите ей въ глаза! — и мимо меня гордо прослѣдовалъ дядя Югей, ведя подъ руку свою на этотъ разъ настоящую жену. Она легко могла бы сойти за его внучку. Новобрачные усѣлись въ повозку, сзади помѣстили сундукъ и выѣхали изъ города, сопровождаемые пригоршнями риса, смѣхомъ и всевозможными пожеланіями. Раздались вопросы:

— Кто она такая?

— Чтò онъ за нею взялъ?—Золотой пріискъ...

И, высказавъ всевозможныя предположенія и предсказанія, всё вернулись въ городъ обѣдать. Это былъ мой послѣдній обѣдъ въ Медисинъ-Боу. „Вѣрный человѣкъ“ снаряжалъ меня въ дорогу, оказывая разныя мелкія услуги, но съ прежнею сдержанностью, не допускавшею никакого сближенія. Сѣвъ рядомъ съ нимъ въ повозку, я никакъ не могъ рѣшить, о чемъ будемъ мы съ нимъ говорить на протяженіи двухъ-сотъ-шестидесяти-трехъ миль. Когда мы проѣзжали мимо ресторана, боковое окно отворилось, и хозяйка въ послѣдній разъ взглянула на табунщика. Губы ея были слегка раскрыты, и никогда еще глаза женщины не говорили болѣе ясно: „я—ваша собственность“. Она забыла, что ее могли видѣть. Замѣтивъ мой взглядъ, она быстро отодвинулась въ полумракъ комнаты. Какими глазами взглянулъ онъ на нее—я не знаю. Онъ, повидимому, глядѣлъ только на лошадей и правилъ ими съ такой же ловкостью и свободой, съ какой третьяго дня поймалъ дикую лошадь въ загонѣ. Мы выѣхали на открытую равнину, оживляемую стадами антилопъ и собаками прерій. Мы

окунулись въ море прозрачнаго воздуха, чистаго какъ вода и крѣпкаго какъ вино. Все было пронизано солнечными лучами, и на груди южанина, на его фланелевой рубашкѣ сверкала прядь золотыхъ волосъ. Молчаливый южанинъ, очевидно, пользовался большимъ успѣхомъ, чѣмъ надобѣдливый американскій торговецъ.

Мы проѣхали молча пять миль, то теряя, то снова находя линію горизонта среди волнистой поверхности земли. Я оглянулся и увидалъ Медисинъ-Боу, похожій на камень, брошенный сзади насъ. Черезъ полчаса опять оглянулся, и опять увидалъ тотъ же Медисинъ-Боу, немного уменьшившійся, правда, но видимый въ мельчайшихъ подробностяхъ, точно свозъ уменьшительное стекло бинокля. Къ станціи подходилъ поѣздъ, и я разглядѣлъ бѣлый дымъ, выходявшій изъ трубы; но когда до насъ долетѣлъ свистокъ, поѣздъ уже остановился. Я обратилъ вниманіе моего спутника на это явленіе, и онъ соблаговолилъ замѣтить, что въ Аризонѣ это еще больше поражаетъ.

— Въ Аризону одинъ разъ пріѣзжалъ янки съ телескопами, чтобы изучать небесныя тѣла. И вотъ какъ-то ночью мы наблюдали за падающими звѣздами, и я увидалъ движущійся свѣтъ и завопилъ отъ восторга. Но онъ сказалъ мнѣ, что это я вижу не звѣзду, а поѣздъ. Я ему отвѣтилъ, что теперь поѣзда никакого быть не можетъ, а онъ и говоритъ: „да это вы видите вчерашній поѣздъ“. — Южанинъ замолчалъ и обратился съ какимъ-то строгимъ замѣчаніемъ къ одной изъ лошадей. — Конечно, — продолжалъ онъ, обращаясь снова ко мнѣ: — этотъ янки не думалъ о томъ, что говорилъ... Ну ты, Бука! — прикривнулъ онъ на лошадь. — Но несомнѣнно, сѣ, что въ Аризонѣ — самая обманчивая атмосфера. Одинъ старикъ рассказывалъ мнѣ, что видѣлъ одну даму передъ самымъ своимъ носомъ, и отскочилъ отъ нея на довольно большое разстояніе. — И онъ хлестнулъ Бука.

— А какое дѣйствіе, — освѣдомился я, не уступая ему въ серьезности тона, — на такое сокращеніе разстояній оказываетъ кварта виски?

— Для нея, сѣ, никакія разстоянія ничего не значать.

Онъ покосился на меня однимъ глазомъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде. Я сдѣлалъ одинъ шагъ къ достиженію его симпатіи, но мнѣ предстояло еще много такихъ шаговъ. Мой спутникъ снова погрузился въ молчаніе, очевидно предпочитая собственныя мысли моему разговору, тогда какъ я предпочелъ бы его разговоръ собственнымъ мыслямъ. Я спросилъ его, много ли онъ путешествовалъ, и получилъ короткій отвѣтъ:

— Да, побывалъ тутъ кое-гдѣ.

Позднѣе я узналъ, что онъ въ свои двадцать-четыре года успѣлъ побывать въ Арканзасѣ, Техасѣ, Новой-Мексикѣ, Аризонѣ, Калифорніи, Орегонѣ, Идаго, Монтанѣ и Вайомингѣ. Вездѣ онъ жилъ вполне самостоятельно, заботясь самъ о себѣ, и ни разу еще въ его сердцѣ не зарождалось желаніе имѣть свой домашній очагъ.

Между тѣмъ Медисинъ-Боу совершенно скрылся изъ глазъ, и насъ поглотила безпредѣльная пустыня. Первую ночь мы провели въ пастушьей хижинѣ. Въ ней жило два пастуха, большіе любители животныхъ. Молодой ручной лось то входилъ, то выходилъ изъ дверей хижины, а во время ужина всячески старался спихнуть меня со стула. Полуручной горный баранъ упражнялся въ прыганьи, стараясь вскочить съ земли на крышу. Внутри стѣны хижины были оклеены афишами какого-то цирка, а полъ былъ устланъ шкурами медвѣдей и серебристыхъ лисицъ. До девяти часовъ вечера одинъ изъ пастуховъ разговаривалъ съ моимъ спутникомъ, а другой игралъ на концертинѣ. Потомъ всѣ улеглись спать. Холодно было, какъ въ декабрѣ, но мнѣ было тепло подъ моимъ одѣяломъ и буйволовою шкурою, и я заснулъ, наслаждаясь горной тишиною. Когда на разсвѣтѣ я пошелъ умываться, то нашелъ въ ведрѣ съ водою ледяныя иглы, но все-таки трудно было себѣ представить, что мы находились на шесть-сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, а послѣ завтрака не осталось и слѣда декабрьскаго холода, и когда мы отѣхали десять миль, то уже не было сомнѣнія, что теперь іюнь мѣсяцъ. Въ этотъ день мы не встрѣтили ни единого человѣческаго существа; намъ попадались только дикіе звѣри. Во время обѣда намъ удалось убить гремучую змѣю и застрѣлить нѣсколько дикихъ курочекъ. Мы ихъ зажарили на кострѣ къ ужину, и онѣ оказались очень вкусными. Въ половинѣ девятаго мы улеглись спать подъ открытымъ небомъ, а въ половинѣ пятаго я уже пилъ кофе и дрожалъ отъ холода. Когда пришло время запрягать, то оказалось очень трудно поймать одну изъ нашихъ лошадей, Букъ. Можетъ быть, на него подѣйствовалъ горный воздухъ—не знаю, но только я былъ весь въ поту, когда намъ удалось наконецъ привести запряжку къ благополучному или, вѣрнѣе, къ неблагополучному концу, потому что Букъ на своемъ таинственномъ лошадиномъ языкѣ толковалъ что-то очень злое своему сосѣду, и къ одиннадцати часамъ они, точно сговорившись, порѣшили сломать намъ шею. Они могли устроить это и раньше, но очевидно Букъ хотѣлъ выбрать наибольшій театралъный эффектъ. Дождавшись, когда дорога пошла надъ обрывомъ, а внизу было видно огром-

ное стадо и табунщики, выжигавшіе тавро на телятахъ въ загонѣ, лошади подхватили и понесли.

— Не высказывайте!—скомандовалъ черноволосый малый.

— Не выскочу,—отвѣчалъ я въ то мгновеніе, когда съ меня срывало шапку. Помощи ждать было неоткуда. Мы невредимо промчались среди стада. Я увидѣлъ рога и спины животныхъ, бросавшихся въ сторону. Глыба земли оторвалась и рассыпалась въ мелкіе куски; мы шлепнулись съ размаха въ воду, крутившуюся и волыхавшуюся среди камней, и выскочили на другой берегъ, среди обрывающихся и осыпающихся земляныхъ глыбъ. Я услышалъ трескъ и увидѣлъ, какъ мой сундукъ произвольно выгрузился въ потокъ.

— Ему тамъ безопаснѣе,—замѣтилъ мой спутникъ.

— Это вѣрно,—согласился я.

— Мы потомъ вернемся за нимъ,—продолжалъ табунщикъ, не спуская глазъ съ лошадей и упираясь ногою въ поврежденный тормазъ. Передъ нами находился сухой оврагъ. Съ противоположной стороны онъ заканчивался скалами, поднимавшимися вверхъ террасами. Поворачивать было некуда,—оставалось выбрать, куда падать: впередъ или назадъ. Табунщикъ направилъ лошадей прямо и какъ разъ на днѣ оврага съ необыкновенной ловкостью круто повернулъ ихъ направо, въ мѣсто, заросшее небольшими деревьями и кустарникомъ. Лошади запутались ногами въ вѣтвяхъ и принуждены были остановиться. Я поглядѣлъ на „вѣрнаго человѣка“ и слабо улыбнулся. Онъ тоже посмотрѣлъ на меня съ минуту.

— Чтѣ, небось все время Бога призывали? — проговорилъ онъ и сошелъ на землю.

— Да, именно,—согласился я.

— Ничто не сломано, — заявилъ онъ послѣ тщательнаго осмотра. Я высказалъ ему, что считаю—онъ спасъ жизнь и мнѣ, и себѣ, но онъ терпѣть не могъ прямыхъ словъ благодарности и, проворчавъ какое-то возраженіе, сталъ выводить лошадей изъ запутавшаго ихъ густого кустарника. Онъ объяснилъ мнѣ, что и Букъ, и его товарищъ были очень хорошія лошади, оттого судья и выслалъ ихъ за мною, но что у каждой лошади бываютъ свои неудачные дни,—онъ этимъ похожи очень на людей,—заклучилъ онъ.

Подобравъ мой сундукъ и шляпу, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Отъ нашихъ двухсотъ-шестидесяти-трехъ миль оставалось уже немного, и лошади чуяли близость дома. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога развѣтвлялась, они собрались-было повернуть

въ сторону, но табунщикъ быстро направилъ ихъ по другой дорогѣ.

— Хотите вернуться къ Балааму? — спросилъ онъ, обращаясь къ нимъ. — Ну, я думалъ, вы умнѣе.

Я спросилъ, кто этотъ Балаамъ.

— Истязатель лошадей, — отвѣчалъ табунщикъ. — Судья купилъ у него и Бука, и другого весною.

— Вы говорите, онъ истязаетъ лошадей?

— Да, всѣ кругомъ это говорятъ, — и онъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности. Я невольно вскрикнулъ отъ ужаса.

— Еслибъ я увидалъ, какъ человѣкъ это дѣлаетъ... — началъ табунщикъ, но его слова были прерваны подѣхавшимъ къ намъ скромнаго вида человѣкомъ на такой же, какъ и онъ, скромной лошади.

— Какъ поживаете, м-ръ Тэлоръ? — воскликнулъ мой спутникъ, и они обмѣнялись взаимными привѣтствіями. — Ну, что новенькаго?

— Говорятъ, поймали человѣка за картами, да и ограбили его. Какъ видите, новости васъ опередили.

— Это Трампасъ здѣсь былъ и рассказывалъ? — съ улыбкой спросилъ табунщикъ.

— А это имя вашей жертвы? Нѣтъ, это не онъ говорилъ.

— Вообще, не стоитъ объ этомъ и говорить, — замѣтилъ табунщикъ. — Ну, а у васъ какія новости?

М-ръ Тэлоръ принялъ важный видъ.

— Въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ собираются строить школу, — объявилъ онъ.

— Господи, Ты Боже мой! — воскликнулъ табунщикъ. — Это зачѣмъ же?

— Для того, чтобы давать образованіе отпрыскамъ обитателей „Медвѣжьей Рѣки“, — съ гордостью отвѣчалъ м-ръ Тэлоръ, женившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Отпрыски обитателей „Медвѣжьей-Рѣки“? — задумчиво повторилъ табунщикъ: — да тамъ дѣти родятся во множествѣ только у глупыхъ кроликовъ.

— У дяди Кармоди шестеро ребятъ, да у Бенъ-Доу, — возразилъ м-ръ Тэлоръ. — И Вестфаль сдѣлался семейнымъ человѣкомъ, и...

— Джимъ Вестфаль! — воскликнулъ табунщикъ: — семейный человѣкъ! Ну, ужъ если здѣсь повсюду заведутся семейные люди, тогда...

— И вы женитесь, — подсказалъ м-ръ Тэлоръ.

— Я! Мои года еще не вышли. Нѣтъ, съ! А вотъ дядя Югей, наконецъ, женился.

— Дядя Югей!—воскликнулъ м-ръ Тэлоръ:—да что вы говорите!—и онъ даже подпрыгнулъ на сѣдлѣ.

— Да, и поэтому стройте вашу школу. Дядя Югей получилъ право принимать участіе во всѣхъ подобныхъ начинаніяхъ. Вы ужъ приглядѣли себѣ учительницу?

V.

— Мы уже ищемъ ее, но не особенно торопимся, имѣя передъ глазами печальный примѣръ калефской школы. Что за охота получить такую же невѣжду! Ну и кокетки какой-нибудь намъ тоже не надо,—серьезно заявилъ м-ръ Тэлоръ.

— Конечно, она не должна спускать глазъ съ классной доски,—тѣмъ же тономъ подтвердилъ табуныиъ.

— Намъ нужно такую особу, за которую могли бы ручаться, —продолжалъ м-ръ Тэлоръ. Онъ вытащилъ изъ кармана письмо и взглянулъ на меня.—Вы не знакомы съ миссъ Мэри Старъ Вудъ, изъ Беннингтова въ Вермонтѣ?

Тогда я еще не былъ съ нею знакомъ.

— Мы объ ней подумываемъ. Она въ перепискѣ съ м-съ Балаамъ.—Тэлоръ протянулъ мнѣ письмо.—Вотъ, прочитайте и скажите, какое можно составить о ней мнѣніе по этому письму.

Письмо было дѣловое, но написано не въ официальномъ тонѣ, а какъ пишутъ хорошимъ знакомымъ. Очевидно, писавшая не предполагала, что оно будетъ играть роль документа. Она писала, что очень бы хотѣла воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ м-съ Балаамъ и побывать на Западѣ, но не могла сдѣлать этого только для удовольствія.

„Съ тѣхъ поръ, какъ заводъ прогорѣлъ,—писала она,—намъ всѣмъ приходится много работать, чтобы дать матери возможность оставаться жить въ старомъ домѣ. Я очень хотѣла бы учить въ школѣ, но не знаю, гожусь ли для этого. Жалованье соблазнительно, но полезенъ ли воздухъ Вайоминга для цвѣта лица? Мнѣ очень трудно будетъ пристроиться, если я утрачу мой цвѣтъ лица, которымъ все еще продолжаютъ восхищаться. Въ доказательство могу привести *по крайней мѣрѣ* одного свѣдѣтеля“.

Затѣмъ писавшая опять переходила въ дѣловой тонъ и вы-

ражала боязнѣ взяться за преподаваніе, не бывъ увѣренной, что сѹмѣетъ добросовѣстно выполнить обязательство.

„Я люблю дѣтей, особенно мальчиковъ, — писала она. — Съ моимъ маленькимъ племянникомъ мы великолѣпно ладимъ, но вообразите, что цѣлая толпа мальчишекъ начнетъ задавать мнѣ вопросы, на которые я не въ состояніи буду отвѣчать! Вѣдь съ ними не легко бываетъ сообразиться! Кромѣ того, мать говоритъ, что я не должна никого учить писать, потому что сама пишу по новому правописанію, котораго она не признаетъ“. Письмо было подписано: „Съ искреннимъ привѣтомъ старая дѣва Молли Старкъ Вудъ“.

— Это не важно, что она пишетъ по новому правописанію, — замѣтилъ м-ръ Тэлоръ. Отъ его не слишкомъ развитого ума ускользнули болѣе интересныя подробности письма.

Я объяснилъ ему, что многіе старые люди придерживаются и до сихъ поръ прежняго правописанія.

Южанинъ взялъ у меня изъ рукъ письмо и задумчиво и внимательно его разглядывалъ.

— „Съ искреннимъ привѣтомъ старая дѣва“, — прочелъ онъ громко и медленно.

— Я думаю, это значитъ, что ей лѣтъ сорокъ, — сказалъ м-ръ Тэлоръ.

— А мнѣ кажется, что ей около двадцати, — возразилъ табунщикъ, и снова сталъ задумчиво разглядывать письмо.

— Я никогда не видалъ такого почерка, — продолжалъ м-ръ Тэлоръ, — но „Медвѣжья-Рѣка“ ничего противъ него не будетъ имѣть, если только она при этомъ знаетъ ариметику, и про Георга Вашингтона, и все остальное, что требуется.

— Я надѣюсь, что она не слишкомъ твердо рѣшила остаться старой дѣвой, — продолжалъ свои догадки табунщикъ, все еще глядя на письмо, какъ на какой-то невѣдомо откуда посланный ему знакъ. Можетъ ли рѣшить какой-нибудь ботаникъ, откуда берется первое зерно любви, какими путями попадаетъ оно въ благопріятную для него почву, въ какихъ разнообразныхъ оболочкахъ носится этотъ зародышъ по необъятнымъ пространствамъ и гдѣ, притаившись, дожидается времени цвѣтенія?

Табунщикъ возвратилъ м-ру Тэлору листокъ почтовой бумаги, исписанный рукою дѣвушки, выражавшейся на такомъ непривычномъ для него языкѣ. Если ему и встрѣчались въ жизни подобныя дѣвушки, то онѣ никогда не отвѣчали на его взглядъ и говорили съ нимъ такъ, что онъ ясно чувствовалъ раздѣлявшее ихъ отъ него разстояніе. И несмотря на это, весь тонъ письма

не былъ ему такъ чуждъ, какъ м-ру Тэлору. Мы поѣхали дальше и проѣхали цѣлыхъ десять миль совершенно молча, пока, наконецъ, мой спутникъ не выразилъ словами занимавшихъ его мыслей.

— „Мнѣ очень трудно будетъ пристроиться, если я утрачу цвѣтъ лица“, — повторилъ онъ фразу изъ письма и, улыбаясь, покачалъ головой. — И что она станетъ дѣлать въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“? — прибавилъ онъ черезъ нѣсколько времени, и наконецъ закончилъ: — Я думаю, что „свидѣтель“, о которомъ она пишетъ, удержитъ ее въ Вермонтѣ, и ея мать останется жить въ старомъ домѣ.

Такъ говорилъ южанинъ, не подозрѣвая, что зародышъ любви уже притаился въ его сердцѣ. На другой день мы прибыли въ „Глубокую-Рѣку“, и радушный приемъ судьи Генри и его жены заставилъ бы меня забыть гораздо большія невзгоды и неудобства, чѣмъ тѣ, которыя я испыталъ. Моего спутника я видалъ мало. Онъ опять впалъ со мною въ официальный тонъ и обращался ко мнѣ не иначе, какъ съ прибавленіемъ слова „сэ“, что особенно не подходило къ нравамъ свободной и равноправной страны. Мнѣ это было очень непріятно. Я рассчитывалъ на его дружбу послѣ всего, что намъ пришлось вмѣстѣ пережить, но эта надежда исполнилась только благодаря появленію въ нашей жизни одной особы (я беру на себя смѣлость назвать ее „особой“). Эта особа способствовала нашему сближенію, и поэтому я рѣшаюсь рассказать ея исторію.

VI.

Особа эта была курица и жила она въ помѣстьѣ „Глубокая-Рѣка“. Судья Генри жилъ въ своемъ помѣстьѣ роскошно. У него, напримѣръ, было молоко. Гдѣ бы я ни обѣдалъ у сосѣдей, мнѣ всегда подавали неизмѣнныя ягоды, бобы и кофе, тогда какъ на столѣ въ „Глубокой-Рѣкѣ“ зачастую появлялись яичницы и пуддингъ. Ферма судьи Генри была очень обширна, и онъ заботился о ней, еще когда былъ холостымъ. Стада его мирно отдыхали въ прохладной тѣни хлопчатыхъ плантацій, неподалеку отъ воды, или же медленно бродили по прѣри, гдѣ, въ тѣ навѣки исчезнувшіе годы, трава была еще густа и высока. Когда судья Генри женился, то вліяніе его жены ясно сказалось на всемъ хозяйствѣ. Были посажены тѣнистыя деревья, пробовали разводить цвѣты, а къ курамъ и пѣтухамъ прибавили еще гораздо болѣе надоедливыхъ и несносныхъ индюшекъ. Пріѣхавъ

погостить къ судѣ, я увлекся хозяйствомъ, сталъ завѣдывать птичьимъ дворомъ и рѣшилъ выстроить домъ для куръ. Часто при этомъ по близости отъ меня бродилъ какой-нибудь табунщикъ и молча слѣдилъ за моей работой. У всѣхъ этихъ объѣзчиковъ были свои прозвища: одного звали Медовый-Виггинъ, другого—Небраски, третьяго—Долларъ-Билль. Всѣ они явились изъ разныхъ мѣстъ: одни—съ фермъ, другіе—изъ городовъ и Калифорніи, но всѣхъ ихъ одинаково влекла жажда молодецкихъ подвиговъ, всѣ они были одинаково смѣлы, великодушны и одинаково смѣялись и забавлялись надо мною. Каждый изъ нихъ, посмотрѣвъ, какъ я справляюсь съ молоткомъ и пилою, шелъ въ помѣщеніе для служащихъ, и до меня долеталъ оттуда заразительный молодой смѣхъ. Это бывало по утрамъ, а послѣ полудня я обыкновенно или отправлялся на охоту, или шелъ къ устью канала, чтобы наблюдать за работами по орошенію фермы. Повсюду была проведена цѣлая система маленькихъ каналовъ и слышалось журчанье воды. Колыхалась сочная трава, какъ бы произвольно, при полномъ отсутствіи вѣтра, а вечеромъ, когда солнце садилось, край канала становился лиловымъ и горы преображались отъ быстро мѣнявшихся и совершенно невѣроятныхъ тѣней и тоновъ.

Такъ какъ я съ увлеченіемъ заботился объ улучшеніи быта куръ и цыплятъ, то меня прозвали „куриной няней“. Вначалѣ м-съ Генри пробовала защищать меня отъ такого униженія, но вскорѣ убѣдилась, что мнѣ, все равно, не уйти отъ всеобщихъ насмѣшекъ. Я слишкомъ закоренѣлъ въ своей неопытности и невѣжествѣ относительно мѣстной жизни и ея условій, и ни отъ кого не скрывалъ своего невѣжества, разспрашивая всѣхъ и каждого о гремучихъ змѣяхъ, собакахъ прерій, филинахъ, лазоревкахъ, дикихъ курочкахъ, о томъ, какъ надо ловить лошадей посредствомъ лассо или подтянуть подпругу у сѣдла, и приходи въ восторгъ отъ такого обыкновеннаго животного, какъ бѣлохвостый олень.

Случайные посѣтители, заѣзжавшіе пообѣдать къ судѣ, только въ первыя минуты, подчиняясь требованіямъ этикета, называли меня по имени. Едва успѣвъ поговорить со мною, они уже величали меня „куриной няней“, и подъ этимъ названіемъ я былъ представленъ всѣмъ сосѣдямъ.

Благодаря моей беспомощности, мнѣ опять пришлось проводить большую часть моего времени съ „вѣрнымъ человѣкомъ“. Убѣдившись, что я каждую минуту могъ заблудиться и, выходя съ ружьемъ на охоту, черезъ полчаса терялъ способность отличать сѣверъ отъ юга, судья Генри рѣшилъ приставить ко мнѣ

своего „вѣрнаго человѣка“, и такимъ образомъ южанинъ былъ оторванъ отъ дѣла и отъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы нянчиться со мною. Онъ былъ мраченъ и разговаривалъ только въ случаяхъ крайней необходимости, но добросовѣстно исполнялъ возложенныя на него обязанности и почти каждый день спасалъ меня или отъ неминуемой смерти, или отъ возможности попасть въ смѣшное и глупое положеніе, что еще хуже.

Разъ мы отправились съ нимъ охотиться на утокъ. Мы нашли нѣсколько штукъ волѣ плотины, и я застрѣлилъ сразу двухъ, сидѣвшихъ рядомъ. Онъ упали въ воду, и ихъ стало уносить теченіемъ. Мнѣ такъ было жалко ихъ потерять, что я влѣзъ въ воду одѣтый, и когда вылѣзъ обратно, то представлялъ собою скользкую, грязную и мокрую кучу. Табунщикъ поглядѣлъ на меня молча и сталъ привязывать птицъ къ сѣдлу.

— Онъ не очень-то годится для ѣды,—вѣдь это нырки.

— Нырки!—воскликнулъ я.—Почему же они не ныряли?

— Вѣроятно были еще молоды и неопытны.

— Да,—произнесъ я, приунывъ, но все еще стараясь быть остроумнымъ:—настоящимъ-то ныркомъ оказался я.

Онъ ничего не возразилъ, но въ тотъ же день, проходя мимо помѣщенія для служащихъ, я слышалъ его мягкій голосъ. Онъ что-то рассказывалъ, и его внимательно слушали. До меня донесли заключительныя слова:

— И только шляпа на его головѣ убѣдила меня въ томъ, что передо мною былъ человѣкъ, а не черепаха.

Рассказъ имѣлъ большой успѣхъ, а я поспѣшилъ удалиться.

На другое утро я былъ занятъ съ курами. Двѣ курицы оспаривали другъ у друга яйца, которыя ежедневно клала третья и которыя мнѣ не хотѣлось давать имъ высидивать. Кромѣ того, мнѣ пришлось согнать курицу, названную мною Эмилией, съ семи картофелинъ, изъ которыхъ она собиралась высидѣть какое-то невѣдомое поколѣніе. Эмилія неистово кричала, и въ эту минуту ко мнѣ подошелъ мой табунщикъ, чтобы, какъ я заподозрилъ, собрать матеріалъ для новыхъ рассказовъ въ пекарнѣ.

— Пропалъ у насъ нашъ лучшій пѣтухъ,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я ничего не отвѣчалъ. Я былъ еще сердитъ за черепаху.—Его куда привезли, и онъ долго здѣсь жилъ, когда судья былъ еще холостой,—продолжалъ табунщикъ,—и пѣтуху никогда не случалось видѣть женщинъ и вообще женскій костюмъ. Не схватили ли вы ревматизма, сэ?

— Я? Нѣтъ.

— А я думалъ, что можетъ быть, когда вы ныряли за утками... Сегодня утромъ у васъ былъ такой невеселый видъ.

— Нѣтъ, я совершенно здоровъ, благодарю васъ... Такъ что же вы стали рассказывать о пѣтухѣ?

— Да, такъ вотъ, когда м-съ Генри пріѣхала сюда послѣ свадьбы, то утромъ пошла осматривать ферму. Какъ увидалъ нашъ пѣтухъ ея юбку, такъ и далъ тягу, да съ тѣхъ поръ и не возвращался.

— Вотъ тутъ и курица у васъ есть одна очень странная,— сказалъ я, указывая на Эмилию, и сообщилъ ему о картофелинахъ.

— Я не зналъ до сихъ поръ ея имени, — сказалъ табунщикъ:—убѣжавшій этотъ пѣтухъ ее терпѣть не могъ, и она его ненавидѣла. Впрочемъ, она всѣхъ пѣтуховъ терпѣть не можетъ.

— Это я ей далъ имя. У насъ дома есть одна добродѣтельная старая дѣва, которую такъ зовутъ. Она—членъ общества покровительства животныхъ. Я въ честь ея и назвалъ Эмилию. А что, она клала когда-нибудь яйца? Мнѣ кажется, она не умѣетъ. Она сама скорѣе на пѣтуха похожа.

— Да, это правда,—согласился табунщикъ, съ интересомъ разглядывая Эмилию.

Это была удивительная курица, огромная, худая, съ большимъ желтымъ клювомъ, и держалась она прямо, а движенія у нея были быстрыя, какъ у человѣка, сознающаго, что на немъ лежитъ большая отвѣтственность. Хвостъ у нея торчалъ въ бокъ и одно перо было вдвое длиннѣе остальныхъ. На груди у нея совсѣмъ не было перьевъ, благодаря ея вѣчному сидѣнью на картофелинахъ и другихъ, не менѣе грубыхъ и не менѣе противостественныхъ для ея цѣли предметахъ. Отсутствие перьевъ на груди придавало ей декольтированный видъ, очень не подходившій ко всему ея цѣломудренному существу. У нея были замѣчательно блестящіе глаза, принимавшіе иногда выраженіе оскорбленности и обиды, точно, рассказывая по бѣлу-свѣту, она бывала каждую минуту глубоко оскорбляема тѣмъ, что творилось вокругъ нея. Ноги у нея были длинныя, синеватыя и необыкновенно крѣпкія.

— Вы говорите, что она садится на картофелины? — спросилъ табунщикъ.

— Да, она надѣется что-нибудь высидѣть изъ нихъ. Разъ я видѣлъ, какъ она сидѣла на луковичахъ, а въ прошлый четвергъ вытащилъ изъ-подъ нея два круглыхъ куска мыла.

Табунщикъ задумался.

— А можетъ быть, на нее дурно вліяетъ эта пустынная

страна. Съ иными людьми это бываетъ. Часто случается, что сѣверо-американскіе охотники повреждаются отъ одиночества и громко разговариваютъ, когда на сто миль кругомъ нѣтъ ни единой человѣческой души.

— Да вѣдь Эмилиа не одинока, — возразилъ я: — у васъ здѣсь сорокъ куръ.

— Да, это правда... Ее надо бы показать Телору. Самая подходящая она учительница для школы въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“.

— Онъ опять задумался. — Можетъ быть, она была высижена послѣ сильной грозы.

— Послѣ сильной грозы! — воскликнулъ я.

— Да, развѣ вы не знаете, какъ это вліяетъ на яйца? Они дѣлаются болтунами, безъ зародыша. Можетъ быть, и у Эмилии всѣ яйца оказывались болтунами. Она не могла ихъ высидѣть и наконецъ бросила этимъ заниматься. Но, конечно, у нея кромѣ этого мозга не въ порядкѣ.

— Боюсь, что такъ, — подтвердилъ я.

— Но все-таки у нея благородныя стремленія. Она не способна власть яйца, но хочетъ ихъ высиживать и быть во что бы то ни стало матерью.

— Желалъ бы я знать, какъ законъ опредѣляетъ родство курицы къ цыплятамъ, которыхъ она не снесла, но высидѣла? — сказалъ я.

Табушникъ ничего не отвѣтилъ на мое легкомысленное замѣчаніе. Кажется, онъ и не слышалъ его.

— Да, здѣсь причиною гроза, а не одиночество, — задумчиво произнесъ онъ. — А вы любите одиночество?

Я отвѣчалъ, что люблю.

— Я не могу больше безъ него обходиться. Оно вошло въ мою природу. Разъ я отправился къ себѣ домой, повидать моихъ родныхъ. Мать моя медленно умирала и звала меня. Прожилъ я тамъ годъ, и почувствовалъ, что не нравятся мнѣ больше горы моей родной Виргиніи. Когда мать умерла, я распрощался съ братьями и сестрами. Мы всѣ довольно любимъ другъ друга, но я не думаю возвращаться къ нимъ.

Въ тотъ же день, вернувшись съ охоты на антилопу, мы увидали, что Эмилиа уѣхала на вучку калифорнскихъ персиковъ, привезенныхъ судьей съ желѣзной дороги. Но вскорѣ ея непрощенная энергія была направлена въ другую сторону. Появилась одна изъ индюшекъ съ двѣнадцатью только-что выведенными индюшатами, и почти одновременно появилось цѣлое семейство бантамскихъ куръ. Увидавъ ихъ, Эмилиа перебѣжала за-

гонъ и преградила путь двумъ цыплятамъ, подпрыгивавшимъ въ догонку за своей настоящей маменькой. Произошла стычка съ насѣдкой, но такъ какъ она была слабѣ Эмилиі, то должна была отступить съ остальнымъ семействомъ, оставивъ двухъ цыплятъ. Тутъ я вмѣшался и возвратилъ цыплятъ матери, но это ни къ чему не повело, и черезъ часъ я увидалъ Эмилию, очень озабоченную добываніемъ корма и всевозможныхъ удобствъ своимъ воспитанникамъ. Не удовольствовавшись этимъ, она сдѣлала попытку отнять и у индюшки нѣсколько индюшатъ, но эта попытка окончилась полной неудачей. Мы съ табунщикомъ были свидѣтелями этой сцены, и на насъ она произвела сильное впечатлѣніе. Несомнѣнно, все это должно было производить впечатлѣніе и на птицъ. Это можетъ показаться неосновательнымъ только тѣмъ, которые изъ животныхъ наблюдали одного человека. Но я увѣренъ, что и въ жизни птицъ и звѣрей существуютъ привычки и условности, нарушеніе которыхъ волнуетъ и пугаетъ ихъ. Нѣсколько дней подъ рядъ Эмилиа нападала то на индюшекъ, то на куръ, и за время этой борьбы нѣкоторые изъ нихъ умерли, хотя я надѣюсь, что не Эмилиа была причиною ихъ смерти. Вскорѣ ея вниманіе было отвлечено отъ куриного дома. Въ одно прекрасное утро явилась собака судьи, рыжій сеттеръ, выразительно помахивая хвостомъ. Она только-что оченилась и желала показать намъ, что ея дѣти находятся въ дырѣ между поломъ и землею. Прикрывая крыльями щенятъ, возсѣдала Эмилиа. Ей удалось наконецъ найти недостойную мать. Сеттеру надоѣдали ея собственные щенки. Она находила, что дыра подъ домомъ—гораздо болѣе темное и скучное мѣстопрѣбываніе, чѣмъ столовая. Общеніе съ высшей породой живыхъ существъ приподняло ея умъ надъ обычнымъ уровнемъ развитія и превратило ее въ безсердечную мать, пренебрегавшую своими священными обязанностями ради свѣтскихъ развлеченій. Нѣсколько разъ въ день она прибѣгала къ щенкамъ, чтобы накормить ихъ, но, исполнивъ кое-какъ эту церемонію, тотчасъ же убѣгала, и была очень довольна, что у нея нашлась добросовѣстная гувернантка. Съ Эмилией она никогда не ссорилась, и онѣ прекрасно понимали другъ друга. Эмилиа была вполнѣ счастлива, прикрывая заботливо крыльями еще слѣпыхъ щенятъ; а когда они подросли и стали вылѣзать изъ-подъ дома, неувѣренно переступая распадавшимися ногами, она продолжала дѣятельно заботиться о нихъ, и я жалѣлъ, что не было какого-нибудь знаменитаго натуралиста, чтобы посмотрѣть на эту картину. Эмилиа скребла землю и кудachtала, и щенки бѣжали къ ней, неловко

хватали ее своими толстыми, неуклюжими лапками и играли въ прятки подъ ея крыльями.

— Я думаю, они принимаютъ ее за кормилицу,—замѣтилъ разъ, глядя на нихъ, табунщикъ.

Скоро, однако, щенята стали слишкомъ тяжелы для Эмилиі, слишкомъ шаловливы. Разъ или два они свалили ее; она вскочила и начала весьма основательно ихъ клевать. Тогда собачонки отскочили, чтобы быть въ безопасности, и, утѣвшись въ кружокъ, стали тѣвять на нее.

Повидимому, они начинали догадываться, что все-таки это была не болѣе, какъ курица. Послѣ этого случая Эмилиа ихъ оставила, обнаруживъ полное равнодушіе. Это удивило меня, хотя потомъ я и сообразилъ, что еслибъ у нея были цыплята, то она тоже оставила бы ихъ въ этотъ періодъ времени.

Теперь Эмилиа опять „осталась безъ мѣста“, какъ выразился про нее табунщикъ.

— Она опять начнетъ искать полезной дѣятельности,—привавилъ онъ. Чтобы успокоить Эмилию, я принесъ и подложилъ ей нѣсколько гладкихъ яйцевидныхъ камней, и она просидѣла на нихъ въ ящикѣ цѣлый день.

— Къ чему это вы ее такъ дурачите!—съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ табунщикъ.—Она доказала, что умѣетъ исполнять материнскія обязанности, и я вовсе не желаю бы надъ нею издѣваться.

Онъ выбросилъ курицу на землю, и она побѣжала вдоль изгороди въ крайне нервномъ состояніи.

— Камни-то до чего горячіе! — жалобно протянулъ табунщикъ, и сталъ бросать ихъ одинъ за другимъ за изгородь.—Надъ нею нельзя смѣяться, у нея совершенно человѣческія чувства и желанія. До сихъ поръ я думалъ, что только лошади да мои шотландскія овчарки похожи на людей. Я достану настоящее яйцо для Эмилиі.—Онъ пошелъ къ насѣдкамъ, вынулъ изъ-подъ одной изъ нихъ яйцо и усадилъ на него Эмилию, хотя это удалось не сразу. Она была растревожена и въ очень нервномъ состояніи.

На другое утро я проснулся отъ какого-то страннаго, непрекращавшагося звука. Онъ то приближался, то удалялся. Я вскочилъ съ постели и выбѣжалъ изъ дома.

Я увидалъ Эмилию; она бѣгала передъ домомъ взадъ и впередъ, вся растрепанная, и, не переставая, жалобно кричала. Цыпленокъ вылупился черезъ десять часовъ послѣ того, какъ она сѣла на яйцо. Маленькій одинокій комочекъ желтаго пуха се-

менилъ вслѣдъ за матерью, изъ всѣхъ силъ стараясь не отставать отъ нея. Въ первую минуту я готовъ былъ принять это быстрое вылупленіе за чудо, за дурное предзнаменованіе, но потомъ сообразилъ, что табунщикъ могъ взять яйцо, на которомъ курица уже сидѣла недѣли три. И дѣйствительно, въ куриномъ домѣ какъ разъ объявился новый выводокъ. Несмотря на это естественное объясненіе событія, Эмилиа продолжала бѣгать и жалобно кричать, такъ что всѣ сошлись смотрѣть на нее. Крылья и кривой хвостъ ея развѣвались, крѣпкія ноги поднимались выше обыкновеннаго отъ волненія, а въ блестящихъ желтыхъ глазахъ, увидавшихъ такое нарушеніе естественныхъ законовъ природы, выражались болѣе чѣмъ обида и оскорбленіе. Табунщикъ принесъ ей воды и корма, но она ни къ чему не прикоснулась. Насталъ вечеръ, край канала сдѣлался лиловымъ. Эмилиа взобралась на вѣтку дерева, все еще продолжая кричать. Крикъ этотъ перешелъ въ отдѣльныя тонкія, острые ноты, выражавшія высшую степень ужаса. Подобнаго звука я никогда не слышалъ ни прежде, ни послѣ. Подъ деревомъ стоялъ испуганный шарикъ желтаго пуха, пищалъ и тщетно подпрыгивалъ, стараясь достать до своей матери.

Подойдя къ дереву поздно вечеромъ, я нашелъ Эмилию, распростертую на землѣ безъ признаковъ жизни. Я отнесъ цыпленка въ куриный дворъ, къ его братьямъ и сестрамъ.

Возвращаясь оттуда, я увидалъ, что табунщикъ украдкой копаеъ могилку.

— Приходилось мнѣ не разъ хоронить людей, — сказалъ онъ, — и я меньше ихъ уважалъ, чѣмъ ее.

Послѣднія слова, съ которыми я обратился къ нему, уѣзжая изъ „Глубокой-Рѣки“, были:

— Не забывайте Эмилию.

— Не забуду, — отвѣчалъ онъ: — ея жизнь — настоящая притча.

Онъ уже не говорилъ мнѣ больше: „сѣ“, и вообще наши отношенія приняли дружескій характеръ. Онъ даже обѣщалъ отвѣтить мнѣ, если я пришлю ему письмо въ „Глубокую-Рѣку“. Судья провожалъ меня на желѣзную дорогу.

— Боюсь, что буду страдать тоской „по Глубокой-Рѣкѣ“ — сказалъ я ему.

— Такъ что жъ, пріѣзжайте опять, — отвѣчалъ онъ, и мнѣ очень захотѣлось воспользоваться его приглашеніемъ, — до такой степени очаровалъ меня Вайомингъ.

VII.

„Дорогой другъ! — писалъ мнѣ тою же весною виргинецъ. — Ваше письмо получилъ. Нехорошо, что хвораете. Поправитесь, если бросите городъ и поохотитесь со мною въ августъ или сентябрѣ. Въ это время олень ливяетъ. Дѣла мои здѣсь нехороши, но я не стану приставать къ судѣ и устраивать скандалы. Онъ самъ захочетъ меня вернуть, когда проглотитъ немного лекарства, называемаго временемъ. Теперь отвѣчу на ваши вопросы. Да, курица Эмилиа наѣлась, должно быть, ядовитой травы; это иногда случается съ курами. Нѣтъ, школа еще не выстроена. Стива я не видалъ. Сердить на него. Помните человѣка, съ которымъ я игралъ въ поверъ и которому я такъ не понравился? Онъ здѣсь на работѣ неподалеку. У него выгораетъ только, когда онъ имѣетъ дѣло съ слабыми или трусами. У дяди Югея родились близнецы. Многие его дразнятъ, но я все-таки думаю, что дѣти — его. Вотъ все, что знаю. Очень хочу васъ видѣть и чтобы вы были здоровы. Не имѣетъ смысла хворать“. Затѣмъ въ письмѣ обсуждалось, какое лучше всего выбрать мѣсто для охоты.

Охота эта состоялась, и въ теченіе недѣль, проведенныхъ съ виргинцемъ, мнѣ удалось узнать, отчего онъ ушелъ отъ судьи. Было все это сказано въ немногихъ словахъ, такъ какъ южанинъ не любилъ многословно говорить о себѣ. Благодаря зависти или ревности главнаго надсмотрщика, ему все время приходилось выполнять чужую работу, при чемъ все было такъ подстроено, что онъ за это ничего не получалъ. Заводить сплетни и препирательства онъ считалъ унижительнымъ, и поэтому просто взялъ да и ушелъ. Онъ былъ увѣренъ, что судья Генри замѣтитъ совпаденіе его ухода съ уменьшеніемъ количества добросовѣстной работы. Относительно ссоры со Стивомъ онъ молчалъ, но было ясно, что дружба ихъ кончилась. Денегъ за свои услуги мнѣ во время охоты онъ рѣшительно отказался взять, говоря, что вполне достаточно, что я его кормлю.

Его предположенія оправдались, и уже къ концу зимы судья Генри узналъ, въ чемъ было дѣло, и вернулъ его къ себѣ на службу.

— Онъ никогда бы и не ушелъ отъ насъ, — сказала м-съ Генри, — еслибъ ты меня тогда послушалъ, Генри!

— Ну, еще бы, сударыня! — отвѣчалъ судья: — вы вѣдь очень цѣните красивую вѣшность.

— Я и не отрицаю, что мнѣ было очень жаль не видѣть больше его черныхъ какъ уголь волосъ и голубого платка съ крапинками, ловко повязаннаго вокругъ шеи, когда онъ подводилъ мнѣ верховую лошадь.

— Благодарю васъ, дорогая, за предупрежденіе. На будущее время распоряжусь такъ, чтобы онъ всегда былъ въ отлучкѣ.

— Нѣтъ, полно,—произнесла м-съ Генри,—я всегда знала, что ты пріобрѣлъ сокровище въ лицѣ этого человѣка.

Судья засмѣялся. — Когда мнѣ все открылось, и я узналъ, какъ ловко онъ поступилъ, заставивъ меня оцѣнить свой трудъ, я не зналъ, исполнѣ ли безопасно для меня взять его опять къ себѣ. Онъ въ ловкости и смѣтливости не уступитъ мнѣ, а это довольно опасно въ подчиненномъ. Я успокоился только, узнавъ, отчего онъ разошелся со Стивомъ. Оказалось, что стали обнаруживаться пропажи скота въ окрестностяхъ, и хотя Стива нельзя было открыто уличить въ сообщничествѣ съ грабителями, но всѣмъ стало извѣстно, что южанинъ рѣшительно разошелся съ нимъ. Слѣдующею новостью было извѣстіе, что школа въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ была наконецъ готова, и что одна лѣди изъ Беннингтона въ Вермонтѣ, пріятельница м-съ Балаамъ, вдругъ рѣшилась попробовать заняться образованіемъ юнаго поколѣнія.

VIII.

Я не знаю, съ чѣмъ предположеніемъ вы согласились, прочитавъ выше приведенное письмо миссъ Молли Старкъ Вудъ: съ предположеніемъ ли м-ра Тэлора, думавшаго, что ей сорокъ лѣтъ, или съ предположеніемъ виргинца, сказавшаго, что ей должно быть около двадцати? Во всякомъ случаѣ, я долженъ вамъ сообщить, что послѣдній былъ правъ, и ей минуло въ тотъ день, когда она писала письмо, двадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

Путешествіе въ двѣ тысячи миль и въ страну, гдѣ разгуливаютъ на свободѣ индѣйцы и дикіе звѣри—непривычное дѣло для обыкновенной молодой дѣвушки. Не особенно также могло льстить ея самолюбію и казаться завиднымъ мѣсто учительницы въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“. Но миссъ Молли Старкъ Вудъ не была обыкновенной молодой дѣвушкой по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, по своему происхожденію. Еслибъ она только захотѣла, то могла бы принадлежать ко множеству патріотическихъ обществъ, прожужжавшихъ намъ уши въ Америкѣ. Могла быть членомъ „Общества чаепитій въ Бостонѣ“, „Общества дочерей Зеле-

ныхъ-Горъ“, „Саратогскаго Священнаго Союза“ и „Общества Союзныхъ колоніальныхъ дамъ“. Она носила имя и происходила по прямой линіи отъ извѣстной въ исторіи Молли Старкъ, жены знаменитаго капитана Джона, военная слава котораго гремѣла изъ поколѣній въ поколѣнія среди школьниковъ. И, несмотря на все это, Молли не хотѣла быть членомъ патріотическихъ обществъ. Въ общихъ разговорахъ она присоединялась къ похваламъ и почтительнымъ отзывамъ о нихъ, но, получая приглашеніе сдѣлаться членомъ одного изъ нихъ, по выраженію ея подругъ „задирала носикъ“. Изъ всѣхъ своихъ вещей Молли больше всего дорожила портретомъ-миніатурой, изображавшимъ историческую Молли Старкъ въ возрастѣ двадцати-трехъ лѣтъ. Она никогда не разставлялась съ портретомъ. Каждое лѣто она ѣздила въ Дунбартонъ, въ Нью-Гэмпшайръ, и нивакія похвалы ее такъ не радовали, какъ слова, произнесенныя тамъ одной двоюродной бабушкой: взявъ ее за руку и пристально посматрѣвъ на нее, старуха говорила:

— Дорогая моя, ты съ каждымъ годомъ становишься все больше похожа на покойную генеральшу. Ну, а теперь бѣги переодѣться къ чаю. Всѣ Старки всегда отличались пунктуальностью.

Молли убѣгала въ свою комнату и, рискуя погрѣшнить противъ пунктуальности Старковъ, довольно долго рассматривала два предмета: портретъ генеральши и свое собственное лицо въ зеркалѣ. Вторая причина, дѣлавшая миссъ Молли необыкновенной дѣвушкой,—это былъ ея характеръ. Характеръ этотъ явился результатомъ фамиліной гордости и энергіи, боровшейся съ фамиліными неудачами и несчастіями.

Ровно за годъ передъ тѣмъ, какъ Молли должна была начать выѣзжать въ свѣтъ, заводъ, принадлежавшій ея семьѣ и составлявшій главный источникъ дохода, обанкротился. Въмѣсто того, чтобы думать о своемъ первомъ вечернемъ туалетѣ, Молли стала разыскивать учениковъ, которымъ нужно было брать уроки музыки. Потомъ стала варить варенья и дѣлать консервы изъ разныхъ фруктовъ. Въ то время женщины еще не работали на пишущихъ машинахъ, а то, конечно, Молли предпочла бы это занятіе мѣтѣ платковъ и варкѣ варенья. Въ обществѣ иные удивлялись, какъ могла такая леди, какъ миссъ Вудъ, бѣгать по урокамъ, и находили, что Самъ Баннеттъ—довольно подходящая пара для дѣвушки, которой приходится вышивать платки по пяти центовъ за бузву.

— Я полагаю, что у него бабушка была не хуже, чѣмъ у

нея,—замѣтила при этомъ м-съ Флинтъ, жена баптистскаго священника.

— Весьма возможно, — возразилъ приходской священникъ епископальной церкви, большой другъ Молли, — только мы почему-то не знаемъ, кто она была.

Послѣ этого возраженія, м-съ Флинтъ заявила одной пріятельницѣ, что всегда думала, что члены епископальной церкви — весьма вичливый народъ, а теперь не думаетъ, а знаетъ это навѣрное. Была ли знаменитая бабушка причиной отказа Молли Старкъ Саму Баннетту, я не знаю, потому что никогда не былъ молодой дѣвушкой. Быть можетъ, причиной было то, что всякая работа бываетъ часто менѣе унизительна, чѣмъ замужество. Какъ бы то ни было, Молли продолжала вышивать платки, давать уроки и отказывать Саму Баннетту. Къ двадцати годамъ она замѣтно поблѣднѣла и похудѣла, „переутомилась“, какъ увѣряли ее друзья, а родные стали болѣе настойчиво совѣтовать ей выйти замужъ. Въ это время она особенно сошлась со старой двоюродной бабушкой, и та очень ободрала и поддерживала ее.

— Никогда! — говорила старуха: — особенно, если ты не можешь его любить.

— Онъ мнѣ нравится, — замѣчала Молли, — и онъ очень добрый.

— Никогда! — повторяла старая леди: — когда я умру, тебѣ кое-что достанется, а ждать теперь уже не долго.

Молли обняла бабушку и поцѣлуемъ помѣшала ей говорить.

Черезъ два года послѣ этого, какъ-то разъ зимою, м-съ Флинтъ увидала, какъ Самъ Баннеттъ вышелъ очень разстроенный изъ стараго дома Старковъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ, не поднимая головы.

— Эта дѣвушка просто сумасшедшая! — съ гнѣвомъ произнесла м-съ Флинтъ, отходя отъ окна, служившаго ей наблюдательнымъ постомъ.

А въ одной изъ комнатъ стараго дома сидѣла Молли и плакала: ей было невыносимо, что она огорчила человека, любившаго ее, какъ только онъ умѣлъ любить. Дверь отворилась, и въ комнату вошла пожилая дама.

— Дорогая моя, — начала она, — неужели ты могла...

— Ахъ, мама! — воскликнула молодая дѣвушка: — и ты тоже!..

Съ этого дня Молли сдѣлалась очень мрачной и раздражительной, черезъ три недѣли приняла предложеніе поступить учительницей въ школу въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“, а черезъ два мѣ-

сяца отправилась въ путь съ тяжелымъ сердцемъ, но съ душою, жаждавшею окунуться въ невѣдомую новую жизнь.

IX.

Въ одинъ прекрасный день небольшая кучка объѣзчиковъ ѣхала по дорогѣ изъ „Глубокой-Рѣки“, чтобы согнать скотъ, пасшійся на отведенномъ для него пастбищѣ. Молодые люди болтали, смѣялись и пѣли. Виргинецъ вначалѣ былъ мраченъ и молчаливъ, и товарищи не приставали къ нему, зная его характеръ; но, наконецъ, онъ тоже затынулъ своимъ пріятнымъ голосомъ пѣсню собственнаго сочиненія. Въ ней говорилось о какой-то дѣвушкѣ изъ племени лулу, и послѣднія строки, отличавшіяся нецензурностью, возбудили особенный восторгъ объѣзчиковъ. Они подхватывали припѣвъ и на всемъ скаку ударяли въ тактъ пальцами о землю. Такимъ образомъ подѣхали они къ вновь выстроенной школѣ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ и, невольно сдержавъ свое шумное веселье, заявили, что если повсюду разведутся женщины, дѣти и проволочные заборы, то мужчинамъ житья не будетъ въ странѣ. Они заѣхали пообѣдать къ товарищу, жившему неподалеку, и, войдя въ комнату, увидали что-то, ползавшее по полу съ коробкой спичекъ въ рукахъ. Чиркнувъ спичками о коробку, это „что-то“ страшно испугалось неожиданнаго результата и громко заплакало, а изъ кухонной двери высунулась голова хозяйки, попросившей мужа не дразнить Христофора. Замѣтивъ спички, она пришла въ ужасъ, но, увидавъ, что ребенокъ затихъ на рукахъ южанина, улыбнулась ему и вернулась въ кухню.

— А сколько у васъ такихъ молодцовъ, Джэмсъ?—спросилъ виргинецъ.

— Только двое.

— Эге! А вы только три года женаты. Не теряете даромъ времени, Джэмсъ.

Въ это время появилась раскраснѣвшаяся, оживленная хозяйка съ кушаньемъ въ рукахъ. За обѣдомъ объѣзчики уткнули носы въ тарелки и односложно отвѣчали хозяйкѣ. Она почти одна поддерживала разговоръ, рассказывая о томъ, какъ увеличилось количество семейныхъ людей въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“, объ ожидаемой новой учительницѣ, о томъ, какъ рано прорѣзались зубы у ея старшаго сына, и о томъ, что всѣ они должны жениться, слѣдуя примѣру Джэмса. Холостяки слушали недовѣр-

чиво, но почтительно молчали. Веселье вернулось къ нимъ только когда они уѣхали и расположились на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Тамъ виргинецъ на сонъ грядущій спѣлъ имъ, какъ онъ повезъ свою дѣвушку изъ племени лулу въ школу учиться азбукѣ, и непередаваемые подробности этой пѣсни снова вызвали дружный и продолжительный хохотъ всей компаніи.

Въ одинъ такой же прекрасный день нѣсколько дамъ стояли передъ вагономъ поѣзда, отходящаго изъ Беннингтона въ Вермонтъ. Имъ изъ окна улыбалась молодая дѣвушка и быстро отступила въ глубину вагона, чтобы не дать имъ замѣтить, какъ улыбка исчезла съ ея лица, когда поѣздъ тронулся. На слѣдующей станціи, на встрѣчномъ поѣздѣ, она увидала знакомыя лица инженера и кондуктора, и закрыла глаза изъ боязни заплакать при видѣ лицъ и вещей, напоминавшихъ ей все, что она долго покидала. Ея рука судорожно сжимала букетикъ данныхъ ей на прощанье цвѣтовъ. Но вдругъ что-то заставило ее открыть глаза. Передъ нею стоялъ Самъ Баннетъ и просилъ у нея позволенія проводить ее и проѣхать нѣсколько станцій.

— Нѣтъ!—отвѣчала она, и отъ усилія сдержатъ свою печаль голосъ ея звучалъ особенно рѣзко.—Вы не проѣдете со мною ни одной мили. Прощайте.

И Самъ Баннетъ послушался, не понимая, что въ такихъ случаяхъ слушаться глупо. Онъ колебался, мгновенія летѣли, кондукторъ крикнулъ: „по мѣстамъ!“—поѣздъ тронулся, а на платформѣ стоялъ послушный Самъ, и мгновеніе возможнаго счастья улетѣло отъ него, какъ бабочка.

Въ шесть часовъ утра на четвертые сутки поѣздъ привезъ Молли къ мѣсту ея назначенія и ушелъ дальше, исчезая среди прерій. Она пересѣла въ повозку, которая чуть не опрокинулась вмѣстѣ съ нею въ попавшійся на пути оврагъ, но миссъ Молли не потеряла при этомъ присутствія духа. Выѣхавъ на ровную дорогу, возница завелъ съ нею разговоръ и даже уговаривалъ ее, на протяженіи пятнадцати миль, выйти за него замужъ. При этомъ онъ рассказывалъ ей о своей уютной хижинѣ, лошадаѣхъ и золотомъ рудникѣ. У него было такое открытое, милое лицо, что на прощанье она протянула ему руку и, смѣясь, обѣщала подумать объ его предложеніи. У слѣдующаго возницы лицо было не открытое и не милое и онъ все время потягивалъ виски. Всю ночь Молли не могла заснуть, чувствуя всю свою безпомощность въ то-и-дѣло накренившейся повозкѣ. Возшедшее солнце озарило солончаки, покачивавшуюся во всѣ стороны повозку съ возницей и бутылкой на козлахъ и блѣдную молодую

дѣвушку. Она выглядывала на равнину и завязывала платкомъ пучокъ уже завядшихъ цвѣтовъ. Они подѣхали къ рѣкѣ. Возница пошелъ въ бродъ. Два колеса погрузились въ воду, и кузовъ повозки затрепалъ и зашлепалъ, какъ падающій бумажный змѣй. Вода плескалась выше ступицы, сидѣнье накренилось все больше и больше, и молодая дѣвушка выглянула наружу и дрожащимъ голосомъ спросила, не случилось ли чего-нибудь. Но возница только сыпалъ крѣпкія слова своей запряжки, сопровождая ихъ ударами вѣвута. Вдругъ возлѣ повозки появился высокій всадникъ и такъ быстро подхватилъ молодую дѣвушку къ себѣ на лошадь, что она вскрикнула. Она услышала всплескъ воды, увидала расходившуюся зыбь и почувствовала себя высоко надъ берегомъ. Всадникъ сказалъ ей, чтобъ она держалась крѣпко и не боялась, но она не была въ состояніи даже поблагодарить его. Послѣ четырехъ сутокъ въ вагонѣ и двухъ дней на лошадяхъ, она начинала думать, что съ нея было болѣе чѣмъ довольно этой невѣдомой новой жизни. Она видѣла, какъ повозку окружили какіе-то всадники, съ помощью веревокъ вытащили ее на берегъ и тотчасъ же исчезли, угоняя стадо рогатого скота, которое громко мычало. Потомъ она увидала, какъ высокій всадникъ говорилъ что-то возницѣ, но такъ тихо, что она не могла слышать словъ; потомъ въ его рукѣ очутилось что-то въ родѣ бутылки и тотчасъ же полетѣло и нырнуло въ потокъ, при громкомъ протестующемъ возгласѣ возницы. Потомъ всадникъ взялся за луку, оглянувшись, замедливъ движеніе, на сидѣвшую на берегу молодую путешественницу, отвелъ отъ нея свои серьезные глаза, вскочилъ на лошадь и у скакалъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она произнесла, наконецъ, беззвучнымъ голосомъ вслѣдъ его удалявшейся спинѣ:

— О, благодарю васъ!

Къ ней подошелъ и физически, и нравственно преобразившійся возница, помогъ ей влѣзть въ повозку и освѣдомился, меланхолично повѣсивъ голову, о ея самочувствіи. Потомъ, весь мокрый и размякшій, какъ и его лошади, подобралъ возжи и остальную часть пути обращался съ экипажемъ такъ осторожно и нѣжно, какъ будто это была дѣтская колясочка.

Что же касается миссъ Вудъ, то она вполне пришла въ себя и сидѣла, обдумывая и вспоминая всѣ подробности своего приключенія. Чтò могъ подумать о ней этотъ всадникъ? Она вѣдь даже не имѣла возможности какъ слѣдуетъ поблагодарить его. Кромѣ того, ее смущало, что она не могла вспомнить гдѣ находились ея руки, когда онъ перевозилъ ее черезъ рѣку. Ея

платокъ съ цвѣтами исчезъ, — въ каретѣ нигдѣ его не нашлось. Видѣла она или ей только показалось, что всадникъ пряталъ что-то въ карманъ? И все ея поведеніе съ нимъ было такъ непохоже на нее! Проѣхавъ нѣсколько миль, миссъ Вудъ уже испытывала чувство раздраженія къ своему спасителю и надежду встрѣтиться съ нимъ опять.

Черезъ нѣсколько времени послѣ описаннаго приключенія въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ былъ устроенъ праздникъ по поводу того, что быки, выражаясь на мѣстномъ нарѣчій, „поднялись до семидесяти-пяти“. Это была очень высокая цѣна, и скотоводы хотѣли повеселиться, истративъ излишекъ прибыли. Были, конечно, приглашены всѣ сосѣди. Нѣкоторымъ пришлось для этого проѣхать сорокъ миль, а нѣкоторымъ, какъ, на примѣръ, виргинцу, болѣе ста. У него совершенно неожиданно авилось непреодолимое желаніе взглянуть, какъ всѣ поживаютъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“. Для такого случая онъ приобрѣлъ себѣ пару новыхъ панталонъ и новый шейный платокъ. Товарищи его этого не знали, равно какъ и того, что ему стало на другой же день случайно извѣстно, кто была молодая дѣвушка въ повозкѣ. Никто не обратилъ также вниманія на то, что съ этого дня онъ пересталъ распѣвать свои нецензурные стансы объ обученіи азбукъ въ школѣ, замѣнивъ ихъ пѣснями другого содержанія. Когда онъ проѣзжалъ мимо знаменитой рѣки, направляясь къ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“, то увидалъ, что она вся пересохла. Осталось только нѣсколько лужъ. Онъ напоилъ свою лошадь, Монте, и подумалъ: — „Вотъ удивительно, узнавъ, какъ безопасно можно теперь переѣхать черезъ эту рѣку!“ — и прибавилъ уже громко, обращаясь къ лошади: — „А ужъ ты, шельма, вообразилъ себя героемъ, спасшимъ погибавшую!“ — и онъ потрепалъ Монте по шеѣ. Лошадь приложила уши и зафыркала, и они снова пустились въ путь. До мѣста праздника оставалось еще шестьдесятъ миль.

Х.

Въ кухнѣ готовили всевозможныя изысканныя кушанья и кромѣ того жарили цѣлаго быка. Нѣсколько человѣкъ расположилось возлѣ костра. Здѣсь былъ и Небраски, и Трампасъ, и Медовый-Виргинъ.

— А! и ты здѣсь! — воскликнулъ послѣдній, увидавъ пододвигшаго виргинца. — Онъ нумеръ шестой — такъ, что-ли, ребята?

— Это зависитъ отъ того, какъ вы считаете! — сказали охотники и улегся среди товарищей.

— Разъ, я помню, онъ былъ и первымъ номеромъ; когда кромѣ него никого не было,—замѣтилъ Траппасъ.

— А на какомъ разстояніи отъ меня вы стояли въ это время?—освѣдомился виргинецъ, зѣвая.

— Сегодня, братцы, школьная учительница должна рѣшить, кто изъ насъ первый номеръ,—сказалъ Виггинъ.

— А она уже пріѣхала?—освѣдомился южанинъ, небрежнымъ тономъ.

— Какъ же!.. Расскажи, Небраски, какъ ты хотѣлъ подарить ей канарейку, а она не взяла,—попросилъ Виггинъ. Небраски смущенно улыбнулся.

— Она настоящая лѣди и по честности не беретъ подарковъ, если не желаетъ взять и того, кто ихъ даетъ. А вотъ тебѣ я бы совѣтовалъ вернуть отъ нея письма, которые ты ей писалъ, сплетникъ ты этакій!—обратился Виггинъ къ другому товарищу.

— Ну, ужъ ты скажешь, Медовый!—проворчалъ молодой человѣкъ. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не умѣлъ подписать собственнаго имени.

— Ну, а ты, Божей Бальди!—не унимался Виггинъ, выбравъ себѣ новую жертву.—Какъ насчетъ туфелекъ,—еще не готовы? Приунылъ нашъ Бальди, братцы, я вамъ скажу. На смирной лошади онъ у насъ умѣетъ держаться молодцомъ, не хуже самой учительницы, но вообразите вы себѣ его съ иголкой! Онъ мастерилъ изъ пестрыхъ лоскутковъ туфельки для миссъ Вудъ!

— Неправда, я ихъ купилъ въ Медисинъ-Боу!—выпалилъ Бальди.

— Ага, значитъ, сознаешься!—крикнулъ Виггинъ.—Ну, купилъ онъ, а по дорогѣ-то и раздумался: вдругъ онѣ окажутся велики. Надо было пойти попросить ее помѣрить, да храбрости не хватило. Онъ и сунулъ туфли подъ заборъ, а самъ запылъ серенаду. А учительницы-то дома не было, и онъ долго распѣвалъ: „И гордость я мою, и гнѣвъ, все въ жертву принесу любви“—передъ пустымъ домомъ. Въ это время какъ разъ проходилъ мимо Линъ Макъ-Лэнъ. Бальди далъ тягу черезъ заборъ, и какъ разъ наскочилъ на быка м-ра Тэлора. Нѣкоторыя части Бальдина костюма пострадали, и хорошо еще, что Лину удалось оттащить быка. Ну, а въ это время кто-то и скралъ эти каалоши изъ Медисинъ-Боу. Что-жъ, начнешь кроить новыя, Бальди? Впрочемъ, теперь Линъ Макъ-Лэнъ за тебя постарается.

— Значитъ у нея много поклонниковъ?—освѣдомился виргинецъ, лежа на спинѣ и глядя на звѣзды.

— Столько, что и не оберешься, — отвѣчалъ Виггинъ. — Кого здѣсь изъ-за нея не перебивало! И лошадины, и охотники. Одинъ коноврадь явился, красивый малый; м-ръ Тэлоръ хотѣлъ ее предупредить насчетъ него, такъ м-съ Тэлоръ сказала, что сама за нею приглядитъ и не дастъ въ обиду. Да учительница и не хотѣла ѣздить съ нимъ кататься. Она когда съ кѣмъ ѣздитъ, такъ дѣтей съ собой беретъ.

— Ну, еще бы! — произнесъ Трампасъ.

Виргинецъ отвелъ глаза отъ звѣздъ и сталъ со своего мѣста слѣдить за Трампасомъ.

— Я все-таки думаю, что она чье-нибудь ухаживанье да поощряетъ! — замѣтилъ потерпѣвшій неудачу Небраски.

— Поощряетъ? Это потому, что учится у иныхъ стрѣлять? — сказалъ Виггинъ. — Конечно, я не судья. Я всегда стараюсь держаться подальше отъ добродѣтельныхъ женщинъ. Но все-таки я думаю, что если она кого поощряетъ, такъ только ребятъ. Ихъ она и ласкаетъ, и цѣлуетъ.

— И ѣздитъ верхомъ, и стрѣляетъ, и малыхъ дѣтокъ ласкаетъ. — хихикнулъ Трампасъ. — Дѣло извѣстное: въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Всѣ засмѣялись. Въ преріяхъ люди бываютъ не прочь отъ циническихъ шутокъ.

— Бальди-то она оставила на заборѣ, — продолжалъ Трампасъ, — а сама въ это время съ Линомъ Макъ-Лэномъ...

Раздался общій громкій хохотъ, но вдругъ оборвался. Виргинецъ стоялъ надъ Трампасомъ.

— Теперь встаньте и скажите имъ, что вы солгали! — произнесъ онъ.

Трампасъ нѣсколько времени молчалъ среди мертвой тишины.

— Изъ вашихъ словъ я понялъ, что вы съ нею не знакомы, — выговорилъ онъ наконецъ.

— Поднимитесь на ноги, хорекъ вы этакій, и признайтесь, что вы лжецъ, а не то я расшибу вамъ голову!

Увидавъ глаза южанина, Трампасъ тихо всталъ.

— Я не хотѣлъ сказать... — началъ онъ съ лицомъ, точно сразу опухшимъ отъ внутренней злости.

— Хорошо, довольно. Но подождите садиться. Признавъ себя лжецомъ, вы, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ жизни сказали правду. Вы, Медовый-Виггинъ, я и наши товарищи слишкомъ испорчены частыми побывками въ городѣ, часто нарушаемъ правила благопристойности, но чувство порядочности въ насъ еще живо. Теперь вы можете сѣсть, если хотите.

Трампасъ съ усмѣшкой оглядѣлъ представителей общественнаго мнѣнія, но они уже не были больше на его сторонѣ, и онъ услышалъ со всѣхъ сторонъ:

— Это вѣрно, — она настоящая леди, и т. п.

Когда виргинецъ ушелъ, Трампасъ попробовалъ-было возобновить свои шутки, но его остановилъ Витгинъ.

— Заткни глотку! — сказалъ онъ: — мнѣ все равно, знакомъ онъ съ нею или поступилъ такъ изъ принципа. Онъ тебя отлично отбрилъ, проглоти и роспишись, а мы съ ребятами за-одно съ нимъ.

Итакъ, Трампасъ долженъ былъ проглотить и росписаться, а южанинъ между тѣмъ пошелъ выпить виски и окольными путями завелъ съ хозяиномъ разговоръ о школьной учительницѣ.

— Правда, говорятъ, она очень хороша собою? — спросилъ онъ.

— Да, да, удивительно привлекательна, и при этомъ только и думаетъ, что о ребятахъ. Взрослые ее, повидимому, совсѣмъ не интересуютъ.

— Чтò вы говорите! Ну, а она не простудилась, послѣ того, какъ чуть не утонула въ рѣкѣ?

— Не понимаю, чтò вы говорите. Тонула! Когда? Она ничего такого не рассказывала.

— Ну, такъ, значить, возница, рассказывавшій мнѣ, что-нибудь спуталъ.

— Да, вѣроятно, онъ потопилъ кого-нибудь другого. А вотъ и они! Видите ее, верхомъ она ѣдетъ, и съ нею Вестфали. Куда же вы побѣжали?

— Мнѣ нужно немножко почиститься. Мыло у васъ есть?

— И мыло, и полотенце въ сѣняхъ! — крикнулъ ему въ догонку хозяинъ.

Совершивъ свой туалетъ и нѣсколько разъ выразивъ про себя изумленіе по поводу того, что учительница скрыла о приключеніи на рѣкѣ, виргинецъ прослѣдовалъ въ пріемную комнату. Чтобы попасть въ нее, ему пришлось пройти черезъ кладовую, находившуюся рядомъ съ кухней, и онъ зашагалъ на цыпочкахъ, изъ боязни разбудить спавшихъ въ этой комнатѣ дѣтей. Десять или двѣнадцать ребятъ лежали на столахъ и подъ столами. Въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ няньки были неизвѣстны, и родители таскали съ собою на балы своихъ дѣтей. Завернутые въ одѣяла и плащи, лежали Альфредъ и Христофоръ, параллельно и вертикально маленькимъ Тэлорамъ, Кармоди и другимъ младенцамъ „Медвѣжьей-Рѣки“ и ея окрестностей.

„А Лина еще и нѣтъ!“ — подумалъ южанинъ, заглянувъ въ залъ на собравшуюся компанію. Миссъ Вудъ готовилась начать кадрили.

„Я не замѣтилъ въ тотъ разъ, что у нея такіе красивые волосы,—продолжалъ размышлять виргинецъ,—а сама она еще совсѣмъ маленькая, маленькая дѣвочка“.

— Наше вамъ почтеніе!—крикнулъ первый скрипачъ.

Всѣ начали раскланиваться, и миссъ Вудъ, обернувшись, увидала въ дверяхъ высокаго молодого человѣка. Онъ отвергъ отъ нея глаза, какъ и тогда на рѣкѣ, и она сразу поняла, зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда черезъ полгода, и вспомнила о своемъ платкѣ съ цвѣтами. Она стала танцовать, не обращая вниманія на его присутствіе.

— Сегодня появились новыя лица!—замѣтила она своему кавалеру.

— Вы всегда забываете наши бѣдныя лица!—возразилъ онъ.

— Нисколько! Кто этотъ черный человѣкъ?

— Это—уроженецъ Виргиніи, но онъ совсѣмъ не считаетъ себя чернымъ.

— Онъ глядитъ такимъ букой.

— Чтѣ вы! Нисколько!—и кавалеръ разсказалъ миссъ Вудъ все, чтѣ зналъ объ южанинѣ.

Послѣ кадрили, замѣтивъ, что высокій человѣкъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней, она быстро сказала:

— Здѣсь невыносимо жарко! Я хочу посмотрѣть, чтѣ дѣлаютъ дѣти,—и прошла мимо виргинца, не удостоивъ взглянуть на него.

„Она меня отлично узнала!“ — подумалъ молодой человѣкъ. —Эй!—крикнулъ онъ появившемуся изъ кухни Лину Макъ-Дэну. —Ты не танцуешь?

— Не умѣю.

— Попросилъ бы школьную учительницу тебя научить. Я самъ собираюсь брать у нея уроки.

— Ну, вотъ еще, пойдемъ, лучше выпьемъ. А знаешь, учительница сказала, что я представляю собой исключеніе. И все-таки я не пойду съ нею вальсировать.

— Вальсировать!—Виргинецъ поставилъ на столъ свой стаканъ съ виски и бросился въ залу. Немногіе въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ умѣли вальсировать, и танцовать съ этими немногими значило взять на себя трудную и тяжелую обязанность; поэтому южанинъ хотѣлъ блеснуть своимъ умѣньемъ и ловкостью. Онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Не желаете ли сдѣлать туръ вальса, сударыня?

— Простите...—произнесла она, дѣлая видъ, что не разслышала, и хорошо изученнымъ движеніемъ поднимая на него глаза.

— Не хотите ли протанцовать со мною, сударыня?

— Вы, кажется, изъ Виргиніи?—спросила Молли Вудъ вѣжливо, но не вставая.

— Да, изъ Виргиніи.

— Я слышала, что южане отличаются благовоспитанностью.

— Это совершенно вѣрно!—молодой человѣкъ покраснѣлъ, но голосъ его звучалъ все такъ же мягко.

— Въ Новой-Англіи джентльмены просятъ, чтобы ихъ представили дамѣ, прежде, чѣмъ приглашать ее танцовать.—Онъ простоялъ передъ нею одно мгновеніе, все больше и больше краснѣя. Ея волненіе все возрастало. Она ждала, что онъ заговоритъ о приключеніи на рѣкѣ, и такимъ образомъ дать ей возможность поблагодарить его и быть съ нимъ очень милой, но онъ произнесъ только:—Прошу простить меня, сударыня!—поклонился и ушелъ, а она ужасно испугалась, что онъ больше не придетъ. Но онъ тотчасъ же вернулся съ м-ромъ Телоромъ, который и представилъ его ей. Въ эту минуту дядя Югей принесъ ей стаканъ воды и попросилъ ее на туръ вальса.

И она пошла танцовать, а виргинецъ остался на мѣстѣ, слѣдя глазами за ея кружившейся и удалявшейся фигурой. Предпочла ему дядю Югея!

Этого не доставало! Онъ вернулся къ Маеъ-Дэну и опять взялся за стаканъ.

— Ну что, бралъ уроки танцевъ?—сказалъ, усмѣхаясь, Линъ.
—Видишь, какая она гордая? И съ чего бы, кажется! Родиться въ Вермонтѣ—не Богъ вѣсть какая честь.

— А тебѣ, видно, досталось отъ нея за что-нибудь,—признайся!

— Да, видишь ли, я вздумалъ-было ее поцѣловать. Мнѣ вѣдь все время приходилось съ нею ѣздить то въ школу, то изъ школы; она такъ мило болтала, спрашивала меня о моей жизни и обо всемъ. Я и подумалъ, что она не разсердится. Вѣдь многія изъ нихъ это очень даже любятъ. Ну, а ужъ она—нѣтъ, за это я тебѣ ручаюсь головою!

Виргинецъ почувствовалъ, какъ сердце его забилося гордостью за свою даму. Въ залѣ раздался звукъ скрипокъ и топотъ ногъ.

— Вотъ она танцуетъ!—сказалъ Линъ.

— И опять съ дядей Югеемъ. Глядя на него, не повѣришь, что у него жена и близнецы.

— А теперь она пошла съ Вестфалемъ.

— Какъ, съ Джэмсомъ!—воскликнулъ виргинецъ.—У него тоже жена и дѣти, а онъ отплясываетъ! А теперь вотъ Кармоди и опять дядя Югей! Пойдемъ, Линъ!—Они вышли въ кладовую. Тамъ ихъ вниманіе было привлечено двумя расплававшимися ребятами. Когда они подошли, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, дѣти уже успѣли заснуть.

— Это близнецы дяди Югея,—замѣтилъ Макъ-Лэнъ.—Я видѣлъ, какъ его жена клала ихъ сюда.

Виргинецъ остановился и переспросилъ съ живостью:

— Близнецы дяди Югея, ты говоришь?—и онъ началъ пересчитывать дѣтей:—девять, десять, одиннадцать спящихъ незнакомцевъ,—ну хорошо же!—и онъ началъ быстро и ловко стаскивать съ дѣтей одѣяла и заворачивать ихъ въ одѣяла, покрывавшія другихъ ребятъ. Макъ-Лэнъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза и ничего не понимая, но вдругъ на него нашло просвѣтленіе, и онъ, вскрикнувъ отъ восторга, сталъ помогать товарищу. А пока они возились съ одѣялами и плащами, легкомысленные родители продолжали отплясывать съ увлеченіемъ, и случайный слабый писекъ ихъ потомства не достигалъ до ихъ слуха.

XI.

Праздникъ кончился, и гости разъѣхались.

М-ръ и м-съ Вестфаль ѣхали во мракѣ ночи, и, уже подъѣзжая къ дому, услышали, какъ изъ-подъ платковъ и одѣялъ раздался тонкій голосокъ.

— Джимъ! — сказала жена: — я говорила, что Альфредъ простудится.

— Полно, Лизи, не волнуйся, пожалуйста. Вполнѣ естественно, что годовалый ребенокъ пищить.

И юный Джэмсъ поцѣловалъ любимую жену.

— Какъ это ты можешь говорить про собственнаго ребенка: „годовалый“, точно онъ теленокъ, Джэмсъ Вестфаль!—возмущалась жена.—Ну, вотъ опять... Поѣзжай скорѣе, Джимъ! Право, у него престранный кашель.

Они быстро проѣхали девять миль, и Джэмсъ сталъ распрягать лошадей въ конюшнѣ, а жена его поспѣшила уложить ребенка. Вдругъ онъ услышалъ, что жена его зоветъ и такимъ

голосомъ, что онъ бросился въ домъ, на бѣгу выхвативъ пистолетъ. Однако, въ комнатѣ не оказалось ни медвѣдя, ни индѣйца; причиной волненія были два невинные младенца, лежавшіе на кровати. Мать стояла надъ ними и пожирала ихъ сверкающими глазами.

— Взгляни!—произнесла она трагическимъ голосомъ.

— Куда же ты нашихъ-то дѣла?—спросилъ мужъ, съ облегченіемъ засовывая пистолетъ за поясъ.

— И ты спрашиваешь объ этомъ у меня?..—голосъ ея прервался отъ волненія: — спроси своего Лина Макъ-Лэна, который воруетъ туфли и перемѣшиваетъ здоровыхъ, прелестныхъ дѣтокъ съ чужими, кашляющими мальчишками... Впрочемъ, этотъ, котораго завернули въ новое одѣяльце Христофора, даже не мальчикъ!..—и она зарыдала.

Джэмсъ не могъ удержаться и разразился громкимъ смѣхомъ, но когда пришлось опять собраться въ путь и ѣхать въ Телору, такъ какъ первый ребенокъ былъ несомнѣнно его сынъ Чарли, то веселье м-ра Вестфала значительно поубавилось. Когда же они не застали Телоровъ дома и узнали, что они поѣхали искать своего ребенка, найдя вмѣсто него какое-то живое существо, которое никто не могъ признать, то Джэмсъ неистово хлестнулъ лошадей и возгорѣлся жаждой мести не менѣе, чѣмъ его жена.

На зарѣ Линъ Макъ-Лэнъ разбудилъ виргинца.

— Намъ надо утекать,—сказалъ онъ.

— Ну и утекай,—пробурчалъ кожанникъ изъ-подъ одѣяла,—и прячься, пока они не оцѣнятъ вполне нашей шутки!

Макъ-Лэнъ назвалъ его дуракомъ и пошелъ сѣдлатъ свою лошадь. При этомъ онъ вытащилъ изъ сѣдельной сумки какой-то свертокъ, положилъ его у изголовья Боея Бальди и усакавалъ. Проснувшись, Бальди нашелъ въ свертѣхъ пару туфель.

Не успѣлъ Линъ отскакать и на мило, какъ послышался стукъ колесъ и подъѣхали Телоры. Вслѣдъ за ними явились Кармоди и дядя Югей съ женою, а потомъ одинъ м-ръ Давъ, сообщившій, что у жены его отъ волненія сдѣбался одинъ изъ ея обычныхъ припадковъ, во избѣжаніе которыхъ доктора предписывали ей полнѣйшее спокойствіе.

Раздавались громкіе голоса мужчинъ и женщинъ, плачь и крики дѣтей, и произошло нѣчто невообразимое. Легенды объ этомъ утрѣ и теперь еще живы отъ Техаса до Монтаны.

Конечно, всю вину свалили на исчезнувшаго Лина. Виргинецъ былъ очень услужливъ, держалъ лошадей и помогалъ дамамъ выходить изъ экипажей. Всѣ были глубоко возмущены сатанин-

своей продѣлкой Лина, особенно женщины. Онѣ даже устроили совѣщаніе по этому поводу въ отдѣльной комнатѣ, куда мужчины не допускались, и о подробностяхъ этого совѣщанія я могу только догадываться.

За Макъ-Лэнномъ была послана погоня, но его нигдѣ не могли найти. Выждавъ минуту, когда всеобщее возмущеніе поулеглось, виргинецъ выступилъ на середину и произнесъ:

— Я тотъ, кого вы ищите. Убейте меня, если хотите, я не стану защищаться.

Всѣ тупо замолчали, услыхавъ это заявленіе, и хотя потомъ ему и досталось немного отъ матерей, но въ общемъ онѣ отдался очень легко. Произошло примиреніе, и всѣ ушли за остатки вчерашняго ужина.

Простившись со всею компаніей, виргинецъ осѣдлалъ своего Монте и поѣхалъ къ домику, выстроенному Тэлоромъ для школьной учительницы. Было воскресенье. Занятій въ школѣ не было. Она была дома.

— Я позволилъ себѣ заѣхать, — сказалъ южанинъ.

— Какъ жаль, что м-ра и м-съ Тэлоръ нѣтъ дома!

— Я это зналъ, и потому и заѣхалъ. Не хотите ли поѣхать верхомъ, сударыня, на моей лошади?

— А вы пойдете пѣшкомъ?

— Нѣтъ, сударыня, на этотъ разъ вдвоемъ съ вами на одной лошади мы не поѣдемъ. — Замѣтивъ, что она вся вспыхнула, онъ продолжалъ спокойно: — Я возьму одну изъ лошадей Тэлора, онъ вѣдь меня знаетъ.

— Да, но я все-таки не могу ѣхать. Мнѣ еще надо посмотреть, чтобъ огонь въ кухнѣ Тэлоровъ не погасъ.

— Я присмотрю за этимъ. И, право, вамъ бы очень хорошо было проѣхаться. Съ ребятами сегодня вы можете не возиться.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросила она строго.

Ей показалось, что онъ намекаетъ на дѣтей, относительно которыхъ вчера вечеромъ, избѣгая его, она выказала такую необыкновенную заботливость. На ея строгій вопросъ онъ легко могъ отвѣтить рѣзкостью и такимъ образомъ проиграть сраженіе, — но виргинецъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко проигрываютъ дѣло.

— Что я хочу этимъ сказать? — повторилъ онъ спокойно, удобно усаживаясь возлѣ двери: — что вы успѣете учить вашихъ ребятъ и завтра, если такова ваша обязанность. — И онъ улыбнулся.

— Моя обязанность! Странно, что являются незнакомые люди...

— Развѣ я незнакомый человѣкъ? — перебилъ онъ ее. — Я былъ вамъ представленъ, сударыня. Впрочемъ, если вамъ угодно, я уйду.

Онъ всталъ и остановился со шляпой въ рукахъ.

Она вовсе не хотѣла, чтобы онъ ушелъ. Ни одинъ изъ ея поклонниковъ не былъ похожъ на этого человѣка, и хотя она уже привыкла къ живописному мѣстному костюму, но никогда не видала, чтобы кто-нибудь его такъ красиво носилъ, какъ этотъ кужанинъ. Волнуясь, она краснѣла все больше и больше, и не зная, что сказать, рѣшила быть очень строгой.

— Вы считаете себя взрослымъ и отвѣтственнымъ за свои поступки человѣкомъ, — начала она, — а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяете, чтобы обвиняли м-ра Макъ-Лена во всей этой кутерьмѣ...

— Я не отрекаюсь, что это сдѣлалъ я.

— Ну, я такъ и знала! Я съ самаго начала это говорила!

— А утверждаете, что я для васъ незнакомый человѣкъ! — пробормоталъ онъ. — А кому же вы говорили, что это я?

Ей показалось, что она одержала побѣду.

— Вы боитесь? — спросила она и весело разсмѣялась.

— Настолько боюсь, что самъ имъ во всемъ признался. Они такъ хорошо разыграли удивленіе, что мнѣ и въ голову не пришло, что вы меня видѣли съ дѣтьми, и что они уже раньше знали все отъ васъ.

— Я совсѣмъ васъ не видала. Я просто знала, потому что... И, конечно, я никому не говорила. Когда я сказала, что говорила это съ самаго начала, то я хотѣла этимъ сказать... Ну, вы отлично понимаете, что я хотѣла этимъ сказать.

— Отлично понимаю, сударыня.

Бѣдная Молли готова была топнуть ногой.

— А зачѣмъ вы разыграли это шутку? — продолжала она: — перепугать безъ всякой причины женщину — неужели это достойный поступокъ для мужчины, который носить такой огромный пистолетъ и ѣздить на такой огромной лошади? Я бы никогда не рѣшилась поѣхать кататься съ такимъ незрелымъ провожатымъ.

— Дѣ, это было сдѣлано по-дѣтски. Но я вѣдь иногда веду себя и какъ взрослый. Вчера я забылъ попросить, чтобы меня представили вамъ, прежде чѣмъ начать говорить съ вами, но почему я забылъ, — угадайте!

— Зачѣмъ же я буду сидѣть и догадываться, когда вы, по-видимому, легко можете мнѣ это сообщить.

— Вѣдь когда мы переправлялись черезъ рѣку, меня никто вамъ не представлялъ? Однако, вы не жаловались на то, что я былъ для васъ незнакомымъ человѣкомъ?

— Конечно нѣтъ!—она покраснѣла и быстро прибавила:— Возница сказалъ мнѣ, что никакой настоящей опасности тамъ не было.

— Дѣло не въ этомъ. Вы, взрослая и отвѣтственная за свои поступки женщина, являетесь одна въ полу-дикую страну, чтобы учить малыхъ ребятъ, любящихъ играть въ прятки, и дѣлаете видъ, что не знаете человѣка, которому позволили оказать вамъ услугу. Развѣ это не игра въ прятки? И поэтому я не увѣренъ, что въ этой комнатѣ ребенокъ, а кто—взрослый.

Молли Вудъ сердито посмотрѣла на него и сказала:

— Вы мнѣ очень неприятны.

— Это вполне понятно. Вы полюбите меня, въ концѣ концовъ... А теперь поѣдьте пожалуйста кататься, сударыня.

— Ахъ, Боже мой! Чтò за самолюбіе! Я васъ люблю! Бываютъ люди, которые думаютъ, что имъ стоитъ порисоваться передъ женщиной...

— Боже милосердый! Это я-то рисуюсь передъ вами!

Онъ не могъ удержаться отъ смѣха, и его смѣхъ очень понравился миссъ Вудъ.

— Я возьму назадъ тѣ слова, которыя вамъ сказала: мнѣ кажется, вы мнѣ больше не неприятны, и я не считаю васъ больше незрелымъ. А кромѣ того,—заклчила, она, протягивая ему руку, — мнѣ все время очень хотѣлось поблагодарить васъ за ту услугу, которую вы мнѣ оказали тогда, на рѣкѣ.

Онъ взялъ ея руку, и сердце его сильно забилося.

— Вы настоящій джентльменъ!—воскликнулъ онъ.

Теперь пришелъ ея чередъ смѣяться.

— Я всегда хотѣла быть мужчиной,—сказала она.

— Я очень радъ, что ваше желаніе не исполнено,—произнесъ онъ, глядя на нее; но она нашла, что съ нея довольно сказано на первый разъ, и спросила:

— Гдѣ вы научились такимъ словамъ? Впрочемъ, сейчасъ видно, что вы имѣли слишкомъ большую практику для вашихъ юныхъ лѣтъ.

— Мнѣ уже двадцать-семь,—необдуманно сболтнулъ виргинецъ, и почувствовалъ, что поступилъ какъ дуракъ.

— Кто бы могъ подумать! — произнесла Молли съ тонкой

насмѣшкой, чувствуя, что побѣда на этотъ разъ останется за нею. — А кататься я сегодня все-таки не поѣду.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только проститься. Въ слѣдующій разъ я приведу вамъ смирную лошадь.

— Въ слѣдующій разъ я, можетъ быть, поѣду. А вы далеко живете?

— Въ помѣстьѣ судьи Генри. Довольно-таки далеко, но это ничего не значитъ. Добраго здоровья, сударыня!

— Послушайте! — крикнула она ему вслѣдъ: — я не боюсь лошадей, и вамъ нечего приводить мнѣ очень смирную. Тогда, на рѣкѣ, я была утомлена, и обыкновенно кричать, сядя на лошадь, не въ моихъ правилахъ.

Онъ остановился, любуясь ею.

— Не дадите ли вы мнѣ этотъ цвѣтокъ?..

— Съ удовольствіемъ. Я такъ рада, когда цвѣты кому-нибудь нравятся.

— Онъ напоминаетъ цвѣтъ вашихъ глазъ, — произнесъ онъ серьезно и, засунувъ цвѣтокъ за ремешокъ шляпы, уѣхалъ на своемъ Монте, а миссъ Вудъ долго смотрѣла на его удалявшуюся фигуру.

XII.

Въ Беннингтонѣ всегда съ нетерпѣніемъ ждали писемъ изъ „Медвѣжьей-Рѣки“. Извѣстіе о томъ, какъ родителямъ подѣлили ихъ дѣтей, вызвало всеобщее волненіе и было сообщено всѣмъ сосѣдямъ.

— Я не могу не сердиться на нее за то, что она поселилась въ такомъ мѣстѣ, — сказала м-съ Вудъ.

— Я бы очень хотѣлъ тамъ быть, — сказалъ ей зять, Андрю Белль.

— Она не пишетъ, кто сыгралъ эту шутку, — замѣтила м-съ Андрю Белль.

— Это не увеличило бы того, что мы уже знаемъ, — возразила м-съ Вудъ и написала дочери, умоляя ее быть осторожнѣе съ окружающими ее дикарями и негодяями и почаще видаться съ м-съ Балаамъ.

М-съ Флинтъ, узнавъ случайно о содержаніи письма Молли (на чтеніе письма она не была приглашена), заявила, что всегда считала миссъ Вудъ немного вульгарной, особенно когда она стала давать уроки музыки, какъ самая обыкновенная нѣмка.

Слѣдующее письмо успокоило ея мать. Въ немъ не говорилось ни о празднествахъ, ни о подмѣнѣ дѣтей, а главнымъ образомъ о прекрасной погодѣ и о благотворномъ влияніи мѣстнаго климата на здоровье, и о томъ, какъ пріятно здѣсь ѣздить верхомъ, особенно на горячей лошади. Кромѣ того, Молли просила выслать ей побольше книгъ, и стиховъ, и прозы, и старыхъ, и новыхъ авторовъ.

— А съ кѣмъ она ѣздитъ верхомъ?—спросила м-съ Бель.

— Она не пишетъ. А что?

— Странная у нея манера умалчивать о нѣкоторыхъ вещахъ.

— Сара!—съ упрекомъ воскликнула м-съ Вудъ.

— Ну, мама, вы такъ же отлично знаете, какъ и я, что она иногда ведетъ себя слишкомъ самостоятельно и не соблюдая строго приличій.

— Да, но не въ такомъ случаѣ. Она даже не хотѣла ѣздить верхомъ съ Самомъ Баннеттомъ, а ужъ это-то было бы вполне прилично.

Книги въ большомъ количествѣ были высланы и пришли въ „Медвѣжью-Рѣку“ за недѣлю до Рождества. Съ новаго года виргинецъ занялся своимъ образованіемъ.

— Все прочелъ до послѣдней страницы, — объявилъ онъ, входя въ домикъ Молли въ февралѣ мѣсяцѣ и кладя два толстыхъ тома ей на столъ.

— И что же вы скажете?

— Скажу, что заслужилъ длинную поѣздку на сегодня.

— Жоржикъ Тэлоръ вывихнулъ себѣ ногу.

— Я не о такой прогулкѣ говорю, а о томъ, чтобъ вы поѣхали вдвоемъ со мною.

— Хорошо, мы объ этомъ подумаемъ, а теперь скажите ваше мнѣніе о прочитанномъ. Понравились вамъ книги?

— Нѣтъ. Не очень. Этотъ криминальный романъ можетъ быть весьма интересенъ для сыскной полиціи, но вѣдь я не сыщикъ; а въ другомъ—слишкомъ много болтовни.

Молли возмутилась подобнымъ отзывомъ.

— Это такой знаменитый романъ, и неужели вамъ не жалъ героиню?

— Да, очень хорошая книга, и мнѣ жалъ и героиню, и героя, но все-таки писатель отлично сдѣлалъ, что утопилъ въ концѣ ихъ обоихъ.

— Не писатель, а писательница.

— Женщина! Ну, поэтому-то и болтовни много.

— Я не поѣду съ вами кататься!—воскликнула Молли.

Но однако поѣхала. А онъ вернулся въ „Глубокую-Рѣку“ на этотъ разъ съ русскимъ романомъ. Вернулъ онъ его уже въ апрѣлѣ. Снѣжная буря съ дождемъ помѣшала ихъ обычной прогулкѣ, и онъ просидѣлъ у нея въ комнатѣ, не говоря ни слова о своей любви. Уѣзжая, онъ попросилъ ее дать ему еще какую-нибудь книгу того же автора, но у нея ничего больше не было.

— Жаль!—сказалъ онъ:—я никогда не читалъ ни одного романа, гдѣ было бы столько правды.

— Что вамъ такъ понравилось въ немъ?—съ удивленіемъ спросила она. Ей этотъ романъ показался отвратительнымъ.

— Все, — отвѣчалъ онъ. — Этотъ выродокъ-герой и семья, которая его не понимаетъ. — Виргинецъ посмотрѣлъ на Молли почти робко. — Знаете, — произнесъ онъ и покраснѣлъ: — я чуть не заплакалъ, когда читалъ описаніе смерти этого выродка и его слова: „я родился, чтобъ быть гигантомъ“. Жизнь создала-то его очень большихъ размѣровъ; да потомъ не дала случая примѣнить свои силы.

Молли подумала, что онъ покраснѣлъ отъ того, что признался ей, что „чуть не заплакалъ“. Болѣе глубокая причина, бывавшая краску на его лицо, состояла въ томъ, что онъ самъ, какъ умирающій герой повѣсти, чувствовалъ себя гигантомъ, лишеннымъ возможности примѣнить свои силы.

Настала весна. Было тепло и ясно. На вершинахъ таялъ снѣгъ; подъ нимъ старыя сосны пѣли свою вѣчную пѣсню, а въ долинахъ цвѣли цвѣты. Молли и виргинецъ сидѣли у родника, куда обыкновенно отправлялись верхомъ. Онъ прощался съ нею, такъ какъ ему предстояла долгая поѣздка по дѣламъ судьи Генри. На дорогу онъ бралъ съ собою „Kenilworth“ Вальтеръ-Скотта. Но онъ вѣлъ разговоръ не о книгахъ, а о своей любви.

— Я была бы неподходящей для васъ женою, — отвѣчала она, когда онъ замолчалъ.

— Мнѣ лучше объ этомъ судить, — произнесъ онъ грубо, и эта грубость обрадовала и испугала ее. Когда онъ бывалъ далеко, а она сидѣла въ своемъ домикѣ передъ портретомъ исторической бабушки и читала полученные изъ дома письма, то ее роль относительно его, роль руководителя и снисходительнаго товарища, казалась ей легкой. Но стоило ему явиться, и вся увѣренность ея исчезала. Никогда еще никто не смотрѣлъ на нее съ такимъ скрытымъ пламенемъ въ глазахъ. — Всѣ люди рождены равными, — произнесъ онъ, — или, можетъ быть, это къ женщинамъ не относится?

— Относится, конечно.

— Вы такъ и дѣтямъ говорите?

— Я говорю имъ то, что думаю.

— А кто вашъ лучший ученикъ?

— Маленькій Жоржикъ Талоръ; за нимъ идетъ Генри Давъ.

— А кто послѣдній?

— Бѣдный Бобъ Кармоди. На него одного я трачу больше времени, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ.

— Странно: Жоржикъ—лучшій, Бобъ—худшій, а Генри—по срединѣ: такъ какъ же вы говорите, что всѣ люди равны?

Молли не нашла, что возразить.

— Гляжу я вокругъ, — продолжалъ табунщикъ, — и вижу: одни выигрываютъ, другіе проигрываютъ; одни работаютъ и богатѣютъ, другіе работаютъ и разоряются; гляжу я на все это, и не вѣрю, когда мнѣ говорятъ о равенствѣ. Я знаю, что вы думаете, говоря, что вы были бы неподходящей для меня женою. Но я—изъ тѣхъ, которые вѣчно двигаются и идутъ впередъ. Я буду со временемъ вашимъ лучшимъ ученикомъ. — Онъ повернулся къ ней, произнося эти слова, и она почувствовала, что теряетъ самообладаніе.

— Пожалуйста, — произнесла она, — пожалуйста!..

— Что пожалуйста?

— Не портите мнѣ этихъ прогулокъ. Я не люблю васъ... я не могу, но... эти прогулки—мое самое большое удовольствіе. Я не хотѣла бы, чтобъ онѣ прекратились.

— Вы сами не знаете, чего требуете. Не можете же вы требовать, чтобы плодъ оставался вѣчно зеленымъ. Васъ наши теперешнія отношенія удовлетворяютъ, а меня—нѣтъ. Для васъ это—удовольствіе, а для меня... я не знаю даже, какъ это называть. Я прѣзжаю къ вамъ и злюсь; опять ѣду и опять злюсь... Нѣтъ, мнѣ легче васъ не видѣть.

— Ну, а можете вы сдѣлать мнѣ огромное одолженіе?

— Чѣмъ невозможное, тѣмъ лучше!—воскликнулъ онъ, думая, что она потребуетъ дѣятельнаго подвига.

— Продолжайте прѣзжать; но не говорите мнѣ о... не говорите такъ со мною, если можете.

Онъ разсмѣялся, удержавъ готовое сорваться у него проклятіе.

— А если вы не можете не говорить, то я общаю иногда выслушивать васъ. Это все, что я могу обѣщать.

— Это кака-то сдѣлка, — проворчалъ онъ и помогъ ей сѣсть на лошадь. На прощанье онъ сказалъ ей:

— Я уѣзжаю далеко и буду очень занятъ. А когда я занятъ, то я меньше тоскую о васъ.

Это замѣчаніе, сверхъ ожиданія, было ей очень непріятно: она, съ истинно женской непослѣдовательностью, ждала совсѣмъ другихъ прощальныхъ словъ.

— Отлично!—сказала она. — Я тоже не соскучусь о васъ. — Она улыбнулась.

— Сомнѣваюсь! — проговорилъ онъ и быстро ускорилъ на своемъ Монте.

За кѣмъ же осталась побѣда на этотъ разъ?

Съ англ. П—А С—ВА.

ТУРЦІЯ И МАКЕДОНІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Среди причинъ, способствующихъ упадку турецкой имперіи, есть одна—первая и основная—это ея теократически-мусульманскій духъ. Онъ обнаруживается въ ея учрежденіяхъ, онъ проникаетъ міровоззрѣніе самого народа, наконецъ, именно онъ и исключаетъ для Турціи возможность подняться, въ близкомъ времени, до высоты современнаго гражданскаго строя. Слова Шатобриана, что турки расположились въ Европѣ *лагеремъ*, остаются и до сихъ поръ вѣрными. Между ними и христіанскими народами существуетъ не только та естественная пропасть, которая обыкновенно отдѣляетъ завоевателя отъ покоренныхъ, но и болѣе глубокая пропасть, вытекающая изъ различія въ культурахъ. Въ противоположность застывшему теократическому духу турецкой расы, христіане обнаруживаютъ стремленіе къ новымъ экономическимъ, политическимъ и гражданскимъ формамъ. Всякій шагъ, который сдѣлаетъ турецкое государство по пути реформъ, дастъ новую почву для преобладанія христіанскихъ элементовъ въ общественно-экономической жизни Турціи. Вотъ почему, подъ влияніемъ простаго инстинкта самосохраненія, турецкая раса сопротивляется нововведеніямъ. Доказательствомъ служить вся исторія Турціи за прошлое столѣтіе: это не чтò иное, какъ борьба двухъ цивилизацій, олицетворяемыхъ двумя расами. Правда, сама турецкая раса не представляетъ собою однородной массы: въ ней наблюдаются тѣ же общественныя подраздѣленія, какъ и среди христіанъ. Даже больше: то, чтò можно назвать турец-

кимъ гражданскимъ классомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуетъ совмѣстно съ христіанами. Такъ, напр., года два тому назадъ, турецкіе купцы и промышленники Ускюба подписались вмѣстѣ съ христіанами подъ петиціей султану противъ ускюбскаго вали Гафиза-паши. Но турецкая „буржуазія“ количественно ничтожна, ибо, какъ увидимъ, промыслы и торговля находятся главнымъ образомъ въ рукахъ христіанъ; она поэтому лишена и политическаго значенія. Не скоро еще въ состояніи будетъ она явиться носителемъ принциповъ новаго гражданского строя.

Пока главнымъ факторомъ турецкой политической жизни являются: чиновничество, военные и духовенство. Чиновники и офицеры въ сущности только органы центральной власти или, правильнѣе сказать, органы воли султана,—но духовенство пользовалось всегда, какъ пользуется еще и теперь, большой самостоятельностью. Оно не только политическій, но и экономическій факторъ: въ одной Македоніи шестая часть всѣхъ земель составляетъ „вакуфъ“, т.-е. принадлежитъ турецкому духовенству. Последнее черпаетъ свою силу какъ въ учрежденіяхъ Турціи, въ которыхъ еще господствуетъ теократическій принципъ, такъ и въ религіозномъ фанатизмѣ массы. О массѣ мы будемъ говорить ниже, а теперь остановимся на основныхъ принципахъ турецкой государственности.

Теократическій характеръ послѣдней проявляется прежде всего въ томъ, что султанъ одновременно и глава свѣтской власти, и „валифъ“,—наслѣдникъ пророка и повелитель всѣхъ правовѣрныхъ. И это не только пустой звукъ, такъ какъ относительно каждаго важнаго государственнаго акта онъ долженъ сообразоваться съ религіознымъ закономъ. Толкователемъ религіознаго закона является шейхъ-уль-исламъ, представляющій въ духовной власти то, что въ свѣтской представляетъ великій визирь. Когда шейхъ-уль-исламъ находитъ, что данный государственный актъ не противорѣчитъ корану, онъ издаетъ такъ-называемую „фетву“. Подобнаго согласія должны были добиться Мидхадъ-паша и его друзья для низверженія съ престола султана Абдуль-Ависа. И теперь однимъ изъ аргументовъ „младо-турокъ“, въ ихъ пропагандѣ среди турецкой молодежи, служить то положеніе, что конституціонный режимъ не находится въ противорѣчій съ догматами ислама. „Исламъ по своимъ основамъ либераленъ,—пишетъ младо-турокъ Мурадъ-бей,—и религіозный фанатизмъ вовсе не вытекаетъ неизбѣжно изъ принциповъ ислама“¹⁾.

¹⁾ Mourad-Bey. La Force et la Faiblesse de la Turquie. Genève, 1897, pp. 6—7.

Тотъ же авторъ находитъ исламъ даже революціоннымъ, ибо, согласно, Корану, „подданные не должны слушаться такого влстителя, дѣйствія котораго не согласны съ божескимъ закономъ“. Искренни или нѣтъ „младо-турки“ въ своихъ утвержденіяхъ, это въ данномъ случаѣ безразлично,—важно только то, что и они должны платить дань теократическому принципу и признавать первенство духовной власти передъ свѣтской. Но изъ этого-то принципа и вытекаетъ одно важное послѣдствіе, которое красною нитью проходитъ черезъ всю турецкую исторію: систематическое устраненіе христіанъ, какъ неправовѣрныхъ, отъ государственнаго управленія и неустанное сопротивленіе турецкаго духовенства бѣлаго и чернаго,—улемовъ и дервишей,—противъ проведенія реформъ, ставящихъ христіанъ въ одинаковое положеніе съ турками. Въ силу же сословнаго эгоизма сопротивляется реформамъ бюрократія и военное сословіе.

Къ правящимъ сословіямъ Турціи нужно еще отнести и турецкихъ поземельныхъ собственниковъ. Если въ городахъ богатства находятся въ рукахъ христіанъ,—въ деревняхъ, наоборотъ, экономически господствуютъ турки. Дѣйствительно, мы увидимъ, что почти вся земля въ Македоніи составляетъ собственность такъ-называемыхъ турецкихъ „чифличи“. Но послѣдніе не могли бы удержать своей позиціи противъ экономически болѣе сильнаго противника, какимъ являются христіане-владѣльцы движимаго капитала,—еслибы не современныя политическіе порядки Турціи. Доказательства этому читатель найдетъ дальше въ нашемъ очеркѣ.

Мы перечислили правящіе сословія Турціи. Является вопросъ, какимъ образомъ удастся этимъ послѣднимъ удержать на своей сторонѣ турецкую народную массу?—Въ сущности, турецкій народъ такъ же страдаетъ отъ турецкаго политическаго режима, какъ и христіане; онъ такъ же платитъ непосильныя подати, такъ же терпитъ безграничную эксплуатацію турецкихъ „чифличи“. Правда, какъ привилегированная раса, турецкіе крестьяне избавлены отъ произвола административныхъ властей; племенные и религіозныя связи охраняютъ ихъ и отъ нападенія турецкихъ разбойниковъ. Но зато на плечи турокъ всецѣло падаетъ тяжелое бремя воинской повинности, такъ что слова: „господствующее племя“, для большинства турокъ были бы полной иллюзіей, еслибы турецкое правительство не принимало сторону турокъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ христіанами и не предоставляло бы, время отъ времени, имущества послѣднихъ въ добычу первымъ. Тогда наступаетъ царство баши-бузуковъ, т.-е. всякаго турка,

способнаго носить оружіе. Домашняя утварь, деньги, хлѣбъ, скотъ, а часто и земли убитыхъ и прогнанныхъ христіанъ переходятъ въ руки баши-бузуковъ. Какъ въ средніе вѣка, въ періодъ крестовыхъ походовъ, подъ религіозной идеей скрывались аппетиты обѣднѣвшихъ рыцарей и крестьянъ, которые надѣялись найти на Востокъ богатую добычу, такъ и подъ вспышками турецкаго религіознаго фанатизма можно открыть причины болѣе реальныя. Шесть лѣтъ тому назадъ, когда произошла ужасная константинопольская рѣзня, всѣ отмѣчали тотъ фактъ, что пострадавшіе армяне принадлежали главнымъ образомъ къ армянамъ-ноСИЛЬЩИКАМЪ, работающимъ на константинопольской пристани. Это становится понятнымъ, если принять въ соображеніе, что улицы Константинополя переполнены, и теперь, и тогда, многочисленными турецкими босьяками, пришельцами изъ Болгаріи и Румыніи, откуда они, продавъ за безцѣнокъ свое имущество, отправлялись ежегодно въ турецкую столицу искать заработка. Но тутъ они наталкивались на армянскую рабочую массу, главнымъ занятіемъ которой въ Константинополѣ является работа на докахъ. Турецкія власти искусственно воспользовались этимъ экономическимъ антагонизмомъ въ своихъ политическихъ видахъ. Несомнѣнно, всѣ эти факты не говорятъ противъ самостоятельной роли религіознаго фанатизма; они только подчеркиваютъ его значеніе, скрѣпляя его, такъ сказать, печатью экономической необходимости.

Какъ у всѣхъ примитивныхъ варварскихъ народовъ съ замкнутой общественно-экономической жизнью, религіозная идея играетъ у турокъ громадную роль. Къ ней, въ сущности, сводится вся идеологія турецкаго народа; въ ней онъ находитъ оправданіе своего особаго семейнаго быта, являющагося также однимъ изъ крупныхъ препятствій для сближенія турокъ съ христіанами. Нужно быть въ Константинополѣ и присутствовать на проповѣди въ мечети, когда, по окончаніи молитвы, имамы, окруженные сидящими на землѣ мусульманами, начинаютъ толкованіе корана, чтобы на восторженныхъ лицахъ слушателей увидѣть религіозный энтузіазмъ, на который еще способны турки. Впрочемъ, исторія ислама во всѣхъ странахъ, событія нашихъ дней въ Аравіи, Суданѣ, Алжирѣ и Марокко—говорятъ о томъ же самомъ сильномъ религіозномъ прозелитизмѣ, господствующемъ среди мусульманъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „младо-турки“ придаютъ своей проповѣди теократическую окраску и стараются привлечь на свою сторону болѣе культурныя кате-
горіи турецкаго духовенства, такъ-называемыхъ „софтовъ“,—

студентовъ догматическаго права. „Софты могутъ быть очень выгодно использованы, — пишетъ Мурадъ-бей, — потому что масса питаетъ къ нимъ больше довѣрія, чѣмъ къ кому бы то ни было“¹⁾.

Не трудно понять, какъ первобытна должна быть общественная психологія народа, у котораго мѣсто положительныхъ знаній занимаютъ догматы и сентенціи корана, а мѣсто критическаго разсудка—слѣпая вѣра въ слова улемовъ. Это исключительное господство одной идеи вызываетъ и ту баснословную наивность и простоту турокъ, которая нерѣдко восхищала европейскихъ путешественниковъ-скептиковъ, и тѣ вспышки религіознаго фанатизма, которыя испытываютъ на себѣ хрістіане. Какъ китайскимъ мандаринамъ удастся въ глазахъ массы превращать всѣ пораженія китайскихъ войскъ въ рядъ побѣдъ, точно такъ же и турецкое правительство превращаетъ свои пораженія въ матеріалъ для своего собственнаго возвышенія. Не напрасно султанъ Абдулъ-Гамидъ послѣ русско-турецкой войны прибавилъ къ другимъ своимъ титуламъ и титулъ „гаази“ т.-е. „непобѣдимый“.

Съ другой стороны, лишенный того внутренняго содержанія, которое составляетъ человѣческую индивидуальность, турокъ скорѣе кого бы то ни было поддается постороннимъ вліяніямъ. Тотъ же самый турокъ, который въ мирное время живетъ въ дружбѣ со своимъ сосѣдомъ-хрістіаниномъ и даже заступаетъ за него передъ турецкими разбойниками, какъ мы это увидимъ не разъ, — завтра, очутившись въ толпѣ баши-бузуковъ, дѣлается кровожаднымъ звѣремъ и первый поднимаетъ руку на своего вчерашняго друга.

Религіозный духъ поддерживаетъ воинственность турецкаго народа, и наоборотъ, воинственныя стремленія находятъ въ религіозномъ прозелитизмѣ свое оправданіе и свою цѣль. Въ этой воинственности, какъ извѣстно, заключалась причина могущества турокъ съ первыхъ вѣковъ ихъ господства въ Европѣ. Истощеннымъ внутренней классовой борьбой — Византія и другимъ балканскимъ государствамъ турки противопоставили силу однородной и дисциплинированной орды. Несомнѣнно, что, соприкоснувшись съ жизнью земледѣльческаго хрістіанскаго населенія, турки сами пріучились и къ земледѣлію, и къ ремесламъ, но это вліяніе побужденныхъ на побѣдителей меньше, чѣмъ можно предполагать. Обработка земли, и раньше, и теперь, составляетъ главнымъ образомъ, удѣлъ хрістіанъ. Объясненія этого явленія

¹⁾ Mourad-Bey. Le palais d'Yildis et la Sublime Porte. Paris, 1895, p. 9.

нужно искать не только въ томъ раздѣленіи труда, въ силу котораго на туркахъ исключительно лежала и лежитъ защита государства, а на христіанахъ—уплата податей, но еще и въ самой экономической исторіи Турціи. Очень характеренъ тотъ фактъ, что турецкое правительство заставляло принимать магометанскую вѣру только тѣхъ христіанъ, которые населяли пограничныя мѣста, важныя стратегическіе пункты или жили возлѣ большихъ дорогъ. Наоборотъ, христіане внутреннихъ мѣстностей сохранили отцовскую вѣру. Это соотвѣтствовало интересамъ турецкихъ феодаловъ, такъ-называемыхъ „спагивъ“, которымъ гораздо выгоднѣе было имѣть дѣло съ крѣпостными-христіанами, чѣмъ съ турками ¹⁾. Такимъ образомъ, и историческія, и экономическія традиціи сдѣлали изъ турокъ преимущественно солдатъ, а изъ христіанъ—производителей. Нужно принять во вниманіе еще и то, что Турція вообще и теперь еще является самымъ милитаристическимъ государствомъ въ Европѣ. Это отмѣтилъ еще фонъ-деръ-Гольцъ, четырнадцать лѣтъ прожившій въ Константинополѣ, указывая на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ слабости турецкой имперіи. Милитаризмъ въ Турціи усиливался не только потому, что она должна была защищаться отъ многихъ внѣшнихъ враговъ, но еще и потому, что между территоріей турецкаго государства и его населеніемъ существуетъ громадная непропорціональность. Тогда какъ вся турецкая имперія имѣетъ населеніе, не достигающее и половины населенія Германіи, ея территорія охватываетъ пространство, равное площади Германіи, Франціи и Испаніи вмѣстѣ ²⁾. На этомъ пространствѣ живутъ племена, которыя, несмотря на всю централизацію турецкаго управления, не чувствуютъ себя органически-связанными съ центромъ. И рѣчь не идетъ здѣсь только о христіанахъ, составляющихъ большинство населенія турецкой имперіи, но и о самихъ мусульманскихъ племенахъ, напр. албанцахъ въ Европѣ, арабахъ въ Азій, готовыхъ подняться при первомъ призывѣ какого-нибудь шейха,—не говоримъ уже о тѣхъ возстаніяхъ отдѣльныхъ турецкихъ вассаловъ, борьбой съ которыми полна турецкая исторія за первую половину прошлаго столѣтія.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ основныя причины, способствующія, помимо всякихъ другихъ внѣшнихъ вліяній, упадку турецкой имперіи. Пока эти причины будутъ существовать, всѣ

¹⁾ В. Кънчевъ. „Македония.—Етнографія и Статистика“. София, 1900, стр. 56—57.

²⁾ Freiherr von der Goltz. Die Stärke und die Schwäche des Türkischen Reiches (Deutsche Rundschau, Oct. 1897, S. 119).

усилія Турціи улучшить свой внутренній строй останутся тщетными, даже когда они будутъ искренни. Нужны были бы еще долгіе и долгіе годы, чтобы въ возрѣвѣніяхъ турецкаго народа произошли тѣ перемѣны, которыя сдѣлали бы его культурнымъ факторомъ. Но врядъ-ли исторія поддастся такому эксперименту, ибо тѣмъ, чѣмъ турки могутъ сдѣлаться въ неопредѣленномъ будущемъ, христіане являются теперь, сейчасъ.

Замѣчательно въ исторіи христіанскихъ народовъ въ Турціи, что, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, они численно увеличивались въ гораздо болѣе пропорціи, чѣмъ турки. Напримѣръ, этнографы Македоніи указываютъ на множество деревень и городскихъ кварталовъ, которые были заселены раньше турками, а теперь—христіанами. Непосредственнымъ объясненіемъ этого факта служить сравнительно болѣе высокая смертность среди турецкаго населенія, наряду съ болѣе низкой рождаемостью. Такъ, наприимѣръ, по болгарскимъ статистическимъ даннымъ—турецкихъ данныхъ не существуетъ—рождаемость среди магометанъ въ Болгаріи не превышаетъ 23,5 на тысячу, тогда какъ среди болгаръ и другихъ христіанъ она достигаетъ 41,7 на тысячу. Смертность, наоборотъ выражается слѣдующими цифрами: для турокъ—12,7, а для христіанъ—20,3 на тысячу. Въ результатѣ естественный приростъ населенія у христіанъ равенъ 21,4, а у турокъ—только 8,8 на тысячу ¹⁾). Такимъ образомъ, смертность среди христіанъ меньше половины рождаемости, а у турокъ, наоборотъ, больше половины. Эти два различныхъ закона народонаселенія также показываютъ, что, несмотря на совмѣстную жизнь, обѣ расы глубоко различаются своимъ общественнымъ бытомъ. Христіане—земледѣльцы, турки—солдаты. Турокъ долженъ повиждать свое семейство надолго, а часто и навсегда. Это отражается на различномъ процентѣ рождаемости. Болѣе высокая смертность турокъ также находитъ свое объясненіе въ турецкомъ бытѣ, въ замкнутой жизни турецкаго семейства, въ которое и теперь запрещенъ доступъ врача, и турецкомъ религіозномъ фатализмѣ. Тогда какъ во время эпидемій христіане покидаютъ деревни и ищутъ спасенія въ горахъ, турки-фаталисты преспокойно ожидаютъ смерти возлѣ домашняго очага. Не миновать тому, что предопредѣлено самимъ Аллахомъ!

Такъ или иначе, но раса завоевателей исчезаетъ, тогда какъ раса завоеванныхъ умножается и растетъ. Но на сторонѣ послѣдней—не только численность, но и экономическая, и культур-

¹⁾ В. Кънчевъ. Македония и пр.

ная сила. Тогда какъ изъ среды турокъ выходятъ чиновники и солдаты, изъ христіанъ выдѣляются купцы и промышленники, а у послѣднихъ является и стремленіе къ политической самостоятельности. Пока христіане оставались чисто земледѣльческимъ народомъ, они были покорной райей. Нужна была континентальная система Наполеона, чтобы дать греческому мореплаванію и торговлѣ сильный толчокъ; нужно было открытіе плаванія по Дунаю и развитіе торговыхъ сношеній Англіи и Австріи съ Турціей, чтобы дать аналогичный толчокъ сербамъ и болгарамъ.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, борьба христіанскихъ народовъ въ Турціи была и продолжаетъ быть борьбой купцовъ, промышленниковъ и земледѣльцевъ противъ чиновниковъ и солдатъ. И чѣмъ больше турки чувствуютъ этотъ напоръ изнутри, тѣмъ больше они дѣлаютъ усилій сохранить свое господство всѣми средствами... Они не могутъ считать христіанъ равными себѣ, несмотря на всѣ султанскіе гати-гумаюны, не только потому, что это несовмѣстимо съ военно-теократическимъ духомъ турецкой расы, но еще и потому, что, при новыхъ условіяхъ, они скоро оказались бы почти подчиненными христіанамъ. Сесі туга села! Какъ всякая раса съ колеблющимся политическимъ господствомъ, турки, наоборотъ, ищутъ спасенія въ крайнемъ шовинизмѣ. Имъ проникнута и либеральная часть турецкаго общества, написавшая, будто бы, на своемъ знамени: равенство всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ передъ закономъ. Вотъ, напр., какъ выражается Мурадъ-бей, говоря о преслѣдованіяхъ, направленныхъ Турціей противъ изслѣдованій армянскаго археологическаго общества въ Венеціи. „Не было бы ничего вреднаго предоставить армянамъ свободно копаться въ ихъ прошломъ, если ихъ дѣятельность *не переходитъ границъ чисто-научной работы*“ ¹⁾. Другими словами, политическое равенство, по понятіямъ младотурокъ, исчерпывается для армянъ свободнымъ печатаніемъ историческихъ словарей. Дальше ихъ дѣятельность становится опасной для цѣлости турецкой имперіи. Мы не хотимъ входить здѣсь въ подробности, но такія же ультра-турецкія идеи исповѣдуютъ и другіе младо-турки, что является новымъ доказательствомъ того нестираемаго слѣда, который оставило на всѣхъ слояхъ турецкаго народа его военно-теократическое прошлое и настоящее.

Имѣя теперь общее представленіе объ историческихъ факторахъ современной Турціи, читатель легче ориентуруется въ тѣхъ

¹⁾ Mourad Bey. La Force et la Faiblesse etc., p. 47.

частностяхъ и подробностяхъ, о которыхъ будетъ говорить ниже.

II.

До „гати-гамаюна“ — такъ называется сводъ *реформъ*, принятыхъ со стороны Турціи послѣ парижскаго конгресса, — въ аграрныхъ отношеніяхъ Турціи господствовалъ полу-феодальный строй. Земля находилась въ рукахъ „спаги“. Однако и послѣ реформы, уничтожившей крѣпостничество и позволившей крестьянамъ приобрѣтать земельную собственность, фактическія отношенія между крестьянами и ихъ прежними господами остались же самыя, если даже не ухудшились. „Уничтоженіе крѣпостничества, — писалъ въ своемъ извѣстномъ циркулярѣ графъ Андраши, 30-го декабря 1875 года, — способствовало только ухудшенію быта крестьянъ. Въ своемъ новомъ положеніи фермера и половника (*metauer*), крестьянинъ подвергается большей эксплуатаціи, чѣмъ когда-либо. Фирманъ, изданный въ 1858 году съ цѣлью улучшить положеніе дѣлъ, никогда не примѣнялся въ дѣйствительности. Нужно отыскать новую комбинацію, которая позволила бы крестьянамъ сдѣлаться собственниками“ ¹⁾.

Со времени этого циркуляра прошло болѣе четверти вѣка, но аграрныя отношенія въ Турціи находятся и теперь въ той же стадіи, что и раньше. Хорошей иллюстраціей этого положенія можетъ служить статистика поземельной собственности въ Македоніи. И нынѣ, какъ мы уже замѣтили, одна шестая всей обрабатываемой земли въ Македоніи находится въ рукахъ турецкаго духовенства. Доходы съ этой неотчуждаемой духовной собственности, или „вакуфовъ“, идутъ на содержаніе мечетей, турецкихъ школъ и разныхъ духовныхъ учреждений. Остальная часть земли находится въ рукахъ крупныхъ и среднихъ собственниковъ-землевладѣльцевъ. Число этихъ такъ называемыхъ „чифликчи“ восходитъ теперь до 15.000, тогда какъ количество независимыхъ мелкихъ собственниковъ достигаетъ всего десяти тысячъ ²⁾. Всѣ „чифликчи“ — мусульмане, исключая живущихъ въ окрестностяхъ южныхъ македонскихъ городовъ — Салоникъ, Касторія и другихъ, — гдѣ статистика указываетъ на существованіе двухсотъ крупныхъ собственниковъ христіанъ и евреевъ. Точно

¹⁾ Engelhardt. La Turquie et Le Tanzimat. Paris, 1886, t. II, p. 147.

²⁾ Dr. Cleanthès Nicolaïdès. La Macédoine, Berlin, 1899, p. 76. Эта книга греческаго шовиниста написана, въ общемъ, снисходительно къ турецкому правительству. Больше всего свою ненависть авторъ изливаетъ на болгаръ.

также и большинство мелких собственников—все они сосредоточены въ Вардарской равнинѣ—принадлежать къ господствующему племени. Лишь въ сѣверной Македоніи, въ Ускюбскомъ вилайетѣ, находится нѣсколько сотенъ христіанъ—мелкихъ собственников¹⁾. Не разъ христіане дѣлали попытки приобрѣтать земли, но они наталкивались на открытое противодействие турецкихъ беговъ—чиflikчи, поддерживаемыхъ турецкой администраціей и турецкимъ населеніемъ. Не разъ также случалось, что христіане, покупавшіе землю, должны были ее бросить въ виду враждебнаго отношенія беговъ и властей, не дававшихъ имъ спокойно пользоваться приобрѣтеннымъ имуществомъ.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, въ Македоніи господствуетъ крупная земельная собственность. Все остальное населеніе составляетъ классъ поденщиковъ, фермеровъ и полонниковъ. Послѣдніе владѣютъ на правахъ собственности только жилищемъ въ деревнѣ. Это одинаково вѣрно и для христіанъ, и для магометанъ. Но разница между ними существуетъ въ личныхъ отношеніяхъ къ бегамъ. Тогда какъ турокъ платитъ своему бегу только условленную арендную плату—обыкновенно одну треть продуктовъ,—христіанинъ обязанъ совершать для него еще рядъ барщинныхъ работъ.

Владѣльцы чифликовъ живутъ обыкновенно въ городахъ или замкахъ, какъ, напримѣръ, въ сѣверной части Македоніи. Болѣе богатые изъ нихъ имѣютъ своего рода гвардію, состоящую изъ вооруженныхъ албанцевъ, которые охраняютъ интересы своего хозяина. Эти церберы и являются однимъ изъ бичей македонскихъ земледѣльцевъ. По окончаніи полевыхъ работъ, самъ хозяинъ является въ деревню за полученіемъ причитающейся ему арендной платы. Окруженный своими албанцами, онъ заставляетъ крестьянъ свезти на определенное мѣсто весь собранный хлѣбъ и тамъ забираетъ свою часть, а чаще всего больше, чѣмъ ему слѣдуетъ.

Кромѣ трети всего продукта, уплачиваемой землевладѣльцу, македонскіе крестьянинъ платитъ еще $13\frac{1}{2}\%$ своего валового дохода государству. Это такъ называемая десятина. Она является для крестьянства самой неспосной и самой убійственной податью, не только благодаря ея несовмѣстимости съ правильнымъ сельскимъ хозяйствомъ—крестьянинъ долженъ оставлять свой хлѣбъ гнить на полѣ, пока не явится счетчикъ,—но еще и потому, что она собирается не прямыми правительственными агентами,

¹⁾ Тамъ же, стр. 76.

а откупщиками. Злоупотребленія этихъ откупщиковъ, или „илти-занджи“, давно вызывали и протесты, и даже кровавыя возстанія со стороны земледѣльческаго населенія Турціи. Само правительство, какъ увидимъ, не разъ признавало несостоятельность этой фискальной системы, давая при этомъ торжественныя обѣщанія ее уничтожить. Уже въ Гюльханскомъ актѣ (1839 года) оно декретировало рядъ мѣръ для „правильной постановки распредѣленія и собиранія податей“¹⁾. Послѣ этого, нѣкоторое время десятина была собираема непосредственными агентами власти. Но это мало перемѣнило положеніе дѣлъ. Злоупотребленія чиновниковъ при собираніи десятины вызвали въ сороковыхъ годахъ кровавыя крестьянскія возстанія въ Нишскомъ и Виддинскомъ округахъ. „Чиновники заставляли крестьянъ платить два и три раза,—пишетъ путешествовавшій тогда по Болгаріи французскій экономистъ, Адольфъ Бланкен.—Такъ какъ большинство крестьянъ не умѣетъ ни читать, ни писать, чиновники ихъ легко обманывали, выдавая имъ квитанціи на меньшую сумму или же съ датой прежнихъ лѣтъ. Чаще всего они не выдавали и квитанцій, а деревянныя палочки (нѣчто подобное деревенскимъ биркамъ) съ нарѣзками, которыя можно было всегда поддѣлать. вмѣстѣ съ чиновниками являлись отряды солдатъ, которые въ теченіе долгихъ дней ѣли, пили и свирѣпствовали въ деревнѣ. Крестьяне протестовали. Военные отряды были выгнаны изъ деревень. Тогда Сабри-паша позвалъ на помощь албанцевъ, которымъ представился выгодный случай отдаться своему любимому занятію—грабежу“²⁾.

Старая система откуповъ, болѣе выгодная для правительства, такъ какъ она избавляла его отъ хлопотъ собиранія податей, была опять восстановлена. Финансовыя реформаторскія попытки правительства кончились полнымъ фіаско, что констатируется и высшими турецкими чиновниками. Великій визирь Мехмедъ-Кепризли-паша, послѣ поѣздки въ Болгарію и Македонію, пишетъ въ своемъ докладѣ султану въ іюнѣ 1860 года: „Собираніе десятины, устройство сельской полиціи, состояніе дорогъ служатъ поводомъ къ вполне справедливымъ жалобамъ со стороны всѣхъ вашихъ подданныхъ безъ различія“³⁾. Въ 1861 году выходитъ новый фирманъ, опять съ обѣщаніемъ преобразовать податную систему, который не только остался мертвой буквой, но далъ по-

¹⁾ D'Avril. Négociations relatives au Traité de Berlin (Paris, 1886), p. 23.

²⁾ Emile de Laveleye. La péninsule des Balkans. Paris, 1886, t. II, pp. 209—210.

³⁾ Engelhardt, I, 65.

воду турецкому правительству въ замѣнъ предполагаемой услуги населенію поднять легальный процентъ десятины съ 10 до 13 $\frac{1}{2}$ %. Откупщики продолжали собирать эту возросшую подать, какъ и раньше. Вотъ почему мы видимъ въ проектѣ реформъ, предложенномъ англійскимъ посланникомъ въ 1867 году, требованіе „уничтоженія откупной системы собиранія податей и замѣщенія откупщиковъ чиновниками, тщательно подобранными и строго контролируемыми“ ¹⁾).

Въ 1876 году, послѣ герцеговинскаго возстанія, вызваннаго также, главнымъ образомъ, притѣсненіями беговъ и откупщиковъ, турецкое правительство снова издаетъ фирманъ о реформѣ податной системы. Какъ мало онъ примѣнялся, показываетъ то обстоятельство, что, два года спустя, новый султанъ Абдуль-Гамидъ издаетъ на имя великаго визиря Махмудъ-Недимъ-паши новый фирманъ съ той же цѣлью: „Независимо отъ уничтоженія прибавочной трети десятины“ (эта треть была установлена султаномъ Абдуль-Азисомъ), фирманъ признавалъ необходимымъ „принять еще мѣры въ тому, чтобы предупредить произволъ со стороны откупщиковъ при собираніи десятины и обезпечить наше земледѣльческое населеніе отъ разоренія“. Однако эта система десятины съ прибавочной третью продолжаетъ существовать и понынѣ точно такъ же, какъ и институтъ откупщиковъ.

Какъ отражается эта система на интересахъ земледѣлія въ Македоніи и сколько она содержитъ въ себѣ несправедливаго и возмутительнаго, можно видѣть изъ слѣдующаго письма корреспондента французской торговой палаты въ Константинополь, посланнаго имъ изъ Монастира (Битоля). Онъ описываетъ собираніе десятины съ винограда, но то же самое, только съ болѣе стуженными красками, можно было написать о десятинѣ и съ прочихъ продуктовъ. „Къ назначенному откупщикомъ дню начинается уборка винограда... Женщины и дѣти, вооруженныя ножами и корзинами, разсыпаются по виноградникамъ; мужчины собираютъ виноградъ въ сосуды и нагружаютъ ихъ на животныхъ или на повозки. По выходѣ изъ виноградниковъ, они всѣ отправляются по одной и той же дорогѣ для болѣе вѣрнаго контроля. Они останавливаются возлѣ одной ильши. Тамъ, подтѣнью дерева, расположился на пестромъ коврѣ откупщикъ и его помощникъ, сопровождаемые неизбѣжными жандармами и варителемъ кофе (кафеджи), безъ котораго турокъ не можетъ обойтись. По мѣрѣ того, какъ навьюченные животныя подходятъ,

¹⁾ Тамъ же, I, 190—191.

агенты откупщика, какъ люди, привыкшіе обходиться безъ вѣсовъ и мѣры, поднимаютъ руками посудины и опредѣляютъ вѣсъ, стараясь, конечно, никогда не ошибаться въ невыгодную для себя сторону. И хотя бы несчастный крестьянинъ протестовалъ, въ концѣ концовъ рѣшающее слово—за откупщикомъ, который и отмѣчаетъ своимъ тростниковымъ перомъ какой ему угодно вѣсъ.

Когда у него списокъ законченъ, онъ тутъ же, на мѣстѣ требуетъ уплаты. Тогда-то и начинаются самые сильные протесты. По закону онъ имѣетъ право лишь на десятую часть; но такъ какъ за виноградъ приходится платить не натурой, а деньгами, откупщикъ ловко умѣетъ пользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ отлично знаетъ, что, вслѣдствіе хорошаго урожая на виноградъ, онъ не стоитъ дороже 20—25 піастровъ за 100 турецкихъ окъ. Это для него ничего не значитъ: онъ оцѣниваетъ виноградъ въ 35—40 піастровъ, что на $\frac{2}{3}$ увеличиваетъ его барыши въ убытокъ бѣдному крестьянину... Произволъ можетъ вызвать только недовольство. Поэтому нерѣдко приходится слышать, какъ болгарскіе крестьяне говорятъ между собою: „мы работаемъ только для обогащенія откупщиковъ. Придетъ ли когда-нибудь день нашего избавленія“! ¹⁾

Рѣшительно то же самое говорить о десятинахъ французскій вице-консулъ того же города Монастира—Шубльѣ. „Плохая система собиранія податей часто является причиной гибели продуктовъ. Крестьянинъ не имѣетъ права перевозить свой хлѣбъ на гумно, пока не прошелъ откупщикъ. Очень часто послѣдній опаздываетъ на цѣлые мѣсяцы, наступаютъ осенніе дожди, хлѣбъ начинаетъ проростать въ плохо сдѣланныхъ сѣнкахъ, и урожай пропасть ²⁾).

Чтобы понять, какимъ бичомъ являются для населенія откупщики, нужно замѣтить, что чаще всего они рекрутируются изъ среды турецкихъ беговъ и „чифликчи“. Правда, на торгахъ, которые происходятъ въ административномъ центрѣ, всякій имѣетъ право конкурировать. Но такъ какъ торгъ производится устно, христіане избѣгаютъ участвовать въ немъ, чтобы не навлечь на себя мщенія беговъ. Послѣдніе заранѣе распредѣляютъ между собою податные участки, и заранѣе извѣстно, кому какой участокъ попадется, тѣмъ болѣе, что власти всегда находятся въ тайномъ соглашеніи съ откупщиками. Отъ этого страдаютъ, конечно, и

¹⁾ Lettre de Monastir (Bulletin mensuel de la Chambre de commerce française de Constantinople, 30 Nov. 1892, pp. 12 - 13).

²⁾ Rapports commerciaux des agents diplomatiques et consulaires de France. (Moniteur officiel du commerce, 1901, № 66).

интересы фиска: благодаря соучастию властей, назначаются ничтожные цѣны,—но больше всего страдают интересы населенія, которому одновременно приходится терпѣть отъ эксплуатаціи беговъ, и какъ частныхъ хозяевъ, и какъ представителей власти. Сопровождаемые стражей вооруженныхъ албанцевъ, они переходятъ изъ деревни въ деревню, живя на счетъ крестьянъ, угрожая ихъ жизни и чести ихъ женъ и дочерей. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ, который мы беремъ изъ одной корреспонденціи изъ Тетово, напечатанной въ македонскомъ органѣ „L'Effort“.

„Кязимъ-бей, откупщикъ десятины въ деревнѣ Савотинцы, отправился собирать десятину съ большой свитой и съ Гали-эфенди, поручикомъ дѣйствующей арміи въ отпуску. Послѣ многочисленныхъ насилій и безобразій, они вырвали изъ рукъ матери молодую дѣвушку Русску Георгіеву, заперли ее въ комнату и, опозоривъ ее сами, отдали несчастную дѣвушку въ руки сопровождавшихъ ихъ солдатъ. Несчастливая четырнадцати-лѣтняя дѣвушка умерла отъ стыда и боли. Старѣйшины деревни отправились въ Салоники жаловаться вали“¹⁾. Но съ этой мрачной стороной турецкаго режима мы обстоятельнѣе познакомимся ниже,—теперь же приведемъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ македонскіе беги дѣлаются собственниками. Мы заимствуемъ эти факты изъ книги молодого французскаго путешественника—д'Эспанья²⁾.

„Мусса-Чаушъ заставилъ крестьянъ Габровцы построить себѣ замокъ. Послѣдніе, послѣ нѣсколькихъ жалобъ, добились ареста смѣлаго Чауша. Но брату этого послѣдняго, Руанъ-Чаушу, удастся насиліемъ и побоями заставить крестьянъ подать прошеніе въ пользу арестованнаго, гдѣ они заявляютъ, что они добровольно согласились на работу и что за нее имъ уплачено. Здѣсь происходитъ маленькій инцидентъ, свидѣтельствующій о личной враждѣ между турками. Каймакамъ не переноситъ Руанъ-Чауша и, получивъ прошеніе, разрываетъ его, какъ выманенное насиліемъ. Но Руанъ не считаетъ себя побѣжденнымъ и еще теперь продолжаетъ свои насилія надъ крестьянами, чтобы добиться при ихъ помощи освобожденія своего брата.

„Другой случай. Исни-бей изъ Коларово хотѣлъ заставить болгарскаго священника Андона Балджіева вымолотить ему хлѣбъ.

¹⁾ L'Effort (Feuille macédonienne. Genève, 15 Avril 1900, p. 3.

²⁾ Pierre d'Espagne. Avant le Massacre. Paris, 1902, pp. 347—349. Въ беллетристическомъ очеркѣ д'Эспанья приводитъ рядъ дѣйствительныхъ фактовъ, собранныхъ имъ въ Македоніи въ 1901 году. Послѣ Македоніи д'Эспанья посѣтилъ Африку, гдѣ и умеръ 1 августа 1902 г.

Послѣ отказа священника, Исни-бей бросается его бить и запрыгиваетъ его. Спрошенный по этому поводу вали отвѣтилъ англійскому консулу сэру Билліоти, что распорядился объ арестѣ виновнаго, но послѣдній и до сихъ поръ разгуливаетъ на свободѣ. Подобные случаи встрѣчаются на каждомъ шагѣ.

„Нерѣдко турокъ, увѣренный въ своей безнаказанности, благодаря своему положенію и связямъ, объявляетъ себя безъ всякихъ поводовъ хозяиномъ той или иной деревни, превращая ее въ свой „чифликъ“. Спокойно усѣвшись на разстояніи выстрѣла, поставивъ свой карабинъ между ногъ и съ длиннымъ чубукомъ во рту, онъ слѣдитъ за работой своихъ рабовъ... Известенъ скандальный захватъ деревни Сарай (Струмицій округъ) Джеведъ-беємъ. Такъ же поступилъ Галиль-бей въ деревнѣ Робово, Нусси-бей—въ Луково, Гамди-бей изъ Салоникъ—въ деревняхъ Нареше, Ново-Село, и пр., и пр. Такова исторія 377 чифликовъ Солунскаго санджака“.

III.

По официальнымъ источникамъ десятина, или, правильнѣе, *восьмая часть* всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, приноситъ ежегодно турецкому правительству 4.100.000 турецкихъ лиръ, т.-е., приблизительно, 35 милліоновъ рублей, что составляетъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ доходовъ турецкой имперіи ¹⁾. Но сумма, забираемая у населенія,—гораздо больше, ибо очень значительная часть остается въ карманѣ чиновниковъ и откупщиковъ.

Одинъ изъ ускюбскихъ вали, бывшій визирь Галиль-Рифаатъ-паша, хотѣлъ ввести нѣкоторый порядокъ въ собраніе десятины при помощи одной очень простой и въ то же время очень дѣйствительной мѣры. Онъ рѣшилъ допустить въ качествѣ конкурентовъ на торгахъ по откупу десятины сами деревни въ лицѣ ихъ общинныхъ совѣтовъ, за которыми признавались въ данномъ случаѣ права юридической личности и которымъ давали известное предпочтеніе предъ другими конкурентами. Мѣста, гдѣ эта мѣра была проведена, освободились отъ ненавистныхъ откупщиковъ. „Деревни вздохнули свободно,—пишетъ „Le Mouvement macédonien“, теперешній заграничный органъ македонскихъ организацій. — Для земледѣлія наступилъ періодъ относительнаго благополучія. Съ другой стороны, и доходы казны замѣтно повы-

¹⁾ Бюджетъ 1898 г.: доходы—18½ милліоновъ турецкихъ лиръ, а десятина (13% сбора)—4,1 милліона турецкихъ лиръ.

сились. Общинные совѣты регулярно платили назначенныя суммы до послѣдней копейки. Все содѣйствовало тому, чтобы это положеніе дѣлѣ осталось постояннымъ. Но этого не случилось. Реформа затрогивала интересы откупщиковъ, которые всѣ до одного являются вліятельными бегами. Они работали такъ ловко, что послѣ двухлѣтняго существованія новый режимъ былъ замѣненъ опять старыми вѣковыми злоупотребленіями. У общинныхъ совѣтовъ было снова отнято право принимать участіе въ торгахъ¹⁾.

Кромѣ десятины, македонскому крестьянину приходится платить подати на дороги, на государственныя школы, сборъ со скота и, наконецъ, такъ называемый „хараджъ“, т.-е. откупной военный сборъ. Эта подать, накладываемая исключительно на мужчинъ-христіанъ, дала въ 1898 году 886.000 турецкихъ лиръ. По закону ее должны были платить лишь взрослые люди отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ, а между тѣмъ ею облагаютъ и дѣтей, а часто и мертвыхъ. Если принять во вниманіе всѣ различныя подати, которыя приходится платить турецкому и, въ частности, македонскому крестьянину, то отъ валового продукта ему останется всего третья часть. И въ самомъ дѣлѣ, $33\frac{1}{3}\%$ онъ отдаетъ чифликчи, въ качествѣ арендной платы; 13% составляетъ десятина; другіе налоги и сборы доходятъ въ общемъ также до 13% ²⁾.

Среди послѣднихъ 5% съ валового дохода составляетъ сборъ на проведеніе и содержаніе дорогъ. Однако, эти деньги никогда не идутъ по назначенію. Онѣ попадаютъ въ „данандину бочку съ солидными обручами, но безъ дна“, какъ Маркъ де-Жирарденъ называетъ турецкій бюджетъ. „Суммы, собранныя въ Валлонской каази (округѣ) только на дороги,—писалъ французскій вице-консулъ изъ Валлоны въ 1896 году,—восходятъ до 1.700 тур. лиръ, т.-е. 40.000 фр. въ годъ. Съ момента нашего пріѣзда въ городъ, мы напрасно искали слѣдовъ употребленія хоть одного піастра на эту цѣль. Деньги истрачены на другія потребности, а дороги остаются въ томъ же положеніи, какъ ихъ создала природа и испортили люди“. Впрочемъ, достаточно быть въ турецкой столицѣ и ходить по ея узкимъ и грязнымъ улицамъ, гдѣ человѣкъ каждую минуту рискуетъ сломать погу о торчащіе камни, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что должны представлять собою провинціальныя города и въ особенности деревни.

¹⁾ Le Mouvement macédonien, 20 Aout 1902, p. 3.

²⁾ Nicolaidès, p. 86.

Такъ же мало доходятъ по назначенію и другіе сборы. Главнымъ образомъ они идутъ на непроеизводительные расходы. Расходный бюджетъ 1898 года, восходящій до общей суммы 412 милліоновъ франковъ, распредѣляется такъ: цивильный листъ султана беретъ 20 милліоновъ фр., армія—101 милл., государственный долгъ—столько же, жандармерія—23 милліона, тогда какъ на министерства народнаго просвѣщенія, земледѣлія, торговли, общественныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ и иностранныхъ дѣлъ тратится *вмѣстѣ* 38 милліоновъ франковъ.

Какъ извѣстно, Турція—одно изъ государствъ, чаще другихъ прибѣгавшихъ къ займамъ, главнымъ образомъ внѣшнимъ, но отчасти и внутреннимъ. Съ глубокой наивностью турецкое правительство вѣрило, что достаточно поставить „туру“ (государственную печать) на бумагѣ, чтобы она принималась за звонкую монету. Когда въ 1840 году турецкое правительство выпустило первыя ассигнаціи „кайме“, оно обратилось къ иностраннымъ правительствамъ съ циркуляромъ, который остается курьёзомъ въ финансовыхъ отношеніяхъ Европы. Турецкое правительство просило европейскія государства пригласить своихъ подданныхъ считать турецкія ассигнаціи „безъ всякаго страха и сомнѣнія за настоящія деньги“ ¹⁾. Несмотря на увѣренія Турціи, финансисты придавали этимъ бумажнымъ знакамъ, за которыми не стояло никакого металлическаго запаса, столько же цѣны, сколько и обыкновенной бумагѣ, и Турція,—до устройства правильнаго европейскаго контроля надъ ея финансами,—трижды объявляла государственное банкротство. Въ настоящее время турецкій государственный долгъ доходитъ до почтенной суммы 2.705 милліоновъ франковъ ²⁾.

На что идутъ эти займы, можно судить по только-что произведенной конверсіи такъ называемаго таможеннаго займа. Она дала 41.400.000 франковъ остатка, но оказывается, что эта сумма уже распредѣлена заранѣе. Мы нарочно приводимъ всѣ подробности распредѣленія этой суммы, потому что онѣ косвенно бросаютъ свѣтъ на внутреннее состояніе оттоманской имперіи. Изъ 41 милліона 500.000 назначено въ уплату нѣкоторымъ поставщикамъ арміи; 276.000—на уплату жалованья за прошлые мѣсяцы нѣмецкимъ чиновникамъ въ Турціи; 41.400 франковъ—на жалованье чиновнику-французу, который покидаетъ Турцію; 1.449.000—на уплату платежей двухъ сроковъ по долгу Тубини-

¹⁾ Engelhardt, t. I, p. 72.

²⁾ Et. Thery. Les finances ottomanes. Paris, 1901, p. 83.

Лорандо; 34.500 обіщаны одному нѣмецкому археологу, „обиженному“ курдами; 920.000 фр.—известному оружейному заводу Армстронга; 1.840.000 — на уплату гарантіи желѣзно-дорожной компаніи Сентъ-Жанъ-д'Аврѣ—Дамаскъ; 1.840.000 франковъ—старый долгъ „Deutsche Bank“. Такимъ образомъ около 7 милліоновъ франковъ уже истрачено. Затѣмъ идутъ безповоротно обіщанныя суммы: 8.600.000 франк. по долгу Тубини-Лорандо; 1.840.000 — желѣзной дорогѣ Сентъ-Жанъ-д'Аврѣ—Дамаскъ; 4.830.000 — Армстронгу, что составляетъ въ общемъ 15.720.000, или вмѣстѣ съ упомянутыми выше 7 милліонами—22.720.000 франковъ. Остается 19 милліоновъ, изъ которыхъ 14 предназначены на уплату жалованья чиновникамъ передъ байрамомъ; „остальные пять милліоновъ,—прибавляетъ финансовый хроникѣръ „Temps“,—будутъ скоро поглощены усиленной охраной Македоніи“¹⁾. Изъ всей суммы 40 милліоновъ на экономическія потребности страны пойдетъ только 3 1/2 милл. гарантіи желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, а остальное назначается на уплату долговъ и содержаніе арміи. Турція живетъ изо дня въ день: она должна дѣлать займы, чтобы платить отъ времени до времени жалованье своимъ чиновникамъ. И несомнѣнно, что послѣ рамазана для послѣднихъ опять наступятъ голодные мѣсяцы, что у нихъ особенно развиваетъ любовь къ взяткамъ и незаконнымъ поборамъ съ христіанъ.

Съ тѣмъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ иностранцамъ, которыя красной нитью проходятъ чрезъ отношенія Турціи къ Европѣ, турецкое правительство всячески закрываетъ двери иностраннымъ капиталамъ. Полученіе какой-либо концессіи въ Турціи является цѣлымъ событіемъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Константинополѣ, въ Топханійскомъ дворцѣ была организована коммиссія, для разсмотрѣнія просьбъ иностранцевъ о различныхъ промышленныхъ концессіяхъ. Но она систематически отклоняла всѣ предложенія, за что и получила прозвище „коммиссія похоронныхъ процессій“. „Мы не хотимъ создавать великаго герцогства Геракли“,—говорилъ Маникъ-паша въ отвѣтъ на предложеніе одной французской компаніи поставить на раціональную почву эксплуатацію геракльскихъ рудниковъ²⁾. Несомнѣнно, европейскіе капиталисты преслѣдуютъ, прежде всего, свои капиталистическіе интересы, но турецкое правительство отказы-

¹⁾ Temps, 31 Nov. 1902. (Semaine Financière).

²⁾ Gabriel de Charmes. La situation en Turquie (Revue des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 756).

ваетъ, главнымъ образомъ боясь создавать себѣ лишнія хлопоты. Въ 1901 году былъ изданъ новый, болѣе либеральный уставъ о концессіяхъ, но будетъ ли онъ примѣняться,—въ этомъ прецеденты заставляютъ сомнѣваться.

При этой страшной финансовой анархіи и податномъ гнетѣ, при отсутствіи иностранныхъ капиталовъ и при полной необеспеченности жизни и имущества, экономическое развитіе Турціи движется только въ тѣхъ узко-ограниченныхъ предѣлахъ, которые абсолютно необходимы для самаго ея существованія. Ничтожный шагъ впередъ стѣбитъ невыразимыхъ усилій, громадной затраты труда и средствъ. Нечего и говорить, что земледѣліе въ Турціи находится на самой первобытной стадіи, что тамъ нѣтъ и тѣхъ зачатковъ индустріи, которые встрѣчаемъ во всѣхъ свободныхъ балканскихъ государствахъ.

Если мы теперь перейдемъ къ частному случаю Македоніи, то увидимъ, что всѣ официальные и неофициальные представители Запада въ этомъ краѣ повторяютъ въ одинъ голосъ: „бѣдность и разореніе отличаютъ этотъ благодатный, по своему климату и по своимъ природнымъ богатствамъ, край“. „Фискъ убилъ всякую промышленность“, — пишетъ Біанкони ¹⁾. „Страна впадаетъ въ бѣдность и, вмѣсто того, чтобы развиваться, больше и больше погружается въ пропасть“, — пишетъ французскій консулъ Валлоны ²⁾. „Повсюду жалуются, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ“, — пишетъ тотъ же валлонскій вице-консулъ: — „каждый долженъ обречь себя лишеніямъ и постоянно жертвовать своимъ будущимъ. Такъ, меня увѣряютъ, что многіе крестьяне вынуждены сѣять хлѣбъ, который назначался у нихъ для поспѣвовъ. Къ несчастію земледѣліе—этотъ главный источникъ экономическаго благосостоянія жителей—не находитъ со стороны правительства ни поддержки, ни вниманія. Собираніе податей безжалостно“ ³⁾. „Тяжелое бремя податей, откупщиковъ и ростовщиковъ парализируетъ, отчасти, развитіе земледѣлія въ нашемъ округѣ“, — пишетъ корреспондентъ французской торговой палаты въ Константинополѣ ⁴⁾.

Экономическая эксплуатація беговъ и откупщиковъ, гнетъ административныхъ властей, произволъ и безчинства разбойниковъ—причиной тому, что каждый годъ десятки тысячъ македонцевъ покидаютъ свою родину, чтобы искать заработка въ Бол-

¹⁾ Carte Commerciale de la Macédoine. Paris, 1888, p. 9.

²⁾ Moniteur officiel du commerce, 1897, p.p. 471—478.

³⁾ Тамъ же, 1901, № 77.

⁴⁾ Lettre de Monastir (Bulletin etc. 31 Août 1893, p. 23).

гарии, Румынии, Сербии, Греции, даже Австрии; въ то же время плодородныя поля Македонии превращаются въ пустыни. „Поле между Салониками и Ускюбомъ,—пишетъ французскій путешественникъ Милье,—производитъ то же впечатлѣніе, что и изношенная, до послѣдней нитки, куртка стоящаго противъ меня жандарма“¹⁾. „Желѣзная дорога проходитъ,—пишетъ другой путешественникъ, Georges Gaulis,—черезъ полупустынную мѣстность. Три четверти Кумановской равнины покрыты травой и тростникомъ. Не болѣе отрадное зрѣлище представляетъ и Ускюбская равнина. Культура мака развита въ окрестностяхъ самаго города, немного дальше—желтѣютъ пшеничныя поля, но за полосой въ три километра не видно больше ничего. Между тѣмъ полноводный въ теченіе всего года Вардаръ находится въ услугахъ жителей для орошенія этого исполинскаго поля въ сорокъ километровъ длиною и тридцать—шириною. Окружающія рѣку со всѣхъ сторонъ горныя цѣпи бывають покрыты снѣгомъ до іюня, что дѣлаетъ ее полноводной въ теченіе долгихъ недѣль. Полная силъ, эта чудная страна погибаетъ, убитая разбойничествомъ и болѣе всего—анархіей“²⁾.

Эта крайняя нищета не могла не отразиться и на физическомъ характерѣ самого населенія. „Раса устья Марицы и Вардара истощена больше, чѣмъ можно себя представить“,—пишетъ докторъ de Sandfort. — Среди этихъ потомковъ блестящихъ македонцевъ и могучихъ еракійцевъ встрѣчаются всѣ признаки физическаго вырожденія“³⁾.

IV.

Знаменитый Гюльханскій актъ 1839 года, намѣтившій рядъ мѣръ для обезпеченія „жизни, чести и имущества подданныхъ, для правильнаго отправленія правосудія и строгаго исполненія законовъ“, кончался слѣдующей угрозой по адресу чиновниковъ: „Да падетъ проклятіе неба на тѣхъ, которые не будутъ исполнять новыхъ законовъ“⁴⁾. Рутинна оказалась сильнѣе платоническихъ угрозъ. Турецкая канцелярія и теперь остается тѣмъ же примитивнымъ учрежденіемъ, гдѣ отсутствуетъ всякій порядокъ,

¹⁾ Bulgarie et Macédoine (Revue de Paris, 1 Nov. 1902, p. 87).

²⁾ De Salonique à Belgrade (R. des Deux Mondes, 1 Janv. 1888, p. 339).

³⁾ D-r Barthe de Sandfort. Du service médical dans les travaux de construction de chemin de fer en Macédoine, Paris, 1897, p. 126.

⁴⁾ L'Effort, 1 Avril 1900, p. 5.

гдѣ бумаги, безъ разбору, складываются въ висячіе на гвоздяхъ мѣшки, среди которыхъ чиновникамъ и при добромъ желаніи трудно ориентироваться“¹⁾. Невѣжество, продажность и насилие, неуваженіе къ человѣческой личности, издѣвательство надъ закономъ остаются и теперь характерными чертами турецкаго чиновничества. „Люди, окружающіе ваше величество, — писалъ, въ январѣ 1900 года, зять султана Дамадъ-Махмудъ-паша, — и составляющіе классъ чиновниковъ, все это — полнѣйшіе невѣжды, немощные старики, интриганы и обманщики. Они всѣ испорчены до мозга костей, привыкли къ лести, взяточничеству, всѣ живутъ грабежомъ. Вотъ почему хорошіе и честные люди не могутъ приблизиться къ вамъ. Въ какой другой странѣ существуетъ правительство, подобное тому, какимъ вы себя окружили? Мыслимо ли, пользуясь такими элементами, обезпечить благоденствіе народа? Ваше упорство слѣдовать и далѣе по этому пути можетъ привести лишь къ окончательному разоренію нашей страны...“²⁾. Иногда, въ рѣдкія минуты искренности или же подъ давленіемъ пословъ, Высокая Порта сама должна признать деморализацію турецкаго чиновничества. Въ предпрошломъ году, константинопольская подцензурная газета, „Levant Herald“, напечатала (17 октября 1901 г.) слѣдующее извѣстіе: „Чиновники-преступники“. Предсѣдатель, помощникъ прокурора и судебный слѣдователь сѣнопскаго суда смѣщены съ должности за совершенныя ими злоупотребленія. Подобныя же мѣры строгости приняты противъ всего судебного персонала Наплузы, въ Бейрутскомъ вилайетѣ, за допущенные имъ незаконные поступки и злоупотребленія“. Мы могли бы привести характерныя свѣдѣнія о чиновничествѣ мало-азіатскихъ вилайетовъ изъ отчетовъ англійскихъ и французскихъ консуловъ; но, желая, главнымъ образомъ, изложить положеніе Македоніи, мы выберемъ факты изъ жизни послѣдней страны. Къ сожалѣнію, о Македоніи еще ни разу не публиковалась какая-либо офиціальная переписка, и поэтому мы должны довольствоваться свѣдѣніями, собранными случайными путешественниками или корреспондентами иностранныхъ газетъ. Отметимъ сначала нѣкоторые распоряженія, свидѣтельствующія о дикости турецкаго правительства. Среди товаровъ, ввозъ которыхъ въ Турцію воспрещенъ, находится порохъ для охоты, револьверы, пистолеты и пули всѣхъ видовъ. Запрещеніе этихъ товаровъ еще понятно и даже оправдывается страхомъ передъ возстаніемъ; но

¹⁾ G. Stregov. L'intervention européenne en Turquie. Genève, 1902.

²⁾ Реформи (Органъ Македонскаго Комитета). София, 20 января 1900 г.

становится труднымъ понять побужденія турецкаго правительства, когда оно строго запрещаетъ ввозъ всѣхъ электрическихъ аппаратовъ, до телефоновъ включительно, кромѣ лишь электрическихъ звонковъ¹⁾. Живущимъ въ Константинополѣ извѣстно, что тамъ нѣтъ городской почты: человѣкъ абсолютно лишентъ возможности послать письмо или телерамму въ городъ, тѣмъ болѣе, что отсутствуютъ и посыльные. Оказывается, что городская почта уничтожена съ 1897 года, такъ какъ армянскій комитетъ воспользовался тогда ею для рассылки прокламацій.

Такой же характеръ дикости носятъ и дѣйствія отдѣльныхъ чиновниковъ. Болгарскій писатель Займовъ, въ мемуарѣ о болгарскомъ освободительномъ движеніи, рассказываетъ объ арестѣ одного болгарскаго учителя, на квартирѣ котораго полиція нашла „Капитанскую дочку“ Пушкина и географическій глобусъ, на которомъ, въ великому негодованію турецкаго чиновника, желтая краска Россійской имперіи занимала половину Европы. Эти два факта—книга съ военнымъ заглавіемъ и „русофильскій“ глобусъ—были достаточны для ареста учителя. И теперь, нерѣдко, натапливаемся на такіе же факты, свидѣтельствующіе о низкомъ культурномъ уровнѣ турецкихъ чиновниковъ. „Двѣ болгарскія учительницы, — пишетъ авторъ статьи въ „Revue de Paris“, — были брошены въ тюрьму, 15 мая 1901 г., потому что полиція нашла у нихъ экземпляръ болгарской исторіи и экземпляръ берлинскаго трактата“²⁾.

Однако, не такими дикими, но наивными соображеніями можно объяснить дѣйствія турецкихъ властей. Другія, болѣе основательныя побужденія, руководятъ ихъ политикой, а именно, жажда мести и еще болѣе могучій стимулъ—желаніе нажиться грабежомъ и вымогательствомъ. Каждый годъ македонская хроника отмѣчаетъ десятки фактовъ, когда турецкія власти создаютъ ложныя обвиненія противъ совершенно невинныхъ людей для того, чтобы ихъ потомъ освободить за большія суммы денегъ. Между прочимъ, одинъ случай, доведенный до свѣдѣнія европейскихъ консуловъ, имѣлъ мѣсто, осенью 1901 года, въ Сересѣ. Нѣкій Стамбуліевъ, уголовный преступникъ въ сересской тюрьмѣ, сочинялъ ложные документы, исходившіе, будто бы, отъ болгарскаго комитета. Въ его распоряженіи находилась комитетская печать, шифръ и другія средства для поддѣлки. А доставлены они были кѣмъ?—турецкимъ судебнымъ слѣдователемъ и начальникомъ по-

¹⁾ Moniteur officiel du commerce. Paris, 1898, p. 209.

²⁾ Gaulis, Revue de Paris, 1 Nov. 1902, p. 95.

лиціи, съ помощью которыхъ потомъ сочиненныя письма подбрасывались на квартиры болгаръ. Только благодаря случайности, эта правительственная фабрика заговоровъ стала извѣстна болгарскому торговому агенту въ Салоникахъ, которому удалось спасти одного врача и двухъ крупныхъ коммерсантовъ отъ смерти, тюрьмы или выкупа. Составленная, по его требованію, коммисія должна была признать, что съ половины апрѣля до ноября было приговорено турецкимъ судомъ, сознательно или безсознательно, около тридцати человѣкъ на основаніи документовъ, поддѣланныхъ Стамбулевимъ. Тѣмъ не менѣе, виновные остались безнаказанными ¹⁾).

Для турецкихъ чиновниковъ все является предлогомъ къ вымогательству: разрѣшеніе на постройку церкви, школы, даже жилища. Чтобы пользоваться правами, которыя торжественно гарантированы императорскими фирмами, подданные должны дать „бакшишъ“ или „рушветъ“ (подкупъ въ Турціи, какъ общераспространенное явленіе, имѣетъ нѣсколько названій), и наоборотъ, давая рушветъ, можно обойти законъ и избѣгнуть исполненія судебного приговора. Мы видѣли уже, что откупщики десятины составляютъ одно съ властями; послѣдніе входятъ также въ соглашеніе съ многочисленными разбойничьими шайками, вооруживаются ими, чтобы потомъ дѣлить вмѣстѣ добычу. Христіане волею-неволею также постоянно прибѣгаютъ къ рушвету. Во многихъ случаяхъ успѣхъ различныхъ націоналистскихъ пропагандъ въ Македоніи—болгарской, сербской, греческой, румынской, австрійской—зависитъ отъ того, кто въ состояніи дать большій рушветъ мѣстному начальству. Располагая неотразимымъ аргументомъ золота, можно провести въ Турцію и запрещенныя вещи, и бракованные товары, можно одѣвать солдатъ въ старую одежду и обезпечивать успѣхъ сомнительнымъ финансовымъ предпріятіямъ. По отчету городской лоттереи въ Софіи, сдѣланному недавно въ городской думѣ, выходитъ, что концессіонеры этой лоттереи успѣли спустить массу билетовъ въ Константинополь, — гдѣ ихъ продажа запрещена, — подкупивъ начальника константинопольской полиціи, какого-то пашу и другихъ чиновниковъ. Всѣмъ этимъ господамъ было обѣщано, кромѣ того, мѣсячное жалованье ²⁾).

Такимъ стремленіемъ къ незаконной наживѣ отличаются и высшіе, и низшіе чиновники. Вотъ, напримѣръ, какъ, по словамъ

¹⁾ Revue de Paris, p. 161.

²⁾ Прѣпорецъ (органъ демократической партіи Каравелова). Софія, 27 ноября 1902 г., стр. 3, столб. 2.

греческаго публициста Николандесъ, турецкіе чиновники пользуются для эксплуатаціи крестьянъ тѣмъ, что законъ обязываетъ послѣднихъ работать нѣсколько дней въ году на исправленіе дорогъ. Мы уже замѣтили, что Николандесъ относится благосклонно къ центральнымъ властямъ. И дѣйствительно, онъ начинаетъ свою замѣтку такъ: „Мы не вѣримъ, чтобы въ Константинополѣ были извѣстны приемы, къ которымъ прибѣгаютъ чиновники. Мютесарифъ, т.-е. управитель округа, посылаетъ въ какую-нибудь деревню двѣ дюжины жандармовъ, съ приказаніемъ собрать всѣхъ работоспособныхъ мужчинъ для исправленія дороги, отстоящей на 50 или 60 километровъ отъ деревни. Очевидно, перспектива отправиться въ такія отдаленныя мѣста смущаетъ крестьянъ: они не хотятъ слушаться. Начальникъ жандармскаго отряда принимаетъ возмущенный видъ и угрожаетъ крестьянамъ, что погонитъ ихъ на мѣсто назначенія при помощи штыковъ. Тогда начинаются переговоры, заканчивающіеся тѣмъ, что нѣсколько жандармовъ возвращаются съ 50-ю турецкими лирами для мютесарифа, съ предложеніемъ со стороны крестьянъ, чтобы онъ нанялъ рабочихъ изъ той мѣстности, гдѣ нужно поправить дорогу. На другой день жандармы возвращаются съ отвѣтомъ, что мютесарифъ согласенъ, но если ему дадутъ сумму вдвое больше,—что и дѣлается. На слѣдующій годъ, мютесарифъ не рѣшается повторить ту же игру, боясь, чтобы на него не пожаловались въ Константинополѣ; но онъ прибѣгаетъ къ новому средству. Съ помощью жандармовъ, онъ приводитъ въ деревню около тридцати разбойниковъ-албанцевъ. Начальникъ жандармовъ объясняетъ крестьянамъ, что на этотъ годъ мютесарифъ не будетъ ихъ заставлять работать, и что албанцамъ приказано построить дорогу. Эти предполагаемые рабочіе бродятъ по деревнямъ цѣлый мѣсяцъ, отдыхая днемъ и занимаясь грабежомъ ночью. Свою добычу они дѣлятъ съ жандармами, никогда не получающими жалованья. Крестьяне въ отчаяніи не знаютъ, какъ избавиться отъ этой язвы. Наконецъ, они отправляютъ новую делегацію къ мютесарифу съ новыми пятьюдесятью лирами и съ просьбой избавить ихъ отъ албанцевъ, обѣщая, что они сами построятъ дорогу. Достойный мютесарифъ соглашается и вызываетъ обратно албанцевъ“¹⁾).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти дѣйствія турецкихъ чиновниковъ проходятъ безъ всякой кары. Но если когда-нибудь турецкія власти пользуются полной безнаказанностью, то это въ

¹⁾ С. Nicolaidès, La Macédoine, p. 80.

тѣхъ случаяхъ, когда, подъ предлогомъ розысковъ скрытаго оружія или производства слѣдствія по поводу дѣйствительныхъ или же предполагаемыхъ заговоровъ, онѣ набрасываются на беззащитное христіанское населеніе и заставляютъ его платиться за нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Я не говорю здѣсь о тѣхъ кровавыхъ репрессіяхъ, о тѣхъ вспышкахъ турецкаго фанатизма, которыя время отъ времени, въ теченіе прошлаго столѣтія, орошали кровью тысячъ жертвъ развалины Миссолонгъ и Сирін, поля Малой Азіи и Болгаріи и улицы Константинополя, а о тѣхъ систематическихъ и частичныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ часто подвергаются отдѣльные города и деревни. Что тогда творятъ представители власти—можно судить по слѣдующей телеграфической жалобѣ женщины нѣсколькихъ деревень Солунскаго санджака, посланной султану 12-го января 1900 года, и копія съ которой была передана одновременно всѣмъ европейскимъ консуламъ въ Салоникахъ. „Вслѣдствіе ложныхъ доносовъ подстрекателей, съ цѣлю представить нашихъ мужей опасными для государства, въ наши деревни прибылъ, двѣ недѣли тому назадъ, начальникъ солунской жандармеріи, Махмудъ-паша“. Затѣмъ слѣдуютъ имена 12 крестьянъ, которые подверглись жестокимъ истязаніямъ со стороны вышеупомянутаго офицера. Между прочимъ, онъ заставлялъ ихъ опускать ноги въ кипящую воду, съ цѣлю заставить ихъ сознаться въ участіи въ заговорѣ противъ государства. Чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій, Мехмедъ-паша арестовалъ еще 25 человекъ, свидѣтелей его безобразій. Тутъ же въ телеграммѣ указаны имена всѣхъ этихъ арестованныхъ, а также виды истязаній, которымъ они подверглись. Ихъ матери и жены кончаютъ свою длинную жалобу просьбой, чтобы султанъ заступился за ихъ жизнь ¹⁾. Вслѣдствіе этой жалобы и, главнымъ образомъ, по настоянію пословъ, въ Константинополѣ была назначена коммиссія для разслѣдованія дѣйствій Махмуда-паши. Но ея настоящее назначеніе, конечно, — „похоронить дѣло“. Во всякомъ случаѣ, несмотря на эти коммиссіи, возмутительные факты повторяются во всѣхъ углахъ Македоніи. Описанный выше случай происходилъ въ Солунскомъ санджакѣ, а вотъ что говорилось, немного спустя, въ Монастирскомъ: „Нѣкій черкесь-разбойникъ Хаджи-Ноусъ, изъ деревни Ново-Село, указалъ на 25 крестьянъ изъ ближней деревни Ракитницы, какъ на заговорщиковъ. Мюдиръ (военный комендантъ) изъ Крушево отправляется 23-го прошлаго іюня съ солдатами въ Ракитницы. По дорогѣ

¹⁾ Реформи. Органъ Македонскаго Комитета. София, 27 января 1900 г., стр. 3.

онѣ забираетъ съ собою баши-бузуковъ изъ четырехъ мусульманскихъ деревень. Прибывши въ Ракитницы, эта шайка убиваетъ восемь христіанъ и четырехъ забираетъ въ плѣнъ. Потомъ баши-бузуки сожгли третью деревню, предварительно ее ограбивъ ¹⁾.

Правда, Порта отрицаетъ грабежи и насилія своихъ чиновниковъ, отрицаетъ также и пытки, которымъ подвергаются заключенные въ тюрьмахъ. Но это ея старыи пріемъ. Во время армянскихъ ужасовъ она также увѣряла, что въ Малой Азіи все въ порядкѣ, а въ это же время французскій военный атташе, полковникъ Віаларъ, ѣхавшій изслѣдовать дѣло объ убійствѣ отца Сальватора, заявлялъ въ официалномъ докладѣ: „Избіенія, которыя съ такою увѣренностью отрицаются Портой и приближенными султана, являются предметомъ всеобщихъ разговоровъ на базарахъ. Мусульмане рассказываютъ другъ другу различные перипетіи кровавой драмы и хвастаются награбленной добычей“. Также гордятся и хвастаются своими дѣяніями турецкіе чиновники въ Македоніи, какъ видно изъ слѣдующаго факта.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ парижской иллюстрированной газетѣ: „Les Nouvelles Illustrées“, появился снимокъ съ фотографіи, свидѣтельствующій о полномъ отсутствіи всякихъ человѣческихъ чувствъ у турецкихъ жандармовъ. Трое молодыхъ и красивыхъ турецкихъ жандармовъ, въ полной формѣ, съ фесками набекрень, стоятъ вокругъ маленькаго стола, а на немъ, на бѣлой скатерти, находятся ихъ кровавыя трофеи—обезображенные ударами сабель головы четырехъ повстанцевъ. Какъ теперь извѣстно, этотъ снимокъ былъ доставленъ Голисомъ, корреспондентомъ газеты „Temps“. „Въ 1902 году, въ Монастирѣ, — пишетъ онъ, — среди мусульманъ находилась въ обращеніи карточка, которая убѣдительно въ всякихъ разсказахъ и сильнѣе всякихъ официальныхъ опроверженій. Мнѣ удалось получить экземпляръ этого краснорѣчиваго изображенія“ ²⁾. „Мое путешествіе по странѣ вызвало у меня ужасъ и глубокое отвращеніе, — писалъ тогда же въ одной корреспонденціи вышеупомянутый публицистъ. — Я видѣлъ деревни, покинутыя жителями, которые скрылись въ горы отъ преслѣдованій турецкой полиціи и турецкихъ солдатъ. Ужасы, достойные варварскихъ эпохъ, совершались подъ предлогомъ заставить несчастныхъ крестьянъ сознаться, что они входятъ въ составъ комитетовъ. Въ лучшемъ случаѣ, ихъ такъ отчаянно сѣкли розгами, что въ теченіе мѣсяцевъ они

¹⁾ Gaulis. Revue de Paris, p. 98.

²⁾ Revue de Paris, p. 99.

не будутъ въ состояніи двинуться съ мѣста. Другимъ вколачивали подъ ногти заостренные куски дерева, третьихъ—обливали кипящимъ деревяннымъ масломъ; наконецъ, насилывали женщинъ на глазахъ ихъ привязанныхъ къ деревьямъ мужей¹⁾. Голосъ самъ видѣлъ крестьянина съ вырванными ногтями¹⁾.

„Тиквешскій округъ волею судьбы, — пишетъ другой французскій путешественникъ, — сдѣлался театромъ ужасныхъ сценъ. Самыя ничтожныя подозрѣнія являлись предлогомъ къ постояннымъ истребленіямъ христіанъ. Подозрѣваемому Христо-Хаджи Попову, изъ деревни Крецовъ, сжимали голову винтомъ. Онъ сошелъ съ ума. Также сошли съ ума Коце Кланковъ и его дочь Петра Кланкова, первый—отъ неистовыхъ побоевъ, а вторая—отъ ужасовъ, которые творились надъ ней жандармами. Учитель деревни Изворъ, Гевгемійскаго округа, былъ убитъ полицейскими, когда выходилъ изъ дому. Александръ Стояновъ, учитель деревни Неготино, убитъ также агентами правительства на порогѣ своей квартиры. Сынъ крестьянина, Кристо Клинчаровъ, умеръ въ Резово отъ побоевъ, а болгарскій священникъ въ Разобилѣ былъ буквально посаженъ на колъ. Американскій миссіонеръ Биръ (Beer) видѣлъ, какъ полицейскія власти въ Килкичѣ обливали горячимъ масломъ одного молодого человѣка, который подозрѣвался въ переносѣ почты комитета. Въ деревнѣ Боянчища двадцать-одного крестьянина полицейскіе сѣкли розгами, въ присутствіи онъ-баши (фельдфебеля) Омера и унтеръ-офицеровъ Муса и Селимъ-Чауша. Одна женщина умерла въ Команичево подъ ударами Селимъ-Чауша. Въ Чемерско одна молодая дѣвушка была изнасилована пятнадцатью жандармами и брошена умирающею. Надъ Митре Пано Янковымъ была продѣлана слѣдующая пытка: онъ былъ повѣшенъ головой внизъ, съ руками, связанными за спиной въ теченіе нѣсколькихъ часовъ“...²⁾ Мы заканчиваемъ на этомъ фактѣ скорбный списокъ д'Эспанья и заключимъ рассказъ нѣсколькими словами о турецкихъ тюрьмахъ. Замѣтки англійскаго публициста Диллона о состояніи малоазійскихъ турецкихъ тюремъ привели въ ужасъ общественное мнѣніе Англіи. Не лучше и македонскія тюрьмы—старыя, мрачныя и сырыя зданія, покрытыя грязью и кишмящія паразитами, съ удушливой, отвратительной атмосферой, какъ отъ перенаселенія, такъ и отъ отсутствія удобствъ для самыхъ элементарныхъ от-

¹⁾ Тамъ же, стр. 99. Газета,—какъ видно „Temps“,—въ которую была послана вышеупомянутая корреспонденція, отказалась напечатать ее, боясь вызвать „несвоевременную агитацію“.

²⁾ D'Espagnat. Avant le massacre, p. p. 850, 351.

правленій заключенныхъ. „Тюрьма переполнена арестантами, — пишетъ салоникскій корреспондентъ „Mouvement Macédonien“. — Больше трехсотъ человекъ ждутъ приговора. Ихъ положеніе отчаянное: они подвергаются ежедневнымъ пыткамъ. Нѣсколько дней тому назадъ, нѣмецкій вице-консулъ г. Падель добился разрѣшенія посѣтить вмѣстѣ съ однимъ пасторомъ тюрьму. Трудно передать весь ужасъ того, что онъ рассказываетъ. Больше всѣхъ пыткамъ подвергались заключенные изъ Россово, Тегница и Тиввеша: нѣкоторымъ изъ нихъ жгли ноги. Беременная жена Конс Дарварова, вслѣдствіе побоевъ, родила нѣсколько дней послѣ поступленія въ тюрьму Эди-Куле и умерла въ ужасныхъ мукахъ“¹⁾. Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ ужасныхъ порядкахъ, господствующихъ въ турецкихъ тюрьмахъ, является убійство болгарскаго учителя Михова. Надъ этимъ дѣломъ стоитъ остановиться еще и потому, что въ его разслѣдованіи принялъ участіе и ускиубскій французскій консулъ Шублье.

Миховъ былъ арестованъ въ Кюпрюли въ апрѣлѣ 1901 г., по обвиненію въ томъ, что онъ состоялъ предсѣдателемъ мѣстнаго македонскаго комитета. Привязанный къ хвосту лошади и закованный въ кандалы, онъ долженъ былъ пробѣжать, подъ ударами солдатъ, девять часовъ изъ Кюпрюли до Ускуба. Здѣсь онъ былъ брошенъ въ тюрьму Куршумли-ханъ и въ теченіе трехъ недѣль подвергался постояннымъ допросамъ и пыткамъ, о чемъ свидѣлствуютъ его сосѣди и одинъ другъ, который былъ допущенъ разъ на свиданіе. Это продолжалось до 5 мая — дня его смерти. 5-го мая, въ пять часовъ утра, когда всѣ еще спали, изъ камеры Михова донесся шумъ, раздался выстрѣлъ револьвера, и опять вся тюрьма погрузилась въ гробовое молчаніе. Въ десять часовъ является судебный слѣдователь съ тремя, имъ же подобранными врачами и составляетъ актъ о самоубійствѣ. Въ этомъ документѣ констатируется, что у Михова нашли рану отъ пули по срединѣ лба, пальцы лѣвой руки были покрыты слѣдами пороха, а правой — высохшей крови. Но когда уже трупъ находился въ церкви, французскій консулъ замѣтилъ, что рана направлена сверху внизъ и что предполагаемые слѣды пороха — не что иное, какъ чернила, которыя тутъ-же на мѣстѣ Шублье снялъ мокрой салфеткой²⁾.

Вотъ — такъ называемая официальная Турція. Но на ряду съ представителями закона, или, правильнѣе сказать, естествен-

¹⁾ Le Mouvement Macédonien. Paris, 20 Juillet 1902, p. 4.

²⁾ Mouvement Macédonien, 5 Juin 1902, pp. 4—5.

нымъ дополненіемъ и продолженіемъ турецкой администраціи являются разбойничьи шайки, убійства и грабежи которыхъ парализуютъ всякое развитіе турецкой провинціи.

V.

Въ 1884—1885 году покойный бельгійскій экономистъ и филантропъ Эмиль де-Лавелей началъ въ англійской печати кампанію по поводу разбойничества въ Македоніи. Онъ указывалъ, между прочимъ, на жестокости, совершенныя одной разбойничьей шайкой въ деревнѣ Зеленище, недалеко отъ Касторіи. Эти свѣдѣнія были напечатаны въ „Pall-Mall-Gazette“. Въ номерѣ „Times“а 19-го января 1885 года былъ помѣщенъ отвѣтъ турецкаго правительства. Оно не отрицало, что было „кое-что“, но слагало отвѣтственность за эти шайки на грековъ и болгаръ, изъ которыхъ, будто бы, онѣ состояли.

Въ другой статьѣ Лавелей указывалъ на дѣйствія другой шайки, заключавшей около трехсотъ человѣкъ, которые напали на деревню Ореше и подвергли пыткамъ многихъ жителей, и между прочимъ двухъ женщинъ, Вельховску и Видочку, чтобы узнать, кто—самые богатые жители деревни и гдѣ они прячутъ свои богатства. Снова въ „Times“, 16-го апрѣля 1885 года, появилось письмо, на этотъ разъ салонискаго вали Галибпаши. Онъ уменьшилъ число разбойниковъ до ста и заявилъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, это были болгаре и албанцы, —другими словами,—турки за эти шайки не отвѣтственны ¹⁾.

Это—обыкновенная система защиты турецкаго правительства: сначала оно отрицаетъ факты, а когда ихъ очевидность становится вопіющею,—старается сложить отвѣтственность на другихъ. Однако этимъ его собственная отвѣтственность ничуть не уменьшается, ибо остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что турецкое правительство не въ состояніи обезпечить жизнь своихъ подданныхъ. Даже больше: попытки немногихъ отдѣльныхъ управителей положить конецъ этой язвѣ разбойничества обречены на неудачу. Общественно-политическія условія въ Турціи такъ сложились, что разбойничество является какъ бы официально признанной привилегіей господствующаго племени, уничтожить которую правительство не рѣшается изъ страха сдѣлаться непопулярнымъ. Хорошимъ доказательствомъ этому является дѣятель-

¹⁾ Laveleye. La Peninsule des Balcanes, t. II, p. 396.

ность Галиль-Рафаата-паши. Мы уже упомянули выше, что этот разумный администраторъ, въ свою бытность губернаторомъ Монастирскаго вилайета, совершилъ удачную реформу собиранія десятины, которая затѣмъ была отмѣнена изъ-за сопротивленія беговъ. Такъ же точно онъ долженъ быть отказаться и отъ другой реформы, которая, при проведеніи до конца, сократила бы разбойничество до минимума. Галиль-Рафаатъ-паша задумалъ организацію смѣшанной жандармеріи, т.-е. состоящей изъ магометанъ и христіанъ. Власти роздали христіанскимъ деревнямъ оружіе, по штукѣ на каждыя пять домовъ. Такимъ образомъ, христіане получали возможность защищаться отъ нападенія шаекъ. Съ своей стороны, губернаторъ Монастира энергично взялся за ихъ преслѣдованіе. Меньше, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, на площади передъ монастирскимъ управленіемъ было казнено около восьмидесяти разбойниковъ ¹⁾. Эти двѣ мѣры—созданіе полиціи изъ христіанъ и преслѣдованіе шаекъ—привели къ тому, что разбойничеству въ Монастирскомъ вилайетѣ былъ положенъ конецъ. Но протесты вліятельныхъ турокъ, интриги чиновниковъ, жившихъ доходами отъ шаекъ, наконецъ, боязнь центральной власти, чтобы болгары не воспользовались выданнымъ оружіемъ для политическихъ цѣлей, заставило Порту смѣстить Галиль-Рафаата и отнять оружіе у христіанскихъ деревень, а исчезнувшія шайки опять начали появляться по деревнямъ. Въ одномъ 1895 году, по официальнымъ даннымъ, турецкая жандармерія преслѣдовала—безъ успѣха, конечно,—около ста пятидесяти разбойничьихъ шаекъ. Число же дѣйствующихъ по одиночкѣ разбойниковъ превышаетъ эту цифру. Лишь въ 1895 году статистика отмѣчаетъ для всей Македоніи около четырехъ тысячъ вооруженныхъ нападеній съ убійствомъ и грабежомъ ²⁾, и это въ странѣ, населеніе которой—около двухъ милліоновъ! Разбойничьи шайки какъ бы распредѣлили македонскую территорію на участки; каждая изъ нихъ дѣйствуетъ въ своемъ участкѣ, нападаетъ на деревни, уводитъ ихъ жителей и выпускаетъ ихъ лишь за большой выкупъ. Когда же жители не могутъ уплатить выкупа, разбойники вновь нападаютъ на деревню, грабятъ, жгутъ, поворятъ женщинъ и забираютъ, что попало.

Въ концѣ 1900 года, въ Тетовскомъ округѣ дѣйствовала знаменитая своими подвигами шайка подъ предводительствомъ Газиръ-Качака. Вотъ нѣкоторые изъ его преступленій. Въ іюлѣ.

¹⁾ G. Stregow. L'Intervention etc., p. 178.

²⁾ Nicolaidès, La Macédoine, p. 87.

онъ является въ деревню Долне-Яговице, призываетъ къ себѣ старосту деревни и приказываетъ ему принести 15 турецкихъ лиръ, угрожая въ противномъ случаѣ смертью. Староста, не найдя этой суммы, вернулся къ Газиръ-Качаку, сопровождаемый нѣсколькими турецкими крестьянами изъ этой же деревни, которые обѣщали старостѣ заступиться за него передъ разбойниками. Это заступничество не избавило крестьянина отъ пули разсердившагося Газиръ-Качака. Нѣсколько дней послѣ этого тотъ же разбойникъ является въ деревню Дувъ и требуетъ у жителей 60 турецкихъ лиръ. Они принесли ему только 25 и нѣсколько десятковъ паръ мягкихъ кожаныхъ сапоговъ, дѣланныхъ самими крестьянами. Газиръ-Чаушъ не удовольствовался этимъ: онъ заявилъ, что каждый возвращающійся издалека въ деревню македонецъ долженъ заплатить ему по пяти турецкихъ лиръ. Первому возвращавшемуся, нѣкому купцу Новачову изъ деревни Леуново удалось избавиться отъ этого налога, благодаря заступничеству сопровождавшихъ его турокъ. Менѣе счастливымъ оказался, нѣсколько дней спустя, крестьянинъ изъ той же деревни, Стоянъ Андреевъ. Онъ возвращался изъ Константинополя, гдѣ пробылъ семь лѣтъ ради заработка. Когда ему оставалось всего нѣсколько верстъ до родной деревни, Андреевъ былъ схваченъ разбойниками Газиръ-Качака возлѣ деревни Влахиница, ограбленъ совершенно и уведенъ въ ближайшую деревню Лешница. Отсюда Газиръ-Качакъ далъ знать матери несчастнаго Андреева, что если въ продолженіе трехъ дней она не принесетъ ему 25 лиръ, ея сынъ будетъ разстрѣлянъ. Когда она, послѣ долгихъ усилій, нашла часть этой суммы и явилась къ назначенному мѣсту, ея сынъ былъ уже мертвъ. Въ августѣ того же года Газиръ-Качакъ является въ деревню Никифорово и требуетъ отъ крестьянъ 60 лиръ, а когда они не могли ему дать ихъ, онъ въ гнѣвъ сжегъ нѣсколько скирдъ крестьянскаго сѣна. Такими же злодѣйствами отличался Газиръ-Качакъ и въ сентябрѣ, и въ октябрѣ. По сосѣдству съ нимъ дѣйствовали въ томъ же Тетовскомъ округѣ шайки подъ предводительствомъ Исламъ-Гаирани, Бале-Качака и др. ¹⁾

Въ Монастирскомъ вилайетѣ прославился другой предводитель шайки, Бильяль-Баланца, который уже въ теченіе тридцати лѣтъ наводитъ ужасъ на жителей. Исчезнувъ во время правленія Галиль-Рифаата-паши, онъ опять явился, послѣ отозванія этого энергичнаго усмирителя разбойниковъ. „Я помню, что онъ тер-

¹⁾ L'Effort, Genève, 1 Janvier 1901, p.p. 12—13.

поризировалъ деревни еще въ моемъ дѣтствѣ, — пишетъ одинъ македонскій дѣятель. — Мѣсяць тому назадъ, Бильяль-Баланца явился вмѣстѣ со своими товарищами въ деревню. Смилево и, ограбивъ многіе дома и церковь, забралъ съ собою въ плѣнъ шестнадцать крестьянъ. Для ихъ освобожденія онъ потребовалъ большого выкупа. Оставшіеся въ деревнѣ крестьяне отправили депутата къ монастырскому вали, требуя его заступничества. Тотъ имъ посовѣтовалъ, — зная кровожадность Бильяль-Баланца, — отнести ему какъ можно скорѣе назначенную для выкупа сумму¹⁾. Подвиги Бильяль-Баланца дошли и до европейскихъ консуловъ; по настоянію послѣднихъ и вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ христіанъ, турецкія власти приняли, наконецъ, мѣры для преслѣдованія его шайки. Въ началѣ августа Бильяль-Баланца во главѣ 120 разбойниковъ направился къ деревнѣ Парекъ, въ Дебрскомъ округѣ. Предупрежденные пастухами, крестьяне покинули деревню, за исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ. Забравъ все, что было въ домахъ, разбойники обратились къ оставшимся жителямъ съ угрозой, что если въ теченіе двухъ дней они не соберутъ определенной суммы денегъ, всѣ дома будутъ сожжены. Но въ это время бѣжавшіе крестьяне успѣли потребовать вмѣшательства начальника полиціи Тагиръ-Бутко изъ ближайшей деревни Пей-раница. Вооруживъ крестьянъ и подождавъ прихода военного отряда изъ Дебра, Тагиръ-Бутко окружилъ деревню Парекъ. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ. Наконецъ, разбойники успѣли пробиться черезъ рядъ крестьянъ и солдатъ, оставивъ на мѣстѣ убитыми пятьдесятъ человекъ, въ томъ числѣ самого Бильяль-Баланца и еще одного легендарнаго предводителя шайки, Тагиръ-Толла²⁾. Этотъ-то Тагиръ-Толла и является авторомъ знаменитаго „посланія“ къ жителямъ деревни Галиченивъ. Мы его приводимъ цѣликомъ, такъ какъ оно можетъ служить характеристикой пріемовъ турецкихъ разбойниковъ въ Македоніи.

„Къ знатымъ людямъ Галиченива!“ — такъ начинается этотъ интересный документъ. — „Поклонъ вамъ всѣмъ. Вы мнѣ должны по подписанной вами же записи 1.000 лиръ. Теперь я требую эту сумму. Постарайтесь отыскать меня и принести деньги, но безъ шума. Въ противномъ случаѣ, предупреждаю васъ, вамъ придется раскаться: вамъ извѣстно, кто я такой. Что станетъ съ вашими 50.000 овецъ и 2.000 головъ крупнаго скота, если

¹⁾ S. Vedar. Le mouvement revolutionnaire Macédonien (L'Humanité Nouvelle, Paris, Janvier 1901, p. 6.

²⁾ Le Mouvement Macédonien, Paris, 20 sept. 1902, p. 7.

вы мнѣ не принесете эти деньги? Какъ вы осмѣлитесь тогда показаться вѣ деревни? Если мнѣ не удастся васъ забрать, — убить то я всегда могу. Или вы надѣетесь на защиту вашихъ сторожей? Можетъ быть, вы думаете, что аги и беги вамъ будутъ покровительствовать? Наплевать мнѣ на беговъ и на аги! Помните хорошенько: вы должны отыскать меня или въ лѣсу, или въ моемъ замкѣ, чтобы со мной разсчитаться. Не воображайте, что отъ этого долга вы можете избавиться: я васъ всегда отыщу“¹⁾.

Этотъ турецкій Картушъ не подозрѣвалъ, что, спустя нѣсколько недѣль послѣ его гордаго вызова, онъ падетъ отъ пули одного изъ этихъ крестьянъ. Но на смѣну убитыхъ или арестованныхъ разбойниковъ являются новыя силы. Разбойничество, при той страшной нищетѣ, которая господствуетъ въ Македоніи среди христіанскаго, какъ и мусульманскаго земледѣльческаго населенія, является своего рода промысломъ. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, турецкія власти, за рѣдкими исключеніями, покровительствуютъ и даже способствуютъ организациі этихъ разбойничьихъ шаекъ, какъ противодействующихъ распространенію революціонныхъ македонскихъ дружинъ.

Многія изъ разбойничьихъ шаекъ, дѣйствующихъ въ сѣверной и западной Македоніи, состоятъ изъ албанцевъ. Это дикое горское племя, напоминающее своимъ обычаемъ, — обычаемъ кровавой мести („бесса“), — корсиканскую „вендетту“, живетъ почти независимо въ своихъ неприступныхъ деревняхъ и замкахъ. Отсюда, подъ предводительствомъ начальниковъ различныхъ „родовъ“ — у албанцевъ сохранилось еще родовое устройство, — они спускаются въ равнины и грабятъ города и деревни Старой Сербіи и Македоніи. Турецкое правительство по отношенію къ нимъ еще безсильнѣе, чѣмъ по отношенію къ самимъ туркамъ. Оно даже заискиваетъ передъ албанскими бегами, разсчитывая на нихъ въ борьбѣ съ христіанскимъ элементомъ. Для него въ Македоніи они играютъ роль курдовъ въ Малой Азіи. Султанъ дѣлаетъ имъ особую честь, держа въ своей дворцовой гвардіи отрядъ албанцевъ; старые разбойники-беги принимаются съ большими почестями въ Константинополѣ и награждаются орденами и чинами. Албанцы — всесильны, въ чемъ можно было убѣдиться недавно, когда консулъ великой державы, несмотря на поддержку турецкаго правительства, не могъ занять своего поста въ Митровицахъ, вслѣдствіе сопротивленія албанцевъ.

¹⁾ Le Mouvement Macédonien. (Un document sur le brigandage en Macédoine). Paris, 20 Août, 1902, p. 1.

При той постоянной враждѣ, которую турки проявляютъ въ христіанамъ, трудно провести границу между мирнымъ турецкимъ населеніемъ и разбойничьими шайками. Турокъ, еще съ юныхъ лѣтъ привыкшій смотрѣть съ презрѣніемъ на христіанскую чернь, упражняетъ свой героизмъ — „бабайшльъ“, какъ говорятъ турки, — надъ беззащитными христіанами. Молодые турецкіе „кабадан“ считаютъ признакомъ героизма обижать безъ всякаго повода христіанъ и вызывать ихъ на драку. Когда же у этого обыкновеннаго мусульманина-обывателя по тѣмъ или другимъ поводамъ просыпается фанатизмъ и дикіе инстинкты, онъ дѣлается кровожаднымъ звѣремъ. Д'Эспанья описываетъ одну изъ этихъ мрачныхъ сценъ, заставляющихъ читателя дрожать отъ ужаса, и въ которыхъ жестокость и цинизмъ смѣшиваются съ какими-то утонченными инквизиторскими приемами. Сцена происходитъ въ сумеркахъ, около одной деревни Лайна, на турецкомъ склонѣ Родопскихъ горъ. Двѣ молодыя дѣвушки являются на свиданіе со своими женихами. Но вмѣсто послѣднихъ имъ на встрѣчу выходятъ два турка изъ сосѣдней деревни, которые давно ухаживали за красивыми болгарками. Послѣднія сообразили, какую ловушку устроили имъ оба переодѣвшіеся турка, только очутившись въ ихъ рукахъ. Начинается отчаянная борьба, въ которой, конечно, побѣда остается на сторонѣ сильнаго. Однако раньше, чѣмъ отпустить дѣвушекъ, одинъ изъ турокъ съ рассчитанной жестокостью потянулъ къ себѣ свой плащъ, брошенный недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ находился, и который лежалъ, казалось, на маленькой кучѣ сухихъ вѣтвей. Тогда, въ страшномъ ужасѣ, обѣ дѣвушки замѣтили два человѣческихъ лица съ глазами, выходящими изъ орбитъ и со ртами, затянутыми большимъ платкомъ. Два тѣла лежали одно возлѣ другого, крѣпко перевязанныя веревками, которыя не позволяли имъ двигаться. „Подходи поближе! — сказалъ, смѣясь, Савфетъ одной изъ дѣвушекъ: — Узнаешь ты своего?“ — Это были ихъ женихи, мѣсто которыхъ заняли, при помощи своей цинической и жестокой ловушки, оба турка.

Въ чемъ же заключаются причины того, что, несмотря на реформы, предпринимаемыя, время отъ времени, турецкимъ правительствомъ, анархія въ имперіи не прекращается?

Х. Г. Инсаровъ.

ЗЛОСЧАСТНЫЕ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Василій Петровичъ сидѣлъ около своего домика на бревнышеѣ, сложивъ руки на рукоятѣ собственной палки, и поглядывалъ на рѣку, мутныя и быстрыя волны которой несли вешній ледъ.

Смотрѣлъ онъ прищуренными старческими глазами на воду и слѣдилъ за тѣмъ, какъ мужики, парни и дѣвки, разѣзжая въ лодкахъ, около плывущихъ льдинъ, ловить баграми бревна, доски и дрова, которыя въ изобиліи несутъ рѣка во время весенняго разлива. Особенное вниманіе старика было сосредоточено на двухъ ловцахъ, одѣтыхъ въ кумачныя рубахи. Это были Петръ и Власъ, сыновья самого Василя Петровича.

Когда сыновья, гоняясь за добычей, настигали хорошее, по расчету Василя Петровича, бревно—онъ радовался и издали поощрялъ ловцовъ, тихо нашептывая: „Вотъ... вотъ... молодцы... такъ его, подъ низъ, подъ низъ багромъ-то“. Если дѣйствія Петра и Власа не нравились старику, онъ раздраженно ворчалъ, обзывая сыновей „чертями“ или „рохлями“ и „бабами“...

Изъ-подъ склона холма, на которомъ былъ расположенъ трехъ-оконный домъ Василя Петровича, по узкой, хорошо протоптанной тропинкѣ, поднимался какой-то человѣкъ, съ краснымъ, обрюзгшимъ отъ перепоя лицомъ и съ щекой, перевязанной грязнымъ краснымъ платкомъ. Одѣтъ онъ былъ въ полинялую ситцевую рубаху, поверхъ которой его широкую грудь обхватывала темно-коричневая ветхая жилетка; одна штанина была за-

правлена въ голенище сапога „бутылкой“, другая—болталась на правой ногѣ, обутой въ опорку. Поднимаясь въ гору, человекъ этотъ немного прихрамывалъ на ногу въ опоркѣ, и на лицѣ его выражалось страданіе, или отъ боли въ ногѣ, или отъ нытья въ перевязанной щекѣ. Звали человека съ перевязанной щекой Артамономъ; Василию Петровичу онъ приходился роднымъ племянникомъ.

— Здравствуй, старый чортъ!—не очень громко привѣтствовалъ старика Артамонъ, ухмыляясь собственной выходкѣ и твердо памятуя, что какъ ни брани старика дядю—все равно, онъ ничего не услышитъ.

Старикъ молча повелъ глазами въ сторону Артамона и потомъ снова сталъ всматриваться на рѣку, на ловцовъ „дарового топлива“.

— Наше вамъ почтеніе, Василій Петровичъ! Съ праздникомъ!—громко провознесъ Артамонъ и снялъ картузь.

Василій Петровичъ также поклонился и, нахлобучивъ на лобъ громадный картузь, со злобой въ голосъ проговорилъ про себя:

— Вотъ рохли-то! вотъ бабы-то!.. За полѣномъ погнались, а какое бревно упустили... Вонъ, вонъ Демьяновы ребята его и захватили!.. Ахъ, ротозѣи! дьяволы проклятые!..

Артамонъ посмотрѣлъ въ ту же сторону, куда были устремлены глаза Василия Петровича, и также принялся бранить дѣтей старика:

— Ничего-то... ничего они не понимаютъ, дѣдушка? Такъ вѣдь?.. Старый ты шутъ! Филинъ ты съ горбатымъ носомъ!—добавилъ онъ потише, косаясь на профиль лица Василия Петровича.

— Ась?—спросилъ, наконецъ, старикъ, замѣтивъ по губамъ сосѣда, что тотъ что-то говорить.

— Я говорю—черти они!.. Бревно упустили, а за полѣномъ погнались!—слегка склонившись къ уху старика, громко говорилъ Артамонъ.

— Знамо, черти! знамо!—соглашался и старикъ:—Демьяновы-то ребята не въ примѣръ имъ лучше будутъ, поворотливѣе да посмышлѣнѣе...

— А какой лѣшій велѣлъ тебѣ этакихъ несмышлѣнныхъ людей нарожать-то?!—проговорилъ Артамонъ и снова началъ громко браниться.

Но старикъ не слышалъ брани Артамона, который съ нескрываемымъ наслажденіемъ пользовался возможностью безнача-

занно издѣваться надъ своимъ врагомъ, попутно насмѣхаясь и надъ его сыновьями.

— Пошто это ты рожу-то завязалъ?

— Зубы, дѣдушка, выбили... твои ребята... Вотъ я и пришелъ жаловаться на нихъ!—что было мочи кричалъ Артамонъ, лишь бы только старикъ услышалъ его голосъ.

— Э-эхъ, грѣховодники! Не живется вамъ въ согласіи-то! все бы мутить! Тьфу!.. Такъ тебѣ, косматому лѣшему, и надо! не пьянствуй, не развратничай! Бога-то совсѣмъ забылъ! Люди въ великомъ-то посту говѣютъ, каются, а ты все пьянствовалъ!..

— Пьянствовалъ, дѣдушка, пьянствовалъ, потому—праздники, Святая Пасха...—Артамонъ, съ насмѣшкой въ глазахъ, посмотрѣлъ въ лицо старика и добавилъ.—Ничего-то ты не слышишь, старый филинъ! Ну, на какой чортъ ты живешь! этакій-то, только даромъ небо коптишь!..

Артамонъ долго еще ругалъ старика, однако сильно понизивъ голосъ, потому что замѣтилъ въ одномъ изъ оконъ дома сморщенное лицо тетки, Авдотьи Ивановны, жены Василия Петровича.

— Что ты, грѣховодникъ, старика-то бранишь? Что онъ тебѣ сдѣлалъ?.. Зачѣмъ ты въ намъ ходишь-то! дрался бы тамъ со своей суженой-то!..

Старуха долго еще бранила племянника, и глаза ея налились кровью. Артамонъ сидѣлъ молча, исподлобья поглядывая на старуху.

— Нога-то еще не зажила, а ты ужъ и рожу подновилъ! Поколѣть бы тебѣ, а не ему, не Василию Петровичу!—Она немного помолчала, сердито смотря въ сторону Артамона, и потомъ снова продолжала:—Дядю родного бранить и Бога не боится! Старикъ-отъ семьдесятъ восемь лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, отца твоего вывелъ въ люди, своихъ ребятъ вонъ на ноги поставилъ, а ты что? Что ты такое, охальникъ?.. Съ шлюхой-то своей ребятъ нарожалъ, да на сторону ихъ разбросалъ!.. Накажетъ тебя Богъ: сломать они тебѣ шею, когда они вырастутъ-то!.. Сломать!..

Артамонъ слушалъ старуху внимательно и даже немного повернувъ лицо въ ея сторону; по лицу его все время бродила ехидная усмѣшка. Авдотья Ивановна рѣзко оборвала свою рѣчь и закашлялась; лицо ея при этомъ раскраснѣлось, а глаза налились слезами. Утирая лицо платкомъ, которымъ была повязана ея голова, она продолжала кашлять, всхлипывая и придерживая рукою свою плоскую, сухую грудь.

Артамонъ выждалъ, пока старуха перестала кашлять, под-

нялся съ бревнышка и, подходя къ окну, началъ притворно ласковымъ голосомъ:

— Все-то ты меня, тетушка Авдотья, бранишь да попрекаешь, а за что?..

— За что?..—протянула старуха.—А за что ты мужа-то бранишь? Что онъ тебѣ, старикъ, сдѣлалъ?..

— За дѣло, тетушка Авдотья, за дѣло!.. Потому, старикъ-то меня обидѣлъ...

— Чѣмъ тебя обидѣлъ-то, этакій слабый да немощный?..

— Сама знаешь, тетушка, сама знаешь... Когда дядя Василий Петровичъ шкуру-то съ меня сдиралъ—сила у него была...

— Ну-у, понесъ!—и старуха махнула рукою и снова зашлялялась, всхлипывая и трясясь всѣмъ старческимъ тѣломъ.

Артамонъ повернулъ лицо къ рѣкѣ, посмотрѣлъ на дядю и тихо добавилъ:

— То-то вотъ!.. Молчала бы да слушала... Богъ-то видитъ, гдѣ правда! да!.. Старый-то чортъ ограбилъ мово отца, на смертномъ одрѣ ограбилъ, денежки-то всѣ и ухнули... Рухлядь-то разную, негодную, онъ мнѣ при бумажкѣ передалъ и при свидѣтеляхъ, а что тамъ-то, раньше-то, дѣлалось—тому Богъ свидѣтель...

— Ты видѣлъ? видѣлъ ты, какъ онъ грабилъ-то?.. Были деньги-то у твоего отца? были?..—со злобой на глазахъ засыпала старуха вопросами.

— Были, тетушка, были... Былъ бы я тутъ, когда тятенька умиралъ, такъ и денежки были бы цѣлы... А то вѣдь я въ Москвѣ былъ, царю вѣрой и правдой служилъ, а вы тутъ океанному служили, чужія денежки пересчитывали?.. А былъ бы я тутъ, такъ и не поживился бы твой муженекъ-то!.. Нѣ-ѣтъ, зналишь!.. Я бы ему сѣдую-то бороду выдралъ бы... Старая онъ собака! чтобъ нечистые помучили его на томъ свѣтѣ!...

Артамонъ съ прежней энергіей бранилъ старика, уже не стараясь понижать голосъ. Напротивъ, его поощряли къ брани нѣмые свидѣтели, два подростка, примостившіеся на кровлѣ соседняго сарая.

— Вотъ, погоди: ребята вернутся съ рѣки! Они тебя спустятъ съ горы-то. Не будешь тутъ разгуливать да лаяться! Небось, боишься ихъ и носу не показываешь, а какъ увидишь, что нѣтъ ихъ дома, то и прешь!.. Шелопутъ, шелопутъ!..

Старуха сердито посмотрѣла на Артамона и скрылась въ избѣ. Минуту спустя, она вышла на крылечко, поправила на головѣ платокъ и, медленно шагая, прошла мимо Артамона и

скрылась за угломъ дома. Артамонъ подсѣлъ къ старику на бревнышко и уставился глазами на рѣку, отыскивая лодку съ красными рубахами Петра и Власа. Рослыхъ и здоровыхъ двоюродныхъ братьевъ онъ, дѣйствительно, побаивался и поднимался къ усадьбѣ дяди только въ такомъ случаѣ, если былъ увѣренъ, что не встрѣтится съ ними, такъ какъ уже нѣсколько разъ дѣти Василя Петровича спихивали Артамона съ горы, предварительно намявъ ему бока.

Къ усадьбѣ дяди Артамонъ поднимался съ единственной цѣлю потѣшить себя руганью глухого старика. Это занятіе доставляло ему величайшее удовольствіе.

II.

Вражда между Артамономъ и семьей дяди Василя Петровича—родовая, страшная вражда, начало которой—въ далекомъ прошломъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ началась она между членами двухъ семей, и нельзя было надѣяться, чтобы когда-нибудь срослась эта зіяющая пропасть!

Два брата, Василій Петровичъ и Романъ Петровичъ Сушкины, жили на одной усадьбѣ и вели общее хозяйство. На пригоркѣ, по обѣимъ сторонамъ двора, стояли двѣ обширныхъ избы, гдѣ жили двѣ семьи; сзади къ нимъ примыкали сарай, погреба и завозни, а по улицѣ тянулся тесовый заборъ съ расписными воротами.

Братья жили главнымъ образомъ промысломъ *мартышки*¹⁾, что давало имъ возможность поддерживать въ порядкѣ свои чахлыя постройки, запасать не одинъ десятокъ сажень дровъ и даже продавать цѣнные бревна и слегн. Кромѣ того, Романъ Сушкинъ слылъ въ слободкѣ за хорошаго бондаря, хорошо продавалъ свой товаръ и жилъ богаче брата Василя, что постоянно ѣдкой завистью отзывалось въ душѣ послѣдняго. Иногда прорывалось это чувство наружу, и братьевъ разъединяли мелкія ссоры и недоразумѣнія.

У Василя Сушкина была большая семья: жена, три сына и четыре дочери; рано овдовѣвшій Романъ жилъ съ двумя сыновьями и дочерью. Дочь свою Романъ выдалъ замужъ, когда ей минуло

¹⁾ Мартышками въ нашемъ городѣ называются жители прибрежныхъ слободъ. Во время весенняго ледохода они занимаются ловлей бревенъ, дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, обыкновенно въ изобиліи плывущихъ по рѣкѣ.

семнадцать лѣтъ; тремъ дочерямъ Василія Сушвина пришлось посидѣть въ дѣвкахъ немного дольше, чѣмъ онѣ хотѣли и на что не рассчитывали родители.

Завидуя положенію брата, Василій и самъ принялся-было за бондарство, и началъ обучать этому ремеслу и дѣтей, но изъ этой попытки ничего не вышло — они оказались неспособными. Послѣ этого онъ задумалъ-было дубить кожи, но и это дѣло не пошло, и жилъ Василій Сушвинъ съ сыновьями только промысловъ „мартышекъ“, а случайные заработки, которые, по временамъ, выпадали на долю ребятъ, большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ быть не могли. Результатомъ всего этого являлось то обстоятельство, что большая семья Василія жила бѣднѣе семьи Романа, да и сыновья-то его, неповоротливые, боязливые и непредпріимчивые, смотрѣли какими-то забитыми, словно Богомъ обиженные, по сравненію съ смѣлыми Артамономъ и Нестеромъ, которые уродились въ дѣятельнаго Романа.

Въ семьѣ Романа Сушвина случилась бѣда, сильно опечалившая его, и съ этого времени начались одно за другимъ неожиданныя несчастія. Старшій сынъ его, Нестеръ, увлекся соблазнительными заработками на желѣзной дорогѣ, и когда постройка новаго пути передвинулась отъ родного города къ Сибири, онъ также уѣхалъ вмѣстѣ съ женою, и скоро они оба точно въ воду канули. Въ тотъ же годъ, по осени, Артамона забрали въ солдаты, и два эти обстоятельства нарушили благосостояніе Романовой семьи, и она распалась. Прошло не больше двухъ лѣтъ послѣ этихъ событій; какъ-то осенью Романъ Сушвинъ простудился и, проболѣвъ не болѣе недѣли, померъ. Въ это время братъ его Василій и взялъ грѣхъ на свою душу, похитивъ деньги, оставшіяся послѣ покойнаго, и присвоивъ себѣ почти все имущество, оставшееся послѣ него.

Возвратившись со службы, Артамонъ встрѣтилъ, со стороны дяди и его семейныхъ, холодный и недружелюбный пріемъ. Вначалѣ онъ удивлялся, какъ могло случиться, что послѣ отца не осталось ни денегъ, ни имущества. Въ отвѣтъ на это, со стороны родственниковъ, было одно угрюмое молчаніе, а потомъ вскорѣ выяснилось, что и изба-то, гдѣ прожилъ не одинъ десятокъ лѣтъ Романъ — собственность дяди. Предпріимчивый Василій Сушвинъ, пользуясь отсутствіемъ сыновей Романа, успѣлъ уговорить больного брата продать ему свою избу, что и было быстро сдѣлано. Когда Артамонъ задавалъ дядѣ вопросъ — куда же дѣвались деньги, которыми получилъ покойный отецъ за проданную избу, — старикъ, съ неудовольствіемъ въ голосъ, коротко отвѣчалъ:

— Поди на Сергіевское кладбище да и спроси отца!..

Удивляться происшедшимъ переменамъ Артамону пришлось не долго, такъ какъ изъ разговоровъ съ сосѣдями скоро выяснилось все поведеніе старика Василія. Артамонъ страшно озлобился на дядю, а послѣ ряда столкновѣній и ни къ чему не ведущихъ споровъ—число его враговъ увеличилось въ лицѣ сыновей дяди, здоровыхъ парней, слившихся въ слободѣ за отчаянныхъ и безпутныхъ головушекъ. И съ этихъ поръ война между двумя неравными лагерями была объявлена не на животь, а на смерть. Доброжелатели Артамона совѣтовали-было ему возбудить противъ дяди судебное дѣло, но переговоры по этому поводу съ лицами свѣдущими ни къ чему не привели: Василій Сухинъ, очевидно, предвидѣлъ возможность такого дѣйствія со стороны племянника, и на другой же день послѣ возвращенія Артамона изъ полка передалъ ему, при свидѣтеляхъ, кое-какія вещи, и бондарные инструменты, и тридцать-пять рублей денегъ, свидѣтельствуя, что послѣ покойнаго только и остались эти незатѣливыя вещи и небольшія деньги.

Послѣ возвращенія изъ солдатчины, передъ Артамономъ вставала еще забота—какъ быть съ собственной персоной и что предпринять? Солдатчина не дала ему никакихъ знаній, пригодныхъ къ жизни, и, стало быть, приходилось начинать новую жизнь по старому, и Артамонъ надумалъ-было отереть свою бондарную мастерскую,—но, не имѣя денегъ, необходимыхъ инструментовъ и запасовъ лѣса, пришлось разстаться съ этой мечтой и поступить, въ качествѣ простаго рабочаго, въ одному изъ бондарей, живущему въ той же слободѣ.

Жилъ онъ въ это время на квартирѣ у солдата Анны Якимовны, ветхая трехъ-окопная изба которой ютилась какъ разъ у подошвы того холма, гдѣ жилъ Василій Сухинъ.

Анна Якимовна была баба лѣтъ сорока. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она оплакивала участь своего мужа, который, отбывая воинскую повинность, провинился въ чемъ-то настолько серьезно, что угодили въ каторжныя работы лѣтъ на пять. Отбывъ каторгу, онъ поселился въ Сибири и выписывалъ-было къ себѣ жену, но Анна Якимовна, давно осушившая по мужѣ слезы, рѣшила дожить вѣкъ съ Павломъ Ефремовымъ, вдовцомъ-каменотесомъ. Незадолго до возвращенія изъ солдатъ Артамона, Павелъ Ефремовъ умеръ, и разоренный солдатикъ применилъ къ хозяйственной Аннѣ Якимовнѣ, и скоро они зажили, какъ мужъ и жена.

Анна Якимовна была довольна и своей судьбой, и своимъ новымъ выборомъ, да и Артамонъ не жаловался. Жили они не-

богато, но не голодали, и даже напротив—не одна законная семья позавидовала бы ихъ достаткамъ. Она занималась хлѣбопеченіемъ, умѣла выпекать вкусные бублики и баранки, искусно приготовляла печенку и всѣмъ этимъ торговала въ „обжорномъ“ ряду городского рынка; Артамонъ попрежнему служилъ у бондари и слылъ за хорошаго работника. Между собою они ладили, о чемъ въ особенности заботилась Анна Якимовна, чувствуя, что съ каждымъ годомъ старѣеть, а Артамона полюбила она больше, нежели когда-то привязана была къ злосчастному мужу и къ Павлу Ефремову.

Первые два-три года совмѣстной жизни съ „соломенной вдовой“ Артамонъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ среди слободскихъ ребятъ, которые все еще продолжали считать его холостякомъ и не чуждались; серьезные и пожилые слобожане уважали въ немъ рабочаго человѣка, а слободскія дѣвушки, находя черноброваго Артамона красивымъ, сердились на Анну Якимовну, называя ее „потаскухой“ и коря ее тѣмъ, что за свою жизнь она успѣла пережить мужа и нѣсколькихъ любовниковъ. Артамонъ любилъ выпить, но пилъ съ толкомъ; во хмелю не буянилъ, и вообще велъ себя не хуже другихъ; напротивъ, сойдясь со многими слобожанами во время праздничныхъ попоекъ, онъ еще больше приобрѣлъ себѣ друзей.

Болѣе рассудительные люди жалѣли Артамона, проча ему дурной исходъ, такъ какъ Анна Якимовна пила и имѣла склонность спавать своихъ любовниковъ. Въ общинѣ „соломенную вдову“ никто не любилъ, что не ускользнуло отъ вниманія Артамона; а такъ какъ онъ души не чаялъ въ своей подругѣ жизни, которая умѣла чѣмъ-то привязывать къ себѣ, то и всѣ, кто ненавидѣли Анну Якимовну, дѣлались врагами Артамона. Съ теченіемъ времени, однако, влияніе Анны Якимовны взяло верхъ надъ характеромъ Артамона, и онъ незамѣтно для себя пристрастился къ водкѣ; оба они начали нетрезвую жизнь, расходуя здоровье и расшатывая свое благосостояніе.

III.

Въ этотъ мрачный періодъ жизни Артамонъ познакомился съ Еремой Глуховымъ, пришлымъ человѣкомъ безъ рода, безъ племени.

Это случилось весною... Весна въ тотъ годъ была ранняя и дружная. Не успѣлъ сойти снѣгъ, какъ двинулась и рѣка, сплошь

заливъ луговой берегъ мутными и быстрыми волнами. По рѣкѣ плыли громадныя бѣланы, нагруженныя лѣсомъ, баржи съ углѣмъ и казенныя „желѣзняки“¹⁾, а возлѣ нихъ засновали на своихъ проворныхъ лодкахъ хищныя „мартышки“.

Въ раннюю весну рѣка, послѣ долгой зимней спячки и затишья, оживаетъ,—веселѣе становится и на душѣ старика Филиппыча, который въ эти счастливые дни бойко торгуетъ въ своемъ трактирномъ заведеніи, пріютившемся на берегу рѣки. Послѣ долгаго и труднаго плаванія по пустыннымъ притокамъ рѣки Бѣлой, судовые приказчики и рабочіе, обыкновенно, на нѣсколько дней останавливаются посреди рѣки, и тогда то-и-дѣло отъ барокъ и бѣланъ отдѣляются лодки съ веселыми и разбитыми рабочими, пожелавшими развлечься на гостепріимномъ городскомъ берегу. Особенно охотно посѣщаютъ судорабочіе трактиръ Филиппыча, какъ потому, что это—единственное заведеніе, пріютившееся на самомъ берегу, такъ и потому, что хозяинъ умѣлъ быть гостепріимнымъ. Артамонъ также дружилъ съ Филиппычемъ и любилъ засиживаться въ его заведеніи, состоявшемъ изъ одной обширной свѣтлой комнаты, вдоль прокопченныхъ стѣнъ которой стояли небольшіе столики съ красными скатертями и красныя, расписанныя цвѣтами стулья, а за громаднымъ темнымъ буфетомъ свѣтилась лысина добродушнаго трактирщика.

Какъ-то въ воскресенье, послѣ обѣда, Артамонъ засталъ въ трактирѣ не мало народа. Тутъ были судорабочіе, здоровые, загорѣлые мужики, слободскіе ребята, женщины съ хрипыми голосами и раскраснѣвшимися фізіономіями и солдаты. Артамонъ присоединился къ своимъ. Въ такихъ случаяхъ Филиппычъ нѣсколько покашивался на своихъ, такъ какъ неоднократно происходили недоразумѣнія между слободскими и судорабочими, и тогда мирному трактирщику приходилось исполнять роль посредника, чего онъ недолгоблively. Присутствіе Артамона, который всегда съумѣетъ уговорить своихъ, разсѣяло опасенія Филиппыча: судорабочіе пили своей компаніей, громко разсуждали, пѣли свои веселыя рѣчныя пѣсни, а слободскіе, какъ въ ульѣ пчелы, гудѣли въ своемъ углу.

Мирное веселье нарушили. говоръ и шумъ, и всѣ бросились къ окнамъ. Прямо противъ трактира, у дощатаго помоста, причалила лодка съ одной изъ стоящихъ на рѣкѣ бѣланъ. Сначала трудно было разгадать, благодаря чему на берегу у лодки столпились слободскіе мужики, бабы и парни-подростки. Каждый

¹⁾ Небольшія суда съ казенныхъ желѣзнодорожныхъ заводовъ.

изъ толпы старался протискаться ближе къ лодѣ и всѣ ахали, размахивали руками и говорили. Скоро, однако, для всѣхъ стало ясно, что толпа собралась, благодаря непріятному происшествію. Одинъ изъ рабочихъ съ громадной бѣяны, нагруженной тесомъ и ободьями, неосторожно попалъ подъ тяжелый запасный лотъ, приставленный къ мачтѣ, уснащенной на зыбкой и высоко приподнятой палубѣ судна, и раздробилъ конечности обѣихъ ногъ.

На днѣ лодки лежалъ невысокій, коренастый мужикъ въ кулачной рубахѣ съ расстегнутымъ воротомъ и въ темныхъ плисовыхъ шароварахъ, засученныхъ почти до коленъ. Оконечности ногъ лежавшаго представляли изъ себя вѣчто страшное: обѣ ступни были раздроблены, хотя ранъ и не было видно подъ слоями бурой запекшейся крови. Большая голова больного, съ темными густыми и вьющимися волосами, лежала на какихъ-то тряпкахъ, замазанныхъ кровью, ноги были скрючены и дрожали, и самъ онъ, точно отъ овноба, перегнулъ спину и стоналъ протяжно и тяжело. Иногда онъ вскидывалъ глаза и смотрѣлъ на толпу, какъ бы моля облегчить его страданія,—и испуганные глаза смыкались съ выраженіемъ отчаянія. Около него толпились перепуганные и растерянные товарищи, видимо затрудняясь, что предпринять дальше. Многіе совѣтовали везти пострадавшаго въ больницу; другіе уговаривали пока оставить въ лодѣ и дать ему возможность отдышаться.

— За извозчикомъ бѣгите!—наконецъ, командовалъ кто-то.

Мальчуганы изъ толпы побѣжали въ городскія улицы за извозчикомъ. Кто-то посовѣтовалъ судорбочимъ, до пріѣзда извозчика, внести товарища въ трактиръ, но это предположеніе быстро приняло другое рѣшеніе, и изувѣченнаго человѣка положили около трактира подъ окнами, на травѣ.

Любопытствующіе прибывали, и каждый изъ вновь прибывшихъ считалъ своимъ долгомъ спросить — кто этотъ человѣкъ съ раздробленными ногами? откуда? и какимъ образомъ довелъ себя до такого состоянія?

— Нашъ онъ судорбочій съ бѣяны Ивана Николаича,—разсказывалъ одинъ изъ товарищей пострадавшаго.—Прямо надо сказать—выпили мы всѣ, а вотъ онъ-то и угодилъ подъ лотъ... Стоялъ лотъ вотъ этакимъ манеромъ—(онъ указалъ куда-то рукою)—у мачты, а онъ, Ерема-то, шелъ да, вишь ты, спотынулся, да и угодилъ подъ чугунъ, а его, мотри, пудовъ сорокъ будетъ.. Мачта ли пошатнулась, палуба ли дрогнула, а только, видимъ, лежитъ нашъ Ерема и глаза подъ лобъ закатились. Стащили кое-какъ машину-то съ ногъ—онъ и совсѣмъ обмеръ, не дышетъ,

а кровь-то такъ ручьями... То да сѣ... сюда вотъ и надумали, въ больницу, молъ, что-ли, его, али бы къ доктору...

Толпа, удовольствовавшись разсказомъ, загоготала еще больше прежняго, возгласы усилились.

— Да кто онъ-то? здѣшній, что-ли?.. Чей?..

— Не здѣшній—гдѣ!..—удовлетворилъ судорабочій и этого изъ любопытныхъ.—Мы подъ Хвалынскомъ, на Волгѣ съ нимъ встрѣтились, да вотъ и угодили на Уфимку, а теперь, вишь ты, въ Астрахань плывемъ...

По мѣрѣ того, какъ тянулось время, больной равнодушнѣе и равнодушнѣе относился къ окружающимъ. На лицѣ его по-прежнему лежала печать мучительныхъ страданій, по временамъ слышался тяжелый стонъ; иногда больной закрывалъ глаза, и тогда въ толпѣ наступала тишина, всѣ старались говорить шопотомъ, какъ бы боясь разбудить его. Но, вотъ, онъ откидывалъ голову, раскрывалъ глаза, и снова въ его глазахъ выражалась мольба.

— Ну-ка, пустите-ка!..—расталкивая толпу, говорилъ Артамонъ, приближаясь къ пострадавшему со шкаликомъ водки.—На-ко, братъ, выпей—боли-то и не почувешь...

Онъ поднесъ къ губамъ больного водку, и тотъ съ жадностью осушилъ стаканчикъ.

— Вотъ это хорошо надумалъ! хорошо!

— Она сичасъ заглушитъ боль-то!..

— Еще бы ему... побольше!—слышались со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Подѣхала извозчичья пролетка, и больного подняли съ земли.

— Садись!—обратился къ одному изъ судорабочихъ Артамонъ:—я довезу до больницы-то...

Онъ сѣлъ въ пролетку и положилъ себѣ на колѣни голову Еремы, а судорабочій примостился на концѣ возка спиною къ лошади, придерживая на рукахъ окровавленные ноги.

Въ больницѣ ихъ приняли скоро. Благодаря страданіямъ Еремы, дежурный врачъ поторопился приехать, чтобы его поскорѣ раздѣли, обмыли и внесли въ палату. Докторъ покачалъ головою при видѣ раздробленныхъ ногъ больного, и по его лицу пробѣжала тѣнь. Судорабочаго пригласили въ сосѣднюю комнату, и какой-то чиновникъ началъ расспрашивать его про Ерему, требуя паспорта. Последнее обстоятельство поставило парня въ затруднительное положеніе, такъ какъ, спѣшно собираясь везти Ерему въ городъ, онъ и забылъ о паспортѣ, да еще и далъ ли бы ему его судебный приказчикъ.

Обратный путь отъ больницы до рѣки Артамонъ и судорабочій прошли пѣшкомъ. Попутно они зашли въ портерную, гдѣ за бутылкой пива познакомились ближе. Судорабочій разсказалъ Артамону о своихъ странствіяхъ отъ Хвалынска до глухихъ лѣсныхъ уголковъ и обратно по рѣкѣ. Артамонъ разсказывалъ о городѣ, о городской жизни, и, наконецъ, оба они заговорили о солдатчинѣ. При прощаньи судорабочій сказалъ:

— Ты ужъ того, милый человѣкъ! не покидай тутъ его, Ерему-то, потому никого у него въ городѣ-то нѣтъ—ни родныхъ, ни знакомыхъ... Отписалъ бы мнѣ, да кто знаетъ, куда писать-то; я и самъ не знаю, гдѣ наша бѣляна будетъ разгружаться, а домой-то, мотри-ка, къ Рождеству ужогу... Ну, прощай! спасибо тебѣ... Можетъ, завтра въ трактирѣ встрѣтимся?..

На другой день они, дѣйствительно, повстрѣчались.

— Плохо Еремино дѣло! — со вздохомъ говорилъ судорабочій: — доктора сказывали, что ноги-то ему отрѣзать придется, потому—автоновъ огонь приключился...

Окончательно прощаясь съ Артамономъ, судорабочій снова просилъ его не покидать Ерему и, наконецъ, добавилъ:

— Деньжонокъ я ему оставилъ, два съ полтиной: приказчикъ рублевку далъ, да промежъ себя собрали...

Они распрощались, и въ тотъ же день бѣляна, съ которой ссадили Ерему, ушла дальше.

IV.

Дней черезъ пять Артамонъ побывалъ въ больницѣ, сдержавъ свое обѣщаніе навѣщать больного. По природѣ Артамонъ былъ отзывчивый и впечатлительный человѣкъ; цѣнить чужое страданіе и муки одиночества научился онъ, еще будучи на военной службѣ, тѣмъ болѣе, что ему и самому пришлось нѣкогда лежать въ лазаретѣ больше двухъ мѣсяцевъ. Попытка увидѣться съ Еремой, однако, не удалась, потому что Артамонъ пришелъ въ больницу не въ приемный день, и его въ больному не допустили. Артамонъ узналъ все-же, что ноги у Еремы уже отняты. Въ слѣдующій приемный день его также не допустили, такъ какъ доктора воспретили свиданіе съ больнымъ, пока онъ не оправится отъ операціи, и Артамону удалось увидѣться съ Еремой только черезъ двѣ недѣли.

Ерема лежалъ на койкѣ подъ тиковымъ одѣяломъ, когда Артамова провели въ хирургическую палату. Онъ даже не сразу

и узналъ Ерему, отыскивая его большую курчавую голову, но тотъ былъ коротко остриженъ, и глаза Артамона разсѣянно перебѣгали съ одного больного на другого, и онъ затруднился опредѣлить, который изъ нихъ Ерема.

— Вонъ онъ, Еремѣй Глуховъ!—указала Артамону сидѣлка, наблюдавшая затрудненіе страннаго посѣтителя.

Артамонъ подошелъ къ человѣку, лежавшему на крайней отъ окна койкѣ, и неловко произнесъ:

— Здравствуй, Ерема...

Тотъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо подошедшаго къ нему человѣка и промолчалъ.

— Вишь ты, какъ ты захворалъ-то, мы съ Иваномъ Вечеровымъ—съ вашей бѣлины—тебя сюда и привезли... Я—Артамонъ Сушенінъ, изъ здѣшнихъ, бондарствомъ занимаюсь...

Артамонъ немного помолчалъ, разсматривая блѣдное и худое лицо больного, и потомъ добавилъ:

— Иванъ-то говорилъ: навѣдайся, молъ, когда къ нашему человѣку... Вотъ я тебѣ и гостинцевъ принесъ...

Артамонъ сунулъ въ руку больного связку барановъ и краюху крупичатаго хлѣба, завернутыя въ платокъ.

— Спасибо тебѣ! спасибо!—тихо проговорилъ больной, и съ его лица исчезло мрачное и сосредоточенное выраженіе, а запекшіяся губы сложились въ улыбку. — Садись вотъ тутъ!—указалъ онъ на табуретъ.

Артамонъ сѣлъ, помялъ въ рукахъ картузь, повелъ глазами по койкамъ съ больными и пристально уставился на Ерему. Тотъ смотрѣлъ куда-то въ даль комнаты и, казалось, что-то обдумывалъ, но потомъ его глаза вспыхнули какой-то недоброй искоркой, и онъ глухо проговорилъ:

— Вотъ, отрѣзали... вишь—какія култыпки!..

И онъ быстрымъ движеніемъ руки сбросилъ съ себя одѣяло и показалъ Артамону ноги. Гостя испугалъ ихъ видъ. Онѣ походили на два толстыхъ обрубка, обтянутыя бѣлыми холщевыми панталонами; на концахъ видѣлись два утолщенія, и Артамонъ никакъ не могъ опредѣлить—гдѣ должны быть колѣна и гдѣ были раньше ступни. Лицо его поблѣднѣло и вытянулось, и весь онъ словно съѣжился...

— Вѣрно, бѣлина-то наша уплыла?—спросилъ Ерема, выводя гостя изъ оцѣпенѣнія.

— Уплыла...

По лицу Еремы промелькнула тѣнь, и онъ отвернулся и посмотрѣлъ на окна.

— Вотъ, выпишусь и буду на колѣнкахъ ползать, потому доктора говорятъ, что по другому-то никакъ невозможно,—заговорилъ покойнымъ тономъ Ерема.

Артамонъ слушалъ его и все больше и больше проникался къ нему состраданіемъ. Ему вдругъ пришла въ голову мысль: а что если бы и съ нимъ такая бѣда приключилась? и его заставили бы на колѣнкахъ ползать?.. Не найдя въ себѣ отвѣта на заданный вопросъ, онъ проговорилъ:

— Не надо бы въ больницу-то... Можетъ, и такъ отошло бы... Въ больницахъ все такъ, чуть что—сейчасъ рѣзать...

Больной ни звука не произнесъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Артамона и снова устался куда-то въ уголъ и задумался...

— Здѣсь-то лежать—ништо, а вотъ когда выпишутъ-то и пойдешь на всѣ четыре стороны... а этакимъ-то манеромъ, на колѣнкахъ-то, далеко ли уползешь?.. Вѣрно, по-міру придется!..

Послѣдняя фраза сорвалась съ его запекшихся губъ съ какимъ-то глухимъ, еле слышнымъ стономъ, и глаза его затуманились. Артамонъ молчалъ, а въ его головѣ шла нелегкая работа разрѣшить вопросъ: что, въ самомъ дѣлѣ, будетъ дѣлать этотъ человекъ, когда выпишется изъ больницы. И онъ спросилъ Ерему:

— Дома-то у тебя кто есть?..

— Дома-то?.. А ты спроси, гдѣ у меня домъ-то?.. Приписанъ я къ Петровской волости, хвалынскаго уѣзда, мальчишкой жилъ въ селѣ Петровскомъ, а какъ подростъ-то—и пошелъ ходить по свѣту, все больше на баркахъ, да на бѣлянахъ плавать, да, вотъ, рыбы ноги-то и обѣли...

Оба помолчали.

— И родныхъ никого нѣтъ у тебя тамъ?...

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Ерема.

Черезъ часъ Артамонъ шелъ къ себѣ въ слободу, унеся изъ больницы тяжелое впечатлѣніе. Всю дорогу онъ не переставалъ думать про Ерему, и рѣшеніе послѣдняго идти по-міру казалось ему единственно возможнымъ исходомъ для его новаго знакомаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ его составилось и другое рѣшеніе: какъ только Ерема выйдетъ изъ больницы, онъ позоветъ его къ себѣ. Опъ былъ увѣренъ, что его сожительница согласится на то, такъ какъ Анна Якимовна, дѣйствительно, была баба добрая, а много ли ему надо—уголъ найдется...

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, пока Ерема лежалъ въ больницѣ, Артамонъ посѣщалъ его еженедѣльно по воскресеньямъ. Такое постоянство со стороны Артамона остановило вниманіе и

Анны Якимовны, и всякій разъ, когда онъ отправлялся въ больницу, она приготовляла для больного гостинцы: баранки или бублики, или свѣжій крупчатый хлѣбъ; носили ему также чай и сахару, и Анна Якимовна совершенно искренно сожалѣла, что нельзя отправить въ больницу ни водки, ни пива.

— Разгулялся бы онъ тамъ немного: во хмелю-то и болѣзнь скорѣе пройдетъ,—вслухъ соображала она.

На четвертомъ мѣсяцѣ Ерему выписали изъ больницы, и Артамонъ довезъ его до слободки. Это первое путешествіе Еремы сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями. Слободскія улицы расположены по оврагамъ, холмамъ и пригоркамъ, да, собственно, того, что называется улицей, въ слободѣ и не было; на громадной площади тянутся плетни и заборы, замыкая дворы; иногда плетни встрѣчаются и образуютъ тупики; иногда они упираются въ овраги или въ крутые холмы, гдѣ едва можно пройти пѣшеходу. Слободскіе обыватели сообщались между собою узкими и хорошо протоптанными тропинками; такія же тропинки, змѣясь и переползая черезъ ямы и холмы, упирались въ городскія улицы.

Ерема слѣзъ съ извозничьей пролетки при помощи Артамонова, вставъ на свои культенныя ноги, съ тоской въ глазахъ осмотрѣлъ незнакомую улицу. Одноэтажные домики съ мезонинами показались ему громадными домами, какіе онъ видѣлъ въ Саратовѣ; заборы также показались высокими, а главное, ему представилось, что и люди-то стали выше, и лошадь извозчика показалась большой; рослыми смотрѣли и мальчуганы, игравшіе на улицѣ и обступившіе пролетку съ диковиннымъ челоуѣкомъ на короткихъ какихъ-то ногахъ. Артамонъ двинулся впередъ, а за нимъ слѣдовалъ Ерема, медленно и неловко подвигаясь на своихъ обрубкахъ. Встрѣчные съ изумленіемъ смотрѣли на Артамона и его спутника, но скоро всѣ слободскіе привыкли къ странной фигурѣ Еремы, точно онъ среди нихъ и родился такимъ...

V.

Поселившись вмѣстѣ съ Артамономъ и Анной Якимовной, Ерема началъ новую жизнь. „Ходить на новыхъ ногахъ“, какъ онъ выражался, онъ научился скоро, хотя въ путешествіяхъ ему приходилось пользоваться палкой съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которою онъ упирался въ землю; особенно трудно ему было взбираться изъ слободки въ гору, когда онъ отправлялся собирать милостыню по городу. Недѣли черезъ двѣ-три онъ уже

зналъ расположеніе городской площади, на которой въ базарные дни кишѣлъ торговый людъ, стояли крестьянскія телѣги и спѣшно сновали горожане; зналъ онъ двѣ-три улицы, гдѣ жили чиновники и купцы, и нѣсколько лавокъ и магазиновъ, хозяева или приказчики которыхъ съ должнымъ вниманіемъ отвесились къ нему и никогда не отказывали въ копѣечкахъ. Посѣщалъ онъ и церковныя паперти многихъ церквей, и сдѣлалъ заключеніе, что люди въ этихъ святыхъ мѣстахъ какъ будто добрѣе: никогда не спрашивали они его, какъ и отчего онъ лишился ногъ, а всегда спѣшно совали въ руку монету или грошовую булочку и набожно крестились. На первыхъ порахъ не обошлось и безъ непріятностей. Однажды медленно двигался онъ по каменной галерей гостинного двора, переходя отъ одного магазина къ другому и прося милостыню. Это было жаркимъ іюльскимъ полуднемъ, когда всѣ горожане попрятались отъ жары въ домахъ съ припертыми ставнями и опущенными занавѣсками и торговля въ гостинномъ ряду затихала. Праздные приказчики, предаваясь невольному отдыху, толпились у дверей магазиновъ, сканили зубы, шутили и смѣялись и злословили на счетъ случайныхъ прохожихъ. Бакалейщики изъ одной лавки звали Ерему къ себѣ и начали надъ нимъ надѣяться. Начали они съ того, что угостили его пряниками, въ которыхъ были натканы головки шведскихъ спичекъ. Когда эта выходка была замѣчена Еремой, красно-рожіе молодцы дружно захохотали и принялись просить калѣку трихнуть „казачка“.

— Вѣрно, у тебя занято это выйдетъ!—говорилъ молодой купчикъ въ чесунчевой парѣ.

Смущенный и разобиженный стоялъ Ерема у двери и не зналъ, что съ собой дѣлать и чѣмъ наказать обидчика.

— А что ты, купецъ, за это мнѣ дашь?—спросилъ, наконецъ, Ерема:—такъ и быть, спляшу...

Купецъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и положилъ его на одну изъ полокъ.

— Вотъ, достанешь безъ стула—твое все!—проговорилъ онъ, и новый приступъ обиднаго хохота прогремѣлъ надъ каменнымъ сводомъ галереи. Около лавки веселаго купчика собрались праздные приказчики сосѣднихъ магазиновъ, и даровому веселью не предвидѣлось конца. Обиженный Ерема тихо двинулся отъ обидчиковъ, но за нимъ бѣжали лавочные мальчишки въ свѣтлыхъ передникахъ, тормозили его за рукава, за плечи и просили трихнуть „казачка“. Разсердившись, Ерема размахнулся палкой и очень удачно ранилъ желѣзнымъ наконечникомъ руку одного

изъ обидчиковъ. Приказчики набросились на Ерему и смяли его на землю, и только вмѣшательство кого-то изъ прохожихъ положило конецъ этой сценѣ. Послѣ этого случая, Ерема не боялся ходить мимо ненавистнаго ему магазина, — напротивъ, онъ почти каждый день проходилъ этимъ мѣстомъ, милостыни не просилъ и всегда вызывающе поглядывалъ на молодого бушника и на его приказчиковъ.

Жилъ Ерема въ избѣ Анны Якимовны въ углу за печкой, гдѣ у самаго потолка свѣтилось небольшое четырехугольное оконце. Ни Анна Якимовна, ни Артамонъ, ничѣмъ не стѣсняли своего жилища, считая его за своего человѣка въ домѣ. Нерѣдко хозяйка приглашала бесплатнаго жилища обѣдать или ужинать, и почти всегда по утрамъ онъ вмѣстѣ съ ними пилъ чай.

Такъ прошло лѣтъ пять, послѣ чего и самъ Ерема пересталъ считать себя чужимъ въ домѣ Анны Якимовны. Но за это время въ немъ самомъ произошли большія перемѣны. Началось это еще съ тѣхъ поръ, когда онъ лежалъ въ больницѣ, выздоравливая. Онъ ничѣмъ не былъ занятъ, ни о чемъ не заботился и только думалъ о себѣ, о своемъ прошломъ; занимало его думи и будущее, для котораго онъ теперь готовился.

Съ юныхъ лѣтъ онъ вступилъ въ жизнь работникомъ, и съ тѣхъ поръ за нѣсколько лѣтъ пережилъ не мало тяжелаго и неприятнаго въ своей скитальческой жизни. Но все-же онъ прекрасно понималъ, что худо ли, хорошо ли живется, а все это зависитъ отъ него самого, и онъ самъ себѣ хозяинъ. Столкновения съ хозяевами и приказчиками, которые всегда старались поприжать работника, колебали въ немъ такую вѣру въ себя, но все-же онъ не унывалъ, не забывая, что и на ихъ долю выпадала побѣда, когда они всѣ, цѣлой артелью, поднимались, какъ одинъ человѣкъ, и одолевали настойчивость судовладѣльцевъ или ихъ вѣрныхъ помощниковъ. Работая въ глухихъ лѣсныхъ углахъ, гдѣ, казалось, отсутствуетъ правда и законъ для ихъ хозяевъ, — и сами судорабочіе воспринимали такую же мораль и такой же законъ, и тогда все сводилось къ тому, на чьей сторонѣ сила. Ерема, какъ и многіе его товарищи, умѣли отстаивать свои права, стало быть — за ними была и сила.

Когда Ерема, лежа на больничной койкѣ въ долгія ночи, вспоминалъ свое прошлое, онъ приходилъ къ заключенію, что этой жизни теперь уже не повторится. Онъ не будетъ въ зимнюю пору тащиться по снѣжнымъ дорогамъ къ верховью рѣкъ, не придется ему и плыть на судахъ, цѣлые мѣсяца живя подъ открытымъ небомъ и встрѣчая каждую утреннюю зорьку на по-

вомъ мѣстѣ. Не будетъ онъ больше пѣть этихъ хорошихъ рѣчныхъ пѣсенъ, или слушать, какъ поютъ свои пѣсни новые товарищи. И каждую весну такъ: новыя мѣста, новые люди и новыя пѣсни!..

А теперь все это придется забыть, начать жизнь по новому. Въ первые же дни хожденія по міру онъ понялъ, что этотъ самый міръ не даромъ кормить его; онъ ждетъ, когда Ерема попроситъ у него то, что ему надо для жизни, и эту просьбу свою онъ долженъ выражать какъ можно жалостливѣе, чтобы растрогать сердце благодѣтеля. Ерема, однако, видѣлъ, что среди такихъ же, какъ и онъ, злосчастливыхъ, его положеніе лучше многихъ: благодаря его искалѣченнымъ ногамъ, ему охотнѣе давали, чѣмъ другимъ, а иногда даже и больше... Но это не радовало его.

Быстрый переходъ изъ положенія работника въ положеніе раба-попрошайки отозвался на всемъ душевномъ складѣ Еремы: новое положеніе озлобило его, сдѣлало мрачнымъ и замкнутымъ, и въ людямъ онъ теперь относился уже не такъ, какъ раньше. Раньше люди пользовались его силой, выжимали эту силу, сколько могли; теперь они оставили его въ покоѣ, но зато его существованіе—въ зависимости отъ ихъ желаній дать или не дать... Раньше у него были столкновенія съ работодателями, и онъ противился ихъ насилію и проклиналъ ихъ, но злоба не надолго вселялась въ его душу,—теперь онъ не можетъ вслухъ бранить тѣхъ, съ кѣмъ приходится сталкиваться каждый день, напротивъ—онъ долженъ благодарить ихъ, молиться за нихъ, или поминать души ихъ „сродственниковъ“... И онъ затаилъ въ душѣ глухую, непонятную злобу. Съ годами эта ненависть окрѣпла и по временамъ прорывалась наружу.

Съ теченіемъ лѣтъ, впрочемъ, перемѣнилась жизнь и у его ближайшихъ друзей: и Артамонъ, и Анна Якимовна, чѣмъ дольше жили, тѣмъ больше озлоблялись на людей, такъ какъ съ каждымъ годомъ жизнь среди нихъ становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Ихъ настроенія совпали съ озлобленіемъ Еремы, и всѣ они, прожигая жизнь, пили горькую, становясь въ пьяномъ состояніи смѣлѣе...

Артамонъ сознавалъ, что его жизнь, какъ предсказывали когда-то старые люди, испорчена постепенно рядомъ неудачъ, а эти неудачи были орудіемъ въ рукахъ людей-враговъ. Дядя Василій Сущкинъ больше другихъ сдѣлалъ ему зла, и въ лицѣ этого глухого старика для Артамона олицетворялось все злое и преступное. Ерема больше другихъ проявлялъ того вупца, вла-

дѣльца бѣяны, на которой онъ сдѣлался такимъ несчастнымъ, и оба они не знали, какъ и съ кого начать, чтобы и Василій Сушкннъ, и купецъ Иванъ Николаичъ почувствовали ихъ злобу.

Отъ прошлой жизни у Артамона не осталось никакихъ радныхъ воспоминаній, какъ будто ихъ и не было совсѣмъ; Ерему, напротивъ, часто и въ особенности весною тревожили воспоминанія прошлаго. Плывуть по рѣкѣ громадныя бѣяны и барки и словно манятъ къ себѣ своего бывшего удалого работника, а онъ поглядываетъ на свои „новыя“ ноги и сквозь слезы провожаетъ суда, уплывающія въ туманную даль, разостлавшюся надъ рѣкою.

— Плывутъ!.. плывутъ!..—лирически восклицаетъ въ такихъ случаяхъ Ерема и потупляетъ глаза. А потомъ, чтобы стряхнуть черныя думы, онъ принимается, обыкновенно, рассказывать Артамону эпизоды изъ своего плаванія... Потомъ онъ съ жадностью пьетъ водку и пиво и засыпаетъ.

На другой день послѣ изрядной выпивки Ерема встаетъ сумрачнымъ и предается своей мрачной философiи, проклиная людей и призывая своего друга къ мести. И какъ только онъ садится на этого конька,—прежде всего начинать съ Василя Сушкнина, усадьба котораго была видна изъ оконъ ихъ избы. Онъ старался напомнить Артамону ту исторiю, какъ этотъ человѣкъ обездолил его,—и всегда кончалъ однимъ и тѣмъ же:

— Взялъ бы я, на твоёмъ мѣстѣ, да и придушилъ бы его гдѣ-нибудь, стараго чорта; а не поднимется руза—взялъ бы ты да того... краснаго пѣтуха ему подъ крышу... Все равно, изба-то въѣдъ твоя, а ты въ чужой хатѣ живешь...

— Чортъ съ нимъ!—мрачно отвѣчаетъ Артамонъ, будучи не въ силахъ привести въ исполненіе плановъ Еремы.

— „Чортъ съ нимъ“!—передразниваетъ Ерема пріятеля.— Это онъ про тебя такъ-то говоритъ—„чортъ, молъ, съ нимъ, съ Артамошкой, пускай живетъ, какъ хочетъ, а я въ его хатѣ овецъ да телятъ держу, а на его денежки этихъ телятъ да овецъ кормлю“... Эхъ, ты!.. Наплевать онъ на тебя хочетъ!.. Пойдешь ты къ нему на гору, полаешь его, а что въ томъ толку-то?—глухъ онъ, хорошо и не слышитъ твоей брани-то!.. Давно тебѣ говорю—пойди ночью, подожги его... Слышь, Артамонъ... по-дожги...

Артамонъ уходилъ отъ Еремы, не слушая его подстрекательства, а Ерема провожалъ его нехорошей, презрительной усмѣшкой. Послѣ такихъ разговоровъ, въ душѣ Артамона еще сильнѣе вспыхивала безсильная, глухая злоба на дядю и, поско-

явившись по слободеѣ и убѣдившись, что сыновей Василя Петровича нѣтъ дома, онъ поднимался на гору, садился на бревнышко около глухого дяди и начиналъ его бранить и проклинать, безцѣльно сжимая въ кулаки свои заскорузлые пальцы.

VI.

Сидя на бревнѣ рядомъ, оба, племянникъ и дядя, долго молчали. Старикъ попрежнему посматривалъ на рѣку, и въ его глазахъ выражалась безпкойная дума; Артамонъ, съ усмѣшкой на губахъ, косился на дядю, съ трудомъ скрывая охватившую его злобу. Въ такихъ случаяхъ ему припоминались насмѣшки Еремы, и онъ воочію убѣждался въ бесплодности своей брани, и чѣмъ яснѣе становилось это сознаніе, тѣмъ властнѣе овладѣвала имъ злоба.

Бормоча что-то про себя, вернулась жена Василя Петровича и подошла къ нимъ. Она сердито посмотрѣла на племянника и промолвила:

— Лицо-то опять перевязалъ? вѣрно, подрался съ своей-то суженой?—Въ ея тонѣ слышалась насмѣшка. Артамонъ промолчалъ.

— Идемъ, отецъ, ужинать!—близко припадая къ уху Василя Петровича, проговорила старуха, и они ушли.

Артамонъ остался одинѣмъ, посмотрѣлъ на темное небо, по которому лишь кое-гдѣ скользили одинокія облака съ позолоченными зарею краями, и скучающими глазами окинулъ рѣку.

Сегодня Артамонъ поссорился съ Анной Якимовной, а такія ссоры всегда отзывались въ немъ глухой душевной болью и раздраженіемъ. Онъ по опыту зналъ, что начавшаяся ссора затянется на нѣсколько дней, пока Анна Якимовна не отрезвится окончательно и не захочетъ примиренія. Начать примиреніе самому Артамону также не хотѣлось, потому что сдѣлать это—значить подвергнуться насмѣшкамъ со стороны Еремы. Насмѣшекъ послѣдняго Артамонъ не могъ ни хладнокровно выносить, ни отражать ихъ: какимъ-то бессильнымъ становился онъ, когда калька давалъ волю языку.

Поссорившись съ сожителемъ, Анна Якимовна дѣлалась мрачной и начинала пить. Къ ней подсаживался Ерема, разсуждалъ на разнообразныя темы о жизни и въ концѣ концовъ принимался трунить надъ охмелѣвшей бабой.

— Живи, Анна Якимовна, живи въ свое удовольствіе!—на-

чиналъ онъ обыкновенно и хитро улыбался.—Наплюй на всѣхъ насъ да и на Артамошку-то—и живи въ свое удовольствіе... Что для тебя—мы?.. Ты хозяйка, наибольшая въ домѣ, а мы—твои жильцы...

— Жи-и-льцы!.. Проклятые вы пьяницы, а не жильцы!—злобно сорветъ Анна Якимовна и нальетъ рюмку водки.

— Жи-и-льцы!..—въ тонъ хозяйкѣ протянетъ Ерема:—живемъ на бѣломъ свѣтѣ и хлѣбъ жуемъ, а ты, Анна Якимовна, хлѣбецъ-то этотъ печешь... да, печешь...

— Пе-ечешь!.. Подожди вотъ, завтра-то что будете жрать?.. Убирайтесь вы отъ меня съ Артамошкой-то къ чорту и на глаза не показывайтесь!..

Эта угроза повторялась нерѣдко, почему и утратила свою силу, давая поводъ Еремѣ къ дальнѣйшимъ насмѣшкамъ и надѣвательству.

Когда Анна Якимовна начинала пить одиноко, это служило признакомъ, что она кѣмъ-то глубоко разобижена. Въ такихъ случаяхъ ни Артамонъ, ни Ерема не пытались раздѣлится съ нею компанію, такъ какъ знали, что изъ этого ничего не выйдетъ. Напротивъ, Артамонъ даже старался уходить изъ дома и возвращался только убѣдившись, что окончательно опьянѣвшая сожительница заснула.

Охмелѣвъ, Анна Якимовна, обыкновенно, засыпала тамъ, гдѣ сидѣла, и оба друга спокойно допивали водку, если что оставалось, и скоро также засыпали, или уходили въ трактиръ. Обыкновенно, Анна Якимовна спала долгимъ и тяжелымъ сномъ, а когда просыпалась на другой день, ея мрачное настроеніе смѣнялось жизнерадостнымъ, и она, какъ ни въ чемъ не бывало, принималась за печенье хлѣбовъ и барановъ.

Угрожая Еремѣ и Артамону прогнать ихъ или оставить „безъ жратвы“, Анна Якимовна прекрасно знала, что никогда не исполнить своихъ угрозъ. Безъ нихъ она не могла жить, потому что не выносила одиночества, и оба „пропащихъ человека“ такъ подходили къ ея настроеніямъ и ко всему обиходу ея беспорядочной жизни. Кромѣ того, Артамонъ выполнялъ по дому всѣ тяжелыя работы—вололъ дрова, носилъ съ рѣки воду, зимою разгребалъ снѣжные сугробы и вывозилъ на городскую гору телѣжку съ корзинами, когда Анна Якимовна отправлялась на базаръ. И тянулася жизнь этихъ людей съ бранью, съ проклятіемъ, съ постояннымъ опьянѣніемъ и тяжелымъ похмельемъ, и, казалось, еслибы не было вина, онѣ не знали бы, чѣмъ заполнить свою жизнь и какъ заглушить ея невзгоды.

Спустившись съ приторка, Артамонъ подкрался къ окнамъ и прислушался. Въ комнатѣ слышался надтреснутый голосъ Анны Якимовны и злобный смѣхъ Еремы. Артамонъ не рѣшался войти въ домъ и, прокравшись къ сѣнной двери, негромко звякнулъ щеколдою. Его сигналъ услышалъ Ерема и двинулся къ выходу.

— Куда тебя черти понесли?—сердито спросила Анна Якимовна.

— Подожди, не кричи!—остановилъ ее Ерема, медленно передвигаясь къ сѣнямъ на своихъ культипкахъ. Онъ приотворилъ дверь и тихо проговорилъ:

— Иди къ Филиппичу, мигомъ и я буду... потому она скоро совсѣмъ того... въ безпамятство...

Артамонъ пошелъ въ трактиръ.

Кривыя и узкія улицы и переулки слободки кишѣли народомъ. На завазинкахъ у домовъ сидѣли старики и степенные слобожане; около нихъ носились ватаги крикливыхъ ребятъ; на лужайкѣ у самой ограды архіерейскаго сада дѣвушки водили хороводы, и надъ рѣкой неслись ихъ монотонныя пѣсни съ тягучими припѣвами. На набережной, поросшей зеленой муравою, видѣлись блуждающія фигуры захмелѣвшихъ обывателей: одни пробирались изъ трактира, съ трудомъ узнавая свою улицу; другіе направлялись въ трактиръ коротать праздничный вечеръ. Попадались и цѣлыя компаніи пьяныхъ, орущихъ пѣсни. Рѣка съ вешней водой катилась мимо шумнаго берега, и тихія сумерки опускались надъ темными волнами, даль заволакивалась дымкою, и въ далекомъ небѣ загорались звѣздочки, яркія и безмолвныя...

Въ трактирѣ Филиппича въ этотъ часъ вечера, обыкновенно, бывало особенно многолюдно и шумно. Группами и въ одиночку заходили слобожане, часто въ сопровожденіи друзей изъ другихъ окраинъ города; заходили къ Филиппичу солдаты и рабочіе съ жолокольнаго завода, непремѣнными посѣтителями являлись и судорабочіе съ барокъ и бѣлянъ, остановившихся около города на три-четыре дня Пасхи. Около столовъ сидѣли компаніи пьющихъ, гости толпились около буфетной стойки и на крыльцѣ.

Появившись въ трактирѣ, Артамонъ подсѣлъ къ компаніи во главѣ съ сапожникомъ Сергѣевымъ.

— Что же это ты безъ Еремы?—спросилъ Артамона Сергѣевъ.

— Придетъ,—сумрачно отвѣтилъ тотъ и залпомъ выпилъ поднесенную ему рюмку водки.—Мало у васъ водки-то!—замѣтилъ Артамонъ и попросилъ подать новую посудину.

Новая полубутылка, появившись на столѣ, оживила компанію,

и разговоръ сдѣлался веселымъ и шумнымъ. Говорили о праздникахъ, о томъ, кто и когда былъ пьянъ и кому повезло въ игръ въ „орлянку“. Потомъ долго смѣялись надъ однимъ изъ членовъ компаніи, надъ паренькомъ Прошкой, который только съ этой весны началъ водить компанію съ слободскими завсегдатаями трактира. Смѣялись, главнымъ образомъ, надъ тѣмъ, что въ первый же день праздника онъ угодилъ въ участокъ, наружнымъ доказательствомъ пребыванія въ которомъ былъ рубецъ около уха Прошки.

— Кто же это тебѣ замѣтку-то сдѣлалъ? вѣрно, Федудовъ? Онъ, братъ, здоровый чортъ и съ нашимъ братомъ расправляется посвойски!—спрашивалъ Прошку темнорусый человекъ въ ситцевой рубахѣ и въ пиджакѣ нараспашку.

— Кто знаетъ,—можетъ, и онъ, а може и такъ, само содралось,—отвѣчалъ парень, немного конфузясь и вспоминая, что постовой городской, стоявшій у церкви при спускѣ въ слободку, дѣйствительно, какъ-то особенно быстро упряталъ его въ участокъ.

— „Само содралось“!.. Само-то, братъ, не сдирается!—замѣтилъ вскользя Сергѣевъ, и компанія начала угощаться.

За сосѣднимъ круглымъ столомъ разищалась компанія судорабочихъ. Ихъ было человекъ семь. Пили они, замкнувшись въ тѣсный и обособленный кружокъ. На столѣ стояла батарея бутылокъ съ пивомъ и водкой. Тимошка, трактирный мальчуганъ, то-и-дѣло подавалъ новыя бутылки или закуску, и Филиппычъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ этой компаніи, потому что вмѣстѣ съ судорабочими гулялъ высокій, плечистый человекъ въ пиджакѣ, брюкахъ навыпускъ и въ вышитой полотняной рубахѣ. Это былъ приказчикъ одного изъ судовыхъ каравановъ, а собутыльники его—лоцмана съ барокъ. За слѣдующимъ столомъ рядомъ сидѣли также судорабочіе, но это были уже люди равномъ ниже—намитчики, водоливы и просто рабочіе. Между обѣими компаніями сохранялась нѣкоторая связь: выпивая, рабочіе называли приказчика по имени и отчеству и сообщали, что пьютъ за его здоровье, поздравляя приказчика съ минувшимъ днемъ ангела.

VII.

Скоро въ трактирѣ появился и Ерема. Его появленіе всегда почти производило нѣкоторую сенсацію. Люди, видѣвшіе Ерему впервые, съ большимъ любопытствомъ разсматривали его окоро-

ченныя ноги и всю его тучную фигуру съ большой темноволосою и кудрявой головою; тѣ, кто зналъ его, а особенно тѣ, кому было извѣстно его печальное прошлое,—тѣ относились къ калѣкѣ съ особенной пріязнью и радушіемъ.

Остановившись у двери, Ерема окинулъ комнату внимательными глазами и, улыбнувшись, кивнулъ головою въ сторону трактирщика; тотъ также улыбнулся.

— Эй, Ерема! сюда!—крикнулъ Сергѣевъ, первымъ изъ компаніи увидѣвъ калѣку.

Визгливый и высокій теноръ сапожника выдѣлился изъ хора шумнаго говора, и многіе обернулись. Ерема применилъ къ компаніи Артамона, съ трудомъ взобравшись на стулъ, придвинутый Прощкой.

— Водки-то у васъ, кажись, мало?—началъ онъ, прищурившись и окинувъ глазами столъ.

— Хватить!.. пей! еще возьмемъ!—разомъ выкрикнули Сергѣевъ и Прощка.

Ерема покосился въ сторону судорабочихъ, широко улыбнулся и, махнувъ рукою, выкрикнулъ:

— Вонъ оно!.. нашихъ-то сколько!..

Многіе изъ судорабочихъ, гулявшіе въ трактирѣ не первый день, были знакомы съ Еремой, сочувствовали положенію злосчастнаго собрата, и на его окрикъ отвѣтили дружнымъ хохотомъ.

— Гулай, Ерема! заливай горе!..—крикнулъ одинъ изъ нихъ, рябой, гусавый и красный отъ выпитаго вина человѣкъ. Потомъ онъ принялся рассказывать что-то приказчику, кивая въ сторону Еремы.

Ерема пилъ съ какою-то жадностью, какъ будто стараясь въ короткій срокъ догнать всѣхъ раньше его охмелѣвшихъ. Опоражнивая рюмку за рюмкой и закусывая, онъ молчалъ, тяжело дышалъ и изрѣдка поглядывалъ въ сторону судорабочихъ, сосредоточивъ особое вниманіе на тучной фигурѣ приказчика, лицо котораго все больше и больше краснѣло.

Съ памятной весны, когда Ерема лишился ногъ, его отношенія къ судорабочимъ измѣнились. Зная по личному опыту, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ и съ рискомъ за собственную жизнь приходится работать мелкимъ служащимъ на баржахъ и бѣлянкахъ, онъ не забылъ и того, съ какимъ стараніемъ судовладельцы и ихъ приказчики выжимаютъ соки рабочихъ, часто бросая на произволъ судьбы злосчастныхъ, а то и высаживая на безпріютный берегъ цѣлыя артели. Ерема, кажется, никогда

не забудетъ одного неприятнаго случая на глухой Уфимѣ. Бѣлана ихъ, нагруженная лѣсомъ, во время бури, сорвалась съ яворей, ударилась о берегъ и затонула. Приказчикъ, испугавшійся преслѣдованій со стороны хозяина, сбѣжалъ неизвестно куда, бросивъ ихъ на глухомъ берегу безъ денегъ и безъ харчей. Не забыть Еремѣ и второго случая, такъ круто измѣнишаго его жизнь, когда его, больного, бросили въ незнакомомъ городѣ съ двумя рублями въ карманѣ. И съ тѣхъ поръ Ерема питалъ непоборимую ненависть къ судорабочимъ и приказчикамъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ срывалъ на нихъ свою злобу.

Разсматривая широкое пьяное лицо приказчика, около котораго сгруппировались судорабочіе, Ерема все больше и больше озлоблялся и, наконецъ, слегка склонившись къ столу, негромко произнесъ:

— Какой красивый сидить!.. Словно клещъ какой напился кровью-то!..

— Ну, ужъ будетъ тебѣ! — остановилъ его Артамонъ, припоминая, что, года два тому назадъ, въ этой же комнатѣ произошло столкновеніе Еремы съ судорабочими. Тогда въ трактирѣ гуляла цѣлая компанія приказчиковъ съ барокъ. Вначалѣ Ерема пилъ вмѣстѣ съ ними и мирно бесѣдовалъ, но потомъ не вытерпѣлъ, и дѣло кончилось участкомъ, гдѣ за буйство Ерему держали трое сутокъ.

— Пей, Ерема, пей! — угощалъ пріятеля Артамонъ, видя, что глаза его разгораются, а лицо заливается красными пятнами. — Еще полубутылку поставлю, пей только, а не шуми...

— Поставь! это дѣло хорошее, — отвѣчалъ ему Ерема.

Артамонъ распорядился подать новую посудину съ водкой, а Сергѣевъ, съ осоловѣвшими глазами и съ растрепавшимися волосами, подсѣлъ рядомъ съ Еремой и, обнимая его, говорилъ заплетающимся языкомъ:

— Ерема, хошь пива!.. А?.. Пивомъ тебя угощу!..

На столѣ появилось пиво, и компанія начала угощаться, все больше и больше оживляясь.

Съ каждой минутой шумъ въ трактирѣ усиливался, слышались несдержанный говоръ, смѣхъ и выкрики. Надъ головами носились клубы табачнаго дыма и испареній, и по мѣрѣ того, какъ заражались всѣ общимъ разгуломъ, до того обособленныя компаніи разстроивались, соединяясь съ сосѣдными, заводились новыя знакомства, и шумъ и говоръ становились безпорядочнѣе.

Ерема сидѣлъ уже въ компаніи судорабочихъ и мирно бесѣдовалъ съ приказчикомъ.

Незамѣтно для Артамова и Еремы въ трактирѣ появились Петръ и Власть Сущинны, дѣти Василя Петровича. Подойдя къ прилавку, за которымъ суетился довольный вечеромъ Филиппычъ, они выпили, закусили и, негромко разсуждая между собою, покосились на своихъ враговъ. Особенно злобно посмотрѣлъ на Артамова Власть, и на лицѣ его было ясно написано, что онъ не просто зашелъ въ трактиръ въ этотъ веселый часъ.

Скоро, однако, они применили къ компаніи свободныхъ, сидѣвшихъ въ другомъ углу комнаты. Вернувшись съ рѣки, братья узнали, что Артамонъ приходилъ и бранилъ старика Василя Петровича. Въ тотъ день утромъ у Власа и Петра уже было столкновение съ Артамономъ, вещественнымъ доказательствомъ чего была перевязанная платкомъ щека послѣдняго; сегодня же братья рѣшили проучить ругателя, какъ слѣдуетъ. Оба они носили въ головахъ угаръ минувшаго праздничнаго дня, и это, вмѣстѣ съ науськиваньемъ со стороны Василя Петровича и его жены, укрѣпляло ихъ рѣшеніе. Попутно они рѣшили свести счеты и съ Еремой, который нерѣдко, мстя за пріятеля, досаждалъ имъ своими насмѣшками и издѣвательствомъ.

Артамонъ и Прошка, обнявшись и горлаючи пѣсни, направились къ двери, чтобы немного освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Артамонъ замѣтилъ Сущинныхъ и выпалилъ по ихъ адресу ругательство. Власть только мотнулъ головою въ отвѣтъ на эту брань, а Петръ сверкнулъ злобными глазами и потушилъ свою злобу стаканомъ пива.

Когда Артамонъ и Прошка вернулись съ улицы, ихъ компанія окончательно соединилась съ судорабочими. По обѣ стороны Сергѣева сидѣли пьяные лодмана, пили водку и размахивали руками. Пьяный Ерема лѣзъ къ приказчику и злобно хохоталъ. Сквозь смѣхъ онъ выкрикивалъ:

— Выпьемъ, добрый человѣкъ! выпьемъ!.. Мотри-ка, еслибы не мои больныя ноги, и я былъ бы теперь въ приказчикахъ!..

— Выпьемъ, выпьемъ! — снисходительно улыбаясь, вторилъ приказчикъ.

— Мы тоже и на бѣлянахъ-то страсть какъ выпивали! Бывало, приказчикъ нашъ, Савелій Ивановичъ, поставить четвертуху и—пей, ребята! потому безъ водки мы никакъ не могли жить!.. Нашъ приказчикъ-то плутъ былъ страшный и воръ не послѣдній. Боялся онъ насъ и все водкой поилъ... Мотри-ка, и ты боишься своихъ лодмановъ, потому вонъ какъ ты ихъ наугощать!..

— Чего мнѣ ихъ бояться-то? Вотъ тоже! А ты ужъ пей,

пока даютъ, а зря-то не мели!—огрызнулся приказчикъ, заподозривъ въ рѣчи калѣки нѣчто насмѣшливое и обидное.

— А что! разве не боишься?.. А?.. Ребята!—выкрикнулъ Ерема громко:—правда ль, что онъ васъ не боится?..

Услышавшіе возгласъ калѣки судорабочіе молчали, съ недоумѣніемъ посматривая на приказчика.

— Это плохое дѣло, коли онъ васъ не боится! — понизивъ тонъ, продолжалъ Ерема.—У насъ были другіе порядки! Чуть что неладное устроить нашъ Савелій Ивановичъ—работой ли замахетъ, али отъ харчей много украдетъ,—сейчасъ это бѣляну-то носомъ на мель и направишь. Забьется онъ, какъ голубка въ сѣтихъ, и давай молить да просить, моги, ребята не погубите, приплывемъ въ городъ—полведра поставлю... Народъ у насъ былъ аховый!..

— То-то вотъ ты и „дождался“! — совсѣмъ не сдерживая негодованія, язвительно замѣтилъ приказчикъ.

— Ты это про ноги-то?.. Такъ это, братъ, и съ тобой можетъ случиться, потому всѣ подъ Богомъ!..

Ерема смолкъ, отпилъ изъ стакана пива и, обернувшись въ сторону судорабочихъ, продолжалъ:

— Эхъ, вы!.. Кровь-то онъ вашу пьетъ, а вы около него на цыпочкахъ, да на цыпочкахъ... Тыфу!..

Ерема грубо выругался, спустился со стула и перешелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ раньше. Къ нему подошелъ Артамонъ и началъ его уговаривать.

— Уйди, ты!.. баба!.. Ступай ужъ домой да и спи, пока Анна Якимовна спитъ; а то проснется, такъ и заставитъ тебя воду возить!..

Онъ презрительно оттолкнулъ отъ себя Артамона, осушилъ кому-то другому предназначенный стаканъ съ пивомъ и, посматривая въ сторону судорабочихъ, продолжалъ:

— Сосутъ они, дьяволы, вашу кровь, а вы, какъ мухи на медъ, лѣзете!.. Выжметъ вотъ онъ изъ васъ соки-то, а потомъ и пуститъ по бѣлу-свѣту безъ ногъ, али безъ рукъ, а то и еще съ какой болѣзью!.. Черти, дураки, работаете... плюнулъ бы я на вашемъ мѣстѣ!...

Ерема обвелъ присутствующихъ мутными глазами, и, встрѣтившись съ пылающимъ взоромъ приказчика, дерзко ему замѣтилъ:

— Ну, что выкатилъ свои бургулы-то и смотришь?.. Думаешь, я боюсь тебя?.. Я, братъ, не эти, вонъ, сухожилынные-то!.. Плюю я на тебя, на кровопійца... Да, плюю!..

— Поплюйся ты еще, поплюйся!.. Смотри!..—грубо отвѣтилъ ему приказчикъ.

Филиппычъ, давно замѣтившій, что Ерема начинаетъ бунить, подошелъ и сталъ его уговаривать.

— Подожди, Филиппычъ! подожди... худа не будетъ!.. Я, вотъ, только душеньку-то свою потѣшу, скажу ему, а то вѣдь эти-то—сухожильные!..

— Убери ты его! Слышь, сидѣлецъ!..—громко выкрикнулъ приказчикъ, поднимаясь:—а то я ему рожу разобью бутылкой!..

Голосъ его, громкій и зычный, остановилъ вниманіе посѣтителей, и у стола, гдѣ сидѣлъ Ерема, образовалась толпа.

— Убе-ери!..—въ свою очередь выкрикнулъ и Ерема.—Ты ступай на бѣяну, да и командуй! Кровопійца! Жиганъ!..

Приказчикъ захрипѣлъ и бросился на Ерему, но его удержали товарищи. Поднялся крикъ, зазвенѣла посуда. Судорабочіе настанвали, чтобы Ерему вывели, но, услышавши это, калѣка воскликнулъ:

— Эхъ, вы, сухожильные!.. Туда же! Черти, черти!..

Филиппычъ и Артамонъ подхватили Ерему подъ мышки и потащили къ двери.

— Прочь!.. Не дѣйлайся!..—крикнулъ онъ во все горло и рванулся, но не удержался на своихъ короткихъ ногахъ и упалъ на грязный полъ.

Мгновенно изъ толпы выдѣлился Власъ Сушкинъ и съ хрипотой въ голосѣ бросился на Ерему.

— Выкинуть его! вонъ его!—вопилъ онъ.

— Вонъ!.. за дверь!—кричалъ еще кто-то.

Ерема бился въ сильныхъ рукахъ Власа и бранился.

— Стой, ребята! стой!—выкрикнулъ сапожникъ Сергѣевъ:—я уведу его, пустите... Пусти-ка ты, медвѣдь!—ухвативъ за рукавъ Власа, оралъ онъ.

— На лежачаго напалъ, на лежачаго!—укоризненно выкрикивалъ Ерема, обращаясь къ Сушкину и при помощи Сергѣева и Артамона приподнимаясь съ пола.

Сергѣевъ уговорилъ Ерему выйти изъ трактира, и они медленно вышли за дверь; за ними слѣдомъ шелъ и Артамонъ, съ фуражкой Еремы въ рукахъ.

— Домой пойдешь! Слышь, Ерема! — упрашивалъ калѣку Сергѣевъ.

— Домой?.. Ну, что жъ, домой, такъ домой!.. А въ красную-то рожу все-таки плюнулъ... плюнулъ...—бормоталъ Ерема.

Артамонъ и Сергѣевъ шли рядомъ съ нимъ, покачиваясь и разсуждая о происшедшемъ.

Ночь была темная. Дулъ холодный вѣтеръ, по небу неслись темныя тучи. Рѣка плескалась въ набережную, и кое-гдѣ въ ея темныхъ волнахъ свѣтились и дрожали блики огней, засвѣтившихся на судахъ.

Они добрали до бѣлой хаты, гдѣ жилъ Сергѣевъ; распростившись съ нимъ, Артамонъ и Ерема пошли дальше и скоро поровнялись съ рѣшетчатой изгородью архіерейскаго сада. Ерема сумрачно молчалъ, съ ожесточеніемъ ударяя въ землю желѣзнымъ наконечникомъ своей палки, а Артамонъ шелъ, покачиваясь и спотыкаясь на каждомъ шагѣ. Дойдя до угла сада, они повернули въ узкую улицу, расположенную по склонамъ отлогого холма, вдоль котораго, поднимаясь въ гору, змѣилась узкая дорога. Вдругъ Артамонъ услышалъ сзади себя шаги и обернулся; остановился и Ерема.

Въ сумракѣ ночи къ нимъ придвигались двѣ темныя фигуры. Незнакомцы шли быстро, и когда поровнялись—Артамонъ узналъ въ нихъ Власа и Петра. Не говоря ни слова, Власъ набросился на Ерему и смялъ его подъ себя. Петръ ринулся на Артамона, и между ними завязалась борьба. Ерема, прижатый къ землѣ Власомъ, бился руками и остатками ногъ, силясь ударить нападавшаго наконечникомъ своей палки; но Власъ ловилъ эту палку и тяжело дышалъ. Между Артамономъ и Петромъ борьба происходила съ равнымъ успѣхомъ. Ударяя другъ друга кулаками, они старались свалить одинъ другого на землю. Наконецъ, это удалось Петру, и, набросившись на побѣжденнаго противника, онъ уперся коленнымъ ему въ грудь, нанося по лицу удары. Кровь теплою струей оросила лицо Артамона, и онъ въ отчаяніи закричалъ:

— Караулъ!.. рѣжутъ!.. кар-раулъ!..

— Кричи!.. кричи!..—хрипѣлъ Петръ, продолжая наносить удары.

Въ этотъ моментъ на Артамона навалился и Власъ, и оба брата топтали ногами распластаннаго на землѣ человѣка, пинали въ лицо и въ грудь...

Оправившійся Ерема поднялся съ земли и поспѣшилъ-было на выручку товарища, но пока онъ медленно подвигался, оба брата быстро скрылись въ темнотѣ ночи.

— Караулъ!.. Человѣка убили!.. Караулъ!..—кричалъ Ерема, утирая рукавомъ рубахи свое окровавленное лицо.

Въ окнѣ ближайшей избы на обрывѣ померкъ огонекъ, до

того мерцавшій яркой звѣздочкой. На зовъ Еремы никто не отзывался, и онъ принимался кричать еще сильнѣе.

За оградой сада гудѣли оголенные вѣтви деревьевъ; внизу плескалась рѣка, темная и пустынная...

VIII.

Прошли іюнь и іюль, съ длинными жаркими днями; протянулся августъ, съ перепадавшими дождями и съ холодными утренниками; за нимъ быстро пронеслись ясные дни „бабьяго лѣта“, — сады съ золотистой листвою облетѣли, день становился короче, ночи — длиннѣе...

Наступило ненастье; и дни, и ночи, по небу неслись тяжелыя дождевыя тучи; суровый вѣтеръ взбаламучивалъ рѣку, покачивалъ верхушки старыхъ дубовъ въ архіерейскомъ саду, а по ночамъ гудѣлъ и вылъ, не смолкая.

Вмѣстѣ съ перемѣнами года измѣнялась и жизнь слободскаго населенія. Въ долгіе жаркіе дни люди томились — одни отъ продолжительнаго труда, другіе — въ праздности. Наступившею осенью холодный вѣтеръ вмѣстѣ съ тучами, казалось, принесъ новыя заботы и хлопоты, и въ тонъ воющему вѣтру завывла и слободская голь и бѣднота отъ угрозы наступающей зимы.

Въ домѣ Анны Якимовны все лѣто царило какое-то уныніе. Началось это съ того памятнаго утра, когда сердобольные слобожане принесли въ домъ поднятаго на улицѣ избитаго Артамона. Дворянскіе братья такъ сильно помяли его, что всѣ попытки Еремы поднять пострадавшаго не увѣнчались успѣхомъ: Артамонъ стоналъ и метался отъ боли. Не разъ Ерема подползалъ къ окнамъ обывательскихъ лачужекъ, стуча въ ставни и въ стекла и моля о помощи, но суровый вѣтеръ уносилъ его мольбу за рѣку, и только поутру, когда вешнее солнышко обогрѣло холодную землю, нашлись и люди, не отказавшіеся помочь Еремѣ.

Въ тотъ же день Артамонъ былъ отправленъ въ больницу, а Ерема подвергся допросу въ части; но его показанія не убѣдили пристава, что братья Сущины виновны въ болѣзни Артамона.

Въ больницѣ Артамонъ пробылъ четыре мѣсяца. Въ первые дни его пребыванія въ больницѣ никто не думалъ, что онъ выживетъ, такъ какъ доктора пришли къ заключенію, что у больного повреждены три ребра, отбито легкое, да и со спиннымъ хребтомъ сдѣлалось что-то неладное.

Болѣзнь Артамона повергла Анну Якимовну въ мрачное настроеніе, и она еще сильнѣе зашла. Ерема также скучалъ безъ друга, и единственной заботой его было—навѣстить Артамона въ больницѣ, въ томъ самомъ темно-коричневомъ домѣ, гдѣ и онъ когда-то боролся со смертью.

Анна Якимовна проявила по отношенію больного самыя нѣжныя чувства. Она и сама не разъ навѣщала его въ больницѣ, а сопровождая къ другу Ерему, снабжала его яствами и деньгами.

На пятомъ мѣсяцѣ Артамона выписали изъ больницы, и въ слободѣ появился онъ неузнаваемымъ. За четыре мѣсяца болѣзни онъ, казалось, постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ: ходилъ, стогрбливая спину, тяжело дыша и сильно кашляя... Въ лицѣ его, худомъ и блѣдномъ, также застыло какое-то новое выраженіе,—выраженіе скрытой боли, съ каждымъ днемъ подтачивавшей его здоровье. Впавшіе глаза его смотрѣли робко, рѣчь стала нетвердой и упавшей.

Теперь онъ уже не могъ ни колоть дрова, ни носить воду, да и телѣжку съ хлѣбами и баранками Аннѣ Якимовнѣ приходилось самой ввозить на бугоръ. О работѣ у бондаря, конечно, нельзя было и думать, да никто его къ этому и не побуждалъ. Анна Якимовна ни однимъ звукомъ не выразила неудовольствія по адресу праздно живущаго больного человека.

Съ каждымъ днемъ Артамонѣ становилось хуже и хуже: злѣйшая чахотка подтачивала его силы непрерывно. Болѣзнь и безвыходное положеніе ни на одну минуту не сдѣлали Артамона малодушнымъ. Онъ не сожалѣлъ о своей такъ злосчастно прожитой жизни; вспоминая обиду со стороны двоюродныхъ братьевъ, не собирався имъ мстить; забылъ и про обиду, нанесенную ему нѣкогда Василиемъ Петровичемъ.

Въ немъ проснулась странная жажда забвенія, и онъ Христомъ-Богомъ молилъ и Анну Якимовну, и Ерему, исполнять единственное его желаніе. Проснувшись послѣ тяжелаго похмелья, Артамонъ, обыкновенно, съ назойливой настойчивостью принимался просить водки, сердился и бранился, если Анна Якимовна отказывала ему въ этомъ, и блаженно улыбался, когда его сожительница удовлетворяла его просьбу.

— Дай, Анна Якимовна, ему водки, дай! все равно—не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ... Пусть поживетъ въ свое удовольствіе, какъ дитя малое...—говорилъ въ такихъ случаяхъ Ерема, и Анна Якимовна склонялась на эти доводы, видя, однако, съ какою быстротой догораетъ жизнь ея „сожителя“.

Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, какъ лекарство, Артамонъ

благодарилъ Анну Якимовну счастливой улыбкой и, дѣйствительно, какъ дитя, засыпалъ.

Иногда Анна Якимовна, не дожидаясь просьбы со стороны больного, являлась съ базара съ водкой, и тогда они уже втроемъ предавались чарамъ опьянѣнія. Это были дни ужасной жизни! Угрюмые, озлобленные люди пили съ какой-то нечеловѣческой жадностью, идя на встрѣчу забвенію. Опьянѣвъ, они озлоблялись еще больше: Анна Якимовна проклинала свою прошлую жизнь. Ерема бранилъ судовладѣльцевъ и приказчиковъ, и часто, въ чаду похмелья, грозилъ своимъ врагамъ мстью. Слушая проклятія и брань, и Артамонъ вспоминалъ о Василѣ Петровичѣ, сжималъ кулаки, протягивая ихъ куда-то въ сторону, и тоже начиналъ браниться. Его брань оканчивалась, обыкновенно, бредомъ, и онъ засыпалъ.

На другой день послѣ Покрова, Артамонъ умеръ, но Ерема и Анна Якимовна сначала не вѣрили этому. Сидѣли они передъ тѣмъ около постели, съ которой Артамонъ не слѣзалъ больше двухъ недѣль, и благодушно пили. Въ этотъ день Анна Якимовна вернулась съ базара послѣ обѣда оживленная и ликующая, говорила, что въ продолженіе двухъ часовъ съ барышомъ распродала свои хлѣбы и баранки, въ доказательство чего и принесла двѣ бутылки водки. Не успѣли друзья закончить и первой бутылки, какъ Артамонъ сталъ необыкновенно веселымъ и разговорчивымъ. Спустивъ ноги съ постели, онъ долго хохоталъ надъ какимъ-то каламбуромъ Еремы, но этотъ нервный, истерическій хохотъ не былъ заразительнымъ, и Анна Якимовна и Ерема смотрѣли на больного съ недоумѣніемъ. Вскорѣ Артамонъ какъ-то разомъ оборвалъ свой хохотъ, выпилъ стаканчикъ водки и заявилъ, что ему хочется спать. Молча онъ подобралъ ноги и, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, улегся на бокъ.

Анна Якимовна и Ерема продолжали пить и закусывать; говорили они шопотомъ, какъ бы боясь разбудить больного, а когда была выпита водка и наступили сумерки, они принялись будить Артамона, но тотъ не отзывался.

— Крѣпко заснулъ!.. Ну, Господь съ нимъ! — проговорила Анна Якимовна и засвѣтила лампочку. Ерема затянулъ какую-то пѣсню.

Немного спустя, они еще нѣсколько разъ принимались будить больного, но Артамонъ попрежнему не отзывался. Лежалъ онъ на боку, съ плотно сомкнутыми губами и съ блѣдностью въ лицѣ; ввалившіеся глаза были прикрыты вѣками до половины.

Ни Анна Якимовна, ни Ерема, не вѣрили акту смерти даже

и послѣ увѣреній слободского фельдшера Никифорова, который осмотрѣлъ Артамона и, перекрестившись, коротко замѣтилъ:

— Обмытъ надо...

И только когда Артамона, обряженного въ новые штаны и рубаху, положили на столы, Анна Якимовна зарыдала и бросилась ему на грудь.

На другой день утромъ изъ церкви были принесены подсвѣчники; въ домѣ калачницы запахло ладаномъ и почти весь день слышалось монотонное чтеніе щупленькой, низенькой старушки съ бѣлымъ на глазу и съ мѣдными большими очками на морщинистомъ носу.

Анна Якимовна рѣшила схоронить своего друга по всѣмъ правиламъ и не скупясь на деньги. Сама купила она темно-коричневый гробъ и пригласила священника отслужить панихиду.

Кромѣ Анны Якимовны и Еремы, на панихидѣ присутствовала какая-то старушка, которая все время стояла рядомъ съ чтницей и горячо молилась. Къ концу службы пришли Василій Петровичъ Сушенинъ и его жена. Они усердно молились, низко кланяясь на образа, и вздыхали, а когда ушелъ батюшка, прошли къ покойнику и приложились къ образу, приставленному къ скрещеннымъ на груди похолодѣвшимъ рукамъ.

Ерема покосился на стариковъ и молча отодвинулся къ двери. Жена Василя Петровича о чемъ-то въ полголоса бесѣдовала съ Анной Якимовной, какъ будто между этими женщинами никогда не было вражды и жили онѣ въ мирѣ и согласіи. Василій Петровичъ, моргая глазами, поглядывалъ на пламя тоненькихъ восковыхъ свѣчъ и, прислушиваясь къ чтенію старухи, ловилъ обрывки какихъ-то непонятныхъ мыслей; въ душѣ его проснулось робкое жалостливое чувство, и, всматриваясь въ черты лица покойника, онъ словно старался что-то припомнить. Голосъ чтницы оборвался на минуту, и вдругъ всѣ напрягли слухъ, какъ будто прислушиваясь къ какимъ-то голосамъ... Свѣчи слабо потрескивали, а за окномъ въ кустахъ палисадника шуршала вѣтеръ.

Ночь была темная и холодная. Рѣзкій вѣтеръ гналъ надъ городомъ, надъ рѣкою и надъ лугами влохья черныхъ тучъ, и онѣ проносились, не роняя дождя и обдавая землю холодомъ. Въ окнахъ слободскихъ домиковъ свѣтились огни.

Въ домѣ Анны Якимовны попрежнему горѣли свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, у образовъ теплилась лампада, слышалось чтеніе—монотонное и навѣвающее тоску и страхъ. Анна

Якимовна сидѣла въ углу на сундучѣ и молчала. Она прислушивалась къ чтенію старухи, и плохо понятныя слова казались ей словами безконечно длинной молитвы. Въ продолженіе всего дня и цѣлый вечеръ, прислушиваясь къ чтенію, она старалась уловить смыслъ этой молитвы, чтобы успокоиться, но въ груди попрежнему ныла боль и тоска, и она принималась молиться по своему, крестясь и шепча изсохшими губами.

Ерема сидѣлъ въ своемъ углу за печкой. Онъ также не понималъ, о чемъ молить Бога старуха въ мѣдннхъ очахъ, упоминая „раба божія Артамона“, и угрюмо смотрѣлъ въ сумракъ комнаты, вспоминая Артамона и послѣдніе дни его жизни. Молиться онъ не могъ, потому что голова его была занята страшными, преступными мыслями.

Послѣ полуночи, когда утомившаяся за день старуха-чтица усѣлась на лавку и, прислонивъ голову къ стѣнѣ, задремала, Ерема, испуганный тишиною комнаты, вышелъ изъ своего убѣжища и остановился около порога. Анна Якимовна тоже спала, перегнувъ спину и подперевъ голову собственными руками.

Ерема окинулъ догорающія свѣчи и, медленно придвинувшись къ чтицѣ, разбудилъ ее.

— Свѣчи бы новыя поставить, а то догорѣли! — вымолвить онъ, испугавшись въ тишинѣ комнаты собственного голоса.

— Одну развѣ поставлю, а то Анна Якимовна говорила, чтобы ночью-то не жечь, — тихо прошептала старуха и принялась зажигать свѣчку. Потомъ она опять усѣлась на прежнее мѣсто и безпомощно прислонила къ стѣнѣ утомленную голову.

Ерема отошелъ къ порогу, пристально посмотрѣлъ въ лицо покойника и тихо вышелъ въ сѣни. Здѣсь онъ долго отыскивалъ что-то въ углу, за кадрами съ мукою, и, наконецъ, вышелъ на улицу. Дверь изъ сѣней выходила прямо къ подножію холма, на которомъ была расположена усадьба Василя Петровича. На фонѣ темнаго неба обрисовывались силуэты кровель избы, амбары и сараевъ.

Ерема поднялъ голову и осмотрѣлся, притавивъ дыханіе и какъ будто прислушиваясь къ отдаленнымъ неяснымъ звукамъ. Онъ скоро понялъ, что это бьется его сердце, отдаваясь въ вискахъ тяжелыми ударами. Онъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и снова прислушался. Вѣтеръ постукивалъ обломкомъ болта у окна, шума листвою полисадника и покачивая крапиву и бурьянъ, разросшіеся по холму.

Крадучись, Ерема поползъ къ холму, цѣпляясь за неровности грядокъ давно заброшеннаго огорода, и скоро очутился около

стѣны сарая Василя Петровича. Амбаръ и сарай были окружены неглубокой канавой, поросшей бурьяномъ, а за канавою возвышалась ветхая бревенчатая стѣна. Ерема проползъ вдоль стѣны саженъ пять и рукою ощупалъ плетневую стѣну, подъ которой свѣшивался край соломенной кровли. Затаивъ дыханіе и озираясь кругомъ, онъ заложилъ въ плетень громадный пукъ пакли, которую все время старался припрятать отъ кого-то за полу пиджака, вздуть спичку, другую, но налетѣвшій вѣтеръ гасилъ пламя. Онъ скрючилъ спину, заслоня вѣтеръ собственнымъ туловищемъ, и снова принялся зажигать спички. Узенькій язычокъ пламени лизнулъ паклю и, какъ змѣя, приподнялъ красноватую головку, но налетѣвшій вѣтеръ словно придавилъ пламя, и оно, обогнувъ паклю, устремилось къ плетню. Ерема впихнулъ разгорѣвшуюся паклю въ щель плетня, и красноватый язычокъ выглянулъ уже изъ-за хвороста и поднялся выше, зажигая солому и сѣно...

Ерема почти кубаремъ скатился съ холма и, поднявшись на свои коротенькія ноги у двери въ сѣни, осмотрѣлся и прислушался. По плетню двигались красные отблески пламени, вѣтеръ шумѣлъ листвою полисадника...

Въ комнатѣ попрежнему горѣли свѣча и лампада, а старуха и Анна Якимовна спали. Ерема придвинулся къ окну и съ какой-то безумной радостью посмотрѣлъ въ сторону сарая Василя Петровича. Онъ вѣрилъ глубоко, что его замыселъ удался, и не пройдетъ и пяти минутъ, какъ сарай Василя Петровича охватитъ бѣшеное пламя, раздуваемое вѣтромъ, и скоро отъ этихъ построекъ останутся однѣ головни. Онъ радовался, что именно въ эту ночь привелъ въ исполненіе давно имъ задуманное, и Ерема оглянулся и посмотрѣлъ въ лицо покойника, какъ бы задаваясь вопросомъ—чувствуетъ ли, сознаетъ ли Артамонъ, что онъ, его другъ Ерема, отмстилъ ненавистнымъ Сушенинымъ и за себя, и за обиженного друга.

Ерема быстро спрятался за печь, закрылъ лицо руками, словно стараясь укрыть его отъ чьихъ-то взоровъ, и улыбнулся. Ему вдругъ захотѣлось хохотать громко и неудержимо!.. Послышались отдаленные голоса, и Ерема вздрогнулъ и насторожилъ слухъ. Голоса становились явственнѣе. Вотъ онъ слышитъ, какъ мимо стѣны дома пробѣжалъ кто-то; минуту спустя послышался новый топотъ и громкій окрикъ...

— Пожаръ!.. пожаръ!..—кричали гдѣ-то.

Анна Якимовна проснулась и съ дивнымъ крикомъ бросилась

къ старухѣ. Та растеряннo соскочила съ лавки и бросилась къ окну.

— Ахъ, ты... матушка, Пресвятая Богородица!.. горить!.. — взвизгнула она.

Въ окно вливался красный отблескъ пожараща, заливая злобщимъ свѣтомъ подоконникъ, лавку, полъ и неподвижныя черты лица покойника.

Анна Якимовна и старуха бросились на улицу; за ними двинулся и Ерема.

Кровли сарая, амбара и крайней избы Василя Петровича были охвачены пламенемъ. Около горящихъ построекъ суетились люди, кричали, размахивали руками и метались. Высоко поднявшись къ небу стоялъ столбъ свѣта, дыма и искръ. Искры крутились вверхъ, ревушій вѣтеръ разносилъ ихъ широкимъ вѣтромъ, обсыпая яркими блестеями сосѣднія постройки, овраги и гору, на которой видѣлись городскіе дома. Стѣны домовъ заливала ярко кровавая краска, окна казались горящими четырехугольниками. Гдѣ-то далеко гудѣлъ тревожный набатный колоколь. Съ горы, блестя васками, бѣжали пожарные. На кровлѣ сосѣднихъ домовъ появились фигуры людей, залитыя отблескомъ пламени. По холмамъ и по оврагамъ, какъ обезумѣвшіе, сновали люди, спасая жалкіе пожитки... Слышался трескъ горящаго дерева, шумъ пламени, безпорядочный говоръ и безумныя крики...

Рыдающая Анна Якимовна стояла около угла своего домика съ иконою въ рукахъ; рядомъ съ нею, какъ въ лихорадкѣ, тряслась старуха-чтица, а за ними, на завалинкѣ сидѣлъ Ерема, съ тупымъ равнодушіемъ посматривая на происходившее.

Изъ-за рѣки, изъ темной дали на пожарище рванулся вѣтеръ, метнулъ громадный клубъ яркихъ искръ, и онѣ засыпали кровлю домика Анны Якимовны. Поднялся страшный переполохъ.

— На крышу лѣзь!.. эй!.. — кричалъ кто-то.

— Воды!.. Воды!..

Въ избу вбѣжали люди и остановились у порога, какъ вкопанные. На нихъ напирала сзади. Анна Якимовна металась отъ сундука къ постели и дико кричала.

— Покойникъ тутъ!.. Выносите покойника!.. — кричалъ кто-то...

— Гдѣ покойникъ!..

— Человѣкъ сгорѣлъ!.. эй!..

— Го-о-споди!..

Крики усиливались. Люди метались...

Къ дому Анны Якимовны двинулись пожарные и солдаты...

Впереді нихъ бѣжалъ околоточный. Анна Якимовна бросилась къ пожарнымъ, моля о чемъ-то, но ее не послушали. Она выбѣжала изъ сѣней и, взвизгнувъ, припала къ землѣ: кровля ея дома пылала...

Между тѣмъ, изъ сѣней успѣли вывести бездыханное тѣло Артамона, и толпа дрогнула: что-то необычное было въ этой ношѣ; ее несли бережно и безмолвно, передъ нею разступалась толпа, а яркое красное пламя валивало дешевую парчу, ситцевую рубаху, въ которую одѣтъ былъ покойникъ, и лицо, спокойное и со строгими, неподвижными чертами. За покойникомъ вели обесумѣвшую отъ страха Анну Якимовну.

Минуту спустя, изъ тѣхъ же сѣней вырвался клубъ чернаго дыма, за нимъ выскользнули широкіе языки пламени, и толпа съ крикомъ отступила отъ вспыхнувшего дома.

Толпа смяла на землю безногаго Ерему, и онъ крикнулъ о помощи. Кто-то помогъ ему подняться, и онъ, быстро карабкаясь и пѣлясь за землю, поползъ въ гору. Здѣсь, еле дыша, онъ остановился около какого-то плетня и посмотрѣлъ внизъ. Онъ слѣдилъ глазами за кучкой людей, которая, медленно двигаясь, все еще несла куда-то бездыханнаго Артамона, и яркія искры носились надъ толпой и надъ покойникомъ.

Обуглившаяся кровля на крайней избѣ Василія Петровича съ грохотомъ обвалилась; къ небу мгновенно бросился громадный клубъ яркихъ искръ и пламени. Ерема сощурилъ глаза, ослѣпленные пламенемъ, и глубоко вздохнулъ. Онъ чувствовалъ, что въ груди его что-то сперлось, вырываясь наружу, руки и ноги дрожали. Онъ опустилъ глаза, отыскивая, гдѣ остановились люди съ покойникомъ...

Вѣтеръ рванулся съ новой силою,—въ то же мгновеніе съ трескомъ обвалилась кровля дома Анны Якимовны, и громадный клубъ искръ рассыпался въ раскаленномъ воздухѣ, засыпая оврагъ и пригорокъ, по которому бѣжали люди съ дикимъ воплемъ и крикомъ...

Вас. Бруснянинъ.

ВЕСЕННІЯ МЕЛОДІИ

I.

Весна пришла: на солнцѣ жарко,
Оно такъ весело и ярко
На землю смотреть съ высоты.
Пора настала пробужденья,
Но, мигъ желанный возрожденья,
Еще для насъ не полонъ ты!

Чего-то ждетъ еще природа;
Нужна ей, видно, непогода,
Чтобъ встать отъ тягостнаго сна.
Вотъ буря ливнемъ разразилась,—
И вмѣстѣ съ нею къ намъ явилась
И настоящая весна.

Прохладной нѣгой воздухъ дышетъ,
И кажется, что ухо слышитъ,
Какъ жизнь, вливаясь, кипитъ
Въ былинкѣ наждой, въ сочной почкѣ
И въ развернувшемся листочкѣ
Росой алмазною дрожить.

Разлуки тягостной страданья
Не исчезаютъ въ часъ свиданья,
Еще мы чувствуемъ ихъ гнѣтъ,
И только съ первыми слезами
Сознанье счастья передъ нами
Въ значеньи полномъ возстаетъ.

II.

Полно сидѣть тебѣ дома!..
 Въ комнатахъ душно и жарко;
 Послѣ весенняго грома
 Солнце привѣтливо-ярко
 Смотритъ съ лазурныхъ небесъ.

Озеро, роща и поле
 Тонуть въ лучахъ золотистыхъ;
 Дышется легче на волѣ;
 Запахъ черемухъ душистыхъ
 Манить подѣ бѣлый навѣсъ.

Къ влагѣ живительной жадно
 Корни сухіе припали;
 Словно на праздники,—нарядно,
 Чудно головки убрали
 Яркою тканью цвѣты.

Иглы украшены ели
 Свѣжей росой изумрудной;
 Слышатся звонкія трели
 Пѣсни томительно-чудной,
 Полной неясной мечты.

Пѣсни той страстные звуки
 Душу томятъ и ласкаютъ,
 Нѣгу и вмѣстѣ съ тѣмъ муки
 Какъ-то за разъ вызываютъ
 Въ сердцѣ усталомъ твоємъ.

Солнце все ниже и ниже,
 Спрячется скоро за лѣсомъ...
 О! поскорѣй приходи же!
 Намъ подѣ душистымъ навѣсомъ
 Будетъ отраднѣй вдвоемъ.

ВЛАДИМИРЪ МАРКОВЪ.

Н У Ж Д Ы

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Письмо въ Редакцію.

Программа Особого Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, сообщенная на заключеніе мѣстныхъ комитетовъ, была составлена широко. Дѣйствительно, она касалась веденія и улучшенія сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ, а также и производствъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ. Несомнѣнно полное осуществленіе такой программы должно повысить общій уровень нашего сельскаго хозяйства, но, къ сожалѣнію, только тамъ, гдѣ для того окажется подходящая почва. Насколько въ настоящее время, изъ свѣдѣній, попадающихъ въ печать, выяснилась дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ, они нашли необходимымъ еще нѣсколько расширить программу Особого Совѣщанія. Въ виду важности того или другого явленія, выразившаго обострившееся обѣдѣніе русскаго сельскаго населенія,—въ общемъ, комитеты, повидимому, пришли къ убѣжденію, что не въ одномъ улучшеніи сельскаго хозяйства заключается прочное основаніе улучшенія быта этого населенія. При разнообразіи условій жизни въ нашемъ обширномъ отечествѣ, разнообразіе явленій, на которыхъ преимущественно останавливается вниманіе мѣстныхъ жителей вполне естественно. Существуетъ, однако, одинъ безспорный фактъ, что все русское землевладѣніе, и крупное и мелкое, и общинное и частное, живущее отъ земли, за ничтожными исключеніями, болѣе или менѣе чуть не двадцать лѣтъ страдало и страдаетъ нынѣ. Такое чисто эко-

номическое положеніе должно зависѣть также отъ чисто экономическихъ причинъ. Многіе комитеты касались экономического положенія деревни, но, увлекаясь другими, крайне симпатичными мѣрами, фактически выдвигали ихъ на первый планъ. Только въ запискѣ Н. А. Хомякова, представленной въ сычевскій уѣздный комитетъ, и въ докладѣ экономической комиссіи—въ елецкій, съ полной ясностью разработаны экономическія причины настоящаго оскуднѣнія деревни и тѣмъ самымъ выяснено, какъ бороться съ этимъ оскуднѣніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не встрѣчалъ въ печати и нисколько не намѣренъ дополнять или измѣнять сказанное въ запискѣ Н. А. Хомякова и въ докладѣ елецкой комиссіи. Мнѣ хотѣлось бы только выяснить, что во многомъ, что предпринималось и предпринимается, или даже предполагается для деревни, мы натапливаемся, прежде всего, на экономическое ея положеніе, и потому на немъ прежде всего и болѣе всего надо остановить всеобщее вниманіе. Это—своего рода обязанность всякаго деревенскаго жителя и дѣятеля, каковы я состою вотъ уже двадцать-два года.

До сихъ поръ въ общественномъ мнѣніи у насъ твердо установился взглядъ, что для каждаго изъ отдѣловъ русскаго землевладѣнія, крестьянскаго и частнаго, требуются спеціальныя сельско-хозяйственныя мѣропріятія. Въ нашемъ черноземномъ центрѣ мы видимъ однако, за ничтожными исключеніями, одну и ту же форму полеводства,—трек-поле. Намъ, живущихъ на черноземѣ, укоряютъ, что мы не умѣемъ имъ пользоваться, страдаемъ отъ неурожаевъ на плодородной почвѣ, и намъ ставятъ въ примѣръ для слѣдованія нашъ западъ, гдѣ неурожаевъ не бываетъ, и особенно балтійскія провинціи, гдѣ, дѣйствительно, сельское хозяйство имѣетъ интенсивную форму. Сравнимъ теперь, во что обходится доставка сельско-хозяйственныхъ произведеній въ балтійскихъ провинціяхъ по желѣзнымъ дорогамъ къ балтійскимъ же портамъ и въ нашей пензенской губерніи. Станція Пенза одно время много доставляла зерна въ Либаву, и потому для сравненія возьмемъ этотъ портъ; для балтійскаго землевладѣнія совершенно безразлично, выбранъ ли Ревель, Рига или Либава. Само собою разумѣется, что оно пользуется тѣмъ портомъ, который для него наиболѣе удобенъ. Отъ Пензы до Либавы доставка, скажемъ, пуда ржи съ мѣшкомъ и накладными расходами обходится въ *тридцать копѣекъ*; а въ балтійскихъ провинціяхъ—отъ *трехъ до пяти копѣекъ*. Слѣдовательно, балтійское землевладѣніе имѣетъ, сравнительно съ пензенскимъ, лишннихъ не менѣе *двадцати-пяти копѣекъ* на каждомъ пудѣ производимаго имъ зерна, какова бы ни была общая средняя его цѣна. Очевидно,

оно и имѣть полную возможность тратить болѣе на свое полеводство и вообще на свое хозяйство,—пензенское же вынуждено быть крайне осторожнымъ въ вводимыхъ имъ улучшеніяхъ своего хозяйства. Сельско-хозяйственная промышленность, какъ и всякая другая, можетъ существовать и развиваться только тогда, когда она выгодна, и развитіе ея прямо пропорціонально ея выгоде. Ея отличіе отъ другихъ заключается только въ томъ, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, она имѣетъ обязательный характеръ. Живущій отъ земли и не имѣющій возможности, при ея бездоходности или недостаточной доходности, отъ нея отдѣлаться, по неволѣ занимается сельско-хозяйственной промышленностью, т.-е. обработкой этой земли. Какъ бы значительна или незначительна ни была тягость такого невольнаго занятія, нельзя не сказать, что эта тягость имѣетъ чисто экономическія основанія, и логически только экономическими мѣрами можно съ нею бороться. Паденіе цѣнъ на произведенія земли существуетъ во всей Европѣ вслѣдствіе наплыва на ея рынки всякаго не-европейскаго зерна, благодаря удобству и дешевизнѣ сообщеній съ дальними странами. Тамъ, при высокомъ уровнѣ промышленной и всякой культуры, издавна опытные учрежденія выработали вѣрныя, научныя указанія для полеводства, и вполнѣ понятно, что, при такихъ условіяхъ, сельско-хозяйственная промышленность можетъ тамъ бороться съ конкуренціей дешеваго, привознаго зерна. Однако и въ западной Европѣ, въ странахъ, гдѣ полеводство еще не замѣнилось огородничествомъ и земля еще не вполнѣ служить разведенію высокоцѣннаго скотоводства, цѣна произведеній сельско-хозяйственной промышленности охраняется таможенными пошлинами весьма приличной высоты. У насъ опытные учрежденія, вслѣдствіе скудости средствъ, коими располагаетъ наше министерство земледѣлія, до сихъ поръ—рѣдкость, не достигшая еще практическаго значенія. При нашемъ разнообразіи климатическихъ, тѣллурическихъ, экономическихъ и всякихъ другихъ условій, требуется масса опытныхъ учрежденій и долговременное ихъ занятіе, чтобы получились тѣ точныя указанія для полеводства, коими съ полной увѣренностью пользуется земледѣлецъ западной Европы. Землевладѣлецъ центра Россіи не знаетъ, да и не можетъ знать ничего точнаго о вліяніи минеральнаго удобрения на нашъ черноземъ, о той пашнѣ, которая наилучшимъ образомъ охраняетъ въ немъ необходимую влажность; о дѣйствительно успѣшной борьбѣ съ разными вредителями нашихъ полей, уничтожающихъ въ нѣсколько дней посѣвы; о причинахъ прекращенія урожайности гречихи¹⁾ и способахъ борьбы съ

¹⁾ Въ нѣмнѣи кн. Долгоруковой, Земетчино, моршанскаго уѣзда, тамбовской губерніи, уже нѣсколько лѣтъ производится научные опыты съ посѣвомъ гречихи; но

ними и т. д.,—всего не перечесть. На нашемъ западѣ сами собою выработались вполне удовлетворительные хозяйственные приемы, и путь ихъ улучшенія вполне ясенъ; не то съ черноземомъ нашихъ хлѣбородныхъ губерній. Урожайность его, повидимому, ослабла, и требуется болѣе тщательная его обработка,—но какая?—неизвѣстно. Въ специальныхъ газетахъ то-и-дѣло оглашаются совѣты хозяевъ-практиковъ, получившихъ удовлетворительные результаты отъ произведеннаго ими опыта; но развѣ такіа оглашенія могутъ замѣнить результаты дѣятельности опытныхъ учреждений, надлежащимъ образомъ оборудованныхъ для научной постановки опытовъ? Смыслъ можно сказать, что для вѣрнаго техническаго улучшенія полеводства въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ почва совершенно неподготовлена—съ научной стороны; что же касается до теоретической подготовки молодыхъ хозяевъ,—то, право, вполне достаточно „Розенбергъ-Липинскій“, въ переводѣ П. А. Костычева, изданный тридцать лѣтъ тому назадъ.

И у насъ таможенные пошлины вліяютъ на сельское хозяйство и на землевладѣніе, но совершенно иначе, чѣмъ въ западной Европѣ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ, для поддержанія высокой доходности быстро насажденной отечественной промышленности, столь же высоко обложено пошлинами все нужное для жизни сельскаго населенія. Желѣзо, весьма необходимое для дѣятельности земледѣльца, представляетъ собою у насъ матеріалъ, мало доступный или почти недоступный для землевладѣнія. Не однѣ желѣзныя оси—рѣдкость во всѣхъ рабочихъ тѣлѣгахъ деревенскихъ, а многое столько же и еще болѣе необходимое.

Въ послѣднее десятилѣтіе нашъ государственный бюджетъ, несмотря на свой постоянный значительный ростъ, также постоянно, ежегодно давалъ блестящіе результаты, т.-е. значительное превышеніе прихода надъ расходомъ. Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ сельское населеніе составляетъ девять-десятыхъ всего населенія, вполне естественно тяжесть государственнаго бюджета падаетъ преимущественно на него. Эта тяжесть уже давно обратила на себя вниманіе печати, и неоднократно встрѣчались въ ней очень дѣльныя статьи о преимуществѣ прямого обложенія надъ косвеннымъ, и предлагалось, вслѣдствіе того, введеніе у насъ подоходнаго налога, какъ наиболѣе справедливаго. Несомнѣнно, теоретическіе взгляды всюду имѣютъ вліяніе при обложеніи населенія, но еще болѣе вліяетъ возможность успѣшнаго обложенія. Въ бѣдныхъ странахъ прямые налоги не могутъ быть ни значительны, ни вѣрны; поступленіе же косвенныхъ вполне обезпечено, если ими обложены предметы наиболѣе производительные въ фискаль-

до сихъ поръ вопросъ, почему, какъ говорятъ крестьяне, она „отбилась отъ рукъ“, еще не выясненъ.

номъ отношеніи. Дѣйствительно, косвенное обложеніе, нечувствительное или мало чувствительное для состоятельныхъ классовъ, обременительно для бѣднѣйшихъ, — но государственныя нужды должны быть удовлетворены. Французское выраженіе: „heureux le pays qui n'a pas d'histoire“ — счастлива страна, не имѣющая исторіи, — не примѣнимо къ Россіи, имѣющей свое историческое призваніе, отъ котораго она не можетъ отказаться, еслибы даже и пожелала. Нашъ государственный бюджетъ основанъ почти исключительно на косвенныхъ налогахъ; прямыя же, коими обложено сельское населеніе, ни чрезмѣрными, ни обременительными никоимъ образомъ не могутъ быть названы, — однако, только по нимъ числится весьма крупная недоимка. Говорить по существу о нашемъ государственномъ бюджетѣ въ настоящей статьѣ неумѣстно. Какъ ни важенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но, говоря о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, нуждахъ, признанныхъ правительствомъ, достаточно выяснить вліяніе этого факта на жизнь и дѣятельность сельскаго населенія. Нельзя, однако, не замѣтить, что ежегодно остающаяся отъ блестящаго выполненія государственной росписи такъ-называемая свободная наличность государственнаго казначейства даетъ въ руки правительства, если оно признаетъ нужнымъ, могучее средство — или помочь сельскому населенію, или облегчить лежащія на немъ тяготы. До сихъ поръ эта наличность употреблялась преимущественно на постройку желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно, такіе улучшенныя пути сообщенія необходимы именно въ экономическомъ отношеніи. Они не только оживляютъ существующую экономическую жизнь, — они, если такъ можно выразиться, создаютъ ее. Тѣмъ не менѣе, желѣзныя дороги, представляя собою капитальный, производительный расходъ, призваны служить не одному только настоящему поколѣнію, а гораздо болѣе и гораздо выгоднѣе — грядущимъ, и потому всюду онѣ строились и строятся на капиталы, тѣмъ или инымъ путемъ получаемые, отъ займовъ, безъ отягощенія текущихъ средствъ государства.

Долголѣтнее обложеніе сельскаго населенія для высокой доходности отечественной промышленности и государственнаго казначейства не могло имѣть другого послѣдствія, кромѣ полученнаго, т. е. задолженность и обдѣлѣніе сего населенія. Оба явленія вполне естественно въ разныхъ мѣстахъ вылились въ различныя формы, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, — но при малѣйшемъ недородѣ получалось грустное единство. Благодатный югъ, тучное Поволжье, болѣе культурный центръ — при недородѣ одинаково голодали и одинаково нуждались въ крупной помощи. Всюду крестьянство, благодаря своей феноменальной выносливости, только справлялось съ тяжелыми нормальными условіями своей жизни, но, разумѣется, было

лишено возможности дѣлать сбереженія, въ чемъ заключается единственно прочное обезпеченіе продовольственныхъ нуждъ сельскаго населенія. Такая невозможность сбереженій имѣла весьма нежелательное, но вполне естественное нравственное послѣдствіе. Человѣкъ, живущій впроголодь, не думаетъ, да и не можетъ думать о завтрашнемъ днѣ, разъ всѣ его заботы сосредоточены на удовлетвореніи настоящаго дня. Земство было только посредникомъ между голодающими и правительствомъ, оказывающимъ помощь. Земство не имѣетъ средствъ для устѣпной борьбы съ голодовками; устранить же общія причины этихъ явленій—это выходитъ изъ предѣловъ предоставленныхъ ему по закону правъ и обязанностей. Нынѣ земство устранено отъ прежняго своего посредничества по удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ сельскаго населенія; администрація взяла на себя заботу объ этомъ продовольствіи и отвѣтственность въ его обезпеченіи. Новаго только—порученіе земству составить планы общественныхъ работъ, въ случаѣ неурожая; но главное—все тѣ же мѣстные запасы, наблюденіе за которыми организовано нынѣ путемъ обычныхъ административныхъ формальностей. Нельзя не признать полезность и практичность принятыхъ мѣръ для борьбы съ официальными голодовками; но врядъ ли ими онѣ сколько-нибудь предупреждаются.

Многіе думаютъ, что крестьянство обдѣлѣло потому, что, съ теченіемъ времени, то количество земли, которымъ оно владѣло, стало недостаточнымъ для его прокормленія, вслѣдствіе естественнаго роста народонаселенія. Повидимому, правительство уже давно пришло къ этому убѣжденію и основало специальный крестьянскій банкъ для содѣйствія крестьянству въ покупкѣ нужной ему земли. Банкъ дѣйствуетъ уже давно. Дѣятельность его расширялась постепенно, что вполне естественно. Выдача ссудъ въ размѣрѣ девятаго процента отъ цѣны покупаемой земли не могла не возбудить желанія приобрести ее со стороны земледѣльцевъ, лично обрабатывающихъ землю и всюду имѣющихъ къ ней какую-то инстинктивную, прирожденную любовь. Усиленный спросъ на землю, разумѣется, поднялъ ея цѣну и привлекъ къ сдѣлкамъ съ нею спекуляцію, всегда нарождающуюся при оживленной куплѣ и продажѣ какаго бы то ни было предмета. Вслѣдствіе повышения цѣны на землю, крестьянскій банкъ,—какъ всякое кредитное учрежденіе, выдающее ссуды, средства на которыя оно получаетъ посредствомъ выпуска извѣстной формы обязательствъ, по которымъ оно уплачиваетъ опредѣленные проценты и погашеніе,—сталъ осторожнѣе въ своей дѣятельности. Эта вынужденная осторожность заключается въ возможно наибольшемъ обезпеченіи вѣрности уплаты покупателями срочныхъ платежей. При все увеличивающейся цѣнѣ земли не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что крестьянскій банкъ

будетъ все болѣе выдавать ссуды товариществамъ, а не сельскимъ обществамъ. Сельское общество—это существующая юридическая группа, въ которую входятъ и богатые, и бѣдные; по взаимному же соглашенію состоявшееся товарищество, навѣрное, не имѣетъ бѣдняковъ въ своей средѣ и дѣйствительно является гораздо болѣе кредитоспособнымъ, чѣмъ сельское общество.

Количество безлошадныхъ во всей Россіи, по даннымъ, встрѣчающимся въ печати, все болѣе увеличивается. Съ окончательно обѣднѣвшаго безлошаднаго крестьянина общество, навѣрное, сняло за недоимки надѣлъ и сдало его другому. Большею частью, такіе надѣлы сдаются за уплату текущихъ платежей, лежащихъ на землѣ, и нѣкоторой части недоимки. Несомнѣнно, снявшій надѣлъ имѣетъ кое-какую выгоду отъ такого найма, сверхъ уплачиваемаго за него обществу. Большею частью, эта выгода незначительна и во всякомъ случаѣ прокормить собою нанимателя не можетъ. Предположимъ, что безлошадный добылъ себѣ лошадь и обратился къ обществу съ просьбою о возвратѣ ему его надѣла. Ни одно сельское общество никогда не откажетъ въ такой просьбѣ единственно потому, что всегда надѣется взыскать въ счетъ недоимки гораздо болѣе съ владѣльца надѣла, чѣмъ съ наемщика его, разъ владѣлецъ возвратилъ себѣ свою работоспособность. Передъ вступившимъ снова во владѣніе своимъ надѣломъ открываются два пути: или уплатить все то, что, въ настоящемъ и прошломъ, лежитъ на его надѣлѣ, и голодать, или быть сыту и сдѣлаться еще болѣе недоимщикомъ, за что, разумѣется, онъ будетъ лишень этого надѣла. На этихъ двухъ прямолинейныхъ путяхъ существуютъ обходы: благодаря постороннему заработку, можно замѣнить голодъ жизнью впроголодь и кое-что внести изъ взыскиваемыхъ платежей. Такой обходъ, изнуря человѣка, только увеличиваетъ его задолженность. Не количество земли—причина всеобщаго обѣднѣнія русскаго сельскаго населенія, а чисто экономическія условія пользованія этой землей. Приведенные нами примѣры, разумѣется, не исчерпываютъ всѣхъ оттѣнковъ и сторонъ этого пользованія, но въ общемъ даютъ о немъ вѣрное понятіе.

Всемирный опытъ указалъ и доказалъ, что успѣшность борьбы со всякой эпидеміей зависитъ не только отъ леченія заболѣвшихъ ею, но отъ гигиеническихъ мѣръ, ограждающихъ отъ заболѣванія. Точно также и въ борьбѣ съ эпидеміей обѣднѣнія русскаго сельскаго населенія успѣхъ всего болѣе обезпеченъ отъ возвращенія экономическаго здоровья этому населенію. Дѣйствительность указываетъ, что здоровье это прежде всего нуждается въ облегченіи экономическаго двойственнаго гнета, препятствующаго русскому сельскому населенію про-

являть свою дѣятельность, несмотря на феноменальную его выносливость.

Послѣ записки князя А. Г. Щербатова: „Упорядоченіе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія“, представленной имъ въ Особое Совѣщаніе, врядь ли надлежитъ защищать общину, въ полномъ уничтоженіи которой многіе видятъ необходимое условіе улучшенія селско-хозяйственной крестьянской техники. Дѣло выяснено обстоятельно и подробно. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что очень часто урожай надѣльных земель выше, чѣмъ на частновладѣльческихъ. Это безусловно вѣрно. Съ своей стороны прибавлю, что коровы-ведѣрницы чаще встрѣчаются въ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крупныхъ частновладѣльческихъ. Это совершенно естественно и понятно. Единичный любовный уходъ гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ артельное кормленіе скотины, въ которомъ, при своего рода борьбѣ за существованіе, много корма, даже цѣннаго, пропадаетъ даромъ подъ ногами и идетъ въ навозъ; держать же всю скотину на привязи—слишкомъ дорого. Какъ старый, постоянный деревенскій житель, находящійся въ весьма частомъ общеніи съ крестьянствомъ и по службѣ, и по своимъ дѣламъ, я положительно представить себѣ не могу, какъ могла бы русская деревня существовать безъ общиннаго самоуправленія. Надобность удовлетворенія дѣйствительныхъ, всякаго рода общихъ хозяйственныхъ потребностей, вытекающихъ изъ сожительства въ данной группировкѣ, вызвала издревле къ жизни сельское самоуправленіе и охраняла его до сихъ поръ. Если въ послѣднее время выборныя деревенскія власти получили рѣзкую полицейски-административную окраску, затемняющую ихъ прежнюю чисто хозяйственную дѣятельность, такъ всего болѣе вслѣдствіе все возрастающей трудности взиманія податей. Эта трудность, происходящая отъ настоящихъ экономическихъ условій деревни, сдѣлала изъ выборныхъ крестьянства государственныхъ чиновниковъ, исполняющихъ вполнѣ непосильную имъ работу. Поясню это только однимъ примѣромъ.

На административномъ засѣданіи мокшанскаго сѣзда земскихъ начальниковъ, 29 октября 1902 года, податной инспекторъ просилъ сѣздъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи въ канцеляріяхъ волостныхъ правленій мокшанскаго уѣзда должности чиновника для завѣдыванія податнымъ счетоводствомъ, согласно новымъ правиламъ, утвержденнымъ пензенскимъ губернскимъ присутствіемъ на основаніи инструкции министра финансовъ, 4 декабря 1899 г., такъ какъ сельскіе, болѣею частью малограмотные писаря не въ состояніи должнымъ образомъ вести лицевые счета плательщиковъ-домохозяевъ, требуемые этими правилами, и потому надлежитъ сосредоточить это дѣло

въ волостныхъ правленіяхъ. По подробномъ обсужденіи такого предложенія, съѣздъ единогласно постановилъ ходатайствовать передъ губернскимъ присутствіемъ о принятіи на счетъ государственнаго казначейства расхода по веденію податного счетоводства окладныхъ сборовъ съ крестьянъ мокшанскаго уѣзда. Государственное казначейство не очень-то благосклонно относится къ такого рода ходатайствамъ, и настоящее, вѣроятно, будетъ отклонено, хотя оно вызывается дѣйствительной необходимостью: съѣздъ не могъ иначе поступить, какъ представить его. Избѣгая по возможности всякихъ подробностей, достаточно сказать, что по новымъ правиламъ на обязанности волостного правленія лежитъ веденіе окладной книги сборовъ и представленіе податному инспектору ежемѣсячныхъ вѣдомостей по всѣмъ селеніямъ волости о недоимкахъ, окладахъ и поступленияхъ за истекшій мѣсяцъ, а также краткихъ свѣдѣній по каждому селенію объ оставшемся недоборѣ по истеченіи каждаго частнаго срока. Такія же вѣдомости и свѣдѣнія волостное правленіе обязано представить и земскому начальнику. Лицевые счета каждаго домохозяина, согласно новымъ правиламъ, долженъ вести сборщикъ податей или староста, съ помощью сельскаго писаря. Дѣйствительно, при малограмотности этихъ лицъ такая работа имъ непосильна и сосредоточеніе ея въ волостномъ правленіи необходимо. Въ общемъ, новыя правила составлены толково, и примѣненіе ихъ въ любой чиновничьей средѣ не встрѣтило бы ни малѣйшаго затрудненія. Да и волостной писарь съ ними, несомнѣнно, справится, но онъ заваленъ работой. Что волостныя правленія изнемогаютъ подъ тяжестью письменной дѣятельности — это всѣмъ извѣстно; но она именно въ послѣднее время значительно усилилась и безъ новаго податного счетоводства. Сошлюсь только на срочныя также вѣдомости о состояніи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и требуемыя формальности для полученія изъ нихъ запасеннаго зерна, съ тѣхъ поръ какъ администрація взяла въ свои руки заботу о продовольствіи сельскаго населенія. Письменная работа по продовольствію значительно усилилась и осложнилась, и если къ этому усиленію прибавить еще такое же по взиманію податей, то предъявляемыя къ волостнымъ правленіямъ требованія окажутся для нихъ рѣшительно непосильными при существующемъ ихъ положеніи. При настоящей бдительности сельскихъ властей за всякой копѣйкой, получаемой подвѣдомственными имъ крестьянами, веденіе лицевыхъ счетовъ требуетъ ежедневной мелкой усидчивой работы; а въ средней волости — не меньше, пожалуй, пятисотъ домохозяевъ. Улучшеніе техники по взиманію податей и по обезпеченію продовольствія крестьянства вызвано его объединеніемъ, и, полагаю, нисколько не будетъ натяжкой сказать, что

усиленная работа волостныхъ правленій является чисто экономическимъ явленіемъ.

При введеніи института земскихъ начальниковъ можно было опасаться, что ихъ дѣятельность коснется внутренняго быта сельской общины и до нѣкоторой степени измѣнить его. Дѣйствительность не оправдала такихъ опасеній. Можетъ быть, именно вслѣдствіе все возрастающей трудности деревенской жизни, земскіе начальники, какъ мѣстные представители центральной власти, предъявляли къ сельской общинѣ требованія, которыя касались, такъ сказать, внѣшней ея дѣятельности. Складъ внутренней жизни общины не только остался нетронутымъ, но, скорѣе, окрѣпъ, и это вполне естественно. Въ трудное время, какъ для администраціи, такъ и для администрируемыхъ большое облегченіе жизни и дѣятельности—группировка отдѣльных личностей, обладающая окрѣпшей отъ времени устойчивостью.

Нельзя не отнестись иначе какъ съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ къ постановленіямъ многихъ комитетовъ объ облегченіи опеки надъ крестьянствомъ и объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Только съ формальной стороны связь обоихъ ходатайствъ съ нуждами сельскохозяйственной промышленности трудно установить, но, съ другой стороны, для всякой промышленности и для всякой дѣятельности огражденіе личности отъ произвола и униженія имѣетъ серьезное значеніе. Притомъ, фактически тѣлесное наказаніе не примѣняется въ Европейской Россіи,—лучшіе изъ земскихъ начальниковъ не прибѣгаютъ къ 61-й ст. Полож. о земск. нач., и надо замѣтить, что участки ихъ при ревизіи всегда оказываются образцовыми. Уничтоженіе унижительнаго наказанія за маловажные проступки, которое низшій судъ можетъ назначить, но не назначаетъ,—и произвола, къ которому не прибѣгаютъ могущіе имъ пользоваться, испрашивается, такъ сказать, само собою. Въ деревнѣ все рѣже слышишь сужденія о необходимости, чтобы народъ боялся начальства. Въ деревнѣ все болѣе и глубже проникаетъ убѣжденіе, что трепеть передъ начальствомъ—не обезпечиваетъ правильнаго теченія народной жизни. Дѣйствительно, воръ, забравшійся въ амбаръ, сундукъ или карманъ, боится наказанія, хотя бы тѣлеснаго, которое онъ получить въ случаѣ поимки, но эта боязнь не останавливаетъ его въ совершеніи задуманнаго имъ, а только изощряетъ его умъ для сокрытія совершеннаго. Если общая боязнь передъ непосредственно вліяющей на населеніе властью не останавливаетъ дѣятельности задумавшихъ какое-либо правонарушеніе,—тѣмъ болѣе излишне внушеніе боязни относительно лицъ, ведущихъ правильную и безупречную жизнь. Теорія устрашенія все болѣе теряетъ свой авторитетъ, и административные, даже полицейскіе приемы все болѣе облагораживаются. Это безусловно замѣтно, и при такомъ те-

ченіи нельзя не надѣяться, что отмѣна тѣлеснаго наказанія и отмѣна или измѣненіе 61-й ст. Полож. о земск. нач.—вопросъ только времени.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ высказывалось, что для поощренія личной самодѣтельности и предпріимчивости въ крестьянствѣ необходимо облегчить выходъ крестьянина изъ общества, къ которому онъ приписанъ. На практикѣ, по закону, такой выходъ ничѣмъ не стѣсненъ, и если бываютъ затрудненія, то чисто экономическаго характера. Согласно 130 ст. Пол. о сельск. сост., т. IX Св. Зак. изд. 1876 г., увольняемый изъ общества съ семьей долженъ уплатить всѣ недоимки, лежащія на семействѣ, и подати текущаго года до 1 января слѣдующаго; уходящій же безъ семьи и оставляющій ее въ обществѣ долженъ еще обезпечить стариковъ и малолѣтокъ этой семьи. Вотъ главные основанія увольненія каждаго крестьянина изъ общества, и рѣшительно трудно требовать ихъ уничтоженія. Никакого нѣтъ основанія принуждать общество взять на себя уплату долговъ одного изъ его общественниковъ. Хотя общество скорѣе заинтересовано въ уменьшеніи своего личнаго состава, такъ какъ въ его распоряженіе поступаетъ надѣлъ уходящаго, но при увольненіи могутъ возникать недоразумѣнія, которыя нынѣ разбираются въ административномъ порядкѣ. Мнѣ кажется, что правильность рѣшенія такого рода дѣлъ будетъ гораздо болѣе обезпечена, если они будутъ подлежать вѣдѣнію волостныхъ судовъ. При обжалованіи заинтересованными сторонами рѣшеній этихъ судовъ, дѣла будутъ поступать въ сѣздъ земскихъ начальниковъ, гдѣ разбираются, при обязательномъ участіи товарища прокурора, какъ всѣ гражданскія дѣла обществъ между собою, такъ и обществъ съ частными лицами. Публичный судебный разборъ съ выслушаніемъ сторонъ, свидѣтелей и повѣркой документовъ несомнѣнно предпочтительнѣе административному, имѣющему чисто бумажный характеръ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетахъ было высказано, что волостные суды должны быть замѣнены коронными. Въ запискѣ, представленной однимъ крестьяниномъ въ суджанскій комитетъ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 207), въ подтвержденіе необходимости упраздненія волостныхъ судовъ указано, что сѣзды, въ продолженіе отъ шести до восьми часовъ занятій, разбираютъ *отъ ста до двухсотъ дѣлъ судебныхъ и отъ двадцати до сорока—административныхъ*. Съ одной стороны, авторъ правъ, выставляя дѣятельность второй апелляціонной инстанціи въ подтвержденіе непригодности суда первой. Дѣйствительно, качество дѣятельности волостнаго суда зависитъ не отъ просмотра его рѣшеній земскимъ начальникомъ, а гораздо болѣе—отъ апелляціонной инстанціи, имѣющей право и обязанность разобрать поступившее дѣло

по существу и отмѣнить или утвердить рѣшеніе волостного суда, или, также, измѣнить его. При надлежащемъ исполненіи сѣздомъ своихъ обязанностей—злоупотребленій въ волостномъ судѣ не можетъ быть. Ни одна изъ сторонъ не станетъ задабривать ни судей, ни волостного писаря, зная, что рѣшеніе можетъ быть обжаловано, и тогда снова будетъ разобрано на сѣздѣ съ вызовомъ сторонъ, свидѣтелей, пожалуй при осмотрѣ мѣстности или плана и пр. Такой разборъ дѣлъ на сѣздѣ, на который указываетъ суджанская записка, физически даже невозможенъ при самомъ безцеремонномъ обращеніи съ обязательными судебными обрядностями. Злоупотребленія всюду возможны, но судебныя засѣданія сѣзда до нѣкоторой степени отъ нихъ обезпечены. Уѣздный предводитель имѣетъ право предсѣдательствовать въ судебномъ засѣданіи сѣзда земскихъ начальниковъ, но это для него не обязательно, и, въ случаѣ злоупотребленій въ этомъ учрежденіи, онъ можетъ быть отвѣтственъ только съ нравственной стороны за допущеніе явленій, которыя онъ могъ бы устранить. Участіе уѣзднаго члена окружного суда въ сѣздѣ и, за отсутствіемъ предводителя, предсѣдательство въ немъ настолько обязательны, что безъ него сѣздъ не можетъ дѣйствовать. Всѣ уголовныя дѣла и гражданскія, касающіяся обществъ и малолѣтнихъ, не могутъ разбираться иначе, какъ съ участіемъ товарища прокурора. Оба лица—коронныя, или они принадлежатъ къ коронному судопроизводству, и весьма сомнительно, чтобы такой вопіющій отказъ въ правосудіи (*déni de justice*), на который указываетъ помянутая записка, могъ ускользнуть отъ вниманія судебного вѣдомства, и чтобы не были приняты мѣры къ его прекращенію. Это, такъ сказать, общее замѣчаніе, но и при обжалованіи рѣшеній такого сѣзда, какъ указанный запиской, губернскому присутствію отмѣна его рѣшеній вполнѣ обязательна за явное несоблюденіе установленныхъ формъ судопроизводства.

Какъ бывшій предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей, всегда горевашій и доселѣ горящій объ упраздненіи мировыхъ учреждений, въ началѣ моего предсѣдательства въ судебномъ засѣданіи сѣзда земскихъ начальниковъ, сознаюсь, я относился недовѣрчиво къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, доходившимъ до сѣзда. Разбирая ихъ съ предвзятой мыслью о ихъ невѣрности, я долженъ былъ убѣждаться очень часто въ ихъ безусловной правильности по существу. Волостной судъ положительно незамѣнимъ въ мелочныхъ расчетахъ при дѣлѣ движимаго имущества, при полевыхъ и семейныхъ недоразумѣніяхъ. Одинадцатилѣтняя практика меня еще убѣдила, что юридическія формы и приемы легко прививаются волостному суду при сколько-нибудь подробномъ и ясномъ изложеніи основаній рѣшеній суда второй инстанціи. Будетъ очень жаль, если волостные суды, имѣющіе логиче-

скую связь съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, будутъ упразднены. Врядъ ли тогда можно будетъ успѣшно ихъ замѣнить.

Очень часто въ постановленіяхъ уѣздныхъ комитетовъ встрѣчается указаніе, что деревня бѣдна и бѣднѣетъ вслѣдствіе ея духовной темноты, а потому для борьбы съ этимъ обѣднѣніемъ слѣдуетъ ввести обязательное первоначальное образованіе. Въ высшей степени симпатично стремленіе уѣздныхъ комитетовъ воспользоваться возможностью, чтобы высказать всѣ свои заботы о благосостояніи сельскаго населенія; тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, выставлать первоначальное образованіе, грамотность, какъ средство леченія отъ обѣднѣнія деревни, — пожалуй, можетъ послужить во вредъ и грамотѣ, и деревнѣ. Несмотря на неоднократно доказанное и всѣми признанное общее оскудѣніе русскаго сельскаго населенія, въ коренной, наиболѣе страдающей Россіи существуютъ селенія, которыя, вслѣдствіе благоприятныхъ экономическихъ условій, благоденствуютъ и богатѣютъ. Что-жъ, въ такихъ селеніяхъ грамотность уже не нужна? Наконецъ, у грамотныхъ и даже получившихъ высшее образованіе сельское хозяйство всегда ли выгодно? Нельзя придавать первоначальному образованію узко-утилитарное значеніе. Общая грамотность необходима на основаніи закона высшей справедливости. Она представляетъ собою единое, неизбежное основаніе всякаго дальнѣйшаго развитія, которое, напротивъ, въ высшей степени разнообразно, согласно разнообразнымъ условіямъ положенія и способностей всякаго человѣка. Это дальнѣйшее развитіе врядъ-ли когда-либо государство или общество вполне обезпечать, какъ бы ни старались они сдѣлать его для всѣхъ одинаково доступнымъ. Всякій подданный всякаго государства тѣмъ или другимъ путемъ доставляетъ средства для расходовъ этого государства, и потому имѣетъ нѣкоторое право на полученіе его дѣльми одинаково для всѣхъ необходимаго основанія всякаго дальнѣйшаго развитія, т.-е. грамотности. Кстати, въ восемнадцатомъ призывѣ по мокшанскому уѣзду, въ коемъ я участвовалъ, въ 1902 г. было принято новобранцевъ въ войска 323 чело-вѣка; изъ нихъ грамотныхъ оказалось 147. Цифра весьма незначи-тельная, а меня она утѣшила. Прежде грамотныхъ было еще меньше. Грустное утѣшеніе!

Согласно одному изъ пунктовъ программы Особаго Совѣщанія, заклю-ченію мѣстныхъ комитетовъ подлежатъ: „желѣзно-дорожные тарифы на перевозку сельско-хозяйственныхъ произведеній“. Тарифныя ставки на перевозку зерна у насъ выше, чѣмъ у главнаго нашего конкурента по хлѣбной торговлѣ—Сѣверной Америкѣ,—и, разумѣется, мы находимся въ

худшемъ, чѣмъ онъ, положеніи на европейскихъ рынкахъ. Въ общемъ, вполне понятно, что производителю зерна тѣмъ болѣе остается изъ цѣны проданнаго имъ зерна, чѣмъ дешевле доставка этого зерна до пункта назначенія. Несомнѣнно, всѣ мѣстные комитеты не могутъ иначе поступить, какъ при обсужденіи этого пункта—ходатайствовать о пониженіи желѣзно-дорожнаго тарифа на перевозку зерна и другихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, этотъ тарифъ относительно зерна имѣетъ весьма второстепенное значеніе, вслѣдствіе хлѣбныхъ залежей, издавна ежегодно образующихся на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ. Несомнѣнно, владѣлецъ зерна, испытывающаго на такой-то станціи всѣ прелести нашей суровой и капризной осени и еще болѣе суровой и также часто капризной зимы, съ удовольствіемъ заплатитъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по существующему тарифу, лишь бы увезли и довели къ мѣсту назначенія его грузъ. Постоянныя жалобы, вызываемыя такими залежами, не помогали и не помогаютъ дѣлу. Очевидно, желѣзныя дороги не могутъ исполнять своего назначенія, т. е. своевременно возить сдаваемый имъ грузъ, и при такомъ ихъ положеніи, разумѣется, размѣръ платы за перевозку зерна могъ бы быть двоякій: при обезпеченной перевозкѣ и при необезпеченной; о коренномъ же пониженіи сей платы врядъ-ли можетъ быть и рѣчь. Гораздо болѣе пользы принесетъ сельско-хозяйственной промышленности такое улучшеніе провозоспособности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, при которыхъ хлѣбныхъ залежей на нихъ болѣе не будетъ.

Много было писано объ убыткахъ хлѣбной торговли, а слѣдовательно и объ убыткахъ производителя предмета этой торговли отъ хлѣбныхъ залежей, но объ одной изъ формъ мѣ не доводилось читать. Постараюсь вкратцѣ выяснить эту форму. Вывозъ зерна за границу черезъ наши порты обыкновенно дѣлается крупными партіями; во внутренніе же рынки, какъ столицы, промышленные города,—большею частью мелкими партіями въ опредѣленные сроки. При залежахъ этихъ партій, прибывающее на желѣзно-дорожную станцію и принадлежащее одному и тому же владѣльцу зерно складывается въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ охрана его—отъ владѣльца. Когда наступаетъ ликвидація залежей, предусмотрѣть которую невозможно,—все зерно, принадлежащее одному владѣльцу, разомъ отправляется по назначенію. Извѣщенный о томъ владѣлецъ уже рассчитался за неисполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ, и долженъ нынѣ хлопотать о продажѣ крупной партіи своего зерна на рынокъ, имъ для сего неподготовленномъ. Онъ долженъ выбирать одинъ изъ двухъ способовъ продажи: или нанять амбаръ, поставить вѣрнаго человѣка и продавать свою партію исподоволь, или разомъ ее продать на биржѣ черезъ маклера. Послѣдняя операція представляетъ собою вѣрный убытокъ, вслѣд-

ствіе той же затыжки дѣла. Первая операція хотя и сулитъ нѣкоторый барышъ, но отдаленный и невѣрный, соединенный, при томъ, съ значительными накладными расходами. Большею частью, партіи хлѣба, освободившіяся отъ залежей, продаются на биржахъ разныхъ крупныхъ рынковъ и, разумѣется, роняютъ его цѣну. Что люди, попавшіе съ своимъ грузомъ въ залежи, терпятъ значительные убытки безъ пользы для кого-либо, это какъ будто личное ихъ дѣло. Однако, отъ этихъ личныхъ потерь искусственно понижаются общія цѣны зерна не на однихъ только мѣстахъ, гдѣ окончательно ликвидируются послѣдствія залежей; вотъ что важно для производителей зерна. Цѣны—нѣдъ это своего рода жидкость, которая, повинувшись общимъ законамъ природы, стремится принять одинаковый уровень по всей поверхности, по которой она разливается, при постепенномъ пониженіи этого уровня, пропорціонально пройденному по теченію пути.

Говоря о невыгодной для сельскаго хозяйства сторонѣ желѣзнодорожнаго у насъ грузового движенія, справедливость требуетъ выяснитъ и хорошую его сторону. Не въ одномъ только размѣрѣ желѣзнодорожнаго тарифа на зерно лежитъ основаніе выгодной его цѣны для его производства. Встрѣчаются неоднократныя ходатайства передъ правительствомъ многихъ представителей сельскаго хозяйства о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифныхъ ставокъ на перевозку зерна, въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность. Къ счастью, ходатайства эти не были удовлетворены. Говорю—къ счастью, потому что эти ходатайства только видимо кажутся полезными для производителей зерна. Дѣйствительно, съ перваго взгляда, положительно вѣрно, что сырой матеріалъ и продуктъ изъ него не представляютъ собой равноцѣнный предметъ, и потому не должны перевозиться по одинаковой цѣнѣ. Наконецъ, продуктъ стоитъ дороже того матеріала, изъ котораго онъ выработанъ, и потому можетъ легче выдержать болѣе высокую плату за свою перевозку. Это — безспорно логично, но при такой логичности зерно не удерживается на мѣстахъ его производства для его переработки, и эта переработка дѣлается болѣе выгодной въ самыхъ центрахъ сбыта зерна, т.-е. въ столицахъ, крупныхъ промышленныхъ городахъ и портахъ. Высшее тарифное учрежденіе отклонило вышеупомянутыя ходатайства, и, создавъ значительные мѣстные рынки зерна, тѣмъ самымъ повысило его цѣну на мѣстахъ его производства. Мукомольное и солодовенное производства издавна существовали въ Пензѣ, но, благодаря желѣзнодорожному тарифу, задерживающему зерно на мѣстахъ, они оба увеличились и качественно, и количественно въ самомъ городѣ и стали, особенно мукомольное, появляться все дальше отъ желѣзнодорожныхъ станцій. Приближеніе покупателя къ зерну

создавало выгодныя условія какъ для сбыта его, такъ и для его переработки. Сошлюсь на одинъ только примѣръ. Въ пяти верстахъ отъ села, гдѣ живу, находится небольшая мельница на рѣкѣ Мокшѣ,—здѣсь она рѣчонка. Эту мельницу купилъ одинъ предприимчивый купецъ, установилъ на ней турбинъ, вальцовые станки и сталъ заниматься производствомъ муки тонкаго размола. Для него было выгодно платить за зерно ту же цѣну, которая существовала съ доставкой на ближайшую станцію желѣзной дороги, отстоящей на 23 версты; а для производителя было еще выгоднѣе продавать ему, выгадывая на каждомъ пудѣ около трехъ копѣекъ—стоимость доставки. Не въ одной Пензѣ установилась переработка зерна, и уже около пяти лѣтъ, какъ мѣстная цѣна ржи превышала ту, которую купецъ-экспортеръ могъ бы дать за нее. По мѣрѣ увеличенія мѣстнаго спроса на зерно, превышеніе его цѣны на экспортъ также увеличивалось. Я уже говорилъ, что доставка зерна отъ Пензы до Либавы стѣитъ 30 копѣекъ. Въ прошлую осень, до ноября включительно, цѣна ржи въ Либавѣ колебалась между 74 и 76 коп. пудъ. Для экспорта въ Пензѣ (вычтя изъ этой цѣны 30 коп.) нельзя было за рожь заплатить даже 44—46 коп.; между тѣмъ, цѣна ея во всю осень не была дешевле 54 коп. пудъ, а во время осенняго бездорожья—доходила до 63 копѣекъ пудъ. Существовавшая и существующая въ Пензѣ значительная разница мѣстной цѣны ржи, сравнительно съ экспортной, въ концѣ 1902 г. рѣшительно замѣчательна, если принять въ соображеніе конкуренцію Ельца, имѣющаго до пяти копѣекъ въ пудѣ выгоды по доставкѣ своей муки передъ пензенской, а также и то, что главные покупатели этой послѣдней, Варшава и Лодзь, благодаря обильному урожаю въ привислянскихъ губерніяхъ, стали меньше требовать эту муку. Такая разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что установившееся производство, чтобы не прекращать дѣла, довольствуется меньшей его выгодностью.

У насъ много говорятъ и пишутъ о необходимости возбудить мѣстную предприимчивость и мѣстную самостоятельность; примѣръ нашей мѣстности указываетъ, что при малѣйшихъ благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ русскій человѣкъ безъ всякаго посторонняго возбужденія и пособія умѣетъ, преслѣдуя свою личную выгоду, приносить и общую пользу. Полагаю, никакой нѣтъ надобности доказывать, какую пользу приноситъ сельскому хозяйству мѣстная переработка мѣстныхъ же произведеній. Имѣю также основаніе полагать, что не въ одной только пензенской губерніи встрѣчается такое умѣнье пользоваться малѣйшей возможностью развитія экономической дѣятельности. Положительно самъ собою, самой дѣйствительностью ставится слѣдующій вопросъ: если русскіе люди, при общихъ неблаго-

приятныхъ экономическихъ условійхъ, умѣють достигать довольно значительныхъ общепользныхъ результатовъ, то что бы они сдѣлали при малѣйшемъ улучшеніи этихъ условій? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, нельзя принципиально отвергать, что экономическое развитіе зависитъ отъ экономическихъ условій положенія лицъ и странъ, призванныхъ къ дѣятельности.

Кн. Дм. Друцкой-Соколинскій.

Мокшанъ, Пена. губ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

Высочайшій манифестъ 26-го февраля. — Различныя взгляды на вѣротерпимость. — Вопросъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія. — „Высшая мѣстная власть“. — Приходъ и мелкая земская единица. — Губернскіе сельско-хозяйственныя комитеты. — Предполагаемый образовательный цензъ для гласныхъ г. Петербурга.

26-го февраля опубликованъ подписанный въ тотъ же день Высочайшій манифестъ, слѣдующаго содержанія:

„Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на прародительскій престолъ, Мы пріяли священный обѣтъ предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои державы российской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному отечеству.

„Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ Нашихъ предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго родителя Нашего.

„Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною державные труды возлюбленнаго родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

„Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

„Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

„Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ имперіи российской, которые, благоговѣнно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по образу оной.

„Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

„Въ соотвѣтствіи съ предлагающими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учреждений, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вышшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

„Предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальному выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довліемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

„Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

„Преобразовать губернское и уѣздное управленія для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной.

„Поставить задачей дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

„Призывая всѣхъ нашихъ вѣроподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью самодержавной власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность cadaго въ прочность его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній нашихъ.

„Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на царственный трудъ нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, исполнить наши помысленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти“.

Пока не осуществлены преобразованія, намѣченныя въ Высочайшемъ манифестѣ, подробности ихъ содержанія могутъ служить только предметомъ догадокъ, неизбѣжно разнорѣчивыхъ. Въ догадкахъ всегда отражаются, въ болѣе или меньшей мѣрѣ, настроенія догадывающихся—а такъ какъ настроенія далеко не одинаковы, то не могутъ не быть различны и порождаемыя ими ожиданія. Такъ напримѣръ, въ словахъ манифеста, касающихся вѣротерпимости, „Московскія Вѣдомости“ видятъ *только* осужденіе стремленій, направленныхъ къ болѣе широкому пониманію свободы совѣсти, и напоминаніе о правахъ и преимуществахъ, присвоенныхъ одной лишь православной церкви. Иначе толкуетъ эти слова даже петербургскій союзникъ московской реакціонной газеты. По мнѣнію „Гражданина“ (№ 20), они возстановляютъ въ полной силѣ принципъ, примѣненіе котораго суживалось—не столько въ центральномъ управленіи, сколько на мѣстахъ—административною практикою. Въ западныхъ губерніяхъ католики до сихъ поръ испытываютъ на себѣ дѣйствіе стѣснительныхъ мѣръ, вызванныхъ давно миновавшими условіями. „Въ городѣ С.“ — читаемъ мы въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго, — „гдѣ все населеніе кругомъ римско-католическое и имѣлась только одна церковь, которая стала за ветхостью угрожать разрушеніемъ, семь лѣтъ ходатайства о возобновленіи церкви оставались безъ удовлетворенія, и тысячи людей лишены были возможности ходить въ церковь; затѣмъ получилось разрѣшеніе, но подъ условіемъ выстроить ее такихъ размѣровъ, чтобы десятая часть прихожанъ могла въ ней помѣщаться“. Въ городѣ N прихожане (католики) просили разрѣшенія въ праздникъ Пасхи устраивать крестный ходъ кругомъ церкви; имъ было отказано, съ объявленіемъ, что если они желаютъ имѣть крестный ходъ, то должны выстроить вокругъ церкви ограду выше человѣческаго роста и за ней дѣлать крестный ходъ; прихожане выстроили ограду, но когда она была готова, новый генералъ-губернаторъ все-таки воспретилъ крестный ходъ, основываясь на распоряженіи, состоявшемся вскорѣ послѣ мятежа... „Въ области религіозныхъ дѣлъ калмыцкаго народа“ — продолжаетъ кн. Мещерскій, — „я тоже познакомился съ несомнѣннымъ нарушеніемъ основного закона о свободѣ вѣроисповѣданій, тѣмъ болѣе неизвинительнымъ, что калмыки никогда не бунтовали. Мѣстное начальство систематически отказываетъ калмыкамъ въ правѣ строить новые храмы“. Къ фактамъ, приведеннымъ въ „Гражданинѣ“, не трудно было бы прибавить немало другихъ. Съ принципомъ вѣротерпимости не всегда согласуется примѣненіе закона 3-го мая 1883-го года, имѣвшаго въ виду даровать раскольникамъ и сектантамъ свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія, но на самомъ дѣлѣ далеко не вполне обезпечивающаго за ними пользованіе этими благами.

Неустранимымъ остается противорѣчіе между закономъ 1883-го г. и положеніемъ комитета министровъ 1894-го года, воспретившимъ молитвенныя собранія штундистовъ. Ничѣмъ не облегчено положеніе тѣхъ, кто, числясь православнымъ, на самомъ дѣлѣ никогда къ православной церкви не принадлежалъ. Съ одной изъ группъ насъ знакомитъ интересная статья г. Цаголова, напечатанная въ № 68 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Между осетинами сѣвернаго Кавказа есть, рядомъ съ православными, и магометане, такъ-называемые ренегаты. Это — потомки осетинъ, окрещенныхъ, лѣтъ 60—80 тому назадъ, въ эпоху особенно усердной миссіонерской дѣятельности священниковъ-грузинъ. Каждый соглашавшійся креститься получалъ 50 коп. деньгами, серебряный крестикъ и кусокъ матеріи на рубаху — и охотниковъ являлось немало, особенно между дѣтьми. Иные крестились по нѣскольку разъ, называя себя именами своихъ родныхъ или сосѣдей. Случалось также, что въ списокъ окрещенныхъ миссіонеръ сознательно вносилъ людей, вовсе не думавшихъ креститься. Всѣ такимъ образомъ окрещенные или показанные окрещенными, а затѣмъ и ихъ дѣти, считались и считаются православными, будучи, въ сущности, магометанами. Если кто-нибудь изъ нихъ вступить въ бракъ, похоронить умершаго не по православному обряду или оставить дѣтей неокрещенными, онъ подвергается разнымъ мытарствамъ, доходящимъ до лишенія свободы. Мужа разлучаютъ съ женою, хотя бы у нихъ уже были дѣти. Распадаются семьи, разоряются хозяйства — и ко всему этому присоединяются душевные муки. „Для простого горца“, говоритъ г. Цаголовъ, „религія—все. Она скрашиваетъ его жизнь, полную труда и лишеній, позволяетъ ему безъ ропота поливать своимъ потомъ безплодныя скалы его родины, голодать и мерзнуть въ темной и дымной саклѣ. И вотъ, силою вторгаются въ его святая святыхъ, заставляютъ идти другой дорогой, отказаться отъ того, что, по его разумѣнію, есть непреложная истина“. Замѣтимъ, что свѣдѣнія о способѣ обращенія осетинъ г. Цаголовъ заимствуетъ изъ работы священника Гатуева: „Христіанство въ Осетіи“, напечатанной въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ и недавно вышедшей отдѣльною книгой... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что осетинскіе „ренегаты“—явленіе далеко не исключительное. Аналогичные факты встрѣчаются въ Поволжьѣ—между татарами, въ Восточной Сибири—между бурятами, въ остзейскомъ краѣ—между эстами и латышами, въ царствѣ польскомъ — между бывшими уніатами. Сколько добра могло бы принести здѣсь даже простое смягченіе административной практики!... Само собою разумѣется, однако, что для прочнаго обезпеченія вѣротерпимости необходимо пересмотрѣть дѣйствующихъ законовъ. Этому вопросу посвящена прекрасная статья Ю. Н. Милютина

(„С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 57), вызванная именно Высочайшимъ манифестомъ 26-го февраля. Автора не смущаетъ предвидимое имъ указаніе на возможность отпаденія отъ православной церкви множества людей, числящихся православными. „Развѣ они“—воскликаетъ онъ, — „развѣ они теперь православные, а не облыжно именуются таковыми? Развѣ, когда войско готовится къ бою и въ рядахъ его есть тайные измѣнники, не лучше дать имъ открыто перебѣжать во вражескій станъ, чѣмъ, насильно удерживая ихъ въ своемъ, обманываться насчетъ своихъ истинныхъ силъ? Развѣ православная церковь не пріобрѣла бы въ качествѣ своихъ сыновъ то, что она потеряла бы въ ихъ видимомъ количествѣ? Нѣтъ, число православныхъ не измѣнилось бы отъ этого, но только узналась бы правда о немъ. Наконецъ, со снятіемъ запрета на самоопредѣленіе въ области вѣры, неизбежно станетъ ослабляться столь распространенный нынѣ индифферентизмъ, церковная жизнь займется съ новой силой. Церковь окрѣпнетъ, засіяетъ новымъ свѣтомъ и вновь будетъ привлекать къ себѣ заблудшихся по недоразумѣнію, не стѣсняемая болѣе „гнилою тягостью латъ земныхъ“ въ своемъ божественномъ призваніи“.

Далеко не одинаково толкуется въ печати и тотъ отдѣлъ Высочайшаго манифеста, который касается реформы мѣстнаго управленія. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, манифестъ 26-го февраля „снова возстановляетъ во всей его силѣ тотъ основной, но пошатнувшійся у насъ принципъ, что мѣстная административная власть должна предъ государемъ строго отвѣчать за все благосостояніе ввѣреннаго ей края,— а эту отвѣтственность она можетъ нести лишь въ томъ случаѣ, если въ край рядомъ съ нею не будетъ другой, парализующей ея дѣйствія земской власти, то-есть если она, говоря словами манифеста, будетъ сильна и закономѣрна и сама, по своему усмотрѣнію, будетъ руководить трудами мѣстныхъ людей“. Въ другой статьѣ („Трудъ мѣстныхъ людей въ областномъ управленіи“, № 68) та же газета идетъ еще дальше, утверждая, что лучшимъ способомъ „удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ трудами мѣстныхъ людей была бы отмѣна всякихъ выборовъ и привлеченіе мѣстныхъ людей какъ въ совѣщательные, такъ и въ исполнительные мѣстные правительственные органы, путемъ назначенія чрезъ высшую областную администрацію“. И по этому вопросу „Гражданинъ“ оказывается не вполне солидарнымъ съ своимъ московскимъ собратомъ. Отвергая „отдѣльность“ земскихъ, городскихъ, дворянскихъ учреждений, кн. Мещерскій („Дневникъ“, № 19) говоритъ, однако, о „свободной самостоятельности мѣстной народной жизни“, „группирующей“ около представителя царской власти, но „непо-

средственно подвластной самодержавному Царю". Однимъ изъ его сотрудниковъ („Маленькія мысли", № 20), усматривая въ манифестѣ „призывъ къ индивидуализаціи, къ проявленію личности", высказываетъ увѣренность, что „усиленіе мѣстной самодѣтельности знаменуетъ смерть бюрократизма". „Новое Время" (№ 9693), исходя изъ той мысли, что мѣстной дѣятельностью можетъ руководить только мѣстная же власть, привѣтствуетъ торжество децентрализаціи и пораженіе канцеляризма. Усиленіе мѣстной власти „Новое Время" понимаетъ не въ смыслѣ увеличенія полномочій, которыми и теперь въ достаточной мѣрѣ обладаетъ губернаторъ, а въ смыслѣ расширенія его компетенціи на счетъ компетенціи центральныхъ учреждений.—Обѣ петербургскія газеты впадаютъ въ одну и ту же ошибку, считая децентрализацію чѣмъ-то безусловно противоположнымъ бюрократизму и канцеляризму. Бюрократизмъ возможенъ и тогда, когда значительная часть дѣлъ рѣшается на мѣстахъ, но рѣшается по усмотрѣнію начальства, безъ соображенія съ желаніями населенія, на основаніи правилъ, выработанныхъ рутинной и поддерживаемыхъ привычкой. Канцеляризмъ возможенъ на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи; ошибочно было бы думать, что его отличительная черта—преобладаніе бумажнаго производства—свойственна однимъ только центральнымъ учреждениямъ. Сама по себѣ взятая, децентрализація гарантируетъ, и то не не всегда, только одно: нѣсколько болѣе скорое движеніе дѣлъ. Все остальное зависитъ отъ того, между кѣмъ распределяются функціи, переносимыя отъ центра на окружность, какъ регулируется ихъ отправленіе, въ какой мѣрѣ новый порядокъ благопріятствуетъ—или не благопріятствуетъ—общественной самодѣтельности. Когда при Наполеонѣ III-мъ часть дѣлъ, прежде доходившихъ до министерствъ, была предоставлена окончательному рѣшенію префектовъ, это несомнѣнно можно было назвать децентрализаціей—но едва ли отъ того хоть сколько-нибудь ослабѣлъ традиціонный французскій бюрократизмъ. Ликованіе „Гражданина" и „Новаго Времени" кажется намъ, поэтому, преждевременнымъ—какъ преждевременна и увѣренность „Московскихъ Вѣдомостей", что мѣстная административная власть будетъ руководить *по своему усмотрѣнію* работой мѣстныхъ людей.

Присмотримся поближе къ мотивамъ смертнаго приговора, который газета г. Грингмута спѣшитъ произнести надъ „всякими выборами" и всякимъ самоуправленіемъ. „Выборная система"—говорятъ намъ—„чаще всего ввѣряетъ общественное дѣло профессиональнымъ дѣльцамъ, т.-е. лицамъ кормящимся около самоуправления". Если считать „профессиональными дѣльцами" всѣхъ предсѣдателей и членовъ земскихъ и городскихъ управъ, то отчего же не причислить къ той же категоріи всѣхъ состоящихъ на коронной службѣ? Вѣдь если одни, по

элегантному выраженію московской газеты, кормятся около самоуправленія, то другіе точно такъ же кормятся около управленія. Характеръ вознагражденія за служебный трудъ не зависитъ отъ источника, изъ котораго оне выплачивается. Профессиональнымъ дѣльцомъ, въ широкомъ значеніи слова, можетъ быть названъ каждый, кто видитъ въ избранной имъ карьерѣ не только постоянное, главное занятіе, но и средство къ жизни—а въ специфическомъ, нелестномъ смыслѣ, это выраженіе примѣнимо только къ нѣкоторымъ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ, на томъ же основаніи, на какомъ оно примѣнимо и къ нѣкоторымъ чиновникамъ. Позволительно ли, затѣмъ, упускать изъ виду, что „выборная система“ призываетъ къ дѣятельности цѣлую массу лицъ, не только не „кормящихся“ около самоуправления, но жертвующихъ ему своимъ трудомъ, своимъ временемъ, ничего лично для себя отъ него не ожидая? Аналогичныхъ явленій сфера управленія представляетъ весьма мало—и это не можетъ быть иначе, потому что она не благопріятствуетъ тѣмъ стимуламъ, которыми вызывается безвозмездная работа земскихъ и городскихъ гласныхъ... При господствѣ выборной системы,—читаемъ мы дальше,—„право на участіе въ управленіи получаютъ не всѣ способные и достойные мѣстные люди, а лишь часть ихъ, такъ какъ, вслѣдствіе избирательной борьбы, другая часть, побѣжденная, не допускается къ общественной дѣятельности“. Въ сферѣ земскаго и городского самоуправления избирательная борьба происходитъ далеко не всегда. Весьма часто люди, заслужившіе общественное довѣріе, избираются и переизбираются въ гласные почти единогласно; неизмѣннымъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, остается нѣрѣдко и составъ управы. Гдѣ есть борьба, тамъ есть, вато, и шансы переменъ: за пораженіемъ легко можетъ слѣдовать побѣда. *Возможность* борьбы противодѣйствуетъ застою, поднимаетъ уровень усилій, посвящаемыхъ общественному дѣлу. „Побѣжденными“—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“—„чаще всего оказываются достойнѣйшіе, такъ какъ не прибѣгаютъ къ такимъ неразборчивымъ средствамъ выборной агитаціи, какъ большинство, обыкновенно сплочиваемое профессиональными дѣльцами“. На самомъ дѣлѣ выборной агитаціи сплосшь и рядомъ не бываетъ вовсе, а если она и возникаетъ, то въ ея распоряженіи, съ тѣхъ поръ какъ ограничена выдача довѣренностей, очень мало средствъ, употребленіе которыхъ оправдывало бы упрекъ въ неразборчивости. Профессиональные дѣльцы, „сплочивающіе“ большинство—это, за самыми рѣдкими исключеніями, не что иное, какъ тенденціозный миеъ. Конечно, избраніе не всегда падаетъ на достойнѣйшихъ; но еслибы „достойнѣйшихъ“ между земскими избранниками было мало, исторія земства была бы менѣе богата блестящими страницами, въ общемъ его активѣ было бы меньше цѣнныхъ приобретѣ-

ній. На чемъ, съ другой стороны, основано предположеніе, что выдвигать „достоинѣйшихъ“ назначеніе будетъ чаще, чѣмъ выборы? Развѣ административныя сферы свободны отъ недостатковъ, иногда замѣчаемыхъ въ сферахъ земскаго и городского самоуправления? Развѣ въ нихъ никогда не происходитъ своего рода борьба — борьба за вліяніе и власть? Развѣ ищущіе служебнаго положенія никогда не прибегаютъ къ мало похвальнымъ средствамъ, чтобы одержать верхъ надъ соперникомъ или соперниками?... Абсолютнаго превосходства нельзя признать ни за выборомъ, ни за назначеніемъ; въ одной области, при однихъ условіяхъ болѣе цѣлесообразна одна система, въ другой области, при другихъ условіяхъ — другая. Если, напримѣръ, въ полицейской службѣ, съ ея строгой іерархической подчиненностью, съ безусловной обязательностью начальническаго приказа, наиболѣе умѣстно назначеніе, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было цѣлесообразно и въ области мѣстнаго хозяйства. Многолѣтній опытъ показалъ, что внести жизнь въ эту область, отвѣтить на ея разнообразныя запросы можетъ только „выборная система“.

Преимущество назначенія передъ выборомъ московская газета пытается доказать примѣромъ почетныхъ мировыхъ судей. „Мировой институтъ, будучи выборнымъ, зачахъ и захирѣлъ настолько, что этого не могли отрицать даже сами принципиальные его защитники. Но вотъ онъ вводится на окраинахъ. И что же? Труды комиссіи по преобразованію судебной части свидѣлствуютъ, что назначаемые отъ правительства почетные мировые судьи оказались въ высшей степени полезными дѣятелями на поприщѣ мѣстнаго правосудія. А этого далеко нельзя сказать относительно выборныхъ почетныхъ мировыхъ судей семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ умѣстился цѣлый рядъ невѣрныхъ утвержденій. Изъ числа „принципиальныхъ защитниковъ“ мирового суда только одинъ приписывалъ его недостатки выборному его характеру — и этотъ одинъ отказался отъ своего мнѣнія, когда ознакомился съ дѣятельностью института, ставшаго на мѣсто мировыхъ судей. Всѣ остальные приверженцы мирового суда, не замалчивая слабыхъ сторонъ его дѣятельности, объясняли ихъ легко устранимыми условіями (слишкомъ высокимъ имущественнымъ и недостаточно высокимъ образовательнымъ цензомъ, несостоятельностью земской избирательной системы, пробѣлами и отсталостью гражданскаго законодательства, слишкомъ большими, по нѣкоторымъ вопросамъ, формализмомъ кассационной практики). „Зачахшимъ“, „захирѣвшимъ“ выборный мировой судъ имъ вовсе не казался, да и въ дѣйствительности не былъ. Гораздо менѣе удовлетворителенъ, по общему признанію, былъ мировой судъ на окраинахъ имперіи, гдѣ назначались не только почетные, но и участ-

ковые мировые судьи. Что нѣкоторые изъ назначенныхъ почетныхъ судей трудились и трудятся не безъ пользы—этого мы, конечно, не отрицаемъ: но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что до 1889-го года еще гораздо болѣе широкой и плодотворной была дѣятельность выборныхъ почетныхъ судей (конечно не всѣхъ, но многихъ). Изъ ихъ среды часто выбирались председатели мировыхъ сѣздовъ; они замѣняли отсутствующихъ участковыхъ судей, разбирали по 30-ой статьѣ устава гражд. судопр., противодѣйствовали, участіемъ своимъ въ засѣданіяхъ мировыхъ сѣздовъ, взаимной снисходительности участковыхъ судей къ ошибкамъ, допущеннымъ при первоначальномъ рѣшеніи дѣла. До извѣстной степени выборные почетные судьи сохраняютъ это значеніе и въ нынѣшнихъ уѣздныхъ сѣздахъ, несмотря на то, что составъ послѣднихъ мало благопріятствуетъ дружной работѣ.

Въ одной изъ газетъ, праздноющихъ торжество децентрализаціи, появился рядъ статей, намѣчающихъ возможную организацію преобразованныхъ мѣстныхъ учреждений. Сначала („Новое Время“ № 9695) проектируется въ общихъ чертахъ губернской совѣтъ, въ которомъ, рядомъ съ представителями вѣдомствъ, засѣдали бы представители выборныхъ учреждений; нѣсколько дней спустя появляются статьи г. К. Головина (№№ 9701 и 9703), предлагающія цѣлый планъ реформы; за ними слѣдуетъ статья (№ 9707), рекомендующая учрежденіе высшей мѣстной (областной) власти. Остановимся, прежде всего, на статьяхъ г. Головина, не касаясь пока той ихъ части, гдѣ идетъ рѣчь о мелкой земской единицѣ. Преобразование уѣзднаго управленія г. Головинъ считаетъ сравнительно легкимъ: стоитъ только соединить всѣ уѣздныя коллегіи въ одну, подъ председательствомъ уѣзднаго предводителя, и признать послѣдняго начальникомъ уѣзда, изъявъ изъ его вѣдѣнія только дѣла полицейскія въ тѣсномъ смыслѣ, но предоставивъ ему надзоръ за дѣйствіями полиціи. Въ губерніи г. Головинъ предлагаетъ учредить собраніе уѣздныхъ предводителей и губернской совѣтъ; первому предоставляется все касающееся благоустройства отдѣльныхъ уѣздовъ (пути сообщенія, мѣстныя школы и больницы, общественныя учрежденія, борьба съ эпизootіями и т. п.), второму—разрѣшеніе возникающихъ въ губерніи пререканій какъ между отдѣльными вѣдомствами, такъ и между администраціей и земствами. Въ составъ губернскаго совѣта должны входить въ равномъ числѣ выборныя и правительственныя должностныя лица. Онъ разсматриваетъ по существу и утверждаетъ губернскую смѣту, притомъ не только по тѣмъ статьямъ расхода, которыя въ настоящее время относятся къ вѣдѣнію земства, но и по всѣмъ статьямъ казен-

наго хозяйства (по казеннымъ дорогамъ, школамъ, тюрьмамъ, больницамъ и т. п.). Несогласія разрѣшаются путемъ преній и заканчиваются голосованіемъ. Въмѣсто теперешнихъ губернаторскихъ протестовъ имѣлись бы, такимъ образомъ, постановленія большинства, прошедшія черезъ двойную критику въ двухъ разныхъ инстанціяхъ. Смыслъ земскія и городскія окончательно утверждались бы послѣ спокойнаго всесторонняго обсужденія, что, правда, нѣсколько замедляло бы земскія начинанія, но зато и очищало бы ихъ отъ всего страстнаго, скороспѣлаго, необдуманнаго. При такихъ условіяхъ можно было бы расширить, даже въ значительной степени, сферу дѣятельности губернскаго земства, распространивъ ее на всѣ отрасли губернской жизни. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть ненужнѣе двойного штата инженеровъ, врачей, техниковъ и т. п.—словомъ, этой разъединенности задачъ администраціи и земства, точно они не органы одной и той же власти, не слуги одного и того же государства?

Такова, въ главныхъ чертахъ, воздушная постройка, возведенная г. Головинымъ. Одно въ ней не совсѣмъ ясно: оставляетъ ли она мѣсто для земскихъ управъ, уѣздной и губернской? Повидимому, нѣтъ: въ уѣздѣ проектируется только одна коллегія, уѣздный предводитель провозглашается *начальникомъ* уѣзда, забота о благоустройствѣ отдѣльных уѣздовъ переносится въ собраніе уѣздныхъ предводителей. Еще меньше сомнѣній возбуждаетъ участь губернской земской управы: поставленная между собраніемъ уѣздныхъ предводителей и губернскимъ совѣтомъ, она оказалась бы совершенно излишней. Вполнѣ понятно, затѣмъ, сочувствіе, встрѣченное проектомъ г. Головина со стороны „Гражданина“ (№ 21): послѣдній идетъ только еще дальше, высказываясь за полное упраздненіе губернскаго земства, т.-е. какъ губернской земской управы, такъ и губернскаго земскаго собранія. И, пожалуй, приходится признать, что здѣсь кн. Мещерскій послѣдовательнѣе г. Головина. Во что обратилось бы, въ самомъ дѣлѣ, губернское земское собраніе, раздѣляющее заботу о мѣстномъ благоустройствѣ съ собраніемъ уѣздныхъ предводителей, вполнѣ зависимое отъ губернскаго совѣта (утверждающаго—или не утверждающаго—смыслныя назначенія, т.-е. имѣющаго возможность парализовать любое земское начинаніе), лишенное исполнительныхъ органовъ (не только губернской земской управы, но и *земскихъ* врачей, техниковъ и т. п.)? Не очевидно ли, что существованіе его было бы болѣе призрачнымъ (Scheinexistenz), чѣмъ реальнымъ?... Непослѣдователенъ, зато, кн. Мещерскій тогда, когда находитъ систему г. Головина совмѣстимой съ „свободною самодѣятельностью“ уѣзднаго земства: о такой самодѣятельности, при полномъ предводителѣ въ уѣздѣ и при широкихъ полномочіяхъ собранія уѣздныхъ предводителей, не мо-

жеть быть и рѣчи. Коренную ошибку г. Головина мы видимъ въ томъ, что администрація и земство соединяются имъ въ одно искусственное цѣлое. Рѣшающую роль, при такой постановкѣ дѣла, несомнѣнно будетъ играть администрація, властная сама по себѣ и поддерживаемая сверху. По истинѣ, „данайскимъ даромъ“ оказалось бы и расширеніе земскихъ функций, купленное увеличеніемъ зависимости. Если земству, при условіяхъ болѣею частью неблагоприятныхъ, удалось, въ сравнительно короткое время, многое сдѣлать для народнаго блага, если оно внесло въ мѣстную жизнь небывалую до тѣхъ поръ инициативу и разбудило массу дремавшихъ силъ, то это объясняется именно обособленностью его круга дѣйствій, позволявшею ему быть чѣмъ-то болѣеимъ, нежели исполнителемъ чужихъ велѣній. Даже послѣ изданія Положенія 1890-го года, даже послѣ новеллъ, внушенныхъ недоувѣріемъ къ самоуправленію, земство оставалось хозяиномъ у себя дома. Домъ былъ значительно меньше прежняго, права хозяина ограничены весьма существенно — но все-же кое-что могло быть имъ предпринято по собственному почину и доведено до конца безъ посторонняго вмѣшательства. Ни о чемъ подобномъ нельзя было бы и думать при водвореніи порядка, о которомъ мечтаетъ г. Головинъ. Съ отдѣльностью земства исчезла бы и его самостоятельность. Каждое постановленіе его нуждалось бы въ утвержденіи и, что еще важнѣе, исполнялось бы учрежденіями и должностными лицами, земскими только отчасти. Двойственность, порицаемая г. Головинымъ, несравненно лучше рекомендуемаго имъ единства. Въ настоящее время земскіе врачи дѣйствуютъ подъ контролемъ губернскаго врачебнаго инспектора, земскіе техники—подъ контролемъ губернскаго инженера. Уполномоченные земства отвѣчаютъ передъ нимъ за существо своихъ дѣйствій, передъ администраціей—за ихъ законность. Излишними, такимъ образомъ, нельзя признать ни земскихъ агентовъ, ни административныхъ; одновременное существованіе тѣхъ и другихъ становится неудобнымъ только тогда, когда послѣдніе выходятъ за предѣлы своей задачи... Противъ губернскаго совѣта, какъ коллегіи, замѣняющей собою многочисленныя губернскаго присутствія, мы не возражаемъ, лишь бы только этимъ не упразднялась губернская земская управа и вообще ничего не измѣнилось къ худшему въ положеніи губернскаго земства. Чѣмъ больше въ губернскомъ совѣтѣ будетъ выборныхъ представителей земства, тѣмъ лучше—но еслибы даже ихъ число равнялось числу представителей администраціи, это не могло бы служить противовѣсомъ умаленію правъ земства; вѣдь председательство въ губернскомъ совѣтѣ—а слѣдовательно и рѣшающее слово при равенствѣ голосовъ—принадлежало бы губернатору. Богѣе чѣмъ вѣроятно, притомъ, что по отношенію къ губернскому совѣту губер-

наторъ былъ бы облеченъ тѣмъ же правомъ, какое принадлежитъ ему по отношенію къ губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію — правомъ переносить дѣло, при несогласіи съ большинствомъ, на разсмотрѣніе высшей инстанціи.

Подробный разборъ проекта, съ которымъ выступилъ г. Головинъ, освобождаетъ насъ отъ необходимости останавливаться на измышленіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Если настоящимъ бѣдствіемъ была бы черемѣна сравнительно умѣренная, рекомендуемая писателемъ, не принадлежащимъ къ числу принципиальныхъ враговъ самоуправленія, то нетрудно понять, къ чему привело бы полное разрушеніе земскаго строя. Если нежелательно полновластіе коллегіи, въ которой рядомъ съ должностными лицами засѣдали бы выборные представители выборныхъ учреждений, то что же сказать объ „отмѣнѣ всякихъ выборовъ“ и включеніи въ составъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, какъ исполнительныхъ, такъ и совѣщательныхъ, нѣсколькихъ мѣстныхъ людей, по назначенію администраціи? Не ясно ли, что въ исполнительныхъ органахъ они скоро стали бы играть роль засѣдателей до-реформеннаго земскаго суда, а въ совѣщательныхъ органахъ — роль дворянскихъ и городскихъ депутатовъ въ до-реформенныхъ комитетахъ о земскихъ повинностяхъ?...

Не болѣе удачной, чѣмъ проектъ г. Головина, кажется намъ какъ бы завершающая его мысль о высшей мѣстной власти. Исходя изъ предположенія, что компетенція коллективной губернской власти, даже при самой совершенной организаціи этой власти, не можетъ быть сразу слишкомъ раздвинута, „Новое Время“ признаетъ желательнымъ образованіе такихъ органовъ, которые, стоя выше губернскихъ, являлись бы посредниками между центральными и мѣстными учрежденіями. Главное назначеніе этихъ органовъ — провѣрка рѣшеній губернскихъ совѣтовъ; отсюда слѣдуетъ, что ихъ составъ также долженъ быть коллегиальный и смѣшанный, т.-е. обнимать собою, рядомъ съ старшими представителями разныхъ вѣдомствъ, достойнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей всѣхъ губерній даннаго областного района. Во главѣ областной коллегіи можетъ стоять только лицо, облеченное довѣріемъ Государя. Ему должно принадлежать право „въ неотложныхъ случаяхъ, за своею отвѣтственностью, принимать извѣстныя мѣры, отнюдь не умаляя, однако, власти губернскихъ органовъ и не вторгаясь въ сферу тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ вліянію губернской власти“. Газета считаетъ долгомъ оговориться, что рѣчь идетъ вовсе не о повсемѣстномъ учрежденіи генералъ-губернаторской власти — но на самомъ дѣлѣ проектируемый ею сановникъ, какъ бы онъ ни былъ названъ,

не могъ бы быть ни чѣмъ инымъ, какъ именно генералъ-губернаторомъ. Между тѣмъ, не случайно же эта должность сохранилась, кромѣ Москвы, только на окраинахъ имперіи. Неоднократно повторенный опытъ показалъ съ полною ясностью, что, при нормальномъ теченіи дѣлъ, она является совершенно излишнимъ звеномъ между губерніями и центромъ. Если въ губернскомъ совѣтѣ неизбѣжно преобладать бы губернаторъ, передъ которымъ слишкомъ легко можетъ стушеваться все остальное, то что же сказать о совѣтѣ областномъ, разъ что во главѣ его было бы поставлено лицо съ чрезвычайными полномочіями и выдающимся положеніемъ? Много ли, затѣмъ, такихъ интересовъ, которые оправдывали бы объединеніе нѣсколькихъ губерній въ одно крупное административное цѣлое? Могутъ, конечно, возникать вопросы, одинаково касающіеся нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній и требующіе совмѣстнаго обсужденія—но наилучшая форма для такого обсужденія давно уже найдена въ видѣ областныхъ сѣздовъ. Разрѣшеніе областнымъ совѣтомъ той или другой группы дѣлъ, которыя иначе должны были бы идти изъ губерніи въ Петербургъ, привело бы, можетъ быть, къ нѣкоторому ускоренію дѣлопроизводства; но зато немало, по всей вѣроятности, было бы и такихъ случаевъ, когда окончательное рѣшеніе дѣла, перешедшаго изъ губернскаго совѣта въ областной, все-таки пришлось бы предоставить одному изъ центральныхъ управленій—и въ результатъ получилась бы напрасная задержка. Нѣтъ, не созданіемъ новой инстанціи можно достигнуть лучшихъ результатовъ правительственной работы... Правильнымъ кажется намъ только указаніе „Новаго Времени“ на необходимость поднять значеніе сената, какъ единственнаго учрежденія, могущаго способствовать „закономѣрности“ управленія.

Намѣчаемое въ манифестѣ сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ едва ли можетъ быть понимаемо какъ разрѣшеніе вопроса о мелкой земской единицѣ. На это указываетъ какъ оговорка, сдѣланная въ манифестѣ („тамъ, гдѣ это представится возможнымъ“), такъ и въ особенности самый характеръ приходскихъ попечительствъ. Принадлежность къ земской единицѣ обязательна для всѣхъ живущихъ въ данной мѣстности или владѣющихъ въ ней недвижимымъ имуществомъ; въ составъ приходскаго попечительства входятъ только желающіе. Размѣръ сбора на общія нужды въ мелкой единицѣ опредѣляется (въ установленныхъ закономъ предѣлахъ) ею самою; въ приходскомъ попечительствѣ онъ зависитъ, обыкновенно, отъ доброй воли прихожанъ. Задачи мелкой единицы обнимаютъ собою всю мѣстную хозяйственную жизнь; задачи приходскаго попечительства не выходятъ

изъ области церковнаго благоустроенія и благотворительности. Въ мелкой единицѣ не имѣетъ никакого значенія различіе вѣроисповѣданій; приходское попечительство неразрывно связано съ православною церковью. Понятно, что между приходскими попечительствами и общественнымъ управленіемъ, больше придвинутымъ къ населенію, возможно только *сближеніе*, выражающееся, напримѣръ, въ общей заботѣ о бѣдныхъ, сирыхъ и безпріютныхъ. Нельзя, поэтому, согласиться и съ той частью проекта г. Головина, которая предлагаетъ „связать земскую ячейку съ церковной: не съ приходомъ въ тѣсномъ смыслѣ—на то онъ слишкомъ мелокъ, — а съ цѣлой группой приходоѡ, отъ пяти до десяти, и собрать все, что тамъ найдется—приходскихъ настоятелей, выборныхъ отъ сельскихъ обществъ, личныхъ землевладѣльцевъ (съ ценомъ, положимъ, въ 100 десятинъ), учительскій персоналъ земскихъ и приходскихъ школъ“. Все это вмѣстѣ взятое дастъ „довольно почтенный составъ для участковаго совѣта, председателемъ котораго всего проще быть земскому начальнику“. Никакихъ новыхъ налоговъ эта организація, по мысли г. Головина, за собою повлечь не должна и принадлежность къ ней ни для кого не должна быть обязательна. Функціи ея авторъ проекта ограничиваетъ надзоромъ за школами, больницами, путями сообщенія и представленіемъ земству о нуждахъ населенія. Въ нашихъ глазахъ такой участковый совѣтъ является не чѣмъ инымъ, какъ приходскимъ попечительствомъ, распространеннымъ на нѣсколько приходоѡ и именно потому гораздо менѣе цѣлесообразнымъ. Хорошей стороны приходскаго попечительства—близкаго знакомства участниковъ между собою и съ мѣстными жителями — здѣсь не будетъ, а средства и кругъ дѣйствій, за отсутствіемъ обязательнаго сбора, останутся крайне ограниченными; не будутъ устранены и неудобства, связанные съ приуроченіемъ чисто свѣтскаго дѣла къ церковному строю. Предсѣдательство земскаго начальника лишитъ участковый совѣтъ самостоятельности, составляющей, въ подобныхъ случаяхъ, первое условіе успѣха. Правда, г. Головинъ стоитъ за коренную переимѣну въ положеніи земскихъ начальниковъ, предлагая сдѣлать эту должность выборною и срочною ¹⁾; но онъ не объясняетъ, *къ*мъ, по его мнѣнію, должны быть избираемы земскіе начальники? Если дворянствомъ, то выигрышъ отъ переимѣны былъ бы крайне сомнительный. Не особенно большой гарантіей былъ бы даже выборъ ихъ земствомъ, пока въ немъ до такой степени, какъ теперь, преобладаетъ элементъ

¹⁾ Для обезпеченія самостоятельности земскихъ начальниковъ г. Головинъ считаетъ достаточнымъ поставить досрочное удаленіе ихъ отъ должности въ зависимости отъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ забываетъ, что дѣла о принудительномъ увольненіи земскихъ начальниковъ и теперь проходятъ черезъ совѣтъ, но особенной гарантіи въ этомъ никто не видитъ.

дворянскій... Въ проектѣ г. Головина намъ симпатична только одна черта: включеніе въ составъ участіеваго совѣта учителей земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Авторъ проекта не раздѣляетъ, очевидно, того взгляда, крайнимъ выраженіемъ котораго служить статья г. Spectator'a: „Третій элементъ и мелкая земская единица“ („Московскія Вѣдомости“, № 60). Если вѣрить озлобленному алармисту, мелкая земская единица—только маска, подъ которою злоумышленно хотѣтъ ввести въ составъ земства „людей, не имѣющихъ ни кола, ни двора“: земскихъ врачей, ветеринаровъ, фельдшеровъ, учителей и т. п. За открытое провозглашеніе того, что до сихъ поръ бережно хранилось въ тайнѣ, г. Spectator приноситъ ироническую благодарность ораторамъ недавняго московскаго учительскаго съѣзда. На самомъ дѣлѣ „тайна“ раскрыта уже очень давно: образовательный цензъ, какъ одно изъ основаній избирательнаго права, игралъ видную роль уже въ самыхъ первыхъ проектахъ всесословной волости, относящихся къ началу восьмидесятихъ годовъ ¹⁾).

27-го февраля происходило, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, первое засѣданіе комиссіи по преобразованію губернскаго управленія. Въ трудахъ комиссіи принимаютъ участіе три товарища министра, три директора департаментовъ и пять губернаторовъ (с.-петербургскій—графъ Толъ, самарскій—Брянчаниновъ, харьковскій—кн. Оболенскій, могилевскій—Клингенбергъ и псковской—кн. Васильчиковъ). Всѣ члены комиссіи принадлежатъ, такимъ образомъ, къ чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ виду извѣстной рѣчи, произнесенной В. К. фонъ-Плеве при празднованіи столѣтія министерства внутреннихъ дѣлъ, слѣдуетъ ожидать, что въ составъ комиссіи войдутъ, послѣ установленія ея программы и плана дѣйствій, представители тѣхъ „мѣстныхъ людей“, на которыхъ Высочайшій манифестъ возлагаетъ „непосредственное удовлетвореніе многообразныхъ нуждъ земской жизни“.

Почти одновременно съ комиссіей по преобразованію губернскаго управленія начало свою работу особое совѣщаніе для предварительнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію при изданіи устава объ обезпеченіи народнаго просвѣщенія. Въ совѣщаніи этомъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, участвуютъ одинъ изъ товарищей его, одинъ изъ товарищей министра земледѣлія и госуд. имуществъ, директоръ департамента окладныхъ

¹⁾ См., напр., Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1881 г., стр. 366.

сборовъ, управляющій земскимъ отдѣломъ, еще два представителя министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, четыре губернатора (тульскій, самарскій, харьковскій и воронежскій), два губернскихъ предводителя дворянства (тульскій и херсонскій), три уѣздныхъ предводителя, семь председателей губернскихъ земскихъ управъ (с.-петербургской, екатеринославской, рязанской, курской, харьковской, нижегородской и новгородской) и одинъ членъ губернской земской управы (саратовской).

Работа губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ приходитъ къ концу. Пониманіе ихъ задачъ по прежнему остается различнымъ какъ со стороны председателей, такъ, иногда, и со стороны большинства комитета. Очень широко раздвинули кругъ своихъ соображеній комитеты орловскій и новгородскій. Орловскій комитетъ высказался, между прочимъ, за уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и уничтоженіе всѣхъ специальныхъ ограниченій для крестьянъ въ сферѣ права публичнаго и гражданскаго. Волостной судъ можетъ быть сохраненъ, но во главѣ его долженъ стоять выборный председатель съ образовательнымъ цензомъ; точно должны быть опредѣлены случаи примѣненія обычнаго права; строго должно быть проведено отдѣленіе власти судебной отъ административной и вновь восстановленъ институтъ выборныхъ мѣстныхъ судей. По вопросу о реорганизаціи земства, комитетъ призналъ необходимымъ вернуться къ безсловному принципу, приблизить земство къ народу созданіемъ мелкой единицы съ правомъ самообложенія, измѣнить систему представительства для расширенія круга избирателей, увеличить число гласныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ. Кромѣ того, комитетъ высказалъ пожеланіе, чтобы нѣкоторые предметы вѣдомства губернскихъ правленій (межевого, врачебнаго и строительнаго отдѣленій) были переданы земству, чтобы земству было возвращено продовольственное дѣло и чтобы былъ отмѣненъ законъ о фиксаціи земскихъ смѣтъ. Остановливаясь на вопросахъ о средствахъ поднятія самостоятельности населенія, комитетъ призналъ необходимымъ ослабить бюрократическую централизацію, задерживающую общественную инициативу; это можетъ быть достигнуто проведеніемъ въ административномъ строѣ принципа, что всякое частное или общественное начинаніе, если оно не противорѣчитъ законамъ и не задѣваетъ общегосударственныхъ интересовъ, не нуждается въ особомъ разрѣшеніи и не должно восходить до высшаго правительства. Очень близки къ этимъ пожеланіямъ и постановленія новгородскаго губернскаго комитета. Въ одной изъ не-земскихъ губерній, тобольской, сельско-хозяйственное губернское совѣщаніе признало необходимость организаціи уѣзднаго самоуправления,

съ мелкой земскою всесословной единицею, и предоставленія большаго пространства сельско-хозяйственной дѣятельности сельскихъ обществъ, съ устраненіемъ всякаго вліянія на нее крестьянскихъ начальниковъ.

Въ печати продолжаютъ сообщенія о тѣхъ или другихъ подробностяхъ проекта Положенія (городового) для Петербурга, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ; но всѣ эти сообщенія основаны, къ сожалѣнію, на слухахъ, проникшихъ въ общество, вѣроятно, изъ служебныхъ сферъ, такъ какъ самый проектъ не былъ опубликованъ. Между прочимъ, выражались, по поводу такихъ слуховъ, и различныя мнѣнія о проектируемомъ образовательномъ цензѣ лицъ, избираемыхъ въ гласные, сверхъ ценза имущественнаго. Теперь выяснилось, какъ оказывается—окончательно, что подъ „городскими“ училищами слѣдуетъ разумѣть не начальныя, которыя называются городскими не по своей программѣ, а только потому, что они содержатся на городской счетъ,—и для того, чтобы быть избраннымъ въ гласные, необходимо будетъ имѣть свидѣтельство объ окончаніи курса въ училищѣ по „Положенію о городскихъ училищахъ 31 мая 1872 года“, или выдержать въ нихъ выпускной экзаменъ. По поводу такого сообщенія, повидимому правдоподобнаго, такъ какъ, дѣйствительно, подъ „городскими“ училищами слѣдуетъ правильно разумѣть только такъ-называемыя „четырехклассныя“ (начальныя называются одноклассными),—появились въ газетахъ и анекдоты, впрочемъ болѣе похожіе на шутку; говорятъ, будто одинъ слухъ о такомъ образовательномъ цензѣ произвелъ „переполохъ“ въ адѣшней городской Думѣ, и даже нашелся такой энергичный гласный, который, не теряя времени, приготовился „въ теченіе десяти (!) дней къ выпускному экзамену изъ „городскаго училища“, по „Положенію о городскихъ училищахъ 1872 г.—и выдержалъ экзаменъ! Конечно, это или шутка, или незнаніе, въ чемъ состоитъ полный курсъ „городскихъ училищъ“: онъ равенъ курсу прогимназіи (кромя древнихъ языковъ), а по нѣкоторымъ предметамъ—и выше его, такъ что приготовиться къ нему лицамъ, получившимъ извѣстнаго рода „домашнее образованіе“, иногда ограничивающееся однимъ умѣньемъ болтать на иностранныхъ языкахъ,—въ десять дней нѣтъ никакой возможности. Безъ сомнѣнія, было бы весьма желательно, чтобы и у насъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи, масса обывателей, особенно въ столицѣ, прошла полный курсъ народнаго образованія, какъ начальнаго, такъ и городскаго, чтобы кончившіе курсъ „городскаго училища“ составляли большинство, а не рѣдкость; но справедливость требовала бы, прежде того, пожелать, чтобы такое *полное* народное образованіе было общедоступно. Между тѣмъ,

когда училось то поколѣніе, которое нынѣ достигло возраста 25 лѣтъ, дающаго право быть избраннымъ въ гласные,—въ ту пору, т.-е. 12 лѣтъ тому назадъ, къ началу 90-хъ годовъ, на весь Петербургъ, имѣвшій уже тогда свыше 300 начальныхъ училищъ, было содержимо министерствомъ народнаго просвѣщенія всего 6 „городскихъ“ училищъ по Положенію 1872 года. Самый ничтожный процентъ изъ окончившихъ въ то время ученіе въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ—и нынѣ достигшихъ 25-лѣтняго возраста,—могъ попасть въ „городскія училища“. Правда, съ того времени число ихъ начинаетъ увеличиваться: число министерскихъ „городскихъ“ училищъ удвоилось, но зато теперь и число выпускаемыхъ изъ начальныхъ училищъ учетверилось: ихъ уже не 1.200—1.300, какъ было въ началѣ 90-хъ годовъ, а 5.000. Городъ получилъ, наконецъ, право открывать настоящія „городскія“ училища, но сколько бы ихъ ни было, они не могутъ сообщить своимъ питомцамъ никакихъ особыхъ правъ, такъ какъ они пока существуютъ на правахъ училищъ, содержимыхъ частными лицами. Гораздо болѣе, впрочемъ, долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе не образовательный цензъ, проектируемый для лицъ, избираемыхъ въ гласные; такого ценза (помимо грамотности) вовсе не требуютъ, напримѣръ, даже отъ поступающихъ въ присяжные засѣдатели, обязанности которыхъ также не мало важны, если подумать о томъ, что въ ихъ рукахъ находятся честь и судьба многихъ. Гораздо болѣе можетъ быть важенъ вопросъ объ образовательномъ цензѣ тѣхъ гласныхъ, которые избираются въ городскія должности; нѣкоторыя изъ этихъ должностей, какъ, напр., должности городского головы и членовъ управы, пользуются правами государственной службы, а потому было бы вполне правильно, чтобы такія лица имѣли и требуемый государственною службою образовательный цензъ; но въ такомъ случаѣ курсъ „городского“ училища по Положенію 1872 г. пришлось бы признать уже недостаточнымъ: курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, а для извѣстныхъ должностей городской службы—и высшихъ заведеній, долженъ бы быть признанъ обязательнымъ для такихъ лицъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ РОМАНЪ г. СЕРГѢЯ ШАРАПОВА.

Черезъ полѣтка. Фантастическій политико-соціальный романъ. Часть первая.
(Томъ VIII сочиненій г. С. Шарапова). Москва, 1902 г.

Г-нъ Шараповъ давно уже извѣстенъ какъ необыкновенно предприимчивый и дѣятельный публицистъ, рѣшающій съ плеча самыя трудныя вопросы внѣшней и внутренней политики, народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ. Одно время онъ серьезно выдавалъ себя за преемника Авсакова и пытался проводить подъ его знаменемъ какія-то смутныя мнимо-національныя идеи; потомъ онъ выступилъ изобрѣтателемъ въ финансовой области, придумывалъ удивительные способы народнаго обогащенія посредствомъ неразбѣдныхъ бумажныхъ денегъ, горячо и рѣзко нападалъ на министерство финансовъ за введеніе золотой валюты, получилъ отъ того же министерства крупную матеріальную поддержку для своего несомнѣнно полезнаго стараго предпріятія—производства крестьянскихъ плуговъ, подъ новой фирмою акціонернаго общества „Пахарь“, и, по собственному своему свидѣтельству, достигъ этого результата безъ всякаго искательства съ своей стороны, просто какъ „добрый знакомый“. Между прочимъ, г. С. Шараповъ издаетъ собраніе своихъ сочиненій, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ подъ разными фантастическими названіями („Сугробы“, „Ухабы“, „Метели“ и т. п.), и по всей вѣроятности находитъ не только читателей, но и почитателей, насколько можно судить по количеству добровольныхъ взносовъ разныхъ лицъ, откликнувшихся на его призывъ участвовать въ „подкрѣпленіи кассы“ автора, независимо отъ подписки на его изданія (по послѣднему печатному отчету, такихъ „подкрѣпительныхъ“ взносовъ только за три мѣсяца, съ 1 іюня по 1 октября 1902 г., поступило 1.378 р. 50 к., сверхъ подписныхъ денегъ, и въ томъ числѣ былъ одинъ „взносъ“ въ тысячу рублей). При такомъ успѣхѣ литературной и общественной дѣятельности г. Шарапова нельзя не заинтересоваться вопросомъ: чтѣ же собственно излагаетъ и проповѣдуетъ г. Шараповъ въ своихъ сочиненіяхъ?

Въ появившемся недавно „фантастическомъ политико-соціальномъ романѣ“, подъ заглавіемъ: „Черезъ полѣтка“, г. Шараповъ постарался „въ невинной формѣ изложить завѣтную политическую, церковную и общественную программу“, принадлежащую, будто бы, не ему одному, а цѣлому олицетворяемому имъ направленію. „Я хотѣлъ,—говоритъ онъ,—въ фантастической и слѣдовательно довольно безотвѣтственной

формѣ дать читателю практическій сводъ славянофильскихъ мечтаній и идеаловъ, изобразить нашу политическую и общественную программу какъ бы осуществленною. Если программа вѣрна, то въ романѣ чепухи не получится...“ Авторъ предупреждаетъ, что у него вышло „лишь очень плохое исполненіе нѣкаго хорошаго замысла“; что намѣреніе его исполнено „только на половину и притомъ изъ рукъ вонъ плохо“, и что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ ему удалось бы, конечно, написать нѣчто „совершенно иное, цѣльное и даже художественное“; но внѣшніе недостатки романа не касаются его сущности и не умаляютъ значенія предложенной въ немъ „profession de foi“. Мы не знаемъ, существуетъ ли то славянофильство, съ котораго отождествляетъ себя г. Шараповъ; намъ кажется, что такого славянофильства нѣтъ и быть не можетъ,—но мы не сомнѣваемся, что завѣтные взгляды и идеалы г. Шарапова раздѣляются очень многими искренними людьми, привыкшими заимствовать свои убѣжденія изъ патріотическихъ газетъ. Г. Шараповъ желалъ намъ „показать, что могло бы быть, еслибы славянофильскія воззрѣнія стали руководящими въ обществѣ и правящихъ сферахъ“,—и изображаемыя имъ картины, хотя и нарисованныя въ грубомъ лубочномъ стилѣ, заслуживаютъ вниманія, какъ наглядные образчики того недомыслия, которое претендуетъ на руководящую роль „въ обществѣ и правящихъ сферахъ“.

Разумѣется само собою, что „патріоты“ должны прежде всего ожидать грандіознаго расширенія русской территоріи: черезъ пятьдесятъ лѣтъ Россія, по г. Шарапову, включаетъ уже всю восточную Пруссію и Познань, почти всѣ нынѣшнія австрійскія и венгерскія земли вмѣстѣ съ Вѣной и Будапештомъ, весь Балканскій полуостровъ съ частью Адриатическаго побережья, и съ самостоятельными нынѣ государствами—Сербією, Болгарією, Румынією и Грецією. Въ Азіи нами прочно заняты, на особыхъ правахъ, Манчжурія, Бухара, Афганистанъ и Персія. Словомъ, не только славянскіе, но и всякіе другіе ручьи „слились въ великомъ русскомъ морѣ“, и это море разлилось „отъ Сѣвернаго до Индійскаго океана, и отъ Великаго океана до Архипелага и Адриіи“.

Какъ же произошли эти поразительныя чудеса? Какимъ образомъ удалось намъ побѣдить соединенныя силы Германіи, Австро-Венгрии, Англіи, и довести эти могущественныя державы до полного ничтожества? Съ точки зрѣнія г. Шарапова, счастливые для насъ результаты могли быть достигнуты очень просто, подъ условіемъ преднамѣренной глупости западно-европейскихъ правительствъ и народовъ. Исторія пятидесятилѣтія, которое проспалъ герой романа, рассказана авторомъ довольно обстоятельно съ весьма характерными подробностями.

Въ Китаѣ, черезъ два года послѣ удаленія европейцевъ изъ Тянь-цзиня, вновь разразилось возстаніе противъ иностранцевъ, но уже съ надлежащею военною подготовкою; противъ китайцевъ опять выступили почему-то прежде всего Германія, хотя сами нѣмцы наиболѣе способствовали преобразованію и улучшенію китайской арміи. Россія на этотъ разъ воздержалась отъ участія въ усмиреніи Китая и вступила съ нимъ въ соглашеніе, по которому „Манчжурскую свою дорогу и все, что къ сѣверу, оставила за собою, южную же вѣтвь вѣстѣ съ новыми городами Дальнимъ и Портъ-Артуромъ передала обратно Китаю“ (?). Уступивъ китайцамъ, по неизвѣстной причинѣ, южную вѣтвь нашей Манчжурской дороги и сооруженные нами два города, Дальній и Портъ-Артуръ, Россія дѣйствуетъ уже отчасти за-одно съ Китаемъ противъ европейцевъ. Экспедиціонные отряды нѣмцевъ и англичанъ терпѣли пораженія отъ хорошо вооруженныхъ и дисциплинированныхъ нѣмецкими инструкторами китайскихъ войскъ; нѣмцы мстили непріятелю ужасными зѣрствами. Въ Россіи возникло сильное движеніе въ пользу Китая (вѣроятно, по инициативѣ и при дѣятельномъ участіи наиболѣе популярныхъ членовъ „Русскаго собранія“), и хотя правительство оставалось нейтральнымъ, но „по секрету было разрѣшено нашимъ офицерамъ, не выходя въ отставку, поступать въ китайскія войска“; этимъ разрѣшеніемъ воспользовалось множество нашихъ офицеровъ, которые, конечно, не могли упустить случай воевать, въ рядахъ китайцевъ, подъ начальствомъ китайскихъ мандариновъ, противъ ненавистныхъ г. Шарапову европейцевъ. „Въ Германіи, понятно, злобствовали и шипѣли, но официально держали себя тише воды, ниже травы“; но на четвертый годъ войны нѣмцы, несмотря на свое официальное смиреніе, постарались „переполнить чашу терпѣнія Россіи и вызвать разрывъ между нею и Германією“. Правда, по разсказу автора, терпѣли больше нѣмцы, чѣмъ русскіе, и слѣдовательно чаша терпѣнія могла переполниться скорѣе у нѣмцевъ, чѣмъ у насъ,—такъ какъ замаскированное участіе Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ Китая было прямымъ нарушеніемъ нейтралитета по отношенію къ западнымъ державамъ; однако нѣмцы и англичане молчали, тогда какъ русское общество возмущалось и негодовало. Между тѣмъ нѣмцы, будучи официально „тише воды, ниже травы“, нарочно разстрѣляли попавшаго къ нимъ въ плѣнъ русско-китайскаго полковника, чтобы окончательно возстановить противъ себя Россію; и „какъ-то само собою, даже безъ официального объявленія“, началась у насъ война съ Германією и ея союзницею, Австро-Венгрією. Австрійцы тотчасъ же поспѣшили устроить для себя катастрофу: ихъ 800-тысячная армія собралась специально для того, чтобы торжественно засвидѣтельствовать свое почтеніе предъ Россією и сдаться ей безъ боя,—

ибо большинство солдатъ и офицеровъ чувствовало къ намъ neodолжимую симпатію, въ силу единства славянской расы, особенно послѣ нашихъ китайскихъ увлеченій; даже поляки, благодаря „мудрой и примирительной политикѣ“ русскаго правительства, отказались поднимать противъ насъ оружіе и не хотѣли повиноваться своимъ начальникамъ, „тѣмъ болѣе, что всѣ земли старой Польши были необыкновенно возбуждены фактами страшныхъ нѣмецкихъ (прусскихъ?) насилій въ Познани“. Раздраженные противъ пруссаковъ, австрійскіе поляки отrekliсь отъ австрійскаго знамени, присоединились къ остальнымъ славянамъ и положили предъ нами оружіе; только одни мадьяры желали сражаться, но остались въ меньшинствѣ и должны были отступить.

Очевидно, по понятіямъ г. Шарапова, большія европейскія арміи дѣйствуютъ на войнѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого захотятъ отдѣльные солдаты и офицеры, и каждая часть войска обсуждаетъ и рѣшаетъ для себя вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли воевать съ непріятелемъ или нѣтъ,—не опасаясь ни военнаго суда, ни смертной казни за измѣну. По этой системѣ пришлось бы допустить, что и русскіе поляки, служащіе въ русской арміи, могли бы отказаться отъ участія въ войнѣ противъ Австріи и положить предъ нею оружіе, въ виду дружеской и уступчивой политики австрійскаго правительства относительно польской народности. Но затѣмъ происходитъ еще нѣчто болѣе странное: 800-тысячная австрійская армія, сдавшаяся намъ безъ боя, включается въ наши дѣйствующія войска и посылается нами противъ нѣмцевъ,—такъ что, по мнѣнію г. Шарапова, плѣнные могутъ быть принуждаемы къ военной службѣ противъ своего отечества и его союзниковъ. Тѣ же самые австрійскіе солдаты и офицеры, которые не желали воевать противъ Россіи, послушно идутъ на войну подъ русской командой, въ рядахъ русскихъ войскъ,—вопреки всѣмъ старымъ и новымъ обычаямъ и правиламъ относительно военнопленныхъ,—только ради того, чтобы угодить г. Шарапову. При помощи плѣнной австрійской арміи мы легко одолѣваемъ Германію, и наши войска вступаютъ въ Берлинъ. Франція не успѣла намъ оказать поддержку; „случилась катастрофа съ русскими цѣнностями, и въ Парижѣ начались смуты и безпорядки“. Только позднѣе французы заняли Эльзасъ и Лотарингію. „Нѣмцы стали просить мира. Въ это же время—повѣствуетъ авторъ—выручили насъ парижскій и лондонскій Ротшильды, произведя конверсію нашего долга и снабдивъ насъ необходимымъ золотомъ“. Пришлось почему-то выручать побѣдителей, а не побѣжденных: кредитъ нашъ не только не поднялся послѣ разгрома двухъ сосѣднихъ имперій, но доведенъ былъ до состоянія, близкаго къ банкротству; мы затѣяли тогда какую-то конверсію и сильно нуж-

дались въ деньгахъ, которыя, по представленію г. Шарапова, имѣются только у Ротшильдовъ и могутъ быть добыты только у нихъ. Авторъ романа какъ будто не слышалъ объ обычныхъ нынѣ способахъ реализаціи внѣшнихъ займовъ путемъ публичной подписки въ главныхъ денежныхъ центрахъ Европы, съ устраненіемъ прежняго исключительнаго или преобладающаго участія отдѣльныхъ банкирскихъ фирмъ; для г. Шарапова западно-европейскій денежный рынокъ все еще воплощается въ Ротшильдахъ, и онъ наивно вѣритъ не только въ современное, но и въ будущее ихъ господство.

Дальнѣйшія событія развиваются послѣдовательно въ томъ же родѣ: совершается именно то, чего совсѣмъ нельзя ожидать по здравому смыслу. Союзница Германія, Англія, разошлась съ нею въ самомъ началѣ войны, „объявила себя нейтральною и прежде всего (!) постаралась захватить нѣмецкія колоніи и флотъ“. Быть нейтральною, по мнѣнію автора, значитъ „прежде всего“ захватывать чужія владѣнія! Если бы англичане вздумали отнимать у нѣмцевъ ихъ колоніи и флотъ, то едва ли вступали бы для этого въ союзъ съ Германіею противъ Россіи и потомъ не заявляли бы о своемъ нейтралитетѣ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій противъ бывшихъ союзниковъ. Впрочемъ, Англія вѣроятно не безъ цѣли поссорилась съ нѣмцами и бросилась на ихъ колоніи и флотъ;—она поступала такъ потому, что имѣла въ виду облегчить намъ занятіе Константинополя, Персіи и Афганистана. Но съ особеннымъ самоотверженіемъ старалась для насъ Австро-Венгрія: всѣ народы побѣжденной (или, вѣрнѣе, побѣдившей себя) монархіи возстановили „историческія права своихъ земель“ только для того, чтобы отдаться на волю Россіи. Радостная перспектива водворенія русской власти заглушила всякія національныя чувства и различія; галиційскіе поляки вполнѣ помирились съ русинами, хорваты побратались съ сербами, венгерцы и нѣмцы—съ чехами и всѣми вообще славянами, которые по волѣ автора очутились въ положеніи побѣдителей, не одержавъ никакой побѣды. Собрался общій сеймъ изъ делегатовъ австрійскихъ областей; „тамъ сдѣлано было два предложенія: образовать независимую западно-славянскую или дунайскую федерацію, или присоединиться къ Россіи“, которая охотно гарантировала австрійскимъ народамъ „полное національное самоуправленіе при крѣпкомъ государственномъ единствѣ“. Разумѣется само собою, что послѣдняя мысль восторжествовала. „И что страннѣе всего—продолжаетъ г. Шараповъ, — за присоединеніе къ Россіи ратовали преимущественно венгры, поляки и хорваты. Они боялись, что въ независимой австрійской федераціи противъ нихъ будетъ всегда слишкомъ преобладающее большинство православныхъ народностей“; поэтому они предпочли имѣть надъ собою православныхъ русскихъ начальни-

ковъ. Крімъ того, тутъ дѣйствовали и соображенія економіческія. „При государственомъ единствѣ съ Россією упразднялись всякія таможенныя преграды и мѣстная промышленность получала огромные рынки“; а извѣстно, что мадьяры, поляки и прочіе австрійскіе народы состоятъ исключительно изъ купцовъ, готовыхъ жертвовать своею національністю ради пріобрѣтенія торговыхъ выгодъ. Притомъ австрійцы „знали слишкомъ хорошо, что русскіе государи свято держатъ свои обѣщанія и выполняютъ договоры“, — хотя въ данномъ случаѣ дѣло шло о „присоединеніи къ Россіи“, а не о вступленіи съ нею въ договорныя отношенія. Вотъ почему значительнымъ большинствомъ голосовъ общеавстрійскій сеймъ постановилъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о „принятіи всѣхъ австрійскихъ земель на правахъ автономныхъ земскихъ областей въ составъ Россійской имперіи“; что же касается меньшинства, то о немъ ничего не сказано, и неизвѣстно еще, примирилось ли оно съ своею судьбой.

Автономія присоединившихся славянъ не можетъ, однако, доходить до равенства съ русскимъ народомъ. „Вы посмотрите, — говорится въ романѣ, — какая необъятная величина — Россія, и какой маленькій къ ней привѣсокъ — западное славянство. Неужели было бы справедливо намъ, побѣдителямъ, и первому въ славянствѣ, а теперь и въ мірѣ, народу садиться на корточки ради какого-то равенства со славянами? Да они и сами этого не просятъ. Они имѣютъ свою національную обстановку, свои земли, языкъ, управленіе, и очень довольны, что состоятъ членами великой русской державы“. Если сами они не просятъ равенства съ русскими и очень довольны своимъ положеніемъ, то нечего и говорить, — славянскій вопросъ разрѣшенъ благополучно; но ловко ли было бы намъ выставять себя „побѣдителями“ передъ славянствомъ, когда господство досталось намъ только по доброй волѣ самихъ австрійцевъ? Можно себѣ представить, каковы будутъ отношенія къ намъ присоединившихся западныхъ славянъ, если мы станемъ подавлять ихъ необъятнымъ величіемъ или величиною Россіи и приписывать имъ значеніе лишь маленькаго къ ней „привѣска“. Какъ бы то ни было, всѣ австро-венгерскія земли вошли въ составъ русскаго государства, вмѣстѣ съ населяющими ихъ различными народностями — славянами и мадьярами, нѣмцами и евреями. Той же участи подверглась Турція, имѣвшая неосторожность приженуть къ австро-германскому союзу для войны съ Россією. „Соединенныя русскія, болгарскія, сербскія и греческія силы вступили въ Константинополь, откуда султанъ предусмотрительно убѣжалъ въ Азію; съ тѣхъ поръ мы изъ Царьграда не выходили“, а болгаре, сербы и греки ушли, добровольно уступивъ намъ свою долю въ добычѣ, или сами отдались въ наше распоряженіе, изъ чувства неодолимой сим-

патіи къ русской державѣ. Константинополь теперь—нашъ; это четвертая столица Россійской имперіи: первая три — Кіевъ, Москва и Петербургъ.

И все это могло бы осуществиться, по увѣренію г. Шарапова, еслибы славянофильскіи воззрѣнія стали руководящими въ обществѣ и правящихъ сферахъ! Тогда потянулись бы къ намъ западные и южные, славянскіе и не-славянскіе народы, отреклись бы отъ своихъ самостоятельныхъ національныхъ традицій и стремленій, пожертвовали бы своими правами и интересами для пользы и величія Россіи. Наши враги и соперники смиренно умолкнули, пораженные внезапнымъ наступленіемъ русскаго или „Шараповскаго“ періода европейской исторіи; австро-венгерцы и германцы предупредительно сложили оружіе, англичане откажутся отъ своихъ заботъ о ближнемъ и дальнемъ Востоке, и повсюду воцарится благоговѣйное уваженіе къ новымъ славянскимъ идеямъ и порядкамъ, которыми осясчастливилась Россія. Эти новыя русскія идеи и учрежденія обладаютъ такою притягательною силою, что передъ ними покорно склонится Европа. И г. Шараповъ подробно объясняетъ намъ сущность этой благотѣльной перемѣны, привлекая къ намъ сердца и умы всѣхъ славянскихъ и прочихъ племенъ.

Во-первыхъ, мы возбудили въ себѣ общее довѣріе и сочувствіе не только союзомъ съ Китаемъ противъ европейцевъ, но и „чрезвычайно сильными и частыми еврейскими погромами во всей Европейской Россіи и даже въ Сибири, усмирненными повсюду военною силою“. Началось съ того, что „въ трудную финансовую минуту, подъ давленіемъ паришскаго Ротшильда, въ рукахъ котораго фактически находился регуляторъ государственнаго кредита Россіи“, наше правительство допустило въ пользу евреевъ важныя льготы, и за эти льготы „Ротшильдъ далъ намъ возможность заключить два большихъ металлическихъ займа“; другими словами, у насъ нашлись государственные дѣятели, готовые руководствоваться во внутренней политикѣ не интересами отечества, не началами справедливости и общественной пользы, а требованіями отдѣльныхъ иностранныхъ банкировъ, притомъ специально-еврейскихъ. Нашъ государственный кредитъ, по свидѣніямъ г. Шарапова, такъ своеобразно устроенъ, что можетъ держаться только на благосклонности Ротшильда, и нѣтъ для насъ въ мірѣ иныхъ капиталистовъ и биржевиковъ; Ротшильды же, вдобавокъ, настолько проникнуты безкорыстнымъ идеализмомъ, что устрояютъ свои финансовыя операціи не для полученія прибыли, а для доставленія льготъ отдаленнымъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. Такимъ образомъ, евреямъ дозволено было у насъ существовать почти на равныхъ правахъ съ христіанами; имъ были открыты всѣ отрасли полезнаго труда

и предприимчивости, что крайне взволновало, будто бы, остальное население. Евреи позволяли себѣ даже основывать „фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы“, и понятно, что такое расширение производительной дѣятельности или „эксплуатаціи“ должно было, по теоріи г. Шарапова, привести къ кровавымъ репрессіямъ. Какъ только западные славяне, мадьяры и австрійскіе евреи узнали о нашихъ анти-еврейскихъ волненіяхъ, они тотчасъ же почувствовали въ этомъ оригинальную мощь Россіи и еще болѣе укрѣпились въ своемъ стремленіи доживать свой вѣкъ въ составѣ русскихъ владѣній; такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить по изложенію автора.

Во-вторыхъ, мы увлекли и покорили славянство и Европу необыкновенно удачнымъ освобожденіемъ отъ иностранныхъ кредиторовъ, которые, будучи евреями, ничего другого и не заслуживали; но объ этомъ эпизодѣ говорится въ романѣ довольно глухо, въ связи съ предполагаемымъ развитіемъ еврейскаго вопроса. Евреи, достигнувъ равноправности, попали и въ офицерскую среду, и въ главный штабъ; между евреями-офицерами появились шпионы, шпионы иностранныхъ державъ, тогда какъ подобнаго шпионства не бывало прежде, до допущенія евреевъ на должности по главному штабу. Допло до того, что военное вѣдомство назначило профессоромъ военной академіи генерала, котораго пришлось потомъ повѣсить за продажу нѣмцамъ секретныхъ плановъ нашихъ крѣпостей; генералъ былъ вѣроятно поддѣльный, но самое назначеніе такого субъекта на видный военный постъ не было признакомъ благополучія въ порядкахъ военной администраціи. Во всемъ виноваты были офицеры-евреи, которыхъ почему-то оказалось очень много въ арміи; отношенія къ нимъ русскихъ офицеровъ до крайности обострились: дуэли происходили чуть ли не ежедневно и дисциплина видимо падала. „Новый рядъ страшныхъ еврейскихъ погромовъ довершилъ дѣло (?). Кроткій и незлобивый русскій народъ былъ раздраженъ до такой степени еврейской эксплуатаціею, что доходилъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до неслыханныхъ звѣрствъ“. Вскорѣ совершилась „великая финансовая катастрофа“, которая „развязала намъ руки, и съ этого момента началось какъ постепенное наше освобожденіе отъ давленія иностраннаго биржевого еврейства, такъ и наше національное возрожденіе“. Государственное банкротство, по мысли г. Шарапова, оправдывается именно тѣмъ, что западно-европейскіе финансисты принадлежатъ большею частью къ еврейскому племени, и что заключенныя съ ними финансовыя сдѣлки имѣютъ, слѣдовательно, какую-то связь съ нашимъ внутреннимъ еврейскимъ вопросомъ; этимъ объясняется, быть можетъ, и настойчивое желаніе автора, чтобы мы брали деньги только у Ротшильдовъ. Развязавъ себѣ руки при помощи выгодной для насъ катастрофы, мы, конечно, подвали этимъ

репутацию и обаяніе Россіи на небывалую еще высоту; съ тѣхъ поръ всѣ народы признали наше превосходство и перестали соперничать съ нами.

Кромѣ этихъ двухъ капитальныхъ подвиговъ—борьбы съ еврействомъ и освобожденія отъ вѣшнихъ долговъ,—мы осуществляли еще крупныя внутреннія реформы, которыми также завоевали себѣ великую славу въ культурномъ мірѣ. Мы занялись настоятельными задачами нашего національнаго возрожденія, боролись противъ всего иностраннаго и инородческаго, твердо провозглашали принципы: „Россія для русскихъ“, и усиленно хлопотали о томъ, чтобы коренные русскіе люди наконецъ „почувствовали себя хозяевами земли своей“. Этотъ поворотъ къ націонализму овладѣлъ умами русскаго общества какъ разъ тогда, когда Россія присоединила къ себѣ огромное количество новаго инородческаго населенія вмѣстѣ съ австро-венгерскими, балканскими, греческими и прочими землями. Этихъ присоединившимся и завоеваннымъ народамъ даютъ понять, что они остаются чужими и лишними для Россіи, что хозяевами въ ней могутъ быть только коренные русскіе люди, ничѣмъ не связанные относительно пришлыхъ элементовъ, и что травля инородцевъ будетъ по-прежнему любимымъ занятіемъ націоналистовъ-патріотовъ. Съ одной стороны, распространять русское владычество на чужія племена и земли, и этимъ увеличивать въ Россіи число иностранцевъ и инородцевъ, а съ другой стороны—вытѣснять иноплемениковъ, ограничивать ихъ права, отравлять ихъ существованіе,—такова двойственная программа г. Шарапова въ области національнаго вопроса. Подчинившіеся Россіи австрійскіе и прочіе иновѣрцы не должны обижаться предлагаемыми противъ нихъ мѣрами; напротивъ, они могутъ быть рады этому оживленію племенной борьбы, которое разсѣетъ для нихъ скуку жизни и помѣшаетъ имъ предаваться чрезмѣрному благополучію подъ могущественнымъ покровительствомъ русскихъ законовъ.

Борьба находится еще въ самомъ разгарѣ въ моментъ пробужденія героя, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и формы этой борьбы, какъ и мотивы ея, ничѣмъ не отличаются отъ хорошо извѣстныхъ приемовъ въ некоторой части современной намъ патріотической печати. Москва, напримѣръ, получила значеніе одного изъ крупныхъ мировыхъ центровъ, и въ ней числится болѣе четырехъ милліоновъ жителей разныхъ національностей, что и естественно при предполагаемомъ ростѣ Россіи, включающей уже и Вѣну, и Константинополь; тѣмъ не менѣе и тогда патріоты въ духѣ г. Шарапова будутъ горячо обсуждать чрезвычайно важный вопросъ „о непомѣрномъ размноженіи въ Москвѣ еврейскаго и иностраннаго элемента, сдѣлавшаго старую русскую Москву совершенно международнымъ и еврейскимъ городомъ“. По

почину городской думы предпринимается „борьба съ чужероднымъ населеніемъ, совершенно было-покорившимъ и обезличившимъ Москву“, — какъ будто это чужеродное населеніе не входитъ въ составъ Россіи и не принадлежитъ къ общей массѣ законныхъ обывателей страны. Чтобы придать дѣлу нѣкоторое правдоподобіе, авторъ незамѣтно оставляетъ въ сторонѣ всякихъ иноземцевъ и инородцевъ, переполнившихъ Москву, и выдвигаетъ на ихъ мѣсто однихъ только евреевъ. Въ Москвѣ издается „спеціально для борьбы съ еврейской и иностранной эксплуатаціей Россіи“ газета „Святая Русь“, самое названіе которой служитъ краснорѣчивымъ протестомъ противъ расширенія русскаго государства за предѣлы православной русской народности; эта газета поддерживаетъ „неустанную патріотическую агитацію въ томъ смыслѣ, что христіане должны ничего не покупать у евреевъ (и иностранцевъ?), ничего имъ не продавать, не входить ни въ какія сдѣлки и отношенія, изолировать ихъ въ общественномъ смыслѣ и заставлять ликвидировать дѣла и уходить“. Проповѣдь эта, говорится далѣе, „имѣла полный успѣхъ, и начавшееся по всей Россіи движеніе, совершенно мирное и чуждое всякаго оттѣнка насилія, оказалось для евреевъ страшнѣе самыхъ кровавыхъ погромовъ“. А такъ какъ евреямъ некуда уходить, ибо „Европа вся переполнена“, то они стали массами принимать православіе, чѣмъ опять-таки взволновали патріотовъ; предлагалось даже ограничить доступъ къ принятію христіанства, и ревностные охранители брались рѣшать по большинству голосовъ вопросы объ искренности обращающихся въ православіе и о допущеніи или недопущеніи ихъ ко святому крещенію. Это отрицаніе всякой религіи дополняется прямымъ издѣвательствомъ въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа: „Избави Богъ отъ угнетенія и насилія надъ кѣмъ бы то ни было. Евреи теперь полноправны. Имъ открыты всѣ роды дѣятельности. Русскій народъ не гонить ихъ изъ земли своей. Онъ желаетъ лишь, чтобы они измѣнили, насколько можно, свою природу, а не только свои вѣрованія. А измѣнится эта природа только тогда, когда не будетъ для нихъ никакихъ иныхъ способовъ жизни, кромѣ такого же труда, какой несетъ и весь русскій народъ. Пусть идутъ на землю, пусть передѣлываются духовно, и тогда христіанство не будетъ для нихъ однимъ лишь внѣшнимъ оружіемъ для удержанія ихъ нынѣшнихъ способовъ жизни. А не захотятъ этого, да будетъ имъ вѣдомо отнынѣ и навсегда, что уступокъ имъ никакихъ не будетъ, и вся православная Русь, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтитъ: вы намъ не нужны!“ Между тѣмъ, по смыслу всѣхъ рѣчей, приводимыхъ г. Шараповымъ, дѣло идетъ именно о томъ, чтобы фактически не допускать евреевъ ни до какого труда, ни земледѣльческаго, ни ремесленного, ни промышленнаго, ни про-

фессіональнаго; имъ совѣтуютъ „уходить“ или немедленно передѣлать свою природу по рецепту гонителей, которые произвольно приписываютъ себѣ роль компетентныхъ судей въ вопросахъ духовнаго совершенствованія.

Гоненіе, столь пространно почему-то изображаемое авторомъ, направлено противъ цѣлой расы, не различая правыхъ отъ виновныхъ, честныхъ и полезныхъ—отъ дурныхъ и вредныхъ дѣятелей. Хищные и безправственные люди встрѣчаются въ каждомъ племени, между послѣдователями каждой религіи, и нѣтъ разумаго основанія прилагать къ евреямъ болѣе суровую мѣрку, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Кромѣ Шейлока, существуетъ и Спиноза; изъ массы мелкихъ и невѣжественныхъ торгашей вырастаютъ великіе поэты, писатели, художники и ученые,—и нелѣпо было бы закрывать дорогу талантамъ подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ непріятному племени. Нѣмцы одинаково гордятся своими Гейне и Берне, Мейерберомъ и Мендельсономъ, Марксомъ и Лассалемъ, какъ и дѣятелями чисто-нѣмецкаго происхожденія; мы не отказываемся признавать Рубинштейна, Антокольскаго, Левитана представителями русскаго искусства, хотя они родились евреями. Предположеніе г. Шарапова и многихъ его единомышленниковъ—что зловредная эксплуатація и хищничество составляютъ спеціальность еврейства и смягчаются или слабѣютъ съ устраненіемъ послѣдняго,—опровергается фактами на каждомъ шагѣ: почти ни въ одномъ изъ громкихъ банковскихъ процессовъ и крупныхъ мошенничествъ послѣднихъ десятилѣтій не встрѣчается еврейскихъ именъ,—ни въ дѣлахъ Юханцева и Рыкова, ни въ недавнемъ грандіозномъ харьковскомъ крахѣ. Французское дѣло Эмбергъ, хитроумнѣйшее изъ мошенническихъ предпріятій, обошлось безъ участія евреевъ. Новѣйшіе исполинскіе хищники—американскіе міровые трѣсты—выдвинулись независимо отъ еврейскихъ дѣльцовъ. Репутація евреевъ, какъ изобрѣтательныхъ „гешефтмахеровъ“, сильно преувеличена: у нихъ нѣтъ той смѣлости и широты размаха, какъ у американскихъ монополистовъ, и нѣтъ той самоувѣренности и беззабѣчивости, какъ у нашихъ Рыковыхъ и Алчевскихъ. Что же касается различныхъ формъ надувательства, столь обычныхъ между мелкими торговцами всякихъ вообще національностей, то трудно сказать, какому племени принадлежитъ въ этомъ отношеніи пальма первенства, и едва ли еврей перехитритъ армянина или нашего ярославскаго мужичка. Но еслибы дѣйствительно еврейскіе промышленники были большею частью зловредными мошенниками и эксплуататорами, то это давало бы только право преслѣдовать и ограничивать ихъ по мѣрѣ личной отвѣтственности cadaquo; заранѣе же объявлять ихъ всѣхъ огульно безчестными было бы явнымъ несправедливостію по отношенію къ тѣмъ немногимъ добро-

собственными труженниками, которые могут оказаться въ ихъ числѣ. Еще болѣе несправедливо и нелогично стѣснять евреевъ въ полезномъ примѣненіи ихъ способностей къ разнымъ отраслямъ производительнаго труда на томъ основаніи, что другіе евреи занимаются сомнительными дѣлами и эксплуатациею. Самая точная зрѣнія націоналистовъ въ родѣ г. Шарапова относительно еврейскаго вопроса должна быть признана фактически невѣрною: еврейство не явилось въ Россію откуда-то изъ дальнихъ странъ, по собственной волѣ, а досталось русскому государству вмѣстѣ съ бывшими польскими землями, гдѣ оно издавна составляло значительную часть туземнаго населенія; поэтому, въ качествѣ туземцевъ западнаго края и привислянскихъ губерній, евреи никакъ не могутъ быть выживаемы изъ Россіи тѣми первобытными способами, какіе предлагаются нашими доморощенными подражателями французскихъ антисемитовъ. Какъ исконные обитатели своихъ мѣстечекъ и городовъ, какъ плательщики податей, привлекаемые и къ отбыванію воинской повинности, наши евреи входятъ несомнѣнно въ общую массу русскихъ подданныхъ, и никто не имѣетъ права говорить имъ устами г. Шарапова, чтобы они уходили. Задача государственной политики — постепенно поднять темную массу еврейства и сблизить съ русскимъ населеніемъ при помощи обязательнаго обученія въ общедоступныхъ смѣшанныхъ школахъ, чтобы со временемъ подготовить путь къ дѣйствительному сліянію, которое, между прочимъ, способствовало бы и усовершенствованію расы. Безпѣльная и жестокая травля, какую предвидитъ г. Шараповъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, есть именно травля, а не борьба; поэтому она и черезъ сотни лѣтъ не могла бы имѣть опредѣленной развязки и поддерживала бы только систематическое обоюдное ожесточеніе, которое отъ времени до времени прорывалось бы наружу безплодными кровавыми вспышками. Такая долговѣчность еврейскаго вопроса въ его острыхъ мучительныхъ формахъ не можетъ быть желательна даже самымъ откровеннымъ антисемитамъ, для которыхъ мнимая борьба съ еврействомъ есть нѣчто въ родѣ постоянно практикуемаго спорта. Въ романѣ г. Шарапова удѣлено слишкомъ много мѣста этому предмету, и почти ничего не высказано такого, что не повторялось бы уже много разъ всѣми любителями этого своеобразнаго антисемитскаго спорта.

Узкій націонализмъ, не согласованный съ измѣнившимся составомъ населенія расширенной имперіи, представляется автору чѣмъ-то свѣтлымъ и радостнымъ, знаменующимъ освобожденіе коренной русской народности отъ наносныхъ примѣсей и иноземныхъ вліяній. Г. Шараповъ, какъ и большинство подобныхъ ему патріотовъ, упускаетъ изъ виду, что забота о національной обособленности и чистотѣ крови свойственна только небольшимъ народамъ, не имѣющимъ

предъ собою великаго будущаго. Міровая держава не можетъ пользоваться мелкимъ масштабомъ, пригоднымъ для замкнутыхъ племенныхъ государствъ; напротивъ, она должна свободно поглощать инородные элементы, растворяя ихъ въ массѣ своего коренного населенія. Великія и могучія націи, какъ британская, нѣмецкая и сѣверо-американская, создавались и создаются только путемъ свободного сгѣшенія и перекрещиванія расъ; высшее, господствующее племя не портится, а улучшается, вбирая въ себя кровь низшей расы: вспомнимъ татарское происхожденіе Карамзинныхъ, Тургеневыхъ, Аксаковыхъ, негритянскую примѣсь въ Пушкинѣ, турецкую—въ Жуковскомъ. На почвѣ мелочнаго націонализма возникаютъ лишь чувства нетерпимости и вражды, порывы къ мракобѣсію и традиціонной косности, симпатіи къ китайщинѣ и ненависть къ высоко-культурнымъ соперникамъ; тутъ нѣтъ простора для широкихъ славянофильскихъ мечтаній, которыя въ сущности совершенно отсутствуютъ въ романѣ г. Шарашова,—если не считать чисто внѣшнихъ и слабо мотивированныхъ свѣдѣній о будущемъ необыкновенномъ торжествѣ Россіи надъ Европою. Нѣтъ славянофильской программы и въ обѣломъ очеркѣ внутреннихъ преобразованій, придуманныхъ и исполненныхъ двойникомъ г. Шарашова, „геніальнымъ Ѳедотомъ Пантелеевымъ“.

Мы узнаемъ отъ автора, что черезъ полвѣка все будетъ обстоять у насъ великолѣпно, и намъ приходится вѣрить ему на слово. „Россія выбилась на свою историческую дорогу, процвѣтаетъ, благоденствуетъ и преуспѣваетъ“. Чего же больше? Первымъ шагомъ къ возрожденію было возстановленіе нашего древняго церковно-общиннаго строя; начало этому положено устройствомъ прихода, какъ низшей земской и городской единицы, и принятіемъ выборнаго начала для назначенія приходскаго духовенства. „Ожившій приходъ далъ новую жизнь земству; а разъ земство ожило, обновилась и жизнь Россіи“; обновленіе произошло не совсѣмъ понятнымъ способомъ, какъ бы по приказу свыше, на основаніи нѣкоторыхъ официальныхъ мѣръ и регламентовъ. Толчокъ былъ данъ частнымъ лицомъ, скромнымъ землевладѣльцемъ, явившимся изъ провинціи и прочитавшимъ интересный докладъ въ одномъ обществѣ въ Петербургѣ; докладъ былъ замѣченъ, „автора призвали, и съ этого дня его звѣзда начала подниматься“: Ѳедотъ Пантелеевъ сразу выдвинулся изъ ничтожества и сдѣлался министромъ, такъ какъ вѣроятно, вопреки природѣ вещей, не встрѣтилъ вліятельныхъ противниковъ и недоброжелателей. Геніальный Ѳедотъ устроилъ самоуправленіе на новыхъ началахъ, отбѣнилъ господство бюрократіи, раздѣлилъ имперію на области съ намістниками во главѣ, переименовалъ министерства въ управленія, назвалъ министерство финансовъ „Державной казною“, а государственный банкъ—

Большою казною, упразднивъ министерство внутреннихъ дѣлъ, замѣнивъ его для полиціи особымъ „управленіемъ государственной безопасности“, и этими перемѣнами спасъ Россію отъ великихъ бѣдъ. Авторъ старается объяснить, въ чемъ заключается спасительность произведенныхъ реформъ, но вмѣсто точныхъ указаній получается нѣчто весьма неопредѣленное и расплывчатое. Съ восстановленіемъ прихода упрочилась земская организація; „уѣздное земство было организовано изъ выборныхъ отъ приходовъ, и ему были переданы всѣ органы управленія“. Въ то же время возстановилось „древнее каноническое избраніе епископовъ, и въ каждомъ уѣздѣ учреждена епископская кафедра; церковное управленіе само собою слилось съ земскимъ; уѣздъ былъ епархіею, земское собраніе—епархіальнымъ совѣтомъ“. Каждою областью управляетъ начальникъ ея или намѣстникъ; рядомъ съ нимъ, въ полной отъ него независимости,—областной предводитель дворянства, избранный уѣздными предводителями области; оба они имѣютъ право совмѣстнаго доклада по всѣмъ дѣламъ области. Областное земское собраніе имѣетъ обширныя полномочія въ предѣлахъ своего устава; исполнительная власть въ области принадлежитъ членамъ областной думы, отвѣтственной передъ собраніемъ и намѣстникомъ. „Разумѣется, дѣла области отъ дѣлъ государственныхъ, съ одной стороны, и отъ дѣлъ уѣздныхъ, съ другой, строго разграничены“. Существуютъ и областныя митрополиты, заведывающіе мѣстными дѣлами церкви. Начальникъ области имѣетъ право, при несогласіи съ земскимъ собраніемъ, приостановить исполненіе любого постановленія; но въ этомъ случаѣ немедленно созывается чрезвычайное собраніе въ усиленномъ составѣ для пересмотра дѣла. Дальнѣйшее разногласіе между собраніемъ и намѣстникомъ передается на усмотрѣніе сената или государственнаго совѣта, смотря по тому, касается ли споръ вопросовъ формальныхъ или политическихъ. Засѣданія государственнаго совѣта публичны, за исключеніемъ секретныхъ государственныхъ дѣлъ, и пренія печатаются въ стенографическихъ отчетахъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Въ составъ государственнаго совѣта входятъ также члены отъ областей; совѣтъ вырабатываетъ законопроекты, которые подъ именемъ „мѣстный“ подносятся на Высочайшее утвержденіе. Сенатъ сосредоточиваетъ въ себѣ высшій надзоръ за администраціею и самоуправленіемъ; для высшихъ судебныхъ функцій учрежденъ верховный кассационный судъ. При такой системѣ управленія, какъ утверждаетъ г. Шараповъ, сложный механизмъ бюрократіи, руководимый изъ центра, уступаетъ мѣсто ряду живыхъ организмовъ—самоуправляющихся областей. Странно только, что въ этомъ областномъ самоуправленіи играютъ главную и почти исключительную роль официальные представители одного только высшаго сословія, безъ соотвѣтственнаго участія вы-

борныхъ отъ другихъ, болѣе многочисленныхъ и пожалуй болѣе вліятельныхъ на мѣстѣ классовъ населенія—купечества, чиновничества, представителей свободныхъ профессій, мѣщанъ и крестьянъ. Какіе же это живые, самоуправляющіеся организмы, когда въ нихъ распоряжаются отъ имени обывателей только немногія официальные лица? Мѣстная жизнь будетъ поддерживаться еще поѣздками сенаторовъ, особо уполномоченныхъ „для разбора чрезвычайныхъ дѣлъ“; эти сановники могутъ, по своему усмотрѣнію, „приостанавливать уѣздное и даже областное самоуправленіе, смѣщать выборныхъ лицъ, производить при себѣ новые выборы“ и т. д., чѣмъ и поднимется, будто бы, самоуправленіе до невѣдомаго намъ уровня. Присутствующіе въ государственномъ совѣтѣ члены отъ областей, составляющіе около половины его состава, должны оживить дѣятельность законодательства; а такъ какъ въ числѣ автономныхъ земскихъ областей будутъ бывшія австрійскія и балканскія земли, то намѣченная авторомъ степень участія выборныхъ въ общихъ законодательныхъ дѣлахъ имперіи доставить, конечно, удовольствіе благонамѣреннымъ русскимъ людямъ. Всякій спорный вопросъ, дойдя до центральной власти, будетъ разрѣшаться безошибочно, потому что явится уже въ полномъ и всестороннемъ освѣщеніи, а могущественные побочные или закулисные интересы и мотивы, требующіе того или иного рѣшенія и способствующіе окончательному освѣщенію дѣла въ ту или другую сторону, умолкнуть или исчезнуть; жизнь пойдетъ по новому пути, слѣдуя лишь высокимъ нравственнымъ началамъ, — хотя сущность и причины этого нравственного перерожденія вліятельныхъ людей не затронуты въ романѣ. Учрежденія, введенныя гениальнымъ двойникомъ г. Шарапова, спасли Россію и возбудили зависть въ Европѣ. Германія пробовала устроиться по нашему образцу, но потерпѣла неудачу: нѣмецкому народу не пришлось избавиться отъ надобнаго ему права непосредственно вліять на общій ходъ своихъ государственныхъ дѣлъ, и нѣмцы осуждены попрежнему участвовать въ политической жизни отечества черезъ посредство имперскаго сейма и мѣстныхъ парламентовъ. И у насъ существуетъ политическая гласность во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ она признается удобною,—есть контроль и отвѣтственность въ тѣхъ предѣлахъ, какіе для нихъ установлены; и оттого повсюду водворился идеальный порядокъ, безъ мертвящаго бюрократизма, ибо „старый бюрократическій принципъ упраздненъ“, а извѣстно, что съ упраздненіемъ принципа сходять со сцены самыя явленія, обозначаемыя имъ.

Не всѣ части зданія, воздвигнутаго г. Оедотомъ Пантелеевымъ, одинаково удовлетворительны; напримѣръ, печать свободна отъ цензуры и подлежитъ отвѣтственности только предъ судомъ, но писатели

оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде, вслѣдствіе чрезвычайной строгости судей. „Недавно—разсказываетъ одинъ изъ собесѣдниковъ автора—одного почтеннаго человѣка и стараго журналиста посадили на мѣсяцъ въ рабочій домъ за предумышленный обманъ читателя въ формѣ недобросовѣстной полемики“; одну газету закрыли „за злостное и постоянное вторженіе въ частную жизнь и общественный соблазнъ“, а весь соблазнъ заключался въ напечатаніи романа съ нѣсколькими эффектными убійствами. Журналисты „вздыхаютъ о цензурѣ“, такъ какъ „суды положительно съ ума сходятъ“; но это странное явленіе, противорѣчащее обычной природѣ судебныхъ мѣстъ, ничѣмъ не объяснено въ романѣ. Изданіе газеты доступно не всякому желающему, а только лицамъ, могущимъ представить въ академію наукъ „доказательства вполне нравственного прошлаго“ и публично защитить свою подробную программу; необходимость такого экзамена вызывается тѣмъ соображеніемъ, что „газета есть общественная кафедра, есть формальная власть“ и нельзя пускать на эту кафедру „перваго встрѣчнаго“,—хотя, разумѣется, можно было бы полагаться немножко и на публику, которая тоже сумѣетъ отличить, кого стоитъ слушать и читать, и кого не стоитъ. Упоминая объ академіи, рассказчикъ сообщаетъ кстати, что она переименована въ „славянскую“, „лѣтъ двадцать назадъ, когда брали Царьградъ“,—и слѣдовательно не только наши гг. Ярмонкины и Крушеваны, но и газетные предприниматели всего славянскаго міра обязаны были бы утруждать академію изложеніемъ и защитой своихъ идей и программъ, такъ что академики не могли бы уже имѣть никакого другого дѣла, и имъ предстояла бы самая печальная судьба; незавидно было бы и положеніе лицъ, приѣзжающихъ съ разныхъ концовъ имперіи для полученія права издавать газету, которая, быть можетъ, вовсе не найдетъ читателей. Забавнѣе всего, что, по свидѣтельству самого г. Шарапова, этотъ трудный предварительный экзаменъ въ „славянской академіи“ совершенно не достигаетъ цѣли, и судамъ приходится сурово преслѣдовать газеты за нарушеніе правилъ нравственности и добросовѣстности. Зачѣмъ же изобрѣтать то, что заранѣе признается непригоднымъ и ненужнымъ?—Недостатокъ продуманности въ комбинаціяхъ г. Шарапова, отсутствіе единства и послѣдовательности въ основныхъ его взглядахъ, противорѣчивость и сбивчивость его представлений о будущемъ—рѣшительно не позволяютъ намъ видѣть въ его романѣ слѣды какой-нибудь сознательной цѣльной программы, въ духѣ заветныхъ „славянофильскихъ мечтаній и идеаловъ“.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

Нѣмецкіе парламенты и ихъ особенности.—Политическія рѣчи графа Бюлова.—
Польскій вопросъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Австрійскія дѣла и чешскій кри-
зисъ.—Смерть Ригера: его жизнь и дѣятельность.

Германскій имперскій сеймъ и прусская палата депутатовъ значи-
тельно отличаются, по своему общему характеру, отъ другихъ пар-
ламентовъ континентальной Европы: не имѣя прямого вліянія на лич-
ный составъ правительства и не обладая возможностью вызывать мини-
стерскіе кризисы, нѣмецкіе народные представители свободны отъ
крайностей партійной борьбы и исполняютъ свои функции съ спокой-
ной дѣловитостью, безъ страстныхъ увлеченій и порывовъ, безъ шум-
ныхъ сценъ и рѣзкихъ столкновеній; тутъ нѣтъ обычныхъ недостат-
ковъ парламентаризма,—нѣтъ простора честолюбивымъ разсчетамъ и
стремленіямъ, нѣтъ наклонности злоупотреблять краснорѣчіемъ и фра-
зерствомъ, нѣтъ той жажды перемѣнъ, которая характеризуетъ фран-
цузскія политическія партіи и вноситъ неустойчивость въ дѣйствіе
государственныхъ учреждений. Нѣмецкіе сеймы — имперскій и прус-
скій — не господствуютъ надъ правительствомъ, а контролируютъ управ-
леніе; они не обнаруживаютъ такой кипучей дѣятельности, какъ фран-
цузскій парламентъ, но дѣлаютъ очень много для всесторонняго осѣ-
щенія общественныхъ нуждъ и для правильнаго и своевременнаго
разрѣшенія текущихъ вопросовъ государственной жизни. Пренія импер-
скаго сейма представляютъ богатѣйшій матеріалъ и по внѣшней по-
литикѣ Германіи; достаточно вспомнить, что всѣ знаменитыя рѣчи
Бисмарка произносились въ парламентскихъ засѣданіяхъ, и что многія
изъ этихъ рѣчей служили лишь отвѣтомъ на запросы и сомнѣнія
оппозиціи. Нынѣшній канцлеръ, графъ Бюловъ, слѣдуетъ примѣру своего
великаго предмѣстника и часто даетъ имперскому сейму обстоятель-
ныя свѣдѣнія и объясненія по дѣламъ международной дипломатіи.

Между прочимъ, въ засѣданіи 19 марта (нов. ст.), графъ Бюловъ
говорилъ очень пространно о практическихъ задачахъ и принципахъ
современной германской политики. Относительно Венеціи, по его
словамъ, Германія съ самаго начала не имѣла въ виду ника-
кихъ завоевательныхъ или честолюбивыхъ цѣлей, а желала только до-
биться разчета съ неисправнымъ должникомъ, чего нельзя было
устроить безъ примѣненія чрезвычайныхъ средствъ. „Въ этомъ слу-

чаѣ дѣло шло не только о защитѣ нѣмецкаго достоинства, но и о предостереженіи на будущее время. Еслибы мы въ подобныхъ обстоятельствахъ усматривали только денежные споры,—продолжалъ графъ Буловъ,—то намъ пришлось бы мириться съ самыми вопіющими нарушеніями права. Тогда намъ не нужны были бы ни броненосцы, ни пушки. Но надо въ то же время твердо установить тотъ фактъ, что предъ нами былъ рѣдкій, исключительный случай. Никакъ не слѣдуетъ допускать мысль, что всегда, гдѣ только нарушены денежные интересы нѣмцевъ за границею, Германія будетъ брать на себя принудительное взысканіе. Доказательствомъ исключительности венецуальскаго дѣла является поведеніе Англіи, которая вообще держится того правила, что англичане, помѣщающіе свои капиталы за границею, дѣйствуютъ на собственный страхъ и не могутъ претендовать на особую охрану своихъ интересовъ; если же въ данномъ случаѣ лондонскій кабинетъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ, то это значить, что невозможно было поступить иначе. Съ разныхъ сторонъ дѣлались попытки воспользоваться венецуальскимъ конфликтомъ, чтобы возбудить недобѣріе между Берлиномъ и Лондономъ, и, особенно, чтобы поссорить Германію съ Соединенными штатами. Газеты настойчиво распространяли негѣпные слухи о нѣмецкихъ завоевательныхъ планахъ, о желаніи нѣмцевъ наложить руку на независимость той или другой изъ южно-американскихъ республикъ. Нью-іорскій „Herald“ сообщилъ даже отчетъ о бесѣдѣ съ однимъ несуществующимъ германскимъ чиновникомъ-дипломатомъ, который, будто бы, откровенно признался, что мы стремимся сначала занять Венецуэлу, затѣмъ Колумбію и наконецъ Бразилію. Правительства въ Римѣ, Лондонѣ и Вашингтонѣ не обращали, конечно, вниманія на эти маневры печати, такъ какъ честность германской политики была слишкомъ очевидна, и потому отношенія Германіи съ другими державами нисколько не пострадали изъ-за Венецуэлы“. Дальнѣйшія замѣчанія канцлера касались тройственного союза и восточнаго вопроса. Разумѣется само собою, что, по мнѣнію графа Булова, тройственный союзъ есть незыблемая дипломатическая святыня, одинаково важная и цѣнная для каждой изъ участвующихъ державъ. „Возобновленіе этого союза на прежнихъ основаніяхъ показывается,—говоритъ канцлеръ,—что союзъ поконится не на случайныхъ, преходящихъ или искусственныхъ комбинаціяхъ, а на прочныхъ, коренящихся въ природѣ вещей и равномѣрно существующихъ интересахъ и потребностяхъ трехъ связанныхъ имъ имперій. Союзъ не ставитъ внутреннему и вѣшнему развитію участниковъ никакой другой преграды, кромѣ обязательства поддерживать status quo и общій миръ. Этимъ своимъ характеромъ, рассчитаннымъ на долговѣчность, тройственный союзъ отличается отъ длиннаго ряда подобныхъ коалицій,

создававшихся въ прежнія времена. Старые союзы восемнадцатаго или девятнадцатаго вѣка заключались для временныхъ завоевательныхъ цѣлей, или происходили изъ необходимости защиты отъ нападений и, слѣдовательно, имѣли прямую связь съ данными обстоятельствами. Священный союзъ, съ которымъ часто сравнивали тройственную лигу, считалъ своей задачей повсемѣстное поддержаніе мира; но, къ сожалѣнію, онъ увлекся имѣшательствомъ во внутреннія дѣла народовъ, а это порождало взрывы, которые приводили къ революціямъ, вслѣдствіе чего священный союзъ потерпѣлъ крушеніе. Тройственная лига заимствовала отъ священнаго союза тенденцію, клонящуюся къ сохраненію мира, но совершенно далека отъ мысли стѣснять внутреннее развитіе союзныхъ государствъ и направлять ихъ народы по тѣсному пути, несогласному съ желаніями этихъ народовъ. Изъ всѣхъ коалицій и союзовъ двухъ послѣднихъ столѣтій тройственный союзъ есть самый миролюбивый и сильный, самый прочный и эластичный. Если французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ въ палатѣ, что по условіямъ тройственнаго союза Италія не обязана и не будетъ участвовать въ нападеніи на Францію, то этикъ онъ очевидно хотѣлъ только сказать, что союзъ имѣетъ лишь оборонительное значеніе, что это — лига мира, никому не угрожающая несправедливымъ нападеніемъ. Это всѣмъ извѣстно въ Германіи, и мы можемъ только радоваться, что и среди нашихъ сосѣдей, особенно во Франціи, распространяется убѣжденіе въ мирномъ характерѣ тройственнаго союза. Вліяніе этого союза сказывается и въ сдержанной политикѣ Германіи на европейскомъ юго-востокѣ, по поводу македонскаго кризиса. Берлинскій кабинетъ попрежнему придерживается того основнаго принципа, высказаннаго еще княземъ Бисмаркомъ, что вѣмцы не могутъ принимать самостоятельное активное участіе въ устройствѣ восточныхъ дѣлъ и „не должны на Балканскомъ полуостровѣ вытаскивать каштаны изъ огня для кого бы то ни было“. Германская дипломатія „сочувственно относится ко всякой мѣрѣ, способной улучшить фактическое положеніе дѣлъ въ Македоніи, безъ посягательства на неприкосновенность европейскихъ владѣній Турціи и безъ угрозы для мира“. Русско-австрійская программа реформъ кажется графу Бюлову очень удачною. „Германія безусловно солидарна съ Россією и Австрією въ ихъ искреннемъ стремленіи обезпечить на Востокѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность, на почвѣ существующихъ политическихъ и территориальныхъ отношеній“.

Рѣчи графа Бюлова нравятся нѣмецкой публикѣ своимъ мягкимъ, добродушнымъ тономъ, но не всегда удовлетворяютъ любознательныхъ скептиковъ, интересующихся фактическимъ ходомъ дѣлъ въ европейской политикѣ. Успокоительный оптимизмъ германскаго канцлера, вы-

раженный нерѣдко въ красивыхъ, закругленныхъ, отчасти сентиментальныхъ фразахъ, соответствуетъ вообще старымъ дипломатическимъ традиціямъ и представляется, конечно, вполне естественнымъ со стороны officialнаго руководителя германской дипломатіи. Графъ Буловъ говоритъ вообще много и хорошо, стараясь закрутить свою мысль обиліемъ сравненій и аллегорій, и въ результатѣ довольно трудно извлечь изъ его словъ что-нибудь положительное! Въ своемъ оправданіи венецуальскаго предпріятія онъ обошелъ именно тѣ пункты, которые требовали бы разъясненія; онъ не упомянулъ о причинахъ уклоненія отъ международнаго третейскаго суда передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій противъ Венецуэлы, не коснулся дѣйствительныхъ симптомовъ раздраженія, вызваннаго этимъ дѣломъ въ Соединенныхъ штатахъ, и сослался на примѣръ Англіи, какъ на доказательство серьезности притязаній, побудившихъ предпринять экспедицію, между тѣмъ какъ въ Англіи, наоборотъ, общественное мнѣніе усматривало въ этомъ предпріятіи только послѣдствіе чрезмѣрной угодливости или податливости министерства Бальфура по отношенію къ Германіи. Англичане объясняли блокаду Венецуэлы исключительно лишь настойчивымъ желаніемъ Германіи и открыто осуждали свое правительство за присоединеніе къ нѣмецкой затѣѣ; изъ-за этого неудачнаго союза съ нѣмцами консервативный кабинетъ почти совершенно лишился популярности въ странѣ, и его единственнымъ спасителемъ считается вернувшійся кстати изъ южной Африки министръ колоній Чемберленъ, исполнившій съ блестящимъ успѣхомъ свою новѣйшую „имперіалистскую“ миссію. При такомъ общезвѣстномъ настроеніи громаднаго большинства англичанъ относительно венецуальскаго конфликта было не совсѣмъ осторожно со стороны графа Булова указывать въ данномъ случаѣ на Англію, тѣмъ болѣе, что подобная ссылка могла бы вызвать соответственные комментаріи и протесты въ англійской печати. Правда, англичане не любятъ признаваться въ своихъ ошибкахъ передъ иностранцами, и имъ неловко приписывать чужой державѣ слишкомъ сильное вліяніе на отечественную политику хотя бы въ отдѣльномъ незначительномъ вопросѣ; но несомнѣнно, что участіе Англіи не объясняло и не оправдывало поведения Германіи, склонившей лондонскій кабинетъ къ союзу противъ Венецуэлы.

Графъ Буловъ пренебрежительно отзываясь о „маневрахъ печати“, оказавшихся безсильными поколебать довѣріе къ честной германской политикѣ; но неудовольствіе среди американцевъ и англичанъ порождалось и усиливалось такими фактами, какъ потопленіе венецуальскихъ кораблей и бомбардировка побережья германскими крейсерами, въ чемъ были уже совсѣмъ невинноваты газеты. Волненіе

въ Соединенныхъ штатахъ далеко выходило за предѣлы газетныхъ выдумокъ и отчасти захватывало и официальный міръ въ Вашингтонѣ, гдѣ всегда привыкли относиться съ тревожнымъ чувствомъ къ присутствію иностранныхъ броненосцевъ въ американскихъ водахъ; самые переговоры о мирномъ разрѣшеніи спора велись при дѣятельномъ посредничествѣ американской дипломатіи, и нѣкоторые непріятные для нѣмцевъ „маневры“ исходили отъ кружковъ и лицъ, близкихъ къ президенту Рузвельту. Быть можетъ, экспедиція окончилась не такъ, какъ рассчитывали ея устроители, и развязка получилась бы другая, еслибы не было давленія со стороны американскихъ и британскихъ друзей; нѣмцы какъ будто не ожидали этихъ глухихъ и громкихъ протестовъ, и въ этомъ заключалась ихъ ошибка. Неяснымъ или недостаточно мотивированнымъ остается и отрицательное отношеніе Германіи къ Гаагскому третейскому суду, которому проще всего было бы предоставить разборъ денежныхъ пререканій съ Венецулою. Но такъ какъ въ концѣ концовъ достигнутъ былъ благополучный результатъ, то ничто не мѣшаетъ теперь германскому канцлеру провозглашать свой образъ дѣйствій безупречнымъ и обвинять непріязненную заграничную прессу въ клеветѣ на Германію. Столь же односторонни и дипломатичны разсужденія графа Булова о тройственномъ союзѣ. Если этотъ союзъ такъ миролюбивъ, что не можетъ имѣть никакихъ положительныхъ цѣлей, то существованіе его оправдывалось бы только возможностью воинственныхъ покушеній или нападений другихъ могущественныхъ державъ; но ни одна изъ европейскихъ націй не уклонялась и не уклоняется отъ общаго стремленія сохранить европейскій миръ, который едва ли поколебался бы и при отсутствіи союзовъ, раздѣляющихъ нынѣ Европу на два лагеря. Тройственный союзъ можетъ оказаться необыкновенно долговѣчнымъ именно потому, что онъ безсодержателенъ, не имѣетъ точнаго примѣненія и не влечетъ за собою чувствительныхъ послѣдствій для участниковъ, представляя въ то же время нѣкоторые практическія удобства, облегчающія роль дипломатіи въ разныхъ спорныхъ и щекотливыхъ вопросахъ. Находясь въ союзѣ съ Австро-Венгрією, Германія, напримѣръ, считаетъ себя свободною отъ активныхъ заботъ о балканскихъ дѣлахъ, такъ какъ въ этой области нѣмцы вполне солидарны съ австрійцами и неизмѣнно стоятъ на почвѣ излюбленнаго принципа вѣнской дипломатіи — турецкаго status quo; оттого берлинскій кабинетъ можетъ спокойно ограничиться поощреніемъ и поддержаніемъ восточной политики Австро-Венгріи, прикрывая свою кажущуюся пассивность мнимымъ отсутствіемъ у нѣмцевъ самостоятельныхъ политическихъ интересовъ на Востокѣ. Это отсутствіе самостоятельной политики получаетъ оригинальное освѣщеніе въ постоянномъ подчеркиваніи того обстоятель-

ства, что турецкая власть надъ Македоніею не должна потерпѣть никакого ущерба и что реформы не могутъ ни въ чемъ отступать отъ установленнаго въ Турціи государственнаго порядка; эта преувеличенная заботливость о сохраненіи правъ и интересовъ турецкаго султана именно и выражаетъ собою ту самостоятельную восточную политику, которую проводить Германія черезъ посредство вѣнскаго кабинета. Германія имѣетъ въ Турціи свои крупныя экономическія интересы, которые со временемъ могутъ пріобрѣсть и политическое значеніе, и она отлично устрояетъ свои дѣла въ Малой Азіи и въ другихъ мѣстахъ, подъ видомъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій, такъ что сохраненіе турецкаго господства и режима входитъ въ сознательную положительную программу нѣмецкой вѣшной политики, а не есть только отвлеченный принципъ, вытекающій изъ общаго германскаго миролюбія.

Нѣмецкіе патріоты критикуютъ политику правительства не потому, что она непослѣдовательна или противорѣчива, а потому, что находятъ ее слишкомъ уступчивою и вялою. Представители консервативныхъ партій часто вспоминаютъ Бисмарка и ставятъ его въ примѣръ графу Бюлову. Въ томъ же засѣданіи имперскаго сейма, 19 марта, національно-либеральный депутатъ Гассе высказалъ мнѣніе, что германская дипломатія плохо исполняетъ свои обязанности, что она должна была бы оказать энергическій отпоръ Соединеннымъ штатамъ въ венецуэльскомъ вопросѣ, не обращая вниманія на зависть и недоброжелательство англичанъ. „Благодаря обращенію къ американскому посредничеству,—говорилъ Гассе—авторитетъ Германіи падаетъ, тогда какъ обаяніе Америки растетъ. Нѣмецкій посланникъ въ Вашингтонѣ, баронъ Шпекъ-фонъ-Штернбургъ, ведетъ себя такъ, что содержаніе его могло бы быть отнесено на счетъ американскаго правительства. Его льстивыя фразы по отношенію къ президенту Рузвельту не поддаются никакой характеристикѣ; онъ осмѣлился даже поставить президента на одну доску съ германскимъ императоромъ. Это свидѣтельствуетъ о глубокомъ упадкѣ національнаго самосознанія“. Депутатъ Гассе требуетъ болѣе строгаго обращенія не только съ отдаленными американцами, но и съ ближайшими союзниками, австро-венгерцами. „При заключеніи тройственнаго союза,—по его словамъ,—не слѣдовало придавать большую важность Венгріи. Мадыары составляютъ только 45% населенія и хотятъ, однако, господствовать въ странѣ; они не желаютъ сообразоваться съ принципами правового государства; это нужно имѣть въ виду при вступленіи съ ними въ союзъ или въ торговые договоры. Въ венгерской палатѣ депутатовъ раздаются невѣроятныя ругательства противъ Германіи, и президентъ не препятствуетъ этому. Манія величія доходитъ у мадыаръ до того,

что они претендуютъ на половину Балканскаго полуострова и придунайскихъ государствъ; надо было бы ихъ немножко проучить". Казалось бы, что американцы имѣютъ полное право у себя дома считать себя не ниже нѣмецкаго народа и что ихъ выборный президентъ есть законный глава государства, съ которымъ германскій императоръ долженъ по неволѣ сноситься на равныхъ правахъ; трудно понять, какъ можетъ Германія обуздывать или ограничивать въ чемъ-либо Соединенные штаты и ихъ правителей, при желаніи поддерживать съ ними мирныя отношенія. Нѣмцы легко могли бы, конечно, оттолкнуть отъ себя и американцевъ, и мадьяръ, но не должны были бы уже въ такомъ случаѣ рассчитывать на ихъ дружбу и на выгодное заключеніе съ ними союзныхъ или иныхъ договоровъ. Прямолинейный узкій патриотизмъ повсюду имѣетъ однородныя черты; ему всегда сопутствуетъ какая-то странная слѣпота, заставляющая людей вообще здравыхъ и разумныхъ проповѣдывать явныя безсмыслицы. Консерваторъ Эртель тоже нападалъ на чрезмѣрное добродушіе и снисходительность германскаго посланника въ Вашингтонѣ; „политика мѣняется, — замѣтилъ онъ ядовито по адресу графа Бюлова, — и гусарскія ботфорты отличаются отъ кирасирскихъ“, — хотя, разумѣется, званіе гусара столь же мало характерно для возрѣвѣвшаго нынѣшняго канцлера, какъ кирасирскій мундиръ — для политики Бисмарка. Нападки патриотовъ дали Бюлову матеріалъ для длинной рѣчи, въ которой онъ старался документально доказать, что идеи Бисмарка не имѣли ничего общаго съ легковѣснымъ шовинизмомъ его новѣйшихъ поклонниковъ; въ подтвержденіе своей мысли ораторъ прочиталъ нѣсколько поучительныхъ документовъ изъ переписки покойнаго канцлера съ германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Пештѣ въ 1883 году. Бисмаркъ рѣшительно отвергалъ тогда всякія нѣмецкія поповзновенія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Венгріи для заступничества за семиградскихъ нѣмцевъ, которымъ угрожала мадьяризація, и тогдашнія рѣзкія указанія на неумѣстность сентиментальности въ политикѣ были приведены графомъ Бюловомъ какъ аргументъ, наиболѣе убѣдительный въ глазахъ нѣмецкихъ патриотовъ. Впрочемъ, не надо забывать, что тѣ же близорукіе патриоты разсуждаютъ весьма дѣльно въ области обычныхъ парламентскихъ дѣлъ, финансовыхъ и законодательныхъ, и что общіе политическіе вопросы, особенно международные, не часто служатъ предметомъ преній въ имперскомъ сеймѣ.

Не столь невинны патриотическія увлеченія въ сферѣ внутренней политики, — напримѣръ, по польскому вопросу. Въ прусской палатѣ депутатовъ, при обсужденіи предложенныхъ дополнительныхъ расходовъ на нѣмецкую администрацію въ Познани, возникли горячіе споры о сущности и послѣдствіяхъ германизаторскихъ тенденцій пра-

вительства въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Пренія заняли нѣсколько засѣданій, начиная съ 19 марта, и нѣмецкое большинство должно было выслушивать отъ противниковъ разныя горькія истины, что доставляло все-таки нѣкоторое утѣшеніе полякамъ. Одинъ изъ депутатовъ „свободной народной партіи“ утверждалъ, что антипольская политика правительства причиняетъ вредъ нѣмецкой части населенія, вызывая антагонизмъ и вражду національностей тамъ, гдѣ нѣмцы находятся въ меньшинствѣ и гдѣ они прежде фактически были хозяевами; такъ, въ Данцигѣ до конца восьмидесятыхъ годовъ не было никакихъ польскихъ организацій, и при выборахъ въ имперскій сеймъ не подавалось ни одного голоса въ пользу поляковъ; теперь же существуютъ тамъ польскіе союзы, имѣющіе свое особое зданіе, и голоса нѣсколькихъ сотъ избирателей принадлежатъ уже специально польскимъ дѣятелямъ. Министръ финансовъ, баронъ Рейнбабенъ, доказывалъ, что повышенные оклады нѣмецкимъ чиновникамъ въ восточной Пруссіи должны привлечь туда лучшія силы и что требованіе кредита на постройку королевскаго дворца въ Познани подниметъ нѣмецкое національное чувство въ краѣ. Въ томъ же духѣ высказывались ораторы изъ національ-либераловъ и консерваторовъ; представители центра возражали съ точки зрѣнія цѣлесообразности; другіе напоминали, что нельзя и думать о превращеніи Познани въ нѣмецкій городъ и что „Познань всегда останется центромъ польскаго населенія въ Пруссіи“. Полякъ Глембоцкій проводилъ ту мысль, что несправедливыя стремленія и усилія правительства по существу своему бесплодны. „Польское національное движеніе—говорилъ онъ—никогда еще не было такъ сильно, какъ въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ официальныхъ мѣръ. Ни одинъ народъ не проникнуть въ такой степени монархическими чувствами, какъ поляки; этотъ монархизмъ коренится въ вѣрѣ, что монархъ есть воплощеніе справедливости. Если эта вѣра будетъ поколеблена фактами, то дворецъ въ Познани уже не поможетъ... Въ теченіе одного года было запрещено сорокъ польскихъ собраній, и въ концѣ концовъ эти запрещенія признаны были высшею инстанціею незаконными. Къ чему приводятъ эти напрасныя придирики? Вся эта политика стремится къ тому, чтобы низвести поляковъ до положенія полу-гражданъ, или обывателей второго разряда. Нелѣпность соединяется тутъ съ беззаконіемъ, и это соединеніе называется теперь политикою прусскаго правительства“. Прусскій министръ финансовъ съ негодованіемъ оспаривалъ доводы депутата Глембоцкаго, ссылаясь на благодѣянія нѣмецкой культуры въ бывшихъ польскихъ областяхъ и въ заключеніе пустился въ оцѣнку историческихъ заслугъ тевтонскаго ордена и династіи Гогенцоллерновъ. Въ засѣданіи 21 марта, представитель партіи центра возставалъ противъ системы нѣ-

мелкой колонизаціи польскихъ земель, такъ какъ спеціальныя льготы, даваемыя лицамъ нѣмецкаго происхожденія, и притомъ въ большинствѣ лютеранамъ, противорѣчатъ прусской конституціи, четвертый параграфъ которой гласитъ: „всѣ пруссаки равны передъ закономъ“. „Это—явная несправедливость, — закончилъ нѣмецкій ораторъ, — и нужно пожелать, чтобы она какъ можно скорѣе исчезла изъ законодательства“. Другой депутатъ, тоже нѣмецъ, сообщалъ интересныя свѣдѣнія о практическихъ результатахъ національнаго соперничества, поощряемаго и отчасти создаваемого правительствомъ; такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ польское населеніе перестало покупать у нѣмецкихъ купцовъ, которые вслѣдствіе этого лишились прежняго источника доходовъ. Министръ земледѣлія, фонъ-Подобльскій, оправдывалъ колонизацію разными сельскохозяйственными соображеніями, но, въ отвѣтъ на вопросъ депутата Глембоцкаго, долженъ былъ признать, что для приобрѣтенія имѣній у польскихъ владѣльцевъ употребляются посредники и агенты, скрывающіе отъ продавцовъ цѣль и характеръ покупки; а подобные приемы, какъ выразился Глембоцкій, составляютъ сознательный обманъ, который не должны бы пользоваться органы прусскаго правительства. Министръ пояснилъ, что непосредственно изъ польскихъ рукъ нельзя приобрѣсть ни одного имѣнія для колонизаціонной коммисіи въ Познани, и что поэтому приходится по неволѣ имѣть агентовъ, устроивающихъ покупныя сдѣлки; официальное признаніе подобнаго рода не могло произвести благопріятное впечатлѣніе на нѣмецкое большинство въ палатѣ, хотя и не повліяло, конечно, на исходъ преній: нравственные мотивы вообще безсильны, когда въ дѣло замѣшаны побужденія и инстинкты національной борьбы.

Въ Австро-Венгріи національный вопросъ туго подвигается впередъ, и до сихъ поръ остается еще неразрѣшеннымъ старый споръ о языкахъ въ Чехіи, несмотря на всѣ усилія министерства фонъ-Кербера достигнуть какого-нибудь компромисса. Даже соглашеніе между обѣими половинами имперіи, Австрією и Венгрією, могло состояться только вслѣдствіе личнаго вмѣшательства престарѣлаго императора Франца-Иосифа, авторитету котораго подчинились предводители парламентскихъ партій въ Вѣнѣ и Пештѣ; но это соглашеніе касалось лишь торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, относительно которыхъ всегда возможна сдѣлка путемъ обоюдной уступчивости, — тогда какъ обострившіяся національныя пререканія обыкновенно исключаютъ самую мысль объ уступкахъ.

О многолѣтней чешско-нѣмецкой распрѣ и объ ея перемѣнчивыхъ судьбахъ вновь напомнила недавняя смерть старѣйшаго парламентскаго

борца за историческія права Чехіи, Ригера. Францъ-Ладиславъ Ригеръ, родившійся въ 1818 году, былъ съ молодыхъ лѣтъ дѣятельнымъ сторонникомъ освобожденія и объединенія чешской народности; въ годы революціоннаго періода онъ возставалъ противъ нѣмецкихъ притязаній, отстаивалъ идею государственной самостоятельности Чехіи и требовалъ созванія славянскаго конгресса въ Прагѣ. Послѣ распушенія австрійскаго учредительнаго собранія въ мартѣ 1849 года, Ригеръ удалился въ Парижъ, занимался экономическими изслѣдованіями и готовился къ профессурѣ, но не получилъ разрѣшенія читать лекціи въ своемъ отечествѣ; онъ сдѣлался журналистомъ, въ 1850 году сблизился съ знаменитымъ чешскимъ историкомъ Палацкимъ, на дочери котораго женился, и съ тѣхъ поръ сталъ постепенно однимъ изъ самыхъ видныхъ и энергическихъ предводителей чешской національной партіи. Какъ талантливый ораторъ, онъ приобрѣлъ большое вліяніе въ австрійскомъ парламентѣ и старался сплотить разрозненные классы чешскаго общества на почвѣ цѣльной политической программы, чтобы имѣть возможность предъявлять извѣстные требованія правительству; но такъ какъ эти требованія оставались безъ вниманія, то партія Ригера покинула австрійскій рейхсратъ и чешскій сеймъ, и эта система воздержанія была долго главнымъ орудіемъ борьбы противъ нѣмецкихъ централистовъ. Послѣ пораженія Австріи пруссаками въ 1866 году, чешскіе патріоты имѣли основаніе надѣяться на успѣхъ и нѣсколько лѣтъ спустя, подъ настойчивымъ руководствомъ Ригера, уже почти достигли завѣтной цѣли при министерствѣ графа Гогенварта; новымъ конституціоннымъ актомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ сентябрьскимъ рескриптомъ 1870 года было провозглашено существованіе особаго чешскаго королевства, и коронація императора Франца-Иосифа въ Прагѣ, въ качествѣ чешскаго короля, была только вопросомъ времени. Мадьярскимъ политическимъ дѣятелямъ, въ союзѣ съ канцлеромъ графомъ Бейстомъ, удалось, однако, свергнуть министерство Гогенварта и уничтожить его проекты новаго федеральнаго строя Австріи, и съ октября 1871 года Чехія вновь очутилась въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ была и раньше. Ригеръ опять вышелъ изъ состава парламента вмѣстѣ съ своею партією, въ ожиданіи лучшихъ временъ, и только въ 1879 году, съ наступленіемъ примирительной эры графа Таафе, вернулся къ парламентской дѣятельности; онъ былъ тогда признаннымъ вождемъ чешскаго народа и пользовался огромною популярностью въ странѣ, но долженъ былъ уже считаться съ значительною группою болѣе молодыхъ и нетерпѣливыхъ патріотовъ, недовольныхъ его осторожною и медлительною тактикою. Послѣдовательно, шагъ за шагомъ, подготовлялось фактическое возста-

новленіе чешской государственности, при помощи отдѣльных уступокъ и компромиссовъ; Ригеръ сумѣлъ привлечь на свою сторону и чешскую аристократію, которая вообще дѣйствовала съ нимъ заодно. Для австрійскаго министерства имѣло большое значеніе то обстоятельство, будутъ ли чешскіе депутаты на сторонѣ правительства или въ рядахъ оппозиціи, и Ригеръ весьма искусно лавировалъ среди различныхъ правительственныхъ и партійныхъ теченій, извлекая изъ нихъ возможную пользу для національнаго дѣла чеховъ. По мѣрѣ усиленія чешскаго политическаго вліянія, все болѣе увеличивался и внутренній разладъ между старыми и новыми дѣятелями, между приверженцами разсчетливаго, обдуманнаго движенія впередъ и проповѣдниками смѣлой, откровенной борьбы. Въ 1890 году, когда старочехи, съ Ригеромъ во главѣ, устроили соглашеніе съ нѣмцами относительно разграниченія чешскихъ, нѣмецкихъ и смѣшанныхъ округовъ въ Богеміи, младочешская группа уже прямо возстала противъ бывшаго руководителя и организатора національнаго движенія, обвиняя его чуть ли не въ измѣнѣ высшимъ интересамъ родины. Младочехи съ шумомъ выступили на первый планъ, оттѣснили Ригера съ его партією и приняли на себя задачу болѣе рѣшительнаго и быстрого осуществленія широкихъ народныхъ идеаловъ. Это былъ полный разгромъ старочеховъ: ни одинъ изъ нихъ не былъ вновь избранъ на выборахъ въ австрійскій парламентъ, въ 1891 году, и даже самъ Ригеръ не попалъ въ депутаты. Съ тѣхъ поръ онъ фактически сошелъ со сцены и не принималъ уже больше участія въ текущей политикѣ; въ 1896 году правительство назначило его пожизненнымъ членомъ австрійской палаты господъ и затѣмъ дало ему баронскій титулъ. Когда онъ умеръ въ первыхъ числахъ марта (нов. ст.), то многимъ казалось, что это извѣстіе опоздало на нѣсколько лѣтъ,—до того основательно было забытъ знаменитый нѣкогда вождь чешскаго народа.

Въ судьбѣ Ригера сказались обычныя черты славянскихъ движеній—склонность къ раздорамъ и внутреннимъ пререканіямъ, отсутствіе единства и выдержки въ преслѣдованіи общественныхъ и національных цѣлей. Младочехи поступили съ своими старшими собратьями или соперниками какъ истинные славяне; они сразу разрушили плоды долготѣйшей работы, рѣзко оттолкнули отъ общаго дѣла значительную группу заслуженныхъ и даровитыхъ дѣятелей, порвали съ своими учителями и предшественниками, и взялись дѣйствовать вполне самостоятельно, по новому плану, или вѣрнѣе безъ всякаго плана. Болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло со времени торжества младочеховъ надъ старочешскою партією Ригера, и Чехія не только не приблизилась къ осуществленію своей національной мечты,

но и отдалилась отъ нея: вліятельный нѣмецкій элементъ въ чешскихъ округахъ сильнѣе чѣмъ когда-либо сохраняетъ и защищаетъ свои боевыя позиціи; чешскіе нѣмцы, въ свою очередь, организуются и грозятъ междоусобіемъ въ случаѣ удовлетворенія требованій чеховъ, а среди самой чешской народности замѣчается разладъ, утомленіе отъ прошлой борьбы, недовольство настоящимъ и недостатокъ вѣры въ будущее. Еслибы исторія новѣйшаго національнаго движенія Чехіи не была искусственно прервана по волѣ младочеховъ, то, безъ сомнѣнія, чешско-нѣмецкій кризисъ распутался бы уже давно, и національная борьба, подъ вліяніемъ мирной тактики Ригера, превратилась бы, быть можетъ, въ спокойное культурное сожительство равноправныхъ сосѣдей.

ПЕТКО КАРАВЕЛОВЪ И ЕГО МѢСТО ВЪ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

Письмо изъ Сопѣи.

Знаменитый нѣкогда болгарскій писатель, патріотъ и революціонеръ, Любенъ Каравеловъ, стоявшій во главѣ народнаго освободительнаго движенія послѣ смерти С. Раковскаго, умеръ бездѣтнымъ. Но онъ не остался совсѣмъ безъ наслѣдниковъ. Преемникомъ его имени и его славы былъ его младшій братъ, Петко. Ему, какъ и Любену, выпала завидная доля быть вождемъ своего народа, и онъ выполнилъ эту нелегкую миссію съ такою же честью для себя и съ такимъ же, можетъ быть, успѣхомъ. Какъ и Любенъ, онъ пользовался самою широкою популярностью при жизни. Какъ и Любенъ, онъ унесъ съ собою въ могилу не только безграничную преданность единомышленниковъ, возводившихъ его на пьедесталъ генія, но и общее уваженіе современниковъ, въ глазахъ которыхъ онъ пользовался репутаціею честности, ума и талантовъ, не превзойденныхъ еще никѣмъ изъ государственныхъ дѣятелей современной молодой Болгаріи. Онъ не обладалъ ни блестящимъ литературнымъ талантомъ своего брата, ни его горячимъ революционнымъ темпераментомъ, ни, можетъ быть, искреннею простотою его демократическаго міросозерцанія, но у него были качества не менѣе драгоцѣнныя—особенно для политическаго дѣятеля, призваннаго работать на широкой сравнительно аренѣ государственнаго строительства, при сравнительно нормальныхъ условіяхъ конституціоннаго политическаго режима: ясный умъ, легко и скоро ориентировавшійся въ самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ; практическая смѣтка, безошибочно находившая выходъ изъ затрудненій; твердая воля, настойчивость и энергія, не покидавшія его и при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ; обширная эрудиція, которая imponировала, и не менѣе обширная память, которая поражала, и—главное—безграничная самоувѣренность, которая заставляла все окружающее смотрѣть на него снизу вверхъ, признавать во всемъ его непреерекаемый авторитетъ и подчиняться ему, какъ естественному, самимъ Провидѣніемъ назначенному вождю и учителю.

Каравеловъ родился въ 1843 г., въ одномъ изъ горныхъ поселковъ средней Болгаріи, въ мѣстности, гдѣ сохранился въ своей чистотѣ

исконный болгарскій типъ, гдѣ старыя болгарскія традиціи умѣренной трезвости, упорнаго труда и неукротимаго свободолюбія свято хранятся еще и въ наши дни. Въ этихъ традиціяхъ росъ онъ ребенкомъ и мальчикомъ. Онѣ и опредѣлили съ дѣтства основныя черты его будущаго характера. Другимъ рѣшающимъ моментомъ въ развитіи его личности было его пребываніе въ московской гимназіи, въ которую помѣстили его Любенъ, и потомъ въ московскомъ университетѣ. Ему пришлось учиться здѣсь какъ разъ въ тѣ годы, когда въ передовыхъ университетскихъ и литературныхъ кружкахъ Россіи безраздѣльно царилъ либерализмъ 60-ыхъ годовъ, когда среди русской учащейся молодежи начиналось нѣкоторое броженіе, происходившее еще на почвѣ и подъ знаменемъ нигилизма. Молодой Каравеловъ не могъ, конечно, остаться въ сторонѣ отъ этихъ вліяній. Онъ легко поддался имъ, войдя и умомъ и сердцемъ въ кипѣвшую вокругъ него жизнь. Но, какъ болгаринъ, въ душѣ котораго всегда жилъ страдальческій образъ порабожденной и несчастной родины, онъ не слился съ этою жизнью цѣликомъ, не отдался ей всецѣло и безповоротно, какъ отдавались ей его русскіе товарищи и сверстники. Онъ старательно учился, много читалъ и готовился въ будущей дѣятельности у себя на родинѣ. Параллельно съ увлекавшимися студенческими кружками, онъ усердно поддерживалъ близкія отношенія и съ совѣтъ другою средою, съ которою его связывали, кромѣ національнаго чувства, и чисто практическія соображенія тѣхъ выгодъ, какія она обѣщала ему, какъ славянину вообще и болгарину въ частности. Мы имѣемъ въ виду тогдашнихъ московскихъ славянофиловъ съ И. С. Аксаковымъ во главѣ. Они его знали и цѣнили, какъ подававшаго большія надежды юношу. Онъ дорожилъ ихъ покровительствомъ, какъ людей вліятельныхъ и сильныхъ. И тогда, въ годы юношества, его увлеченія никогда не доходили до самозабвенія и всегда подчинялись холодному разсудку. Поэтому-то онъ и не обжигался, хотя иногда и игралъ съ огнемъ...

Образцовымъ студентомъ Каравеловъ не былъ и „надеждъ“ не подавалъ, такъ какъ не сосредоточивался на чемъ-нибудь одномъ и посѣщалъ не тѣ лекціи, которыя ему полагались по курсу, а тѣ, которыя ему нравились. Къ тому же много времени тратилъ онъ и на сторонѣ, внѣ стѣнъ университета. Тѣмъ не менѣе, онъ покинулъ университетъ съ большимъ запасомъ знаній, особенно въ области общественныхъ наукъ, которыя всегда занимали его по преимуществу. По тогдашнимъ же болгарскимъ мѣркамъ этотъ запасъ долженъ былъ производить впечатлѣніе чего-то громаднаго, подавляющаго. Своимъ соплеменникамъ—особенно наивной молодежи, передъ которой только что распахнулись ворота европейской культуры,—онъ долженъ былъ

казаться кладеземъ премудрости, геніемъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго. Прибавьте къ этому обаяніе славнаго имени его брата, окруженнаго въ глазахъ всѣхъ болгаръ того времени яркимъ ореоломъ патриотическаго апостольства, и вы легко себѣ представите, въ какомъ отличномъ вооруженіи выходилъ Петко Каравеловъ на общественную арену, какъ благопріятно складывались для него обстоятельства въ освобожденномъ къ этому времени отечествѣ. Все обѣщало ему успѣхъ, блестящую и быструю карьеру. И онъ, дѣйствительно, „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“!

Въ самомъ народно-освободительномъ болгарскомъ движеніи, въ возстаніяхъ и революціонныхъ предпріятіяхъ „Центральнаго Комитета“, во главѣ котораго стоялъ его братъ, П. Каравеловъ участіа не принималъ, несмотря на то, что въ 1876 году ему было уже 23 года. Въ эти годы многіе изъ его сверстниковъ кончали свою революціонную карьеру на висѣлицахъ или въ малоазійскихъ казематахъ. Но Каравеловъ и по взглядамъ, и по темпераменту принадлежалъ къ другому типу. Онъ менѣе всего былъ „Инсаровымъ“. Ни энтузіазмъ, ни фанатизмъ никогда не имѣли надъ нимъ власти. Онъ и въ молодости былъ прежде всего практическимъ счетчикомъ, избѣгавшимъ опаснаго риска, реальнымъ политикомъ, возлагавшимъ свои надежды не на бессильныя революціонныя затѣи эмигрантовъ, а на планомерное дѣйствіе европейской дипломатіи. Къ тому же на его плечахъ лежали заботы о семьѣ. Однимъ словомъ, онъ не рвался изъ Россіи и не спѣшилъ на родину, гдѣ все еще было хаосомъ и неизвѣстностью. Но какъ только положеніе дѣлъ приняло серьезный оборотъ, и онъ почувствовалъ, что можетъ быть полезенъ, что для его дѣятельности открывается подходящая арена,—онъ не колебался ни минуты.

Снабженный самыми лестными рекомендаціями со стороны своихъ славянофильскихъ покровителей въ Москвѣ, онъ по слѣдамъ русскихъ войскъ пріѣхалъ въ Болгарію. Здѣсь онъ скоро обратилъ на себя вниманіе князя Черкаскаго, который назначилъ его вице-губернаторомъ въ Виддинѣ. Въ этой административной должности и началъ онъ свое общественное служеніе.

Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ его депутатомъ „великаго народнаго собранія“, созданнаго руссійскимъ императорскимъ комиссаромъ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, въ древней болгарской столицѣ Тырново, для разсмотрѣнія проекта болгарской конституціи. Онъ принадлежалъ къ группѣ депутатовъ ex officio—и личной извѣстностью еще не пользовался ни въ массѣ населенія, ни между своими товарищами-депутатами, но это не помѣшало ему въ первые же дни выдѣлиться изъ ихъ среды въ качествѣ одного изъ естественныхъ вожаковъ собранія. Къ открытію собранія онъ уже пользовался боль-

шимъ вліяніемъ на товарищей, и его репутація, какъ глубокаго знатока парламентарной практики и конституціоннаго права, была сдѣлана. Это сказалось въ первомъ же засѣданіи, при выборѣ членовъ комиссіи, которая должна была подвергнуть предварительному разсмотрѣнію предложенный собранію проектъ „Органическаго устава“. Въ этой комиссіи нашли себѣ мѣсто всѣ будущія политическія знаменитости Болгаріи: Стоиловъ, Грековъ, Начевичъ, Цанковъ, Икопотовъ, Балабановъ. И рядомъ съ ними красуется имя П. Каравелова. А черезъ нѣсколько дней, при назначеніи бюро собранія, онъ былъ выбранъ и однимъ изъ подпредсѣдателей, причемъ за него было подано 114 голосовъ.

Съ первыхъ же засѣданій великаго тырновскаго собранія въ немъ начали намѣчаться два враждебныхъ теченія—либеральное и консервативное, изъ которыхъ впоследствии должны были возникнуть и развиться главныя болгарскія партіи. Эти теченія не успѣли еще выставить опредѣленныхъ политическихъ формулъ,—тѣмъ менѣе программъ,—но они уже сознавали свою противоположность и вступили между собой въ рѣшительную борьбу. Каравеловъ принадлежалъ, конечно, къ первому теченію, къ которому применилъ съ перваго же момента его возникновенія, и въ которомъ не замедлил занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ не парадировалъ передъ публикою, не произносилъ длинныхъ рѣчей, не блисталъ краснорѣчіемъ, которымъ и вообще никогда не отличался, но онъ былъ его душою, его руководителемъ, вдохновителемъ и главнымъ организаторомъ. Его преобладающее вліяніе въ лагерѣ „либераловъ“ впервые сказалось открыто и явно на 12-мъ засѣданіи, когда дошла очередь до обсужденія доклада, представленнаго комиссіею, выбранною собраніемъ для разсмотрѣнія проекта конституціи. Самъ—членъ этой комиссіи, Каравеловъ высказался противъ ея „ретрограднаго“ доклада самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ образомъ. Онъ вышелъ на трибуну и произнесъ противъ него беспощадную филиппику. Онъ не нашелъ въ немъ „ни политики, ни логики, ни грамматики“. Въмѣсто „принциповъ“ въ этомъ злополучномъ докладѣ оказались „какія-то четыре начала, подбитыя консервативнымъ вѣтромъ; вмѣсто тезисовъ—ваша; вмѣсто мотивовъ... но о мотивахъ лучше и не упоминать...“ Въ концѣ-концовъ ораторъ предложилъ собранію бросить докладъ комиссіи въ сорную корзину, какъ совершенно ненужную бумагожку, и приступить прямо къ обсужденію самаго проекта. Комиссія считала болгарскій народъ „несозрѣвшимъ для свободы“ и предлагала поэтому уснастить „органическій уставъ“ всевозможными „гарантіями порядка и устойчивости“; народныя представители должны были отвѣтить на это оскорб-

леніе принятіемъ для Болгаріи возможно болѣе демократической прогрессивной и свободолюбивой конституціи...

Предложеніе Каравелова было поддержано со всѣхъ сторонъ и принято громаднымъ большинствомъ вотировавшихъ. Самъ же Каравеловъ сталъ съ этихъ поръ признаннымъ лидеромъ либеральнаго большинства въ собраніи. Подъ его вліяніемъ и—нерѣдко—при его прямомъ участіи проектъ князя Дондукова-Корсакова былъ подвергнутъ самому придирчивому пересмотру, изъ котораго онъ вышелъ исправленнымъ и дополненнымъ въ самомъ рѣшительномъ радикально-демократическомъ духѣ. Было уменьшено содержаніе князя съ 1.000.000 до 600.000 фр.; были отброшены всѣ ограниченія свободы печати, и предварительная духовная цензура была сохранена исключительно для церковныхъ богослужебныхъ книгъ и учебниковъ; было объявлено всеобщее обязательное и бесплатное первоначальное обученіе; былъ провозглашенъ принципъ широкаго мѣстнаго самоуправленія; было принято всеобщее избирательное право, и всякія назначенія депутатовъ княземъ или ex-officio были отвергнуты въ примѣненіи не только къ народнымъ собраніямъ, но и къ какимъ бы то ни было избирательнымъ учрежденіямъ. И чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ смѣлѣе становилось либеральное большинство, тѣмъ радикальнѣе дѣлались вносимыя имъ измѣненія и поправки. Въ кардинальных вопросахъ о сенатѣ и о государственномъ совѣтѣ, въ которыхъ проектъ видѣлъ тѣмъ болѣе необходимые элементы будущаго конституціоннаго режима Болгаріи, чѣмъ болѣе молода, неопытна и несвѣдуща была она въ дѣлѣ самоуправленія,—консервативное меньшинство собранія попыталось дать „радикаламъ“ послѣднее сраженіе. Но и это сраженіе было ими проиграно. Руководимые Каравеловымъ, Славейковымъ, Цанковымъ и другими своими вожаками, радикалы разбили ихъ въ пухъ и прахъ, и безъ труда заняли всѣ ихъ послѣднія позиціи. „Не оскорбляйте народа своими подозрѣніями и сомнѣніями,—говорили они устами Славейкова, Стоянова и другихъ корифеевъ либеральнаго направленія;—не ищите противъ него ненужнаго оружія, не принимайте мѣръ противъ несуществующихъ опасностей, противъ которыхъ, къ тому же, вы и такъ вооружены болѣе, чѣмъ достаточно. Вѣрьте народу, его благоразумію, его патриотизму. Не забывайте, что онъ самъ своими собственными силами завоевалъ свои училищныя и церковныя права, воспиталъ въ себѣ національное самосознаніе, подготовилъ себя къ свободѣ и независимости. Не подрывайте его единства, не разбивайте его на сословія, не пытайтесь создавать въ немъ элементы будущей аристократіи. Отбросьте эти бесполезные пережитки тяжелаго прошлаго—сенатъ и государственный совѣтъ—и не создавайте искусственныхъ преградъ между народомъ и короною“...

И собраніе отбросило ихъ громаднымъ большинствомъ, почти безъ прений, какъ оно отбросило раньше всѣ другія „охранительныя за- пруды“, которыя были введены въ проектъ конституцій его осторож- ными составителями. Въ концѣ-концовъ этотъ проектъ вышелъ изъ рукъ перваго собранія представителей болгарскаго народа совершенно неузнаваемымъ въ своемъ послѣдовательномъ и смѣломъ демократизмѣ. И не подлежитъ сомнѣнію, что такой — для многихъ неожиданный — результатъ былъ въ значительной степени обязанъ вліянію, организа- торскому таланту и настойчивой энергіи П. Каравелова.

Уже къ концу тырновскаго собранія намѣченные тамъ теченія успѣли вылиться въ настоящія политическія партіи, съ программами, съ зачатками организаци, съ опредѣлившимися вожаками. Либералы, во главѣ которыхъ стояли умѣренный Д. Цанковъ и болѣе крайній П. Каравеловъ, были гораздо болѣе многочисленны и сильны въ массѣ населенія, но въ глазахъ всесильныхъ тогда въ Болгаріи русскихъ совѣтниковъ они казались опасными разрушителями и нигилистами, съ которыми нельзя было сближаться, не роняя престижа власти и не нанося ущерба „русскимъ интересамъ“ въ Болгаріи. Консерваторы были малочисленны и непопулярны, но они пользовались довѣріемъ князя и покровительствомъ русской дипломатіи. Они, поэтому, и были призваны къ власти, поскольку можно было говорить тогда о „власти“ болгарскихъ политикановъ въ присутствіи всемогущихъ русскихъ ком- миссаровъ. Первое и второе министерства князя Александра были министерства консервативныя.

Скоро, однако, оказалось, что управлять съ помощью консервато- ровъ и противъ подавляющаго большинства либераловъ было нелегко. Къ тому же между болгарскими министрами, при всемъ своемъ кон- серватизмѣ бывшими все-таки прежде всего патріотами-болгарами, и ихъ русскими совѣтниками, остававшимися прежде всего защитниками того, въ чемъ они видѣли интересы русской политики, скоро начались нелады и недоразумѣнія, не замедлившіе обостриться и привести къ разрыву. Русскіе комиссары начали сближаться съ либералами, и не прошло со времени тырновскаго собранія и года, какъ послѣдніе за- мѣнили у кормила правленія опальныхъ консерваторовъ. Сначала былъ призванъ къ власти умѣренный Цанковъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его замѣнилъ радикальный Каравеловъ.

Положеніе Каравелова было очень нелегко. Убѣжденный консти- туціоналистъ, онъ долженъ былъ мириться съ деспотическими поры- вами молодого князя и съ убѣжденнымъ, возведеннымъ въ систему, своевластіемъ своихъ русскихъ покровителей и коллегъ; горячій патріотъ, онъ на каждомъ шагѣ сталкивался съ ихъ специально-русскою точкою зрѣнія на всѣ вопросы даже чисто внутренней болгарской

политики. Самъ человекъ властный и сильный, онъ не покорялся необходимости, но, насколько могъ, боролся противъ нея. Въ результатъ его управленіе обратилось въ безконечную серію конфликтовъ между нимъ и русскими представителями, аккредитованными при князѣ Александрѣ. Эти послѣдніе скоро увидѣли, что они „ошиблись“ и въ Каравеловѣ, какъ они ошиблись раньше въ Цанковѣ, а еще раньше — въ Бурмовѣ, въ Грековѣ, въ Стоиловѣ и въ другихъ болгарскихъ консерваторахъ. Эти постоянныя „ошибки“ ясно говорили, что дѣло тутъ было не столько въ личностяхъ, сколько въ ложности самаго положенія. И Хитрово, и генералъ Эрнротъ, начинали все рѣшительнѣе приходить къ убѣжденію, что вина тутъ была въ самой „тырновской конституціи“. Она была въ ихъ глазахъ „grande coupable“, и ее надо было обуздать. Это убѣжденіе было легко усвоено княземъ Александромъ и нашло себѣ сильную поддержку въ болгарскихъ консерваторахъ. Въ средѣ, окружавшей молодого князя и влиявшей на него, росла и зрѣла мысль о спасительности, о своевременности и необходимости государственнаго переворота. Каравеловъ ясно видѣлъ надвигавшуюся бѣду, но былъ безсиленъ предотвратить ее. Вся тяжесть русскаго вліянія была противъ него. Развязка была такою, какою только она и могла быть при данныхъ обстоятельствахъ. Государственный переворотъ былъ произведенъ. Каравеловское министерство было удалено, конституція приостановлена, и въ Болгаріи началась эра „чрезвычайныхъ полномочій“.

Какъ водится, новый режимъ сопровождался жестокою реакціею, которая главною своею тяжестью обрушилась на либераловъ. Цанковъ былъ интернированъ; Каравеловъ и Славейковъ принуждены были бѣжать въ Восточную Румелію. Но они и тамъ не сложили оружія. Ихъ газета, „Независимость“, читалась нарасхватъ и поддерживала боевой духъ въ рядахъ ихъ приверженцевъ, которые продолжали подъ ихъ руководствомъ вести непримиримую борьбу противъ „узурпаторовъ“. Но борьба эта ни на минуту не покидала легальной почвы. И этотъ результатъ былъ обязанъ главнымъ образомъ Каравелову, который и при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ не терялъ головы и не поддавался совѣтамъ своихъ горячихъ и революціонно настроенныхъ помощниковъ. Рѣзкая критика въ печати, суровое осужденіе на публичныхъ митингахъ; отказъ отъ участія въ выборахъ; самое большое — массовый отказъ отъ уплаты податей — вотъ приемы борьбы, которые онъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ въ сѣверной Болгаріи, какъ наименѣе опасныя и наиболѣе дѣйствительныя и цѣлесообразныя.

И ихъ оказалось достаточно. Режимъ „чрезвычайныхъ полномочій“ не продержался и двухъ съ половиною лѣтъ. Онъ рухнулъ подъ тя-

жестью своей непопулярности, отвергнутый въ концѣ-концовъ самими его инициаторами, русскими генералами. Князь Александръ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться самъ отъ своихъ прерогативъ. Тирновская конституція была восстановлена во всей своей силѣ, и составленіе кабинета было поручено вчерашнему изгнаннику, Цанкову. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Цанкова замѣнилъ естественный и признанный вождь болгарской радикально-демократической партіи, Каравеловъ.

Второе министерство Каравелова продолжалось два слишкомъ года (отъ 29-го іюня 1884 г. до 9-го августа 1886 г.) и ознаменовалось цѣлымъ рядомъ событій первостепенной важности въ исторіи молодой Болгаріи. 7-го сентября 1885 г. было провозглашено „соединеніе“; потомъ разразилась сербско-болгарская война, а 9-го августа 1886 г. было произведено низверженіе князя Александра. Какова была роль Каравелова во всѣхъ этихъ событіяхъ?

Что касается „соединенія“, то отношеніе къ нему со стороны Каравелова ясно. Какъ всякій болгаринъ, онъ легчалъ въ душѣ національный идеалъ „цѣлокупной Болгаріи“, и первымъ шагомъ къ осуществленію этого идеала считалъ воссоединеніе сѣверной и южной Болгаріи. Но, какъ практическій государственный дѣятель, онъ думалъ, что такое воссоединеніе—само по себѣ неизбежное—должно быть назрѣвшимъ плодомъ естественной эволюціи; что ускореніе его искусственными, революціонными приемами—крайне нежелательно и опасно. Тѣмъ болѣе нежелательнымъ и опаснымъ казалось оно ему въ тогдашній историческій моментъ, когда оно могло бы произойти лишь противъ явно выраженной воли Россіи. Поэтому, какъ министр и политическій дѣятель, онъ былъ рѣшительно противъ той революціонной агитации, которую вели въ это время—съ вѣдома и одобренія князя Александра—его молодые друзья въ южной Болгаріи. Когда соединеніе все-таки произошло, онъ былъ въ отчаяніи. Онъ ясно видѣлъ всѣ опасности, которыя оно укрывало въ себѣ. Но столь же ясно видѣлъ онъ, что отступать было поздно; что начатое дѣло надо было докончить; что иначе турецкое вмѣшательство сдѣлалось бы неизбежнымъ, и катастрофа стала бы еще болѣе ужасною. А разъ рѣшившись, онъ пошелъ по выбранному имъ пути безъ поворотовъ и колебаній. Онъ призналъ совершившійся фактъ, добился, съ помощью европейской дипломатіи, его санкціи со стороны султана и началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Сербіей. Война разразилась и окончилась полною побѣдою Болгаріи. Этою побѣдою болгарскій народъ былъ обязанъ прежде всего самому себѣ и своему патріотическому энтузіазму. Но немалую долю своего успѣха онъ былъ обязанъ и своему прави-

тельству, во главѣ котораго стоялъ энергичный и рѣшительный Каравеловъ.

Гораздо труднѣе разобраться въ роли, которую игралъ Каравеловъ въ военномъ пронунціamento 9-го августа. Общая молва всегда и настойчиво обвиняла его въ участіи въ заговорѣ и даже приписывала ему въ немъ роль главнаго организатора и подстрекателя. Въ пользу этого обвиненія говорили не только предположенія и косвенныя улики, но и прямые факты, провѣренныя показаніями самихъ участниковъ. Но Каравеловъ до послѣдняго дня своей жизни самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ свое участіе въ низверженіи князя Александра. Въ томъ же смыслѣ всегда высказывались и его ближайшіе друзья, какъ въ частныхъ разговорахъ, такъ и официально, въ ихъ партійныхъ органахъ. Спрашивается, гдѣ истина? Мы думаемъ, что ее надо искать по срединѣ, но ближе къ той версіи, которую поддерживаетъ общая молва. Каравеловъ не принималъ прямого и непосредственнаго участія въ заговорѣ, но онъ зналъ о немъ, одобрялъ его и желалъ ему успѣха. Такое сочувственное отношеніе къ заговору объяснялось, конечно, не личною ненавистью его къ князю Александру, не завистливымъ отношеніемъ къ его популярности послѣ войны, не честолюбивыми планами—такъ хотѣть объяснять дѣло его противники,—а, опять таки, патріотически-государственными соображеніями. Онъ считалъ князя Александра неспособнымъ, а его дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи—чреватымъ самыми величайшими опасностями для страны. Оно означало бы окончательный разрывъ съ Россією и, какъ послѣдствіе, неизбежную гражданскую войну. Предотвратить эту ужасную опасность могло бы только удаленіе князя, въ крайнемъ случаѣ—даже насильственное удаленіе.

Исходя изъ такихъ соображеній, Каравеловъ сочувствовалъ заговору, въ которомъ принимали участіе ближайшіе его друзья, и готовъ былъ, пожалуй, даже поддержать его, но лишь при условіи, чтобы онъ былъ удаченъ. Поэтому онъ занялъ по отношенію къ нему выжидательное положеніе, и въ первые дни не высказывался ни за него, ни противъ него. Онъ просто сидѣлъ дома; когда же начало выясняться, что задуманный и на половину выполненный переворотъ рискуетъ лопнуть, что противъ него началось движеніе, которое обѣщало принять массовой характеръ,—Каравеловъ, не колеблясь, отрекся отъ него и, какъ Пилать, умылъ руки и предоставилъ своимъ друзьямъ-заговорщикамъ самимъ „расхлебывать кашу, которую они заварили“. Такъ, буквально, онъ и сказалъ имъ, когда они предложили ему признать фактъ отреченія князя Александра и взять въ свои руки диктатуру. Этотъ отвѣтъ, говорятъ, поразилъ, какъ громомъ, заговорщиковъ, которые ожидали чего угодно, но не такого „предательства“.

Но это не было „предательство“ Это было только благоразуміе! Каравеловъ готовъ бы былъ признать переворотъ, который предотвратилъ бы гражданскую войну, но не переворотъ, который велъ къ ней!..

Какъ бы то ни было, контръ-переворотъ Стамбулова, Моткурова и К^о засталъ Каравелова возстановленнымъ въ положеніи, изъ котораго выбросило его на нѣсколько дней пронунциаменто 9-го августа. Онъ снова занялъ свое мѣсто министра-президента, въ качествѣ котораго и привѣтствовалъ въ Софіи возвратившагося князя Александра. Извнѣ, его положеніе не казалось скомпрометированнымъ. Болѣе того, когда князь Александръ вторично — и на этотъ разъ добровольно — отрекся отъ престола, онъ назначилъ Каравелова однимъ изъ трехъ регентовъ, которые должны были стоять во главѣ управленія до избранія новаго князя. Двумя другими регентами были, какъ извѣстно, Стамбуловъ и Моткуровъ.

Несмотря на все это, положеніе Каравелова въ этой новой обстановкѣ, среди этихъ новыхъ людей и теченій, было ложнымъ въ самомъ своемъ основаніи. Надъ нимъ тяготѣло подозрѣніе. На него смотрѣли косо, какъ на чужого, чуть не какъ на измѣнника. Онъ, съ своей стороны, чувствовалъ себя окруженнымъ врагами, ждавшими только удобнаго случая, чтобы отвязаться отъ него. Вокругъ него все рѣшительнѣе торжествовала реакція; все смѣлѣе поднимала голову тираннія, смѣявшаяся надъ закономъ и конституціею; все ожесточеннѣе разыгрывалась гражданская смута; все откровеннѣе и послѣдовательнѣе вырисовывалась антирусская политика Стамбулова. Это было что-то стихійное, противъ чего бороться легальными средствами было и бесполезно, и невозможно. Бороться же такъ, какъ боролись эмигранты, — бунтами и покушеніями, — Каравеловъ не могъ по самой своей природѣ. Но еще менѣе могъ онъ санкціонировать новый режимъ своимъ молчаливымъ присутствіемъ. Въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ уйти. Онъ подалъ въ отставку и занялъ по отношенію къ новому правительству рѣзко оппозиціонное положеніе.

Главнымъ орудіемъ его оппозиціи была основанная имъ газета, „Тырновская Конституція“, въ которой онъ безнощадно бичевалъ всѣ проявленія „стамбуловщины“. Но время было тогда не такое, чтобы можно было заниматься такимъ бичеваніемъ безнаказанно. Дикая энергія Стамбулова, находившаго себѣ высшее оправданіе въ опасностяхъ, угрожавшихъ независимости отечества, не останавливалась ни передъ чѣмъ. Она ломала все на своемъ пути, не стѣснялась ни закономъ, ни требованіями человѣчности. Сломала она и „легальную оппозицію“ Каравелова, сначала уничтоживъ его газету, а потомъ бросивъ въ тюрьму и его самого.

Его привлекли къ суду по обвиненію въ участіи въ убійствѣ ми-

нистра Бѣлчева, убитого по ошибкѣ, вмѣсто самого Стамбулова. Теперь уже можно сказать съ увѣренностью, что по скольку это обвиненіе направлялось противъ Каравелова—оно было лишено всякаго основанія. Но это не помѣшало судьямъ осудить его на основаніи лживыхъ показаній, вырванныхъ у разныхъ свидѣтелей пыткой въ полицейскихъ участкахъ.

Тюрьма подорвала физическія силы Каравелова, но не укротила его духа. Онъ остался непримиримымъ и тогда, когда въ 1894 г. Стамбуловъ палъ, и въ Болгаріи началась новая эра „законности и свободы“ подъ эгидою Стоиловско-Радославистскаго кабинета. Новое правительство было бы очень довольно избавиться отъ такого неудобнаго заложника, какъ Каравеловъ, и предлагало ему помилованіе, но онъ не хотѣлъ такой свободы и гордо отклонялъ всѣ предложенія правительства, настаивая на полной и безусловной амнистіи. Такая амнистія была, въ концѣ-концовъ, объявлена, и Каравеловъ вышелъ изъ тюрьмы, окруженный ореоломъ мученичества и съ репутаціею героя.

Но время его еще не пришло. Стамбуловъ палъ, но взрожденнымъ имъ традиціи и методы управленія еще держались. Эра истинной законности и истинной свободы еще была далеко впереди. Торжество русской политики, руссофильства еще только намѣчалось, и до окончательнаго ихъ торжества надо было ждать еще годы и годы. Все это время Каравеловъ оставался въ оппозиціи и занимался реконструированіемъ „демократической партіи“ изъ старыхъ и новыхъ радикальных болгарскихъ элементовъ. Медленно, но послѣдовательно, росла его популярность въ массѣ населенія и крѣпъ его авторитетъ. Онъ снова начиналъ становиться какъ бы провиденціальнымъ человекомъ, который долженъ былъ „выправить“ Болгарію и вывести ее на путь здраваго политическаго и экономическаго развитія. Въ немъ начинали видѣть все болѣе и болѣе серьезнаго кандидата на министерскій постъ.

Наконецъ, въ началѣ 1901 года, его часъ насталъ. Послѣ ряда министерскихъ кризисовъ, скомпрометировавшихъ послѣдовательно всѣ болгарскія партіи одну за другою, единственными возможными претендентами на власть остались цанковисты и демократы. И какъ прежде, при восходящемъ движеніи либерализма, надо было проходить къ крайнему Каравелову черезъ угнѣреннаго Цанкова, такъ теперь, при восходящемъ движеніи болгарскаго руссофильства, надо было пройти къ Цанкову черезъ Каравелова. Послѣднему было предложено княземъ Фердинандомъ составить коалиціонный демократически-либерально-прогрессивный кабинетъ подъ его предсѣдательствомъ.

Это третье—и послѣднее—министерство Каравелова оказалось самымъ несчастнымъ и незадачливымъ періодомъ въ его политической карьерѣ. Оно, увы, не принесло ему и его партіи ничего, кромѣ огорченій, его поклонникамъ—ничего, кромѣ разочарованій. Отчасти причиною этому былъ его союзъ съ данковистами, съ которыми онъ разошелся политически 16 лѣтъ тому назадъ, и съ которыми съ тѣхъ поръ былъ всегда на ножахъ. Многолѣтняя вражда не могла, конечно, исчезнуть сразу и давала себя знать на всякомъ шагѣ, обезсмысливая кабинетъ и дѣлая бесплодною его дѣятельность. Отчасти же виною были слишкомъ сложныя и трудныя обстоятельства—особенно финансово-экономическія,—при которыхъ пришлось Каравелову стоять у руля правленія. Его репутація государственнаго дѣятеля, обладавшаго всѣми мыслимыми талантами, не выдержала провѣрки. Онъ оказался не по плечу новому времени и новымъ задачамъ. И это не потому, что онъ отсталъ—нѣтъ, онъ былъ во всемъ прежнимъ Каравеловымъ,—а потому, что за протекшія, съ 1885 года, 15 лѣтъ выросло и измѣнилось все вокругъ него. На сценѣ появилось цѣлое поколѣніе образованныхъ людей, которыхъ уже не ослѣпляла болѣе начитанность Каравелова и не подавляла его самоувѣренность. Въ странѣ накопился громадный запасъ государственнаго и политическаго опыта. Жизнь усложнилась до неузнаваемости, и старыя приемы и шаблоны радикальнаго якобинства Каравелова оказывались непригодными. Самый его демократизмъ, шедшій рука объ руку съ такими мѣропріятіями, какъ обращеніе всеобщаго избирательнаго права или ограниченіе доступа массы къ среднему и высшему образованію, рѣзалъ глаза своими противорѣчіями и вызывалъ протесты среди его собственныхъ приверженцевъ. Но особенно чувствовалось это въ области финансово-экономическихъ отношеній, т.-е. именно тамъ, гдѣ онъ, а за нимъ и другіе, считалъ себя вполне дома. Его финансовая система, сводившаяся почти цѣликомъ къ экономіямъ въ бюджетѣ, къ сокращеніямъ штатовъ и чиновничьихъ окладовъ, да къ страху передъ займами, оказывалась слишкомъ простою и устарѣлою. Она мало гармонировала съ усложнившеюся жизнью, которая требовала не столько скряжнической бережливости, сколько цѣлесообразныхъ расходовъ, направленныхъ на повышеніе производительности національнаго труда, не столько финансовой, сколько *экономической* политики, т.-е. того, чего въ багажѣ Каравелова и въ поминѣ не было.

Но если его финансовая система не годилась для новаго времени вообще, то еще менѣе годилась она для тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, которыя переживала тогда Болгарія, задыхавшаяся подъ непосильною тяжестью жестокаго финансово-экономическаго кризиса. Странѣ угрожало банкротство и разореніе, и, конечно, не грошовыя экономіи

могли спасти ее. И—такова была иронія судьбы—Каравелову пришлось, въ концѣ-концовъ, самому выступить передъ собраніемъ въ качествѣ защитника знаменитаго „монопольнаго займа“, худшаго изъ всѣхъ займовъ, какіе когда-либо заключало болгарское правительство. Эта защита и нанесла ему послѣдній coup de grace. Его правительство оказалось въ меньшинствѣ и подало въ отставку. Освободившееся мѣсто Каравелова заняли его вчерашніе союзники, цанковисты. Монопольный заемъ, въ которомъ Каравеловъ видѣлъ единственное спасеніе для Болгаріи, былъ снятъ съ очереди, и Болгарія—не погибла. Это было новымъ ударомъ для финансовой репутаціи Каравелова.

Съ тѣхъ поръ прошло немногимъ болѣе года. Этого слишкомъ мало для реабилитаціи политическаго дѣятеля, даже когда такая реабилитація по существу возможна. Однако, для Каравелова она едва ли была бы возможна. Онъ не былъ очень старъ; въ немъ былъ еще достаточный запасъ энергіи и работоспособности, но мы думаемъ, что пѣсня его была уже спѣта, и что его естественный конецъ—смерть—почти совпалъ съ завершеніемъ его общественной карьеры. Будущее едва ли внесло бы въ эту карьеру что-нибудь новое и существенное.

И тѣмъ не менѣе, нельзя не признать того, что въ его лицѣ сошелъ со сцены одинъ изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ государственныхъ людей современной Болгаріи, одинъ изъ ея создателей и устроителей, человекъ, безъ котораго она не могла бы быть и тѣмъ, что она есть теперь...

И. К.

Софія, 1903.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1903.

I.

— Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, профессоръ Харьковскаго университета. Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902.

Книга Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Она представляетъ собою удачную попытку внести отчетливость научно-объективнаго изслѣдованія въ область психологіи творчества, не легко поддающуюся точности логическихъ опредѣлений и безпристрастію анализа, который имѣетъ иногда исключительное основаніе въ непосредственномъ художественномъ чувствѣ изслѣдователя. Авторъ не смотритъ на методъ, которымъ онъ пользуется, какъ на единственный или наиболѣе исчерпывающій вопросы, связанные съ ученіемъ художественной дѣятельности писателя. Онъ справедливо указываетъ, что произведенія великихъ художниковъ слова могутъ и должны быть изучаемы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, прежде всего, къ сужденію о нихъ приложима точка зрѣнія историко-литературная. Она отводитъ художнику мѣсто, какъ явленію прежде всего историческому, изслѣдуетъ условія, подготовившія дѣятельность художника, воздѣйствія, которымъ онъ подвергался въ выработкѣ своего міросозерцанія и характера своего творчества, опредѣляетъ его вліяніе на умственную жизнь общества своей эпохи. Научно-проведенное рѣшеніе подобнаго ряда вопросовъ обезпечиваетъ соблюденіе исторической перспективы и само по себѣ образуетъ необходимый матеріалъ для дальнѣйшаго изученія выходящаго изъ границъ историко-литературнаго метода.

Послѣдній оказывается недостаточнымъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда изучаемый писатель представляетъ собою явленіе исключительное, гениальное, дѣятельность котораго переживаетъ на

много вѣковъ эпоху его личной жизни и выходить за предѣлы своей нации. Возникаетъ необходимость опредѣлить, въ какой степени поэтъ былъ типиченъ для своей національности, насколько въ его творчествѣ отразились тѣ или другія стороны такъ называемаго національнаго гения. Для рѣшенія этого вопроса къ изученію поэта примѣняется національная точка зрѣнія.

Но, будучи національнымъ по характеру своего творчества, великій художникъ остается всегда общечеловѣчнымъ по содержанію и художественному значенію своихъ произведеній. Образы такого художника, оставляя далеко за собой предѣлы націй, приобрѣтаютъ всеобщій интересъ и значеніе для всего человѣчества всѣхъ временъ и національностей. Таково бессмертное произведеніе Сервантеса. Изученіе этой—общечеловѣческой—стороны творческой дѣятельности поэта, безъ отношенія къ націи и эпохѣ, основывается существеннѣйшимъ образомъ на опредѣленіи художественнаго достоинства, широты созданныхъ имъ типовъ, глубины и силы его поэтическихъ совершеній. Изученіе вопросовъ, связанныхъ съ этой общечеловѣческой стороной творчества великихъ художниковъ, приводитъ къ задачамъ высшей эстетической критики.

Авторъ устанавливаетъ еще одну точку зрѣнія,—ту, съ которой онъ самъ подходитъ къ изслѣдованію творческой дѣятельности, и которая чрезвычайно характерна для него, какъ для послѣдователя покойнаго филолога-мыслителя Потебни, именно—изученіе *задачъ психологій художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли.*

Изученіе творчества писателей, съ этой точки зрѣнія, приводитъ автора къ примѣненію къ ихъ произведеніямъ особыхъ научныхъ принциповъ и методовъ изслѣдованія. Въ чрезвычайно интересномъ этюдѣ о Пушкинѣ авторъ опредѣляетъ вопросъ о гениальности поэта при помощи одной идеи, которая въ приложеніи къ изслѣдованіямъ о физикѣ была развита извѣстнымъ ученымъ Махомъ въ статьѣ: „Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung“. Новый методъ состоитъ въ приложеніи принципа экономіи умственнаго труда къ искусству вообще и поэзіи въ частности.

Авторъ такъ характеризуетъ приложеніе своего метода: „Художественное творчество есть *теоретическая* (т.-е. не прикладная) *умственная дѣятельность* и естественно классифицируется вмѣстѣ съ другими видами такой же умственной дѣятельности—съ научной и философской. Главнѣйшій признакъ работы мысли этого типа (т.-е. теоретической), какъ высшей, философской, научной и художественной, такъ и низшей, напр. образованія элементарныхъ понятій, состоитъ въ томъ, что она преимущественно направляется отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго

къ типичному. Вотъ именно это движеніе и подводится подъ понятіе экономіи мысли, *сбереженія умственной энергіи*. Все общее и обобщающее, все отвлеченное, начиная отъ элементарныхъ понятій и кончая высшими обобщеніями науки (законы) и философіи (принципы и идеи философскихъ системъ) *экономизируютъ* умственную силу, не позволяя ей растрачиваться по частямъ въ безплодную погоню за конкретнымъ, за индивидуальнымъ; всякій обобщающій процессъ мысли и его результатъ, *понятіе, законъ, принципъ*, упорядочиваютъ разнообразіе впечатлѣній, группируя, классифицируя ихъ и подводя подъ общія нормы. Владѣя этими общими нормами, мысль человѣческая развиваетъ огромную познавательную силу. Поэтому обобщающіе процессы мысли могутъ быть по праву названы *аккумуляторами умственной энергіи*, центральными источниками силы умственного свѣта, откуда лучи мысли свѣтятъ въ разныя стороны. Геній мысли отличается отъ не-генія прежде всего тѣмъ, что онъ — отличный аккумуляторъ умственной энергіи, сберегающій и накопляющій огромную силу мысли, между тѣмъ какъ умъ обыкновенный сберегаетъ и накопляетъ ее сравнительно немного. Во всемирной исторіи, на различныхъ пунктахъ пространства и времени, разбѣшены эти колоссальные аккумуляторы умственной силы, извѣстные подъ разными именами: Гераклитъ, Демокритъ, Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Коперникъ, Галилей, Леонардо да Винчи, Ньютонъ, Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Контъ, Дарвинъ, Гельмгольцъ, Пастѣръ, и т. д., и т. д. — Великіе художники вообще и поэты въ частности суть такіе же аккумуляторы: они создаютъ художественныя обобщенія, типичные образы, — своего рода очаги умственного свѣта, откуда лучи мысли распространяются на огромные районы фактовъ дѣйствительности“.

„Геніальные художники — это тѣ, которые создали наиболѣе широкіе *художественные типы, имѣющіе или могущіе имѣть значеніе общечеловѣческое*“; иными словами, задача автора сводится, въ концѣ концовъ, къ анализу и ближайшему опредѣленію ума и дарованія въ той степени ихъ глубины и силы, которая обезпечиваетъ за поэтомъ право на признаніе геніальности.

Въ этюдѣ о поэзіи Генрика Гейне авторъ дѣлаетъ попытку освѣтить нѣкоторыя стороны поэтическаго генія Гейне, изслѣдованіе которыхъ представляется ему важнымъ для правильной постановки общихъ вопросовъ о психологической природѣ искусства вообще и лирической поэзіи въ частности. Эти стороны изслѣдователь сводитъ къ двумъ основнымъ пунктамъ: 1) къ тому, что въ дарованіи Гейне можно назвать его исторической интуиціей, и 2) къ тому, что въ душевномъ складѣ Гейне нельзя иначе опредѣлить, какъ понятіемъ глубокой, хотя и въ высокой степени своеобразной религіозности.

Тайная, полусознаваемая связь существуетъ у великихъ, истинно гениальныхъ поэтовъ съ тѣмъ народомъ, къ которому они принадлежать по языку и выразителями котораго являются національныя особенности ихъ гения. Но есть и другія, еще болѣе таинственныя связи, соединяющія ихъ съ народомъ, родственнымъ по крови, который выражается и концентрируется въ гениальномъ поэтѣ всѣми особенностями высшихъ инстинктовъ расы и многовѣковой духовной культуры. Подобно тому, какъ Гёте, поэтъ нѣмецкій по языку, національности и крови, воплотилъ въ своемъ творчествѣ итоги общеевропейской цивилизаціи, Гейне, нѣмецкій же поэтъ по языку и національности, — „былъ, по крови и основнымъ чертамъ своего духовнаго склада, наслѣдникомъ еврейскаго народа, и въ его гениальной головѣ, и въ его „разорванной“ душѣ были подведены итоги многовѣковому религиозному достоинію и мировой скорби, накопившимся въ сознаниі лучшихъ представителей этого народа еще со временъ библейскихъ“.

За этюдами о Гёте, который, по опредѣленію автора, „великъ не столько какъ поэтъ, сколько какъ одинъ изъ начинателей будущаго“, и объ А. П. Чеховѣ, въ характеристикѣ котораго критикъ обнаружилъ—замѣтимъ вскользь—способность нѣкотораго увлеченія предметомъ изслѣдованія,—слѣдуетъ теоретическій этюдъ: „къ психологическимъ мысли, творчества“, представляющій высокую поучительность и интересъ. Онъ не вноситъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что авторъ высказывалъ въ своихъ прежнихъ этюдахъ, напримѣръ о творчествѣ Тургенева, но этотъ этюдъ чрезвычайно умѣстенъ въ книгѣ, гдѣ научный методъ автора уже получилъ въ предыдущихъ очеркахъ практическое примѣненіе. Нѣкоторая условность терминовъ и неясность опредѣленій, безъ непосредственнаго подтвержденія ихъ конкретными примѣрами, въ связи съ философскимъ характеромъ и оригинальностью освѣщенія затронутой темы,— все это вызываетъ въ умѣ читателя цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ вправѣ ожидать отъ дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи, но уже самая постановка вопроса и возбуждаемый ею интересъ къ предмету работы составляютъ немаловажную заслугу Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго и обезпечиваютъ за нимъ право на успѣхъ его книги.

II.

— Памяти Леонида Николаевича Майкова. Подъ редакціей В. Сантова. Сиб. 1902.

„Мысль объ изданіи сборника, посвященнаго дорогой памяти Леонида Николаевича,—читаемъ въ предисловіи редактора,—прежде всего

являлась, какъ и слѣдовало ожидать, среди тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые считали себя такъ или иначе обязанными покойному. Къ нимъ вскорѣ применили и другіе сверстники ихъ, хотя и не знавшіе лично Леонида Николаевича, но относившіеся къ нему и къ его гуманно-просвѣтительной дѣятельности съ чувствомъ глубокаго уваженія“.

Содержаніе сборника весьма разнообразно. Оно открывается хронологическимъ спискомъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій покойнаго Л. Н. Майкова, обстоятельно составленнымъ П. К. Симони. Этотъ списокъ, начинающійся съ 1857 г., даетъ наглядное представленіе о разнообразіи и широтѣ научныхъ интересовъ Майкова, среди которыхъ влеченія къ народной словесности и Пушкину едва ли не были преобладающими. Въ числѣ статей сборника находимъ „безпритязательное описаніе“ Архивскаго лѣтописнаго списка—А. Е. Прѣснякова; любопытныя извлеченія изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ, сдѣланныя А. М. Ловягинимъ; „Проектъ союза Россіи съ Сардинскимъ королевствомъ въ царствованіе Императора Павла I—М. А. Полиевктова; лингвистическая и историко-литературная стороны научнаго интереса Л. Н. Майкова представлены работами: Г. А. Ильинскаго, Хр. Лопарева, В. Чернышева, В. Срезневскаго, А. Малеина, Ив. Кубасова и др. Г-нъ Н. Козьминъ далъ не лишнюю интереса попытку разобраться въ вопросѣ о шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ приемахъ. Б. Л. Модзалевскій посвятилъ весьма обстоятельный историко-біографическій очеркъ И. Е. Великопольскому, писателю малоизвѣстному, но заслуживающему вниманія по своимъ отношеніямъ къ Пушкину. Геніальному поэту посвящены статьи: Н. Кульмана („Отношеніе Пушкина къ романтизму“, — вопросъ далеко не исчерпанъ); В. В. Сиповскаго („А. С. Пушкинъ по его письмамъ“); Вл. Бодяновскаго („Новый списокъ поэмы А. С. Пушкина Кавказскій Плѣнникъ“, одна изъ наиболѣе раннихъ редакцій поэмы); П. Н. Шеффера („Русланъ и Людмила Пушкина“). А. І. Лященко, въ статьѣ: „Ревизоръ Гоголя и комедія Квитки: Пріѣзжій изъ столицы“, подвергаетъ пересмотру вопросъ о взаимоотношеніи между комедіями Гоголя и Квитки. Работа г. Лященко приобретаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ литературѣ, какъ извѣстно, существуетъ опредѣленно заявленное мнѣніе, лишающее комедію Гоголя значенія самостоятельнаго произведенія и ставящее ее въ непосредственную зависимость отъ комедіи Квитки. „Сходство между обѣими комедіями, по заключенію автора, оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; поразительное и важное совпаденіе только въ завязкѣ и отчасти развязкѣ“. Авторъ объясняетъ это сходство случайными совпаденіями. Къ сборнику приложенъ указатель именъ и авторовъ.

Средства на изданіе сборника представлены были президентомъ Академіи Наукъ, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, съ тѣмъ, чтобы сумма, вырученная отъ продажи, была обращена на образованіе при Академіи преміи имени покойнаго за изслѣдованія по исторіи русской литературы.

III.

- Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о Г. Петрова и историческая справка. (Изъ журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“). Спб. 1903.
—Отвѣтъ на анонимную брошюру: „Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)“. Спб. 1903.

Горячій споръ о проповѣднической дѣятельности о. Г. Петрова перешелъ въ послѣднее время изъ области чисто богословскаго обсужденія на почву общественную и создалъ уже своеобразную полемическую литературу. „Въ полемикѣ,—какъ свидѣлствуетъ авторъ „Итоговъ“,—приняли участіе нѣсколько священниковъ, нѣсколько богослововъ-мирянъ, нѣсколько даже (?) женщинъ и еще нѣсколько мирянъ“. Отъ личности свящ. Петрова, подавнаго поводъ къ борьбѣ взглядовъ и мнѣній о характерѣ его проповѣдей, споръ „перешелъ уже на *общее существенное* понятіе о священническомъ проповѣдничествѣ въ православной Церкви“,—что и побуждаетъ г. Воронца, какъ „искренняго члена Церкви Христовой“, высказаться и внести съ своей стороны „болѣе основательное и спокойное его разъясненіе“.

Что вопросъ, самъ по себѣ глубоко интересный и, очевидно, давно назрѣвшій, долженъ былъ перейти, для правильности своего разрѣшенія, на теоретическую, идейную почву,—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, и, вмѣстѣ съ авторомъ „Итоговъ“, мы придаемъ этому переходу подобающее ему большое значеніе. Свящ. Петровъ далъ только первый *конкретный* толчокъ къ его постановкѣ, и когда послѣдняя стала совершившимся и при томъ общественнымъ фактомъ, личность его, со всѣми присущими ей, по человечеству, достоинствами и недостатками, должна отступить на второй планъ передъ принципиальной важностью вопроса въ его существѣ. Но мы никакъ не можемъ допустить, по прочтеніи брошюры г. Воронца, даже въ видѣ предположенія, той мысли, что авторомъ руководило исключительное стремленіе *разъяснить*, съ принципиальной—и единственно возможной въ данномъ случаѣ—точки зрѣнія, вопросъ о „законномъ“ характерѣ священническаго проповѣдничества. Принципиальное обсужденіе чуждо какой бы то ни было предвзятости и опирается прежде всего на полное безпристрастіе и объективность—свойства, которыхъ мы не на-

ходитъ въ брошюрѣ г. Воронца. Отсутствие этихъ свойствъ подрываетъ довѣріе къ побужденіямъ, вызвавшимъ автора на подведеніе итоговъ полемической литературы о свѣщ. Петровѣ, и ставитъ вопросъ о средствахъ, которыми пользуется онъ при своемъ изслѣдованіи, на весьма скользкую почву...

Исходной точкой разсужденія автора служитъ брошюрка, отиѣченная нами въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“, — „Новый и традиціонный духовные ораторы, о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)“. Г. Воронецъ сообщаетъ намъ, что авторомъ этой брошюры состоитъ магистръ богословія И. В. Преображенскій. Послѣднему г. Воронецъ выражаетъ явное сочувствіе и пространно цитируетъ его въ той части, гдѣ говорится объ антицерковныхъ приемахъ о. Петрова, какъ духовнаго оратора. Магистра Преображенскаго г. Воронецъ аттестуетъ „почтеннымъ“, какъ и его единомышленника, профессора духовной академіи А. А. Бронзова, печатно заявившаго о своей солидарности съ г. магистромъ. Но совершенно иной тонъ является у г. Воронца, когда рѣчь заходитъ о сторонникахъ противнаго мнѣнія. „...Къ сожалѣнію, однимъ изъ первыхъ публичныхъ въ печати защитниковъ антицерковнаго ораторства священника Г. Петрова объявился нѣкій священникъ В. К., который, *скрывъ свою личность подъ общую церковную рясу* (курсивъ автора), перенесъ сужденіе о характеристическихъ чертахъ религіозныхъ бесѣдъ священника Петрова изъ области духовной литературы на любимую такими (?) лицами общественную арену гражданской ежедневной печати. И тутъ онъ вполне развязно, *безъ поддержки цензурной*, въ духѣ ежедневной неразборчивой мірской болтовни старается колоть магистра-издателя брошюры“... Далѣе, оказывается, этотъ не безопасный для общественнаго спокойствія нѣкій священникъ В. К. „титлуется“ книжку г. Преображенскаго „опытомъ инсинуаціи“ и укоряетъ послѣдняго въ „прокурорскомъ вскрываніи души“ свѣщ. Петрова... „А почтеннаго профессора Бронзова этотъ В. К. (или некъ, игрекъ) упрекаетъ *въ пристрастіи* къ магистру-издателю брошюры и еще даже въ *непониманіи дѣла*“ (курсивы автора).

Въ томъ же духѣ ведется и дальнѣйшее изложеніе г. Воронца: почтенное, доброе, истинное высказываютъ только противники дѣятельности свѣщ. Петрова, какъ проповѣдника; его же защита опредѣляется авторомъ какъ нѣчто „страшное, злобѣщее, антихристіанское“... Въ итогъ такого сопоставленія получается естественный, съ точки зрѣнія г. Воронца, выводъ, что о. Г. Петровъ и ему подобные, увлекающіеся „безцерковнымъ приспособленіемъ проповѣди къ модному духу времени“, представляютъ собой знаменіе времени — лжеапостоловъ, лукавыхъ дѣлателей, принимающихъ видъ апостоловъ Христовыхъ...

Намъ кажется, было бы дѣломъ напраснымъ спорить съ г. Воронцомъ и доказывать ему, что его „итоги“ лишены всякаго фактическаго основанія, а способъ изложенія далекъ отъ принципиальнаго, основательнаго и спокойнаго разъясненія, какъ это было обѣщано авторомъ въ началѣ брошюры. Едва ли слѣдуетъ возражать ему и въ томъ отношеніи, что въ гражданской печати не все неразборчивая мірская болтовня, что и къ ней предъявляются требованія нравственной опрятности, уваженія къ личности и чести ближняго, и даже не въ меньшей степени, чѣмъ это имѣло бы мѣсто въ печати духовной... Итоги „Итоговъ“ г. Воронца отчетливо рисуются и безъ дальнѣйшихъ подсчетовъ; они менѣе всего способны пролить свѣтъ на вопросъ о проповѣдничествѣ вообще и поставить его на надлежащую высоту.

Наконецъ, эти „Итоги“ подведены авторомъ слишкомъ рано: споръ только еще разгорается, и когда окончится—никто не скажетъ. Такъ, автору осталась, повидимому, неизвѣстной брошюра М. В. Зданевича, написанная въ отвѣтъ на брошюру г. Преображенскаго, *si-devant* анонима (раскрытаго г. Воронцомъ по нелюбви къ анонимамъ вообще). А между тѣмъ голосъ г. Зданевича имѣетъ немаловажное значеніе въ спорѣ, гдѣ „итоги“ подводятся только изъ силъ нападающихъ, и гдѣ защитѣ не дается мѣста. Altera pars, устами г. Зданевича, изображаетъ характеръ проповѣдничества о. Петрова совершенно иными красками, такъ что является возможность непредубѣжденнымъ ни въ ту, ни въ другую сторону взглядомъ охватить вопросъ и придти къ заключенію, что дѣло положительно не обстоитъ такъ безнадежно, какъ это изображаютъ г.г. противники проповѣдничества о. Петрова. Послѣдніе говорятъ: о. Петровъ игнорируетъ христіанскую церковь, ея исторію, авторитеты, не употребляетъ въ своихъ бесѣдахъ словъ: угодникъ Божій, Пресвятая Богородица, рай, адъ, спасеніе и т. д. Г. Зданевичъ заявляетъ: „Мнѣ, напротивъ, неоднократно приходилось слышать въ его бесѣдахъ подобныя упоминанія“. Противники относятся характеръ поученій оратора, въ которыхъ онъ приспособляется къ аудиторіи, къ его личной „безцерковности“, къ чему-то въ родѣ сектантства. Г. Зданевичъ поясняетъ: „Произнося свои бесѣды, о. Петровъ никогда не забываетъ, къ кому онъ обращается съ рѣчью и въ какое время онъ говоритъ. Онъ хорошо понимаетъ, что, какъ говорилъ Іоаннъ Златоустъ много лѣтъ тому назадъ, такъ нельзя говорить теперь“. Таковы же возраженія г. Зданевича и по остальнымъ пунктамъ направленныхъ противъ о. Петрова обвиненій.

За чтѣ же собственно нападаютъ на проповѣдника его обличители? Такой вопросъ ставить г. Зданевичъ въ концѣ своей брошюры. „За то, что онъ, борясь съ религіознымъ равнодушіемъ столичной интеллигенціи, хочетъ привести къ вратамъ св. церкви отторгшихся

отъ нея свѣтскихъ индифферентовъ?.. За то, что онъ не по традиціи съ ними бесѣдуетъ? Но что сказали бы этимъ людямъ слова: угодникъ Божій, рай, адъ, таинство, благодать, Церковь, когда они не только во все это не вѣрують, но не признають и Божества Самого Христа Спасителя!“

Вопросъ этотъ—глубокой важности, и всестороннее рѣшеніе его должно происходить на столбцахъ спеціальной печати; время же покажетъ и истинный смыслъ дѣятельности о. Петрова. Намъ интересуютъ другая сторона: когда какой-либо вопросъ привлекаетъ къ себѣ широкое общественное вниманіе и становится предметомъ ожесточенной борьбы взглядовъ, общество имѣетъ право требовать, чтобы средства этой борьбы были свободны отъ какихъ-либо подозрѣній. Задача литературы въ этомъ случаѣ — стоять на стражѣ личныхъ и общественныхъ идеаловъ добра и правды, разума и свободы. Писатели, заставляющіе литературу служить инымъ цѣлямъ и дѣлающіе ее орудіемъ выраженія своихъ мнѣній, недостаточно обоснованныхъ на фактахъ дѣйствительности, вносятъ печальную смуту въ умы и сердца читателей и подрываютъ въ нихъ вѣру въ самую возможность выясненія литературнымъ путемъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни и духа.—Евг. Л.

IV.

— Земледѣіе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Современные экономическіе трактаты отличаются часто большою основательностью и знаніемъ дѣла, но имъ не чужда вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая узкость взгляда. Творцы этихъ трактатовъ считаютъ какъ бы непреложными основные принципы существующей промышленной организаціи, и если говорятъ объ исправленіи ея недостатковъ, то лишь о такомъ, которое не колеблетъ базиса, на которомъ покоится ея зданіе. Книжка, составляющая предметъ настоящей рецензіи, проникнута иными тенденціями. Она посвящена кореннымъ недостаткамъ дѣйствующей системы и призываетъ къ широкой реформаціонной работѣ, развивая мысль о томъ, что достигнутыми завоеваніями техники, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ поставленныхъ ей на очередь задачъ, открывается уже возможность созданія болѣе совершенныхъ формъ промышленности—возможность такой постановки труда, при которой работающей человекъ находился бы „въ свободномъ общеніи съ природой, сдѣлался сознательной частью великаго цѣлаго и участникомъ въ наслажденіи наукой, независимымъ трудомъ и творчествомъ“. Такую

точку зрѣнія можно считать утопіей; но эта утопія имѣетъ корни въ дѣйствительности, а напоминаніе о великихъ неразрѣшенныхъ вопросахъ всеобщаго благополучія и гармоничности развитія человѣка поднимаетъ нашъ духъ и нашу энергію.

Касаясь современнаго состоянія промышленности, экономисты обыкновенно разсматриваютъ ее со стороны ея концентраціи и раздѣленія труда (внутри мастерской и въ цѣломъ обществѣ), и развитіемъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ измѣряютъ ея успѣхи и полезное для общества значеніе. Авторъ „Земледѣлія“ вовсе не раздѣляетъ такой точки зрѣнія и полагаетъ, что она получила господство потому, что о выгодахъ промышленности судить прежде всего по величинѣ доставляемой ею прибыли. Если же посмотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ человѣка, какъ физическаго, умственнаго и нравственнаго существа, то господствующая тенденція къ возможному раздѣленію и специализаціи труда внутри мастерской, общества и, наконецъ, человѣчества, получить въ нашихъ глазахъ другое освѣщеніе. Авторъ, конечно, не думаетъ отрицать „высокой степени производительности, достигаемой специализаціей“, но онъ предлагаетъ не упускать изъ вниманія отрицательныхъ вліяній послѣдней и имѣть въ виду, что „съ тѣхъ поръ, какъ работа стала проще и усваивается легче, дѣлаясь болѣе и болѣе монотонной и скучной, у работниковъ является настоящая потребность разнообразить свою дѣятельность и примѣнять всѣ свои способности“ (стр. 5). Если признать эту потребность за законную, то нельзя не усомниться въ цѣлесообразности системы, обращающей живого человѣка въ процессъ труда въ специальный придатокъ мертваго механизма и въ такое же средство извлеченія наибольшихъ барышей, и не выставить вмѣстѣ съ тѣмъ положенія, что всякія завоеванія техники должны быть используемы такимъ образомъ, чтобы облегченіе производства матеріальныхъ предметовъ не достигалось въ ущербъ цѣльности человѣка, какъ трудоспособнаго существа.

Разносторонность физической дѣятельности есть лишь одно изъ условій возможно полнаго человѣческаго благополучія. Не менѣе важное значеніе имѣетъ, по мнѣнію автора, соединеніе физической и умственной работы. Важность этого соединенія заключается не только въ томъ, что физическому рабочему оно доставитъ возможность умственныхъ наслажденій, а представителю умственнаго труда—здоровое упражненіе мускуловъ. Соединеніе умственнаго труда съ физическимъ не остается безъ вліянія на достоинство умственной работы, и во всякомъ случаѣ оно сильно двинуло бы впередъ техническое образованіе и техническую изобрѣтательность. „Развѣ не поразительно то, что въ первоначальномъ своемъ видѣ паровая машина, пароходъ, теле-

фонъ, фонографъ, машины ткацкая и кружевная, освѣщеніе и замощеніе улицъ, хромофотографія и тысячи другихъ менѣе важныхъ вещей были изобрѣтены не людьми науки, а лицами, не получившими почти никакого образованія, подбиравшими крохи знанія и производившими опыты самыми примитивными способами. Тогда какъ профессиональные ученые, имѣвшіе подъ руками всевозможные способы для производства опытовъ и приобрѣтенія знаній, изобрѣли очень мало изъ того громаднаго количества орудій, машинъ и двигателей, которые показали человечеству, какъ пользоваться силами природы. Фактъ самъ по себѣ поразителенъ, но онъ объясняется просто: люди, подобные Уатту и Стефенсону, знали то, чего не знаютъ ученые. Они умѣли работать руками, и ихъ изобрѣтательная способность находила стимулъ во всемъ окружающемъ; они были знакомы съ машинами, ихъ устройствомъ и работой на нихъ; они дышали атмосферой мастерскихъ и фабрикъ" (стр. 180). „Въ старыя времена люди науки не пренебрегали ни ручнымъ трудомъ, ни ремесломъ“. Галилей дѣлалъ телескопы; Ньютонъ самъ шлифовывалъ линзы для своихъ инструментовъ; Лейбницъ любилъ изобрѣтать машины; Линней сдѣлался ботаникомъ, помогая въ работѣ садовнику-отцу. „Занятіе ремесломъ не только не помѣшало гениальнымъ людямъ при отвлеченныхъ изысканіяхъ, но скорѣе помогало имъ. Съ другой стороны, хотя рабочіе прежняго времени почти не имѣли времени заниматься наукой, но способности нѣкоторыхъ изъ нихъ развивались, благодаря разнообразію работъ, которыя производились въ мастерскихъ; другіе же изъ нихъ имѣли возможность входить въ общеніе съ учеными... Мы измѣнили все это. Подъ предлогомъ раздѣленія труда мы провели рѣзкую границу между умственнымъ и ручнымъ трудомъ“. Зато, ранѣе, „три поколѣнія рабочихъ дѣлали изобрѣтенія, — теперь же они ихъ вовсе не дѣлаютъ“ (стр. 162—164). Финансскій трудъ особенно полезенъ въ воспитаніи и образованіи. Работая въ саду, въ полѣ, въ мастерскихъ, ребенокъ познаетъ многое, научится наблюдать и крайне легко и скоро усвоить разные естественные законы и математическія теоремы. „Въ интересахъ и науки, и промышленности, и всего общества, каждый человекъ долженъ получить научное образованіе на ряду съ изученіемъ ремесла. Современному раздѣленію на интеллигентный и физическій трудъ мы противопоставляемъ соединеніе того и другого. Школа должна давать такое образованіе мальчикамъ и дѣвочкамъ, чтобы, оставляя ее въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, она имѣла настолько основательное представленіе о наукѣ, чтобы продолжать научныя занятія и одновременно такія свѣдѣнія, которыя составляютъ основаніе техническихъ знаній, и такой навыкъ въ какой-либо отрасли

производства, который бы далъ имъ возможность занять известное мѣсто въ общемъ производствѣ богатствъ" (стр. 166).

Итакъ, „освободивъ наше мышленіе отъ схоластики учебниковъ и рассматривая человѣческую жизнь съ общей точки зрѣнія, мы скоро придемъ къ выводу, что хотя выгода отъ временнаго раздѣленія труда и несомнѣнна, но что настало время обратиться къ той выгодѣ, которая проистекаетъ отъ интеграціи труда“. „Идеаль общества, къ которому оно само стремится—такое общество, въ которомъ каждый человѣкъ трудится физически и умственно, работаетъ въ полѣ и въ мастерской“ (стр. 6). Многочисленными примѣрами авторъ иллюстрируетъ мысль о возможности достигнуть очень большой экономіи труда даже въ земледѣліи, гдѣ человѣкъ уже въ настоящее время почти освобождается отъ естественныхъ условій этого дѣла, устроивая искусственно почву, климатъ и т. п. Вполнѣ теперь доказано, говоритъ онъ, „что еслибы только небольшая часть времени, затрачиваемаго на обработку полей, была посвящена капитальному улучшенію почвы, то, чтобы вырастить годовую пищу семьѣ, ей пришлось бы работать не болѣе 15 дней въ году, и эта работа удовлетворила бы всякаго здороваго человѣка“. Точно также доказано „что—при комбинаціи труда—20—24-хъ-мѣсячной работы одного мужчины вполнѣ достаточно для обезпеченія навсегда семьи изъ пяти человѣкъ помѣщеніемъ въ домъ, снабженнымъ всѣми приспособленіями современной гігіены и вкуса“ (стр. 186—187).

Обезпечить человѣку полное удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей—при затратѣ незначительнаго количества труда и съ соблюденіемъ возможности разнообразить занятія—представляется поэтому, при современномъ состояніи техники, дѣломъ очень легкимъ и большая часть времени трудящихся могла бы быть такимъ образомъ освобождена для наслажденія наукой и искусствомъ. „Устройте же фабрики и заводы возлѣ вашихъ садовъ и работайте на нихъ! Пусть это будутъ не гигантскія зданія, перерабатывающія громадныя массы металловъ,—которыя лучше располагать въ мѣстностяхъ, указанныхъ имъ самою природою,—но самыя разнообразныя мастерскія, гдѣ будетъ разрабатываться все, что нужно прихотливому вкусу цивилизованныхъ людей. Это будутъ фабрики просторныя, гігіеничныя, гдѣ человѣческая жизнь будетъ цѣниться болѣе, чѣмъ машины или приобрѣтеніе громадныхъ барышей. На такія фабрики мужчины, женщины и дѣти не будутъ сгоняться голодомъ, а привлечены желаніемъ найти себѣ дѣятельность по вкусу и, при помощи машинъ и двигателей, избирать соотвѣтствующія наклонностямъ занятія... Вы будете также поражены, какъ легко и скоро вы удовлетворите всѣ ваши потребности въ одеждѣ и роскоши—разъ производство будетъ служить

для того, въ чемъ всѣ нуждаются, а не ради доставленія громадныхъ барышей нѣсколькимъ акціонерамъ... Вы сами быстро заинтересуетесь этимъ дѣломъ и будете наслаждаться стремленіемъ вашихъ дѣтей ознакомиться съ силами природы, машиннымъ производствомъ и быстрымъ развитіемъ ихъ геніальной изобрѣтательности“ (стр. 190). „Примѣняя къ воспитанію дѣтей уже введенные тамъ и сямъ методы, можно легко достичь, что дѣти моложе 14—15 лѣтъ получаютъ обширныя свѣдѣнія о природѣ и человѣчествѣ, усвоятъ способы примѣненія технической работы и ученыхъ изысканій, и сердца ихъ глубоко проникнутся чувствомъ справедливости и всеобщей солидарности. Юноши усвоятъ въ послѣдующія 4—5 лѣтъ законы природы и принципы техники, на которыхъ основано удовлетвореніе всѣхъ матеріальныхъ потребностей“ (стр. 187).

Мы замѣтили выше, что изложенная здѣсь „утопія“ имѣетъ корни въ дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ теоріи общественное раздѣленіе труда считается такимъ благотѣльнымъ принципомъ, что „экономисты и государственные люди готовы бы распределить все человѣчество въ національныя мастерскія, изъ которыхъ каждая должна имѣть свою особую спеціальность“,—человѣчество не хочетъ подчиниться этому требованію, и всякая начинающая свое промышленное развитіе страна стремится къ водворенію у себя по возможности всѣхъ тѣхъ отраслей труда, къ которымъ, по естественнымъ условіямъ, она способна. Соединеніе промысла съ земледѣліемъ есть уже фактъ и довольно распространенный, и не только такъ-называемые кустари, но и многіе фабричныя рабочіе стремятся провести нѣсколько лѣтнихъ недѣль на земледѣльческихъ работахъ, и только положительное сопротивленіе этому со стороны фабрикантовъ и продолжительное вліяніе фабричнаго режима вытравляютъ такое стремленіе. Стремленіе соединить умственное образованіе съ физическимъ трудомъ проявляется довольно часто, и авторъ указываетъ на примѣръ этого соединенія въ московскомъ техническомъ училищѣ въ первыя двадцать лѣтъ его существованія. Программа этого заведенія, выработанная основателемъ училища г. Делавазомъ, примѣняется въ настоящее время въ Чикаго, Бостонѣ и въ Эбердинѣ, въ Шотландіи (стр. 166—167).

Идеи, съ которыми мы только-что познакомили читателя, наименѣе утопичными могутъ показаться въ Россіи. По естественнымъ условіямъ страны нашъ земледѣлецъ можетъ отдаваться своему главному занятію не болѣе 5—8 мѣсяцевъ въ году; соединеніе въ однихъ рукахъ промысла и земледѣлія представляетъ, поэтому, существенное условіе обезпеченія благосостоянія массы населенія. Сравнительная молодость нашего школьнаго образованія и недовольство общества

господствующей системой средней школы служатъ причиною того, что у насъ создано меньше стойкихъ традицій, служащихъ препятствіемъ радикальнымъ въ этой области преобразованіямъ. Мы можемъ, поэтому, предполагать, что идеи автора „Земледѣлія“ будутъ у насъ встрѣчены сочувственно, и его трудъ оживитъ самостоятельную работу общества по оздоровленію нашего общественнаго быта.

V.

- Вятское земство среди другихъ земствъ. П. А. Голубевъ. Изд. Вятскаго губ. земства. Ц. 50 к.
- Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству по даннымъ на 1899, 1900 и 1901 годы. Подъ редакціей В. В. Вирюковича. Изд. М. З. и Г. Им.

Двѣ эти книги, относящіяся къ одному и тому же предмету, имѣютъ совершенно различный характеръ. Одна изъ нихъ предназначена для публики и на примѣрѣ отдѣльной губерніи въ популярной формѣ знакомитъ читателя съ дѣятельностью земства въ прошломъ и настоящемъ; другая имѣетъ въ виду изслѣдователей и практиковъ и заключаетъ сводъ матеріаловъ для характеристики дѣятельности земскихъ учреждений въ одной только области, и притомъ лишь за послѣдніе годы. Книжка П. А. Голубева, составленная для парижской выставки и дополненная въ русскомъ изданіи болѣе новыми свѣдѣніями, не ограничивается, однако, только вятской губерніей. Въ ней имѣются также данныя о бюджетахъ всѣхъ остальныхъ земствъ съ 1868 по 1900 г. и данныя о грамотности новобранцевъ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ съ 1874 по 1898 г.

П. А. Голубевъ, какъ извѣстно, поставилъ себѣ задачей извлечь изъ доступныхъ ему источниковъ цифровыя свѣдѣнія за возможно длинный періодъ времени о разнообразѣйшихъ сторонахъ быта нашей страны. Ему приходится для этого рыться во всевозможныхъ изданіяхъ, отчетахъ, вѣдомостяхъ, доставать рукописные документы, проникать въ архивы и т. п. Такъ, на примѣръ, опубликованныя въ разсматриваемомъ изданіи свѣдѣнія о грамотности новобранцевъ за десятилѣтіе 1888—1897 гг. извлечены имъ изъ подлинныхъ вѣдомостей, хранящихся въ главномъ штабѣ. По этому предмету вообще любопытно отмѣтить, что, проникая въ такіе, казалось бы, недоступные источники статистики, какъ архивы мѣстныхъ или центральныхъ учреждений, г. Голубевъ не могъ получить въ свое распоряженіе нѣкоторые новѣйшихъ печатныхъ официальныхъ источниковъ, въ родѣ „Матеріаловъ по статистикѣ движеній землевладѣнія въ Россіи“, издаваемыхъ ми-

мистерствомъ финансовъ и „Сельско-хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ“ (продажныя цѣны земли), изданія министерства земледѣлія. Многія наши официальные изданія вообще очень мало заботятся о своемъ распространеніи. Какъ непохожа на такое отношеніе къ печатному слову политика, напр., сѣверо-американскаго правительства, періодическія публикаціи котораго распространяются бесплатно сотнями тысячъ экземпляровъ. Не находить г. Голубевъ поддержки своему начинанію и въ другомъ отношеніи. Несмотря на то, что сборникъ цифровыхъ свѣдѣній по разнообразнымъ сторонамъ жизни страны, сгруппированныхъ по губерніямъ и уѣздамъ за цѣлый рядъ лѣтъ, представлялся бы неоцѣнимымъ источникомъ справокъ для всякаго изслѣдователя, практическаго дѣятеля, и для правительственныхъ и общественныхъ учреждений, — собранный г. Голубевымъ матеріалъ лежитъ недвижимымъ въ его портфель, и только благодаря земствамъ были опубликованы свѣдѣнія о нѣкоторыхъ губерніяхъ. Авторъ пользовался представлявшимъ ему случаемъ, чтобы, на ряду съ матеріалами о данной губерніи, предать тисненію и нѣкоторыя сводки по всей имперіи. Такія сводки, какъ сказано выше, имѣются и въ рассматриваемомъ нами изданіи. Эти свѣдѣнія даютъ возможность составить нѣкоторое общее понятіе о колебаніяхъ энергіи дѣятельности земства въ теченіе тридцати лѣтъ его существованія.

Если судить объ энергіи земской работы по цифрамъ расходовъ земства вообще и его затратъ на важнѣйшія отрасли хозяйства въ частности, то истекшее тридцатилѣтіе земской жизни можно подраздѣлить на три періода. Въ первый періодъ, заканчивающійся 1883-нимъ годомъ, земскіе расходы увеличивались, въ среднемъ, на 1,8 милл. р. въ годъ, въ теченіе 1883—1892 г. они возростали лишь на 950 т. р., а въ 1893—1900 г. — на 4,7 милл. р. въ годъ. Во второй изъ указанныхъ періодовъ, слѣдовательно, земства проявляли вдвое меньше энергіи, нежели въ первый; но зато въ періодъ времени, начинающійся 1893 годомъ, они какъ бы стараются наверстать потерянное и настолько развиваютъ свою дѣятельность, что смѣта ихъ расходовъ, въ среднемъ, растетъ въ $2\frac{1}{2}$ раза быстрее, нежели она росла до 1883 года. Если, однако, принять во вниманіе, что смѣты земскихъ расходовъ за послѣдніе три года составляютъ со включеніемъ въ нихъ всѣхъ предположеній о расходахъ, тогда какъ до этого момента въ смѣты не входили, напр., ассигнованія изъ специальныхъ капиталовъ, то рисуемое приведенными цифрами оживленіе земской дѣятельности послѣдняго періода покажется, пожалуй, преувеличеннымъ. Но преувеличеніе это очень незначительно, и если ограничиться годомъ, предшествующимъ указанному нововведенію, то воз-

ростаніе земскихъ расходовъ въ послѣдній періодъ съ 4,7 мил. р. уменьшится лишь до 4,3 мил. р. въ годъ.

Отмѣченные періоды оживленія и застоя земской дѣятельности вообще отразились, конечно, и на отдѣльных сторонахъ его хозяйства. Расходы на народное здравіе, напр., въ первый періодъ увеличивались на 625 т. р. въ годъ, во второй—на 408 т. р., въ третій—почти на 1,5 мил. р. въ годъ. Расходы на народное образованіе въ первый періодъ увеличивались на 380 т. р., во второй—на 125 т. р., въ третій—почти на цѣлый миллионъ рублей въ годъ. Такой быстрый ростъ земскихъ расходовъ испугалъ часть земцевъ, уплачивающихъ налоги, и обезпокоилъ финансовое вѣдомство, извлекающее доходы изъ того же источника, что и земство. И хотя большая часть земскихъ расходовъ, обращаясь на такіе предметы, какъ народное здравіе, народное образованіе, страхованіе, народная хозяйственно-экономическая дѣятельность,—затрачивается безусловно производительно, чего далеко нельзя сказать о государственномъ бюджетѣ, взирающемъ на земское обложеніе какъ на своего конкуррента,—хотя налоги, покрывающіе земскіе расходы, устанавливаются не внѣшней силой, а самими плательщиками, и рѣшающая роль въ земствѣ принадлежитъ не тому классу (крестьянамъ), въ пользу котораго расходуется большая часть земскаго бюджета, а классу крупныхъ землевладѣльцевъ, сознательно, конечно, соглашающихся нести бремя, связанное съ развитіемъ земской дѣятельности,—тѣмъ не менѣе правительство сочло нужнымъ положить предѣлъ росту земскихъ тратъ и ограничило ихъ извѣстнымъ закономъ о предѣльности земскаго обложенія.

Быстрый ростъ земскихъ расходовъ въ послѣдніа восемь лѣтъ нельзя разсматривать внѣ связи съ предшествующимъ временемъ, игнорируя то обстоятельство, что рисуемое имъ оживленіе земской дѣятельности отчасти есть компенсация предшествующаго застоя. Но если даже предположить, что въ теченіе 1884—1892 гг. земскіе расходы должны бы увеличиваться съ быстротой предшествующаго періода и покрыть соотвѣтствующій недочетъ суммами, затраченными въ послѣдующее время, то и при такихъ условіяхъ новѣйшій періодъ земской жизни представится моментомъ значительнаго оживленія. Покрывая суммами этого періода недочетъ въ расходахъ 1884—1892 гг. до нормы роста земскихъ расходовъ въ 1868—82 гг., мы все-таки получимъ на долю 1893—1900 гг. возростаніе земской смѣты, въ среднемъ, на 2,8 мил. р. въ годъ, т.-е. на одинъ миллионъ рублей болѣе, сравнительно со всѣмъ предшествующимъ временемъ. Возростаніе это велико; но не слѣдуетъ забывать, что истекшее десятилѣтіе характеризуется оживленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ народно-государственного быта, и возростаніе земскихъ расходовъ лишь отражаетъ

это общее оживленіе. Земскій бюджетъ за десятилѣтіе 1890—1900 гг. увеличился на 40 милл., р. или на 75⁰%, а государственный бюджетъ поднялся въ это время на 750 милл. р., т.-е. слишкомъ на 80⁰%; желѣзнодорожная сѣть увеличилась на 25 тыс. верстъ, или почти вдвое; количество перевезенныхъ по желѣзнымъ дорогамъ товаровъ и оборотовъ фабрикъ и заводовъ увеличились слишкомъ вдвое, и т. д.

Въ этотъ періодъ оживленія земской дѣятельности, сфера послѣдней фактически расширилась, благодаря тому вниманію, какое обращено было на поднятіе хозяйственной дѣятельности населенія. Вопросъ этотъ составлялъ, правда, предметъ земскихъ обсужденій и въ прежнія времена; но, по трудности положительнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство, практическія мѣропріятія въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ стали осуществляться лишь въ теченіе истекшаго десятилѣтія, къ концу котораго земства ассигновывали на этотъ предметъ 2,5 милл. р., тогда какъ десятью годами ранѣе расходъ этотъ не достигалъ и полумилліона рублей. Но кромѣ безвозвратныхъ затратъ, денежное участіе земства въ данномъ дѣлѣ выражается ассигнованіемъ суммъ на оборотныя средства для устройства складовъ, мастерскихъ, выдачу меліоративныхъ соудъ и т. п. Такія ассигнованія достигли уже 4,5 милл. р., увеличившись въ теченіе десятилѣтія почти въ десять разъ. Подробныя свѣдѣнія относительно этой стороны земской дѣятельности заключаются во второмъ изданіи, названномъ въ заголовкѣ нашей зашѣтки. Свѣдѣнія сгруппированы здѣсь по губерніямъ и уѣздамъ, а этому сырому матеріалу предпосланъ общій очеркъ дѣятельности земствъ по воспособленію сельскому-хозяйству, составленный на основаніи собранныхъ въ изданіи данныхъ. Подобныя сводки относительно экономической дѣятельности земствъ составляются министерствомъ земледѣлія, начиная съ 1895 г. Свѣдѣнія же о дѣятельности земствъ за предшествующее время, въ видѣ выдержекъ изъ докладовъ управъ и журналовъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній въ хронологическомъ ихъ порядкѣ, заключены въ трехтомномъ изданіи министерства земледѣлія, подъ редакціей Г. П. Сазонова: „Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству 1865—1895 гг.“. Какъ бы дополненіемъ къ этому изданію, болѣе обработаннымъ, служить составленный В. А. Крандіевскимъ, по порученію московскаго общества сельскаго хозяйства, „Обзоръ земскихъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства за 1892—93 гг.“, матеріалами для котораго служили, между прочимъ, свѣдѣнія, доставленныя земскими управами на спеціальный запросъ московскаго общества сельскаго хозяйства. Если къ этому присоединить „Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій 23-хъ земствъ Россіи за 1865—92 гг.“, изданный полтавской губернской земской управой, и издаваемые министерствомъ земледѣлія „Обзоры

дѣятельности земства по воспособленію кустарной промышленности", то мы будемъ имѣть обширный, болѣе или менѣе сведенный матеріалъ относительно экономическихъ мѣропріятій земства, ожидающій еще своего изслѣдователя.—В. В.

VI.

— Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902. Составилъ С. В. Рождественскій. Изданіе Минист. Нар. Просвѣщенія. Спб. 1902.

Эта книга,—одно изъ юбилейныхъ изданій по исторіи нашихъ министерствъ,—можетъ возбудить особенный интересъ по тѣсной связи даннаго министерства съ историческими судьбами русскаго просвѣщенія—высшей школы, школы средней и народной, и судьбами цѣлой литературы, такъ какъ долгое время министерству принадлежала и высшая цензурная власть.

Юбилейная исторія учрежденія,—какъ бы ни былъ широкъ объемъ сочиненія (настоящая книга занимаетъ томъ почти въ 800 стр.),—не можетъ, конечно, обнять всѣхъ сторонъ сложнаго содержанія самаго предмета. Всего чаще,—и довольно естественно,—это бываетъ внѣшняя исторія самаго учрежденія: его перваго основанія, организаціи его дѣятельности, съ различными перемѣнами, которыя происходили и въ законодательствѣ и объемѣ вѣдомства, и въ приѣмахъ управленія, наконецъ—въ личномъ составѣ.

Мысль о составленіи исторіи вѣдомства возникла,—какъ читаемъ въ предисловіи,—въ 1899 г., въ министерство Н. П. Боголѣпова: для исполненія дѣла назначено было совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, Н. А. Звѣрева. „Въ виду краткости времени, остававшася до юбилея, совѣщаніе не нашло возможнымъ приступить къ составленію подробной исторіи министерства и остановилось на предположеніи издать краткій историческій очеркъ, содержащій біографическія свѣдѣнія о лицахъ, стоявшихъ во главѣ министерства, обзоръ законодательства и перечень важнѣйшихъ административныхъ распоряженій по вѣдомству народнаго просвѣщенія.

„Составленный на этомъ основаніи сжатый историческій обзоръ организаціи министерства и учреждений, ему подвѣдомственныхъ, не даетъ полной и всесторонней картины ихъ дѣятельности, оцѣнки этой дѣятельности и нагляднаго изображенія ея результатовъ, то-есть, статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи за послѣднее столѣтіе. Такая работа должна была бы опираться на рядъ предварительныхъ

спеціальныхъ изслѣдованій и требовала бы продолжительнаго изученія обширнаго историческаго и статистическаго матеріала, отчасти сосредоточеннаго въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, отчасти разсѣяннаго по архивамъ другихъ учреждений“.

Необходимость болѣе обстоятельнаго изученія исторіи министерства не ускользнула отъ вниманія членовъ совѣщанія, и мы читаемъ, что оно „составило предположеніе о научномъ изданіи описанія дѣлъ Архива Минист. Нар. Просвѣщенія. Но это предположеніе пока не осуществилось по неимѣнію необходимыхъ денежныхъ средствъ“.

Нельзя не пожелать, чтобы нашлись эти средства, чтобы появилась подробная исторія министерства, которая безъ сомнѣнія принесла бы множество цѣнныхъ указаній о развитіи нашего *національнаго* просвѣщенія и, вмѣстѣ съ нимъ, нашего національнаго самосознанія. Какъ обширна въ вопросѣ этого самосознанія роль министерства, это очевидно: въ его рукахъ школа—отъ высшей до низшей, а та или другая организація школы приноситъ съ собою или дѣйствительные успѣхи просвѣщенія, или его застой, даже упадокъ;—школа можетъ быть и живительная, созидательная, или бездушная и мертвящая. На пространствѣ ста лѣтъ, описываемыхъ въ „Историческомъ Обзорѣ“, нашей школѣ привелось видѣть и то, и другое.

Въ своемъ настоящемъ объемѣ, „Историческій Обзоръ“ не могъ дать обстоятельной исторіи просвѣщенія въ его внутреннемъ значеніи: въ самомъ дѣлѣ, на первый разъ нужно было разъяснить самыя условія, въ которыхъ вѣдомство создано и должно было дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи „Обзоръ“ прекрасно исполняетъ свою задачу: во „введеніи“, исторія вѣдомства начата съ конца XVII-го вѣка, съ того времени, когда при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ явилась мысль о высшей школѣ и общей организаціи школьнаго дѣла; затѣмъ вкратцѣ разсматриваются попытки этой организаціи во времена Петра Великаго, его преемниковъ, и особенно имп. Екатерины II, когда вопросъ школы въ первый разъ поставленъ болѣе широкимъ образомъ: главное правленіе училищъ стремилось поставить дѣло рационально и выработать систему, чтò и было преддверіемъ къ образованію министерства. Далѣе, въ „Обзорѣ“ весьма обстоятельно изложена исторія министерства отъ гр. Завадовскаго до Г. Э. Зенгера.

Какъ мы сказали, эта внѣшняя исторія, законодательная, административная и личная, должна быть первой основой для изслѣдованія. Множество любопытнаго надо ожидать отъ подробнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, если оно осуществится: оно, безъ сомнѣнія, приблизитъ внѣшнюю исторію къ фактамъ дѣйствительной жизни. Полная исторія „просвѣщенія“ (и его министерства) возможна только при сопоставленіи официальныхъ теорій и мѣропріятій съ ихъ отраже-

ніями въ живой дѣйствительности, а также при сопоставленіи ихъ съ насущными потребностями общества и народа, которыя давно сознаются общественнымъ мнѣніемъ.

VII.

- Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, Университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I: первый и второй періоды (1802—1865). Историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова, орд. проф. Имп. Юрьевского университета. Съ фототипическими приложеніями. Юрьевъ, 1902.
- Статистическія таблицы и личные списки по Имп. Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802—1902). Приложение къ историческому очерку Е. В. Пѣтухова... Юрьевъ, 1902.
- Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшаго Дерптскаго, университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ I. Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, орд. проф. Имп. Юрьевского университета. Юрьевъ, 1902.

Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ имѣетъ, собственно говоря, болѣе давнюю исторію, чѣмъ то столѣтіе, которое отпраздновано было въ прошломъ году. Первое начало его относится къ 1632 году, и основанный тогда и существовавшій до начала XVIII вѣка университетъ былъ латино-шведскій. Университетъ естественно долженъ былъ испытывать вліяніе политическаго положенія края. Первое основаніе университета было слѣдствіемъ шведскаго завоеванія; старый университетъ въ Дерптѣ-Юрьевѣ прекратилъ свое существованіе со взятіемъ этого города русскими при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Университетъ возобновился, когда Дерптъ-Юрьевъ по окончаніи войны, возвращенъ былъ Швеціи по Кардисскому миру. Онъ снова заглохъ во время войнъ Петра въ Остзейскомъ краѣ. Въ теченіе XVIII-го вѣка, подъ русской властью въ краѣ, университетъ не возстановлялся; но преданія высшей школы сохранились, и въ теченіе этого вѣка постоянно поднимался вопросъ и возникали ходатайства о возстановленіи университета,—и наконецъ онъ увѣнчался успѣхомъ со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I. Было естественно, что основанъ былъ тогда университетъ нѣмецкій: въ теченіе вѣковъ въ краѣ господствовала нѣмецкая культура; потребность высшаго образованія чувствовалась именно въ культурномъ кругѣ нѣмецкаго общества; еще съ шведскихъ временъ для поступленія на гражданскую службу и для лицъ духовныхъ требовалось прохожденіе университетскаго курса,—въ Остзейскомъ краѣ отзывалось близкое вліяніе могущественнаго просвѣщенія въ Германіи. Къ концу столѣтія существованія нѣмецкаго университета въ Дерптѣ опять есте-

ственно стали сказываться новыя общественно-политическія условія: съ одной стороны, государство возымѣло объединительные планы; съ другой стороны, число русскихъ университетовъ было слишкомъ невелико для обширной имперіи, и этой прискорбной скудости могло помочь преобразование университета мѣстнаго въ обще-имперскій. Въ первомъ періодѣ своей исторіи Дерптскій университетъ, между прочимъ, достойно послужилъ и русскому просвѣщенію: онъ имѣлъ ученыхъ, которые примѣняли нѣмецкую науку къ изслѣдованію русской исторіи, и напр., имя Эверса стоитъ въ ряду замѣчательнѣйшихъ истолкователей русской древности; въ силу общенія Дерптскаго университета съ германской наукой, здѣсь, въ тридцатыхъ годахъ, найдено было возможнымъ устроить специальный „профессорскій институтъ“ для питомцевъ университетовъ русскихъ, которымъ онъ служилъ бы высшей научной школой. Надо надѣяться, что въ новой стадіи своей исторіи университетъ не забудетъ этихъ своихъ преданій: одна ихъ привлекательная сторона—что университетъ послужилъ уже нѣкогда руководителемъ для молодыхъ русскихъ ученыхъ (изъ которыхъ образовались потомъ замѣчательные дѣятели науки); другая привлекательная сторона этихъ преданій—въ томъ, что старое общеніе съ германскими университетами (въ Дерптъ приходили профессора, между прочимъ, изъ Германіи и германской школы; изъ Дерпта профессора переходили на профессиру въ Германію) насаждало въ Дерптѣ духъ и пріемы нѣмецкой науки; и въ глазахъ самого правительства, когда явилась забота о приготовленіи русскихъ профессоровъ для нашихъ университетовъ, Дерптъ былъ первой, уже высшей, ступенью, преддверіемъ къ ученой школѣ Германіи. Старая заслуга нѣмецкаго Дерпта всегда цѣнилась у насъ людьми просвѣщенными, и надо надѣяться, что новый Юрьевскій университетъ будетъ стремиться къ упроченію этой заслуги и въ будущемъ—заботой о сохраненіи того же высокаго уровня „ученой школы“.

Юбилейная исторія Дерптскаго-Юрьевскаго университета представлена двумя названными трудами. Исторія университета и „Словарь“ являются пока первыми томами. Составители обоихъ трудовъ отнеслись къ своей задачѣ весьма добросовѣстно: г. Пѣтуховъ обстоятельно рассказываетъ исторію университета съ первыхъ его начатковъ въ XVII столѣтіи, когда край принадлежалъ шведамъ; кромѣ ученой исторіи, авторъ даетъ и картину университетскихъ нравовъ, въ которыхъ Дерптъ слѣдовалъ примѣру нравовъ германскихъ, и, какъ извѣстно, это были нравы порядочно дикіе,—надо припомнить только, что и цѣлый бытъ XVII-го вѣка, ихъ здѣсь утверждавшій, вовсе не отличался мягкостью и утонченностью; впослѣдствіи это была установившаяся, какъ бы обязательная, традиція.

„Біографическій словарь“ расположенъ не по тому алфавитному порядку, какой бывалъ принятъ у насъ для такихъ трудовъ,—напримѣръ, въ словаряхъ университетовъ Московскаго и Кіевскаго,—а разделенъ по факультетамъ. Это имѣетъ свои удобства для обзора трудовъ въ извѣстной области,—а словарный порядокъ для справокъ можетъ быть доставленъ общимъ указателемъ. Относительно профессоровъ, еще дѣйствующихъ и здравствующихъ, доставлены ихъ автобіографическія записки; о профессорахъ стараго времени біографія и списки трудовъ составлены ихъ преемниками въ факультетѣ.—А. П.

VIII.

— Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII. Спб. 1903.

Интересующіеся исторіей развитія нашего общества въ XIX вѣкѣ встрѣчаютъ съ извѣстнаго рода ожиданіемъ всякій новый томъ грандіознаго по объему изслѣдованія г. Барсукова. Центръ тяжести этого труда опредѣлился уже давно: онъ въ значительной степени лежитъ внѣ непосредственной темы самаго изслѣдованія, внѣ личности героя, котораго поетъ („пою дондеже есмь“—избираетъ motto своей книги г. Барсуковъ) авторъ, внѣ тѣхъ выводовъ и общественныхъ взглядовъ, которые пытается г. Барсуковъ иногда проводить. Ожиданіе относится къ фактическому матеріалу, богатѣйшая коллекція котораго собрана щедро г. Барсуковымъ. Самая же біографія Погодина часто служитъ только поводомъ къ сообщенію цѣнныхъ историческихъ свѣдѣній; иногда единственную связь, какую можно установить между жизнью Погодина и приводимыми фактами, составляетъ то, что сообщаемое событіе совершалось въ то время, когда жилъ Погодинъ. Быть можетъ, вслѣдствіе того на ряду съ любопытнѣйшими документами, характеризующими эпоху, мы находимъ тутъ же массу излишнихъ подробностей, деталей; описывая разные торжества, обѣды, авторъ не упускаетъ случая тутъ же обстоятельно передать потомству подлинныя „шени“ этихъ обѣдовъ и многое другое въ томъ же родѣ. Далекое не всегда и сообщаемыя свѣдѣнія отличаются новизною: иногда, повторяется и весьма извѣстное. Авторъ по существу—усерднѣйшій собиратель, съ необычайнымъ трудолюбіемъ берущій отовсюду, что ему кажется любопытнымъ. Но и дѣйствительно интереснаго не мало найдется въ этихъ семнадцати объемистыхъ книгахъ. При всемъ стремленіи почтеннаго автора поставить своего героя на нѣкоторый пьедесталъ крупной исторической фигуры, Погодину и при свѣтѣ всѣхъ деталей, извлеченныхъ авторомъ, приходится удѣлить болѣе скромное мѣсто среди дѣятелей русской культуры XIX вѣка.

Какъ ученый, Погодинъ былъ опредѣленъ уже Кавелинымъ, который, при весьма снисходительной въ общемъ оцѣнкѣ, указываетъ на отсутствіе у Погодина какого бы ни было опредѣленнаго взгляда на задачи историческаго изслѣдованія и знанія. Тотъ методъ, который Погодинъ обозначалъ именемъ математическаго, есть по существу отсутствіе всякаго метода. Что же касается задачъ русской исторіи, какъ науки, то въ числѣ ихъ Погодинъ между прочимъ ставилъ и такую: „сдѣлать русскую исторію охранительницей и блюстительницей общественнаго спокойствія“. Какъ указываетъ П. Н. Милюковъ ¹⁾, семь томовъ изслѣдованій, лекцій и замѣтокъ Погодина имѣютъ научное значеніе только какъ справочное пособіе при занятіяхъ древнимъ періодомъ русской исторіи и лишь постольку, поскольку въ нихъ авторъ не является теоретикомъ. „По складу ума и по характеру разъ усвоенныхъ воззрѣній на задачи науки, — пишетъ Милюковъ, — Погодину предстояло сдѣлаться очень полезнымъ чернорабочимъ и сосредоточить всѣ свои силы на предварительной разработкѣ сырого матеріала“... Какъ общественный дѣятель, профессоръ и публицистъ, Погодинъ неизмѣнно тянулся къ идеямъ официальной народности и сильнымъ властью представителямъ ея. Каѳедра исторіи въ московскомъ университетѣ была ему поручена Уваровымъ, чтобы начать „новую эру“ въ духѣ, соответствующемъ административнымъ идеаламъ того времени. Статьи на „случай“ занимали не послѣднее мѣсто въ публицистической дѣятельности Погодина, и характеристика у Чернышевскаго этой стороны его дѣятельности („онъ описывалъ разныя московскія торжества, изображалъ добродѣтели разныхъ важныхъ московскихъ и другихъ російскихъ сановниковъ и г. Кокорева“) не такъ уже далека отъ дѣйствительности. Для представленія записокъ со своими соображеніями по государственнымъ вопросамъ, Погодинъ выбиралъ по преимуществу III-е Отдѣленіе; послѣ представленія первой изъ такихъ записокъ, объ отношеніяхъ Польши къ Россіи, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ поручилъ спросить Погодина, чего онъ хочетъ въ награду за свое произведеніе. Какъ человѣкъ, Погодинъ представлялъ довольно непривлекательное сплетеніе необычайной практичности, доходившей до искаательства, сентиментальной мечтательности, взвинченнаго энтузіазма съ примѣсью значительной доли елейности и ханжества.

Примыкая одной стороною къ славянофильству, Погодинъ не могъ быть причисленъ къ тѣмъ первымъ представителямъ этой доктрины, которые и своей благородной личностью, и высокимъ, истинно идеальнымъ и гуманнымъ пониманіемъ проповѣдываемыхъ ими воззрѣній

¹⁾ Главныя теченія русской исторической мысли, т. I, изд. 2-е, 1898 г.

внушали глубокое уваженіе и всѣмъ своимъ противникамъ. По типу своей психической организаціи Погодинъ не принадлежалъ къ нимъ, — не принадлежалъ къ нимъ и по своимъ практическимъ общественнымъ воззрѣніямъ и идеаламъ.

Поэтому-то личность Погодина, при всей добросовѣстности г. Барсукова, собирающаго всѣ мелочи жизни своего героя, отступаетъ на второй планъ, и читатель обращаетъ свое вниманіе на тѣ обширные отдѣлы изслѣдованія, которые имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ темѣ книги.

Семнадцатая книга обнимаетъ періодъ отъ января 1859 г. до конца 1860 г. Интересное это было время. Готовился великій актъ, который долженъ былъ положить начало новой Россіи. Общество, вострепнувшееся послѣ кошмара предшествующей эпохи, ждало съ нетерпѣніемъ давно желанныхъ реформъ. Правительство шло, хотя и колеблясь, на встрѣчу обществу. Учреждены были редакціонныя коммиссіи, работавшія лихорадочно подъ предсѣдательствомъ Ростовцева надъ завершеніемъ дѣла эмансипаціи. Крѣпостническое дворянство, со своими вождями во главѣ, дѣлало послѣднія отчаянныя усилія, чтобы затормозить освобожденіе. Смерть Ростовцева и назначеніе на мѣсто его графа Панина, передача всей работы въ главный комитетъ—все это въ высокой степени интересные моменты нашей новейшей исторіи. Чѣмъ дальше мы отходимъ отъ 19 февраля 1861 г., тѣмъ яснѣе выступаютъ *общія* причины великой реформы, *общія* условія, при которыхъ она могла осуществиться и осуществилась. Но *общія* причины всегда преломляются черезъ призму историческихъ личностей, дѣятельность которыхъ накладываетъ ту или иную окраску на совершающіяся событія. Учесть этотъ личный элементъ для пониманія крупнаго историческаго явленія необходимо, чтобы уяснить, почему получилась та или иная комбинація дѣйствующихъ *общихъ* факторовъ, тотъ или иной темпъ движенія. Въ этомъ отношеніи трудъ Барсукова даетъ историку общественнаго движенія въ Россіи много матеріала. Въ рассматриваемомъ выпускѣ тридцать главъ посвящены изложенію событій крестьянской реформы и главнымъ образомъ съ той стороны, которая чрезвычайно важна для уясненія личнаго элемента, для характеристики дѣятелей и противниковъ великаго дѣла освобожденія. Многіе факты, правда, уже извѣстны, такъ какъ г. Барсуковъ заимствуетъ ихъ изъ напечатанныхъ уже источниковъ (главнымъ образомъ, изъ сочиненія Н. П. Семенова), но есть кое-что новое, а большое количество свѣдѣній собрано изъ разныхъ статей и замѣтокъ, разбросанныхъ по историческимъ и общимъ журналамъ, часто и недоступнымъ большой публикѣ. Приведемъ кое-что изъ богатой коллекціи г. Барсукова.

Извѣстно направленіе работъ редакціонныхъ комиссій; оно со злобой было встрѣчено крѣпостниками. Были противники и среди самихъ членовъ, среди депутатовъ, но гораздо болѣе опасными для дѣла были тѣ крѣпостники, которые пользовались своей близостью ко двору, чтобы пускать въ ходъ всѣ средства для пріостановки работъ комиссій. Во главѣ послѣдней категоріи враговъ стоялъ М. Н. Муравьевъ, впоследствии графъ и усмиритель Литвы. Когда въ редакціонныя комиссіи назначенъ былъ нѣкій Позень, завѣдомый врагъ реформы, Муравьевъ, по словамъ П. А. Валуева, очень обрадовался этому назначенію и воскликнулъ: „Il donnera un coup de poignard à Ростовцовъ“. Для того, чтобы нанести этотъ ударъ, рѣшено было дѣйствовать на императора. Какими средствами — объ этомъ мы имѣемъ необыкновенно характерное мѣсто въ дневникѣ Валуева. Послѣдній передаетъ свою бесѣду съ М. Н. Муравьевымъ слѣдующаго содержанія: „М. Н. Муравьевъ распространялся въ конфиденціальномъ разговорѣ со мною о будущемъ ходѣ крестьянскаго вопроса. Онъ явно боится Ростовцова. Il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger. Il ne faut pas dire que ce danger vient de la démocratie. Il faut simplement parler du danger“. Вообще система запугиванія правительства взрывомъ народныхъ волненій практиковалась въ широкихъ размѣрахъ, какъ и система придворныхъ сплетенъ, слуховъ, разсчитанныхъ на то, чтобы дискредитировать дѣятелей реформы. Уже послѣ закрытія редакціонныхъ комиссій, князь Вас. А. Долгоруковъ (тогдашній шефъ жандармовъ) заявлялъ, что онъ не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ комиссій будутъ утверждены. Единственно, что служило противовѣсомъ этихъ попытокъ, была убѣжденность императора, что дѣло освобожденія должно въ той или иной формѣ быть проведено. Въ октябрѣ 1859 г., императоръ писалъ Ростовцеву: „Если господа эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они ошибаются. Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святаго дѣла, чтобы кто-либо могъ меня остановить въ совершеніи онаго“. На запискѣ Безобразова, гдѣ говорилось, что дворянство горячо сочувствуетъ государю и доказало свою готовность исполнить волю его, — императоръ сдѣлалъ надпись: „Хорошо доказало!“

Сфера доносовъ, придворныхъ интригъ, среди которой пришлось нести свою тяжелую работу членамъ редакціонныхъ комиссій и предсѣдателю ея, въ значительной степени ускорила смерть Ростовцева. Въ печати уже приводились подробности этой смерти, приводились послѣднія слова Ростовцева: „Государь, не бойтесь!“ Но, кажется, новостью является сообщеніе г. Барсукова, будто о Ростовцевѣ, послѣ его смерти, цензура запретила распространяться журналамъ. Краев-

скому даже грозили непріятности за сочувственную статью „Отечественныхъ Записокъ“ по поводу смерти председателя редакціонныхъ комиссій, гробъ котораго несъ государь.

Назначеніе графа Панина на мѣсто Ростовцева какъ громомъ поразило всѣхъ друзей свободы и реформъ. Оно было принято какъ торжество крѣпостниковъ. Фигура графа Панина извѣстна. Это было воплощеніе типа аристократическаго бюрократа, совершенно неспособнаго къ пониманію задачъ великаго историческаго момента. Если онъ и не произвелъ того страшнаго вреда, котораго отъ него ожидали,—это въ значительной степени объясняется тѣмъ отсутствіемъ убѣжденій, которое онъ, какъ истинный бюрократъ, водворилъ въ принципѣ.

Валуевъ приводитъ въ дневникѣ, цитируемомъ часто г. Барсуковымъ, любопытный разговоръ графа Панина съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. „У меня есть убѣжденія,—сказалъ графъ Панинъ,—сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но, по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если я какии-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ, съ тою и даже съ болѣею энергіею, какъ еслибы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“. Когда графъ Бобринскій, одинъ изъ членовъ редакціонной комиссій, отказывался отъ своего званія, въ виду того, что было признано недопустимымъ подавать особыя мнѣнія (всѣ члены должны были подписывать заключенія большинства редакціонной комиссій), то графъ Панинъ выразилъ свое удивленіе Бобринскому въ весьма наивной формѣ: „mais ce que vous dites est la condamnation de toute ma carrière; j'ai passé ma vie à signer des choses que je n'approuvais pas“. При такомъ председателѣ, въ глубинѣ своей души ненавидѣвшемъ то дѣло, которымъ онъ долженъ былъ руководить, настроеніе активныхъ членовъ комиссій, вложившихъ душу свою въ это дѣло, не могло быть особенно радужнымъ.

„Думаю, — писалъ Ѳ. П. Еленевъ (близкій Ростовцеву человекъ) Погодину, — что мы всеу труждаемся: одно не допустить законодателя, другое исказить или же и вовсе парализируютъ исполнители; но все-таки комиссія должна сдѣлать свое дѣло“.

Можетъ быть, общимъ пессимизмомъ заражались и люди, стоявшіе нѣсколько въ сторонѣ отъ работъ комиссій. А. В. Головинъ, будущій министръ народнаго просвѣщенія, въ письмѣ своемъ къ князю А. И. Барятинскому рисовалъ будущее Россіи въ самыхъ мрачныхъ

красках: „Признаюсь, — писалъ онъ, — что будущее кажется мнѣ крайне безпокойнымъ!.. Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣднія сорокъ лѣтъ правительство много брало у народа, а дало ему очень мало... что же дѣлало правительство взаимъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями; ничего для народного просвѣщенія; ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ онѣ находились во времена нашего предка Рюрика. Правительство содержало, съ незначительными издержками, суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу, и полицію, которая грабитъ народъ... Государственный доходъ, половина котораго основана на безнравственности народа, или, вѣрнѣе, на его развращенности (винный откупъ), тратилась на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. Итакъ, деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, все это было большою несправедливостью; а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще только грудные младенцы, вырастутъ и поймутъ все то, о чемъ я только-что говорилъ... Императоръ прекратилъ одну изъ наибольшихъ несправедливостей, которая длилась цѣлые вѣка — крѣпостную зависимость, и этой прекрасной мѣрою онъ стяжаетъ себѣ безсмертіе во всемирной исторіи и величайшее имя въ исторіи народной цивилизаціи. Благодаря этой мѣрѣ и покоренію Кавказа, слава уже пріобрѣтена; онъ приготовляетъ мирное царствованіе для своего сына. Онъ могъ бы удвоить славу и завѣщать внутренній миръ своему внуку, если бы захотѣлъ уничтожить другую несправедливость, о которой я только-что говорилъ“...

Относительно работъ главнаго комитета и роли въ немъ великаго князя Константина Николаевича и противниковъ его (М. Н. Муравьева, князя В. А. Долгорукова, графа Панина и др.), г. Барсуковъ передаетъ главнымъ образомъ факты, уже извѣстные изъ сочиненія П. П. Семенова. Подробно рассказываетъ онъ исторію составленія манифеста 19 февраля 1861 г., которое было по мысли графа Панина обставлено страшною тайной. Къ митрополиту Филарету былъ посланъ спеціальнѣйшій уполномоченный (директоръ департамента министерства юстиціи Топильскій, — правая рука Панина) со спеціальною миссіей убѣдить владыку составить манифестъ. Проектъ манифеста, разработанный Самаринымъ, былъ признанъ неудобнымъ. Между прочимъ, въ этомъ проектѣ день освобожденія былъ названъ радостнымъ днемъ. Митрополитъ считалъ это выраженіе неумѣстнымъ.

„Не упомянуть я о радости, чтобы отъ лица царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣроподданныхъ. Предпріемлемому обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса; но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія“...

Характерно также для отношенія составителя манифеста къ совершающемуся событію письмо, отправленное митрополитомъ всего за три дня до подписанія манифеста. Митрополитъ писалъ: „Господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ. Замѣчаютъ, что ожиданіе народа сильно направлено на 19 день: а онъ едва ли принесетъ ожидаемое. Года за два передъ симъ, въ газетѣ „Нордъ“, писано было, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ употреблены будутъ сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ, и между прочимъ, что „первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви“. И это пишетъ не какой-нибудь легкій распространитель вѣстей. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ рудъ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою“!

Личность Погодина весьма мало была связана съ великой реформой. Какъ сынъ двороваго человѣка, онъ, конечно, не могъ не сочувствовать дѣлу освобожденія. Въ статьѣ, писанной имъ для возбужденія мирныхъ чувствованій, единственной статьѣ Погодина по крестьянскому вопросу, онъ, по своему обыкновенію, витіеватымъ и поддѣльнымъ народнымъ языкомъ привѣтствуя реформу, старается убѣдить всѣхъ, что между крестьянами и дворянами существуетъ полная гармонія, и посему, по его мнѣнію, „дворяне очень скоро, поразмысливъ, попривыкнувъ къ новому положенію, примутъ искреннее участіе въ общей радости и обнимутся братски съ любезными соотечественниками, какъ будто обновленные и просвѣтленные. Сердце у всѣхъ русскихъ людей, безъ различія званій, легкое и доброе“.

Гораздо большую извѣстность получилъ Погодинъ въ это время похожденіемъ, очень характернымъ для уясненія физіономіи петербургскаго общества въ это время. Мы говоримъ о памятномъ словесномъ турнирѣ его съ профессоромъ Н. Костомаровымъ о происхожденіи Руси, происходившемъ публично въ с.-петербургскомъ университетѣ 19 марта 1860 года. Г-нъ Барсуковъ чрезвычайно подробно излагаетъ всѣ детали и подробности этого диспута, въ свое время воспѣтаго Добролюбовымъ въ „Свистѣ“. Эти детали хорошо рисуютъ приподнятое настроеніе тогдашняго общества, получившаго возможность проявлять публично свою умственную жизнь. Диспутъ Погодина на ряду съ лекціями въ Пассаждѣ былъ только поводомъ проявить это настроеніе, и профессоръ Буличъ, очевидецъ этого турнира, правъ, когда онъ, описывая картину его, необычную по условіямъ до-рефор-

женной эпохи, говорить: „въ сердцѣ невольно зарождалось ожиданіе чего-то небывалаго, невиданнаго, неслыханнаго“.

Почти вся остальная часть въ XVII книгѣ г. Барсукова посвящена путешествію Погодина по Россіи и представляетъ мало интереса для читателей.

Въ заключеніе нашей замѣтки, приведемъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Барсуковымъ объ одномъ изъ типичнѣйшихъ представителей до-реформенной Руси, — московскомъ генералъ-губернаторѣ А. А. Закревскомъ. Незадолго до своего увольненія, графъ Закревскій представилъ слѣдующее донесеніе о московской литературѣ:

„По разнымъ слухамъ, — писалъ онъ, — и секретнымъ, негласнымъ дознаніямъ, можно предположить, что такъ называемые славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей русской старины. Центръ этого общества — Москва. Литературные органы его: 1) „Русская Бесѣда“, редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ и Самаринъ; 2) „Сельское Благоустройство“, отдѣлъ „Русской Бесѣды“; редакторъ и сотрудники тѣ же. Денежный двигатель общества — Кокоревъ, поддерживаемый множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.“

„Общество славянофиловъ развиваетъ общинныя или демократическія начала. Оно составлено изъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.“

„Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе, — „Московский Сборникъ“, выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году. Кромѣ помянутыхъ двухъ журналовъ, необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдующіе, издаваемые также въ Москвѣ:

„1) „Русскій Вѣстникъ“. Редакторы: Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ фонъ-Крузе. 2) „Атеней“. Редакторъ Коршъ, сотрудники: Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же. 3) „Московскія Вѣдомости“. Редакторъ Коршъ. Всѣ эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе: 1) Крестьянскій вопросъ — орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, а послѣднихъ противъ правительства. 2) Безсрочно-отпускные нижніе чины. 3) Раскольники. Имъ стараются

внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, а должны ожидать всего отъ переменъ образа правленія. 4) Фабричный народъ. Этотъ классъ людей давно готовится уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ. 5) Театральныя представленія. Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подавъ мысль, чтобы авторы писали пьесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена, и дарили эти пьесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы. 6) Распространеніе сочиненій Герцена. Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги—Толкованіе Евангелія“.

Въ самый годъ своего увольненія, графъ Закревскій представилъ начальнику третьяго отдѣленія списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ, куда попали: Аксаковъ, Хомяковъ, Катковъ (какъ „западникъ и издатель“ „Русскаго Вѣстника“) Солдатенковъ (какъ „раскольникъ, западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній“), цензоръ Крузе (какъ „другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, какъ человѣкъ, готовый на все и желающій переворотовъ“), откупщикъ Кокоревъ (какъ „западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ“), самъ Погодинъ (какъ „корреспондентъ Герцена и литераторъ, стремящійся къ возмущенію“), актеръ Щепкинъ (какъ человѣкъ, желающій переворотовъ и на все готовый) и многія еще лица съ подобными характеристиками. Любопытно то, что, приведя всѣ эти документы, авторъ тѣмъ не менѣе беретъ на себя задачу реабилитировать образъ „достопочтеннаго“ графа (эпитетъ автора) отъ тѣхъ литературныхъ отзывовъ, которые прочно установили его обликъ.

Приведемъ еще одинъ документъ изъ коллекціи г. Барсукова. Излагая отзывы печати о смерти Конст. Аксакова, г. Барсуковъ приводит некрологъ, посвященный ему Герценомъ.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—сдѣлали свое дѣло; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и колотить ямщика, чтобы тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

„Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

„Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинакая.

„У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разные стороны, въ то же время какъ сердце билось одно.

„Они всю любовь, всю нѣжность, перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почертѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причтомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачь объ утраченномъ счастіи раздиралъ наше сердце: мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство“...

IX.

— В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права, т. III, Сиб., 1903.

Направленіе русской исторической мысли за послѣднее время характеризуется тѣмъ особымъ вниманіемъ, которое изслѣдователи нашей старины удѣляютъ исторіи культуры и главнымъ образомъ развитію матеріальныхъ моментовъ ея. Изученіе политическихъ формъ, учреждений и сословій ведется въ тѣсной связи съ изслѣдованіемъ явленій экономическихъ, финансовыхъ, частноправовыхъ. Работаютъ на этомъ благодарномъ поприщѣ и представители „чистой“ исторической науки, и историки права, а результаты этой работы мы уже имѣемъ въ видѣ выводовъ и обобщеній. Достаточно указать на труды Милюкова, Дяконова, Платонова, Рожкова, Павлова-Сильванскаго и др. Все болѣе и болѣе освѣщаются вопросы о прикрѣпленіи крестьянъ, о происхожденіи общины, о развитіи сословій и учреждений въ связи съ поземельной и финансовой политикой Московскаго государства. Можетъ быть, въ преобладаніи, у наиболѣе выдающихся историковъ, интереса къ явленіямъ этой категоріи, сказывается вліяніе идеи эконо-

номическаго матеріализма, властно и сильно, хотя и на весьма краткое время, захватившей умы и давшей определенную окраску не только нашему социальному, но и идейному движению. Если это такъ, то господство этого течения не прошло безслѣдно, а оказалось, напротивъ того, весьма производительнымъ и для русской исторической науки.

Новое изслѣдованіе проф. Сергѣевича затрогиваетъ два наиболѣе сложныхъ и спорныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ вопроса исторіи московскаго періода: вопросъ о землевладѣніи и вопросъ объ обложеніи, о тягѣ. Всѣ тѣ приемы и свойства научной работы, которыми отличаются труды автора: „Князь и вѣче“, ярко выражены и въ новомъ томѣ его „Древностей“. Приступая къ освѣщенію какого-нибудь вопроса, авторъ прежде всего приводитъ соответствующія мѣста источниковъ (онъ никогда на нихъ не ссылается, они всегда тутъ на лицо передъ читателемъ), подвергаетъ ихъ остроумному историческому и юридическому анализу, иногда путемъ блестящей полемики, и, такъ сказать, вскрывъ необходимое мѣсто, получаетъ частный выводъ для подтвержденія общей идеи, проникающей все изслѣдованіе. Эти общія идеи у проф. Сергѣевича всегда рѣзко опредѣлены; при первомъ ознакомленіи, онѣ кажутся даже нѣсколько парадоксальными, но, вдумавшись, вы найдете ихъ всегда обоснованными, а часто носящими печать настоящей оригинальности. Индивидуальность ученаго сказывается и въ его языкѣ: онъ кратокъ, точенъ, часто колоритенъ, нѣсколько отрывоченъ, что придаетъ ему силу простоты.

Третій томъ „Древностей“ распадается на три книги, изъ которыхъ первая занимается вопросами о происхожденіи формъ землевладѣнія и о хозяйственномъ пользованіи землями, вторая—разсмотрѣніемъ тягла и порядка обложенія, а третья даетъ критическій анализъ литературы, занимавшейся разобранными авторомъ вопросами. Выводы автора основываются главнымъ образомъ на изученіи писцовыхъ книгъ новгородскихъ, содержащихъ въ себѣ богатый матеріалъ для выясненія *возникновенія* формъ московскаго землевладѣнія, и московскихъ книгъ, откуда можно черпать свѣдѣнія о дальнѣйшемъ развитіи этихъ формъ. Мы, конечно, здѣсь не имѣемъ никакой возможности ознакомить читателей со всѣми вопросами, поднимаемыми г. Сергѣевичемъ, съ аргументировкой и доказательствами, имъ приводимыми; мы ограничимся передачей нѣкоторыхъ основныхъ его положеній.

Типической формой древняго, *до-московскаго* землевладѣнія является, по мнѣнію автора, форма *частной* индивидуальной собственности. Землею владѣли „своеземцы“, наследующіе землю свою, дарящіе ее, дающіе ее въ приданое, однимъ словомъ—распоряжающіеся, какъ своей полной собственностью. Кто *своеземцы*? Это—крупные землевладѣльцы

бояре, болѣе мелкіе — бояришки, купцы, посадскіе, крестьяне, владыка, попы, монахи, монастыри, церкви. Нѣтъ нигдѣ упоминанія о томъ, чтобы тогда существовали владѣнія крестьянскихъ общинъ. Были только отдѣльные крестьяне, которые или „своеземцы“, или же занимали господскія земли по особому договору за то или иное вознагражденіе натурой, въ видѣ предоставленія землевладѣльцу извѣстной части урожая. Эта фермерская форма была преобладающею, потому что собственное хозяйство крупныхъ своеземцевъ, при маломъ распространѣніи холопскаго, рабьяго труда, не могло быть значительнымъ. Сообразно этому типу владѣнія и обозначенія населенныхъ мѣстъ, мѣста имѣютъ иное значеніе, чѣмъ то, которое они приобрѣли впоследствии: подъ „деревней“ въ до-московскій періодъ разумѣлось отдѣльное пашенное хозяйство съ отдѣльнымъ дворомъ. Деревня могла распастись на части, напр. при дѣлежѣ наслѣдниковъ, и тогда мы имѣемъ деревню изъ совокупности нѣсколькихъ дворовъ. Владѣльцы такихъ „вопчихъ“ деревень — это тѣ сябры, которые возбудили столько споровъ въ наукѣ. Деревни принадлежать „своеземцамъ“, но могутъ быть сдаваемы крестьянамъ въ аренду. Вся земля „своеземцевъ“ сама по себѣ не носитъ службы, т.-е. съ фактомъ владѣнія не связывается обязательной службы владѣльцевъ, нѣтъ того зависимаго владѣнія, которое представляется типичнымъ для московскаго періода.

Такова картина землевладѣнія въ Новгородской области по писцовымъ книгамъ, и эта картина, по мнѣнію Сергѣевича, не представляетъ особенности только Новгорода. Она была господствующею вездѣ.

Исходнымъ пунктомъ измѣненія описанныхъ выше порядковъ проф. Сергѣевичъ считаетъ конфискацію частныхъ земель, которая была произведена московскими государями. Въ Москвѣ между частнымъ княжескимъ имуществомъ и государственнымъ различіе не было установлено. Всякое завоеваніе, присоединеніе удѣла, а часто просто недовольство князя тѣмъ или инымъ лицомъ вело къ конфискаціи, и конфискованныя земли — государевы земли — раздавались въ помѣстье служилымъ людямъ; послѣдніе заступаютъ мѣсто „своеземцевъ“, но уже на совершенно иныхъ условіяхъ владѣнія; часто государь, конфискуя земли у своеземцевъ, предоставлялъ ихъ въ непосредственное пользованіе крестьянъ за извѣстный оброкъ. Бывшіе арендаторы своеземцевъ сдѣлались царскими оброчниками. Отсюда и „крестьяне царя и великаго князя“, отсюда и выраженіе крестьянъ въ памятникахъ XV и XVI вѣковъ: „то земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія“. Таковъ источникъ образованія черныхъ оброчныхъ земель, которыхъ особенно много оказалось въ мѣстахъ подальше отъ Москвы, гдѣ и служилыхъ людей помѣстить было трудно. Документальныя данныя о грандіозной

конфискаціи, произведенной въ Новгородской землѣ, на Вяткѣ и Двинѣ, сохранились въ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ, и по нимъ можно прослѣдить и весь процессъ, представляющій, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, социальную реформу великой важности: „поземельная собственность изъ рукъ бояръ и бояришекъ (прежнихъ своеземцевъ) перешла въ руки рабочаго населенія“.

Какъ сложились права и обязанности крестьянъ при новыхъ порядкахъ?

На земляхъ помѣщиковъ, назначенныхъ вмѣсто изгнанныхъ своеземцевъ, крестьяне сидятъ по договору, заключаемому между ними и помѣщикомъ; не правились имъ условія договора—они могли уйти. На земляхъ, непосредственно предоставленныхъ государемъ, крестьяне не „своеземцы“, не собственники. Предоставленные имъ земли и угодія государь можетъ поверстать, по своему желанію, и служилымъ людямъ. Крестьяне и притомъ *отдѣльные* крестьяне получаютъ отдѣльные участки, за платежъ оброка, въ пользованіе. Пользованіе частное, индивидуальное, а не общинное; по новгородскимъ писцовымъ книгамъ видно, что общины крестьянской къ моменту конфискаціи и не было никакой. Но при записи угодій старыхъ владѣльцевъ за ихъ крестьянами накладывается оброкъ „огуломъ“ на все имѣніе. Раскладка этого оброка становится дѣломъ всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ такомъ имѣніи, и отсюда первый моментъ образованія общины, которая, и притомъ въ зародышѣ только въ Новгородской землѣ, является въ самомъ концѣ XV вѣка. Такимъ образомъ, благодаря этому правительственному распоряженію (объ оброкѣ „огуломъ“), въ крестьянскихъ общинахъ возникаютъ общія дѣла по управленію оказавшимися въ ихъ владѣніи землями и угодьями. Онѣ распредѣляютъ между собою пустыя дворы и свободныя земли и угодья, сдаютъ ихъ въ то же тягло новымъ поселенцамъ, а если тягловцовъ не появляется—сдаютъ ихъ въ аренду изъ оброка. Общины являются на судѣ истцами и отвѣтчиками въ спорахъ объ общинныхъ земляхъ и могутъ даже отчуждать ихъ. Наконецъ, общій оброкъ, налагаемый отдѣльно на цѣлый рядъ селъ и деревень, долженъ былъ повести къ распредѣленію угодій между разными селами и деревнями, положенными на одинъ оброкъ, но не одинаково надѣленными благами земли“. Вотъ это-то, упоминаемое въ писцовыхъ книгахъ, верстаніе и лугами, и лѣсомъ, и всякими угодьями поровну, въ интересахъ болѣе равномернаго распредѣленія податного бремени между крупными огладными единицами (между вытями), и есть дальнѣйшій шагъ къ общинному владѣнію. Но этотъ уравнивательный предѣлъ, происшедшій въ концѣ XVI вѣка, былъ предѣлъ единовременный для уравниванія вытей; онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми періодическими предѣлами, которые состав-

ляютъ характерную особенность нынѣ господствующей общинной формы землевладѣнія. Уравненіе между надѣлами тягловцовъ одной общины и періодическіе передѣлы, какъ стремленіе уравнить податное бремя между членами одной общины, земель по ихъ числу—составляютъ послѣдствіе введенія подушной подати. Слѣдовательно, по мнѣнію проф. Сергѣевича, современная поземельная община формируется окончательно не раньше начала XVIII вѣка. Параллельно съ этимъ шелъ процессъ прикрѣпленія крестьянъ. Хозяйственные порядки домосковского періода, приспособленные для „своеземцевъ“, оказались непригодными для помѣщиковъ, обязанныхъ службой. Собственные люди помѣщиковъ оказывались нужными для сопровожденія въ походахъ, они не могли работать въ хозяйствѣ, а изъ земли приходилось извлекать все больше доходовъ. Отсюда стремленіе помѣщиковъ перейти отъ менѣ выгодной фермерской системы пользованія землями къ барщинѣ. Происшедшее въ Псковѣ въ 1485 г. столкновеніе землевладѣльцевъ, стремившихся установить урочныя работы для своихъ крестьянъ, т.-е. барщину, съ крестьянами, очень характерно тѣмъ, что великій князь рѣшилъ споръ еще въ пользу крестьянъ, признавъ, что требованіе землевладѣльцевъ есть новшество. Время для барщины еще не пришло. Это „новшество“, дѣйствительно, и было несомнѣнимо съ тогда еще свободнымъ крестьянствомъ. Прикрѣпленіе крестьянъ и переходъ отъ подворной аренды къ барщинному хозяйству—два момента, тѣсно между собою связанные. Если свобода перехода крестьянъ была вообще невыгодна и для крупныхъ помѣщиковъ, то особенно тяжела она оказывалась для хозяйства мелкихъ. И все болѣе и болѣе стѣсняя свободу перехода, правительство дѣйствовало главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ служилыхъ людей, составлявшихъ ядро войска.

Въ связь съ развитіемъ барщины и крѣпостного права проф. Сергѣевичъ приводитъ образованіе большихъ деревень, которыя уже не имѣютъ ничего общаго съ первоначальной деревней—дворомъ.

Такова схема общихъ положеній автора, развиваемыхъ имъ въ первой части своего изслѣдованія.

Вторая часть посвящена анализу понятія тягла, видовъ его и отношенія ихъ къ землевладѣнію. Авторъ, рассматривая тягло и какъ обязанность нести государственныя повинности, и какъ способность къ этимъ повинностямъ, подвергаетъ разбору вопросъ объ окладныхъ единицахъ Московскаго государства въ связи съ разными формами землевладѣнія.

Дополнительная книга представляетъ изложеніе литературныхъ мнѣній по вопросамъ о происхожденіи общины и крѣпостного права. Авторъ останавливается на теоріяхъ Маурера, Фюстель де-Куланжа,

Бѣльева, Чичерина, Соловьева, Соколовскаго, Ефименко, Никитскаго, Лаппо-Данилевскаго, Дьяконова, Павлова-Сильванскаго, Рожкова и др.; подвергаетъ ихъ критическому разсмотрѣнiю, а съ нѣкоторыми вступаетъ въ жестокую полемику, въ которой авторъ даетъ полный просторъ своему полемическому таланту. Особенно немилостивъ проф. Сергѣевичъ къ гг. Лаппо-Данилевскому и Рожкову.

X.

— Д. Н. Жбанковъ, О врачахъ. М., 1903 г.

„Записки врача“ В. Вересаева вызвали дѣлую бурю во врачебномъ мірѣ, врачебной и общей прессѣ. Профессиональные интересы заговорили среди врачебной корпораціи громко; посыпались всевозможные упреки на коллегу, такъ искренно и горячо повѣдавашаго міру о томъ, что предполагалось неизвѣстнымъ. Но на ряду съ этими раздались и другіе голоса изъ среды той же корпораціи,—голоса, горячо привѣтствовавшіе исповѣдь врача-писателя. Къ откликамъ послѣдняго рода принадлежитъ и книжка извѣстнаго земскаго врача Д. Н. Жбанкова. Его статьи, первоначально печатавшіяся въ „Мірѣ Божьемъ“, въ значительной степени дополняютъ фактический матеріалъ, сообщаемый Вересаевымъ. Особенно поучителенъ рядъ данныхъ, собранный авторомъ, объ участіи врачей въ практическомъ осуществленіи теоріи неомальтузіанства, въ „научной постановкѣ смертныхъ казней въ Америкѣ“ и т. п.

Съ точки зрѣнія врачебной этики, авторъ осуждаетъ даже одне присутствіе врача при всякомъ тѣлесномъ наказаніи: не только по велѣнію совѣсти, но и по научнымъ основаніямъ, врачъ никогда не долженъ давать разрѣшенія на тѣлесное наказаніе, такъ какъ онъ не можетъ поручиться за послѣдствія этого наказанія. Такъ и поступили, какъ сообщаетъ авторъ, два состоявшіе на службѣ врача, Либовъ и Хлѣбниковъ; они категорически отказались давать заключенія о состояніи здоровья крестьянъ самарской губерніи, которыхъ въ 1899 году администрація подвергала экзекуціи. Нашелся, впрочемъ, третій врачъ, иначе понимавшій свои задачи.

Несовмѣстимо съ этикой, по мнѣнію Д. Н. Жбанкова, и участіе врачей въ протестуационномъ надзорѣ, ничего не предотвращающемъ и глубоко принижающемъ достоинство человѣческой личности. Со всѣми этими явленіями корпорація должна бороться путемъ организованнаго протеста, путемъ нравственнаго осужденія подобныхъ явленій, не дожидаясь улучшенія общихъ условий, на которыя сваливается слишкомъ много.

Другимъ и уже радикальнымъ средствомъ отъ недуговъ врачебнаго сословія авторъ считаетъ организацію института общественныхъ врачей: „всѣ врачи должны быть общественными — земскими, сельскими, городскими, групповыми, у которыхъ не должно быть никакихъ расчетовъ съ отдѣльными больными. Только общественный врачъ можетъ быть истиннымъ блюстителемъ здоровья своего участка, такъ какъ его интересы будутъ всецѣло совпадать, а не противорѣчить интересамъ населенія. Вотъ только этотъ путь и дать тотъ выходъ, о которомъ мечтаетъ В. Вересаевъ“.

Но какъ осуществить этотъ проектъ? При какихъ формахъ общественной жизни онъ возможенъ? А можетъ быть, при осуществленіи этихъ формъ, и самые вопросы, волнующіе автора, потеряютъ свою остроту?

Эти вопросы, на которые у автора не находится отвѣта, мы ставимъ не для того, чтобы критиковать предложенія автора. Такая критика столь же легка, какъ трудно выполнимы многіе проекты, предлагаемые въ книгѣ „О врачахъ“. Но важно появленіе такихъ книгъ, важны факты и отношеніе къ нимъ, важна та нравственная высота требованій, которою она проникнута. И то, что книга вышла изъ-подъ пера одного изъ земскихъ работниковъ, въ рядахъ которыхъ такъ много уже теперь живыхъ воплощеній будущаго типа общественнаго врача, дѣлаетъ для насъ ее еще болѣе цѣнной. И въ этой специальной сферѣ, какъ и въ другихъ болѣе общихъ, зародыши будущаго зрѣютъ въ земской средѣ, въ земскомъ началѣ. — М. Г.—а н ѣ.

Въ теченіе марта мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александровъ, Н. Н.—Описанія имѣнія „Андреевскій хуторъ“ Т-ва Большой Ярославской мануфактуры. Тамб. 902. Ц. 1 р.

Амфитеатровъ, А.—Викторія Павловна (Именины). Спб. 903. Ц. 1 р.

Амиковъ, М. В.—Итоги и уроки трансваальской войны. Послѣсловіе къ сочиненію „Война и Трудъ“. Спб. 903. Ц. 30 к.

Армашевскій, П.—О происхожденіи лёсса. Спб. 903.

Бандаминъ, Я. Г.—Борьба науки со старостью. Къ новѣйшимъ работамъ Мечникова. М. 903. Ц. 30 к.

—— Роль опыта въ медицинѣ. М. 903. Ц. 40 к.

Бантишъ-Ламенскій, Д.—Исторія Малой Россіи, отъ водворенія Славянъ въ сей странѣ до уничтоженія Гетманства, въ 3-хъ частяхъ. Изд. 4-ое. Кіевъ, 903. Ц. 2 р. 50 к.

Беренсъ, В.—Основанія теоріи лучистой энергіи и биологін. Отдѣлы I: Лучистая энергія. II. Жизненная энергія. Кіевъ, 903.

Бертенсонъ, Л.—Консервированіе неры борною и салициловою кислотами съ промышленною цѣлью. Спб. 903.

—— По поводу частнаго страхованія рабочихъ. Въ вопросу о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья. Спб. 903.

Бихнеръ, Е. А.—Лошадь Пржевальскаго, въ обработкѣ Акад. В. В. Заленскаго. Спб. 903.

Богдановичъ, Л. А.—Борьба съ торговлей женщинами и „Россійское Общество защиты женщинъ“. М. 903. Ц. 50 к.

Болконскій, А.—Ученіе гр. Л. Н. Толстого о всеобщемъ мирѣ. Критическій этюдъ, съ очеркомъ развитія дѣла всеобщаго мира съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Ворон. 902. Ц. 50 к.

Брейтманъ, Г. Н.—Митька Коравый. Елка для мертвыхъ и др. рассказы. Кіевъ, 903. Ц. 1 р.

Будкевичъ, К. К., миров. судья.—Присяга на судѣ. Од. 903. Ц. 35 к.

Бузескулъ, В., проф.—Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьк. 903. Ц. 3 р.

Бѣмловскій, В., и *Гамалія, Н.*—Чума въ Одессѣ. Историческое и эпидемиологическое изслѣдованіе. Од. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Вейдлицъ, К. А.—О нуждахъ земледѣльческаго класса. Винница, 903. Ц. 1 р.

Венрижисковскій, Я.—О мѣрахъ къ устраненію полученія денегъ по должнымъ ассигновкамъ. Ровно, 903. Ц. 15 к.

Воронецъ, Е.—Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историческая справка. Спб. 903. Ц. 10 к.

Вороновъ, И.—Городъ Воронежъ. Населеніе и недвижимыя имущества. Съ планами и диаграммами. Изд. Воронеж. губ. земства. Ворон. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Гадмеръ, Елиз.—Спартакъ, вождь гладиаторовъ. Драма въ 5 д. и 14 картин. Спб. 903. Ц. 1 р.

Гензель, П.—Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Обложеніе „незаслуженнаго“ прироста цѣнности при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Гикманъ и Марксъ.—Всеобщій географическій и статистическій Карманный Атласъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. въ перен. 2 руб.

Глезмеръ, С. П.—Удаленіе и примѣненіе домашнихъ отбросовъ. Спб. 903.

Гобманъ, К.—Радій и его лучи. Съ нѣм. Ф. Индриксонъ, п. р. проф. И. Боргмана. Спб. 903. Ц. 70 к.

Гурьевъ, А.—Основные понятія политической экономіи. Популярный очеркъ. Спб. 902.

—— Природа, Населеніе, Капиталъ—три фактора народной производительности. Популярный очеркъ. Спб. 903.

—— Денежное обращеніе въ Россіи въ XIX столѣтіи. Спб. 903.

Даль, Влад.—Толковый Словарь живого великорусскаго языка. 3-ье исправл. и значительно дополненное изданіе, п. р. проф. И. Водуна-дз-Куртсва. Спб. 903. Т. I, вып. 1. Подп. ц. 20 р., отд. вып. — 50 коп.

Дебидуръ, А., проф.—Политическая исторія XIX-го вѣка. Исторія вѣстныхъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1873 г. Перев. п. р. Ал. Пилленко. Т. I: Священный союзъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Э.—Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 903. Ц. 3 р.

Дружининъ, П. П.—Какая нужна намъ средняя школа? Ярославль. 903. Ц. 35 к.

Духовескій, Э.—Приключенія Сергія Сергѣевича. Повѣсть первая: Заграницей. Екатериносл., 902. Ц. 1 р.

Тбанковъ, Д. Н.—О врачахъ. М. 903. Ц. 75 к.

Зданевичъ, М. В.—Отвѣтъ на анонимную брошюру: „Новый и традиціонный духовные ораторы, от. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергѣевъ (Кронштадтскій)“. Спб. 903. Ц. 10 к.

——— *Священникъ Г. С. Петровъ, какъ проповѣдникъ и писатель.* Критич. очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 903.

Ибсенъ, Генрикъ.—Столпы общества (Консулъ Бернхейъ). Ком. въ 4 д. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. М. 903. Ц. 40 к.

Ивановъ, П.—Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. М. 903. Ц. 1 р.

Карпеевъ, Н.—Государство—городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построения политической и социальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историческими картами. Спб. 903.

Киплицъ, Р.—Разсказы-Сказки. Съ рис. автора. Съ англ. О. Н. Поповой. Спб. 903. Ц. 1 р.

Космополитъ, Г.—Глѣзъ Успенскій. Опытъ литературной характеристики. Харьк. 903. Ц. 35 к.

Косинцовъ, М. П.—Князь Н. Д. Долгоруковъ. Матеріалъ для біографіи. Стародубъ, 903.

Лависсъ, Э.—Основные моменты политической исторіи Европы. Перев. Н. Д. Первовъ. Изд. 2-е. М. 903.

Лантинъ, В.—Библиографическая записка о драматическихъ произведеніяхъ артиста А. М. Сѣверской-Сигулиной. Влаготѣл. 903.

Ланкова, Н. И.—Мой мірокъ. Повѣсти и разсказы. Вып. 1. Кіевъ, 902. Ц. 80 к.

Лейкинъ, Н. А.—Голь перекатная. Разсказы. Бездомники—Писарь—Ученье—Палертины—Кладбищенскіе—Въ родильномъ пріютѣ—Ученица городск. школы—Переполюхъ—По чердакамъ и подваламъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Лемке, Мих.—Думы журналиста. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Лернеръ, Н.—А. С. Пушкинъ. Труды и Дни. Хронологическія данныя. М. 903. Ц. 1 р.

Летурно, д-ръ Шарль.—Біологія. Съ 4-го франц. изд. В. Ранцовъ. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Личковъ, Л.—Еще вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края. Кіевъ, 903.

Лосскій, Н.—Основные ученія психологін, съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лотаръ, Руд.—Генрикъ Ибсенъ. Съ 2-го нѣм. изд. О. А. Волькенштейнъ. Съ портретомъ и автографомъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Луговой, А.—Сочиненія. Грани жизни, ром. въ 5 ч. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р.

Литкова, Ек.—Рабы—Оборванная переписка—На мельницѣ—Облачко—Безъ фамиліи: I—Софья Петровна. II—Таня. Спб. 903. Ц. 1 р.

Мережковский, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Т. I и II. Спб. 903. Ц. 5 р.

Минутинъ, П. П.—Наша вѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы. Харьк. 903. Ц. 2 р.

——— Русскій государственнй кредитъ, со времени Екатерины II до

нашихъ дней. Т. III: Министерство С. Ю. Вите и задача будущаго. Вып. 3: 1893—1902 гг. Харьк. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Молоствовъ, Н. Г.—Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волинскій). 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Мороховецъ, Левъ, проф.—Труды и Музей кафедры исторіи и энциклопедіи Медицины Имв. Москов. университета. М. 903.

— „Записки врача“ В. Вересаева въ свѣтъ профессиональной критики. М. 903. Ц. 80 к.

Москвичъ, Григорій.—Практическій Путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностямъ, съ приложеніемъ большого плана С.-Петербурга. Ц. 1 р. въ переп. Од. 903.

Нестяжизъ, П. М.—Озлобленные. Романъ. Москва, 902. Стр. 759. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Новъ и Старъ. Разсказы: Разошлись—Краденое счастье—Аспазія—По дѣломъ—Страшные люди. Изд. 3-ье. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Михайловичъ, Великій Князь.—Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. Спб., 1903. Съ портретами. Печатано въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Озеровъ, проф. Ив.—Почта въ Россіи и за границей. Спб. 903. Ц. 20 к.

Павловъ, С.—Вулканъ и землетрасенія. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Пантелеевъ, Л. Ф.—Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 903. Ц. 80 к.

Потановъ, Ив.—Стихотворенія. Тамб. 903. Ц. 2 р.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Историческія статьи. Съ франц. п. р. В. Н. Михайлова. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Риккертъ, Г.—Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Съ нѣм. М. Фатерманъ. М. 903. Ц. 25 к.

Руффини, Дж.—Записки Лоренцо Вепони. Перев. А. Серебряковой. М. 903. Ц. 1 р.

Святскій, И.—Драгоценныя камни. Съ 38 рис. Спб. 903. Ц. 50 к.

Сергеевичъ, В.—Древности русскаго права. Т. III: Землевлѣдѣніе.—Титуло.—Порядокъ обложенія. Спб. 903. Ц. 2 р.

Скалковскій, В.—Очерки и фантазіи. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, А.—Очеркъ методики и дидактики учебной географіи. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Съ 2 таблиц. чертежей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Соловьевъ, С. М.—Публичныя чтенія о Петрѣ В. Спб. 903. Ц. 60 к.

Отверская-Синюлина, А. М.—Драматическія сочиненія. Т. I. М. 902. Ц. 2 р.

Тайна, П. Ѳ.—Души моей невольныя признанья. Спб. 903. Ц. 1 р.

Тилецко, Ѳ.—Разсказы. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

Тотоміаничъ, В.—Мощь кооперациі. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 15 к.

Тумаковъ, Г. И.—Усадебныя и полевныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 50 к.

Тюрканъ, І.—Генеральша Вонапартъ. Съ франц. Л. Т. Спб. 903. Ц. 1 р.

Уальдъ, О.—Баллада Ридингской тюрьмы. Перев. Н. Кернъ. Спб. 903. Цѣна 30 коп.

Чернышевъ, В.—Верхне-каменноугольные брахиоподы Урала и Тимана. Вып. 1.—Текстъ. Вып. 2.—Атласъ. Спб. 902.

Штитцлеръ, Арт.—Фрау Берта Гарланъ. Ром. Съ нѣм. Л. Г. Спб. 903. Цѣна 80 коп.

Шохоръ-Троцкій, С. И.—Методика, ариѳметика. Ч. I. Для учителей одно-

классныхъ начальныхъ школъ. Изд. 7-е, исправл. и значительно дополн. Спб. 903. Ц. 1 р.

—— Методика арифметики для учителей приготовительныхъ классовъ, для родителей и воспитателей. Спб. 903. Ц. 60 к.

—— Арифметическій задачникъ для учениковъ приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для первоначальнаго домашняго обученія. Спб. 903. Ц. 20 к.

—— Арифметическій задачникъ для учителей приготовительныхъ классовъ и для первоначальнаго домашняго обученія. Спб. 903. Ц. 30 к.

Щуцкий, М. М.—Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Юресьев, Г. Н. и Н. А.—Родъ Юресьевыхъ. Генеалогическая роспись съ XIV по XX столѣтія. Историко-біографическія свѣдѣнія по архивнымъ документамъ. Спб. 903. Ц. 4 р.

Якушевъ, акад., Н. И.—Воспоминанія о дѣтской и школьной жизни. М. 903.

Эйсбергъ, д-ръ С. І.—Руководство къ кормленію и уходу за рогатымъ скотомъ. Съ нѣм. Доппельмайръ, п. р. А. Колонтара. Съ рис. и табл. Спб. 903. Ц. 40 к.

Федоровъ, А. И.—Обыкновенная женщина.—Стихи.—Старый домъ.—Буреломъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Taft, Bernard (Raphael-Baury).—Le Pressoir, rom. Par. 903. Ц. 3 франка 50 сантимовъ.

— Библіотека „Всходоу“: 1) Е. Новиковой, „Въ плѣну у черкесовъ“, былъ, ц. 35 к. 2) М. Пеньковой, „Въ тору“, исторія одной глухонѣмой дѣвочки, ц. 35 к. 3) М. Тэна, „Приключенія Тома“, съ англ. З. Журавской, съ 94 рис., ц. 75 к.; „Приключенія Финна“, съ англ. А. Анненской, съ 65 рис., ц. 75 к.; „Принцъ и Нищій“, съ англ. З. Журавской, ц. 75 к. 4) В. Сѣрошевскаго, „Въ степяхъ Монголіи“, пов., съ польск., ц. 60 к. 5) В. Буснахъ, „Своими силами“, пов., съ франц., ц. 30 к. Спб. 902.

— Библіотека для самообразованія. Т. XXVIII: А. Роджерсъ, Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Перев. С. Зелинскаго, п. р. Ю. Айхенвальда. М. 903. Ц. 1 р.

— Библіотека-Читальня Харьковск. губерніи въ 1900—1902 г. Харьк. 902.

— Ванда. Драма въ 4 д., въ стихахъ. М. 902. Ц. 50 к.

— Вѣстникъ Знанія. Ежемѣсячный иллюстр., литерат. и популярно-научный журналъ, съ приложеніями для самообразованія. Ред.-Изд. В. В. Битнеръ. Спб. 903. № 1, 1903 г., январь. Подп. ц. 7 р. и 8 р. съ дост. и перес.

— Журналы Симбирскаго Губернск. Земск. Собранія, очередной сессіи 1902 г. Симб. 903.

— Изданія Товарищества „Знаніе“: 1) Бьернсонъ, Перчатка, перев. А. и П. Ганзенъ, ц. 40 к. 2) Штѣррингъ, Психопатологія, въ примѣненіи ея къ психологіи, перев. А. Крагуса, съ предисл. В. Вехтерева. ц. 1 р. 50 к. 3) С. Юшкевичъ, Разказы, ц. 1 р. 4) Скиталецъ, Разказы и Пѣсни, ц. 1 р. 5) Ив. Бунина, Разказы, т. I и II, ц. 2 р. 6) Купринъ, А., Разказы, т. 1, ц. 1 р. 7) Се-
рафимовичъ, Разказы, т. I, ц. 1 р. 8) К. Телешовъ, Разказы, т. I, ц. 1 руб. 9) Шелли, Полное собраніе сочиненій, въ перев. К. Д. Бальмонта, т. I, ц. 2 р. 10) Евг. Чirikовъ, Пьесы, ц. 60 к. 11) Его же, Разказы, т. I, II и III, ц. 3 р.

12) М. Горькій, На днѣ, въ 4 акт., ц. 60 к. 18) Его же, Мѣщане, сцена, въ 4 акт., ц. 60 к. Спб. 902—903.

— Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи, съ проектомъ школьной сѣти для введенія всеобщаго обученія. Вып. II. Вятка. 902.

— Историческій очеркъ развитія учреждений и работъ вѣдомства путей сообщенія по статистикѣ и карты путей сообщенія, въ 1798—1898 г.г. Спб. 98.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловской губерніи. Кромскій уѣздъ. Орелъ. Спб. 903.

— Международный конгрессъ по рыболовству и рыбоводству, 1902 г., въ С.-Петербургѣ. Ч. II. Спб. 902.

— Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса: 1) Гроцій, О правѣ войны и мира. Ц. 40 к. 2) Гоббсъ, Левиназонъ. О человѣкѣ. О государствѣ. Спб. 903. Ц. 40 к.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1901 годъ. Спб. 902.

— Свѣдѣнія по народному образованію въ Вятской губерніи за 1900, 1901 и 1902 г.г. Вятка. 902.

— Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, въ память имп. Александра III. Кн. VI. Спб. 903. Ц. 2 р.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго Губернскаго Земства за 1901 г. Новг. 902.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902—1903 г. Ежем. ж., изд. п. р. д-ра М. М. Чельцова. Годъ LXX. Спб. Подп. ц. 3 р. въ годъ.

— Труды подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Декабрь 1901 г. Спб. 902.

— Труды Юридическаго Общества при Имп. Казанскомъ Университетѣ за 1901—1902 г. Каз. 903.

ЗАМѢТКА.

По поводу пьесы М. Горькаго: „На дне“, въ 4 акт., 8-е изд., Спб. 908.

Новая пьеса М. Горькаго, обратившая въ послѣднее время на себя вниманіе, можетъ оправдывать свой успѣхъ въ гораздо большей степени, чѣмъ многія изъ его предшествовавшихъ сочиненій. Если въ ней не было мѣста развернуться сильнѣйшей—описательной—сторонѣ творчества, то типичность изображенія, колоритность языка, а главное—вѣрность тона, заставляютъ считать ее однимъ изъ лучшихъ произведеній писателя. Вредя читателя, по обыкновенію, въ среду, еще очень мало освѣщенную, М. Горькій съ наглядностью раскрываетъ передъ нами пеструю картину человѣческой жизни, какъ она творится „на днѣ“ моря житейскаго, со всею мутью, отлагаемой теченіями сверху, и жемчужинами, гибнущими въ песокъ и илѣ.

Пересказывать содержаніе пьесы трудно, такъ какъ въ ней нѣтъ того, что называется сюжетомъ, нѣтъ основной интриги, съ которой связаны дѣйствующія лица, и которая опредѣляла бы послѣдовательность внутренняго развитія пьесы. Но, съ другой стороны, любое изъ дѣйствующихъ лицъ, по особенностямъ своего характера, происхожденія и профессіи, является само по себѣ сюжетомъ, исполненнымъ драматизма и интереса. Обитатели ночлежки, бывшіе люди, воры, пропойцы, проститутки, опустившіеся до послѣдней степени, встанутъ передъ глазами читателя со всѣмъ ужасающимъ реализмомъ бытовой обстановки, извращеннаго міросозерцанія, неподражаемыхъ по выразительности рѣчей и ни съ чѣмъ несоизмѣримаго презрѣнія къ себѣ, людямъ и жизни. Интересы этого мірка, ютящагося по угламъ и нарамъ, въ каморкахъ хозяина Костылева, этого Іудушки въ миниатюрѣ, грязнаго и подлаго, какъ нельзя быть подлѣе, довольно сложны. Они далеко не исчерпываются заботами о матеріальномъ существованіи; у cadaго изъ его представителей есть свои симпатіи и антипатіи, своя слабая струна, свои стремленія и порывы. Но основной тонъ—безнадежность и тоска, всячески заглушаемая безтолковой суетой разнузданной и пьяной жизни. „Подвалъ, похожій на пещеру. Потолокъ—тяжелые каменные своды, закопченные, съ обвалившейся штукатуркой...“ Все кругомъ грязно и скверно, а на душѣ у людей, объединенныхъ этими обгѣзлыми сводами, еще темнѣе, еще мутнѣе отъ накопившейся въ ней житейской грязи и копоти. Одинаково тяжелая доля не сдѣлала ихъ всѣхъ одинаково скверными и злыми, она не стерла съ нихъ индиви-

дуальныхъ чертъ личности, и, попавъ въ разрядъ „бывшихъ людей“, они продолжали оставаться добрыми и злыми, грубыми и своеобразно нѣжными, бездушными лицемѣрами и откровенными до забвенія человеческого образа циниками и наглецами. Они не были рабами, и приобрѣтаемая, цѣною отверженной жизни, свобода открывала выходъ проявленіямъ индивидуальныхъ чертъ, присущихъ каждому.

Читатель знакомится здѣсь съ представителями разнообразныхъ бывшихъ и настоящихъ профессій. Буржуазное начало нашло себѣ воплощеніе въ фигурѣ содержателя ночлежки—уже названнаго выше Костылева. Образъ его вызываетъ гадливое чувство и удачно ассоциируется съ видомъ грязнаго и смраднаго клопа. Съ другой стороны, Костылевъ чрезвычайно типиченъ и въ увеличенномъ масштабѣ можетъ явиться выразителемъ общаго направленія дѣятельности нѣкоторой части нашего купеческаго мѣщанства. Такъ, онъ безпринципенъ, жаденъ къ деньгамъ, мелочно придирчивъ, не чуждъ мелкихъ страстишекъ, но при этомъ елейно-благочестивъ, цинически-лицемѣренъ, напускаетъ на себя видъ благонамѣренности и порядка. „Сколько ты у меня за два рубля въ мѣсяцъ мѣста занимаешь, — говоритъ онъ Клешу.—Кровать... самъ видишь...—Н-да! На пять цѣлковыхъ мѣста, ей-Богу! Надо будетъ накинута на тебя полтинникъ“...—„Ты петлю на меня накинъ, да задави...—съ тунымъ отчаяніемъ возражаетъ ему тотъ.—Издохнешь скоро, а все о полтинникахъ думаешь“...—„Зачѣмъ тебя давить, — благодушно говоритъ Костылевъ.—Кому отъ этого польза? Господь съ тобой, живи, знай, въ свое удовольствіе... А я на тебя полтинку накинута, — маслица въ лампадку куплю... и будетъ передъ святой иконой жертва моя горѣть... И за меня жертва пойдетъ, въ воздаяніе грѣховъ моихъ, и за тебя тоже. Вѣдь самъ ты о грѣхахъ своихъ не думаешь“... Онъ гнететъ не только обитателей ночлежки. Его жена, Василиса Карповна, вдвое моложе его, любитъ вора Ваську не только по влеченію своей развратной натуры къ молодому, здоровому парню, но какъ человѣка, который даетъ ей возможность отдохнуть и забыться отъ невыносимаго и животнаго отвращенія къ мужу. „Когда я съ тобой жила, — говоритъ она своему охладѣвшему любовнику, — я все дожидалась, что ты мнѣ поможешь изъ омута этого выбраться... Освободишь меня отъ мужа, отъ дяди... отъ всей этой жизни... и, можетъ, я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила въ тебѣ... понимаешь?... ждала я, что вытацишь ты меня...“ И она подговариваетъ парня извести мужа.

Этотъ Васька Пепель—натура не дюжинная. Много хорошаго завалено въ его душѣ хламомъ и соромъ темнаго бродяжническаго бытованья. Порою оно пробивается наружу и говоритъ о возможности обновленія. Но самъ онъ смотритъ на себя какъ на конченнаго чело-

вѣка, и знаетъ почему. „Мой путь обозначенъ мнѣ, — говоритъ онъ Луке. — Родитель всю жизнь въ тюрьмахъ сидѣлъ и мнѣ тоже заказалъ... Я когда маленькій былъ, такъ ужъ въ ту пору меня звали: воровъ сынъ“... Несмотря на свое ремесло, онъ далеко не пропащій человекъ, и личныя симпатіи его — на сторонѣ добраго и честнаго; онъ не особенно вѣритъ въ правду, потому что не видитъ ея вокругъ, но инстинктивно тянется къ ней, безсознательно, самъ того не подозревая. Любовь можетъ творить чудеса съ подобными натурами, и подъ ея могучимъ вліяніемъ душа Васьки, на глазахъ у зрителя, согрѣвается и свѣтлѣетъ. Онъ полюбилъ Наташу не с проста, не безотчетно: въ ней онъ увидѣлъ воплощеніе своего идеала, именно идеала, какъ ни странно звучитъ это слово въ примѣненіи къ профессиональному вору-босаку. „Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу къ себѣ... Ты только согласишься! — убѣждаетъ онъ Наташу выйти за него замужъ. — Больше года я смотрѣлъ на тебя... вижу, ты дѣвица строгая... хорошая... надежный человекъ... очень полюбилъ тебя!“ Но мечтамъ Васьки о хорошей жизни не суждено было сбыться: судьба привела-таки его на сцену подсудимыхъ...

У босаковъ изъ народа легко замѣтить одну отличительную особенность: каждый изъ нихъ является, худо ли, хорошо ли, человекомъ рабочимъ, знающимъ то или другое ремесло, опредѣленно относящимъ себя къ той или иной профессіи. Клепъ, на примѣръ, Андрей Митричъ — слесарь; — при поднятіи занавѣса зрители видятъ его передъ навальной, прилаживающимъ ключи къ старымъ замкамъ; бойкая и разбитная, податливая на сердце Квашня торгуетъ пельменями; Бубновъ — картузникъ, а прежде — скорнякъ былъ: „свое заведеніе имѣлъ, — съ гордостью рассказываетъ онъ, — руки у меня были такія желтыя, отъ краски: мѣха подкрашивалъ я...“; Алешка — сапожникъ; „Кривой Зобъ“ и татаринъ — крючники. Одни только интеллигенты — люди безъ опредѣленныхъ профессій, если не считать сценическаго прошлаго актера, оставившаго для своей настоящей жизни одну только грусть воспоминаній да вспышки профессионально-актерскаго самолюбія. Въ прошломъ его была своя драма. Въ душѣ, можетъ быть, былъ огонекъ, съ которымъ онъ карабкался на вершину жизненной пирамиды, да не добрался, оборвался и упалъ въ трущобу Костылевской ночлежки, и здѣсь, по его выраженію, пропилъ душу и погибъ. „А почему погибъ? вѣры у меня не было“, — объясняетъ онъ Луке. Вѣры во что: въ искусство, въ себя и свой талантъ? — вѣроятно, и въ то, и въ другое... Жертва платонической любви къ театру въ прошломъ, теперь онъ съ двумя остальными интеллигентами ночлежки, Сатинымъ и „барономъ“, составлялъ одну группу, объединенную одинаковымъ

умственнымъ развитіемъ, извращеннымъ общими условіями босаякой жизни и органической ненавистью къ черной работѣ. Прошлое Сатина покрыто неизвѣстностью, но можно догадываться—онъ былъ честный и порядочный человѣкъ. И въ его жизни была страшная драма. Изъ-за сестры онъ убилъ въ раздраженіи какого-то, по его словамъ, „подлеца“, и попалъ въ тюрьму. Тюремъ сдѣлала надъ нимъ свое обычное дѣло—выпустила отъявленнымъ негодяемъ и наглецомъ. И въ его душѣ далеко не умерла отыччивость на участіе и доброе слово; только Сатинъ не хочетъ—и боится, и стыдится въ одно и то же время—пошевелить тлѣющіе угольки добрыхъ чувствъ, навѣваемыхъ воспоминаніемъ о сестрѣ и далекой прежней жизни. „Однако ты отважись, я не люблю, когда меня спрашиваютъ“, — отмахивается онъ отъ старика, но тутъ же, охваченный приливомъ воспоминаній, не можетъ самъ удержаться и бросаетъ нѣсколько многозначительныхъ въ его положеніи словъ: „И... все это было давно... сестра—умерла... уже девять лѣтъ... прошло... Славная, братъ, была человѣчишка сестра у меня“!..

Баронъ многими ступенями ниже и Сатина, и актера. И въ лучшіе годы своей жизни онъ не былъ, можно думать, одаренъ благими силами ума и сердца. Взорно-воспитанный, по обычному аристократическому шаблону, онъ былъ прежде бездушнымъ фатомъ, туннымъ и глухимъ къ малѣйшимъ запросамъ интеллектуальной жизни, типичнымъ представителемъ золотой молодежи, фамильная гордость которыхъ сводится къ воспоминаніямъ о каретахъ съ гербами, о лакеяхъ, поваряхъ... Да, въ этомъ смыслѣ, баронъ былъ очень типиченъ и прежде, и теперь; теперь даже еще болѣе, теперь его обрисовка въ сопоставленіи съ окружающими лицами придаетъ его личности особое значеніе, быть можетъ, не безъ символическаго намека. Бѣлоручка и потомокъ древней фамиліи, онъ чувствуетъ себя счастливымъ въ томъ положеніи, на какое не пойдетъ человѣкъ того или другого ремесла, не исключая и воровскаго, и даже въ босаяцкой средѣ: онъ живетъ на содержаніи у проститутки Насти, что не мѣшаетъ ему нагло издѣваться надъ нею и колоть ей глаза своей дворянской породой...

Тою же типичностью изображенія отличаются и женскіе образы: злая и грубая, но страдающая и борющаяся за право личной жизни Василиса, убогая торговка Квашня, доброе и мягкое существо проститутка Настя. Женскій вопросъ, какъ и всѣ прочіе вопросы, съ которыми имъ приходится сталкиваться, рѣшаются ими различно, но съ однимъ твердымъ убѣжденіемъ, что ихъ доля—тяжелая, „крѣпостная“, и что страданія, исходящія отъ мужчинъ, имѣютъ фатальное значеніе чего-то непреложнаго и даже естественнаго. Всѣ онѣ проходятъ эту

школу подневольности, оскорбленій, терзаній моральныхъ и физическихъ, но не всё благополучно выходятъ изъ нея. Вдовая Квашня „за сто печеныхъ раковъ“, по ея словамъ, не пойдетъ вторично замужъ; она слишкомъ хорошо помнитъ прелести своей замужней жизни, и теперь ее не сманить „вписаться кому-нибудь въ паспортъ“, „отдать себя въ крѣпость мужчинѣ,—„будь онъ хоть принцъ американскій“, она за него замужъ не пойдетъ. По ея твердому убѣжденію, „замужъ бабѣ выйти — все равно, какъ зимой въ прорубь прыгнуть: одинъ разъ сдѣлала,—на всю жизнь памятно...“ Умирающая отъ побоевъ мужа Анна—живая иллюстрація ея словъ, и на этой почвѣ между обѣими женщинами чувствуется глубокое взаимное пониманіе, сказавшееся, напримѣръ, въ простой, но трогательной сценѣ съ пельменями. Квашня подѣлилась ими съ бѣдной умирающей Анной: „ты поѣшь, горячее—магчить“, участливо говорить ей торговка, и тутъ же, съ выраженіемъ злобной ненависти, обращается къ мужу Анны, Клецу, обзывая его „нечистымъ духомъ“. „Зачѣмъ мнѣ ѣсть?“—спрашиваетъ Анна и уступаетъ пельмени мужу, потому что онъ—работникъ, ей же все равно умирать. „Не помню, когда я сыта была... Надъ каждымъ кускомъ хлѣба тряслась... Всю жизнь мою дрожала... Мучилась... какъ бы больше... другого не съѣсть... Всю жизнь въ отрепьяхъ ходила... всю мою несчастную жизнь... За что?“ Въмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, ей приходится довольствоваться утѣшеніемъ, что терпѣть остается не долго, и что тамъ, за гранью этой жизни, ее ждетъ вѣчный покой и желанный отдыхъ.

Настя въ этомъ мірѣ—нѣсколько особое существо. Дѣйствительность для нея все та же—грязь, нищета, холодъ одиночества, омутъ разврата, оставившаго, однако, душу нетронутою, ночлежка, баронъ и ему подобные... Но она не вся отдается этой дѣйствительности, у нея есть исходъ: это — міръ воображенія и мечты. Она полувѣритъ въ этотъ міръ и, живя въ немъ въ часы досуга и отдыха, низводитъ его въ свою жалкую обстановку, старается найти примирительное звено между нею и вымысломъ и самой мечтѣ придать реалистическую окраску. Ея приподнятое настроеніе ищетъ возвышеннаго и чувствительнаго, въ чемъ она могла бы найти отраженіе душевной теплоты и цвѣтами фантазіи пріодѣть неприглядную прозу жизни. И вотъ мы застаемъ ее за чтеніемъ все одного и того же романа: „Роковая любовь“; она съ умиленнымъ наслажденіемъ перелистываетъ пожелтѣвшія страницы истрепанной книги и плачетъ надъ ними изъ души льющимися, чистыми слезами. Тамъ, въ этомъ дивномъ мірѣ, все свѣтло и ясно, волшебная книга и былъ слились въ немъ до того нераздѣльно, что грань между ними стала совершенно незамѣтна для Насти. Главное—тамъ много нѣжной и чистой любви. „И вотъ—от-

вѣчаю я ему: радость жизни моей! мѣсяцъ ты мой ясный! и мнѣ безъ тебя тоже вовсе невозможно жить на свѣтѣ... потому какъ люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, —говору,—не лишай себя молодой твоей жизни... какъ нужна она дорогимъ твоимъ родителямъ, для которыхъ ты—вся ихъ радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... отъ тоски по тебѣ, жизнь моя. Я—одна... я таковская! Пускай ужъ я... погибаю,—все равно! Я—никуда не похужу... и вѣтъ мнѣ ничего... вѣтъ ничего..." Такъ рассказываетъ Настя исторію несчастной любви, которой обитатели ночлежки не хотятъ и не могутъ повѣрить: вчера въ разсказѣ Насти фигурировалъ Рауль, сегодня—Гастонъ, студентъ Гастоша... Но старикъ Лука вѣрилъ Настѣ; онъ не только утѣшалъ ее своимъ сочувствіемъ, но, быть можетъ, прозорливо угадывалъ реальную основу подъ сентиментальной оболочкой разсказа. Рауль или Гастонъ, студентъ или французъ,—не все ли равно?—кто-то былъ въ ея жизни, который прельстилъ ее черной бородкой и лаковыми сапогами и былъ первой и главной причиной ея навѣкъ загубленной жизни...

Василиса любить Ваську Пепла, Васька любитъ Наташу, Настя любитъ мечту; вокругъ нихъ разыгрывается ненависть, ревность, злоба.. Романтическій элементъ входитъ, какъ часть дѣлага, въ пьесу, не выдвигаясь на первый планъ и не заслоняя собою прочихъ жизненныхъ интересовъ. Въ этомъ можно увидѣть отсутствіе такъ называемаго драматизма, который въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ почему-то сводить почти исключительно къ любовной интригѣ. Мы въ этомъ готовы видѣть, наоборотъ, побѣду реализма надъ требованіями давно отжившей драматической схоластики. Пора покончить съ устарѣлыми понятіями объ исключительности такихъ драматическихъ произведеній, авторы которыхъ должны стремиться, какъ къ главной дѣли, къ *драматизму дѣйствія*, къ интригѣ, завязывающейся, какъ по заказу, въ началѣ и развязывающейся въ концѣ,—пора предоставить свободу творческой самостоятельности драматурга изображать и, такъ сказать, *драматизмъ состоянія*, черты быта, душевныя движенія, типическія особенности въ сферахъ повседневной жизни, въ обычной колеѣ, по которой тянется изо дня въ день ихъ существованіе. Отъ степени проникновенности художника въ глубь явленій и качества его таланта зависитъ интересъ его пьесы какъ со стороны содержанія, такъ и съ точки зрѣнія художнической техники; но было бы странно думать, что этотъ интересъ можетъ быть обусловленъ исключительно борьбой или любовной интригой. Чтобы привлечь наше вниманіе и сердце къ дѣлу жизни, творяще-

муса на сценѣ, люди, созданные воображеніемъ автора, могутъ не всегда *дѣйствовать*, но они должны всегда *жить*. Это требованіе можетъ и должно быть предъявляемо къ драматургу въ большей степени, чѣмъ къ романисту или поэту и независимо отъ принадлежности его къ той или другой національности и эпохѣ. Это требованіе категорически необходимо и вѣчно; оно вытекаетъ изъ того простого соображенія, что если сцена призвана отражать и раскрывать жизнь во всей ея широтѣ и глубинѣ,—мертвецамъ въ ней не мѣсто...

Съ этой точки зрѣнія пьеса „На двѣ“—полна драматизма. Публика, имѣвшая случай видѣть произведеніе М. Горькаго на сценѣ, могла наглядно рѣшить вопросъ о сценичности пьесы. Но и въ чтеніи, безъ импонирующей наглядности сценическаго представленія, безъ тѣхъ описательныхъ приѣмовъ и поясненій въ частности, которыя придаютъ полноту и законченность эпическому изложенію, пьеса М. Горькаго читается съ неизмѣримо большимъ интересомъ, чѣмъ, напримѣръ, его же пьеса „Мѣщане“, и мы объясняемъ этотъ интересъ не иначе, какъ жизненностью изображеній типовъ и правдой ихъ психологическаго истолкованія...

Если искать сюжета, какъ объединяющаго начала во взаимныхъ отношеніяхъ героевъ пьесы, то сюжетъ можно усматривать въ поведеніи старичка Луки и его своеобразномъ вліяніи на обитателей ночлежки. Тщательная обрисовка этого типа показываетъ, что авторъ сосредоточилъ на немъ главное вниманіе и отвѣлъ ему особое положеніе среди прочихъ персонажей пьесы. Съ появленіемъ Луки, въ обычную жизнь ночлежки, полную стонów, брани, взаимныхъ попрековъ и проклятій, входитъ новый элементъ кротости, примиренія и особо понятнаго народной душѣ состраданія и сочувствія. Это человѣкъ съ темнымъ прошлымъ, давшимъ ему извѣдать жизнь вдоль и поперекъ, отъ страшныхъ глубинъ паденія до высочайшихъ подъѣмовъ духа въ порывахъ раскаянія и обновленія, съ яснымъ умомъ, острой рѣчью и органическимъ исканіемъ правды. „Мяли много, оттого и мягокъ“—говоритъ онъ въ отвѣтъ на слова Анны о томъ, что онъ напомнилъ ей отца—такой же былъ ласковый и мягкій. Ласковость, привѣтливость является основной чертой, отличающей его въ обхожденіи съ людьми. Всѣ люди для него равны: „Я и жуликовъ уважаю,—говоритъ онъ,—по моему ни одна блоха не плоха: всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ“... Онъ сокрушается, что въ жизни нѣтъ порядка и чистоты, тогда какъ масса народа то и дѣлаетъ, что распоряжается и стращаетъ другъ дружку всякими страхами во имя того же порядка. Понятіи Луки о порядкѣ жизни не сходятся съ мнѣніями по этому предмету законнаго блюстителя его, Медвѣдева, и діалогъ между ними на эту тему

исполненъ неподдѣльнаго комизма. По мнѣнію Медвѣдева, для порядка онъ долженъ знать всѣхъ, и потому у него всегда на языкѣ подозрительный и знаменующій исполнительную готовность окрикъ, какъ только онъ увидитъ незнакомаго человѣка. „Въ своемъ участкѣ я долженъ всѣхъ знать, строго замѣчаетъ онъ Лука,—а тебя вотъ—не знаю...“—„Это оттого, дядя,—кратко объясняетъ ему Лука,—что земля-то не вся въ твоёмъ участкѣ помѣстилась... осталось маленько и опричь его“... По мнѣнію Луки, порядокъ жизни состоитъ прежде всего въ доброжелательности и взаимномъ сердечномъ отношеніи людей. Онъ умѣетъ утѣшить Анну тѣмъ, что—„вотъ, значить, помрешь, и будетъ тебѣ спокойно... ничего больше не надо будетъ и бояться—ничего! Тишина, покой... лежи себѣ! Смерть—она все успокаиваетъ, она для насъ ласковая... Помрешь—отдохнешь, говорится... вѣрно это, милая! Потому—гдѣ здѣсь отдохнуть человѣку?“—„А какъ тамъ—тоже мука?“ тревожно спрашиваетъ Анна.—„Ничего не будетъ,—увѣренно отвѣчаетъ Лука,—ничего! Ты—вѣрь! Спокой и—больше ничего! Призовутъ тебя къ Господу и скажутъ: Господи, погляди-ка, вотъ пришла раба твоя, Анна... А Господь—взглянетъ на тебя кротко, ласково и скажетъ:—знаю я Анну эту! Ну, скажетъ, отведите ее, Анну, въ рай! Пусть успокоится; знаю я, жила она очень трудно... очень устала... Дайте покой Аннѣ...“ Пепла Лука соблазняетъ перспективой возможности для него честной трудовой жизни—въ Сибири, гдѣ сильному да умному живется, по его выраженію, какъ огурцу въ парникѣ. Въ душѣ у Пепла загорается надежда, но онъ недовѣрчиво относится къ словамъ старика: онъ, воръ-Васька, ищетъ правды, а старикъ предлагаетъ ему, вмѣсто нея, мечту, обольстительную ложь. „И чего тебѣ правда больно нужна... Подумай-ка!—говоритъ онъ Васекѣ.—Она, правда-то, можетъ, обухъ для тебя“...—Но Васька не унимается и рубить съ плеча: „Богъ есть?“—спрашиваетъ онъ у Луки. Отвѣтъ старика замѣчательнъ: „Коли вѣришь—есть; не вѣришь, нѣтъ... во что вѣришь, то и есть...“ На этой вѣрѣ удивительный старикъ строитъ соблазнительную утопію о праведной землѣ, которая глубоко захватываетъ его слушателей за самыя больныя струны души. Ученый человѣкъ съ планами и картами не могъ открыть, гдѣ находится эта праведная земля, населенная хорошими людьми, которые уважаютъ и помогаютъ другъ другу, но Лука не огорчается этой неудачей: главное, чтобы у людей вѣра была, и чтобы они безостановочно искали: —„кто ищетъ, найдетъ... кто вѣрно хочетъ, найдетъ“. И старикъ самъ собирается идти „въ Хохлы“, потому что слышалъ, что люди тамъ новую вѣру открыли...

Немудренныя слова говорить Лука, но онъ умѣетъ высказать ихъ такъ кстати, къ мѣсту, сердечно, и въ то же время загадочно, что ихъ вліяніе неотразимо дѣйствуетъ на ту часть обитателей ночлежки, которая не утратила способности чувствовать и мыслить. Эти слова поднимаютъ въ бывшихъ людяхъ вѣру въ себя и въ возможность иной жизни, вселяютъ надежду на обновленіе помутнѣвшей души и вмѣстѣ съ тѣмъ лечатъ ее тепломъ любви, ласки, состраданія и жалости. „Надо, дѣвушка, кому-нибудь и добрымъ быть: жалѣть людей надо! Христось-отъ всѣхъ жалѣлъ и намъ такъ велѣлъ“... Слова его поднимаютъ въ душѣ слушателей много такого, что безъ нихъ не поднялось бы никогда. Анна, Настя и Наташа раскрываютъ имъ всю свою душу и готовы принять ихъ какъ откровеніе свыше; активныя натуры, въ родѣ Бубнова и Пепла, инстинктивно боятся ихъ, какъ сладкой отравы, которую впустишь въ душу и потомъ не отдѣлаешься отъ нея никогда; босыя изъ интеллигентовъ начинаютъ томиться тоской о прежней жизни, о своихъ загубленныхъ надеждахъ и мечтахъ. Чарующимъ бальзамомъ льются слова старика въ души тѣхъ, кто принимаетъ ихъ чувствомъ на вѣру, кто ищетъ въ нихъ цѣлительной для души мягкости и ласки. Но они оставляютъ неудовлетворенными тѣхъ, кто провѣряетъ ихъ критической мыслью, кому нужна не мечта и „насъ возвышающій обманъ“, а здравыя практическія указанія на осуществимость рѣшенія житейской задачи. И потому, когда Лука исчезъ неизвестно куда, какъ и явился неизвестно откуда, впечатлѣніе отъ его личности выразилось чрезвычайно разнообразно: въ сознаніи однихъ онъ остался вралемъ, вздорнымъ болтуномъ, не любившимъ правды; въ сознаніи другихъ—дивнымъ человекомъ съ даромъ проникновенія въ сокровеннѣйшія тайны человѣческаго бытія. „Что такое правда? человѣкъ—вотъ правда! Онъ это понимаетъ...“, — защищаетъ Сатинъ старика отъ осужденій Клеца и барона.

Образъ старика, дѣйствительно, производитъ неясное впечатлѣніе, и трудно рѣшить, въ какую категорію типовъ онъ можетъ быть зачисленъ. Эта неясность нисколько не мѣшаетъ жизненности его фигуры: такія личности, точная характеристика которыхъ затруднила бы не только близко знающихъ ихъ лицъ, но и ихъ самихъ, встрѣчаются на каждомъ шагѣ; ихъ категорія могла бы быть опредѣлена терминомъ смѣшаннаго психологическаго типа. Едва ли кто, кромѣ автора, могъ бы разрѣшить опредѣленно: имѣемъ ли мы дѣло съ инстинктивно вѣрнымъ изображеніемъ распространеннаго, конкретнаго образа, или же съ сознательнымъ намѣреніемъ воплотить въ послѣднемъ черты положительнаго типа, родственныя натурѣ Каратаева. Въ послѣднемъ случаѣ, задача автора осталась неразрѣшенной, потому что, какъ можно предполагать, образъ Луки не вполне отчетливо рисо-

вался и самому автору, допустившему въ его изображеніи нѣсколько мелкихъ штриховъ осязательно чувствуемой неувѣренности и невольной фальши. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою этотъ Лука, независимо отъ той обстановки, въ которую поставилъ его авторъ? Была ли его ласковость и мягкость слѣдствіемъ природной обходительности, однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ его успѣха среди женщинъ въ молодости,—на что есть намекъ въ пьесѣ,—являлась ли результатомъ пережитыхъ испытаній и горестей послѣ того, какъ его „мляли много“, или же источникомъ ея была глубокая, задушевная натура, согрѣтая и самосвѣтлѣющая искренней и дѣятельной любовью къ людямъ? Въ первомъ случаѣ, привѣтливость старика, его готовность услужить всѣмъ и каждому, встрѣчающаяся столь часто въ крестьянскомъ быту, легко объясняются разумно и возвышенно понятными условіями общежитія, соблюденіе которыхъ обезпечиваетъ взаимную привѣтливость и помощь. Эти качества особенно примѣчательны въ старикѣ, не сами по себѣ, но оттого, что онѣ проявляются среди обитателей ночлежки, составляющихъ рѣзкій контрастъ съ Лукой по ходу мысли и манерѣ ихъ выраженія. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, нужно было отзывчивости и ласки, чтобы согрѣть душу Аннѣ или Настѣ, никогда не видѣвшихъ къ себѣ участливаго отношенія. Простыя и сердечныя слова, обращенныя къ нимъ Лукой, можетъ быть, были первое дѣйствительною лаской, испытанною ими въ жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ отвѣтили ей облегчающими душу слезами умиленія...

Иное дѣло, если авторъ сдѣлалъ попытку вложить въ это лицо душу, исполненную органической и дѣятельной любви къ людямъ. Тогда не можетъ быть и рѣчи о возможности со стороны Луки извѣстнаго примѣненія, приспособленія къ обстоятельствамъ и людямъ. Наоборотъ, мотивъ отреченія долженъ былъ бы играть преобладающую роль въ нравственномъ строѣ его личности. Между тѣмъ, этого-то мы и не видимъ въ пьесѣ. Онѣ нигдѣ не сливается съ интересами прочихъ дѣйствующихъ лицъ, и все время остается простымъ, хотя и участливымъ, наблюдателемъ, стороннимъ человѣкомъ, благожелательнымъ, разсудительнымъ—но и только. Облегчая однихъ, нагоняя смутную тоску на душу другимъ своими „хорошими“ словами, онѣ не дѣлаетъ ни одного шага къ тому, чтобы взять на себя активную роль помощи людямъ, которымъ онѣ сочувствуетъ и сострадаетъ отъ души. Быть можетъ, онѣ убѣжденъ въ своей неспособности помочь имъ, въ бесплодности попытокъ, однако его совѣты то одному, то другому, о томъ, что нужно уйти изъ ночлежки, начать трудиться и жить новою жизнью, показываютъ, если только они искренни, что у него есть вѣра въ человѣка и его духовныя силы. Какова бы ни была цѣль, съ какою

онъ расточаетъ свои обаятельныя рѣчи, несомнѣнно одно, что онъ понималъ ихъ безотносительную лживость и сознательно не хотѣлъ обнажать, изъ-подъ сказочной дымки, неприглядныя и жесткія стороны жизни, какъ она есть. Въ этомъ отношеніи можно сильно заподозрить интересъ, который влечетъ его ко всякому новому слову и ко всякой попыткѣ создать новую вѣру, что является для него показателемъ исканія правды и смысла жизни въ глубинахъ народныхъ,—и не проще-ли объяснить этотъ интересъ любознательностью, или—отъ нечего дѣлать—любопытствомъ, какъ и чѣмъ люди живутъ, особой пытливостью, которая характеризуетъ у насъ на Руси многочисленный классъ богомольцевъ, каліеъ переходящихъ, странниковъ и всѣхъ, кто оторвался отъ родины, родного дѣла и помирился съ незатѣйливой долей христославца-авантюриста.

Да, личность Луки неясна во многихъ отношеніяхъ, но она знаменательна, какъ признакъ начавшагося, по нашему мнѣнію, поворота въ творческомъ міросозерцаніи М. Горькаго. Явные симпатіи автора, лежащія на сторонѣ Луки, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что поэтизаціи босаяцкихъ идеаловъ предстоить уступить мѣсто новому направленію, основанному на искренности творческаго влеченія и независимости отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Объ этомъ поворотѣ говорить не одна личность Луки. Татаринъ держится того же образа мыслей, что и Лука, онъ весь—на сторонѣ честной и трудовой жизни. Глубокое различіе между нимъ и Лукой состоитъ въ томъ, что послѣдній гораздо богаче духовными силами, надѣленъ мѣткой и поэтически-образной рѣчью и проникновеннѣе смотритъ въ глубь вещей; второй—прямолинейнѣе, честнѣе и убожѣ; онъ не пользуется никакимъ влияніемъ среди своихъ сотоварищей, но отгнѣняетъ ихъ своей неизмѣнной сдержанностью, нравственной твердостью и скромностью. „Надо жить честно“—такова незыблемая основа его убѣжденій, и мы едва ли ошибемся, предположивъ, что въ созданіи его мы видимъ сознательное стремленіе автора противопоставить изъяснамъ человѣческой воли и разума—воплощеніе совѣсти и здраваго смысла съ народной точки зрѣнія.

Не вполне разстался М. Горькій и здѣсь съ наклонностью къ резонерству. Тома Гордѣевъ такъ и встаетъ въ воспоминаніи, съ его патетическими рѣчами подъ пьяную руку, когда читатель встрѣчается съ полукнижными разсужденіями Сатина о человѣкѣ, жизни, правдѣ, судьбѣ. Четвертый актъ весь построенъ на резонерствѣ, и въ печати уже коегдѣ промелькнуло мнѣніе, что онъ слабъ и не особенно вяжется съ предыдущими актами пьесы. Болѣе другихъ резонерствуетъ Сатинъ, и зрители съ первой минуты до послѣдней чувствуютъ, что это резонерство не вытекаетъ изъ внутренняго хода пьесы, а обращено

всецѣло къ нему—зрителю, къ публикѣ, и потому впечатлѣніе отъ типа получается двоящееся и неясное. „Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему,—проповѣдуетъ Сатинъ:—я знаю! я—читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ!.. Есть ложь утѣшительная, ложь примиряющая... ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго... и обвиняетъ умирающихъ съ голода... Я—знаю ложь! Кто слабъ душой... и кто живетъ чужими соками,—тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе прикрываются ею... А кто—самъ себѣ хозяинъ... кто независимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь—религія рабовъ и хозяевъ... Правда—Богъ свободного человѣка“!

Восторженно настроенный Сатинъ точно хочетъ сказать, что и онъ, и его сосѣди по постелѣ, и его товарищи по несчастью, разбросанные въ цѣломъ мірѣ, еще не доросли до этой правды,—но она мерещится ему гдѣ-то вдали яркой звѣздочкой, онъ въ нее вѣритъ и напрягаетъ всѣ силы своего ума и души, чтобы сказать какое-то великое слово, слово жизни, радости и свободы. Такимъ же какимъ-то великимъ словомъ, откровеніемъ чего-то не сказаннаго, свѣтлаго и радостнаго для людей, какъ бы томится и самъ М. Горькій въ стихійной борьбѣ творческихъ думъ и порывовъ,—но слово это пока еще не дается ему... Не будемъ же несправедливы къ автору и не станемъ требовать отъ него, чтобы онъ сказалъ намъ то, что томить и волнуетъ его, но для чего въ его творческомъ развитіи еще, быть можетъ, не наступило время...

Евг. Ляцкий.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Rudyard Kipling. Just so stories. Стр. 254. Leipzig, Bernh. Tauchnitz, 1903.

Новая книга Редьярда Киплинга, подъ заглавіемъ: „Непритязательные рассказы“ (Just so stories), предназначена для дѣтей — также какъ сказки Андерсена; но и Киплингъ, подобно датскому писателю, умѣетъ заинтересовать и взрослыхъ читателей поэтичностью вымысла, юморомъ и внутренней содержательностью своихъ рассказовъ. Въ художественномъ отношеніи его сказки многимъ интереснѣе тѣхъ повѣстей и очерковъ, въ которыхъ этотъ англо-индійскій писатель слишкомъ проникается политическими интересами своей родины и утрачиваетъ безпристрастіе, необходимое для художника. Во время послѣдней англо-бурской войны, Киплингъ сталъ однимъ изъ столповъ узко-національной партіи въ Англіи, сочинилъ прославленную патриотическую пѣсню о страданіяхъ и доблестяхъ англійскаго солдата (The absent minded Beggar) и писалъ повиннистскіе рассказы и повѣсти. До того, въ своихъ рассказахъ изъ индійской жизни, Киплингъ былъ менѣе всего защитникомъ англійской политики. Напротивъ того, онъ безпощадно обличалъ темныя стороны англійскаго владычества въ Индіи, изображалъ страданія и непоколебимую гордость туземцевъ, презирающихъ своихъ завоевателей. Жертвами англійской жажды завоеваній являются въ индійскихъ рассказахъ Киплинга и сами англичане: солдаты, погибающіе отъ тяжелыхъ климатическихъ условій, отъ тропической жары и эпидемій, врачи, вѣчно подверженные опаснымъ заботѣваніямъ, чиновники, сталкивающіеся съ непримиримостью туземцевъ, готовыхъ имъ всячески мстить, и члены высшаго военнаго общества: они тоскуютъ въ своихъ разбросанныхъ горныхъ поселкахъ и затѣваютъ отъ скуки всякаго рода романтическія интриги — очень часто съ трагическимъ исходомъ. Въ этихъ рассказахъ Киплингъ наиболѣе ярко проявилъ свое умѣнье крайне сжато, пластично и красочно передавать трагизмъ жизни, слетая во-едино жизнь людей и жизнь природы, изображая преимущественно сосредоточенные моменты душевныхъ переживаній, когда сразу освѣщается вся судьба человѣка и всѣ свойства его натуры. Киплингъ художественно передаетъ контрасты, изъ которыхъ соткана

жизнь въ странѣ чудесъ, каковой Индія слыла и слыветъ у всѣхъ народовъ. Контрасты двухъ цивилизацій, азіатской и европейской, въ отношеніяхъ между завоевателями и завоеванными, контрасты въ самомъ характерѣ туземцевъ, соединяющихъ аскетическую святость съ лукавствомъ, выработаннымъ условіями жизни, трудностью борьбы за существованіе, контрасты между величественной, полной чудесъ природою Индіи и мелочностью жизни, на которую обречены тамъ члены англійскаго общества, драмы, порождаемая бѣдностью внутренней жизни въ соединеніи съ опьяняющимъ воздѣйствіемъ пышной экзотической природы—все это создаетъ пріную, возбуждающую атмосферу жизни, мастерски возсозданную въ разсказахъ Киплинга. Въ его большихъ романахъ меньше драматизма и напряженности, въ особенности когда онъ,—какъ, напримѣръ, въ „Свѣтъ угасъ“ (Light that failed)—переноситъ дѣйствіе въ Англію. Въ этой повѣсти онъ сентименталенъ и мало чѣмъ отличается отъ среднихъ англійскихъ романистовъ. То, что онъ писалъ подъ вліяніемъ недавнихъ южно-африканскихъ событій, гораздо ниже его индійскихъ разсказовъ. Киплингъ—уроженецъ Индіи: онъ какъ никто знаетъ и понимаетъ характеръ страны и ея обитателей, одинаково чутко и къ трагизму ихъ жизни, и къ ихъ природному наивному легкомыслію, помогающему имъ справляться съ самыми сложными обстоятельствами жизни—и только въ изображеніи этой жизни проявляется вся сила его таланта, его умѣнье пластично описывать людей и природу, увлекая колоритностью описаній, неистощимостью юмора, величественнымъ изображеніемъ трагическихъ сторонъ жизни.

Въ разсказахъ Киплинга особенно хороши описанія индійской природы. Животный и растительный міръ Индіи изображенъ Киплингомъ не декоративно, не какъ красивыя рамки, среди которыхъ движутся и живутъ люди, занятые своими интересами; напротивъ того, жизнь природы сливается въ его разсказахъ съ жизнью людей. Киплингъ любитъ природу Индіи особой живой любовью и одухотворяетъ ее въ своихъ поэтическихъ описаніяхъ. Въ описаніи тропической ночи (City of dreadful night) чувствуется величіе природы, ея власть надъ людьми. Люди спать, побѣжденные грознымъ зноемъ, и ночь царить, живетъ, дышетъ—свѣтлая и безпощадная въ своей красотѣ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ природа представлена внѣ связи съ людьми, и въ нихъ особенно сказывается углубленное пониманіе самобытной жизни природы. Такъ, напр., въ фантастическихъ разсказахъ, составляющихъ содержаніе двухъ сборниковъ подъ заглавіемъ „Jungle Book“, изображено царство дикихъ звѣрей въ необитаемыхъ лѣсахъ, внутреннее устройство звѣринаго царства, драмы, разыгрывающіяся въ далекихъ отъ человѣческаго глаза джунгляхъ. Киплингъ умѣетъ такъ правдиво

и убедительно, и притомъ съ такою любовью, разсказывать о звѣрихъ, что всякій характеръ выдуманности какъ бы исчезаетъ изъ его повѣствованія, и читатель начинаетъ вѣрить въ его героевъ и героинь изъ звѣринаго царства. Киплингъ очень идеализируетъ хищныхъ обитателей лѣсовъ; въ его описаніяхъ они лучше, справедливей, правдивѣе, чѣмъ культурные люди, и только борьба съ людьми портитъ ихъ нравы. При всей парадоксальности такой постановки вопроса, разсказы о жизни въ джунгляхъ все-же проникнуты высокимъ смысломъ и въ высшей степени художественны. Въ нихъ чувствуется превосходство стихійныхъ силъ природы надъ измышленіями культуры. Въ „Jungle-Book“ говорится о томъ, какъ въ царство звѣрей попадаетъ человѣческое дитя; среди своихъ воспитателей, звѣрей, языкъ которыхъ онъ ясно понимаетъ, въ мальчикѣ развиваются чувства, уничтожаемыя обыкновенно культурой; поэтому, вернувшись къ людямъ, онъ тяготится ихъ несвободной и требующей всякаго рода компромиссовъ жизнью. Киплингъ показываетъ въ этихъ разсказахъ, насколько жизнь природы шире жизни людей, и какъ она способствуетъ развитію благородныхъ инстинктовъ, заглушаемыхъ потребностями и привычками культурной жизни.

Новая книга Киплинга, „Just so stories“, примыкаетъ къ разсказамъ о джунгляхъ, такъ какъ героями сказокъ являются звѣри тропическихъ странъ. Главное достоинство этихъ сказокъ—художественное воссозданіе психологическихъ свойствъ разныхъ животныхъ типовъ, поэтичность изложенія, сочетаніе юмора съ наивностью тона. Киплингъ такъ сжился съ непосредственной жизнью природы, что умѣетъ особенно правдиво и убедительно передавать чисто фантастическія происшествія, и въ каждой сказкѣ проявляется тонкое психологическое чутье, любовь къ природѣ, здоровый юморъ и жизнерадостность.

Сказки предназначены для дѣтей, и авторъ ихъ задается цѣлью не только забавлять своихъ читателей, но и поучать ихъ. Вводя дѣтское воображеніе въ міръ животныхъ, Киплингъ вкладываетъ въ свои разсказы философію, приспособленную къ пониманію не мудрствующаго, но любознательнаго разума, и подъ покровомъ сказочнаго вымысла старается доказать цѣлесообразность всего существующаго. Оптимизмъ, лежащій въ основѣ его сказокъ, придаетъ имъ свѣтлый, жизнерадостный колоритъ. Киплингъ отчасти руководствуется научными данными, теоріей приспособляемости органическихъ существъ къ условіямъ ихъ существованія; но главнымъ образомъ онъ объясняетъ и вѣншній видъ животныхъ, и положеніе ихъ въ животномъ царствѣ психологическими свойствами ихъ натуры. Въ общемъ получается отрадная примиренность съ дѣйствительностью. Всѣ звѣри,

которыхъ описываетъ Киплингъ,—и пятнистый леопардъ, и тяжело-вѣсный носорогъ, и верблюдъ, и прыгающій кенгуру, кажутся въ его разсказахъ одинаково прекрасными, потому что ихъ внѣшній видъ соотвѣтствуетъ ихъ психологiи. Подъ видомъ фантастическаго разсказа объ ихъ происхожденiи, Киплингъ выясняетъ законъ причинности, управляющій миромъ. Правоученiй въ его сказкахъ нѣтъ, т.-е. онъ вовсе не говоритъ о наградахъ за хорошия поступки и о наказанiи за дурныя;—напротивъ того, въ его разсказахъ смыслѣнность и практичность часто торжествуетъ надъ добросовѣстной покорностью долгу;—но, не будучи моралистомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, Киплингъ все-же вноситъ въ свои разсказы поучительный смыслъ: онъ доказываетъ, что все прекрасно, потому что все объединено общей цѣлью и находитъ объясненiе и оправданiе въ себѣ самомъ.

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и наиболѣе художественныхъ разсказовъ въ книгѣ Киплинга—исторiя кошки, которая хотѣла „быть сама по себѣ“ (*The Cat that walked by itself*). Съ точки зрѣнiя прописной морали, разсказъ этотъ не отличается нравственностью. Въ немъ говорится о томъ, какъ кошка добилаcь того, что, работая менѣе всѣхъ другихъ домашнихъ животныхъ, она пользуется большими благами и удобствами, чѣмъ они. Достигла она этого своей смѣтливостью и практичностью, и эти качества оказываются такимъ образомъ болѣе драгоцѣнными, чѣмъ тяжеловѣсныя добродѣтели лошади и собаки, сдѣлавшия ихъ безропотными рабами человѣка. Въ своемъ стремленiи оправдать существующiй порядокъ Киплингъ не останавливается на вопросѣ о справедливости. Онъ только показываетъ, что, съ одной стороны, жизнь хороша тѣмъ, что въ ней есть разнообразiе, есть безропотно трудящiяся лошади и собаки, и есть красящiя жизнь своей ласковостью и игривостью кошки,—а съ другой стороны, хорошо и то, что умъ и воля создаютъ каждому то положенiе, которое онъ заслуживаетъ, такъ что даже кажущаяся несправедливость объясняется внутренними причинами, индивидуальными свойствами и стремленiями каждаго существа. Разсказъ о кошке написанъ въ граціозномъ, наивномъ юмористическомъ тонѣ. Какъ и другiе разсказы, онъ относится къ до-историческому времени, т.-е. къ воображаемой Киплингомъ фантастической порѣ, когда всякая живая тварь могла сама создать судьбу своего рода, и когда соотвѣтственно съ поступками каждаго животнаго опредѣлялось его положенiе на будущiя времена. Въ то время—говоритъ Киплингъ—не только всѣ теперешнiе ручные звѣри были дикими, но и самъ человѣкъ былъ „страшно дикъ“ и жилъ въ пещерѣ. Съ появленiемъ женщины дикость начинаетъ исчезать; женщина прежде всего вѣшаетъ у входа въ пещеру высушенную лошадиную шкуру и требуетъ отъ мужа, чтобы онъ вытиралъ ноги объ

нее, когда возвращается домой съ охоты;—въ предназначенномъ для англійскихъ дѣтей разсказъ о началѣ культурной жизни забота объ опрятности должна очевидно занимать первое мѣсто. Когда въ пещерѣ въ первый разъ зажигаютъ огонь въ очагѣ—что обозначаетъ переходъ отъ дикаго состоянія къ упорядоченному семейному быту—дикия животныя въ лѣсахъ пугаются, чувствуя, что это грозитъ имъ бѣдой. Собаку привлекаетъ, однако, доносящійся изъ пещеры запахъ жареной баранины; ей хочется подойти поближе и узнать, въ чемъ дѣло; она зоветъ съ собою кошку. Но предусмотрительная и свободолюбивая по природѣ кошка отказывается идти: „я, кошка“, говоритъ она, „люблю быть сама по себѣ и всѣ мѣста для меня равны; я не пойду“. Собака объявляетъ вѣчную вражду кошке и отправляется одна въ пещеру. Но кошка рѣшаетъ, что такъ какъ для нея „всѣ мѣста равны“, то ничто ей не мѣшаетъ по собственному усмотрѣнію пойти посмотрѣть, что дѣлается въ пещерѣ, и затѣмъ уйти, когда ей захочется. Она неслышными шагами крадется вслѣдъ за собакой и прячется по близости отъ пещеры. Изъ своей засады она видитъ, какъ женщина заманиваетъ собаку къ себѣ въ пещеру, и, накормивъ ее обглоданной костью, общается и впредь кормить ее костями, если собака будетъ помогать ея мужу охотиться днемъ, а ночью будетъ стеречь пещеру; собака смирно кладетъ голову на колѣни женщины и общается всегда вѣрно служить ей. Видя все это, кошка рѣшаетъ, что собака очень глупа, что женщина умна и что она, кошка, умнѣ всѣхъ. Потомъ та же исторія происходитъ съ дикой лошадыю, которая идетъ узнать о судьбѣ собаки и, соблазненная сочной и вкусной травой, которую въ изобиліи предлагаетъ ей женщина, тоже соглашается носить ярмо и служить человѣку ради вкусной пищи. Кошка слѣдитъ за лошадыю и видитъ, что и она, какъ собака, поддалась хитрости людей и закрѣпостила себя на вѣки; то же самое происходитъ потомъ и съ коровой. Послѣ того уже никто изъ лѣсныхъ звѣрей не идетъ въ пещеру; тогда кошка отправляется туда сама. Привлеченная теплотой очага и запахомъ молока, она хочетъ тоже „пристроиться“ около человѣка, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ другія домашнія животныя. Она подходитъ къ женщинѣ и спрашиваетъ о судьбѣ коровы. Женщина, которой лошадь и собака сообщили о томъ, что кошка не желаетъ служить, а хочетъ быть „сама по себѣ“, гонитъ кошку прочь, говоря, что у нея достаточно слугъ и друзей, и потому она ни въ комъ болѣе не нуждается. Но кошка ведетъ свою политику и сразу располагаетъ въ свою пользу женщину, возбуждая въ ней жалость и лстя ея тщеславію. „Какъ, — говоритъ она, — неужели же я никогда не буду имѣть доступа въ пещеру, не буду сидѣть у очага, не буду пить теплое бѣлое молоко? Ты—такая мудрая

и такая красивая женщина, — неужели же ты можешь быть жестокой къ кошкѣ? Женщина, впервые услышавъ комплиментъ, сразу идетъ на уступки и говорить, что если кошка добьется отъ нея похвалы, то будетъ имѣть право входить въ пещеру. „А если ты дважды похвалишь меня, что тогда?“ — спрашиваетъ кошка. — „Никогда этого не будетъ, — отвѣчаетъ женщина, — но если бы это случилось, то ты можешь грѣться у огня въ пещерѣ“. — „Ну, а если ты трижды похвалишь?“ — „Этого никогда не будетъ, — говоритъ женщина, — но если бы это случилось, ты навсегда будешь имѣть право получать три раза въ день бѣлое теплое молоко“. Заключивъ этотъ договоръ, кошка уходитъ въ лѣсъ и нѣкоторое время не даетъ ничѣмъ о себѣ знать. Только летучая мышь, живущая въ пещерѣ, знаетъ, гдѣ спряталась кошка, и доноситъ ей о томъ, что происходитъ въ пещерѣ. Однажды она сообщаетъ кошкѣ, что въ пещерѣ появился ребенокъ — очень маленький, толстенькій и розовенькій, и что женщина его очень любитъ. Кошка справляется о характерѣ и вкусахъ ребенка и узнаетъ, что онъ любитъ держать въ рукахъ теплыя и мягкія вещи, и любитъ также, чтобы съ нимъ играли. — Значитъ, мое время пришло, — говоритъ кошка и отправляется въ пещеру. Она приходитъ туда утромъ, когда мужъ ушелъ на охоту съ собакой и лошадью, а женщина занята приготовленіемъ пищи. Ребенокъ кричитъ и мѣшаетъ матери; та его выносить на воздухъ, даетъ ему камешки для игры, но ребенокъ продолжаетъ кричать. Тогда кошка подходитъ къ ребенку, ласкаетъ его своими бархатными лапками, и ребенокъ начинаетъ смѣяться. Летучая мышь сообщаетъ женщинѣ, что какое-то лѣсное существо успокоило младенца. „Благословляю его, кто бы это ни былъ“, говоритъ женщина, и въ эту минуту кошка быстро вскакиваетъ въ пещеру. „Ты похвалила меня, — говоритъ она женщинѣ, — и я теперь имѣю право входить въ пещеру, когда мнѣ угодно. Но я все-таки сама по себѣ, и для меня всѣ мѣста равны“. Женщинѣ досадно, что кошка ее обошла, но она должна по-неволѣ примириться съ ея присутствіемъ. Затѣмъ кошка добивается вторичной похвалы тѣмъ, что, играя съ ребенкомъ, заставляетъ его весело смѣяться и убаюкиваетъ его своимъ мурлыканьемъ. „Очень ты это умно продѣлала, кошка“, говоритъ женщина, послѣ чего кошка быстро садится грѣться у огня. Въ третій разъ она добивается похвалы женщины тѣмъ, что ловить мышей. Эта третья похвала даетъ кошкѣ право на молоко. Такимъ образомъ она водворяется въ семьѣ, оказывая легкія услуги женщинѣ и ребенку, т.-е. просто играя и мурлыча, когда это ей пріятно, и сохраняя при этомъ свою независимость. Хозяинъ дома, а также собака и лошадь, недовольны ея вторженіемъ. Хозяинъ говоритъ, что всегда будетъ швырять въ нее разные предметы, когда

она будетъ ему надоѣдать; собака говорить, что всегда будетъ огрызаться на нее, а кошка говорить, что всегда будетъ ласкова съ ребенкомъ, если онъ не будетъ дразнить ее, но что все-таки, при этомъ, она останется самой по себѣ, и всѣ мѣста для нея равны. Она ловить мышей и играетъ съ дѣтьми, но когда наступаетъ ночь и появляется мѣсяцъ, кошка гуляетъ „сама по себѣ“, уходитъ въ лѣсъ, взбирается на деревья и забываетъ о людяхъ.

По этому разсказу видно, какъ искусно Киплингъ сочетаетъ сказочность замысла съ психологической правдой. Та же черта проявляется и въ другихъ разсказахъ о томъ, почему у леопарда пятнистая шкура, у носорога толстая, облегающая его широкими складками шкура, почему у верблюда горбъ, а у слона длинный хоботъ. Всѣ эти внѣшніе признаки приводятся въ связь съ характеромъ и потребностями животныхъ, причемъ происхождение ихъ типичныхъ особенностей связывается съ происшествіями первыхъ дней ихъ существованія на землѣ, когда они, проявляя свойства своей натуры, тѣмъ самымъ создавали свою судьбу. Сказки написаны чрезвычайно граціозно и весело; въ нихъ появляются доброжелательные и властные духи, которые устрояютъ судьбы животныхъ, являясь воплощеніемъ внутреннихъ, психологическихъ причинъ тѣхъ или другихъ явленій.

II.

Henry Bordeaux. Les Ecrivains et les Moeurs. Стр. 332. Paris, 1902.
(Librairie Plon).

Книга Анри Бордо, посвященная, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, самымъ знаменательнымъ и характернымъ литературнымъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ, представляетъ собой особый родъ критики. Авторъ книги занятъ не художественной оцѣнкой разбираемыхъ имъ авторовъ, а вопросомъ о вліяніи ихъ произведеній на общественные нравы. Соответственно этому, книга его и носить заглавіе: „Писатели и нравы“. Во Франціи въ послѣднее время развилось очень много моралистовъ—въ узкомъ смыслѣ слова. Они не занимаются вопросомъ о нравственности по существу, не устанавливаютъ новыхъ, болѣе сложныхъ и возвышенныхъ критеріевъ морали, соответствующей современнымъ философскимъ идеямъ, а зовутъ назадъ, къ соблюденію хотя бы элементарныхъ требованій—такъ сказать—дѣдовской морали, накладывающей узду на чрезмѣрное потворство низменнымъ инстинктамъ и на эгоистическое стяжаніе личныхъ житейскихъ благъ. Въ уклоненіи отъ традиціонной морали они видятъ не стремленіе под-

няться выше, къ добру, требующему для своего осуществленія разрушенія прежнихъ устоевъ, а напротивъ того—паденіе нравственнаго чувства, заглушеннаго грубымъ матеріализмомъ. Нужно отдать справедливость этимъ защитникамъ старой морали: они правы въ своемъ осужденіи литературы, рассчитанной исключительно на возбужденіе любопытства читателей въ области болѣе или менѣе грубыхъ, болѣе или менѣе сложныхъ чувственныхъ ощущеній. Къ числу такихъ моралистовъ принадлежитъ и Анри Бордо. Въ первомъ очеркѣ своей книги, носящемъ названіе: „Кризисъ романа“ (*La crise du roman*), онъ отмѣчаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, книгопродавческій кризисъ, ослабленіе въ публикѣ интереса къ чтенію беллетристики, и затѣмъ объясняетъ причину этого явленія. Виновата, по его мнѣнію, не читающая публика, а литература. Дѣло вовсе не въ томъ, что увлеченіе политикой, развитіе во Франціи спорта и все болѣе осложняющаяся жизненная борьба уменьшаютъ число читателей, а въ томъ, что литература не отмѣчаетъ потребностямъ интеллигенціи. Самымъ бѣднѣйшимъ зломъ Бордо считаетъ перепроизводство въ литературѣ. „Книгъ теперь не читаютъ, потому что ихъ появляется слишкомъ много, и публика не знаетъ, что читать“. По статистическимъ даннымъ, во Франціи выходитъ болѣе сорока тысячъ книгъ въ годъ; въ области романа—статистика еще болѣе удручающая; въ то время какъ въ 1850 году среднимъ числомъ выходило по одному роману въ день, въ 1880 году число новыхъ романовъ доходило до десяти въ день, а въ настоящее время ихъ выходитъ до ста. Очевидно, что въ этой массѣ подавляющее большинство составляютъ дилеттантскія произведенія, не имѣющія литературнаго значенія. „Мы подавлены количествомъ печатной бумаги. Всѣ пальцы запачканы въ чернилахъ, даже,—прибавляетъ Бордо съ чисто французскимъ галантнымъ презрѣніемъ къ женскому творчеству,—и большинство маленькихъ розовыхъ пальчиковъ, которые скоро страшно будетъ поднести къ губамъ“. Среди этого океана книгъ теряется то, что заслуживаетъ вниманія, и публика перестаетъ читать, не зная, на чемъ остановиться. Критика не можетъ руководить выборомъ публики—она бессильна передъ книгопродавческой рекламой, которая своей беззащитностью подрываетъ довѣріе къ отзывамъ печати. Читая хвалебный отзывъ о какой-нибудь книгѣ, нельзя знать, имѣешь ли дѣло съ рекламой, или съ добросовѣстной оцѣнкой; попавшійся на удочку рекламы читатель уже перестаетъ довѣрять критикѣ. На ряду съ перепроизводствомъ и рекламой, Бордо считаетъ несчастіемъ французской беллетристики все большее и большее развитіе порнографіи, которая создаетъ внѣшній успѣхъ романамъ, не имѣющимъ литературной цѣнности.

Но помимо этих причин, глубоко влияющих на сбыт книг, Бордо указывает на более серьезную внутреннюю причину охлаждения большой публики к чтению романов. Образовалась глубокая рознь между литературой и обществом, и в ровни этой виновата, по мнению Бордо, только литература. В лиц даже своих лучших представителей она слишком удалась от жизни. Писатели живут в какой-то особой, возбужденной атмосфере, ищут искусственных ощущений, извращающих их сердце и ум. Один писатель XVIII-го века, ненавидявший городскую жизнь, сравнивал людей с яблоками, гниющими, если их сложить в кучу. „Парижанин, — по словам другого писателя, — не ходит, а бьется, не пьет, а отравляется, не дышит, а задыхается, не бережет своих сил, а расточает их, не веселится, а ищет нервных возбуждений, не восхищается, а терзает голову, не живет, а убивает себя“. Эту характеристику Бордо применяет полностью к французским романистам; все они непременно хотят быть вполне парижанами, и ищут только для людей, живущих такой же лихорадочной жизнью, как они сами, — изображают интересы меньшинства, оторванного от обще-человеческой жизни чрезвычайной остротой ненормальных, исключительно порочных или исключительно сложных переживаний. Как бы реально ни описывать эту лихорадочную жизнь, все равно — осуждая ли ее порочность, или находя в ней красоту, — она слишком обособлена от насущных интересов большинства, слишком мало касается идейных задач современности, чтобы представлять обще-человеческий интерес. Таким образом, самый выбор сюжетов отчуждает современный французский роман от читающей массы. Романисты, в огромном большинстве, не заглядывают в глубь жизни, а увлекаются любопытными для психологического анализа, „исключительными случаями“, стараясь отбросить на лету самое новое, самое оригинальное явление эмоциональной жизни. Но в этой погоня за новизной исчезает вечная психологическая правда; романы стареют с такой же быстротой, как модные прически или платья, потому что их авторы гонятся за модой в области чувств на подобие портным, создающим модный покрой платья. Отдаляет литературу от жизни, по мнению Бордо, и тон, в котором пишется большинство романов. Слишком большое право гражданства приобрела в современной французской беллетристике скептическая ирония, высокомерно-презрительное отношение к действительности. Романисты — большие скептики, и не принимают в серьез описываемых ими чувств и страданий; они боятся морализировать, не хотят поучать, так как не верят в плодотворность какой бы то ни было проповеди, а потому относятся с улыбкой к порокам, которые склонны

считать только слабостями. Такое отношеніе къ жизни способствуетъ въ отдѣльных случаяхъ художественности литературныхъ произведеній,—оно составляетъ, напримѣръ, силу умныхъ и тонкихъ философскихъ романовъ и повѣстей Анатоля Франса,—но въ общемъ, въ особенностяхъ когда эту манеру усваиваютъ себѣ менѣе даровитые писатели, она только отталкиваетъ читателей. Иронія явилась въ современномъ романѣ какъ реакція противъ чрезмѣрной восторженности и экспансивности романтиковъ, противъ ихъ декламаци и громкихъ словъ, маскирующихъ отсутствіе искренняго чувства. Но одна крайность замѣнена другою. Писатели не симулируютъ болѣе горячихъ чувствъ, но слишкомъ подчеркиваютъ свое равнодушіе къ человѣческимъ страданіямъ, свое безразличіе къ описываемой ими жизненной грязи. А между тѣмъ духовныя и нравственныя потребности общества растутъ, и это холодное отношеніе литературы къ жизни тягостно дѣйствуетъ на читателей. Бордо доказываетъ, что французское общество нуждается въ литературѣ, понимающей его запросы и стремленія, что оно требуетъ сочувствія къ своимъ страданіямъ, требуетъ поученій. Литература не понимаетъ задачъ времени, и, замыкаясь въ своихъ интересахъ, не видитъ, что жизнь идетъ впередъ, что создались духовныя потребности, не находяція отклика у писателей,—по крайней мѣрѣ, у подавляющей массы среднихъ романистовъ, входящихъ въ моду и выходящихъ изъ моды по какимъ-нибудь совершенно внѣшнимъ причинамъ.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ Анри Бордо говоритъ о тѣхъ романистахъ, которые, по его мнѣнію, выдѣляются изъ общей массы индифферентныхъ къ вопросамъ нравственности писателей и вносятъ въ свои произведенія серьезное отношеніе къ жизни и проповѣдь добра. Къ числу такихъ писателей Анри относитъ Поля Бурже. Въ отнѣскѣ Бурже сказывается наивность критика. Онъ настолько удрученъ отвратительнымъ цинизмомъ большинства новѣйшихъ французскихъ романистовъ, что принимаетъ за чистую монету фразы Бурже о религіи и нравственности. Новѣйшій поворотъ Бурже къ католицизму ему кажется признакомъ наступающаго оздоровленія литературы. По его мнѣнію, это писатель, который проповѣдуетъ нравственные идеалы, указываетъ на пагубность чувственныхъ увлеченій и говоритъ о важности религіи для жизни. Въ дѣйствительности Бурже далекъ отъ нравственной высоты, которую хочетъ усмотрѣть въ его романахъ Анри Бордо. Бурже болѣе чѣмъ кто-либо повиненъ въ недостаткахъ, обличаемыхъ Бордо въ его общей характеристикѣ современнаго французскаго романа. Онъ ввелъ въ моду такъ называемый психологическій романъ, который сводится къ анализу сложнаго эротизма праздныхъ парижскихъ дамъ и кавалеровъ высшаго свѣта; онъ довелъ

можно сказать, до абсурда увлечение адюльтерными сюжетами. Если судить о французской жизни по его романам, то может казаться, что нѣтъ чувственныхъ переживаній во французскомъ обществѣ, нѣтъ захватывающихъ интересовъ; мало того, самое чувство любви, составляющее центръ его романовъ, лишено у Бурже всякаго величія и трагизма, всякой связи съ духовной сущностью человѣка и сведено большей частью къ сентиментальной казуистикѣ, къ игрѣ чувствами людей, томящихся скукой своего существованія. Психологія свѣтскихъ героинь Бурже определяется числомъ ихъ возлюбленныхъ; пока онѣ измѣняютъ мужу съ однимъ только другомъ сердца, онѣ спокойно продолжаютъ свое свѣтское существованіе, набожно занимаются своими туалетами (это называется „культъ красоты“) и не чувствуютъ угрызений совѣсти. Трагедія начинается тогда, когда чувственный капризъ влечетъ ихъ ко второму, къ третьему избраннику, и когда приходится обманывать не только мужа, но и болѣе прозорливаго, лучше знающаго ихъ легкомысліе прежняго друга. У героевъ Бурже психологія тоже определяется смѣлой увлеченій, а вовсе не самымъ характеромъ чувства. Если они и страдаютъ отъ своихъ чувственныхъ капризовъ, то страданія эти большей частью заключаются въ искусственномъ самоанализѣ, въ томъ, что, не умѣя отдаться чувству, они все время занимаются разглядываніемъ своихъ ощущеній, — или же въ чисто-жизненныхъ осложненіяхъ, въ трудности сочетать удовлетвореніе капризамъ чувствъ съ требованіями условной свѣтской морали; ни у кого изъ нихъ нѣтъ достаточно силы, чтобы порвать съ удобствами своего свѣтскаго положенія подъ вліяніемъ глубокой страсти, — да и никакихъ глубокихъ страстей у этихъ праздныхъ и поверхностныхъ людей нѣтъ. Бордо напрасно видитъ въ этихъ описаніяхъ свѣтскихъ похожденій проповѣдь нравственныхъ идеаловъ. Бурже, дѣйствительно, много говоритъ о „религій человѣческихъ страданій“, но это объясняется вліяніемъ распространившейся во Франціи „моды на Толстого“. Въ своихъ послѣднихъ романахъ, какъ, напр., въ „Етапе“, Бурже много толкуетъ о религій, рассказывая трагическую исторію любви молодого католика къ дочери убѣжденнаго протестанта, причемъ, въ концѣ концовъ, дѣвица все-таки переходитъ въ католичество и бракъ можетъ состояться. Но эти разговоры о религій — слѣдованіе модѣ, созданной главнымъ образомъ Брюнетьеромъ; она въ сущности не имѣетъ ничего общаго, кромѣ внѣшней связи, съ мистическимъ настроеніемъ, охватившимъ французскую поэзію послѣднихъ лѣтъ. Бурже и былъ, и остался поклонникомъ моды во всѣхъ ея проявленіяхъ. Его героини носятъ туалеты, „созданные“ лучшими парижскими *faiseurs*’ами, и вся внѣшняя обстановка ихъ жизни, экипажи, мебель и бездѣлушки, загромождающіе салоны и будуары, доставляются лучшими парижскими по-

ставщиками; Бурже посвящаетъ много страницъ въ своихъ романахъ подробному описанію всѣхъ частныхъ парижской элегантнои жизни. Точно также онъ слѣдитъ за умственными и идейными модами. Бурже былъ однимъ изъ первыхъ сторонниковъ эстетизма и увлеченія ранимъ итальянскимъ возрожденіемъ. Точно также онъ воспринялъ „религію страданія и состраданія“, введенную во Франціи Толстымъ. Теперь въ модѣ католицизмъ—и Бурже пишетъ католическіе романы, продолжая, конечно, заниматься „драмами совѣсти“, т.-е., другими словами, адюльтерными интригами свѣтскихъ женщинъ. Приклеенная къ этому проповѣдь религіи понимаемой чисто-внѣшнимъ образомъ, и умиленные фразы о жалости далеко не искупаютъ суетности сюжетовъ и поверхностности идейнаго содержанія. Бурже никакъ нельзя назвать идейнымъ писателемъ; какъ это дѣлаетъ Бордо въ своемъ стремленіи найти противовѣсъ безпринципности большинства романистовъ. Бурже талантливѣе другихъ; въ его романахъ, въ особенности въ прежнихъ, есть много художественно написанныхъ страницъ, но по существу онъ столь же мало затрагиваетъ болѣе глубокія стороны жизни, какъ и та масса романистовъ, которыхъ Бордо упрекаетъ въ пошлости и излишнемъ „паризіанизмѣ“. Столь же неосновательны похвалы, расточаемыя Бордо по адресу Жюль Леметра за его переходъ отъ эстетическаго импрессионизма къ проповѣди націонализма. Критикъ чувствуетъ такую настоятельную необходимость въ поднятіи нравственнаго уровня французскаго общества, что благодаренъ Леметру за его обращеніе къ національному самосознанію; ему кажется, что, обличая растлѣніе нравовъ, нападая на буржуазность, на легкомысліе и другія „нравственныя болѣзни“ современныхъ французовъ, Леметръ заставитъ одуматься современное общество и вселитъ болѣе серьезное отношеніе къ обязанностямъ передъ отечествомъ, передъ будущими поколѣніями. Но онъ забываетъ, что націонализмъ Леметра вовсе не исходитъ изъ высокихъ нравственныхъ побужденій, что вопросъ объ истинно нравственныхъ началахъ, о правдѣ и справедливости, вовсе не составлялъ исключительной заботы французскихъ націоналистовъ во время процесса, создавшаго эту партію; они, напротивъ того, ставили узкія патріотическія цѣли выше обще-человѣческихъ нравственныхъ требованій. Примкнувъ къ этой партіи, Леметръ не возвысился какъ писатель, а напротивъ того, утратилъ свое прежнее значеніе, пересталъ быть тонкимъ и безпристрастнымъ знатокомъ и цѣнителемъ искусства, сталъ подчинять свой художественный вкусъ политическимъ соображеніямъ и впалъ въ крайнюю шаблонность. Восхваленіе такихъ писателей, какъ Бурже и Леметръ, въ книгѣ Бордо интересно только симптоматически. Оно доказываетъ, какъ велика жажда нравственнаго оздоровленія французской литературы и жизни,

если даже суррогаты идейности и нравственной проповѣди возбуждаютъ искреннее сочувствіе и ожиданіе благотворныхъ результатовъ.

Въ книгѣ Бордо есть интересныя и болѣе основательныя очерки—объ Эдуардѣ Родѣ, о критикѣ Фагэ и нѣсколько другихъ. Рода Бордо справедливо называетъ „романистомъ внутренней жизни“ и указываетъ на его близость къ Толстому. Художественный талантъ Рода авторъ преувеличиваетъ, такъ какъ въ дѣйствительности этотъ романистъ нѣсколько тяжеловѣсенъ. Въ его произведеніяхъ слишкомъ чувствуется теоретикъ, профессоръ, и столь драгоценная для художника непосредственность творчества часто замѣняется у него разсужденіями о вопросахъ нравственности. Но, во всякомъ случаѣ, Эдуардъ Родъ по замысламъ своихъ романовъ болѣе серьезенъ и глубокъ, чѣмъ большинство новѣйшихъ французскихъ романистовъ, съ ихъ исключительнымъ интересомъ къ любовнымъ похождениямъ свѣтскихъ дамъ. Родъ выдвигаетъ на первый планъ внутреннюю жизнь человѣка, изображаетъ борьбу мысли и чувства, причемъ даетъ очень современное освѣщеніе поднимаемымъ имъ вопросамъ. Въ одномъ изъ лучшихъ его романовъ, „Course à la Mort“, герой гибнетъ отъ преобладанія разсудочности надъ непосредственностью чувства. Какъ моралистъ, Родъ вѣрить въ спасительность стихійнаго чувства любви, болѣе справедливо разрѣшающаго вопросы совѣсти, чѣмъ умствованія холоднаго разума. Въ двухъ романахъ Рода, которые разбираетъ Бордо въ своемъ очеркѣ, выдвинуты очень существенныя проблемы современной жизни. Въ одномъ изъ нихъ, „Au milieu de la vie“, говорится объ отвѣтственности писателя за тѣ идеи, которыя онъ пускаетъ въ оборотъ, т.-е., другими словами, о томъ, что каждый человѣкъ долженъ помнить о своей связи со всѣми, долженъ помнить о томъ, что его слова и поступки могутъ отразиться на другихъ, и что онъ не имѣетъ права жить среди общества какъ въ пустынѣ, замыкаясь въ своемъ индивидуализмѣ. Каждое рѣшеніе, которое онъ принимаетъ для себя, становится жизненнымъ фактомъ и можетъ повліять на множество другихъ существованій. Эту мысль Родъ иллюстрируетъ на примѣрѣ писателя, потому что примѣръ этотъ наиболѣе яркій, и вліяніе книги на восприимчивыя души можно прослѣдить съ большей осязательностью, чѣмъ воздѣйствіе другъ на друга людей, находящихся въ непосредственномъ жизненномъ общеніи. Герой романа Рода—писатель, который полъ-жизни не задумывался надъ результатами своего творчества, жилъ легкомысленно, вполне отдѣляя идеалы, которые проповѣдовалъ въ книгахъ, отъ принциповъ, которыми руководствовался въ жизни; онъ проповѣдовалъ возвышенную мораль въ своихъ романахъ, а самъ жилъ „какъ всѣ“, т.-е. далеко не по правдѣ. Но „по срединѣ жизненнаго пути“ съ нимъ случилось происшествіе, раскрывшее ему ложь его

собственной жизни. Онъ узналъ, что одинъ изъ его романовъ, въ которомъ говорится о трагической любви со смертельнымъ исходомъ, роковымъ образомъ повлиялъ на какую-то незнакомую ему молодую дѣвушку; она почувствовала невозможность мириться съ компромиссами своей собственной жизни и отравилась. Ея смерть пробуждаетъ въ писателѣ спавшій до того голосъ совѣсти. Онъ прежде не видѣлъ связи между литературой и жизнью: въ романахъ, по его мнѣнію, можно все разрѣшать идеальнымъ образомъ, показывать, какъ должны были бы разыгрываться событія, если бы люди жили цѣльными чувствами и предпочитали трагическій исходъ дусклымъ компромиссамъ; въ жизни же стремленіе къ совершенству, къ полнотѣ чувства, къ правдѣ, обходится слишкомъ дорого, и потому люди соглашаются жить кое-какъ, стараясь по возможности насладиться минутой, если она хороша, и забывая о слишкомъ трудномъ нравственномъ долгѣ. Такъ жилъ самъ авторъ романовъ, преисполненныхъ высокой морали, и не сомнѣвался, что и другіе живутъ какъ онъ. Случай съ отравившейся дѣвушкой нарушилъ его душевное равновѣсіе,—онъ испугался отбѣтственности за свою нравственную проповѣдь, и вдругъ понялъ, что нельзя проповѣдовать, не исполняя самъ того, чего требуешь отъ другихъ. Задача поставлена очень рѣзко и интересно, но разрѣшеніе ея въ романѣ—нѣсколько наивное и расхолаживающее. Герой Рода „исправляется“, мѣняетъ свою жизнь, т.-е. перестаетъ легкомысленно относиться къ любовнымъ увлеченіямъ, женится на женщинѣ, съ которой у него была случайная связь, и начинаетъ жить упорядоченной—въ сущности довольно буржуазной жизнью. Но дѣло не въ этой придуманной развязкѣ, не въ судьбѣ героя романа, а въ важности выдвинутого Родомъ вопроса о нравственной отбѣтственности за слова и поступки. Въ другомъ романѣ, „Mademoiselle Annette“, основная идея тоже очень серьезная. Родъ изображаетъ два жизненныхъ идеала: одинъ—закрывающійся въ стремленіи къ личнымъ житейскимъ благамъ, другой—въ самоотреченіи, въ любви къ ближнимъ, и показываетъ на жизненномъ, правдиво и вдумчиво описанномъ примѣрѣ торжество послѣдняго. Mademoiselle Аннетъ, старая дѣва, всей душой поглощена любовью къ бѣднымъ и страдающимъ людямъ. Ея дядя, умный, практичный человѣкъ, который приобрѣлъ огромное состояніе въ Америкѣ, считаетъ ея любовь къ бѣднякамъ сентиментальными бреднями. Вернувшись на родину съ огромнымъ состояніемъ, онъ хочетъ жить въ свое удовольствіе, и окружаетъ свою племянницу и ея старика-отца всевозможной роскошью. Но Аннета настолько не сочувствуетъ ему, что, въ виду его несогласія превратить купленную для нея виллу въ госпиталь для бѣдныхъ, уходитъ отъ него и живетъ въ деревнѣ въ нуждѣ, къ которой привыкла съ молодости, продолжаетъ ухаживать

вать за больными и облегчать жизнь бѣднякамъ. Одинокій богатъ начинаетъ тяготѣться своими „благами“, и мало-по-малу идеи его племянницы одерживаютъ верхъ надъ его „американизмомъ“; онъ призываетъ ее къ себѣ и отдаетъ свое состояніе въ ея распоряженіе. Повѣсть написана очень просто, и столкновение двухъ міросозерцаній представлено съ большою силой.

Въ книгѣ Бордо есть еще нѣсколько очерковъ, заслуживающихъ вниманіе тѣмъ, что въ каждомъ разбираемомъ авторъ критикъ видитъ отраженіе какой-либо особенности французскаго ума, и старается извлечь изъ литературныхъ явленій поученіе для жизни, указать на путь къ нравственному оздоровленію французскаго общества, страдающаго отъ чрезмѣрной интеллектуальной утонченности и отъ равнодушія къ нравственному долгу. Очень обстоятельна и интересна статья объ Эмиль Фатэ, который особенно дорогъ Бордо своимъ пониманіемъ нравственныхъ задачъ современности.—З. В.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОРОДСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА.

Основы мѣстнаго самоуправленія заключаются: въ компетенціи общественнаго управленія и въ выборномъ началѣ; оба эти основанія и составляютъ сущность самоуправления. Недостаточно полное проведеніе ихъ въ жизнь, неправильная постановка ихъ—одинаково отражаются самымъ неблагоприятнымъ образомъ на дѣятельности общественныхъ учреждений.

Городовое положеніе 1892 года, по сравненію съ закономъ 1870 года, внесло весьма значительныя ограниченія какъ компетенціи—усиленіемъ административной опеки,—такъ и избирательнаго права—повышеніемъ имущественнаго ценза.

Эти, введенныя положеніемъ 1892 года, отличія поставили какъ провинціальныя, такъ и столичныя городскія общественныя управленія въ условія, помѣшавшія интенсивной дѣятельности ихъ, какой въ правѣ было ожидать общество отъ городскихъ дѣятелей, благодаря ихъ высокой административной опытности, накопившейся отъ свободнаго приложенія независимыхъ общественныхъ силъ въ городскомъ дѣлѣ и пріобрѣтенной при двадцатилѣтнемъ примѣненіи началъ самоуправления къ городскому благоустройству и благосостоянію—въ пореформенное время.

Проектъ общественнаго управленія города С.-Петербурга, значительно суживая компетенцію городской думы, ограничивая ея распорядительную власть, дѣлаетъ также попытку къ исправленію несовершенствъ принятой постановки избирательнаго права и тѣмъ самымъ вноситъ существенныя измѣненія въ дѣйствующую избирательную систему.

Рядомъ съ почти исключительно допущеннымъ въ городскомъ положеніи 1892 года домовладѣльческимъ цензомъ—по даннымъ 1898 года избирателей по владѣнію недвижимыми имуществами было 93%, а по свидѣтельству первой гильдіи 7%—проектъ вводитъ квартирный цензъ. Квартира, какъ жилье, конечно, является болѣе доступнымъ основаніемъ избирательнаго права,—въ ней сосредоточивается большинство городскихъ профессій. Установленіе домовладѣнія, какъ почти единственнаго признака для правоспособныхъ горожанъ,—особенно неправильно въ столицахъ и въ большихъ населенныхъ городахъ, гдѣ большая часть самостоятельнаго элемента населенія проживаетъ въ нанятыхъ квартирахъ. Но если занятіе всякой квартиры—

въ своемъ ли домѣ, по найму или безвозмездно — имѣть характеръ общедоступности, то опредѣленіе квартирной платы, какъ имущественнаго избирательнаго ценза, уже теряетъ такое свойство въ большей или меньшей степени, смотря по размѣру ея. Чѣмъ выше этотъ размѣръ, тѣмъ малодоступнѣе становится квартирный цензъ и тѣмъ болѣе приближается онъ къ домовладѣльческому цензу, получая ту же окраску, выражающуюся преимущественно въ представительствѣ крупнаго промышленнаго и торговаго класса.

Весьма важно введеніе квартирнаго ценза, какъ принципа, но не менѣе того имѣетъ значеніе выборъ размѣра его; отъ этого выбора зависитъ весь результатъ предпринимаемой избирательной реформы.

Тотъ размѣръ квартирнаго ценза, на которомъ остановились составители проекта новаго петербургскаго городского положенія, именно уплата 33 рублей государственнаго квартирнаго налога, не отразится глубокими измѣненіями въ составѣ городскихъ избирательныхъ собраній и не дастъ тѣхъ результатовъ, какіе могли бы получиться отъ болѣе полнаго проведенія въ жизнь вводимаго принципа — дарованія избирательнаго права представителямъ не владѣльческаго, а трудового класса. Новыхъ городскихъ избирателей окажется весьма немного.

По даннымъ о взиманіи государственнаго квартирнаго налога за 1901 годъ, число плательщиковъ, уплачивающихъ 33 рубля и болѣе, только 7.275; но это количество должно быть уменьшено, такъ какъ сюда включены лица, уже пользующіяся избирательнымъ правомъ по домовладѣльческому и торговому цензамъ, иностранцы, лица, не удовлетворяющія другимъ условіямъ, постановленнымъ въ законопроектѣ для пользованія избирательнымъ правомъ, и т. п. По даннымъ 1900 года, на долю всѣхъ такихъ лицъ падаетъ 34,2%. Такимъ образомъ, новыхъ избирателей при проектируемомъ цензѣ будетъ только—4.787. Они составляютъ немного больше половины теперешнихъ петербургскихъ городскихъ избирателей; это, съ одной стороны, указываетъ на незначительность возможнаго вліянія новыхъ избирателей на выборы гласныхъ, особенно при своей неподготовленности къ выборной агитации и при разрозненности, а съ другой — на полное несоотвѣтствіе съ населенностью города Петербурга.

Принятымъ въ проектѣ цензомъ не будетъ уничтоженъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ существующей постановки избирательнаго права, — а именно, отсутствіе представительства у трудовой интеллигенціи, не пріобрѣвшей домовладѣльческаго ценза.

Насколько извѣстно, при составленіи предположеній о предоставленіи плательщикамъ 33-хъ руб. квартирнаго налога, не производилась весьма важная и безусловно необходимая подготовительная ра-

бота, требующая много-много двѣ-три недѣли,—о профессиональномъ составѣ всѣхъ плательщиковъ квартирнаго налога,—хотя соотвѣствующій матеріалъ и имѣется въ податныхъ книгахъ. Но что призываемые къ участію въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ квартиранты составляютъ ничтожный процентъ общаго числа лицъ, принадлежащихъ къ интеллигентнымъ профессіямъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По даннымъ однодневной переписи города С.-Петербурга еще 1900 года, всѣхъ самостоятельныхъ лицъ изъ четырехъ группъ: хозяевъ торгово-промышленнаго класса, владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, представителей частнаго служебнаго труда и лицъ интеллигентныхъ профессій, оказывается до 110.000 человекъ; изъ нихъ 48% падаетъ на долю послѣдней группы (52.000) ¹⁾. Если такое же соотношеніе принять и для дѣйствительно призываемыхъ по проекту къ участію на выборахъ плательщиковъ квартирнаго налога, то получимъ 2.297 лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ. Но и это приходится уменьшить. Въ группѣ интеллигентныхъ профессій показаны и лица, живущія пенсіей, въ громадномъ числѣ 15.000. При высокомъ квартирномъ ценѣ не будетъ большой ошибки исключить ихъ цѣликомъ, и тогда группа интеллигентныхъ профессій займетъ не 48%, а только 34%,—и число новыхъ избирателей изъ этой группы понизится до 1.627. Такой расчетъ довольно близокъ къ истинѣ; это видно изъ того, что, по даннымъ за 1898 годъ, среди плательщиковъ налога—предполагаемыхъ избирателей было 1.487 лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Любопытно, конечно, прослѣдить, насколько возможно, вліяніе класса свободныхъ интеллигентныхъ профессій. Для этого исключимъ, кромѣ лицъ, живущихъ пенсіей, еще и служащихъ въ администраціи, офицеровъ арміи и флота, и т. п. (всего еще болѣе 15.550); тогда на долю лицъ, принадлежащихъ къ профессіямъ: учебно-воспитательной, научной, врачебной, технической, адвокатской, судебной, публицистической и т. п., приходится только 20%, что въ кругу новыхъ избирателей дастъ ничтожное число — 957 человекъ. О какомъ-либо вліяніи группы свободной интеллигентной профессіи едва ли тутъ можно и говорить.

Это одно уже доказываетъ, что пѣль законодателя—привлечь къ большому и замѣтному участію въ городскомъ управленіи представителей интеллигентныхъ трудовыхъ профессій—вовсе не будетъ достигнута.

Такой неожиданный результатъ произошелъ не только потому, что

¹⁾ См. мою книгу: „Городское самоуправленіе“, оч. IV: Городскія избирательныя собранія при квартирномъ ценѣ. Глава III-я. Групповой составъ.

не было произведено подготовительной работы, но и вследствие нечеткого основанія, положеннаго при выборѣ размѣра квартирнаго ценза.

Составители проекта въ этомъ отношеніи взяли за основаніе уплату оцѣночнаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ. Это неправильно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ городскомъ положеніи 1892 года вовсе не размѣръ городского сбора или налога даетъ избирательное право, а имущественный цензъ, гораздо притомъ меньшій, чѣмъ это проектируется для квартиранимателей; во-вторыхъ, въ томъ же городскомъ положеніи принято различное основаніе для собственниковъ недвижимыхъ имуществъ и для владельцевъ торгово-промышленными предприятиями, что и признается составителями проекта; въ-третьихъ, даже минимальный размѣръ оцѣночнаго сбора, дающій въ С.-Петербургѣ избирательное право, опять-таки значительно меньше, чѣмъ взятый для квартирнаго ценза; съ имуществъ, оцѣниваемыхъ въ 3.000 рублей, взимается 8% въ Петербургѣ оцѣночнаго сбора, т.-е. 24 рубля. Это соответствуетъ уже не восьмому разряду плательщиковъ квартирнаго налога (33 р.), а шестому (23 р.).

На целесообразность предоставленія избирательнаго права плательщикамъ квартирнаго налога, начиная именно съ этого шестого разряда, указывалъ государственный контролеръ ген.-отъ-инфант. П. Л. Лобко ¹⁾. Если же не брать въ основаніе равную сумму оцѣночнаго сбора, фактически теперь домовладельцами уплачиваемую, то почему же такимъ основаніемъ избранъ максимальный процентъ сбора (10), а не минимальный (1); при послѣднемъ условіи всѣ плательщики государственнаго квартирнаго налога должны получить избирательное право, такъ какъ первый разрядъ ихъ уплачиваетъ 5 руб., а минимальный теоретически возможный оцѣночный сборъ — 3 руб. Все равно, въ проектѣ пришлось отнестись отъ намѣренія опредѣлить избирательное право для квартиранимателя по платежу оцѣночнаго сбора. Министерство финансовъ не нашло возможнымъ уступить породу государственный квартирный налогъ полностью, какъ это оно предполагало раньше, обуславливая передачу налога дарованіемъ избирательнаго права всѣмъ плательщикамъ. Теперь по соглашенію вѣдомствъ уже испрашивается уступка только половины суммы налога, уплачиваемой тѣми разрядами плательщиковъ, которые призываются по проекту къ участію въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ; такимъ путемъ всего отчисляется въ городскую кассу 299.000 рублей, и избирательное право дается тому квартиранту, который вноситъ въ городскую кассу 16 руб. 50 коп.

¹⁾ Число плательщиковъ при такомъ цензѣ — 11.728, избирателей по указанному исчисленію — 7.717.

Основанія права участія въ городскомъ общественномъ управленіи квартиранта и домовладѣльца должны быть отличныя, независимыя одно отъ другого.

Цѣль избирательной реформы — привлечь интеллигентные классы къ участію въ общественныхъ городскихъ дѣлахъ. Средній годовоі заробѣтокъ самостоятельнаго и состоятельнаго представителя столичныхъ трудовыхъ интеллигентныхъ классовъ можетъ быть опредѣленъ въ 3.000 рублей. Такому заробѣтку, такому окладу соответствуетъ годовая квартирная плата въ одну пятую его, т.-е. 600 рублей; квартирный налогъ съ такой квартиры уплачивается въ размѣрѣ 11 рублей. При такомъ цензѣ вступаютъ въ число полноправныхъ горожанъ плательщики квартирного налога, начиная съ третьяго разряда.

На такой квартирной платѣ въ 600 рублей, какъ цензѣ, остановилось петербургское совѣщаніе изъ представителей мѣстной администраціи и городского общественного управленія въ 1890 году ¹⁾.

Плательщиковъ квартирного налога, начиная съ третьяго разряда, — по даннымъ за 1901 годъ — 28.982, что составляетъ только 47% всѣхъ плательщиковъ. По примѣрному, приведенному выше расчету дѣйствительныхъ избирателей-квартирантовъ будетъ 19.070 человекъ. Прибавляя къ нимъ теперешнихъ избирателей, получимъ лишь то число, какое было при дѣйствіи городского положенія 1870 года. Отличіе отъ того времени заключается въ болѣе равномерномъ представительствѣ группъ городского населенія и въ дѣйствительномъ привлеченіи къ выборамъ лицъ, принадлежащихъ къ трудовымъ интеллигентнымъ классамъ. Этими преимуществами, имѣющими еще большее значеніе по сравненію съ нынѣшними порядками, не исчерпываются положительныя стороны поддерживаемаго нами квартирного ценза въ 11 рублей государственнаго квартирного налога.

Прежде всего увеличивается поступленіе въ городскую кассу до 469.455 руб., по даннымъ за 1901 годъ. А такъ какъ съ первыхъ двухъ разрядовъ подлежало бы передать городу 101.437 р., то легко можно было пойти на удовлетвореніе ходатайства петербургской думы объ уступкѣ городу 50% государственнаго квартирного налога. Тогда, можетъ быть, и получило бы начало осуществленія предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ прописочнаго и другихъ подобныхъ сборовъ. Во всякомъ случаѣ, для города было бы весьма полезно прибавить къ своему бюджету $\frac{1}{2}$ милліона рублей въ виду все

¹⁾ Совѣщаніе состояло изъ предсѣдателя с.-петербургскаго градоначальника П. А. Грессера, изъ помощника его И. Н. Турчанинова, управляющаго казенною палатою П. А. Корсакова, с.-петербургскаго городского головы В. И. Лихачева, товарища его Н. Н. Медвѣдева и гласныхъ: П. П. Дурново, П. В. Жуковскаго, М. М. Стасевича и Ф. К. Санъ-Галли.

возрастающих нужд и потребностей населенія, требующихъ громад-
ныхъ средствъ.

Но если почему-либо министерство финансовъ находитъ несвое-
временнымъ такую уступку 50% всего квартирного налога, то отчис-
леніемъ одной трети суммы квартирного налога, уплачиваемой пла-
тельщиками третьего и высшихъ разрядовъ, государственная казна
отдавала бы городу почти ту же сумму, какую уже предполагено
отпустить, 312.937 р.

Установленіемъ квартирного налогового ценза, пониженнаго по
сравненію съ проектируемымъ, но далекаго до общедоступности, избъ-
гаются въ значительной мѣрѣ послѣдствія колебанія цѣнъ на квар-
тиры. Чѣмъ большее число плательщиковъ налога включается въ со-
ставъ избирательныхъ собраний, чѣмъ шире предѣлы разрядовъ ихъ,
тѣмъ менѣе ощутительно будетъ отражаться на этомъ составѣ по-
вышеніе или пониженіе квартирныхъ платъ.

Нерѣдко со стороны домовладѣльцевъ высказываются опасенія отъ
привлеченія новыхъ избирателей въ большемъ по сравненію съ домо-
владѣльцами числѣ. Настаивая на неосновательности такихъ опасеній,
позволяемъ привести здѣсь уже сказанное нами въ другомъ мѣстѣ. „Въ
выборѣ чрезмѣрныхъ квартирныхъ цензовъ не играетъ ли первен-
ствующую роль мотивъ о противоположныхъ интересахъ домовладѣль-
цевъ и квартирантовъ. Должно отмѣтить крайнюю преувеличенность
распространеннаго мнѣнія о классовой борьбѣ между этими двумя
разрядами горожанъ. Такой борьбы на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, или
она по большей части незначительна, и во всякомъ случаѣ ограни-
чена тѣсными предѣлами, заключааясь въ вопросѣ объ удешевленіи
жилья. Но даже и въ этомъ послѣднемъ отношеніи можетъ быть соли-
дарность между владѣльцами домовъ на окраинахъ города и вообще
квартирантами для достиженія желательнаго для тѣхъ и другихъ про-
веденія улучшенныхъ путей сообщенія, которые связали бы эти
окраины съ центромъ города. Съ другой стороны, встрѣчаются и среди
домовладѣльцевъ-гласныхъ люди съ сильно развитымъ обществен-
нымъ чувствомъ, побуждающимъ ихъ направить дѣятельность город-
скихъ общественныхъ органовъ на борьбу съ жилищною нуждою ра-
бочаго класса посредствомъ устройства ночлежныхъ домовъ, рабочихъ
колоній и т. п., а такая дѣятельность въ той или иной степени мо-
жетъ повліять и на уменьшеніе дороговизны квартиръ. Принадлеж-
ность домовладѣльца и квартиранта къ одной профессиональной группѣ
усиливаетъ ихъ взаимную солидарность. Докторъ-домовладѣлецъ и док-
торъ-квартирантъ, купецъ-домовладѣлецъ и купецъ-квартирантъ, учи-
тель-домовладѣлецъ и учитель-квартирантъ и т. п. (до безконечности)
имѣютъ, очевидно, много общихъ интересовъ. Неправильно распро-

страняють борьбу между домовладѣльцами и квартирантами на отношеніе тѣхъ и другихъ къ городскимъ налогамъ. Мнѣнія, что квартиранты будутъ все увеличивать налоги, весьма ошибочное, такъ какъ имъ не только похвально, но и очень чувствительно переложеніе всѣхъ городскихъ налоговъ на потребителя, т.-е. на того же квартиранта. Высказывается иногда соображеніе, что квартиранты предъявляютъ требованія о такихъ мѣропріятіяхъ къ благоустройству города, которыя важны для настоящей минуты, а домовладѣльцы, напротивъ, проявляютъ склонность къ болѣе существеннымъ мѣрамъ, которыя оправдаются только въ будущемъ. Но среда квартирантовъ культурна не менѣе домовладѣльцевъ, и потому они въ состояніи отвлечься отъ требованій минуты и вникнуть въ глубь и ширь вопросовъ¹⁾.

Вотъ почему и при цензѣ въ 11 рублей квартирного налога нѣтъ безусловной необходимости въ установленіи какихъ-либо привилегій для современныхъ избирателей. Такія преимущества всегда имѣютъ неблагопріятныя стороны, выражающіяся въ томъ, что тѣ группы избирателей, которыя надѣлены меньшими правами, проявляютъ сильный абсентеизмъ; неравенство общественныхъ правъ всегда ведетъ къ уменьшенію желанія принимать активное участіе въ дѣлахъ.

Въ проектѣ общественнаго управленія города С.-Петербурга предполагается создать особую привилегированную группу избирателей. Для производства выборовъ гласныхъ избиратели раздѣляются на два разряда: крупные плательщики оцѣночнаго, промысловаго и квартирнаго налога, внесшіе одну треть общей суммы сборовъ, выбираютъ изъ избирателей по всему городу треть гласныхъ—54, составляя одно избирательное собраніе; а остальные избиратели, раздѣляясь на участковыя избирательныя собранія, выбираютъ двѣ-трети гласныхъ, съ обязательностью выбирать только избирателей, живущихъ въ участкѣ. Такимъ образомъ, примѣняется смѣшанная система. Въ первомъ разрядѣ ожидается только 200 человекъ, а во второмъ—до 12.000. Права разныя: гласные изъ перваго разряда выбираются четырьмя избирателями, а изъ второго—120-ю. Эти двѣсти человекъ перваго разряда составятъ сильно сплоченную группу; вліяніе ихъ отразится на результатахъ выборовъ и второго разряда при посредствѣ выборной агитаціи, присущей выборнымъ общественнымъ порядкамъ, дающей имъ жизнь и помогающей сознательности выборовъ.

Восстановленіе существовавшей при городскомъ положеніи 1870 года трехразрядной системы по величинѣ платежей въ измѣненномъ видѣ могло бы быть въ извѣстной мѣрѣ оправдываемо только при условіи сильнаго пониженія квартирнаго ценза.

¹⁾ „Бакінскія Извѣстія“ 1902 г., № 148: „Избиратели квартиранты и домовладѣльцы“.

Подобная избирательная система принята въ Берлинѣ, Вѣнѣ; но тамъ неизмѣннымъ условіемъ поразрядныхъ группъ по величинѣ платежей или по суммѣ налога, уплачиваемаго каждымъ избирателемъ, является представительство не только среднихъ классовъ, но и массы горожанъ. Въ Берлинѣ городскихъ избирателей—свыше 300.000. Въ первомъ избирательномъ разрядѣ тамъ почти столько избирателей, сколько ихъ въ Петербургѣ въ настоящее время, а во второмъ берлинскомъ разрядѣ—болѣе, чѣмъ было бы въ Петербургѣ, если бы квартирный налоговый цензъ не превышалъ 11 рублей.

Чѣмъ больше лицъ включалось бы въ первый избирательный разрядъ, тѣмъ скорѣе можно рассчитывать на болѣе разнообразный составъ этого избирательнаго собранія; и цѣль законопроекта—создать представительство большинства группъ городского населенія и всѣхъ частей города—тѣмъ полнѣе будетъ достигнута, тѣмъ послѣдовательнѣе эта система будетъ проведена; поэтому и первое избирательное собраніе необходимо организовать такимъ образомъ, чтобы и въ немъ число избирателей увеличилось и чтобы къ нему было примѣнено территориальное начало. Это достигается включеніемъ въ этотъ разрядъ избирателей, при дѣйствіи городского положенія 1870 года, входившихъ въ кругъ перваго и втораго разрядовъ, съ присоединеніемъ крупныхъ плательщиковъ квартирнаго налога. Минимальный размѣръ городскихъ сборовъ, уплачиваемый избирателемъ этого втораго разряда былъ въ 1877 году—380 руб., а въ 1877 году—500 руб.; въ первомъ случаѣ избирателей первыхъ двухъ разрядовъ было 1.177 при общемъ числѣ избирателей 20.522; во второмъ случаѣ—923 при 17.854. Но уплата сборовъ и въ 380 рублей должна быть признана значительною, совершенно преграждающею вступленіе въ первый разрядъ нанимателямъ дорогихъ квартиръ. Высшій размѣръ квартирнаго налога составляетъ 10% съ цѣны квартиры въ 6.000 р. Въ городскую кассу причитается половина, т.-е. 300 рублей. Всѣхъ же плательщиковъ высшаго налога по 35-му разряду, по даннымъ за 1901 годъ, было только 120, считая въ томъ числѣ и домовладѣльцевъ. По основаніямъ же, принятымъ въ проектѣ общественнаго управленія гор. Петербурга, ни одинъ квартирантъ не попадетъ въ проектируемый первый разрядъ, такъ какъ минимальная уплата налога въ бывшемъ до 1892 года первомъ разрядѣ, тоже уплачивающемъ одну треть, была 1.631 рубль; значить, квартиранту, чтобы попасть въ такой разрядъ, надо внести государственнаго квартирнаго налога 3.262 рубля.

Образованіе перваго избирательнаго разряда изъ всѣхъ плательщиковъ общаго, промысловаго и квартирнаго налога, вносящихъ въ городскую кассу минимумъ 300 рублей,—было бы болѣе со-

отвѣтствующимъ цѣли законопроекта; тогда такимъ образомъ организуемый первый разрядъ избирателей имѣлъ бы окраску значительно болѣе разнообразнаго представительства, а увеличеніе числа избирателей этого разряда до 1000—1.200 человекъ дало бы возможность раздѣлить его на два территориальныхъ избирательныхъ собранія: примѣрно, материковаго и островнаго. Этимъ путемъ территориальное начало было бы проведено послѣдовательно, причемъ въ обоихъ разрядахъ избирателей одинаково долженъ примѣняться и весьма цѣлесообразный, вносимый проектомъ только для перваго разряда, выборъ гласныхъ по всему городу, а не изъ тѣхъ только избирателей, которые живутъ въ избирательномъ участкѣ.

Но, предлагая такую организацию перваго разряда избирателей, мы имѣемъ въ виду только квартирный цензъ въ 11 рублей государственнаго квартирнаго налога, не надѣясь по современнымъ условіямъ на проведеніе въ жизнь болѣе рациональной постановки избирательнаго права. При всякомъ же большемъ цензѣ, особенно при проектируемомъ чрезмѣрномъ цензѣ (33 р.) нѣтъ положительно никакого основанія къ установленію избирательныхъ разрядовъ, такъ какъ теперешніе избиратели сохраняютъ свое преобладающее и господствующее положеніе. При такихъ условіяхъ остается въ силѣ то, что отмѣчалось министромъ финансовъ С. Ю. Витте, указывающимъ на необходимость дарованія избирательнаго права всѣмъ плательщикамъ квартирнаго налога. Въ составѣ городского населенія лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточено городское хозяйство, являются крайне незначительнымъ меньшинствомъ, которое отнюдь не можетъ считаться ни наиболѣе образованнымъ, ни ближе всего заинтересованнымъ въ удовлетвореніи городскихъ нуждъ. Неумѣлымъ или одностороннимъ — исключительно въ интересахъ домовладѣльцевъ, особенно крупныхъ — веденіемъ городского хозяйства объясняются весьма часто и денежные затрудненія. Плательщики квартирнаго налога являются именно той группою городскихъ обывателей, которые, какъ по достатку, такъ и по образованію и роду занятій, представляются наиболѣе способными стать выше узкихъ интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія и оказать своими познаніями и опытомъ содѣйствіе къ направленію городского хозяйства на тотъ путь, который обезпечивалъ бы плодотворное его развитіе. Привлеченіе квартиронанимателей къ участию въ городскомъ управленіи должно оказать на состояніе городского хозяйства гораздо болѣе рѣшительное вліяніе, чѣмъ мѣры исключительно финансовыя. Но это привлеченіе, чтобы оно отразилось благотворнымъ образомъ на результатахъ городской общественной дѣятельности, должно быть предпринято въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ.

То количество городских избирателей, какое будет при рекомендуемом нами весьма умеренномъ цензѣ въ 11 рублей государственнаго квартирнаго налога (до 25.000 человѣкъ), нисколько не воспрепятствуетъ правильному производству выборовъ; для этого придется увеличить число избирательныхъ участковъ и производить выборы одновременно по всѣмъ участкамъ. Тѣмъ менѣе количество избирателей можетъ нарушить выборные порядки, что проектируется ввести частичные выборы черезъ три года на шесть лѣтъ, а это значить, что участвуетъ въ выборахъ только половина избирателей. О самомъ частичномъ обновленіи состава думы должно сказать, что едва ли такое измѣненіе вызывается неотразимыми причинами. И теперь на самомъ дѣлѣ составъ думы цѣликомъ не обновляется: избирается обыкновенно новыхъ лицъ до $\frac{2}{3}$, т.-е. весьма близко къ указанной нормѣ. Поэтому то обстоятельство, какое кладется въ основу частичныхъ выборовъ — болѣе долготѣнная практика части выборныхъ — имѣется на лицо и при полныхъ выборахъ. Между тѣмъ, частичная система выборовъ имѣетъ и свою невыгодную сторону, заключающуюся въ томъ, что на весьма продолжительный срокъ (шестилѣтній) могутъ оставаться гласными лица, оказавшіяся бесполезными и неспособными. Частичные выборы уменьшаютъ къ тому же вліяніе избирателей-горожанъ на дѣятельность думы посредствомъ перевыбора гласныхъ, признаваемыхъ населеніемъ полезными, или забаллотированіемъ такихъ, которымъ оно не желаетъ оказать довѣріе. Для производства выборовъ образуется, по проекту, въ собраніи и въ каждомъ изъ участковъ—избирательная коммиссія, въ составѣ председателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головою изъ числа гласныхъ думы или вообще лицъ, имѣющихъ право участія въ городскихъ выборахъ. Въ видахъ предотвращенія возможнаго давленія городского головы на выборы, правильнѣе было бы предоставить избраніе председателей и членовъ этихъ коммиссій думѣ.

Вообще должно отмѣтить стремленіе составителей проекта отстранить думу отъ всякаго участія въ избирательныхъ порядкахъ и перенести центръ тяжести въ особое по городскимъ дѣламъ присутствіе, чѣмъ уменьшается и независимость выборной коллегіи, и распорядительная власть думы. Такъ, предположеніе о раздѣленіи города на избирательные участки и о числѣ гласныхъ, подлежащихъ выбору въ каждомъ участкѣ, составляется не думою, какъ теперь, а городскою управою, и ближайшія указанія о порядкѣ веденія избирательныхъ списковъ и производствѣ выборовъ опредѣляются инструкціею особаго по дѣламъ гор. С.-Петербурга присутствія, утверждаемою министромъ внутреннихъ дѣлъ. При этомъ не говорится о томъ, что инструкція предварительно разсматривается и обсуждается думою.

Измѣненіе вводится проектомъ и по отношенію большинства голосовъ, необходимаго для того, чтобы быть избраннымъ въ гласные. Въмѣсто абсолютнаго большинства устанавливается относительное. Это — весьма несовершенный переходъ къ пропорціональному представительству; легко можетъ случиться, что большая часть гласныхъ окажется избранною меньшинствомъ; поэтому правильнѣе было бы установить въ законѣ какъ число гласныхъ, непременно избираемыхъ абсолютнымъ большинствомъ, такъ и тотъ минимумъ голосовъ, который необходимъ для гласныхъ, избираемыхъ меньшинствомъ.

Такова предполагаемая постановка активнаго избирательнаго права; слѣдуетъ, впрочемъ, еще отмѣтить слѣдующее ограниченіе: избирательнымъ правомъ не пользуются евреи. Въ настоящее время ограниченія въ выборномъ правѣ для нихъ введены до изданія общаго закона. Даже тѣмъ соображеніемъ, что евреевъ большинство, нельзя объяснить это ограниченіе, такъ какъ въ Петербургѣ они не только не составляютъ большинства, но и въ меньшинствѣ слабо представлены. Проектируемое ограниченіе еще значительнѣе, чѣмъ въ Западномъ краѣ, такъ какъ тамъ евреи, хотя и по назначенію, но попадаютъ въ гласные; въ Петербургѣ же и такого права имъ не предоставляется по проекту.

Проектъ впервые вводитъ и особые условія для пассивнаго избирательнаго права. Для того, чтобы быть выбраннымъ въ гласные, надо имѣть аттестатъ объ окончаніи курса въ учебномъ заведеніи не ниже городского училища, по положенію 31 мая 1872 года, или въ равномъ ему заведеніи, или же выдержать соотвѣтственное этому курсу испытаніе. Такой образовательный цензъ для гласныхъ еще болѣе усиливаетъ преобладаніе крупныхъ плательщиковъ, такъ какъ введеніе всякаго образовательнаго ценза отнимаетъ представительство у менѣе зажиточныхъ классовъ, гдѣ образовательный уровень ниже. Даже установленіе болѣе доступнаго ценза—свидѣтельство объ окончаніи городского начальнаго училища по положенію 1874—года лишило бы права быть гласными тѣхъ, которые состояли уже въ этомъ званіи и принесли пользу своею дѣятельностью, не допускаетъ въ думу лицъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды и вступившихъ въ кругъ городскихъ обывателей послѣ многолѣтняго и упорнаго труда; существованіе же у крестьянъ извѣстной формы самоуправленія развивается среди нихъ способность къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Образовательный цензъ для гласныхъ вноситъ неравенство въ среду избирателей, порождаетъ равнодушіе къ своему избирательному праву и вызываетъ уклоненіе отъ участія въ городскихъ выборахъ. Вводимое проектомъ ограниченіе въ постановкѣ пассивнаго избирательнаго права вовсе не вызывается и практической надобностью,

такъ какъ въ петербургской думѣ нѣтъ никакихъ признаковъ господства непроевѣщенной массы, а при дарованіи избирательнаго права квартирантамъ образовательный уровень гласныхъ еще болѣе повысится. Такъ зачѣмъ же, ради какихъ-нибудь, въ Петербургѣ почти невозможныхъ, случаевъ ставить препятствія для вступленія въ ряды городскихъ дѣателей, можетъ быть, очень полезнымъ и энергичнымъ лицамъ, но не пріобрѣвшимъ, часто по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ, образовательнаго ценза, столь еще высокаго, какъ окончаніе четырехкласснаго училища съ шестигодичнымъ курсомъ, равнымъ такимъ среднеучебнымъ заведеніямъ, какъ прогимназія. Пусть сами избиратели рѣшаютъ, кого слѣдуетъ надѣлать правомъ быть ихъ представителемъ.

Вообще, въ проектѣ проглядываетъ нѣкоторое недовѣріе къ выборному началу. Такъ, въ число гласныхъ думы включаются безъ выбора бывшіе городскіе головы и почетные граждане Петербурга; послѣднее обстоятельство, правда, не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ въ настоящее время *одно* только лицо имѣетъ это званіе; вступленіе же бывшихъ городскихъ головъ въ думу противорѣчитъ выборному праву горожанъ, которые могутъ быть иногда недовольны дѣйствіями городскихъ головъ, — въ извѣстныхъ случаяхъ, къ тому же, могущихъ быть назначенными на эту должность помимо выбора думою. Какъ это нововведеніе, такъ и право министерствъ назначать представителей въ думу съ правомъ голоса, усиливаетъ до-нельзя бюрократическій элементъ въ думѣ, въ которой этотъ элементъ, образуемый чиновничествомъ, достаточно значителенъ, а при большомъ квартирномъ цевзѣ еще болѣе увеличится, такъ какъ избирательное право получать чиновники пятаго и высшихъ классовъ. Тѣмъ непонятнѣе такое право назначенія представителей вѣдомства въ думу, что, по проекту, новое „Присутствіе по городскимъ дѣламъ“ получаетъ гораздо большія полномочія, сравнительно съ нынѣшнимъ, и въ составъ его пріобрѣтаетъ почти полное преобладаніе надъ думою коронный элементъ, такъ какъ городской голова будетъ, по проекту, председателемъ управы; представителемъ же думы останется единственный гласный, избранный ею.

Разъ выборное начало признается законодателемъ, то оно должно быть проведено безъ ограниченій, уничтожающихъ всякое значеніе выборовъ, послѣдовательно, и въ основѣ его должно быть положено довѣріе къ населенію.

Дм. Семеновъ.

18 марта 1903 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1903.

„Агонія либерализма“.—Сельско-хозяйственные комитеты.—Внутренняя рознь въ средѣ „националистов“.—Намеки, возведенные въ систему.—„Самоуправленіе“ и „управленіе“.—Студенческія научныя общества въ Москвѣ.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ.—А. В. Сухово-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Манаскина †.—Именной Высочайшій указъ 12-го марта.

Перифразируя на свой ладъ извѣстное восклицаніе Боссюа: „Madame se meurt, madame est morte“,—одна изъ провинціальныхъ газетъ прочла недавно отходную русскому либерализму. Онъ „ворчится въ предсмертныхъ судорогахъ, уступая мѣсто истинно-русскимъ національнымъ теченіямъ“; самое понятіе о немъ „въ конецъ опошлено и извращено“; его идеи—„горячечный бредъ либеральствующихъ кликушъ, насажденныхъ на Руси либеральствующими космополитами“. Къ этому надгробному слову, „правдивому и трезвому“, спѣшить присоединиться московская реакціонная газета, узнавшая въ немъ отголосокъ ея обычныхъ предсказаній. Пророческимъ даромъ наши газетные Калхасы никогда, однако, не отличались; не страшить никого, поэтому, и тризна, чуть ли не въ сто-первый разъ совершаемая ими надъ либерализмомъ. Либерализмъ—не въ смыслѣ партійной доктрины, измѣняющейся вмѣстѣ съ составомъ и положеніемъ партіи, а въ смыслѣ совокупности пожеланій, неизбѣжно возникающихъ и столь же неизбѣжно растущихъ въ прогрессирующемъ обществѣ,—безсмертенъ; онъ можетъ заявлять о себѣ съ болѣею или меньшею ясностью и силой, но не можетъ исчезнуть, пока высоко цѣнными имъ блага не сдѣлались общимъ достояніемъ. Совершенно немислимо, чтобы люди, достигшіе извѣстной степени развитія, стали равнодушны къ свободѣ совѣсти, свободѣ слова, свободѣ личности; совершенно немислимо, чтобы они застыли на первобытныхъ формахъ націонализма, игнорирующихъ чужія особенности, чужое право. Благопріятствуютъ ли условія настоящей минуты *укрѣпленію* идей, составляющихъ сущность либерализма—объ этомъ возможны различныя мнѣнія; одного только отрицать нельзя—*распространенія* ихъ въ ширину, увеличенія числа лицъ, понимающихъ ихъ значеніе и цѣнность. Границы того, что принято называть обществомъ, раздвигаются у насъ съ каждымъ днемъ. Это уже не микроскопическая ячейка, исчезающая среди безформенной массы, а крупное цѣлое, обнимающее собою разнородные эле-

менты. Интересы недавно еще ничтожнаго меньшинства становятся, мало-по-малу, интересами многихъ, усвоиваемыми не механически, а сознательно и разумно. Напрасно извѣстные органы печати усилятся остановить это движеніе „гнилою пробкой“ своихъ измышлений; оно стало совершившимся фактомъ, съ которымъ необходимо считаться.

Никогда еще, можетъ быть, новое настроеніе русскаго общества не выражалось такъ ярко, какъ въ постановленіяхъ уѣздныхъ и, отчасти, губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Это очень хорошо понимаютъ газетные обскуранты, не отступающіе ни передъ какими софизмами, чтобы умалить значеніе комитетовъ. На сцену выступаетъ самъ главный рыцарь этой печальной рати, г. Spectator. „Трагикомедія“ комитетовъ, по его словамъ („Московскія Вѣдомости“ № 53), „не дала ровно ничего новаго“. „Пусть намъ укажутъ,—восклицаетъ обвинитель комитетовъ,—хоть одну идею, все равно, полезную или бесполезную, которая раньше чѣмъ въ комитетахъ не была бы высказана въ нашей повременной печати... Всѣ тѣ нелѣпыя теоріи, которыя высказывались въ либеральныхъ изданіяхъ небольшимъ сравнительно числомъ специально къ сему приставленныхъ публицистовъ¹⁾, получили внезапно возможность съ громомъ и трескомъ изливаться изъ устъ мѣстныхъ людей и фигурировать въ сочиненныхъ ими комитетскихъ докладахъ, пріобрѣтая вслѣдствіе этого ореолъ какъ бы общественнаго мнѣнія“. Что высказанныя въ комитетахъ идеи уже раньше обращались въ обществѣ и изъ него проникали въ печать — это совершенно вѣрно; но пока онѣ не шли дальше, нельзя было судить о степени ихъ распространенія, нельзя было опредѣлить, принадлежать ли онѣ только отдѣльнымъ лицамъ, или успѣли сдѣлаться достояніемъ многихъ. Это должны были обнаружить комитеты — и мы вполне убѣждены, что еслибы господствующими тамъ взглядами оказались тѣ, которые пропагандируются реакціонною печатью, то послѣдняя праздновала бы побѣду столь же усердно, какъ теперь старается скрыть свое пораженіе. Не даромъ же „Московскія Вѣдомости“ придавали такое важное значеніе не только постановленіямъ чернскаго уѣзднаго комитета, продиктованнымъ однимъ изъ сотрудниковъ этой газеты, но и запискамъ, представленнымъ двумя другими въ комитеты атварскій и мценскій. Мы очень хорошо знаемъ, что сельско-хозяйственные комитеты, въ значительной степени случайные по своему составу и дѣйствовавшіе при условіяхъ до крайности разнообраз-

¹⁾ Г-нъ Spectator упускаетъ изъ виду, что о „специально приставленныхъ публицистахъ“ можетъ идти рѣчь только въ изданіяхъ официальныхъ, офиціозныхъ, или арендуемыхъ отъ „казны“—а такіа изданія нужно искать не въ „либеральномъ“ лагерьѣ.

нихъ, не могутъ считаться чѣмъ-то въ родѣ представительства населенія; но все-таки далеко не безразлично единодушіе, съ которымъ многие изъ нихъ, въ разныхъ концахъ Россіи, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, намѣтили насущныя потребности народной массы и лучшіе способы ихъ удовлетворенія. Гораздо спокойнѣе и удобнѣе было бы замкнуться въ рамки преподанной программы или выйти изъ нихъ въ направленіи традиціонномъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Если, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, мы видимъ другое, если—то здѣсь, то тамъ—комитеты, на собственный рискъ и страхъ, предпочитали избитому пути новыя, едва проложенныя дороги,—это нельзя объяснить иначе, какъ силою вещей, наталкивавшею на жгучіе вопросы и под-сказывавшею ихъ разрѣшеніе. Сколько бы ни кивать г. Spectator на „земцевъ“ и „думцевъ“, какъ на главныхъ виновниковъ „трагикомедій“, онъ не заставитъ забыть, что въ не-земскихъ губерніяхъ комитеты сплошь и рядомъ высказывались въ томъ же смыслѣ, какъ и въ земскихъ, и что инициативу наименѣе рутинныхъ предложеній часто брали на себя предводители дворянства. Въ какой мѣрѣ будетъ услышанъ голосъ комитетовъ—это покажетъ время; теперь съ достовѣрностью можно сказать только одно—что въ ихъ постановленіяхъ отразилась русская жизнь. Конечно, зеркало оказывалось иногда кривымъ, иногда—тусклымъ, иногда—на половину закрытымъ; но въ общемъ и цѣломъ между дѣйствительностью и ея воспроизведеніемъ все-таки есть несомнѣнное сходство.

Посмотримъ теперь, что означаютъ, на языкѣ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ, тѣ „истинно-русскія національныя теченія“, которыя противопоставляются ими „либерализму“. „Присутствіе польскаго элемента въ центральномъ управленіи Россіи“—говоритъ все тотъ же г. Spectator въ статьѣ: „Поляки въ Петербургѣ“ („Московскія Вѣдомости“ № 40),—„не можетъ не имѣть весьма вредныхъ послѣдствій для всего нашего государственнаго организма... Служащіе въ Петербургѣ поляки не ограничиваются убаюкиваньемъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и систематическою парализаціей ихъ энергіи¹⁾: они принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы наполнить эти вѣдомства своими единоплеменниками“. Итакъ, теперь, сорокъ лѣтъ спустя послѣ мятежа, поляки все еще не должны быть признаваемы такими же гражданами имперіи, какъ и всѣ остальные? Неся обязанности, они все еще не должны пользоваться правами? Рѣдко прини-

¹⁾ Желательно было бы знать, какое изъ нашихъ центральныхъ вѣдомствъ имѣетъ здѣсь въ виду г. Spectator?

маемые на службу въ губерніяхъ привислянскихъ и западныхъ, они не должны быть допускаемы и въ министерства, хотя бы въ пропорціи, соответствующей отношенію ихъ ко всей массѣ населенія? Что это за министерства, которыя могутъ быть „убаюканы“ или „парализованы“ нѣсколькими лицами польскаго происхожденія? Какого мнѣнія нужно быть о цѣломъ государственномъ организмѣ, чтобы ожидать для него вредныхъ послѣдствій отъ столь маловажной причины? Еслибы присутствіе поляковъ-мастеровъ и рабочихъ на Невскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ грозило опасностью государственнымъ интересамъ, неужели правительство стало бы ожидать, для ихъ удаленія, напоминаній со стороны г. Spectator'a?.. Еще возмутительнѣе другая статья того же автора: „Какъ быть съ нашими окраинами“ („Московскія Вѣдомости“ № 67), гдѣ онъ, приписавъ „переживаемый нынѣ въ Финляндіи острый кризисъ *примирительнымъ* *ошибкамъ* шестидесятихъ годовъ“, восклицаетъ: „финляндцы еще не испытали послѣдствій своего бунта, а потому и продолжаютъ проявлять свою наглость. Они успокоятся лишь тогда, когда получатъ такой же урокъ, какой въ свое время поляки“. Комментаріи излишни...

Неудивительно, что націонализмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, начинаетъ возбуждать отвращеніе даже въ сферахъ ему родственныхъ и близкихъ. Весьма характерна, съ этой точки зрѣнія, недавняя рознь между участниками „Русскаго Собранія“, шедшими до сихъ поръ рука объ руку именно въ вопросахъ окраинныхъ и инородческихъ. „Новое Время“, въ лицѣ г. Сигмы, ополчилось противъ г. Величко, о дѣятельности котораго, по собственнымъ его словамъ, эта газета давала прежде „добрые отзывы“. „Русскія рѣчи“ ¹⁾ признаются „полными неправды на русскій народъ и на всѣ другіе народы, живущіе въ имперіи“; осмѣиваются предсказанія гибели, которою грозятъ Россіи инородцы въ случаѣ непріятія противъ нихъ иѣръ, рекомендуемыхъ г. Величко; подчеркивается солидарность г. Величко съ г. Грингмутомъ и кн. Мещерскимъ — солидарность, на которую мы указали вслѣдъ за переходомъ „Русскаго Вѣстника“ подъ редакцію гг. Величко и Комарова. „Неужели г. Величко“ — спрашиваетъ г. Сигма — „не понимаетъ, что бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности не есть публицистика, а есть что-то другое“? Исходя отъ бывшаго союзника, эти укоры пріобрѣтаютъ особенную силу... Чтобы дорисовать картину, набросанную г. Сигмой, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ послѣднихъ (мартовскихъ) „Русскихъ рѣчей“ г. Величко. „Если тѣ

¹⁾ Такъ озаглавлены статьи, помѣщаемыя г. Величко въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Первая изъ нихъ разобрана у насъ въ іюньской „Общественной Хроникѣ“ прошлаго года.

или инныя функціи государственной жизни неудачно выполняются плохими или равнодушными чиновниками, то случайными избранниками земли онѣ выполнялись бы еще хуже, менѣе аккуратно и умѣло. Всякое дѣло требуетъ специализаціи, подготовки, школы, традиціи. Наша бюрократія весьма несовершенна, но у нея все это есть въ большей степени, чѣмъ у земства... Естественное призваніе общества—помогать, въ отдѣльных случаяхъ, правительственной работѣ въ роли помѣстнаго эксперта и критика... Управляемая Варшава благоустроеннѣе (?), чѣмъ самоуправляющаяся Москва... Сельско-хозяйственнымъ обществамъ предстоитъ, быть можетъ, значительное развитіе въ ущербъ земствамъ". Стоить только сравнить всѣ эти фразы хотя бы съ тѣми статьями „Московскихъ Вѣдомостей“, о которыхъ идетъ рѣчь выше, въ нашемъ „Внутреннемъ Обзорѣніи“, чтобы убѣдиться въ духовномъ родствѣ г. Величко съ публицистами Страстного бульвара. Различна у нихъ только степень откровенности: г. Грингмутъ съ товарищами прямо возстаетъ противъ самоуправленія—г. Величко признаетъ его въ принципѣ, но сводитъ его къ „толковой самодѣтельности“, о характерѣ которой можно судить по тому, что отъ нея ожидается, между прочимъ, поднятіе вопроса *объ установленіи болѣе строгой ответственности за несоблюденіе рабочими обязательствъ и условій...*

Когда говоришь о „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, невольно вспоминаешь о „третьемъ въ союзѣ“—о „Гражданинѣ“. Особенностью его являются, въ послѣднее время, „намекы тонкіе (а иногда и не тонкіе) на то, чего не вѣдаетъ никто“—или о чемъ не говорится въ другихъ органахъ печати. Въ № 14—15 идетъ рѣчь о какомъ-то проектѣ г. Демчинскаго, перешедшаго, будто бы, отъ „погоды физической къ политической“—и приравниваемаго, по этому поводу, къ гоголевскому Бобчинскому. Въ № 17 большая часть „Дневника“ посвящена Д. Н. Шипову“ (предсѣдатель московской губернской земской управы), на котораго кн. Мещерскій изливаетъ цѣлый потокъ насмѣшекъ, тщетно претендующихъ на остроуміе и очень мало отличающихся иногда отъ неприличной брани. Безупречное имя земскаго дѣятеля обращается въ какое-то прозвище: „господа Шиповы“ оказываются то одною изъ головъ „гидры“, то „смѣшными болтунами“. „Петръ Великій“—воскликаетъ писатель, переставшій понимать разницу между памфлетомъ и пасквилемъ, — „Петръ Великій, увидѣвъ Шиповыхъ, сказалъ бы: блохи могутъ свободно прыгать и кусать Россію, но править ею не могутъ!“ И что всего хуже—кн. Мещерскій очень хорошо знаетъ, что возразить ему по существу, разоблачить недостойную его игру никто не можетъ. Такъ низко рѣдко па-

дала даже наша реакціонная пресса, давно уже потерявшая сознание нравственнаго долга, обусловливаемого независимыми от печати обстоятельствами. Въ „Гражданинѣ“ пользование фактической монополіею рѣчи возведено въ своего рода систему: не дальше, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, предметомъ его нападеній служилъ М. А. Стаховичъ, при тѣхъ же, приблизительно, условіяхъ, при которыхъ теперь ведется кампанія противъ Д. Н. Шипова... Такъ далеко, какъ ин. Мещерскій, не идетъ даже и г. Spectator. Въ статіѣ, озаглавленной: „Четвертый элементъ“ („Московскія Вѣдомости“ № 26), онъ касается не менѣе щекотливой темы, но по крайней мѣрѣ никого не называетъ по имени и ни надъ кѣмъ прямо не глумится. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы разсужденія о „четвертомъ элементѣ“¹⁾ были нравственно безупречны; эпиграфомъ къ нимъ, какъ и ко многимъ другимъ статьямъ московской газеты, могла бы служить извѣстная формула: caveant consules... „Представители четвертаго элемента“—гласить газетный обвинительный актъ—„носятъ громкія имена, занимаютъ видныя общественныя должности, мечтаютъ о высокомъ руководствѣ въ государствѣ, когда они его превратятъ въ ту форму, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ корыстному, эгоистическому честолюбію... Свою агитацію они ведутъ не потому, чтобы имъ, какъ третьему элементу, нечего было терять; они надѣются своею популярною дѣятельностью выдвинуться на такія мѣста, которыя еще болѣе упрочатъ ихъ матеріальное благосостояніе“. Какъ ни „благонамѣренно“, въ специфическомъ смыслѣ слова, такое „чтеніе въ мысляхъ“, такое угадыванье побужденій,—оно сопряжено съ опасностью особаго рода: можетъ возникнуть предположеніе, что отгадчикъ судить о другихъ по себѣ, приписываетъ другимъ обычные свои мотивы...

Рядомъ съ инородцами и „четвертымъ элементомъ“, обычнымъ предметомъ извѣстовъ нашей реакціонной печати служить самоуправленіе, въ особенности городское. Съ нескрываемымъ злорадствомъ ожидается ударъ, который долженъ пасть сначала на петербургскую городскую думу, а затѣмъ неизбежно отразиться и на всѣхъ остальныхъ. Именно теперь, поэтому, чрезвычайно цѣнны факты, бросающіе свѣтъ на достоинство и недостатки двухъ противоположныхъ порядковъ завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Такими фактами очень богата статья Г. И. Шрейдера: „О городской реформѣ“, первая часть которой напечатана въ № 12 „Правда“.

¹⁾ Выраженіе: „четвертый элементъ“ является подражаніемъ „прилатому“ слову: „третій элементъ“, кущенному въ оборотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ официальной рѣчи, при открытіи одного изъ губернскихъ земскихъ собраній, и означающему служащихъ въ земствѣ по найму (врачей, статистиковъ и т. п.).

Мы узнаемъ изъ нея, напริมѣръ, что хозяйственная часть с.-петербургской пожарной команды находилась съ 1880 по 1900 г. въ вѣдѣніи брандъ-маіора, на основаніи соглашенія съ городскимъ общественнымъ управленіемъ. На содержаніе команды отпускалось городомъ въ распоряженіе градоначальства сначала 442 тыс., а потомъ 480 тыс. рублей. Передержки, въ послѣднее пятилѣтіе, колебавшіяся между 60 и 73 тыс. руб., покрывались изъ доходовъ пожарной команды (отъ кузницъ, депо, оркестра и т. п.). Въ 1900 г. переговоры о возобновленіи соглашенія не привели къ цѣли (требовалась приплата въ 11 тыс. руб., отъ которой городъ отказался), и съ 1-го января 1901 г. хозяйство пожарной команды перешло въ непосредственное вѣдѣніе города, при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ въ кузницѣ (для конки пожарныхъ лошадей прекращенъ былъ практиковавшійся до тѣхъ поръ приѣмъ частныхъ заказовъ, пожарнымъ служителямъ запрещено было работать въ кузницѣ, швальнѣ и депо). Это повлекло за собою для города экстраординарный расходъ въ 22 тыс.—и несмотря на то, первый же годъ городского завѣдыванія пожарной командой далъ экономію около 23 тыс. рублей! При этомъ достигнуто было значительное улучшеніе положенія пожарныхъ служителей: прежде они получали горячую пищу только одинъ разъ въ день, теперь стали получать ее два раза, да сверхъ того чай и хлѣбъ по возвращеніи съ пожаровъ. По справедливому замѣчанію г. Шрейдера, „едва ли нужно болѣе яркое наглядное доказательство того, что бюрократическое веденіе дѣла, обставленное (какъ въ данномъ случаѣ нужно полагать) всѣми обычными формальными гарантіями безкорыстія, несравненно убыточнѣе для населенія, чѣмъ веденіе его самымъ плохимъ изъ городскихъ общественныхъ управленій“. Не менѣе интересна разсказанная въ той же статьѣ исторія постройки новыхъ фильтровъ, оказавшейся, вслѣдствіе вѣщательства администраціи, и менѣе удачною, и болѣе дорогою. Нужно надѣяться, что всѣ эти—и многія другія—указанія на слабыя стороны *управленія* обратятъ на себя столь же серьезное вниманіе, какъ и указанія на дефекты *самоуправленія*. Столь же желательна была бы общая тщательная повѣрка этихъ послѣднихъ указаній, матеріалы для которой собираются теперь, правда, нѣсколько поздно, исполнительными органами с.-петербургской городской думы ¹⁾. Авторъ статьи „О городской реформѣ“, на основаніи

¹⁾ Впрочемъ, двѣ городскія исполнительныя коммиссіи, а именно, по водоснабженію города и санитарная коммиссія, успѣли помѣстить свои объясненія въ газетахъ. По поводу же обвиненій, обращенныхъ ревизіею къ больничной коммиссіи, мы уже отозвались въ послѣдней „Общественной Хроникѣ“ (мартъ, 430—432 стр.); точно также у насъ было указано и на несправедливость упрековъ, сдѣланныхъ ревизіею по адресу городской училищной коммиссіи (мартъ, стр. 369 и слѣд.). Но,

приведенныхъ имъ фактовъ изъ исторіи города за послѣднее время, пришелъ послѣдовательно къ заключенію, „что съ точки зрѣнія интересовъ *городского хозяйства* рациональная организація городского общественнаго управленія совершенно несовмѣстима съ системой административной опеки, которую можно считать вполне обанкротившейся“...

Къ числу отраднѣхъ явленій университетской жизни принадлежить открытіе студенческихъ обществъ, предназначенныхъ для совместной научной работы профессоровъ и студентовъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 12), особенно полезны тѣ изъ нихъ, которыя, приближаясь къ типу научно-литературнаго общества, существовавшаго, въ восьмидесятыхъ годахъ, при с.-петербургскомъ университетѣ, не приурочены къ одной отрасли знаній и доступны для студентовъ всѣхъ университетовъ. Таково, напримѣръ, историко-филологическое общество при московскомъ университетѣ, открытое въ октябрѣ 1902-го года ¹⁾ и къ январю мѣсяцу имѣвшее уже 728 членовъ, въ томъ числѣ 640 студентовъ (280 юристовъ, 170 филологовъ, 108 естествоиспытателей, 41 математикъ, 41 медикъ), почти поровну распределенныхъ между курсами. Общество раздѣляется на девять секцій; во главѣ каждой изъ нихъ стоитъ профессоръ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ общество имѣло тридцать засѣданій, на которыхъ заслушано тридцать восемь сообщеній. Присутствовать въ засѣданіяхъ могутъ, по общему правилу, и студенты, не состоящіе членами общества. Число слушателей колеблется между 20 и 1000, въ зависимости отъ предмета сообщенія; но даже и въ немногочисленныхъ собраніяхъ происходили иногда живыя и продолжительныя пренія. Въ недалекомъ будущемъ общество намѣрено приступить къ изданію своихъ „Трудовъ“, а также журнала (на первое время—въ видѣ сборниковъ, выпускаемыхъ по мѣрѣ накопленія матеріала). Въ первыя книжки „Трудовъ“ войдутъ переводы „Метафизики“ Аристотеля и нѣкоторыхъ сочиненій Канта (подъ ред. проф. Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого), а также „Писемъ темныхъ людей“ (подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова). Въ августѣ нынѣшняго года обществомъ, по инициативѣ его предсѣдателя (кн. С. Н. Трубецкого) и при участіи проф. Д. Н. Анучина, Н. В. Давыдова, А. И. Кирпичникова, В. О. Ключевского, Л. М. Лопатина, А. А. Мануилова, А. В. Никитскаго и

конечно, всего болѣе было бы важно имѣть объясненія отъ городской управы, а ихъ-то именно и недостаетъ.

¹⁾ Первоначальноимъ его зерномъ послужилъ частный студенческій кружокъ, сложившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ руководствомъ П. Г. Виноградова, П. Н. Миллюкова и кн. С. Н. Трубецкого.

В. М. Хвостова, будетъ организована, для 150 его членовъ, поѣзда въ Афины. Какъ велика цѣнность вклада, вносимаго такимъ обществомъ въ университетскую жизнь—это не требуетъ поясненій. Хорошо было бы, еслибы другіе университеты—и прежде всего петербургскій—поскорѣе послѣдовали примѣру, данному ихъ старшимъ собратомъ. Пока можно только отмѣтить симпатичную попытку нѣсколькихъ лицъ создать для нуждающихся петербургскихъ студентовъ трудовую помощь, на первый разъ—въ видѣ гонорара за переводныя и корректорскія работы. Съ этою цѣлью предпринято, подъ редакціей приватъ-доцента А. А. Пилеико, изданіе „Библиотеки общественныхъ знаній“, первый выпускъ которой содержитъ въ себѣ переводъ перваго тома сочиненія Дебидура: „Политическая исторія XIX-го вѣка“¹⁾.

Изъ числа беллетристическихъ произведеній послѣдняго времени не многія возбуждали и въ обществѣ, и въ печати, столько горячихъ споровъ, какъ рассказъ г. Андреева: „Въ туманѣ“²⁾. Предметомъ разногласія служило и служить не столько художественное достоинство, сколько моральная цѣнность рассказа. Рѣшительное осужденіе, высказанное автору, съ этой точки зрѣнія, графиней С. А. Толстой, вызвало столь же рѣшительный отпоръ со стороны его защитниковъ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана масса писемъ pro и contra, представляющая собою цѣлую гамму звуковъ, отъ самыхъ рѣзкихъ до самыхъ мягкихъ, отъ негодующихъ до восторженныхъ. Сюжетъ рассказа, вѣроятно, извѣстенъ читателямъ. Основная его тема взята прямо изъ жизни. Для нашей мужской молодежи, при той обстановкѣ, въ которой она растетъ и приближается къ зрѣлости, наступленіе критическаго возраста знаменуетъ собою, сплошь и рядомъ, начало тяжелаго кризиса, обращающагося иногда въ настоящую драму, омрачающаго будущность юноши, разбивающаго счастье его семьи, имѣющаго не только личное, но и общественное значеніе. Изображеніе этого кризиса—задача заманчивая и для художника, и для моралиста. Чѣмъ оно правдивѣе, тѣмъ лучше: зло слишкомъ жестоко, опасность слишкомъ велика, чтобы можно было ограничиться робкимъ заглядываньемъ за прикрывающую ихъ завѣску. Обязательно только одно: соблюденіе сдержанности, требуемой характеромъ темы. Если нарушеніе ея и не будетъ грѣхомъ противъ нравственности, оно во всякомъ случаѣ уменьшитъ художественную цѣн-

¹⁾ Выписывать эту книгу, съ уплатой при полученіи, можно отъ А. А. Пилеико (Васил. остр., 14 л., д. 33). Она напечатана въ двухъ видахъ: на веленовой бумагѣ (цѣна—5 руб.) и на простой (1 руб. 50 коп.). Чистая прибыль отъ продажи книги предназначается для трудовой помощи нуждающимся студентамъ свб. университета.

²⁾ „Журн. для всѣхъ“, 1902 г., № 12.

ность картины... Еще одно предварительное замѣчаніе. Художникъ, безъ сомнѣнія, воленъ переступать границу, отдѣляющую психологію отъ психіатріи, и брать своихъ героевъ изъ среды кандидатовъ въ домъ умалишенныхъ; но чѣмъ ближе они подходятъ къ фатальному порогу, тѣмъ слабѣе становится ихъ типичность, тѣмъ меньше воплощается въ ихъ лицѣ цѣлая сторона жизни. Мы не знаемъ, что имѣлъ въ виду авторъ разсказа — простое, ли описаніе болѣзни, или протестъ противъ условій, усложняющихъ ея теченіе и увеличивающихъ ея интенсивность; но каково бы ни было его намѣреніе, въ результатъ получилось нѣчто большее, чѣмъ объективное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ трагической судьбѣ Павла Рыбакова, по волѣ или помимо воли автора, слышится предостереженіе, не высказанное прямо, не навязываемое читателямъ, но неотразимо напрашивающееся на мысль. Далеко не безразлично, поэтому, что такое Павелъ — одинъ изъ многихъ, въ чьей душѣ порокъ является только случайнымъ наростомъ, или вырождающійся субъектъ, безнадежно обреченный на гибель. Ходъ разсказа разрѣшаетъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ—и это кажется намъ существенно важной ошибкой.

Превосходно обрисованы г. Андреевымъ сердечныя муки Павла, скорбящаго по утраченной чистотѣ, чувствующаго себя загрязненнымъ и физически, и морально, запутавшимся въ тенета, изъ которыхъ нѣтъ исхода. Жгучимъ страданіемъ являются для него память о лучшихъ минутахъ его жизни, о неугасшемъ, но поправномъ и поруганномъ чувствѣ любви къ Катѣ Реймеръ. Онъ безсиленъ противъ навязчивыхъ представленій, въ борьбѣ съ которыми изнемогаетъ его воля. „Чистые образы прошлаго заколыхались, посѣрѣли и провалились куда-то въ черную яму... Смутные, но уже знакомые и страшные образы поднимались изъ этой ямы, какъ гнилой туманъ надъ ржавымъ болотомъ“. Невыносима Павлу ласка любимой сестры; онъ отталкиваетъ ее съ напускнымъ цинизмомъ. Тотъ же цинизмъ отравляетъ для него представленіе о Катѣ. Съ замѣчательнымъ искусствомъ ведетъ разговоръ Павла съ отцомъ, одинаково мучительный для нихъ обоихъ. Декораціей, какъ нельзя болѣе подходящей къ настроенію дѣйствующихъ лицъ, служитъ петербургскій туманъ, желтый, неподвижный и жуткій. Во всей первой части разсказа нѣтъ ни одной подробности, которою могъ бы возмутиться самый строгій, самый щепетильный судья: ни одной соблазнительной картины, ни одного лишняго штриха, никакого размазыванья и раскапыванья грязи, отъ котораго не всегда умѣлъ оберечься, напримѣръ, Зола. Паденіе Павла намѣчено легкими, тонкими штрихами; едва затронуто все, что слишкомъ реально связано съ его болѣзнью. Нарушаетъ гармонію цѣлага, какъ намъ кажется, только та страница,

которая показываетъ намъ въ Павлѣ зачатки страшнаго душевнаго недуга. Опущенія, вызываемыя въ немъ однимъ видомъ женщины, — однимъ словомъ: „женщина“ — идутъ гораздо дальше обычной формы болѣзненнаго процесса. Быть можетъ, это было нужно автору какъ приготовленіе къ развязкѣ — но безъ психопатологической подкладки Павелъ былъ бы для насъ понятнѣе и ближе. Возможно, конечно, и тотъ видъ заболѣванія, который изображенъ г. Андреевымъ — но возможно только въ сравнительно-рѣдкихъ случаяхъ и, слѣдовательно, несравненно менѣе важенъ и какъ психологическое, и какъ социальное явленіе.

На сколько въ первой части разсказа (до выхода Павла изъ дома) все, за немногими исключеніями, просто, гармонично и значительно, на столько случайно и анти-художественно его окончаніе. Случайно — потому что попадись Павлу другая женщина, не завязавъ между ними безпричинная, дикая драка, не было бы и финальной катастрофы, меньше всего вызванной раньше знакомымъ намъ настроеніемъ Павла; анти-художественно, потому что описаніе драки, превратившейся въ убійство, все проникнуто ложнымъ реализмомъ, ненужными и выѣстъ съ тѣмъ отвратительными деталями. Погоня за эффектомъ не приводитъ къ цѣли: никакого ужаса не внушаетъ эта дверь, которая „безмолвно надувалась, какъ только-что проколотый животъ, дрожала въ безмолвной агоніи, опадала, снова надувалась и опадала съ замирающею дрожью“. Самоубійство Павла произвело бы на насъ несравненно большее впечатлѣніе, еслибы несчастнаго мальчика привело къ этому концу не преступленіе, котораго онъ не хотѣлъ, которое совершилъ почти безсознательно, — а то настроеніе, подъ гнетомъ котораго онъ у себя въ комнатѣ хватался за револьверъ. И въ послѣдней сценѣ, однако, мы не видимъ ничего соблазнительнаго, безстыднаго, безнравственнаго; она оскорбляетъ только эстетическое чувство, возбуждаетъ не негодованіе, а сожалѣніе — сожалѣніе о томъ, что ею испорчено глубоко задуманное и на половину прекрасно исполненное произведеніе. Не въ первый разъ уже мы встрѣчаемъ у г. Андреева нѣчто подобное: анти-художественно, напримѣръ, въ нашихъ глазахъ, окончаніе „Бездны“ — анти-художественно еще въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ окончаніе „Въ туманѣ“. Высоко цѣня дарованіе г. Андреева, мы желали бы, чтобы онъ какъ можно рѣже черпалъ свои сюжеты изъ области психіатріи. Отъ нея далеки всѣ лучшіе его разсказы („Жили-были“, „Большой племя“, „Ангелочекъ“, „Въ подвалѣ“, „Иностранецъ“).

Скончавшійся на дняхъ въ Болѣе (близъ Ниццы) А. В. Сухово-Кобылинъ давно уже пересталъ принадлежать къ дѣятелямъ русской

литературы: послѣдняя, по времени, изъ трехъ пьесъ его („Смерть Тарелкина“) написана въ 1868 г. И тѣмъ не менѣе онъ не забыть, и вѣроятно будетъ забытъ еще нескоро. Его „Свадьба Кречинскаго“, представленная въ первый разъ почти полвѣка тому назадъ, до сихъ поръ держится въ репертуарѣ и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего театра. Не потеряло своего литературнаго значенія и „Дѣло“, успѣху котораго на сценѣ повредила слишкомъ поздняя (по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ) его постановка. Вся трилогія, рассматриваемая какъ одно цѣлое, еще ожидаетъ подробной оцѣнки. Съ общественной точки зрѣнія она любопытна какъ историческій документъ, не менѣе важный, быть можетъ, для характеристики цѣлой эпохи, тѣмъ „Ревизоръ“ Гоголя, „Губернскіе Очерки“ Салтыкова, „Доходное мѣсто“ Островскаго; съ эстетической точки зрѣнія интересенъ быстрый расцвѣтъ и быстрый упадокъ таланта. Мы стараемся возвратиться къ обѣимъ сторонамъ задачи.

Отъ Е. Л. Маркова можно было ожидать еще долгой и плодотворной дѣятельности. Его „Царица Адриатики“, напечатанная въ январьской книжкѣ нашего журнала ¹⁾, отличается тѣмъ же интересомъ содержанія, тѣмъ же блескомъ формы, какъ и прежнія его путевыя записки ²⁾. Покойный писатель пробовалъ свои силы и какъ беллетристъ, и какъ критикъ, и какъ публицистъ, и какъ педагогъ—и всегда съ выдающимся успѣхомъ. Въ молодости, какъ учитель тульской и директоръ симферопольской гимназій, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые старались вдохнуть новую жизнь въ среднюю школу—и не могли примириться съ мертвящей системой гр. Д. А. Толстого; позже онъ занялъ видное мѣсто между земскими дѣятелями и былъ однимъ изъ „свѣдущихъ людей“, приглашенныхъ, въ 1881 г., для обсужденія вопросовъ питейнаго и переселенческаго. Въ послѣдніе годы, управляя въ Воронежѣ отдѣленіями крестьянскаго и дворянскаго банковъ, онъ приобрѣлъ большое вліяніе на мѣстную жизнь, предсѣдательствовалъ въ ученой архивной комиссіи, устроилъ бесплатную рисовальную школу и былъ ея секретаремъ, принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, читалъ

¹⁾ Раньше, начиная съ 1872 г. и до 1903 г., въ „Вѣстникѣ Европы“ былъ, по мѣстѣ цѣлый рядъ путевыхъ впечатлѣній Е. Л. Маркова („Пещерные города Крыма“, 1872, июль и июль; „Европейскій Востокъ“, 1886, мартъ и апрѣль; „Очерки современнаго Пелопоннеса“, 1897, февраль—іюнь; „Славянская Спарта“, 1898, июль—октябрь; „По Швецію“, 1900, мартъ—май), а также беллетристическій очеркъ: „Барчуки“ (1874, сентябрь) и двѣ статьи по педагогическимъ вопросамъ: „Послѣдніе могикане русской педагогіи“ 1875, май) и „Живая душа въ школѣ“ (1900, январь).

²⁾ Наиболѣе извѣстны изъ нихъ „Очерки Крыма“, вышедшіе недавно третьимъ изданіемъ (см. „Библиографическій Листокъ“ въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“).

въ ихъ пользу публичныя лекціи (см. воспоминанія о немъ въ № 9713 „Новаго Времени“). Память о немъ надолго останется живою и въ тѣсныхъ, и въ широкихъ кругахъ русскаго общества.

М. М. Манасеина, одна изъ первыхъ по времени женщинъ-врачей, неутомимо трудилась надъ популяризацией медицинских и естественно-научныхъ свѣдѣній, а въ послѣднее время особенно интересовалась педагогическими вопросами. Въ нашемъ журналѣ она помѣстила статьи: „Мозговое утомленіе и способы опредѣленія его“ (1884, февраль) и „Сонъ, какъ треть жизни человѣка“ (1888, сентябрь—декабрь).

Наше „Внутреннее Обозрѣніе“ было уже отпечатано и хроника сдана въ печать, когда въ газетахъ появился Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 12 марта, слѣдующаго содержанія:

„Въ непрестанныхъ попеченіяхъ о благоденствіи народа Нашего, идя по стопамъ Вѣщеносныхъ Предковъ Нашихъ, не оставляли Мы заботы объ упроченіи быта крестьянства посредствомъ облегченія лежащаго на немъ податного бремени. Въ сихъ видахъ, согласно преподаннымъ Нами указаніямъ, въ 1896 и 1899 гг. былъ разработанъ и утвержденъ рядъ мѣръ къ облегченію сельскимъ обывателямъ уплаты наиболѣе отяготительныхъ для нихъ сборовъ по выкупному долгу, разрѣшеніемъ отсрочки и пересрочки непогашенной части сего долга.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринято было и преобразование въ порядкѣ взиманія съ населенія окладныхъ сборовъ.

„Порядокъ этотъ съ давняго времени основанъ былъ на началѣ круговой отвѣтственности крестьянъ въ уплатѣ повинностей. Но уже Державный Дѣдъ Нашъ, Императоръ Александръ II, приступилъ къ ограниченію этого начала, изъявъ отъ дѣйствія круговой поруки малолюдныя селенія. Исполняя завѣтъ Царя-Освободителя, Мы, въ положеніи 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, вновь значительно сократили дѣйствіе круговой поруки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы тогда же повелѣли министру финансовъ войти въ соображеніе вопроса о совершенной отмѣнѣ круговой отвѣтственности по уплатѣ окладныхъ сборовъ.

„Нынѣ, по представленіи министромъ финансовъ предположеній его по сему предмету и рассмотрѣніи оныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Мы признали за благо, согласно выраженной въ манифестѣ, въ 26 день февраля настоящаго года данномъ, волѣ Нашей, отмѣнить законы, коими устанавливается отвѣтственность исправныхъ крестьянъ за неисправныхъ, и утвердить къ исполненію новыя правила о порядкѣ уплаты каждымъ причитающихся съ него окладныхъ сборовъ.

„Вслѣдствіе сего и въ твердой увѣренности, что даруемыя крестьянамъ новымъ закономъ облегченія послужатъ къ вѣщему укрѣпленію ихъ благосостоянія, повелѣваемъ:

„Въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе Высочайше утвер-

жденное 23 іюня 1899 года положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, отмѣнить круговую поруку крестьянъ въ уплатѣ окладныхъ государственныхъ и земскихъ, а также и мірскихъ сборовъ, на основаніяхъ, въ сей день Нами утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленныхъ.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе“.

Содержаніе Высочайше утвержденного 12-го марта мнѣнія Государственнаго Совѣта будетъ изложено нами въ слѣдующемъ „Внутреннемъ Обзорѣніи“.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытых писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) въ *геліографияхъ* (на *мѣди*): картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытых писемъ. 1-я, 2-я, 3-я и 4-я серія по 20 писемъ вышли;

2) въ *двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлерей по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытых писемъ. 1-я, 2-я, и 3-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытых писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества“.

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступныхъ для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытых писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліографіею и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлерей, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Фонтанка 134; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются бесплатно.

ОПЕЧАТКА:

Въ февральской книгѣ, на стр. 773, строка 14 св., напечатано: *лучи—слѣдуетъ: лун.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

Мартъ. — Апрель. 1903.

Книга третья. — Мартъ.

	СТР.
Дворянство и землевладѣніе.— Θ. Г. ТЕРНЕРА.	5
На развалинахъ.—Романъ.—Часть первая: XIV-XXV.— Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО.	56
Новая книга о Франціи.— Emile Faguet, Le Libéralisme. — В. Д. СПАСО- ВИЧА	150
Изъ соеетовъ Елиз. Броунингъ.— І. Уэникъ. — II. Неудовлетворенность. — III. Слезы. — IV. Непоправимое. — О. МИХАЙЛОВОЙ.	165
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 г.— VI-VII. — А. В. РО- МАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО	168
Ив. А. Гончаровъ въ его произведеніяхъ.— I-XVI. — ЕВГ. А. ЛЯЦКАГО. . . .	215
Иернъ Уль. — Эскизъ по роману Г. Френссена.— XVI-XXV. — Окончаніе.—Съ нѣм. П.—НЫ С—ВОЙ	264
Князь Бисмаркъ въ новомъ освѣщеніи.— Bismarck und seine Welt, v. Klein- Hattingen. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	329
Стихотворенія.—Все было сномъ.— С. Г. ФРУГА.	347
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Труды губернскихъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. — Три обрисовавшіяся до сихъ поръ группы. — Контрастъ между губерніями земскими и не-земскими.—Источники разногласій. — Главные плоды работы. — Вопросъ о правовомъ положеніи крестьянъ. — Увлеченіе словомъ—или вѣрное пониманіе дѣла? — Царицынская го- родская дума.—Поправка	349
Вторая правительственная ревизія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія въ 1902 году. — М. СТ.	363
Иностранное Овозраженіе. — Правительственное сообщеніе по македонскому во- просу. — Турецкія реформы и европейская дипломатія. — Мирная про- грамма балканской политики. — Конецъ венецуэльскаго кризиса. — Поли- тическая дѣла Англіи и Франціи	376
Литературное Овозраженіе. — І. В. Мясотинъ, Изъ исторіи русскаго общества. — Н. Карѣва. — II. Э. Паркеръ, Китай, съ англ. полк. Грулевъ. — Евг. Л. — III. Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. — IV. А. Веселовскій, Этюды и характеристики. — V. Лантлуа, Инквизиція, перев. п. р. Н. Карѣва — Н. Г.—анъ. — VI. Шляпкинъ, И. А., Изъ неиздан- ныхъ бумагъ Пушкина. — VII. Къ столѣтію Комитета министровъ, т. III и IV. — Наша желѣзно-дорожная политика по докл. Ком. министровъ. — А. П. — Новыя книги и брошюры	391
Повести Иностранной Литературы.— I. Ellen Key, Essays. — II. Clara Viebig, Das Weibendorf. — Э. В.	413
Изъ Овещественной Хроники.—Празднованіе дня освобожденія крестьянъ. — Произнесенъ ли смертный приговоръ надъ столичнымъ общественнымъ самоуправленіемъ?—Вѣрность „привычкамъ рабства“.—Рѣшеніе сената и комментарий къ нему въ „Гражданинѣ“.—Обвинительный приговоръ по дѣлу Шафрова. — Юбилей В. А. Гольцева. — А. А. Головачевъ †	428
Извѣщенія. — I. Отъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуж- дающагося населенія. — II. Отъ Императорскаго Женскаго Патріотиче- скаго Общества	442
Библиографическій Листокъ. — Очерки Крыма, Евг. Маркова. — Собраніе со- чиненій А. Д. Градовскаго, т. VIII. — Сборникъ законовъ объ устрой- ствѣ крестьянъ и поселянъ внутр. губ. Россіи, состав. Г. Савичъ. — Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, П. Маслова.	
Овъявленія.— I-IV; I-XII стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. — Очеркъ. — I-V. — А. М. БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА.	445
На развалинахъ. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: I-VIII. — Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО.	483
Моя жизнь и академическая дѣятельность. — 1832-1884 гг. — Воспоминанія и замѣтки. — VIII-IX. — А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВЯТИНСКАГО.	527
Ив. А. Гончаровъ въ его произведеніяхъ. — XVII-XXV. — Окончаніе. — ЕВГ. А. ЛЯЦКАГО.	567
Уроженецъ Виргиніи. — Романъ. — The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. — I-XII. — Съ англ. П. — НН С — ВОЙ.	605
Турція и Македонія. — Историческій очеркъ. — I-V. — Х. Г. ИНСАРОВА.	666
Злобастыиъ. — Разсказъ. — ВАС. БРУСЯНИНА.	700
Стихотворенія. — Весеннія мелодіи. — I-II. — В. П. МАРКОВА.	737
Хроника. — Нужды сельско-хозяйственной промышленности. — Письмо въ Редакцію. — КН. Д. В. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО.	759
Внутреннее Овозрѣніе. — Высочайшій манифестъ 26 февраля. — Различныя взгляды на вѣротерпимость. — Вопросъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія. — „Высшая мѣстная власть“. — Приходъ и мелкая земская единица. — Губернскіе сельско-хозяйственные комитеты. — Предполагаемый образовательный цензъ для гласныхъ г. Петербурга.	756
Соціальный романъ г. Сергея Шарапова. — „Черезъ поляна“, ч. I. — Л. СЮНИМСКАГО.	774
Иностранное Овозрѣніе. — Нѣмецкіе парламенты и ихъ особенности. — Политическія рѣчи графа Бюлова. — Польскій вопросъ въ прусской палатѣ депутатовъ. — Австрійскія дѣла и чешскій кризисъ. — Смерть Ригера: его жизнь и дѣятельность.	790
Петко Каравеловъ и его мѣсто въ исторіи Болгаріи. — Письмо изъ Софіи. — И. К. Литературное Овозрѣніе. — I. Овсяннико-Куликовскій, Вопросы психологіи творчества. — II. Памяти Л. Н. Майкова, п. р. В. Сантова. — III. Е. Воронцовъ, Итоги полемики по поводу проповѣди о Г. Петрова, и Отвѣтъ на анонимную брошюру. — ЕВГ. Л. — IV. Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла. — V. — Вятское земство среди другихъ земствъ, П. Голубева, и Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству, 1899—901 г., п. р. В. Бирюковича. — В. В. — VI. Историческій обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщенія. 1801—1902 гг. — VII. Юрьевскій университетъ за сто лѣтъ. — А. И. — VIII. Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова. — IX. В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права. — X. Д. Н. Жбанковъ, О врачахъ. — М. Г-анъ. — Новыя книги и брошюры.	815
Замѣтка. — По поводу пьесы М. Горькаго: „На дѣтѣ“. — ЕВГ. ЛЯЦКАГО.	857
Повести Иностранной Литературы. — I. R. Kipling, Just so stories. — П. Н. Bordeaux, Les écrivains et les mœurs. — З. В.	869
Петербургская городская избирательная реформа. — ДМ. ДМ. СЕМЕНОВА.	884
Изъ Овощественной Хроники. — „Агонія либерализма“. — Сельско-хозяйственные комитеты. — Внутренняя рознь въ средѣ „націоналистовъ“. — Намекы, возведенныя въ систему. — „Самоуправленіе“ и „управленіе“. — Студенческія общества въ Москвѣ. — Вопросъ о нравственности въ искусствѣ. — А. В. Сухова-Кобылинъ, Евг. Л. Марковъ и М. М. Манасеина †. — Именной Высочайшій указъ 12-го марта.	896
Извѣщенія. — Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.	910
Библиографическій Листокъ. — Великій князь Николай Михайловичъ. Графъ П. А. Строгановъ, 1774-1817 гг. — Бузескулъ, В., проф.: Введеніе въ исторію Греціи. — Григ. Де-Волланъ, Въ странѣ восходящаго солнца. Родъ Юреневыхъ, генеалог. роспись съ XIV-го по XX-ое столѣтіе.	
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Великий князь Николай Михайловичъ. — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774-1817 г.г.). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. I. Сиб. 903.

Настоящимъ томою открывается предпринятое новое исследование эпохи императора Александра I; за первыми томами должны послѣдовать, въ текущемъ году, еще такіе же два тома. Имъ гр. П. А. Строганова связано тѣсно съ такою называемою „эпохою реформъ“, которую открыло царствование имп. Александра I (1801—1808 гг.), когда молодой (26 лѣтъ) Строгановъ, вмѣстѣ съ Новосильцевымъ, Чарторискимъ и Кочубеемъ, былъ ближайшимъ совѣтникомъ императора. Въ жизни самого Строганова эта эпоха составляетъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ; ей и посвящена особая, третья глава. Въ двухъ первыхъ предшествующихъ главахъ описывается жизнь его родителей, воспитаніе молодого графа и любовная исторія его воспитателя Жильбера Ромка — впоследствии играющая важную роль при началѣ революціи 1789 года, ревностнаго монархиста. Послѣднія двѣ главы посвящены дипломатической дѣятельности Строганова, при лондонскомъ дворѣ, и его военной карьерѣ, во время войны съ Наполеономъ. Въ настоящемъ трудѣ обращать на себя особенное вниманіе, между прочимъ, то обстоятельство, что всѣ записки, бумаги и письма, относящіеся къ „эпохѣ реформъ“, — „освѣтившей, но счастливому выраженію исследования, на короткое время Россію, въ формѣ свиставшагося съ небесъ метеора“, — издаются нинѣ впервые полностью и помѣщены въ приложеніяхъ. Отчетъ о засѣданіяхъ „секретнаго Комитета“, членомъ котораго состоялъ и гр. П. А. Строгановъ, — изданный, въ исторіи царствованія Александра I, составленной Богдановичемъ, въ русскомъ переводѣ, съ большими пропусками, — здѣсь помѣщается на французскомъ, согласно подлиннику. Ограничивался пока однимъ указаніемъ на помѣщеніе въ печати этого въ высшей степени интереснаго труда, мы еще будемъ имѣть случай познакомить читателей болѣе подробно съ его богатымъ содержаніемъ.

Бузескулъ, В., проф. — Введеніе въ исторію Греціи. Лейпц. Харьковъ, 903. Ц. 3 р.

Университетскія лекціи послужили автору только основой для настоящаго изданія, гдѣ онъ является значительно дополненнымъ и тщательно переработаннымъ. Содержаніе введенія въ исторію древней Греціи составляетъ весьма подробный обзоръ громаднаго матеріала, который располагаетъ современная наука для своихъ исследованийъ, а съ другой стороны, подводитъ итогъ тому, что сдѣлалъ минушій вѣкъ для разработки исторіи греческой цивилизаціи. Въ своемъ заключеніи, авторъ весьма справедливо замѣчаетъ, что „въ обществѣ весьма распространено мнѣніе, будто въ древней исторіи Греціи все уже изучено до послѣднихъ подробностей; все здѣсь давно уже извѣстно, и исследователи, работающему въ этой области, ничего не остается, какъ повторять жадно, старое, забытое. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Небороты, ни въ одной, быть можетъ, сферѣ историческаго знанія не встрѣчается въ

настоящее время такого оживленія, не совершается такого быстрого движенія, не дѣлается такихъ открытій, какъ въ греческой исторіи“... Но это движеніе — совершенно новое; оно началось только въ 70-хъ годахъ прошедшаго XIX-го вѣка; отличительный характеръ его состоитъ въ томъ, что до тѣхъ поръ исторія древней Греціи изучалась почти единственно на основаніи древнихъ авторовъ, а теперь она уступила первое мѣсто открывающимся надписямъ и папирусамъ, такъ что исторія древней Греціи, какъ замѣчаютъ авторы, является впервые „документальною“. Все это заставляетъ пожелать, чтобы авторы не ограничились введеніемъ въ исторію Греціи, и приступилъ бы къ изложенію самой исторіи, внеся въ нее результаты ея исследования по новѣйшимъ матеріаламъ.

Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи Грег. Де-Воллана. Сиб. 903.

Авторы предупреждаютъ читателя о томъ, что въ его настоящій трудъ вошли многіе изъ очерковъ, помѣщенныхъ имъ въ періодическихъ изданіяхъ около десяти лѣтъ тому назадъ, въ началѣ девятидесятыхъ годовъ предыдущаго вѣка, когда онъ былъ въ Японіи и прожилъ тамъ около шести лѣтъ. Авторы признаютъ, что и въ это короткое время многое очень измѣнилось въ Японіи, „выступившей, по его словамъ, на мировое поприще въ роли великой державы“ — и тѣмъ не менѣе онъ почти ничего не измѣнилъ въ своихъ очеркахъ. Этими только можно объяснить то заключеніе, въ которому авторъ приходитъ въ своей характеристикѣ японской національности, и ту оцѣнку громаднаго переворота, который совершился въ историческихъ судьбахъ Японіи, можно сказать, на нашихъ глазахъ, на глазахъ одного поколѣнія. Повидимому, авторы никакъ не могли упустить освободиться отъ тѣхъ взглядовъ на Японію и японцевъ, какіе, господствовали у насъ еще какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, и потому объясняетъ легкость переворота для японцевъ тѣмъ, что они были „способны воспринять съ внешней стороны начала европейской цивилизаціи“. Правда, авторъ дѣлаетъ оговорку, а именно, что заимствованія японцами у иностранцевъ хотя и дѣлаются съ извѣстной стороны, но не остаются только наружными, „потому что они не ограничиваются самой духовной сути японскаго народа“. Но въ этомъ-то и вся сила японцевъ, что у нихъ была „духовная суть“.

Родъ Юренивыхъ. Генеалогическая роспись съ XIV по XX столѣтіе. Составилъ Г. Н. и Н. А. Юренихъ. Сиб. 903. Стр. 454, Ц. 4 р.

Такой систематическій сборникъ биогреческихъ свѣдѣній изъ исторіи одной семьи на протяжении пяти вѣковъ имѣетъ прежде всего значеніе для современнаго потомства этой семьи, но, независимо отъ того, онъ представляется и общій интересъ, такъ какъ заключаетъ въ себя массу бытовыхъ подробностей, весьма характерныхъ для различныхъ эпохъ, въ которыя онъ относится, и знакомящихъ съ матеріальною обстановкою и условіями жизни „маленькихъ“ семей въ различные періоды нашей исторіи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,
выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Первое	Второе	Первое	Второе	Третье	Четвертое
Възъ доставленъ въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границу, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вместо разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по разсрочкѣ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, получаютъ обычную уступку.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., б. д., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Рикера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Барбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петербургскихъ книжкахъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. П. Я. Оглобина, Брестскій, 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ НАРШАТѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Барбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать въ себѣ имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ лѣтнимъ обозначеніемъ иному почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *должна* быть вылата журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителинѣ подписчика. — 2) *Прожитіи* адреса должна быть извѣстна Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при томъ городскіе подписчики, переходя изъ одного города, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя изъ одного въ другой, — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправильность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ империальномъ или частномъ издательствѣ, въ согласіе съ постановленіемъ Почтоваго Департамента, но иначе какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Доставка* на полученіе журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. И. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 8-й, 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.

